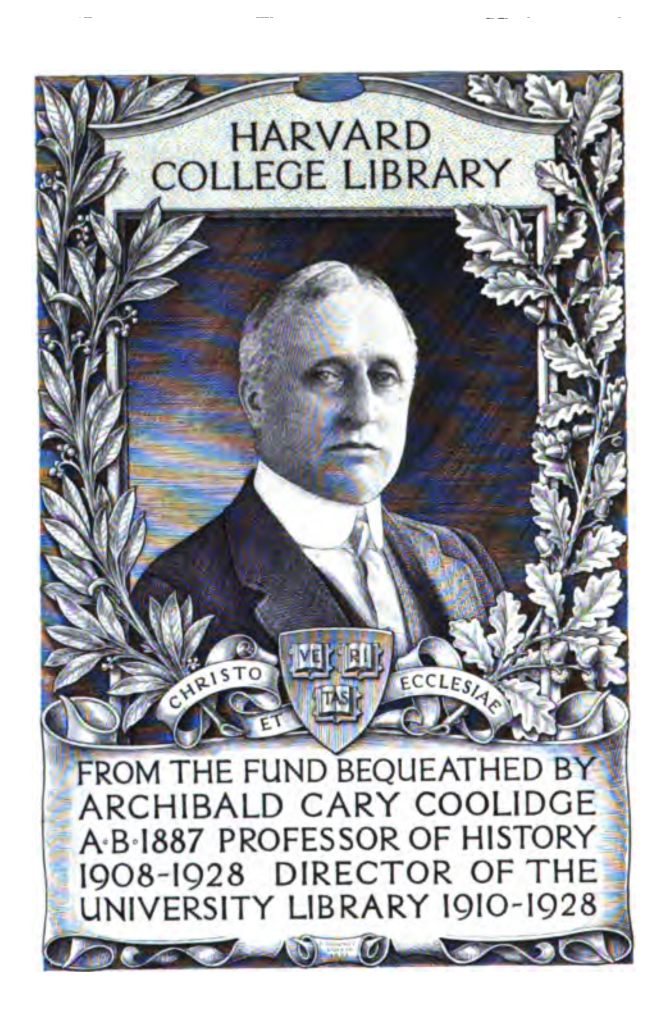

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1904.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

УПРАЗДНИТЕЛИ.

Комедія въ 4-хъ актахъ.

ЛИЦА:

Зѣватовъ.
Анна Неуталова.
Графъ Перемышевъ.
Дрыгинъ.
Каркудиновъ—молочный братъ Анны.
Мэри Бабашина.
Бабашинъ—мужъ ея.
Родіонцевъ } —родители Мэри.
Родіонцева }
Солодовъ.
Пустоселовъ }
Присягинъ } —пріятели Зѣватова.
Чуркинъ }
Максинъ }
Варя Сурокъ.
Д-ръ Штатный.
Воронухина—женщина-врачъ.
Полицейскій.
Прислуга.

Дѣйствіе: первый актъ—въ губернскомъ городѣ; второй—въ Москвѣ, въ
и ...ировкѣ; третій — тамъ же, въ отелѣ; четвертый — въ подгородной
у ...дьбѣ Анны.

Между 3-мъ и 4-мъ актами проходитъ болѣе полугода.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Гостиная въ барскомъ домѣ, очень запущенная; рояль. Рядомъ, въ столовой, приготовленъ дообѣденный чай. Медленно смеркается, потомъ освѣщеніе лампами. Справа проходная комната въ переднюю. Прямо арка.

I.

Зѣватовъ и Мэри Бабашина.

Мэри *(входитъ первая, слѣва, на ходу снимаетъ съ себя боа)*.—Уфъ! Насилу вырвались изъ этой говорильни! Вы, Модестъ, кажется, усердно занимались наблюденіями надъ здѣшнимъ Гамбеттой и нашей кузиной? *(Останавливается передъ Зѣватовымъ.)* Скажите, вѣдь вы съ нею въ такомъ же точно родствѣ, какъ и мы съ вами?

Зѣватовъ.—Да.

Мэри.—Троюродные?

Зѣватовъ.—Кажется.

Мэри.—Троюродные! Какое уродливое слово и тяжеловѣсное. Но зато можно жениться.

Зѣватовъ.—Кому на комъ? *(Садится.)*

Мэри.—А хотя бы вамъ на вашей дальней родственницѣ. *(Смотритъ на него.)* Жаль, что графъ Валерій Петровичъ врядъ ли что оставитъ ей изъ своихъ богатствъ. Онъ ей не родной дядя, а всего только grand oncle. У него есть прямые наслѣдники—два племянника. Какой скаредъ! Онъ и сюда пустилъ ее не даромъ, хоть всего на одинъ мѣсяцъ. Какъ будто оказалъ гостепріимство и отвелъ цѣлый этажъ, а самъ остановился въ мезонинѣ; но я знаю, что она его постоялица—совсѣмъ не даромъ.

Зѣватовъ.—Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите, Мэри?

Мэри *(послѣ паузы)*.—По моему, очень кстати. *(Присаживается.)* Вѣдь на васъ накинута петля! Вы продаете послѣдній вашъ лѣсъ.

Зѣватовъ.—Это—безвкусный фактъ.

Мэри.—Ну, полноте! Зачѣмъ все играть роль? Постоянно рисоваться, изображать изъ себя...

Зѣватовъ *(останавливая ее)*.—Я знаю, что вы скажете. У васъ на губахъ нынѣшнее опошленное словцо! Ничѣмъ я не рисуюсь, Мэри. Я просто *живу*, какъ мнѣ нравится, дѣлаю то же, что и всѣ вы, только откровенно и смѣло.

Мэри.—Прекрасно! Но вы продаете «подъ обухъ», какъ здѣсь говорятъ. И мой отецъ васъ прижметъ. Вамъ деньги—до зарѣзу, а у него только и есть всегда наличныя.

Звватовъ.—Погляжу я, вы, Мэри, въ папеньку; да и въ маменьку также.

Мэри.—Вы, Модестъ, язвите, вмѣсто того, чтобы...

Звватовъ.—Растрогаться вашимъ состраданіемъ?

Мэри *(встаетъ и начинаетъ ходить)*.—Это и зло, и весьма не корректно! Вашего тона я не понимаю, Модестъ. Я васъ просто не узнаю. Вотъ что значитъ закиснуть въ Россіи! Ну, а ваша другая троюродная сестра, развѣ она не предложила вамъ широкой поддержки? Вѣдь она—весьма состоятельная особа!

Звватовъ *(встаетъ)*.— Вотъ уже второй разъ вы задѣваете Анну—и заочно, что тоже не совсѣмъ корректно. Желаете знать? Да, она предложила мнѣ одну комбинацію.

Мэри.—И вы отвергли?

Звватовъ.—И я отвергъ.

Мэри.—Чтобы сохранить въ ея глазахъ высшій престижъ; тѣмъ болѣе, что мы прекрасно чувствуемъ, какое она до сихъ поръ питаетъ къ вамъ влеченіе... врядъ ли только родственное. Ха-ха! Впрочемъ, это — ваше дѣло! А мое дѣло было: предложить вамъ другого покупщика, болѣе для васъ выгоднаго—моего мужа.

Звватовъ.—Зачѣмъ ему мой лѣсъ?

Мэри.—Это для васъ безразлично.

Звватовъ.—Merci!

Мэри.—Вы и этого не хотите принять отъ меня?

Звватовъ.—*Принять?* Ничего! Ни отъ васъ, ни отъ какой другой женщины, хотя бы и самой близкой родственницы.

Мэри.—И *это*—не рисовка? Отчего же вы не пользуетесь моментомъ? Лучшей минуты не дождетесь. Она теперь—à point. Натянете слишкомъ струну — вѣдь она гордячка. Она ведетъ игру и съ здѣшнимъ Гамбеттой. Вы видѣли, какъ Солодовъ пускалъ сейчасъ фейерверкъ своего земскаго краснорѣчія—прямо для нея? Какъ павлинъ распустилъ хвостъ. И все взглядываетъ на хоры, на нее и на васъ.

Звватовъ.—Пускай ихъ сочетаются законнымъ бракомъ. Я мѣшать не буду.

Мэри.—Смотрите! Не перетоните!

Звватовъ *(не отвѣчая, переходитъ, садится къ піанино и начинаетъ наигрывать)*.

Мэри *(подходитъ, другимъ тономъ)*.—Что это? Дуэтъ изъ «Далилы»? Модестъ! Вы нарочно?

Звватовъ.—Нѣтъ! Такъ, вспомнилось. *(Продолжаетъ играть.)*

Мэри.—Да! Неужели этому всего годъ?

Зѣватовъ.—Не больше.

Мэри.—Какая тогда была ночь! Мы скрылись на террасу, послѣ спектакля въ казино. Я была въ чаду, какъ очарованная.

Зѣватовъ *(беретъ страстной нотой)*.—

«Réponds à ma tendresse,
Ah! Verse-moi l'ivresse!...»

(Хочетъ привлечь ее.)

Мэри *(оглядываясь на дверь)*.—Кто-то идетъ! *(Ускользаетъ.)*

Зѣватовъ.—Ха-ха-ха! Какъ по-писанному! *(Встаетъ.)*

Мэри.—Что такое?

Зѣватовъ.—Проектъ сцены. *(Отходитъ и садится опять на диванъ.)*

Мэри.—Какъ это на васъ похоже, Модестъ.

Зѣватовъ.—Скажите, развѣ это, въ сокращенномъ видѣ, не повтореніе того, что было тогда, въ Монте-Карло, на террассѣ, въ первомъ часу ночи? Вы говорите, что были въ чаду? Но только до извѣстной зарубки.

Мэри *(подходя къ нему)*.—Вы требовали чего-то безумнаго!

Зѣватовъ.—Скрыться не изъ казино на террасу, пока мужъ вашъ ждетъ насъ въ кафе, а сейчасъ же сѣсть въ поѣздъ. Итальянская граница, Неаполь, Палермо, Каиръ, Индія... Куда только влечетъ порывъ страсти, забывая все, схватить мгновенье, какого уже не повторилось бы въ жизни, ни въ вашей, ни въ моей.

Мэри.—Да! Моментъ! А черезъ мѣсяцъ все бы въ васъ самихъ разлетѣлось.

Зѣватовъ.—Я не клялся въ вѣчной страсти. Я ничего не обѣщалъ. Ни одной секунды!

Мэри.—И я должна была бросить...

Зѣватовъ.—Что? Милліонщика-мужа, за котораго вы вышли безъ любви, только чтобы быть *immensément riche*, промѣняли свою дворянскую корону на ежегодный доходъ чуть не въ милліонъ рублей, и роль повелительницы ихъ степенства,—правда, археолога и нумизмата! Шутка! Перебиваетъ цѣлыя коллекціи у самого британскаго музея! *(Мѣняетъ тонъ.)* Вы вѣдь увѣрены, Мэри, что побили рекордъ высшаго умѣнья жить, а вы вся—простите!—раба самаго банальнаго виверства, неспособны ни на какой порывъ, ни на какой рискъ! Кто же изъ насъ двоихъ—спрошу я—носитъ личину, я или вы? *(Опять мѣняетъ тонъ.)* А, впрочемъ... chère cousine... все это—лишнее, что сейчасъ вышло между нами. Но—согласитесь—не я зачинщикъ? Объ одномъ только прошу васъ: не воображайте, что

вы неизмѣримо оригинальнѣе и сильнѣе вашего супруга. Онъ у васъ въ подчиненіи, пока влюбленъ въ васъ; но и теперь онъ *самъ по себѣ* и по-своему совсѣмъ не банальный типъ. Все отдастъ—черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, и васъ самихъ—за предметъ своей мозговой страсти собирателя, за какой-нибудь рѣдкостный экземпляръ! *(Закуриваетъ.)* Только между коммерсантами и есть теперь такіе субъекты.

Мэри.—Вы, я вижу, въ новой роли! Проповѣдника? Прежде вы были интереснѣе, Модестъ! Въ васъ была поэзія. Вы искренно увлекались...

Звѣватовъ.—Чѣмъ? Женщиной? Вы слышите, я говорю собирательно: «женщиной», а не «женщинами». Хотите правду? Всегда я ставилъ выше любовныхъ настроеній то особое сладострастіе риска...

Мэри.—Карты? Рулетка! Стоитъ только пройтись по заламъ, въ Монте-Карло, гдѣ мы съ вами встрѣтились, кого тамъ только нѣтъ?

Звѣватовъ.—Что-жъ изъ этого! Такихъ ощущеній никто и ничто не дастъ. Только въ борьбѣ съ удачей—настоящее отрицаніе всего остальнаго въ жизни!

Мэри.—А когда отъ продажи лѣса моему отцу ничего не останется, на что вы будете предаваться вашему сладострастію, какъ вы выражаетесь? Пулю въ високъ? Согласитесь, что банальнѣе ничего нельзя придумать. Нынче этимъ никого не удивишь.

Звѣватовъ.—Это только вы думате застраховать себя отъ всего. Кто знаетъ! *(Мечтательно.)* Можетъ быть, въ самой мрачной нуждѣ есть нѣчто неиспытанное и единственное въ своемъ родѣ!

Мэри.—Игра въ босячество? Что-жъ! Дѣлайте опыты.

Звѣватовъ.—Зачѣмъ? умысла не должно быть ни въ чемъ! Это было бы вродѣ скучнѣйшей програмной музыки. *(Мѣняетъ тонъ, точно кого-то передразниваетъ.)* «Моя жизнь должна быть осуществленіемъ высшей идеи»! Это мы предоставимъ такимъ первымъ сюжетамъ, какъ господинъ Солодовъ.

Мэри.—А! Видите, вы его не выносите. Почему?

Звѣватовъ.—Онъ невыносимъ для меня потому, что дѣлаетъ все *въ серьезъ,* даже когда держится умышленно-шутливаго тона. А я говорю: никакого серьеза въ нашей жизни нѣтъ. Женщины этого не понимаютъ. Для нихъ *все*—дѣло первой важности, отъ перьевъ до шпилекъ и кружевъ включительно. А для того, кто поднялся, хоть чуточку, надъ всеобщей пошлостью и фальшью, *все*—сутолока, мираж, глупый самообманъ, все—ничтожество! Цѣнно одно—настроеніе. Стоитъ жить только для момента! И ни для чего больше!

II.

Тѣ же, Анна Неуталова и Каркудиновъ *(входятъ изъ проходной комнаты)*.

Анна.—А! Вы скрылись до конца?

Мэри.—Мы еще видѣли тріумфъ твоего Солодова.

Анна.—Почему же *моего,* Мэри? *(Указываетъ имъ обоимъ на Каркудинова.)* Каркудиновъ.

Зѣватовъ.—Мы давно знакомы.

Каркудиновъ.—Могли и не узнать меня.

Зѣватовъ *(тише)*. Анна! Это, если не ошибаюсь, вашъ молочный братъ?

Анна.—Да.

Каркудиновъ.—Родство—чисто-діэтетическое. *(Отходитъ.)*

Мэри.—Annette! Я хочу чаю.

Анна.—Сейчасъ я распоряжусь.

Мэри *(оглядывается на дверь въ столовую)*.—Да тамъ, кажется, все ужъ приготовлено? Я налью себѣ. Модестъ! Идемте, вы мнѣ поможете.

(Мери и Зѣватовъ уходятъ.)

III.

Анна и Каркудиновъ.

Анна *(смотритъ имъ вслѣдъ)*.

Каркудиновъ.—Вы, сестричка, поторопились маленько объявить, что я—сынъ вашей кормилки.

Анна.—Что-жъ тутъ такого? *(Мѣняетъ тонъ.)* И зачѣмъ это «вы», Макарій? Мы очень давно не видались; но я привыкла считать тебя роднымъ.

Каркудиновъ. — Благодаримъ покорно, но такъ лучше будетъ: что было, то прошло.

Анна.—Какъ знаешь.

Каркудиновъ.—Какое же у насъ родство? Молочное! Моя мать кормила насъ обоихъ *(съ удареніемъ)* мужичкой. Я могъ бы такимъ же манеромъ попасть въ братья и къ принцессѣ крови.

Анна *(сдерживаясь)*.—Ахъ, Макарій! Все то же сидитъ въ тебѣ до сихъ поръ.

Каркудиновъ.—Горбатаго, видно, одна могилка исправитъ.

Анна.—Къ чему же гнушаться своего происхожденія?

Каркудиновъ.—По этой части не грѣшенъ... извините!

Анна.—Однако, ты все также зло и презрительно относишься къ деревнѣ, къ мужику?

Каркудиновъ (*смотритъ на нее*).—Это что же? Исповѣдь? Такъ, по первому абцугу?

Анна (*подходитъ и беретъ его за руку, очень искренно*).—Нѣтъ, Макарій! Я такъ обрадовалась, когда увидала тебя на хорахъ, въ собраніи. Развѣ ты здѣсь давно? И даже не захотѣлъ зайти ко мнѣ...

Каркудиновъ.—Я только что ввалился сюда.

Анна.—Откуда? Вѣдь ты былъ... (*Смотритъ на него вопросительно.*)

Каркудиновъ.—Въ мѣстахъ довольно отдаленныхъ. И это уже позади.

Анна.—Пріѣхалъ сюда на житье?

Каркудиновъ.—Хотѣлъ и у васъ побывать—въ усадьбѣ. Не зналъ, что вы изволите здѣсь домомъ проживать. Ужели только затѣмъ переѣхали въ городъ, чтобы на земскія собранія, на выборы попасть? (*Они оба садятся.*) Или краснорѣчіе того... вашего друга дѣтства, моего товарища по гимназіи, великолѣпнаго Нила Солодова, васъ привлекло? Ась? (*Подмигиваетъ.*)

Анна.—Ты и его отрицаешь?

Каркудиновъ.—Первый теноръ! Что и говорить!... Благородство чувствъ... И жестъ—чего стòитъ? Цвѣтъ и краса мѣстной обывательской интеллигенціи!

Анна.—Полно! Это все—прежній твой тонъ, Макарій. Право, онъ устарѣлъ. Неужели тебѣ не надоѣло: изображать изъ себя русскаго... autlaw. Теперь по-русски это иначе называется.

Каркудиновъ.—Клички никакой не желаю носить! Одно знаю: прежде я черезчуръ на проломъ шелъ. А теперь—поумнѣлъ. Хочу и я брать процентъ съ того, чему научился.

Анна.—Значитъ, не громишь уже, какъ когда-то, интеллигенцію за то только, что она—не вся разночинская? (*Оглядывается на дверь въ столовую.*) Модестъ! Мэри! Вы развѣ останетесь? (*Каркудинову.*) Пойдемъ туда, къ чайному столу.

Каркудиновъ (*вполголоса*). —Мы что-то волнуемся. Троюродный-то братецъ насъ, должно быть, попрежнему безпокоитъ?

Анна.—А это не исповѣдь?

Каркудиновъ.—Нѣтъ! Я такъ, между прочимъ... Выходитъ стало (*съ жестомъ*):

«Предъ испанкой молодою
Двое рыцарей...

...динъ другого махровѣе, въ разныхъ вкусахъ?

Анна (*шутливо*).—По этой части позволяю тебѣ язвить меня сколько угодно.

Каркудиновъ.—Ой-ли?

Анна.—Я, знаешь какъ у насъ на селѣ: когда дѣвица сѣла на базарѣ торговать, значитъ она—на положеніи Христовой невѣсты... Такъ немножко и я.

Каркудиновъ.—Для такой дѣвицы, какъ вы, сестричка, это, пожалуй, логично.

IV.

Тѣ же и Мэри.

Мэри (*въ дверяхъ*).—Ты меня зовешь?

Анна.—А Модестъ тамъ остался?

Мэри (*колко*).—Онъ мнѣ не нуженъ. Расположился пить чай. Я уже выпила чашку. Мнѣ—довольно.

Каркудиновъ.—Позвольте, я приведу Модеста Николаича.

(*Уходитъ въ столовую*).

V.

Анна и Мэри.

Мэри.—И этотъ твой frère de lait состоитъ при тебѣ?

Анна.—Въ какомъ смыслѣ?

Мэри.—Знаешь, Annette, я не думала, что ты такая...

Анна.—Ха-ха! Какая? Скажи!

Мэри.—Une fausse prude.

Анна.—Почему же такъ?

Мэри.—Я до сихъ поръ думала, что быть феминисткой...

Анна (*останавливаетъ ее жестомъ*).—Это ты меня такъ величаешь?

Мэри.—А кто же ты?

Анна.—Землевладѣлица, Анна Неуталова.

Мэри.—Позволь! Ты эмансипированная, передовая, остаешься дѣвушкой... Правда, не одѣваешься по-мужски.

Анна.—Ха-ха! Въ деревнѣ хожу въ сапогахъ или въ высокихъ валенкахъ.

Мэри.—Дай мнѣ кончить! Скажу еще разъ: быть феминисткой очень и очень выгодно. Это не то, что быть замужней женщиной!

Анна.—Даже такой maîtresse-femme, какъ ты?

Мэри.—И весьма! Никакого контроля! Флёртируй сколько угодно! У тебя теперь—цѣлыхъ трое. Даже вотъ этотъ молочный братъ.

И онъ всетаки мужчина. Pour varier! Въ разныхъ жанрахъ! Разночинецъ, земскій ораторъ и кузенъ, къ которому мы, въ сущности, все также неравнодушны, хотя и скрываемъ это.

Анна.—Ахъ, Мэри!

Мэри.—Ну, къ чему хитрить, Annette? Тебѣ кого же бояться? Ты сама себѣ госпожа. По твоимъ взглядамъ, никакихъ формальностей не надо. Законный бракъ: это хорошо для насъ. Ты—выше всего этого! Да и кузенъ нашъ такихъ же взглядовъ. Онъ хочетъ быть во всемъ и всегда свободенъ, какъ воздухъ. Но въ его теперешнемъ положеніи, конечно, было бы очень недурно: жениться на богатенькой; а ты вѣдь богатенькая.

Анна.—Можешь еще понизить оцѣнку моихъ средствъ съ высотъ милліоновъ твоего мужа.

Мэри.—Пикироваться намъ нечего! Ты ядовита, когда этого захочешь. *(Мѣняетъ тонъ.)* Но если у тебя есть какая-нибудь серьезная симпатія или жалость къ Модесту, ты должна была бы поддержать его. Онъ продаетъ послѣдній свой лѣсъ моему отцу, разумѣется, за безцѣнокъ. И черезъ годъ онъ—босякъ! Я предлагала ему другую комбинацію...

Анна *(съ живостью)*.—И что же онъ?

Мэри.—Успокойся! Отвергъ. Женщинѣ ничѣмъ одолжаться—не желаетъ. А это что же? Избитая мужская щепетильность!...

Анна *(съ замѣтнымъ волненіемъ)*. — Насильно нельзя никого спасать!

Мэри.—Возьми его въ руки. Ты вѣдь считаешься дѣвушкой съ мужскимъ характеромъ. *(Встаетъ и отходитъ.)* А впрочемъ, я то же скажу: насильно нельзя спасать, но будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы, по крайней мѣрѣ, произвела сама себѣ экзаменъ: какое у меня чувство къ человѣку, способна ли я сдѣлать для него что-нибудь крупное или нѣтъ?

Анна.—Ты могла бы это продѣлать и съ собою. *(Послѣ паузы.)* Модестъ на очень скользкомъ пути. Но помочь ему нельзя только тѣмъ, что накинешь ему лишнихъ пять-десять рублей на каждую десятину лѣса.

VI.

Тѣ же и графъ Перемышевъ.

Графъ *(въ дверяхъ)*.—Анна! Ты здѣсь? Кто мнѣ дастъ чашку ча[illegible] У меня разболѣлась голова въ курятникѣ, на хорахъ собранья, ко[illegible]че того и гляди, рухнуть. Я бы не сталъ жалѣть!

Мэри.—Что это вы какой жестокій, графъ? Я вамъ принесу чаю.

Графъ.—Благодарствуйте. *(Садится).*

Мэри.—Какъ? Очень сладко или только два куска на стаканъ?

Графъ.—Стакановъ я не признаю.

Мэри.—Съ лимономъ или со сливками?

Графъ—Безъ всего.

(Мэри уходитъ).

VII.

Графъ и Анна.

Графъ *(пожимается).*—Ты плохо топишь, Анна. И какъ здѣсь темно.

Анна.—Я сейчасъ позвоню. *(Звонитъ. Показывается лакей.)* Зажгите лампу. *(Лакей зажигаетъ и уходитъ.)* Вашъ домъ, дѣдушка.

Графъ.—Ну, матушка, извини, я его не стану ремонтировать. Какой есть!

Анна.—Вы что же хотите съ домомъ дѣлать?

Графъ.—Поскорѣе спустить его съ рукъ, какъ и все остальное.

Анна.—Даже и великолѣпные ваши лѣса?

Графъ.—Подожду цѣнъ годъ-другой, и продамъ то, что не разворуютъ. Не оставлю ни одного бревна моимъ шелопаямъ-племянникамъ.

Анна.—Продайте мнѣ вотъ этотъ домъ.

Графъ.—Зачѣмъ тебѣ?

Анна.—Пригодится. Самъ онъ пойдетъ на сломъ; но земли много.

Графъ *(смѣется сквозь зубы).*—Для какой-нибудь затѣи, вродѣ народной аудиторіи или читальни?

Анна.—Это выяснится потомъ.

Графъ.—Вотъ изъ-за этого и не продамъ. Почему не циркъ гладіаторовъ или не даровую пекарню для плебеевъ, какъ въ древнемъ Римѣ? Удивительное дѣло! Вездѣ оскудѣніе! Полнѣйшее ничтожество! Перебиваются съ хлѣба на квасъ—и туда же просвѣщаютъ, лѣчатъ, забавляютъ, кормятъ. А впрочемъ, чѣмъ больше такихъ безумій, тѣмъ скорѣе наступитъ полная ликвидація.

Анна.—Ха-ха-ха! И *вы* этого желаете? *Вы* самой чистой воды охранитель?

Графъ.—Желаю. Пускай все пропадетъ пропадомъ. Я уже давно отрясъ пыль съ сандалій.

Анна.—И удалились на лазурную Ривьеру въ свое палаццо?

Графъ.—Да, и удалился! И уже, конечно, въ послѣдній разъ въ этихъ восхитительныхъ палестинахъ.

VIII.

Тѣ же и Мэри.

Мэри (*подавая чашку*).—Налила, графъ, какъ вы желали.

Графъ (*указываетъ Аннѣ на Мэри*). Вотъ она умнѣе всѣхъ васъ! Подцѣпила милліонщика! И, какъ почетная гражданка, можетъ теперь, вмѣстѣ съ своимъ принцемъ-консортомъ, дарить богадѣльни, клиники, ночлежные дома. И все это затѣмъ, чтобы господъ дворянъ свести на нѣтъ. А тамъ, глядишь, эти набабы и сами все спустятъ.

Мэри.—Зачѣмъ такія страшныя пророчества, графъ?

Графъ.—Я о своемъ сословіи плакать не буду; а ужъ кольми паче о ихъ степенствахъ. Одни сами себѣ рыли могилу и имъ по дѣлѣмъ; но и другіе останутся въ дуракахъ.

Мэри.—Графъ, помилосердствуйте! Вы, крайній консерваторъ, и такъ разсуждать? Точно вы какой демагогъ, якобинецъ?

Графъ.—Да, я давно якобинецъ, для всего, что дѣляется кругомъ. И мой девизъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

IX.

Тѣ же, Зѣватовъ и Каркудиновъ (*изъ столовой*).

Анна (*графу, указывая на того и другого*).—Модеста вы знаете; а это Каркудиновъ, мой молочный братъ. Видали у насъ и его.

Графъ.—Помню, помню! Вы гдѣ же обрѣтались?

Каркудиновъ.—Въ разныхъ мѣстахъ, графъ.

Графъ.—Считая и не столь отдаленныя?

Каркудиновъ.—Ха-ха! Во всякихъ.

Графъ.—А теперь имѣете свободный въѣздъ?

Каркудиновъ.—Даже и въ столицы.

Анна.—Макарій Михайловичъ, агрономъ и лѣсоводъ съ спеціальной подготовкой.

Графъ (*Каркудинову*). Спеціальность ваша: охраненіе или истребленіе заказныхъ угодій? Если вы по второй спеціальности, то я вамъ вполнѣ сочувствую.

Зѣватовъ.—Графъ—большой шутникъ.

Графъ (*оглядываясь на Зѣватова*).—Нисколько. Говорю совершенно серьезно. Вотъ вы, милый мой, дѣйствуете прямо по моей программѣ. Сводите на нѣтъ все, что вамъ оставили папенька и ма-

менька. Прежде это было бы предосудительно, а теперь это только ускоряетъ неизбѣжный финалъ.

Звѣватовъ.—Вамъ самимъ до него еще далеко, графъ.

Графъ.—Почему? Потому, что я перевелъ за границу три четверти того, что имѣю.

Мэри.—Ха-ха! И того, что еще осталось здѣсь, хватитъ, графъ, на долгій вѣкъ!

Графъ.—Каюсь, у меня есть еще какая-то чисто сентиментальная слабость къ заповѣднымъ угодьямъ, къ лѣсамъ, къ такъ называемымъ *заказникамъ*. Вотъ почему я и медлю спускать ихъ. *(Глядитъ на Мэри.)* Спускать въ руки разночинца-хищника. Но и въ родъ Перемышевыхъ ничего не пойдетъ. Пускай не прогнѣваются мои наслѣдники. *(Къ Аннѣ.)* Тебѣ тутъ нѣтъ обиды. Ты вѣдь не предъявляешь ко мнѣ никакихъ наслѣдственныхъ правъ?

Анна.—Нѣтъ, дѣдушка! Ни мало не разсчитываю на то, что вы меня не забудете въ вашемъ завѣщаніи.

Звѣватовъ *(присаживаясь къ графу)*.—Вамъ, графъ, въ залѣ собранія, вотъ сейчасъ, было, я думаю, смѣшновато слушать разглагольствованія нашихъ земскихъ строителей и радѣтелей о всенародномъ благѣ?

Графъ.—Зрѣлище высокаго комизма! *(Къ Аннѣ.)* Особенно твой другъ дѣтства, господинъ Солодовъ, герой всей сессіи...

Мэри.—Графъ! Не трогайте здѣшняго Гамбетту. Ваша внучка не допускаетъ этого.

Графъ.—Кукольная комедія! Воображаютъ, что на нихъ смотритъ вся Европа, пыжатся, берутъ позы.

Звѣватовъ *(съ жестомъ)*.—И все это такъ казенно! Впередъ знаешь, какія фразы будутъ нанизывать, одна другой радикальнѣе.

X.

Тѣ же, Родіонцевъ и Родіонцева.

Родіонцева *(на ходу)*.—Здравствуй, Annette! *(Оглядывается.)* Здѣсь еще нѣтъ тріумфатора?

Анна.—Кого?

Родіонцева.—Солодова. Кого же еще? *(Указывая на мужа.)* У нихъ съ Орестомъ вышла схватка.

Графъ *(подаетъ руку Родіонцеву)*.—Ну, и кто кого?

Родіонцевъ *(щепетильно)*.—Разумѣется, ему сдѣлали овацію. А меня какой-то милостивый государь назвалъ чуть не «крѣпостникомъ». И всѣ зааплодировали.

Графъ.—Впередъ наука! Зачѣмъ вы тамъ бываете?

Родіонцевъ.—Для защиты совершенно законныхъ интересовъ, графъ!

Графъ.—Ну, и округляйте ваши маетности, благо вамъ это нравится, но подъ шумокъ.

Родіонцевъ.—Почему же «подъ шумокъ», графъ?

Графъ.—А вотъ стали говорить и сейчасъ очутились въ кошатникахъ. И вся разночинская команда гогочетъ. Ха-ха!

Родіонцева.—Я тоже говорю Оресту.

Анна *(Родіонцеву)*.—Неужели Солодовъ позволилъ себѣ какую-нибудь личность? Это на него совсѣмъ не похоже.

Родіонцевъ.—Я бы и не допустилъ. Но весь духъ его реплики! Это все игра въ вожаки красной партіи!

Мэри *(Аннѣ)*.—А ты его ждешь къ себѣ?

Анна.—Онъ хотѣлъ заѣхать, если успѣетъ.

Мэри *(отцу)*.—Тебѣ, я думаю, не совсѣмъ пріятно будетъ?

Родіонцевъ.—Онъ, надѣюсь, не станетъ кусаться?

XI.

Тѣ же и Бабашинъ.

Мэри *(подходя къ мужу)*.—Ты до сихъ поръ оставался тамъ?

Бабашинъ *(дѣлая общій поклонъ)*.—Да, господинъ Солодовъ произнесъ еще спичъ. *(Родіонцеву.)* Орестъ Александровичъ! Послѣ васъ и намъ досталось.

Родіонцевъ.—Кому же вамъ?

Бабашинъ *(съ юморомъ)*.—Да вотъ намъ, лжеземлевладѣльцамъ изъ *плутократіи*. Мы, видите ли, подкапываемся подъ тѣхъ истинныхъ земцевъ, которые испоконъ вѣку сидѣли на землѣ.

Графъ.—И прекрасно дѣлаете, что подкапываетесь.

Бабашинъ *(къ графу)*.—Да въ чемъ же, смѣю спросить? Я лично, какъ всѣмъ здѣсь извѣстно, ни въ чемъ подобномъ не грѣшенъ. Купить усадьбу и разводить ананасы, азаліи и петуніи, развѣ это значитъ: быть узурпаторомъ?

Графъ.—Напрасно такъ прибѣдниваетесь. Вашему брату надо вести всѣхъ насъ на-нѣтъ! Въ этомъ ваша историческая миссія.

Бабашинъ.—Не желаю, графъ. *(Садится.)* Но признаюсь, *(обращаясь къ Аннѣ)* не могу взять въ толкъ: какую собственно линію ведетъ вашъ пріятель, господинъ Солодовъ? Распинается за меньшую братію, а между тѣмъ въ немъ самомъ весьма и весьма чувствуется бѣлая косточка.

Зѣвbooтовъ.—Оттого, что въ такихъ господахъ дѣйствуетъ пропись, а не свое *я*. Они всегда глашатаи того, что въ данную минуту представляетъ собою благодарное амплуа.

Каркудиновъ.—Совершенно вѣрно-съ! И ихъ народолюбіе самое несостоятельное, коли не облыжное. Они не хотятъ понять, что имъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ распинаться за инертную массу, которая вдобавокъ имъ не вѣритъ и никогда за ними и никуда не пойдетъ.

Родіонцевъ.—Прекрасно сказано!

Графъ.—А вы думаете, что у насъ есть кто-нибудь, кто себя бы не морочилъ? Всѣ! Всѣ! Только одни при этомъ кряхтятъ или канючатъ, а другіе рисуются, какъ вашъ доморощенный Гамбетта, и пьютъ собственныя рацеи, точно нектаръ боговъ.

(Всѣ смѣются, кромѣ Анны.)

Анна *(вставая)*.—Искренность Нила Сергѣича Солодова давно испытана. И ее не почувствуетъ только тотъ, въ комъ говоритъ личное раздраженіе. *(Зѣватову.)* Вы—Модестъ—слишкомъ далеко ушли отъ всего, что намъ здѣсь дорого, и вамъ прямо нельзя произносить приговоровъ надъ такими людьми, какъ Солодовъ. *(Каркудинову.)* А ты, Макарій, презираешь ту среду, изъ которой самъ вышелъ... Не потому ли, что такъ велитъ тебѣ твоя доктрина? Вотъ это такъ пропись! Да и какъ можетъ такой человѣкъ, какъ Солодовъ, не вызывать всего этого брюзжанья? Онъ одинъ живетъ и дѣйствуетъ среди всеобщаго равнодушія.

Мэри.—Annette! Зачѣмъ ты себя такъ выдаешь?

XII.

Тѣ же и слуга.

Слуга.—Господинъ Солодовъ.

XIII.

Тѣ же и Солодовъ.

Анна *(идетъ къ нему навстрѣчу)*.—Нилъ Сергѣичъ! Наконецъ-то! Но вы останетесь обѣдать? Да?

Солодовъ *(цѣлуетъ руку)*.—Merci! Я долженъ буду скрыться минутъ на двадцать—прочесть корректуру. *(Дѣлаетъ общій поклонъ, потомъ, увидавъ Каркудинова, тихо Аннѣ)*. Это вашъ молочный братъ?

Анна.—Да, онъ.

Солодовъ *(подходитъ къ Каркудинову)*.—Здравствуй, Каркуди-

новъ! *(Протягиваетъ руку).* Давненько не видались. Ты—опять въ нашихъ краяхъ?

Каркудиновъ.—Да, братъ, какъ видишь.

Анна *(въ сторону Мэри и Родіонцевыхъ).*—Они—товарищи по гимназіи.

Солодовъ *(дѣлаетъ еще разъ общій поклонъ).*— Съ вами мы уже видѣлись. *(Садится ближе къ Аннѣ.)*

Каркудиновъ *(Солодову).*—Ты говорилъ сейчасъ про корректуру—вѣдь не сегодняшней же твоей рѣчи? Ужли успѣютъ набрать? Вотъ нынче какъ и въ губерніи дѣйствуютъ!

Солодовъ.—Краткое резюме. Меня просилъ редакторъ.

Родіонцевъ *(кисло-сладко).*—И мы всѣ завтра будемъ смаковать, какъ Илья Сергѣичъ насъ отдѣлалъ. А потомъ все это загремитъ въ столичныхъ газетахъ того же направленія.

Солодовъ.—Простите! У публики есть свои потребности. Запретить то, что было сказано публично,—я не имѣю права.

Мэри.—Да и не желаете? Вотъ даже отсюда скрываетесь для корректуры.

Солодовъ.—Всякому хочется, чтобы смыслъ того, что онъ говорилъ, былъ переданъ вѣрно.

Графъ.—Такъ вѣдь тамъ сидѣли какіе-то строчилы. Стенографисты, должно быть?

Анна.—Вы вѣдь слышали, дѣдушка, это будетъ только краткое резюме.

Родіонцевъ.—А потомъ и полный текстъ? Со всѣми скорпіонами, какіе вы изволили выпустить противъ тѣхъ, кто не желаетъ пѣть въ униссонъ съ извѣстной кликой!

Солодовъ *(добродушно).*—Орестъ Александровичъ! Позвольте мнѣ еще разъ увѣрить васъ, что у меня не было никакихъ прямыхъ нападокъ.

Родіонцевъ.—Я не спорю.

Солодовъ.—Въ каждомъ такомъ собраніи, гдѣ партіи стоятъ одна противъ другой...

Графъ.—Партіи! Какія у насъ партіи?

Солодовъ.—Графъ! Это одно изъ нашихъ общихъ мѣстъ. Прибаутка, которую повторяютъ изъ года въ годъ. Помилуйте! *(Указывая рукой.)* Развѣ вы, графъ, и Орестъ Александровичъ не одного стана?

Графъ.—Увольте! Я «въ нѣтяхъ», какъ писали при Петрѣ. А еще есть слово про раскольниковъ: «никудышники», которые никуды не ходятъ. Такъ и я!

Солодовъ.—Ха-ха! Извольте! Мы васъ выключимъ. Но вотъ лагерь, къ которому принадлежитъ Орестъ Александровичъ, и мои единомышленники... развѣ это не два различныхъ стана?

Каркудиновъ.—Стана! Это другое дѣло.

Солодовъ (*оглядываясь на него*).—Значитъ, тутъ споръ о словахъ? «Станъ», «лагерь» можно говорить; а «партія», нельзя? Такъ вѣдь и лагерь, чисто нѣмецкое слово, между тѣмъ какъ слово «партія» общеевропейскій, міровой терминъ.

Анна (*хлопаетъ въ ладоши*).—Браво!

Зѣватовъ.—М-г Солодовъ и здѣсь пожинаетъ лавры. (*Поднимаясь.*) Не знаю: вы правы или нѣтъ, но если «партіи» уже существуютъ, тѣмъ хуже. Это могила всякой внутренней свободы и оригинальности; это шоры для тѣхъ, кто воображаетъ себя спасителемъ общества, въ ту или другую сторону.

Каркудиновъ.—И неизвѣстно еще: какой станъ вреднѣе или безпощаднѣе? Вотъ графъ прямо зачислилъ себя въ «никудышники». Это откровеннѣе. А тѣ, кто распинается за народъ или сами себя морочатъ, или пьедесталъ себѣ воздвигаютъ...

Графъ (*Каркудинову*).—Господинъ... (*Аннѣ, потише*). Какъ бишь его?

Анна (*вполголоса*).—Каркудиновъ, дѣдушка.

Графъ.—Вѣрно! Вѣрно! Или морочатъ себя, или личину надѣваютъ.

Родіонцевъ.—Ха-ха! Почтеннѣйшій Нилъ Сергѣичъ! Вы не ожидали такихъ нападокъ? Тамъ въ собраніи вы удостоились овацій; надо же, хоть en petit comité, выслушать нѣсколько отрезвляющихъ истинъ.

Анна.—Вы только задерживаете Нила Сергѣича.

Мэри.—Annette! Зачѣмъ же ты такъ ограждаешь М-г Солодова? Онъ сумѣетъ и самъ себя защитить.

Родіонцева.—До обѣда есть еще время. Здѣсь всѣ будутъ говорить гораздо свободнѣе. А на засѣданіи боятся публики.

Бабашинъ.—Совершенно вѣрно-съ. Я первый. (*Къ Солодову.*) Когда вы, Нилъ Сергѣичъ, изволили пустить ракету по адресу нашего брата, я хотѣлъ возражать.

Мэри (*мужу*).—И сыгралъ назадъ?

Бабашинъ.—Сыгралъ. Взглянулъ на хоры... Тамъ все женская интеллигенція, учительницы и другія строгія особы, со значками. Ну, я и не попросилъ слова.

Солодовъ.—Напрасно. Вы бы убѣдились, что я не дѣлалъ никакихъ намековъ на тотъ или иной сортъ землевладѣльцевъ.

(Встаетъ). Простите! Я долженъ удалиться. Это можетъ показаться бѣгствомъ. Но передъ нами еще цѣлый обѣдъ.

Графъ.—Избавьте отъ препирательствъ за столомъ!

Родіонцева.—Мы съ Орестомъ и Мэри съ мужемъ обѣдаемъ у предводителя.

Анна.—Какъ же это?

Мэри *(вполголоса).* — Не хитри, Annette! Такъ тебѣ гораздо удобнѣе.

Солодовъ.—Позвольте еще два слова вамъ обоимъ. *(Обращается сначала къ Звѣатову, потомъ къ Каркудинову).* Вы, Модестъ Николаичъ, такъ сказать аболиціонистъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ называли когда-то въ Америкѣ враговъ рабовладѣльчества. Вѣдь для васъ вся наша жизнь: вздоръ, комедія, шумиха, хожденіе въ шорахъ! Если оно такъ, то зачѣмъ же нападать на тѣхъ, для кого она полна смысла? *(Къ Каркудинову).* А ты утверждаешь, что защитники интересовъ народа только морочатъ себя или взбираются на пьедесталъ. Такъ научи ихъ! Ты вѣдь самъ вышелъ изъ крестьянской среды!

Каркудиновъ.—Не за тѣмъ, любезный другъ, чтобы обсахаривать мужика.

Солодовъ.—Ни обсахаривать, ни обличать! Надо дѣйствовать. Ты бы могъ быть членомъ той же говорильни, какъ здѣсь, навѣрно, называютъ наши собранья.

Каркудиновъ.—Благодаримъ покорно.

Солодовъ *(къ остальнымъ).*—Pardon, что на нѣсколько минутъ задержалъ васъ!

Анна *(на ходу, удерживая его).*—Нилъ Сергѣичъ! Спасибо, и большое!

Солодовъ.—За что?

Анна.—Говорю за всѣхъ, кто васъ цѣнитъ!

Мэри *(подходя).*—Вотъ вы какой побѣдитель, M-r Солодовъ! До вашего прихода Анна произвела намъ всѣмъ разносъ, защищая васъ.

Анна.—А я тебѣ скажу, Мэри, Нилъ Сергѣичъ не нуждается въ защитникахъ.

Солодовъ *(Аннѣ).*—Въ такихъ, какъ вы, да!

(Уходитъ.)

XIV.

Тѣ же безъ Солодова.

Родіонцева.—Ѣдемъ, Мэри, а то опоздаемъ.

Анна.—Такъ вы всѣ убѣгаете?

Родіонцевъ.—Вамъ же будетъ пріятнѣе, добрѣйшая Анна Павловна.

Бабашинъ.—Зачѣмъ же господину Солодову имѣть передъ собою такъ много людей не его стана? *(Подаетъ Аннѣ руку.)*

Графъ *(вставая, Аннѣ).*—Твой Гамбетта останется на весь вечеръ?

Анна.—У него нѣтъ времени, дѣдушка.

Графъ.—Весьма радъ этому!

Родіонцева.—Идемте! Идемте! *(Родіонцевъ и Мэри съ мужемъ уходятъ; Анна провожаетъ ихъ до двери.)*

Графъ *(Каркудинову).*—Вы стало ищете мѣста, мой милый?

Каркудиновъ.—Да, подходящей работы, графъ.

Графъ—Мнѣ понравилось, какъ вы говорили съ этимъ хватомъ. *(Киваетъ на дверь.)* Не хотите ли пройти ко мнѣ въ мезонинъ? Я бы васъ кое о чемъ разспросилъ.

Каркудиновъ.—Къ вашимъ услугамъ.

Графъ *(вернувшейся Аннѣ).*—Когда твой Гамбетта опять пожалуетъ, пришли сказать, что можно садиться за столъ.

(Уходитъ съ Каркудиновымъ.)

XV.

Зѣватовъ и Анна.

Зѣватовъ *(подходя къ ней).*—И мнѣ не удалиться ли?

Анна.—Почему? Вѣдь вы обѣдаете здѣсь?

Зѣватовъ.—Вы, Анна, отъ всѣхъ насъ, и отъ меня, въ томъ числѣ, требуете, чтобы мы безусловно преклонялись передъ вашимъ пріятелемъ и властителемъ вашихъ думъ.

Анна.—Нисколько, Модестъ. Не то меня огорчаетъ, что вы не преклоняетесь передъ Солодовымъ, а то, что вы сознательно губите себя. *(Приходя въ волненіе.)* Это великій грѣхъ передъ собственнымъ «я». *(Садится, Зѣватовъ—около нея.)*

Зѣватовъ *(протягиваетъ ей руку).*—Полноте! Неужели вы не можете подняться надъ буржуазной моралью? И для васъ этотъ Солодовъ высшій типъ человѣка?

Анна *(искренне).*—Я имъ не увлекаюсь. Онъ не герой моего романа. Вы это знаете.

Зѣватовъ.—Вся бѣда въ томъ, что вы себя заморозили, Анна.

Анна.—Можетъ быть.

Зѣватовъ.—Боитесь страсти, не хотите идти ни на какой рискъ.

Анна.—Мнѣ нечѣмъ рисковать.

Звѣатовъ *(не выпуская ея руки)*.—Отчего? Оттого, что вы бѣжите отъ настоящей жизни.

Анна.—Такой, какъ ваша, да.

Звѣатовъ.—Я такъ падаю въ вашихъ глазахъ, что кромѣ презрительной жалости вы ничего ко мнѣ чувствовать не можете. Стало, влеченіе позволительно имѣть только къ тѣмъ, кому слѣдуетъ выдать аттестатъ въ добромъ поведеніи? *(Беретъ ее за обѣ руки.)* Анна! Прежде всего, не надо подавлять въ себѣ того, что есть.

Анна *(другимъ тономъ)*.—Чего же, Модестъ?

Звѣатовъ.—Насъ вѣдь всегда что-то влекло другъ къ другу?

Анна.—Я, Модестъ, была бы такъ счастлива... *(не договариваетъ)*.

Звѣатовъ.—Спасти заблудшую овцу?

Анна.—Вы сами считаетесь со мною. Я предложила вамъ...

Звѣатовъ *(перебивая)*.—Я былъ тронутъ.

Анна.—Но не могли принять отъ меня ничего, потому что я женщина?

Звѣатовъ. Зачѣмъ это «вы?» Мы вѣдь были когда-то на «ты». Не по одному этому, Анна. Но оно безполезно. Все равно, я проживу.

Анна.—А потомъ?

Звѣатовъ.—Не знаю. Есть поэзія во всемъ, и даже въ томъ, что люди добродѣтельные называютъ безпутствомъ. До грязи я не опущусь!... *(Привлекаетъ ее.)* Довольно обо мнѣ! *(Пылко.)* Тебѣ меня жалко. А мнѣ тебя, Анна! Сбрось съ себя свой мундиръ передовой дѣвушки, феминистки, одного стана съ господиномъ Солодовымъ. Будь женщиной! Вотъ видишь, я перешелъ съ *вы* на *ты*. Но мы вѣдь говорили другъ другу ты?

Анна *(съ возрастающимъ волненіемъ)*.—Да, говорили.

Звѣатовъ.—И что же? Къ чему хитрить? Насъ что-то влечетъ другъ къ другу. Никто больше меня, Анна, не цѣнитъ въ тебѣ женщину. Но не тотъ мундиръ, который ты носишь. Не феминистку, не дѣятельницу, а женщину, весь твой душевный складъ, умъ, характ ръ! Сбрось съ себя этотъ мертвящій мундиръ. Отдайся, хоть разъ в жизни, тому, что въ тебѣ заговоритъ, не разбирай: нравственно э или безнравственно, сходно это съ прописью морали господъ Со л овыхъ или нѣтъ. *(Беретъ ее за талію.)*

Анна.—Не говори такъ, Модестъ! Ты себя губишь! Ты такой д овитый, чуткій! Ты принижаешь себя, свою личность, которую с мъ же ставишь выше всего!

Зѣватовъ. Но кто тебѣ сказалъ, что я призванъ къ чему-нибудь высокому?

Анна.—Каждый обязанъ...

Зѣватовъ.—Трудиться въ потѣ лица? Ха-ха! Полно, Анна! Не унижай и ты себя. Ты выше всѣхъ такихъ филистерскихъ афоризмовъ. Противно мнѣ серьезничанье, вотъ такое, какъ въ твоемъ другѣ дѣтства. И онъ, и всѣ такіе думаютъ, что они дѣлаютъ дѣло, что они необходимы. А я ничего такого не думаю. Я живу, не зная, куда я приду, чѣмъ я кончу. Да, мое безпутство, какъ вы всѣ здѣсь называете, сознательное. Оно—протестъ противъ ненавистнаго мнѣ серьезничанья. И вотъ, я хотѣлъ бы, Анна, хоть на одинъ мигъ вырвать тебя изъ этой мертвечины. Будь хоть на этотъ мигъ совсѣмъ свободна, покажи, къ кому влечетъ тебя, оставь всякій ложный стыдъ, будь моею! *(Привлекаетъ ее къ себѣ, страстно.)* Хочешь любить, люби!

Анна *(въ сильномъ волненіи)*.—Модестъ! Если бы ты только пожелалъ!

Зѣватовъ.—Хочу любить! И ты также! *(Беретъ ее обѣими руками за шею.)* Не лги! Не лги! *(Цѣлуетъ ее.)*

Анна *(дѣлаетъ движеніе назадъ)*.—Зачѣмъ! Не надо! Не надо!

Зѣватовъ.—Чего не надо? Вѣдь это для женщины—выше всего!

Анна *(шопотомъ)*.—Не знаю, не знаю!

XVI.

Тѣ же и Каркудиновъ *(изъ проходной комнаты)*.

Каркудиновъ *(умышленно кашляетъ; Анна быстро встаетъ; Зѣватовъ садится)*.—Его сіятельство изволятъ безпокоиться насчетъ обѣда. Спрашиваетъ: вернулся ли Гамбетта?

Анна *(овладѣвъ собою)*.—Нила Сергѣича еще нѣтъ.

Каркудиновъ *(глядя на нее пристально, вполголоса)*.— Вы здѣсь отдавались задушевнымъ изліяніямъ?

Анна *(Зѣватову)*.—Модестъ! Вы пошли бы занять графа. *(Зѣватовъ не сразу поднимается.)* Пожалуйста.

Зѣватовъ *(подходя къ ней, тихо)*.—Вы испугались... или только сократились? *(Не дожидаясь ея отвѣта.)* Извольте. Иду. *(Уходитъ.)*

XVII.

Анна и Каркудиновъ.

Каркудиновъ *(вполголоса)*.—Небось, я вô-время ввалился, ась?

Анна.—Что ты говоришь?

Каркудиновъ.—Ничего. Кажется, кузенъ-то дождался психологическаго момента? Смотрите, сестричка. Онъ—спеціалистъ по этой части!

Анна *(отходитъ)*.—Я попросила бы тебя, Макарій, говорить въ другомъ тонѣ.

Каркудиновъ.—Изволили осерчать? Значитъ—клюнуло. Держитесь крѣпко. Господинъ Зѣватовъ—настоящій ловецъ по женской части.

XVIII.

Тѣ же и Солодовъ.

Солодовъ *(въ дверяхъ)*.—Не сильно опоздалъ?

Анна *(къ нему навстрѣчу)*.—Нѣтъ! Нѣтъ! *(Каркудинову.)* Пожалуста, поднимись къ графу, скажи, что Нилъ Сергѣичъ пріѣхалъ.

Солодовъ.—А, графъ, навѣрно, проклинаетъ меня, что поздно сядетъ за столъ?

Анна *(Каркудинову)*.—Макарій, пожалуйста, иди.

Каркудиновъ.—Слушаю. *(Уходитъ.)*

XIX.

Анна и Солодовъ.

Анна *(подходитъ къ нему близко, протягиваетъ руку и крѣпко жметъ)*.—Нилъ Сергѣичъ! Еще разъ спасибо!

Солодовъ.—За что?

Анна.—За все, что было сегодня вами сказано и сдѣлано. И вотъ за то, что не отказались принять отъ меня хлѣбъ-соль. *(Съ удареніемъ)*. И явились такъ кстати.

Солодовъ *(цѣлуетъ руку)*.—А васъ какъ мнѣ благодарить? *(Еще разъ цѣлуетъ руку)*.

Анна.—За что, спрошу и я. За то, что я васъ понимаю и цѣню выше, чѣмъ кого-либо здѣсь кругомъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ? Такъ надо быть слѣпой, чтобы не цѣнить васъ, Солодовъ! *(Садится; Солодовъ возлѣ нея.)*

Солодовъ *(съ возрастающимъ волненіемъ)*.—Вы мнѣ это говоте... Анна Павловна, въ такую минуту, когда... я особенно нужюсь въ сердечномъ откликѣ.

Анна.—Да? *(Смотритъ на него.)*

Солодовъ *(беря ея руку)*.—Вы—и не одни вы—привыкли смоять на меня только, какъ на общественнаго дѣятеля, только какъ борца за дорогія намъ съ вами идеи. Но вѣдь и я—человѣкъ!

(Пауза.) Дѣло, борьба, публичное слово—всѣмъ этимъ я живу... но оно не спасаетъ отъ душевнаго одиночества... *(Не доканчиваетъ.)*

Анна.—Развѣ вы... одиноки? Это... обидно слышать, Солодовъ.

Солодовъ.—У меня есть единомышленники... но все это не выходитъ изъ предѣловъ пріятельства, общихъ идей, интересовъ... Есть и другіе запросы... Хочется иной жизни... *(Опять не доканчиваетъ.)*

Анна.—Такая личность, какъ вы, Солодовъ, легко найдетъ откликъ запросамъ сердца. Если не вы, то кто же? Мы съ вами друзья дѣтства, товарищи. Я могу вамъ это сказать просто. Въ лести вы меня, надѣюсь, не заподозрите?

Солодовъ *(удерживая ея руку)*.—Вашими бы устами, да медъ пить! *(Пауза.)* Но кто же мнѣ ближе васъ? Какую женщину можно поставить на ряду съ вами?

Анна.—Вы, кажется, сбираетесь читать мнѣ акаѳистъ? Ха-ха! Мнѣ съ вами нечего тягаться. Я васъ ставлю гораздо выше себя. И это вамъ извѣстно не со вчерашняго дня.

Солодовъ *(выпуская ея руку)*.—Анна Павловна!... Вы видите, вашъ старый товарищъ сразу утратилъ свой даръ слова. Простите, если онъ спроситъ васъ... такъ неумѣло... и обыденно: хотите вы раздѣлить его судьбу? Быть его подругой навѣки?.. *(Смолкаетъ отъ волненія и сидитъ съ опущенной головой.)*

Анна *(быстро встаетъ)*.—Нилъ Сергѣичъ! Вы серьезно?

Солодовъ.—Серьезно ли? Посмотрите на меня... Спросите самое себя. Неужели вамъ, до сегодня, ничто не подсказало: кто вы для меня?

Анна *(почти растерянно)*.—Другъ мой... вы вѣдь знаете, что у меня другого такого, какъ вы, нѣтъ... Всякая, на моемъ мѣстѣ, была бы счастлива сказать вамъ: «да, я хочу быть вашей женой!» И я глубоко тронута, вы видите. И я не могла бы мечтать о лучшей судьбѣ.

Солодовъ *(встаетъ)*.—Что же помѣшаетъ вамъ, дорогая?...

Анна.—Простая честность! *(Садится и его сажаетъ рядомъ.)* Вотъ сейчасъ, передъ вашимъ приходомъ *(тише)* Модестъ захватилъ меня, сталъ нашептывать безстыдныя слова, говорить мнѣ ты, цѣловать меня...

Солодовъ.—И вы?

Анна.—И я его не ударила. Не крикнула ему: негодяй! Во мнѣ проснулась старая тяга къ этому человѣку. Его демонизмъ заронилъ во мнѣ опять искру. Душою я его не люблю, а минутами презираю, почти ненавижу! Но я не отвѣчу за себя. Что-то во мнѣ еще таится.

(Береть его за руку.) Другъ мой... вотъ вамъ моя исповѣдь. Отказаться отъ васъ тяжко... Но быть вашей подругой навѣки—я еще не смѣю. Слышите—не смѣю. Голубчикъ! Поймите меня! Этотъ человѣкъ оскорбляетъ своимъ сознательнымъ озорствомъ все, что для меня и для васъ дорого и свято въ жизни. Но мнѣ всетаки его мучительно жаль. Во мнѣ не умираетъ мечта: пересоздать его, спасти. Скажите сами: что же дѣйствуетъ во мнѣ? Развѣ это одна простая жалость? Это—гадкое влеченіе. И я должна съ нимъ бороться. Какъ же я могу быть теперь вашей женой? *(Жметъ его руку.)* Простите... не уходите отъ меня... Поймите!

Солодовъ *(тронутымъ звукомъ)*.—Развѣ я могу уйти отъ васъ? *(Пауза.)* Я знаю, что мнѣ дѣлать, Анна Павловна.

Анна.—Что?

Солодовъ.—Ждать и бороться.

(Въ дверяхъ графъ, Звѣатовъ и Каркудиновъ.)

Занавѣсъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Помѣщеніе въ гарни. Первая комната—вродѣ кабинета, съ обыкновенной отдѣлкой. Столъ съ закуской—въ глубинѣ. Піанино. Дверь въ спальню. Дообѣденное время.

I.

Чуркинъ, Пустоселовъ *(сидятъ около закуски)*, **Варя Сурокъ** *(по срединѣ)*.

Чуркинъ *(наливая вина Варѣ)*.—Ну, теперь—посошокъ, Сурочекъ, милый!

Варя.—Мерси вамъ! Съ меня довольно.

Пустоселовъ *(указывая на Чуркина)*.—Да ты вѣришь ли, Варя, въ то, что онъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ съ тебя писать?

Варя.—Это ихъ дѣло! *(Чуркину.)* Вы, *каллѐга*, коли думаете только потѣшиться, такъ это вы—напрасно.

Пустоселовъ.—Какъ ты его сейчасъ назвала?

Чуркинъ.—Коллега. А то какъ же?

Пустоселовъ.—Онъ, можетъ, и въ студентахъ-то никогда не бывалъ.

Варя.—Отчего же мы знакомы? Сколько разъ видались на бульварѣ. Только онѣ еще не такіе бравые были, какъ теперь.

II.

Тѣ же и Зѣватовъ *(выходитъ изъ спальни).*

Пустоселовъ.—Модестъ! Чуркинъ насилу убѣдилъ сію дѣвицу быть его моделью.

Зѣватовъ *(Варѣ).*—Да отчего же вамъ не согласиться, Варя?

Варя *(наивно).*—И у нашей сестры есть тоже свое чувство. За что даромъ деньги брать? Да и стыдно какъ-то!

Пустоселовъ.—Ха-ха! Слышишь, Модестъ?

Зѣватовъ.—Что же! Я это понимаю. *(Присаживается.)* Но вѣдь согласитесь, Варюша, это менѣе тяжело... и унизительно.

Чуркинъ.—Какое же тутъ униженіе? Показать свою пластику во всемъ блескѣ? *(Варѣ.)* Слыхала ты про такого знаменитаго живописца? Его звали Тиціанъ.

Варя.—Нѣтъ, не слыхала. Гдѣ онъ жилъ?

Пустоселовъ *(Варѣ).*—Какъ же это коллега твой тебя не развиваетъ?

Варя.—Есть, которые все изъ книжекъ говорятъ. Въ одно ухо впускаешь, въ другое выпустишь!

Чуркинъ *(продолжаетъ въ томъ же тонѣ).*—Такъ вотъ, этотъ самый Тиціанъ писалъ съ одной принцессы. И она передъ нимъ стояла...

Варя.—Нѣшто—какъ есть?

Пустоселовъ.—Ха-ха! Какъ есть!

Зѣватовъ *(Чуркину).*—Она—просто прелесть! Вамъ, Варя, здѣсь будетъ гораздо лучше, чѣмъ на бульварѣ.

Варя *(Чуркину).*—Только вы, пожалуста, никому изъ моихъ подругъ не говорите. А то меня засрамятъ. *(Встаетъ.)* Такъ, значитъ, здѣсь, въ этой самой комнатѣ?

Чуркинъ.—Да, по утрамъ.

Варя.—Рано не встанешь!

Чуркинъ.—И мы рано не поднимаемся. Такъ, въ одиннадцать. *(Указываетъ головой на Зѣватова.)* Онъ намъ въ это время играть будетъ.

Пустоселовъ.—Подъ музыку и за приличный гонораръ. Я это слово люблю—гонораръ! Благороднѣе какъ-то выходитъ.

III.

Тѣ же и коридорный.

Коридорный *(Зѣватову).*—Васъ, сударь, желаютъ видѣть.

Пустоселовъ.—Какого пола особа, мужского или женскаго? Если мужского и пахнетъ кредиторомъ—вѣжливенько выпроводить?

Коридорный.—Дама-съ. *(Подаетъ Зѣватову.)* Вотъ ихъ карточка.

Варя *(тревожно)*.—Я сейчасъ уйду.

Зѣватовъ.—Зачѣмъ?

Варя.—Да вѣдь какъ же, голубчикъ?

Зѣватовъ *(коридорному)*.—Попросите эту госпожу. *(Коридорный уходитъ.)*

Чуркинъ *(подходя къ Зѣватову)*.—Кто это?

Зѣватовъ.—Моя кузина.

Чуркинъ.—О-о! И ты ей хочешь дать нѣкоторый урокъ безпредразсудочной морали? Понимаю.

IV.

Тѣ же и Мэри Бабашина *(останавливается въ дверяхъ)*.

Зѣватовъ *(идетъ къ ней)*.—Здравствуйте, Мэри! Очень радъ!

Мэри *(оглядываясь на Варю)*.—У васъ цѣлое общество?

Зѣватовъ.—Мои пріятели — Чуркинъ, отставной студентъ, Пустоселовъ—прапорщикъ запаса. *(Указываетъ на Варю.)* Наша пріятельница—Варя Сурокъ.

Варя *(Зѣватову)*.—Я ухожу, Модестъ Николаичъ.

Чуркинъ *(беретъ ее за руку)*.—Такъ смотрите же, завтра въ началѣ двѣнадцатаго?

Пустоселовъ.—А еще бы рюмочку? А? Варюнчикъ?

Варя.—Мерси. Очень вами благодарна. *(Кланяется Мэри и уходитъ.)*

Мэри *(отводитъ Зѣватова)*.—Кто эта женщина?

Зѣватовъ *(громко)*.—Вотъ моя кузина—Марья Орестовна Бабашина—спрашиваетъ: кто эта женщина?

Чуркинъ.—Угодно настоящую правду? Жертва общественнаго темперамента. И я убѣдилъ ее ходить сюда моделью.

Мэри *(къ Зѣватову)*.—Я не понимаю, Модестъ...

Зѣватовъ *(беретъ ее за обѣ руки и сажаетъ на диванъ)*.—ри... Извините! Вы попали въ такое царство, гдѣ нѣтъ никакихъ ювностей.

Мэри.—Какъ же было не предупредить меня?

Зѣватовъ.—Насчетъ чего? Что вы встрѣтитесь съ женщиной, горая не принадлежитъ—увы!—къ вашему *монду?* Ха-ха! Но —я и мои пріятели—составляемъ особое сообщество! Вы знали, кому вы идете.

Мэри.—Всетаки это... это... *(Не доканчиваетъ.)*

Зѣватовъ.—Вы оскорблены тѣмъ, что нашли у насъ бѣдное, жалкое существо, которое продаетъ свои прелести такъ, какъ и тѣ дамы, которыхъ мы съ вами видали, напримѣръ, въ залахъ Монте-Карло? Разница только въ цѣнѣ, ни въ чемъ больше. *(Подсаживается къ Мэри.)* А помните, во время карнавала, послѣ ужина, въ томъ ночномъ ресторанѣ, что позади англійской аптеки?..

Чуркинъ.—Вакханалія?

Зѣватовъ *(Мэри).*—Помните, какъ внесли ту парижскую знаменитость, кажется, совсѣмъ безъ одеждъ, и началось всеобщее бѣснованіе? И вы, кузина, жадно впивались глазами во всѣ детали...

Пустоселовъ.—Были дамы изъ общества?

Зѣватовъ.—И изъ какого! Онѣ, было, хотѣли остаться въ маскахъ. Маски съ нихъ сорвали.

Чуркинъ.– Поди и не однѣ маски?

Зѣватовъ *(Мэри).*—Развѣ всего этого не было? А? Кузина? Почему же вы тогда не возмущались? И, навѣрно, такая вотъ Варя Сурокъ, которая зоветъ Чуркина «каллега», на одну сотую не такъ испорчена, какъ тѣ великосвѣтскія барыни, съ какими вы тогда пили шампанское. Вотъ и я теперь крикну: маски долой! Всѣ другъ друга стòятъ! И мужчины, и женщины!

Мэри *(встаетъ).*—Извините, Модестъ, я не за этимъ пріѣхала.

Чуркинъ *(Пустоселову).*—Удалимся. Пойдемъ пока ко мнѣ. *(Зѣватову)* Пришли за нами. *(Мэри.)* Madame!

(Уходитъ съ Пустоселовымъ.)

V.

Зѣватовъ и Мэри.

Мэри.—Модестъ! Модестъ! Неужели вы такъ опустились? *(Оглядывается).* Въ какомъ вы обществѣ? Что это за господа! И эта женщина?! *(Берется руками за лицо).* Значитъ, все это правда, что я узнала?

Зѣватовъ.—Про меня? И вдругъ дѣйствительность еще ужаснѣе легенды?

Мэри.—И я рискуя всѣмъ...

Зѣватовъ *(доканчиваетъ за нее).*—Пріѣхали сюда спасать меня? Въ который это разъ? Спасать... Отъ чего?

Мэри.—Прошу васъ не иронизировать. Если я рѣшилась васъ отыскать, то...

Зѣватовъ.—Не доканчивайте! Изъ жалости ко мнѣ? *(Становится передъ нею.)* А кто вамъ давалъ право на эту жалость?

Мэри.—Вы мнѣ не чужой.

Зѣватовъ.—Значитъ, по родственному? Благодарю васъ. Но я, милая кузина, не нуждаюсь ни въ какомъ спасаніи. Вотъ видѣли сейчасъ эту наивную дѣвочку, по прозванію Сурокъ... Мой пріятель Чуркинъ, когда былъ студентомъ, встрѣчался съ нею на Тверскомъ бульварѣ и здѣсь вотъ, передъ вашимъ приходомъ, битыхъ полчаса уговаривалъ ее ходить къ нему моделью. Согласитесь, это честная профессія, куда выше того, чѣмъ она питается. И что же? Чуркинъ еле-еле уломалъ ее. Ей стыдно! Значитъ у ней своя мораль. Какъ же тутъ быть? Вѣдь она несчастная, падшая женщина. Я долженъ былъ бы также спасать ее? А я этого не буду дѣлать, потому что не имѣю на это ни малѣйшаго права.

Мэри.—Вы напускаете на себя этотъ тонъ.

Зѣватовъ.—Говорите уже прямо: этотъ цинизмъ?

Мэри.—Назовите какъ угодно. Но къ чему такая бравада? Вы точно на пари доводите себя до полнаго...

Зѣватовъ *(договариваетъ)*.—Паденія? Не стѣсняйтесь!

Мэри *(другимъ тономъ)*.—Хотите вы меня выслушать?

Зѣватовъ.—Простите! Но я все только подсказывалъ вамъ настоящія слова.

Мэри.—У васъ ничего нѣтъ. Еще мѣсяцъ-другой, и вы очутитесь...

Зѣватовъ.—На Хитровомъ рынкѣ? Можетъ быть!

Мэри.—Мой мужъ готовъ, и не въ первый разъ, войти въ ваше положеніе. Онъ вамъ предлагаетъ мѣсто по одному изъ своихъ дѣлъ. Тутъ не нужно техническаго образованія. Если вы согласны, повидайтесь съ нимъ на этой недѣлѣ. *(Встаетъ.)* Вы заставили меня: предложить вамъ все это въ такой дѣловой формѣ. Согласитесь трудно имѣть другой тонъ съ человѣкомъ, который на ваше добро отвѣчаетъ...

Зѣватовъ.—Гаерствомъ.

Мэри.—Довольно! *(Идетъ къ двери.)* Не заставляйте меня жалѣть, что я отыскала васъ и пріѣхала сюда прямо.

Зѣватовъ.—И вдругъ очутились въ обществѣ падшей женщины! Quelle horreur! *(Мѣняетъ тонъ.)* Милая кузина! Отвѣчу вамъ въ самыхъ корректныхъ формахъ. Благодарю васъ за участіе. Я его не заслуживаю. Мнѣ особенная удача на кузинъ. Спасаете и вы меня. Спасала и ваша конкурректка—Анна.

Мэри.—У меня совсѣмъ не такіе мотивы, Модестъ!

Зѣватовъ.—Не сомнѣваюсь, но согласитесь: вамъ было бы пріятно подставить ей ножку и въ этомъ?

VI.

Тѣ же и Дрыгинъ.

Дрыгинъ *(въ дверяхъ)*.—Модестъ Николаичъ здѣсь?

Мэри *(оглядываясь, вполголоса)*.—Кто это?

Зѣватовъ *(поглядѣвъ въ сторону двери)*.—Это Дрыгинъ, двоюродный братъ Анны. Развѣ вы его не знаете?

Дрыгинъ *(подходитъ ближе)*.—Не ожидали меня? Я отложилъ до осени поѣздку туда... *(дѣлаетъ жестъ и потомъ приближается къ Мэри.)* Вѣдь мы встрѣчались у Анны и, кажется, немножко въ родствѣ?

Мэри *(подавая руку)*.—Я васъ не сразу узнала.

Дрыгинъ.—Это меня не удивляетъ. Лицо—зеркало души. А душа претерпѣваетъ разные *аватары*. *(Особымъ тономъ.)* Того Дрыгина, котораго вы видали три-четыре года назадъ, уже нѣтъ! *(Въ еще болѣе приподнятомъ тонѣ)*. Есть три главныхъ состоянія, черезъ которыя наше «я» проходитъ, поднимаясь по лѣстницѣ совершенства. Одно только тѣлесное, «соматическое». Это тѣ люди, какихъ считаютъ самыми здоровыми, самыми нормальными. Это образцовые буржуа, олицетвореніе безпробудной пошлости! *(къ Мэри.)* Вы меня слушаете?

Мэри.—Слушаю.

Зѣватовъ.—Потому-то Левъ Иванычъ и не возмущается моимъ безпутствомъ.

Дрыгинъ.—Возмущаться? Это удѣлъ тѣхъ, кто сидитъ «въ сѣни смертной», а не взыскуетъ высокаго сочетанія духа и плоти. Кто не былъ «оргіастомъ», тотъ не будетъ и праведникомъ. А Модестъ Николаичъ въ настоящемъ своемъ аватарѣ — чистой воды оргіастъ.

Мэри.—Значитъ, по-вашему, какъ вы называли: сома...сома...

Зѣватовъ.—Соматическій человѣкъ?

Дрыгинъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Служеніе плоти уже повернуло въ немъ ко второй ступени. Это люди—*психическіе*... душевные въ первоначальномъ смыслѣ, въ такомъ пониманіи, какое было у древнихъ эллиновъ. И, наконецъ, третье состояніе *(поднимаетъ палецъ)* «пневматическое»

Мэри.—Ха-ха! Это что же такое? Намъ, въ классѣ физики, показывали пневматическую машину.

Дрыгинъ.—Вы кощунствуете! Пневматики, т.-е. люди духа, просвѣтленные и очищенные; сочетаніе оргіастическаго начала съ началомъ аскетическимъ. Альфа и омега бытія вселенной.

Мэри.—Это, можетъ быть, очень глубоко; но у васъ странная теорія нравственнаго направленія.

Дрыгинъ.—Ясная, какъ кристаллъ! *(Указываетъ на Зѣватова.)* Онъ оргіастъ и будетъ имъ до извѣстнаго момента, когда на него сойдетъ новое наитіе.

Зѣватовъ.—А вотъ моя кузина великодушно бросаетъ мнѣ доску, какъ утопающему.

Дрыгинъ *(Мэри)*.—Оставьте! То же говорилъ я и Аннѣ. *(Зѣватову).* Не скрою отъ васъ, мой другъ, что Анна можетъ прилетѣть сюда, встревоженная какимъ-то слухомъ... на вашъ счетъ.

Зѣватовъ.—И я буду изображать собою спичку между двумя огнями.

Мэри *(вставая)*.—Я предоставляю Аннѣ Павловнѣ честь и мѣсто: быть можетъ, она будетъ удачнѣе меня.

Дрыгинъ *(протягивая имъ руки)*.—Милые мои! Оставьте все это! Я люблю Модеста Николаича не менѣе васъ обѣихъ. И ничѣмъ не смущаюсь! Бросьте вашъ низменный взглядъ на чистое и нечистое въ жизни, на добродѣтель и порокъ. Все едино! Все стремится къ великому синтезу. Радость и горе, наслажденіе и страданіе: авторъ «Фауста» это провидѣлъ. *(Декламируетъ.)*

«Freude muss Leid,
Leid muss Freude haben.»

Но онъ былъ язычникъ стараго фасона, скептикъ и резонеръ. Высшаго откровенія онъ не зналъ. Онъ для меня былъ оргіастъ переходившій въ психика; но степени пневматика онъ не достигъ. *(Смотритъ на Мэри.)* Вы оба считаете его *(указываетъ головой на Зѣватова)*—погибающимъ существомъ. Не смущайтесь. Я около него! Для меня, это только ступень, ведущая къ окончательному просвѣтленію Модеста Николаича, одного изъ мучениковъ идеала. Это исканіе приведетъ его къ бунту противъ того, что образцовые буржуа всѣхъ вѣковъ считаютъ добромъ и обязательной нормой.

Мэри *(подавая руку Зѣватову)*.—Значитъ, вы въ прекрасныхъ -кахъ, Модестъ?

Дрыгинъ.—Въ самыхъ надежныхъ, увѣряю васъ.

Мэри *(уходя)*.—Мнѣ васъ искренно жаль, Модестъ.

Зѣватовъ.—Я могъ бы обидѣться, милая кузина; но вы пре-асно выдерживаете вашу роль дамы-патронессы, которая пришла ночлежный пріютъ къ жалкому отребью!

(Провожаетъ ее до двери.)

VII.

Зѣватовъ и Дрыгинъ.

Зѣватовъ *(возвращаясь)*.—Не хотите ли стаканъ вина? Или закусить? Вы хоть и пневматикъ, но еще не полный аскетъ.

Дрыгинъ.—На ограниченный взглядъ я что-то вродѣ совратителя. Эта барынька останется соматическимъ существомъ до конца своихъ дней. Анна могла бы понять и меня, и васъ; но и она въ тискахъ банальной морали.

(Они садятся у стола.)

Зѣватовъ *(мѣняя тонъ)*.—Что же она такое про меня узнала? Что я атаманъ шайки фальшивыхъ монетчиковъ?

Дрыгинъ *(пожимаетъ плечами)*. — Что-то такое насчетъ вашихъ долговъ.

Зѣватовъ.—Это наводитъ на нее священный ужасъ?

Дрыгинъ.—Я ей говорю: одно изъ двухъ, или ты считаешь Зѣватова способнымъ на мелкую преступность, тогда изъ-за чего ты бьешься? Или же онъ отдается жизни оргіаста, онъ протестуетъ, по-своему, противъ пошлой условности понятій и правилъ, въ которой вы всѣ барахтаетесь, и тогда ты должна ему вѣрить. Оргіастъ, но не... не...

Зѣватовъ *(кончаетъ)*.—Но не жуликъ.

Дрыгинъ.—Да, я ей такъ и сказалъ.

Зѣватовъ.—Анна не чета этой корректной кокодеткѣ, продавшей себя за милліоны мануфактуристу и археологу-собирателю, господину Бабашину. Анна дѣвушка съ душой, но она до гадости преисполнена гражданскихъ добродѣтелей и, право, будь я позлѣе, я долженъ былъ бы увлечь ее и довести до того, чтобы она очутилась въ нашемъ обществѣ оргіастовъ, по вашей номенклатурѣ, добрѣйшій Левъ Иванычъ.

VIII.

Тѣ же, Чуркинъ и Пустоселовъ.

Чуркинъ *(выглядывая изъ спальни)*.—Модестъ! Аудіенція кончена?

Пустоселовъ.—А теперь другая.

Чуркинъ *(входитъ)*. — Нѣтъ! Это милѣйшій Левъ Иванычъ! Нашъ проповѣдникъ-доброволецъ!

(Идетъ къ нему и жметъ руку.)

Пустоселовъ *(съ той же игрой)*.—Добраго здоровья! Всегда

радъ васъ видѣть. Знаете, нашъ братъ — прожигатель жизни — иной разъ впадаетъ въ сомнѣніе: какъ, дескать, смотрѣть на самого себя... какъ на...

Чуркинъ.—Говори прямо, на шелопая?

Пустоселовъ.—Пожалуй! А послушаешь милѣйшаго Льва Иваныча, и душа взыграетъ. Ты не шелопай, а оргіастъ. Такъ вѣдь кажется?

Дрыгинъ.—Такъ.

Пустоселовъ.—Разумѣется, мы всѣ тутъ, въ нашей компаніи только рядовые, а настоящій оргіастъ, это—Модестъ Зѣватовъ.

Чуркинъ. — За здоровье котораго мы сейчасъ и выпьемъ. *(Подходитъ къ столу.)* Левъ Иванычъ, чокнемся!

Дрыгинъ.—Я не употребляю, какъ вамъ извѣстно, мой другъ.

Чуркинъ.—Да. Вы вѣдь дошли до ступени... какъ бишь это?... Пневматика?

Дрыгинъ.—Стремлюсь, но достигъ ли, не знаю.

Чуркинъ.—А пока что, братцы, можно бы, грѣшнымъ дѣломъ, перекинуться. *(Дѣлаетъ жестъ.)* Не сбѣгать ли за нашимъ кассиромъ? Пускай заложитъ банчикъ. Или въ желѣзную дорогу? *(Пустоселову.)* Перенесемъ сюда столъ оттуда.

Пустоселовъ *(Дрыгину).*—Левъ Иванычъ! Посмотрите, у насъ безсрочный студентъ, Митрофанъ Чуркинъ, на всѣ руки.

Чуркинъ.—Я, братцы, когда мы тамъ, у исторической теперь заставы сидѣли...

Пустоселовъ *(продолжая за него).*—Митрофанъ исполнялъ, безвозмездно двѣ должности, а по вечерамъ выступалъ въ роли заѣзжаго штукаря, рисовалъ углемъ каррикатуры.

Зѣватовъ.—Они тамъ играли отъ скуки въ ресторанъ и въ парикмахерскую.

Чуркинъ *(дурачливо).*—И какъ я себѣ набилъ руку! Это меня, всего больше успокаиваетъ насчетъ моей будущей карьеры. Чуть что, и сейчасъ молодцомъ въ парикмахерскую.

IX.

Тѣ же и Присягинъ *(изъ входной двери).*

Чуркинъ *(подбѣгаетъ къ Присягину и подводитъ его къ Дрыгину).* Левъ Иванычъ! Вотъ нашъ «Утѣшительный!» Мы его такъ и зовемъ. Помните, въ «Игрокахъ» Гоголя?

Дрыгинъ *(вглядываясь въ Присягина).* — Стало, вы здѣсь изображаете собою самую демоническую, разрушительную страсть?

Чуркинъ.—Какъ сказать! Собственную свою особу онъ не разрушаетъ. Жаль, что вы этимъ не занимаетесь; а то бы онъ васъ просвѣтилъ на славу!

Присягинъ *(указывая головой на Чуркина)*. — Онъ у насъ комикъ.

Зѣватовъ.—Ты еще не знаешь, какъ Левъ Иванычъ широко смотритъ на то, что мы не стѣсняемся бросать всѣмъ защитникамъ условной морали. Тебѣ нечего отказываться отъ того, что ты собою изображаешь. *(Указывая Дрыгину на Присягина.)* Ему я обязанъ тѣмъ, что сталъ испытывать высшее сладострастіе борьбы съ удачей. Онъ не просто игрокъ, а жрецъ особаго культа.

Дрыгинъ.—И черезъ это надо пройти.

Зѣватовъ.—Просиживать ночи за столомъ, ставить, бить карту, выигрывать, проигрывать такъ, зря, отъ скуки и душевной пустоты или изъ жадности—это пошло! Но достичь такого подъема духа, когда ничто не существуетъ, кромѣ тебя и судьбы...

Дрыгинъ.—Другими словами: вызывать ее на бой, чтобы страсть перегорѣла до тла и изъ ея пепла, какъ фениксъ, народилось бы высшее состояніе духа.

Пустоселовъ *(показывая рукой на Присягина)*.—Мы всѣ болтаемъ, а онъ молчитъ и дѣйствуетъ. Въ нашемъ общежитіи онъ башка!

Присягинъ.—Довольно обо мнѣ, Пустоселовъ. *(Зѣватову)*. Модестъ! У насъ въ коридорѣ новый жилецъ. Я съ нимъ вчера познакомился. Онъ тебя хорошо знаетъ. Фамилія его—Каркудиновъ.

Зѣватовъ *(Дрыгину)*.—Это молочный братъ Анны.

Дрыгинъ.—Какъ же, какъ же!

Зѣватовъ.—Ужъ не она ли поручила ему тайно наблюдать за своимъ погибающимъ кузеномъ?

Чуркинъ.—А онъ какого сорта?

Присягинъ.—Кажется, большого о себѣ мнѣнія.

Зѣватовъ.—И забавно было бы произвести ему маленькое испытаніе.

Присягинъ.—Ты его почему-то очень интересуешь

Дрыгинъ *(Зѣватову)*.—Хотите, я его приведу? *(Тише.)* Можетъ онъ вамъ разскажетъ насчетъ того, что такъ смущаетъ Анну?

Зѣватовъ.—Чуркинъ! Сведи Льва Иваныча.

Чуркинъ. *(Присягину)*.—Въ которомъ онъ номерѣ?

Присягинъ.—Въ угловомъ.

Дрыгинъ.—Я спрошу тамъ. *(Чуркину.)* Не трудитесь!

Присягинъ (*отводитъ Звѣватова*).—Мнѣ надо съ тобой поговорить.

Зѣватовъ (*Чуркину и Пустоселову*).—Вы тамъ играли?

Пустоселовъ.—Побаловались маленько.

Присягинъ.—Кончайте, а потомъ перетащите столъ сюда.

(*Чуркинъ и Пустоселовъ уходятъ въ спальню.*)

X.

Зѣватовъ и Присягинъ.

Присягинъ (*садится на диванъ*). — Модестъ! Притвори-ка дверь.

Зѣватовъ (*притворяетъ и садится рядомъ съ нимъ*).—Дѣловое сообщеніе?

Присягинъ.—И весьма!

Зѣватовъ.—Не очень я до этого охотникъ.

Присягинъ.—Въ тебѣ сидитъ избалованный барчукъ.

Зѣватовъ.—Можетъ быть.

Присягинъ.—Ты вотъ сейчасъ говорилъ, что только со мною дошелъ—какъ ты выражаешься—до высшаго сладострастія игры?

Зѣватовъ.—И сейчасъ то же скажу.

Присягинъ.—Но, милый другъ, играть на орѣхи нельзя! Нужны денежные знаки. Они только и дѣлаютъ завлекательной борьбу съ удачей. (*Строже.*) Да или нѣтъ?

Зѣватовъ (*лѣниво*).—Это—элементарно.

Присягинъ.—На что же мы будемъ дальше дѣйствовать? Въ кассѣ—пустота. Тебѣ это извѣстно.

Зѣватовъ.—Ты спеціалистъ по кредитной части. Нуженъ вексель, я подпишу.

Присягинъ.—Твоей подписи мало. И моей также. Нужны поручители.

Зѣватовъ.—Найди.

Присягинъ.—Твоя кузина Бабашина—жена милліонера.

Зѣватовъ.—Она сейчасъ была здѣсь. Пріѣзжала спасать м. . .я. Предлагала мѣсто у мужа.

Присягинъ.—И ты, разумѣется, не принялъ?

Зѣватовъ.—Это тебя удивляетъ? А ты бы пошелъ въ прик. . .чики къ его степенству?

Присягинъ.—Будь я на твоемъ мѣстѣ, можетъ, и пошелъ б. . . Ты все, я погляжу, считаешься съ буржуями. Это надо бросить!

Они—наша дичь. Мы—охотники. Мы должны стать выше всякихъ предразсудковъ, когда дѣло идетъ о ихъ кубышкѣ.

Зѣватовъ.—Я воровать не собираюсь.

Присягинъ.—Воровать, воровать! Вотъ видишь, и въ тебѣ заговорилъ буржуй! Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы уже добился подписи такой вотъ кузины-милліонщицы.

Зѣватовъ.—Въ Альфонсы я еще не записывался.

Присягинъ.—Ну да, ну да! Опять фраза чистокровнаго буржуя! Какъ тебѣ, право, не стыдно, Модестъ?

Зѣватовъ *(подсаживаясь ближе)*.—И какое же это дѣло?

Присягинъ.—Надо поручителей. *(Послѣ паузы.)* Или... ихъ подписи.

Зѣватовъ.—Ищи!

Присягинъ *(встаетъ)*.—И ты дашь мнѣ carte blanche?

Зѣватовъ.—Въ чемъ?

Присягинъ.—Да во всемъ. Надо добывать, не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Зѣватовъ.—Не стану же я поддѣлывать подпись моей кузины или ея супруга?

XI.

Тѣ же, Дрыгинъ и Каркудиновъ.

Дрыгинъ *(вводя Каркудинова)*.—Господинъ Каркудиновъ затруднялся было идти къ вамъ.

Зѣватовъ *(подходитъ къ Каркудинову)*.—Почему такъ? Развѣ мы съ вами—враги? Милости просимъ! Въ нашемъ общежитіи людей, свободныхъ отъ всякихъ запретовъ, вы себя будете чувствовать не хуже, чѣмъ съ ненавистными и вамъ буржуями. Присягинъ! Позови тѣхъ! *(Присягинъ уходитъ въ спальню.)* Онъ нашъ староста и кассиръ.

Каркудиновъ *(подавая руку Зѣватову)*. — Бояться мнѣ васъ нечего, Модестъ Николаичъ. Вдобавокъ, у насъ съ вами есть общая пріятельница—Анна Павловна.

Дрыгинъ *(Зѣватову)*.—Спросите его, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о новыхъ страхахъ Анны на вашъ счетъ.

Каркудиновъ.—Что такое?

Зѣватовъ.—Пустяки! Объ этомъ не стоитъ и говорить!

XII.

Тѣ же, Присягинъ, Чуркинъ и Пустоселовъ.

Зѣватовъ.—Вотъ члены нашего... какъ бы это сказать...

Каркудиновъ.—Сообщества?

Чуркинъ.—Да-съ. Мы—апаши.

Каркудиновъ.—Что же это такое, смѣю спросить?

Пустоселовъ.—А вы не читали про такую шайку въ Парижѣ?

Каркудиновъ.—Что-то читалъ. Но вѣдь тѣ — громилы? Больше изъ бѣглыхъ каторжныхъ?

Зѣватовъ.—Ха-ха-ха! И мы—громилы, только въ другомъ вкусѣ.

Присягинъ *(Каркудинову).*—Не хотите ли выпить и закусить? *(Подводитъ его къ столу съ Чуркинымъ и Пустоселовымъ.)*

Каркудиновъ.—Не откажусь. *(Выпиваетъ водки и закусываетъ.)*

Дрыгинъ *(Зѣватову вполголоса).*—Вы его хотите попугать?

Зѣватовъ.—Поэкзаменовать кое въ чемъ.

Каркудиновъ *(возвращаясь къ дивану съ остальными).*—Вы, съ вашими друзьями, забавляетесь, Модестъ Николаичъ, играете въ какихъ-то упразднителей общества.

Чуркинъ.—Какъ вы сказали: упразднителей?

Зѣватовъ.—Что-жъ! Это — удачное прозвище. Мы его можемъ принять. Да мы ли одни отрицаемъ то, что другіе называютъ нормальной жизнью? Всѣ! Вотъ и Левъ Иванычъ ее по-своему отрицаетъ. *(Каркудинову.)* А вы развѣ смотрите вообще на жизнь въ сурьезъ, то-есть по-мѣщански?

Каркудиновъ.—Насколько это мнѣ самому нужно.

Присягинъ.—Вы значитъ то, что называется индивидуалистъ?

Каркудиновъ.—Зачѣмъ сейчасъ клички? Пока я просто, если хотите, обыватель.

Зѣватовъ.—Кажется, агрономъ по спеціальности?

Каркудиновъ.—И лѣсоводъ, коли угодно мой формуляръ. Теперь обхаживаю дѣдушку вашей кузины, графа Валерія Петровича.

Чуркинъ.—А въ нашу шайку не поступили бы?

Каркудиновъ.—Въ апаши? Ха-ха!

Присягинъ *(съ особеннымъ выраженіемъ).*—Да-съ, въ апаши.

Каркудиновъ.—У васъ имѣется и уставъ?

Зѣватовъ.—Не печатный. Въ немъ немного параграфовъ; но каждый изъ нихъ есть отрицаніе всего, что считается порядочнымъ, обязательнымъ, похвальнымъ и такъ далѣе.

Каркудиновъ.—Программа довольно растяжимая.

XIII.

Тѣ же и Максинъ.

Зѣватовъ *(указывая рукой)*.—Вотъ еще членъ нашего согласія. Максинъ, присядь сюда. Это *(кивая на Каркудинова)* мой знакомый—Каркудиновъ. Разскажи ему, что ты представляешь собою, какъ артистъ. Это дастъ ему настоящую ноту нашего сообщества.

Максинъ *(Каркудинову)*.—Вотъ видите... *(Указываетъ на столъ съ закуской.)* Я долженъ былъ бы прежде всего опрокинуть десять рюмокъ водки и отрекомендовать себя, какъ жертву алкоголизма. А я въ ротъ хмѣльного не беру. И наружность у меня, какъ изволите видѣть, самая антитрагическая. А я—трагикъ, и задался вотъ какой задачей: никакихъ традицій не признавать и ни къ какой тамъ правдѣ не стремиться, играть совершенно зря, навыворотъ, не допускать ни рутинныхъ правилъ и никакихъ тамъ новѣйшихъ путей и пріемовъ.

Чуркинъ *(Каркудинову)*. — Вы его спросите: почему онъ взялъ актерскій псевдонимъ, Максинъ?

Каркудиновъ.—А что это за фамилія?

Максинъ.—Такъ прозывался очень плохой актеръ Малаго театра, временъ Мочалова, засѣдавшій постоянно въ Печкинской кофейной. Другіе берутъ себѣ имена: Шумскій, Самойловъ, Самаринъ, Ленскій, Брянскій или двойныя прозвища, а я выбралъ вотъ эту смѣхотворную фигуру изъ театральнаго прошлаго—Максина.

Зѣватовъ *(Каркудинову)*. — Вотъ видите: то, что Максинъ продѣлываетъ на разныхъ сценахъ...

Чуркинъ.—Откуда его выпроваживаютъ немедленно, послѣ второго дебюта, ха-ха!

Зѣватовъ.—То и каждый изъ насъ—по своей части.

Каркудиновъ.—Значитъ, у васъ нѣчто вродѣ увеселительнаго кружка? Такъ же серьезна и ваша кличка: апаши?

Зѣватовъ.—Позвольте, вы вотъ сейчасъ сказали, что обхаживаете графа Перемышева; хотите, вѣроятно, поступить къ нему въ управляющіе?

Каркудиновъ.—Можетъ и удастся.

Зѣватовъ.—Я припоминаю разговоръ у Анны Павловны, когда героемъ дня былъ Солодовъ, кажется, вашъ товарищъ по гимназіи?

Каркудиновъ.—Вѣрно.

Зѣватовъ.—Сколько я васъ тогда понялъ, вы выдавали себя за...

Каркудиновъ (*перебивая*). — Выдавать себя за что-либо я привычки не имѣю.

Зѣватовъ. — Не будемъ придираться къ словамъ! Вѣдь и графъ Валерій Петровичъ одинаково отрицаетъ деревню, мужика... хотя вы, если не ошибаюсь, сами крестьянскаго рода?

Каркудиновъ. — Что-жъ изъ этого?

Чуркинъ (*Каркудинову*). — Да вы не брыкайтесь, милый человѣкъ. Мы — ребята хорошіе, особенно если вы любите перекинуться картишками.

Присягинъ. — Чуркинъ! Не буфонь! И помолчи! (*Каркудинову.*) Позвольте маленькій вопросъ: вотъ вы поступите управляющимъ къ богачу-землевладѣльцу, что же это только затѣмъ, чтобы примоститься къ какому-нибудь пирогу, получать жалованье, пользоваться и побочными доходами? Но тогда вы — только обыватель, безъ всякой идеи.

Каркудиновъ (*задорно*). — Кто же вамъ это сказалъ?

Присягинъ. — А если у васъ идея, вотъ хотя бы, какъ вы изволили выразиться, «упразднителя» того, что считается неприкосновеннымъ, развѣ вы будете стѣсняться обычной мѣщанской моралью?

Зѣватовъ. — Вопросъ категорическій.

Каркудиновъ. — Другими словами, буду ли я воровать — на широкую ногу?

Присягинъ. — Воровать? Фи! Какое слово! Брать то, что, по вашему убѣжденію, есть возмутительная узурпація.

Каркудиновъ (*Зѣватову*). — Значитъ, и въ вашей шайкѣ — такіе принципы?

Зѣватовъ. — Видите, господинъ Каркудиновъ, вы даже поблѣднѣли. Ха-ха!

Чуркинъ. — Вы думаете, мы — такъ себѣ... въ бирюльки играемъ?

Каркудиновъ. — А вы не изображаете собою, господа, запоздалыхъ «Разбойниковъ» Шиллера?

Зѣватовъ. — За кого вы насъ принимаете? Развѣ я похожъ на Карла Моора? Тѣ — какіе-то шуты гороховые, вродѣ огородныхъ [illegible]галъ.

Каркудиновъ. — А вы?

Зѣватовъ. — Ха-ха! Не бойтесь. Мы васъ не ограбимъ. Но [illegible]прасно вы воображаете, господинъ Каркудиновъ, что и вы — [illegible]цъ мѣщанства. Если вы и способны — въ извѣстомъ смыслѣ — от[illegible]цать и разрушать, то взамѣнъ вы непремѣнно будете сулить тол[illegible] въ будущемъ, Эльдорадо, по вашему рецепту.

Дрыгинъ *(подсаживается къ Каркудинову).*—Вы не будьте въ претензіи на этихъ господъ. Но во всемъ этомъ есть и очень серьезный смыслъ. Мои молодые друзья, въ шутку, называютъ себя апашами. Это—шайка самыхъ закоренѣлыхъ громилъ. Но для кого они страшны? Для тѣхъ, кто еще погрязъ въ низменныхъ инстинктахъ своего тѣла.

Чуркинъ *(окликая).*—Левъ Иванычъ! Для соматиковъ?

Дрыгинъ.—Да, мой другъ, для соматиковъ! Но какихъ? Не такихъ, какъ вы или вотъ онъ. *(Указываетъ на Зѣватова.)* Вы соматики высшаго порядка.

Пустоселовъ.—Мы—оргіасты!

Дрыгинъ.—Да! Оргіасты. *(Каркудинову.)* И до тѣхъ поръ, пока настоящіе апаши будутъ наводить ужасъ, не прекратится царство одной плоти, не произойдетъ сліянія ея съ духомъ въ великомъ синтезѣ.

Каркудиновъ *(иронически).*—Благодарю за объясненіе. *(Хочетъ встать.)*

Присягинъ.—Позвольте! Вы, значитъ, не поставите идеи выше условности, величаемой порядочностью, если вамъ представится случай обойтись по-своему съ тѣмъ, что формально вамъ не принадлежитъ?

Зѣватовъ.—Значитъ, добавлю я, вы можете быть отрицателемъ извѣстнаго *statu quo* съ сохраненіемъ мѣщанской морали? Апаши гораздо послѣдовательнѣе.

Каркудиновъ *(злобно).*—Какіе-съ? Тѣ, парижскіе, или тѣ, что играютъ въ нихъ?

Зѣватовъ.—Это уже личность. Мы вѣдь не сторонники никакихъ доктринъ, въ томъ числѣ и той, какой вы, кажется, служите. Мы вообще упразднители всего, что пахнетъ прописью, откуда бы она ни исходила!

XIV.

Тѣ же и коридорный.

Коридорный.—Модестъ Николаичъ! Къ вамъ одна госпожа.

Чуркинъ *(вскакиваетъ).*—Опять, Зѣватовъ! Ты слишкомъ донжуанствуешь!

Коридорный.—Вотъ ихъ карточка.

Зѣватовъ *(беретъ и читаетъ; потомъ тихо Дрыгину).*—Это Анна.

Дрыгинъ.—Хотите, мой другъ, я выйду къ ней.

Зѣватовъ.—Зачѣмъ? Она здѣсь никогда не бывала. Ей будетъ занятно.

Дрыгинъ *(тихо)*.—Что-нибудь чрезвычайное.

Присягинъ *(отводитъ Зѣватова)*.—Модестъ! Кто это?

Зѣватовъ.—Моя кузина Неуталова.

Присягинъ *(съ двойственной игрой лица)*.—Прими ее лучше у меня въ номерѣ.

Зѣватовъ.—Съ какой стати!

Присягинъ *(съ удареніемъ)*.—Такъ лучше будетъ, говорю тебѣ.

Зѣватовъ *(пристально взглянувъ на него)*.—Не понимаю тебя! У меня съ нею нѣтъ никакихъ секретовъ. *(Коридорному.)* Просите.

(Коридорный выходитъ.)

XV.

Тѣ же и Анна.

Зѣватовъ *(идетъ къ ней навстрѣчу)*.—Здравствуйте, кузина. Радъ васъ видѣть.

Анна *(оглядывается)*.—Модестъ! Вы не одни?

Зѣватовъ *(указывая)*.—Дрыгинъ, Левъ Иванычъ, вашъ двоюродный братъ. Господинъ Каркудиновъ... а это—мои пріятели. *(Тише.)* Они васъ стѣсняютъ?

Анна *(такъ же)*.—Я къ вамъ по очень, очень важному дѣлу.

Зѣватовъ *(Присягину)*.—Уведи ихъ туда.

Присягинъ *(тихо)*.—Если это по твоимъ векселямъ, я желалъ бы остаться.

Зѣватовъ.—Не вижу большой надобности. *(Остальнымъ.)* Господа! Моя кузина ко мнѣ по дѣлу.

Чуркинъ.—Мы удалимся. *(Каркудинову.)* Не угодно ли съ нами въ желѣзную дорогу?

Каркудиновъ.—Какую?

Пустоселовъ.—Ха-ха! Не сибирскую! А на зеленомъ полѣ.

Каркудиновъ.—Этимъ я не зашибаюсь.

Чуркинъ.—Какъ угодно.

(Уводитъ Пустоселова и Максина.)

Присягинъ *(подходитъ къ Зѣватову, тихо)*.—Если что—п ови меня.

Зѣватовъ.—Да чего ты боишься? Это забавно! *(Выпроваживаетъ его.)* Дорогая кузина! Вы желали бы остаться съ глазу на г. зъ?

Анна.—Левъ Иванычъ—свой человѣкъ. И Макарія я не считаю чужимъ. Они могутъ подать добрый совѣтъ.

Зѣватовъ.—Какъ знаете. Присядьте. Разскажите въ чемъ дѣло. Только одинъ вопросъ. Это—не новая попытка спасать меня?

Анна (порывисто).—Модестъ! Вамъ грозитъ...

Зѣватовъ (перебивая).—Зачѣмъ сразу такъ зловѣще?

Анна (указываетъ головой на дверь въ спальню).—Пожалуйста, затворите хорошенько.

Зѣватовъ (встаетъ и затворяетъ).—Не пугайте меня! Это былъ бы напрасный трудъ. Я не изъ пугливыхъ. (Садится.)

Анна (вполголоса). —Модестъ! Вы увѣрены въ вашихъ пріятеляхъ?

Зѣватовъ.—Въ какомъ смыслѣ?

Анна.—Что они не способны подвести васъ?

Дрыгинъ (Зѣватову).—Я уже говорилъ вамъ, другъ мой, что она встревожена. (Аннѣ.) Ты давно ли изъ деревни?

Анна.—Я сегодня пріѣхала.

Зѣватовъ.—Спасать меня? Ха-ха!

Анна.—Умоляю васъ, Модестъ! Не дурачьтесь! Дѣло идетъ о вашей чести.

Зѣватовъ.—Это слишкомъ громко! Многое, что вообще считается честью у порядочныхъ людей, для меня совсѣмъ не обязательно.

Анна.—Вы выдавали векселя въ послѣднее время?

Зѣватовъ.—Весьма!

Анна.—Я получила три дня назадъ заказное письмо отъ какого-то господина Лугина, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ: выставляла ли я свой бланкъ, какъ поручительница, на вашемъ векселѣ, выданномъ вами отъ такого-то числа на такую-то сумму?

Зѣватовъ (встаетъ).—Это мистификація! Вамъ прекрасно извѣстно, кузина, что я васъ ни о какомъ бланкѣ не просилъ.

Каркудиновъ.—Позвольте, Модестъ Николаевичъ! Ни съ того, ни съ сего не станутъ же обращаться съ такимъ вопросомъ.

Зѣватовъ.—Это меня не касается.

Дрыгинъ (Аннѣ).—Что же ты отвѣчала этому господину... вѣроятно, ростовщику?

Анна (смотритъ на Зѣватова).—Я рѣшила: сейчасъ же ѣхать и отыскать васъ, Модестъ! Еслибъ я отвѣтила: «нѣтъ, я никакого бланка не ставила», я бы этимъ скомпрометировала васъ.

Зѣватовъ (полуиронически).—Благодарю.

Анна (нервнѣе). — Модестъ! Это, право, грѣшно! Зачѣмъ же

вы такъ? Развѣ я за себя испугалась? Съ меня ничего не взыскиваютъ.

Каркудиновъ.—Но могутъ потомъ взыскать, сестричка!

Звѣватовъ.—Тогда вы и объявите, что подпись ваша—подложная! При чемъ же я тутъ?

Анна.—Но эта подпись, развѣ она не могла быть поддѣлана кѣмъ-нибудь... *(Не договариваетъ.)*

Звѣватовъ.—Изъ моихъ пріятелей?

Анна.—Припомните! Сохранилось у васъ какое-нибудь мое письмо... записка?

Звѣватовъ *(сухо)*.—Весьма возможно.

Анна.—Но *какъ* вы это говорите? Вы должны принять мѣры!

Дрыгинъ.—Да, можетъ быть, все это—одно недоразумѣніе?

Анна.—Поймите, Модестъ! Такой документъ находится въ обращеніи. Я не могла тотчасъ же не предупредить васъ.

Звѣватовъ *(не мѣняя тона)*.—Кромѣ благодарности я ничего не долженъ бы чувствовать къ вамъ. Только я ничего не знаю. Въ какое же положеніе вы меня ставите? Неужели я долженъ завѣрять васъ, что подъ руку вашу не подписывался?

Анна.—Модестъ! Это дурно, что вы говорите! *(Почти со слезами.)* И все это—рисовка, игра въ отрицаніе всякихъ нормальныхъ чувствъ!

Каркудиновъ.—Модестъ Николаевичъ! Не слишкомъ ли вы увлекаетесь вашей ролью... упразднителя? Позвольте маленькій вопросецъ: векселя, выданные вами, кто пускалъ въ ходъ?

Звѣватовъ.—Я этимъ лично не занимаюсь. Это долженъ знать нашъ кассиръ. *(Идетъ къ двери.)* Присягинъ, поди сюда!

XVI.

Тѣ же и Присягинъ.

Звѣватовъ *(Присягину)*.—Вотъ въ чемъ дѣло. Мою кузину, Анну Павловну Неуталову, запросилъ какой-то господинъ Лугинъ: ея ли подпись, какъ поручительницы, на моемъ векселѣ?

Присягинъ *(очень сдержанно Аннѣ)*.—А вы это изволите ...ицать? Такъ и отвѣтили?

Каркудиновъ.—Анна Павловна, не желая ставить Модеста ...колаича въ неловкое положеніе, отложила свой отвѣтъ до свида... съ нимъ.

Присягинъ.—Такъ-съ. Это всего лучше. *(Аннѣ.)* Вамъ нѣтъ ...бности отвѣчать всякому ростовщику.

Каркудиновъ.—Позвольте. Вы его знаете лично, этого господина, Лугина?

Присягинъ.—Что это—допросъ, господинъ Каркудиновъ?

Зѣватовъ.—Все это вздоръ! Прошу васъ, кузина, успокойтесь! Я ничего не боюсь. *(Присягину.)* Ты мнѣ, сколько я помню, ничего не говорилъ о такомъ дисконтерѣ, а?

Присягинъ *(Аннѣ)*. — Въ интересахъ Модеста Николаича, еслибъ началось что-нибудь непріятное, удобнѣе было бы воздержаться отъ всякаго отвѣта.

Каркудиновъ.—Но когда начнется дѣло и Аннѣ Павловнѣ будетъ поставленъ вопросъ: признаетъ ли она свою подпись подложной или подлинной?

Зѣватовъ.—Ха-ха! Цѣлое дѣлецкое совѣщаніе! *(Аннѣ.)* Простите, дорогая кузина, я могу показаться вамъ въ эту минуту возмутительно-неблагодарнымъ. Но я рѣшительно не преклоняюсь передъ вашимъ великодушнымъ поступкомъ. Вы прилетѣли спасать меня на этотъ разъ уже отъ уголовщины. Но видите, что выходитъ? Маленькое предварительное дознаніе, смыслъ котораго таковъ: дѣйствительно ли я поддѣлалъ вашу подпись, или нѣтъ?

Анна *(вскочивъ)*.—Модестъ! Да, ваше поведеніе чудовищно!

Каркудиновъ.—Напрасно, сестричка, вы такъ огорчаетесь. Модестъ Николаичъ долженъ остаться вѣренъ своему амплуа.

Зѣватовъ.—Господинъ Каркудиновъ! Я здѣсь хозяинъ и воздержусь отъ всякихъ возраженій на вашу тираду. *(Аннѣ.)* Поступайте какъ вамъ угодно.

Присягинъ *(рѣзче—Зѣватову)*.—Нечего горячиться, Модестъ! Твоя кузина поступаетъ въ твоемъ прямомъ интересѣ. Какъ же ты этого не понимаешь?

Зѣватовъ *(Аннѣ)*.—Простите! Я вѣдь ничего въ дѣлахъ не смыслю.

XVII.

Тѣ же и полицейскій.

Полицейскій *(въ дверяхъ)*.—Кто здѣсь господинъ Зѣватовъ?

Зѣватовъ *(выступая)*.—Я.

Полицейскій.—А господинъ Присягинъ?

Присягинъ *(дрогнувшимъ голосомъ)*.—Я.

Полицейскій.—Къ вамъ обоимъ повѣстки. *(Подаетъ имъ обоимъ.)* Благоволите расписаться. *(Присягинъ и Зѣватовъ расписываются у стола.)* Счастливо оставаться! *(Уходитъ.)*

Дрыгинъ *(подходитъ къ Зѣватову)*.—О чемъ повѣстки?

Зѣватовъ (*Присягину*).—Тебя вызываютъ къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ?

Присягинъ.—Да.

Зѣватовъ.—И меня также. (*Аннѣ.*) Милая кузина! Какой coup de théâtre! Я желалъ бы вѣрить, что въ немъ вы не принимали участія, ни въ какомъ смыслѣ.

Анна (*возбужденно*).—Стало, вы считали бы меня способной начать уголовное дѣло?

Зѣватовъ.—А развѣ вы не ставили, хотя бы и косвенно, вопросъ: способенъ ли я на подлогъ?

XVIII.

Тѣ же и остальные.

Чуркинъ (*Присягину*).—Что такое?

Присягинъ.—Молчи! (*Остальнымъ.*) Господа, тутъ вышелъ одинъ... чисто семейный инцидентъ. Модестъ проситъ васъ удалиться.

(*Всѣ трое уходятъ медленно въ среднюю дверь.*)

Зѣватовъ.—Семейный инцидентъ! Ха-ха! Прекрасная формула!...

Анна (*Дрыгину*).—Идемте отсюда! (*Зѣватову.*) Какъ надо исковеркать себя, чтобы такъ обойтись со мною, Модестъ! Но у меня есть *свое* пониманіе долга. Я не знаю, по какому документу началось дѣло. Все равно! Моя подпись существуетъ. И выходитъ что-то похожее на то, что я васъ тайно уличила и устроила вамъ ловушку... Я не считаю васъ способнымъ на грязный поступокъ, слышите!

Каркудиновъ.—Этого на судѣ будетъ недостаточно, сестричка! Самое вѣрное средство спасти Модеста Николаича, это—признать подлинность вашей подписи. Тогда спасеніе будетъ полное.

Зѣватовъ (*Аннѣ*).—Прошу васъ, не подавляйте меня вашимъ великодушіемъ.

Дрыгинъ.—Друзья мои! Все это поведетъ васъ обоихъ къ высшему просвѣтленію.

Анна.—Я достаточно прозрѣла. (*Дрыгину.*) Левъ! Полно изрекать словеса! (*Идетъ къ двери.*) До свиданія, Модестъ!

(*Уходитъ, за ней Дрыгинъ.*)

Зѣватовъ (*провожаетъ*).—До свиданія, гдѣ? Въ залѣ суда? I юсти прошу.

Каркудиновъ.—А васъ кто будетъ спасать, господинъ кас- ъ?

Присягинъ (*ударяетъ себя по лбу*).—Вотъ кто-съ!

Занавѣсъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Номеръ изъ двухъ комнатъ: гостиная и спальня.—Дѣйствіе въ гостиной, съ хорошей отельной обстановкой.—Двѣ двери: прямо, въ коридоръ и справа (на авансценѣ) полуоткрытая въ спальню.

I.

Графъ, Мэри, ея мужъ—Бабашинъ *(сидятъ справа, гдѣ диванъ)*; **Анна** *(съ другой стороны комнаты и, видимо, не слушаетъ ихъ разговора, чѣмъ-то сильно озабоченная)*.

Графъ *(на диванѣ, обращаясь къ Бабашину)*.—По моему, мой милый, Парижъ сталъ просто невыносимъ. Пыль, вонь! Pardon mesdames! По бульварамъ валяются вороха бумажекъ и всякой дряни. А, главное, грубятъ, вездѣ грубятъ.

Бабашинъ.—Будто уже такъ-таки вездѣ и грубятъ, графъ?

Графъ.—На почтѣ грубятъ, на желѣзной дорогѣ грубятъ. Гарсоны въ кафе грубятъ! Прачки грубятъ! Уже о кучерахъ что же и распространяться? У нихъ, по этой части, всемірная репутація. Одинъ такъ меня взорвалъ своими дерзостями, что я—прямо къ префекту полиціи, и на три дня, какъ у нихъ тамъ говорится: «on l'a mis à pied».

Мэри.—А всетаки, графъ, другого города нѣтъ въ мірѣ.

Графъ.—Да, вамъ, молодымъ бабочкамъ и вашимъ кавалерамъ: цѣлыми днями сидятъ у Пакэна, у Ляферьера, да у ювелировъ, таскаться по ночнымъ притонамъ и кабачкамъ, гдѣ поются всякія мерзости. А впрочемъ, все это ведетъ къ тому же.

Мэри.—Ха-ха! Къ всеобщей ликвидаціи, графъ?

Бабашинъ.—Позвольте, графъ, и мнѣ не согласиться съ вами насчетъ Парижа. Гдѣ можно найти такую любовь къ рѣдкостямъ?

Графъ.—И гдѣ вашего брата-антикварія такъ жестоко надуваютъ.

Бабашинъ.—Это уже какъ во всякомъ спортѣ.

Графъ.—Спортъ, спортъ! Это вѣрно. И ваша хваленая археологія—не что иное, какъ спортъ. Нынче каждому хочется чѣмъ-нибудь отличиться, прославить себя. Всякій мусьякъ нанимаетъ автомобиль, напяливаетъ на себя очки, шубу, мѣхомъ вверхъ и дурацкій картузъ и дуетъ по ста двадцати километровъ въ часъ, адски пылитъ, воняетъ нафталиномъ и давитъ живыхъ людей.

Мэри.—Можетъ и самъ лихо погибнуть. Мы вѣдь были на Ривьерѣ, когда какой-то графъ Яблонскій разбился вдребезги, летѣлъ съ горы на призъ. *(Мужу.)* Ты помнишь, Алексъ?

Бабашинъ (съ улыбочкой).—Головой объ утесъ!

Мэри.—Зато лихая смерть.

Бабашинъ.—Вотъ вы, графъ, называете антикварное дѣло—спортомъ. Наполовину, пожалуй, и такъ. Я вамъ скажу, чуть было я самъ не поймался, въ Парижѣ, въ позапрошломъ году. (Подсаживается ближе къ графу.) Такую рукопись показали мнѣ, просто объѣденье! (Продолжаетъ разсказывать.)

Мэри (не слушая, подходитъ къ Аннѣ и садится рядомъ съ нею.) Ты что-то сильно волнуешься? Мы тебя стѣсняемъ, скажи?

Анна (развязно).—Почему?

Мэри.—Ахъ, Боже мой! Ты все играешь со мною въ прятки. Пари держу, что тутъ замѣшанъ опять Модестъ. Вотъ ты сюда прискакала изъ деревни.

Анна (нервно).—Пора бы тебѣ, Мэри, бросить все одну и ту же пріѣвшуюся тему.

Мэри (встаетъ).—Не злись! (Мужу.) Алексъ, ты кончилъ свою исторію? Мы ѣдемъ!

II.

Тѣ же и Родіонцева.

Родіонцева (на ходу).— Bonjour, Annette. Узнала, что вы здѣсь. И сейчасъ на площадкѣ отеля встрѣчаю Солодова. Онъ, кажется, вашъ сосѣдъ по коридору? (Здоровается).

Мэри (Аннѣ).—Вотъ какъ!

Анна.—Онъ здѣсь же въ отелѣ. Что же тутъ такого?

Родіонцева.—Это, мой другъ, ваше дѣло. Но я ѣхала къ вамъ вотъ зачѣмъ... (Подходитъ къ графу.) Здравствуйте, графъ! Алексъ, здравствуйте! (Садится къ дивану.) Мы тутъ всѣ—свои. (Оглядывается.) Annette, вы не знаете, какъ отличился вашъ герой, предметъ вашего engouement, Модестъ?

Мэри.—Что такое?

Родіонцева (Аннѣ).—Не знаете?

Анна.—Ma tante! Что же вы меня такъ допрашиваете?

Мэри.—А-а! Вотъ объясненіе того, что ты, Annette, сама не с я.

Родіонцева.—А я думала, вы уже знаете и для этого именно п катили въ Москву.

Графъ (съ мѣста).—Madame Родіонцева, да разрѣшитесь же, н энецъ, вашей новостью.

Бабашинъ.—Chère belle-maman! И я бы то же сказалъ.

Родіонцева. — Модестъ Зѣватовъ попался въ фабрикаціи фальшивыхъ подписей. И говорятъ, одна ваша, Annette... Правда это или нѣтъ? *(Встаетъ.)*

Анна.—Я не знаю.

Родіонцева.—Будто?

Мэри *(Аннѣ)*.—Почему ты скрывала? Это больше, чѣмъ возможно.

Анна *(замѣтно волнуясь)*.—Ты, стало, такъ его понимаешь, Мэри? Ты считаешь его способнымъ на такой поступокъ? Развѣ ты всегда на него такъ смотрѣла? *(Глядитъ на Мэри.)*

Мэри.—Можно было жалѣть его... Но такъ интересоваться имъ?

Бабашинъ *(подходя)*.—Позволь, дружокъ, еще не такъ-то давно... ты ставила его на особую полочку... Признавала въ немъ что-то демоническое... А?

Мэри.—Ты, Богъ знаетъ, что говоришь!

Бабашинъ.—Правду говорю; а правда глаза колетъ, хе-хе!

Родіонцева.—Для васъ, Annette, это будетъ хорошимъ предостереженіемъ. Мы здѣсь свои. Вы все его хотѣли обратить на путь истинный. Можетъ статься и по векселямъ его платили... а?

Анна *(съ ироніей)*.—Откуда вы раздобылись и такой свѣжей новостью?

Родіонцева.—Не сердитесь, милая. Мы всѣ желаемъ вамъ добра.

Анна.—И тоже хотите спасать меня?

Графъ *(подходя)*.—Madame Родіонцева, по своему, дѣло говоритъ; но еслибъ ты и разорилась на этого соблазнительнаго шелопая, я плакать бы не сталъ. Чѣмъ сильнѣе идетъ всеобщее распаденіе, тѣмъ лучше. *(Поворачивается къ двери.)* Прощай, Анна. У тебя свои средства. И своя голова на плечахъ. И ты давненько уже совершеннолѣтняя. Прощайте всѣ. *(Возвращаясь къ Бабашину.)* Вотъ я сейчасъ разносилъ Парижъ... А все въ него попадешь.

Бабашинъ.—Это давно Некрасовъ сказалъ про русскаго барина. Куда бы онъ ни ѣхалъ, «быть ему въ Парижѣ!» *(Провожаетъ графа до двери.)*

Мэри *(отводя Анну въ сторону)*.—На тебѣ лица нѣтъ. Не выдавай ты себя такъ.

Анна.—Я желала бы... чтобы меня наконецъ оставили въ покоѣ.

Мэри.—Изволь! *(Мужу.)* Алексъ, ѣдемъ?

Бабашинъ.—У меня свой конецъ.

Мэри.—Карету я возьму.

Бабашинъ.—Само-собою. *(Подходитъ къ Аннѣ.)* Мы, кажется, сильно вамъ надоѣли?...

Родіонцева *(подходя, съ другой стороны).*—Вы, Богъ знаетъ, какъ нервны, Annette. Это дурной признакъ. На вашемъ мѣстѣ, я, по крайней мѣрѣ, узнала бы поскорѣе, въ чемъ дѣло. Какая же радость быть, хотя бы и косвенно, замѣшанной въ такомъ грязномъ дѣлѣ?! Прощайте!

(Уходитъ за четой Бабашиныхъ.)

III.

Анна *(ходитъ одна, въ волненіи; потомъ звонитъ) и* **коридорный** *(на звонъ Анны.)*

Коридорный.—Что прикажете?

Анна.—Попросите сюда господина Солодова. Онъ тутъ, въ шестомъ номерѣ.

Коридорный.—Слушаю-съ.

IV.

Тѣ же и Каркудиновъ *(въ дверяхъ.)*

Коридорный *(Аннѣ).*—Вы изволите приказать попросить сюда того господина?

Анна.—Да, да. Онъ дома.

Коридорный.—Слушаю-съ. *(Скрывается.)*

V.

Анна и Каркудиновъ.

Анна *(бѣжитъ къ нему).*—Ну что, Макарій? Ты исполнилъ мое порученіе?

Каркудиновъ.—Исполнилъ.

Анна.—Передалъ ему письмо?

Каркудиновъ.—Передалъ.

Анна.—И получилъ отвѣтъ?

Каркудиновъ.—Устный, а не письменный.

Анна.—Онъ еще на свободѣ?

Каркудиновъ.—Пока.

Анна.—Разскажи все. Сядь. *(Садятся на диванъ.)*

Каркудиновъ.—Отвѣтъ лаконическій. Будетъ сюда.

Анна.—Когда?

Каркудиновъ.—Сказалъ, послѣ трехъ. Стало скоро. *(Закуриваетъ папиросу.)*

Анна.—Спасибо, Макарій.

Каркудиновъ.—Можно сказать вамъ два слова неподкрашенной правды?

Анна.—Говори.

Каркудиновъ.—Очень мнѣ за васъ стало обидно.

Анна.—Почему?

Каркудиновъ.—Надо было видѣть игру его физіономіи, когда онъ читалъ ваше посланіе, и слышать интонацію, съ какой онъ изволилъ выговорить: «передайте Аннѣ Павловнѣ, что я буду у ней». *(Встаетъ.)* Эхъ, сестричка! Съ какой стати вы передъ нимъ такъ прыгаете?

Анна.—Ты могъ бы выразиться нѣсколько иначе.

Каркудиновъ.—Какъ умѣемъ! Да вы только вспомните, какъ онъ велъ себя съ вами тогда, и до появленія полицейскаго, и послѣ.

Анна.—Не онъ дурно себя велъ, а я.

Каркудиновъ.—Вы-ы?

Анна.—Да! Я! Но все это мое дѣло.

Каркудиновъ.—А я, выходитъ, долженъ держать языкъ за зубами?

Анна *(нервно)*.—Каковъ бы ни былъ Зѣватовъ, онъ добрѣе тебя, въ десять разъ благороднѣе, шире умомъ. Онъ губитъ себя изъза какого-то высшаго озорства. Но и въ этомъ онъ смѣлѣе тебя. Ты только воображаешь, что у тебя разрывныя идеи и чувства.

VI.

Тѣ же и Солодовъ *(входитъ при послѣднихъ словахъ Анны).*

Анна *(увидавъ его)*.—Нилъ Сергѣичъ! *(Подходитъ и жметъ его руку.)* Вотъ Каркудиновъ принесъ отвѣтъ отъ Модеста. Онъ будетъ сюда.

Каркудиновъ *(кланяясь Солодову)*.—Съ искреннимъ неудовольствіемъ исполнилъ порученіе сестрицы моей, за что отъ нея же сейчасъ получилъ нахлобучку. *(Аннѣ.)* Спасибо за неоставленіе! Моя позиція, въ этомъ интимномъ дѣлѣ, вамъ не полюбилась? Но всетаки я такъ не могу уйдти отсюда. Быть можетъ, мы больше не увидимся.

Анна *(мѣняя тонъ)*.—Я тебя не гоню.

Каркудиновъ *(оглядываясь на Солодова)*.—Правда, мы съ вами теперь не съ глазу на глазъ; но Нилъ Сергѣичъ вашъ другъ и мой, какъ никакъ, школьный товарищъ. Тутъ дѣло не во мнѣ, а въ

васъ; и совсѣмъ не то важно, буржуй я, на оцѣнку господина Зѣватова и на вашу также, или нѣтъ!... Согласитесь... имѣю же я право, вотъ въ эту самую минуту, когда вы испытываете такую передрягу, безъ околичностей высказать вамъ, что я чувствую?

Солодовъ *(глядя на Анну)*.—Анна Павловна, ты самъ видишь, слишкомъ взволнована. И теперь врядъ ли время...

Каркудиновъ.—А по моему, теперь-то именно самая настоящая минута и есть. Нервы ея все равно расходились. И почему: я ли, ты ли, другой ли кто долженъ подлаживаться непремѣнно подъ ея тонъ, поддерживать ее въ такомъ дѣлѣ, гдѣ она можетъ жестоко поплатиться? *(Аннѣ.)* Изъ-за чего вы усердствуете? Бросьте вы это запоздалое увлеченіе вашимъ троюроднымъ братцемъ.

Анна *(вскакиваетъ)*.—При чемъ тутъ увлеченіе?

Каркудиновъ.—Дайте мнѣ досказать, и потомъ гоните. Не будьте вы слѣпы! Не впадайте вы въ самообманъ! Не я одинъ, а многіе давно знаютъ, что вы не можете, до сей поры, сбросить съ себя, какъ въ салонахъ говорится, *престижъ*, что ли... этого фасонистаго упразднителя,—я такъ его прозвалъ! Кличка не обидная. Для васъ, и для Нила Сергѣича, коли на то пошло, и я упразднитель, но только до извѣстной зарубки. А онъ видите ли безъ всякихъ зарубокъ.

Анна.—И всетаки Модестъ не способенъ на подлогъ. Нѣтъ и нѣтъ!

Каркудиновъ.—А хотя бы и неспособенъ? Тѣмъ хуже! Не для него, а для васъ. Вы за него будете распинаться, пожалуй поручительство предложите, отвалите кушъ столичному брехунцу, обѣлять его, какъ «кринъ сельній». Васъ самое все это еще сильнѣе подвинтитъ. Онъ, каковъ онъ тамъ ни на есть, всетаки будетъ польщенъ. Вѣдь у него тоже непочатый уголъ разныхъ джентльменскихъ традицій барчука. И вотъ вы на одной ниточкѣ отъ финала! Все равно; законный бракъ или романъ, безъ наложенія узъ, съ такимъ человѣкомъ васъ ждетъ одинаково мука мученская. Да онъ вамъ и того еще не проститъ, что вы его спасали, вернули его къ обывательскому благополучію. Онъ и изъ кутузки, и изъ мѣстъ не столь отдаленныхъ создалъ бы себѣ школу высшихъ ощущеній и состояній духа, пожа[лу] во вкусѣ другого вашего кузена, оргіаста или какъ бишь тамъ ш[...]зматика Дрыгина. *(Протягиваетъ Аннѣ руку.)* Ну, казните! Я конч[...]ь. *(Солодову.)* Помнишь, мы, въ послѣднемъ классѣ гимназіи, л[юб]или, во время нашихъ схватокъ, восклицать:

Dixi et animam meam laevavi!» *(Уходя.)*

[Не]годуйте! Гнѣвайтесь! Ваша воля!

Анна *(задумчиво)*.—Если ты все это отъ души, я не могу запретить тебѣ.

Каркудиновъ.—И позвольте вамъ сказать еще одно: ужъ коли я кого ненавижу и кому завидую, такъ не вашему герою! Нѣтъ! *(Солодову.)* Ты, поди, приготовилъ уже отвѣтную рѣчь? Но я удаляюсь. Пора и сестричку бѣдную пожалѣть.

VII.

Анна и Солодовъ.

Солодовъ *(подходитъ и беретъ ее за руку)*.—Дорогая моя Анна Павловна! Вы слишкомъ добры. Дали ему наговорить вамъ столько ненужнаго и неделикатнаго.

Анна *(поднимая голову)*.—У него это вылилось! Ему страшно за меня. *(Взглянувъ на него.)* А вы развѣ не боитесь того же, что и онъ?

Солодовъ *(не сразу)*.—Кто же изъ насъ имѣетъ право... *(не договариваетъ.)*

Анна.—Нѣтъ, будьте такъ же смѣлы, если хотите такъ же рѣзки, какъ онъ.

Солодовъ.—Я еще недостаточно спокойно отношусь къ Модесту Николаичу. Правъ я или нѣтъ въ оцѣнкѣ такихъ личностей, какъ онъ, не въ этомъ дѣло. Я васъ глубоко понимаю, я вамъ сочувствую и преклоняюсь передъ высотой вашего порыва.

Анна.—Это все не то, Солодовъ! *(Пауза.)* А еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, кончилось такъ, какъ говорилъ сейчасъ Макарій?

Солодовъ *(грустно)*.—Развѣ можно торговаться со страстью и даже съ простымъ увлеченіемъ?

Анна.—Страсть?! *(Смотритъ на него прямо.)* Ея нѣтъ, Солодовъ. *(Пауза.)* Но что же скрытничать? Особенно послѣ того, что вы слышали тамъ, у меня? Много я настрадалась. Не мало ждала, надѣялась, думала, что могу вліять на него, возродить къ другой жизни и вотъ чѣмъ кончилось!

Солодовъ *(замедленно)*.—И вы еще... боитесь за себя?

Анна.—Прежде всего, я не хочу, Солодовъ, чтобы теперь, въ моемъ простомъ человѣческомъ побужденіи видѣли только запоздалую мечтательность, сантиментальный капризъ. Меня всегда возмущаетъ эта роковая зависимость женщины отъ *него*, отъ такъ называемаго «предмета». Господи! Самое слово-то какъ пошло! Но знаете, Солодовъ, быть можетъ, и вы слишкомъ уже по рыцарски ведете себя со мною.

Солодовъ.—Почему?

Анна.—Зѣватовъ вамъ особенно антипатиченъ.

Солодовъ.—Это не настоящее слово. Достоинъ жалости, пожалуй.

Анна (*съ интонаціей*).—Жалокъ? И вы, про себя, говорите: «И подобнымъ жалкимъ индивидомъ она могла такъ долго увлекаться».

Солодовъ.—Это уже исповѣдь, Анна Павловна. (*Тише.*) Я не терялъ надежды.

Анна (*съ живостью*).—На что, на что, скажите!

Солодовъ.—На то, что это... навожденіе... простите!... пройдетъ, не сегодня, такъ завтра.

Анна.—Помните тогда, послѣ засѣданія, вы пришли послѣ одной изъ такихъ критическихъ минутъ. Но она была послѣдняя. (*Не выпуская его руки изъ своей.*) И я думала, что все кончено. А потомъ я узнала, что онъ здѣсь совсѣмъ себя губитъ. Потомъ эта фальшивая подпись. И я прилетѣла и попала въ тотъ самый день, когда его вызвали къ слѣдователю. И точно я сама это подготовила. Это имѣло такой видъ! Вотъ что меня всего сильнѣе можжитъ! Во мнѣ вдругъ зажглось что-то внутри. Желаніе снять съ себя его подозрѣніе, вмѣстѣ съ обидой за него, съ вѣрой въ то, что онъ не могъ такъ низко упасть. Она и теперь живетъ во мнѣ. Но только это. Ничего больше. Клянусь вамъ! И я не могу, не могу бросить его на произволъ судьбы! (*Въ волненіи смолкаетъ. Пауза.*)

Солодовъ.—Это ваша исповѣдь. А вотъ моя. Мое поведеніе будетъ самое простое. Я прошу васъ, дорогая: позволить мнѣ удержать васъ отъ всего... лишняго.

Анна.—Хотите устранить меня?

Солодовъ.—Не устранить, нѣтъ! Но вамъ нѣтъ надобности выставляться впередъ. Вы дѣвушка. Зачѣмъ давать поводъ къ глупымъ толкамъ!

Анна.—А это не уступка тому самому монду, гдѣ блистаетъ моя кузина Мэри?

Солодовъ (*съ замѣтнымъ волненіемъ*).—Нѣтъ. Васъ проситъ вашъ товарищъ, человѣкъ, которому вы... слишкомъ дороги. Если нужно будетъ, позвольте мнѣ взять на себя всѣ хлопоты. Но Зѣватовъ врядъ ли на это пойдетъ.

Анна.—И если онъ насъ съ вами за это именно возненавидитъ?

Солодовъ.—Надо и на это идти.

Анна (*беря его за руку—порывисто*).—Милый!... Милый мой другъ и товарищъ! Вы чудовище доброты! Вотъ что! (*Оглядываясь, тише.*) Онъ сейчасъ будетъ здѣсь. Хотите ли вы предоставить мнѣ

одной объясниться съ нимъ или желаете участвовать и въ этомъ разговорѣ? *(Смотритъ на него.)*

Солодовъ.—Я готовъ. Лучше сразу все выяснить. Сдѣлаемъ такъ. Примите его и если онъ выкажетъ себя, какъ человѣкъ, способный понять васъ... и оцѣнить ваше поведеніе съ нимъ, я сдѣлаю остальное. Я приду позднѣе.

Анна.—Да, такъ будетъ хорошо. А если онъ вдругъ на дыбы? И возьметъ съ вами невозможный тонъ?

Солодовъ. — Вдвоемъ авось мы осилимъ его. А теперь я удаляюсь.

Анна *(удерживая его)*. Знаете, я скажу, какъ Модестъ сказалъ бы навѣрно: вы меня хотите раздавить величіемъ души вашей.

Солодовъ.—Намъ нельзя считаться. Теперь мы тоже что-то вродѣ сообщниковъ! *(Уходитъ.)*

VIII.

Анна *(идетъ въ спальню; сцена пуста)* *потомъ* **коридорный.**

Коридорный *(подходя къ двери въ спальню)*.—Сударыня!

Анна *(показываясь)*.—Что нужно?

Коридорный.—Къ вамъ господинъ. Вотъ ихъ карточка.

Анна *(взглянувъ)*.—Просите сюда. *(Коридорный отворяетъ среднюю дверь, впускаетъ Зѣватова, а самъ скрывается.)*

IX.

Анна и Зѣватовъ.

Анна *(бѣжитъ къ нему)*.—Спасибо! Вы пришли, Модестъ! Садитесь!

Зѣватовъ *(оглядывается)*.—Вы одна?

Анна.—Одна, одна! *(Садятся.)*

Зѣватовъ. — Кузина! Я былъ тронутъ вашимъ письмомъ. Правда, если говорить совсѣмъ откровенно, а я привыкъ такъ говорить со всѣми и всегда, вы, какъ всякая женщина, опять перепустили мѣру. Слишкомъ обвинили самое себя! И ничего бы между нами не вышло... неловкаго, еслибъ вы менѣе нервно повели себя въ тотъ день. И я не позволилъ бы себѣ тогда понервничать. Но почему такъ вышло? Потому что вамъ, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдовало дѣлать сейчасъ же родъ юридическаго совѣщанія. Помните: я вамъ сразу предложилъ остаться съ глазу на глазъ и тогда ничего бы такого не вышло.

Анна.—Вы правы! Но этого мало. То, что я вамъ сказала въ письмѣ, не женская только нервность, Модестъ. Я не могу, вы понимаете! не могу оставить васъ на произволъ судьбы. Клянусь вамъ! Я ни одной минуты не считала васъ способнымъ на такую вещь.

Звѣватовъ (*шутливо*).—Благодарю васъ.

Анна.—Модестъ! Ради Бога, не въ этомъ тонѣ. Вы видите, для меня самой, это уже вопросъ чести, гораздо больше, чѣмъ это будетъ для васъ, если бы даже васъ и обвинили въ... (*не доканчиваетъ.*)

Звѣватовъ (*за нее*).—Въ подлогѣ... выговаривайте смѣло!

Анна.—Но развѣ это не такъ? У васъ свой взглядъ на все. Вы не миритесь съ тѣмъ, что считается дозволеннымъ и недозволеннымъ? Я не стану съ вами спорить. Не до спора мнѣ, Модестъ! Для васъ ничего не значитъ всякое, даже уголовное обвиненіе... хотя я и не увѣрена: такъ ли оно на самомъ дѣлѣ.

Звѣватовъ.—Другими словами: не рисуюсь ли я?

Анна.—Можно и самого себя обманывать. Но бросимъ это. Я знаю: вы считаете себя выше всего *нашего* кодекса морали. Я, нѣтъ! Для меня то, что случилось между нами двоими, камень на моей совѣсти!

Звѣватовъ.—Да въ чемъ же вы-то виноваты тутъ? Развѣ ваша подпись поддѣльная?

Анна.—Мое имя замѣшано, и этого довольно. И то, что вышло у васъ—еще сильнѣе всколыхнуло меня.

Звѣватовъ.—Да развѣ я васъ обвиняю въ чемъ-нибудь?

Анна (*настойчиво*).—Но такъ случилось. Довольно и того, что вы могли бы меня заподозрить въ неделикатномъ поступкѣ съ вами! Судьбѣ, стало быть, угодно было, чтобъ моя личность была замѣшана въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вы не могли быть виноватымъ. Поймите же меня, Модестъ! (*Протягиваетъ ему руку.*)

Звѣватовъ (*пожимаетъ руку*).—Понимаю. Это преувеличено; по женски, но очень... трогательно, милая кузина. Вы—славная натура, хоть и въ буржуазныхъ шорахъ.

Анна.—Но довольно обо мнѣ! Вы можете пострадать, а не я. И вы мнѣ не откажете въ правѣ: поддержать васъ въ такую минуту.

Звѣватовъ (*съ движеніемъ головы*).—Въ какомъ смыслѣ? Заявить, что подпись на векселѣ ваша? Я этого не допущу!

Анна.—Я и не предлагаю вамъ этого. Но васъ могутъ лишить свободы?

Звѣватовъ.—Могутъ.

Анна.—Это налагаетъ еще бо́льшее клеймо.

Звѣватовъ (*шутливо*).—Посидѣть въ одиночествѣ, быть можетъ, очень занимательно?

Анна *(еще сильнѣе)*.—Полноте! Я не могу этого допустить! Вѣдь вы невинны? Это сдѣлалъ тотъ, вашъ пріятель, съ такимъ подозрительнымъ лицомъ. Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Зѣватовъ.—Можетъ быть. Это его дѣло.

Анна.—Модестъ! Оставьте вы хоть на минуту ваши парадоксы. Я, я—Анна Павловна Неуталова—не могу это допустить. И вы должны мнѣ позволить...

Зѣватовъ.—Сѣсть за меня? Ха-ха!

Анна.—Избавить васъ отъ лишняго позора, на мою, положимъ, буржуазную оцѣнку. Для человѣка, какъ вы, высшее благо—свобода.

Зѣватовъ.—Да я уже не свободенъ.

Анна.—Какъ?

Зѣватовъ.—Вчера меня обязали подпиской о невыѣздѣ изъ города.

Анна *(тревожнѣе)*.—Вотъ видите! *(Подсаживается ближе.)* Не отрицайте, у васъ есть чисто мужское, щекотливое point d'honneur. Вы ничего не можете принять отъ женщины? Да? Я понимаю. Отъ такой женщины, съ которой у васъ есть что-нибудь интимное. *(Смотритъ на него.)* А у насъ нѣтъ ничего, вы это сами знаете.

Зѣватовъ.—Знаю.

Анна.—Стало? Я пощажу ваше чувство. Все это можно сдѣлать иначе. Если васъ захотятъ арестовать, можно поручиться за васъ. Не согласитесь вы на то, чтобы поручительницей была я—женщина, можно устроить это по другому. Прошу васъ, Модестъ! Не упирайтесь!

Зѣватовъ.—Ха-ха! Милая кузина! *(Беретъ ее за обѣ руки.)* Вы молите точно о какомъ благодѣяніи! Мнѣ не слѣдовало бы принимать отъ васъ этой... всетаки жертвы.

Анна.—Въ чемъ же тутъ жертва?

Зѣватовъ.—А вдругъ мнѣ захочется нарушить слово и улетучиться? Вы за это можете матеріально поплатиться.

Анна.—Вы этого не сдѣлаете!

Зѣватовъ.—Зарока давать не стану. Никакой обузы на себя брать не желаю. Если меня засадятъ—я подчинюсь силѣ. Да и то еще вопросъ: подчинюсь ли я ей?

Анна.—Ну, хорошо, ну, будь по вашему. Вы хотите выставить себя чуть не злодѣемъ. *(Радостно.)* Но вы согласны, да? Вы мнѣ предоставите сдѣлать такъ, чтобы моя личность не была тутъ прямо замѣшана? Чтобы я не выставлялась? Спасибо вамъ, Модестъ, большое спасибо! *(Порывисто жметъ его руку.)*

X.

Тѣ же и Солодовъ *(останавливается въ дверяхъ).*

Звѣватовъ *(увидавъ его, быстро поднимается и тише Аннѣ).*— Милая кузина! Что это? Вы—мастерица устраивать театральные эффекты!

Анна *(вставая).*—Нилъ Сергѣичъ! Войдите! Войдите! *(Звѣватову.)* Намъ надо повиниться передъ вами. Мы съ Ниломъ Сергѣичемъ были въ заговорѣ.

Звѣватовъ *(рѣзко мѣняя тонъ).*—Да?... Я это вижу.

Солодовъ *(подходитъ и протягиваетъ руку Звѣватову).*—Модестъ Николаичъ! Вы знаете, какое Анна Павловна принимаетъ участіе въ томъ... *(Затрудняется досказать.)*

Звѣватовъ *(за него).*—Родственномъ инцидентѣ? Знаю.

Анна.—Модестъ не отказываетъ мнѣ въ томъ, о чемъ я уже просила его въ письмѣ. *(Звѣватову.)* Нилъ Сергѣичъ знаетъ все.

Звѣватовъ *(насмѣшливо).*—Я вижу, у васъ съ m-r Солодовымъ нѣтъ секретовъ.

Анна.—И я прошу васъ, Модестъ, отнестить къ Нилу Сергѣичу также просто. Вы люди не одного стàна; но вы оба честные и добрые. Не отпирайтесь. Вы честный и добрый. Мы здѣсь представляемъ собою...

Звѣватовъ *(договариваетъ).* — Классическій или романтическій, какъ угодно, треугольникъ: женщина и двое мужчинъ.

Анна *(немного смущенная).*—Нѣтъ! Нѣтъ! Я не въ томъ совсѣмъ смыслѣ! Ну, сядемъ и поговоримъ ладкомъ. *(Солодову.)* Модесту, по его взглядамъ, непріятно было бы принять прямо отъ меня...

Солодовъ *(Звѣватову).*—Но я другъ Анны Павловны, ея товарищъ дѣтства. Она довѣритъ мнѣ это небольшое посредничество. Не скрою отъ васъ, Модестъ Николаичъ, что я первый просилъ Анну Павловну позволить мнѣ...

Звѣватовъ *(съ замѣтной ироніей).* — Быть посредникомъ, чтобы она себя не компрометировала.

Солодовъ —Полноте, Модестъ Николаичъ! Бываютъ минуты въ жизни, когда люди должны оставить всѣ счеты. Да у насъ съ вами ихъ и нѣтъ! Ваша кузина, успокаивая свое личное чувство, въ то же время и къ вамъ относится съ полной искренностью, которую невозможно не цѣнить. А я былъ бы счастливъ оказать вамъ обоимъ хоть какую-нибудь услугу. И вы этимъ не можете встревожиться. Наконецъ, еслибъ то, что вамъ предложила Анна Павловна, и было противъ вашихъ принциповъ, вы сдѣлаете надъ собою маленькое насиліе.

Зѣватовъ (*опять мѣняя тонъ*).—Вы, право, подавляете меня великодушіемъ. (*Аннѣ.*) Но выходитъ, стало быть, что m-r Солодовъ будетъ дѣйствовать отъ своего имени?

Анна.—Что же для васъ въ этомъ оскорбительнаго, Модестъ?

Зѣватовъ.—Это совсѣмъ мѣняетъ вопросъ.

Солодовъ (*горячо*).—Модестъ Николаичъ! Простите! Вѣдь это — щекотливость, не подходящая именно къ вамъ. Вы должны быть выше всего этого! (*Еще горячѣе.*)—Позвольте мнѣ пойти еще дальше. (*Подсаживается къ Зѣватову.*) Я буду говорить за Анну Павловну. Она ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что вы сами—жертва подлога. И отъ васъ вполнѣ зависитъ: вывести сейчасъ же на чистую воду того изъ вашихъ пріятелей, который, если не ошибаюсь, завѣдывалъ у васъ денежными операціями.

Зѣватовъ (*съ ироніей*).—Вы бы такъ и поступили на моемъ мѣстѣ, m-r Солодовъ?

Солодовъ.—Но кто же могъ подписаться подъ руку Анны Павловны, если не этотъ господинъ?

Зѣватовъ (*брезгливо*).—Я не знаю-съ. И не хочу входить въ это.

Солодовъ.—Помилуйте! Иначе вы ставите себя въ положеніе чуть не сообщника?

Зѣватовъ.—И это васъ на моемъ мѣстѣ устрашило бы, не правда ли? Вы видите, m-r Солодовъ, какъ мы далеки одинъ отъ другого въ нашихъ понятіяхъ? А я, хоть и считаюсь (*къ Аннѣ*), какъ бишь, назвалъ насъ вашъ молочный братъ? да... упразднителемъ, но у меня и у такихъ, какъ я, своя мораль. Защищать себя такими пріемами я неспособенъ. У меня совсѣмъ не развито шкурное чувство. Я уже такъ и отвѣтилъ слѣдователю. Это ихъ дѣло: умничать и ловить. Я этимъ не занимаюсь.

Солодовъ.—Прекрасно, Модестъ Николаичъ! Но я сказалъ это въ еще большее подтвержденіе того, какъ вамъ легко было бы сразу вполнѣ выгородить себя. Остается: cas de conscience вашей кузины. Вы его поняли, вы не отказываете ей. Я стушевываюсь; я только посредникъ. Но я прошу васъ вѣрить, что я съ полнымъ убѣжденіемъ присоединяюсь къ чувству Анны Павловны во всемъ, что васъ касается!

Зѣватовъ (*поглядѣвъ на нихъ обоихъ*).—Право, всякій бы на моемъ мѣстѣ былъ уничтоженъ благородствомъ васъ обоихъ. (*Къ Аннѣ.*) Кузина, вы знаете, что я не охотникъ до возвышеннаго стиля ни въ чемъ. Я бы въ другой моментъ не пошелъ на это, какъ оно

ни показалось бы дикимъ и озорнымъ! *(Смотритъ на Солодова.)* Да очень ужъ у васъ красиво выходитъ этотъ дуэтъ великодушія и преданности. Но я вѣдь рискую, что вы, кузина, или вашъ товарищъ дѣтства, а если не вы, то всякій, кто про это узналъ бы, кинутъ мнѣ въ лицо: «Ага! Небось, струсили?! Пошли на компромиссъ! Согласились на то, что за васъ будутъ поручаться въ извѣстной суммѣ».

Анна.—Неужели вы считаете насъ способными...

Звѣватовъ.—Мало ли что можетъ быть? *(Съ усмѣшкой.)* Я хочу поступить съ полнымъ обладаніемъ своимъ «я». *(Къ Солодову.)* Кажется, и по закону никто не можетъ навязывать мнѣ ни поручительства, ни даже выбора защитника? *(Къ Аннѣ.)* Но если вамъ угодно... прямо или черезъ подставное лицо смягчить мою участь, рисковать, быть можетъ, залогомъ или предложить мнѣ какую-нибудь адвокатскую знаменитость—извольте... я вамъ даю *carte blanche*. *(Пауза.)* И знаете почему? *(Глядя сначала на Солодова, потомъ на Анну.)* Это будетъ такимъ блистательнымъ поводомъ для одного изъ соучастниковъ этого великодушнаго похода выказать свое усердіе... и заслужить... а для другого, какъ можно радикальнѣе успокоить свою слишкомъ щекотливую совѣсть. *(Встаетъ и протягиваетъ имъ обоимъ руку.)* Ха-ха! Вы не посѣтуйте на меня за эти слова! Я ужъ таковъ! Вѣдь вы оба побѣдили меня. Чего же больше? А теперь пора и оставить васъ вдвоемъ.

Анна.—Но вѣдь вы ничего намъ не сказали, какъ стоитъ дѣло?

Звѣватовъ.—Успѣется! Пока ничего трагическаго, какъ видите, еще нѣтъ! *(Кланяется и уходитъ.)*

XI.

Анна и Солодовъ.

Солодовъ *(сдержанно)*.—Ха-ха! Остался вѣренъ самому себѣ! *(Отходитъ въ сторону.)*

Анна *(садится въ другомъ углу комнаты)*.—Что же?! Онъ такой! Передѣлывать его поздно!

Солодовъ *(съ мѣста, поднимая голову)*.—Но *какъ* онъ и съ ни, и со мною обошелся? Такъ носиться съ своимъ «я!» Такая наказанная дерзость!

Анна.—Онъ былъ тронутъ моимъ письмомъ и явился тотъ же.

Солодовъ *(взволнованно)*.—Тронутъ! И вы это ставите ему особую заслугу? Вы съ нимъ поступаете божественно—другого

слова нѣтъ!—а онъ только принимаетъ все, точно это—ваша пустая затѣя! Онъ, видите ли, не хочетъ мѣшать мнѣ выслужиться передъ вами? Можетъ ли дальше идти снобизмъ и ломанье? *(Горячѣе.)* Но я спрошу: въ чемъ же его демонизмъ? Еслибъ еще онъ совершилъ какое-нибудь красивое злодѣйство... или сдѣлался бы атаманомъ шайки, вродѣ шиллеровскаго Карла Моора? Что-нибудь чрезвычайное, дѣйствующее на воображеніе женщинъ... А то—дѣло о подлогѣ, о фальшивой подписи на векселѣ! Ха-ха! *(Внезапно смолкаетъ, потомъ подходитъ къ Аннѣ, которая все время сидѣла съ опущенной головой.)* Простите! *(Протягиваетъ ей руку.)* Я не долженъ былъ такъ говорить...

Анна *(быстро встаетъ и беретъ его за руку)*.—Не вамъ, а мнѣ, Солодовъ, надо просить у васъ прощенія. Зачѣмъ я васъ во все это втягиваю? Это гадко! Къ чему вамъ быть посредникомъ въ такомъ дѣлѣ? *Я* все это затѣяла! Я и должна дѣйствовать одна!

Солодовъ.—У всякаго свое point d'honneur, Анна Павловна! Иронія вашего кузена скользнула по мнѣ—и только. Но я васъ еще разъ умоляю: самой не выставляться! *(Смотритъ на нее.)* Вы мнѣ скажете потомъ спасибо. Это поможетъ вамъ поскорѣе стряхнуть съ себя это... наважденіе.

XII.

Тѣ же и Мэри *(быстро выходитъ)*.

Мэри.—Annette! Я отъ Модеста. Заѣхала узнать, на свободѣ ли онъ? При мнѣ явилась полиція.

Анна *(взволнованно)*.—Арестовать его?

Мэри.—Конечно. Но его не было дома. Я прямо сюда сообщить тебѣ.

Анна *(въ сильномъ волненіи)*.—Я поѣду!... Сейчасъ!... *(Убѣгаетъ въ спальню.)*

XIII.

Мэри и Солодовъ.

Мэри.—Она внѣ себя! Нилъ Сергѣичъ! Да урезоньте вы Анну! Ее просто жалко. Это манія какая-то!

Солодовъ.—Анна Павловна не можетъ иначе поступать и надо цѣнить высоту ея чувства.

Мэри *(глядитъ на него)*.—А вы тутъ при чемъ же?

Солодовъ.—Я другъ Анны Павловны.

Мэри.—Хотите отличиться? Понимаю.

XVI.

Тѣ же и Анна *(въ шляпкѣ и кофточкѣ).*

Анна *(къ Мэри).*—Извини! Я ѣду... Я не могу! *(Подбѣгаетъ къ Солодову.)* Не удерживайте меня, Нилъ Сергѣичъ! Прошу васъ! Сначала я, потомъ вы.

Мэри *(Аннѣ).*—Хочешь, я тебя подвезу въ каретѣ?

Анна.—Нѣтъ, не надо! *(Возвращаясь, тихо къ Солодову.)* Не бойтесь за меня! *(Убѣгаетъ.)*

Мэри *(уходя, Солодову).*—А вы не смущайтесь! *Его* сошлютъ, и *вы* одинъ на аренѣ!

Занавѣсъ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Просторная комната вродѣ кабинета. Три двери. Справа—большой диванъ. Предобѣденное время.

I.

Анна и Воронухина *(стоятъ посрединѣ комнаты).*

Воронухина *(держитъ Анну за обѣ руки).*—Такъ вотъ, дорогая, съ какимъ я проектомъ! Хочу васъ разорить, какъ видите.

Анна.—Разореніе не велико. Разъ это нужно.

Воронухина.—Фельдшеръ у васъ недурной. Но онъ одинъ не справляется съ нашей амбулаторіей. И надо, поблизости, навѣщать дѣтей, рожениць, хрониковъ.

Анна.—Прекрасно! Очень счастлива, милая Настасья Семеновна.

Воронухина.—А фельдшерица будетъ...

Анна *(доканчиваетъ).*—Разумѣется, лучше мужчины. Не пьетъ, не играетъ въ карты, не облѣнится, какъ нашъ милѣйшій докторъ. *(Глядитъ пристально на Воронухину.)* Хоть бы вы его подтянули!

Воронухина.—Ха-ха! Онъ неисправимъ. Ужъ я и то ему постоянно говорю: «вы, коллега, точно поступили на амплуа нынѣшнихъ врачей въ пьесахъ съ настроеніемъ».

Анна.—Ха-ха! Тѣ хоть сильны по любовнымъ дѣламъ. А онъ по этой части плохъ! Вотъ по васъ сколько времени вздыхаетъ и ;е никакого результата.

Воронухина.—За него замужъ? Ха-ха! Другъ съ другомъ икурировать? Не надо! Выше свободы ничего нѣтъ! Только тогда можно отдаваться дѣлу.

Анна.—Какъ вы ему отдаетесь?

Воронухина.—Ну, мнѣ пора. Забѣжала теперь... вы вѣдь гостей ждете, говорила мнѣ Даша. *(Цѣлуетъ ее.)* Спасибо, спасибо, дорогая, за фельдшерицу. Я сегодня же напишу. Есть одна на примѣтѣ... Очень дѣльная... Бѣгу!

II.

Тѣ же и горничная.

Горничная.—Анна Павловна! Сестрица ваша... Марья Орестовна... пріѣхали.

Анна.—Попросите сюда.

(Горничная уходитъ.)

Воронухина *(вполголоса)*. —Это ваша кузина? Та? Московская?

Анна.—Да, Мэри.

Воронухина.—Я бѣгу. Она у васъ останется обѣдать?

Анна.—Врядъ ли... Откуда она и куда—не понимаю. Это что-то странно.

Воронухина.—Я пройду заднимъ крыльцомъ. Мнѣ такъ ближе. Еще разъ крѣпкое вамъ спасибо! *(Идетъ къ одной изъ боковыхъ дверей.)*

Анна *(провожаетъ ее до двери)*.—Приходите же къ обѣду.

Воронухина.—Приду, приду! *(Уходитъ.)*

III.

Анна, Мэри *(въ дверяхъ)*.

Анна *(идетъ къ ней навстрѣчу)*.—Мэри! Откуда!

(Онѣ цѣлуются.)

Мэри.—Отъ своихъ.

Анна.—И куда?

Мэри.—Не знаю... ничего не знаю.

Анна *(подводитъ ее къ дивану)*.—Садись! Разскажи.

(Обѣ садятся.)

Мэри.—Послѣ... Правда, Annette, что нашъ cousin Зѣватовъ... ѣдетъ съ Дрыгинымъ за границу... благо онъ теперь на свободѣ... благодаря...

Анна.—Благодаря чему? Договаривай.

Мэри.—Благодаря твоему увлеченію.

Анна.—Я давно вылѣчилась, Мэри.

Мэри.—Но почему же ты такъ страстно взялась за его оправданіе?

Анна.—Ты прекрасно знаешь—почему. И дѣлалъ это гораздо больше Солодовъ, чѣмъ я.

Мэри.—Солодовъ—понятно почему. Чтобы отличиться передъ тобою. *(Мѣняя тонъ.)* На такую преданность мой супругъ былъ бы неспособенъ.

Анна.—Развѣ онъ до сихъ поръ не влюбленъ въ тебя?

Мэри *(съ живостью)*.—Ты не знаешь, что это за люди. Это совсѣмъ особая порода. Надо изучить ихъ, какъ я. Это—ужасный народъ.. Ужасный! Ужасный!

Анна.—Будто?

Мэри.—Ты пойми: для нихъ ничто и никто не существуетъ. Первая фраза у нихъ: какое мнѣ дѣло до кого бы то ни было? Мы—люди изъ общества—не имѣемъ понятія о спѣси и возмутительномъ эгоизмѣ этихъ милліонщиковъ. Я просто задыхаюсь.

Анна.—Что же тебѣ мѣшаетъ уйти отъ мужа, разъ онъ таковъ?

Мэри.—Уйти такъ, зря, безъ серьезнаго мотива?

Анна.—Позволь и мнѣ спросить тебя: будто и твое чувство къ Модесту совсѣмъ вывѣтрилось?

Мэри.—Довольно и того, какъ онъ каждый разъ окачивалъ меня холодной водой... А теперь, когда онъ тебѣ такъ обязанъ...

Анна *(приподнимаясь)*.—Зачѣмъ хитрить, Мэри? Ты, вѣроятно, знала, что сегодня онъ можетъ быть здѣсь, у меня. И прискакала, отъ своихъ, по адской дорогѣ.

Мэри *(встаетъ и начинаетъ ходить)*.—Что-жъ! Я не буду запираться. Въ Модестѣ есть что-то, что привлекаетъ къ нему. Ты вѣдь это испытала, Annette?

Анна.—Испытала.

Мэри.—Можетъ быть, самая его испорченность. И признаюсь тебѣ: я допускаю, что онъ способенъ былъ и на то, въ чемъ его обвинили.

Анна.—Скажи ему это—онъ не обидется! Модестъ, до сихъ поръ, играетъ въ отрицателя всякихъ основъ. Бери его, Мэри! Онъ свободенъ.

[М]эри.—О! Я его знаю... Онъ мнѣ прямо скажетъ: «вы, моя ми[ла]я, желаете меня купить такъ, какъ васъ самихъ купилъ Алексѣй Га[ври]ловичъ Бабашинъ».

[А]нна.—Зачѣмъ забѣгать впередъ?

[М]эри *(порывисто подсаживается къ ней и беретъ ея руку)*.—Ан[не]т... Милая! Я вижу, ты не финтишь... Въ тебѣ все перегорѣло.

Анна.—А въ тебѣ нѣтъ?

Мэри.—Будь что будетъ, но я не вернусь къ мужу.

Анна.—Убѣжишь съ Модестомъ въ Индію? Вѣдь онъ, съ Дрыгинымъ, туда отправляется—изучать таинства эзотеризма. Кажется, это такъ называется?

Мэри *(еще возбужденнѣе)*.—Нѣтъ! Не вернусь туда, въ Москву!

Анна.—Ты сейчасъ говорила: какъ же такъ, зря, безъ мотива?

Мэри.—Не могу! Задыхаюсь. Я одна у родителей. У меня есть свои средства. Я готова, какъ они тамъ, въ Москвѣ, выражаются, «отвалить отступного», только чтобы быть на свободѣ.

Анна.—А мужъ дастъ тебѣ разводъ?

Мэри.—Мнѣ всё равно. Видъ на жительство я добуду. За мной никакихъ прегрѣшеній противъ седьмой заповѣди не значится. Я честнѣе десятковъ, если не сотенъ ихъ супружницъ. Довольно я искупила свой грѣхъ... И чѣмъ прельстилась!

Анна.—Милліонны ослѣпили.

Мэри.—Права была мама, тысячу разъ права, когда повторяла: «въ тебѣ, я погляжу, отцовская жадность сидитъ, Мэри».

Анна *(строже)*.—Испытай свое чувство. Случай прекрасный.

Мэри.—Не говори такимъ тономъ, пожалѣй меня. *(Поднимается.)* Что бы ни вышло, я къ мужу—не вернусь!

IV.

Тѣ же и Штатный.

Штатный *(заглядывая въ дверь)*.—Анна Павловна! Вы тутъ?

Анна.—Здѣсь, докторъ.

Штатный.—Мой коллега, Воронухина, вернулась изъ амбулаторіи?

Анна.—Еще нѣтъ. Она забѣгала на минуту. *(Къ Мэри.)* Это—нашъ земскій врачъ, Иванъ Кондратьевичъ Штатный.

Штатный *(кланяется и подаетъ руку Мэри)*.—Бывшій лейбъ-консультантъ владѣлицы этой усадьбы. А теперь Анна Павловна меня къ своей особѣ больше не подпускаетъ.

Анна.—Оттого, что вы облѣнились и запустили мою амбулаторію. И я пригласила Воронухину. Женщины—не вамъ чета.

Штатный.—Согласенъ! По части прилежанія и кропотливой исполнительности—воздаю имъ пальму первенства. Курить позволите?

Анна.—Курите! *(Штатный садится.)* А признайтесь, докторъ, вы завернули ко мнѣ, зная, что это—день амбулаторіи и что

Настасья Семеновна у меня—на цѣлый день. Можетъ, останется и ночевать?

Штатный.—Ну, положимъ, что и такъ.

Анна.—И это былъ единственный объектъ вашего посѣщенія?

Штатный.—Желаете изловить меня?

Мэри (*Аннѣ*).—Кто это Настасья Семеновна?

Анна.—Женщина-врачъ. Чудесная дѣвушка. Мой идеалъ! Только я такой никогда не буду!

Штатный.—Анна Павловна непремѣнно начнетъ свой акаѳистъ.

Анна.—А это—не правда? И такой, какъ вы, долженъ стоять передъ нею на колѣняхъ.

Штатный.—Насильно милъ не будешь. Хоть бы за меня замолвили словечко?

Анна.—Не берусь! Да и не желала бы лишить Настасью Семеновну свободы. Вы—ей не пара: она—трудолюбивая пчела, а вы...

Штатный.—Трутень? Нѣтъ, ужъ позвольте-съ!

Анна.—Трутень не трутень, а дѣломъ своимъ всетаки тяготитесь.

Штатный (*встаетъ*).—Такъ она еще въ амбулаторіи?

Анна.—Идите туда. Можете пригодиться для консультаціи.

Штатный.—Постараюсь. (*Уходитъ.*)

V.

Анна и Мэри.

Мэри (*тише, указывая на дверь*).—И этотъ уродъ—влюбленъ?

Анна.—Тебя это возмущаетъ?

Мэри.—А она красива... эта жевешка?

Анна.—Какъ ты сказала?

Мэри.—*Жевѣшка*. Такъ ихъ зоветъ всегда мой отецъ. Живете-вѣди—на ихъ шифрахъ. (*Показываетъ на грудь.*)

Анна.—Больше, чѣмъ красива. Она еще молода, а вся сѣдая.

Мэри.—И, разумѣется, въ очкахъ?

Анна.—Да, въ очкахъ. Но ея жизнь—завидная! Горитъ на [та]комъ огнѣ, какой тебя, мой другъ, никогда не будетъ согрѣвать, [д]аже если ты и бросишь своего Алексѣя Гавриловича и устремишься [в]ъ Индію, въ буддійскіе монастыри, слѣдомъ за Модестомъ Зѣва[к]овымъ.

Мэри.—Вотъ видишь, Анна... Ты—злая! Я тебѣ изливаюсь, [а] ты все съ высоты своего феминизма. Изъ-за чего намъ пикироваться?

Анна *(беретъ ея руку)*.—Конечно, не изъ чего. Мнѣ тебя жаль, Мэри! Очень, очень жаль!

Мэри.—А себя ты считаешь совершенно застрахованной отъ всякаго увлеченія?

Анна.—Я этого не сказала.

Мэри.—А еслибъ нашъ безпутный кузенъ упалъ на оба колѣна и сталъ цѣловать твои ноги?

Анна.—Это бы удивило меня—и только. Такому человѣку—нечѣмъ любить.

Мэри.—Пожалуй и такъ! А вотъ Солодову—есть чѣмъ. Это—человѣкъ твоего лагеря, преисполненъ всѣхъ гражданскихъ доблестей. И столько лѣтъ страдаетъ. Не великодушно—не наградить его за такое постоянство.

Анна.—Одной наградой онъ не удовлетворится. Это было бы что-то вродѣ подачки.

Мэри *(тише)*.—Онъ тоже сегодня будетъ?

Анна.—Обѣщалъ.

Мэри.—Неужели только на нѣсколько часовъ?

Анна.—Вѣроятно, останется и ночевать.

Мэри.—Гдѣ?

Анна *(спокойно)*.—Здѣсь. Гдѣ же иначе?

Мэри.—И это нисколько не дѣйствуетъ на твое воображеніе?

Анна.—Ахъ, Мэри!

Мэри.—Тѣмъ лучше! Полная гарантія спокойнаго брака, основаннаго на единствѣ принциповъ. *(Перебивая себя.)* Право, мнѣ лучше уѣхать!

Анна.—Останься... Кто знаетъ! Можетъ, улетишь въ Индію!

VI.

Тѣ же, графъ и Каркудиновъ.

Графъ *(выходитъ первый; за нимъ Каркудиновъ)*.—Анна! Въ которомъ часу у тебя обѣдаютъ?

Анна.—А вамъ какъ было бы пріятно, дѣдушка?

Графъ.—Я хотѣлъ бы отдохнуть до обѣда. *(Увидавъ Мэри.)* Здравствуйте! Вы какъ попали сюда?

Мэри.—Заѣхала—отъ своихъ.

Графъ.—Папенька вашъ все точитъ зубы на мой лѣсъ?

Мэри.—Право, не знаю, графъ.

Графъ.—Ни ему не продамъ, ни вашему супругу—для его мануфактуры. *(Указываетъ на Каркудинова.)* Вотъ, беру сего лѣсо-

вода въ управляющіе за то всего больше, что въ одинаковыхъ состоитъ чувствахъ и къ мужику, и къ коммерсантамъ, и къ господамъ-землевладѣльцамъ высшаго сословія.

Анна (*графу*).—Вы покончили съ Макаріемъ?

Графъ.—Почти что покончилъ. И если ты не бросила своей затѣи насчетъ народнаго дома и разныхъ другихъ глупостей, то переговоры о покупкѣ моего дома можешь вести съ нимъ на досугѣ. Но предупреждаю, я по родственному ни одной полушки не сбавлю. (*Садится.*) Ты поджидаешь сюда спасеннаго тобою кузена?

Анна.—Я получила депешу отъ Дрыгина, что они заѣдутъ ко мнѣ.

Графъ.—Куда же они отправляются?

Мэри.—За границу. Левъ Иванычъ везетъ Модеста, кажется, въ Индію.

Графъ (*приподнимаясь*).—Въ Индію? Это зачѣмъ?

Каркудиновъ.—За высшей мудростью.

Графъ.—Какой сумбуръ! Какой кавардакъ! Правда, когда поживешь въ любезномъ отечествѣ, то кажется, что очутился въ огромномъ домѣ умалишенныхъ. (*Аннѣ.*) Скажи мнѣ на милость: изъ чего ты билась? Ну, еще нашего Гамбетту я понимаю немного. Онъ желалъ передъ тобой выслужиться. А ты? Зѣватова обвинили въ поддѣлкѣ твоей же подписи, а ты за него распиналась!

Анна.—Это невѣрно.

Графъ.—Какъ невѣрно?

Каркудиновъ (*графу*).—Вексель, по которому началось дѣло, былъ другой, съ такой же поддѣлкой подписи поручителя. И поддѣлывалъ главный воротила ихъ шайки апашей, какъ они себя, озорно, называли.

Анна (*Каркудинову*).—Макарій... Тебѣ прекрасно извѣстно, что Модестъ ни къ чему такому не былъ причастенъ.

Графъ.—Ну, къ этому не былъ причастенъ, такъ будетъ причастенъ къ чему-нибудь другому. При его безпутствѣ, на что онъ станетъ жить? Для меня, это драгоцѣнный фактъ—общее банкротство. Къ тому идетъ!

Мэри.—Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше: такъ вѣдь графъ? Ха-ха!

[Г]рафъ.—А то какъ же? Нелѣпо что-нибудь и кого-нибудь жалѣ[ть]! О чемъ-нибудь сокрушаться! (*Указываетъ на Каркудинова.*) Во[тъ] сей агрономъ будетъ охранять мои заповѣдные лѣса. А еслибъ он[и] всѣ пошли прахомъ, развѣ это—не все равно? Для кого беречь? Д[ля] моихъ законныхъ наслѣдниковъ—шелопаевъ, не лучше Зѣвато[ва]? И во мнѣ это все еще какая-то сантиментальность... Жаль про-

давать на срубъ купцу или скопидому изъ дворянъ... *(къ Мэри)* вродѣ вашего папеньки.

VII.

Тѣ же и Солодовъ.

Анна *(идетъ къ нему).*—Нилъ Сергѣичъ! Какъ вы тихо... Не слыхать было и колокольчика.

Солодовъ *(цѣлуетъ ея руку).*—Я былъ у васъ въ амбулаторіи. Мнѣ надо было переговорить съ Настасьей Семеновной.

Анна.—Она на цѣлый день у меня. Можетъ, останется и ночевать.

Солодовъ *(подходя къ остальнымъ).*—Вотъ мы опять всѣ въ сборѣ. *(Каркудинову.)* И ты здѣсь?

Анна.—Макарій—новый управляющій графа.

Солодовъ.—Поздравляю!

Графъ.—У насъ съ нимъ однѣ идеи.

Солодовъ *(Каркудинову).*—Будто?

Каркудиновъ.—Такъ графу кажется.

Графъ *(Встаетъ).*—Я пойду отдохнуть. *(Аннѣ.)* Раньше пяти не сядемъ?

Анна.—Нѣтъ, дѣдушка! *(Провожаетъ графа, за ними уходитъ и Каркудиновъ.)*

VII.

Солодовъ, Мэри.

Мэри *(Солодову).*—Вы сегодня увидите здѣсь и Модеста. Онъ отправляется съ Дрыгинымъ куда-то далеко, чуть не въ Индію. Это будетъ очень кстати. Оба его спасателя—и Анна, и вы—окажутся налицо. Вы его не видали съ самаго дня оправданія?

Солодовъ.—Онъ куда-то исчезъ.

Мэри.—И даже не поблагодарилъ ни васъ, ни Анну?

Солодовъ.—Мы этого не требовали. Можетъ быть, такъ нужно было по его взглядамъ и принципамъ?

Мэри *(другимъ тономъ и тише).*—А вы не ждете теперь награды за свою самоотверженность?

Солодовъ.—Награды?

Мэри *(съ жестомъ).*—А то какъ же? Неужели и теперь Анна не оцѣнитъ всего?

Солодовъ.—Я не знаю, право.

IX.

Тѣ же и Анна.

Анна (*къ Мэри*).—Ты останешься?

Солодовъ (*къ ней же*). — Отъ кого же вы бѣжите, Марья Орестовна?

Мэри.—Это Анна все дразнитъ меня Модестомъ. Если бы я была язвительнѣе, я бы сказала: «Съ больной головы да на здоровую». Но я вѣрю, что она вылѣчилась отъ своей иллюзіи...

Солодовъ.—Насчетъ чего?

Мэри.—Лучше скажите: насчетъ *кого*? Все того же *оргіаста*, неотразимаго Модеста, того, кто вамъ и ей обязанъ тѣмъ, что не отправился въ мѣста почти такъ же отдаленныя, какъ Индія, куда его, на свой счетъ везетъ теперь Дрыгинъ.

Солодовъ.—Оправдать его не было большого труда, даже и при той манерѣ, съ какой онъ держался на судѣ. Онъ точно нарочно все дѣлалъ, чтобы вызывать подозрѣніе въ присяжныхъ и въ публикѣ.

Мэри.—Можетъ, совѣсть заговорила?

Солодовъ.—Нѣтъ, онъ былъ совершенно чистъ.

Анна.—Вы вѣдь въ этомъ убѣждены, Нилъ Сергѣичъ?

Солодовъ.—Вполнѣ. Но онъ не могъ не играть эффектой роли. Все вѣдь это ниже его личности: судъ, мнѣніе общества, честные люди. Что же! Я его понимаю, хоть и не сочувствую такой безплодной игрѣ въ высшее бунтарство противъ всего, что не безусловная свобода личности.

Мэри (*Аннѣ*).—И ты увидишь, что онъ и здѣсь будетъ вести себя дико.

Анна.—Что же изъ этого?

Мэри.—Развѣ ему не все равно, какъ на него посмотрятъ порядочные люди? (*Солодову.*) Вы сами это сейчасъ сказали. Ну, подлогъ! Ну, преступленіе! Это все важно для насъ, съ нашими низменными взглядами, а онъ—оргіастъ.

Солодовъ.—Это его дѣло.

Мэри (*Аннѣ*).—Значитъ, вы его спасали противъ его воли?

X.

Тѣ же и Штатный.

Штатный.—Анна Павловна! Мой коллега, Настасья Семенювна, извиняется. Она, пожалуй, маленько опоздаетъ къ обѣду. Народу видимо-невидимо.

Анна.—А вы что же ей не помогали? Ахъ, докторъ!

Штатный.—Я предлагалъ, она не пожелала. Все женскій антагонизмъ. *(Увидавъ Солодова, идетъ къ нему.)* Особенно радъ васъ видѣть, хотя долженъ былъ бы питать къ вамъ нѣчто вродѣ ненависти.

Солодовъ.—Почему такъ?

Штатный.—Да вотъ властительница сихъ мѣстъ все *щуняетъ* меня, какъ мужики у насъ говорятъ, и ставитъ васъ въ образецъ, вмѣстѣ съ Настасьей Семеновной. А къ обоимъ вамъ у меня, какъ: разъ «влеченье—родъ недуга».

XI.

Тѣ же и Каркудиновъ.

Анна.—Графъ легъ?

Каркудиновъ.—И сейчасъ же захрапѣлъ.

Анна.—Ты его, кажется, очень искусно обработалъ, Макарій.

Каркудиновъ.—Почему же не обработать? Словечко это вы изволили произнесть съ нѣкоторой интонаціей. Я къ нему не поддѣлывался. Вы же, сестричка, сами меня ему отрекомендовали, первоначально. *(Тише.)* Старче сей—знаменіе времени. Сохранять его лѣсныя маетности—не великая мудрость. По крайности, я не долженъ буду имѣть дѣло съ мужиками и давать поводъ и вамъ, и другимъ считать меня ренегатомъ.

Солодовъ.—Ты это такъ говоришь, Каркудиновъ, точно у тебя есть какая-то идея.

Каркудиновъ.—Какая же, по-твоему?

Солодовъ.—Сохраненіе крупныхъ угодій, вотъ такихъ лѣсныхъ пространствъ, какъ у графа Перемышева; но такъ, чтобы они, ни подъ какимъ видомъ, не достались мужикамъ, а ждали бы перехода въ руки... четвертаго сословія. Точно будто мужики не рабочіе люди?

Каркудиновъ.—Отъ такой программы я бы, пожалуй, не отказался.

XII.

Тѣ же и горничная.

Горничная.—Анна Павловна! Модестъ Яковличъ, съ братцемъ вашимъ Львомъ Иванычемъ.

Мэри.—Наконецъ-то!

Солодовъ *(Аннѣ)*.—Они проѣздомъ?

Анна. — Да. *(Горничной.)* Проводите. *(Горничная уходитъ.)* Вѣроятно, они съ одного поѣзда на другой.

Солодовъ *(Аннѣ).*—Было бы слишкомъ странно, еслибъ онъ не простился съ вами и не сказалъ хоть два слова благодарности.

Анна.—Васъ надо благодарить, а не меня.

Каркудиновъ. — Дайте срокъ! Онъ что-нибудь да выкинетъ.

XIII.

Тѣ же, Дрыгинъ и Зѣватовъ.

Анна *(къ нимъ на встрѣчу).*—Спасибо. *(Зѣватову.)* Рада васъ видѣть. *(Дрыгину.)* Вы оба поживете у меня.

Дрыгинъ.—Нѣтъ, мой другъ! До слѣдующаго поѣзда. На одинъ часокъ.

Анна.—И куда? Модестъ, я слышала, вы съ Львомъ Иванычемъ куда-то далеко?

Мэри *(подавая руку Зѣватову).*—Чуть не въ Индію? Къ буддистамъ?

Зѣватовъ.—Быть можетъ. *(Здоровается съ Солодовымъ и Каркудиновымъ.)*

Дрыгинъ *(садясь).*—Моя завѣтная мечта: на берега Ганга! Модеста восхитила эта мысль. Онъ съ энтузіазмомъ принялъ мое предложеніе. Ему надо обновиться, сбросить съ себя ветхаго человѣка.

Анна.—Въ добрый часъ!

Солодовъ *(Зѣватову).*—Вернетесь на родину съ новыми силами.

Зѣватовъ *(поглядѣвъ на него).*—Не знаю, вернусь ли.

Мэри.—Куда же? Въ буддійскіе монастыри?

Зѣватовъ.—А вотъ куда повезетъ меня Левъ Иванычъ. *(Къ Аннѣ.)* Вы, вѣроятно, удивляетесь, кузина, что я до сихъ поръ ни лично, ни даже письменно не благодарилъ васъ? *(Въ сторону Солодова.)* И васъ также, Нилъ Сергѣичъ! Вѣдь вы были такимъ безкорыстнымъ сотрудникомъ Анны Павловны *(саркастически)* въ дѣлѣ моей реабилитаціи.

Мэри.—Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Зѣватовъ.—Лучше?... Не знаю. *(Къ Аннѣ.)* Я просто заѣхалъ къ вамъ, кузина, пожать вамъ руку.

Анна.—Спасибо. И я очень рада, что и Нилъ Сергѣичъ случился здѣсь.

Зѣватовъ *(другимъ тономъ).* — Вы хотите сказать: вотъ вамъ удобный случай выразить и ему свою глубокую признатель-

ность? Вы Анна прямая натура, считаете себя даже очень смѣлой, несмотря на то, что постоянно ходите въ шорахъ. Позвольте же мнѣ быть откровеннымъ до конца. Я знаю, то, что я сейчасъ скажу—скандализуетъ всѣхъ. Припомните знаменитую фразу: «Австрія удивитъ Европу своей черной неблагодарностью». То же скажутъ и про меня.

Анна.—Если такъ, то зачѣмъ же идти на это? Я не за себя говорю, Модестъ. Но вы не можете же не признать искренность нашихъ мотивовъ.

Зѣватовъ.—Признаю. Особенно то, что васъ заставило сдѣлаться моей спасительницей.

Анна.—Къ чему это слово?

Зѣватовъ.—Скажите по правдѣ: развѣ вы сами себя при этомъ не выгораживали? Свою корректность и безупречность?

Штатный *(Аннѣ)*.—Позвольте! Я совершенно сторонній человѣкъ и недостаточно въ курсѣ дѣла.

Каркудиновъ *(доктору)*.—Случилось такъ, что Анна Павловна пріѣхала къ Модесту Николаичу, смущенная тѣмъ, что ея подпись, какъ поручительницы, была поддѣлана на векселѣ... И тутъ же при ней явился полицейскій съ повѣсткой.

Зѣватовъ *(Каркудинову)*. — Благодарю васъ за объясненіе. *(Аннѣ.)* Я прошу у васъ извиненія при всѣхъ присутствующихъ здѣсь за то, что я тогда, у себя, въ Москвѣ, позволилъ себѣ. Вы не были ни душой, ни тѣломъ виноваты. Дѣло началось по векселю съ совсѣмъ другой подписью поручителя.

Анна.—Зачѣмъ къ этому возвращаться, Модестъ?

Мэри.—Позволь! Пускай Модестъ выскажется!

Дрыгинъ *(Аннѣ и Солодову)*.— Вы исполнили свой долгъ, друзья мои. Но вѣдь можетъ быть и другая точка зрѣнія. И почему же тотъ, кого вы принялись спасать, долженъ непремѣнно чувствовать такъ, какъ вамъ бы хотѣлось?

Солодовъ *(обращаясь больше къ Дрыгину)*.—Выходитъ, стало быть, что Модестъ Николаичъ заѣхалъ сюда съ какимъ-то протестомъ?

Анна.—Выходитъ такъ.

Зѣватовъ *(мѣняя тонъ)*.—Если хотите, да, съ протестомъ. *(Встаетъ.)* Я говорю это безъ всякаго смягченія. На это я имѣю нѣкоторое право. *(Къ Аннѣ.)* Зачѣмъ вы забили въ набатъ, послѣ моего ареста? Я не нуждался въ такой демонстративной помощи. Я не просилъ объ ней. Для меня исходъ процесса былъ безразличенъ.

Каркудиновъ.—Даже еслибъ васъ сослали съ лишеніемъ всѣхъ правъ?

Зѣватовъ.—Это васъ ужасаетъ, господинъ Каркудиновъ? А вы еще считаете себя поборникомъ соціальной правды! *(Солодову.)* Вы меня взяли напоруки... Я васъ объ этомъ не просилъ.

Солодовъ.—Вы могли предпочесть сидѣнье въ тюрьмѣ!

Зѣватовъ.—Никакихъ активныхъ проявленій своего «я» я не желалъ. Все, что случилось, было для меня слишкомъ безразлично... и низменно.

Каркудиновъ.—Ваши соратники, вродѣ господина Присягина, были, значитъ, тоже сортомъ выше всѣхъ насъ грѣшныхъ?

Зѣватовъ.—Позвольте мнѣ, господинъ Каркудиновъ, не отвѣчать вамъ. Это до васъ не касается, извините меня. *(Солодову.)* Зачѣмъ вы мнѣ дали защитникомъ адвокатскую знаменитость? Обѣляя меня, онъ обличалъ, сильнѣе самого прокурора, предполагаемаго виновника.

Солодовъ *(менѣе сдержанно)*.—Что вы говорите, Зѣватовъ? Вѣдь этотъ Присягинъ оказался закоренѣлымъ жуликомъ и эксперты...

Дрыгинъ *(берется за лицо руками)*.—Эксперты! Пожалуйста, не говорите о такомъ вздорѣ! Развѣ это наука?

Зѣватовъ.—На что бы Присягинъ ни былъ способенъ, я не желалъ, чтобы, для моего обѣленія, адвокатъ накидывался на него. Онъ мнѣ обѣщалъ воздержаться отъ такихъ пріемовъ и нарушилъ свое слово.

Солодовъ.—Еслибъ онъ и оставилъ въ покоѣ этого кавалера индустріи, одной прокурорской рѣчи и экспертизы было бы совершенно достаточно...

Дрыгинъ *(перебивая)*.—Не говорите вы объ экспертизѣ. Умоляю васъ!

Солодовъ.—Все равно, его признали бы виновникомъ.

Зѣватовъ.—Кавалеръ индустріи! Вотъ видите, m-r Солодовъ, вы язвите лежачаго и воображаете, что стоите сами на незыблемыхъ устояхъ морали.

Анна *(горячо)*.—Еще этого недоставало, Модестъ, чтобы вы ставили на одну доску такого негодяя, какъ вашъ бывшій пріятель, и Нила Сергѣича!

Зѣватовъ *(нервно)*.—А почемъ вы знаете, что я лучше такого Присягина? Вы хлопотали о моемъ оправданіи и я вотъ дѣлаю, на вашъ взглядъ, возмутительную гадость... Не только не исполняюсь благодарностью къ вамъ обоимъ, а еще протестую.

Солодовъ *(сильно)*.—Во имя чего?

Зѣватовъ *(оборачиваясь къ нему)*.—А! Вы хотите знать во имя чего?

XIV.

Тѣ же и графъ.

Графъ *(на порогѣ)*.—Что это у васъ? Засѣданіе? Ба! Зѣватовъ! Поздравляю.

Зѣватовъ.—Съ чѣмъ, графъ?

Графъ.—Какъ съ чѣмъ? Съ освобожденіемъ! Съ тріумфомъ!

Анна.—Еслибъ вы, дѣдушка, вошли минутой раньше, вы услыхали бы, какъ Модестъ Николаичъ протестовалъ...

Графъ.—Противъ чего же это? *(Садится.)*

Солодовъ.—Лучше спросите самого Модеста Николаича. Онъ сбирался громить насъ, когда вы вошли.

Зѣватовъ *(съ дрожью въ голосѣ)*.—Я протестую здѣсь во имя личности, ея безусловной свободы: чувствовать, желать, поступать, посягать—какъ она хочетъ! Я протестую противъ вашей сочиненной морали съ ея мѣщанской корректностью; противъ вашего добра и вашего зла, противъ непробудной фальши, въ которой вы всѣ погрязли. Вотъ противъ чего! *(Аннѣ.)* У меня нѣтъ никакого дурного чувства къ вамъ лично; но вы, какъ представительница ненавистныхъ мнѣ буржуазныхъ правилъ и взглядовъ, вы непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ мою судьбу—заслужили мою черную неблагодарность!

Солодовъ.—Модестъ Николаичъ! Я отказываюсь допустить, что все это—нѣчто серьезное, а не игра во что-то такое... какъ бы это выразиться...

Графъ.—Въ Пугачевщину! Ха-ха! Такъ и скажите!

Зѣватовъ *(также возбужденно)*.—Вы меня совсѣмъ не понимате! Я не стану здѣсь защищать свое отношеніе къ жизни вообще и къ нашей—русской—въ особенности. Но, пожалуйста, не навязывайте мнѣ того, что неизмѣримо далеко отъ меня. Я не желаю вовсе быть представителемъ отребья, всякаго—и безграмотнаго, и просвѣщеннаго! *(Каркудинову.)* Вотъ вы, кажется, заигрываете съ этимъ моднымъ вѣяніемъ? Все, что грубо, дико, грязно, гдѣ вся трагедія сводится къ куску хлѣба и къ запойному пьянству... брр!.. а мораль и философія—къ произнесенію слащавыхъ сентенцій резонирующихъ проходимцевъ,—все это мнѣ чуждо и органически противно! Ужъ если брать примѣры для подражанія, я бы этимъ господамъ посовѣтовалъ отправиться на островъ Сахалинъ. Тамъ характеры посильнѣе закаломъ. Нѣкоторые повинились въ десяткѣ душегубствъ—и больше! Но дѣло-то въ томъ, что и у этихъ героевъ каторги ниче-

го не было за душой, кромѣ прибаутки: «день мой — вѣкъ мой». Взять нотой выше—ни одинъ не въ состояніи.

Графъ.—И вы за этимъ только пріѣхали сюда, мой милый?

Анна.—Какъ видите, за этимъ.

Дрыгинъ.—Каждый чувствуетъ по-своему. Модестъ вышелъ изъ того испытанія, какое судьба послала ему, съ полной свободой духа.

Графъ *(Дрыгину)*.—И вы—я слышу—везете его въ буддійскіе монастыри? Это прекрасно! Кавардакъ выходитъ еще курьезнѣе!

Зѣватовъ *(Аннѣ)*.—Никто—я знаю—не говорилъ съ вами такъ, какъ я, въ эту минуту. Считайте меня негодяемъ или неврастеникомъ, мнѣ все равно! *(Солодову.)* И вамъ предоставляю тоже. Извините, что нарушилъ вашу душевную гармонію. Мотивовъ вашего вмѣшательства разбирать не буду. Но вотъ видите: предметъ вашихъ непрошенныхъ заботъ говоритъ вамъ еще разъ, что онъ не нуждался въ вашей великодушной подачкѣ.

Графъ.— Ха-ха! Анна! Нилъ Сергѣичъ! Впередъ — наука! Не вы одни, впрочемъ. Всѣ наши передовые вотъ такъ-то провираются.

Дрыгинъ *(встаетъ)*.—Модестъ! Намъ пора. А то опоздаемъ на поѣздъ.

Зѣватовъ *(подходя къ Аннѣ)*.—Я не говорю вамъ: до свиданія! Съ такимъ нравственнымъ уродомъ, какъ вашъ кузенъ, вы, конечно, не пожелаете больше видѣться.

Анна.—Я не могу, Модестъ, отнестись серьезно ко всему, что здѣсь произошло.

Зѣватовъ.—Какъ вамъ угодно!

Солодовъ.—Позвольте и мнѣ сказать то же.

Зѣватовъ.—Не стѣсняйтесь! Скажите по-просту: «онъ— душевнобольной». *(Къ Мэри.)* А васъ, кузина, я особенно благодарю за то, что вы не участвовали въ моемъ спасаніи.

Дрыгинъ.—Скажу тебѣ на прощанье, Анна: Модестъ кончилъ тѣмъ, что позналъ высшее сліяніе плоти и духа... А ты—безнадежна въ своей закоренѣлости. *(Уходитъ вслѣдъ за Зѣватовымъ.)*

XV.

Тѣ же, кромѣ Зѣватова и Дрыгина.

[Г]рафъ.—Недурно было бы, еслибъ ихъ обоихъ гдѣ-нибудь за[пе]рли.

[С]олодовъ.— Какое жалкое озорство! *(Подходитъ къ Аннѣ.)* Н[ужели] вы огорчены?

Анна.—Да, огорчена; но не за себя, а за васъ. *(Жметъ ему руку.)*

Мэри.—Что-жъ! Онъ не рисовался. Нельзя быть искреннѣе. Въ немъ есть что-то особенное, демоническое.

Анна *(глядя на Мэри)*.—Кто же мѣшаетъ? Поѣзжай съ нимъ въ одномъ поѣздѣ, до границы, и дальше.

Мэри.—Я его понимаю. Мы всѣ ему надоѣли! *(Аннѣ.)* Садитесь обѣдать. Меня ждетъ мама *(Уходитъ.)*

XVI.

Тѣ же, кромѣ Мэри.

Графъ *(встаетъ)*.—Кавардакъ! Сумбуръ! *(Каркудинову.)* Вы, милый мой, подложили мнѣ проектъ нашего контракта. Я его еще не подписалъ.

Каркудиновъ.—Что же васъ смущаетъ, графъ?

Графъ.—Надо еще разъ просмотрѣть. *(Аннѣ.)* Обѣдъ раньше пяти не будетъ?

Анна.—Успокойтесь. Ровно въ пять.

Графъ.—Такъ я пойду, перечту еще разъ. *(Каркудинову.)* Зайдите ко мнѣ передъ самымъ обѣдомъ, такъ минутъ черезъ двадцать. *(Уходитъ.)*

Каркудиновъ.—Слушаю, графъ.

XVII.

Тѣ же безъ графа.

Штатный.—Господа? Вѣдь знаете, на что была похожа эта конференція?

Каркудиновъ.—На что?

Штатный.—На особое присутствіе въ губернскомъ правленіи, когда происходитъ освидѣтельствованіе умалишенныхъ. *(Аннѣ.)* Какъ вы еще это вынесли?! *(Солодову.)* Да и вы, Нилъ Сергѣичъ! Человѣка взяли на поруки, нашли защитника, обѣлили его, какъ голубицу, а онъ—нате, подите! Пріѣхалъ вамъ же отчитывать! Что это такое, скажите на милость?!

Каркудиновъ. — Что? Полный распадъ нашей интеллигенціи!

Анна *(горячо)*.—Причемъ тутъ интеллигенція, Макарій?

XVIII.

Тѣ же и Воронухина.

Анна *(навстрѣчу ей)*. — Вы, я думаю, на ногахъ не стоите? Присядьте, милая. Сейчасъ будемъ обѣдать.

Штатный *(Воронухиной)*.—Вы много потеряли. Здѣсь происходило что-то необычайное.

Воронухина.—Что такое?

Анна.—Долго разсказывать.

Штатный.—И вотъ теперь начались пренія. *(Каркудинову.)* Я повторю вопросъ Анны Павловны: причемъ тутъ интеллигенція?

Каркудиновъ *(выступаетъ)*.—Какъ же причемъ, господа? Полюбуйтесь! Какіе она фрукты производитъ! Докторъ считаетъ ихъ обоихъ кандидатами въ желтый домъ, а они вовсе не безумные, хотя, можетъ быть, и неврастеники. Но въ томъ-то и дѣло, что она—ваша хваленая интеллигенція—разводитъ эту самую неврастенію.

Штатный.—Позвольте-съ!

Воронухина *(Каркудинову)*.—Кто вамъ это сказалъ?

Анна.—Дайте ему кончить. *(Каркудинову.)* Ты что же, Макарій, разобидѣлся тѣмъ, что тебя задѣлъ Зѣватовъ?

Каркудиновъ.—Не такимъ выродкамъ извращеннаго барства, какъ вашъ кузенъ, а теперь нахлѣбникъ такого же извращеннаго барина, какъ вашъ двоюродный братъ, обличать насъ, людей, вышедшихъ изъ народа...

Анна.—Позволь! Ты самъ презираешь деревню и то сословіе, въ которомъ родился.

Каркудиновъ.—Какъ я смотрю на теперешнюю деревню, это мое кровное убѣжденіе. Не отъ дурныхъ чувствъ оно сложилось. И не я одинъ такихъ же взглядовъ.

Анна.—Къ кому же ты присталъ? Я этого не вижу. Скажи! Какъ бы ни былъ извращенъ Зѣватовъ, онъ, ты слышалъ, не поддѣлывается къ тому, что графъ назвалъ сейчасъ Пугачевщиной!

Солодовъ *(Каркудинову)*.—Ты злобствуешь на всѣхъ и на в[сѣхъ]! Ты обличаешь интеллигенцію не со вчерашняго дня. Я тебя знаю, К[а]ркудиновъ. Ты всѣхъ валишь въ одну кучу. И позволь мнѣ сказа[т]ь тебѣ разъ на всегда: твоя неблагодарность гораздо болѣе черн[а], чѣмъ у Зѣватова передъ Анной Павловной. Кто же тебѣ, Макару К[ар]кудинову, далъ возможность стать тѣмъ, что ты есть?

Анна.—Къ сожалѣнію.

Солодовъ.—Ты, небось, не отказываешься отъ того, что

тебѣ дала «учоба», какъ ты зовешь, на своемъ жаргонѣ, всякое образованіе? Ты берешь прекрасный процентъ съ этой учобы. И будешь преспокойно пользоваться синекурой въ званіи управляющаго графа Перемышева, въ то время, какъ истинныя труженицы *(указываетъ на Воронухину)*, женщины врачи и учительницы—работаютъ, какъ настоящія мученицы своего дѣла.

Каркудиновъ *(пожимая плечами)*. — Напрасно! И получаютъ гроши, что совершенно глупо!

Воронухина *(Каркудинову)*. — А что же имъ прикажете дѣлать?

Каркудиновъ.—Это не отъ меня зависитъ. И онѣ у меня совѣта не спрашивали. Всякъ бери то, что ему на потребу.

Анна.—Превосходно! Отчего же ты, обличитель интеллигенціи, не идешь въ простые рабочіе?

Каркудиновъ *(злобно)*.—Оттого, что не хочу!

Солодовъ.—Развѣ это отвѣтъ? Тебя приперли къ стѣнѣ и ты думаешь отдѣлаться грубостями! Перевоспитывать тебя поздно; но нельзя позволить тебѣ безнаказанно фыркать на интеллигенцію.

Каркудиновъ.—Я, какъ господинъ Зѣватовъ, скажу: никто не просилъ господъ помѣщиковъ Неуталовыхъ давать мнѣ образованіе, потому что я случился сыномъ мужички-кормилицы и молочнымъ братомъ Анны Павловны.

Анна.—Но ты, и оставшись мужикомъ, былъ бы только смутьянъ съ сатанинской гордостью и ненавистничествомъ.

Штатный *(подходя къ Каркудинову)*. — Вы, батенька, тоже хотите порисоваться, вродѣ того психопата Зѣватова. Каковы бы мы здѣсь ни были, хоть бы лычкомъ шитые, но мы служимъ все тому же народу. И если кто усталъ и маленько облѣнился, какъ, напримѣръ, азъ многогрѣшный, то они всетаки же до гробовой доски пребудутъ вѣрными тому, что вы изволите шельмовать подъ именемъ интеллигенціи.

Воронухина *(поднимаясь)*.— Вы, Каркудиновъ, драпируетесь въ модную теорію... А позвольте узнать, изъ какихъ это принциповъ идете вы въ оберъ-лѣсничіе, въ охранители десятковъ тысячъ десятинъ лѣса графа Перемышева? Отчего же не просто въ лѣсники?

Каркудиновъ.—Это уже не диспутъ, господа, а отдѣлываніе моей убогой личности!

Солодовъ.—Не ты одинъ распѣваешь теперь эту мелодію: «Долой интеллигенцію!» Мѣсто—кому? Да все тому же чумазому.

XIX.

Тѣ же и горничная.

Горничная.—Макаръ Михайловичъ! Вамъ графъ приказали къ нимъ подняться.

Каркудиновъ.—Сейчасъ. *(Идетъ.)*

Анна *(ему вслѣдъ)*.—Иди къ твоему барину.

(Каркудиновъ и горничная уходятъ).

XX.

Тѣ же безъ Каркудинова.

(Штатный и Воронухина подбѣгаютъ къ Солодову и поочередно жмутъ руки).

Штатный.—Спасибо, голубчикъ! Превосходно вы отбрили этого Искаріота!

Воронухина *(взволнованно)*.—И онъ не одинъ. Это нынче какое-то повѣтріе!

Штатный *(Аннѣ)*.—Анна Павловна! Нилъ Сергѣичъ такъ насъ подвинтилъ, что надо бы это спрыснуть. Позвольте распорядиться. Если нѣтъ въ домѣ бутылки холоднаго, то хоть съ домашней шипучкой поднимемъ бокалы. И пусть тотъ Искаріотъ давится. *(Увлекаетъ съ собой Воронухину.)*

XXI.

Анна и Солодовъ.

(Анна слѣва, Солодовъ ходитъ правѣе, нѣсколько въ глубинѣ. Пауза.)

Анна *(окликая его)*.—Солодовъ!

Солодовъ.—Я васъ слушаю, дорогая.

Анна.—Что я вамъ скажу...

Солодовъ.—Говорите.

Анна *(смотритъ на него)*.—Знаете, какъ мнѣ, вотъ сейчасъ, вдругъ представилось все то, что вышло здѣсь, весь этотъ финалъ? И тотъ разносъ моего молочнаго брата? И этотъ блистательный отпо ъ за интеллигенцію? *(Солодовъ приближается.)* Макарій—злюка... и укавый мужиченко... Это вѣрно. Но вѣдь онъ явился только пр логомъ... вродѣ козла отпущенія? И мнѣ, и вамъ, сознайтесь, на о было сорвать на комъ-нибудь свое сердце... за все то, что разбе дилъ въ насъ Зѣватовъ. *(Садится. Солодовъ стоитъ около.)* Развѣ не авда?

Солодовъ.—Этотъ протестъ давно назрѣвалъ... Давно и то фырканье на интеллигенцію носится въ воздухѣ.

Анна *(нервнѣе)*.—Не будемъ спорить. Довольно преній. Довольно! Но такое у меня чувство. И какъ это странно! Кажется, отпразднована полная побѣда всего того, что намъ съ вами дорого? Не правда ли? Точно въ обличительной пьесѣ: главный герой превращенъ въ приживальщика другого дегенерента... съ ихъ смѣхотворной поѣздкой на берега Ганга. Лжеразрушитель униженъ. Даже мой дѣдушка—тоже махровый упразднитель—помогалъ намъ же. Какъ кстати были его окрики: «Сумбуръ, кавардакъ!» Трудъ, служеніе обществу и народу—все это налицо, все это дало могучій отпоръ! Вѣдь такъ? *(Еще нервнѣе.)* Но отчего же у меня, вотъ теперь, такъ жутко на душѣ?

Солодовъ *(садится)*.—Вамъ жаль... все того же человѣка. Вы еще не можете стряхнуть съ себя прошлаго...

Анна *(поднимая голову)*.—Нѣтъ, не то, Солодовъ, нѣтъ! А вдругъ я точно усомнилась въ нашемъ торжествѣ надъ ними. Мнѣ начало сдаваться, что ихъ, такихъ вотъ, много... очень много. И здѣсь, и тамъ, и наверху, и внизу! И они насъ съѣдятъ. Придетъ другой... не баринъ диллетантъ, какъ Модестъ, а власть имущій и крикнетъ мнѣ: «благородно - мыслящая землевладѣлица Неуталова—феминистка и принципистка—мы тебя на смарку! И тѣхъ, съ кѣмъ ты идешь рука объ руку»!

Солодовъ *(встаетъ)*.—Я не боюсь ихъ! Пусть приходятъ! Пусть кричатъ: «все на смарку!» Безъ того, что для насъ съ вами выше всего—нѣтъ правды, нѣтъ жизни! *(Горячѣе.)* И вамъ ли такъ говорить, Анна? Вамъ ли? Кто вы? Только феминистка и принципистка, на жаргонѣ Зѣватовыхъ и Дрыгиныхъ? Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Вы вся—добро! Вся—трепетъ! И порывъ, и мужество, и жертва, и великая жалость къ человѣчеству! Это—не мундиръ, не шоры, не фраза, не рисовка! И что влекло къ вамъ... того демониста? И будетъ влечь. Вѣдь и имъ хочется любить. Но какъ? Для бездушнаго обладанія, для утонченнаго или чисто безумнаго сладострастія. Любовь... *(Опускается въ кресло.)* Что же... скажите... она намъ-то заказана... оттого только, что мы служимъ жизни, а не упраздняемъ ее?! *(Съ дрожью въ голосѣ.)* Неужели для нихъ однихъ нашъ великій поэтъ выплакалъ эти дивные звуки:

«И сердце вновь горитъ и любитъ
Оттого, что не любить оно... не можетъ».

(Смолкаетъ и отворачиваетъ голову.)

Анна *(тихо приближается къ нему, сбоку).*—Что же вы замолчали?...

Солодовъ *(какъ бы про себя).*—Я ждалъ долго, мучительно... И вотъ теперь, когда.... *(Не доканчиваетъ.)*

Анна.—Когда что?

Солодовъ *(съ горечью).*—Въ такую минуту вы меня не хотите понять, Анна...

Анна *(быстро подходитъ и нагибается надъ нимъ).*—Я васъ не понимаю?... Довольно хандрить. Вотъ мой отвѣтъ! *(Горячо цѣлуетъ его въ лобъ и убѣгаетъ.)*

Солодовъ *(вскакиваетъ, радостно пораженный, и смотритъ ей вслѣдъ.)*

Занавѣсъ.

Ницца.
Декабрь 1903.

П. Боборыкинъ.

МОРЕ.

Разсказъ Маріи Конопницкой.

(Съ польскаго.)

Самымъ сладкимъ мечтаніемъ пана Проспера Капуткевича было поставить Шекспировскую «Бурю» въ театрѣ, машинистомъ и декораторомъ котораго онъ имѣлъ честь состоять.

Что внушило ему эту мысль,—трудно сказать...

Кажется, онъ былъ пораженъ сходствомъ своего имени съ именемъ благороднаго Просперо, героя «Бури». Это предположеніе подтверждается слѣдующимъ фактомъ: не только свѣже подмалеванныя декораціи самой популярной въ нынѣшнемъ сезонѣ трагедіи «Валентина, или туфля безъ пары», но даже и квитанціи въ полученіи своего ничтожнаго жалованья онъ съ нѣкотораго времени сталъ подписывать «Просперо Капуткевичъ», добавляя къ этому мастерскую завитушку въ видѣ запутаннаго корабельнаго каната.

Такъ ли, иначе ли, отрицать нельзя, что мечтаніе это овладѣло имъ въ ту пору, когда, отыскивая болѣе высокую лѣстницу, онъ, стеная, вскарабкался на театральный чердакъ, гдѣ, посреди давнымъ давно нагроможденнаго хлама, валялось нѣсколько книжекъ, относящихся къ той весенней порѣ романтизма, которую переживаетъ всякій провинціальный театръ, прежде чѣмъ директоръ его убѣдится, что только играя «Туфлю безъ пары» можно одинъ разъ въ годъ купить себѣ пару сапогъ. Правда, лѣстницы панъ Капуткевичъ не нашелъ, но черезъ часъ спускался внизъ сильно взволнованный, держа подъ мышкой недоѣденный мышами томъ, на полинявшемъ переплетѣ котораго виднѣлся оттиснутый золотомъ безсмертный бюстъ Шекспира.

Этой юношеской прыти стараго машиниста могъ въ особенности позавидовать первый любовникъ труппы, панъ Руфинъ Пуздерко,

ради котораго нужно было изъ репертуара выкинуть всѣ любовно-балконныя сцены, потому что случалось, что послѣ восклицанія: «Ахъ, наконецъ-то ты въ моихъ объятіяхъ!» протекало отъ трехъ до четырехъ минутъ, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ взобраться на лѣстницу, ведущую къ балкону, а слова тающей отъ упоенія дѣвы: «Ахъ, какъ страстно ты сжимаешь меня въ своихъ объятіяхъ!» выпадали болѣе или менѣе на ту минуту, когда онъ съ трудомъ вступалъ на третью ступень.

Но Капуткевичу не завидовалъ никто, потому что никто не видалъ его. Прямо съ чердака онъ побѣжалъ въ свою убогую комнатку, двери заперъ на ключъ, толкнулъ ногою декорацію седьмого акта «Валентины», упалъ на табуретку, стоящую возлѣ окна, и руками, дрожащими отъ волненія, началъ обметать Шекспира отъ пыли.

Его увядшій, изборожденный глубокими морщинами лобъ какъ-то странно прояснился при этомъ занятіи, а въ старыхъ, утомленныхъ глазахъ заискрился блескъ молодости. Панъ Просперъ обтеръ книжку, разложилъ ее передъ собою, обѣими костлявыми руками откинулъ назадъ рѣдкіе и уже значительно посѣдѣвшіе волосы, оперся худыми локтями на подоконникъ, наклонился, вздохнулъ, какъ передъ молитвой, и началъ читать «Бурю».

Спустя нѣсколько минутъ онъ нѣсколько разъ передернулъ плечами, словно почувствовалъ холодъ, и лопатки его поднялись кверху. Наступала пора, когда обыкновенно онъ мѣнялъ свой старый сюртукъ на еще болѣе старый клѣтчатый халатъ, верхъ и подкладка котораго тамъ и здѣсь висѣли уже клочьями, но вата пока еще сохранилась въ цѣлости. Халатъ находился у него почти подъ рукою и притягивалъ къ себѣ его глаза, такъ что панъ Капуткевичъ невольно обращался въ ту сторону. Тѣмъ не менѣе старый машинистъ не потянулся за нимъ, потому что ему показалось неприличнымъ читать Шекспира въ халатѣ. Онъ только съежился, ушелъ въ самого себя, чтобы ему было теплѣй, положилъ ногу на ногу и началъ читать.

На ближайшей колокольнѣ часы били одинъ за другимъ, раннія сумерки осенняго дня наполняли комнатку все болѣе густыми тѣнями, на листки книги упалъ тонкій лучъ новой луны, которая высоко за[…]ркала на жемчужномъ небѣ.

Капуткевичъ все читалъ, ниже и ниже наклоняя голову, сильнѣе ст[…]живая виски и напрягая глаза. Наконецъ, буквы начали смѣшива[…]ся, маячить, сплетаться въ какія-то странныя сочетанія, выска[…]ть изъ строчекъ, а лунный свѣтъ развернулъ два газовыхъ кры[…]ка, затрепеталъ ими у самаго конца длиннаго носа пана Просперо[…] обратился вдругъ въ самого Аріеля, схватился за край книги,

повисъ головою внизъ, разсыпалъ золотые волосы по всей страницѣ, и поползъ по впалой груди и поношенному сюртуку...

Капуткевичъ закрылъ глаза и засмотрѣлся на это серебряное явленіе съ какой то благой улыбкой, припомнившейся ему изъ временъ юности. Его длинная, увядшая шея, съ выдающимся кадыкомъ, казалось, готова была выскочить изъ окутывающаго ее голубого шерстяного платка, а всѣ морщины, собравшіяся около рта и глазъ, придавали ему растроганное выраженіе...

Гдѣ, гдѣ тѣ времена, когда такіе волосы онъ...

Панъ Проспѳръ вздохнулъ, провелъ рукою по лбу, вскочилъ съ табуретки и началъ бѣгать по заваленной комнаткѣ, задѣвая за рамы, кисти, доски и другія орудія своей ежедневной работы. Бѣгая, онъ отъ времени до времени хватался за голову, словно пораженный видомъ чего-то гигантскаго, а его дрожащія губы шевелились едва слышнымъ шопотомъ:

— Великій! великій! великій!...

То было какое-то моленіе, какая-то жалоба безконечно слабаго духа передъ лицомъ духа безконечно сильнаго.

Послѣ перваго взрыва старый декораторъ успокоился, набилъ свою коротенькую трубочку, изыскалъ какую-то змѣеобразную линію между окномъ и печью, гдѣ вещей было меньше, и началъ прохаживаться медленными шагами. А за нимъ скользилъ тихій блескъ луны, отбрасывая на стѣну длинную и сгорбленную тѣнь его фигуры.

Капуткевичъ мечталъ...

Ахъ, и онъ имѣлъ свою молодость и свои порывы къ величію! И онъ когда-то, еще на школьной скамьѣ, писалъ ужасно кровавую драму. Но тѣмъ не менѣе ни школьнаго курса, ни драмы онъ не кончилъ. Подошли времена великой трагедіи, въ которой героевъ было почти что сколько же, сколько актеровъ, и цѣлыми изъ которой выходили только одни суфлеры.

Панъ Капуткевичъ задумался, но вдругъ остановился и ударилъ себя ладонью по лысѣющему лбу.

— А если бы взять, да и дать когда-нибудь Шекспира, а? Поставить, напримѣръ, «Бурю», а?... Или провалъ, или вывезетъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, и вывезетъ. А можетъ быть и нѣтъ... Шекспиръ—вещь возвышенная. Кто его раскуситъ, въ этой дырѣ? Хотя съ другой стороны,—кто ее знаетъ. И тутъ вѣдь есть люди... Нельзя же вѣчно давать старую «Туфлю безъ пары». Такой театръ—попросту позоръ!

Онъ свернулъ вбокъ и задѣлъ ногою за декорацію, которую ему

отдали для исправленія какой-то детали. Проявивши свое презрѣніе, онъ снова продолжалъ свой монологъ:

— Буря... Буря... Только, какъ бы это вышло, вотъ въ чемъ штука!... Морская буря... Безъ моря никакъ не обойдешься!

Онъ опустилъ голову и все шибче и шибче началъ бѣгать по комнатѣ.

— Машины должны быть новыя... Это вѣрно, какъ аминь въ молитвѣ. Тѣ, которыя есть, ни къ чорту не годятся. Правда, въ магазинѣ найдется аршинъ двадцать воды, совсѣмъ недурно нарисованной. Совсѣмъ недурно... Но то не для Шекспира. Какая-то спящая, стоячая, совсѣмъ мертвая вода. Подъ лодку она сойдетъ, но подъ корабль, нѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ, ни къ чорту не годится!...

Онъ создастъ море. Онъ сдѣлаетъ его живымъ, взволнованнымъ, ревущимъ. Онъ до глубины взбудоражитъ волны, выброситъ въ воздухъ морскіе смерчи, разбрызжетъ пѣну, нагромоздитъ валъ на валъ. Онъ создастъ бурю!

Панъ Просперъ подошелъ къ окошку, толкнулъ его и наполовину высунулся на улицу. Ему было душно въ комнатѣ. Грудь его волновалась, ноздри широко раздулись, въ вискахъ стучало, въ глазахъ мелькали огоньки.

На улицѣ была тишина. Нѣсколько звѣздъ блистало на октябрьскомъ небѣ, окутанномъ легкимъ туманомъ, только лунный серпъ отдѣлялся отъ этого фона, ясный и сверкающій.

Капуткевичъ вздохнулъ разъ, вздохнулъ другой, и такъ сильно, какъ будто втягивалъ въ грудь разсвирѣпѣвшій вѣтеръ; глаза его, казалось, вызывали громы и молніи, юношескимъ движеніемъ онъ откинулъ назадъ голову, какъ бы отряхалъ съ волосъ соленыя брызги, грудь выставилъ впередъ, руки стиснулъ крѣпко и бросилъ въ глубокую вечернюю тишь нѣсколько отрывистыхъ восклицаній, напоминающихъ крикъ альбатроса, рѣющаго надъ утопающимъ кораблемъ.

Какъ разъ въ эту минуту въ переулкѣ послышались невѣрные шаги и хриплая пѣсня портного изъ противоположнаго дома. Портной регулярно въ одинъ и тотъ же часъ возвращался домой въ пьяномъ ви ѣ.

Капуткевичъ вздрогнулъ и, сконфуженный, отступилъ отъ окош ка, дожидаясь, когда портной удалится. Потомъ онъ и окошко за рылъ, вздохнулъ, а фантазія его приняла болѣе спокойный видъ. Те ерь онъ ходилъ задумчиво, медленно, заложивъ назадъ руки, съ у шей трубкой и опустивъ голову, соображалъ, считалъ, ворчалъ,

улыбался, и хмурилъ брови, наконецъ, не зажигая огня, бросился на свою твердую постель и пытался заснуть.

Но сонъ не скоро пришелъ сегодня навѣстить комнатку стараго машиниста.

Едва только глаза его смежились, какъ шумъ морскихъ валовъ наполнилъ весь воздухъ комнатки. Капуткевичу ясно представилось, какъ вода вливается ему въ уши. Онъ вскакивалъ, запускалъ пальцы въ уши и протиралъ глаза, но обманъ чувствъ не проходилъ и тогда. Стоящая подъ луннымъ лучомъ декорація седьмого акта «Туфли безъ пары» казалась ему натянутымъ парусомъ, а собственный его клѣтчатый халатъ,—дѣвушкой, лишившейся чувствъ, такъ походили на заломленныя руки рукава съ продранными локтями.

Наконецъ панъ Просперъ уснулъ, но и сонъ не принесъ ему успокоенія. Сначала ему снилось, что онъ боцманъ изъ Шекспировской «Бури», и что отъ его распорядительности зависитъ спасеніе корабля.

— Эй, дѣтки! смѣлѣй, смѣлѣй, мои милые! — кричалъ онъ во снѣ.

— Двигайтесь, двигайтесь! Опускай брамстеньгу! живо! живо! ниже! Отдать нижній парусъ! Живо!

— Чтобъ чума переморила этихъ визгуновъ!—добавлялъ онъ по адресу отчаявшихся пассажировъ.

— Сидѣть въ каютахъ! Въ каюты! На бокъ!...

Самъ онъ работалъ за десятерыхъ и чувствовалъ, какъ потъ льется по его лбу.

— Назадъ! назадъ!—кричалъ онъ голосомъ, охрипшимъ отъ напряженія.—Отдай оба паруса и опять въ море! Отваливай!...

Въ эту минуту что-то трррахъ! Гротъ-мачта рухнула съ адскимъ шумомъ, а Капуткевичъ вскочилъ и сѣлъ на постели. Сердце его страшно билось, губы запеклись отъ крика, лобъ былъ покрытъ пѣтомъ.

Сообразивъ однако, что онъ находится въ своей собственной комнатѣ, панъ Просперъ успокоился, вздохнулъ, дрожащею рукой отеръ лобъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и снова заснулъ.

Теперь ему снилось, что онъ Шекспировскій Просперо и вызываетъ бурю...

Онъ видѣлъ себя важнымъ старцемъ въ широкой одеждѣ, обшитой мѣхомъ, и никакъ не могъ припомнить, на какихъ условіяхъ онъ получилъ ее отъ Клемфиша, который постоянно шилъ на него. Сначала это ужасно тревожило его, но вскорѣ онъ успокоился, замѣтивъ,

что у него серебристая борода, раздуваемая вѣтромъ, и орлиный взглядъ, а въ этомъ видѣ Клемфишъ никогда не могъ бы узнать его.

Сидя на прибрежной скалѣ своего острова, онъ опирался ногами на кораллы и жемчужныя ковины, среди которыхъ виднѣлась надпись: «Сочиненія Уильям лекспира, переводъ Пашковскаго. Томъ III».

Одна изъ его р къ покоилась на большой раскрытой книгѣ, а другая — вооруженная руническимъ жезломъ, управляла взбудораженной стихіей. Морскія волны рычали и бѣшено пѣнились. Самая малая часть скрипа машины слышалась лишь отъ времени до времени. Въ воздухѣ клубились тучи, сливаясь все въ болѣе и болѣе грозныя массы. Вдали, на самомъ краю горизонта, какой-то корабль отчаянно боролся съ бурею. Среди шума взволнованной воды и вторящаго ей грома, который шельма Ясекъ умѣлъ такъ безподобно пускать, слышны были крики тонущихъ. Ухо спящаго пана Проспера ясно различало среди этихъ звуковъ отчаянные голоса пана Руфина Пуздерко и панны Модесты Трикотовичовной, первой любовницы труппы. Ахъ, что это за буря! Что это за великолѣпная буря!... Онъ махнулъ вправо, и волны сорвались, словно табунъ взбѣсившихся лошадей; взмахнулъ влѣво, и онѣ подбѣгали къ его стопамъ, какъ прирученные псы.

Вдругъ онъ поднялъ кверху свой руническій жезлъ. Громъ зарычалъ въ воздухѣ, фосфорическій свѣтъ залилъ весь горизонтъ, на разорванныхъ тучахъ огненнымъ змѣемъ выступила надпись:

«Капуткевичъ fecit».

Неудержимая гордыня всколебала впалую грудь стараго машиниста, захватывая его дыханіе. Онъ былъ великимъ, великимъ, великимъ! Шекспиръ показался ему мальчишкой, а директоръ театра песчинкой, жалкой песчинкой... Ничѣмъ больше!

Онъ пробудился разгоряченный и дрожащій, а такъ какъ время было уже не раннее, одѣлся кое-какъ, схватилъ подмышку Шекспира и побѣжалъ къ директору.

Директоръ въ однихъ чулкахъ хлопоталъ въ кухнѣ, раздувая самоваръ и вытирая стаканы. Блестящая пара свѣже вычищенныхъ сапогъ стояла на кухонномъ столѣ.

апуткевичъ ворвался, словно вихрь.

- Господинъ директоръ, благодѣтель! — крикнулъ онъ съ по-

ро —Или мы ставимъ «Бурю», или назовите меня подлецомъ!

- Ти-ше! Ти-ше! — зашипѣлъ директоръ. — Вы Магдусю разбу-

ли чортъ возьми!

ъ заковылялъ къ дверямъ, ведущимъ въ комнату его жены, и

ти ьно закрылъ ихъ. Онъ шелъ на цыпочкахъ, несмотря на то,

что былъ въ чулкахъ, попеременно то приседая, то выпрямляясь, для большей эластичности хода.

Сконфуженный Капуткевичъ ударилъ себя рукою по губамъ, и такъ и оставался въ такой позе до техъ поръ, пока директоръ не возвратился, съ такими же приседаніями, назадъ.

Теперь имъ было удобнее разговаривать.

— Ваша супруга еще почиваетъ?—шепотомъ спросилъ старый машинистъ.

— Что же делать?—зашипелъ директоръ,—чаю еще нету...

Тутъ онъ свистнулъ въ самоваръ, точно локомотивъ, потомъ, наклонившись подъ столъ, вытащилъ оттуда сильно загрязненные башмаки Магдуси и, почесывая у себя въ голове, началъ молча смотреть на нихъ.

— Что это вы въ такую рань?—наконецъ, обратился онъ къ Капуткевичу, съ покорностью берясь за щетку, вытертую отъ долгаго служенія.

— Панъ директоръ, благодетель!—горячимъ шепотомъ началъ машинистъ.—Сегодня ночью у меня было откровеніе, какъ бы... Намъ нужно дать «Бурю»!

Директоръ задержалъ щетку въ воздухе и проницательно посмотрелъ на старика.

— Какую бурю? Какъ? Что? Какая тамъ еще буря?—Онъ не былъ сторонникомъ бурь... Помнитъ онъ Магдусины бури!...

— Безсмертную, великую, шекспировскую «Бурю»!—поднимая голосъ на полтона, шепталъ Капуткевичъ въ самое ухо директора, наклоняясь своей костистой фигурой къ его невзрачной фигурке.— Море беру на себя я!

Тутъ онъ снова ударилъ себя, но уже въ грудь, такъ что въ ней что-то отдалось.

Директоръ слушалъ задумавшись, нахмуривъ брови и не опуская повисшей въ воздухе щетки.

— А знаете что!—сказалъ онъ черезъ минуту,—это мысль.

— Надеюсь!—воскликнулъ Капуткевичъ, забывая о спящей Магдусе, и выпрямился во весь свой ростъ.—Вы только подумайте... Мы прославимся, загонимъ въ уголъ Краковъ и Варшаву. Это будетъ тріумфъ! Это будетъ светопреставленіе! Это будетъ...

Пану Просперу нехватало сравненій, но уста его дрожали подъ напоромъ словъ, которыхъ онъ не умелъ произнести.

Директоръ размашисто полировалъ стоптанный башмакъ Магдуси. Энтузіазмъ машиниста началъ сообщаться и ему.

— Въ іюлѣ,—зашепталъ онъ,—минетъ двадцать лѣтъ, какъ нашъ театръ...

— Правда, правда! — снова во все горло гаркнулъ Капуткевичъ.—Какая штука-то! Человѣкъ я, какъ перстъ, одинокій... ну, и забылъ... Что я хотѣлъ сказать? Ахъ, да, юбилей! Что же вы хотите приготовить къ юбилею?

Директоръ наклонилъ голову, поднялъ высоко брови и внимательно разсматривалъ слой грязи на каблукѣ Магдуси.

— Юбилей, что называется, съ бенефисомъ... То-есть, не столько для меня, сколько для Магдуси... Я самъ зайду къ вамъ вечеркомъ... Потолкуемъ спокойно... Нужно все обсудить, сосчитать. А пока никому ни гу-гу...

— Людвигъ, Людвигъ!—послышался голосъ Магдуси.—Съ кѣмъ ты это разговариваешь?

— Ни съ кѣмъ, душка, ни съ кѣмъ!—увѣрялъ директоръ, набирая полную грудь воздуха, чтобы со свистомъ и шипѣніемъ впустить его въ самоваръ, въ то время когда старый машинистъ, словно журавль, маршировалъ на своихъ длинныхъ ногахъ, направляясь къ выходной двери.

И только у самаго порога онъ оглянулся на своего начальника. Они молча кивнули головами другъ другу, въ знакъ того, что все понимаютъ, и Капуткевичъ благополучно прослѣдовалъ въ свою комнатку.

Такъ была заронена и въ принципѣ принята мысль постановки Шекспировской «Бури».

Но отъ этой мысли до исполненія предстояла длинная и тернистая дорога.

Жизнь пана Капуткевича теперь какъ бы раздѣлилась на двѣ половины.

Въ теченіе одной половины, которая называется днемъ, старый декораторъ измазывалъ большія и малыя полотнища, изображая на нихъ деревья, храмы, дворцы, сады гаремовъ, колонны, лѣса, устраивалъ люки, проваливающіеся подъ чертями, гроба, изъ которыхъ поднимались умершіе, а точно также и большіе апоѳеозы, съ сонмомъ бѣлыхъ и голубовато-розовыхъ херувимовъ.

Въ теченіе другой же половины, которая называлась ночью, онъ замыкался съ своимъ Шекспиромъ въ комнаткѣ, гдѣ пыли набиралось все больше и больше, читалъ, мечталъ, думалъ, а иногда карабкался на чердакъ, куда недавно перенесъ часть своей мастерской, и при свѣтѣ коптящей лампы до поздняго времени пилилъ, рѣзалъ,

строгалъ, вытачивалъ, пока, совершенно обезсилѣвшій, не сваливался на постель.

Такой порядокъ жизни стараго машиниста приводилъ къ двумъ послѣдствіямъ. Первымъ являлось утроенное потребленіе «Желтаго Виргинскаго» табаку и необходимость сверхштатнаго кредита въ ближайшей лавочкѣ; благодаря второму, всѣ коллеги пана Капуткевича пришли къ тому убѣжденію, что онъ рехнулся.

Дѣйствительно, о немъ можно было и такъ подумать, видя, какъ въ старомъ, вѣтромъ подбитомъ сюртукѣ онъ по цѣлымъ часамъ стоитъ, наклонившись черезъ истлѣвшія перила, и смотритъ на рѣку. Тогда можно было толкнуть его, переѣхать черезъ него, искромсать его, и онъ не почувствовалъ бы ничего. На что онъ смотрѣлъ, было загадкою для всѣхъ. Одни говорили, что въ рѣкѣ утонули какія-то его большія деньги, другіе—что онъ самъ хочетъ топиться. Низменныя души! Никто не угадывалъ, что эта вода должна была объяснить старому машинисту величайшую тайну, тайну своей жизни, своего движенія. И тѣмъ не менѣе, она не объясняла.

То была ничтожная, совершенно ничтожная рѣчонка, во время лѣтнихъ жаровъ почти совсѣмъ пересыхающая и только весною коекакъ струящаяся. Капуткевичъ, для того чтобы вывести ее изъ осенняго оцѣпенѣнія, приносилъ съ собою на мостъ полные карманы большихъ и маленькихъ каменьевъ, которые должны были служить ему для возбужденія различныхъ явленій и комбинацій движенія. И вотъ старикъ бросалъ эти каменья сверху въ воду, сначала самый крупный сортъ, чтобы вызвать водоворотъ, потомъ маленькіе, наискось, почти вдоль самой поверхности рѣчонки, рикошетомъ. Въ этомъ послѣднемъ ударѣ, такъ называемой «уткѣ», Капуткевичъ великолѣпно напрактиковался, и вызывалъ цѣлый рядъ круговъ и кружковъ, расходящихся все дальше и дальше.

Во время этихъ упражненій онъ имѣлъ при себѣ цѣлую армію ребятишекъ, чего, впрочемъ, совсѣмъ не замѣчалъ, и только, когда послѣ особенно удачно запущенной «утки» поднимался крикъ восторга, старикъ оглядывался, какъ бы пробужденный отъ сна, сгорбливался и возвращался въ свою комнатку.

Прежде, для увеличенія своихъ ничтожныхъ доходовъ, онъ брался за стороннія работы и снисходилъ даже до малеванія вывѣсокъ. Но теперь онъ бросилъ все, чтобы трудиться для славы. Наконецъ, онъ похудѣлъ и почернѣлъ такъ, что тѣ, которые прежде называли его «засохшей кистью», теперь пришли къ заключенію, что въ этомъ сравненіи заключается не мало лести.

День его проходилъ въ поспѣшной работѣ, работѣ почти горячеч-

ной, ночь — еще въ болѣе горячечныхъ попыткахъ и мечтаніяхъ. Мимоходныя совѣщанія съ директоромъ еще болѣе распаляли огонь, пожирающій душу и тѣло стараго декоратора. Рѣшено было все дѣло держать въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока Капуткевичъ не изобрѣтетъ такой машины, которая придавала бы нарисованной водѣ всѣ признаки настоящей жизни. Только тогда можно было бы расписывать и и раздавать роли. Загнанный Магдусею директоръ совершенно удовольствовался бы и теперешними рессурсами для изображенія моря, лишь бы только получить маленькій бенефисикъ.

Но Капуткевичъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ. Непомѣрная жажда славы охватила его и всецѣло завладѣла имъ. Онъ просыпался и засыпалъ съ единственной мыслью — создать море. Неотступно лежащій на столѣ Шекспиръ сталъ его демономъ, его злымъ духомъ.

Если бы, по крайней мѣрѣ, стояло лѣто! Если бы нашла буря! Но нѣтъ... Свинцовое небо осени, отражающееся въ лѣниво текущей водѣ, не давало никакого вдохновенія. Капуткевичъ долженъ былъ сновать изъ самого себя, какъ паукъ паутину, и это страшно удручало его. Онъ уже намалевалъ футовъ пятьдесятъ картону, купленнаго на собственныя кровныя денежки, накаталъ его на валы, перетягивалъ съ правой стороны на лѣвую, — и ничего! Полотно оставалось полотномъ, намалеванная вода — намалеванной водою. Тогда старый машинистъ рвалъ на себѣ волосы и на нѣкоторое время впадалъ въ угрюмое оцѣпенѣніе. Но мысли своей онъ всетаки не покидалъ. Она все таилась въ немъ и горѣла днемъ и ночью на счетъ его жалкаго, почти по донкихотовски исхудалаго тѣла.

Голодъ, безсонница, лихорадка давно свалили бы его съ ногъ, если бы не надежда, которая шептала ему, что вотъ-вотъ блеснетъ та счастливая мысль, которая покроетъ его имя неувядаемой славой.

И мысль эта блеснула.

Стоялъ уже поздній часъ, и Капуткевичъ, смертельно утомленный, собирался было уже спускаться съ театральнаго чердака, когда вдругъ изъ-подъ его руки вырвался толстый валекъ и покатился подъ развернутымъ картономъ, вызывая неслыханный эффектъ волнообразныхъ движеній. Капуткевичъ схватился за голову и остановился, ка[illegible]ъ вкопанный.

[illegible]отъ у него открылся, глаза чуть не выскочили изъ орбитъ, въ сер[illegible]це точно вонзилось какое-то остріе и сразу остановило его біеніе[illegible] То было море!

[illegible]ъ одно мгновеніе умъ его охватилъ и обнялъ всѣ указанія случа[illegible]ости. Въ одно мгновеніе въ его мысли зародилась комбинація цѣ[illegible]й системы огромныхъ валовъ, катящихся подъ полотномъ, ко-

торые могли бы вызвать могучія волны взбудораженнаго моря. Въ одно мгновеніе онъ почувствовалъ себя великимъ, безсмертнымъ. Грудь его такъ стиснуло, что онъ едва могъ вздохнуть, длинныя, изсохшія ноги дрожали подъ нимъ, словно въ лихорадкѣ. Онъ боялся пошевелиться, чтобы не испугать того, что онъ назвалъ откровеніемъ, боялся отнять рукъ отъ старой головы, чтобы она окончательно не закружилась отъ внезапнаго тріумфа.

Буря, громы, бенгальскіе огни, а посреди нихъ змѣевидныя, сверкающія молніи:

«Капуткевичъ fecit!»

Все это бушевало въ его мозгу, чуть не разрывало его черепъ.

Какъ долго онъ стоялъ въ такомъ положеніи и что привело его въ сознаніе, онъ и самъ не помнилъ. Но когда онъ возвратился въ свою комнатку, его трясущіяся руки едва могли нащупать ручку двери, а ноги такъ заплетались и гнулись, какъ будто были сдѣланы изъ соломы.

Поздно на слѣдующее утро проснулся старый машинистъ, а когда при дневномъ свѣтѣ вспомнилъ, что̀ прошлою ночью произошло на театральномъ чердакѣ, то схватилъ съ гвоздя шапку и побѣжалъ за городъ, чтобы не ошалѣть отъ радости.

Дѣйствительно, время было на исходѣ. Нужно было пользоваться каждой минутою, спѣшить, двигаться. Прежде всего необходимо было избѣжать искушенія проболтаться директору, прежде чѣмъ все не будетъ надлежащимъ образомъ скомбинировано.

«Комбинація—это фундаментъ!»—повторялъ въ глубинѣ своей души Капуткевичъ, совершенно забывая объ участіи случайности въ своемъ великомъ открытіи, и настолько упоялся своей будущей славою, что чуть не натыкался концомъ своего носа на прохожихъ.

Прежде, еще вчера, онъ почтительно извинился бы передъ каждымъ за подобную невнимательность. Но сегодня... Сегодня ему казалось, что онъ получилъ исключительную привилегію не обращать вниманія ни на что и ни на кого.

Развѣ онъ не былъ великимъ изобрѣтателемъ, творцомъ огромнаго переворота, какъ говорится, новой эры въ театральной исторіи? Развѣ онъ не былъ Капуткевичемъ, который «fecit» море?

Если бы эти люди знали, какую мысль онъ несетъ въ своей головѣ, неужели они не устранялись бы съ его дороги, не шептали бы съ робкимъ обожаніемъ: «Капуткевичъ идетъ... Капуткевичъ идетъ!»

Прозвище это, которое въ сравненіи съ какимъ-нибудь, напримѣръ, Веллингтономъ, раньше казалось ему до нѣкоторой степени мелкимъ, теперь въ его воображеніи пріобрѣло всѣ особенности тѣхъ

великихъ, общеизвѣстныхъ именъ, которыя въ исторіи человѣчества стоятъ словно издали виднѣющіяся пирамиды.

«Капуткевичъ... Капуткевичъ...»—повторялъ онъ, сначала мысленно, потомъ шопотомъ, потомъ вполголоса, и, наконецъ, съ горячимъ, почти молитвеннымъ акцентомъ благоговѣнія, а уши его упоялись этимъ звукомъ, точно сладчайшею музыкой.

Наконецъ, онъ замолкъ, потому что впечатлѣніе сдѣлалось черезчуръ болѣзненнымъ и превосходило его силы. Онъ только выпрямился, высоко поднялъ брови, глаза до половины прикрылъ рѣсницами и старался насколько возможно больше выставить впередъ впалую грудь и тощій животъ. Усилія эти, однако, не привели къ желательному результату, и панъ Просперъ долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что до возможно большей степени задралъ свой носъ и давно уже не тронутый бритвою подбородокъ.

Онъ только жалѣлъ, что такъ мало людей встрѣчаетъ на улицѣ. Гдѣ они попрятались? Въ какія волчьи ямы скрылись всѣ, чортъ возьми?

Правда, еще вчера онъ издали обходилъ рынокъ, задворками пробираясь на Театральную улицу, чтобы только «не лѣзть въ глаза ни къ кому». Но вчера было одно, а сегодня совсѣмъ другое!

Тутъ ему пришло въ голову, что онъ дѣйствительно мельчаетъ въ этомъ «городишкѣ». Вѣдь это не Варшава!

Въ настоящую минуту онъ проходилъ мимо пивной, хозяинъ которой, стоя у порога въ толсто настеганной поддевкѣ, крикнулъ ему съ порога «добрый день!» Капуткевичъ не съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ этотъ привѣтъ. Онъ только приподнялъ шапку, скривилъ уста, какъ бы хотѣлъ изобразить улыбку, и кивнулъ головою. Онъ чувствовалъ себя непріятнымъ образомъ пораженнымъ фамильярностью «шинкаря». Просто-на-просто онъ считалъ это неприличнымъ. Въ Варшавѣ съ нимъ не случилось бы ничего подобнаго. Тамъ умѣютъ цѣнить людей.

И правда, чего онъ сидитъ здѣсь? Чего онъ выжидаетъ? Какое будущее ожидаетъ его здѣсь? Геніальные замыслы надлежащимъ образомъ развиваются только въ кругѣ свѣта, отбрасываемаго великими очагами искусства...

Заключеніе это, которое такъ счастливо пришло ему на умъ, Капуткевичъ когда-то вычиталъ въ одной театральной критикѣ, написанной высокимъ стилемъ, авторъ которой щедро черпалъ изъ сборника разныхъ афоризмовъ.

Тѣмъ не менѣе, старый машинистъ далъ бы свою голову на отсѣченіе за то, что эти слова принадлежатъ ему, и остановился, что

бы еще разъ повторить ихъ самому себѣ. Онъ попросту весь сіялъ. Видимо, онъ дорылся до какой-то золотой жилы въ своемъ мозгу. Кто знаетъ, что еще можетъ изобрѣсти онъ?

Мысленно онъ перебиралъ извѣстныя ему открытія и жалѣлъ, что кто-то это сдѣлалъ до него. Печатный станокъ, желѣзная дорога, телеграфъ,—показались ему дѣтскими игрушками.

Онъ чувствовалъ, что онъ изобрѣлъ бы ихъ шутя, если бы они не были еще изобрѣтенными.

Вѣдь сотворилъ же онъ море!

Теперь онъ проходилъ мимо фотографической витрины на углу улицы, и это придало его мыслямъ другое направленіе.

Сейчасъ же *послѣ этого* ему предстоитъ большой расходъ. Онъ долженъ будетъ фотографироваться въ большомъ и въ маломъ видѣ. Онъ долженъ оставить память потомкамъ. Можетъ быть, даже придется фотографировать внутренность комнатки, въ которой онъ живетъ. Его сундукъ, съ тощимъ матрацомъ, его столикъ, трубку, халатъ, гитару... всѣ мелочи, которыми онъ пользовался, къ которымъ прикасался.

Эта мысль растрогала его. Ему казалось, что послѣ его смерти протекли долгіе, долгіе годы, и что онъ видитъ, какъ къ его комнаткѣ, словно на поклоненіе, идутъ позднѣйшія поколѣнія, которыя вступаютъ сюда съ поникшей головою, съ затаеннымъ дыханіемъ и сильно бьющимся сердцемъ.

Сладкая грусть наполнила его душу, а затуманившіеся глаза смотрѣли куда-то далеко впередъ.

Онъ прошелъ нѣсколько десятковъ шаговъ, повернулъ назадъ и снова остановился передъ фотографической витриной, раздумывая, какое бы выраженіе придать своей физіономіи въ рѣшительный моментъ.

Самою подходящею ему представлялась маска глубокаго мыслителя, изслѣдователя. Тогда онъ сморщилъ лобъ толстыми складками, нахмурилъ брови, придалъ своимъ глазамъ рѣзкое выраженіе и направилъ ихъ въ пространство. Но едва его лицо приняло такой видъ, какъ ему показалось, что онъ слышитъ громъ рукоплесканій, которымъ его привѣтствуетъ толпа.

Тогда онъ опустилъ глаза, губы его сложились въ улыбку, преисполненную скромнаго достоинства, и, сложивъ руки на груди, онъ склонилъ голову.

Рукоплесканія не умолкали. Сначала отъ нихъ содрогнулся театръ, потомъ Театральная улица, потомъ рынокъ, площадь передъ маги-

стратомъ, наконецъ, весь городъ. Старая церковная колокольня колебалась на своемъ основаніи, дома дрожали.

Отбивъ себѣ руки, толпа стучала палками, топала, кричала, выла, впадала въ конвульсію. Такого бѣшенаго восторга, такой экзальтаціи массы не видано съ тѣхъ поръ, пока стоитъ свѣтъ.

Вѣнки и букеты градомъ сыпались къ стопамъ Капуткевича; цѣлые сугробы розъ и ландышей обнимали его, давили, чуть не душили. Старый машинистъ ясно чувствовалъ ихъ сильный, упоительный запахъ.

Тогда онъ закрылъ глаза, наполовину открылъ ротъ и тяжело вздохнулъ. Въ это время его подхватили на плечи, высоко подняли надъ толпою, а изъ тысячи устъ раздался громоподобный крикъ: «да здравствуетъ!»

Тогда Капуткевичъ поднялъ голову и бросилъ вокругъ взоръ торжества.

Одинъ только взглядъ, но охватывающій весь міръ счастія и славы.

Мимолетный лучъ зимняго солнца отразился теперь въ глазахъ стараго машиниста, упоенныхъ величайшею гордынею. Минута эта платила ему за долгіе годы труда, нужды, пренебреженія. На морозѣ онъ стоялъ въ жалкомъ, вытертомъ сюртучишкѣ, но холода не ощущалъ, ничего еще не ѣлъ, но голода не чувствовалъ.

Наконецъ, кто-то изъ прохожихъ толкнулъ его, и это призвало его къ дѣйствительности. Капуткевичъ вздрогнулъ, повернулъ голову и посмотрѣлъ безсознательнымъ взглядомъ человѣка, который только что пробудился отъ глубокаго сна.

Въ первую минуту онъ, казалось, совершенно не знаетъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ дѣлается. Тѣмъ временемъ прохожій, мужчина толстый, громко сопящій, въ медвѣжьей шубѣ, остановился, вытаращилъ круглые, какъ луковицы, глаза, сплюнулъ на сторону и опять продолжалъ свой осмотръ.

«Просперъ это или не Просперъ,—заворчалъ онъ, обращаясь къ самому себѣ.—Тьфу! Какъ будто Просперъ!

Онъ повернулъ голову и, загородивъ дорогу Капуткевичу, собира пемуся уходить домой, присматривался къ нему вблизи.

— Просперъ! Ей-Богу Просперъ!—гаркнулъ онъ вдругъ, словно из бочки и, прежде чѣмъ старый декораторъ могъ сообразить что-ни удь, заключилъ его въ свои могучія объятія и прижалъ къ медвѣ ъей шубѣ.

— Игнацій... Игнацій...—бормоталъ сдавленнымъ голосомъ Капу евичъ.—Игнацій... братъ...

— Э, да ну тебя совсѣмъ!—восклицалъ панъ Игнацій, отстраняя Капуткевича на всю длину своихъ рукъ, но всетаки не выпускалъ его.—Цѣлыхъ двадцать лѣтъ мы не видались съ тобою. Двадцать лѣтъ...—повторилъ онъ, кивая головою.—Помнишь, подъ кузницей?... Э, братецъ мой, были времена!

Капуткевичъ, неожиданно исторгнутый изъ круга своихъ мечтаній, равнодушно относился къ энтузіазму пана Игнація. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ онъ пережилъ часъ тому назадъ и что̀ поглощало все его существо, прошедшія времена, кузница, встрѣча съ товарищемъ,—казались ему какимъ-то сномъ. Правда, онъ также кивалъ головою, но глаза его попрежнему оставались холодными.

— Охъ, было когда-то!... Эхъ!...—панъ Игнацій махнулъ рукою и вздохнулъ.

— Ну, чего мы тутъ стоимъ на холодѣ? Зайдемъ куда-нибудь что ли, а?

Капуткевичъ остановился въ нерѣшительности.

— Сказать тебѣ по правдѣ, у меня спѣшная работа...—проговорилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.—Произойдетъ безпорядокъ...

— Какая тамъ работа!—гаркнулъ панъ Игнацій.—Какой чортъ возьметъ твою работу? Ты думаешь, у меня тоже нѣтъ работы? Вотъ до какихъ поръ,—онъ провелъ толстымъ пальцемъ по своему бычачьему горлу.—Ну, и пойдемъ. Бѣды тутъ никакой не будетъ.

Они вошли въ ближайшій трактиръ.

— Ну, какъ твои дѣла?—спрашивалъ панъ Игнацій, добросовѣстно опрокинувъ себѣ въ горло рюмку водки.

— Не дурно,—коротко отвѣтилъ Капуткевичъ.

Онъ былъ не расположенъ къ изліяніямъ. Съ того времени, когда онъ рѣшилъ поставить: «Бурю», въ немъ образовался какой-то особенный міръ мыслей и чувствъ, который со внѣшнимъ міромъ не имѣлъ ничего общаго. Тѣмъ не менѣе, старый машинистъ сознавалъ, что рѣшительно равнодушнымъ ко всему окружающему ему казаться не слѣдуетъ. И онъ принудилъ себя задать вопросы пану Игнацію:

— А твои какъ?

— Мои-то?—сказалъ панъ Игнацій, пережевывая закуску.—Да, такъ себѣ... какъ видишь, я растолстѣлъ, женился, есть деревушка, кой-какой кусокъ хлѣба... только дѣтей нѣтъ,—прибавилъ онъ, прикрывая губы рукою и наклоняясь къ Капуткевичу.

Съ минуту онъ жевалъ молча.

— Не моя вина въ этомъ,—проговорилъ онъ потомъ, отирая ротъ салфеткою.—Жена моя постоянно хвораетъ, охаетъ, каждый

день докторъ, лѣкарства, то вòды, то порошки, то еще какая-нибудь дьявольщина... Вотъ и теперь меня нужда изъ дома выгнала. Приказано намъ ѣхать на море, лѣшій одинъ знаетъ для чего. У меня, сударь мой, молотьба, поставки, а тутъ бросай все и поѣзжай. Божеское наказаніе!...

Онъ тяжело засопѣлъ, что одинаково могло сойти и за вздохъ.

У Капуткевича при упоминаніи о морѣ засверкали глаза. Онъ задержалъ въ воздухѣ руку, держащую вилку съ какимъ-то кускомъ, и наклонился впередъ.

— На море?—спросилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

Ему казалось, что, произнося подобное слово, кто-то нарушилъ его право, привилегію, что кто-то вторгается въ его наслѣдіе, поддѣлываетъ его документы.

Мысль его на этомъ словѣ стояла, какъ на якорѣ, а якорь этотъ былъ запущенъ въ самую глубину его мозга. Теперь якорь затронули, и мозгъ его болѣзненно зашевелился.

Съ минуту онъ такъ и оставался: съ шеей, вытянутой надъ столомъ, безпокойно всматриваясь въ лоснящееся лицо пана Игнація. Взглядъ его выражалъ какую-то странную смѣсь изумленія, обожанія, зависти и жалости.

Да!... Есть люди, которые о морѣ говорятъ, какъ о кружкѣ пива. Они не видятъ, не понимаютъ, не знаютъ его... Да и откуда имъ знать? Развѣ изъ театра? Изъ того, какъ до сихъ поръ представляли море?

Горькая улыбка застыла на его устахъ.

Онъ склонился на поручень кресла и барабанилъ маршъ пальцами по столу, иронически и проницательно глядя на своего собесѣдника.

Тѣмъ временемъ панъ Игнацій разстегнулъ пуговицы своей бекеши и громко сопѣлъ.

— Ну, разсказывай, братецъ мой, какъ ты поживаешь?

— Да по-старому! — отвѣтилъ Капуткевичъ, не мѣняя своего иронического взгляда.

— Не особенно ты потолстѣлъ отъ этого, а?... — продолжалъ дальше панъ Игнацій, съ участіемъ глядя на худое лицо машиниста.

Капуткевичъ нахмурилъ брови и ускорилъ темпъ своего марша. Съ нѣкотораго времени онъ не любилъ, чтобы на него такъ смотрѣли. Взглядъ, черезчуръ настойчивый, казался ему пытливымъ взглядомъ, а у него была своя тайна. Притомъ, этотъ покровительственный тонъ по отношенію къ нему, теперь, когда онъ былъ на пути къ

своему величію, къ такой славѣ, казался ему совершенно неумѣстнымъ.

— Знаешь что, братецъ,—продолжалъ добродушно панъ Игнацій, — отправь ты ко всѣмъ чертямъ всю эту дрянь, пріѣзжай къ намъ и живи съ нами въ деревнѣ по-человѣчески.

Капуткевичъ страдальчески поморщился.

— Не могу!—сухо сказалъ онъ.

И тутъ же ему пришло въ голову, что онъ обижаетъ товарища и онъ поспѣшилъ сердечно прибавить:

— Благодарю тебя, Игнацій, но я не могу...

— Что тамъ за «не могу»,—рѣшительно заговорилъ панъ Игнацій, размахивая своей ручищей.—Вотъ ты и стоналъ бы вмѣстѣ съ моею женою... Изъ васъ вышла бы отличная пара. Ты худъ и она худа, ты желтъ и она желта... Или знаешь что!—воскликнулъ онъ, пораженный новою мыслью, и даже вскочилъ со стула.—Поѣдемъ съ нами на море! Ей-Богу, поѣдемъ! Это тебѣ ни гроша мѣднаго стóитъ не будетъ, а для меня ты сдѣлаешь истинное благодѣяніе, спасешь меня, дружище!

Онъ накинулся на Капуткевича, стискивая его въ объятіяхъ, прося, заклиная, чуть не плача.

— Сжалься, Просперъ, не отказывай, если ты въ Бога вѣришь! Я этого тебѣ никогда не забуду. До самой смерти благодаренъ тебѣ буду! Вѣдь мы друзья по школьной скамейкѣ, товарищи по оружію... помнишь кузницу?... Эхъ, братъ! Не будь такимъ непреклоннымъ. Вѣдь мы съ тобой двадцать лѣтъ не видались!

Капуткевичъ боролся съ собою. Съ одной стороны, ему не хотѣлось принимать то, что могло считаться бы благодѣяніемъ, а съ другой—что за искушеніе! Увидать море! настоящее, живое море! Имѣть передъ глазами такую модель. Великое произведеніе творить съ натуры!

Потъ выступилъ у него на лбу, ноги подъ нимъ дрожали, но держался онъ прямо, отбиваясь отъ объятій пана Игнація, и повторялъ только одно:

— Ну, что ты выдумалъ!... что ты выдумалъ!...

Но панъ Игнацій обладалъ тою особенностью, что если упрется на чемъ-нибудь, то это такъ и должно быть.

Вмѣстѣ со старой водкой и бутылкой вина, выпитой въ трактирѣ, въ голову ему ударили воспоминанія молодости, а Капуткевичъ въ настоящую минуту былъ ему такъ дорогъ, что онъ положительно не могъ представить, какъ это онъ будетъ жить безъ него. Притомъ же,

ему можно будетъ оставить кого-нибудь возлѣ жены, а самому воспользоваться свободою.

Онъ сильнѣе напиралъ на Капуткевича съ своею нѣжностью и со своими аргументами.

— Имѣй же совѣсть, Проспeръ, душа моя! — патетически восклицалъ онъ. — Имѣй состраданіе ко мнѣ! Что я тамъ буду дѣлать одинъ среди этихъ разбойниковъ итальянцевъ? Обокрадутъ насъ, ей-Богу, обокрадутъ, купятъ и продадутъ, Іуды предатели!... Ни поговорить ни съ кѣмъ по-человѣчески нельзя, ни выпить... Я пропаду, словно какая-нибудь мышь, положительно пропаду безъ тебя. Не отказывай, другъ. Если въ Бога вѣришь, не отказывай!

Онъ всею тяжестью своего тѣла повисъ на шеѣ Капуткевича и цѣловалъ его въ давно не бритыя щеки.

Капуткевичу сдѣлалось жарко, онъ начиналъ видимо смягчаться.

— Что ты выдумалъ!... что ты выдумалъ!... — повторялъ онъ все болѣе и болѣе слабымъ голосомъ. — А работа? А театръ? А ди ректоръ?

— Все это вздоръ, братецъ мой! — восклицалъ панъ Игнацій, котораго старая крѣпкая водка начинала разбирать сильнѣе. — Къ директору твоему мы отправимся сейчасъ же и устроимъ ему такую попойку, что жизни нашей конецъ! Директоръ трупъ! Потуда ты его и видѣлъ. А не захочетъ пить, такъ и чортъ съ нимъ! Стану я церемониться со всякимъ мозглякомъ. Заберемъ его силой, и баста! Ну, не верти носомъ, Проспeръ, не будь я католикъ, — а это слово великое! — не верти носомъ. Хочешь? Я знаю тутъ одного доктора, ему только пальцемъ кивнуть, такъ онъ тебѣ выдастъ свидѣтельство хоть на десять болѣзней. Не только въ Италію тебя пошлютъ, а хоть къ самому дьяволу рогатому. Честное слово! Плюнь ты, Проспeръ, на директора. Увѣряю тебя.

У Капуткевича все это какъ-то не укладывалось въ голову. Откуда Игнацій взялся... и такъ неожиданно... потомъ путешествіе...

— Крестись ты, не крестись, а ѣхать долженъ. Столько лѣтъ... товарищи, братья родные... — панъ Игнацій начиналъ всхлипывать и отиралъ кулакомъ свои круглые глаза. Капуткевичъ былъ побѣжденъ, и если сопротивлялся, то лишь изъ одной формы.

— Да вѣдь я что-жъ... старый холостякъ... Какимъ ты меня в [illegible]ишь, такимъ и бери.

Онъ развелъ руками, потомъ посмотрѣлъ на носки своихъ дважды [illegible]иненныхъ сапогъ.

— Жалованье крохотное, наряжаться не на что, а тамъ, можетъ б[illegible]ъ, щегольство потребуется.

— Что? Гдѣ? Какое тамъ щегольство? Да и это дѣло поправимое. Шуба тебѣ нужна? Бери мою шубу. Она и такъ тяжела для меня, а я обряжусь въ другую.

Брови стараго машиниста грозно нахмурились.

— Слушай, Игнацій, — сказалъ онъ сухимъ, твердымъ голосомъ. — Если ты не хочешь выгнать меня отсюда, то не лѣзь со своею шубой. Еще неизвѣстно, кто когда-нибудь будетъ ходить въ лучшей шубѣ. Это будущее покажетъ. Можетъ быть, и не столь отдаленное. А сегодня, что у меня есть, то все это мое. Ты же не оскорбляй меня.

— Боже милосердый! — жаловался панъ Игнацій, складывая руки. — Я тебя оскорбляю? Да я для тебя солнце снялъ бы съ неба, да я...

Капуткевичъ билъ себя въ грудь, умолялъ, но, наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что они выѣзжаютъ послѣ завтра.

Была уже ночь, и послѣ морознаго дня поднялась вьюга, когда старый машинистъ возвратился въ свою нетопленную комнатку. Вѣтеръ развѣвалъ полы его вытертаго сюртука, но энтузіазмъ и надежда согрѣвали его и наполняли его грудь благостнымъ тепломъ. То, что сегодня онъ пережилъ, то, что испыталъ сегодня, проходило въ его мозгу волшебной, радужной вереницей.

Странное дѣло! Панъ Игнацій, его старая водка, его медвѣжья шуба, и даже предполагаемое путешествіе, не представлялись ему такими реальными, не обладали такими осязательными чертами, какъ полная упоенія галлюцинація передъ выставкою фотографа. Капуткевичу достаточно было закрыть глаза, чтобы снова увидать передъ собою толпу, охваченную высочайшимъ экстазомъ. Онъ даже различалъ нѣкоторыя лица знакомыхъ ему людей. Онъ ясно видѣлъ, какъ дамы махаютъ платками, а набалдашникъ одной изъ палокъ, которыми стучали мужчины, въ особенности врѣзался въ его память, — серебряный шаръ, точно на жезлѣ президента.

Впечатлѣніе было настолько сильно и неотразимо, что Капуткевичъ почувствовалъ необходимую потребность дать ему излиться какимъ-нибудь образомъ наружу.

Онъ схватилъ кисть, сталъ передъ пюпитромъ и при свѣтѣ коптящей лампы лихорадочно началъ набрасывать проектъ транспаранта, который его фамилію долженъ былъ навѣки соединить съ безсмертнымъ именемъ Шекспира.

Руки его окостенѣли, ноги застыли, какъ ледъ, дыханіе вырывалось въ пространство нетопленной комнаты густою струею пара, но

тѣмъ не менѣе старый машинистъ не оставлялъ своей работы до тѣхъ поръ, пока на пюпитрѣ не засверкало въ тучахъ молніевидной змѣею:

«Капуткевичъ fecit».

Тогда онъ свалился на свой жесткій тюфякъ, прикрылъ изможденное тѣло клѣтчатымъ халатомъ и заснулъ, вспоминая оглушительныя рукоплесканія, эхо которыхъ дрожало въ его мозгу.

. . . .

Стоялъ душный день, время было послѣполуденное, солнце пекло необычайно для этой поры года, когда Капуткевичъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ и, словно хлыстикомъ, размахивая рукой, въ которой онъ держалъ шляпу, большими шагами шелъ по дорогѣ, обсаженной акаціями, которая перерѣзываетъ Лидо и ведетъ къ морю.

Сегодня еще съ утра небо было нечисто, а какъ бы облечено легкими парами. Теперь на западѣ нивѣсть откуда начали слетаться и нагромождаться маленькія бѣлыя тучки, вытягиваясь въ линію, округляясь и сбиваясь вмѣстѣ. Торговки фруктами, сидящія вдоль дороги, яро грызлись другъ съ другомъ, а большія желтыя мухи, летающія надъ ихъ лотками, казалось, жужжатъ съ равнымъ ожесточеніемъ.

Тѣмъ временемъ листки на самыхъ верхушкахъ акацій задрожали отъ незамѣтнаго дуновенія вѣтра, а маленькія птички, укрытыя въ ихъ сѣни, начали жалобно чирикать.

Слѣдующая волна вѣтра пробудила шелестъ и въ нижнихъ вѣтвяхъ, наполняя ихъ тревогою трепещущихъ крыльевъ. Отъ третьей пошла дрожь по травамъ и бурьяну, среди которыхъ монотонно начали трещать цикады, отозвались сухіе металлическіе жуки, по песку замелькали, словно черныя молніи, раздраженныя зноемъ ящерицы.

Панъ Просперъ ускорялъ шаги, не обращая особеннаго вниманія на то, что творится кругомъ.

Взглядъ его, напряженный и блестящій лихорадочнымъ ожиданіемъ, стремился далеко впередъ, длинная вытянутая шея, казалось, высылала впередъ голову, которая, съ своей стороны, дальнѣйшій наблюдательный пунктъ поручила длинному носу, разсѣкающему воздухъ тонкой, острой линіей.

Тѣмъ не менѣе, ни носъ, ни взоръ не могли догнать мыслей стараго машиниста. Мысли эти были уже у берега, уже колебались въ волнахъ, прежде чѣмъ панъ Просперъ прошелъ половину дороги.

Онъ самъ, навѣрно, не сознался бы въ этомъ, но несомнѣннымъ фактомъ было то, что въ умѣ онъ уже создалъ свою рамку, въ которую заключитъ море. Оно будетъ или похоже на его декорацію,

или не похоже. За предѣлы этого критерія мысли его не заходили, не могли зайти.

Море, похожее на его декорацію, было бы прекрасно, велико, великолѣпно, а море, не похожее на его декорацію, онъ и представить себѣ не могъ.

И это являлось пунктомъ, на которомъ мысли его теряли равновѣсіе, шатаясь, словно обезумѣвшія, и скатывались въ пропасть.

А этой пропастью было тоже море.

Чтобы отрезвиться отъ головокруженія, которое овладѣвало имъ, панъ Просперъ усиливался вспомнить и уяснить себѣ событія нѣсколькихъ протекшихъ дней. Но въ его мозгу все сливалось въ какой-то странный хаосъ, хаосомъ этимъ было опять-таки море.

Теперь ударила новая волна вѣтра и, закрутившись мелкой пылью, бросила въ воздухъ удушающій туманъ. Свистъ, стрекотанье, жужжаніе умолкли въ одно мгновеніе.

Вся западная сторона неба представлялась какой-то огромной гаванью, съ тысячью бѣлыхъ парусовъ, а къ нимъ съ великимъ спѣхомъ направлялись еще тысячи запоздавшихъ. Вдругъ тучки потемнѣли и превратились въ лагерь, съ красновато-рыжими линіями окоповъ, а сверкающее надъ ними солнце утратило свой яркій блескъ и представлялось раскаленнымъ углемъ.

Волна вѣтра, которая пришла вслѣдъ за этимъ, гнала передъ собою цѣлую лавину песка, засыпала имъ лица, крутила изъ него тамъ и здѣсь водовороты и метала ими съ запада на востокъ съ воемъ и свистомъ.

Люди, которыхъ встрѣчалъ панъ Просперъ, всѣ шли въ противоположномъ направленіи. Всѣ они, казалось, убѣгали съ моря. То были прачки съ корзинами за плечами, лодочники съ веслами и шестами. Они шли поспѣшно, наклоняя голову противъ волны вѣтра, который то развѣвалъ ихъ одежду, то плотно обтягивалъ ею ихъ гибкія, сильныя тѣла. Всѣ они съ удивленіемъ смотрѣли на стараго человѣка, который спѣшилъ туда, откуда они въ испугѣ удалялись. Женщины оглядывались назадъ и шептали имя Мадонны.

Тѣмъ временемъ мракъ быстро сгущался. Бѣлыя тучки преобразились въ оловянныя тучи, охватили весь горизонтъ, скопляясь на западѣ въ синіе и черные клубки. Въ удушливомъ воздухѣ шумъ все увеличивался, точно крылья тысячи птицъ, улетающихъ отъ зимы, а за шумомъ шли широкіе, холодные вздохи, какъ будто исторгшіеся изъ бездонной пропасти.

У Капуткевича сердце забилось сильнѣе. Съ минуту онъ шелъ, съ нетерпѣніемъ ожидая чего-то, какъ вдругъ на него ударила, в-

сомая вѣтромъ лавина песка, ослѣпляя его и поднимаясь вокругъ непроницаемой тучей.

Когда онъ протеръ глаза, передъ нимъ было море. Капуткевичъ остановился, какъ вкопаный, и разинулъ ротъ. Изъ его горла вырвался какой-то короткій, сдавленный крикъ.

То, что онъ видѣлъ передъ собою, ни на каплю не походило на декорацію. То была темная, сплоченная масса водъ, которыя колебались на своихъ подземныхъ основаніяхъ гигантскимъ, широкимъ движеніемъ, не поддающимся оцѣнкѣ на маломъ пространствѣ.

Движеніе это не морщило водъ и не сплетало изъ нихъ пѣнистыхъ кружевъ, но внѣдряло въ нихъ или приподнимало надъ ними окутывающій ихъ мракъ. Слабое у самаго берега, оно проявлялось во всей своей мощи только на просторѣ, откуда разъяренныя волны съ глухимъ плескомъ напирали на песокъ. Изъ этихъ волнъ мракъ, казалось, поднимается къ небу, изъ неба мракъ списходилъ къ морю. Среди этихъ сливающихся сумерекъ мелькали чайки на широко распростертыхъ крыльяхъ. Гигантскія движенія воздуха и водъ происходили среди сравнительной тишины. Небо и земля работали пока еще грудью, но не обмолвились ни словомъ.

Капуткевичъ стоялъ, какъ зачарованный.

Такого моря онъ даже не представлялъ себѣ, не могъ понять и попросту не соглашался съ нимъ. Онъ смотрѣлъ и не понималъ, пыталъ и не могъ постичь тайны, которая, великая и неизслѣдованная, лежала передъ нимъ.

Толстая, суковатая палка, на которой онъ оперъ свои руки, поддерживала его наклонившееся впередъ тѣло. Вѣтеръ развѣвалъ его длинные волосы и полы его сюртука. Лобъ его покрылся толстыми складками, взглядъ напрягся, мускулы лица окаменѣли. Вся его фигура, казалось, принимала участіе въ работѣ пропасти.

Вдругъ въ воздухѣ послышался глухой гулъ, которому отвѣтилъ сдавленный ропотъ глубинъ. Тучи заворчали, какъ свирѣпые псы, море зарычало, словно левъ.

И тотчасъ же ударилъ острый, пронзительный свистъ вихрей, которые съ визгомъ и воемъ гнали сгущающійся мракъ, какъ стадо д...ихъ звѣрей въ глубину лѣса.

Нѣсколько молній пронизало этотъ мракъ, но послѣ нихъ темнота казалась еще большею. Ускоренное движеніе моря выдавало себя все болѣе и болѣе рѣзкимъ плескомъ волнъ, вбѣгающихъ на песокъ.

Капуткевичу казалось, что море поднимается и идетъ къ нему съ своимъ всепоглощающимъ мракомъ. Но онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и еще крѣпче оперся на свою суковатую палку. Въ мозгу

его совершалась жестокая реакція. То, что онъ представлялъ себѣ геніальнымъ изобрѣтеніемъ, оказалось теперь попросту шутовствомъ. Его валы? Да какъ же и какіе валы могли хоть приблизительно изобразить это колебаніе водъ, сливающихся въ одно съ мракомъ бури, густѣющимъ все болѣе и болѣе? Гдѣ краски, которыми можно было бы нарисовать эту живую, обладающую тысячами формъ, полную движенія темноту? Гдѣ сцена, рампою которой было бы подобное небо?

Смотрѣлъ старый машинистъ, смотрѣлъ и, казалось, все море хотѣлъ бы обнять своимъ взглядомъ.

И вдругъ какой-то страхъ охватилъ его передъ этою таинственной стихіей. Вѣки его задрожали, голова началась трястись; уста задвигались шепотомъ, полнымъ страха. Съ какимъ-то болѣзненнымъ усиліемъ онъ отвратилъ глаза къ самому берегу и остановилъ ихъ только на одной волнѣ, тревожно бьющейся у его ногъ. Но и та показалась ему слишкомъ могучей, слишкомъ чудесной. И все сильнѣй тряслась его сѣдая голова, все шибче поднималась и опускалась его стѣсненная грудь.

Въ это время болѣе близкій и болѣе грозный гулъ всколыхнулъ воздухъ и воду. Сорвался бѣшеный вихрь и ударилъ на море, вздымая волну на волну и открывая бездонныя пропасти. Гигантскіе снопы воды теперь, казалось, поднимаются къ самому небу, черныя тучи, гонимыя вѣтромъ, спускались чуть не на самое дно. Море съ рычаньемъ металось, словно раненый звѣрь; воздухъ дрожалъ тысячью вспышекъ молніи и ползучихъ огоньковъ.

Спустя минуту воцарилась тишина, волны отступили отъ берега, и только вдали переворачивались съ глухимъ плескомъ. А Капуткевичъ все стоялъ, наклонившись впередъ, неподвижный.

Его палка, на четверть своей длины углубилась въ зыбучій песокъ, руки, опирающіяся на нее, дрожали отъ усилій. Онъ смотрѣлъ на небо, а потомъ на море, а неподвижныя до сихъ поръ черты его лица дрожали отъ какого-то великаго волненія.

И вдругъ, среди этой тишины, грянулъ громъ, словно пушечный залпъ. Все закрутилось, закипѣло, слилось въ одинъ бѣшеный смерчъ. Гулъ, трескъ, свистъ заполонили небо и землю, а золотыя змѣи по отвѣсной линіи свергающихся молній ежеминутно раздирали толстыя тучи, чреватыя мракомъ.

Старый машинистъ не спускалъ съ нихъ глазъ, онъ читалъ на нихъ буквы, какой-то необычайной величины, какія-то таинственныя руны, которыя клеймомъ врѣзывались въ его душу и выжигали въ мозгу огненные знаки. Наконецъ, онъ выпустилъ изъ рукъ палку,

поднялъ кверху дрожащія руки, смотря въ пылающее небо, и губы его задвигались, но не издали ни звука. И вдругъ, его грудь вздрогнула отъ неожиданнаго рыданія, онъ палъ на колѣни, закрылъ глаза руками и громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Deus... Deus fecit...

. . . .

Мѣсяцъ спустя, Капуткевичъ возвратился въ свою комнатку. Онъ постарѣлъ, похудѣлъ еще больше и вообще измѣнился. Первый его взглядъ упалъ на Шекспира. Онъ покачалъ головой, взялъ книжку со стола, завернулъ ее въ бумагу и спряталъ на самое дно своего сундука. Потомъ онъ тяжелыми шагами поплелся на чердакъ, валекъ сунулъ подъ балку, картонъ свернулъ и помѣстилъ за печною трубой, разобралъ станокъ и по частямъ стащилъ его внизъ. Потомъ онъ повалился на свою постель и крѣпко заснулъ. А на слѣдующій день онъ ревностно принялся за подрисовку нѣкоторыхъ деталей въ декораціи седьмого акта «Туфли безъ пары».

В. Л.

НЕ ПО ТОМУ ПУТИ.

(Изъ недавняго прошлаго Сибири.)

I.

Былъ полдень. Въ комнатѣ, занятой всего за два дня до этого пріѣхавшимъ врачомъ, было сѣро, мрачно... Поднимавшійся съ рѣки густой, непроглядный, какъ печаль, туманъ заслонялъ собою солнце; въ засиженныя мухами оконныя стекла проникало очень мало свѣта. Вся обстановка комнаты дѣлала ее еще болѣе мрачной. На стѣнахъ лубочныя картины, карточка какого-то бравага унтера и вырѣзанныя изъ *Родины* двѣ иллюстраціи. На полу сѣрые съ красными каемками половики; на окнахъ запыленный плющъ; посреди комнаты зеленый съ красными цвѣтами по срединѣ и по краямъ столъ.

Докторъ большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то и дѣло запинаясь за непривычные къ такому обращенію половики, но эти невольныя остановки не отвлекали его вниманія. Мысли его были заняты другимъ. Вотъ онъ добился, наконецъ, своего: кончилъ курсъ и получилъ мѣсто, на которомъ сможетъ показать, что всѣ «разглагольствованія», какъ выражались его товарищи, о «службѣ народу»—не «звукъ пустой».

Первой своей встрѣчѣ съ больными онъ придавалъ особенное значеніе: онъ былъ увѣренъ, что отъ нея-то въ значительной степени зависитъ успѣхъ всего его дѣла, и теперь, шагая по комнатѣ, заранѣе обдумывалъ малѣйшія детали этой ожидаемой встрѣчи.

— Эй, тетка, здѣсь дохтуръ снялъ фатеру?—раздался подъ окнами чей-то голосъ.

Врачъ припалъ къ окну, но загадочная, какъ сфинксъ, пелена тумана не давала ему разсмотрѣть пріѣхавшаго. Онъ заволновался и невольно сталъ ловить долетавшіе со двора звуки.

Скрипнули ворота, послышалось понуканіе лошади: «тпру, окаян-

ная, язви тебя!» а затѣмъ кто-то тяжелыми шагами началъ взбираться на крыльцо.

Взволнованный, «какъ на экзаменѣ», докторъ выбѣжалъ въ переднюю.

Дверь отворилась, въ комнату вошелъ коренастый, среднихъ лѣтъ мужикъ, аккуратно притворилъ за собою дверь, снялъ шапку и медленно перекрестился на образа.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте!—съ оттѣнкомъ вопроса въ голосѣ отвѣтилъ на привѣтствіе Андрей Андреевичъ.

Крестьянинъ, все также не спѣша, разстегнулъ перевѣшенную черезъ плечо сумку, досталъ изъ нея книгу и вмѣстѣ съ лежащимъ въ ней конвертомъ, подалъ врачу.

— Отъ засѣдателя,—пояснилъ онъ, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ доктора.

Андрей Андреевичъ понялъ. Засѣдатель N—скаго участка приглашалъ его на вскрытіе «на предметъ заключенія» о причинѣ послѣдовавшей смерти такого-то. Засѣдатель ждалъ. Тѣло было оттаяно.

— Далеко это?—спросилъ врачъ упавшимъ голосомъ, расписываясь въ книгѣ въ полученіи пакета.

— Верстъ пятнадцать...

— Распорядитесь, голубчикъ, чтобы мнѣ подали лошадей.

— Слушаю-съ.

Крестьянинъ ушелъ.

«Начало хорошее»,—печально улыбнулся врачъ.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ всматриваться въ разстилавшійся передъ нимъ туманъ, сѣрый, какъ та народная масса, ради которой онъ забрался въ этотъ глухой сибирскій городокъ.

«Пойметъ ли она его?... А если нѣтъ?...»

По улицѣ медленно передвинулась чья-то тѣнь.

«Нѣтъ, не сюда!... А что если никто такъ и не обратится за помощью? Прежній врачъ, говорятъ, пилъ... Всѣ и привыкли обращ[illegible]ться къ фельдшеру».

— Чайку не прикажете ли передъ дорожкой?—прервала его ду[illegible] хозяйка.

— Нѣтъ, не надо. А вотъ что, хозяюшка! Можетъ быть, кто-н[illegible]удь изъ больныхъ тутъ зайдетъ безъ меня... Я къ вечеру буду о[illegible]тно. Такъ всѣмъ, пожалуйста, и скажите.

II.

Сытые кони побѣжали дружной рысцой, звонко стуча копытами по мерзлой землѣ.

«Хоть скоро доѣдемъ»,—мелькнуло въ душѣ доктора, но и этотъ разсчетъ его обманулъ: волость, куда пришлось ѣхать, находилась на другой сторонѣ рѣчки, а плашкоутъ былъ снятъ: по рѣкѣ шла шуга; пришлось переправляться на лодкѣ.

Перевозчики перекрестились и длинными баграми оттолкнули лодку отъ берега. Андрею Андреевичу въ первый разъ приходилось совершать такое путешествіе. Льдины то и дѣло наваливались на лодку, напирали одна на другую, сталкивались, разбивались и опять напирали, словно мысли въ моментъ отчаянія! По временамъ, сжатая льдинами, лодка останавливалась; казалось, и выхода нѣтъ, но перевозчики, то отталкивая льдины длинными баграми, то дружно, по командѣ, раскачивая лодку, подвигались все ближе и ближе къ противоположному берегу и, наконецъ, пристали.

— Дядя Степанъ, а дядя Степанъ!—окликнулъ перевозчикъ проходившаго мимо мужика,—твой, что ли, чередъ сёдня возить.

— Демьяна!—возразилъ проходившій.

— Сюда прикажете лошадей или сами сходите къ ямщику?—обратился перевозчикъ съ вопросомъ къ врачу.

— Зачѣмъ сюда? Недалеко вѣдь?

— Рукой подать, ваше высокоблагородіе... Сбѣгай, Митюха,—приказалъ онъ своему сподручному,—скажи, чтобъ запрягалъ...

Мальчуганъ побѣжалъ, докторъ торопливымъ шагомъ послѣдовалъ за нимъ.

— Кого привелъ?—донесся до его ушей вопросъ ямщика.

— Доктора на тѣло! Запрягай скорѣе!...

— Ужо запрягу... Язвило бы васъ... Заходите, баринъ, въ избу,—замѣтивъ входившаго въ ворота врача, поправился ямщикъ.—У меня живо все будетъ.

И дѣйствительно, минутъ черезъ пять врачъ снова уже покачивался въ плетеной коробушкѣ. Показалась церковь, промелькнулъ кабакъ, дорога пошла лугомъ. Хриплый, чахоточный звукъ надтреснутаго колокольчика; сосредоточенно угрюмый видъ сидящаго на козлахъ ямщика, предстоящее вскрытіе,—все это навело тоску на врача. Онъ высунулъ голову и сталъ разсматривать окрестность, но безконечная сплошная равнина, покрытая снѣгомъ съ кое-гдѣ пробивающейся изъ-подъ него грязно-желтой травой, не могла разсѣять тоски.

Кто-то ѣхалъ навстрѣчу. Всмотрѣвшись, докторъ разглядѣлъ возъ

съ сѣномъ. Услышавъ звонъ колокольчика, крестьянинъ свернулъ съ дороги. Исхудалая лошаденка по брюхо завязла въ снѣгу; возъ накренился набокъ.

«Удружилъ»,—мелькнуло въ головѣ врача.

Онъ опять забился въ уголъ саней.

— Далеко еще?

— Подъѣзжамъ,—флегматично отвѣтилъ ямщикъ.

— Сюда, сюда, ваше высокоблагородіе,—услужливо указывалъ дорогу въ «присутствіе» выбѣжавшій на крылечко «волостного» старшина.

Въ присутствіи уже дожидался засѣдатель.

— Константинъ Атласовъ,—отрекомендовался онъ, щелкнувъ каблуками.

— Астраханцевъ,—пожимая протянутую руку, отвѣтилъ докторъ.

У дверей присутствія, словно загнанные въ силки звѣри, жались два крестьянина: сѣдой, сгорбленный старикъ и молодой, здоровый, «кровь съ молокомъ», парень.

— Вы ужъ извините, докторъ, что мы обезпокоили васъ, что называется «съ мѣста въ карьеръ», да дѣлъ-то много накопилось... Потомъ, и то взять... можетъ быть, покойникъ, и правда, естественной смертью преставился, а безъ вскрытія какъ его опредѣлишь?

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, ваше благородіе, если я его хушь пальцемъ тронулъ!—вмѣшался въ разговоръ молодой парень.

— Они все разъяснятъ,—указывая на врача, отвѣтилъ засѣдатель.

— Хоша на время ослобонили бы,—взмолился старикъ.—Время рабочее; сѣно свезти, дровецъ на зиму припасти надо.

— А зачѣмъ пьете? Не пили бы, ничего бы и не было! Свадьбу праздновали, видите ли,—пояснилъ онъ доктору,—ну, и перепились, драку, разумѣется, затѣяли, одинъ и преставился... Да это еще что? Другой жену дорогой потерялъ, такъ и нѣтъ ея, прахъ ее возьми. Вотъ докторъ все разъяснитъ,—опять обратился онъ къ крестьянамъ.

— Трупикъ «отпотѣлъ»,—съ заискивающей улыбкой доложилъ писарь.

Астраханцевъ вошелъ въ мертвецкую. На длинномъ, узкомъ столѣ лежалъ «трупикъ». Ссадина на лбу, кровоподтекъ подъ глазомъ—это могло произойти и отъ паденія въ пьяномъ видѣ, но паденіемъ никакъ ужъ нельзя было объяснить громаднаго синяго пятна на животѣ.

Вскрытіе окончательно убѣдило врача, что смерть послѣдовала отъ побоевъ.

Въ присутствіи ждалъ засѣдатель его заключенія «на предметъ смерти», ждали и отецъ съ сыномъ его приговора. Дѣлать было нечего...

Виноватый, сконфуженный, онъ вошелъ въ канцелярію.

— Ну, что?—спросилъ засѣдатель.

Крестьяне съ мольбой взглянули на врача.

— Видите ли,—началъ онъ, запинаясь на каждомъ слогѣ,—удары... сами по себѣ... гмъ... гмъ... легкіе... но въ томъ состояніи опьянѣнія, въ какомъ находился покойный, опасенъ всякій ударъ.

— Нда... Но слѣды побоевъ есть?

— Видите ли... Какъ бы вамъ сказать... удары не опасные... ихъ надо отнести къ категоріи легкихъ.

Докторъ готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь,—обратился засѣдатель къ обвиняемому,—придется отправляться въ острогъ.

Парень молчалъ, молчалъ и старикъ, стоявшій въ отчаяніи съ понившей сѣдой головой.

Въ канцелярію внесли на подносѣ два стакана чаю, сахаръ и печенье.

— Вотъ это кстати! Пока вы чаю напьетесь, я тутъ двухъ-трехъ человѣкъ допрошу. Этихъ уведи,—отдалъ онъ распоряженіе десятнику,—а мнѣ сюда Новоселова приведи! Это тотъ, что жену потерялъ,—пояснилъ онъ Астраханцеву.

Въ канцелярію вошелъ крестьянинъ лѣтъ пятидесяти. Сѣрые, выцвѣтшіе глаза съ безпокойствомъ уставились на засѣдателя.

— Ну, куда жену дѣвалъ?

— Не знаю, ваше благородіе! Пьянъ былъ, уснулъ. Проснулся—конь стоитъ, а Пелагеи нѣтъ.

— Ну...

— Думалъ: ушла, придетъ, а ея нѣтъ...

— Куда же она дѣвалась?

— Не могу знать. Спрашивалъ у сродственниковъ—тоже нѣтъ.

— Ты, братъ, не крути! Чего же ты не началъ сразу ее искать? Старостѣ, пока дочь не сказала, ничего не говорилъ, а?

— Думалъ, придетъ. Лонись ушла тоже, такъ сама вернулась.

— Чего же это она у тебя уходила? Билъ, видно, ее?

— Зимы безъ морозу не бываетъ, ваше благородіе!

— Ну, а въ этотъ разъ морозъ былъ?—сострилъ засѣдатель.

Крестьянинъ не отвѣтилъ. Позвали дочь.

— Ну, молодуха, смотри, правду говори! Билъ отецъ мать?

— Билъ.

— Сильно?

— Разъ за священникомъ посылали... Соборовали, значитъ...

— Хорошъ!...

Астраханцевъ вышелъ. Съ крыльца доносился оживленный говоръ крестьянъ, обсуждавшихъ *его* приговоръ...

— Язви его! Ты на меня таперича навалился пьяный, я тя отпихну, и меня въ острогъ? «Легкій», сказыватъ, ударъ!...

— Ничего я, братцы, не могъ сдѣлать,—выйдя на крыльцо, горячо заговорилъ докторъ.—Слѣды по всему тѣлу... законъ...

Нотка искренности такъ явно прозвучала въ его голосѣ, что кое-кто изъ толпы навѣрно откликнулся бы на нее, но тутъ изъ заднихъ рядовъ чей-то грубый голосъ перебилъ доктора:

— Вы не виноваты, засѣдатель не виноватъ, а парня всетаки въ острогъ.

— Лошадокъ сейчасъ прикажете?—стараясь замять опасный, какъ ему казалось, разговоръ, подбѣжалъ къ доктору старшина.

— Пожалуйста!...

Андрей Андреевичъ вернулся въ присутствіе. Новоселова увели. Засѣдатель складывалъ бумаги.

— Что, докторъ! Теперь со мною къ Нѣмоевскимъ? Тамъ и дочь-невѣста,—весело подмигнулъ засѣдатель.

— Нѣтъ, домой. Больные, говорятъ, есть... А у васъ какъ?—обратился онъ къ старшинѣ.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе...

— Вы спросили бы... Можетъ быть, нездоровъ кто.

Старшина вышелъ; докторъ не выдержалъ и побѣжалъ за нимъ.

— Я охотно, господа! Вы не стѣсняйтесь.

Крестьяне угрюмо молчали.

— Всѣ здоровы!—отвѣтилъ за всѣхъ старшина.

Четверть часа спустя къ крыльцу подкатили сани, и докторъ уѣхалъ.

Сзади за нимъ жалобно стоналъ колокольчикъ, унылый, какъ то ь арестантъ, котораго онъ сопровождалъ своей печальной пѣснью въ острогъ.

III.

— Вишь, мучается!

Это восклицаніе ямщика вывело Андрея Андреевича изъ глубокой за[...]чивости, въ которую его повергли событія цѣлаго дня. Онъ

вздрогнулъ. Въ голосѣ ямщика слышалось столько нѣжности, ласки, состраданія...

«Господи! Неужели этотъ сѣрый, такой тупой съ виду ямщикъ понялъ его душевныя муки?...»

Но и среди крестьянъ, толпившихся на берегу рѣки, куда докторъ въ это время подъѣхалъ, то и дѣло раздавались такія же восклицанія. Они относились къ рѣкѣ. Во всю ея ширь съ шумомъ, скрипомъ и трескомъ двигались громадныя ледяныя поля... Мѣстами они сцѣплялись вмѣстѣ и нѣкоторое время выдерживали напоръ наваливавшихся сзади другихъ льдинъ; въ другихъ мѣстахъ, словно подталкиваемыя какой-то невидимой силой, онѣ взбирались одна на другую, вырастая на глазахъ у зрителя въ цѣлыя горы, мигъ спустя съ страшнымъ трескомъ опять валились въ воду, съ тѣмъ, чтобы вновь начать сначала этотъ Сизифовъ трудъ... Казалось, рѣка напрягаетъ всѣ усилія, чтобъ остановиться, вотъ-вотъ достигнетъ этого, но изъ-подъ низу что-то вдругъ толкнетъ льдины, разбросаетъ, растолкаетъ ихъ, и она, попрежнему, продолжаетъ катить свои могучія волны со всѣми этими льдинами куда-то дальше, внизъ. Рѣка, какъ будто, дѣйствительно, «мучилась».

— И долго это протянется?—спросилъ Андрей Андреевичъ ямщика, невольно залюбовавшись на эту картину.

— А хто его знатъ! Иной разъ совсѣмъ ужъ станетъ, ходютъ по ней, ѣздіютъ, а она возьметъ, да весь ледъ опять направо-налѣво порасшвырятъ!

О переправѣ на другую сторону нечего было и думать.

«Куда дѣться,—раздумывалъ докторъ,—къ Нѣмоевскимъ развѣ?»

Уже начало смеркаться. Голодъ давалъ себя чувствовать.

— Везите, ямщикъ, на «дворянскую», тамъ чайку попьемъ, а затѣмъ съ вами же назадъ, къ Нѣмоевскимъ... Согласны?

— Это вы, баринъ, ладно надумали! Ѣхать вдвоемъ веселѣй, да и въ карманѣ лишнія копейка забрякатъ.

— Ну, и ладно.

— И маета же вамъ, баринъ, съ покойниками,—обернулся ямщикъ въ сторону доктора, по выѣздѣ изъ «дворянской».—Втапоры, когда покойный дохтуръ Михаилъ Михайловичъ живы были, я все съ ними ѣздилъ. Чудные были они, дай имъ Богъ царство небесное... Безъ бутылки ни шагу... А какъ съ засѣдателемъ поѣдутъ, ну...—ямщикъ захохоталъ,—на себѣ изъ кошевы ихъ въ «дворянку» перетаскивашь.

— А что, засѣдатель у васъ, какъ? Добрый?

— Какъ бы вамъ, баринъ, объяснить?... Пожалуй, что и до-

брый, да вотъ по нашему, по хрестьянству ежели взять, такъ Митюху онъ здря въ острогъ упряталъ.

— Какого Митюху?

— Да вотъ, который что пьянаго быдто убилъ. Покойникъ-то драчунъ былъ, не приведи Господь; онъ же Митюху въ орлянку обыгралъ, а Митюха что-жъ? Толканулъ его раза два... Вѣрно! Такъ вѣдь по нашему, хресьянскому, состоянію опять и нельзя, чтобъ совсѣмъ... тово... Такъ неужто онъ опосля этого—разбойникъ, али убивецъ?

— Ну, а тотъ, другой... Новоселовъ?

— Это дѣло другое, совсѣмъ особое.

— Что же, его правильно въ острогъ?

— Богъ его вѣдатъ; не намъ, баринъ, судить. А все же правду ежели сказать, мужиченка-то онъ вредный, и билъ же онъ Пелагею-то, прямо немилосердно... Она мнѣ сродственницей приходится, треюродная сестра быдто. Такъ придетъ, бывало, къ моей-отъ старухѣ, а морда-то вся въ синякахъ. Разъ такъ и у меня сердце захолонуло: чуть совсѣмъ не зашибъ онъ ее, окаянный... Внутри болетокъ съ кулакъ, изъ рота—кровь... Должно, кроваву кишку задѣлъ.

— Что задѣлъ?

— Кроваву, значитъ, кишку, а кровь-то по жиламъ, да въ горлю... Ты на жилы-то посмотрѣлъ бы: эвона разбухли, что твои веревки... На велику силу отходили-то ее втапоры...

— Ну, а теперь, какъ вы думаете, убилъ онъ ее?

— А куда же онъ бы ее дѣлъ?... Не иголка... не спрячешь...

— А другіе не бьютъ развѣ бабъ?

— Какъ можно, баринъ, не бить... Съ чаго она слухаться будетъ, ежели ее не бить?... Безъ битья никакъ невозможно... Всяку тварь учить надо...

Докторъ печально улыбнулся.

— И ты, значитъ, свою бьешь?

— Чудной же ты, баринъ! Неужто я своей потрафлять буду? Барышня тутъ у насъ есть; Нѣмоевская, значитъ, тоже сказыватъ— бить не надо... Лѣтось я свою поучилъ маленько, ину...—ямщикъ разсмѣялся,—и такъ, и этакъ пробиратъ! А писарь у насъ тутъ есть молодой, видалъ, поди, въ канцеляріи? онъ этакъ бочкомъ-бочкомъ къ ней, да и сказыватъ: «это по ихней, значитъ, необразованности, барышня!» А она ему: «Меньше бы вы хапали съ нихъ,—болѣе образованы были бы». Писарь-то и сѣлъ. Нѣтъ, баринъ, по нашему положенію никакъ невозможно...

— Тоже изувѣчите когда-нибудь...

— Не стекло, баринъ, не разобьется.

Ямщикъ умолкъ. Углубившись въ себя, не прерывалъ молчанія и докторъ.

Кругомъ было тихо, только колокольчикъ однообразно позвякивалъ, да гдѣ-то далеко-далеко не то выли, не то лаяли собаки. Вскорѣ лай послышался болѣе близко, лошади прибавили шагу. Промелькнули освѣщенныя окна крестьянскихъ избъ, и лошади остановились передъ домомъ Нѣмоевскаго.

IV.

Ромуальдъ Ивановичъ Нѣмоевскій пользовался немалой популярностью среди мѣстной интеллигенціи. Живой, веселый, остроумный, онъ, казалось, весь отдавался данной минутѣ, данному дѣлу. Сосланный въ Сибирь за участіе въ возстаніи, онъ, какъ зажиточный человѣкъ, не переживалъ всѣхъ тѣхъ матеріальныхъ и моральныхъ невзгодъ, какія выпали на долю его товарищей. Гостепріимный, какъ шляхтичъ добраго стараго времени, онъ радушно принималъ у себя гостей, которые всегда прекрасно себя тамъ чувствовали.

Послѣдовавшую за нимъ въ изгнаніе жену сначала коробило это близкое общеніе съ «москалями», но мало-по-малу она привыкла къ этому, и домъ Нѣмоевскихъ окончательно сталъ любимѣйшимъ мѣстомъ посѣщеній всего N—скаго бомонда.

Широкая жизнь скоро истощила матеріальныя средства Нѣмоевскихъ. Надо было подумать о пополненіи ихъ, но Ромуальдъ Ивановичъ долго не думалъ и, по обыкновенію, мило и весело вышелъ изъ затрудненія: онъ открылъ лавочку, которую все болѣе и болѣе расширялъ, пока въ одно прекрасное утро, довольно неожиданно для мѣстныхъ жителей, надъ лавкой появилась вывѣска: «Винная торговля». За прилавкомъ и за стойкой онъ самъ, конечно, не сидѣлъ: для этого были «люди»; въ его жизни, поэтому, ничего не измѣнилось, если не считать того, что разъ въ годъ ему теперь приходилось угощать «ces pauvres paysans», «chłopków», безъ чего трудно было бы добиться общественнаго приговора на открытіе въ селѣ кабака.

Послѣ каждаго такого угощенія квартира Нѣмоевскихъ окуривалась, запахъ «мужичья» удалялся, и обычные посѣтители Ромуальда Ивановича только стороной узнавали объ этомъ своеобразномъ «сліяніи съ народомъ». То обстоятельство, что панъ Ромуальдъ изъ гордаго своимъ происхожденіемъ «пана» сталъ «кабатчикомъ», никого не шокировало,—напротивъ того, вызвало восторги и пріобрѣло шляхтичу кличку «сибирскаго янки». Отрицательно къ этому превра-

щенію отнеслась только жена пана Ромуальда. По ея виду, впрочемъ, никто не узналъ бы этого; она попрежнему была мила и любезна, попрежнему блистала неподдѣльнымъ остроуміемъ въ разговорѣ, но... къ гостямъ ужъ не всегда выходила, часто сказывалась больной. Въ отношеніяхъ ея къ мужу тоже появилась какая-то натянутость, которой оба супруга, какъ будто сговорившись, не пытались даже устранить. Большую часть дня пани Нѣмоевская проводила въ обществѣ своей маленькой Ядзи, и дѣвочка не разъ недоумѣвала, когда мать, безъ всякаго какъ будто повода, начинала нервно, спазматически обнимать ее и при этомъ плакала... Въ такія минуты и у ребенка, бывало, рожица сморщится и на глаза выступаютъ слезы, но мать, увидѣвъ это, напрягаетъ усилія, чтобы овладѣть собою и успокоить дѣвочку.

— Не плачь, дитятко! Смотри, ужъ прошло... и улыбка проскользнетъ по лицу страдалицы и, словно желая загладить свою вину, она долго-долго разсказываетъ дочери о далекой родинѣ: какія тамъ деревья и птицы, дома и костелы, города и деревни, какой тамъ славный, добрый и отзывчивый народъ и какъ его надо любить крѣпко-крѣпко...

Во время такихъ бесѣдъ иногда заставалъ жену и дочь панъ Ромуальдъ и, по обыкновенію, подчиняясь всецѣло настроенію окружающей его среды, присоединялся къ нимъ и грустнымъ голосомъ передавалъ дѣвочкѣ печальную исторію несчастной отчизны.

Года черезъ три послѣ «превращенія» пана Нѣмоевскаго его жена умерла.

Въ домѣ Нѣмоевскихъ все стихло. Ромуальдъ Ивановичъ въ теченіе цѣлаго года велъ замкнутую, вполнѣ уединенную жизнь, коротая время въ обществѣ дочери. Тогда же десятилѣтняя уже Ядзя начала систематически учиться подъ руководствомъ отца; знакомилась съ родной литературой, съ родными писателями. Когда же срокъ траура кончился и все въ домѣ опять ожило, отецъ перестал самъ заниматься съ дочерью и передалъ это дѣло въ руки надежныхъ учителей. Дѣвочка оказалась очень способной и любознательной, а полное отсутствіе сверстницъ-товарокъ еще болѣе усиливало любовь къ чтенію. Съ годами на полкахъ въ ея комнатѣ рядомъ съ доставшимися ей отъ матери польскими классиками очутились сочиненія Ежа, Оржешко, Пруса и Конопницкой; еще немного погодя, тутъ же пріютились: Лермонтовъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Некрасовъ, Щедринъ, Михайловскій, Успенскій. Ребенокъ превратился въ умную, развитую и начитанную дѣвушку... Дѣтскія недоумѣнія по поводу слезъ матери разсѣялись...

Панна Ядвига не перестала послѣ этого любить отца, но его личность въ ея представленіи какъ-то раздвоилась: ея милый, любящій, восторженный папа, готовый въ любой моментъ отдать «жизнь свою за други своя», стоялъ какъ-то совершенно особнякомъ отъ того... другого... совершенно ей чуждаго... купца... Дочь даже въ мысляхъ всякій разъ отступала передъ словомъ «кабатчикъ».

Этотъ двойственный взглядъ на отца расщеплялъ надвое и ее самоё... Всякая потраченная на нее копейка, какъ частица *тѣхъ* денегъ, страшно коробила ее, но... отказаться... огорчить и обидѣть отца—этого она не могла сдѣлать.

Всѣми силами души она стремилась на далекую родину: любить, страдать, учиться самой и другихъ учить... Но привязанность къ отцу старому, одинокому, приковывала ее къ жалкой деревушкѣ. Она дѣлала, что могла: лѣчила, учила... но въ душѣ глубоко засѣло сознаніе, что все это «не то», а какъ результатъ этого—полная неудовлетворенность.

V.

— Ха-ха-ха! Прокатились, докторъ?—громкимъ хохотомъ встрѣтилъ засѣдатель вошедшаго къ Нѣмоевскимъ Астраханцева.—Я, думаете, не зналъ, что рѣка васъ задержитъ! Ха-ха-ха! Не хотѣли добромъ въ нашу компанію, очутились силкомъ...

Засѣдатель былъ послѣ нѣсколькихъ рюмокъ.

— Я радъ, что хоть стихія доставила намъ удовольствіе познакомиться съ вами — любезно встрѣтилъ Астраханцева Ромуальдъ Ивановичъ.

— Что вы?—помилуйте! Я все равно собирался къ вамъ на-дняхъ. Хотѣлось только раньше у больныхъ побывать...

Въ этой же комнатѣ за карточнымъ столомъ сидѣло еще два господина.

— Податной инспекторъ Васильевъ, золотопромышленникъ Онуфріевъ,—отрекомендовалъ ихъ хозяинъ врачу.

Андрей Андреевичъ съ любопытствомъ взглянулъ на извѣстнаго во всемъ округѣ золотопромышленника. Благообразное интеллигентное лицо, черные съ оттѣнкомъ грусти глаза,—все это какъ-то дисгармонировало съ тѣмъ представленіемъ, какое создалъ себѣ Астраханцевъ на основаніи разсказовъ объ его подвигахъ, которые пріобрѣли Онуфріеву среди рабочихъ кличку «волка».

«Кулакъ новой формаціи» мелькнуло въ умѣ врача.

— Мы васъ запишемъ входящимъ...—обратился къ нему Нѣмоевскій.

— Я не играю.

Ромуальдъ Ивановичъ, а за нимъ и другіе хотѣли было прекратить игру, но Астраханцевъ уломалъ ихъ продолжать.

Въ эту минуту въ комнату вошла панна Ядвига. Грустные, задумчивые черные глаза съ вниманіемъ остановились на докторѣ, съ которымъ знакомилъ ее отецъ.

— Ну, Ядзя! Гостя тебѣ препоручаю; авось онъ не соскучится съ тобой.

Андрей Андреевичъ смутился немного. Всегда оживленный, нерѣдко даже веселый въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ людей, онъ совершенно терялся и часто не зналъ даже, о чемъ говорить съ лицами, мало знакомыми. Сознаніе того, что «надо же о чемъ-нибудь говорить» и злополучный вопросъ «о чемъ?» всегда еще болѣе усиливали его смущеніе, и онъ глядѣлъ «букой» на окружающихъ. Этотъ злосчастный вопросъ мелькнулъ въ его головѣ и теперь, когда винтеры вернулись къ прерванной игрѣ, а онъ остался наединѣ съ Ядвигой Ромуальдовной. Но его опасенія на этотъ разъ не оправдались. Панна Ядвига сама начала разспрашивать его, когда и гдѣ онъ кончилъ курсъ; что въ его время представляла изъ себя молодежь, какіе были профессора; кто изъ писателей является теперь кумиромъ молодежи; не слыхалъ ли онъ чего объ ея кумирѣ, писателѣ, котораго сразилъ жестокій и неизлѣчимый недугъ.

Астраханцевъ оживился и съ юношескимъ увлеченіемъ началъ подробно отвѣчать на всѣ вопросы... Она внимательно слушала.

— Знаете, я никакъ не могу примириться съ мыслью, что онъ неизлѣчимъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я увидѣлъ его въ первый разъ на студенческой вечеринкѣ... Всѣ знали, что онъ тутъ; апплодировали, вызывали его. Въ числѣ другихъ хлопалъ и я и оралъ во всю глотку... Рядомъ со мной продѣлывалъ то же какой-то незнакомый мнѣ господинъ, добродушно улыбавшійся, глядя на меня.

— Да вотъ онъ! вотъ онъ,—крикнулъ кто-то изъ студентовъ, указывая на моего сосѣда. Да, это былъ онъ! А теперь? Совсѣмъ, говорятъ, ударился въ мистицизмъ...

Оба на минуту замолкли въ раздумьѣ...

— И это, какъ фатумъ,—началъ онъ снова,—виситъ надъ русскими писателями... Гоголь...

— Не только надъ русскими...—перебила его Ядвига Ромуальдовна.—А Мицкевичъ? У него, пожалуй, и объясненіе найдемъ этому явленію:

«Я милліонъ, такъ какъ муками милліоновъ страдаю»!

«Мукъ милліоновъ» даже такіе умы не въ состояніи вынести...

— И вотъ что странно,—замѣтилъ Астраханцевъ,—нѣтъ замѣстителей этимъ народнымъ печальникамъ...

— Да, теперь уже не то... Послѣдніе могикане сходятъ со сцены, а на смѣну имъ выступаютъ, — она улыбнулась,— «паровые цыплята». Помните Успенскаго. Раньше всѣ эти душевныя муки писателя шли въ душу читателя и онъ воспринималъ ихъ... А теперь? «Температура»...

«Развѣ она думаетъ о дѣйствительной жизни?... Есть тутъ у меня знакомый... Всего одинъ разъ побывалъ у насъ въ деревнѣ; увидѣлъ хоромы кулака рядомъ съ ввалившейся въ землю избушкой, и діагнозъ готовъ: «вотъ она, дифференціація... деревня только и ждетъ пришествія капитала»... Это у насъ-то, въ Сибири! Да что-жъ? По формулѣ... Та же «температура»... Чѣмъ не «паровые цыплята?»

Онъ, удивленный, молчалъ и любовался на нее. Она волновалась. Видно было, что она коснулась «больного мѣста», котораго приходилось ей касаться не разъ. Мало знакомый съ затронутымъ вопросомъ, онъ скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, перевелъ разговоръ на другую тему.

— Вы au courant текущей литературы... Я и не подозрѣвалъ, что это достижимо въ Сибирскихъ захолустьяхъ.

— Что вы! У насъ всѣ лучшіе журналы... Есть и книги... Не хотите ли посмотрѣть? Она указала на шкафъ съ книгами.

— Ба! Да у васъ тутъ цѣлый кладъ! И медицинскія даже?!— воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.

— Что же подѣлаете? Лѣчить тутъ некому; врачамъ некогда... приходится самой... У меня и аптечка есть...

— И много у васъ больныхъ?

— Есть таки. Рѣдко день, чтобъ кто-нибудь не обращался, а осенью чуть не въ каждой избѣ...

— А врачъ?

Панна Ядвига съ удивленіемъ посмотрѣла на Андрея Андреевича.

— Видно вы, извините за откровенность, не совсѣмъ-то хорошо знаете свои обязанности.

— Какъ такъ?

— Сколько вскрытій вы уже сдѣлали?

— Одно...

— А паціентовъ у васъ много? Ни одного? Окружной врачъ—это по преимуществу судебный врачъ... Для больныхъ у него времени нѣтъ.

— Ну, это смотря по врачу,—холодно перебилъ онъ ее, задѣтый ея замѣчаніемъ.

— Можетъ быть,—сконфуженно замѣтила панна Ядвига,—да я же говорю только о прошломъ.

Оба почувствовали какую-то неловкость. Нить разговора, не прерывавшаяся ни на секунду въ теченіе цѣлаго вечера, на этотъ разъ оборвалась. Андрей Андреевичъ опять почувствовалъ себя «букой», какъ всегда въ обществѣ.

— Это чортъ знаетъ, что такое... Почему вы въ трефи не вышли?—горячился одинъ изъ играющихъ.

— Да я же вамъ говорю,—снесъ на вашу черву...

— Какое вы имѣли право сносить!

«Надо же о чемъ-нибудь говорить»... думалъ въ это время Андрей Андреевичъ.

О томъ же думала и панна Ядвига. Обоихъ выручило появленіе горничной, доложившей, что ужинъ поданъ. Всѣ направились въ столовую.

— Что же вы, докторъ, будете дѣлать, если не винтите?—недоумѣвалъ засѣдатель.—Сегодня трупикъ, завтра трупикъ,—этакъ скоро затоскуете... Одно спасеніе—винтъ.

— А водка другое?—добродушнымъ тономъ, смягчая рѣзкость сказаннаго, засмѣялся панъ Нѣмоевскій.

— Неужто у васъ ужъ такъ много этихъ «трупиковъ?»

— Набирается... У насъ тутъ недалеко бродяжій трактъ... Поставляютъ... Теперь, къ счастью для васъ, вскрытій стало поменьше: утопленниковъ и скоропостижно умершихъ не вскрываемъ, а то бы съ одними трупами вамъ не управиться...

— Ну, вы ужъ преувеличиваете, Константинъ Константиновичъ! Покойный Михаилъ Михайловичъ иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ не выѣзжалъ на вскрытіе...

— Вотъ видите,—полушепотомъ замѣтилъ Андрей Андреевичъ Ядвигѣ Ромуальдовнѣ.—А что, господа,—спросилъ онъ громко, — къ утру можно будетъ переправиться въ N—скъ?

Мнѣнія раздѣлились.

— Да вы чего торопитесь?—вмѣшался хозяинъ,—переночуйте, а утромъ у крестьянъ узнаемъ, какъ дѣла.

— И я васъ хотѣла просить посмотрѣть одну больную...

— Ну, тогда другое дѣло...

VI.

Долго въ эту ночь панна Ядвига не могла уснуть. Докторъ ей понравился. Умный, развитый, сердечный. Но именно въ виду этого она не могла уяснить себѣ, что могло его побудить взять мѣсто

окружного врача... Карьера? Жалованіе? Не похожъ на такого... А впрочемъ... Романтически воспитанное воображеніе подсовывало ей предположенія, одно фантастичнѣе другого: то отецъ его обанкротился, обездолилъ десятки семей, а онъ самъ влѣзъ въ ярмо, чтобы уплатить долги отца... то мать его въ нуждѣ... Она вспомнила, съ какимъ оживленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіемъ онъ разсказывалъ о больномъ писателѣ... «Нѣтъ, онъ славный!»

«Нѣтъ, она славная!»—думалъ въ это же самое время въ другой комнатѣ Андрей Андреевичъ. «Вотъ уже не думалъ, не гадалъ встрѣтить здѣсь такую дѣвушку... И дѣло дѣлаетъ. Почему же бы мнѣ, спеціалисту, его не дѣлать?

«Судебный врачъ», вспомнилось ему ея выраженіе... Объ этомъ я раньше какъ-то не думалъ... Вотъ тебѣ и служба народу... А всетаки здѣсь больше нужны люди... Кто поѣдетъ въ Сибирь?... А то пустое: я ли, другой ли—отъ острога виновнымъ не уйти, а больные выиграютъ... А она всетаки славная... Почему «всетаки» это, должно быть, не было ясно и для самого Андрея Андреевича, хотя оно и было въ нѣкоторой связи съ ея скептицизмомъ по поводу судебнаго врача...—И ее, должно быть, любятъ.—По ассоціаціи идей ему вспомнились угрюмыя лица крестьянъ на крылечкѣ «волостного». Всякое начало—трудно!—утѣшилъ онъ самъ себя,—увидятъ, убѣдятся...

Свѣтлыя, хотя и своеобразныя грезы, овладѣли душой доктора... У него нѣтъ свободной минуты,—то больные толпятся въ его квартирѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая очереди, то его везутъ къ нимъ, то, п[illegible] праздникамъ, онъ знакомитъ ихъ съ элементарными понятіями о ги[illegible] гіенѣ... Вотъ онъ куда-то ѣдетъ... Ночь морозная, свѣтлая, ясная.. Дышится легко и свободно... Колокольчики гулко и звонко приносят[illegible] веселую вѣсть о его прибытіи... Больной пріободряется... приподнял[illegible] ся на постели... Ждетъ... Онъ раздѣвается, грѣется у печки: как[illegible] бы не простудить больного... Согрѣлся...

— Оттаяли?—шутливо спрашиваетъ больной.

Онъ подходитъ къ кровати.

— Трупикъ готовъ,—слышитъ онъ чей-то голосъ.

Въ ужасѣ онъ наклоняется надъ больнымъ. Мрачно глядятъ [illegible] него стеклянные глаза мертвеца; могильный холодъ отъ трупа нез[illegible] мѣтно проникаетъ въ него. Онъ хочетъ отойти. Въ это время блѣ[illegible] ныя губы мертвеца иронически искривляются, и онъ отчетливо слы[illegible] шитъ два слова: «судебный врачъ». Господи, что же это такое? «Се[illegible] годня трупикъ, завтра другой», съ угрозой говоритъ ему засѣдател[illegible] Въ какомъ-то отчаяніи онъ бросается бѣжать, но что-то держитъ е[illegible]

на мѣстѣ; онъ не можетъ шевельнуть ногой. «Будьте отцомъ благодѣтелемъ, всю жизнь Бога молить буду, ослобоните парня», валяется у него въ ногахъ знакомый старикъ. Онъ напрягаетъ послѣднія силы, бросается въ дверь, на улицу... Предъ нимъ рѣка... Могучія волны несутся куда-то... Наткнувшись на ледяную плотину, возвращаются назадъ, волнуются, бьются о песчаный берегъ и, разбившись въ милліоны мелкихъ брызгъ, стынутъ, леденѣютъ и, какъ градъ, сыплются на него... Вотъ онъ ужъ весь покрытъ ими и самъ превратился въ ледъ; другія льдины напираютъ на него, слышатся стонъ, шумъ, скрежетъ: «вы не виноваты, засѣдатель не виноватъ, а Митюху въ острогъ». Митюху увозятъ... Колокольчикъ стонетъ и плачетъ надъ нимъ, кляченка вязнетъ куда-то въ снѣгъ, за ней съ сѣномъ другая... «Встань, вставайте, вставайте», кричатъ ямщики.

Докторъ проснулся.

— Вставайте, вставайте, Андрей Андреевичъ,—стучался кто-то къ нему въ дверь.

Онъ узналъ голосъ панны Ядвиги.

— Что такое?

— Поторопитесь, ради Бога, больная при смерти.

— Сію минуту!—онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ сна.—Сегодня трупикъ, завтра другой,—механически повторялъ онъ про себя.

— Готовъ,—вышелъ онъ къ Ядвигѣ Ромуальдовнѣ,—надо только, чтобъ кто-нибудь отнесъ ящикъ съ аптекой и инструментами. Да что съ ней такое?

— Роды... судороги... не знаю,—волновалась Нѣмоевская.

— Судороги?—докторъ заторопился.—Молодая?

— Да, первороженица.

Вошли въ избу. У роженицы судороги прекратились; больная тихо стонала.

— Лучше, лучше, барышня!— весело встрѣтила вошедшихъ мать больной.

— А я вамъ доктора привела.

Андрей Андреевичъ подошелъ къ больной. Та съ минуту лежала спокойно, но вдругъ вся изогнулась, конечности начали вздрагивать, лицо побагровѣло, зрачки расширились, и глаза съ безсмысленнымъ выраженіемъ уставились на доктора. Нѣмоевская дрожала отъ волненія; мать начала причитывать.

— Снѣгу!—крикнулъ Андрей Андреевичъ старухѣ.

Она не шевельнулась.

— Снѣгу же, снѣгу скорѣе!—повторилъ онъ приказаніе.

Нѣмоевская выбѣжала и сама принесла снѣгъ.

Старуха заволновалась.

— Не надо снѣга! Застынетъ.

— На голову,—указалъ Астраханцевъ паннѣ Ядвигѣ, не обращая вниманія на старуху.

— Да потная же она! Ишь, потъ съ нея льетъ... не надо!— рѣшительно заявила она, вырывая изъ рукъ тарелку со снѣгомъ.

— Что это ты, Василиса?—пробовала унять ее Нѣмоевская.

— Да не слушайте вы его, барышня! Видано ли? Съ нея потъ льетъ, а онъ... снѣгъ...

— Ладно, бросьте...— отступилъ докторъ, — обойдемся безъ этого,—и взявъ изъ аптечки шприцъ съ морфіемъ, онъ вспрыснулъ его больной.

Старуха оторопѣла...

— Ишь, что дѣлаетъ!...

Роженица все продолжала биться. Страшно дѣйствующій на нервы скрежетъ зубовъ почти не прекращался... Докторъ схватилъ лежащій на столѣ ножъ, отломалъ черенокъ и, обернувъ его въ какую-то тряпку, вставилъ въ ротъ больной.

— Надо караулить, чтобы не упала съ постели... Позвать бы кого...

На этотъ разъ старуха послушалась. Докторъ улыбнулся... «Сдалась»,—подумалъ онъ,—«увѣровала». Въ избу вошли два мужика, перекрестились на образа и стали у кровати. Припадокъ началъ стихать.

— А что, матушка, отдушина-то есть? Открыть бы ее...

— Чаво?—строго спросила старуха.

— Отдушину открыть бы надо, воздуху мало; здоровому дышать трудно.

— Да, говорятъ тебѣ, мокрая вся...—разсердилась старуха.

— Ну, печку затопи, коли боишься простудить.

— Топлёна!—отрѣзала баба.

Докторъ оторопѣлъ.

— Ступай, Иванъ,—вмѣшалась Нѣмоевская,—принеси дровъ, а ты затапливай!...—прикрикнула она на старуху недопускающимъ возраженій тономъ.

— То отдушину открой, то печку топи...—ворчала старуха, открывая трубу.

«Вотъ тебѣ и «сдалась», «увѣровала», промелькнуло въ головѣ Андрея Андреевича. Усталый, весь вспотѣвшій, онъ опять вернулся

къ больной. Припадокъ прошелъ. Больная въ изнеможеніи лежала на постели. Онъ вынулъ черенокъ; она что-то невнятно забормотала.

— Ну, теперь караульте!...—обратился онъ къ мужикамъ.

— Умреть?—шепотомъ спросила его Ядвига Ромуальдовна.

— Эклампсія,—пожимая плечами и разставляя руки, отвѣтилъ Андрей Андреевичъ.—Поборемся всетаки.

— Опять началось!—крикнулъ одинъ изъ мужиковъ, еле-еле удержавъ больную. Докторъ снова впрыснулъ морфій. Больная опять заскрежетала зубами. Толстый, опухшій, искусанный языкъ высунулся изо рта.

— Господи! Царица Небесная, молилась старуха.

Крестьяне выбивались изъ силъ, удерживая больную.

— Снѣгу!

Сопротивленія не было, и снѣгъ былъ положенъ на голову.

Всѣ смолкли въ страшномъ ожиданіи. Тяжелое хрипящее дыханіе вырывалось изъ груди больной, и эти страшные, какъ бы предвѣщающіе конецъ, звуки наполняли всю комнату.

— Кончается,—простонала мать.

Вдругъ на постели что-то затрепыхалось, и громкій крикъ ребенка заглушилъ хрипѣніе больной. Василиса встрепенулась: этотъ крикъ былъ какъ бы сигналомъ къ тому, что наступилъ ея «чередъ», и она вступила въ свои «бабьи» обязанности...

Судороги прекратились. Больная обвела всѣхъ утомленнымъ взоромъ, закрыла глаза и тотчасъ же заснула.

— Ну, теперь, кажется, спасена!—воскликнулъ Андрей Андреевичъ съ облегченіемъ.—Проспитъ, пожалуй, цѣлыя сутки. Караулить всетаки надо: можетъ повториться,—обратился онъ къ мужикамъ.—А мы съ вами, Ядвига Ромуальдовна, можемъ отправиться... Вамъ надо отдохнуть, на васъ лица нѣтъ.

Она улыбнулась. Ей хотѣлось сказать ему что-нибудь пріятное, но она чувствовала, что все, что бы она ни сказала, выйдетъ блѣдно, шаблонно.

Но докторъ и безъ словъ чувствовалъ ея отношенія къ себѣ; онъ видѣлъ его въ ея глазахъ, улыбкѣ. И, несмотря на усталость, на душѣ у врача было хорошо, весело.

VII.

Часъ спустя Андрей Андреевичъ узналъ, что рѣка стала, но ни на секунду не останавливался на мысли вернуться въ N—скъ раньше вечера. Съ тѣхъ поръ, какъ у него появилась больная, онъ весь

преобразился. Увѣренность и дѣловитость смѣнили собою столь свойственныя ему колебанія и грустную задумчивость.

Панна Ядвига въ нѣкоторыя минуты прямо любовалась на него. «Врачъ» вытѣснилъ въ ея представленіи «судебнаго врача». Нѣсколько разъ въ теченіе дня Андрей Андреевичъ заходилъ къ родильницѣ. Подъ вечеръ, убѣдившись, что все идетъ хорошо, онъ уѣхалъ въ въ N—скъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ хозяйку, тотчасъ же по возвращеніи домой.—Былъ кто-нибудь вчера?

— Баба какая-то приходила и утромъ, и въ пять, какъ вы велѣли.

— А что тамъ у нея?

— Мальчикъ по девятому году захворалъ.

Андрей Андреевичъ посмотрѣлъ на часы.

— Ну, завтра съ утра поѣду. А больше никого не было?

— Сѣдня отъ исправника два раза казакъ приходилъ. У васъ на столѣ письмо. И отъ засѣдателя нарочный былъ.

Андрей Андреевичъ вошелъ въ кабинетъ и вскрылъ лежавшее на столѣ письмо. Исправникъ выражалъ неудовольствіе по поводу его долгаго отсутствія. Арестантская партія ушла не освидѣтельствованной, хотя законной причины уклониться отъ свидѣтельствованія ея у доктора быть не могло, такъ какъ рѣчка стала еще въ два часа ночи, а партія ушла только въ 12 час. дня. Андрей Андреевичъ призадумался. Его предупреждали, что исправникъ отличается одной скверной чертой: считаетъ себя первой персоной въ округѣ и требуетъ, чтобы другіе тоже такъ къ нему относились. Потому-то всякій «новичокъ», не сразу признающій это, подвергается всевозможнымъ нахлобучкамъ и выговорамъ либо непосредственно отъ него самого, либо отъ подлежащаго начальства по его доносу.

«Началось»,—подумалъ врачъ, разрывая конвертъ второго письма. При первомъ взглядѣ на вынутую изъ конверта четвертушку бумаги, на лицѣ доктора выразилось невообразимое недоумѣніе, смѣнявшееся, по мѣрѣ чтенія, все болѣе и болѣе веселой улыбкой.

Въ «дѣловой бумагѣ» засѣдателя было написано буквально слѣдующее:

Какъ ни тяжко, докторъ, мнѣ
Непріятность сдѣлать вамъ,
Но я долженъ оторвать
Отъ больныхъ васъ и отъ... дамъ.
Mille pardons, mon cher docteur,
Къ Нѣмоевскимъ самъ бы радъ,

Но исправникъ—экій звѣрь! —
Гонитъ въ шею, бьетъ въ набатъ!
«Въ N—скѣ,—пишетъ,—новый трупъ;
Тамъ три дня, какъ ждутъ ужъ васъ...
Маршъ туда!» И грубъ, и глупъ,
Но ужъ спуску онъ не дастъ...
Такъ ужъ, докторъ, mille pardons!
Завтра въ Брусничевкѣ жду,
Въ среду ѣдемъ на Орхонъ,
А затѣмъ въ Карадою,
И, отправивъ грѣшныхъ въ адъ,
То-есть попросту—въ острогъ,
Мчимся съ вами въ самый градъ
Во исправницкій чертогъ.
Онъ, конечно, распечетъ,
Поругаетъ, побранитъ,
Но и водку поднесетъ,
И за винтъ насъ усадитъ.
А ужъ послѣ въ мигъ одинъ
Къ Нѣмоевскимъ васъ домчу.
Вашъ Атласовъ Константинъ
Votre ami et tout à vous.

«Шутъ гороховый»,—добродушно улыбнулся Андрей Андреевичъ. Ему представилось вѣчно смѣющееся, всегда довольное лицо засѣдателя. Не мудрствуя лукаво, исправляетъ онъ свои обязанности, не вдаваясь въ оцѣнку ихъ, не справляясь съ результатами своей дѣятельности. Ѣхать ли на вскрытіе, или на встрѣчу высокопоставленной особы—ему все равно; лишь бы не залеживались дѣла, лишь бы по должности все было исправно. «Экій счастливчикъ! Какъ онъ еще догадался, что можно затосковать, имѣя дѣло сегодня съ однимъ «трупикомъ, завтра съ другимъ...» Однако этихъ «трупиковъ» дѣйствительно не мало,—не безъ нѣкоторой тревоги подумалъ врачъ. Вспомнилась ему и злополучная «партія», ушедшая не освидѣтельствованной, тюремная больница, всевозможные санитарные осмотры, всевозможные отчеты.

«Видно вы не совсѣмъ хорошо знаете свои обязанности»,—повторилъ онъ въ глубокой задумчивости слова Ядвиги Ромуальдовны.

VIII.

Не мало, должно быть, удивился бы Андрей Андреевичъ, еслибъ зналъ, что въ этотъ самый моментъ панъ Нѣмоевскій уличалъ въ незнаніи своихъ обязанностей самоё панну Ядвигу.

Она еще до отъѣзда доктора замѣтила, что отцу что-то не по себѣ и что онъ, вопреки своему обыкновенію, очень холодно обращается съ Андреемъ Андреевичемъ. Останавливаться на причинахъ этого не было времени: знакомство съ новымъ и интереснымъ человѣкомъ, тревожныя заботы объ опасно-больной,—все это совершенно поглощало ее. Но, какъ только докторъ уѣхалъ, поведеніе отца привлекло все ея вниманіе.

Панъ Нѣмоевскій долгое время молча ходилъ по комнатѣ. Сидѣвшая за книгой дочь чувствовала на себѣ упорный взглядъ отца.

— Послушай, Ядзя!

Она взглянула на него, предчувствуя, что предстоитъ какое-то объясненіе.

— Намъ надо откровенно объясниться. Видишь ли, я, конечно, тебя ни въ чемъ не виню, скорѣе я самъ виноватъ... Будь жива мама, ничего этого не было бы...

Пану Нѣмоевскому трудно было приступить къ дѣлу, и онъ путался во вступленіи.

— Да въ чемъ же дѣло, папа?

— Видишь ли, мама умерла, оставивъ тебя еще подросткомъ; я—мужчина, воспитывать дѣвушекъ не умѣю, и вотъ я... я замѣтилъ нѣкоторые... нѣкоторые пробѣлы въ твоемъ воспитаніи.

Панна Ядвига была поражена.

— Да, я самъ виноватъ... Я никогда ничего не имѣлъ противъ того, чтобы ты оказывала мужичкамъ посильную пользу... тово... учила ихъ... давала совѣты, лѣкарства. Я думалъ, ты сама догадаешься, гдѣ черта, за которую молодая благовоспитанная панна не должна переходить.

Брови дочери наморщились; она прижала зубами нижнюю губу, но ни однимъ словомъ не прервала отца. Это его, и безъ того смущеннаго, смутило еще больше.

— Ты перешла за эту черту... Увлекшись, ты стала лѣчить такія... такія болѣзни, о которыхъ въ присутствіи молодыхъ дѣвицъ и говорить неловко... Іезусъ, Марья! что на это сказали бы въ Польшѣ!... Но мы—въ Сибири. Здѣсь на это не такъ строго смотрятъ... Все-жъ-таки... Ходить въ домъ распутной женщины... присутствовать при ея родахъ и приводить еще туда молодого человѣка. Нѣтъ! Это даже въ Сибири неприлично!

Высказавши это, старикъ ждалъ возраженій, но дочь была слишкомъ взволнована, чтобы отвѣтить.

— Помогать бѣднымъ больнымъ я тебѣ не мѣшаю: ты принадлежишь къ тому классу общества, въ которомъ филантропія счи-

тается даже обязанностью... Но *это* ужъ не филантропія... Нѣтъ! Дѣлая это, ты нарушаешь свои обязанности относительно покойной мамы, относительно меня и той фамиліи, которую ты носишь.

Послѣднія слова панъ Нѣмоевскій произнесъ особенно громко. Онъ видимо волновался и, пожалуй, сказалъ лишнее.

Дочь была оскорблена до глубины души.

— Ты кончилъ, папа?

— Да. Кончилъ!

— Такъ я должна тебѣ сказать, что наши взгляды на этотъ вопросъ діаметрально противоположны, а я ужъ не въ томъ возрастѣ, чтобы всецѣло подчиняться тебѣ. У тебя свои взгляды, у меня—свои.

— Вотъ какъ?

— Да, папа. Повѣрь ты мнѣ, что и я во многомъ не одобряю того, что ты дѣлаешь... Во многомъ нахожу твое поведеніе, по меньшей мѣрѣ, столь же предосудительнымъ, какъ ты мое, и если я молчала до сихъ поръ объ этомъ, то только потому, что не считала возможнымъ навязывать тебѣ свои взгляды.

— Напрасно! Ты бы поучила отца, онъ, глупенькій, самъ не понимаетъ... Это совершенно въ духѣ времени... Но видишь ли,— все болѣе и болѣе сердясь, продолжалъ старикъ,—я воспитанъ въ другомъ духѣ: «Biada temu domowi, gdzie ogon przoduje głowie!» (горе тому дому, гдѣ хвостъ управляетъ головой). А голова здѣсь—я! И я,—онъ величественно остановился передъ дочерью,—запрещаю тебѣ и дѣлать то, что ты дѣлала, и говорить такъ съ отцомъ, какъ ты говорила.

— Ни въ томъ, ни въ другомъ я ничего предосудительнаго не вижу, а потому...

— Мой хлѣбъ ѣшь и должна мнѣ повиноваться.

Этого панна Ядвига не ожидала. Лицо ея поблѣднѣло; внутри что-то словно оборвалось.

— Ладно, папа!—произнесла она прерывающимся голосомъ,— дай вамъ Богъ никогда въ этомъ не раскаяться.

IX.

Началась для Андрея Андреевича цыганская жизнь окружного вр ча. Изо-дня въ день, съ рѣдкими перерывами, приходилось ему пе ѣзжать съ мѣста на мѣсто то вскрывать трупы, то свидѣтельст овать раненыхъ, изувѣченныхъ; въ одномъ мѣстѣ контолировать фе ьдшеровъ, въ другомъ—осматривать промышленныя заведенія. Вс ему *попутно* старался онъ, и не безъ успѣха, привлекать нужда-

ющихся въ немъ больныхъ, но это его не только не удовлетворяло, но даже вызывало въ немъ недовольство собою: «это шарлатанство какое-то,—думалъ онъ про себя,—люди ждутъ отъ тебя помощи, а ты суешь имъ касторку или pulvis Doveri, а тамъ, хоть пропади больной, ты и не узнаешь даже: торопиться надо къ... новому трупу, а живые... пускай себѣ мрутъ».

Неизгладимое впечатлѣніе произвело на него посѣщеніе тюрьмы. Ему непріятно было туда ѣхать. Заключенный въ тюрьму «по его приговору» Митюха порой давилъ его, какъ кошмаръ. Сторонникъ взгляда: «tout comprendre c'est tout pardonner», онъ сугубо мучился «своимъ» приговоромъ. Къ этому присоединялось еще одно практически-немаловажное для него осложненіе. Помня, какъ отнеслись къ нему крестьяне послѣ ареста Митюхи, онъ былъ убѣжденъ, что и арестанты не вникнутъ глубже въ положеніе и отнесутся къ нему съ недовѣріемъ. На дѣлѣ оказалось не то. Крестьяне обсуждаютъ каждый вопросъ «по-божески»; для нихъ «правда»—одна; все, что противорѣчитъ ихъ представленіямъ о справедливости, вызываетъ ихъ негодованіе. Арестанты—совсѣмъ другое. Жизнь познакомила ихъ съ понятіемъ: «формальная правда», и соблюденіе ея, хотя бы въ ущербъ имъ, не ставится ими никому въ вину.

Андрей Андреевичъ, войдя въ тюрьму, былъ пораженъ отсутствіемъ у арестантовъ озлобленія къ нему. Кромѣ больныхъ, находящихся въ больничномъ отдѣленіи, къ нему нагрянула цѣлая толпа арестантовъ, числившихся здоровыми. Одинъ прямо просился въ лазаретъ, другой жаловался на несвареніе, третій на общую слабость, четвертый «свѣту не взвидитъ» отъ зубной боли. «Пропишите табачку, ваше высокоблагородіе, моченьки моей больше нѣтути» и т. д., и т. д.

Врачъ всѣхъ выслушалъ, осмотрѣлъ и до глубины души взволновался. Не подлежало сомнѣнію, что предъ нимъ толпа симулянтовъ; въ большинствѣ случаевъ и слѣда не было той болѣзни, на которую они ссылались. Но это-то и взволновало доктора. Всѣ они были страшно изнурены; у многихъ начиналась цынга, но, тѣмъ не менѣе, для улучшенія питанія, ради стакана молока, куска бѣлой булки и даже для полученія разрѣшенія на покупку на свой счетъ табаку людямъ приходилось мошенничать. А сколько ихъ еще тамъ, въ тюрьмѣ, такихъ же изнуренныхъ, но не рѣшающихся мошенничать, хотя бы изъ опасенія быть уличенными. Подъ вліяніемъ этихъ размышленій Андрей Андреевичъ многихъ перевелъ на больничную пищу... «Ловко надувшіе» арестанты сіяли, производя на него этимъ еще болѣе гнетущее впечатлѣніе.

— Однако вы расщедрились,—конвенціонально хихикая, выразилъ свое мнѣніе по этому поводу смотритель.

— Страшно изнурены.

Въ глазахъ смотрителя блеснулъ недобрый огонекъ, но, секунду спустя, онъ принялъ прежній видъ и, разведя безпомощно руками, произнесъ:

— Что-жъ подѣлаете? Тюрьма!

Андрей Андреевичъ взглянулъ на него тѣмъ взглядомъ, который проникаетъ въ душу, но душа смотрителя, казалось, была, какъ и самъ онъ, застегнута на всѣ пуговицы... Передъ докторомъ стоялъ благочестивый, благообразный старикъ; глаза его были обращены на Андрея Андреевича, и въ нихъ свѣтилась такая невинность, такая простота, что нельзя было и сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ, обладающій такими глазами,—отецъ и благодѣтель арестантовъ... Но Андрей Андреевичъ отлично зналъ, что глаза эти обманчивы; ему было не безызвѣстно, что смотритель состоитъ «подъ судомъ», какъ выражались мѣстные жители, т.-е. находится подъ слѣдствіемъ за «казнокрадство», хотя онъ обворовывалъ собственно не «казну», а арестантовъ, оставляя у себя въ карманѣ часть тѣхъ средствъ, которыя предназначались имъ.

Оба направились черезъ тюремный дворъ къ воротамъ. Арестанты какъ разъ въ это время выносили изъ кухни большіе чаны съ «баландой». Докторъ хотѣлъ было остановить ихъ, попробовать пищу, но раздумалъ: все равно ничего изъ этого не выйдетъ.

Смотритель замѣтилъ этотъ моментъ слабости. «Объѣздимъ»,—мелькнуло у него въ головѣ.

Вѣжливость требовала, чтобы докторъ, послѣ посѣщенія тюрьмы, сдѣлалъ визитъ смотрителю, но изъ чувства брезгливости Андрей Андреевичъ не могъ этого сдѣлать; онъ отговорился недосугомъ и уѣхалъ домой.

X.

По возвращеніи изъ тюрьмы Астраханцевъ засталъ у себя пана Нѣмоевскаго, пріѣхавшаго съ отвѣтнымъ визитомъ. Ромуальдъ Ивановичъ не всегда такъ строго придерживался этикета: онъ поторопился отдать визитъ совсѣмъ по другой причинѣ.

Послѣ памятнаго разговора отца съ дочерью, въ домѣ Нѣмоевскихъ установилась тяжелая, удушливая атмосфера. Панъ Нѣмоевскій былъ недоволенъ собою: онъ самъ сознавалъ, что послѣдняя, сорвавшаяся тогда съ его языка фраза, была необдумана, груба и должна была сильно задѣть дочь.

Ея самолюбіе, ея личное достоинство были оскорблены, а она не такой человѣкъ, чтобы могла это забыть.

Да, она и не забыла. Четыре недѣли прошло уже со времени ихъ размолвки, но отецъ при всякой встрѣчѣ съ дочерью осязательно чувствовалъ, что между ними что-то какъ будто оборвалось, что отношеніе дочери къ нему—не прежнее. И не только это смущало Ромуальда Ивановича. Панна Ядвига осунулась, цѣлые часы проводила одна и два раза въ недѣлю аккуратно ѣздила на почту. Видно было, что она чего-то ждетъ съ почты, но чего? Отецъ боялся даже мысленно заглянуть въ будущее и старался не думать объ этомъ.

Какъ на зло, гости теперь, какъ всегда въ это время года, посѣщали ихъ рѣже: зимняя дорога окончательно установилась, приходилось наверстать время, даромъ потерянное изъ-за распутицы. Андрей Андреевичъ послѣ перваго визита тоже не былъ больше, а его-то панъ Нѣмоевскій ждалъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Замѣтивъ, что дочь симпатизируетъ доктору, онъ, съ одной стороны, разсчитывалъ на то, что пріѣздъ его разсѣетъ ея тоску, съ другой стороны, онъ надѣялся, что радушнымъ пріемомъ, оказаннымъ имъ доктору, онъ примиритъ съ собою дочь.

— Со стариками и съ дамами не считаются визитами, Андрей Андреевичъ,—заговорилъ Ромуальдъ Ивановичъ съ дружескимъ укоромъ въ голосѣ, удерживая въ своихъ рукахъ руку доктора,—а васъ что-то не видать. Но ради удовольствія видѣть васъ поскорѣе у себя я, какъ видите, не пожалѣлъ своихъ старыхъ костей.

Андрей Андреевичъ почувствовалъ себя какъ-то натянуто.

— Помилуйте,—бормоталъ онъ невнятно,—работы столько...

— Да посмотрите вы на себя,—началъ журить его панъ Нѣмоевскій,—на васъ лица нѣтъ. Такъ нельзя!... Вѣдь вы же докторъ... Переутомитесь, сляжете... Такъ нельзя! Знаете, что? Прокатимтесь-ка къ намъ... Я стосковался по людямъ... Сбѣгаю еще кое къ кому и возвращусь за вами...

Панъ Нѣмоевскій оживился.

— Вотъ геніальная идея пришла мнѣ въ голову! Устроимъ нѣчто вродѣ польскаго «кулика»!... Увидите, не пожалѣете.

Докторъ находился въ томъ усталомъ, вяломъ состояніи, когда человѣкъ даже радъ бываетъ подчиниться чужой волѣ. Лѣнь думать, хотѣлось бы даже не чувствовать. Постоянное, изо-дня въ день повторяющееся съ одинаковой безцѣльностью и монотонностью «толченіе воды въ ступѣ», какъ самъ онъ теперь характеризовалъ свою дѣятельность, утомило его нервы. Смутно онъ и раньше самъ сознавалъ, что надо, необходимо развлечься, отвлечь вниманіе отъ посто-

янныхъ, повседневныхъ заботъ; что это необходимо также для того, чтобы оріентироваться въ положеніи, какимъ оно представлялось ему теперь; но воля ослабла и онъ все откладывалъ это «до завтра», до болѣе удобнаго времени.

— Такъ рѣшено! Я заѣду за вами, а потомъ и обратно васъ доставлю.

Докторъ неопредѣленно улыбнулся; предъ глазами его промелькнуло вдумчивое лицо панны Ядвиги, чуть ли не единственнаго человѣка, съ которымъ ему не непріятно было встрѣтиться въ настоящую минуту.

Гость поспѣшно ушелъ. Докторъ продолжалъ сидѣть задумчивый, сосредоточенный. Какіе-то несвязные обрывки мыслей, какъ тучи, разрываемыя вѣтромъ, проносились въ его головѣ. Только возвращеніе пана Нѣмоевскаго вывело его изъ этого состоянія.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, Андрей Андреевичъ! Все готово.

На дворѣ рядомъ съ щегольскими санями Нѣмоевскаго стояли другія, на которыхъ размѣстились три музыканта-трубача.

— Ну, не отставать!—крикнулъ Ромуальдъ Ивановичъ спутникамъ.—Садитесь, Андрей Андреевичъ!

Онъ правилъ самъ. Тройка нервныхъ вороныхъ бѣгуновъ какъ перышко подхватила легкія саночки, но черезъ нѣсколько домовъ остановилась, какъ вкопанная. Трубачи заиграли. Изъ воротъ важно выѣхалъ исправникъ съ женой. Поѣздъ тронулся дальше, отъ времени до времени останавливаясь и возрастая по мѣрѣ остановокъ.

Спустились на рѣку. Взглядомъ полководца окинулъ Ромуальдъ Ивановичъ весь слѣдующій за нимъ кортежъ и, убѣдившись, что всѣ благополучно спустились съ крутого берега на рѣку, дернулъ лошадей. Тройка помчалась стрѣлой, за ней остальныя. Сзади доносился визгъ, хохотъ, крикъ. Кто-то обогналъ кого-то, кто-то отсталъ. Снѣжная пыль, поднимаемая копытами лошадей, словно облачко, окутывала весь кортежъ. Мелкія снѣжинки, отсвѣчивающія на солнцѣ, какъ бриліанты, сыпались отовсюду. Невольно заинтересовавшись, докторъ оглянулся. Кто-то ихъ догонялъ.

— Догоняютъ!—незамѣтно увлекшись этой бѣшеной скачкой, не вно предупредилъ онъ Нѣмоевскаго.

Старикъ улыбнулся и опытной рукой попридержалъ лошадей.

Догонявшія сани поровнялись съ ними. Еще ударъ по лошадямъ, и тарикъ съ докторомъ остались позади.

— Обогналъ, обогналъ!—доносились голоса съ заднихъ саней.

Сквозь снѣжную мглу сталъ вырисовываться противоположный бе гъ. Кони рвались, но панъ Нѣмоевскій крѣпко натягивалъ вож-

жи. Вдругъ онъ поднялся, широко разставилъ ноги, сдвинулъ мѣховую шапку.

— Держитесь, докторъ!

Раздался свистъ, натянутыя вожжи ослабли, и сани понеслись, какъ ураганъ. Докторъ залюбовался. Изъ черныхъ, совершенно такихъ же, какъ у дочери, глазъ старика сыпались искры; сѣдая борода развѣвалась вѣтромъ.

Вотъ ужъ берегъ... Что-то карабкается вверхъ... Второй свистъ и сани поровнялись... Гордо улыбается старый шляхтичъ, окидывая взоромъ соперника.

— Дьяволы, не кони!—доносится изъ саней побѣжденныхъ.

— Славно!—вздохнулъ съ облегченіемъ Андрей Андреевичъ, когда сани Нѣмоевскаго опять оказались первыми.

Но и тутъ старикъ не попридержалъ лошадей. Ему надо было выгадать двѣ-три минуты, чтобы успѣть распорядиться.

Когда всѣ подъѣхали къ воротамъ, Ромуальдъ Ивановичъ уже былъ на посту: галантно подавалъ руку болѣе пожилымъ дамамъ при выходѣ изъ саней.

XI.

Съ шумомъ, смѣхомъ, болтовней ввалились гости въ переднюю. На несчастнаго податного инспектора, пытавшагося обогнать Ромуальда Ивановича, посыпались шутки, остроты.

— Дайте хоть раздѣться! Сквозь шубу не проберете!—отшучивался онъ.

Въ дверяхъ гостиной встрѣчала гостей панна Ядвига.

Отецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вбѣжалъ къ ней въ комнату, беззаботно бросилъ слово: «Куликъ»—и устремился дальше. Ей было не до гостей. Беззаботный тонъ отца ее поразилъ, но, выйдя въ залу, она была еще больше поражена, увидѣвъ раскраснѣвшееся отъ мороза, улыбающееся лицо Андрея Андреевича. Кого... кого, а его-то она ужъ совсѣмъ не ожидала увидѣть въ числѣ гостей.

— Займись, Ядзя, Андреемъ Андреевичемъ,—вбѣжалъ въ гостиную отецъ.—Посмотри, какой онъ сталъ нехорошій.

Старикъ нѣжно улыбался, глядя на недоумѣвающую дочь. Черезъ секунду онъ уже въ другой комнатѣ отдавалъ прислугѣ какія-то распоряженія.

Доктора старикъ положительно расположилъ въ свою пользу. Андрей Андреевичъ находился въ такомъ состояніи, когда человѣкъ органически нуждается въ болѣе тепломъ отношеніи къ себѣ. Совер-

шенно неожиданно онъ встрѣтилъ его со стороны Ромуальда Ивановича. Не анализировать же ему было мотивовъ старика, отца, вдобавокъ, такой славной дѣвушки. Онъ просто пошелъ навстрѣчу ласкѣ.

Нѣмоевскій ласкалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дочь, но она, конечно, не могла не обратить вниманія на перемѣну, внезапно происшедшую въ отцѣ. Однако въ данный моментъ было не время доискиваться причинъ этого.

Она пошла навстрѣчу гостямъ.

— Когда я служилъ въ кавалеріи,—разсказывалъ въ передней исправникъ про какой-то свой подвигъ на скачкѣ.

— Нѣтъ! Эта фигура, этотъ гордый взглядъ побѣдителя, когда сани поровнялись,—восторгалась исправница, ѣхавшая сзади, а слѣдовательно, не видѣвшая этого.—Ахъ, Ядвига Ромуальдовна, какъ все это было величественно.

Изъ дверей освѣщенной залы вышелъ панъ Нѣмоевскій и, подавъ руку исправницѣ, повелъ ее къ дивану. Остальные гости послѣдовали за ними.

Музыка заиграла. Начались танцы. Панна Ядвига попала въ одну изъ первыхъ паръ. Докторъ обвелъ глазами залу. Всѣ кружились въ вальсѣ, кромѣ суетившагося хозяина, его и исправницы.

— А вы, Андрей Андреевичъ, меня-старуху развлекать остались или же сами въ старики записались.

У Андрея Андреевича явился удобный случай высказать цѣлую кучу любезностей; падкая до нихъ, исправница уже готовилась ихъ выслушать.

— Просто не умѣю и никогда не танцовалъ.

— По убѣжденію?—холодно и съ явной ироніей вновь задала она вопросъ.

— Нѣтъ, такъ...

Его обычное въ такихъ случаяхъ настроеніе начало имъ овладѣвать. Онъ посмотрѣлъ на танцующихъ. Панна Ядвига кружилась попрежнему; кавалеръ шепталъ ей что-то; она улыбалась. Доктору это было непріятно.

Вальсъ кончился.

— Надѣюсь, я еще не запоздалъ пригласить васъ къ кадрили,—подошелъ къ исправницѣ Ромуальдъ Ивановичъ. Она согласилась. Оба круглыхъ танцевъ уже не плясали.

Воспользовавшись моментомъ, докторъ скрылся въ гостиную. Не зная, что съ собою дѣлать, онъ началъ перелистывать альбомъ. На карточкѣ панны Ядвиги онъ остановился подольше. На лицѣ блуждала знакомая улыбка, грустные глаза задумчиво глядѣли на него. «Да,

ей есть о чемъ поприздуматься», онъ ясно представилъ себѣ ее танцующей, видѣлъ передъ собою акцизнаго, держащаго ее за талію, и вдругъ передъ его глазами она мелькнула такой, какой была у постели больной.

— Вотъ вы куда скрылись!—передъ нимъ стоялъ панъ Нѣмоевскій.—А я за вами... Одного кавалера нехватаетъ.

— Ну, ужъ увольте, Ромуальдъ Ивановичъ, я же не умѣю...

— Кадрили-то? Помилуйте! Тутъ и умѣть-то нечего! Пригласите Ядзю, а со мной станете на визави... А вотъ и она! Ядзя, докторъ приглашаетъ тебя къ кадрили.

— Да я же, право, не умѣю...

— Научимъ!—улыбаясь, настаивалъ Ромуальдъ Ивановичъ и, не встрѣчая сопротивленія, устремился дальше.

— Ну, что, Андрей Андреевичъ, привыкаете помаленьку?—просто спросила доктора панна Ядвига.

— Не такъ-то легко... Да! Кстати! Что же наша больная?

— Поправилась... Уже давно на ногахъ...

— А мать?—улыбаясь, спросилъ докторъ.—«То отдушину открой, то печку топи»,—передразнилъ онъ старуху.—Теперь, небось, не то поетъ...

— Не говорите...

— Какъ такъ?...

— Оказывается, еслибъ она открыла отдушину, «ни вжисть бы той не выздоровѣть»...

— Всегдашняя исторія!—вздохнулъ докторъ.

Въ залѣ опять заиграла музыка. Надо было идти плясать. Докторъ шелъ, какъ на казнь, но кадриль, благодаря умѣлому руководительству отца и дочери, сошла довольно благополучно. Только въ шестой фигурѣ вышла заминка. Когда пришлось взять панну Ядвигу за талію, докторъ сконфузился, сконфузилась и его дама. Въ этотъ же вечеръ не разъ продѣлывали съ ней то же другіе кавалеры, и она не обращала на это вниманія, но когда она почувствовала на своей таліи руку человѣка совсѣмъ другого покроя, ей стало совѣстно.

— Ну, слава Богу!—вздохнулъ съ облегченіемъ Андрей Андреевичъ, узнавъ объ окончаніи кадрили и торопясь ускользнуть изъ залы.

— Что вы, что вы!—притворяясь испуганной, остановила его пана Ядвига.—А исправницу благодарить за визави?

Докторъ махнулъ рукой, но, узнавъ, что та обидится, послушался совѣта.

Тѣмъ временемъ въ гостиной была сервирована закуска. Всѣ обступили только что пріѣхавшаго засѣдателя.

— Вы это гдѣ запропастились?

— Да тутъ цѣлая исторія...—закусывая, разсказывалъ засѣдатель.—Есть тутъ хохолъ-поселенецъ... Такъ, изволите ли видѣть, не испросивъ разрѣшенія, тайкомъ кожевенный заводъ открылъ... Мнѣ и донесли... Пріѣзжаю разъ—ничего... Виситъ какая-то кожа на плетнѣ, въ сѣняхъ какая-то бочка... Пріѣзжаю другой разъ—то же самое... Разспрашиваю... Молчитъ, шельма! Вижу, дѣло нечистое. Сегодня утромъ былъ... Спокоенъ, значитъ... Я и нагрянулъ врасплохъ и... накрылъ!

— Ну?

— Вотъ вамъ и «ну»! Пріѣзжаю, а у него, шельмеца, въ этой самой бочкѣ и мокнутъ кожи, а по заборамъ еще штукъ пять развѣшено.

Докторъ и панна Ядвига переглянулись.

— Что же ему угрожаетъ за это «преступленіе»?—не безъ ироніи спросилъ докторъ.

— Не больше пятидесяти.

Андрей Андревичъ не понялъ.

— Что?

— Не больше пятидесяти розогъ!—беззаботно повторилъ засѣдатель.

Астраханцевъ уже немного привыкъ ко взглядамъ той среды, въ которой ему приходилось вращаться. Ему уже раза два-три приходилось давать свидѣтельства, освобождающія отъ тѣлесныхъ наказаній, но, несмотря на это, извѣстіе о томъ, что за такое «преступленіе» можетъ человѣку угрожать тѣлесное наказаніе, казалось ему невообразимо дикимъ.

— Что же, и этого признаете больнымъ?—иронически спросилъ его исправникъ.

— И этого...—неосторожно отвѣтилъ докторъ.

— Будемъ посмотрѣть!—съ вызывающей насмѣшливой улыбкой заявилъ исправникъ.

Отношенія между нимъ и докторомъ съ каждымъ днемъ ухудшались. По поводу освобожденія отъ розогъ двухъ ссыльныхъ, приговоренныхъ къ этому наказанію «самимъ» исправникомъ, дѣло дошло до болѣе крупнаго объясненія.

— А въ Россіи нѣкоторыя земства ходатайствуютъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній крестьянъ, кончившихъ курсъ

народнаго училища,—вмѣшался въ разговоръ Ромуальдъ Ивановичъ, стараясь перемѣнить его.

— Ужъ не въ виду ли этого вы взялись на свой счетъ построить школу?—шутливымъ тономъ спросилъ исправникъ.

Дочь съ радостнымъ удивленіемъ взглянула на отца; Ромуальдъ Ивановичъ улыбнулся ей доброй улыбкой.

— Какой онъ у васъ славный!—наклонившись къ паннѣ Ядвигѣ, какъ-то невольно прошепталъ докторъ.

— Какой ему разсчетъ?—спросилъ сдающій карты вернувшагося къ винту исправника.

— Какъ, какой? А приговоръ на открытіе кабаковъ во всѣхъ селеніяхъ волости? Вы и въ самомъ дѣлѣ думаете «даромъ»? А о «волкѣ» слыхали?

— Что такое?

— О новозаявленномъ пріискѣ?

— Да тамъ нѣтъ ни крупинки золота!—вмѣшался въ разговоръ кто-то изъ присутствующихъ.—Сдурѣлъ старикъ совсѣмъ, что ли?

— Не изъ такихъ! У него свой разсчетъ. Тамъ отвалы съ Преображенскаго пріиска... Вздумается «волку»—и заставитъ владѣльца убрать ихъ, а какъ уберешь? Хочешь, не хочешь, а давай отступного.

— Ну, и ловкачъ!—восторгались присутствующіе.

Ихъ восторги привлекли вниманіе Ядвиги Ромуальдовны и, указавъ врачу многозначительно глазами на играющихъ, она вмѣстѣ съ нимъ подошла къ карточному столу.

— Это еще что!—продолжали восторгаться винтеры.—Вотъ мужиковъ онъ отдѣлалъ чисто... Осталась у него отъ прошлаго года партія маральихъ роговъ... Справился въ Уралѣ—цѣна упала. Плакали, значитъ, денежки. Казалось бы, чего подѣлаешь? А онъ подѣлалъ! Сѣлъ на коня, да маршъ изъ деревни въ деревню... Ѣздитъ, цѣну назначаетъ небывалую, задатки впередъ задаетъ... Сунулся было послѣ него другой купецъ... Куда тебѣ! Мужики такую цѣну заламываютъ, что и не подступишься... А волкъ тѣмъ временемъ въ Ургу. Пріѣзжаетъ, да и прямо къ Ѳомичевымъ... Фирма солидная... У всѣхъ на виду...

— Роговъ не надо ли?

— Нѣтъ! Своихъ некуда дѣвать.

— Не надо, такъ не надо! А вотъ мнѣ чесунчи у васъ взять надо... Не зайдете ли завтра? Потолкуемъ...

Прямо отъ Ѳомичевыхъ онъ пришелъ къ китайцамъ. Тары да бары, а между прочимъ: какая цѣна на маральи рога?

— Нѣтъ цѣны...

«Волкъ» только ухмыляется.

— А у меня Ѳомичевъ всю партію беретъ.

— Всю партію?

— Всю... Вотъ жалко—мало привезъ... У васъ нѣтъ ли? Куплю, да за одно продамъ.

Всполошились китайцы. Усомнились. Одинъ является къ нему съ рогами. «Волкъ» беретъ, цѣну назначаетъ высокую.

На утро китайцы къ нему.

— Продай! Видно Ѳомичевъ изъ Кяхты извѣстіе получилъ. Видно спросъ есть...

Онуфріевъ ломается.

— Не могу... Обѣщалъ уже Ѳомичеву.

— Какой тебѣ разсчетъ? Мы больше дадимъ...

Входитъ Ѳомичевъ. «Волкъ» въ другой комнатѣ долго съ нимъ о чемъ-то толкуетъ... Китайцы ждутъ... волнуются...

— Завтра и покончимъ,—провожаетъ Онуфріевъ гостя.

Заёрзали китайцы. До вечера просидѣли... Торгуются... Копейки «волкъ» не сбавляетъ... Сошлись, наконецъ.

— Тяжелый ты человѣкъ! — застоналъ китаецъ, отсчитывая денежки.

— Это ты послѣ увидишь: легкій ли я, или тяжелый,—съязвилъ «волкъ».

Десять тысячъ заработалъ на этомъ фортелѣ.

— Ну, а мужики?

— Обработалъ и ихъ! Вернулся... Мужики къ нему.

— Нѣтъ, братцы, по этакой цѣнѣ не могу... Пусть ужъ лучше задатки пропадаютъ...

Взмолились, конечно. Да что ужъ тутъ? Время прошло. Ему же за безцѣнокъ все и принесли.

Разсказчикъ кончилъ. Андрей Андреевичъ внимательно всмотрѣлся въ присутствующихъ. Всѣ были въ восторгѣ. Онъ перевелъ взглядъ на панну Ядвигу и оба, какъ будто сговорившись, въ упоръ посмотрѣли на Ромуальда Ивановича.

— Ну, это ужъ черезчуръ!—смущенно пробормоталъ старикъ.

XII.

Миръ между отцомъ и дочерью былъ возстановленъ. Но, несмотря на это или, вѣрнѣе, именно въ виду этого, душевное состояніе панны Ядвиги было очень скверное. Размолвка съ отцомъ имѣла въ ея глазахъ одну хорошую сторону: тѣ путы, которыми она была прикрѣ-

плена къ мѣсту, ослаблялись самимъ отцомъ. Разъ отецъ самъ попрекаетъ ее тѣмъ хлѣбомъ, которымъ она и безъ попрековъ давится, то во имя чего и для чего огородъ городить?... Она написала знакомымъ въ губернскій городъ, просила найти какой-нибудь заработокъ, разсчитывая постепенно передвигаться на западъ, на незнакомую, но дорогую родину, гдѣ, по ея представленіямъ, ее ждала широкая поглощающая всего человѣка дѣятельность... Мечтательница по натурѣ, Ядвига Ромуальдовна проводила цѣлые часы въ грёзахъ о свѣтломъ и такъ недалекомъ уже будущемъ... Шагъ за шагомъ слѣдила она въ воображеніи за своей будущей дѣятельностью, видѣла себя въ кругу единомышленниковъ за общей работой... Видѣла и послѣдствія для себя отъ этой работы.

— Вернусь опять къ папѣ!—печально улыбнулась она.

Мысли объ отцѣ всетаки не оставляли ея. Что-то онъ безъ нея будетъ дѣлать... Она совершенно не могла себѣ представить, какъ это жизнь пойдетъ въ домѣ обычной колеей, хотя ея не будетъ здѣсь... Но и не представляя себѣ этого, она все же чувствовала, что это будетъ скверная жизнь, о которой, по присущему молодости эгоизму, старалась не думать. Да, и все равно: думай—не думай, а само положеніе дѣлъ заставляетъ такъ поступить... И вдругъ весь этотъ разгаръ грёзъ, смутно какъ-то сливавшійся съ сожалѣніями объ ожидающемъ отца положеніи, сразу прервался самымъ неожиданнымъ образомъ. Каждое слово, движеніе, улыбка, жестъ отца, казалось, были направлены къ сглаженію своей вины передъ нею—она это чувствовала, а на ряду съ этимъ эта постройка училища... Это ужъ несомнѣнно не для нея дѣлалось, да и сходъ по поводу открытія школы—это она знала—происходилъ за недѣлю до ея размолвки съ отцомъ... Значитъ, и въ отцѣ не угасла «искра Божія» и имъ руководитъ идея, которой онъ остался вѣренъ... И онъ понимаетъ, что «тѣ деньги» должны возвратиться къ тому самому народу, у котораго взяты.

«Какой онъ у васъ славный!» вспомнились ей слова Андрея Андреевича.

Даже посторонній человѣкъ сумѣлъ оцѣнить это, а она, дочь, не сумѣла!... Ядвига мучилась своей несправедливостью.

— Но что же дѣлать, Господи! Отречься изъ-за отца отъ дѣла, въ которое вѣришь, которому обязана служить?... А съ другой стороны—пожертвовать отцомъ?...

Она оглянулась кругомъ, словно ища у кого-то помощи... Но кругомъ было пусто. Маятникъ стѣнныхъ часовъ монотонно постукивалъ, канарейка жалобно чирикала въ клѣткѣ... Посовѣтоваться, излить хотя бы наболѣвшее въ душѣ было не передъ кѣмъ. Един-

ственный человѣкъ, относительно котораго она инстинктивно сознавала, что могла бы съ нимъ поговорить обо всемъ наболѣвшемъ, былъ Андрей Андреевичъ... Онъ понялъ бы ее, далъ бы хорошій совѣтъ... Какая-то близость установилась между ними съ перваго дня знакомства... И что собственно ей въ немъ нравится?—она и сама не могла бы указать... Все... Искренняя улыбка и медвѣжеватость движеній... Она устыдилась этого перечисленія внѣшнихъ чертъ—и сердечная отзывчивость на все хорошее... А всетаки... Когда отношенія дойдутъ до того желательнаго момента, что можно будетъ съ нимъ совѣтоваться, какъ съ братомъ?... А пока?... Поговорить откровенно съ отцомъ?... Уѣхать съ его согласія?... Пойметъ же онъ ее!... Но, при мысли объ этомъ, ей представлялся отецъ, она видѣла глубокую скорбь на его лицѣ, предчувствовала просьбу повременить немного: онъ уже старъ, долго ее не задержитъ... Она знала манеры отца драпироваться въ тогу старости, когда это ему было нужно, но знала вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ данный моментъ, произнося эти слова, онъ самъ искренно вѣритъ въ нихъ, чтò придаетъ его словамъ особенный, пронизывающій душу тонъ, которому она обыкновенно не въ состояніи противостоять...

Вскорѣ получилось и письмо изъ губернскаго города. Знакомые предлагали ей пріѣхать, обѣщая найти уроки. Положеніе дѣлъ отъ этого не мѣнялось. Вопросъ объ отцѣ попрежнему оставался неразрѣшеннымъ.

«Такъ я и пропаду здѣсь и не сдѣлаю рѣшительнаго шага!» съ отчаяніемъ думала панна Ядвига.

XIII.

Въ болѣе выгодномъ въ этомъ отношеніи положеніи находился Андрей Андреевичъ. Его загнало въ далекое сибирское захолустье строго опредѣленное и, какъ ему казалось, строго обдуманное дѣло. На мѣстѣ, что ни часъ, обнаруживалось, что дѣятельность далеко не оправдывала такъ долго лелѣяннаго идеала,—напротивъ того, на каждомъ шагу противорѣчила ему. Онъ еще не разобрался въ образовавшейся путаницѣ, продолжалъ, попрежнему, вскрывать трупы, вести «входящія» и «исходящія» книги, строчить бумаги, свидѣтельствовать приговоренныхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ смутно сознавалъ, что все это долго протянуться не можетъ.

Вскорѣ послѣ описаннаго нами вечера у Нѣмоевскихъ было получено на имя Астраханцева два офиціальныхъ пакета. Въ одномъ

изъ нихъ губернское управленіе требовало разъясненій по поводу систематическаго освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній ссыльно-поселенцевъ, приговоренныхъ къ нимъ мѣстнымъ исправникомъ; въ другомъ тюремный инспекторъ любопытствовалъ узнать, какія временныя антисанитарныя условія мѣстной тюрьмы вызвали такой значительный контингентъ больничныхъ порцій.

Въ первый моментъ по прочтеніи этихъ бумагъ Андрей Андреевичъ какъ-то инстинктивно потянулся къ перу. Рѣзкій отвѣтъ такъ и просился на бумагу. Доктору ясно представилось, что пора кончать со службой, отвлекающей его отъ того, что онъ считалъ своими прямыми обязанностями.

«А развѣ оберегать людей отъ позорнаго наказанія—не моя прямая обязанность», остановилъ онъ самого себя.

Онъ прошелся по комнатѣ.

«Что же это я хочу дѣлать? Отступиться отъ начатаго дѣла? Изъ-за чего же? Изъ-за одного того, что получилъ обидную для себя бумаженку?... Что же перемѣнилось со вчерашняго дня?... Исправникъ и смотритель показали когти... Неужели же изъ-за этого одного бросить на произволъ судьбы всѣхъ этихъ униженныхъ и обиженныхъ!... Хорошо исполненіе тѣхъ восторженныхъ обѣтовъ, какіе мы давали другъ другу, прощаясь съ alma mater».

Ему вспоминалась послѣдняя студенческая вечеринка, лица товарищей... Одни стремились на службу въ земство, другихъ манила къ себѣ наука, нѣсколько человѣкъ вступило на совершенно другой путь, горсть сибиряковъ потянулась на родину... Всѣ тѣ дѣло дѣлаютъ, а онъ? Съ первыхъ же шаговъ раскисъ, распустилъ нюни... Прошло всего два-три мѣсяца, а онъ уже подумалъ о дезертирствѣ...

«Нѣтъ! Не отступлю!»

Онъ оживился.

«Сегодня же заѣду и въ больницу и въ тюрьму и все осмотрю»!...

Онъ взялъ первую бумагу и, внимательно прочитавъ ее еще разъ, обмакнулъ перо и дѣльно, дѣловито изложилъ, почему, какъ врачъ, не могъ допустить исполненія тѣлеснаго наказанія надъ обоими приговоренными. На вторую бумагу онъ отвѣтилъ еще болѣе обстоятельно: привелъ въ своемъ отвѣтѣ цѣны на продукты первой необходимости, сопоставилъ съ тѣми «кормовыми деньгами», какія отпускаются на каждаго арестанта, и указалъ на то, что люди, содержащіеся въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ впроголодь, не могутъ въ концѣ-концовъ не изнуриться и не нуждаться въ больничной порціи.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Чуть... чуть не наглупилъ.

XIV.

На слѣдующій день Андрей Андреевичъ опять поѣхалъ въ тюрьму. Съ первыхъ же шаговъ [illegible] замѣтилъ, что въ острогѣ происходитъ что-то необыкнов[illegible]ьмѣ было тихо и мрачно; всѣ камеры были на замкѣ; по [illegible]задъ и впередъ сновали надзиратели; въ канцеляріи возсѣдало все мѣстное начальство.

— Что случилось?—обратился онъ съ вопросомъ къ фельдшеру.

— Въ одной изъ камеръ загорѣлось... Подозрѣваютъ арестантовъ и заперли ихъ въ камерахъ, хотя смотритель и знаетъ, что печка никуда не годна и что арестанты тутъ ни причемъ. А войдите хоть въ одну изъ камеръ...

Андрей Андреевичъ на минуту задумался.

— Да... Какъ докторъ, я въ правѣ это сдѣлать!

— Слыхали, что эти канальи надѣлали?—подошелъ къ нему смотритель.

— Развѣ установленъ фактъ, что это они?

— Съ ними установишь фактъ! Выпороть бы всѣхъ поголовно!...

— Не за то ли, что ремонтныя деньги не употреблены на ремонтъ?—не выдержалъ Астраханцевъ.

— А на что же?—холодно перебилъ его смотритель.—Камеры выбѣлены...

— А печи?

Отвѣта не послѣдовало.

— Зайдемте въ камеры,—предложилъ Астраханцевъ.

Надзиратель, по приказанію смотрителя, открылъ одну изъ камеръ. Вонь и духота въ ней превосходили всякое представленіе.

— Это безобразіе!—съ негодованіемъ воскликнулъ врачъ.—Запихать двадцать человѣкъ въ камеру для десяти, да тутъ же поставить парашу... Просто, чортъ знаетъ, что такое.

— Это въ наказаніе... По приказанію господина предсѣдателя тюремнаго комитета.

— А онъ здѣсь?...

— Да! Въ канцеляріи.

Астраханцевъ прямо направился туда.

— Какъ хотите, Леонидъ Өедоровичъ, — обратился онъ къ исправнику, — но и какъ врачъ, и какъ директоръ тюремнаго комитета, я не могу допустить такое безобразіе.

Исправникъ весь побагровѣлъ.

— Виноваты ли арестанты — это кто его вѣдаетъ, а пока что, по вашему распоряженію, они поставлены въ самыя невозможныя условія.

Исправникъ молчалъ, надменно глядя на молокососа, осмѣливающагося ему перечить. Смотритель улыбался иронически.

— Если вы не отмѣните этого распоряженія, я буду вынужденъ поставить дѣло на официальную почву и составить протоколъ.

— По поводу чего?

— Какъ по поводу чего?! Люди заперты, какъ сельди въ бочкѣ, въ смрадной и душной камерѣ... Вонючая параша и днемъ, и ночью портитъ и безъ того испорченный воздухъ, а вы спрашиваете: «по поводу чего?»

— Да вы что, господинъ докторъ, арестантовъ вздумали бунтовать, возстановлять ихъ противъ начальства!—властнымъ, начальническимъ голосомъ накинулся исправникъ на врача.

На Астраханцева этотъ пріемъ не подѣйствовалъ. Онъ присѣлъ къ столу и тутъ же написалъ исправнику, какъ предсѣдателю тюремнаго комита, официальное заявленіе по поводу беззаконнаго притѣсненія арестантовъ.

Исправникъ опѣшилъ.

— Господинъ смотритель! Потрудитесь согласно закону... Заподозрѣнныхъ въ карцеръ, остальныхъ размѣстить попрежнему по камерамъ.

— Слушаю-съ!

Всѣ отправились въ камеры.

— Соймонова, Непомнящаго, Мамонтова, — выбиралъ жертвы исправникъ.

— Соймоновъ боленъ, — вмѣшался Астраханцевъ. — Карцеръ можетъ вредно отозваться на его здоровьи.

— Ну, ужъ это оставьте... Выйдетъ изъ карцера, тогда и лѣчите... Такъ и его превосходительство смотритъ на дѣло.

Астраханцевъ вышелъ въ коридоръ: онъ зналъ, что это такъ.

— Ваше высокоблародіе!—взмолились арестанты.

— Я что-жъ?—перебилъ ихъ исправникъ.—Я хотѣлъ устроить все шито-крыто... Посидѣли, молъ, сутки на карцерномъ положеніи— и дѣло съ концомъ. Да вотъ докторъ мутитъ... Не могу, братцы.

— Да мы-то чѣмъ виноваты?

— Доктора спросите! Я и самъ знаю, что ничѣмъ.

Жертвы были отправлены въ карцеръ, остальные же арестанты, когда начальство удалилось, разсыпались по коридору. Тутъ-то наткнулся на нихъ Астраханцевъ. Онъ былъ доволенъ собою: что-нибудь да удалось сдѣлать.

Правда, арестанты какъ-то угрюмо посматривали на него, но въ данный моментъ Андрей Андреевичъ не обратилъ на это вниманія, а

нѣсколько дней спустя, замѣтивъ, что въ его отношеніяхъ къ арестантамъ что-то попортилось, онъ ужъ не былъ въ состояніи выяснить причины этого.

XV.

Возвращаясь изъ тюрьмы, Астраханцевъ послѣ душной, затхлой, специфически-тюремной атмосферы съ удовольствіемъ вдыхалъ свѣжесть морознаго свѣтлаго дня. По дорогѣ онъ обгонялъ группы крестьянъ, пѣшкомъ и на розвальняхъ направлявшихся къ городу. Попадались и пьяные. «Растреклятая машина, мого друга утащила»... визжалъ какой-то женскій голосъ. Врачъ оглянулся и узналъ одну изъ тѣхъ, съ которыми ему «по обязанностямъ службы» постоянно приходилось имѣть дѣло. Еще секунда, и сани съ поющей остались назади. Докторъ поровнялся съ новой группой пѣшеходовъ. Женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ рукавомъ однорядки утирала катившіяся по лицу слезы; шагавшій рядомъ съ ней молодой бѣлобрысый мужикъ угрюмо молчалъ.

Только теперь Астраханцевъ понялъ, что̀ значитъ этотъ шумный разгулъ и бокъ-о-бокъ съ нимъ это молчаливое горе. Предстоялъ наборъ. За треволненіями послѣднихъ дней это совершенно вылетѣло у него изъ головы. Въ наборѣ ему предстояла главная, чуть ли не рѣшающая роль. Но это его нисколько не смущало. «Всякій долженъ служить обществу, какъ и чѣмъ можетъ; войско необходимо для защиты отечества, нечего, значитъ, и сантиментальничать»...

Сидя въ кошевкѣ и глядя на промелькавшія мимо него сцены, врачъ оставался спокоенъ, хотя ему сдѣлалось немного «не по себѣ».

«Инструкціи просмотрѣть надо»...—вспомнилъ онъ, подъѣзжая къ своей квартирѣ.

— Васъ дожидаются,—встрѣтила его въ передней хозяйка.

Онъ прошелъ въ кабинетъ.

Развалившись развязно въ креслѣ, здѣсь дожидался его немолодой уже человѣкъ, по виду купецъ, одѣтый въ черненую барнаульскую шубу и подпоясанный зеленымъ поясомъ съ бахромой.

Увидѣвъ вошедшаго врача, посѣтитель, не вставая, кивнулъ ему головой.

— Вы больны?—спросилъ Астраханцевъ.

— Нѣтъ! Дѣло есть... Вы меня не знаете?

Докторъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— Я — Хфунтиковъ, — добавилъ посѣтитель такимъ тономъ, какъ будто этимъ все сказано.—Небось, слыхали про Хфунтикова?...

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Не слыхали?—съ недоумѣніемъ переспросилъ Фунтиковъ.— Меня, любезнѣйшій, тутъ всѣ знаютъ... Исправникъ, помощникъ, засѣдатель, потому какъ мы со всякимъ умѣемъ обхожденіе имѣть...

— Да вамъ что собственно угодно?—нетерпѣливо перебилъ его врачъ.

— А ты не торопись!... Поспѣшишь—людей насмѣшишь... Наша рѣчь еще впереди...

— Да, позвольте, господинъ Фунтиковъ, мнѣ некогда съ вами разговоры разговаривать! Дѣло есть, такъ и говорите о дѣлѣ.

Фунтиковъ всталъ. Хитрые маленькіе глазки на секунду какъ будто потускнѣли, но мигъ спустя они ужъ весело уставились на врача.

— Вотъ это по-нашенски, по-американски-съ! Люблю! — добавилъ онъ, похлопывая врача по плечу.—Да! Дѣло есть... а между образованными людьми—два слова и дѣлу конецъ... Такъ вотъ...— онъ засунулъ руку въ боковой карманъ и, вынувъ оттуда новенькій сторублевый билетъ, положилъ его на столъ.—Чтобы, значитъ, парня моего ослобонили,—пояснилъ онъ врачу.

Астраханцевъ остолбенѣлъ.

— Ну, и лафа вашему брату...—развязно продолжалъ Фунтиковъ.—Одно слово: «негоденъ»—и сто рублевъ въ карманѣ...

— Убирайтесь вонъ! — вырвалось, наконецъ, изъ груди доктора.—Вонъ, вонъ!—онъ все больше и больше свирѣпѣлъ.—Вонъ!

На крикъ вбѣжала хозяйка. Растерявшійся Фунтиковъ въ свою очередь остолбенѣлъ.

— Уведите этого негодяя! — крикнулъ Астраханцевъ хозяйкѣ, швырнувъ Фунтикову положенныя имъ на столъ деньги.

Тотъ блѣдный, какъ мѣлъ, поднялъ билетъ и, молча поклонившись врачу, вышелъ.

— Негодяй! — шагая по комнатѣ, громко произнесъ Андрей Андреевичъ. Онъ долго не могъ успокоиться. — Придетъ такая гадина и весь день тебѣ испортитъ... Надо всетаки и за работу приниматься.

Онъ подошелъ къ полкѣ съ книгами, взялъ медицинскій уставъ и началъ просматривать инструкціи.

Минуту спустя въ передней послышался стукъ двери и чей-то сдавленный шепотъ.

— Лучше позже... Сейчасъ сердитъ...—конфиденціально сообщила кому-то хозяйка.

— Кто тамъ?—громко спросилъ врачъ.

Въ отвѣтъ послышались шаги, и, секунду спустя, въ кабинетъ вошла уже немолодая женщина въ неуклюжихъ бродняхъ, въ поношенной коричневой «однорядкѣ», поверхъ простого коротенькаго полушубка.

— Что вамъ угодно?

Баба бухнулась въ ноги. Изъ сдавленнаго горла прорывались рыданія.

— Ваше благородіе, ваше благородіе!

— Что вы, что вы? Встаньте! Успокойтесь!

Баба, всхлипывая, встала.

— Въ чемъ дѣло?

— Парня на призывъ, ваше благородіе! Лонись старшаго парня ослобонили... Пьяница такой, что не приведи Богъ. Что заработать, то и пропьетъ... Нѣтъ, чтобы взять... Ослобонили... А теперича кормильца моего берутъ...

Баба вновь всхлипнула, утирая слезы синимъ отъ холоду кулакомъ.

— Двѣ дѣвочки, акромя меня, а жить нечѣмъ...

— Ничего я, матушка, не могу сдѣлать.

— Ослобоните парня!...—вновь повалилась въ ноги старуха.

На порогѣ, концомъ передника утирая навернувшіяся слезы, остановилась хозяйка.

— Ослобоните, баринъ! Совсѣмъ пропадетъ баба,—поддержала она старуху.

Астраханцевъ нервно теребилъ волосы.

— Въ чемъ-нибудь другомъ готовъ помочь, но въ этомъ не могу... Законъ...

Старуха встала.

— «Законъ», говоришь? Законъ, чтобы кормильца отъ семьи брать, а пьяницу оставлять дома... Нѣтъ, не законъ это.

— Да старшій, видно, боленъ, негоденъ...

— А пить годенъ? Боленъ! Будешь боленъ, коли винища столько въ себя вольешь...

— Иди, Андреевна, успокойся! — уводя старуху, урезонивала ее хозяйка.

Докторъ, молча, проводилъ ихъ взглядомъ. Онъ переживалъ то же, что ему уже разъ приходилось переживать, когда отъ его «заключенія» зависѣла участь того парня, котораго упрятали въ тюрьму. Законъ ясный, точный, непреложный и нелицепріятный гласилъ одно, а живая дѣйствительность въ лицѣ старухи, теряющей единственнаго кормильца семьи, говорила нѣчто прямо противоположное.

— Какое мнѣ, наконецъ, дѣло до всего этого? — старался онъ уклониться отъ рѣшенія мучившаго его вопроса.—Моя роль вполнѣ опредѣленна: физически годенъ или негоденъ—вотъ единственное, что я долженъ опредѣлить, что отъ меня требуется... А всѣ эти осложняющіе дѣло вопросы не имѣютъ ко мнѣ никакого отношенія...

Но сдавленный, съ прерывающимися въ немъ рыданіями голосъ сидѣвшей на кухнѣ старухи, который онъ все время жадно ловилъ, не давалъ ему покоя и доказывалъ, что вопросъ, обсуждаемый на кухнѣ, имѣетъ къ нему отношеніе и раздвигаетъ тѣ мертвыя рамки, въ которыя онъ въ данномъ случаѣ желалъ вставить свою живую личность.

Старуха, повидимому, собиралась уходить. Астраханцевъ улавливалъ малѣйшее движеніе на кухнѣ.

«Можетъ быть, онъ дѣйствительно не годенъ!»—ухватился онъ за не пробованное средство самоуспокоенія русскихъ людей.

Дверь скрипнула. Онъ выбѣжалъ въ переднюю.

— Успокойтесь! Можетъ быть, онъ дѣйствительно негоденъ... Что онъ у васъ въ дѣтствѣ болѣлъ?

— Какъ не болѣть, баринъ! Возможно ли, чтобы ребенокъ не болѣлъ.

Андрей Андреевичъ какъ будто обрадовался, что это невозможно, и, словно этимъ рѣшался вопросъ, довольный, воскликнулъ:

— Ну, вотъ видите!

Старуха, правда, ничего не видѣла, но тонъ Астраханцева ее успокоилъ.

Хозяйка съ жестомъ укора, замѣняющимъ слова: «говорила я тебѣ», повернулась къ старухѣ. Та истово перекрестилась.

— Слава Тебѣ, Господи! Подай тебѣ Христосъ и Царица Небесная!...—благодарила она врача.

— Что могу, то сдѣлаю...—смущенно пробормоталъ Астраханцевъ и вернулся къ себѣ.

Его положеніе было не изъ пріятныхъ. По лицамъ обѣихъ женщинъ онъ видѣлъ, что обѣ онѣ считаютъ вопросъ рѣшеннымъ, увѣрены, что парню болѣе не угрожаетъ опасность быть забритымъ, а между тѣмъ... Онъ чувствовалъ себя хуже прежняго.

Съ улицы доносилось пѣніе пьяныхъ, рѣжущій уши скрипъ гармоники, завываніе спущенныхъ съ цѣпей собакъ. Докторъ все продолжалъ сидѣть задумчивый, угрюмый, молчаливый. Раза два въ комнату заходила хозяйка, прибирала, вносила что-то и уносила, но ему непріятно было заговорить съ ней.

— Леонтьева, чай, теперь рада,—не вытерпѣла она.

— Какая Леонтьева?

— Баба-те, что давеча за парня просила.

— Леонтьева...—повторилъ про себя Астраханцевъ. Онъ только теперь сообразилъ, что до этого онъ и не зналъ фамиліи того, кого «долженъ былъ» освободить. Услужливая хозяйка устранила и это препятствіе.

XVI.

За ночь Астраханцевъ совершенно успокоился. Ему было непріятно то, что Леонтьева его превратно поняла, но онъ рѣшилъ ни на іоту не отступать отъ закона.

— Не мое дѣло! Да и мало ли такихъ Леонтьевыхъ среди матерей новобранцевъ!...

Прошелъ еще день, и Астраханцевъ отправился въ присутствіе свидѣтельствовать рекрутовъ. Минута была торжественная. Исправникъ и воинскій начальникъ были во всѣхъ регаліяхъ, врачъ явился въ черной парѣ.

— Вы не въ мундирѣ? — встрѣтилъ его съ ядовитой улыбкой исправникъ.

Онъ не отвѣтилъ.

У порога и въ передней толпились новобранцы. На площади передъ полицейскимъ управленіемъ ожидали ихъ матери, жены, дѣти...

Началось присутствіе. Секретарь выкрикивалъ фамиліи; новобранцы, робкіе, смущенные, протискивались изъ прихожей въ залу. Собравшееся начальство отъ времени до времени подбадривало ихъ добродушными шутками.

Дошла очередь и до Фунтикова. Къ мѣркѣ подошелъ здоровенный дѣтина, высокій, широкогрудый. О «негодности» не могло быть и рѣчи.

— Глазами вотъ уже третій годъ маюсь, ваше высокоблагородіе,—обратился Фунтиковъ къ исправнику

— Надо бы изслѣдовать!—ни къ кому въ частности не обращаясь, проронилъ исправникъ.

— Грамотенъ?—спросилъ врачъ.

— Да!

— Читайте!—онъ указалъ на висѣвшія на стѣнѣ таблицы.

Фунтиковъ сощурилъ глаза и съ трудомъ прочиталъ первую ея строчку.

— Близорукъ!—вновь проронилъ исправникъ.

Врачъ порылся въ ящикѣ со стеклами, вставилъ два изъ нихъ

въ оправу и вновь предложилъ читать. Фунтиковъ попрежнему запинался. Перемѣнивъ стекла еще нѣсколько разъ, вставляя то выпуклыя, то вогнутыя, врачъ окончательно убѣдился въ томъ, что Фунтиковъ притворяется.

— Годенъ!—такъ же, какъ и исправникъ, ни къ кому не обращаясь, произнесъ онъ вслухъ.

— Годенъ?! — съ явной ироніей въ голосѣ выразилъ изумленіе исправникъ. Онъ остался при особомъ мнѣніи, къ которому присоединился и воинскій начальникъ.

Обѣ стороны находились въ томъ состояніи, когда малѣйшій поводъ вызываетъ взрывъ. Этимъ поводомъ оказался Леонтьевъ.

Откуда стало извѣстно о посѣщеніи врача Леонтьевой и о мнимомъ обѣщаніи освободить ея сына—одному Богу извѣстно. Можетъ быть, сама Леонтьева въ упоеніи радостью разсказала о случившемся досужей сосѣдкѣ; быть можетъ, также и то, что хозяйка расхвалила квартиранта. Какъ бы тамъ ни было, но по тому, какъ исправникъ и воинскій начальникъ повернули головы къ мѣркѣ, по той живости, съ какой исправникъ не подошелъ, а подбѣжалъ къ измѣряемому съ тѣмъ, чтобы слѣдить за процессомъ измѣренія, Астраханцевъ убѣдился, что нѣтъ тайнъ въ маленькихъ городишкахъ.

Онъ былъ спокоенъ.

Ростъ Леонтьева оказался подходящимъ. Врачъ приступилъ къ измѣренію груди.

Наложивъ ленту, онъ тщательно расправилъ ее и натянулъ.

— Лента лопнетъ...—ядовито замѣтилъ исправникъ.

— Есть запасная...—спокойно парировалъ ударъ Астраханцевъ.

Объемъ груди оказался на нѣсколько миллиметровъ менѣе полуроста.

— Смѣю обратить ваше вниманіе на то, что по закону такъ нельзя натягивать ленты! — цѣдя слово за словомъ и саркастически глядя на доктора, вновь сдѣлалъ замѣчаніе исправникъ.

— Не согласитесь ли, господинъ исправникъ, не тратить понапрасну словъ и, буде замѣчаете беззаконіе, составить протоколъ и донести, куда слѣдуетъ.

— Спасибо за указаніе! Такъ и сдѣлаемъ.

XVII.

Астраханцевъ долго въ эту ночь не могъ уснуть. Видъ и запахъ сотни человѣческихъ тѣлъ, надъ которыми ему приходилось въ теченіе дня нагибаться; лица то радостныя, то пораженныя горемъ

освобожденныхъ и забритыхъ; надменная, ядовитая улыбка исправника и сочувственно-почтительное хихиканье секретаря носились передъ его глазами, отгоняя сонъ отъ усталыхъ вѣкъ. Онъ зажегъ свѣчку, скрутилъ и закурилъ папироску. Всѣмъ своимъ существомъ Андрей Андреевичъ чувствовалъ органическую потребность излить душу, если не передъ другомъ, то хоть передъ человѣкомъ, который былъ бы въ состояніи понять, что творилось въ ней... Но такого человѣка не было. Кругомъ царила мертвая тишина, нарушаемая только храпомъ хозяйки, да откуда-то издали доносившимся лаемъ собакъ, вторящихъ трещоткѣ ночного сторожа. Астраханцевъ открылъ книгу, но чтеніе не давалось ему. Глядя въ книгу, онъ продолжалъ копаться въ душѣ и отъ невеселаго настоящаго невольно перешелъ къ недавнему прошлому. Передъ его глазами промелькнула покинутая въ далекой Россіи старушка-мать, ея лицо въ моментъ прощанія... Ни слезъ, ни вздоховъ, но такое нѣмое отчаяніе, такой живой укоръ въ глазахъ, что во вѣкъ его не забудешь. Онъ разсчитывалъ черезъ годъ привезти ее сюда. Черезъ годъ. Шутка ли? При такихъ отношеніяхъ кто поручится, что онъ продержится здѣсь годъ. Да и стоитъ ли держаться... Что ему удалось сдѣлать для осуществленія своей мечты о культурной работѣ?... Займешься тутъ.... Съ кѣмъ? Одна Нѣмоевская, да и обчелся! Да еще отецъ ея... Вотъ сумѣлъ же старикъ сохраниться... Подговорить его развѣ открыть маленькую лѣчебницу... Не поскупится вѣдь! Открылъ же онъ школу на свои средства... Ядзя бы лѣкарство готовила, замѣняла бы фельдшерицу... Онъ ясно себѣ представилъ ее въ этой новой роли его помощницы, съ полуслова понимающей все, что требуется... Это бы и ея жизнь наполнило!—продолжалъ онъ развивать свою идею.—Вообще было бы время да охота, а работы тутъ непочатый уголъ!

Астраханцевъ незамѣтно для самого себя впалъ въ свойственное ему оптимистическое настроеніе. Нервы мало-по-малу отдохнули, онъ закрылъ книгу, потушилъ свѣчку и, успокоившись, вскорѣ уснулъ.

XVIII.

Прошелъ еще мѣсяцъ однообразный, длинный. Ни жизни, ни впечатлѣній—обычное прозябаніе маленькаго городка. Астраханцевъ напрягалъ усилія въ борьбѣ съ заѣдающей его малогородской тиной, но безрезультатно. Все кругомъ дремало. Заговаривалъ онъ о лѣчебницѣ, о воскресныхъ чтеніяхъ... Его слушали, не возражали, но и не откликались; слушали, какъ слушаешь поневолѣ жужжаніе комара, ревъ коровы... Но эти толчки не въ состояніи были никого вывести изъ всецѣло царящей спячки.

— Это оттого, что я живу изолированной жизнью, вдали отъ мѣстнаго общества, чуждый его интересовъ.

Инстинктъ отталкивалъ его отъ того, что онъ называлъ «обществомъ»; какой-то тайный голосъ говоритъ ему, что не быть «чуждымъ» интересамъ этого общества—нельзя, но онъ поборолъ въ себѣ это чувство и рѣшилъ познакомиться хоть съ нѣкоторыми его членами.

Первый его визитъ былъ къ батюшкѣ. Старикъ священникъ принялъ его любезно и радушно, но разговоръ не клеился. Астраханцевъ заговорилъ о школахъ, готовился сразиться въ защиту министерскихъ противъ церковно-приходскихъ, но оказался въ положеніи человѣка, сильно размахнувшагося и ударившаго... въ пустое пространство. Сопротивленія не было; напротивъ, батюшка поддерживалъ его.

— Это вы вѣрно, Андрей Андреевичъ! Какіе мы учителя! Приходы громадные... Дай Богъ, и помимо школы, со своей работой управиться, а тутъ нà!... Хорошо еще, если діаконъ можетъ заняться школой, а то вѣдь на псаломщикѣ вся школа и держится... А тутъ ужъ какое ученіе...

— А какъ у васъ воскресныя чтенія для взрослыхъ?

Старикъ только рукой махнулъ.

— Пробовали, батенька, да то исправникъ впутается, то кабатчики гвалтъ подымутъ: кабаки, молъ, пустуютъ... Такъ и бросили...

— Ну, здѣсь нельзя, въ деревнѣ устроили бы, у Нѣмоевскихъ, что ли...

— Поживете, докторъ, не то скажете... Не все то золото, что блеститъ... А по моему, такъ ужъ лучше простой кабатчикъ безъ претензій, чѣмъ такой Нѣмоевскій...

— Что вы, батюшка! Ромуальдъ Ивановичъ даже школу на свой счетъ строитъ!...

— Строить-то онъ строитъ, — загадочно повторилъ священникъ,—да лучше бы ужъ не строилъ...

— Какъ такъ?

— Поживете— увидите,—вновь повторилъ батюшка.—Знаемъ мы эти школы на свой счетъ... Согласіе на открытіе кабаковъ во всей волости онъ получилъ, и кабаки будутъ, ну, а насчетъ школы какъ бы еще худо не вышло... Народъ не зря волнуется: обѣщалъ зданіе, какъ слѣдуетъ, а купилъ на сносъ такой домъ, что только тараканов въ немъ морозить... Надѣется на водку... Она, матушка, все сдобритъ... Какъ бы не просчитался...

Астраханцевъ ушамъ своимъ не вѣрилъ и съ изумленіемъ глядѣлъ на батюшку, но этотъ не унимался.

— Что вы, батенька, такъ удивлены... Это ужъ не впервые... Бывали уже съ Нѣмоевскимъ такіе случаи, да все сухой изъ воды выходилъ. Его хлѣбъ-соль не пропадетъ даромъ.

— Да неужели это правда, батюшка?

— Молоды вы, докторъ! — простите за откровенность. — Вотъ такъ-то онъ и дочку свою умасливаетъ... Только покойная жена его, царствіе ей небесное, поняла въ чемъ дѣло... Да и не мудрено... Послушаешь его—красно поетъ, а пораскусишь—не приведи Господь.

Старикъ умолкъ, безнадежно махнувъ рукой, а Астраханцевъ все продолжалъ сидѣть, вперивъ въ него взоръ.

Священникъ и не подозрѣвалъ, что творится въ душѣ доктора, а творилось въ ней что-то совсѣмъ скверное. Андрей Андреевичъ мало зналъ Нѣмоевскаго, но, несмотря на это, вѣрилъ въ него свято и за короткое время пребыванія въ N—скѣ съ этой вѣрой успѣлъ сжиться. Во всѣ трудныя минуты жизни всѣ надежды, всѣ упованія возлагались имъ на семью Нѣмоевскихъ... и вдругъ... Завѣса сдернута... Астраханцевъ многое отдалъ бы за то, чтобы быть въ состояніи не вѣрить священнику... Но не вѣрить было нельзя. Есть моменты, когда чувствуешь, гдѣ правда. Это былъ именно такой моментъ и Астраханцеву нельзя было не вѣрить.

— Отецъ, а отецъ!—прервалъ его раздумье голосъ попадьи изъ другой комнаты.—Выглянь-ко въ окно.

Священникъ подошелъ къ окну, за нимъ потянулся и докторъ.

Передъ окнами на противоположномъ углу, возлѣ кабака, бушевала толпа пьяныхъ. Среди нихъ суетился среднихъ лѣтъ человѣкъ въ высокихъ сапогахъ, въ синей чуйкѣ.

— Иди же, иродъ!—упрашивалъ онъ одного изъ пьяныхъ.— Выпилъ и будетъ.

— А ежели, Иванычъ, я теперича еще хочу!—задорно возражалъ пьяный.

Иванычъ также безуспѣшно обращался къ другимъ и, выведенный изъ терпѣнія, плюнулъ.

Многое изъ происходившаго на улицѣ не долетало до ушей стоявшихъ возлѣ окна, но и долетѣвшіе отрывки ихъ сильно заинтересовали, и они продолжали наблюдать. Астраханцевъ въ особенности заинтересовался, увидѣвъ протискивавшагося черезъ толпу Онуфрія. Тотъ подошелъ къ Иванычу и сказалъ ему что-то. Иванычъ вбѣжалъ въ кабакъ, а минуту спустя выбѣжалъ оттуда съ четвертною флягой.

— Айда, ребята!—потряхивая надъ головой бутылью, прокричалъ онъ пьянымъ.—За мной! На всю дорогу хватитъ!

Толпа съ гикомъ бросилась за нимъ. Иванычъ, высоко держа бутыль, направился къ тутъ же стоявшимъ телѣгамъ.

— Разсаживайся, ребята! Живо!

Всѣ сѣли. Ямщикъ хлеснулъ по лошадямъ. Онуфріевъ, стоя въ сторонкѣ, улыбался.

— Это что же такое?—недоумѣвая, спросилъ Астраханцевъ.

— Наборъ на пріиски... Задатки пропиты... Надо доставить на мѣсто... И доставятъ! За водкой потянутся.

— Вотъ она, «организаціонная роль капитала»,—вспомнилась Астраханцеву недавно прочитанная въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ фраза.

— Такъ у насъ изъ году въ годъ ведется,—продолжалъ священникъ, подходя съ Астраханцевымъ къ столу, на которомъ заботливая попадья уже успѣла приготовить чай со всевозможными прикусками.

Докторъ, поздоровавшись съ хозяйкой, подсѣлъ къ столу, но чаепитіе было неожиданно прервано.

Дверь отворилась, и въ нее съ большимъ трудомъ протискивался, не выпуская изъ-подъ мышки огромной связки заостренныхъ щепокъ, человѣкъ необыкновенно странный. Круглое безъ всякой растительности лицо, большіе съ выраженіемъ изумленія глаза, толстый носъ надъ оттопыренными губами, поразительно малый лобъ вполнѣ гармонировали съ растрепанными волосами на головѣ, съ расхлестнутымъ на груди полушубкомъ, съ неуклюжими бреднями на ногахъ и съ обмотанной вокругъ шеи коноплей, вмѣсто шарфа.

— Ванюша чай хочетъ!—сиплымъ голосомъ произнесъ вошедшій и, сбросивъ связку щепокъ на полъ, подошелъ къ столу, взялъ въ руки первый попавшійся стаканъ и, расплескивая по скатерти, вылилъ чай на блюдце.

— Садись, садись, Ванюша!—суетливо начали приглашать хозяева, придвигая поближе къ нему печенье, сахаръ, сливки.

Ванюша грязными сине-красными, потрескавшимися отъ мороза руками бралъ всевозможныя печенья и пожиралъ ихъ съ жадностью звѣря, этими же руками приводилъ въ порядокъ носъ и вытиралъ стекавшій по подбородку чай.

Астраханцевъ былъ пораженъ и удивленно переводилъ глаза съ гостя на хозяевъ, повидимому, считавшихъ все это въ порядкѣ вещей.

Гость отпилъ чай, высыпалъ въ карманы весь сахаръ изъ са-

харницы, поднялъ связку прутьевъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, ушелъ.

— Блаженненькій!—когда затворилась дверь за Ванюшей, пояснилъ батюшка.

— Это къ добру, попъ!—замѣтила хозяйка.—Давненько-таки онъ у насъ ужъ не былъ.

Астраханцевъ откланялся. Этотъ Ванюша казался ему олицетвореніемъ N—ской жизни со всей ея животной безыдейностью.

XIX.

Визитъ къ священнику оставилъ глубокій слѣдъ на Астраханцевѣ и отбилъ у него охоту знакомиться съ другими: только еще больше разочаруешься.

До этого визита онъ всѣ мечты о культурной работѣ связывалъ съ Нѣмоевскими; съ этихъ поръ, выяснивъ окончательно для себя, изъ разспросовъ приходившихъ къ нему паціентовъ, нравственный обликъ Ромуальда Ивановича, врачъ на время какъ бы потерялъ почву подъ ногами.

Въ городѣ была еще группа лицъ, съ которыми онъ могъ бы сблизиться, группа, въ которой, какъ ему было извѣстно, вращалась и Нѣмоевская, но знакомства съ ней онъ избѣгалъ. Опредѣленной цѣли для сближенія съ этими людьми у него не было, а это сближеніе могло послужить для исправника, смотрителя et tutti quanti прекрасно дѣйствующимъ средствомъ противъ него. Чѣмъ болѣе врачъ разочаровывался въ возможности воздѣйствовать на окружающую среду, тѣмъ болѣе его тянуло къ этой горсти невольныхъ обитателей Сибири. Но онъ крѣпился и оставался въ сторонѣ отъ нихъ.

Случай совершенно неожиданно вызвалъ сближеніе.

Въ городѣ появился тифъ: сначала въ тюремной больницѣ среди недавно пришедшей партіи арестантовъ, а затѣмъ ужъ зараза распространилась по городу и по окрестнымъ селеніямъ. Астраханцевъ выбивался изъ силъ. Отсутствіе правильнаго ухода, недостатокъ опытныхъ сидѣлокъ парализовали борьбу. Онъ написалъ во врачебную управу, прося на время прислать ему на помощь нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ, но дни проходили за днями, а фельдшера не являлись.

Въ это время Ядвига Нѣмоевская, исправлявшая обязанности сидѣлки въ деревушкѣ, въ которой жила, вызвала его къ себѣ запиской. Ему это было непріятно: онъ представлялъ себѣ встрѣчу съ Ромуальдомъ Ивановичемъ, и обдумывалъ малѣйшія детали этой

встрѣчи и ясно сознавалъ, что она будетъ крайне непріятна для обѣихъ сторонъ. Былъ моментъ, когда онъ рѣшилъ отговориться недосугомъ, но... его могли вызывать и какъ врача... При такихъ условіяхъ не ѣхать было немыслимо.

Знакомая дорога къ Нѣмоевскимъ казалась ему необыкновенно длинной.

Въ передней встрѣтила его панна Ядвига.

— Здравствуйте, здравструйте!—съ радостью въ голосѣ поздоровалась она съ нимъ.

Онъ былъ смущенъ, но она этого не замѣчала.

— Мы давно уже дожидаемся васъ... Тутъ два студента и одна фельдшерица... Они хотятъ вамъ предложить свои услуги.

— Вотъ это дѣло!

Войдя въ залу, Астраханцевъ увидѣлъ двухъ юношей и дѣвушку, которыхъ не разъ встрѣчалъ на улицѣ.

— Стоговъ, Гурьевъ, Черкалова,—отрекомендовала Ядвига сидѣвшихъ.

Они сразу заговорили о дѣлѣ. Всѣ трое отъ жалованья отказывались и выражали готовность немедленно отправиться, куда только потребуется.

— Весь вопросъ въ томъ, дастъ ли исправникъ разрѣшеніе на отлучку и не навлечетъ ли это на васъ непріятностей,—закончилъ одинъ изъ нихъ.

— Непріятностей не предполагаю, — возразилъ Астраханцевъ, — тѣмъ болѣе, что я немедленно это оформлю и сообщу въ управу, но относительно разрѣшенія исправника... сомнѣваюсь. Онъ тутъ воспользуется случаемъ, чтобы показать свою власть. А впрочемъ,— добавилъ онъ, я завтра же съѣзжу къ нему, объясню, въ чемъ дѣло, и попрошу разрѣшенія... ну, а если откажетъ, поработайте, господа, въ городѣ до полученія разрѣшенія отъ губернатора.

— А, докторъ!—въ комнату вошелъ Ромуальдъ Ивановичъ.— Давненько васъ что-то не видать было... Теперь ужъ не скоро выпустимъ!

Астраханцевъ сухо отвѣтилъ на привѣтствіе.

— Благодарю васъ... Некогда.

— Ну, ужъ и некогда... Не выпустимъ—вотъ и все!

— Извините, не могу,—также сухо отвѣтилъ Астраханцевъ.

Ядвига Ромуальдовна съ удивленіемъ взглянула на него, ея отецъ былъ слегка смущенъ. Молодежь начала собираться домой.

— Погодите минуточку! Я васъ подвезу, господа! А завтра заѣду къ вамъ съ отвѣтомъ исправника.

— Въ одномъ экипажѣ всѣ не помѣститесь!—вмѣшалась въ разговоръ Ядвига.—Я велю запрячь и провожу васъ.

Она направилась къ двери, но отецъ остановилъ ее.

— Я самъ распоряжусь, Ядзя, а ты оставайся съ гостями!— онъ чувствовалъ себя неловко и воспользовался подвернувшимся предлогомъ, чтобы уйти изъ комнаты.

— Вы поѣдете въ тарантасѣ доктора,—обратилась Нѣмоевская къ гостямъ, а вы, Андрей Андреевичъ, поѣдете со мной.—Мнѣ нужно поговорить съ вами.

Онъ догадывался, о чемъ предстоитъ разговоръ, но уклониться было нельзя.

Нѣсколько минутъ спустя подали лошадей. На дворѣ стемнѣло. Панъ Нѣмоевскій провожалъ гостей и бережно укутывалъ дочь медвѣжьимъ одѣяломъ.

— Почему вы сегодня *такой?*—обратилась Ядвига къ Астраханцеву, какъ только сани тронулись съ мѣста.

— Тяжело мнѣ говорить съ вами объ этомъ.

— О папѣ узнали что-нибудь?—спросила она въ упоръ.

— Да!

На нѣсколько секундъ воцарилось гробовое молчаніе.

— Что?—дрогнувшимъ голосомъ спросила, наконецъ, Ядвига.

— Тяжело мнѣ съ вами говорить объ этомъ,—повторилъ онъ,— да и безцѣльно. Вы, все равно, тутъ ничѣмъ не можете помочь.

— Поймите же, Андрей Андреевичъ, что мнѣ необходимо это знать.

— Не настаивайте!—возразилъ онъ мягко, беря ее за руку.— Вы вѣдь знаете, какъ мнѣ тяжело вамъ сдѣлать больно... Мнѣ бы такъ хотѣлось оградить, защитить васъ отъ всего этого, увезти васъ далеко... далеко отъ всей этой пошлости и грязи.

Она не отнимала руки. На нее дѣйствовала искренность его тона, притомъ она чувствовала, что въ этотъ моментъ обрѣтаетъ друга, на котораго въ трудныя минуты жизни можетъ положиться.

Онъ, какъ бы угадывая ея чувства, продолжалъ:

— Я знаю, голубушка, что вамъ тяжело, но, поймите же, что вы тутъ не причемъ! въ васъ никто не броситъ камнемъ!

Она молча пожала его руку и болѣе не разспрашивала. Онъ не выпускалъ ея руки, чувствовалъ дрожаніе ея.

— А если вамъ понадобится помощь друга, вспомните обо мнѣ.

Ядвига молча вновь повторила рукопожатіе.

Сани остановились передъ квартирой врача.

— Заѣзжайте почаще!—попрощалась Ядвига Ромуальдовна съ докторомъ.

— Заѣду, заѣду!

На обратномъ пути Ядвига то терялась въ догадкахъ, что̀ могъ Астраханцевъ узнать объ отцѣ, то повторяла въ мысляхъ весь разговоръ съ докторомъ и чувствовала, что она, наконецъ, не одинока.

Отецъ встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Что это съ докторомъ, Ядзя?—его не менѣе дочери безпокоило, что онъ ей разскажетъ.

— Не знаю... Отказался отъ отвѣта.

— *Такъ*, можетъ быть? — еще разъ прозондировалъ почву старикъ.

Дочь не отвѣтила.

XX.

Исправникъ не далъ просимаго разрѣшенія. Астраханцевъ написалъ во врачебную управу и просилъ ходатайствовать передъ губернаторомъ. Въ результатѣ онъ не сомнѣвался. И студенты, и фельдшерица сдѣлались для него незамѣнимыми помощниками. Въ городѣ Астраханцевъ бывалъ изрѣдка, все его время поглощали разъѣзды по деревнямъ, гдѣ болѣзнь развивалась съ страшной силой.

Прошло двѣ недѣли. Врачебная управа командировала двухъ фельдшеровъ. Отправивъ ихъ въ деревни, докторъ, попрежнему, напрягалъ всѣ силы въ борьбѣ съ страшной болѣзнью. Но наличныхъ силъ было недостаточно, а отвѣта отъ губернатора все не было и не было. Онъ посылалъ въ управу бумагу за бумагой, но это не помогало.

Усталый, изнервничавшійся онъ пріѣхалъ въ N—скъ, гдѣ, по извѣщенію студентовъ, зараза начала стихать. На столѣ въ своемъ кабинетѣ онъ нашелъ нѣсколько пакетовъ. Одинъ изъ нихъ былъ отъ врачебной управы.

— Наконецъ-то!

Онъ вскрылъ пакетъ. Врачебная управа увѣдомляла его, что онъ «для пользы службы» переводится въ другое мѣсто.

Астраханцевъ въ первый моментъ былъ огорошенъ. Только нѣсколько минутъ спустя онъ понялъ, откуда этотъ ударъ изъ-за угла.

— Кончено!

О томъ, чтобы ѣхать въ другое мѣсто, онъ и не подумалъ. Гдѣ гарантія, что тамъ не повторится то же самое? Онъ рѣшилъ выйти въ отставку. А дальше что? Культурная работа... Какъ?... Съ кѣмъ?

Идіотски безсмысленная физіономія Ванюши, «волкъ», Фунтиковъ, Нѣмоевскій, безнадежное выраженіе лица батюшки, жесткое властное лицо исправника промелькнули передъ его глазами.

Онъ провелъ рукой по лбу.

— Ядзя, одна Ядзя, да еще...—врачъ глубоко задумался.

Изъ этого раздумья вывелъ его громкій ударъ въ колоколъ. Астраханцевъ по привычкѣ вынулъ изъ кармана часы, чтобы свѣрить съ городскими, но удары на каланчѣ повторялись. Онъ подошелъ къ окну. Густая толпа народа суетилась и галдѣла, устремивъ глаза въ одну сторону, за рѣку, гдѣ виднѣлись густые клубы дыма.

Испуганная хозяйка съ крикомъ «пожаръ!» вбѣжала въ его комнату.

— Гдѣ?—заволновался докторъ и, накинувъ пальто, бросился на улицу.

— Однако, у Нѣмоевскихъ,—соображали толпившіеся передъ домомъ.

— Отвезешь къ Нѣмоевскимъ?—остановивъ проѣзжающаго въ кошелкѣ крестьянина, съ волненіемъ въ голосѣ спросилъ Астраханцевъ.

— Трешницу, баринъ, дашь?

— Дамъ, дамъ!

Онъ вбѣжалъ къ себѣ, одѣлся потеплѣе и, пять минутъ спустя, уже мчался къ Нѣмоевскимъ.

— Погоняй, погоняй, ради Бога!—торопилъ онъ ямщика.

Лошади неслись во весь махъ, обгоняя ѣхавшихъ и бѣжавшихъ по направленію къ Нѣмоевскимъ.

— Однако, хлѣбъ горитъ,—высказалъ соображеніе ямщикъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Искоръ много, да и огонь, какъ быдто, на задахъ.

— Гони, гони, ради Бога!

Соображеніе ямщика оказалось вѣрнымъ: у Нѣмоевскихъ, дѣйствительно горѣлъ хлѣбъ.

Когда они подъѣхали, пожаръ уже близился къ концу. Сосѣдніе амбары и заборы были разобраны; кладь со всѣхъ сторонъ была окружена крестьянами, выхватывавшими горѣвшіе снопы вилами и заливавшими ихъ. На пожарищѣ суетился Нѣмоевскій, вышедшій изъ себя и сыпавшій направо и налѣво отборную ругань. Увидѣвъ доктора, онъ подошелъ къ нему.

— Хороши *ваши* мужички?

— А что?

— Да подожгли бестіи и въ первый моментъ ни одного каналью нельзя было заставить тушить.

Докторъ промолчалъ.

— Теперь, слава Богу, конецъ! Дѣлать тутъ ужъ больше нечего. Идите въ комнату, докторъ! Морозъ къ ночи крѣпнетъ... Насилу, насилу я Ядзю уговорилъ уйти... Идите къ ней, Андрей Андреевичъ, успокойте ее.

Докторъ такъ и сдѣлалъ.

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно. Красный отблескъ пожарища ярко окрашивалъ все находившееся въ нихъ. Долетавшій съ улицы шумъ заглушилъ звукъ шаговъ доктора. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату, ища Ядвигу. Она блѣдная, взволнованная, какъ будто безсмысленно глядя на кровавое зарево, сидѣла въ свой комнатѣ. Астраханцевъ подошелъ къ ней вплоть. Только тогда она очнулась и, вскочивъ со стула, подошла къ нему.

— Слава Богу, слава Богу, что вы пріѣхали. Я васъ такъ ждала... Что тутъ только было!—пожаловалась она.—Теперь я уже знаю, что̀ вы отъ меня скрывали... А вотъ и расплата!—указала она на пожарище.

Въ ея глазахъ показались слезы.

— Успокойтесь, Ядзя, и... простите ему... Онъ уже старъ и на многое смотритъ не такъ, какъ мы... А сегодняшній случай и для него не пройдетъ безслѣдно.

— Все это такъ, но мнѣ что же дальше дѣлать, Андрей Андреевичъ!—съ рыданіями въ голосѣ перебила его Ядвига.

— Вамъ что дѣлать!? Да развѣ найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы васъ обвинялъ за одно съ нимъ... Вамъ больно и вы преувеличиваете, дорогая! Вы тутъ причемъ?

— Нѣтъ! Кончено! Больше я къ его деньгамъ не прикоснусь! Пора, охъ какъ давно пора!—горячо воскликнула она.

Онъ восторженно глядѣлъ на ея разгорѣвшееся лицо, дышавшее непоколебимой энергіей.

— И у меня тутъ все кончено!

— Какъ такъ?

Онъ разсказалъ.

— Что же вы теперь будете дѣлать?—спросила она съ участіемъ.

— Подамъ въ отставку и... уѣду. А вы?

— И я уѣду.

Оба смолкли, но оба почувствовали, что рѣшительный моментъ наступилъ, что теперь они уже не разойдутся, какъ чужіе.

— А со мной поѣдете?...—съ дрожью въ голосѣ полушепотомъ спросилъ Астраханцевъ.

— Поѣду!—еще тише прошептала Ядвига.

XXI.

Прошло четыре мѣсяца. Замѣститель Андрея Андреевича не пріѣзжалъ.

Исправникъ и смотритель торжествовали, но докторъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Ему было не до нихъ. Онъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы съѣздить къ Нѣмоевскимъ и проводилъ часы въ разговорахъ съ Ядзей, строя планы о будущемъ, бодрый, счастливый, полный вѣры.

Въ его взглядахъ произошла большая перемѣна: кратковременное пребываніе въ N—скѣ открыло ему глаза на многое.

Ядвига тоже перемѣнилась. Ея нерѣшительность, постоянныя колебанія исчезли, какъ сонъ. Счастливая, она считала дни, когда, наконецъ, осуществятся ея завѣтныя, столь долго лелѣянныя мечты. Она считала дни до прихода перваго парохода, съ которымъ было связано ихъ освобожденіе.

Ромуальдъ Ивановичъ послѣ пожара какъ-то сразу осунулся, сгорбился, постарѣлъ. Отъ прежней предпріимчивости и энергіи не осталось и слѣда. Печальный, апатичный, онъ по цѣлымъ часамъ шагалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Узнавъ о ея намѣреніи уѣхать, онъ даже не спросилъ зачѣмъ, не сдѣлалъ попытки остановить ее и спросилъ лишь:

— Одна?

— Нѣтъ, папа, съ Андреемъ Андреевичемъ! Я выхожу за него замужъ.

Произнеся эти слова, Ядвига покраснѣла. Отецъ не удивился. Онъ привлекъ дочь къ себѣ и горячо поцѣловалъ ее въ голову.

— Дай тебѣ, Богъ, счастія! Онъ хорошій человѣкъ.

Больше старикъ не заговаривалъ объ отъѣздѣ дочери, несомнѣнно понимая, что ей здѣсь послѣ случившагося не мѣсто.

Къ Астраханцеву онъ относился попрежнему, но, когда врачъ пріѣзжалъ, онъ рѣдко выходилъ въ залу, гдѣ обыкновенно дочь сидѣла съ женихомъ, не желая ихъ стѣснять своимъ присутствіемъ. И они съ эгоизмомъ молодости пользовались этой свободой.

— Прокатимся, Ядзя!—предложилъ однажды Андрей Андреевичъ.

Ядзя согласилась.

Было уже поздно. Среди ночной тишины ясно раздавалось журчаніе рѣки, а издали долетали стройные голоса поющихъ.

— Поѣдемъ туда! Послушаемъ!

Голоса приближались.

— Стоговъ! Черкалова!—узнали они по голосу поющихъ.

— Ихъ тутъ цѣлая компанія... Катаются...—вглядываясь въ темноту, сообщилъ Астраханцевъ.

А съ рѣки пѣніе продолжало доноситься:

Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine
Mais malgré vous nous resterons Français
Vous avez puis germanisé nos plaines
Mais notre coeur, vous ne l'aurez jamais.

— Черкалова!—громко окрикнула Ядвига.

— Это вы?!—спросилъ кто-то изъ сидѣвшихъ въ лодкѣ.

— Да, да!

Лодка пристала къ берегу. Астраханцевъ и Нѣмоевская, держась за руки, спустились къ ней, встрѣченные дружными привѣтствіями.

Минуту спустя весла опять ударили по водѣ, и всѣ скрылись въ темнотѣ...

К. О. Н.

СУЖЕНЫЕ.

(Изъ быта эмигрантовъ въ Америкѣ.)

Разсказъ **Авраама Кагана.**

Въ средѣ своихъ земляковъ онъ все еще извѣстенъ подъ именемъ Рувки Арбела. Рувкою зовутъ его потому, что это имя, въ болѣе почтительной формѣ Рувима, было дано ему на восьмой день его жизни, при церемоніи, причислившей его къ Израилю. Прозвищемъ же *Арбелъ*, означающимъ на еврейскомъ жаргонѣ *рукавъ*, онъ обязанъ тому навѣки незабвенному факту, что до прибытія своего въ Америку, когда онъ ѣздилъ за кучера и исполнялъ всякую черную работу у винокура Перца, онъ имѣлъ привычку употреблять рукава своего бараньяго тулупа для тѣхъ цѣлей, какія обыкновенно достигаются при посредствѣ носовыхъ платковъ.

Это было всего около четырехъ лѣтъ назадъ; между тѣмъ, Рувка сталъ теперь совсѣмъ другимъ юношей, въ совершенно другой одеждѣ и съ носовымъ платкомъ въ боковомъ карманѣ. Однако, лицо осталось все то же: съ тою же вѣчною хмуростью, тѣми же оспинами, курносымъ носомъ и сѣрыми глазами, глядящими хитро и застѣнчиво. Несмотря на это, разница между тѣмъ Рувкой, какимъ онъ былъ четыре года назадъ, и теперешнемъ такъ велика, что недавно, когда его мать, доселѣ торгующая вареным картофелемъ въ Кровцѣ, Ковенской губерніи, получила отъ сына, въ видѣ сюрприза, его фотографическую карточку, то ея первымъ движеніемъ было плюнуть на портретъ и оттолкнуть его, какъ нечестивое изображеніе какого-то неизвѣстнаго *гоя*. А эта самая фотографія, снятая, кстати сказать, совершенно случайно и по той единственной причинѣ, что не представлялось никакой возможности выжать денегъ изъ фотографа въ Пассажѣ, которому Рувка продалъ на выплату пару сдѣланныхъ на заказъ панталонъ,—итакъ, эта фотографія вполнѣ подтверждаетъ законность притязаній оригинала уже не считаться «грине-

ромъ» (новичкомъ) въ Новомъ Свѣтѣ. Ибо вотъ о чемъ свидѣтельствуетъ портретъ: на головѣ Рувки совершенно отсутствуютъ пейсы, болтавшіеся надъ его ушами, когда онъ впервые вступилъ на почву Америки; волосы раздѣлены проборомъ посрединѣ и зачесаны съ каждой стороны въ видѣ кудряваго страусоваго пера. На немъ надѣтъ воротничокъ, и этотъ воротничокъ такъ высокъ и такъ не по шеѣ, что внушаетъ зрителю непріятную мысль о томъ, не проглотилъ ли его владѣлецъ того кнутовища, которымъ, бывало, помахивалъ надъ мериномъ винокура Переца. Фланелевый шарфъ, съ которымъ онъ никогда не разставался, пока жилъ въ Кроповцѣ, уступилъ мѣсто яркому галстуку, а бараній тулупъ—модной визиткѣ.

Скажу вамъ, что если бы вы были знакомы съ «торгомъ въ разносъ», то, вѣроятно, сообразили бы, разсматривая Рувкинъ портретъ, что его визитка, какъ будто снятая съ чужого плеча, нѣкогда облекала собою величественную фигуру мѣнялы. Такъ оно и было въ дѣйствительности, хотя очень недолго, ибо мѣняла оказался столь же неаккуратнымъ плательщикомъ, какъ и фотографъ, а потому Рувка вскорѣ ухитрился уговорить своего должника смѣнить эту визитку на модный пиджакъ, который «будетъ ему точь въ точь впору», и тутъ же унести съ собою визитку, предоставивъ мѣнялѣ ждать обѣщаннаго до Страшнаго суда.

Но «дѣла остаются дѣлами», какъ выражается Рувка.

Во всемъ остальномъ онъ, безспорно, славный парень: счета свои оплачиваетъ аккуратно; наканунѣ *Суднаго дня* жертвуетъ долларъ или два въ кассу синагоги «сыновъ Кроповца», и всѣмъ извѣстно, что онъ помогъ вновь прибывшему земляку завести дѣло, поручившись за него въ складѣ сидѣній для стульевъ на сумму въ два съ половиной доллара. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ по субботамъ посѣщаетъ сберегательную кассу въ Пассажѣ съ такою же аккуратностью, съ какою по буднямъ каждое утро надѣваетъ свои *твилемъ* и молится у себя въ комнатѣ, и такъ какъ его земляки, будучи, въ противоположность ему, благословлены семьями, не могутъ предпринимать точно такихъ же экскурсій въ это учрежденіе, то эти кроповецкіе американцы косятся на него за то, что у него есть сбереженія, а также и кредитъ въ оптовыхъ складахъ, и единственно изъ черной зависти любятъ называть его не Робертомъ Фридманомъ, какъ значится у него на карточкахъ, а Рувкою Арбеломъ, прибавляя: «Какъ вы думаете, каковъ прохвостъ!»

Будемъ надѣяться, однако, что такіе завистливые отзывы не доходятъ до Рувкиныхъ ушей, ибо его чувствительность въ этомъ отношеніи отличается, надо сознаться, величайшею изощренностью. Въ

самомъ дѣлѣ, если и есть у него слабость, то она состоитъ именно въ сильнѣйшей любви къ одобренію и въ нѣкоторой склонности выставлять себя напоказъ. Я не знаю, на что бы онъ былъ готовъ, лишь бы люди говорили: «Робертъ—славный парень! Робертъ не *гринеръ!* Робертъ—лучшій товарищъ въ мірѣ!» Въ силу именно этой слабости онъ, при переводѣ своего имени на англійскій языкъ, предпочелъ *Роберта Рюбену* на томъ основаніи, что первое изъ этихъ двухъ именъ показалось ему менѣе напоминающимъ о Кроповцѣ и болѣе «цибулизованнымъ».

Женскій элементъ до послѣдняго времени отсутствовалъ въ жизни Рувки. Правда, что дома, на службѣ у винокура Переца, ему случалось щипать за щеки работницу Лейку. Но это ни въ какомъ случаѣ не означало ухаживанія; это были не тѣ щипки, которые со стороны кроповецкихъ юношей сопровождаются взглядами явнаго насмѣшливаго восхищенія изъ полуприщуренныхъ глазъ и восклицаніями вродѣ: «Знаменитый товаръ! Такъ же вѣрно, какъ то, что я еврей!» Нѣтъ! Лейку—хромую чертовку, Лейку—ворчунью Рувка ненавидѣлъ отъ глубины своей кучерской души, и если щипалъ ее, что нерѣдко происходило въ кухнѣ, то дѣлалъ это не изъ любви, а просто съ тою цѣлью, чтобъ она взвизгнула и подпрыгнула до небесъ, «чучело этакое». А Лейка такъ щедро расплачивалась съ нимъ при посредствѣ чумички, что послѣдствіемъ являлись цѣлые потоки самой сложной и замысловатой ругани, сопровождаемой тасканьемъ за волосы и воплями, пока на шумъ не выскакивала хозяйка, которая клала конецъ войнѣ, надѣливши оплеухами обѣ воинствующія стороны.

Единственной дочери хозяина, Ханеле, Рувка подавалъ чай гораздо проворнѣе, нежели остальнымъ членамъ семьи, а когда впервые появился въ домѣ сватъ Фейве и ввелъ за собою перваго жениха, то почему-то у Рувки совсѣмъ пропалъ аппетитъ къ простоквашѣ и черному хлѣбу, самъ же Рувка очутился какъ-то не въ своей тарелкѣ и разъ даже получилъ зуботычину за то, что когда велѣли принести ведро воды, то онъ не двинулся съ мѣста, а только вытаращилъ глаза, точно ему не по-еврейски было сказано. Но все это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, и самъ Рувка ни за что на свѣтѣ не могъ бы объяснить причину такого внезапнаго исчезновенія у се[бя] и аппетита, и понятливости. Въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился б[ы] онъ счесть причиною этого Ханеле? Что могло быть общаго между ап[п]етитомъ къ простоквашѣ простого рабочаго и любимою дочерью ре[б]а Переца, винокура, сына рабби Береле и перваго лица въ Кроп[ов]цѣ?

Переговоры, предметомъ которыхъ была Ханеле, вскорѣ оборва-

лись, и исчезнувшій было аппетитъ Рувки вновь сталъ обыкновеннымъ кучерскимъ аппетитомъ; перемѣна произошла только въ томъ, что когда Ханеле требовала стаканъ чаю, то Рувка сталъ бросаться подавать его съ еще большимъ усердіемъ, чѣмъ прежде.

Женихи являлись одинъ за другимъ и получали отказы вплоть до того года, когда имя Рувки появилось въ спискахъ призывавшихся для отбыванія воинской повинности и онъ убрался въ Америку. Въ Америкѣ первые четыре года ушли на обученіе торговому дѣлу. Онъ оказался однимъ изъ самыхъ прилежныхъ и успѣшныхъ новичковъ и не думалъ ни о чемъ иномъ на свѣтѣ. Только въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сердце его почти безпрерывно томилось и тосковало по Кроповцу: по матери, по семьѣ хозяина, по хозяйской яблонѣ, подъ которой онъ любилъ уснуть въ лѣтніе дни; по лужайкѣ передъ домомъ, гдѣ онъ сиживалъ по пятницамъ вечеромъ, щеголяя въ громадныхъ сапогахъ бутылками, только что смазанныхъ дегтемъ «въ честь субботы»; по колодцѣ у синагоги, у котораго по субботамъ онъ проводилъ въ болтовнѣ съ товарищами перерывъ въ утреннемъ богослуженіи, между тѣмъ какъ старшіе члены общины слушали чтеніе священныхъ книгъ. Но изъ всѣхъ воспоминаній, которыя въ первое время пребыванія въ Нью-Йоркѣ смущали его дѣятельный умъ и терзали его предпріимчивую душу, мысль о Ханеле была всѣхъ мучительнѣе и упорнѣе. Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, потокъ времени смылъ въ его умѣ и сердцѣ образъ Ханеле такъ же, какъ и образы яблони, лужайки передъ домомъ и колодца у синагоги. Лишь изрѣдка, забрасывая кого-нибудь, только что прибывшаго изъ Кроповца, вопросами касательно мѣста своего рожденія, Рувка кратко освѣдомлялся о здоровьѣ своей матери и семьи Переца, но зато требовалъ подробнѣйшаго отчета о Ханеле; послѣ чего въ теченіе нѣкотораго времени ему казалось, будто сердце у него «пухнетъ», какъ онъ мысленно опредѣлялъ свое состояніе, являвшееся послѣдствіемъ пробужденныхъ воспоминаній.

Во всемъ прочемъ Рувка, ничѣмъ не отвлекаясь, шелъ обычнымъ путемъ мелочного торговца. Изъ разносчика съ тюкомъ онъ перешелъ въ чинъ разносчика съ корзиною, т.-е. его товары стали настолько многочисленны и разнообразны, что потребовали переносной лавочки въ формѣ корзины. Черезъ нѣкоторое время онъ примкнулъ къ тому разряду разносчиковъ, которые торгуютъ на лѣстницахъ большихъ и густо-населенныхъ домовъ. Карьера этихъ разносчиковъ не обходится безъ полета кувыркомъ съ той или другой лѣстницы, послѣ чего такой изгнанный разносчикъ поднимается и невозмутимо стучится въ какую-нибудь дверь нижняго этажа, причемъ часто она-

зывается лицомъ къ лицу съ дворникомъ и тѣмъ навлекаетъ на себя новое бѣдствіе. Наконецъ Рувка достигъ наивысшаго положенія въ разносчичьемъ мірѣ и вмѣсто диплома получилъ возможность заказать слѣдующую карточку: «Робертъ Фридманъ, торговецъ мебелью, коврами, золотыми вещами, одеждой, галантереей и т. д. Товары отпускаются на выплату».

Какъ уже было сказано, Рувка держался въ сторонѣ отъ женщинъ. Онъ видалъ немало представительницъ прекраснаго пола, но исключительно по дѣламъ. Другихъ разносчиковъ онъ часто встрѣчалъ на улицахъ въ обществѣ франтоватыхъ «молодыхъ лэди», съ которыми они громко бесѣдовали по-англійски. Онъ также зналъ, что эти его товарищи посѣщаютъ «танцовальныя академіи», балы и пикники; но ему самому всѣ эти развлеченія были совершенно незнакомы. Порою, когда Рувка приходилъ къ земляку по дѣлу (онъ никогда не навѣщалъ земляковъ иначе, какъ по дѣлу) и тамъ оказывалась говорящая по-англійски молодая женщина, то хозяинъ произносилъ: «Миссъ Гольдбергъ, м-ръ Фридманъ; м-ръ Фридманъ, миссъ Гольдбергъ», а м-ръ Фридманъ становился пунцовымъ во время этой церемоніи, и фраза: «Очень пріятно познакомиться», которая, какъ онъ зналъ, приличествовала данному случаю, останавливалась у него въ горлѣ и никакъ не выходила наружу. Впрочемъ, это бывало не часто, такъ какъ Рувка старательно избѣгалъ подобныхъ встрѣчъ. Какъ бы то ни было, онъ никогда не позволялъ себѣ задумываться надъ этими вещами.

Черезъ нѣкоторое время, однако, какъ разъ въ ту пору, когда товарищи-разносчики и земляки опредѣляли его наличность въ пять тысячъ долларовъ, а въ дѣйствительности у него было болѣе трехъ тысячъ въ сберегательной кассѣ и онъ достигъ двадцатипятилѣтняго возраста, его сердце почему-то опять начало «пухнуть». Онъ не могъ понять причины, но замѣтилъ, что стоило ему поравняться съ хорошенькой молодой особой, какъ это ощущеніе «распуханія» принуждало его забѣгать впередъ и, притворяясь, будто онъ глядитъ на витрины магазиновъ, въ сущности заглядывать красавицѣ подъ шляпку.

Онъ постепенно сталъ совершенно другимъ Рувкою. Бывало, когда приходилось подвергаться пыткѣ знакомства съ молодою лэди, то въ видѣ результата получалась яркая краска и сильное сердцебіеніе въ теченіе одной или двухъ минутъ; между тѣмъ какъ теперь, каждый разъ, какъ приключалось съ нимъ подобное бѣдствіе, онъ бѣжалъ, по его минованіи, къ первому попавшемуся зеркалу и погружался въ разглядываніе своего яркаго галстука, а въ особенности рябинъ на

своемъ носу. Въ былое время онъ едва ли помнилъ, что оспа оставила слѣды на его лицѣ; теперь это обстоятельство не выходило у него изъ головы до такой степени, что разъ ему приснился арбузъ, который какимъ-то образомъ оказывался въ то же время собакою съ большимъ и совершенно рябымъ носомъ. Утромъ, когда онъ проснулся, у него на душѣ было такъ скверно, что онъ не могъ съ аппетитомъ позавтракать, и весь день въ головѣ у него стоялъ такой туманъ, что онъ распорядился послать коверъ одной ирландкѣ, которая заказала ему атласу на платье.

Рувка поступилъ въ общественную вечернюю школу для эмигрантовъ и, преодолѣвши премудрость складыванія словъ «котъ», «ротъ», «мотъ» перваго отдѣла азбуки, купилъ себѣ газету, гдѣ началъ искать объявленія какого-нибудь врача, умѣющаго уничтожать слѣды оспы. Онъ смутно соображалъ, что въ газетахъ должны быть подобныя объявленія. Однако, это предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ «рта» и «кота» Рувка никакъ не могъ отыскать въ газетѣ, а остальныя слова расплывались туманомъ въ его глазахъ. Сердце же у него все пухло да пухло.

Впрочемъ, было бы несправедливо приписывать посѣщенія Рувкою вечерней школы единственно его желанію отыскать въ газетахъ нужное ему объявленіе. Главныхъ мотивовъ у него было два: во-первыхъ, онъ часто говорилъ себѣ: «Робертъ! Помни, что ты уже болѣе не Рувка; весьма можетъ быть, что черезъ годъ-другой ты откроешь собственный оптовый складъ для разносчиковъ, и тебѣ извѣстно, что владѣлецъ склада, не умѣя ни читать, ни писать, всегда рискуетъ, что его обокрадетъ конторщикъ». Во-вторыхъ же, его «пухнущее» сердце какъ будто шептало: «Робертъ! Помни, что барышни только насмѣхаются надъ кавалерами, которые не умѣютъ читать газету».

Сверхъ того, тѣ изъ его товарищей-разносчиковъ, которые учились въ Россіи Талмуду и такимъ образомъ нѣсколько привыкли къ умственному труду, безъ особыхъ усилій научились разбирать кое-что по-англійски и часто хохотали надъ тѣмъ, какую «желѣзную голову» онъ долженъ былъ имѣть, чтобы держать въ ней все множество адресовъ своихъ покупателей и всѣ разсчеты съ ними, ничего не записывая. Эти шутки уязвляли Рувку въ самое сердце; но страданіе, ими причиняемое, было всетаки вдвое менѣе жестоко, чѣмъ тѣ нравственныя муки, какія онъ испытывалъ, когда на него сыпались шутки по поводу его робости при барышняхъ. Часто его завлекали куда-нибудь, гдѣ оказывалась «почти рожденная въ Америкѣ» дочь Израиля; но еще чаще какой-нибудь шутникъ вытаскивалъ его на середину оптоваго склада и начиналъ вертѣть его въ вальсѣ, или

смѣха ради, измѣрялъ его ноги, чтобы тѣмъ доказать ихъ полную пригодность къ танцамъ. «Эй, Робертъ! — приставали къ нему. — Возьми билетъ на вечеринку! Хочешь? Балъ будетъ первосортный, говорю тебѣ. Пойдемъ; какъ только барышни тебя увидятъ, онѣ будутъ поражены и... попрячутся по угламъ!...» Робертъ отбивался, кричалъ, ругался, но въ концѣ-концовъ тайкомъ отправлялся къ какому-нибудь зеркалу. И сердце его все пухло да пухло.

Каждый разъ, какъ ему случалось слышать о чьей-нибудь свадьбѣ, онъ разспрашивалъ всѣ подробности о невѣстѣ и женихѣ: сколько онъ зарабатываетъ въ недѣлю, какъ они познакомились, сколько времени прошло между обрученіемъ и свадьбою. Въ одно субботнее утро, поднимаясь по лѣстницѣ къ себѣ въ комнатку, онъ увидѣлъ въ полураствореннуто дверь молодую женщину, которая пристегивала воротничокъ къ сорочкѣ мужа; при этомъ сердце его наполнилось чувствомъ зависти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайной пріязнью къ молодой парочкѣ. «Кто онъ такой?—разсуждалъ онъ про себя, входя въ свою комнату, которая теперь показалась ему пустой и мрачной.—Всего только портной, бѣдный рабочій. Я, когда женюсь, то не стану жить въ меблированной комнатѣ!» При этомъ въ его воображеніи нарисовалась картина: гостиная съ бронзовыми часами на каминѣ; зеркало между двумя окнами съ кружевными занавѣсками; черноглазая маленькая женщина въ шоколаднаго цвѣта капотѣ разгуливаетъ по яркому, красному съ желтымъ, ковру; а онъ самъ, Робертъ, возвращается съ торговли и молодая женщина говоритъ ему тоненькимъ голоскомъ: «Здравствуй, Робъ! Будемъ обѣдать?» Точно такъ, какъ онъ слышалъ вчера въ домѣ только что женившагося товарища.

И вотъ, въ эти дни «сердечнаго распуханія» случилось такъ, что въ одно субботнее утро, въ синагогѣ «Сыновъ Кроповца» Робертъ встрѣтился съ вновь прибывшимъ землякомъ, который оказался *меламедомъ* Фейве. Согласно значенію этого еврейскаго слова, этотъ высокій и костлявый кавалеръ съ лицомъ мученика руководилъ на родинѣ одною изъ тѣхъ школъ, въ которыхъ еврейскіе мальчики проводятъ дни, изучая слово Божіе. Какъ нерѣдко бываетъ съ меламедами, профессія Фейве давала такіе малые доходы, что принуждала его посвящать свободные часы на хлопоты въ качествѣ *шадхена* или агента по устройству *шидеховъ*, т.-е. по-просту—свата. Съ теченіемъ времени, духъ сватовства настолько обуялъ реба Фейве, что даже очутившись въ Нью-Йоркѣ и не успѣвъ еще выветрить корабельныхъ ароматовъ изъ своего долгополаго сатиноваго сюртука, онъ

уже принялся разнюхивать своимъ длиннымъ и полнымъ табаку носомъ, не предвидится ли гдѣ «шидеха».

— Ахъ, ребъ Фейве!—привѣтствовалъ Рувка соотечественника.—Какъ поживаете? Вотъ неожиданный гость, такъ же вѣрно, какъ то, что я—еврей! Когда вы пріѣхали?

И послѣ ряда обязательныхъ вопросовъ о здоровьѣ своей матери и о кроповецкихъ дѣлахъ вообще, онъ освѣдомился о своемъ бывшемъ хозяинѣ.

— Перецъ?—переспросилъ старикъ.—Да умилосердится надъ нимъ Всевышній! Развѣ вы не слышали, что онъ теперь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ? Винокурню закрыли.

— Что вы говорите?

— Да, ему очень плохо,—продолжалъ ребъ Фейве, крутя одинъ изъ своихъ длинныхъ желтовато-сѣдыхъ пейсовъ. Намъ становится все хуже да хуже. Тотъ, кого я не смѣю назвать, не вымывши рукъ, да помилуетъ и спасетъ насъ! Въ теперешнее время еврею совсѣмъ невозможно начинать никакого дѣла, а ужъ меньше всего съ винокуреніемъ! Бѣдный Перецъ, онъ совсѣмъ извелся.

— Неужели правда, что заводъ закрыли? Мнѣ очень, очень жаль!

Рувка почувствовалъ глубокое состраданіе къ своему бывшему хозяину, который относился къ нему хорошо и которому онъ былъ преданъ. Но за порывомъ сочувствія тотчасъ послѣдовало смутное сознаніе торжества. «До чего я дожилъ!—какъ будто восклицалъ Рувка.—Я теперь богаче реба Переца; это такъ же вѣрно, какъ то, что я еврей!» При этомъ онъ явственно ощутилъ присутствіе бумажника у себя въ боковомъ карманѣ.

— Ахъ, мнѣ его очень, очень жаль!—повторилъ онъ съ новою вспышкою искренности послѣ недолгой паузы.—Еще бы, такой честный еврей! А какъ поживаетъ Ханеле?

— Попрежнему,—отвѣтилъ «шадхенъ».—Все еще не замужемъ. Но подѣломъ Перецу (да не накажетъ меня Богъ за мое жестокое слово!). Когда я предлагалъ ему самыхъ лучшихъ жениховъ на свѣтѣ, то никакъ не могъ ему угодить. Ему, должно быть, царя надо было!

Во время рѣчи стараго свата его правая рука и пальцы дѣятельно подчеркивали каждое слово рядомъ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ эволюцій въ воздухѣ.

— А какова она собой?—перебилъ его Рувка.—Все такая же хорошенькая, какъ была?

— Все такая же,—угрюмо отвѣтилъ сватъ.—Только тѣмъ хуже для нея. Будь она лицомъ попроще, то отецъ ея не ставилъ бы такихъ требованій, и она могла бы уже теперь быть матерью троихъ дѣтей.

— О, ей не трудно будетъ выйти замужъ. Съ такой-то красотой!—замѣтилъ Рувка.

Послѣ обѣда, въ тотъ же день, Рувка, по своему обыкновенію, разлегся поперекъ своей кровати, вытянувши ноги на стулъ, и погрузился въ воспоминанія о Ханеле. За послѣднее время она почти совсѣмъ изгладилась изъ его памяти, и когда по какому-нибудь поводу ему приходилось подумать о ней, то образъ ея рисовался ему весьма смутно. Теперь же почему-то ему съ удивительной живостью опять представлялись ея добродушные, глубокіе темные глаза и розовыя губки, безпрестанно обнажавшія ослѣпительную бѣлизну зубовъ, какъ будто освѣщая неисчерпаемой веселостью все ея блѣдное лицо; ему казалось, будто онъ до сихъ поръ еще слышитъ шелестъ ея новаго ситцеваго платья, когда она рѣзво подбѣжала, чтобы поздороваться съ отцомъ, который ласково привѣтствовалъ ее торжественнымъ: «Съ субботою тебя!» возвратившись изъ синагоги въ послѣднюю субботу передъ Рувкинымъ отъѣздомъ.

При этомъ воспоминаніи тоскливая дрожь не пронизала всего тѣла Рувки, какъ это бывало въ первые мѣсяцы его жизни въ Америкѣ; однако, теперь эта картина получила для его утомленной души какую-то успокоительную, кроткую прелесть, которая была неизвѣстна ему дотолѣ, и онъ даже закрылъ глаза, чтобы полнѣе насладиться ея пріятнымъ дѣйствіемъ. «И вдругъ я на ней женюсь!» Мысль эта молніей вспыхнула въ его мозгу; но онъ тотчасъ отогналъ ее, какъ черезчуръ нелѣпую даже для простого развлеченія. Однако, она вернула его къ старой жизни въ Кроповцѣ, и ему захотѣлось на самомъ дѣлѣ посѣтить родныя мѣста. Какъ пріятно было бы пощеголять тамъ своимъ моднымъ американскимъ платьемъ, своею дѣловитою осанкою и общимъ видомъ благосостоянія и благовоспитанности! Ахъ, какъ были бы всѣ поражены, увидѣвши бывшаго Рувку Арбела такимъ франтомъ, «настоящимъ бариномъ»! Ибо у кого во всемъ Кроповцѣ есть такая визитка, какъ у него, такая коричневая шляпа, такой галстукъ, такой воротничокъ? И развѣ не восхитительно было бы пожертвовать кругленькую сумму въ синагогу? Ахъ, какъ стали бы въ немъ заискивать и съ нимъ носиться!

«Бѣдный ребъ Перецъ!—сказалъ онъ про себя, переходя мыслью къ извѣстію о несчастіи бывшаго хозяина.—Бѣдная Ханеле!»

При этомъ ему представилась кроповецкая дѣвица съ опущенною головою и слезами, струящимися по щекамъ, какъ онъ разъ видѣлъ ее, когда она тихо оплакивала свою несбывшуюся надежду на полученіе новаго платья. Рувка смутно вознамѣрился послать ребу Перецу пятьдесятъ долларовъ, что составило бы почтенную сумму въ сто

рублей. Но этотъ великодушный планъ тотчасъ затерялся среди цѣлаго лабиринта цифръ, разсчетовъ съ покупателями и соображеній объ открытіи собственнаго склада, вызванныхъ въ его набитомъ долларами мозгу представленіемъ о пятидесяти долларахъ. Такъ онъ пролежалъ въ глубокомъ размышленіи, пока его мечты не были прерваны распахнутою настежь дверью.

— Съ субботою, съ субботою!—привѣтствовалъ ребъ Фейве своего молодого земляка, причемъ мученическое выраженіе его лица смѣнилось многозначительною улыбкой, какъ только онъ протиснулся въ узкій промежутокъ между полуотворенною дверью и спинкою кровати.

— Не обижайтесь, что я вошелъ, не постучавшись. Я еще не привыкъ къ вашимъ обычаямъ, потому что я тутъ еще новичокъ.

— А, ребъ Фейве! Съ субботою васъ!—отвѣтилъ Рувка, вскакивая съ тревогою и предчувствуя просьбу о денежной помощи.

— Отгадайте, зачѣмъ я пришелъ, Рувимъ?

— Почемъ я знаю?—возразилъ хозяинъ, принужденно хихикая.— И отчего бы вамъ просто не навѣстить меня ради праздника? Вы здѣсь—желанный гость! Прошу садиться,—прибавилъ онъ, указывая на свой единственный стулъ, а самъ продолжая сидѣть на кровати, которая служила ему также и диваномъ.

«Какъ смѣютъ эти нищіе переселенцы приставать ко мнѣ такимъ образомъ?—думалъ онъ между тѣмъ.—Да и вообще, зачѣмъ они являются въ Америку?»

— Ну, каково же идутъ дѣлишки въ Кроповцѣ?—спросилъ онъ вслухъ.—Здѣсь торговля идетъ тихо, *очень* тихо, пусть не накажетъ меня Богъ за разговоръ о дѣлахъ въ субботній день!

— Ну, такъ и оставьте же дѣла въ покоѣ! Вы послушайте лучше меня, Рувимъ!—сказалъ сватъ, вертя пальцами.—Что, если у меня для васъ есть *шидехъ*?

— *Шидехъ?!*—воскликнулъ Рувка съ большимъ облегченіемъ, видя, что ошибся, и вдругъ ощутилъ пріятнѣйшее изумленіе.

— Да, *шидехъ*, и еще какой! Вы никогда ни о чемъ такомъ и не мечтали, увѣряю васъ! Нечего до такой степени краснѣть! Что-жъ, развѣ такому молодому человѣку, какъ вы, не вполнѣ пора жениться?

— Я вовсе и не краснѣю,—защищался Рувка, все ярче разгораясь румянцемъ, и забылъ ту фразу, которую было составилъ, чтобы освѣдомиться объ имени суженой, не выдавая при этомъ своего лихорадочнаго нетерпѣнія.

— Ну,—продолжалъ ребъ Фейве, улыбаясь и закручивая одинъ изъ своихъ пейсовъ въ видѣ штопора,—было бы слишкомъ жестоко

испытывать ваше терпѣніе. Поэтому пойдемте прямо къ цѣли... Я имѣю въ виду—угадайте-ка!... Такъ я имѣю въ виду Ханеле, винокура Переца дочку! Что вы на это скажете? — прибавилъ *шадхенъ* шопотомъ, выпустивъ изъ рукъ свой штопоръ и отскочивъ назадъ съ хорошо разыграннымъ восторгомъ, чтобы полюбоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ.

Рувка вспыхнулъ до корней волосъ, а ротъ его разъѣхался въ одну изъ тѣхъ смущенныхъ усмѣшекъ, которыя составляютъ какъ бы спеціальность кроповецкихъ ямщиковъ и придаютъ лицу такое выраженіе, что вы недоумѣваете, улыбка ли это или начало плача.

— Вы, конечно, шутите, ребъ Фейве! Вѣдь я... э... э... совсѣмъ еще не собираюсь жениться... э... э... Вы бы лучше разсказали мнѣ какія-нибудь новости,—пролепеталъ онъ.

Нападеніе свата застигло его настолько врасплохъ, что онъ не успѣлъ еще разобраться въ собственныхъ мысляхъ и, хотя затронутая тема вызвала въ душѣ его сладкій трепетъ и любопытство, однако, онъ не рискнулъ высказаться въ какомъ-либо смыслѣ. Но отъ Фейве не легко было отвязаться, когда дѣло касалось его профессіи; увлеченный своею идеей, онъ принялся изливать цѣлый потокъ краснорѣчія, причемъ иллюстрировалъ отдѣльныя фразы то размашистыми жестами, то энергическимъ покручиваніемъ своихъ желтовато-сѣдыхъ пейсовъ. Онъ распространился съ истинно-сватовскимъ наслажденіемъ о добродѣтеляхъ и познаніяхъ предлагаемой невѣсты; о той любви къ Рувкѣ, которую она, по его увѣреніямъ, постоянно высказывала; о легкомысліи американскихъ дѣвицъ; о той чести, какую принесетъ слушателю союзъ съ семьею реба Переца, винокура...

Рувка слушалъ реба Фейве съ захватывающимъ духъ вниманіемъ, но не позволилъ себѣ ни слова, ни жеста, которые тотъ могъ бы принять за поощреніе. Впрочемъ, послѣдняго и не нужно было свату, который, воспламененный собственнымъ краснорѣчіемъ, убѣдилъ себя, что Рувка согласенъ. Но какъ бы то ни было, когда ребъ Фейве внезапно опомнился, что почти уже пропустилъ вечернюю службу въ синагогѣ, и поспѣшно вскочилъ съ мѣста, то Рувка выразилъ желаніе удержать его, возражая: «Куда вы такъ спѣшите, ребъ Фейве?—на фразу удаляющагося гостя:—Good-pie! такъ, что ли, надо тутъ по-вашему сказать?»—Молодой человѣкъ испытывалъ къ старику нѣчто вродѣ сыновней нѣжности.

«Хосонъ» есть слово, примѣняемое ко всякому молодому еврею съ того момента, когда онъ появляется, такъ сказать, на матримональномъ рынкѣ, и вплоть до окончанія его свадебнаго пиршества.

Существуетъ громадная разница между *хосономъ* и обыкновеннымъ холостымъ смертнымъ, который обозначается прозаическимъ словомъ «бохеръ», тогда какъ самый звукъ брачнаго титула обладаетъ неизъяснимой прелестью съ примѣсью нѣкоторой торжественности и окружаетъ своего носителя точно лучезарнымъ сіяніемъ.

Итакъ, ребъ Фейве внезапно, точно мановеніемъ волшебнаго жезла, превратилъ Рувку изъ простого *бохера* въ *хосона*. И Рувка настолько остро почувствовалъ свое неожиданное преображеніе, что даже по уходѣ волшебника еще нѣкоторое время расплывался въ стыдливыхъ улыбкахъ, точно его новая блистательная личность смущала его самого. Впрочемъ, эту перемѣну въ себѣ онъ ощутилъ вообще, внѣ всякой связи съ мыслью о Ханеле. Что же касается дочки Переца, то мысль о женитьбѣ на ней снова показалась ему несбыточной. Кромѣ того, если даже предположить на одну минуту, что она согласилась бы, Рувка разсудилъ, что онъ-то не будетъ такимъ дуракомъ, чтобы жениться на безприданницѣ; что если онъ подождетъ годъ или два (хотя такая отсрочка казалась ему ужасно продолжительной), т.-е. пока не станетъ владѣльцемъ бойко торгующаго склада, то любой купецъ съ Дивизіонной улицы отдастъ за него свою дочь съ придачею двухъ или трехъ тысячъ долларовъ.

Поэтому онъ отогналъ мысль о Ханеле, какъ неподлежащую даже обсужденію и продолжалъ воображать себя *хосономъ* какой-нибудь американской дѣвицы. Но пока онъ старался представить себя въ этомъ положеніи, образъ кроповецкой красавицы не выходилъ у него изъ головы, нарушая всѣ происходившіе въ ней умственные процессы, сердце же все время стремилось къ отвергнутой темѣ и было полно желаніемъ, чтобъ ему предоставленъ былъ выборъ между обѣими партіями. Въ концѣ-концовъ, Рувка призналъ себя побѣжденнымъ и опять принялся за обсужденіе проекта реба Фейве. Имѣть тестемъ купца съ Дивизіонной не только представлялось менѣе почетнымъ, чѣмъ сдѣлаться зятемъ реба Переца, но еще казалось обыденнымъ и прозаичнымъ. Эти нью-йоркскіе купцы всѣ повылѣзли изъ грязи, какъ и онъ самъ, тогда какъ старый его хозяинъ стоялъ на высотѣ знатнаго рода съ присоединеніемъ талмудической учености и выдающагося положенія въ обществѣ. Тутъ ясно дало себя знать привычное уваженіе и преклоненіе Рувки передъ своимъ бывшимъ хозяиномъ.

Ахъ! чего нельзя было отдать за честь назвать реба Переца своимъ тестемъ! Какой переполохъ произвела бы эта вѣсть среди его земляковъ и въ Кроповцѣ, и здѣсь, въ Нью-Йоркѣ! Кромѣ того, дѣвицы, рожденныя въ Америкѣ или «почти въ Америкѣ», положи-

тельно внушаютъ ему страхъ. Эти молодыя особы воспитаны на пикникахъ да на балахъ, тогда какъ его смущаетъ самая мысль о приглашеніи дамы на танецъ. И потомъ, на что онѣ годны? Онѣ похожи скорѣй на христіанокъ, чѣмъ на евреекъ, и хорошо умѣютъ только тратить мужнины деньги на конфеты, наряды и театры. Подобная женщина стала бы имъ командовать, обращаться съ нимъ надменно и вообще бы отравила ему жизнь. Тогда какъ Ханеле, милая Ханеле,—истинная дочь Израиля. Изъ нея выйдетъ хорошая хозяйка; она, при нуждѣ, посидитъ и въ магазинѣ; каждую субботу будетъ ходить съ нимъ въ синагогу; а именно этого-то и нужно въ женѣ такому человѣку, какъ онъ. Говорящую по-англійски госпожу Фридманъ ему пришлось бы называть «darling», словомъ, чуждымъ всякой прелести и значенія для его сердца, а Ханеле могла бы понимать мелодичныя выраженія: «Kreinele meine, Gold meine» *)! Ахъ! Одна музыка этихъ словъ вызываетъ на его глазахъ слезы счастія!

Мысль о прогулкахъ въ синагогу съ Ханеле, одѣтой въ плюшевое пальто и громадную шляпу, и о возможности шептать ей на ухо эти слова любви, подѣйствовала на него чарующимъ образомъ; но очарованіе скоро разсѣялось при жестокомъ воспоминаніи о томъ, что онъ, Рувка, простымъ конюхомъ въ смазныхъ сапогахъ подавалъ чай Ханеле, единственной дочери заводчика реба Перецa. Охъ! Это не можетъ сбыться!—Фейве нечто иное, какъ *гринеръ*, если могъ забрать такую вещь себѣ въ голову!—воскликнулъ онъ мысленно и погрузился въ мрачное отчаяніе.

Немедленно затѣмъ онъ сталъ искать утѣшенія въ перспективѣ полученія приданаго за какой-нибудь нью-йоркской невѣстой и началъ подсчитывать итогъ своихъ будущихъ капиталовъ. Ханеле ему откажетъ? Что-жъ, тѣмъ лучше! Это удержитъ его отъ безумія пожертвовать по крайней мѣрѣ двумя тысячами долларовъ. И онъ ободрился духомъ при мысли, что избѣжалъ раззорительнаго искушенія. Однако, гдѣ-то глубоко, въ самомъ уголкѣ сердца, притаилось нѣчто, уязвлявшее его гордость и заставлявшее его сознавать, что онъ предпочелъ бы не имѣть возможности избѣгнуть искушенія, а быть вполнѣ ему предоставленнымъ.

Меламедъ Фейве вторично побесѣдовалъ съ Рувкою, но хотя онъ безъ колебаній авторитетно утверждалъ, что ребъ Перецъ и Ханеле согласятся непремѣнно, однако же ему не удалось добиться отъ своего слушателя ничего положительнаго. Ничто же сумняшеся, однако, сватъ накаталъ пространное посланіе ребу Перецу. Онъ излилъ свой

*) Моя корона, мое золото!

восторгъ по поводу Рувкинаго богатства, общественнаго положенія въ Америкѣ и набожности, причемъ приписалъ ему даже вновь пріобрѣтенную образованность. «Это не тотъ Рувка, что былъ»,—говорилось, по крайней мѣрѣ, разъ на каждыя десять страницъ письма. Торговля въ разносъ превратилась въ большія поставки товаровъ суконныхъ, ювелирныхъ и мебельныхъ. Описывалось, какъ владѣлецъ этого цвѣтущаго торга умираетъ отъ любви къ Ханеле, и этимъ обстоятельствомъ доказывалось, что бракъ ихъ предопредѣленъ свыше.

Отвѣтъ реба Переца еще не дошелъ до Нью-Йорка, когда въ этомъ городѣ случилось два происшествія, которыя весьма помогли смѣлому свату.

Дочь одного домовладѣльца Седьмого Округа была обручена съ однимъ преуспѣвавшимъ мелочнымъ торговцемъ, причемъ отецъ обѣщалъ ей въ приданое тысячу долларовъ деньгами и, сверхъ того, полную обстановку. Когда приблизился день, назначенный для свадьбы, *хосонъ* былъ пораженъ сообщеніемъ будущаго тестя, что тотъ считаетъ свою дочь и обстановку совершенно достаточными, а что безъ тысячи долларовъ придется обойтись. Молодой человѣкъ немедленно прекратилъ свои посѣщенія, но не прошло и двухъ недѣль, какъ уже очутился за тюремною рѣшеткой по обвиненію отъ имени своей убитой горемъ возлюбленной. Какъ уладилось дѣло, это насъ не касается; но слухъ о немъ, нѣсколько дней составлявшій главную тему разговоровъ въ оптовыхъ складахъ, среди разносчиковъ, дошелъ и до Рувки.

Читатель можетъ себѣ представить, какой отсюда получился эффектъ: единственное возраженіе противъ плана Фейве разлетѣлось вдребезги.

Но еще сильнѣе подѣйствовало въ томъ же смыслѣ на Рувку слѣдующее приключеніе.

Разъ онъ пошелъ навѣстить свата, который квартировалъ пока у одного изъ земляковъ. Стоя у дверей и поправляя себѣ галстукъ, что онъ теперь непремѣнно дѣлалъ передъ входомъ въ каждый чужой домъ, онъ услышалъ отрывокъ громогласной бесѣды между хозяйкой и жильцомъ. Уловивъ свое собственное имя, Рувка задержалъ дыханіе и началъ подслушивать.

— Пожалуйста, не болтайте вздора, ребъ Фейве,—доносилось до ушей нашего шпіона.—Чтобы винокуръ Перецъ отдалъ свою Ханеле за Рувку Арбела! Этотъ рябой медвѣдь и Ханеле! Такая красотка, такая балованная дочка! Да ее всякій радъ будетъ взять, хотя и безъ денегъ. Чтобы она вышла за это страшилище, помойное ведро. холеру этакую?..

Рувка былъ задѣтъ за живое и, трепеща отъ опасенія услышать еще что-нибудь въ этомъ родѣ, уже собрался отретироваться, но мысль о томъ, что и въ его отсутствіе могутъ сыпаться дальнѣйшіе нелестные эпитеты на его счетъ, была для него невыносима, и онъ рѣшился остановить ихъ потокъ, постучавшись въ дверь.

— Но вы въ самомъ дѣлѣ увѣрены, ребъ Фейве, что ребъ Перецъ не откажетъ мнѣ?—взволнованно освѣдомлялся онъ нѣкоторое время спустя, сидя наединѣ со сватомъ въ спальнѣ послѣдняго.

— Предоставьте это мнѣ, — отвѣтилъ тотъ. — Я въ жизни устраивалъ вещи и потруднѣе. А тутъ дѣло почти рѣшеное.

— Увидишь, что женюсь на Ханеле непремѣнно, хотя бы только на зло тебѣ, завистливая вѣдьма!—Такъ привѣтствовалъ мысленно Рувка свою землячку, выходя изъ совершенно темной спаленки.

— До свиданія, м-съ Коганъ!—произнесъ онъ затѣмъ, пронзая ее взорами, подобными кинжаламъ.

По прочтеніи письма реба Фейве, ребъ Перецъ добродушно назвалъ его «глупымъ меламедомъ». Мало-по-малу, однако, самый фактъ, что «шадхенъ» посмѣлъ составить планъ такого сватовства, сталъ казаться ему оскорбительнымъ. Ему вспоминалось то время, когда Рувка правилъ его мериномъ, а самъ онъ, ребъ Перецъ, былъ наиболѣе зажиточнымъ евреемъ въ окрестности, и сердце его сжалось отъ жалости и къ Ханеле, и къ самому себѣ. Онъ сообразилъ, что вотъ уже болѣе года, какъ не являлось ни одного жениха и, вмѣсто того, чтобы разсердиться на дочь, какъ нерѣдко бывало съ нимъ за послѣднее время, онъ ощутилъ рѣзкое страданіе отъ оскорбленной гордости и отъ сожалѣнія, что отвергнулъ столько случаевъ прекрасно выдать ее замужъ. Ребъ Перецъ высчиталъ, что Ханеле уже идетъ двадцать пятый годъ, причемъ его фантазія съ упрекомъ нарисовала ему его любимое дитя въ образѣ сѣдѣющей старой дѣвы. Это представленіе вызвало въ немъ дрожь, и онъ началъ утѣшаться постройкой разныхъ торговыхъ воздушныхъ зáмковъ; однако, эти непрочныя сооруженія быстро разлетались, оставляя его лицомъ къ лицу съ безотраднымъ дѣйствительнымъ положеніемъ его дѣлъ. Его вниманіе опять сосредоточилось на американскомъ письмѣ; но сопоставленіе Рувки Арбела съ Ханеле возмущало реба Переца. Въ новомъ приливѣ оскорбленной гордости, онъ почувствовалъ, что былъ бы въ состояніи «вырвать у нахальнаго свата и бороду, и пейсы».

Несмотря на это, онъ прочиталъ письмо вторично. На этотъ разъ хвалебныя рѣчи свата о процвѣтаніи Рувкиной торговли произвели на него болѣе сильное впечатлѣніе и смутно навели его на мысль,

что съ теченіемъ времени и ему можетъ случиться эмигрировать въ Америку со всѣмъ его семействомъ.

— Фу, вздоръ какой!—сказалъ онъ себѣ въ заключеніе, прочитавъ посланіе реба Фейве въ третій или четвертый разъ.—Всякаго молодого парня Америка передѣлываетъ совершенно заново. Былъ ли на свѣтѣ оборванецъ хуже сторожа Тевки? Однако, когда онъ пріѣзжалъ на побывку изъ Америки, то можно было принять его за князя. Пусть же она ѣдетъ и сдѣлается матерью, какъ подобаетъ дочери Израиля. Мы должны уповать на Господа. Это дѣло, дѣйствительно, будто бы предопредѣлено свыше.

Ребъ Перецъ цѣлый день собирался съ духомъ для объясненія съ Ханеле. Но когда онъ дѣйствительно изложилъ ей дѣло, переведя еврейское письмо Фейве на жаргонъ, то его предпріятіе оказалось легче, чѣмъ онъ ожидалъ.

Ханеле была воистину дочерью Израиля, а это значитъ, что ея образованіе ограничивалось чтеніемъ переведеннаго на жаргонъ Пятикнижія Моисеева, а знаніе свѣта не заходило за предѣлы Кроповца и его окрестностей.

То была молчаливая, добродушная и уживчивая дѣвушка, находившая величайшее удовольствіе въ вязаніи узорчатыхъ скатертей и въ мечтахъ. Сверхъ того, безпрерывное появленіе и исчезновеніе жениховъ, взволновавши ея дотолѣ спокойное и беззаботное сердце, оставило ее въ состояніи постоянной тревоги. Она не влюбилась ни въ одного изъ молодыхъ людей, искавшихъ ея руки и приданаго, ибо, согласно старому правилу приличія, которое строго соблюдалось ея отцомъ, ей никогда не дозволялось обмѣняться хоть словомъ ни съ однимъ изъ нихъ, даже пока дѣло еще не было рѣшено отрицательно. Тѣмъ не менѣе, когда въ теченіе мѣсяца не являлось ни одного свата, то она при каждомъ щелканьи щеколды начинала поднимать взоръ къ двери въ живой надеждѣ, что на порогѣ появится лицо этой профессіи. Ея мечты теперь часто останавливались на подругахъ, покинувшихъ Кроповецъ вслѣдствіе замужества, и тогда душа принималась томиться и тосковать, сама не зная о чемъ. При всей нѣжной привязанности, которая соединяла ее съ родною семьею, при всей ея привычкѣ къ обстановкѣ, въ которой она родилась, отцовскій домъ начиналъ казаться ей мрачнымъ и пустымъ; она скучала дома и стремилась къ другой жизни.

Безъ сомнѣнія, первый намекъ на возможность ея брака съ Рувкою Арбеломъ поразилъ ее, и, вполнѣ усвоивъ значеніе этого предложенія, она прислонилась головою къ плечу отца и залилась сле-

зами. Но, гладя ее по головѣ и представляя ей дѣло въ такомъ видѣ, который превосходилъ даже краснорѣчивыя описанія Фейве, ребъ Перецъ мало-по-малу сумѣлъ утѣшить ее до такой степени, что она вспомнила о Рувкиной фотографіи, которую показывала ей его мать. Сватовство являлось теперь передъ ней въ свѣтѣ нѣкотораго романтизма. Воображеніе унесло ее въ невѣдомую, далекую страну, гдѣ она увидѣла себя всю въ золотѣ и жемчугѣ рядомъ съ мужскою фигурою въ великолѣпной одеждѣ. Это была очаровательная, восхитительная картина, и ее лишь слегка портилъ смутный силуэтъ Рувки, въ сапогахъ бутылками и тулупѣ, на заднемъ планѣ. Ахъ, какъ было жаль, что такое пятно искажало столь плѣнительное видѣніе! Чтобы поправить дѣло, Ханеле попыталась мысленно изукрасить Рувку визиткою, стоячимъ воротничкомъ и галстукомъ по образцу фотографіи, но ея усилія вызвали передъ нею совершенно незнакомаго человѣка съ неопредѣленными чертами лица, между тѣмъ какъ Рувка Арбелъ въ сапогахъ и тулупѣ какъ бы выскользнулъ изъ щегольской одежды и остался самимъ собою безо всякаго отношенія къ незнакомцу и къ фотографической карточкѣ. Съ этими тремя образами въ головѣ своей, она пришла къ заключенію, что, слѣдовательно, къ ней сватается не Рувка, а совершенно другой человѣкъ. Кромѣ того, кто можетъ знать, что окажется? Только бы ей пріѣхать въ Америку, а потомъ... какъ поручиться, не выйдетъ ли она и въ самомъ дѣлѣ за совсѣмъ другого человѣка, молодого и красиваго, никогда не служившаго въ работникахъ у ея отца? И Ханеле чувствовала, что такъ оно и будетъ. Во всякомъ случаѣ, развѣ дочь мучника, Баска Давидъ, не вышла за бывшаго кузнеца, переселившагося въ Америку, и развѣ она не счастлива? Ахъ, что за письма она ей пишетъ!

— Скажи, да или нѣтъ. Выскажись, моя голубушка!—настаивалъ ребъ Перецъ въ заключеніе вторичной бесѣды на ту же тему.— Вѣдь не моя судьба рѣшается. Тебѣ слѣдуетъ говорить,—прибавилъ онъ, чувствуя, что Ханеле должна непремѣнно отвѣтить утвердительно.

— Да,—прошептала она, наконецъ, опуская голову и ударяясь въ слезы.

Шадхенъ никакъ не могъ угомониться, и письма дюжинами перелывали черезъ океанъ. Въ своемъ первомъ отвѣтѣ ребъ Перецъ счелъ нужнымъ выразить колебаніе; во второмъ—содержался намекъ на то обстоятельство, что Ханеле всегда чувствовала привязанность къ Рувкѣ, къ которому они относились, какъ къ члену семьи. Были письма и съ упоминаніями о деньгахъ, которыя потребуются для Ханеле на платье и на дорогу. При этомъ, съ каждымъ посланіемъ, ко-

торое онъ отправлялъ, ребъ Перецъ все сильнѣе убѣждался, что дочь его будетъ счастлива въ Америкѣ и что бракъ этотъ дѣйствительно предопредѣленъ свыше.

Эти письма производили на Рувкино сердце такое же дѣйствіе, какъ «елей, возливаемый на рану», по его собственному выраженію, и, несмотря на фразы о деньгахъ, которыя можно сравнить съ мухою, попавшею въ этотъ елей, онъ чувствовалъ себя счастливымъ. Онъ думалъ о Ханеле, мечталъ о ней, но болѣе всего думалъ и мечталъ о той сенсаціи, которую произведетъ въ Кроповцѣ ея отъѣздъ, и о собственномъ торжествѣ при ея прибытіи въ Нью-Йоркъ. «Желаемъ тебѣ счастія, Робертъ!—повторно поздравляли его разносчики.—Мечталъ ли ты когда-нибудь сдѣлаться зятемъ винокура Переца? Конца нѣтъ тѣмъ угощеніямъ, которыя ты долженъ выставить намъ». И Робертъ выставлялъ угощеніе и расцвѣталъ жениховскими улыбками.

Хлопотливо и шумно было въ Касль-Гарденѣ. Пришло нѣсколько трансатлантическихъ пароходовъ, и обширное пространство подъ навѣсомъ, обнесенное желѣзными перилами, кишѣло пестрою толпою только что высадившихся пассажировъ. За предѣлами огороженнаго пространства, виднѣлось множество пустыхъ ломовыхъ дрогъ, ожидавшихъ человѣческаго груза, тогда какъ на приличномъ отъ нихъ разстояніи стояла пара весьма элегантныхъ колясокъ — зрѣлище, очень рѣдкое при прибытіи иммигрантовъ. Эти изящные экипажи были наняты Рувкою. Онъ пріѣхалъ въ нихъ съ ребомъ Фейве и двумя или тремя землявами и товарищами по профессіи, чтобы встрѣтить Ханеле. На немъ было субботнее платье и съ иголочки новая коричневая шляпа, а въ петлицѣ визитки красовалась даже большая красная роза, которую воткнулъ ему передъ выѣздомъ одинъ изъ спутниковъ, разбитной разносчикъ.

Воздухъ похожаго на сарай мѣста высадки, былъ насыщенъ тошнотворными ароматами корабельной грязи, карболовой кислоты и человѣческой нищеты. Облокотившись на перила или примостившись на своемъ багажѣ, сидѣли цѣлыя кучи нечесанныхъ мужчинъ и женщинъ въ потертой одеждѣ всякаго покроя и запаха, придерживая рваные толстые узлы, корзины или мѣшки и уставившись въ пространство растеряннымъ, неподвижнымъ и трусливо-покорнымъ взоромъ. Крики дѣтей на рукахъ матерей, рѣзко дисгармонируя съ суровыми выкриками одѣтыхъ въ мундиры чиновниковъ, прокладывавшихъ себѣ путь среди толпы, и съ общимъ шумомъ и гамомъ внутр

и внѣ ограды, дѣлали эту сцену настолько же тягостною для ушей, насколько она была тяжка для глазъ и носа, и дополняли впечатлѣніе нищеты и безпомощности.

Рувка со спутниками стояли и глядѣли черезъ ограду вмѣстѣ съ толпою другихъ обитателей восточной части города, выѣхавшихъ, подобно имъ, навстрѣчу ожидаемымъ друзьямъ. Рувка нервно грызъ ногти и время отъ времени приглаживалъ рукавомъ свою новую шляпу или поправлялъ себѣ галстукъ. Ребе Фейве навертывалъ на палецъ одинъ изъ своихъ пейсовъ, между тѣмъ какъ молодые разносчики соперничали другъ съ другомъ въ шуткахъ, подходящихъ къ обстоятельствамъ. Нашъ *хосонъ* былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Онъ дѣлалъ неоднократныя попытки собраться съ духомъ и придумать приличную форму привѣтствія; онъ усиливался представить себѣ теперешнюю наружность Ханеле и предугадать, какъ она будетъ держать себя, когда его увидитъ; онъ пробовалъ также анализировать все происходившее и придумать себѣ планъ для ближайшаго будущаго. Но всѣ его старанія оказывались тщетными. Мышленье его шло отрывочно, и не успѣвалъ онъ заняться какой-либо мыслью или образомъ, какъ тотчасъ же отъ нихъ отвлекался, и вниманіе его, будто на-зло, сосредоточивалось на совершеннѣйшихъ пустякахъ, какъ, напримѣръ, на величинѣ бакенбардъ одного изъ чиновниковъ или на морскомъ сухарѣ, который грызъ иммигрантскій мальчишка.

Наконецъ, сердце Рувки встрепенулось. Взоръ его упалъ на Ханеле. Она была еще прекраснѣе и очаровательнѣе, чѣмъ прежде. Вмѣсто худенькой дѣвочки съ ребячьимъ личикомъ, которую онъ оставилъ въ Кроповцѣ, передъ нимъ стояла видная, хорошо сложенная двадцатипятилѣтняя женщина.

— Ха... Ха... Ханеле!—задыхаясь выговорилъ онъ, чувствуя, что весь таетъ отъ волненія, и что вдругъ превратился изъ Роберта Фридмана опять въ Рувку Арбела.

Ханеле повернула къ нему голову, но не увидѣла его. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось, ибо, вмѣсто того, чтобы подойти къ той части ограды, за которой онъ стоялъ, она подалась назадъ и затерялась въ толпѣ.

Въ это время раздалось ея имя въ ряду другихъ именъ, и она выступила изъ толпы иммигрантовъ. Скорѣе мертвый, чѣмъ живой, Рувка кинулся впередъ, чтобы ее встрѣтить, но не сдѣлалъ и двухъ шаговъ, какъ ноги отказались служить ему, а лицо застыло отъ изумленія. Ибо прямо передъ нимъ, фамильярно ведя Ханеле подъ руку, находился молодой человѣкъ въ очкахъ и форменномъ русскомъ сту-

денческомъ пальто, на которомъ мѣдныя пуговицы были замѣнены новыми изъ чернаго целлулоида.

Пара эта подошла къ Рувкѣ; Ханеле не поднимала глазъ, прижимаясь къ своему спутнику, а студентъ неувѣренно, однако вызывающе поднялъ голову.

— Здравствуйте, Рувимъ! — начала она.—Это господинъ Левинскій, мой *хосонъ*. Не обижайтесь на меня, Рувимъ. Я не виновата: это такъ же вѣрно, какъ то, что я—дитя Израиля. Видите, онъ оказался моимъ суженымъ, и я тутъ ничего не могла подѣлать,—продолжала она быстро и съ дрожью въ голосѣ, точно сконфуженная школьница, отвѣчающая плохо затверженный урокъ.

— Я выплачу вамъ все до послѣдней копейки, можете быть увѣрены,—прибавилъ студентъ, побѣлѣвъ, какъ полотно.—У меня есть богатый братъ въ Буффало.

Ханеле познакомилась съ молодымъ человѣкомъ на голландскомъ кораблѣ, который перевозилъ ихъ черезъ океанъ, и на которомъ они провели двѣ недѣли, гуляя по мостику или сидя вмѣстѣ у борта и вмѣстѣ наслаждаясь таинственнымъ и грознымъ рокотомъ волнъ, глухимъ стукомъ машины и нѣжными улыбками луны, этого искуснѣйшаго изъ *шадхеновъ* вообще, а на корабельной палубѣ въ особенности. Однимъ словомъ, вышло такъ, что ловко сватающее свѣтило лишило реба Фейве награды за его труды.

Выслушавъ объясненіе Ханеле, Рувка сначала остолбенѣлъ и нѣкоторое время смотрѣлъ на нее съ улыбкою идіотскаго непониманія; но потомъ, придя въ себя, онъ вспыхнулъ, точно пламя, и, сдѣлавъ гримасу, какъ ребенокъ, у котораго отняли игрушку, пропищалъ хриплымъ голосомъ:

— Требую обратно мои полтораста долларовъ! — Послѣ чего прибавилъ по-англійски: — Я позову полицейскаго. Подайте мнѣ мои полтораста долларовъ!

— Ай, ай! Разбойница! Разбойница!—накинулся ребъ Фейве на Ханеле.—Я выпишу сюда твоего отца, ай, ай! — стоналъ онъ, чуть не плача отъ бѣшенства, и тутъ же прибавлялъ ласковымъ тономъ: — Послушай же меня, Ханеле! Я знаю, что ты хорошая и богобоязненная еврейская дѣвушка. Фу! Брось этого отвратительнаго нищаго! Оставь эту бритую *гойскую* морду, говорю тебѣ. Твой суженый— Рувимъ. Взгляни на него: каковъ молодецъ! Ты будешь жить съ нимъ, какъ царица, среди золота и бриліантовъ, Ханеле!

Но Ханеле только крѣпче прижималась къ рукѣ студента, и оба они уже готовились покинуть пристань, когда Рувка ухватилъ своего счастливаго соперника за отвороты пальто и закричалъ:

— Полицейскій! Полицейскій!

Молодая пара явила собою олицетворсніе безпомощности. Но въ эту минуту на выручку подоспѣлъ неуклюжій бритый артельщикъ гостиницы для иммигрантовъ, все время наблюдавшій за этой сценой. Оттолкнувъ Рувку однимъ движеніемъ своей могучей руки, съ грознымъ крикомъ: «Убирайся, или разобью тебѣ твой рябой носъ, обезьяна ты этакая!» онъ увелъ Ханеле и ея жениха, а Рувка остался въ растерянности, точно не постигая случившагося, тогда какъ ребъ Фейве, отчаянно ломая руки, вздыхалъ: «Ай, ай, ай!» а молодые разносчики шопотомъ обмѣнивались шуточками.

Перевела **В. Кошевичъ.**

---

* *
*

Косогоръ надъ разлужьемъ и пашни кругомъ,
Потускнѣвшій закатъ, полумракъ;
Далеко за извалами крестъ надъ холмомъ—
Неподвижный вѣтрякъ.

Какъ печальна заря! И какъ долго она
Тлѣетъ въ сонномъ просторѣ равнинъ!
Вотъ чуть внятная дѣвичья пѣсня слышна...
Вотъ заплакала лунь... И опять тишина—
Ночь, безмолвная ночь. Я одинъ.

Я одинъ, а вокругъ—темнота и поля,
И ни звука въ просторѣ ихъ нѣтъ...
Точно проклятъ тотъ край, тотъ народъ, гдѣ земля
Такъ пустынна ужъ тысячу лѣтъ!

Иванъ Бунинъ.

ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА *).

(Изъ разсказовъ о концѣ XVIII вѣка)

Анатоля Франса.

I.

Я родился въ 1770 году въ захолустномъ предмѣстьѣ маленькаго городишки въ мѣстности Лангръ, гдѣ отецъ мой, полугорожанинъ, полумужикъ, торговалъ ножами и воздѣлывалъ свой виноградникъ. Тамъ же монахини, которыя обыкновенно обучали только дѣвочекъ, ради моего малолѣтства и тѣсной дружбы съ моею матерью преподали грамоту и мнѣ. Послѣ нихъ я учился латыни у одного городского священника, сына сапожника и замѣчательнаго гуманиста. Лѣтомъ мы занимались подъ старыми каштанами, а «Георгики» Виргилія аббатъ Ламаду объяснялъ мнѣ около своихъ ульевъ. Я не представлялъ себѣ большаго благополучія, чѣмъ мое, и былъ вполнѣ доволенъ жизнью въ обществѣ своего учителя и дѣвицы Розы, дочери кузнеца. Но на свѣтѣ не бываетъ продолжительнаго счастья. Однажды утромъ мать, цѣлуя меня, опустила въ карманъ моей курточки монету въ шесть ливровъ. Вещи мои были уложены. Отецъ сѣлъ верхомъ на лошадь, посадилъ меня себѣ за спину и повезъ въ Лангрскую коллегію. Все время, покуда мы ѣхали, я думалъ о своей маленькой комнаткѣ, которая къ осени благоухала ароматомъ фруктовъ, хранившихся на чердакѣ; о нашемъ фруктовомъ садикѣ, куда по вос- ксныммъ днямъ отецъ водилъ меня рвать яблоки съ деревьевъ, по- (сенныхъ его собственными руками; о Розѣ, о сестрахъ, о матери, (ебѣ самомъ, бѣдномъ изгнанникѣ! Я чувствовалъ, что сердце у

---

*) *Примѣчаніе автора*: Въ этихъ „Запискахъ" изложены только дѣйствительно (ывшіеся факты, заимствованные изъ разныхъ рукописей XVIII вѣка. Здѣсь нѣтъ ·дной подробности, даже самой ничтожной, которая не была бы основана на тнныхъ, документальныхъ данныхъ.

меня переполнено, и еле удерживалъ слезы, набѣгавшія на рѣсницы. Наконецъ, послѣ пятичасового пути, мы слѣзли съ лошади передъ большой дверью, надъ которой я прочелъ заставившее меня задрожать слово: *Collegium*. Отецъ Февалъ, ректоръ Ораторіи, принялъ насъ въ большой залѣ, выбѣленной известью. Это былъ еще молодой человѣкъ, большого роста, съ улыбкой, которая меня ободрила. При каждомъ новомъ знакомствѣ отецъ мой неизмѣнно обнаруживалъ прямолинейность, живость и чистосердечіе.

— Ваше преподобіе,—сказалъ онъ, указывая на меня рукою,—я привелъ вамъ моего единственнаго сына, Петра по крестному отцу и Обье—по мнѣ; это имя я передалъ ему незапятнаннымъ, такимъ же, какъ получилъ его отъ моего покойнаго родителя. Петръ—мой единственный мальчикъ: мать его, Маделена Ордалю, подарила меня однимъ сыномъ и тремя дочерьми, которыхъ я стараюсь воспитать наилучшимъ образомъ. Пусть доля моихъ дочерей будетъ такою, какую заблагоразсудятъ имъ дать: во-первыхъ, Господь Богъ, а во-вторыхъ, ихъ мужья. Про нихъ говорятъ, что онѣ красивы, и я не могу отрицать этого. Но красота есть обманчивое благо, о которомъ не стóитъ хлопотать. Если онѣ будутъ достаточно добры, то будутъ и достаточно красивы. Что же касается моего сына Петра, здѣсь находящагося (говоря эти слова, онъ такъ тяжело положилъ на мое плечо руку, что заставилъ меня нагнуться), то пусть онъ станетъ священникомъ, если будетъ бояться Бога и знать латынь. Покорнѣйше прошу ваше преподобіе присмотрѣться къ нему на досугѣ, чтобы опредѣлить его настоящія наклонности. Если вы усмотрите въ немъ что-либо, заслуживающее вниманія, то пусть останется у васъ, и я охотно буду платить, сколько полагается. Если же, напротивъ, вы изволите найти, что изъ него ничего нельзя сдѣлать, то извѣстите меня о томъ; я тотчасъ же пріѣду за нимъ и буду учить его работать ножи, какъ его отецъ, потому что, ваше преподобіе (къ услугамъ вашимъ), я—ножевщикъ.

Отецъ Февалъ обѣщалъ исполнить просьбу. Обнадеженный имъ, отецъ простился съ регентомъ и со мной. Такъ какъ онъ былъ очень взволнованъ и съ трудомъ удерживался отъ рыданій, то сдѣлалъ суровое и угрюмое лицо, а вмѣсто объятія только крѣпко встряхнулъ меня. Когда онъ уѣхалъ, отецъ Февалъ увелъ меня изъ пріемной въ садъ, который окружала густая аллея грабовъ; проходя подъ тѣнью деревьевъ, онъ сказалъ мнѣ:

O, Sylvaï dulces umbras frondsaï!

Мнѣ посчастливилось узнать въ архаическихъ формахъ этой ти-

желоватой просодіи стихъ старика Эннія, и по этому поводу я сказалъ отцу Февалю, что Виргилій болѣе достоинъ прославлять красоту этой свѣжей тѣни, «frigus opacum», чѣмъ его древній предшественникъ. Повидимому, регентъ остался доволенъ этой похвалой. Онъ ласково спросилъ меня кое-что изъ грамматики и, выслушавъ мои отвѣты, сказалъ мнѣ:

— Хорошо; при стараніи, большомъ стараніи, вы можете проходить курсъ четвертаго класса. Пойдемте, я представлю васъ преподавателю и вашимъ соученикамъ.

Во время нашей прогулки я не ощущалъ своей покинутости и чувствовалъ поддержку въ своей скорби; когда же очутился среди учениковъ своего класса въ присутствіи г. Журсанво, преподавателя, то впалъ вновь въ глубокое отчаяніе. Г. Журсанво не обладалъ ни доступностью, ни милой простотой регента. Онъ показался мнѣ гораздо болѣе проникнутымъ важностью своего положенія, болѣе суровымъ и замкнутымъ. Это былъ маленькій человѣчекъ съ большою головою; слова у него вырывались со свистомъ изъ-за блѣдныхъ губъ и четырехъ желтыхъ зубовъ. Я тутъ же подумалъ, что подобный ротъ не созданъ для того, чтобы произносить имя Лавиніи, которое я любилъ еще больше, чѣмъ имя Розы. Я долженъ сознаться, что идилличная и царственная невѣста несчастнаго Турна представлялась моему воображенію полною величія и прелести. Ея идеальный образъ заслонялъ отъ меня болѣе вульгарную красоту дочери кузнеца. Г-нъ Журсанво—такъ звали учителя четвертаго класса—не нравился мнѣ совсѣмъ. Товарищи внушали мнѣ страхъ: они казались мнѣ ужасно дерзкими, и я, не безъ основанія, боялся, чтобы моя наивность не показалась имъ смѣшной. Мнѣ очень хотѣлось заплакать.

Только чувство собственнаго достоинства еще болѣе, чѣмъ мое огорченіе, удержало меня отъ слезъ.

Наступилъ вечеръ. Я вышелъ изъ коллегіи въ городъ разыскивать квартиру, которую нанялъ для меня отецъ. Я сталъ жить съ пятью другими школьниками у одного ремесленника, жена котораго готовила на насъ. За это каждый изъ насъ платилъ ей по двадцати пяти су въ мѣсяцъ.

Товарищи сначала попробовали высмѣивать меня за плохо сшитое платье и деревенскую внѣшность; но прекратили свои шутки, когда замѣтили, что онѣ меня не сердятъ. Когда одинъ изъ нихъ, сухопарый сынъ прокурора, продолжалъ грубо передразнивать мои угловатыя и неловкія манеры, я далъ ему такую затрещину, что у него пропала охота возвращаться къ прежнему. Я совсѣмъ не пра-

вился г. Журсанво, но такъ какъ аккуратно готовилъ уроки, то ему не представлялось случая меня наказывать.

Любившій грубо проявлять свою власть, неровный, придирчивый, онъ вызывалъ сопротивленіе и, дѣйствительно, въ его классѣ было нѣсколько возмущеній, въ которыхъ я не принималъ участія. Однажды, гуляя въ саду съ регентомъ, который очень хорошо ко мнѣ относился, я, къ несчастью, вздумалъ похвастаться своимъ благоразуміемъ.

— Батюшка,—сказалъ я ему,—я не участвовалъ въ послѣднемъ бунтѣ.

— Нечѣмъ тутъ хвалиться,—отвѣтилъ мнѣ отецъ Феваль съ выраженіемъ презрѣнія, которое больно укололо мое сердце.

Онъ больше всего на свѣтѣ ненавидѣлъ низость. Слушая его, я далъ себѣ обѣтъ никогда не говорить и не дѣлать ничего недостойнаго и, если впослѣдствіи умѣлъ уберечься ото лжи и подлости, то обязанъ тѣмъ этому прекрасному человѣку.

Г. Феваль не былъ священникомъ-философомъ; онъ обладалъ добродѣтелями, а не вѣрою савойскаго викарія. Онъ вѣрилъ во все, во что долженъ вѣровать священникъ, но питалъ ужасъ къ лицемѣрію и не выносилъ, чтобы тревожили Бога по пустякамъ. Онъ высказалъ это особенно, когда однажды, на Рождествѣ, г. Журсанво пришелъ ему жаловаться на нечестивцевъ, налившихъ чернилъ въ чаши со святою водою.

Возмущенный Журсанво произносилъ заклинанія бѣсовъ и бормоталъ:

— Конечно, это—черная черта!

— Отъ чернилъ,—спокойно возразилъ нашъ регентъ.

Этотъ добродѣтельный человѣкъ единственную причину всѣхъ страданій видѣлъ въ слабости.

Онъ частенько говаривалъ: «Люциферъ и непокорные ангелы прегрѣшили гордостью. Вотъ почему даже и въ аду они являются князьями и царями и пользуются своею страшною властью надъ осужденными. Если бы они погибли отъ трусости, то среди пламени были бы посмѣшищемъ и игралищемъ душъ грѣшниковъ, и самая гегемонія зла ускользнула бы изъ ихъ презрѣнныхъ рукъ».

Когда наступили каникулы, я съ великою радостію вновь увидалъ родной домъ. Но онъ мнѣ показался очень маленькимъ. Когда я вошелъ, моя мать, нагнувшись надъ очагомъ, снимала пѣну съ супа. Милая мама! Она тоже показалась мнѣ совсѣмъ маленькой, и я со слезами обнялъ ее.

Съ шумовкой въ рукѣ, она разсказала мнѣ, что отецъ мой,

смѣха ради, измѣрялъ его ноги, чтобы тѣмъ доказать ихъ полную пригодность къ танцамъ. «Эй, Робертъ! — приставали къ нему. — Возьми билетъ на вечеринку! Хочешь? Балъ будетъ первосортный, говорю тебѣ. Пойдемъ; какъ только барышни тебя увидятъ, онѣ будутъ поражены и... попрячутся по угламъ!...» Робертъ отбивался, кричалъ, ругался, но въ концѣ-концовъ тайкомъ отправлялся къ какому-нибудь зеркалу. И сердце его все пухло да пухло.

Каждый разъ, какъ ему случалось слышать о чьей-нибудь свадьбѣ, онъ разспрашивалъ всѣ подробности о невѣстѣ и женихѣ: сколько онъ зарабатываетъ въ недѣлю, какъ они познакомились, сколько времени прошло между обрученіемъ и свадьбою. Въ одно субботнее утро, поднимаясь по лѣстницѣ къ себѣ въ комнатку, онъ увидѣлъ въ полураствореную дверь молодую женщину, которая пристегивала воротничокъ къ сорочкѣ мужа; при этомъ сердце его наполнилось чувствомъ зависти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайной пріязнью къ молодой парочкѣ. «Кто онъ такой?—разсуждалъ онъ про себя, входя въ свою комнату, которая теперь показалась ему пустой и мрачной.—Всего только портной, бѣдный рабочій. Я, когда женюсь, то не стану жить въ меблированной комнатѣ!» При этомъ въ его воображеніи нарисовалась картина: гостиная съ бронзовыми часами на каминѣ; зеркало между двумя окнами съ кружевными занавѣсками; черноглазая маленькая женщина въ шоколаднаго цвѣта капотѣ разгуливаетъ по яркому, красному съ желтымъ, ковру; а онъ самъ, Робертъ, возвращается съ торговли и молодая женщина говоритъ ему тоненькимъ голоскомъ: «Здравствуй, Робъ! Будемъ обѣдать?» Точно такъ, какъ онъ слышалъ вчера въ домѣ только что женившагося товарища.

И вотъ, въ эти дни «сердечнаго распуханія» случилось такъ, что въ одно субботнее утро, въ синагогѣ «Сыновъ Кроповца» Робертъ встрѣтился съ вновь прибывшимъ землякомъ, который оказался *меламедомъ* Фейве. Согласно значенію этого еврейскаго слова, этотъ высокій и костлявый кавалеръ съ лицомъ мученика руководилъ на родинѣ одною изъ тѣхъ школъ, въ которыхъ еврейскіе мальчики проводятъ дни, изучая слово Божіе. Какъ нерѣдко бываетъ съ меламедами, профессія Фейве давала такіе малые доходы, что принуждала его посвящать свободные часы на хлопоты въ качествѣ *шадхена* или агента по устройству *шидеховъ*, т.-е. по-просту—свата. Съ теченіемъ времени, духъ сватовства настолько обуялъ реба Фейве, что даже очутившись въ Нью-Йоркѣ и не успѣвъ еще вывѣтрить корабельныхъ ароматовъ изъ своего долгополаго сатиноваго сюртука, онъ

— Господинъ Петръ, я не знаю, о чемъ плачу.

Она производила очень трогательное впечатлѣніе, но не была похожа на луну среди тучъ. Ее я не любилъ: я любилъ Дидону.

Этотъ годъ былъ отмѣченъ для меня большимъ горемъ: я лишился отца; онъ умеръ, захворавъ довольно неожиданно водянкой легкихъ.

Въ свои послѣднія минуты онъ завѣщалъ дѣтямъ жить честно, быть набожными и благословилъ ихъ. Онъ умеръ съ такою кротостью, которая вообще была не въ его характерѣ. Казалось, что онъ не только безъ сожалѣнія, но даже охотно покидаетъ эту жизнь, къ которой былъ крѣпко привязанъ всѣми стремленіями пылкой натуры. Глядя на него, я узналъ, что хорошему человѣку умирать легче, чѣмъ думаютъ.

Я рѣшилъ теперь замѣнить отца для старшихъ сестеръ, которыя уже были на выданьѣ, и для моей плачущей матери, которая съ каждымъ годомъ становилась все болѣе маленькой, слабой и внушающей трогательное сожалѣніе.

Вотъ какимъ образомъ я сразу изъ ребенка сталъ мужчиной. Я оканчивалъ курсъ у отцовъ Ораторіи подъ руководствомъ прекрасныхъ учителей: отцовъ Лансе, Парике и Маріона, которые, затерявшись въ отдаленной и дикой провинціи, посвятили воспитанію нѣсколькихъ ничтожныхъ ребятъ свои блестящія способности и глубокую эрудицію, сдѣлавшія бы честь даже и Академіи Надписей. Регентъ превосходилъ ихъ всѣхъ возвышенностью ума и прекрасными качествами души.

Между тѣмъ, какъ я оканчивалъ курсъ философіи подъ руководствомъ этихъ выдающихся наставниковъ, необыкновенные слухи достигли нашей провинціи и проникли даже сквозь толстыя стѣны коллегіи. Говорилось о созывѣ государственныхъ чиновъ, слышались требованія реформъ и, вообще, ожидались большія перемѣны. Новыя книги, которыя давались намъ для чтенія учителями, возвѣщали близкое возвращеніе золотого вѣка.

Когда наступила минута разставанія съ коллегіей, я со слезами обнялъ отца Феваля.

Онъ, глубоко взволнованный, удержалъ меня въ своихъ объятіяхъ, потомъ повелъ въ ту грабовую аллею, гдѣ шесть лѣтъ назадъ состоялась наша первая съ нимъ бесѣда.

Тамъ, взявъ меня за руку, онъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ, глядя мнѣ въ глаза.

— Помните, дитя мое, что умъ безъ воли—ничто. Вы, можетъ быть, проживете достаточно долго для того, чтобы увидать въ этой

странѣ новые порядки. Эти большія перемѣны произойдутъ не безъ волненій. Вспоминайте тогда то, что я говорю вамъ сегодня: въ затруднительныхъ обстоятельствахъ разумъ—помощникъ слабый; только добродѣтель спасаетъ то, что должно быть спасено.

Въ то время, какъ онъ это говорилъ такъ у выхода изъ аллеи, солнце, уже опустившееся къ горизонту, обливало его пламеннымъ пурпуромъ, озаряя свѣтомъ его прекрасное вдумчивое лицо. Но я удержалъ въ памяти его слова, поразившія меня, хотя я ихъ не совсѣмъ понялъ. Вѣдь я былъ тогда только школьникъ, да еще изъ самыхъ заурядныхъ. Впослѣдствіи истина этихъ изреченій была мнѣ открыта во всей ея глубинѣ ужасными уроками событій.

II.

Я отказался отъ духовнаго званія. Надо было жить. Я учился латыни не для того, чтобы дѣлать ножи въ предмѣстьѣ маленькаго городка. Мечты мои были грандіозны. Наша ферма, коровы, нашъ садъ не удовлетворяли моимъ претензіямъ. Я находилъ, что у мадемуазель Розы слишкомъ деревенскій видъ. Моя мать думала, что имѣющіяся во мнѣ данныя могутъ развиться вполнѣ только въ такомъ городѣ, какъ Парижъ. Вскорѣ я легко убѣдился въ этомъ и самъ. Я заказалъ себѣ платье у лучшаго портного въ Лангрѣ. Это платье и шпага со стальнымъ эфесомъ, приподнимавшая фалды кафтана, придавали мнѣ такой видъ, что я не сомнѣвался болѣе въ своемъ успѣхѣ. Отецъ Феваль далъ мнѣ письмо къ герцогу Пюпбонну, и 12 іюля 1789 г. отъ Рождества Христова я, плача, сѣлъ въ дилижансъ, надѣленный латинскими книгами, печеньемъ, саломъ и поцѣлуями. Я въѣхалъ въ Парижъ черезъ предмѣстье Сантъ-Антуанъ, которое нашелъ болѣе отвратительнымъ, чѣмъ самые жалкіе поселки нашей провинціи. Ото всего сердца пожалѣлъ я тѣхъ несчастныхъ, которые живутъ тамъ, и себя самого, покинувшаго родительскій домъ и виноградникъ, чтобы искать себѣ счастія среди такого множества обездоленныхъ. Одинъ торговецъ виномъ, который ѣхалъ со мною въ дилижансѣ, объяснилъ мнѣ, что этотъ народъ веселъ потому, что разрушили старую тюрьму, которая называлась Бастиліей-Сантъ-Антуанъ. Онъ увѣрялъ меня, что г. Неккеръ создастъ скоро золотой вѣкъ. Но парикмахеръ, слышавшій нашъ разговоръ, утверждалъ въ свою очередь, что г. Неккеръ раззоритъ народъ, если король не отставитъ его тотчасъ же.

— Революція,—прибавилъ онъ,—большое зло. Теперь не заботятся о прическахъ. А народъ, который не дѣлаетъ прическъ—ниже животныхъ.

Эти слова разсердили торговца виномъ.

— Поймите, господинъ цирюльникъ,—отвѣтилъ онъ,—что возродившійся народъ презираетъ пустыя украшенія. Я бы наказалъ васъ за вашу грубость, если бы у меня было время, но я ѣду продать вино г. Бальи, парижскому меру, который удостоиваетъ меня своей дружбой.

Такъ они разстались, а я пошелъ пѣшкомъ, со своими латинскими книгами, саломъ и воспоминаніями о поцѣлуяхъ матери, къ герцогу Пюибоннъ, къ которому имѣлъ рекомендацію. Его домъ помѣщается на краю города, на улицѣ Гренелль. Прохожіе указали мнѣ его съ удовольствіемъ, такъ какъ герцогъ славится благотворительностью.

Онъ принялъ меня ласково. Ничто ни въ его одеждѣ, ни въ манерахъ не выходитъ изъ предѣловъ простоты. У него тотъ жизнерадостный видъ, какой бываетъ только у людей добровольно много работающихъ.

Онъ прочелъ письмо Феваля и сказалъ мнѣ:

— Эта рекомендація хороша, но что вы знаете?

Я отвѣчалъ, что знаю по-латыни, немного по-гречески, древнюю исторію, риторику и поэзію.

— Это—прекрасныя познанія!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.— Но было бы болѣе желательно, чтобы вы имѣли какое-нибудь понятіе о земледѣліи, механикѣ, коммерціи, банковыхъ дѣлахъ и индустріи. Полагаю, вы знаете законы Солона?

Я кивнулъ головой въ знакъ утвержденія.

— Это отлично, но вы не знаете англійской конституціи. Оно неважно: вы молоды и въ такомъ возрастѣ, когда слѣдуетъ учиться. Я оставляю васъ у себя съ жалованьемъ въ пятьсотъ экю. Г. Милль, мой секретарь, объяснитъ вамъ ваши обязанности. До свиданія, милостивый государь.

Слуга проводилъ меня къ г. Миллю, который писалъ за столомъ, посреди большой бѣлой комнаты. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ подождать. Это былъ маленькій, круглый человѣчекъ, съ довольно ласковымъ лицомъ; но во время письма онъ страшно ворочалъ глазами и вполголоса ворчалъ.

Я слышалъ, какъ изъ его рта вырывались слова: *тираны, оковы, адъ, человѣкъ, Римъ, рабство, свобода*. Я счелъ его сумасшедшимъ. Однако, положивъ перо, онъ съ улыбкой поклонился мнѣ.

— Что?—сказалъ онъ.—Вы осматриваете комнату? Она проста, какъ домъ древняго римлянина. Нѣтъ болѣе позолоченыхъ панелей, статуй на каминахъ, ничего, что напоминало бы ненавистныя вре-

мена, ничего, что было бы недостойно серьезнаго и свободнаго человѣка. *Libre*, *Tibre*, надо мнѣ записать эту рифму. Не правда ли, она недурна? Любите ли вы стихи, г. Петръ Обье?

Я отвѣтилъ, что очень люблю ихъ, но что я лучше бы угодилъ герцогу, если бы предпочиталъ г. Борка Виргилію.

— Виргилій—великій человѣкъ,—отвѣтилъ г. Милль.—А что вы думаете о Шенье? Что касается меня, то я не знаю ничего лучше его «Карла IX». Не скрою отъ васъ, что я самъ пробую свои силы въ трагедіи, и въ тотъ моментъ, какъ вы вошли, я оканчивалъ сцену, которою въ достаточной мѣрѣ доволенъ. Вы мнѣ кажетесь порядочнымъ человѣкомъ. Я хочу посвятить васъ въ тему своей трагедіи, но не говорите никому объ этомъ. Вы понимаете, какія послѣдствія имѣла бы малѣйшая нескромность. Я сочиняю «Лукрецію».

Затѣмъ, взявъ въ руки толстую тетрадь, онъ прочелъ:

«Лукреція, трагедія въ пяти актахъ, посвящается Людовику Возлюбленному, возстановителю свободы во Франціи».

Онъ продекламировалъ мнѣ стиховъ съ двѣсти, потомъ остановился, извиняясь тѣмъ, что остальное еще не вполнѣ отдѣлано.

— Переписка герцога,—сказалъ онъ вздыхая,—отнимаетъ у меня лучшіе часы дня. Мы въ перепискѣ со всѣми образованными людьми Англіи, Швейцаріи и Америки. Кстати скажу вамъ, г. Обье, что вашей обязанностью будетъ списываніе и регистрація писемъ. Если вамъ угодно теперь же узнать, чѣмъ мы заняты въ настоящее время, то я вамъ объясню. Мы устраиваемъ въ Пюибоннѣ ферму съ англійскими переселенцами, чтобы они ввели у насъ тѣ улучшенія по земледѣлію, которыя примѣняются въ Великобританіи. Мы выписываемъ изъ Испаніи нѣсколько штукъ овецъ съ шелковистымъ руномъ, стада которыхъ обогатили своей шерстью Сеговію. Это предпріятіе настолько трудно, что потребовалось, чтобы къ нашимъ усиліямъ присоединился самъ король. Наконецъ, мы покупаемъ швейцарскихъ коровъ для снабженія ими нашихъ вассаловъ. Я уже не говорю о перепискѣ, касающейся политики. Она держится въ секретѣ. Но, вы понимаете, герцогъ Пюибоннъ стремится приложить во Франціи англійскую конституцію. Позвольте мнѣ оставить васъ, г. Обье. Я иду въ театръ. Даютъ «Alzire».

Эту ночь я спалъ на тонкихъ простыняхъ, но мнѣ спалось плохо. Мнѣ снилось, что пчелы моей матери летаютъ надъ развалинами Бастиліи, вокругъ герцога Пюибонна, который милостиво улыбается, озаренный райскимъ сіяніемъ. Утромъ я явился къ господину Миллю и спросилъ его, доволенъ ли онъ спектаклемъ. Онъ отвѣтилъ, что во время представленія «Альзиры» ему, повидимому, удалось постиг-

и слова разсердили торговца виномъ.

- Поймите, господинъ цирюльникъ,—отвѣти
пійся народъ презираетъ пустыя украшені
а вашу грубость, если бы у меня было врем
ино г. Бальи, парижскому меру, который у
дружбой.

къ они разстались, а я пошелъ пѣшкомъ,
книгами, саломъ и воспоминаніями о п
цогу Пюибоннъ, къ которому имѣлъ реком
ается на краю города, на улицѣ Гренелль.
го съ удовольствіемъ, такъ какъ герцогъ
ностью.

ъ принялъ меня ласково. Ничто ни въ его о
не выходитъ изъ предѣловъ простоты. У
ный видъ, какой бываетъ только у людей
ющихъ.

ъ прочелъ письмо Феваля и сказалъ мнѣ:

- Эта рекомендація хороша, но что вы знает
отвѣчалъ, что знаю по-латыни, немного по-
ю, риторику и поэзію.

- Это—прекрасныя познанія!—отвѣтилъ о
ло бы болѣе желательно, чтобы вы имѣли к
емледѣліи, механикѣ, коммерціи, банковыхъ
олагаю, вы знаете законы Солона?

кивнулъ головой въ знакъ утвержденія.

- Это отлично, но вы не знаете англійской
но: вы молоды и въ такомъ возрастѣ, когда
авляю васъ у себя съ жалованьемъ въ пять
екретарь, объяснитъ вамъ ваши обязанности
зый государь.

уга проводилъ меня къ г. Миллю, который
ди большой бѣлой комнаты. Онъ сдѣлалъ мн
ылъ маленькій, круглый человѣчекъ, съ д
ъ; но во время письма онъ страшно вороча
ворчалъ.

слышалъ, какъ изъ его рта вырывались с
дъ, человѣкъ, Римъ, рабство, свобода. Я
. Однако, положивъ перо, онъ съ улыбкой

— Что?—сказалъ онъ.—Вы осматриваете к
домъ древняго римлянина. Нѣтъ болѣе поз
й на каминахъ, ничего, что напоминало б

мена ничего, что было бы недостойно серьезнаго и свободнаго чело-
...адо мнѣ записать эту рифму. Не правда ли,
...и вы стихи, г. Петръ Обье?
...чень люблю ихъ, но что я лучше бы угодилъ
...почиталъ г. Борка Виргилію.
...кій человѣкъ,—отвѣтилъ г. Милль.—А что вы
...касается меня, то я не знаю ничего лучше его
...отъ васъ, что я самъ пробую свои силы въ
...ментъ, какъ вы вошли, я оканчивалъ сцену,
...й мѣрѣ доволенъ. Вы мнѣ кажетесь порядоч-
...очу посвятить васъ въ тему своей трагедіи,
...объ этомъ. Вы понимаете, какія послѣдствія
...скромность. Я сочиняю «Лукрецію».
...руки толстую тетрадь, онъ прочелъ:
...въ пяти актахъ, посвящается Людовику Воз-
...ителю свободы во Франціи».
...алъ мнѣ стиховъ съ двѣсти, потомъ остано-
..., что остальное еще не вполнѣ отдѣлано.
...ога,—сказалъ онъ вздыхая,—отнимаетъ у ме-
...Мы въ перепискѣ со всѣми образованными
...аріи и Америки. Кстати скажу вамъ, г. Обье,
...ю будетъ списываніе и регистрація писемъ.
...ь же узнать, чѣмъ мы заняты въ настоящее
...ню. Мы устраиваемъ въ Пюибоннѣ ферму съ
...ами, чтобы они ввели у насъ тѣ улучшенія
...примѣняются въ Великобританіи. Мы выпи-
...ѣсколько штукъ овецъ съ шелковистымъ ру-
...обогатили своей шерстью Сеговію. Это пред-
...о, что потребовалось, чтобы къ нашимъ уси-
...мъ король. Наконецъ, мы покупаемъ швей-
...набженія ими нашихъ вассаловъ. Я уже не
...сающейся политики. Она держится въ секре-
...герцогъ Пюибоннъ стремится приложить во
...онституцію. Позвольте мнѣ оставить васъ,
...ръ. Даютъ «Alzire».
...а тонкихъ простыняхъ, но мнѣ спалось пло-
...челы моей матери летаютъ надъ развалинами
...ога Пюибонна, который милостиво улыбается,
...ніемъ. Утромъ я явился къ господину Миллю
...ъ ли онъ спектаклемъ. Онъ отвѣтилъ, что во
«Альзиры» ему, повидимому, удалось постиг-

ти слова разсердили торговца виномъ.

– Поймите, господинъ цирюльникъ,—отвѣти.
шійся народъ презираетъ пустыя украшенія
за вашу грубость, если бы у меня было врем
вно г. Бальи, парижскому меру, который у
дружбой.

акъ они разстались, а я пошелъ пѣшкомъ,
книгами, саломъ и воспоминаніями о пс
рцогу Пюибоннъ, къ которому имѣлъ рекоме
щается на краю города, на улицѣ Гренелль.
его съ удовольствіемъ, такъ какъ герцогъ с
ьностью.

нъ принялъ меня ласково. Ничто ни въ его од
не выходитъ изъ предѣловъ простоты. У
тный видъ, какой бываетъ только у людей д
ающихъ.

нъ прочелъ письмо Феваля и сказалъ мнѣ:

– Эта рекомендація хороша, но что вы знает
отвѣчалъ, что знаю по-латыни, немного по-
ію, риторику и поэзію.

– Это—прекрасныя познанія!—отвѣтилъ он
ило бы болѣе желательно, чтобы вы имѣли к
земледѣліи, механикѣ, коммерціи, банковыхъ
Полагаю, вы знаете законы Солона?

кивнулъ головой въ знакъ утвержденія.

– Это отлично, но вы не знаете англійской
жно: вы молоды и въ такомъ возрастѣ, когда
авляю васъ у себя съ жалованьемъ въ пятьс
екретарь, объяснитъ вамъ ваши обязанност
вый государь.

луга проводилъ меня къ г. Миллю, который
еди большой бѣлой комнаты. Онъ сдѣлалъ мн
ылъ маленькій, круглый человѣчекъ, съ д
нъ; но во время письма онъ страшно ворочa
а ворчалъ.

Я слышалъ, какъ изъ его рта вырывались сл
ядъ, человѣкъ, Римъ, рабство, свобода. Я с
ь. Однако, положивъ перо, онъ съ улыбкой

— Что?—сказалъ онъ.—Вы осматриваете к
домъ древняго римлянина. Нѣтъ болѣе поз
уй на каминахъ, ничего, что напоминало бы

о бы недостойно серьезнаго и свободнаго чело-
адо мнѣ записать эту рифму. Не правда ли,
и вы стихи, г. Петръ Обье?
очень люблю ихъ, но что я лучше бы угодилъ
почиталъ г. Борка Виргилію.
икій человѣкъ,—отвѣтилъ г. Милль.—А что вы
касается меня, то я не знаю ничего лучше его
отъ васъ, что я самъ пробую свои силы въ
ментъ, какъ вы вошли, я оканчивалъ сцену,
й мѣрѣ доволенъ. Вы мнѣ кажетесь порядоч-
хочу посвятить васъ въ тему своей трагедіи,
объ этомъ. Вы понимаете, какія послѣдствія
ескромность. Я сочиняю «Лукрецію».
руки толстую тетрадь, онъ прочелъ:
я въ пяти актахъ, посвящается Людовику Воз-
ителю свободы во Франціи».
залъ мнѣ стиховъ съ двѣсти, потомъ остано-
, что остальное еще не вполнѣ отдѣлано.
цога,—сказалъ онъ вздыхая,—отнимаетъ у ме-
Мы въ перепискѣ со всѣми образованными
аріи и Америки. Кстати скажу вамъ, г. Обье,
ю будетъ списываніе и регистрація писемъ.
рь же узнать, чѣмъ мы заняты въ настоящее
нию. Мы устраиваемъ въ Пюибоннѣ ферму съ
цами, чтобы они ввели у насъ тѣ улучшенія
примѣняются въ Великобританіи. Мы выпи-
нѣсколько штукъ овецъ съ шелковистымъ ру-
обогатили своей шерстью Сеговію. Это пред-
ю, что потребовалось, чтобы къ нашимъ уси-
мъ король. Наконецъ, мы покупаемъ швей-
снабженія ими нашихъ вассаловъ. Я уже не
асающейся политики. Она держится въ секре-
герцогъ Пюибоннъ стремится приложить во
конституцію. Позвольте мнѣ оставить васъ,
ръ. Даютъ «Alzire».
на тонкихъ простыняхъ, но мнѣ спалось пло-
пчелы моей матери летаютъ надъ развалинами
цога Пюибонна, который милостиво улыбается,
ияніемъ. Утромъ я явился къ господину Миллю
нъ ли онъ спектаклемъ. Онъ отвѣтилъ, что во
«Альзиры» ему, повидимому, удалось постиг-

а разсердили торговца виномъ.
ите, господинъ цирюльникъ,—отвѣти
народъ презираетъ пустыя украшенія
грубость, если бы у меня было врем
Бальи, парижскому меру, который у
й.
і разстались, а я пошелъ пѣшкомъ,
ми, саломъ и воспоминаніями о п
Нюибоннъ, къ которому имѣлъ рекоме
на краю города, на улицѣ Гренелль.
удовольствіемъ, такъ какъ герцогъ с
).
ялъ меня ласково. Ничто ни въ его од
ходитъ изъ предѣловъ простоты. У
дъ, какой бываетъ только у людей
.
елъ письмо Феваля и сказалъ мнѣ:
рекомендація хороша, но что вы знает
лъ, что знаю по-латыни, немного по-
орику и поэзію.
—прекрасныя познанія!—отвѣтилъ он
болѣе желательно, чтобы вы имѣли к
ліи, механикѣ, коммерціи, банковыхъ
, вы знаете законы Солона?
ъ головой въ знакъ утвержденія.
отлично, но вы не знаете англійской
молоды и въ такомъ возрастѣ, когда
васъ у себя съ жалованьемъ въ пятьс
ь, объяснитъ вамъ ваши обязанност
сударь.
оводилъ меня къ г. Миллю, который
шой бѣлой комнаты. Онъ сдѣлалъ ми
аленькій, круглый человѣчекъ, съ д
во время письма онъ страшно ворочал
лъ.
лъ, какъ изъ его рта вырывались сл
овѣкъ, Римъ, рабство, свобода. Я
ко, положивъ перо, онъ съ улыбкой
—сказалъ онъ.—Вы осматриваете к
ревняго римлянина. Нѣтъ болѣе поз
аминахъ, ничего, что напоминало бы

бы недостойно серьезнаго и свободнаго ч
до мнѣ записать эту рифму. Не правда
вы стихи, г. Петръ Обье?
ень люблю ихъ, но что я лучше бы уго
очиталъ г. Борка Виргилію.
кій человѣкъ,—отвѣтилъ г. Милль.—А ч
асается меня, то я не знаю ничего лучш
отъ васъ, что я самъ пробую свои сил
ентъ, какъ вы вошли, я оканчивалъ сп
мѣрѣ доволенъ. Вы мнѣ кажетесь пор
чу посвятить васъ въ тему своей траг
объ этомъ. Вы понимаете, какія послѣд
скромность. Я сочиняю «Лукрецію».
уки толстую тетрадь, онъ прочелъ:
въ пяти актахъ, посвящается Людовику
телю свободы во Франціи».
лъ мнѣ стиховъ съ двѣсти, потомъ оста
что остальное еще не вполнѣ отдѣлано.
га,—сказалъ онъ вздыхая,—отнимаетъ у
ы въ перепискѣ со всѣми образованн
ріи и Америки. Кстати скажу вамъ, г. О
о будетъ списываніе и регистрація писе
ь же узнать, чѣмъ мы заняты въ настоя
ю. Мы устраиваемъ въ Пюибоннѣ ферму
ми, чтобы они ввели у насъ тѣ улучш
примѣняются въ Великобританіи. Мы вы
сколько штукъ овецъ съ шелковистымъ
богатили своей шерстью Сеговію. Это п
, что потребовалось, чтобы къ нашимъ у
ъ король. Наконецъ, мы покупаемъ ш
абженія ими нашихъ вассаловъ. Я уже
ающейся политики. Она держится въ се
ерцогъ Пюибоннъ стремится приложит
нституцію. Позвольте мнѣ оставить в
ъ. Даютъ «Alzire».
тонкихъ простыняхъ, но мнѣ спалось
елы моей матери летаютъ надъ развали
а Пюибонна, который милостиво улыба
іемъ. Утромъ я явился къ господину М
ли онъ спектаклемъ. Онъ отвѣтилъ, ч
«Альзиры» ему, повидимому, удалось по

лось, что объ обыскахъ. Изъ своей комнаты, которая находилась наверху отеля, я слышалъ шаги вооруженныхъ гражданъ, стукъ пикъ и ружейныхъ прикладовъ о сосѣднія двери, жалобы и крики жителей, которыхъ забирали. Устрашивъ въ теченіе дня робкихъ обитателей квартала, «голоштанники» вечеромъ отправлялись въ сосѣднюю овощную лавку; тамъ они пьянствовали, плясали карманьолу, пѣли «Ça ira» до утра, и цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Безпокойство дѣлало мою безсонницу еще болѣе мучительной. Я боялся, чтобы какой-нибудь лакей не выдалъ меня и чтобы не пришли меня арестовать.

Это было тогда какое-то повѣтріе доносовъ. Каждый поваренокъ считалъ себя Брутомъ за то, что предавалъ господъ, которые его кормили.

Я былъ постоянно насторожѣ: преданный слуга долженъ былъ предупредить меня при первомъ стукѣ молотка. Я бросался одѣтымъ на свою кровать или въ кресло. Я носилъ при себѣ ключъ отъ маленькой садовой калитки. Но въ теченіе отвратительныхъ сентябрьскихъ дней, когда я узналъ, что сотни арестованныхъ были перебиты при равнодушіи публики, съ одобренія представителей власти, отвращеніе превысило во мнѣ страхъ: я сталъ стыдиться настолько заботиться о своей безопасности и защищать такъ осторожно жизнь, которую мнѣ суждено было проводить въ созерцаніи преступленій моего отечества.

Я пересталъ бояться выходить на улицу и встрѣчаться съ патрулями. Тѣмъ не менѣе, я любилъ жизнь. Было что-то властно-привлекательное и въ моихъ скорбяхъ, и въ моихъ мученіяхъ. Дивный образъ заслонялъ отъ моихъ глазъ мрачную картину, которая развертывалась передо мною. Я любилъ Амели, и ея юное лицо очаровывало мое воображеніе, представляясь мнѣ еще въ тысячу разъ привлекательнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности. Я любилъ ее безнадежно. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я велъ себя, какъ человѣкъ смѣлый, я сталъ менѣе недостоинъ ея. По крайней мѣрѣ, я льстилъ себя тѣмъ, что опасности, которымъ я подвергаюсь, сдѣлаютъ меня интереснымъ въ ея глазахъ.

Въ такомъ настроеніи я пошелъ къ ней однажды утромъ и засталъ ее одну. Она разговаривала со мною ласковѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Глаза ея обратились къ небу, и изъ нихъ выкатилась слеза. Увидѣвъ это, я пришелъ въ неописуемое волненіе. Я бросился къ ея ногамъ, цѣловалъ и обливалъ слезами ея руки.

— О, братъ мой!—сказала она, стараясь меня поднять.

Я не сообразилъ въ ту минуту всю жестокую ласковость этого

слова «братъ». Я говорилъ съ ней со всею силою чувства, на какое только была способна моя душа.

— Да,—воскликнулъ я,—эти времена ужасны! Люди злы; убѣжимъ отъ нихъ. Счастіе въ уединеніи. Еще существуютъ отдаленные острова, гдѣ можно скрыться и жить въ невинности; отправимся туда. Пойдемъ искать счастія въ сѣни латаній, на могилѣ Виргиніи.

Въ то время, какъ я такъ говорилъ, она смотрѣла вдаль и, повидимому, мечтала; но я не могъ угадать, были ли ея мечты о томъ же, о чемъ—мои.

III.

Остатокъ дня я провелъ въ самой мучительной неизвѣстности. Я не могъ ни отдохнуть, ни заняться чѣмъ бы то ни было. Одиночество было для меня ужасно, а общество несносно. Въ такомъ настроеніи я бродилъ наобумъ по улицамъ и набережнымъ города, съ грустью глядя на обезображенные гербы на фронтонахъ домовъ и на обезглавленныя статуи святыхъ у входа въ церкви. Погруженный въ свои мечты, я незамѣтно пришелъ въ садъ Пале-Рояля, гдѣ толпилась пестрая толпа гуляющихъ, которые приходили сюда пить кофе и читать газеты. Поэтому деревянныя галлереи являли каждый день праздничный видъ. Съ момента объявленія войны и успѣховъ арміи союзниковъ, парижане приходили узнавать новости въ Тюльери и въ Пале-Рояль. Въ хорошую погоду народа толпилось много; самое безпокойство приносило собой нѣкотораго рода развлеченіе.

Многія женщины, одѣтыя просто, на греческій манеръ, носили вокругъ таліи или въ волосахъ національные цвѣта. Въ этой толпѣ я чувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ. Весь этотъ шумъ, все это движеніе, которое окружало меня, содѣйствовало, такъ сказать, только тому, что я еще болѣе съеживался и замыкалъ въ себѣ свои мысли.

— Увы!—говорилъ я себѣ.—Достаточно ли я ей сказалъ? Выразилъ ли я ей всѣ мои чувства? А, пожалуй, и не слишкомъ ли много я говорилъ о нихъ? Согласится ли она опять видѣться со мною теперь, когда знаетъ, что я ее люблю? Но знаетъ ли она это? И хочетъ ли это знать?

Такъ я стоналъ надъ неизвѣстностью своей судьбы, когда мое вниманіе внезапно привлекъ знакомый голосъ. Я поднялъ голову и увидалъ г. Милля, который, стоя въ кафе, пѣлъ въ кругу патріотовъ и гражданъ. Одѣтый національнымъ гвардейцемъ, онъ лѣвой рукой обнималъ молодую женщину, въ которой я призналъ цвѣточницу изъ Р...онно, а самъ пѣлъ на мотивъ «Lisette»:

Выборныхъ двѣнадцать сотенъ
Наши цѣпи рвутъ,
А красавицъ сотня тысячъ
Въ рабство насъ ведутъ.
Славить новые порядки
Не удобно намъ:
Кто ихъ хвалитъ, потеряетъ
Уваженье дамъ.

Этотъ куплетъ былъ принятъ съ ропотомъ одобренія. Г. Милль улыбнулся, сдѣлалъ легкій поклонъ, а потомъ, обращаясь къ своей спутницѣ, продолжалъ пѣть:

Вы имъ въ томъ не подражайте,
Ангелъ нѣжный, Софья!
А полезна сколь, признайте,
Нынѣ философья:
Вѣдь, проникнутые ею
Франціи Солоны
Правды воплотятъ идею,
Давши намъ законы!

Посыпались апплодисменты, а г. Милль, вытащивъ изъ кармана бантъ изъ лентъ, передалъ его Софьѣ, продолжая пѣть:

Приколите же кокарду
Эту вы сейчасъ!
Нѣту лучше украшенья
Въ гвардіи у насъ.
Лучше золота цвѣточки!
Ихъ прекрасенъ видъ!
А трехцвѣтная кокарда
Ярче розъ горитъ!

Софья приколола бантъ къ чепчику и обвела присутствующихъ глупо торжествующимъ взглядомъ. Стали хлопать: г. Милль поклонился. Онъ глядѣлъ на толпу, не различая въ ней ни меня, ни кого-либо другого; вѣрнѣе, въ этой толпѣ онъ видѣлъ только самого себя.

— Ахъ, государь мой, — воскликнулъ мой сосѣдъ, который, придя въ экстазъ, нѣжно обнималъ меня. — Ахъ, если бы пруссаки и австрійцы видѣли это! Они задрожали бы, сударь мой! Въ Лонгви и Верденѣ у нихъ были единомышленники. Но въ Парижѣ, если бы они пришли сюда, они нашли бы себѣ могилу. Народъ полонъ воинственнаго духа. Я только что изъ Тюльерійскаго сада, государь мой: слушалъ тамъ пѣвцовъ передъ статуей свободы, какъ они тамъ ре-

пѣли воинственную пѣсню марсельцевъ. Потрясенная толпа хоромъ повторяла припѣвъ:

Къ оружію, граждане!

Жаль не было пруссаковъ тамъ! Они бы спрятались подъ землю!

Мой собесѣдникъ былъ самый обыкновенный человѣкъ: ни красивъ, ни безобразенъ, ни великъ ростомъ, ни малъ. Онъ походилъ на каждаго и не заключалъ въ себѣ ничего индивидуальнаго, выдѣляющагося, но говорилъ громко, и его быстро окружили. Внушительно кашлянувъ, онъ продолжалъ:

— Врагъ приближается къ Шалону. Надо запереть его въ желѣзномъ кольцѣ. Граждане, будемъ сами бодрствовать надъ благомъ народа, но не довѣряйте вашимъ генераламъ, не довѣряйте штабу арміи, не довѣряйте вашимъ министрамъ, хотя вы ихъ выбрали и сами, не довѣряйте депутатамъ конвента, и будемъ спасать себя сами.

— Браво!—крикнулъ кто-то изъ присутствующихъ.—Полетимъ въ Шалонъ.

Человѣкъ небольшого роста живо перебилъ его:

— Патріоты не должны покидать Парижа, пока не истребятъ измѣнниковъ.

Эти слова исходили изо рта, который я тотчасъ же узналъ. Я не могъ ошибиться. Эта огромная голова, качающаяся на узкихъ плечахъ, это плоское багровое лицо, вся эта фигура, жалкая и безобразная,—это былъ мой прежній учитель, отецъ Журсанво. Скверная куртка замѣнила ему сутану. На головѣ была красная шапка. Его лицо дышало ненавистью и отступничествомъ. Я отвернулъ свое, но не могъ не слышать бывшаго монаха ораторіи, который продолжалъ свою рѣчь въ слѣдующихъ словахъ:

— Мало было пролито крови въ славные сентябрьскіе дни. Народъ, всегда великодушный, пощадилъ слишкомъ много предателей и заговорщиковъ.

Услышавъ эти ужасныя слова, я убѣжалъ возмущенный. Будучи ребенкомъ, я подозрѣвалъ, что Журсанво не обладаетъ ни добротой, ни справедливостью. Я не любилъ его. Но я далекъ былъ отъ пониманія черноты его души. Я испытывалъ горькую скорбь при открытіи что мой прежній учитель—отвратительный злодѣй.

— Зачѣмъ я уже не ребенокъ!—воскликнулъ я въ душѣ.—Зачѣмъ и жить, если жизнь приберегаетъ для насъ подобныя встрѣчи! О добрый регентъ, отецъ Феваль! Пусть воспоминаніе о васъ усладитъ скорбь моей души. Куда бросила васъ буря, мой единственный настоящій учитель? По крайней мѣрѣ, гдѣ бы вы ни были, я увѣ-

ренъ, что гуманность, состраданіе и героизмъ всегда присутствуютъ въ васъ. Вы преподали мнѣ, о, уважаемый регентъ, прямодушіе и отвагу. Пусть вашъ воспитанникъ, вашъ сынъ не покажетъ себя слишкомъ недостойнымъ васъ!

Какъ только я кончилъ это мысленное воззваніе, то сейчасъ же ощутилъ новый приливъ отваги. Мысли мои естественнымъ порядкомъ обратились къ моей дорогой Амели; я вдругъ созналъ свой долгъ и рѣшилъ его выполнить. Я открылъ свои чувства Амели. Не долженъ ли я былъ сообщить о своемъ признаніи и г-жѣ Бертеме?

Я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ двери: мечты мои, разумѣется, привели меня къ дому, гдѣ жила Амели. Я вошелъ и заговорилъ...

Г-жа Бертеме сказала мнѣ съ улыбкой, что я очень хорошій человѣкъ, а потомъ прибавила въ болѣе серьезномъ тонѣ:

— Я сообщу вамъ нѣчто, необходимое для вашего покоя. Не обольщайтесь напрасно. Оставьте всякую надежду. Мою дочь любитъ кавалеръ де-Сентъ-Анжъ, и я не считаю ее безчувственной къ его поклоненію. Тѣмъ не менѣе, я желала бы, чтобы она о немъ забыла. Наши средства уменьшаются съ каждымъ днемъ и, благодаря этому, любовь кавалера подвергается такому испытанію, изъ котораго самое пылкое чувство не всегда выходитъ побѣдителемъ.

Кавалеръ де-Сентъ-Анжъ! При этомъ имени я содрогнулся: моимъ соперникомъ являлся самый нѣжный поэтъ, самый изящный повѣствователь! Онъ имѣлъ все, чтобы нравиться: знатную семью, имя, красоту, таланты! Наканунѣ, на черепаховой коробочкѣ въ рукахъ одной дамы, я видѣлъ миніатюрный акварельный портретъ кавалера де-Сентъ-Анжа, въ костюмѣ драгуна.

Глядя на него, я, какъ всѣ мужчины, завидовалъ его мужественному изяществу и величественной граціи. Каждое утро мнѣ приходилось слышать, какъ моя сосѣдка, мелочная торговка, распѣвала у себя на порогѣ безсмертный романсъ: «Le Gage».

О, ты, кому на свѣтъ не должно бы родиться,
Любви безъ разума ты дорогой залогъ...

Недавно я съ наслажденіемъ читалъ философскій романъ, который открылъ для кавалера Сентъ-Анжа двери Французской Академіи, этотъ замѣчательный «Cynégire», далеко превосходящій «Numa Pompilius» г. Флоріана. «Вашъ «Cynégire»,—говорилъ уважаемый г. Седенъ кавалеру Сентъ-Анжу, принимая его въ прославленное собраніе,—вашъ «Cynégire» посвященъ тѣни Фенелона, и жертва не испортила красоты алтаря». Таковъ былъ мой соперникъ: трогательный

авторъ «Gage», соперникъ Фенелона и Вольтера! Я былъ смущенъ: изумленіе притупило мою скорбь.

— Какъ, сударыня? — воскликнулъ я. — Кавалеръ де-Сентъ-Анжъ...

— Да,—продолжала, качая головой, г-жа Бертеме,—крупный талантъ! Но не думайте, что онъ, какъ человѣкъ, похожъ на героевъ своихъ поэмъ. Увы! его любовь уменьшается вмѣстѣ съ нашимъ состояніемъ.

Она любезно прибавила сожалѣніе о томъ, что выборъ ея дочери не палъ на меня.

— Таланты,—сказала она,—не даютъ счастія. Наоборотъ, люди, одаренные особенными способностями, поэты, ораторы, должны бы жить одни. Зачѣмъ имъ товарищъ въ этой жизни, гдѣ они не могутъ найти себѣ равныхъ? Самый ихъ геній обрекаетъ ихъ на эгоизмъ. Главенство среди людей не дается безнаказанно.

Но я ее не слушалъ, продолжая удивляться. Это открытіе убило мою любовь. Безъ надежды любовь не живуча. Моя умерла отъ одного слова.

Кавалеръ де-Сентъ-Анжъ? Сознаюсь ли? Между тѣмъ, какъ мое сердце страдало, мое самолюбіе испытывало нѣкоторое удовлетвореніе при мысли о томъ, что каждый, какъ и я, былъ бы отринутъ, будучи предупрежденъ такимъ соперникомъ.

Я поцѣловалъ разъ сто руки г-жи Бертеме и ушелъ успокоенный, молчаливый, тихій, похожій на тѣнь того отважнаго влюбленнаго, который часомъ раньше явился къ матери Амели со своими сомнѣніями и признаніями. Я не страдалъ, а испытывалъ только удивленіе, стыдъ и страхъ, при сознаніи, что могу пережить лучшее во мнѣ, мою любовь.

Переходя Новый Мостъ по пути въ свое опустѣлое предмѣстье, я увидалъ у подножія пьедестала, на которомъ недавно возвышалась статуя Генриха IV, пѣвца музыкальной академіи, который съ паѳосомъ пѣлъ гимнъ марсельцевъ. Собравшаяся толпа съ непокрытыми головами хоромъ подхватывала припѣвъ: «Къ оружію, граждане!» Но когда пѣвецъ медленно, глубокимъ голосомъ запѣлъ послѣдній к плетъ: «Любовь священная къ отчизнѣ», весь народъ задрожалъ, и пытывая какой-то святой трепетъ. При стихѣ:

Свобода, милая свобода...

я росился на колѣни на мостовой и видѣлъ, что весь народъ прекло-н ся вмѣстѣ со мною. О, родина, родина! Что такое есть въ тебѣ,

изъ-за чего твои дѣти такъ тебя обожаютъ? Твой лучезарный образъ паритъ надъ грязью и кровью. О, родина! Счастливы тѣ, кто за тебя умираетъ.

Солнце, опускаясь въ кровавыхъ тучахъ къ горизонту, обливало пламеннымъ отблескомъ воды прославленнѣйшей изъ рѣкъ. Привѣтъ тебѣ, послѣдній лучъ моихъ счастливыхъ дней!

О! Какая мрачная зима должна была наступить для меня съ этого вечера! Когда я заперся въ своей маленькой комнатѣ, наверху отеля Пюибоннъ, мнѣ показалось, точно на меня навалили надгробную плиту.

— Кончено!—рыдая, сказалъ я самъ себѣ.—Я не люблю больше Амели. Но что постоянно принуждаетъ меня повторять себѣ это? Почему, не любя ее больше, я не могу думать ни о комъ, кромѣ нея? Почему я оплакиваю съ такой горечью мою бѣдную любовь, вырванную съ корнемъ?

Жестокая тоска присоединилась къ печали моего сердца. Положеніе государственныхъ дѣлъ приводило меня въ отчаяніе. Я испытывалъ крайнюю нужду безъ надежды найти работу и былъ принужденъ скрываться, чтобы не быть арестованнымъ въ качествѣ подозрительнаго человѣка.

Г. Миллъ не показывался въ отель съ десятаго августа. Я не зналъ толкомъ, гдѣ онъ жилъ; но онъ не пропускалъ ни одного засѣданія коммуны и читалъ каждый день по новому гимну передъ муниципалитетомъ подъ апплодисменты чулочницъ и голоштанниковъ. Онъ былъ самымъ патріотичнымъ изъ поэтовъ, и самъ гражданинъ Дора-Кюбьеръ казался рядомъ съ нимъ робкимъ «фёльяномъ», подозрительнымъ для демагоговъ. Знакомство со мною было опаснымъ; поэтому г. Миллъ не навѣщалъ меня, а деликатность вмѣняла мнѣ въ нетрудный долгъ не разыскивать его. Тѣмъ не менѣе, какъ любезный человѣкъ, онъ прислалъ мнѣ отпечатанный сборникъ своихъ пѣсенъ. О! Какъ вторая муза его мало походила на первую! Первая была напудрена, нарумянена, надушена; новая же была похожа на фурію со змѣями, вмѣсто волосъ. Я еще помню «Пѣсню Голоштанниковъ», считавшуюся очень язвительной. Она начиналась такъ:

«Въ честь деспотовъ довольно пѣли,
Пока тиранны всѣмъ владѣли,
Подъ ужаснымъ ихъ ярмомъ.

Дни равенства теперь настали,
Законы, волю даровали,
Босяковъ мы воспоемъ!»

Процессъ короля волновалъ меня невыразимо. Я проводилъ дни въ ужасѣ. Однажды утромъ ко мнѣ постучали въ дверь. Я догадался, что стучитъ не грубая, а дружеская рука, отворилъ, и въ мои объятія бросилась г-жа Бертеме.

— Спасите меня, спасите насъ! — сказала она. — Мой братъ Ейстансъ, мой единственный братъ попалъ въ списокъ эмигрантовъ и пришелъ искать убѣжища у меня. На него донесли. Его арестовали. Вотъ ужъ пять дней, какъ онъ въ тюрьмѣ. Къ счастію, надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе пустое и плохо обоснованное. Мой братъ никогда не эмигрировалъ. Чтобы его освободили, достаточно засвидѣтельствовать мѣсто его жительства. Я попросила этой услуги у кавалера де-Сентъ-Анжа. Онъ благоразумно отказалъ мнѣ. Такъ вотъ, другъ мой, сынъ мой, я пришла просить у васъ этой услуги, опасной для него, но еще болѣе для васъ.

Я поблагодарилъ ее за эту просьбу, какъ за милость. Такая просьба—изъ тѣхъ, которыя наиболѣе почетны для порядочнаго человѣка.

— Я знала, что вы-то не откажете!—воскликнула г-жа Бертеме, обнимая меня.—Но это еще не все,—прибавила она.—Надо, чтобы вы нашли второго свидѣтеля. Для освобожденія моего брата необходимо, чтобы ихъ было двое. Другъ мой, въ какое время мы живемъ! Г. де-Сентъ-Анжъ удаляется отъ насъ: наше горе ему надоѣдаетъ; и г. Милль боится посѣщать находящихся въ подозрѣніи. Кто бы это сказалъ, другъ мой; кто бы могъ это сказать? Помните ли вы день федераціи? Всѣ мы были одушевлены братскими чувствами, и на мнѣ было такое нарядное платье!

Она ушла отъ меня въ слезахъ. Я тотчасъ же пошелъ искать свидѣтеля и, правду сказать, былъ въ большомъ затрудненіи, гдѣ его найти. Взявшись руками за подбородокъ, я убѣдился, что за недѣлю у меня отросла борода, которая можетъ придавать мнѣ подозрительный видъ, и тотчасъ же отправился къ своему цирюльнику на углу улицы св. Вильгельма. Этотъ парикмахеръ, по фамиліи Ларисcъ, былъ славный человѣкъ, длинный, какъ тополь, и трепетный, какъ осина. Когда я вошелъ къ нему въ заведеніе, онъ занятъ былъ мѣстнымъ виннымъ торговцемъ, который извергалъ изъ окруженнаго мыльной пѣной рта всевозможныя шуточки.

— Прекрасный дамскій парикмахеръ, — говорилъ онъ, — тебѣ отрѣжутъ голову и насадятъ ее на пику, чтобы удовлетворить твоимъ аристократическимъ симпатіямъ. Надо срубить головы всѣмъ врагамъ народа, начиная съ толстаго Капета и кончая тоненькимъ Ларисcомъ. И это будетъ!

Г. Ларисссъ, блѣднѣе луны и дрожа болѣе, чѣмъ листъ, съ безконечными предосторожностями брилъ подбородокъ ругавшагося патріота. Я могу утверждать, что никогда парикмахеръ не испытывалъ большаго страха. И я вывелъ изъ этого благопріятное предсказаніе для своего намѣренія, которое недавно возымѣлъ. Оно заключалось въ томъ, чтобы попросить г. Ларисса пойти со мною въ комитетъ въ качествѣ свидѣтеля.

— Онъ такой трусъ,—говорилъ я самъ себѣ,—что не рѣшится мнѣ отказать.

Виноторговецъ удалился, бормоча новыя угрозы, и оставилъ меня наединѣ съ парикмахеромъ, который, все еще дрожа, обвязалъ мнѣ шею салфеткой.

— Ахъ, сударь мой,—сказалъ онъ мнѣ на ухо голосомъ болѣе слабымъ, чѣмъ дыханіе,—адъ разверзся надъ нами! Для того ли я учился парикмахерскому искусству, чтобы работать на демоновъ?... Головы, которыя оказывали мнѣ честь прежде, теперь въ Лондонѣ или Кобленцѣ. Какъ здоровье господина де-Пюибоннъ? Это былъ хорошій господинъ.

Я увѣрилъ его, что герцогъ въ Лондонѣ даетъ уроки чистописанія и живетъ этимъ. Дѣйствительно, герцогъ недавно прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что живетъ въ Лондонѣ вполнѣ счастливо на четыре шиллинга и шесть пенсовъ въ день.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ мнѣ г. Ларисссъ,—но въ Лондонѣ не причешутъ такъ, какъ въ Парижѣ. Англичане умѣютъ вводить конституціи, но не умѣютъ дѣлать париковъ, и ихъ пудрѣ нехватаетъ настоящей бѣлизны.

Г. Ларисссъ выбрилъ меня скоро. Борода моя тогда не была жесткой. Только что онъ закрылъ бритву, какъ я, взявъ его за руку, рѣшительно сказалъ ему:

— Дорогой господинъ Ларисссъ, вы—любезный человѣкъ, вы пойдете со мной въ генеральное собраніе въ бывшую церковь св. Евстафія. Вы засвидѣтельствуете намъ, что г. Ейстансъ никогда не эмигрировалъ.

При этихъ словахъ г. Ларисссъ поблѣднѣлъ и пробормоталъ умирающимъ голосомъ:

— Но я не знаю г. Ейстанса!

— Я тоже,—отвѣчалъ я ему.

Что и было чистой правдой. Я вѣрно угадалъ характеръ г. Ларисса. Онъ былъ уничтоженъ. Самый страхъ толкалъ его въ опасность. Я взялъ его за руку, и онъ безъ сопротивленія послѣдовалъ за мной.

— Но вы ведете меня на смерть,—сказалъ онъ мнѣ тихонько.

— Къ славѣ!—отвѣтилъ я ему.

Я не зналъ, извѣстны ли ему произведенія нашихъ трагиковъ, но чувство чести у него было: онъ казался польщеннымъ. Онъ читалъ кое-что, потому что, высвободивъ свою руку, отправился въ заднее помѣщеніе своего заведенія, сказавъ мнѣ:

— Милостивый государь мой, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надѣть лучшее мое платье. Въ древности жертвы украшались цвѣтами. Я это читалъ въ «Almanach des honnêtes gens».

Онъ вытащилъ изъ комода голубой кафтанъ, въ который и облекъ свою длинную и гибкую фигуру. Въ такомъ нарядѣ онъ сопутствовалъ мнѣ въ генеральное собраніе почтовой секціи, которое считалось засѣдающимъ безъ перерыва.

У порога церкви, на дверяхъ которой можно было прочесть слова: «Свобода, равенство, братство или смерть», г. Лариссъ почувствовалъ, что у него на лбу выступаетъ потъ; тѣмъ не менѣе, онъ вошелъ. Гражданинъ, который спалъ тамъ, наполовину проснулся, чтобы узнать, въ чемъ наше дѣло, и отослалъ насъ въ революціонный комитетъ.

Я зналъ этотъ комитетъ, потому что два раза сопровождалъ туда г-жу Бертеме. Президентомъ его былъ содержатель мелкихъ номеровъ съ улицы Трюандери, самыми вѣрными кліентками котораго были полусвѣтскія барышни. Въ числѣ членовъ состояли точильщикъ, швейцаръ и пятновыводчикъ, по имени Бистакъ. Намъ пришлось имѣть дѣло съ точильщикомъ. Онъ засѣдалъ безъ стѣсненія, съ засученными рукавами, и выказалъ добродушіе.

— Граждане!—сказалъ онъ намъ.—Разъ вы мнѣ приносите форменное удостовѣреніе, я ничего не имѣю возразить, потому что я—должностное лицо и, слѣдовательно, если форма соблюдена, то съ меня и довольно. Я прибавлю только одно слово: человѣку съ понятіемъ и умомъ нельзя позволить покидать теперь Парижъ. Потому что, видите ли, граждане...

Онъ замялся. Потомъ, помогая себѣ жестами, чтобы выразить свою мысль, онъ вытянулъ свою голую, мускулистую руку, поднесъ ее ко лбу, постучалъ въ него пальцемъ и сказалъ:

— Надо не только это (подъ рукой онъ разумѣлъ орудіе работы), но и это тоже требуется! (на лобъ онъ указалъ, какъ на орудіе мысли).

Затѣмъ онъ похвалился передъ нами своими прирожденными способностями и пожаловался, что его родители не дали ему образова-

нія. Потомъ онъ принялся подписывать наше заявленіе. Несмотря на все его доброе желаніе, это протянулось долго. Между тѣмъ, какъ его руки, привычныя къ точильному камню, съ трудомъ дѣйствовали перомъ, въ комнату вошелъ пятновыводчикъ Бистакъ. Бистакъ не обладалъ добродушіемъ точильщика. У него была душа якобинца. Увидѣвъ насъ, онъ наморщилъ лобъ, и ноздри его раздулись: онъ учуялъ аристократовъ.

— Кто ты такой?—спросилъ онъ меня.

— Петръ Обье.

— Такъ, Петръ Обье, ты разсчитывалъ сегодня лечь спать въ свою постель?

Я держалъ себя довольно твердо, но мой компаньонъ началъ дрожать всѣми членами. Его кости такъ стучали, что Бистакъ обратилъ на это вниманіе и, забывъ меня, занялся только бѣднымъ Лариссомъ.

— Мнѣ кажется, что ты всѣмъ похожъ на заговорщика,—сказалъ Бистакъ грознымъ голосомъ.—Чѣмъ ты занимаешься?

— Я парикмахеръ, къ услугамъ вашимъ, гражданинъ.

— Всѣ парикмахеры—фёльяны!

Обыкновенно страхъ заставлялъ г. Ларисса дѣлать самые смѣлые поступки. Онъ мнѣ потомъ признавался, что въ то время ему стóило громаднаго труда удержаться, чтобы не крикнуть: «Да здравствуетъ король!» Въ дѣйствительности, онъ не закричалъ этого, но гордо отвѣтилъ, что ему не за что особенно благодарить революцію, которая изгнала парики и пудру, и что ему надоѣло постоянно дрожать.

— Возьмите мою голову,—прибавилъ онъ:—по мнѣ, лучше умереть разъ, чѣмъ постоянно бояться.

Эта рѣчь смутила Бистака.

Между тѣмъ точильщикъ, мысли котораго хотя путались въ головѣ, но были проникнуты доброжелательствомъ, предложилъ намъ уйти.

— Идите, граждане,—сказалъ онъ,—но помните, что республикѣ нужно это!—И онъ указалъ на свой лобъ.

Братъ г-жи Бертеме былъ выпущенъ на другой день. Мать Амели много благодарила и обняла меня, потому что любила обнимать. Она сдѣлала лучше.

— Вы пріобрѣли,—сказала она мнѣ,—право на благодарность Амели. Я хочу, чтобы дочь моя сама выразила вамъ всю свою признательность. Она обязана вамъ дядей... Это, правда, меньше чѣмъ мать, но какихъ похвалъ не заслуживаетъ ваша отвага!...

Она пошла за Амели.

Я остался въ комнатѣ одинъ и ждалъ. Я спрашивалъ себя, хватитъ ли у меня силы увидѣть ее вновь. Я боялся, надѣялся, испытывалъ муки тысячи смертей.

Черезъ пять минутъ г-жа Бертеме вновь появилась одна.

— Извините неблагодарную,—сказала она мнѣ.—Моя дочь отказывается придти: «Я не вынесу его присутствія», сказала она мнѣ. «Видѣть его для меня мучительно: отнынѣ онъ мнѣ ненавистенъ. Онъ пріобрѣлъ себѣ жестокое преимущество, обнаруживъ бо́льшее присутствіе духа, чѣмъ человѣкъ, котораго я люблю. Я не увижусь съ нимъ никогда въ жизни: онъ великодушенъ и проститъ меня».

Передавъ эту рѣчь, г-жа Бертеме заключила ее слѣдующими словами:

— Забудьте неблагодарную.

Я обѣщалъ принудить себя къ этому и сдержалъ слово. Событія помогли мнѣ. Царилъ терроръ. Ужасный день 31 мая отнялъ у партіи умѣренныхъ послѣднія надежды.

По поводу переписки, которую я велъ съ г. де-Пюибоннъ, на меня нѣсколько разъ доносили, какъ на заговорщика, и мнѣ постоянно грозила потеря свободы и жизни.

Я не имѣлъ свидѣтельства о гражданской благонадежности и не смѣлъ требовать его себѣ изъ боязни быть тотчасъ арестованнымъ. Существованіе мое было невыносимо.

Въ это время набирали тысячу двѣсти ополченцевъ въ возрастѣ отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ. Я просилъ внести меня въ списокъ. 7 брюмера II года, въ шесть часовъ утра, по дорогѣ въ Нанси, я отправился въ свой полкъ.

Въ военной фуражкѣ на головѣ, въ фуфайкѣ и съ ранцемъ за спиной, по-моему, видъ у меня былъ достаточно воинственный.

Время отъ времени я оборачивался назадъ къ великому городу, гдѣ я такъ любилъ и столько выстрадалъ, а потомъ, утирая слезу, продолжалъ свой путь. Чтобы подбодрить себя, я придумалъ пѣть и затянулъ гимнъ марсельцевъ:

«Пойдемте, родины сыны!...»

На первомъ этапѣ я представилъ свою подорожную крестьянамъ, [ко]торые отправили меня спать въ хлѣвъ, въ солому. Я заснулъ тамъ [с]ладкимъ сномъ, а проснувшись, подумалъ:

«Вотъ хорошо. Теперь я не рискую сложить голову на гиль[оти]нѣ. Мнѣ кажется, что я не люблю больше Амели или, вѣр-

нѣе, что я никогда не любилъ ея. У меня будутъ сабля и ружье. Теперь, кромѣ пуль австрійцевъ, мнѣ нечего бояться. Брендамуръ и Тромпламоръ правы: нѣтъ лучшаго ремесла, какъ ремесло солдата. Но кто бы могъ сказать, въ то время, какъ я изучалъ латынь подъ цвѣтущими яблонями аббата Ламаду, что наступитъ день, когда я буду защищать республику? Ахъ, г. Феваль, кто бы сказалъ, что вашъ маленькій Петръ пойдетъ на войну?»

На слѣдующемъ этапѣ одна добрая женщина уложила меня спать на бѣлыхъ простыняхъ, потому что я былъ похожъ на ея сына.

На другой день я остановился у одной канониссы, которая помѣстила меня на чердакѣ, гдѣ дуло и протекало; и то она сдѣлала съ досадой, потому что защитникъ республики казался ей разбойникомъ опаснѣйшаго сорта.

Наконецъ я прибылъ къ своему полку, на берегъ рѣки Мааса. Мнѣ дали шпагу. Я покраснѣлъ отъ удовольствія, и мнѣ показалось, что я выросъ на цѣлый футъ. Не смѣйтесь надо мною: это было тщеславіе, я согласенъ; но вѣдь именно оно и создаетъ героевъ. Какъ только насъ обмундировали, мы получили приказъ двинуться въ Мобёжъ.

Темной ночью мы прибыли на Самбру. Было совсѣмъ тихо. Мы видѣли костры на холмахъ по ту сторону рѣки. Я узналъ, что это биваки непріятеля, и мое сердце забилось такъ, точно хотѣло разорваться.

Я имѣлъ представленіе о войнѣ по Титу Ливію. Лѣса, луга, холмы, берега Самбры и Мааса, призываю васъ въ свидѣтели того, что это представленіе было совсѣмъ невѣрнымъ. Такая война, въ которой участвовалъ я, состоитъ въ томъ, что идешь по истребляемымъ пожаромъ деревнямъ, спать ложишься въ грязь и слушаешь свистъ пуль во время длиннаго и тоскливаго ночного караула. А выдающихся сраженій и стройныхъ битвъ я не видалъ совсѣмъ. Мы мало спали и совсѣмъ не ѣли. Флоридоръ, мой сержантъ, старый гвардеецъ, ругаясь, говорилъ, что мы ведемъ «праздничную жизнь»; онъ преувеличивалъ, но мы не были несчастны, благодаря сознанію, что исполняемъ свой долгъ и приносимъ пользу родинѣ.

Мы поистинѣ гордились своимъ полкомъ, который покрылъ себя славой при Ваттиньи. Онъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ надежныхъ и хорошо обученныхъ солдатъ. Такъ какъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ въ немъ много солдатъ выбыло изъ строя, то эти дыры кое-какъ заткнули молодыми ополченцами. Мы бы ничего не стоили безъ ветерановъ, которые насъ окружали. Надо много времени, чтобы обучить солдата, а на войнѣ энтузіазмъ не замѣняетъ опыта.

Мой полковникъ былъ прежній дворянинъ нашей мѣстности. Онъ хорошо ко мнѣ относился. Старый провинціальный роялистъ, солдатъ, а не придворный, онъ долго оттягивалъ время, прежде чѣмъ смѣнилъ бѣлый мундиръ полковъ короля на синюю форму солдатъ II года. Онъ ненавидѣлъ республику и каждый день рисковалъ за нее жизнью.

Я благословилъ Провидѣніе за то, что оно привело меня на границу, ибо тамъ я обрѣлъ добродѣтель.

(Писалъ на Самбрскомъ бивакѣ, отъ септиди, 27 фримера, до секстиди, 6 нивоза II года Французской Республики, Петръ Обье, ополченецъ.)

К.

НѢМОЙ КОЛОКОЛЪ.

(Сказка.)

Въ подвальномъ складѣ литейной мастерской, среди всякаго хлама различныхъ, ожидающихъ ремонта или переливки металлическихъ издѣлій, было свалено въ кучу и нѣсколько надтреснутыхъ колоколовъ, и большихъ и малыхъ, отъ церковнаго колокола, который въ свое время призывалъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, до маленькаго колокольчика въ видѣ статуэтки Наполеона I, который стоялъ нѣкогда на столикѣ въ будуарѣ какой-нибудь великосвѣтской дамы. Кромѣ колокольной коллекціи, тутъ же валялись и другіе, уже никуда негодные инвалиды: куски ржаваго желѣза, поломанныя части какой-то машины, краны, подковы, самовары. Каменный полъ, на которомъ валялось все это добро, напоминалъ собою поле сраженія, усѣянное убитыми и ранеными и еще неубранное. Свѣтъ едва проникалъ въ кладовую, никто туда не входилъ, не было даже мышей, и потому понятно, что въ ней царила адская скука. Особенно скучали колокола всѣхъ ранговъ и наименованій: всю жизнь свою они звонили, волнуя не только воздухъ, но и сердца людскія, тогда какъ ихъ сосѣди всѣ обязанности свои исполняли молча, къ молчанію привыкли и потому чувствовали себя въ кладовой сравнительно сноснѣе.

Молчали они и теперь, но болтливые ex professio колокола перезванивались, за исключеніемъ одного, у котораго еще въ ранней юности, едва успѣлъ онъ выйти изъ мастерской, былъ оторванъ языкъ, за то что, обладая болѣе широкимъ діапазономъ и большею отзывчивостью, онъ не умѣлъ подладиться къ звону висѣвшихъ рядомъ съ нимъ товарищей по колокольнѣ и не слѣдовалъ завѣтамъ предковъ «держать языкъ за зубами». Лишенный языка, обезвреженный, онъ попалъ въ заштатный хламъ по очевидному недоразумѣнію и страдалъ своимъ безмолвіемъ болѣе всѣхъ прочихъ. Въ безысходной тоскѣ онъ завидовалъ даже обломку водосточной трубы, которая всю жизнь

свою пропускала общественныя нечистоты и не имѣла понятія ни о силѣ и прелести звука, ни объ ужасѣ обязательнаго безмолвія. Онъ былъ сооруженъ «усердіемъ и иждивеніемъ» нѣкоего скопца-благотворителя, какъ это значилось на опоясывавшей его надписи, но на деньги, высосанныя изъ народа, какъ это само собою разумѣлось; въ немъ было много серебра, но серебро то было горе народное, и потому, когда большіе колокола ликовали подъ руководствомъ понамаря, онъ могъ издавать только стоны. Выходила какофонія, не устраненная, впрочемъ, и послѣ упомянутой ампутаціи; но обыватели, не обладая хорошимъ музыкальнымъ слухомъ, ничего этого не замѣчали, такъ какъ привыкли къ своимъ колоколамъ до того, что утратили всякую способность отличать чистый звукъ отъ фальшиваго и, кромѣ того, наблюдая колокола снизу, они не могли видѣть ни веревочки, ни понамаря, и потому вѣрили, что колокола звонятъ не по командѣ, а по собственному изволенію и, слѣдовательно, фальшивить не могутъ. Польщенные такимъ довѣріемъ, колокола въ скоромъ времени и сами повѣрили, что звонятъ они по свободному своему побужденію и что понамари лишь послушные исполнители ихъ предначертаній.

Итакъ, въ подвалѣ все было темно, все молчало, и говорящіе колокола могли вести свою бесѣду, не стѣсняясь никакими возраженіями и не опасаясь никакой полемики.

— Постоянною ареною моей публичной дѣятельности,—такъ началъ самый большой колоколъ,—была высокая колокольня, доминировавшая надъ всею окружающею мѣстностью. Оттуда, по торжественнымъ днямъ, я сзывалъ своихъ прихожанъ, наполняя сердца ихъ благоговѣйнымъ умиленіемъ; я привѣтствовалъ архіереевъ, навѣщавшихъ свою епархію, я охранялъ спокойствіе и безопасность прихода, оповѣщая всю округу набатомъ объ усмотрѣнномъ пожарѣ. Во время зимнихъ вьюгъ и метелей я своимъ звономъ обращалъ на путь истинный заблудившихся путниковъ. Я весь былъ отданъ на служеніе общественному благу, и не моя вина, если иногда, вмѣсто благовѣста къ заутренѣ, я звонилъ къ «Достойной» или вмѣсто указанія заблудившимся путникамъ потерянной ими дороги, я пугалъ обывателей тревожнымъ набатомъ: имѣйте въ виду, что не всегда при мнѣ состояли добропорядочные понамари; попадались пьяницы и подслѣповатые или оглушенные долголѣтней практикой исполнителями; а всего хуже доставалось мнѣ отъ добровольцевъ-любителей, которые забирались въ пасхальную недѣлю на колокольню и зря, изо всей мочи, дергали за веревки. Въ цѣляхъ устраненія этого неудоб-

ства была образована особая коммиссія по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли воспретить посторонннимъ лицамъ всякій доступъ на колокольню, и я имѣю всѣ основанія полагать, что вопросъ этотъ разрѣшится въ положительномъ смыслѣ.

— Все это прекрасно,—заговорилъ лежащій рядомъ почтовый колокольчикъ,—но и я не даромъ пожилъ на своемъ вѣку. Службу свою я началъ на почтовой станціи, нынѣ уже упраздненной, а впослѣдствіи перешелъ къ становому. Положимъ, что внушать благоговѣйное умиленіе не было моею спеціальностью, что же касается предупрежденій и пресѣченій, то въ этомъ дѣлѣ я охулки на руку не клалъ. И тамъ, и здѣсь я много поработалъ на пользу и радость человѣчества. Сначала меня брали на веселыя свадьбы; я видѣлъ жениховъ, послѣ долгой разлуки спѣшившихъ къ своимъ невѣстамъ, школьниковъ къ родителямъ на лѣтнія каникулы и до сихъ поръ помню, съ какимъ радостнымъ трепетомъ ждали моего звука всѣ тѣ, что выходили навстрѣчу къ желаннымъ гостямъ, поджидая ихъ гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, только что одѣтаго свѣжею зеленью, въ тихій весенній вечеръ, когда безоблачный закатъ сулилъ вёдро на завтра. Какъ жадно, до галлюцинаціи слуха прислушивались они къ каждому звуку, въ которомъ имъ чудился желанный колокольчикъ, и какъ стремителенъ былъ общій восторгъ, когда, наконецъ, появлялась «птица тройка», а надъ нею я, ликующій его виновникъ. То было въ давно минувшую эпоху реформъ и диктатуры сердца. Вскорѣ однако, вѣрный духу новаго времени и новыхъ вѣяній, я перешелъ на службу къ становому приставу («пользоваться колокольчикомъ» частнымъ лицамъ было тогда воспрещено и потому мой престижъ еще болѣе повысился); и здѣсь только понялъ я всю высоту своего новаго призванія; передо мною мужики снимали шапки, а встрѣчные сворачивали съ дороги; дѣлалось это подъ угрозой надлежащей кары. Подъѣзжаешь, бывало, къ какому-нибудь селу, а народъ уже высыпалъ за околицу, предвкушая по старой памяти желанную встрѣчу; но вотъ облако пыли, скрывавшее истину, разсѣивается, и изъ него вылетаетъ лихая тройка, за нею обывательская подвода съ сотскимъ, конвоирующимъ цѣлый возъ розогъ для «высѣканія недоимокъ». Мирная картина моментально мѣняется, былая идиллія уступаетъ мѣсто паникѣ: бабы и ребятишки съ воемъ и плачемъ бросаются, кто куда поспѣетъ; поджарые телята, задравъ хвосты, мечутся по улицѣ и ревутъ, предчувствуя близкую разлуку съ роднымъ хлѣвомъ; а собачонки сердито лаютъ (впрочемъ, изъ подворотни). Обо всемъ этомъ пріятно вспоминать и теперь, въ сладкомъ сознаніи «честно исполненнаго» долга.

Затѣмъ началъ свой разсказъ сильно поломанный колокольчикъ школьнаго сторожа.

— Моя дѣятельность,—задребезжалъ онъ,—была не такъ популярна, какъ ваша, почтеннѣйшій коллега, вѣроятно потому, что пока вы работали на открытомъ воздухѣ, на виду у всѣхъ и во главѣ лихой тройки, я дѣйствовалъ въ стѣнахъ закрытаго помѣщенія. Тѣмъ не менѣе тридцать лѣтъ безпорочно и безустанно стоялъ я на стражѣ великаго школьнаго дѣла и если внушаемый мною спасительный трепетъ не доходилъ до сниманія шапокъ и сворачиванія съ дороги, то въ предѣлахъ ввѣреннаго мнѣ дѣла я старался внѣдрять достодолжную дисциплину, порядокъ и послушаніе старшимъ. Еще задолго до зари, въ холодномъ сумракѣ, я уже неистово гремѣлъ по дортуарамъ, сокрушая сонныя иллюзіи спящаго юношества. Своимъ звономъ я отмѣчалъ всѣ перемѣнныя стадіи хмураго учебнаго дня и съ особою ревностью заливался передъ уроками мертвыхъ языковъ. Но тутъ-то и вышелъ мнѣ капутъ: я оборвался, треснулъ и попалъ въ ломъ.

Вслѣдъ за крупными представителями своей профессіи затараторили и маленькіе колокольчики, едва замѣтно скучившіеся гдѣ-то въ уголкѣ, но ихъ рѣчи уже не отличались ни самомнѣніемъ, ни хвастовствомъ (хвастаться тутъ было нечѣмъ), а напротивъ того, они тихо и робко жаловались на свою судьбу, на отсутствіе воскреснаго отдыха, на жестокое обращеніе.

— Судите сами, — плакался маленькій бронзовый колокольчикъ,—ни днемъ, ни ночью я не зналъ покоя; моя барыня, знатная и капризная, при которой я неотлучно состоялъ, то и дѣло сердито встряхивала меня, заставляя вызванивать то ту, то другую прислугу: «подыми платокъ», «подправь одѣяло», «принеси Амишку» и т. д.; «день деньской я былъ безъ заднихъ ногъ», хотѣлъ было сказать страдалецъ, но, вспомнивъ, что колокольчикамъ ни заднихъ, ни переднихъ ногъ не полагается, сконфузился и смолкъ.

— Это еще куда ни шло,—замѣтилъ ему сосѣдъ, исполнявшій свои обязанности у параднаго подъѣзда,—отвѣдалъ бы ты, другъ любезный, моего житья-бытья, не то бы запѣлъ. То гости, то письма, то телеграммы, то просители, и всякій-то дергаетъ, да по нѣскольку разъ; а то и гимназисты баловались: позвонитъ, шельма, а самъ сейчасъ за уголъ. А въ праздникъ, вотъ вы, господинъ,—обратился онъ къ большому колоколу, — жаловались, что на Пасху васъ любители безпокоили, а мнѣ бывало, объ эту пору, отъ однихъ визитеровъ хоть въ гробъ ложись. Сколько разъ меня обрывали, чинили и опять обрывали, пока въ одинъ изъ торжественныхъ дней кто-то изъ ошалѣвшихъ визитеровъ не искалѣчилъ меня въ дребезги.

Особенно жалка была участь всей этой мелкоты тѣмъ, что у крупныхъ дѣятелей профессіи имѣлась какая ни на есть «цѣль жизни», одинъ указывалъ истинные пути и встрѣчалъ архіереевъ, другой—водворялъ спасительный трепетъ, третій—«стоялъ на стражѣ», а они, мелкота, рѣшительно не понимали, зачѣмъ всю страдную жизнь свою они звонили и звонили, тамъ, гдѣ это было совершенно не нужно, затрачивая массу труда безъ всякихъ результатовъ. Они искали рѣшенія вопроса то у своихъ принципаловъ, то въ народныхъ читальняхъ, били, гдѣ слѣдовало, челомъ, но нигдѣ ни толка, ни защиты добиться не могли, потому что это была мелкота не только сравнительно, но и сама по себѣ.

На эту же тему говорило еще нѣсколько ораторовъ, но наибольшую сенсацію произвелъ рефератъ крохотнаго колокольчика, который во времена оны висѣлъ на шеѣ конюшеннаго козла и для чего звонилъ—рѣшительно не понималъ. Не разъ бѣдняга обращался за разъясненіемъ недоразумѣнія къ своему носителю-козлу, но тотъ отдѣлывался обыкновенно неопредѣленными фразами: «не нашего, братъ, ума это дѣло», «не нами заведено, не нами и кончится», и совѣтовалъ лучше помалкивать. Самъ козелъ былъ неразговорчивъ и угрюмъ; къ рѣшенію соціальныхъ проблемъ особенной склонности не питалъ, а болѣе думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ вмѣсто конюшни его попрежнему назначили бы въ огородъ стеречь капусту. Вѣдь если, какъ это извѣстно, отъ него «нѣтъ ни шерсти, ни молока», но зато онъ обладаетъ способностью распространять вокругъ себя свой собственный самобытный и охранительный запахъ, чувствительный даже въ конюшнѣ,—запахъ, котораго, по преданію старины, боятся и сами домовые, охочіе покуражиться надъ лошадьми.

Долго еще перешептывались колокольчики, но ихъ уже никто не слушалъ; пытались было заговорить предсѣдательскіе колокольчики, во множествѣ и очень сходно пріобрѣтенные заводомъ отъ разныхъ обществъ, комитетовъ и союзовъ, ликвидировавшихъ свои дѣла и имущества, но имъ не дали и заикнуться: величавый образъ и глубина философіи конюшеннаго козла овладѣли умами всѣхъ собесѣдниковъ. «Вѣрно!» гудѣли колокола, «не нашего ума это дѣло!» «не нами заведено, не нами и кончится!» «Въ этомъ нашъ руководящій принципъ, вся наша этика, весь кодексъ нашей морали!»

Подъ этимъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ предсѣдательствующій колоколъ объявилъ засѣданіе закрытымъ и благодарилъ референтовъ за ихъ сообщенія, и колокола заснули. Было уже за полночь. Уснулъ и нѣмой колоколъ.

Ему снился шестикрылый серафимъ, явившійся нѣкогда умирающему въ пустынѣ пророку, чтобы вмѣсто вырваннаго языка вложить въ его «изсохшія уста» «жало мудрыя змѣи». И онъ вспомнилъ вѣщій разсказъ пророка:

«Духовной жаждою томимъ...
. . . .
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».

И грезилось ему, созданному для благовѣста и обреченному на безмолвіе, что онъ возобладалъ отнятымъ даромъ, что внемлетъ міръ его освобожденному глаголу и въ могучихъ звуковыхъ волнахъ, рождаемыхъ его ударами, тонутъ горе и неправда земли...

П. Обнинскій.

Изъ Маріи Конопницкой.

От моихъ печальныхъ пѣсенъ
Лѣсъ зеленый поднялъ шумъ;
Съ пѣньемъ птицъ въ вершинахъ таетъ
Тихій отзвукъ грустныхъ думъ.

Зазвенѣлъ ручей въ долинѣ,—
Чуть заслышалъ пѣсни стонъ,
И серебряныя слезы
По травѣ разбрызгалъ онъ.

Вихрь поднялся, пробужденный
Эхомъ жалобы и слезъ,—
Звуки думъ моихъ печальныхъ
Въ край далекій онъ понесъ...

Изъ души выходятъ звуки,
Какъ набатъ они плывутъ,
Но не въ силахъ въ темныхъ хатахъ
Разбудить несчастный людъ!...

Ив. Бѣлоусовъ.

Вопросы податной политики въ Сибири.

Русское податное дѣло составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи экономической политики русскаго государства. Въ податномъ дѣлѣ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сталкиваются интересы населенія и правительства, причемъ это столкновеніе принимаетъ такое содержаніе, которое зависитъ, главнымъ образомъ, отъ характера отношеній между правительствомъ и облагаемыми имъ общественными классами. Мало того, податное дѣло въ своемъ богатомъ содержаніи даетъ обстоятельный матеріалъ для выясненія классовыхъ взаимоотношеній и отношеній отдѣльныхъ общественныхъ группъ къ правительству. Въ странахъ, гдѣ налоги опредѣляются безконтрольнымъ распоряженіемъ высшей имперской власти, степень обложенія отдѣльныхъ классовъ зависитъ отъ тѣхъ позицій, которыя заняты ими въ сферѣ разнообразныхъ взаимоотношеній и отношеній. Было время, когда въ московскомъ государствѣ все населеніе несло тяжелую государеву службу. Это былъ періодъ государственнаго строительства, въ теченіе котораго группировались отдѣльные общественные классы, опредѣлявшіе свои позиціи въ соціальномъ строѣ тогдашней Россіи. Эта продолжительная эволюція закончилась, между прочимъ, однимъ очень печальнымъ результатомъ: выдѣлился огромнѣйшій классъ населенія, обильно надѣленный всевозможными обязанностями и лишенный всякихъ не только публичныхъ, но и частно-гражданскихъ правъ. Классъ этотъ по преобладающему факту былъ названъ «податнымъ сословіемъ», онъ былъ строго изолированнымъ отъ всѣхъ другихъ общественныхъ группъ. Офиціальнаго и частнаго происхожденія цифры говорятъ за то, что львиная доля всевозможныхъ налоговъ и повинностей падала именно на это податное сословіе, безотносительно къ тѣмъ имуществамъ, которыми оно владѣло. До 19 февраля 1861 года это были воистину «besitzlosen Volksklassen», хотя и обложенны всевозможными налогами. Извѣстно, что въ сферѣ правовыхъ отношеній выдающуюся роль играетъ степень имущественной обезпеченности той или другой общественной группы. Имущественная обезпеченность даетъ силу, помогающую въ жизненной борьбѣ и, между прочимъ, въ напряженной борьбѣ за право. Крестьянство, лишенное этой силы, лишилось и

правъ или, вѣрнѣе, совсѣмъ ихъ не пріобрѣло. Оно дважды было закрѣпощено, причемъ второе закрѣпощеніе совершилось въ сферѣ податныхъ отношеній...

До конца XIX вѣка въ Россіи дѣйствовала такая податная система, начало которой таится въ печальной эпохѣ русской исторіи. Эта система, реформированная при Петрѣ, дожила до нашихъ дней, потерявъ реальный базисъ еще въ историческій день 19 февраля. Законы объ оброчной подати, изданные пять лѣтъ тому назадъ для Сибири, нанесли послѣдній и рѣшительный ударъ старой податной системѣ; они еще болѣе подчеркнули архаичность ея основныхъ началъ и необходимость перехода къ новой системѣ прямого обложенія, которая должна быть построена на началахъ, отвѣчающихъ условіямъ текущей современности. Старой системѣ, въ чистомъ видѣ доживающей свои дни въ самыхъ глухихъ уголкахъ Сибири, былъ нанесенъ ударъ въ одно изъ ея главныхъ основаній—законъ отмѣнилъ подушную подать, но другое ея основаніе—податное выдѣленіе цѣлаго общественнаго класса, осталось и въ дѣйствующемъ правѣ. Вотъ почему при обсужденіи податного дѣла въ Сибири намъ приходится начинать съ того, что по существу должно бы сдѣлаться достояніемъ историка.

Въ далекомъ прошломъ русской фискальной политики по отношенію къ крестьянамъ была создана знаменитая система подушной подати, вооруженная желѣзной силой круговой поруки. Личность отдѣльнаго крестьянина растаяла и исчезла въ этой системѣ. На ея мѣсто встала абстрагированная отъ условій реальной дѣйствительности «податная душа», зарегистрованная въ «ревизскихъ сказкахъ». На протяженіи цѣлыхъ столѣтій, вплоть до нашихъ дней, русская податная политика не знаетъ и не хочетъ знать фактическаго состава главнаго податного класса. «Сельское общество», не то сельское общество, которое живетъ и работаетъ на всемъ громадномъ пространствѣ деревенской Россіи, а то, которое состоитъ изъ мертвыхъ податныхъ душъ, этого порожденія мертвой бюрократической мысли, связанныхъ между собою цементомъ круговой поруки,—вотъ тотъ матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ наша податная политика. «Все крестьянство,—по выраженію г. Бржескаго,—было приведено къ одному знаменателю: правительство не знало ни плательщиковъ, ни ихъ платежныхъ силъ, были только «души»,—тѣ несчастныя души, о которыхъ даже въ исходѣ XVIII вѣка, поднявшаго знамя гуманизма и правъ человѣка, заботились отнюдь не болѣе, чѣмъ о домашнемъ скотѣ» [1])... «Податная душа», «ревизскій работникъ»—эти голыя фикціи и доселѣ играютъ роль въ податныхъ разсчетахъ Сибири. Офиціальные документы, описывающіе первый опытъ раскладки въ Сибири недавно введеннаго въ отмѣну подушной подати государственнаго оброчнаго налога, и тѣ говорятъ о ревизской душѣ, какъ объ

---

[1]) *Бржескій*: „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ". 1897 г., стр. 363.

одномъ изъ основаній податной разверстки, хотя оброчная подать и должна падать на землю, а не на личность, а тѣмъ болѣе не на какую-то мифическую «ревизскую душу», доставшуюся въ наслѣдство отъ «добраго стараго времени» для того, чтобы при посредствѣ грубаго ариѳметическаго подсчета произвести нужныя операціи по разверсткѣ налоговой массы между отдѣльными податными районами...

Податная масса, падающая на крестьянскія общества, опредѣляется свободнымъ категорическимъ распоряженіемъ высшей имперской власти. Этотъ характеръ фискальнаго распоряженія опредѣлилъ собою и характеръ податныхъ отношеній между правительствомъ и населеніемъ, который былъ однообразенъ на всемъ пространствѣ русской исторіи. Правительство, въ поискахъ за бюджетными средствами, старалось обложить населеніе какъ можно выше и найти средства сдѣлать обложеніе возможно достигающимъ своей цѣли, а населеніе пыталось увертываться отъ непомѣрнаго обложенія, на зарѣ исторіи пускаясь въ «бѣга», а въ наши дни накапливая чудовищныя по своимъ размѣрамъ недоимки, которыя время отъ времени слагаются въ силу высочайшихъ манифестовъ... Офиціальные документы говорятъ, напримѣръ, о томъ, что при составленіи смѣтныхъ предположеній о поступленіи прямыхъ налоговъ обыкновенно министерство финансовъ скидываетъ около 12%, заранѣе предполагая, что они уйдутъ въ недоборъ, причемъ въ 1894 году было предположено, что въ Сибири недоборъ оброчной подати будетъ равняться 21% оклада, а подушной—22,9% оклада [1]).

Характерной чертой податной политики по отношенію къ крестьянамъ было постоянное возрастаніе налогового бремени, лежащаго на крестьянахъ. Беремъ только послѣднее время. Прямые налоги, повышенные и умноженные при Вышнеградскомъ, немного уменьшенные при Бунге, въ періодъ послѣдняго замѣчательнаго десятилѣтія въ исторіи русскихъ государственныхъ финансовъ были доведены до возможнаго maximum'а. Г. Витте, вступая въ управленіе русскими финансами, писалъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ: «не должно останавливаться даже передъ нѣкоторымъ временнымъ напряженіемъ платежныхъ силъ страны» [2]). Вслѣдствіе такого направленія податной политики налоги за послѣднее десятилѣтіе возросли на 338,7 милл. рублей, чуть не удвоившись съ 1887 года. Податное бремя, возложенное на русское *земледѣльческое* крестьянство, возростало даже и въ то время, когда С. Ю. Витте въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ объявлялъ Россію страною попреимуществу *промышленной* и подсчитывалъ цифрами, впослѣдствіи опровергнутыми русскими публицистами, степень возросшей народной состоятельности... Никто не станетъ отрицать того положенія, что съ 1887 года народный доходъ

---

[1]) „Сводъ свѣдѣній о поступленіи и взиманіи казенныхъ, земскихъ и общественныхъ окладныхъ сборовъ". За 1894 г. Изд. департ. окл. сб., стр. 7.

[2]) Докладъ о росписи на 1893 г.

не могъ удвоиться,—скорѣе, какъ показываютъ работы недавнихъ комитетовъ по сельско-хозяйственному вопросу, наоборотъ, этотъ «доходъ» уменьшился въ значительной мѣрѣ...

Распредѣленіе всей массы прямыхъ налоговъ совершалось ранѣе повсемѣстно при помощи такой системы, которая покоилась на принципѣ «податной души». Какъ увидимъ ниже, этотъ принципъ, забракованный во всѣхъ отношеніяхъ наукой и опытомъ западно-европейскихъ странъ, не заброшенъ въ Россіи и нынѣ. Собственно говоря, критиковать эту систему въ данный моментъ не приходится,—она даже офиціально осуждена законами 1 января 1887 года и 19 января 1898 года, отмѣнившими, за немногими изъятіями, подушную подать на всемъ пространствѣ Имперіи. Но отмѣна подушной подати, института анахроническаго послѣ историческаго 19 февраля, къ сожалѣнію, не повела къ отмѣнѣ того курса податной политики, естественнымъ результатомъ котораго и была подушная подать. Крестьянство опять-таки осталось обособленнымъ классомъ, безличнымъ аггрегатомъ административныхъ союзовъ «податныхъ душъ», именуемыхъ «сельскими обществами». «Подушная подать давно отмѣнена,—говорилъ недавно въ *Правѣ* г. Страховскій,—казалось бы, что эта мѣра должна была вызвать въ свое время коренной переворотъ въ правилахъ о припискѣ, т.-е. совсѣмъ смести со страницъ закона эти правила. Такой переворотъ не только предвидѣлся при отмѣнѣ подушной подати, но являлся даже однимъ изъ главныхъ основаній для ея отмѣны. Въ представленіи министра финансовъ Н. Х. Бунге, по вопросу объ отмѣнѣ подушной подати, было между прочимъ, сказано, что эта отмѣна требуется для необходимыхъ измѣненій въ нашемъ общественномъ строѣ, который задерживается существованіемъ подушнаго счета податныхъ сословій. Указанный переворотъ не совершился потому, что изъ закона не были исключены своевременно многочисленныя правила, связанныя съ существованіемъ подушной подати» [1])...

Если мы вспомнимъ, что крестьянское населеніе несетъ всю массу натуральныхъ повинностей, и въ то же время львиную долю всяческихъ налоговъ, если мы вспомнимъ, что и до сихъ поръ вмѣсто живого плательщика податей изъ крестьянъ фигурируетъ какая-то отвлеченная фикція, то мы придемъ къ тому выводу, что русскій податной вопросъ не разрѣшается одною отмѣною подушной подати...

Круговая порука пережила подушную подать. Она является тѣмъ крѣпкимъ цементомъ, при которомъ только и возможенъ такой анахронизмъ, каковымъ представляется намъ наша податная система. То обстоятельство, что законъ 1903 года отмѣнилъ круговую поруку въ районѣ Европейской Россіи, ничего еще не говоритъ. Вмѣсто круговой поруки сельское общество достаточно связано узами тѣхъ законовъ, которые обособляютъ крестьянъ въ особый классъ и дѣлаютъ изъ нихъ «бѣловѣжскихъ зуб-

---

[1]) *Право* 1903 г. Статья г. Страховскаго, №№ 38—40.

ровъ», а «попечительная» и «близкая къ народу» «власть» земскихъ начальниковъ и настоящая пирамида бюрократическихъ и полицейскихъ властей и учрежденій, вооруженная цѣлою системою «мѣръ воздѣйствія», дѣлаютъ отмѣну круговой поруки крайне незамѣтною...

Круговая порука, дѣйствующая на полномъ законномъ основаніи по всей обширной Сибири и по настоящій день, вызвала къ себѣ явное и рѣзкое порицаніе въ высшихъ министерскихъ сферахъ. Еще въ 1885 году тогдашній министръ финансовъ Н. Х. Бунге въ своемъ представленіи въ государственный совѣтъ писалъ: «Къ непомѣрному обремененію нѣкоторыхъ плательщиковъ подушной подати присоединяются разорительныя послѣдствія обычнаго у насъ порядка примѣненія круговой поруки, долженствующей обезпечить исправное поступленіе налоговъ съ сельскихъ обществъ. Такимъ образомъ, къ отягченію налогомъ присоединяется разореніе плательщиковъ способомъ взысканія недоимокъ. При отсутствіи у насъ правильнаго податного управленія иначе и не можетъ быть: налогъ раскладывается не по достатку и недоимка взыскивается съ перваго встрѣчнаго односельца. Очевидно, что такая податная система, съ одной стороны, требуетъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ паспортной системой, для того чтобы плательщикъ не могъ укрыться отъ платежа, а съ другой стороны— вызываетъ стремленіе самовольной отлучки для прінсканія лучшихъ заработковъ. Но самовольная отлучка нерѣдко оканчивается заключеніемъ человѣка, не имѣющаго никакой другой вины за собою, наравнѣ съ людьми, совершившими болѣе или менѣе тяжкія преступленія. Такъ, съ неумолимою послѣдовательностью, изъ одного зла возникаетъ другое, которое, въ свою очередь, рождаетъ новое зло» [1])...

Круговая порука, собственно говоря, и обезличивала естественнымъ образомъ наличный составъ общества. Она, сокращая расходы правительства по взиманію налоговъ, возлагала этотъ тяжелый трудъ на населеніе, которое въ свѣтѣ податной политики, какъ мы уже и говорили, являлось механическимъ аггрегатомъ «податныхъ душъ», лишенныхъ реальнаго базиса, абстрагированныхъ отъ конкретныхъ условій реальной дѣйствительности. «Податная душа» никогда не соотвѣтствуетъ наличной живой душѣ того или другого сельскаго общества. А сельское общество, часто заключающее въ себѣ нѣсколько селеній, представляетъ такую крупную тягловую единицу, относительно которой и рѣчи быть не можетъ, какъ объ однообразной по положенію составляющихъ его членовъ. Въ составѣ такого сельскаго общества вы не найдете однороднаго аггрегата крестьянъ, похожихъ одинъ на другого, какъ двѣ капли воды. Это замѣчаніе будетъ вѣрнымъ относительно экономическаго и соціальнаго положенія членовъ податныхъ организацій. Прежде всего въ крестьянской средѣ вы встрѣтите богатыхъ и бѣдныхъ, земледѣльцевъ и промышленниковъ, хозяевъ и

[1]) Цитир. у г. Кованько. Главнѣйшія реформы Н. Х. Бунге. К. 1901 г., стр. 41.

работниковъ, ростовщика и запутавшагося въ чудовищномъ по своимъ условіямъ кредитѣ крестьянина... Такая имущественная разность въ позиціи отдѣльныхъ крестьянъ-плательщиковъ прекрасно подчеркиваетъ нераціональность принципа подушной подати, до сихъ поръ проникающаго въ корнѣ всю нашу податную политику. Подать, которая прежде всего должна быть справедливымъ бременемъ, одинаковою тяжестью падаетъ на всякую живую душу, а вѣдь среди этихъ живыхъ душъ есть цѣлая гамма всевозможныхъ различій... Круговая же порука ударъ молота несправедливости дѣлаетъ еще сильнѣе и внушительнѣе. Недоимочность деревенскихъ «санкюлотовъ» ложится тяжелымъ бременемъ на рентабильныя крестьянскія хозяйства тѣхъ районовъ, гдѣ таковыя еще сохранились...

Въ сибирской деревнѣ, на податномъ опытѣ которой мы и изучали вліяніе нашей податной системы, гдѣ, казалось бы, натуральное хозяйство должно было уничтожить въ сферѣ матеріальныхъ отношеній и положеній всякую возможность соціальной дифференціаціи, должно было нивеллировать всю крестьянскую массу,—тѣмъ не менѣе всетаки нѣтъ однообразія въ составѣ населенія. Слѣдовательно, о какихъ-либо однообразныхъ податныхъ душахъ не можетъ быть и рѣчи. Матеріалы по изслѣдованію сибирскаго землевладѣнія и землепользованія различныхъ мѣстностей Сибири даютъ намъ точныя свѣдѣнія о составѣ сибирской деревни. Такъ, напримѣръ, въ Енисейской губерніи были установлены слѣдующія категоріи плательщиковъ: 1) крестьяне-старожилы и прочія лица, причисленныя по пріемнымъ приговорамъ обществъ, т.-е. коренные жители крестьяне, переселенцы, лица, обязанныя избрать родъ жизни, незаконнорожденные, поселенческія и солдатскія дѣти, принятыя по пріемнымъ приговорамъ; 2) крестьяне изъ ссыльныхъ, поселенческихъ, солдатскихъ дѣтей, и прочихъ лицъ, принятыхъ безъ пріемныхъ приговоровъ,—сюда относятся сосланные по суду на житье, по минованіи трехъ лѣтъ, во время которыхъ они пользуются закономъ установленною льготою, административно-ссыльные по истеченіи десятилѣтія со времени перечисленія ихъ, западно-польскіе переселенцы, и мятежники и т. д.; 3) крестьяне административно-сосланные, половиннаго оклада, т.-е. сосланные по приговорамъ сельскихъ обществъ и по распоряженію правительства, по минованіи трехлѣтней льготы зачисляемые въ половинный окладъ до истеченія десятилѣтія со времени причисленія; 4) крестьяне изъ казаковъ, получившіе надѣлъ по положенію 19 мая 1871 года; 5) осѣдлые инородцы, причисленные къ обществамъ государственныхъ крестьянъ; 6) купцы и мѣщане, причисленные къ обществамъ для взиманія съ нихъ окладныхъ сборовъ по мѣсту жительства, обложенные въ одной нормѣ съ крестьянами старожилами; 7) кочевые инородцы—населеніе особаго сельскаго состоянія, проживающіе отдѣльными улусами, родами или вѣдомствами [1]). Присоединяя къ этой

[1]) „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйств. быта сельскаго населенія". Енис. губ., т. IV, вып. 5., Ирк. 1893 г., стр. 158—161.

группѣ еще бродячихъ инородцевъ, изслѣдователь Иркутской губерніи Н. М. Астыревъ добавляетъ: «почти каждая изъ этихъ группъ плательщиковъ въ различныхъ мѣстностяхъ платитъ различные оклады, что находится въ зависимости отъ колебанія окладовъ подушнаго и губернскаго сбора» [1]). Къ этимъ категоріямъ плательщиковъ всевозможныхъ податей необходимо прибавить еще одну, довольно многочисленную, которая при наличности круговой поруки вліяетъ на размѣры душевого обложенія. Это предусмотрѣнные закономъ 12 апрѣля 1897 года, такъ называемые «безвѣстно отлучные» [2]). Для населенія Алтая въ 1883 году, наприм., были установлены слѣдующія категоріи плательщиковъ: государственные крестьяне, крестьяне бывшіе приписные къ заводамъ, бывшіе мастеровые алтайскихъ заводовъ, крестьяне изъ казаковъ, осѣдлые инородцы, кочевые инородцы, дѣти мастеровыхъ съ оброкомъ кабинету и нижніе чины, пользующіеся казенной землей [3]).

Не будемъ говорить о той путаницѣ при раскладкѣ подати, которая наблюдается иногда [4]) въ дѣятельности казенныхъ палатъ и обусловливается наличностью такихъ многочисленныхъ категорій все изъ одного и того же сельскаго общества, а остановимся прямо на весьма важномъ явленіи,—результатѣ такого положенія вещей.

Разнородность соціальныхъ элементовъ, населяющихъ Сибирь, вызвала къ жизни интересное явленіе сибирской дѣйствительности—*податную общину*, какъ самостоятельный оригинальный соціальный фактъ. Въ предѣлахъ Европейской Россіи, при отсутствіи подушной подати и господствѣ трехпольной системы съ періодическими передѣлами, землевладѣніе и землепользованіе крестьянъ выражается въ формѣ аграрной общины, которая въ силу основной тенденціи правительственной политики превратилась въ административно-фискальную сословную единицу, въ особый соціальный «островъ», рѣзко отграниченный въ своихъ границахъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ податная община ассимилировалась въ своихъ границахъ съ общиной аграрной, слилась съ ней въ одно цѣлое, такъ какъ при малоземельѣ и окончательномъ опредѣленіи земельныхъ районовъ, подать опредѣленнымъ количествомъ падаетъ на извѣстную «дѣлянку» земли, напоминая въ данномъ случаѣ заграничный «Grundschuld». Это количество податей, привязанное къ земельной парцеллѣ, переходитъ на временнаго владѣльца парцеллой. Отсюда возникаетъ такой порядокъ, при которомъ податная община и аграрная теряютъ свой самостоятельный характеръ, сливаются въ одно цѣлое. Въ данномъ случаѣ облагается не лицо и не земля, и не доходъ, а право обработать ту или другую дѣлянку земли. В тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ количество податей, падающихъ на парцеллу

---

[1]) Матеріалы. Ирк. губ., т. II, вып. 5, Москва 1890 г., стр. 8.

[2]) „Журналы засѣданій 1-го съѣзда податн. инспект. вѣдомства томской казен. палаты". Вып. 1. Т. 1902 г., стр. 56.

[3]) „Алтайскій сборникъ". Вып. 1.

[4]) „Матеріалы Енис. губ.", т. IV, в. 5, стр. 161.

общинной земли, по своей обременительности не привлекаетъ къ ея обработкѣ крестьянскія руки, подати, въ силу круговой поруки, налагаются сходомъ на крестьянскую личность, которая уже промыслами *отработываетъ* подати или накладываетъ недоимку.

Въ Сибири, наоборотъ, податная община часто существуетъ какъ самостоятельное явленіе, независимо отъ аграрной общины. Напримѣръ, одинъ изъ видныхъ изслѣдователей крестьянской Сибири, С. П. Швецовъ, говоритъ, что «мірское отбываніе всѣхъ лежащихъ на общинѣ платежей и повинностей» вызвало податную общину, которая представляетъ изъ себя «вполнѣ законченный кругъ (податныхъ) отношеній» [1]).

Формы податной общины въ Сибири, въ частности въ томскомъ огругѣ, по наблюденію того же г. Швецова, очень разнообразны, а именно: «здѣсь наблюдаются вполнѣ сложившіяся составныя общины, смѣшанныя, раздѣльныя и однодеревенскія» [2]). Въ пяти волостяхъ Томскаго округа на 142 земельныхъ общины приходится 80 податныхъ, изъ которыхъ только 21 вполнѣ совпадаютъ въ границахъ съ общинами земельными [3]). Въ жизни этихъ податныхъ организацій замѣтна интересная эволюція, приводящая крупныя податныя общины къ распаденію на мелкія, причемъ земельныя общины остаются всетаки болѣе мелкими, чѣмъ податныя. Процессъ распаденія крупныхъ общинъ податныхъ по своей формѣ, а также и по причинамъ аналогиченъ съ таковымъ же въ аграрной общинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что существованіе податныхъ общинъ, какъ самостоятельныхъ организацій, вызывается какою-нибудь внѣшнею по отношеніямъ къ этимъ организаціямъ причиною. Такою причиною и является основная тенденція податной политики правительства, которое обособляетъ крестьянъ въ податномъ отношеніи, какъ отдѣльный, строго изолированный классъ населенія. Мы уже упомянули о томъ, что вмѣсто живого сельскаго общества податная политика видитъ въ крестьянахъ механическій аггрегатъ «податныхъ душъ», связанныхъ между собою круговой порукой и множествомъ всевозможныхъ ограничительныхъ законовъ и административныхъ распоряженій. Вотъ на почвѣ этого кругового ручательства и рождается податная община, которая въ Сибири при неустроенномъ землевладѣніи и своеобразномъ землепользованіи, при наличности разнообразія въ составѣ сельскихъ обществъ, не совпадаетъ съ аграрной общиной, часто обнимая въ своихъ границахъ нѣсколько аграрныхъ единицъ, или раздѣляя одну земельную единицу на двѣ податныхъ. Изъ изслѣдованія г. Швецова видно, например, что существованіе въ двухъ селеніяхъ Алтайскаго округа четырехъ податныхъ общинъ объясняется наличностью слѣдующихъ причинъ. Въ д. Ботевой одна часть населенія не состояла ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ Алтайскому округу

[1]) „Матеріалы по изслѣд. крестьян. и иногородч. хозяйства въ Томскомъ округѣ", т. II, в. 2. Барнаулъ, 1898 г., стр. 122.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

и его заводамъ, въ то время, какъ обязательныя отношенія другой части не только весьма крѣпки въ прошломъ, но существуютъ и теперь, выражаясь въ несеніи особаго оброка въ пользу Алтайскаго округа. А въ деревнѣ Калтаѣ и друг. часть населенія составляютъ бывшіе заводскіе крестьяне, другую же часть—осѣдлые инородцы, которые не знали заводскаго труда, бытъ которыхъ, общественное управленіе и обязанности предъ государствомъ разнятся отъ крестьянъ русскихъ. Понятно, что это разнообразіе въ положеніи вызвало самостоятельныя податныя организаціи въ одномъ и томъ же селеніи.

Кромѣ денежныхъ налоговъ крестьяне обширной Сибири несутъ еще цѣлый рядъ натуральныхъ повинностей, такъ, наприм., дорожную, ямскую и друг. Въ отбываніи этихъ повинностей населеніе точно также связано круговою порукою. Мы не даемъ цифръ, характеризующихъ статику натуральныхъ повинностей въ Сибири. Этотъ вопросъ не входитъ въ нашу программу. Позволяемъ только привести слова одного сибирскаго публициста, характеризующія тяжесть *отбыванія* этихъ повинностей.

«По дѣйствующему административному праву,—говоритъ г. Новомбергскій въ своей книгѣ «По Сибири»,—крестьянское населеніе нужно разсматривать, какъ служилое полицейское сословіе. Карантинная служба во время эпизоотій, поимка бродягъ и бѣглыхъ, сопровожденіе арестантовъ, окарауливаніе труповъ, тушеніе пожаровъ и т. п. составляетъ обязанности сельскихъ обывателей. Посмотримъ, какое взаимодѣйствіе существуетъ между перечисленными обязанностями крестьянъ и свободой ихъ хозяйственнаго самоопредѣленія; вотъ два-три случая изъ практики Иркутской губерніи за послѣдніе годы. Въ 3—4 верстахъ отъ г. Иркутска, по якутскому тракту, случилось нападеніе на почту. При разслѣдованіи оказалось, что злоумышленники устроили по обѣ стороны дороги четыре траншеи, одна отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи. Траншеи были покрыты вѣтвями и нисколько не выдавали засѣвшихъ за ними разбойниковъ. Когда почтовые экипажи поравнялись съ первой засадой, открылся перекрестный огонь, прекратившійся лишь за послѣднимъ укрѣпленіемъ. Подобная обстановка нападенія внушила мѣстному исправнику мысль распорядиться вырубить лѣсъ на разстояніи четырехъ саженъ по обѣ стороны вдоль всего опаснаго мѣста, гдѣ вслѣдствіе гористости экипажи едва двигаются шагомъ. Время было горячее для крестьянъ, но, скрѣпя сердце, пришлось заняться валкой лѣса на протяженіи 7 верстъ. Такое же распоряженіе о вырубкѣ «защитника» было сдѣлано послѣ нападенія на почту за годъ до этого, около ст. Моты. Оголѣніе тракта не прекратило покушеній на почтовыя цѣнности. Вскорѣ послѣ нападенія злоумышленники устроили изъ сваленнаго крестьянами хвойника новыя траншеи, изъ-за которыхъ стрѣляли съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ разогнали ямщиковъ и завладѣли денежной сумкой. Какъ только въ городѣ получились извѣстія объ этомъ, три сосѣднія деревни были наряжены на розыски преступниковъ. Понятно, что полицейскій нарядъ разстроилъ всѣ ближайшія хозяй-

ственныя предположенія крестьянъ. Ослушаніе нѣкоторыхъ крестьянъ, не вышедшихъ на указанныя мѣста, внесло въ этотъ эпизодъ небезынтересныя перипетіи. Исправникъ настаивалъ на примѣрномъ наказаніи ослушниковъ, а крестьянскій начальникъ не находилъ для этого достаточныхъ основаній. Завязалась борьба, разрѣшившаяся послѣ нѣкотораго давленія «свыше» въ пользу представителя безопасности. А вотъ другой примѣръ изъ дорожной практики. Ремонтъ колесныхъ дорогъ въ Восточной Сибири отправляется натурою безъ переложенія, какъ, наприм., въ Тобольской губерніи, на деньги. Особымъ съѣздомъ распредѣляются между населеніемъ дорожные участки, устанавливаются для каждаго сельскаго общества уроки, т.-е. количество людей, лошадей и телѣгъ. Работы начинаются въ одинъ для всѣхъ срокъ и протекаютъ подъ руководствомъ становаго пристава. Практика показала, что участки отводятся за много десятковъ верстъ отъ населеннаго пункта, крестьянамъ одного уѣзда приходится отправляться въ другой, время выхода на работу совпадаетъ съ горячимъ періодомъ весеннихъ полевыхъ работъ, особенно въ случаѣ запозданія сѣва, количество назначаемыхъ рабочихъ далеко превышаетъ дѣйствительную въ нихъ потребность. Тяжелую картину представляетъ движеніе рабочихъ партій, часто не обезпеченныхъ продовольствіемъ. Недостатокъ кормовъ, сверлящая мысль о брошенномъ домашнемъ хозяйствѣ придаютъ крестьянамъ энергію, работа кипитъ, дорога ладится, но возвращеніе домой... за горами. Становой, занятый другими дѣлами, не ѣдетъ принимать дорогу и непріятная работа смѣняется мучительнымъ ожиданіемъ. Въ гнетущемъ бездѣльи люди собираются вокругъ полуголодныхъ лошадей и, какъ выражаются, караулятъ дорогу. Нечего добавлять, что какъ бы хорошо ремонтъ ни былъ произведенъ, передъ проѣздомъ какого-нибудь губернскаго сановника становые спѣшно выгоняютъ народъ на сверхсмѣтныя работы, а сопротивленіе при этомъ сламывается арестами и штрафами. Если было бы возможно зарегистровать, во что̀ обходится населенію система окараулыванія дороги и экстренныхъ ремонтовъ, то получился бы колоссальный капиталъ, ежегодно пропадающій для народной экономіи» [5]).

Не менѣе обременительна повинность тушенія лѣсныхъ пожаровъ. Г. Новомбергскому довелось видѣть интересный общественный приговоръ, въ которомъ крестьяне, обезсиленные непрерывными нарядами и стѣсненные до послѣдней степени въ лѣсопользованіи, постановили: «Мы не будемъ тушить пожара и отказываемся исполнять приказы нашего сельскаго старосты захлопывать палы. Лѣса не наши, пользы намъ отъ нихъ нѣтъ никакой, пусть горятъ, намъ они не дороги».

Насколько крестьянамъ невыгодны натуральныя повинности, объясняетъ недавній случай изъ земской практики. Какъ передаетъ *Днѣпровскій Вѣстникъ*, въ духовщинскомъ земскомъ собраніи былъ поднятъ прямо вопль ужаса въ отвѣтъ на вопросъ, не пожелаютъ ли крестьяне вернуться къ

---

[5]) *Новомбергскій*: „По Сибири". VIII—IX. Спб., 1903 г.

прежнему порядку и перейти опять на отбываніе дорожной повинности натурою. Всѣ крестьяне поголовно заявили, что если земству мало по 8 к. съ души, которыя они теперь платятъ, то они готовы платить по 15 к., лишь бы не возвращаться къ старому порядку.

Защитники натуральныхъ повинностей забываютъ, что и у крестьянъ время—деньги, и изъ приведенныхъ примѣровъ можно заключить, что тяжесть отбыванія этихъ повинностей, въ которыхъ такъ ярко сквозятъ крѣпостническія тенденціи, двоякаго характера. Во-первыхъ, натуральныя повинности, разсматриваемыя въ общей ихъ сложности, въ связи съ другими налогами, безусловно тяжелы по своей абсолютной величинѣ. Мы не соглашаемся съ вычисленіями, сдѣланными красноярскими и друг. изслѣдователями, по которымъ натуральныя повинности оцѣниваются въ нѣсколько рублей. Эта оцѣнка даетъ понятіе только о стоимости производимыхъ работъ, а не того рабочаго времени, которое уходитъ на эту работу. Во-вторыхъ, натуральныя повинности тяжелы и по способу отбыванія, онѣ несовмѣстимы съ свободою хозяйственнаго самоуправленія крестьянина, въ нихъ, какъ мы уже сказали, явно звучитъ крѣпостническая нотка, развившаяся на почвѣ круговой поруки и всесильной опеки со стороны власти «близкой къ народу».

Отбываніе натуральныхъ повинностей въ средѣ сибирскаго крестьянства съ необходимостью вызываетъ существованіе такихъ организацій, которыя представляются намъ аналогичными съ податными общинами. Вотъ, напримѣръ, группа населеній, отбывающихъ ямскую повинность на барнаульско-томскомъ трактѣ. Къ одной изъ станцій этого тракта приписано 10 селеній, въ которыхъ насчитывается до 538 ямскихъ душъ. Деревни расположены отъ станціи: три ближе 15 верстъ, одна—на 25 верстъ, одна—на 40 верстъ, три—на 50 и одна—на 60 верстъ. На каждую «ямскую душу» приходится въ годъ $10^1/_2$ конныхъ дней, не считая времени, необходимаго на проходъ отъ деревни до станціи. Такихъ примѣровъ много приведено въ изслѣдованіи г. Швецова и друг. Отсюда уже видно, какъ велики размѣры своеобразныхъ организацій для отбыванія натуральныхъ повинностей сибирскими крестьянами.

Податныя общины и только что отмѣченныя организаціи по отбыванію натуральныхъ повинностей имѣютъ одно общее: онѣ вызваны къ жизни основною тенденціею податной политики по отношенію къ податному классу, тою тенденціею, о которой мы уже говорили. Разсматривая эти организаціи, г. Швецовъ приходитъ къ слѣдующему выводу. Онъ говоритъ, что факты изъ жизни податной общины свидѣтельствуютъ о томъ огромномъ разнообразіи, какое представляетъ мѣстная податная община въ отношеніи уплаты денежныхъ платежей и повинностей. Эти же факты свидѣтельствуютъ также о томъ, что податная община чрезвычайно гибка и приспособляема къ вѣчно измѣняющимся требованіямъ практической жизни. Легкая измѣняемость формъ можетъ служить извѣстнымъ ручательствомъ за

дальнѣйшее развитіе и измѣненіе мѣстной общины [1]). Признавая вмѣстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ приспособляемость податной общины къ условіямъ дѣйствительности, признавая также отмѣчаемую въ другомъ мѣстѣ г. Швецовымъ наличность въ жизни податной общины результата посторонняго вліянія, внѣшняго воздѣйствія, вмѣстѣ съ тѣмъ соглашаемся съ г. Швецовымъ и въ томъ, что фактъ раздѣльнаго существованія податной и земельной общины «долженъ имѣть для деревни огромное, при томъ многостороннее, значеніе, такъ какъ въ сущности земельная и податная община,—это двѣ стороны одного и того же явленія: въ одномъ случаѣ отношенія населенія къ землѣ играютъ опредѣляющую роль, въ другомъ—отношенія къ государству, вытекающія изъ факта землевладѣнія». Г. Швецовъ не оцѣниваетъ этого значенія, онъ только отмѣчаетъ его. Не трудно замѣтить, что значеніе податной общины, состоящей изъ конгломерата «податныхъ» или «ямскихъ» «душъ», механически соединенныхъ между собою круговою порукою, носитъ отрицательный характеръ. Правительственная фискальная политика, создавшая податную общину, этимъ фискально-административнымъ институтомъ отгородила себя отъ живого плательщика податей. Члены общины, въ которыхъ эгоистическій интересъ постоянно подогрѣвается основною идеей кругового ручательства, получили побудительные мотивы къ наиболѣе тщательному «всестороннему» обложенію несчастныхъ крестьянскихъ душъ. Общинное начало, которое при другихъ условіяхъ могло сыграть въ жизни деревни выдающуюся благотворную роль, здѣсь поступило на полицейско-фискальную службу и сдѣлалось началомъ безусловно регрессивнаго характера. Существованіе податной общины дало возможность возложить на крестьянъ такое тяжелое податное бремя, которое оно несетъ въ данный моментъ. Если бы такой общины не было, а слѣдовательно не было бы средостѣнія между правительствомъ и плательщикомъ, то правительственнымъ податнымъ органамъ волей-неволей пришлось бы встать лицомъ къ лицу съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ и, прежде чѣмъ облагать его грудою налоговъ, пришлось бы опредѣлить размѣры его благосостоянія, доходности его миніатюрнаго хозяйства. Промысловое населеніе той же Томской губерніи, не связанное ни узами податной общины, ни оковами круговой поруки, по официальнымъ документамъ признается обложеннымъ относительно слабѣе, чѣмъ крестьянское земледѣльческое населеніе. Правда, у сибирскихъ золотопромышленниковъ есть нѣчто вродѣ податной общины, они въ силу спеціальнаго узаконенія имѣютъ право или обязанность разверстывать между собою окладную сумму налога. Но они не связаны между собою круговой порукой, почему въ борьбѣ съ облагающей силой прибѣгаютъ, напрı., къ такимъ фокусамъ: облагаютъ такія предпріятія, съ которыхъ казенюй палатѣ рѣшительно нечего взять, а рентабильныя предпріятія пользуюся значительною льготою. Эти факты способны навести на многія размышле-

[1]) „Матеріалы по Томскому округу", т. II, в. II, стр. 53.

нія. Вліяніе податной политики на формы общественной жизни податныхъ классовъ такъ сильно, что, напримѣръ, по словамъ г. Лаппо, въ цѣляхъ податной организаціи у минусинскихъ инородцевъ были воскрешены давно отжившія формы родового быта. Да и самое общинное начало, какъ оно выразилось въ фактахъ русской дѣйствительности, положенное въ основу современной аграрной общины, обязано своимъ развитіемъ, по свидѣтельству проф. Сергѣевича, фискально-податной политикѣ русскаго правительства, отчего это развитіе и вылилось въ такую форму, въ которой доселѣ ясны слѣды крѣпостническихъ тенденцій, политика обособленія и подавленія личной инициативы.

Податная община проявляетъ особенно сильные признаки жизни во время разверстки податей. Самый важный актъ, актъ опредѣленія общей суммы податного бремени, падающаго на отдѣльное сельское общество, совершается помимо участія самого общества. До закона 19 января 1898 г. раскладка податей между отдѣльными сельскими обществами совершалась очень просто. Казенная палата, опираясь на данныя X ревизіи и послѣдующаго причисленія и отчисленія, опредѣляла количество душъ, подлежащихъ обложенію, причемъ составляла окладной листъ не для каждаго сельскаго общества, а на цѣлую волость, которая потомъ и вѣдалась съ отдѣльными податными организаціями. Этотъ первый шагъ раскладки платежей—чисто канцелярскій, онъ не считается съ временными измѣненіями въ платежеспособности населенія, тѣми измѣненіями, которыя въ Европейской Россіи вызвали льготные законы по отношенію къ выкупнымъ платежамъ. Община, наприм., въ Енисейской губ. [1]), вмѣсто подлиннаго окладного листа получаетъ только копію и въ случаѣ какого-нибудь недоразумѣнія сносится не съ казенной палатой, хотя бы и черезъ волостное правленіе, а только съ волостью. По свѣдѣніямъ «Матеріаловъ» [2]) учетъ окладныхъ душъ производился казенными палатами и волостными правленіями, которыя имѣли для этого спеціальныя книги. «Несходство данныхъ о числѣ душъ по тому или другому источнику, при условіи препровожденія подлиннаго окладного листа въ сельское общество, не влечетъ за собой измѣненій въ платежѣ, наложенномъ казенной палатой, ибо разверстка дѣлается въ соотвѣтствіи съ окладнымъ листомъ ея, а волостное правленіе входитъ съ представленіемъ объ измѣненіи числа душъ особо». Если мы прибавимъ сюда путаницу въ разсылкѣ окладныхъ листовъ черезъ уѣздную полицію, путаницу, констатированную томскимъ съѣздомъ податныхъ инспекторовъ [3]), то получимъ довольно точное представленіе о роли канцелярщины въ этомъ важнѣйшемъ актѣ податного дѣла. Понятно, что община права протеста не имѣетъ, хотя другія группы имперскаго населенія таковымъ правомъ и обладаютъ. Правда, по закону 19 января 1898 года раскладка оброчной

Матеріалы по Енис. губ.
Ibid.
Журналы податного съѣзда том. каз. палаты. Вып. II, стр. 2.

подати производится особыми присутствіями, которыя сумму налога на отдѣльную общину предлагаютъ на обсужденіе представителей этихъ общинъ. Но въ случаѣ даже самаго основательнаго протеста дѣло сводится къ тому, что количество податей, наложенное на одну общину, хотя и уменьшится, но зато это же количество увеличится у другой общины.

Съ того момента, когда окладной листъ поступаетъ въ распоряженіе сельскаго общества, податная община вступаетъ въ свои, правда, не очень обширныя права. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири къ опредѣленной суммѣ казенныхъ платежей община прибавляетъ свои сельскіе мірскіе и волостные сборы, такъ что всѣ эти 3 разряда сборовъ раскладываются одновременно. Правъ г. Милюковъ, утверждающій, что въ деревнѣ рѣдко кто, кромѣ должностныхъ лицъ, знаетъ, какіе именно платежи онъ вноситъ. Всѣ денежные платежи крестьянъ, безъ различія, идутъ ли они въ казну, или на содержаніе сельскихъ властей, складываются въ одну общую сумму подъ названіемъ «податей» [1]).

Мы позволимъ себѣ привести перечень волостныхъ денежныхъ сборовъ для Томской губерніи. Наиболѣе распространенные волостные расходы слѣдующіе: жалованье старшинѣ, хозяйственному засѣдателю, засѣдателю по полицейской службѣ, помощникамъ старшины, сторожамъ и разсыльнымъ при волости, волостному писарю, ветеринарному фельдшеру, медицинскому фельдшеру, иногда хлѣбный паекъ оспопрививателю, акушеркѣ, покупка медикаментовъ, наемъ помѣщенія для аптеки, иногда и для пріема больныхъ, наемъ вѣстового при становомъ приставѣ, ремонтъ зданій волости, содержаніе [illegible]лища, отопленіе и освѣщеніе волостныхъ зданій, содержаніе канцеляріи волостного правленія, страхованіе волостныхъ зданій, разъѣзды, иногда и наемъ квартиры чинамъ волостной администраціи, наемъ помѣщенія для воинскаго присутствія во время призыва, содержаніе пожарнаго обоза, возвратъ долговъ въ мірской капиталъ, содержаніе дряхлыхъ и увѣчныхъ, приписанныхъ къ волости, и разные непредвидѣнные расходы. Сюда присоединяется еще цѣлая категорія сельскихъ сборовъ, къ которымъ причисляются жалованье сельскому писарю, сельскому старостѣ, разсыльнымъ, караульнымъ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, училищъ, плата церковному причту, трапезникамъ, просвирнѣ, учителямъ, содержаніе богадѣльни, плата за наемъ квартиръ земской, сборной, для училищъ, для сельской управы, страхованіе общественныхъ строеній, канцелярскіе и хозяйственные расходы, аренда казенныхъ земель, ремонтъ общественныхъ зданій, привозъ новобранцевъ въ волость и другіе расходы, среди которыхъ есть такіе, которые, фигурируя подъ терминомъ «тунныхъ», способны заставить позабыть о томъ, что всетаки мы живемъ не среди бушменовъ и не на зарѣ исторіи, а въ XX вѣкѣ [2]).

---

[1]) Очерки по исторіи русск. культуры. *Милюковъ*. Ч. I, 4-е изд. Спб., 1900 г., стр. 139.

[2]) Журналы съѣзда томск. подат. инспект. Вып. II, стр. 17 sq.

Вотъ всѣ эти сборы и поборы и разверстываются сельскимъ обществомъ. Законъ, предоставляя сельскому обществу право разверстки платежей, тѣмъ самымъ, слѣдовательно, предполагаетъ въ данномъ случаѣ компетентность общины въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Правительство же этимъ закономъ слагаетъ съ себя самое тяжелое дѣло, такое дѣло, гдѣ принципъ справедливости въ обложеніи долженъ получить наиболѣе яркое выраженіе. Податная же община, по необходимости принимая на себя отвѣтственное дѣло разверстки, волей-неволей должна эту работу и закончить, разложивъ на своихъ членовъ *всю податную массу*, соблюдая при этомъ принципъ равномѣрности обложенія и все время наблюдая за тѣмъ, чтобы общая сумма платежей была бы вся разложена, безъ остатка, хотя бы, по сознанію деревни, наличная платежеспособность деревни и оказалась несоотвѣтствующей окладу.

Какимъ же путемъ идетъ деревня при разверсткѣ между отдѣльными хозяйствами налоговой массы? Всѣмъ знакома та идиллическая картина общинныхъ порядковъ, которую съ такой любовью съ сѣрому сермяжному люду и съ такимъ талантомъ нарисовалъ Златовратскій въ своихъ «Деревенскихъ будняхъ», но въ жизни, простой и неподкрашенной реальной жизни, мало идиллій, особенно въ то время, когда затрогивается вопросъ личнаго имущественнаго интереса. Въ податной разверсткѣ передъ нами выступаетъ не народническій «крестьянинъ-общественникъ», а хозяинъ, которому прежде всего дорога каждая его копейка, заработанная тяжелымъ, неблагодарнымъ трудомъ. Эти эгоистическіе интересы, законные и понятные намъ, при разверсткѣ вступаютъ въ самый острый конфликтъ. Тутъ рѣзче, чѣмъ когда-либо, очерчиваются экономическія группы, составляющія податную общину, только въ силу анахроническаго закона и архаическихъ принциповъ налоговой политики превращенныя въ абстрактныя «податныя души», составляющія податныя общины. Законъ, съ его механическимъ представленіемъ о составѣ податной общины, конечно, не предполагаетъ, что сельское общество, какъ и всякое другое сословіе, состоитъ изъ различныхъ по имущественному положенію группъ, которыя вступаютъ между собою въ острую и напряженную борьбу. Эта борьба, живая и страстная, упорная и настойчивая, нашла свое отраженіе и въ безстрастныхъ цифрахъ и фактахъ различныхъ изслѣдованій экономической жизни Сибири. Всѣ изслѣдователи говорятъ объ этой партійной борьбѣ. Община стремится осуществить принципъ справедливаго обложенія, такъ какъ это выгодно главному по своей численности контингенту деревни, но противъ этого теченія идетъ сопротивленіе, главнымъ образомъ со стороны «богатѣевъ», которымъ невыгодна подоходная разверстка»[1]). Община борется съ этимъ сопротивленіемъ иногда довольно успѣшно, а порою и безъ всякаго успѣха.

«Журналъ съѣзда податныхъ инспекторовъ вѣдомства томской казенной

---

1) Матеріалы по Енис. губ., Ирк., Забайк., Журналы съѣздовъ омск. и томск. ти. инсп.

палаты отмѣчаетъ, что при производствѣ сельскимъ сходомъ податныхъ раскладокъ главную роль играетъ немногочисленная группа гласниковъ, образующая «ядро», и что собранія сходовъ бываютъ бурными, когда вносятся измѣненія въ основанія разверстки. На-ряду съ этими явленіями, наблюдаемыми повсемѣстно за предѣлами Томской губ., при производствѣ раскладокъ наблюдается борьба различныхъ партій, проявляющаяся въ болѣе опредѣленной формѣ. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести борьбу за и противъ обложенія по годнымъ работникамъ. Несмотря на постепенное измѣненіе прежнихъ основаній раскладокъ, производившихся по годнымъ работникахъ, и по настоящее время основанія эти сохранили свое преобладающее значеніе въ большей части губерніи. Явленіе это объясняется воздѣйствіемъ на сходъ болѣе зажиточнаго класса, для котораго обложеніе по годнымъ работникамъ является наиболѣе выгоднымъ. Въ противоположность названному классу, менѣе состоятельный классъ стремится къ перенесенію если не всей, то, по крайней мѣрѣ, преобладающей части платежей на земельныя угодья, скотъ и другія показатели обезпеченности плательщиковъ. Въ общемъ, перевѣсъ замѣчается на сторонѣ болѣе зажиточной партіи, почему платежи въ большинствѣ случаевъ распредѣляются несоотвѣтственно платежеспособности домохозяевъ, именно: зажиточный классъ облагается слабѣе другихъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдствіемъ означенной борьбы является переложеніе части податного бремени съ годныхъ работниковъ на другіе объекты. Какъ компромиссъ между двумя описанными положеніями, слѣдуетъ признать раскладку «по достатку», при которой податное бремя распредѣляется болѣе уравнительно, чѣмъ при обложеніи исключительно по годнымъ работникамъ, но богатые, пользуясь неопредѣленностью понятія «по достатку», облагаются слабо и несоотвѣтственно своей платежеспособности. Особая форма борьбы наблюдается въ такъ называемыхъ «смѣшанныхъ» поселкахъ, состоящихъ изъ старожиловъ и переселенцевъ: первые, занимаясь больше скотоводствомъ, стремятся разложить преобладающую часть платежей на пашню; а вторые, занимаясь по преимуществу земледѣліемъ, стремятся перенести тяжесть обложенія на скотъ [1]).

Когда говорятъ о принципахъ общественной справедливости, то забываютъ, что это понятіе носитъ всегда классовый характеръ, всегда преломляется въ призмѣ классоваго міровоззрѣнія. Справедливость въ понятіи опредѣленной общественной группы и то же понятіе справедливости въ отношеніяхъ между двумя группами—два далеко не сходныхъ феномена. Кромѣ того, проведеніе въ жизнь моральнаго принципа всегда зависитъ отъ степени культурнаго уровня среды. Чѣмъ ниже по культурному развитію общественная среда, чѣмъ живѣй въ ней сознаніе своихъ личныхъ интересовъ, часто ограждаемыхъ только грубою силой, тѣмъ труднѣе там встрѣтить осуществленіе какого-нибудь моральнаго принципа. Если по оф-

---

[1]) Матеріалы по Томскому округу, собранные г. Швецовымъ.

ціальному признанію въ средѣ сибирскаго крестьянства обложеніе построено на принципѣ неравномѣрности, если богатѣи при всемъ нежеланіи класса малоимущихъ оказываются почти повсюду обложенными слабѣе, чѣмъ деревенскіе санкюлоты, то понятно, что если мы, изслѣдуя картину деревенскаго самообложенія, спустимся еще ниже по лѣстницѣ культурнаго развитія, то найдемъ картины неравномѣрнаго обложенія нарисованными еще болѣе яркими и грубыми штрихами. Законъ, полагающійся на общину и довѣрившій деревнѣ осуществленіе принципа справедливаго обложенія, еще выпуклѣе подчеркнетъ свое безсиліе и неспособность въ достиженіи намѣченной цѣли. Перенесемся на минуту въ обширныя киргизскія степи, широкой полосой развертывающіяся по берегамъ Иртыша. Тамъ обитаютъ многочисленные киргизы, богатство которыхъ состоитъ преимущественно изъ бараньихъ стадъ. По документамъ 4-го съѣзда омскихъ податныхъ инспекторовъ объектомъ обложенія у киргизовъ служитъ не земля и не доходъ ихъ скотоводческихъ хозяйствъ, а бараны. «Десятина пашни приравнивается двумъ баранамъ, это въ тѣхъ аулахъ, гдѣ кочевники занимаются между прочимъ и земледѣліемъ». Документы по обложенію района омской казенной палаты очень характерны для сибирскаго податного дѣла. На-ряду съ свѣдѣніями о томъ, что у киргизовъ обложеніе производится съ количества барановъ и что въ баранахъ, какъ во всеобщемъ эквивалентѣ, выражается все имущественное достояніе киргиза, вы встрѣтите любопытное признаніе органовъ податного надзора о томъ, что «выразить благосостояніе каждаго кибитковладѣльца въ баранахъ такъ, чтобы полученныя цифры давали бы приблизительное соотношеніе между дѣйствительнымъ ихъ благосостояніемъ, нѣтъ никакой возможности». «При существующемъ порядкѣ разверстки податей между кибитковладѣльцами и для податного инспектора, и для уѣзднаго начальника невозможенъ никакой контроль за раскладками. Невозможно даже разобраться въ степени основательности жалобъ, падающихъ на раскладки». «Что же касается значенія подсчетовъ скота по auламъ, то хотя таковые и производились, но серьезнаго значенія на раскладки не оказали» [1]). Самый процессъ общественной раскладки рисуется такими чертами, что оставляешь всякую надежду встрѣтить въ этой картинѣ слѣды равномѣрнаго обложенія. Въ общественныхъ сходахъ играютъ первую роль главари, имъ безпрекословно повинуется толпа. «Конечно,—скромно замѣчаютъ офиціальные документы,—главари прежде всего соблюдаютъ свои собственные интересы и стараются насколько возможно уменьшить количество своего скота. За немногими исключеніями богачи платятъ въ тричетыре раза болѣе среднихъ киргизовъ. Такой порядокъ киргизы находятъ нормальнымъ и иногда въ пользу его приводятъ замѣчательно наивные доводы. Такъ, напримѣръ, бѣдняки говорятъ: богатаго пожалѣть надо, у него вѣдь много скота и платить за

[1]) Журналы 4-го омскаго съѣзда податн. инспект., стр. 89, 91, 97, 123 sq.

весь скотъ трудно, это не то, что бѣдняку заплатить за какихъ-нибудь 5—6 барановъ, тому пришлось бы платить цѣлыя сотни. Богатые, конечно, въ свою очередь тоже себя отстаиваютъ и доказываютъ, что байгушу легко платить, такъ какъ онъ занимается земледѣліемъ и разными промыслами, а они питаются лишь продуктами скотоводства. На возраженія, что и имъ никто не мѣшаетъ заниматься земледѣліемъ и промыслами и что они пользуются громаднымъ количествомъ пастбищъ и луговъ, богатые отвѣчаютъ, что не околѣвать же ихъ скоту безъ корма и что нужно же его гдѣ-нибудь пасти. Иногда богачи уменьшали свой скотъ до такой степени, что, напрым., въ одной волости одинъ киргизъ вмѣсто 400 лошадей показалъ ихъ 30 и вмѣсто 700 барановъ—120. Уменьшеніе скота неравномѣрно и чѣмъ киргизъ богаче, тѣмъ это уменьшеніе выражается рѣзче и наоборотъ. Никакія увѣщеванія, чтобы киргизы показывали скотъ правильно, ни къ чему не ведутъ. Толпа не понимаетъ своей пользы и каждый разъ весь аулъ настаиваетъ на томъ, что сказалъ главарь. Угодничество богатымъ среди киргизовъ укоренилось до такой степени, что достаточно главарю сказать какую-нибудь нелѣпость и всѣ единогласно ее подтверждаютъ. При опредѣленіи скота въ аулахъ, состоящихъ изъ двухъ враждующихъ между собой партій, картина измѣняется. Въ подобныхъ случаяхъ каждая сторона показываетъ скотъ противной партіи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ онъ имѣется на самомъ дѣлѣ, и добиться тогда правды безъ шума и крика невозможно [1]).

Мы понимаемъ трудность положенія киргизскаго аульнаго схода, когда ему предстоитъ нелегкая операція разверстки налоговой массы: съ одной стороны, необходимо каждому хозяину оградить силою своей глотки свои собственные интересы, свое хозяйство отъ чрезмѣрнаго обложенія, съ другой стороны—ему во что бы то ни стало необходимо понять отвлеченный переводъ его благосостоянія на всеобщій эквивалентъ—барана. «Десятина пашни,—говорятъ ему чиновники,—равна въ обложеніи двумъ баранамъ», киргизъ вспоминаетъ свою первобытную пашню и проклинаетъ тотъ часъ, когда онъ поддался вѣяніямъ времени и захотѣлъ изъ свободнаго сына иртышской степи превратиться въ осѣдлаго земледѣльца. Сходъ обязанъ распредѣлить между своими сочленами всю налоговую массу, долженъ побороть сильныхъ главарей, стискивающихъ своими чрезмѣрными аппетитами интересы бѣдныхъ, сходъ, наконецъ, долженъ все время имѣть въ виду переводъ на общій эквивалентъ доходности киргизскаго хозяйства. Если первыя главы книги Маркса, трактующія о всеобщемъ эквивалентѣ, часто не подъ силу бываютъ лицамъ, постигшимъ всю премудрость классической школы, то тѣмъ труднѣе понять этотъ эквалирующій разсчетъ киргизамъ, прибѣгающимъ къ услугамъ безграмотныхъ переводчиковъ. Да и какой доходъ у киргизскаго хозяйства? Офиціальные документы говорятъ, напримѣръ, слѣдующее: «Въ громадномъ большинствѣ случаевъ кочевники ничего

[1]) Ibid.

не дѣлаютъ и ничего не имѣютъ. Потребности ихъ поразительно малы. Гужа, айранъ, холодныя юрты и иногда, какъ рѣдкость, кусокъ баранины составляютъ все необходимое обыкновенной киргизской семьи. Поэтому если къ платежамъ повинностей относятся съ точки зрѣнія наличности средствъ и доходности хозяйствъ кочевника, то, конечно, для байгуша и средняго киргиза эти платежи окажутся крайне обременительны, но при настоящемъ складѣ жизни киргизъ, когда наступаетъ срокъ платежа, они продаютъ часть наличнаго скота или выручаютъ деньги отъ продажи хлѣба, шерсти, кошемъ, аркановъ, а въ мѣстностяхъ, расположенныхъ близко отъ торговыхъ пунктовъ, получаютъ необходимое отъ продажи сѣна, клевера, кураю, нанимаются на поденныя работы и, изыскавъ средства для уплаты податей, они продолжаютъ голодать, мерзнуть и ничего не дѣлать» [1]).

Если изъ киргизскихъ степей мы перенесемся въ суровую якутскую область, гдѣ среди невольныхъ обитателей этого обездоленнаго края живетъ цѣлое племя якутовъ, то и здѣсь мы увидимъ, что созданная закономъ податная община ничего общаго не имѣетъ съ реальной дѣйствительностью. Принципъ податной души у инородцевъ вызываетъ только большую зависимость одного родовича отъ другого. Этотъ же принципъ, вооруженный силой круговой поруки, приводитъ къ полному расцвѣту такого кулачества, какое напоминаетъ намъ древнее рабство. Въ одномъ губернаторскомъ циркулярѣ мы находимъ такія свѣдѣнія о прямомъ обложеніи якутовъ, которыя способны заставить задуматься надъ судьбою цѣлаго племени. Губернаторъ пораженъ непорядками въ этой сферѣ, онъ констатируетъ поразительную дифференціацію въ соціальномъ составѣ племени, сильную зависимость богатаго отъ бѣднаго, зависимость, напоминающую древнее рабство. И вотъ при такихъ условіяхъ законъ вводитъ нивелирующую податную общину. Этотъ актъ только подливаетъ масло и въ безъ того сильный огонь экономическаго рабства, только помогаетъ однимъ окутать другихъ цѣлою сѣтью крѣпостныхъ связей. Губернаторскій циркуляръ, опубликованный въ *Якутскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ*, отмѣчаетъ невыгодный способъ уплаты податей богатыми инородцами за своихъ неимущихъ сородичей. Эта уплата приводитъ къ тому, что бѣдное населеніе попадаетъ въ тяжелыя формы кредитной зависимости отъ богатѣевъ, которые, обязуясь выплатить подать за своихъ должниковъ, фактически же не исполняютъ этого обязательства, накапливаютъ громадныя недоимки, которыя снова раскладываются на всю податную общину. Вся эта операція сопровождается возмутительнымъ кулачествомъ: бѣдный якутъ обязывается отдать всю выручку своего хозяйства, покосы, свой личный трудъ въ самую страдную пору. Въ случаяхъ судебнаго протеста противъ такихъ мошенническихъ продѣлокъ дѣло переходитъ на разбирательство тѣхъ же кулаковъ, тѣхъ же членовъ фискально-администра-

---

[1]) Ibid.

тивной общины, которые строятъ свое благополучіе на угнетеніи слабыхъ сородичей.

Мы могли бы продолжить печальную повѣсть о томъ, какъ законъ и жизнь расходятся въ дѣлѣ организаціи взиманія прямыхъ налоговъ съ сельскаго населенія. Мы видѣли, что податная община въ представленіи закона и сельское общество въ условіяхъ реальной дѣйствительности—два совершенно различныхъ феномена, мы видѣли также и то, что общинное начало, взятое на фискальную службу, дѣлается началомъ регрессивнаго характера.

Намъ остается выяснить теперь фигуру отдѣльнаго домохозяина передъ лицомъ податной общины, разверстывающей свои налоги.

Анализируя организацію русскаго податного надѣла, одинъ вдумчивый писатель замѣтилъ слѣдующее: «Государственная мудрость и наука должны быть призваны къ тому, чтобы давленіе различныхъ атмосферъ—государства, земства, волости, міра,—на домохозяина было подчинено извѣстному плану равномѣрнаго напора; въ противномъ случаѣ не слѣдуетъ удивляться, если податной домохозяинъ, подъ непомѣрнымъ давленіемъ нѣсколькихъ различныхъ атмосферъ, будетъ постепенно переходить изъ типа домохозяина въ типъ податного нищаго». Податной домозяинъ въ составѣ податной общины призванъ играть двоякую роль: во-первыхъ, онъ долженъ справиться съ той суммой налога, которая падаетъ на его хозяйство; во-вторыхъ, онъ долженъ озаботиться въ своихъ же личныхъ интересахъ о томъ, чтобы его сосѣди были обложены возможно полнѣе. Вторая задача дѣйствуетъ на современную деревню въ самомъ отрицательномъ направленіи, община исполняетъ самую тяжелую работу, возложенную на нее государствомъ, сокращающимъ свои издержки по взиманію податей. Ни о какомъ регулированіи давленія различныхъ атмосферъ нѣтъ и рѣчи. При разверсткѣ податей слышится только одинъ крикъ отчаянія: «спасайся, кто можетъ», иначе будешь раздавленъ тяжестью четырехъ атмосферъ. Система такого взиманія прямыхъ налоговъ примѣняется и теперь, хотя еще въ росписи министра финансовъ на 1895 г. мы прочли офиціальное заявленіе о томъ, что «крестьянское населеніе» обременяется «не столько самими платежами, сколько несовершенными способами и пріемами ихъ взиманія». Эти разорительные способы взиманія съ особенною яркостью проявляются въ двухъ моментахъ: во время общественныхъ раскладокъ налоговъ и во время поощренія со стороны властей къ болѣе усердному взносу опредѣленныхъ платежей. Къ сожалѣнію, размѣры доклада не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на этихъ двухъ моментахъ. Намѣреваясь выполнить эту работу въ недалекомъ будущемъ, сейчасъ упомянемъ только лишь для полноты общей картины о слѣдующемъ. Въ Сибири не введенъ въ дѣйствіе законъ 23 іюня 1899 г., а потому ужасы *выколачиванія* податей въ нашемъ обширномъ краѣ могутъ быть самымъ обыденнымъ явленіемъ. Это выколачиваніе вооружено цѣлымъ арсеналомъ всевозможныхъ средствъ, среди которыхъ на зарѣ XX вѣка было из-

мутительное тѣлесное наказаніе. Законъ такъ опредѣляетъ содержаніе этого арсенала: непосредственный плательщикъ податей—сельское общество имѣетъ право: 1) обращать на возмѣщеніе недоимки доходъ съ недвижимаго имущества недоимщика; 2) отдать недоимщика или кого-нибудь изъ его семейства на заработки; 3) опредѣлить къ недоимщику опекуна; 4) продать принадлежащее лично недоимщику недвижимое имущество; 5) продать часть движимаго имущества, которая не составляетъ необходимаго въ хозяйствѣ, хотя законъ самъ не опредѣляетъ понятія необходимаго, предоставляя это сдѣлать полиціи; 6) отобрать у недоимщика часть отведенной ему полевой земли или весь надѣлъ. Мало того, власти облечены полномочіями наказывать должностныхъ сельскихъ властей арестами, розгами, штрафами, причемъ всѣ эти полномочія носятъ дискреціонный характеръ. Что сказать объ этой смѣси разнокалиберныхъ репрессій. Само правительство осудило ихъ, когда оно вводило въ дѣйствіе законъ 23 іюня 1899 г. для Европейской Россіи. Мотивы къ этому закону полны обстоятельной критики той системы, которая и по нынѣшній день дѣйствуетъ по всей Сибири. Правда, упомянутый законъ не устранилъ дискреціонной власти земскихъ начальниковъ, такъ какъ онъ построенъ на принципѣ двоевластія, но все же по сравненію съ сибирскими порядками онъ является шагомъ впередъ. Поэтому съ большимъ основаніемъ и мы осудимъ эту систему разорительныхъ репрессалій. Вѣдь крестьянинъ въ Сибири разоряется такъ же быстро, какъ и по ту сторону Урала.

Подъ дѣйствіемъ такого арсенала неразборчивыхъ средствъ и подъ вліяніемъ личнаго интереса, побуждающаго каждаго податного домохозяина къ самозащитѣ, сходъ, разверстывая общую податную массу, стремится обложить въ крестьянскомъ хозяйствѣ все, что только возможно. Не останавливаясь на этомъ поучительномъ явленіи подробно, мы только отмѣтимъ слѣдующее. За послѣднее время въ Сибири пользуется особыми симпатіями населенія такая система разверстки податей, которая стремится положить въ свое основаніе принципъ обложенія «по достатку». Деревня опредѣляетъ признаки крестьянскаго достатка, среди которыхъ намѣчаются приблизительно слѣдующіе: запашка, количество скота, торговыя операціи, различные промыслы, ремесленность, общая состоятельность въ цѣломъ, количество рабочихъ силъ въ семьѣ, состояніе здоровья, оцѣнка умственныхъ и нравственныхъ силъ, общая трудоспособность и т. п. Комбинируя эти признаки, деревня разверстываетъ свои платежи, стремясь охватить все, что только, по ея мнѣнію, способно быть обложеннымъ. Так[illegible]е стремленіе деревни нѣкоторые изслѣдователи деревенской Сибири наз[illegible]ваютъ стремленіемъ деревни къ подоходному обложенію. Крайне неуда[illegible]енъ этотъ терминъ: деревня изворачивается, отыскиваетъ возможные и н[illegible]возможные способы къ выполненію непосильной работы, возложенной на [illegible]его правительствомъ, отыскиваетъ днемъ съ огнемъ лишній поводъ для того, чтобы къ чему-нибудь прицѣпить лишній гривенникъ прямого обл[illegible]нія, а ей приписываютъ какой-то подоходный принципъ, какъ будто

существующій размѣръ платежей можно разложить на чистый доходъ крестьянскаго хозяйства.

Сознаніе разорительности и несправедливости существующей системы обложенія заставило правительство ввести въ Сибири законъ 19 января 1898 г. и для Алтайскаго округа законъ 18 января 1899 г. [1]. Эти законы отмѣнили для Сибири подушные сборы, замѣнивъ ихъ государственною оброчною податью и поземельнымъ налогомъ съ тѣхъ земель, которыя принадлежатъ крестьянамъ на правѣ собственности. Законъ всей Сибири не охватилъ; внѣ его дѣйствія остались Березовская и Сургутская округи, Тобольской губерніи, Туруханскій край, Киренская округа, Якутская округа и приамурское генералъ-губернаторство. Кромѣ того, кочевые и бродячіе инородцы Тобольской и Томской губерній впредь до пересмотра законоположеній, до ихъ быта относящихся, объявлены обложенными на старыхъ основаніяхъ. Законъ объявилъ, что сумма оброчной подати устанавливается самимъ закономъ на каждое пятилѣтіе для каждой губерніи, распредѣленіе же между округами совершается губернскими управленіями съ утвержденія и по соглашенію трехъ министерствъ. При разверсткѣ подати законъ предписываетъ принимать во вниманіе свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ находящихся въ пользованіи селенія земельныхъ угодій и доходы съ нихъ, въ связи съ данными о задолженности обществъ и селеній по податямъ и продовольственнымъ ссудамъ, данныя о численности состоящаго въ нихъ рабочаго населенія и друг. свѣдѣнія о благосостояніи плательщиковъ. Для раскладки оброка между селеніями въ Тобольской и Томской губерніи образованы окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія съ участіемъ податной инспекціи, а въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ—особыя раскладочныя присутствія, подъ предсѣдательствомъ податного инспектора съ двумя чиновниками-членами, назначаемыми генералъ-губернаторомъ. Предположенная сумма раскладки предъявляется съѣздамъ особыхъ уполномоченныхъ отъ крестьянскихъ обществъ подъ предсѣдательствомъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ. Эти съѣзды имѣютъ право протеста. Раскладки утверждаются въ Тобольской и Томской губерніяхъ присутствіемъ, а. въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ—генералъ-губернаторомъ. Поземельная подать съ земель, принадлежащихъ крестьянамъ и инородцамъ на правѣ частной собственности, исчисляется въ подесятинномъ окладѣ, въ размѣрѣ одной трети среднихъ подесятинныхъ окладовъ государственной оброчной подати.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ принципѣ законъ объ оброчной подати является значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ обложенія населенія прямыми налогами. Здѣсь для Сибири впервые прямое обложеніе ставится на раціональную почву: при опредѣленіи податного груза законъ предписываетъ принимать въ основаніе доходность крестьянскаго хозяйства. Что такое

---

[1]) Собраніе узаконеній правительства 1898 и 1899 гг.

чистая доходность хозяйства, это мы всѣ знаемъ, такъ какъ понятіе доходности нужно считать прочно установленнымъ въ наукѣ. Доходностью крестьянскаго хозяйства мы назовемъ чистый остатокъ отъ всѣхъ доходовъ хозяйства, получаемый путемъ сопоставленія этихъ доходовъ и неотложныхъ расходовъ, вызываемыхъ потребностями хозяйства, квалифицируемыхъ какъ типично-необходимыхъ для данной мѣстности при существующихъ хозяйственно-бытовыхъ условіяхъ. Вотъ такую доходность законъ и положилъ въ основаніе новаго закона объ оброчной подати. Если бы этотъ принципъ былъ проведенъ цѣликомъ въ дѣйствительность, то сибирскій податной классъ можно было считать обложеннымъ сравнительно справедливо. Но законъ и жизнь, какъ это слишкомъ часто приходится наблюдать въ дѣйствительности, расходятся; разошлись они и въ данномъ случаѣ.

Для обозрѣнія практики примѣненія новаго закона въ Сибири у насъ имѣется очень незначительное количество матеріаловъ. Добыть въ Сибири нужный для научной работы матеріалъ слишкомъ трудно, а порою и совсѣмъ невозможно. Но изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ на рукахъ, всетаки можно сдѣлать положительные выводы.

Томскимъ окружнымъ присутствіемъ въ основаніе его разверсточныхъ операцій были положены свѣдѣнія о количествѣ ревизскихъ душъ, наличнаго населенія мужского пола, годныхъ работниковъ, о суммѣ всѣхъ сборовъ, уплачиваемыхъ сельскими обществами и *вообще* объ экономическомъ положеніи каждаго сельскаго общества въ отдѣльности [1]). Годные опредѣлялись грубымъ статистическимъ пріемомъ: брались лица въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, слѣдовательно, подъ это понятіе могли подходить лица безъ рукъ и безъ ногъ, а также всѣ тѣ, кто по старости утратилъ всякую трудоспособность. При опредѣленіи количества земельныхъ угодій, находящихся въ пользованіи сельскихъ обществъ, окружное присутствіе само не нашло возможнымъ «признавать таковое за главное основаніе при разверсткѣ государственной оброчной подати, такъ какъ эти свѣдѣнія далеко не точны и границы пользованія только нынѣ устанавливаются чинами поземельно устроительныхъ работъ въ Сибири. Вмѣсто этого присутствіе обосновывало свои заключенія, главнымъ образомъ, на качествѣ земель и ихъ производительности, хотя въ этомъ основномъ принципѣ оно чувствовало себя далеко не увѣреннымъ, «та́къ какъ не имѣя возможности получить точныхъ свѣдѣній о количествѣ продаваемаго и остающагося хлѣба, къ рѣшенію этого вопроса подошло путемъ приблизительнаго подсчета». Разсматривая экономическое положеніе десяти громадныхъ волостей и четырехъ инородныхъ управъ, окружное присутствіе раздѣлило ихъ на три группы и то только потому, что такъ поступало губернское

---

[1]) Раскладка государ. оброчн. подати по сельскимъ обществамъ и инороднымъ управамъ Томск., Маріинск. и Каинскаго округовъ, Томск. губ. на пятилѣтіе 1899—1903 гг. Т., 1899 г., стр. 1—90.

присутствіе. Вотъ съ такими-то данными и была произведена разверстка оброчной подати во всемъ указанномъ районѣ Томской губерніи. Окружное присутствіе само признаетъ свои свѣдѣнія *«приблизительно справедливыми»* и, полагая этотъ принципъ приблизительной справедливости въ основаніе своихъ операцій, мѣстами понизило существующее обложеніе на 3, 29 и даже на 4,0%, а мѣстами повысило на 14, 15 и 29%. «Приблизительно справедливую» разверстку податей съѣзды уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ, какъ это видно изъ протоколовъ, признали «составленной совершенно справедливо и правильно». Такимъ образомъ, уполномоченные оказались роялистами бóльшими, чѣмъ самъ король.

Маріинское окружное присутствіе еще менѣе говоритъ о доходности крестьянскаго хозяйства. Прежде всего это присутствіе обратило вниманіе на то обстоятельство, что въ опредѣленіе суммы платежей вкралась ошибка. Такъ какъ въ Маріинскомъ уѣздѣ около 22% населенія надѣлено плохою землею, то увеличеніе налоговъ предположено было сдѣлать только на 6,7%. Но при этомъ было упущено изъ вида, что переселенцы Маріинскаго уѣзда пользуются льготою, вслѣдствіе чего 639 душъ оказались обложенными неправильно. Ихъ обложеніе равнялось 3,211 р. 90 к. Но такъ какъ въ такомъ бюрократическомъ дѣлѣ, каковымъ представляется наша податная организація, протестовать было уже поздно, то вмѣсто увеличенія обложенія цѣлаго уѣзда на 6,7% пришлось увеличить на 9,3% [1]).

«Наиважнѣйшимъ признакомъ» «при всѣхъ способахъ распредѣленія податей» былъ признанъ годный работникъ. Почему не объявленная закономъ доходность крестьянскаго хозяйства—неизвѣстно. Другіе признаки платежеспособности населенія, какъ, напримѣръ, качество земельныхъ угодій, ихъ количество, величина пахотной площади и др., были признаны вторичными коррективами, о судьбѣ которыхъ въ журналѣ сказано, что они *игнорировались*. Правда, эти коррективы, называемые маріинскимъ присутствіемъ «вторичными» и признаваемые закономъ первичными, «игнорировались» не по лѣности присутствія, а въ силу нѣкоторыхъ своихъ свойствъ: они, по признанію офиціальныхъ документовъ, «обладали только относительною точностью и достовѣрностью». Журналъ говоритъ, что количество земли хотя и можно было установить, но дѣлать это безполезно, такъ какъ въ скоромъ времени вслѣдствіе землеустройства всѣ цифры должны измѣниться. Качество же и количество пахотной земли совершенно невозможно установить. Поэтому маріинскимъ присутствіемъ въ основаніе разверсточныхъ работъ были приняты сложныя ариѳметическія выкладки, гдѣ данными являлись и ревизскія души, и годные работники, и «число проживающихъ въ волости». «И на основаніи этихъ признаковъ, — говоритъ журналъ раскладки, — съ пренебреженіемъ всѣхъ остальныхъ, были продѣланы соотвѣтствующія математическія выкладки». Мы не будемъ утру-

---

[1]) Ibid.

ждать вниманія слушателей изложеніемъ содержанія этихъ выкладокъ; про нихъ можно сказать только одно: всѣ эти продѣлки маріинскаго окружнаго присутствія съ «математическими операціями» очень просты. Цитируемъ два мѣста изъ журнала засѣданія: «на Алчедатскую волость въ виду ея богатства назначена сумма въ размѣрѣ 13,500 рублей, намного превышающая существовавшій ранѣе окладъ въ 10,901 рубль. Это повышеніе по отдѣльнымъ сельскимъ волостнымъ обществамъ выразится въ размѣрѣ 6,9—40%. Окружное присутствіе согласилось съ тѣмъ выводомъ податного инспектора, который гласитъ слѣдующее: «обосновавъ, насколько это было возможно, всѣ тѣ оклады, которые я проектировалъ бы назначить на волости и общества Маріинскаго округа, я полагаю, что нѣкоторыя ошибки, которыя могли бы вкрасться при распредѣленіи назначенной на округъ суммы между столь мелкими единицами, какъ сельскія общества, найдутъ свою поправку при обсужденіи предположенной раскладки въ присутствіи и на съѣздѣ уполномоченныхъ и тѣмъ распредѣленіе государственной оброчной подати будетъ настолько справедливо, сколько это позволялъ собранный матеріалъ и личное знакомство съ экономическимъ строемъ населенія [1]).

Изъ протоколовъ уполномоченныхъ видно, что часть раскладки найдена неправильною, а потому была опротестована. Вслѣдствіе этого протеста съ однихъ обществъ часть наложенной суммы была сложена и набавлена на другія сосѣднія. Часть же уполномоченныхъ нашла, что все обстоитъ благополучно...

Каинское присутствіе было охвачено стремленіемъ выбрать такія основанія для разверстки, которыя бы наиболѣе соотвѣтствовали «духу реформы». Послѣ обсужденія всѣхъ данныхъ присутствіе пришло къ слѣдующему выводу: «хотя количество удобной земли, соотвѣтствующее одной наличной душѣ, по Каинскому уѣзду нѣсколько уклоняется отъ нормальнаго 15-десятиннаго надѣла, но для большинства случаевъ уклоненіе это является весьма незначительнымъ, а въ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ поземельно-устроительными работами, уклоненія совершенно исчезнутъ тамъ, гдѣ оно нынѣ выражено болѣе рѣзко. Благодаря такому выводу наличная душа мужского пола получаетъ весьма важное значеніе: она является эквивалентомъ земельнаго надѣла, весьма мало отличающагося отъ нормальнаго и почти одинаковаго по всему уѣзду,—другими словами, обремененіе платежами наличной души въ то же время должно указывать и на обремененіе ими надѣльной земли. Въ виду изложеннаго присутствіе полагаетъ вполнѣ правильнымъ остановиться на наличной душѣ, какъ на основн[illegible]ъ признакѣ для разверстки поземельныхъ сборовъ между волостями и се[illegible]скими обществами» [2]). Такимъ образомъ и здѣсь вопросъ рѣшился оч[illegible]ть просто.

У насъ имѣются въ рукахъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какимъ обра-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

зомъ податные органы справляются съ оброчной податью въ настоящее время, когда пятилѣтній опытъ уже показалъ многое, что должно быть исправлено. Недавно въ *Восточномъ Обозрѣніи* (№ 236, 1903 г.) была напечатана интересная замѣтка о съѣздѣ крестьянскихъ начальниковъ Иркутскаго уѣзда по раскладкѣ оброчной подати.

Сравнительно съ первымъ пятилѣтіемъ по Иркутскому уѣзду сумма оброчной подати на предстоящее трехлѣтіе увеличивалась на 10%, причемъ нужно замѣтить, что въ основаніе раскладки была принята доходность крестьянскаго хозяйства по уѣзду, опредѣленная въ 3,5 милл. руб. Въ основаніе раскладки были приняты: 1) доходность отъ хлѣбопашества; 2) отъ сѣнокошенія; 3) скотоводства; 4) отъ оброчныхъ статей, и 5) отъ посторонннихъ заработковъ. Предположено, что оброчная подать составитъ только около 2% съ общей суммы доходности. Болѣе чѣмъ 10-процентное увеличеніе оброчной подати разверстано главнымъ образомъ между бурятскими родами, причемъ сдѣлано это такъ неискусно, что по отдѣльнымъ родамъ увеличеніе окладовъ произошло не въ 10%, а часто на 50%. Интересны тѣ возраженія, которыя были сдѣланы на раскладку уполномоченными сельскихъ обществъ. Такъ, наприм., было указано, что площадь сѣнокошенія и доходъ по этой статьѣ значительно были преувеличены. Одни указывали, что при обиліи сѣна имъ его некуда сбывать, другіе говорили, что доходность земель съѣздомъ выведена неправильно: въ одной волости она обозначена въ 9—13 р., въ другой—6 р., а мѣстами—въ 30—40 р. Такихъ скачковъ, по заявленію крестьянъ, въ предѣлахъ одного уѣзда не можетъ быть. Мало того, отдаленныя волости поставлены по оцѣнкѣ выше пригородныхъ, крестьяне которыхъ продаютъ по хорошимъ цѣнамъ въ городѣ продукты своего хозяйства.

Съѣздъ, оставивъ эти возраженія безъ послѣдствій, заявилъ, что «объяснять эту неравномѣрность неправильностями исчисленія нѣтъ основаній»... Авторъ статьи въ *Восточномъ Обозрѣніи*, г. Dieudonné совершенно резонно замѣчаетъ, что такимъ заявленіемъ авторы спасли отъ крушенія свой проектъ раскладки, иначе пришлось бы имъ снова передѣлывать всю работу.

Съѣздъ руководился въ своихъ работахъ особой инструкціей, въ основаніе которой были положены явно неправильныя данныя. Такъ, наприм., инструкція даетъ скалу цѣнъ на всѣ продукты крестьянскаго хозяйства. Для всего уѣзда были приняты одинаковыя цѣны, одинаково расцѣнивался хлѣбъ, сѣно, какія-то «другія растенія», оцѣненныя въ 119,4 к. за пудъ. Слѣдовательно, были приняты въ основаніе такъ называемыя среднесправочныя цѣны. Отсюда и вытекла вся нелѣность выводовъ коммиссіи. Прежде всего показателемъ народнаго дохода былъ взятъ валовой доходъ хозяйствъ, что само по себѣ говоритъ уже за неправильность постановки дѣла. По отношенію къ этому валовому доходу процентъ обложенія намѣченъ въ 2, хотя въ переводѣ этого отношенія къ чистому доходу цифру 2 нужно будетъ выразить въ десяткахъ. Затѣмъ среднесправочная цѣна на

сѣно, наприм., взятая въ 45 к., будетъ абсурдомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цѣна на этотъ продуктъ равна только 0, такъ какъ тамъ нѣтъ рынковъ сбыта. Между тѣмъ въ одной изъ такихъ волостей доходъ отъ сѣна показанъ въ 20,000 рублей... Такъ и по отношенію къ другимъ статьямъ крестьянскаго хозяйства. Вообще экономическое значеніе подобной оцѣнки по средне справочнымъ цѣнамъ сводится къ нулю, а такая расцѣнка положена въ основаніе раскладки на цѣлый уѣздъ.

Тѣ же самыя впечатлѣнія выносятся и изъ чтенія журналовъ по примѣненію оброчной подати на Алтаѣ въ силу закона 18 января 1899 года. Здѣсь то же отсутствіе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о крестьянской доходности, тотъ же методъ широкихъ масштабовъ, можетъ быть, дающихъ общую картину хозяйства, но не дающихъ необходимаго—знанія дѣйствительнаго положенія вещей.

Эти сравнительно скудныя свѣдѣнія о примѣненіи новаго податного закона, явившагося коррективомъ къ крайне несовершенной фискальной системѣ, мѣстами дѣйствующей и теперь въ глухихъ уголкахъ Сибири, могутъ убѣдить насъ въ томъ, что законъ объ оброчной подати до сихъ поръ не получилъ своего осуществленія. Главнымъ принципомъ его является обложеніе по доходности земли, и этотъ принципъ остался только на бумагѣ. Такому печальному исходу задуманной реформы не мало способствовали два весьма важныхъ обстоятельства. Законъ допустилъ въ самомъ себѣ такое условіе, которое опредѣлило собою непригодность реформы. Именно законъ оставилъ единицею обложенія сельское общество, основаніемъ раскладки опредѣлилъ доходность не отдѣльнаго плательщика, а цѣлаго селенія, а порою цѣлаго ряда селеній, такъ называемой податной общины. Такой порядокъ неминуемо вызвалъ то, что оцѣнка доходности деревенскаго хозяйства, производимая крайне немногочисленными бюрократическими органами, свелась или къ отрицанію всякой оцѣнки, или къ опредѣленію доходности народнаго хозяйства на глазомѣръ. Такимъ образомъ главная цѣль закона не была достигнута. Вторымъ обстоятельствомъ, затруднившимъ осуществленіе закона, было почти полное отсутствіе статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи сибирскихъ податныхъ классовъ. Все, что имѣется по данному вопросу, является значительно устарѣвшимъ, такъ какъ въ главной своей массѣ изслѣдованія охватываютъ моментъ только что начавшейся ломки натуральнаго хозяйства Сибири. Такіе сильные факторы, какъ желѣзная дорога, могучая волна переселенческаго движенія, а также землеустроительныя работы, перевертываютъ ладъ жизни такъ сильно и быстро, что вчерашнія цифры не даютъ уже ...ной картины нынѣшняго дня. Да если бы въ руки бюрократическихъ ...гановъ и дать самый хорошій матеріалъ, то и въ такомъ случаѣ врядъ ... удалось имъ оцѣнить доходность крестьянскихъ земель въ Сибири. Дѣло ... сложное, его не сдѣлаешь безъ услугъ цѣлаго кадра спеціалистовъ-...тистиковъ. Во всякомъ случаѣ подать, опредѣляемая высшимъ прави...ьствомъ по своимъ независимымъ соображеніямъ и потомъ путемъ ре-

партиціонной системы обязательно во всей суммѣ разверстываемая по сельскимъ обществамъ, хотя бы съ соблюденіемъ принципа соразмѣрности съ доходностью, наблюдаемой по отношенію къ каждому обществу, въ концѣ концовъ, когда она дойдетъ до отдѣльнаго плательщика, легко превращается при нашей архаической системѣ взиманія въ ту силу, которая изъ податного домохозяина дѣлаетъ податного нищаго... Идеалъ обложенія таковъ: нужно опредѣлить тотъ процентъ, который государство намѣрено взять и считаетъ возможнымъ, безъ ущерба для народнаго благосостоянія, взять съ дохода каждаго отдѣльнаго хозяйства; затѣмъ необходимо опредѣлить доходность сепаратнаго хозяйства, а потомъ уже при помощи хорошо организованной системы взиманія и собрать опредѣленные проценты съ каждаго отдѣльнаго хозяйства. Если право государства брать налоги считается правомъ священнымъ, если обязанность платить налоги точно также считается священной, то въ XX вѣкѣ можно желать, чтобы и это право, и эта обязанность были строго опредѣлены въ своемъ содержаніи. Таковъ принципъ, который является однимъ изъ основаній современнаго бюджетнаго права. Только строго опредѣленную обязанность можно исполнить съ чувствомъ лойяльности, только точно опредѣленное и обоснованное право, какъ бы оно строго ни было, можетъ разсчитывать на уваженіе и свободное признаніе. Опредѣлить же право и обязанность въ русскихъ податныхъ отношеніяхъ можно путемъ самой широкой реформы современной архаической податной системы.

Существеннымъ и характернымъ признакомъ нашей податной системы является то обстоятельство, что налоги главною своею массою падаютъ преимущественно на крестьянскую среду. Вторымъ существеннымъ признакомъ этой системы является выдѣленіе изъ всего населенія Имперіи такъ называемыхъ податныхъ классовъ, которыми и является крестьянство, несущее всю почти тяготу прямыхъ налоговъ. Въ офиціальныхъ документахъ мы можемъ найти ближайшія указанія на оба эти признака нашей податной системы. Разверните всеподданнѣйшій докладъ на 1897 г. Онъ очень характеренъ и интересенъ по своему содержанію, въ немъ намѣчены самые главные основные вопросы податной политики. Въ этомъ докладѣ находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «главнѣйшая масса нашего населенія обладаетъ сравнительно низкимъ уровнемъ зажиточности и не располагаетъ значительнымъ имуществомъ или сбереженіями, бюджетъ нашъ долженъ проявлять особенную чуткость въ отношеніи роста или упадка текущихъ прибытковъ населенія. Въ странѣ съ зажиточною массою населенія связь между состояніемъ бюджетнаго хозяйства и хозяйства народ-наго можетъ быть до извѣстной степени затемняема, съ одной стороны расходованіемъ имущества и сбереженій на покрытіе текущихъ потребностей, съ другой стороны—сдержаннымъ расходованіемъ доходовъ, т.-е. накопленіемъ сбереженій. Но когда главнѣйшая масса находится въ хозяйственномъ положеніи, исключающемъ возможность длящагося регулярнаго участія въ употребленіи облагаемыхъ предметовъ на счетъ реализаціи и-

щества и сбереженій, то движеніе финансоваго хозяйства такой страны должно соотвѣтствовать движенію хозяйства народнаго».

Министръ финансовъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что народъ, у котораго поступленіе косвенныхъ налоговъ растетъ, тѣмъ самымъ показываетъ, что и «общая сумма прибытковъ населенія возрастаетъ». Оставимъ въ сторонѣ этотъ выводъ, давно уже опровергнутый въ русской печати, и остановимся на тѣхъ посылкахъ, которыя послужили г. Витте для защиты системы повышенія косвенныхъ налоговъ. Эти же посылки очень удобны и для сужденія о прямыхъ налогахъ. Офиціальное констатированіе низкаго уровня зажиточности главнѣйшей массы населенія и такое же признаніе, что бюджетъ долженъ проявить особенную чуткость въ отношеніи роста «народныхъ прибытковъ», говорятъ за то, что въ сферѣ прямого обложенія необходимо проявить еще большую «чуткость» къ запросамъ времени и требованіямъ науки. Обложеніе только тогда не является тормозомъ народнаго хозяйства, когда оно въ справедливой мѣрѣ падаетъ на чистый доходъ отдѣльнаго хозяйства. Этотъ принципъ положенъ и въ основаніе сибирскихъ законовъ объ оброчной подати. Но какъ мы уже и говорили, цѣль закона не достигнута. Доходъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Сибири остался неопредѣленнымъ. Подать легла на населеніе безотносительно къ его доходу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что это обложеніе не можетъ не явиться факторомъ, разоряющимъ народное хозяйство. Тамъ, гдѣ хозяйство очень мало, гдѣ чистый годовой доходъ рѣдко составляетъ нѣсколько десятковъ рублей, тамъ обложеніе должно быть особенно точнымъ и справедливымъ. При небольшой неточности въ обложеніи, при самомъ незначительномъ обремененіи бюджета излишними налогами и при строгой и неразборчивой системѣ взысканія податей, немедленно начинается трата оборотнаго и порою основного капитала, который, какъ это всѣмъ намъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, всегда въ крестьянскомъ быту слишкомъ миніатюренъ. Рубль въ деревнѣ—это такой капиталъ, который въ экономіи хозяйства значитъ очень много, больше, пожалуй, чѣмъ многіе представляютъ. Наука давно уже твердитъ о томъ, что есть цѣлый классъ хозяйствъ, который долженъ или совсѣмъ быть свободнымъ отъ обложенія, или быть обложеннымъ въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Это требованіе и есть та самая «чуткость» финансовой политики, о которой мы читаемъ въ упомянутомъ нами офиціальномъ документѣ.

Оброчные законы въ Сибири принципіально мы считаемъ удовлетворительными. Но, оцѣнивая ихъ съ точки зрѣнія интересовъ крестьянской массы сибирскаго населенія, мы, во имя этихъ высочайшихъ для финанси[illegible]а интересовъ, выставляемъ четыре условія, которыя должны быть со[illegible]юдены, для того чтобы оброчный налогъ явился, по крайней мѣрѣ, та[illegible]имъ факторомъ, который не будетъ тормозить прогрессивнаго развитія на[illegible]днаго хозяйства. Это самое большее, что мы требуемъ отъ налога. У[illegible]овія, выставляемыя нами, слѣдующія. Во-1-хъ, законъ долженъ указа[illegible] процентъ обложенія чистаго дохода съ крестьянской и инородческой

земли. Изъ практики примѣненія закона мы видѣли, что до сихъ поръ этотъ вопросъ не возникалъ въ сознаніи податныхъ органовъ, примѣнявшихъ законъ. Если одно присутствіе (иркутское) и объявило, что оно беретъ только 2% съ народнаго дохода, то на самомъ дѣлѣ, какъ мы уже и говорили, оно взяло гораздо больше 22%. Вторымъ условіемъ мы считаемъ слѣдующее: законъ, опредѣляющій объектомъ обложенія доходность крестьянской земли, долженъ имѣть для своего примѣненія реальный базисъ въ видѣ точнаго, научно-произведеннаго и разработаннаго кадастра сибирскихъ земель и ихъ доходности. Пока этого кадастра не будетъ, до тѣхъ поръ законъ будетъ носить на себѣ всѣ отрицательные слѣды недавняго прошлаго, т.-е. эпохи подушной подати. Третьимъ условіемъ нормальнаго осуществленія симпатичной идеи закона объ оброчной подати мы считаемъ необходимость въ измѣненіи тягловой единицы. Законъ считаетъ до сихъ поръ такою единицей сельское общество, въ которомъ идея аграрной общины вытѣснена административно-полицейскимъ порядкомъ. Законъ не знаетъ единицы обложенія мельче, чѣмъ сельское общество. Мы уже видѣли, что такой принципъ податной политики приводитъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Мы видѣли, что жизнь не знаетъ идиллически настроенной податной общины, эта иллюзія, игравшая роль презумпціи въ законодательныхъ работахъ, разбита суровыми условіями дѣйствительности. Законъ же безсиленъ превратить иллюзію въ фактъ реальной жизни. Въ данномъ случаѣ необходимо идти за жизненнымъ теченіемъ, а не противъ него. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ выдвигается личность, цѣнная сама по себѣ, свободная въ своемъ хозяйственномъ опредѣленіи. Экономическая дифференціація разрастается все сильнѣе и сильнѣе. Факторы, дѣйствующіе въ области народнаго хозяйства, дѣлаются интенсивнѣе и многочисленнѣе. Капиталъ, самый мощный экономико-соціальный факторъ, индивидуализируетъ хозяйство и его руководителя. Это хозяйство въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ хочетъ быть свободнымъ и независимымъ. Между предгорьями Алтая и вѣнцомъ капиталистическаго строя—лондонскимъ рынкомъ, стали завязываться тѣсныя связи. Деревня хочетъ сбросить съ себя узы натуральнаго хозяйства, оковы мѣстнаго рынка и тѣ ограниченія, которыя, при содѣйствіи старой полицейско-фискальной системы, выросли на этой почвѣ. «Деревня собралась въ путь», вотъ общее впечатлѣніе отъ наблюденія современной картины экономическихъ отношеній. Въ этой картинѣ вы замѣтите рѣзкіе штрихи, опредѣляющіе основной характеръ, изображающей современную деревенскую эволюцію; личность, хозяйствующая на громадномъ просторѣ русской деревни, самоопредѣляется. Старое становится ей не по плечу. Современныя услов хозяйства индивидуализируютъ ее и заставляютъ быть свободной въ свое самоопредѣленіи. Одновременно съ этимъ процессомъ должна индивиду лизироваться и подать. Принципъ отдѣльнаго, вполнѣ индивидуальна хозяйства съ его доходностью долженъ быть положенъ въ основаніе г датной политики. За эти требованія говоритъ сама жизнь, съ мощью вѣ-

живой силы вѣчнаго поступательнаго развитія сбрасывающая съ себя устарѣлое и подготовляющая благодатную почву для новыхъ зеренъ, изъ которыхъ выростаетъ дерево свѣтлаго будущаго.

Наука давно опредѣлила эту задачу податной политики. Если подать должна быть справедливымъ бременемъ на бодро выносящемъ ее хозяйствѣ, то объектомъ обложенія и должно явиться это хозяйство, а не что иное. Современная же развитая жизнь не знаетъ хозяйства податной общины. Въ жизни работаетъ и отвѣчаетъ само за себя отдѣльное хозяйство съ свободнымъ въ своемъ хозяйственномъ опредѣленіи распорядителемъ. Реальныя условія этого хозяйства и должны быть оцѣнены и на нихъ должна оперировать податная политика. А въ данный моментъ сельское общество волей-неволей лишаетъ силы то, что нуждается въ особой поддержкѣ.

Наконецъ, четвертымъ условіемъ правильнаго дѣйствія податного закона мы считаемъ необходимость реорганизаціи системы взиманія податей. О недостаткахъ существующей системы мы уже говорили вскользь. Не повторяя высказаннаго, приведемъ разсказъ о типичномъ случаѣ изъ деревенской жизни, нарисованной корреспондентомъ *Сибирскаго Вѣстника*. Въ селѣ Быстрый Истокъ, Бійскаго уѣзда, страда въ полномъ разгарѣ. Неожиданно является волостной старшина и отдаетъ строгій приказъ нести на «сборню» подати. Деревня объявляется «на податномъ положеніи»: у всѣхъ воротъ поскотины ставятся караулы... Но подати могли нести не всѣ обитатели села Быстрый Истокъ, не у всѣхъ были припасены деньги, старшинѣ пришлось показать свою власть, пригрозивъ каталажкой даже женщинамъ, мужья которыхъ выѣхали на полевыя работы. Каталажка въ страдную пору хуже всякой каторги. На улицахъ замѣтно стало оживленнѣе: мужики и бабы съ озабоченными лицами забѣгали изъ дома въ домъ, вымаливая деньги подъ работу, подъ несжатый еще хлѣбъ. Подъ работу брали такія семьи, которыя никогда раньше не продавали свой трудъ. Хлѣбъ продали со скидкою трехъ копеекъ съ тѣхъ цѣнъ, которыя будутъ при окончательномъ разсчетѣ. Правда, въ распискахъ этихъ условій не ставятъ, но Колупаевъ никогда не промахнется. Срокомъ возврата ставятъ первую молотьбу. Слѣдовательно, за «ссуду» приходится заплатить, если пшеница будетъ по сорока копеекъ, ни мало, ни много, всего только 54%. Энергичный старшина въ одинъ день взыскалъ тысячу рублей и уѣхалъ, а деревня потеряла, конечно, не одну тысячу рублей. Въ этой же деревнѣ въ сѣнокосную пору становой приставъ взыскалъ 1,5 т. р., но такъ какъ дѣло было послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ, то ему пришлось принять очень строгія мѣры.

Есть болѣе печальные факты все изъ той же области. Разскажемъ имъ. Въ одномъ селеніи, разсказывали намъ свѣдущіе люди, въ сборной избѣ рядомъ съ старшиною обычно садится мѣстный ротшильдъ изъ Колупаевыхъ. Ему «всѣ» должны. Подать, прежде чѣмъ попасть въ карманъ сборщика, поступаетъ въ руки деревенскаго дисконтера, учитывающаго

народную нужду по весьма высокимъ процентамъ. А затѣмъ уже изъ рукъ она переходитъ въ руки сборщика; понятно, что такой переходъ «учитывается» и оглашается передъ молчаливымъ должникомъ въ формѣ свободнаго гражданскаго обязательства. Договоръ этотъ заключается между равноправными членами единой податной общины. Такихъ фактовъ въ жизни не мало; въ общей совокупности они составляютъ такое явленіе, которое заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ подобная кабала, рождающаяся на податной почвѣ, способна породить серьезное экономическое разстройство.

По нашему мнѣнію, если будутъ соблюдаться выставленныя выше три условія, то необходимо будетъ выполнить и послѣднее, которое, выражаясь кратко, состоитъ въ томъ, чтобы органы податного дѣла, организованные въ духѣ института современнаго податного инспектората, встали бы лицомъ къ лицу съ каждымъ плательщикомъ налога.

Выставляя такія условія, мы не забываемъ и того, что одинокая реформа, хотя бы и въ такомъ первостепенномъ дѣлѣ, каковымъ представляется намъ сфера податныхъ отношеній, не можетъ быть признана исчерпывающей весь вопросъ. Въ податномъ дѣлѣ двѣ стороны: одна—интересы деревни, другая—интересы государства. Есть одинъ пунктъ, на которомъ обѣ группы интересовъ сходятся. Такимъ пунктомъ и является легкость подати. Чѣмъ легче подать отдѣльнаго хозяйства, тѣмъ это выгоднѣе и для государства, и для деревни. Легкая подать только послужитъ къ дальнѣйшему развитію доходности хозяйства, а при такомъ положеніи и государство получитъ больше, такъ какъ подоходный принципъ податного закона служитъ основаніемъ постоянно возрастающей подати.

Когда на сцену всталъ вопросъ объ уничтоженіи подушной подати, то въ основу реформы бывшимъ министромъ-профессоромъ было положено слѣдующее начало: «налоги, замѣняющіе подушные сборы, должны вести къ упраздненію дѣленій сословій на податныя и неподатныя». Мы не погрѣшимъ противъ памяти почтеннаго дѣятеля, если скажемъ, что въ этихъ словахъ заключается мысль, которая говоритъ объ освобожденіи деревни изъ подъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыя тормозятъ ея развитіе. Сейчасъ деревня—это «государство въ государствѣ». Не будемъ говорить о томъ, какъ это «основное» положеніе крестьянъ вредитъ ихъ развитію хотя бы въ сферѣ экономическихъ отношеній. Мысль о необходимости уничтоженія положенія «островитянъ», о необходимости сравненія крестьянъ въ правовомъ отношеніи съ остальными общественными классами, о необходимости расширенія правовой сферы личности и безуспѣшности одинокихъ реформъ получила всеобщее признаніе. Работы недавнихъ губернскихъ и уѣздны[illegible] комитетовъ представили по этому вопросу очень цѣпныя соображен[illegible] работы земствъ по вопросу о мелкой земской единицѣ построены на то[illegible] же принципѣ. Послѣдняя коммиссія подъ предсѣдательствомъ В. Н. [illegible]ковцева, обсуждающая вопросъ о поднятіи благосостоянія центра, раб[illegible]ющая съ виднымъ участіемъ земскихъ людей, пришла на-дняхъ къ т[illegible]

выводу, что «самой нужной мѣрой для поднятія матеріальнаго благосостоянія деревни является реформа деревенскаго правопорядка», «улучшеніе правовой постановки самой личности». Что же касается мѣръ, непосредственно направленныхъ на улучшеніе матеріальныхъ условій крестьянской жизни, какъ, наприм., увеличеніе земельнаго надѣла, то онѣ, по мнѣнію Высочайше утвержденной коммиссіи, «въ настоящее время не могутъ быть признаны существенными».

Мы съ великою радостью присоединяемся къ этому мнѣнію коммиссіи. Газеты сообщаютъ, что эта мысль внесена въ коммиссію земскими людьми; слѣдовательно, она родилась не только на почвѣ абстрактныхъ соображеній. На этомъ примѣрѣ мы лишній разъ увидѣли, какъ умѣетъ работать русская земская мысль, когда дѣло идетъ о благѣ русскаго народа. Намъ остается только прибавить, что радикальная реформа, пригодная для центральной Россіи, пригодна и для сибирскаго края, такъ какъ и Сибирь, опять-таки по офиціальному признанію, не является «колоніею, чуждой метрополіи». Въ этой Сибири тѣ же родныя нужды, что и въ сердцевинѣ Имперіи, и исцѣляются онѣ тѣми же сильными лѣкарствами. Мысль, рожденная въ центрѣ, нужна и далекой окраинѣ, центръ долженъ помочь ей,— таковъ идеалъ современной политики, какъ это видно, напримѣръ, изъ одного недавняго прусскаго закона, гдѣ читаемъ слѣдующее мудрое правило государственности: «необходимость обезпеченія всѣмъ частямъ королевства одинаковаго культурнаго развитія требуетъ, чтобы наиболѣе щедрая помощь была направлена туда, гдѣ на самыхъ слабыхъ плечахъ лежитъ наиболѣе тяжелая ноша». На плечи же Сибири ложится тяжелая ноша защиты громадной восточной границы.

Основнымъ вопросомъ податной политики въ Сибири мы считаемъ вопросъ о проведеніи въ нашемъ обширномъ краѣ ряда соціально-экономическихъ реформъ, намѣченныхъ лучшими русскими людьми въ недавнихъ работахъ. Мы вѣримъ, что наша эпоха, — эпоха великихъ задачъ и преобразованій. Объ этомъ говоритъ намъ сама жизнь, многогранная и разнообразная въ своихъ проявленіяхъ; въ нихъ мы наблюдаемъ подготовленную почву для такого дѣла, которое дастъ народу принадлежащую ему по праву счастливую долю. Новая реформа должна сместь съ лица земли архаическіе принципы, жизнь не хочетъ знать податныхъ классовъ, соціальная эволюція размыла искусственный улей русской жизни, китайская стѣна, раздѣлявшая сословныя организаціи, оказалась слишкомъ низкой, для того чтобы отгородить пчелъ отъ трутней: пчелы желаютъ летать тамъ, гдѣ летаютъ и трутни... Задача очень широкая, но вѣдь и идеалъ, къ которому стремится съ давнихъ поръ русская многострадальная жизнь, тоже чрезвычайно широкъ.

М. Боголѣповъ.

Пропущенный юбилей.

Столѣтіе перваго русскаго устава о цензурѣ.

1804—9 іюля—1904 г.

Въ началѣ прошлаго года русское общество было свидѣтелемъ оригинальной полемики: «отмѣтить ли» только или «праздновать» двухсотлѣтіе періодической печати. Конечно, лучшая его часть воздержалась отъ какихъ бы то ни было празднествъ и ликованій; худшая и, къ счастію, меньшая всячески славословила. Но такъ или иначе двухсотлѣтній юбиляръ былъ почтенъ вниманіемъ. Лѣтомъ этого года, а именно 9 іюля, исполнилось столѣтіе первому русскому уставу о цензурѣ—гробовое молчаніе было отвѣтомъ печати и общества [1]). Мнѣ кажется, что молчаніе первой явилось не только простой случайностью, второго — все еще малою освѣдомленностью съ исторіей древняго спутника русской литературы.

Ввести читателя въ исторію происхожденія первой сколько-нибудь строгой регламентаціи русскаго печатнаго слова, выяснить ея основныя положенія, достоинства и недостатки—вотъ цѣль настоящаго очерка.

I.

Прежде всего, мнѣ кажется, необходимо прослѣдить, хотя бѣгло и вкратцѣ, тѣ главные этапные пункты, которые проходило печатное слово по пути его спорадическаго стѣсненія, т.-е. до 9 іюля 1804 г.

Первый цензурный актъ относится къ 5 октября 1720 года. Вызванъ онъ былъ жалобою мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго на нежеланіе типографій кіевской митрополіи представлять ему для предварительнаго просмотра печатаемыя ими, тогда почти сплошь духо[вныя], книги. Просмотръ этотъ сталъ обычаемъ въ московской патріар[хіи] и при антагонизмѣ сѣвернаго и южнаго духовенства отсутствіе его дѣ[ла]лось какъ бы особой привилегіей послѣдняго. Петръ I поддержалъ авто[ри]тетъ Яворскаго. «Великому государю, его царскому величеству извѣс[тно]

---

1) Если не считать очень маленькой замѣтки въ № 2 „Литературнаго Вѣстни[ка]“.

учинилось,—гласилъ указъ 5 октября 1720 г.,—что въ кіевской и черниговской типографіяхъ, въ печатныхъ книгахъ печатаютъ несогласно съ великороссійскими печатьми, которыя со многою противностью Восточной церкви..... Того ради его царское величество указалъ именоваться кіевопечерскому и черниговскому монастырямъ, во всѣхъ книгахъ, Ставропіею Всероссійскихъ патріарховъ, а не Константинопольскихъ, а вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать. А и оныя церковныя старыя книги, для совершеннаго согласія съ великороссійскими, съ такими-жъ церковными книгами справливать прежде печати съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ оныхъ не было. А другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, *не объявя объ оныхъ духовной коллегіи и не взявъ отъ оной позволенія*, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви Восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти» [1]).

25 января 1721 г., § 3, ч. III регламента, или устава, духовной коллегіи вносилъ уже болѣе обобщающее ограниченіе: «аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое бъ не печатать, но *первѣе* презентовать въ коллегіумъ. А коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ письмѣономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго» [2]). Екатерина I подтвердила эту обязанность синода указомъ 15 іюля 1726 г., внесшимъ измѣненія въ его компетенцію и раздѣлившимъ его на два департамента [3]).

Такимъ образомъ впервые была введена система предварительной цензуры пока по отношенію духовной литературы. Относительно свѣтской Петръ былъ мягче, не колеблясь пропускалъ «непригожія» выраженія о тогдашнихъ обычаяхъ и нравахъ. «Одно изъ историческихъ сочиненій весьма уважаемаго современниками Пуфендорфа было переведено, по порученію государя, причемъ,—разсказываетъ Голиковъ,—переводчикъ почелъ нужнымъ смягчить сужденія автора о Россіи; но царь былъ весьма этимъ недоволенъ и приказалъ возстановить текстъ подлинника во всей его рѣзкости» [4]). Вообще не сохранилось указаній на преслѣдованія Петромъ I тѣхъ или другихъ сочиненій свѣтской печати.

Первый шагъ къ предварительной цензурѣ послѣдней былъ сдѣланъ Петромъ II въ указѣ 4 октября 1727 г., въ силу котораго въ Петербургѣ оставлены лишь двѣ типографіи [5]): сенатская—для печатанія указовъ и академическая—для печатанія переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ *историческихъ* сочиненій, *но не иначе, какъ съ апробаціей синода.*

---

[1]) Пол. собр. закон., № 3653.

[2]) Ibid., № 3718.

[3]) Ibid., № 4919.

[4]) „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб., 1862 г., типографія [illegible]ского министерства, 5.

[5]) Всѣ онѣ были тогда казенныя.

Остальныя приказано было «перевесть въ Москву со всѣми инструментами и печатать только однѣ церковныя книги, какъ издревле бывало, въ одномъ мѣстѣ на Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ синодскимъ, и чтобъ никакихъ въ печатаніи тѣхъ книгъ погрѣшеній и противности какъ закону, такъ и церкви быть не могло, того синоду по должности своего званія смотрѣть прилежно» [1]).

При Аннѣ Іоанновнѣ воспрещается ввозъ изданныхъ въ Львовѣ польскихъ календарей на 1739 г. «И понеже въ тѣхъ обоихъ календаряхъ, по разсмотрѣнію здѣсь, находятся въ прогностикахъ о нашей имперіи, а особливо о Украйнѣ, нѣкоторые злоумышленные и непристойные пассажи, чѣмъ неразсудительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазнъ и сумнѣніе, того ради посланъ указъ нашъ, чтобы всѣ тѣ календари въ Кіевѣ сжечь и ежели иногда гдѣ индѣ такіе-жъ календари у кого явятся, отбирая пожигать, и впредь оныхъ въ границы Наши пропускать не велѣть» [2]).

При Елизаветѣ Петровнѣ встрѣчаемся съ первымъ подчиненіемъ періодической печати предварительной цензурѣ сената. Вотъ что гласилъ указъ ея 18 марта 1742 г.: «Дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ и кавалеръ [3]) словесно предлагалъ, что въ печатныхъ въ Санктпетербургѣ Россійскихъ Вѣдомостяхъ Академіи Наукъ [4]) являются напечатанныя многія несправедливости, какъ и въ печатныхъ февраля 26 дня сего года подъ № 17 напечатано, якобы того числа Ея Императорское Величество дѣйств. тайнаго сов. Михаила Бестужева пожаловала кавалеріею св. Апостола Андрея, котораго пожалованія отъ Ея И. В. не бывало. Правительствующій сенатъ приказалъ: Академіи Наукъ въ сенатъ отвѣтствовать, съ чего оное въ тѣхъ вѣдомостяхъ напечатано; *а впредь той Академіи Наукъ показанныя Россійскія Вѣдомости печатать съ апробаціи сенатской конторы, а безъ того отнюдь не печатать, дабы впредь такихъ же неисправностей не было,* и по нѣскольку тѣхъ печатныхъ вѣдомостей присылать въ Москву въ правительствующій сенатъ» [5]).

Въ 1742—1743 гг. мы встрѣчаемся съ первымъ признаніемъ «вредоносности» свѣтской книги и съ преслѣдованіемъ за ея чтеніе.

Когда въ 1740 г. началось «дѣло» кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, обнаружено было, между прочимъ, что онъ читалъ сочиненія очень

---

[1]) Пол. собр. зак., № 5175. Одинъ изъ важныхъ указовъ, почему-то пропущенныхъ составителями „Сборника постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 [illegible] 1862 г.“, печатаннаго въ 1862 г. по распоряженію министра народнаго просвѣще[illegible].

[2]) Ibid., № 7715, 26 декабря 1738 г. Я не считаю полицейско-цензурной мѣ[illegible] указъ 26 октября 1732 г., воспрещавшій ввозъ книгъ, *уже продающихся при А[illegible]деміи Наукъ*—это было сдѣлано просто въ видахъ экономическихъ.

[3]) Князь Н. Ю. Трубецкой.

[4]) С.-Петербургскія Вѣдомости.

[5]) Пол. собр. зак., № 8529.

тогда популярнаго филолога, историка и политическаго писателя, Юста Липсія, изъ которыхъ особенно распространены были «Taciti opera cum notis» и «Politicorum sive civilis doctrinae libri sex», гдѣ авторъ рѣзко обличалъ нравственный и политическій развратъ римскихъ императоровъ и общества эпохи упадка и сопоставлялъ общественные нравы римской имперіи съ современными ему (1547—1606 гг.) нравами правителей европейскихъ государствъ и европейскаго общества. Второе изъ указанныхъ сочиненій Юста Липсія—«Политическія ученія», было переведено на русскій языкъ и, вѣрнѣе, передѣлано іеромонахомъ Кохановскимъ въ 1721 г. Переводъ хотя и не былъ напечатанъ, но обращался въ массѣ списковъ. Волынскій особенно любилъ читать примѣчанія Липсія на Тацита. «Книга эта не для чтенія въ нынѣшнее время»,—говорилъ онъ. Въ этомъ сочиненіи неаполитанская королева XV в. Іоанна II сравнивалась съ Клеопатрой и Мессалиной. Находя, съ своей стороны, сходство ея съ Анной Іоанновной, Волынскій писалъ карандашомъ на поляхъ этого мѣста: «она! она! это она!» [1]).

Все это было вмѣнено ему въ вину, и правительство Елизаветы Петровны сочло нужнымъ обратить свое вниманіе на чтеніе подданныхъ.

Съ этою цѣлью, черезъ годъ по ея воцареніи, 27 октября 1742 года послѣдовалъ указъ, въ силу котораго, всякій, имѣвшій у себя «церковныя или *гражданскія* книги», напечатанныя по кончинѣ Анны Іоанновны (17 октября 1740 г.) и до 25 ноября 1741 г. (день вступленія на престолъ Елизаветы), т.-е. за время Анны Леопольдовны, долженъ былъ «для *переправленія* объявлять или черезъ повѣренныхъ своихъ присылать: синодальныя въ московскую и въ санктпетербургскую, а кіевская и черниговская въ тамошнія типографіи, кои гдѣ печатаны, а печатанныя-жъ въ де-Сіансъ Академіи, то оныя въ той де-Сіансъ Академіи, отъ публикованія о томъ указовъ въ полгода, которыя, *по переправленіи*, паки тѣмъ же людямъ отданы будутъ; буде же кто такія книги у себя удержитъ и въ тѣхъ надлежащихъ мѣстахъ не объявитъ, за то каждый безъ всякаго упущенія штрафованъ будетъ» [2]).

Подъ «переправленіемъ», очевидно, разумѣлась перепечатка нѣкоторыхъ страницъ предосудительнаго, съ точки зрѣнія Елизаветы Петровны, содержанія.

Еще черезъ годъ, 9 декабря 1743 г., былъ изданъ указъ «о непривозѣ изъ-за границы печатанныхъ въ чужихъ краяхъ на россійскомъ языкѣ книгъ, неосвидѣтельствованныхъ синодомъ, и о непереводѣ иноранныхъ духовныхъ книгъ безъ дозволенія синода» [3]). Вызванъ онъ ылъ проникшимъ въ Россію изданнымъ въ Галле переводомъ на русскій зыкъ въ 1735 г. сочиненія піэтиста Арнда—«Ученіе о началѣ христіан-

[1]) *Д. А. Корсаковъ*: „А. П. Волынскій и его „конфиденты", *Рус. Старина*, 5 г., X, стр. 32—34.

[2]) Пол. собр. зак., № 9794.

[3]) Пол. собр. зак., № 8832.

скаго житія» [1]). Синодъ нашелъ, что это и подобныя ему сочиненія, «имѣя титлу подъ видомъ ревности къ Богу, акибы о истинномъ христіанствѣ добродѣтелей» распространяютъ невѣріе и, по его представленію, императрица повелѣла: «впредь изъ иностранныхъ государствъ таковыхъ на россійскомъ діалектѣ книгъ въ Нашу Имперію какъ подданнымъ нашимъ, такъ и иноземцамъ ни подъ какимъ видомъ отнюдь не вывозить, *чего при границахъ и при портахъ, наблюдая накрѣпко, не пропускать*». Кромѣ такого запрещенія, указъ вводилъ еще одно, очень замѣчательное для характеристики подавленія государствомъ личности въ сокровенныхъ ея проявленіяхъ, а именно: «впредь въ чужіе края отправляемымъ при отпускѣ ихъ накрѣпко подтверждать, чтобъ они, будучи тамо, таковыхъ книгъ *отнюдь на россійскій діалектъ не переводили*».

Такимъ образомъ, мы впервые встрѣчаемся съ регламентаціей духовной дѣятельности частныхъ лицъ для собственнаго своего удовольствія.

Въ 1748 г. 19 августа былъ изданъ указъ о представленіи въ Петербургѣ въ Академію Наукъ, а въ Москвѣ и по всей Россіи—въ губернскія и воеводскія канцеляріи, всѣхъ тѣхъ гражданскихъ книгъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ, въ которыхъ «упоминаются въ бывшія два правленія (Анны Іоанновны и Анны Леопольдовны—*М. Л.*) извѣстныя персоны» [2]). Елизавета, повидимому, хлопотала о быстрѣйшемъ разназнакомленіи своихъ подданныхъ съ бурнымъ временемъ двухъ ея предшественницъ. Когда же указъ этотъ не возымѣлъ ожидаемаго дѣйствія, то 25 августа 1750 г. онъ былъ повторенъ въ довольно грозной формулировкѣ и выставленъ во всѣхъ церквахъ и киркахъ, «дабы всякъ былъ о томъ свѣдомъ и невѣдѣніемъ бы отговариваться не могъ» [3]).

Покорные россіяне, спѣша умилостивить царскій гнѣвъ, въ два мѣсяца навезли начальству столько всякихъ книгъ и картъ, что оно принуждено было издать указъ о пріостановленіи похвальнаго рвенія. «Нынѣ въ правительствующемъ сенатѣ усмотрѣно, что отъ разныхъ персонъ объявлены на иностранныхъ языкахъ печатныя внѣ Россіи книги историческія, генеалогическія, географическія и Гибнеровъ статскій лексиконъ, которыхъ, по силѣ того указа [4]), и объявлять не надлежало, для того, что изъ оныхъ въ нѣкоторыхъ не ино что, какъ токмо къ Высочайшей Е. И. В. славѣ и къ знанію и обученію исторіи дѣтей напечатано, изъ которыхъ ничего исключать не слѣдуетъ, ибо ежели изъ нихъ что выключить, то и всѣ тѣ книги за неполностью могутъ за ничто почитаться» [5]).

Вообще Елизавета Петровна, насаждая одной рукой переводы «книгъ

---

[1]) Любопытно, что перевелъ книгу, по указанію Ѳеофана Прокоповича, вліятельный тогда епископъ Симеонъ Тидорскій, позже въ числѣ другихъ членовъ синода ходатайствовавшій объ ея запрещеніи.

[2]) Пол. собр. зак., № 9794.

[3]) Ibid., № 9794.

[4]) 25 августа 1750 г.

[5]) Пол. собр. зак., № 9805, 10 октября 1750 г.

гражданскихъ различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ» [1]), другой—сжигала многія книги, находясь подъ постояннымъ вліяніемъ духовенства и людей, пугавшихъ ее возможностью возобновленія недавнихъ бурныхъ переворотовъ.

Въ 1771 г., уже при Екатеринѣ II, происходятъ два факта крупной важности: съ одной стороны, открытіе первой вольной типографіи Іогана Михеля Гартунга исключительно иностранныхъ шрифтовъ, съ другой—болѣе точное регламентированіе основаній предварительной цензуры свѣтскихъ сочиненій, введенной, какъ мы уже знаемъ, Петромъ II.

Открытіе типографіи Гартунга разрѣшалось на слѣдующихъ цензурныхъ условіяхъ: во-первыхъ не печатать такія сочиненія «кои предосудительны христіанскимъ законамъ, правительству, ниже добронравію». Поэтому Гартунгъ былъ обязанъ «напередъ, не приступая къ работѣ, объявлять для свидѣтельства въ академію наукъ все то, что только въ его типографіи къ печати, отъ кого принесено или самимъ имъ изъ чужихъ краевъ выписано будетъ и что дозволено будетъ, то и печатать». Во-вторыхъ, всякаго рода объявленія печатать только съ разрѣшенія *полиціи* [2]). Эта послѣдняя инстанція впервые вводилась такимъ образомъ въ цензурное дѣло.

Вскорѣ при всѣхъ казенныхъ типографіяхъ были приставлены къ цензурѣ особые смотрители—это первые въ Россіи по должности цензора. Частныя типографіи, тогда уже умножившіяся, обходились безъ нихъ и сплошь и рядомъ нарушали законъ, который имъ напомнилъ указъ 31 мая 1780 г. [3]).

Черезъ три года Екатерина II, сильно поддавшаяся тогда вліянію западнаго либерализма, издала 15 января 1783 г. свой знаменательный указъ о свободѣ типографскаго промысла съ одной стороны, и о подчиненіи всей цензуры вѣдомству тогдашней удивительно безобразной полиціи—съ другой. Такая двойственность и дѣлаетъ этотъ актъ серьезнымъ событіемъ въ политикѣ русской власти по вопросу о свободѣ слова.

«Всемилостивѣйше повелѣваемъ:—гласила первая часть этого указа,—*типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій,* и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во *всѣхъ* городахъ имперіи нашей, *каждому по своей собственной волѣ* заводить оныя типографіи, *не требуя ни отъ кого дозволенія*, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія того города, гдѣ онъ ту типографію имѣть хочетъ».

Въ такомъ полномъ объемѣ право тисненія существовало въ Россіи …ко тринадцать съ половиною лѣтъ, мы, въ XX в., ее еще не знаемъ. Зато вторая часть указа напоминала русскимъ ихъ истинное мѣсто:

---

[1]) Указъ 27 января 1748 года.
[2]) Полн. собр. зак., № 13572, 1 марта 1771 г.
[3]) Ibid., № 15019.

«Въ сихъ типографіяхъ печатать книги на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, не исключая и восточныхъ, съ наблюденіемъ однако-жъ, чтобъ ничего въ нихъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ управы благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, а ежели что въ нихъ противное сему нашему предписанію явится, запрещать; а въ случаѣ самовольнаго напечатыванія таковыхъ соблазнительныхъ книгъ, не только книги конфисковать, но и о виновныхъ въ подобномъ самовольномъ изданіи недозволенныхъ книгъ сообщать куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были» [1]).

Подданные Екатерины II хорошо знали, чтò такое были современныя имъ управы благочинія, и потому лучшая ихъ часть не особенно-то ликовала по поводу первой половины указа.

Я совершенно не буду останавливаться на многообразномъ и весьма характерномъ «дѣлѣ» Н. И. Новикова. Скажу только, что будучи недовольной практикой управъ благочинія, конечно, съ точки зрѣнія антиобщественной, Екатерина II уже черезъ два года повелѣла составить въ Москвѣ особый видъ цензурнаго учрежденія, въ который требовала назначать духовныхъ и свѣтскихъ особъ «для освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ Новиковой и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры или дѣлъ духовныхъ, а для наблюденія, чтобъ таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются» [2]).

Такъ быстро императрица пережила свои лучшіе дни, такъ на нее подѣйствовали французскія событія...

Въ слѣдующемъ году къ цензурѣ духовныхъ сочиненій снова было привлечено духовенство, очень роптавшее на «послабленіе» управъ благочинія [3]).

Впрочемъ, западныя идеи все еще продолжали обогащать насъ: въ указѣ 15 мая 1790 г. на имя главнокомандующаго въ Москвѣ, кн. Прозоровскаго, впервые употреблено было новое тогда въ Россіи слово «цензура» [4]). Въ указѣ о наказаніи «коллежскаго совѣтника Радищева» за изданіе книги, «наполненной вредными умствованіями, оскорбительными и нечестивыми выраженіями противу сана и власти царской» [5]), слово это фигурируетъ уже какъ родное.

Послѣднимъ цензурнымъ актомъ самой Екатерины II, изданнымъ за пятьдесятъ дней до ея кончины, былъ указъ 16 сентября 1796 г. какъ бы заранѣе вводившій Россію въ царствованіе ея грознаго преемника. Уже одно названіе его повергло въ ужасъ: «Объ ограниченіи свободы книго е-

---

[1]) Ibid., № 15634.
[2]) Ibid., № 16301.
[3]) Ibid., № 16378, 18 апрѣля 1786 г.
[4]) Ibid., № 16868.
[5]) Ibid., № 16901.

чатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ въ городахъ: Санктпетербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской Таможнѣ, и объ упраздненіи частныхъ типографій». Содержаніе вполнѣ ему соотвѣтствовало. Въ названныхъ городахъ, черезъ которые только и шелъ ввозъ иностранной литературы, были учреждены комитеты изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ. Ни одно сочиненіе или переводъ не могли быть изданы безъ предварительнаго досмотра въ Петербургѣ или Москвѣ. Все нецензурное сжигалось. Типографіи частныхъ лицъ закрывались [1]).

Въ сенатскомъ указѣ по этому поводу было разъяснено, что каждая «цензура» (т.-е. комитетъ) должны состоять изъ одной особы духовной, назначаемой синодомъ, одной гражданской—сенатомъ и одной ученой—академіей или московскимъ университетомъ. Кромѣ того, дѣла до петербургской или московской «цензуръ» касающіяся, должны вступать въ III департаментъ сената; иначе говоря, послѣдній принялъ на себя роль высшей цензурной инстанціи [2]).

6 ноября 1796 г. на престолъ вступилъ Павелъ I.

Объ отношеніи этого государя къ русскому печатному слову намъ необходимо поговорить особо, съ нѣсколько большими противъ предыдущаго деталями, иначе читателю не будутъ ясны цензурныя мѣропріятія Александра I.

II.

Первыми знаками вниманія Павла къ русской литературѣ являются утвержденные имъ доклады сената 16 февраля и 29 марта 1797 г., которыми намѣченъ личный составъ первыхъ русскихъ цензурныхъ комитетовъ. Имена этихъ людей не должны быть забываемы. Петербургскую «цензуру» составляли: надв. сов. Семенъ Котельниковъ, костромской вице-губернаторъ Михайло Туманскій и ректоръ невской семинаріи архимандритъ Антоній; московскую—проф. Антонъ Прокоповичъ Антонскій, коллеж. ассес. Дмитрій Стратиновичъ и проповѣдникъ академіи іеромонахъ Владиміръ; рижскую—надв. сов. Петръ Иноходцевъ, надв. сов. Ѳедоръ Туманской и протопопъ Спиридонъ Тихоміровъ. Одесская и радзивиловская «цензуры» не были скомплектованы, въ виду ожиданія новаго тарифа на привозъ заграничныхъ товаровъ [3]).

Черезъ полгода императоръ призналъ необходимымъ учредить высшее цензурное въ имперіи установленіе, каковымъ, въ силу указа 4 іюля 1797 г., и почитался совѣтъ (его императорскаго величества): «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: книги, цензурою признавае-

---

[1]) Ibid., № 17508.
[2]) Ibid., № 17523.
[3]) Ibid., №№ 17811 и 17395.

мыя недозволенными и даже тѣ, кои покажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе совѣту» [1]).

Новыя учрежденія работали очень дружно и наперерывъ хлопотали выслужиться передъ совѣтомъ [2]), а члены послѣдняго—передъ императоромъ. Павелъ свелъ почти всю дѣятельность совѣта къ цензурѣ и самъ присутствовалъ въ немъ всего лишь одинъ разъ—1 декабря 1789 г., когда ввелъ туда постояннымъ членомъ сына своего Александра [3]). За его отсутствіемъ предсѣдательствовали въ совѣтѣ сначала вице-канцлеръ, кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, а затѣмъ кн. Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Любопытно, что членомъ совѣта былъ, между прочимъ, Г. Р. Державинъ, назначенный въ это званіе въ 1800 г.

Чтобы иллюстрировать читателю рвеніе тогдашняго цензурнаго вѣдомства, приведу на выдержку нѣсколько наиболѣе характерныхъ дѣлъ изъ указанной работы г. Рѣпинскаго. Сначала замѣчу только, что въ самомъ началѣ практики новыхъ учрежденій Павелъ повелѣлъ сжигать всѣ тѣ сочиненія, которыя совѣтъ признаетъ недозволенными.

Донесеніе рижской «цензуры»:

«*Францiя въ 1797 г.*» (на нѣмецкомъ языкѣ). «Кромѣ того, что всѣ, напримѣръ, стр. (такія-то) наполнены разсужденіями о французской революціи, на стр. 189 помѣщена пѣснь своевольства, *да еще съ нотами*».

Въ московскую «цензуру» поступилъ въ рукописи романъ въ письмахъ, на французскомъ языкѣ, дѣвицы Демидовой изъ Калуги. По мнѣнію цензуры, «сочиненіе сіе, впрочемъ, не заслуживало бы особеннаго вниманія, если бы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми нравами и любовью къ отечеству. Постановленіе совѣта: «совѣтъ, находя въ сихъ письмахъ разныя неприличныя о послѣдней нашей войнѣ съ турками разсужденія, полагаетъ, что сего романа въ печать издавать не слѣдуетъ, а надлежитъ препроводить его въ цензуру обратно для возвращенія тому, отъ кого

---

[1]) Ibid., № 18032. А. М. Скабичевскій на стр. 84 своей книги—„Очерки исторіи русской цензуры", Спб., 1892 г. говоритъ: „*цензура* была доведена до такой степени щепетильности, что ей было вмѣнено въ обязанность слѣдить, *чтобы авторы* не употребляли нѣкоторыхъ словъ, которыя были запрещены *именнымъ указомъ*. Этотъ знаменитый указъ былъ данъ въ 1797 г.". Это не такъ. Неупотребленіе нѣкоторыхъ словъ, дѣйствительно, было предписано въ 1796 г. (см. *Рус. Стар.* 1871 г., IV, стр. 531—532) и повторено въ 1800 г. (ibid., 1872 г., VII, стр. 98), но не въ литературѣ, а въ *донесеніяхъ государю императору*, и не именнымъ указомъ, а словеснымъ повелѣніемъ.

[2]) Г. К. Рѣпинскій, которому удалось ознакомиться съ подлинными цензурными дѣлами совѣта за 1797—99 гг., сдѣлалъ крупную ошибку (*Рус. Стар.* 1875 г., X), вообразивъ, что это былъ какой-то „цензурный совѣтъ", какъ особое установленіе. Совѣтомъ тогда называлось высшее государственное установленіе, созданное еще Петромъ III взамѣнъ упраздненной имъ конференціи при высочайшемъ дворѣ, а при Екатеринѣ II называвшееся „совѣтомъ при высочайшемъ присутствіи".

[3]) *П. Н. Даневскій*: „Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи". Спб., 1859 г., стр. 41—44

онъ полученъ *и для изъясненія притомъ, что если онъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то занималась она дѣлами, совсѣмъ до нея не касающимися*». Государь нашелъ необходимымъ сжечь рукопись.

Донесеніе рижской «цензуры»:

«*Журналъ фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды*».

«Въ сочиненіи лифляндца или рижанина, на стр. 434 говорится о помазанникѣ Божіемъ безъ всякаго отличія отъ простого купца; на стр. 435, *бредитъ о благополучныхъ россіянахъ, якобы они подъ желѣзнымъ игомъ рабства стонутъ!* Россіяне, бывъ своимъ состояніемъ совершенно довольны, не просятъ рижскихъ купцовъ ни писать, ни сожалѣть о ихъ состояніи».

Сожжена была книга «*Объ улучшеніи гражданскаго быта женщинъ*» за насмѣшку надъ словомъ «превосходительство», за доказательство, что «женщины таковыя же достоинства или и высшія имѣть могутъ, нежели мужчины»; за сравненіе Екатерины II съ Вольтеромъ, которое «кажется *весьма* низко», и за желаніе предоставить женщинамъ «равныя права съ мужчинами»...

На журналѣ совѣта 7 марта 1799 г. Павелъ написалъ: «чтобы впредь всѣ книги, коихъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, были запрещаемы».

Это никакъ не вязалось даже съ представленіемъ самихъ петербургскихъ цензоровъ: они дерзнули выбрать 13 чисто-научныхъ сочиненій, датированныхъ преступными годами, и просили хоть ихъ разрѣшить. Павелъ отказалъ.

Въ общемъ за 1897—99 гг. сожжено свыше 600 сочиненій.

Обхожу молчаніемъ массу интересныхъ цензурныхъ эпизодовъ, опускаю «исторіи» пастора Зейдера, Коцебу, охрану войскъ отъ вредныхъ сочиненій и многое другое, что характеризуетъ эпоху Павла, какъ время чисто инквизиціонное.

Уже 17 мая 1798 г. изданъ былъ указъ объ устройствѣ цензурныхъ учрежденій во всѣхъ русскихъ портахъ и о строжайшемъ осмотрѣ всѣхъ судовъ. Начало его объясняетъ тревогу Павла: «Правительство, нынѣ во Франціи существующее, желая распространить безбожныя свои правила во всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣевать въ обществѣ, наполняя даже он[illegible]и и газеты свои» [1]).

Указомъ 14 марта слѣдующаго года вся цензура сконцентрирована въ од[illegible]омъ новомъ учрежденіи—духовной коммиссіи [2]), а 17 апрѣля 1800 г. об[illegible]влено, чтобы ни одна изъ «цензуръ» (т.-е. цензурныхъ комитетовъ) не

[1]) Пол. собр. зак., № 18524.
[2]) Ibid., № 18888.

дозволяла печатать никакихъ сочиненій гражданскихъ безъ одобренія петербургской [1]), которая, такимъ образомъ, ставилась во главѣ остальныхъ.

Но и въ этотъ день едва ли русское общество знало, что ему готовитъ слѣдующій.

18 апрѣля (1800 г.) именной указъ сенату гласилъ: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку» [2])...

Оставалось только одно: закрыть *всѣ* русскія типографіи, но сдѣлать это Павелъ не успѣлъ, хотя былъ недалекъ уже отъ такого шага: 5 іюля (1800 г.) графу Палену было объявлено высочайшее повелѣніе: «всѣ типографіи, кромѣ сенатской, академической и перваго кадетскаго корпуса, запечатать, дабы въ нихъ ничего не печатать». Неизвѣстно, къ чему бы привело это сказочное распоряженіе, если бы оно не было отмѣнено черезъ день, 7 іюля, съ предувѣдомленіемъ, однако, о строжайшемъ наблюденіи, чтобы «противозаконныхъ и запрещенныхъ книгъ, нотъ и пѣсенъ нигдѣ печатано не было» [3]).

III.

Вступившій 12 марта 1801 г. на престолъ Александръ I не былъ похожъ на своего отца: отсюда и всевозможныя надежды на «жизнь и движеніе». Насколько онѣ оправдались въ области свободы слова, покажетъ дальнѣйшее изложеніе. Во всякомъ случаѣ разсчитывать на нее изъ рукъ и по иниціативѣ самого государя не было никакого серьезнаго основанія, во-первыхъ, потому, что новый государь и не любилъ и не зналъ ни русскаго языка, ни русской литературы [4]); во-вторыхъ, въ числѣ его совѣтниковъ не было лица, понимавшаго громадное положительное значеніе полной свободы слова, а Лагарпъ, напримѣръ, считалъ ее для Россіи вредной; въ-третьихъ, въ присутствіи наслѣдника засѣдалъ совѣтъ при Павлѣ I, выносившій смертные приговоры сотнямъ книгъ. Все это, повторяю, не должно было окрылять радужными надеждами на *существенное* измѣненіе положенія печати.

И, дѣйствительно, 31 марта послѣдовалъ именной указъ, отмѣнявшій лишь мѣры особенно ретрограднаго характера, но понятый современниками съ какой-то ошибочной широтой.

«Простирая попеченія наши на пользу вѣрноподданныхъ нашихъ и же-

---

[1]) Ibid., № 19386.

[2]) Ibid., № 19387.

[3]) *Н. К. Шильдеръ*: „Императоръ Павелъ I". Спб., 1901 г. стр. 431.

[4]) *А. Пыпинъ*: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", Спб., 1900 г., стр. 43.

лая доставить имъ всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ учиненное указомъ 18 апрѣля 1800 г. запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя, по повелѣнію, іюня 5 дня 1800 г. послѣдовавшему, частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства, по точнымъ правиламъ, въ указѣ отъ 16 сентября 1796 г. постановленнымъ» [1]).

Здѣсь необходимы нѣкоторые комментаріи. Прежде всего, въ указѣ вторично отмѣнено распоряженіе Павла I отъ 5 іюля (а не іюня), уже имъ самимъ отмѣненное, какъ мы видѣли, черезъ день. Это, конечно, простой недосмотръ составителя указа. Далѣе, конецъ указа совершенно уничтожалъ начало, потому что указъ «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ» (16 сентября 1796 г.) ужъ совсѣмъ мало гармонировалъ съ «попеченіями на *пользу* вѣрноподданныхъ» и «желаніемъ доставить имъ *всѣ* возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ» [2]).

9 февраля 1802 г. послѣдовалъ другой указъ, тоже лишь отмѣнявшій двѣ изъ прежнихъ ретроградныхъ мѣръ.

«По уваженію внѣшнихъ обстоятельствъ, хотя и признано было въ 1796 г. нужнымъ существовавшія до того времени правила на пропускъ книгъ иностранныхъ и учрежденіе типографій внутреннихъ перемѣнить, и вслѣдствіе того установить особыя цензуры, подчинить строгому ихъ разсмотрѣнію всѣ сочиненія, какъ извнѣ привозимыя, такъ и внутри имперіи издаваемыя, съ уничтоженіемъ и существовавшихъ дотолѣ вольныхъ типографій, но какъ съ одной стороны внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прешли, и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли: то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее ея положеніе, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) Пропускъ книгъ иностранныхъ постановить, какъ было сіе до 1796 г. на точномъ основаніи тарифа 1782 г. 2) Типографіи и внутренній порядокъ изданія книгъ въ имперіи учредить на правилахъ, въ указѣ 1783 года генваря 15 дня изображенныхъ, силою коихъ повелѣно (шла передача уже извѣстнаго читателямъ указа Екатерины II—*М. Л.*). Сіе распоряженіе мы считаемъ нужнымъ дополнить тѣмъ, чтобы отнынѣ разсматриваніе книгъ внутри имперіи, тисненію предаваемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ, возложено было не на управы благочинія, но на самихъ гражданскихъ губернаторовъ, которые

[1]) Пол. собр. зак., № 19807.

[2]) Странно, что г. Скабичевскій нашелъ этотъ указъ „обѣщавшимъ самую широкую свободу печати“ (его книга, стр. 88).

имѣютъ къ сему употреблять директоровъ народныхъ училищъ и чтобы безъ одобренія ихъ *и безъ дозволенія губернаторовъ ни одна книга не была издаваема* подъ страхомъ наказанія, въ выше приведенномъ указѣ 1783 года положеннаго; въ типографіяхъ же, при ученыхъ обществахъ, такъ-то: при академіяхъ, университетахъ, корпусахъ и прочихъ казенныхъ мѣстахъ существующихъ, *цензура издаваемыхъ книгъ возлагается на попеченіе и отчетъ тѣхъ самыхъ мѣстъ и ихъ начальниковъ.* 3) Что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27 іюля 1787 года, коимъ запрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги. Таковыя должны быть печатаны въ синодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ синода состоящихъ, или же отъ комиссіи народныхъ училищъ съ высочайшаго дозволенія изданы и впредь издаваемы будутъ, затѣмъ: 4) Цензуры всякаго рода въ городахъ и при портахъ учрежденныя, яко уже ненужныя, упразднить и чиновниковъ, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ, въ нихъ состоящихъ, первыхъ обратить въ свое начальство, а послѣднихъ, если другихъ должностей они не имѣютъ, опредѣлить по способностямъ ихъ къ другимъ дѣламъ по усмотрѣнію правительствующаго сената» [1]).

Какъ видитъ читатель, п. 2-й этого указа не пошелъ дальше самой либеральной мѣры Екатерины II; врядъ ли есть достаточное основаніе радоваться передачѣ цензуры изъ рукъ управъ благочинія въ руки тогдашнихъ губернаторовъ: если въ управахъ засѣдали люди, ровно ничего никогда не читавшіе и еле подписывавшіе свою фамилію, да и то курьезными по своему безобразію іероглифами, то вѣдь и среди губернаторовъ не было недостатка въ подобныхъ «правителяхъ»; принимая же въ разсчетъ предѣлъ власти губернаторовъ и, слѣдовательно, полную безпредѣльность ихъ сказочнаго произвола, можно очень и очень задуматься, когда было печати лучше... [2]).

Гораздо болѣе интересно окончаніе п. 3-го, дававшаго академіямъ, университетамъ, корпусамъ и прочимъ казеннымъ мѣстамъ право собственной цензуры. Но и это было лишь повтореніемъ положенія дѣлъ до 4 октября 1727 г. и теперь для возросшей качественно и количественно литературы не могло не являться серьезнымъ плюсомъ [3]). Въ исторіи нашей печати такъ

[1]) Пол. собр. зак., № 20139.

[2]) Г. Скабичевскій, нашелъ и въ этомъ указѣ положительную сторону: по его мнѣнію, „этотъ указъ, возвращаясь къ 1783 году, идетъ еще дальше по пу и либерализма: онъ устраняетъ литературу отъ власти полиціи“ (его книга, стр. 8). Внимательное чтеніе п. 3-го совершенно не подтверждаетъ такого вывода. Тамъ с а-зано совсѣмъ просто и ясно: „и чтобъ безъ одобренія ихъ (директоровъ народны ъ училищъ) *и безъ одобренія губернаторовъ* ни одна книга не была издаваема“... Ч о яснѣе. Можетъ быть г. Скабичевскій не причисляетъ губернаторовъ къ полиціи? Э о и тѣмъ болѣе было бы странно.

[3]) Эту сторону указа г. Скабичевскій совсѣмъ игнорировалъ. Впрочемъ, ъ

мало наберется краткихъ промежутковъ ея безцензурности или, вѣрнѣе, права нести наказаніе за самостоятельно напечатанное, что ихъ нельзя не отмѣчать съ полной внимательностью.

Чтобы иллюстрировать степень вмѣшательства губернаторовъ въ дѣла цензуры, приведу лишь одинъ фактъ. Въ майскихъ номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» появилась такая замѣтка: «Мая 6 числа, на гуляньѣ, между чрезвычайнымъ множествомъ разныхъ экипажей, была лошадь довольно странно убранная. Молодой поселянинъ держалъ за узду молодую, трехъ лѣтъ, чалую лошадь, на которой были очки величиною вершка четыре въ діаметрѣ и обдѣланныя въ широкой полосѣ жести. Между очками по переносью на красномъ сафьянѣ подписано крупными литерами: *а только трехъ лѣтъ*. Лошадь въ очкахъ возбудила общій смѣхъ, общее любопытство, и кто ни спрашивалъ у поселянина, зачѣмъ лошадь въ очкахъ, онъ всѣмъ постоянно отвѣчалъ, что въ его селѣ всѣ лошади видятъ, а молодыя непремѣнно смотрятъ въ очки. Правду или нѣтъ сказалъ мужикъ, остается рѣшить молодымъ знатокамъ въ дѣлѣ окулярномъ».

Черезъ два дня московскій генералъ-губернаторъ, гр. П. П. Салтыковъ, писалъ директору московскаго университета, И. П. Тургеневу:

«Милостивый государь мой Иванъ Петровичъ, помѣщенное въ смѣси прошедшей субботы Московскихъ публичныхъ вѣдомостей извѣстіе о бывшей мая 1-го числа на гуляньѣ лошади въ очкахъ подало мнѣ причину покорнѣйше просить ваше превосходительство увѣдомить меня, отъ кого оное для внесенія въ Вѣдомости доставлено и, какимъ правиломъ руководствуясь, помѣстила типографія въ газетѣ происшествіе, въ самой почти Москвѣ случившееся, безъ вѣдома и согласія начальства сей столицы; ибо, хотя въ немъ и не означено мѣсто, но то вообще уже извѣстно и самое изданіе въ печать упадаетъ, какъ я слышу, на счетъ даннаго отъ сего начальства позволенія. Не сомнѣваюсь, что вы согласитесь въ томъ, что подобныя извѣстія, до высочайше ввѣренной мнѣ столицы и губерніи относящіяся, слѣдовало бы доводимы быть до свѣдѣнія моего прежде, нежели

весь указъ 9 февраля понимаетъ, какъ уничтожавшій вообще институтъ предварительной цензуры, что видно изъ слѣдующихъ словъ, брошенныхъ уже въ другомъ мѣстѣ: „Указомъ 1802 г. предварительная цензура, господствовавшая въ царствованіе Павла, была, какъ мы видѣли, уничтожена, книги просматривались цензорами уже по отпечатаніи ихъ“ (его книга, стр. 92). Странное заблужденіе, основанное, по всей вѣроятности, на слишкомъ довѣрчивомъ отношеніи къ изданію министерства просвѣщенія: „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб., 1862 г., составленному, какъ говорятъ, П. К. Щебальскимъ, историческія работы котораго достат… ю общеизвѣстны, чтобы не быть о нихъ высокаго мнѣнія. Въ этомъ источникѣ с… зано, что указъ 9 февраля „представлялъ свидѣтельствованіе *напечатаннаго* уже в… три имперіи книгъ губернаторами“ etc. (стр. 10). Читатели наши имѣютъ передъ с… ой указы 15 января 1783 г. и 9 февраля 1802 г. и нигдѣ не найдутъ этой недар… анной печати льготы. Первый изъ нихъ, основной, ясно гласитъ: „отъ управы б… очинія *отдаваемыя въ печать* книги свидѣтельствовать“ etc., а второй, хотя и м… е ясно, потому что онъ дополнительный, говоритъ: „разсматриваніе книгъ, внутри и… ріи *тисненію предаваемыхъ*“, а не преданныхъ и т. п.

издадутся въ печать, я присовокупляю мою просьбу, чтобы вы, милостивый государь мой, въ предупрежденіе могущихъ иногда быть каковыхъ-либо на счетъ сего объясненій, приказали не оставлять впредь о таковыхъ предварительно со мною согласиться» [1]).

Аналогичныхъ случаевъ можно было бы, при желаніи, привести очень много.

8 сентября 1802 г. были учреждены министерства, въ томъ числѣ и министерство народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго поставленъ былъ гр. П. В. Завадовскій. Для пониманія послѣдующаго необходимо сказать, что первый министръ просвѣщенія, не будучи ретроградомъ, не отличался ни горячимъ желаніемъ идти впередъ, ни достаточными силами, чтобы вести дѣло самостоятельно. Императоръ Александръ, находившійся какъ разъ въ это время подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ лучшихъ помощниковъ, такъ характеризовалъ гр. Завадовскаго въ письмѣ къ Лагарпу: «Vos regrets sur la nomination de Zavadovski à la place de ministre de l'instruction publique seraient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son Ministère. Il est nul. C'est un conseil, composé de Mouravief, Klinguer, Chartoryski, Novosiltzef etc., que régit tout; il n'y a pas un papier, qui ne soit travaillé par eux, pas un homme, qui ne soit placé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tachons de faire. Au reste nous l'avons rendu content au possible: un vrai mouton; enfin il est nul et n'est dans le Ministère, que pour ne pas crier, s'il en fût exclu» [2]).

И дѣйствительно, въ образованное въ началѣ 1803 г. главное правленіе училищъ, замѣнившее прежнюю коммиссію для образованія училищъ, вошли: кн. А. А. Чарторижскій, Н. Н. Новосильцевъ, гр. П. А. Строгановъ, гр. С. О. Северинъ-Потоцкій, генералъ-майоръ Ѳ. И. Клингеръ, Хитрово и академики: Озерковскій и Фусъ.

И, должно быть, губернаторская цензура не удовлетворяла окружавшихъ Александра I реформаторовъ, потому что пунктомъ 30-мъ указа объ устройствѣ училищъ, 26 января 1803 г., цензура всѣхъ печатныхъ въ губерніи книгъ дѣлалась принадлежностью единственно университетовъ, если таковые были въ округахъ [3]).

---

[1]) *Рус. Архивъ,* 1897 г. V, стр. 117—118.

[2]) *С. Рождественскій:* „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія". Спб., 1902 г., стр. 38—39. „Ваши сожалѣнія о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія уменьшились бы, если бы вы знали организацію министерства. Онъ—нуль. Всѣмъ управляетъ совѣтъ, составленный и Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцова и др.; нѣтъ бумаги, котор бы не была ими обработана, нѣтъ должности, занятой помимо нихъ. Частыя м сношенія, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру оказывать и лѣйшее препятствіе доброму дѣлу, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы с лали его достаточно уступчивымъ: настоящая овца; наконецъ, онъ нуль, и въ ми стерствѣ только для того, чтобы не кричать, что отставленъ".

[3]) Полн. собр. зак., № 20597.

На главное правленіе училищъ были возложены двѣ существенныя обязанности: выработать учрежденіе университетовъ и устройство цензуры.

Насколько извѣстно, первый, кто высказался за необходимость привести цензуру въ порядокъ и дать ей регламентацію, былъ Н. Н. Новосильцовъ. Въ общество эта мысль проникла очень быстро и черезъ нѣсколько времени главное правленіе получило очень интересную анонимную записку.

«Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія оковами и связывающаго истину рабскими узами»,—вотъ ея знаменательное начало, знаменательное для опредѣленія общественнаго настроенія. «Свобода писать въ настоящемъ философическомъ вѣкѣ не можетъ казаться путемъ къ развращенію и вреду государства. Цензура нужна была въ прошедшихъ столѣтіяхъ, нужна была фанатизму невѣжества, покрывавшему Европу густымъ мракомъ, когда варварскіе законы государственные, догматы невѣжествомъ искаженной вѣры и деспотизмъ самый безчеловѣчный утѣсняли свободу людей и когда мыслить было преступленіе... Словесность наша всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ, какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, много прозаиковъ; видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи нѣтъ и слѣда! Можетъ быть, скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ: рука цензора умѣла убить ихъ духъ... Разные толки объ истинѣ не столько опасны, сколько заблужденіе невѣжества... Нѣкоторые утверждаютъ, что французская революція, причинившая столько бѣдъ Франціи и цѣлой Европѣ, есть слѣдствіе литературныхъ произведеній. Несправедливо обвиняютъ Руссо, Вольтера, Рейналя и другихъ писателей. Не они, а Робеспьеръ, Маратъ и имъ подобные произвели и питали революцію. Безъ писателей Франція бы пала и сдѣлалась жертвою раздраженія внутреннихъ и внѣшнихъ партій. Писатели одушевили истинныхъ гражданъ, указали имъ цѣль, къ которой должно стремиться. Итакъ, писатели не только не произвели революціи, но въ революціи спасли Францію, показавъ исходъ изъ лабиринта всеобщаго волненія. Если Сена послужила могилою для цѣлыхъ семействъ, бросавшихся въ нее отъ голода; если улицы Парижа наполнены были день и ночь грабителями и убійцами; если кредитъ окончательно упалъ и во всемъ былъ страшный недостатокъ, то писатели въ этомъ отнюдь не повинны. Если я спокоенъ и счастливъ, говори мнѣ философъ что угодно, я не пожертвую своимъ [...]тоящимъ благосостояніемъ для неизвѣстнаго будущаго: такъ думаетъ [...]одъ. Итакъ, писатели спасли Францію отъ революціи, писатели одуше[...]и героевъ, и величайшаго изъ нихъ Бонапарта, устроить благоденствіе [...]ода и успокоить волненіе. Слѣдственно, истины, излагаемыя печатнымъ [...]омъ, полезны, а свободный ходъ къ нимъ не долженъ быть загражда[...]... Цензоръ и простой гражданинъ смотрятъ на книги не одинаково. [...]стой просвѣщенный гражданинъ видитъ въ общихъ философскихъ по-

ложеніяхъ истины или заблужденія, однѣ признаетъ полезными, другія—вредными, но вредными болѣе для самого читателя, показывающаго слабость своихъ умственныхъ способностей. Цензоръ же, напротивъ того, въ самыхъ важныхъ и общихъ истинахъ, чуждыхъ всякихъ частностей и личностей, видитъ опасность и расположенъ толковать ихъ въ худую сторону, увлекаясь или честолюбіемъ, или своенравіемъ, или боязнью потерять свое мѣсто» [1]).

Читателю ясно, что записка эта принадлежала одному изъ очень просвѣщенныхъ людей своего времени, такъ она умна, ясна и прекрасно написана. Гр. Завадовскій приказалъ оставить ее безъ доклада въ главномъ правленіи училищъ,—но это и не важно: устами анонима говорила передовая часть русской интеллигенціи, за нимъ стояла тѣнь Радищева.

Что же дѣлалось въ главномъ правленіи училищъ?

Новосильцовъ предложилъ ему ознакомиться съ датскимъ цензурнымъ закономъ 1799 года и очень подробно остановился на примѣненіи его къ Россіи.

27 сентября 1799 г. датскій король Христіанъ VII обнародовалъ слѣдующій манифестъ:

«Желая, чтобы каждый изъ нашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ наслаждался полною свободой, согласною съ благоустройствомъ государства, мы дозволяемъ всѣмъ и каждому пользоваться правомъ вольнаго книгопечатанія, ибо почитаемъ оное средствомъ самымъ дѣйствительнымъ для распространенія общеполезныхъ знаній и просвѣщенія между всѣми слоями гражданъ. Въ намѣреніи поощрить каждаго къ такому спасительному для человѣчества дѣлу, мы, вскорѣ по вступленіи нашемъ на престолъ, уничтожили цензуру и тѣмъ самымъ всякому просвѣщенному и благонамѣренному человѣку облегчили способы сообщать публикѣ свои открытія и безъ малѣйшаго принужденія предавать печати свои чувства и мысли обо всемъ, что можетъ споспѣшествовать общему благу [2]). Но злоупотребленіемъ неограниченной свободы книгопечатаніе сдѣлалось, къ несчастію, орудіемъ страстей самыхъ низкихъ и произвело слѣдствія самыя пагубныя какъ для общественнаго спокойствія, такъ и для безопасности частной. Поэтому нужно было, чтобы законъ направлялъ такую свободу къ прямой ея цѣли — общему благу, и чтобы книгопечатаніе, какъ часть народнаго

---

[1]) *Сухомлиновъ*: „Изслѣдованія и статьи etc", I, Спб., 1889 г. стр. 415—417.

[2]) Христіанъ VII, находясь подъ вліяніемъ графа Струензе, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ издалъ такой манифестъ: „Находя въ высшей степени вреднымъ для безпристрастнаго изслѣдованія истины и открытія закоренѣлыхъ заблужденій и предразсудковъ запрещеніе гражданамъ, одушевленнымъ любовью къ отечеству и общему благу, свободно высказывать свои убѣжденія и обличать злоупотребленія и предразсудки, мы рѣшились дать неограниченную свободу книгопечатанію и окончательно уничтожить всякаго рода цензуру". Надо ли говорить, какой восторгъ вызвала эта мѣра... Но ничто не вѣчно подъ луной: Струензе былъ казненъ четвертованіемъ, Христіана окружили другіе люди—и въ результатѣ цитируемый манифестъ 1799 года.

просвѣщенія, ввѣрено было надзору правительства. Мы, какъ государь и законодатель, признаемъ долгомъ нашимъ поставить злоупотребленію такія препоны, чтобы свобода печати не перерождалась въ необузданное своеволіе и людямъ злонамѣреннымъ не служила орудіемъ безнаказанно подрывать основаніе государства и колебать безопасность гражданъ, нераздѣльную съ частною свободой. Въ разныя времена изыскивали мы средства къ отвращенію подобныхъ злоупотребленій; но къ крайнему неудовольствію видимъ, что повелѣнія наши не исполняются и что зломыслящіе люди съ соблазнительною и достойною кары дерзостью ежедневно нападаютъ на все, что во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должно быть драгоцѣнно и священно для цѣлаго общества. Они не перестаютъ распространять самыя ложныя понятія о вещахъ и стараются разсѣвать неправильныя мнѣнія о предметахъ самыхъ важныхъ для человѣка и гражданина, черезъ что малосвѣдущая и не вполнѣ образованная часть народа, особенно же неопытное юношество, можетъ удобно развращаться и впадать въ заблужденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что развратъ сей можно было бы всего надежнѣе предупредить, подвергнувъ разсмотрѣнію правительства всѣ книги, назначаемыя къ печати. Но какъ этому сопутствуетъ принужденіе, непріятное всякому благомыслящему и просвѣщенному человѣку, желающему быть полезнымъ чрезъ сообщеніе другимъ своихъ свѣдѣній, то мы и не желаемъ употреблять подобное средство. Вмѣсто же сего вознамѣрились мы опредѣлить и утвердить положительнымъ закономъ, сколько возможно, предѣлы свободнаго книгопечатанія, назначивъ также и соразмѣрное наказаніе для тѣхъ, которые дерзнутъ преступать наши отеческія и благонамѣренныя повелѣнія».

Вслѣдъ за этимъ «благонамѣреннымъ» введеніемъ шелъ и самый законъ. Онъ неумолимо преслѣдовалъ анонимность авторовъ; за кощунство и оскорбленіе религіи подвергалъ виновныхъ тюремному заключенію отъ 4 до 14 дней и притомъ на хлѣбѣ и водѣ; тому же наказанію подвергалъ за насмѣшки надъ государственными учрежденіями; виновныхъ въ распространеніи ложныхъ извѣстій о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ правительства подвергалъ работѣ въ смирительномъ домѣ отъ 2 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ; смертная казнь становилась удѣломъ всякаго, осмѣлившагося совѣтовать и внушать произвести перемѣны въ правленіи государствомъ, и т. д.

Новосильцовъ составилъ проектъ постановленій о цензурѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ переводомъ датскаго манифеста и закона представилъ и необходимыя въ нихъ измѣненія. А именно:

«1. Хотя актъ датскаго правительства вытекаетъ изъ важнымъ причинъ и намѣреній здравой и благоразумной политики, однако же, нѣкоторыя статьи содержатъ въ себѣ правила, затруднительныя для авторовъ и издателей. Таково требованіе напечатать имя каждаго автора и переводчика,— требованіе, особенно тягостное для молодыхъ литераторовъ, впервые вступающихъ на поприще словесности и изъ скромности скрывающихъ свои имена. Можно бы предоставить свободу печатать книги и безъ означенія

имени автора или переводчика. Для отвращенія же злоупотребленій небезполезно средство, отчасти принимаемое датскимъ законодательствомъ, хотя и по другому поводу. Если кто-либо изъ сочинителей или переводчиковъ пожелаетъ, чтобы имя его не было поставлено на издаваемой книгѣ, въ такомъ случаѣ двое или трое изъ гражданъ, имѣющихъ гдѣ-либо постоянное пребываніе, должны дать типографщику письменное обязательство въ томъ, что, въ случаѣ надобности, они объявятъ имя автора.

«2. Взысканія за нарушеніе цензурныхъ правилъ, принятыя въ Даніи и несоотвѣтствующія русскимъ законамъ и обычаямъ, должны быть замѣнены другими, сообразными съ русскимъ законодательствомъ.

«3. Датскимъ постановленіемъ требуется, чтобы одинъ экземпляръ каждаго періодическаго изданія, журнала, газеты и каждой книги, до выпуска въ свѣтъ былъ представляемъ копенгагенскому полицеймейстеру. Если полицеймейстеръ найдетъ въ книгѣ что-либо предосудительное или неблагопристойное, то немедленно долженъ запретить ея продажу, опечатать всѣ экземпляры и препроводить задержанную книгу въ королевскую канцелярію. Въ Россіи право конфискаціи подозрительныхъ книгъ удобнѣе предоставить не полиціи, а университетамъ и академіямъ съ тѣмъ, чтобы они, увѣдомивъ мѣстное начальство, представляли мнѣнія свои вмѣстѣ съ экземпляромъ книги въ главное правленіе училищъ.

«4. Обвиняемый въ сочиненіи или изданіи предосудительной книги обыкновеннымъ ли порядкомъ долженъ быть судимъ, или же нужно учредить особый родъ суда и разбирательства? Если дѣла по печати предоставить обыкновеннымъ судамъ, въ которыхъ часто засѣдаютъ чиновники, не имѣющіе научныхъ познаній, то могутъ произойти пагубныя для подсудимыхъ писателей слѣдствія, для отвращенія которыхъ слѣдовало бы учредить особый родъ суда. Главное правленіе училищъ составитъ списокъ государственныхъ чиновниковъ, имѣющихъ требуемыя свѣдѣнія и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Въ случаѣ обвиненія въ изданіи вредной книги, правленіе назначитъ изъ помѣщенныхъ въ спискѣ лицъ опредѣленное число (четыре, шесть или восемь) посредниковъ изъ живущихъ въ томъ городѣ, гдѣ находится обвиняемый. Для скорѣйшаго теченія дѣлъ и для избѣжанія переписки, можно предоставить и университетамъ право назначать посредниковъ изъ лицъ, внесенныхъ въ списокъ въ главномъ правленіи. Если обвиняемый будетъ оправданъ посредниками, то онъ освобождается отъ всякаго суда, а книга его отъ запрещенія и конфискаціи; обвинитель же подвергается взысканію на основаніи законовъ.

«5. Постановленіе о свободномъ книгопечатаніи не должно касаться цензуры книгъ духовныхъ, наблюденіе за которыми вполнѣ предоставлено св. синоду» [1]).

Такимъ образомъ, мысль Новосильцова состояла въ изданіи постановленій о книгопечатаніи безъ созданія какихъ бы то ни было особыхъ учрежденій,

[1]) *Сухомлиновъ*, н. с., стр. 406—411.

приставленныхъ къ наблюденію за ихъ выполненіемъ: при отсутствіи предварительной цензуры они, дѣйствительно, совершенно безполезны. Точное регламентированіе предѣловъ права и обязанностей гражданъ въ области печатнаго слова казалось ему совершенно достаточнымъ обезпеченіемъ государственныхъ интересовъ.

Главное правленіе къ этому присоединилось.

Но окончательное разсмотрѣніе всего этого дѣла гр. Завадовскій возложилъ на членовъ правленія, академиковъ Озерецковскаго и Фуса. Они же нашли, что устройство цензурныхъ комитетовъ, иначе говоря,—института широкой предварительной цензуры, вѣрнѣе поведетъ къ цѣли, нежели изданіе закона о болѣе или менѣе свободномъ книгопечатаніи. По ихъ мнѣнію, путь, предложенный Новосильцовымъ, благопріятствуя скорѣйшему распространенію книгъ вообще и подвергая законной карѣ своеволіе авторовъ и издателей, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большія неудобства:

«1. Онъ не предохраняетъ совершенно отъ губительныхъ послѣдствій злоупотребленія свободою слова. Ядъ возмутительнаго и пагубнаго сочиненія, пущеннаго въ свѣтъ подъ невиннымъ заглавіемъ, можетъ отравить многія сердца и взолновать умы прежде, нежели успѣютъ остановить его продажу.

«2. Онъ поставляетъ въ необходимость всѣхъ сочинителей объявлять свои имена. Но многіе изъ авторовъ, по скромности или во избѣжаніе придирчивой критики и личностей, скорѣе согласятся вовсе не печатать своихъ сочиненій, нежели ввѣрить тайну двумъ или тремъ лицамъ, которыя по тщеславію, нескромности или легкомыслію могутъ открыть имя автора.

«3. Великое неудобство было бы предавать авторовъ обыкновенному суду. Но чрезвычайно затруднителенъ также и выборъ посредниковъ, вполнѣ способныхъ оцѣнить степень виновности писателя, проникнутыхъ истинно либеральными мыслями и чуждыхъ пристрастія и всякаго рода предразсудковъ.

«4. Какъ бы ни разграничивали преступленія и постепенность наказаній, тонкость и неуловимость оттѣнковъ въ нарушеніяхъ закона, различіе въ воззрѣніи и требовательности судей,—способъ толкованія намековъ и мѣстъ, имѣющихъ двоякій смыслъ, и т. п. дѣлаютъ въ высшей степени затруднительнымъ приговоръ надъ книгами и авторами.

«5. Опытъ показываетъ, что запрещеніе книги придаетъ ей цѣну и пускаетъ въ ходъ сочиненія, не обращавшія на себя дотолѣ ни малѣйшаго вниманія. Приговоръ надъ книгою, произнесенный цѣлымъ судилищемъ, получитъ быструю огласку, и всѣ бросятся покупать запрещенную книгу. Во Франціи запрещеніе книги было когда-то вѣрнѣйшимъ средствомъ для авторовъ поправить свои денежныя дѣла» [1]).

---

[1]) Обращаю вниманіе читателей на то, что Озерецковскій и Фусъ нигдѣ не явились ссылкой на русскую практику въ области отсутствія предварительной цензуры при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Очевидно, если бы дѣйствительно она,

Наоборотъ, свое предложеніе оба академика находили болѣе удобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

«1. Оно сообразнѣе съ тѣмъ, что уже существуетъ въ Россіи или что должно оказаться въ непродолжительномъ времени. Для книгъ духовнаго содержанія учреждена цензура, находящаяся въ вѣдѣніи св. синода. Академія наукъ имѣетъ свою цензуру для книгъ, печатающихся въ ея типографіи. Всѣ университеты имѣютъ или будутъ имѣть цензуру для книгъ, печатаемыхъ въ подвѣдомыхъ имъ округахъ [1]).

«2. Оно болѣе обезпечиваетъ отъ злоупотребленій: оно останавливаетъ зло въ его зародышѣ и лишаетъ его возможности распространяться.

«3. Освобождаетъ авторовъ отъ обязанности, иногда тягостной, объявлять свои имена. Только содержатель типографіи долженъ быть извѣстенъ и отвѣчать передъ закономъ за сходство имъ напечатанной книги съ рукописью, одобренной цензурою».

Впрочемъ, Озерецковскій и Фусъ и сами находили два неудобства въ учрежденіи широко и глубоко поставленной предварительной цензуры. Первое, по ихъ мнѣнію, состояло въ томъ, что «сочиненіе, исполненное полезнѣйшихъ истинъ, но поражающихъ своею новостью и смѣлостью, можетъ подвергнуться запрещенію со стороны мнительнаго и робкаго цензора». Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ они предлагали составленіе подробныхъ наставленій цензорамъ, составленныхъ «въ духѣ терпимости и любви къ просвѣщенію», и находили, что «организованная такимъ образомъ цензура представитъ, въ сущности, мало отличія отъ той свободы книгопечатанія, которая допускается датскимъ законодательствомъ. Второе неудобство состояло въ томъ, что «цензура предварительная не препятствуетъ распространенію вредныхъ рукописей». Но, говорили академики, «наблюденія за этимъ можетъ быть предоставлено управѣ благочинія, равно какъ и за продажей соблазнительныхъ эстамповъ» [2]).

Представляя всѣ эти соображенія въ главное правленіе училищъ (28 января 1804 года), Озерецковскій и Фусъ, будучи, повидимому, искренно убѣждены въ полной цѣлесообразности своего проекта и содѣйствіи его истинному просвѣщенію, такъ заканчивали свое представленіе:

«Разумная свобода книгопечатанія обѣщаетъ слѣдствія благія и прочныя; злоупотребленіе же ея приноситъ вредъ только случайный и скоропреходящій. Поэтому нельзя не сожалѣть, что правительства, самыя либеральныя по своимъ принципамъ, находятся иногда въ необходимости ограничивать свободу слова, побуждаясь къ тому примѣромъ, стеченіемъ обстоятельствъ и неотразимымъ вліяніемъ духа времени. Сожалѣніе усили-

---

эта практика, существовала, указаніе на нее мы встрѣтили бы непремѣнно. Это — еще одно доказательство громадной ошибки автора „Историческихъ свѣдѣній etc“ и на слово повѣрившихъ ему гг. Скабичевскаго и Пятковскаго.

[1]) Какъ мы знаемъ, эта обязанность возложена на университеты 26 января 1803 г., послѣ представленія академиками своего доклада.

[2]) *Сухомлиновъ*, н. с., стр. 411—413.

вается при мысли, что такое ограничиваніе трудно удержать въ надлежащихъ предѣлахъ, и что оно, будучи доведено до крайности, становится положительно вреднымъ. Неоспоримо, что строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія: истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и что свободное высказываніе даже ложной мысли ведетъ только къ бо́льшему торжеству истины: едва заблужденіе отважится заговорить во всеуслышаніе, множество умовъ готово будетъ вступить съ нимъ въ гибельную для него борьбу.

«Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что истиннаго успѣха въ просвѣщеніи, прямого и прочнаго стремленія къ достижимому для человѣчества совершенству можно ожидать только тамъ, гдѣ безпрепятственное употребленіе всѣхъ душевныхъ способностей даетъ свободу умамъ; гдѣ дозволяется открыто разсуждать о важнѣйшихъ интересахъ человѣчества, объ истинахъ, наиболѣе дорогихъ человѣку и гражданину» [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, люди, искавшіе карьеры или фанатически-преданные гоненію мысли, не могли бы такъ говорить... Вы ясно видите, что въ нихъ очень остро сожалѣніе, съ которымъ они подписывали свой проектъ, не вязавшійся съ понятіями истиннаго либерализма. Такъ не говорили никогда и потомъ люди, составлявшіе уставы 1826, 1828 и 1865 годовъ. Наоборотъ, вездѣ красной нитью проходило или указаніе на *излишекъ* даруемой литературѣ «свободы», или наглое утвержденіе, что ничего нѣтъ вреднѣе самостоятельно сказаннаго слова (напримѣръ, А. С. Шишковъ).

Главное правленіе училищъ, очевидно, именно подъ вліяніемъ искренности Озерецковскаго и Фуса, приняло ихъ проектъ, тоже сожалѣя о необходимости наложить оковы цензуры на печатное слово ради соображеній государственно-политическихъ.

Полгода проектъ устава былъ въ обработкѣ и отдѣлкѣ, а 9 іюля 1804 г. гр. Завадовскій представилъ его за подписью всѣхъ восьми членовъ главнаго правленія училищъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ которомъ указывалъ, что «сими постановленіями ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». Искренности этого утвержденія, написаннаго, конечно, не лично Завадовскимъ, а его товарищами по главному управленію—Новосильцовымъ, Строгановымъ, Чарторижскимъ и др., тоже нѣтъ основанія не довѣрять, если принять во вниманіе тогдашнее ассоціированіе послѣдствій французской революціи съ дѣятельностью энциклопедистовъ, и теперь еще не утратившее свое традиціонное значеніе въ сознаніи массы.

«Быть по сему»,—вотъ резолюція государя на уставѣ о цензурѣ въ тотъ же день.

---

[1]) Ibid., стр. 418—119.

IV.

Теперь обратимся къ детальному разсмотрѣнію перваго русскаго устава о цензурѣ.

Уже § 2 убѣждаетъ читателя, что правительство Александра I вступило на путь попечительнаго отношенія къ печатному слову, т.-е. на путь, съ точки зрѣнія государственнаго права, наименѣе правильный, но вовсе ужъ не такой уродливый при условіи стремленія правительства къ дѣйствительному просвѣщенію. Путь полицейскаго,—въ научномъ смыслѣ этого слова, т. е. чисто карательнаго по суду,—отношенія, конечно, гораздо раціональнѣе, но для того, чтобы онъ сталъ въ Россіи тѣмъ, чѣмъ является желательнымъ въ теоріи, намъ всегда не доставало, а тѣмъ болѣе при Александрѣ I, сто лѣтъ тому назадъ, правильности въ организаціи и выдержанности въ личномъ составѣ государственныхъ учрежденій. Можно сказать, не дѣлая ошибки, что иногда попечительное отношеніе гораздо болѣе благопріятно...

Главною обязанностью цензуры § 2 считалъ «доставленіе обществу книгъ и сочиненій, способствующихъ къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удаленіе книгъ и сочиненій, противныхъ сему намѣренію». Ни одно сочиненіе не должно было быть напечатано въ имперіи, ни пущено въ продажу, не бывъ прежде разсмотрѣно цензурою (§ 3). Единственными поводами къ запрещенію сочиненія являлась противность его закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина (§ 15). А такъ какъ при такой неопредѣленности могли быть впередъ предполагаемыя недоразумѣнія, то законодатель оговаривается: «*впрочемъ, цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать*» (§ 21).

Такого основного параграфа не было потомъ уже ни въ одномъ нашемъ цензурномъ уставѣ, а между тѣмъ, именно при системѣ предварительной цензуры онъ едва ли не самый важный, какъ опредѣлитель общихъ рамокъ цензурнаго произвола.

Слѣдующій затѣмъ § былъ тоже весьма характеренъ: «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли управленія, *не только не подлежитъ и самой умѣренной отрасли цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія*» (§ 22).

Правда, предѣлы «скромности» и «благоразумія» предстояло установить уже самимъ цензорамъ, но нельзя забывать, что послѣднимъ и не приходилось

бы ихъ очень суживать, если бы не послѣдовало потомъ общей радикальной перемѣны въ характерѣ царствованія Александра I. Въ то время, когда былъ изданъ уставъ, въ университетской типографіи печаталось сочиненіе о конституціи въ Англіи [1]), а самъ государь думалъ о примѣненіи конституціоннаго строя къ Россіи... Все это и многіе другіе либеральные шаги правительства были общеизвѣстны.

Повторныя изданія не подвергались вторичному цензурованію даже и въ случаѣ прибавокъ, если не было перемѣнъ въ *смыслѣ* сочиненія (§ 39),— правило тоже теперь не существующее.

Авторы, переводчики и издатели имѣли право апеллировать на рѣшеніе цензурныхъ комитетовъ въ главное правленіе училищъ (§ 40).

Для цензуры были учреждены цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ и магистровъ (§ 4). Комитетъ состоялъ въ вѣдѣніи главнаго правленія училищъ, а послѣднее, какъ извѣстно,—въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ то же попечительное отношеніе къ литературѣ не позволило отдать ее подъ эгиду полиціи.

Иностранныя книги не подвергались совсѣмъ цензурованію, а каждый книгопродавецъ обязывался подпискою не торговать сочиненіями, противными уставу, причемъ опредѣленіе этой противности было его собственной обязанностью, раздѣляемою съ нимъ цензурнымъ комитетомъ лишь по его просьбѣ о содѣйствіи (§§ 27 и 29).

За напечатаніе неодобреннаго цензурою сочиненія, хотя бы оно и не заключало въ себѣ ничего противнаго уставу, весь заводъ сочиненія отбирался въ приказъ общественнаго призрѣнія, а съ содержателя типографіи взыскивались всѣ расходы по отпечатанію (§ 43). Слѣдовательно, ни о какихъ другихъ карахъ не было и рѣчи. Вообще воздѣйствіе и вмѣшательство администраціи тщательно устранялось. Такъ, § 34 гласилъ: «если гражданское мѣстное начальство полагаетъ запретить книгу, находившуюся въ продажѣ, то должно предварительно отнестись о томъ въ цензурный комитетъ»... Суду, наоборотъ, отводилось соотвѣтствующее мѣсто: онъ вѣдалъ всѣ нарушенія устава.

Все это даетъ несомнѣнное право считать первый нашъ цензурный уставъ наиболѣе благопріятнымъ для интересовъ, нуждъ и запросовъ печати именно въ Россіи, среди ея специфической правительственно-административной обстановки. Самая краткость перваго устава (всего 47 параграфовъ) сравнительно со всѣми другими (нынѣ 302 статьи) говоритъ уже за нежеланіе регламентировать каждый шагъ, каждый помыселъ писателя. Г- вина авторовъ устава, что черезъ нѣсколько лѣтъ его именемъ тво- р ись ужасныя беззаконія, что потомъ русское общество сильно раская-

---

[1]) „Конституція Англіи, или состояніе англійскаго правленія, сравненнаго съ р убликанскою формою и съ другими европейскими монархіями“ - сочиненіе Г. Де- л ма, переводъ Ив. Татищева, вышло въ Москвѣ въ 1806 г. и печаталось по вы- с чшему повелѣнію.

лось въ своемъ симпатичномъ отношеніи къ этому законодательному акту «дней александровыхъ прекраснаго начала».

А какъ относилось общество къ уставу 1804 года, можно видѣть изъ многихъ свидѣтельствъ.

«Вѣстникъ Европы» Карамзина нашелъ его «благоразумнымъ узаконеніемъ», которому «публика обязана многими превосходными на отечественномъ языкѣ сочиненіями [1]).

Когда же журналъ принялъ М. Т. Каченовскій, одинъ изъ самыхъ видныхъ журналистовъ того времени, онъ написалъ статью «О книжной цензурѣ въ Россіи», гдѣ высказался горячо въ пользу устава 1804 г. «Никогда не были взяты мѣры лучшія и надежнѣйшія для успѣховъ народнаго просвѣщенія, никогда правительство столько не пеклось о томъ, чтобы волю свою сдѣлать извѣстною всѣмъ гражданамъ». Приведя затѣмъ § 21, Каченовскій продолжалъ: «Какое поощреніе для зрѣющаго таланта! какая твердая подпора для писателя опытнаго, который предпринимаетъ подвигъ важный и многотрудный». Приводя ст. 22, авторъ заканчиваетъ: «Если всѣ члены общества будутъ выполнять съ такою правотою и ревностью священный долгъ свой, съ какою мудростію августѣйшій обладатель сѣвера предписываетъ спасительныя средства для истиннаго просвѣщенія и слѣдственно для истиннаго счастія своего народа, то еще нѣсколько лѣтъ—и поле россійской словесности обогатится памятниками изящнаго вкуса и учености» [2]).

«Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ,—говоритъ историкъ его, Шторхъ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонорарій за большія серьезныя сочиненія; примѣры въ родѣ Карамзина принадлежатъ къ исключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ» [3]).

Такимъ образомъ были изданы: «Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ» Ад. Смита въ переводѣ Н. Политковскаго (Спб. 1802 г.), два перевода сочиненій Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ,—Д. Языкова (1803 г.) и А. Хрущова (1806 г.), «Разсужденіе о гражданскомъ и

---

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1804 г., XVIII, ноябрь, стр. 70.

[2]) Ibid, 1805 г., февраль, III, стр. 199—204.

[3]) *А. Пыпинъ*: „Общественное движеніе etc“, стр. 109.

уголовномъ законоположеніи» Бентама, переводъ М. Михайлова (1805 г.); по высочайшему повелѣнію Ѳ. Поспѣловъ перевелъ три части «Лѣтописей» Корнелія Тацита—и т. д.

Кромѣ этого, нельзя не отмѣтить рѣдкій количественный ростъ органовъ періодической печати въ періодъ 1804—1808 гг., въ которомъ принимало участіе и само правительство, по почину передовыхъ его представителей. Такъ, гр. Кочубей, немедленно вслѣдъ за изданіемъ устава 1804 г., организовалъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «С.-Петербургскій Журналъ».

Я не склоненъ приписывать все это личности самого императора, но во всякомъ случаѣ такое поощреніе наукѣ и литературѣ оказывалось правительствомъ,—могло ли оно и въ уставѣ 1804 года искренно не сочувствовать просвѣщенію?

Переходя къ отзывамъ историковъ литературы и цензуры, приходится констатировать то же положительное отношеніе къ первому цензурному регламенту.

Прекрасный знатокъ литературы эпохи Александра I,—Н. Я. Буличъ говоритъ: «Это былъ самый мягкій изъ всѣхъ нашихъ цензурныхъ уставовъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ составленъ съ цѣлью дать большой просторъ мысли и печатному слову, былъ выраженіемъ лучшей ноты царствованія Александра... Уставомъ 1804 г. остались довольны всѣ: послѣ недавнихъ строгостей цензуры его мягкое отношеніе къ печатному слову и уваженіе мысли обрадовали писателей. Уставъ этотъ обѣщалъ быстрое развитіе и успѣхи литературы и, дѣйствительно, въ первые годы жизни цензурнаго устава 1804 г. между литературою и цензурою вовсе не видно разлада: онѣ помогаютъ другъ другу» [1]).

Мнѣніе автора «Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи» имѣетъ свое значеніе, несмотря на плохую его освѣдомленность съ исторіей цензуры. Онъ былъ выраженіемъ взглядовъ самого цензурнаго вѣдомства въ эпоху А. В. Головнина и, какъ таковой, конечно, не можетъ быть игнорируемъ. «Уставъ 1804 года,—пишетъ офиціальный анонимъ,—есть самый либеральный изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ у насъ цензурныхъ уставовъ (1826 и 1828 гг.—*М. Л.*) и едва ли не самый лучшій, потому что онъ самый краткій; послѣдующіе уставы, особенно уставъ 1826 г., старались предусмотрѣть всѣ виды отклоненія мысли отъ указаннаго ей пути; и естественно, вдавались въ безполезную казуистику» [2]).

А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ, что «въ русской правительственной сферѣ цензурный вопросъ еще никогда не ставился такимъ здравымъ образомъ и съ такимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ литературѣ» [3]).

Г. Скабичевскій не высказался сколько-нибудь ясно: съ одной стороны, о: » повторяетъ мнѣніе анонима—Щебальскаго, съ другой—находитъ, что

---

[1]) „Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в.". С , 1900 г., 64—65.

[2]) „Историческія свѣдѣнія etc.", стр. 15.

[3]) „Общественное движеніе etc", стр. 111.

уставъ 1804 г. есть то, что называется «мягко стелетъ, да жестко спать». Произошло это, вѣроятно, оттого, что онъ думалъ, что уставъ 1804 г. лишилъ Россію права печататься безъ предварительной цензуры, будто бы предоставленнаго ей въ 1802 году.

Гораздо важнѣе замѣчаніе М. И. Сухомлинова—изслѣдователя очень освѣдомленнаго и осторожнаго,—высказанное имъ послѣ ознакомленія съ журналистикой и литературой первыхъ лѣтъ вслѣдъ за утвержденіемъ устава 1804 г. «Въ первые годы по обнародованію устава,—говоритъ онъ,—цензура шла, повидимому, рука объ руку съ литературою: по крайней мѣрѣ между ними не было того разлада, который такъ ярко бросается въ глаза впослѣдствіи. Писатели взялись за перо и, по ихъ собственному признанію, высказывали вещи, о которыхъ не рѣшились бы говорить печатно въ прежнія времена; отовсюду слышались сочувственные отзывы о странѣ, гдѣ никому не запрещалось обнаруживать истину на пользу и просвѣщеніе общества» [1]).

Внимательное чтеніе тогдашней литературы вполнѣ подтверждаетъ это общее заключеніе. Что бы ни говорилось о цензурныхъ препятствіяхъ 1804—1808 гг., во всякомъ случаѣ русская литература никогда послѣ не говорила такъ свободно, какъ въ этотъ періодъ, ближайшій къ изданію устава 1804 года, т.-е. за время, пока онъ не успѣлъ воспринять въ себя массы дополненій, начавшихся немедленно вслѣдъ за реакціонной волной.

Для доказательства, я думаю, достаточно познакомить читателя съ оригинальнымъ произведеніемъ виднаго тогда писателя, Пнина, озаглавленнымъ: «Сочинитель и цензоръ, переводъ съ манжурскаго».

Сочинитель. Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.

Цензоръ. Его должно напередъ разсмотрѣть, а подъ какимъ оно названіемъ?

С. Истина, государь мой.

Ц. Истина? О! ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.

С. Вы, мнѣ кажется, излишній берете на себя трудъ. Разсматривать истину? Что это значитъ? Я вамъ скажу, государь мой, что она не моя и что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Божественный *Кунъ* [2]) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: «Смертные! любите другъ друга, не обижайте другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу, ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и, слѣдовательно, необходима для вашего благополучія». Вотъ содержаніе моего сочиненія.

Ц. Не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу... Государь мой, сочиненіе ваше

---

[1]) *М. Сухомлиновъ*, н. с. I, стр. 421.

[2]) Конфуцій—примѣчаніе автора.

непремѣнно разсмотрѣть должно. (*Съ живостью*). Покажите мнѣ его скорѣе.

С. Вотъ оно.

Ц. (*Развертывая тетрадь и пробѣгая глазами листы*). Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого... этого... никакъ пропустить нельзя (*указывая на мѣста въ книгѣ*).

С. Для чего же, смѣю спросить?

Ц. Для того, *что я не позволяю*—и, слѣдовательно, это непозволительно.

С. Да развѣ вы больше, г. цензоръ, имѣете права не позволить печатать мою *Истину*, нежели я предлагать оную?

Ц. Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

С. Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ не могу отвѣчать за мою *Истину*? Вы присваиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ мыслей моихъ, ни за дѣла мои; я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Ц. Но вы можете заблуждаться.

С. А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Ц. Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

С. А намъ развѣ знать это запрещается? Развѣ это какая-нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Ц. Если вы согласитесь (*показывая на книгу*) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

С. Вы, отнимая душу у моей *Истины*, лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ, г. цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ ли я, что *Истина* моя вамъ не нравится и что вы ее не понимаете?

Ц. Не всякая истина должна быть напечатана.

С. Почему же? Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія значитъ препятствовать ему въ благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволить никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить, притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобы его понимали.

Ц. Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша безъ моего засвидѣтельствованія *есть и будетъ ничто*, потому что безъ онаго не можетъ быть напечатана.

С. Г. Цензоръ! позвольте сказать вамъ, что *Истина* моя стоила мнѣ величайшихъ трудовъ; я не щадилъ для нея моего здоровья, просиживалъ для нея дни и ночи; словомъ, книга моя есть моя собственность. А отнять собственность, какъ говоритъ премудрый *Кунъ*, никогда не должно, ибо черезъ сіе нарушается справедливость и порядокъ. Впрочемъ, вѣрнѣе

засвидѣтельствованіе ваше можно назвать незначущимъ, ибо опытъ показываетъ, что оно нисколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя притомъ, г. цензоръ, вы изъясняетесь слишкомъ непозволительно.

Ц. (*гордо*). Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ.

С. (съ благороднымъ чувствомъ). А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Ц. Какая дерзость!

С. О Кунъ, благодѣтельный *Кунъ*! Если бы ты услышалъ разговоръ сей; если бы ты видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; если бы ты видѣлъ, какъ наблюдаютъ справедливость; если бы ты видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ, тогда бы... тогда бы справедливый гнѣвъ твой... Но прощайте, г. цензоръ, я такъ съ вами заговорился, что потерялъ охоту печатать свою книгу. Знайте, однакожъ, что *Истина* моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству, и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ собственной моей совѣсти» [1]).

Самый фактъ напечатанія этого діалога въ журналѣ, на которомъ чернымъ по бѣлому написано: «Съ дозволенія санктпетербургскаго цензурнаго комитета», можно толковать двояко.

Г. Скабичевскій видитъ въ немъ доказательство, «насколько писатели того времени были довольны вновь введенною цензурою» [2]), насколько она была безобразна и стѣснительна. По моему же, онъ доказываетъ діаметрально противоположное: насколько цензура по уставу 1804 года, еще не обезображенному реакціей, была, дѣйствительно, либеральна. Изучая ея исторію вообще, ясно видишь, какъ мало позволяла она писать о самой себѣ, какъ тщательно оберегала общество отъ знакомства съ своими дѣйствіями и традиціями. Такихъ сочиненій, какъ эта замѣтка, въ нашей литературѣ очень и очень немного. Нѣтъ сомнѣнія, что разрѣшая ее къ печати, цензурный комитетъ хорошо понималъ ея домашнее, а вовсе не манджурское происхожденіе, а разъ такъ, нужно было имѣть большое мужество и увѣренность въ своей правотѣ, чтобы не считать замѣтку отечественной фотографіей; конечно, если бы она считалась таковой, то не попала бы въ печать.

Сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы читатель видѣлъ, что теперь, ровно сто лѣтъ спустя, полезно вспомнить о днѣ 9 іюля 1804 года...

Мих. Лемке.

---

[1]) „Журналъ Россійской Словесности" 1805 г., XII.

[2]) Стр. 102 его книги.

Роль участковыхъ санитарныхъ попечительствъ въ городахъ.

Непрерывное, поступательное шествіе прогресса, болѣе ярко выразившееся со второй половины прошлаго XIX столѣтія и охватившее всѣ области человѣческаго вѣдѣнія,—совершающееся и на нашихъ глазахъ,—съ особенною, силою отразилось на замѣчательномъ по своимъ результатамъ развитіи естественныхъ и физико-математическихъ наукъ. Успѣхи прогресса естественныхъ наукъ,—химіи, физики и прикладныхъ математическихъ наукъ, произвели поразительный переворотъ фабричной и заводской промышленности путемъ примѣненія въ этой области народнаго хозяйства—пара и электричества. Примѣненіе же этихъ силъ въ области человѣческихъ сношеній оказало громадное вліяніе на торговыя сношенія, на распространеніе культуры, что въ совокупности отражается на всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ переживаемой нами эпохи.

Благодаря этимъ факторамъ, ступень товарнаго обмѣна въ народномъ хозяйствѣ переживаемаго нами времени характеризуется развитіемъ крупныхъ предпріятій и ихъ концентраціею. Въ силу этого за послѣднее время стали быстро вырастать и развиваться промышленные центры, каковыми у насъ въ Россіи, главнымъ образомъ, являются города, особенно столицы, портовыя, по путямъ сообщенія (большимъ рѣкамъ, желѣзнымъ дорогамъ). Крупный городъ какъ промышленный центръ, куда стремятся жители окрестныхъ мѣстностей, мечтая, по крайней мѣрѣ, измѣнить къ лучшему свое, зачастую, тяжелое матеріальное положеніе, какъ центръ просвѣщенія и культуры и живой общественной жизни, является для нихъ неотразимою, притягательною силою. Въ результатѣ этого притяженія мы видимъ совершающійся на нашихъ глазахъ ростъ городовъ на счетъ работоспособнаго населенія селъ и деревень. Ростъ этотъ совершается въ отношеніи увеличенія какъ плотности городского населенія, такъ и въ отношеніи расширенія площади города. Я не стану здѣсь приводить статистическія данныя, въ какомъ именно видѣ выразился этотъ ростъ городовъ,—они достаточно извѣстны, да кромѣ того эти данныя приведены въ докладѣ моемъ VIII съѣзду «объ основаніи санитарной организаціи въ большихъ городахъ». По-

всюду совершается, въ частности и у насъ въ Россіи, какъ говоритъ Вандервельде, «гипертрофія городовъ и атрофія деревень», создавая громадныя городскія богатства.

Что же даютъ все растущіе города, помимо благъ культуры и развитія общественности, съ такою непреоборимою силою тяготѣющему къ нимъ жителю селъ и деревень въ отношеніи здоровья? Неприглядная картина жизненнаго уклада встрѣчаетъ здѣсь этого представителя труда, этого создателя матеріальнаго богатства!... Въ трудѣ, въ этой ихъ мощи и силѣ, благодаря которой только и могутъ существовать они въ жизненной борьбѣ, встрѣчаются деревенскіе жители чаще со всѣми трудностями подыскиванія работы; но и нашедшихъ работу зачастую встрѣчаетъ непосильный трудъ, и кромѣ того, нерѣдко, вредныя его качества. Въ результатѣ, послѣ долгихъ скитаній и тяжелыхъ испытаній, ожидаетъ многихъ и многихъ изъ нихъ пауперизмъ со всѣми гибельными для человѣка послѣдствіями. Далѣе, благодаря увеличивающейся плотности населенія и непропорціональности роста городовъ по площади, ждетъ ихъ мрачная картина жилищной нужды, при все растущей дороговизнѣ квартиръ, съ ужасающею скученностью и грязью, и со всѣми гибельными для физическаго и моральнаго состоянія человѣка послѣдствіями. Далѣе, грязь незамощенныхъ улицъ, достигающая на окраинахъ, гдѣ преимущественно и живутъ эти труженики, особенно весною и осенью, до такихъ размѣровъ, что трудно, а зачастую и совершенно невозможно, бываетъ пройти съ одной стороны улицы на другую. Недостатокъ хорошаго качества воды, недостатокъ освѣщенія и многіе другіе. При всемъ этомъ придется еще встрѣчаться со все растущею дороговизною жизненныхъ, пищевыхъ продуктовъ, при томъ очень часто фальсифицированныхъ. Неудивительно поэтому, если въ городахъ мы видимъ очаги эпидемическихъ заболѣваній, туберкулеза, сифилиса, алкоголизма. Не трудно заключить отсюда, что въ результатѣ переселеніе селъ и деревень въ города создаетъ почву для физическаго вырожденія населенія. Карлъ Марксъ въ своемъ трудѣ — «Капиталъ», т. III,—говоритъ слѣдующее: «Опытъ показываетъ понятливому наблюдателю, что капиталистическое производство, коимъ характеризуется переживаемая нами эпоха, ведущая свое происхожденіе, говоря исторически, чуть не со вчерашняго дня, успѣло уже со страшною быстротою, глубоко подкопаться подъ народную силу и схватило ее за самый жизненный корень. Тотъ же опытъ показываетъ ему, что вырожденіе промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ притокомъ въ его среду и постояннымъ поглощеніемъ, такъ сказать, дико растущихъ жизненныхъ силъ селъ и деревень; и что даже сельскіе работники, несмотря на свѣжій воздухъ и такъ могущественно дѣйствующій между ними принципъ естественнаго отбора, благопріятствующій только выживанію сильнѣйшихъ личностей, начинаютъ уже вымирать».

Такъ, смертность *) въ нашихъ русскихъ городахъ, наприм., въ Москвѣ

*) См. слов. „Брокгаузъ и Ефронъ“, полут. 54, ст. „Городская медицина“.

за періодъ времени съ 1887 по 1896 гг.—28 pro mille; въ С.-Петербургѣ съ 1888 по 1898 гг.—27,4; въ Одессѣ съ 1891 по 1893 гг.—25,4; въ Ригѣ съ 1888 по 1892 гг.—26,02; въ Варшавѣ съ 1888 по 1895 гг.—25,2; въ Астрахани же за этотъ періодъ времени умирало 40 на тысячу. Въ 15 русскихъ городахъ (Воронежской, Калужской, Московской, Тульской, Ярославской, С.-Петербургской и Тамбовской губ.) за періодъ времени съ 1890 по 1894 гг. умерло отъ острыхъ заразныхъ болѣзней: отъ брюшного тифа—26, оспы—25, кори—24, скарлатины—52, дифтерита—65 на тыс.

Коэфиціентъ *) общей заболѣваемости остро-заразными болѣзнями по городу Москвѣ за 1900 годъ равняется 135,5; С.-Петербургѣ — 151,5; Одессѣ—184,4. За 1901 годъ въ Москвѣ—119,8; С.-Петербургѣ—174,8; Одессѣ—229,8.

Никто не станетъ, думается мнѣ, оспаривать теперь, что для городовъ особенно важно въ экономическомъ отношеніи, чтобы иммигрирующее въ нихъ деревенское и сельское населеніе не болѣло, не умирало, а было бы здорово и трудоспособно. «Болѣзнь и преждевременная смерть,—говоритъ Эрисманъ,—причиняетъ не только горе семьѣ, но и матеріальный ущербъ». Отъ количества заболѣвающихъ, отъ продолжительности заболѣванія, отъ величины смертности, отъ возраста умирающихъ зависитъ размѣръ экономическаго вреда, наносимаго обществу.

Всякій человѣкъ представляетъ цѣнность, равняющуюся стоимости положеннаго труда на его содержаніе, физическое и умственное воспитаніе. Расходъ этотъ ложится на семью, общество, государство.

Въ какихъ размѣрахъ совершается сбереженіе, благодаря производимымъ городами санитарнымъ улучшеніямъ, можно видѣть, наприм., по Берлину. Съ 1876 по 1892 гг. смертность Берлина уменьшилась на 10%, сбереженіе получилось въ 40 милл. марокъ въ годъ. Сбереженіе это получилось отъ того, что произошло улучшеніе санитарныхъ условій города, на которое истрачено 187 милл. марокъ, что значитъ—городъ какъ бы взамѣнъ истраченнаго получилъ 20% чистаго дохода. Изъ нашихъ городовъ профессоръ Хлопинъ приводитъ данныя для Одессы. Такъ, вслѣдствіе уменьшенія смертности, съ 1877 по 1899 гг., съ 33 на 21,7 pro mille, принимая среднюю стоимость умершаго въ 500 р., при 400,000 (остается въ живыхъ лишнихъ 4,520 человѣкъ) населенія, получилось сбереженіе въ 2.260,000 руб., благодаря произведеннымъ санитарнымъ улучшеніямъ, преимущественно устройству канализаціи.

Потому улучшеніе санитарной обстановки населенія и всѣ заботы городского общественнаго управленія въ отношеніи охраненія здоровья населенія, сокращая число дней болѣзни, уменьшая смертность и сберегая огромныя богатства, огромныя суммы денегъ, содѣйствуютъ въ очень значительной степени улучшенію экономическаго положенія населенія.

*) См. „Краткій обзоръ главнѣйшихъ остро-заразн. заболѣв. въ 15 городахъ ...кой Россіи за 1900 и 1901 гг." К. Ив. Шидловскаго.

Всякіе расходы на прекращеніе эпидемическихъ заболѣваній, на улучшеніе продовольствія населенія,—и вообще на улучшеніе санитарнаго благоустройства города,—должны быть безусловно признаны производительными.

Будемъ стараться улучшеніемъ народнаго здоровья увеличивать народное богатство,—говоритъ Эрисманъ.

Какимъ же путемъ можетъ быть выполнено оздоровленіе городовъ въ виду вышеозначенныхъ цѣлей? Число врачей, говоритъ Кетле, не оказываетъ вліянія на коэффиціентъ смертности населенія, онъ обусловливается другими болѣе мощными общественно-экономическими факторами.

Оздоровленіе городовъ можетъ быть успѣшно выполнено только коллективными силами самого же городского общества. Въ подтвержденіе я приведу соображенія, высказанныя по этому поводу Дюкло. Онъ говоритъ: «Что бы вы сказали объ общественномъ учрежденіи, которое прокладывало бы пути, сплошь усѣянные глубокими рвами, или строило бы мосты безъ перилъ и подпоръ, и рядомъ съ этимъ создавало бы на всѣхъ перекресткахъ спасательныя станціи съ цѣлью оказать помощь пострадавшимъ отъ указанныхъ несовершенствъ, происшедшихъ въ самой постройкѣ? Въ спасательныхъ станціяхъ не будетъ нужды, если улицы будутъ отличаться ровностью и мосты будутъ создаваться по всѣмъ правиламъ техники. Точно также не будетъ необходимости въ дорого стоящихъ лѣчебницахъ, если бы сама дѣйствительность не создавала постоянно все новыхъ обширныхъ контингентовъ больныхъ».

Попеченіе объ оздоровленіи города, объ охраненіи общественнаго здоровья городского населенія должно составлять одну изъ главныхъ заботъ городскихъ общественныхъ управленій. Задача городскихъ управленій въ этомъ отношеніи—создать условія, при коихъ бы каждый гражданинъ порознь и вкупѣ могъ жить и трудиться въ окружающей каждаго соотвѣтственной обстановкѣ, безъ вреда для своего здоровья. Такая задача можетъ быть успѣшно выполнена при условіи подробнаго ознакомленія съ мѣстными, порайонными нуждами и интересами города, каковыя ближе и болѣе, конечно, должны быть извѣстны мѣстнымъ жителямъ этихъ районовъ. Вѣдь достаточно извѣстно каждому общественному городскому дѣятелю и не врачу, что каждый большой городъ децентрализованъ въ своихъ мѣстныхъ характерныхъ особенностяхъ, отъ центра къ периферіи, къ окраинамъ.

Въ виду всей важности и сложности задачи, и трудности ея выполненія на практикѣ, для цѣлей оздоровленія города должны быть призваны мѣстныя общественныя силы тѣхъ районовъ безъ различія пола, общественнаго и матеріальнаго положенія *).

Пока городская жизнь еще слабо развита,—говоритъ извѣстный общественный дѣятель, знатокъ въ области городского управленія, Шрейдеръ,—

*) См. „Мелкая земская единица“. вып. II, 1903 г. Ст. „Мелкая земская единица въ условіяхъ русской жизни“.

пока плотность населенія еще не велика, пока нѣтъ существеннаго различія между центрами и окраинами, для интересовъ городского благоустройства достаточно одного общегородского управленія. Конечно, и въ такомъ, слабо развитомъ городѣ,—прибавляетъ Шрейдеръ,—у той или другой части его могутъ оказаться свои особые интересы. Но городъ растетъ и развивается, увеличивается количество населенія и соотвѣтственно — сумма потребностей, удовлетвореніе которыхъ и прежде лежало на городскомъ управленіи; увеличивается плотность, вѣрнѣе скученность населенія и отсюда возникаетъ рядъ совершенно новыхъ задачъ, прежде городскому управленію совершенно неизвѣстныхъ; между прочимъ, значительная часть этихъ задачъ возникаетъ потому, что общественной власти приходится принять на себя заботу о такихъ нуждахъ, удовлетвореніе которыхъ прежде легко достигалось частной (индивидуальной или коллективной) самодѣятельностью, которая теперь, при измѣнившихся условіяхъ городской жизни, оказывается безсильной. Въ конечномъ итогѣ масса городскихъ нуждъ, съ которыми приходится вѣдаться городскому управленію, вырастаетъ чрезвычайно и вырастаетъ, попутно, не только въ ширину, но и въ вышину, не только по суммѣ, но и въ плотности, не только въ общемъ, но и по разсчету на каждую пядь городской территоріи. На-ряду съ этимъ происходитъ еще другой процессъ; не только центръ рѣзко дифференцируется отъ окраинъ, но и всѣ вообще части города рѣзко обособляются другъ отъ друга, разнствуя по составу и плотности населенія, по условіямъ и характеру общественной жизни и торгово-промышленной дѣятельности. Соотвѣтственно возникаетъ солидное количество обусловленныхъ этой обособленностью спеціально участковыхъ нуждъ. Теперь, прибавка ихъ къ остальнымъ, раньше указаннымъ, общимъ для всего населенія нуждамъ, образуетъ уже въ каждой части города такую огромную и плотную массу, справиться съ которой можетъ оказаться по силамъ только особому, спеціально для этого приспособленному участковому органу».

На дѣло изученія мѣстныхъ особенностей, на борьбу съ эпидемическими заболѣваніями, на организацію и урегулированіе труда (пріисканіе работъ, биржа труда, непосильный трудъ, вредныя производства, профессіональныя болѣзни и пр.), общественное призрѣніе, на организацію медицинской помощи бѣднымъ, устройство дешевыхъ столовыхъ, лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ, ночлежныхъ домовъ, жилищъ для бѣдныхъ, замощеніе улицъ, снабженіе жителей хорошаго качества водою въ достаточномъ количествѣ, удешевленіе жизненныхъ продуктовъ, устройство канализаціи, на организацію матеріальной помощи бѣдному населенію и мног. др. должна б[illegible]ъ сосредоточена вся сила совокупнаго общественнаго знанія, умѣнія и оп[illegible]тности. Здѣсь должны дѣйствовать, въ интересахъ столь важнаго и дѣ[illegible]ствительно общаго дѣла, рука объ руку врачи разныхъ спеціальност[illegible]й,—санитарные, домовой помощи бѣднымъ, по наблюденію за пищевыми пр[illegible]дуктами, школьные, больничные и др., техники и представители други[illegible] отраслей трудовой жизни, и обыватели даннаго района, чтобы общими

силами уврачевать недуги общественнаго здоровья. Организація всѣхъ этихъ дѣятелей,—въ одинъ общій органъ,—для высокихъ цѣлей общественнаго здравоохраненія и представитъ собою участковое санитарное попечительство.

Въ трудную годину народныхъ бѣдствій правительствомъ, городскими и земскими общественными управленіями, какъ это было, наприм., при появленіи холеры въ Россіи, призывались въ помощь спеціальнымъ силамъ—врачамъ и административнымъ органамъ—лица изъ среды мѣстныхъ почетныхъ жителей для борьбы съ постигшимъ данную мѣстность общественнымъ бѣдствіемъ—эпидеміею. Какъ только въ дальнѣйшемъ прекращалась эпидемія, такъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ея кончали свои полномочія и эти, призванныя временно къ оздоровительной дѣятельности данной мѣстности, мѣстные дѣятели. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ городахъ на этой почвѣ возникъ институтъ «санитарныхъ попечителей», какъ, напр., въ Москвѣ — «по наблюденію за обязательными для жителей постановленіями». Но институтъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Санитарные попечители, появлявшіеся на общественной аренѣ борьбы съ вспыхивавшими по временамъ повальными народными болѣзнями, такъ сказать, только по частнымъ побужденіямъ, какъ частная мѣра, и дѣйствовали, какъ индивидуальные дѣятели, безъ непосредственнаго и тѣснаго соотношенія съ даннымъ обществомъ, съ даннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Между тѣмъ какъ задачи оздоровленія городского населенія, положенныя въ основу круга ихъ практической дѣятельности, требуютъ сознательнаго, активнаго и коллективнаго участія въ этой общественной дѣятельности, по возможности, всего мѣстнаго общества падлежащимъ образомъ для этой цѣли организованнаго. Такъ какъ по самому характеру дѣятельности, исключительной индивидуальности, отсутствію надлежащей общественной организаціи, институтъ этотъ не могъ проявить столь необходимаго въ этомъ дѣлѣ тѣсного общенія съ жителями данной мѣстности, за исключеніемъ необходимыхъ сношеній съ медицинскимъ персоналомъ, городскими управленіями и администраціей, то отсюда становится понятнымъ, почему институтъ санитарныхъ попечителей въ настоящее время представляетъ, въ лучшемъ случаѣ, только суррогатъ активнаго общественнаго органа по охраненію общественнаго здоровья городского населенія. Институтъ этотъ поэтому является учрежденіемъ мертвымъ и существуетъ только на бумагѣ и, конечно, долженъ сойти со сцены совсѣмъ, уступить мѣсто активной общественной организаціи.

Въ дѣйствительности такъ и совершается. Въ Одессѣ уже учреждены участковыя санитарныя попечительства, въ Москвѣ находимся наканунѣ ихъ открытія, во многихъ городахъ идутъ сужденія на тему объ ихъ учрежденіи. Наконецъ, и всероссійскій Пироговскій съѣздъ врачей, санкціонировавшій уже давно эту форму привлеченія мѣстныхъ общихъ силъ къ активному участію въ оздоровительной дѣятельности, постановилъ на прошломъ VIII съѣздѣ, на основаніи заслушанныхъ докладовъ секціи городской меди-

цины, избрать спеціальную коммиссію при правленіи съѣзда, которою выработаны и формулированы «Основныя начала желательнаго врачебно-санитарнаго строя въ городахъ», которыя и разосланы для руководства въ городскія общественныя управленія при организаціи городского санитарнаго устройства.

Въ участковыхъ санитарныхъ попечительствахъ избранники населенія, объединенные на началахъ взаимопомощи и раздѣленія труда, по необходимости обращаютъ вниманіе на то, какъ къ ихъ дѣятельности относится общество, представителями котораго они служатъ. Они, какъ мѣстные жители, ближе стоящіе къ населенію, могутъ болѣе успѣшно выполнить задачи проведенія въ жизнь оздоровительныхъ мѣропріятій путемъ выясненія всей ихъ важности при непосредственныхъ сношеніяхъ въ совмѣстной жизни, путемъ раздачи листковъ и брошюръ, путемъ устройства попечительствами чтеній и всякаго рода публикацій по разнообразнымъ санитарнымъ вопросамъ. Выполняя возложенныя избравшимъ ихъ обществомъ задачи оздоровленія, какъ жители своихъ районовъ, непосредственно знающіе санитарные нужды своихъ участковъ и разнообразныя причины санитарныхъ неустройствъ, члены санитарныхъ попечительствъ могутъ предложить и болѣе приложимыя на практикѣ мѣры и средства къ ихъ устраненію и тѣмъ, такъ сказать, оказать незамѣнимую поддержку и услугу спеціальнымъ силамъ въ этого рода дѣятельности. Оказываютъ также этимъ силамъ содѣйствіе въ борьбѣ съ заразными и эпидемическими заболѣваніями населенія, отъ чего и этого рода дѣятельность дѣлается продуктивнѣе. Организуютъ необходимую при оздоровительной дѣятельности матеріальную помощь населенію какъ при заболѣваніяхъ, когда таковыя являются на почвѣ бѣдности и матеріальной нужды, а также и въ другихъ случаяхъ, встрѣчающихся въ жизни, напр., жилищной нужды, продовольствіи и т. п., представляющихъ почву возникновенія и развитія болѣзненности населенія и его вырожденія.

Мѣстное общество идетъ сюда, въ эти санитарныя попечительства, со всѣми своими нуждами въ широкой области общественнаго здравоохраненія, какъ къ своимъ представителямъ въ этомъ отношеніи и посредникамъ между нимъ и городскимъ управленіемъ. Въ то же время оно имѣетъ возможность вліять на своихъ избранниковъ, внимательно слѣдить за дѣятельностью попечительствъ. Устанавливается такимъ образомъ тѣсное общеніе и взаимодѣйствіе съ ними мѣстнаго населенія, устанавливается такимъ образомъ контроль общественнаго мнѣнія, какъ наиболѣе дѣйствительный видъ контроля. Отсюда вносится больше жизни въ дѣятельность этихъ органовъ, и самое населеніе пріучается къ самодѣятельности. На такой почвѣ и образуется общественный санитарный надзоръ.

Въ жизни одесскихъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ не мало примѣровъ, на дѣлѣ рисующихъ это именно направленіе ихъ дѣятельности. Я приведу наиболѣе характерные примѣры изъ жизни и дѣятельности по-

печительствъ петропавловскаго и куяльницкаго *), послѣдняго, какъ имѣющаго свои мѣстныя характерныя особенности (дачи, лиманъ).

Занятія по изученію мѣстностей распредѣлялись между членами попечительствъ по соглашенію, и всѣ возникающіе вопросы обсуждались коллективно въ общихъ засѣданіяхъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ.

Такъ, въ петропавловскомъ санитарномъ попечительствѣ члены его занимались на первыхъ порахъ ознакомленіемъ со своими участками и домами, раздѣливъ между собою кварталы участка для установленія санитарнаго надъ ними надзора. Благодаря этому получилось улучшеніе въ санитарномъ отношеніи многихъ владѣній на Молдаванкѣ и составилось подробное санитарное описаніе дворовъ и владѣній. При таковомъ изученіи далѣе выяснилось, что увѣщанія членовъ попечительства и ихъ усилія въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могутъ привести къ желаннымъ положительнымъ результатамъ, вслѣдствіе отсутствія во многихъ дворахъ канализаціи; въ результатѣ возникъ вопросъ о канализаціи всей Молдаванки, который разрѣшился въ положительномъ смыслѣ. Такъ какъ членами попечительства замѣчено было при изслѣдованіи участка, что при развитіи эпидеміи возвратнаго тифа очагами распространенія зараженій служатъ ночлежные притоны и постоялые дворы, то поэтому былъ предпринятъ рядъ осмотровъ съ цѣлью ознакомленія съ ихъ санитарнымъ состояніемъ, и было сдѣлано подробное описаніе, въ результатѣ чего и, благодаря частымъ посѣщеніямъ членами попечительствъ, удалось достигнуть очень значительныхъ улучшеній всей обстановки помѣщеній пріютовъ и постоялыхъ дворовъ, выразившихся въ ремонтахъ, улучшеніи вентиляціи, изоляціи заболѣвающихъ заразными болѣзнями, мытьѣ половъ и провѣтриваніи. Въ результатѣ изслѣдованія артельныхъ квартиръ и мѣстъ скопленія бѣднаго люда попечительство обратило вниманіе городского общественнаго управленія на необходимость устройства квартиръ для бѣдныхъ. Далѣе попечительство занималось санитарнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ производствъ, обстановка и условія жизни которыхъ являлись особенно вредными для здоровья рабочихъ или потребителей, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Въ результатѣ такого изученія явилась благодарность попечительству, выраженная рабочими хлѣбопекарнаго цеха по поводу улучшенія хозяевами ихъ помѣщеній. Попечительство приходило и матеріальною помощью бѣднымъ семьямъ на продовольствіе, пріобрѣтеніе бѣлья, на переводъ въ другое помѣщеніе и т. п., въ случаяхъ заболѣваній скарлатиною, сыпнымъ тифомъ, оспою, дифтеритомъ, корью, чесоткою. Принимало посредничество между городскимъ управленіемъ и отдѣльными домовладѣльцами, изъявившими, подъ вліяніемъ убѣжденій со стороны членовъ попечительства, готовность придти на помощь городу своими взносами для скорѣйшаго устройства канализаціи на прилегающихъ къ ихъ домамъ улицахъ, устройства дворовой кана-

*) См. отчетъ о дѣятельности одесскаго, петропавловскаго и куяльницкаго санитарныхъ попечительствъ за 1898—1899 и 1900—1901 гг.

лизаціи, уличныхъ водостоковъ. Поступали и подвергались обсужденію заявленія обывателей объ устраненіи загрязненія улицъ помоями и другими отбросами изъ расположенныхъ по данной улицѣ владѣній, и многія другія.

Куяльницкое санитарное попечительство между многими жизненными вопросами занималось разработкою вопроса объ организаціи консультаціи врачей для бѣдныхъ, являющихся для лѣченія на лиманъ,—при куяльницкомъ врачебно-продовольственномъ пунктѣ; объ организаціи для нихъ матеріальной помощи. Обращено было вниманіе на развитіе огромнаго количества мухъ на курортѣ. Произведеннымъ изслѣдованіемъ установлена причина этого явленія, именно близость свалокъ мусора и навоза съ ближайшихъ дачъ. Постановлено уничтожить свалки путемъ засыпки ихъ землею. Обсуждался цѣлый рядъ вопросовъ по урегулированію быта бѣдняковъ. Разсматривалась жалоба коммиссіонеровъ по предложенію дачъ,—объ огражденіи ихъ интересовъ отъ разъѣзжающихъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ разныхъ агентовъ. Попечительство принципіально высказалось противъ этого вида коммиссіонерства. Обсуждались заявленія и жалобы частныхъ лицъ о просачиваніи жидкихъ нечистотъ изъ отхожихъ мѣстъ сосѣднихъ владѣній; объ упорядоченіи торговли разными пищевыми продуктами на дачахъ въ виду монополіи по нѣкоторымъ изъ нихъ (молоко), вслѣдствіе чего установились очень высокія на нихъ цѣны; по вопросу о монополизаціи врачебнаго массажа. Вырабатывался типъ отхожихъ мѣстъ. Установлена окраска стѣнъ въ квартирахъ на дачахъ немаркою, цвѣтною клеевою краскою, или масляною вмѣсто обоевъ, и многіе другіе.

Думаю, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства жизненности и продуктивности практической дѣятельности участковыхъ санитарныхъ попечительствъ. Приведенные примѣры, думаю, съ достаточною ясностью и убѣдительностью иллюстрируютъ, что санитарныя попечительства дѣйствительно являются тѣми активными врачевателями недуговъ общественнаго здоровья, въ коихъ такъ нуждаются въ настоящее время наши русскіе города.

Медицина,—говоритъ Вирховъ,—если желаетъ выполнить свои великія задачи, непремѣнно должна охватить политическую и общественную жизнь. Санитарная область медицинской дѣятельности какъ разъ соотвѣтствуетъ тому направленію, которое отмѣтилъ знаменитый ученый и общественный дѣятель еще въ 1848 году въ статьѣ «Медицинскія реформы». Агентами, проводниками въ жизнь принциповъ общественной врачебной дѣятельности являются въ настоящее время санитарные врачи, которыхъ онъ называлъ тогда адвокатами бѣдныхъ.

Общественная медицина или санитарія,—наука о народномъ здоровьѣ, по своей сущности всецѣло соприкасается съ общественными науками, главное съ тою отраслью, которая трактуетъ о народномъ хозяйствѣ, о формахъ общественнаго устройства и управленія.

Санитарные врачи, какъ представители этой области медицинской дѣя-

тельности,—общественной медицины,—въ своей практической дѣятельности являются изслѣдователями хозяйственныхъ и бытовыхъ условій жизни городского населенія,—изслѣдованія же эти зачастую бываютъ наполовину экономическія. Являются они изслѣдователями, далѣе, всѣхъ мѣстныхъ и топографическихъ условій жизни своего района. Принимаютъ участіе въ разработкѣ медико-статистическаго матеріала по своему участку, по движенію народонаселенія (рождаемости, брачности, смертности), по заболѣваемости населенія, пользуясь данными отъ врачей для бѣдныхъ, амбулаторій, больницъ и проч., соприкасаясь въ этомъ случаѣ съ чисто врачебною дѣятельностью. Какъ общественные практическіе дѣятели, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ, изучаютъ положеніе жилищной нужды бѣдняковъ, многообразныя нужды продовольствія населенія и многія другія. Только на основаніи такого тщательнаго изученія всѣхъ бытовыхъ условій жизни своего района санитарные врачи могутъ въ бóльшей или меньшей степени уяснить себѣ причины заболѣваемости населенія. Только на основаніи такого изученія въ своей практической дѣятельности и могутъ они предлагать тѣ или иныя мѣропріятія къ устраненію этихъ причинъ, осуществимыя на дѣлѣ. Предлагаютъ, наприм., устройство больницъ какъ для заразныхъ больныхъ, такъ и общихъ, амбулаторій, врачебной помощи бѣднымъ на дому, изоляціонныхъ и эвакуаціонныхъ квартиръ, вводятъ и усовершенствуютъ регистрацію болѣзненности; устройство рынковъ, врачебно-продовольственныхъ пунктовъ; вырабатываютъ и предлагаютъ къ устройству типы жилищъ для бѣдныхъ, ночлежныхъ домовъ,—предлагаютъ и многія другія мѣры по оздоровленію города. При такомъ основательномъ изученіи хозяйственныхъ условій жизни своего участка, постоянно соприкасаясь съ населеніемъ и непосредственно входя во всѣ его нужды и интересы, санитарные врачи являются въ глазахъ населенія ближайшими представителями этихъ нуждъ и защитниками его интересовъ передъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, особенно бѣднаго населенія. При такой близости въ дальнѣйшей своей дѣятельности санитарные врачи являются также незамѣнимыми практическими проводниками на почвѣ культурныхъ начинаній, требованій гигіены и всѣхъ оздоровительныхъ мѣропріятій.

Вся дѣятельность санитарныхъ врачей съ самаго начала возникновенія этого института, протекающая и передъ нашими глазами какъ земскихъ, такъ и въ недавнее, сравнительно, время городскихъ санитарныхъ врачей, подтверждаетъ сказанное. Стóитъ только заглянуть въ отчеты о дѣятельности по санитарно-врачебной части Москвы, С.-Петербурга, Одессы, Нижняго-Новгорода, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Говоря объ этой дѣятельности санитарныхъ врачей, извѣстный общественный дѣятель, покойный врачъ Е. А. Осиповъ въ *Русской Земской Медицинѣ* даетъ научную характеристику. «Назначеніемъ санитарныхъ врачей является,—говоритъ онъ,—проложеніе новыхъ путей въ разныхъ непролазныхъ

жизненныхъ трущобахъ для принциповъ великой науки—общественной гигiены». И дѣйствительно, по тѣмъ же отчетамъ мы можемъ видѣть вездѣ, гдѣ возникаетъ институтъ санитарныхъ врачей,—результатомъ ихъ практической дѣятельности является болѣе стройная постановка всей врачебной организацiи, во всемъ ея объемѣ. Санитарная организацiя постоянно слѣдитъ за состоянiемъ здоровья населенiя, направляетъ свою помощь туда, гдѣ она необходима по указанiямъ болѣзненности и смертности; выясняетъ соотвѣтственныя мѣропрiятiя и приходитъ на помощь врачебной организацiи, когда требуются спецiальныя знанiя и указанiя. Соотвѣтственно задачамъ санитарной дѣятельности въ преслѣдованiи общественныхъ цѣлей,—является благоустройство всего врачебно-санитарнаго строя въ городѣ. Еще давно профессоръ М. Я. Капустинъ, говоря про земскую санитарную дѣятельность, высказалъ: «Медицинская помощь, при такомъ строѣ, является не личною услугою за счетъ больного, не актомъ благотворенiя, она является общественной службой. Задачи лѣчащей медицины и гигiены здѣсь идутъ рука объ руку въ неразрывной связи».

Если разсмотрѣть теперь, въ чемъ именно заключается дѣятельность санитарныхъ попечителей (они же предсѣдатели участковыхъ санитарныхъ попечительствъ), то изъ инструкцiй имъ въ разныхъ городахъ Россiйской Имперiи, наприм., въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, для земскихъ санитарныхъ попечителей, увидимъ слѣдующее. Ихъ вѣдѣнiю подлежатъ *): наблюденiе за исполненiемъ обязательныхъ постановленiй и узаконенiй, имѣющихъ отношенiе къ охраненiю народнаго здравiя; за возникновенiемъ и развитiемъ заразныхъ болѣзней, и принимать мѣры къ ихъ прекращенiю, и предупреждать возникновенiе таковыхъ; изученiе условiй общественной жизни и быта, вредно влiяющихъ на общественное здоровье, и предлагаютъ мѣры къ устраненiю ихъ, и прочее. Если же мы теперь возвратимся къ описаннымъ выше задачамъ дѣятельности санитарнаго врача, то увидимъ, что санитарный врачъ, вооруженный научными познанiями и опытомъ, на основанiи таковой подготовки ведущiй дѣло изученiя бытовой обстановки населенiя, являющiйся въ силу этого организаторомъ санитарнаго дѣла и руководителемъ въ практической дѣятельности всей санитарно-врачебной организацiи, конечно, имѣетъ всѣ права санитарныхъ попечителей. Кромѣ того, ему и законъ предоставляетъ таковыя.

Но тѣмъ не менѣе, санитарный врачъ всетаки агентъ городской службы,—въ цѣляхъ общественныхъ,—и для успѣха въ проведенiи въ жизнь оздоровительныхъ мѣропрiятiй, предоставляетъ это право выборнымъ отъ населенiя лицамъ, какъ, наприм., предсѣдательство въ участковыхъ санитарныхъ попечительствахъ. И на основанiи этого, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наприм., во время отсутствiя, замѣняетъ выборныхъ отъ населенiя предсѣдателей; или же является предсѣдателемъ въ случаѣ из-

*) См. инструкцiю окружнымъ санитарнымъ попечителямъ въ С.-Петербургѣ.

бранія его самимъ попечительствомъ,—какъ представителемъ и выразителемъ нуждъ и интересовъ избравшаго его населенія.

На основаніи изложеннаго я прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ.

1. Оздоровленіе городовъ въ цѣляхъ охраненія общественнаго здоровья городского населенія, составляя одну изъ наиболѣе важныхъ и сложныхъ задачъ въ дѣлахъ благоустройства общественной городской жизни, можетъ быть успѣшно выполнено только при непосредственномъ и активномъ содѣйствіи городского общества путемъ привлеченія къ оздоровительной дѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ,—на принципѣ децентрализаціи города.

2. Организація мѣстныхъ (по районамъ) активныхъ общественныхъ силъ осуществляется учрежденіемъ въ городахъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ.

3. Участковыя санитарныя попечительства на основаніи результатовъ основательнаго знакомства съ санитарными нуждами своихъ участковъ заботятся объ устраненіи условій, вредно вліяющихъ на здоровье населенія, предлагаютъ мѣры и изыскиваютъ способы къ улучшенію общихъ санитарныхъ условій жизни городского населенія.

4. Участковыя санитарныя попечительства, представляя мѣстные коллективные органы выраженія общественнаго самосознанія и самодѣятельности въ дѣлахъ охраненія общественнаго здоровья городского населенія, выполняютъ роль активныхъ врачевателей недуговъ общественнаго здоровья въ городахъ.

5. Санитарные врачи, какъ непремѣнные члены участковыхъ санитарныхъ попечительствъ, въ виду широкихъ общественныхъ задачъ практической дѣятельности, въ разрѣшеніи разнообразныхъ и трудныхъ вопросовъ по этіологіи болѣзненности населенія и изысканія дѣйствительныхъ мѣръ противъ распространенія заболѣваемости, и практическаго осуществленія разнообразныхъ оздоровительныхъ мѣропріятій въ жизни,—въ городской медицинской организаціи,—являются въ роли ближайшихъ руководителей практической медико-санитарной дѣятельности въ городахъ.

6. Санитарные врачи, какъ организаторы и руководители практической дѣятельности участковыхъ санитарныхъ попечительствъ и какъ активные общественные дѣятели въ дѣлахъ оздоровленія городского населенія,—имѣютъ de facto всѣ права санитарныхъ попечителей, коими могутъ пользоваться и de jure, на основаніи городового Положенія,—въ практической же жизни замѣняя предсѣдателей участковыхъ санитарныхъ попечительствъ (они же санитарные попечители) въ случаѣ ихъ отсутствія, или же по избранію самихъ попечительствъ.

В. Ставровскій.

Изъ исторіи русскихъ сношеній съ народами Востока *).

(Русско-китайскія недоразумѣнія.)

Несомнѣнно въ первоначальныхъ сношеніяхъ русскаго и китайскаго народовъ замѣчается болѣе взаимной довѣрчивости и искренняго дружелюбія, нежели впослѣдствіи.

Сохранились двѣ интересныя грамоты китайскаго богдыхана, писанныя одна въ 1619 году, а другая въ 1649 году **). Изъ нихъ мы видимъ, что китайцы сами искали сближенія съ русскимъ народомъ.

Въ первой грамотѣ китайскій императоръ говоритъ:

«Изъ Руси пріѣхали два человѣка, и Валли, китайскій царь, говорилъ имъ, русскимъ людямъ: съ торгомъ приходите и торгуйте, и выходите и опять приходите. На семъ свѣтѣ ты великій государь, и я царь не малъ, чтобъ между нами дорога чиста была, съ верху и съ низу ѣздите, и что доброе самое привезете и я противъ того камками добрыми пожалую васъ»...

Въ грамотѣ 1649 года сынъ Валли-хана, Джу-ханди, заявлялъ:

«Нынѣ отъ великаго государя торговые ко мнѣ не ходятъ. А какъ при моемъ отцѣ великаго государя люди приходили и солнце видали, а нынѣ при мнѣ не ходятъ твои люди. Какъ ко мнѣ придутъ и они столь свѣтлы будутъ, какъ на небеси мѣсяцъ. А какъ твои люди доходить будутъ, и мнѣ радостно будетъ и жаловать ихъ стану»...

Первое русское посольство въ Китай было въ 1653—1654 гг. Это посольство считается неудачнымъ, такъ какъ русскому послу Байкову не удалось по назначенію передать царской грамоты, вслѣдствіе его несогласія привѣтствовать богдыхана земными поклонами при представленіи ему, по установленному церемоніалу. Тѣмъ не менѣе есть основаніе полагать, что

---

*) *Русская Мысль,* 1904 г., кн. IV. Очеркъ составленъ на основаніи архивныхъ документовъ; тѣ же данныя, которыя взяты изъ печатныхъ источниковъ, указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

**) *Бантышъ-Каменскій, Н.*: „Дипломатич. собр. дѣлъ между россійскимъ и китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г.“. Казань, 1892 г., стр. 7.

со времени именно посольства Байкова начались болѣе или менѣе постоянныя русско-китайскія торговыя сношенія. Такъ говоритъ Кильбургеръ, писавшій въ 1674 г.; такъ заявляли въ 1792 году купцы, просившіе у Екатерины II разрѣшенія отправить въ Китай торговый караванъ и представившіе къ своему прошенію краткую историческую записку о торговлѣ съ Китаемъ.

«Извѣстно по словеснымъ преданіямъ и письменнымъ бытовѣстіямъ,—писали купцы въ своей запискѣ,—что торговля между Россіею и китайцами начало свое воспріяла съ 1653 года, производилась безъ всякаго стѣсненія до 1680 года, пока ни начались распри отъ китайцевъ о границахъ, а съ 1689 года заключеннымъ трактатомъ ограничилась посылкою казенныхъ каравановъ чрезъ каждые три года. Сіе вторичнымъ трактатомъ возобновлено въ 1728 году. Съ начала открытія торговли частое и почти всегдашнее оной безутѣсненное производство приносило великія выгоды торгующимъ, потому что, сверхъ прибытковъ немалыхъ, обращеніе непрерываемое подавало способы спознавать, какіе товары нужнѣе доставлять было китайцамъ и какіе отъ нихъ намъ».

Какъ извѣстно, китайцы издавна смотрѣли неодобрительно на распространеніе христіанства въ Китаѣ. Седьмая глава «Священныхъ наставленій» повелѣваетъ китайцамъ не только не увлекаться чужими религіями, но даже ихъ подавлять «ради возвышенія истиннаго ученія». Съ другой стороны, китайское правительство въ распространеніи христіанства среди китайскаго народа издавна видѣло подрывъ своей власти.

Въ 1724 году императоръ Юнгъ-Тчинъ говорилъ патеру de Mailla:

— Вы хотите, чтобы всѣ китайцы сдѣлались христіанами. Я знаю, ваше ученіе этого требуетъ; но что изъ этого выйдетъ? Они сдѣлаются подданными вашихъ королей. Люди, которые васъ слушаютъ, знаютъ только васъ, во время возстанія они будутъ слушать только вашъ голосъ... Теперь нечего бояться, но когда корабли начнутъ приходить изъ-за тысячи миль, тогда безпорядки будутъ большіе *).

Несмотря, однако, на опасенія вреднаго вліянія другихъ религій на подданныхъ Небесной имперіи, китайское правительство предоставило русскимъ право имѣть въ Пекинѣ свою православную церковь, отпускало представителямъ русской миссіи отъ себя деньги на ихъ «кормовое довольствіе» и на одежду, разрѣшило имѣть при миссіи русскихъ учениковъ для обученія китайскому языку.

Въ пятомъ пунктѣ русско-китайскаго договора 1728 года говорится:

«Коенъ или домъ, который нынѣ для россійскихъ въ Пекинѣ обрѣтается, будетъ россіянъ и впредь пріѣзжающихъ,—оные сами будутъ жить въ семъ домѣ; а что россійской посолъ Иллирійской графъ Савва Владиславичъ представляетъ о строеніи церкви,—сдѣлана въ семъ домѣ вспоможе

---

*) *Вышеславцовъ:* „Очерки перомъ и карандашомъ, изъ кругосвѣтнаго плаванія Спб., 1862 г. стр. 232.

ніемъ вельможей, которые имѣютъ надсмотрѣніе въ дѣлахъ россійскихъ;— въ семъ домѣ да будетъ жить лама (священникъ), нынѣ въ Пекинѣ обрѣтающійся, и прибавятся другіе три ламы, которые прибудутъ, какъ рѣшено. Когда прибудутъ, дастся имъ кормъ, какъ данъ ему, которой прежде пріѣхалъ, и при той же церкви поставлены будутъ... Россіянамъ не будетъ запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кромѣ того, четыре мальчика учениковъ, два побольшаго возраста, которые по-русски и по-латынски знаютъ и которыхъ посолъ Иллирійскій графъ Савва Владиславичъ хощетъ оставити въ Пекинѣ для обученія языковъ, будутъ жить также въ семъ домѣ и кормъ дастся имъ изъ царскаго иждивенія, а когда выучатся по своей волѣ, да возмутся назадъ».

Съ 1728 г. составъ русской миссіи въ Пекинѣ былъ слѣдующій: одинъ архимандритъ, два іеромонаха, одинъ іеродіаконъ и два «церковника». На «кормовое довольствіе» ихъ отпускалось изъ казны богдыханской деньгами и натурой. Какъ значилось въ справкѣ, поднесенной въ 1768 году отъ духовной коммиссіи государынѣ, архимандриту, іеромонахамъ и іеродіакону давалось «серебромъ по 4 ланы и по 5 чинъ,—лана же считается на здѣшнія деньги по 1 руб. 70 коп., а чинъ 17 коп., что учинитъ каждому на россійскія деньги по 7 р. 60 коп. на мѣсяцъ; церковникамъ же каждому въ мѣсяцъ по 1 ланѣ и 5 чинъ, итого по 2 р. 55 коп. А всего всѣмъ въ годъ отъ богдыхана производится кормовыхъ денегъ 428 руб. 40 коп. Сверхъ же того дается имъ по равному числу отъ богдыхана пшена сорочинскаго, а именно: по три хязѣ человѣку,—а хяза поменьше четверика россійскаго,—на мѣсяцъ, да чрезъ каждые три года выдается на дѣланіе платья—серебромъ архимандриту по 40 ланъ, т.-е. по 68 рублей, іеромонахамъ, іеродіакону по 30 ланъ, т.-е. по 51 рублю, церковникамъ по 20 ланъ, т.-е. 34 рубля».

Недоразумѣнія и несогласія, бывшія постояннымъ, какъ бы неизбѣжнымъ явленіемъ въ сношеніяхъ между Китаемъ и русскими, возникаютъ почти съ самаго же начала ихъ знакомства...

На первомъ планѣ всегда стояли недоразумѣнія земельныя. Причинами ихъ явилась малонаселенность и неопредѣленность китайскихъ пограничныхъ владѣній, съ одной стороны, а съ другой—стремленіе русскихъ къ пріобрѣтенію новыхъ земель.

Русскому послу Спафари, бывшему въ Пекинѣ въ 1676 году, китайцы говорили, что сближенію съ русскимъ народомъ они «и рады, и не рады. Рады для того, что непріятели ихъ, никане, узнавъ о дружбѣ россійскаго двора съ нынѣшнимъ богдыханомъ, подумаютъ, что россійскія войска могутъ къ нему придти на помощь къ послѣднему, ихъ, никанъ, истребленію; не рады же для того, что россіяне очень уже къ ихъ рубежу приблизились, строятъ крѣпости, населяютъ оныя ихъ бѣглыми, а тѣмъ больше, что все сіе дѣлается по волѣ россійскаго государя» *)...

*) Бантышъ-Каменскій: „Дипл. собр. дѣлъ“, стр. 35.

Около половины семнадцатаго столѣтія на Амурѣ русскими выходцами былъ основанъ городъ Албазинъ.

Въ 1655 году сюда явился казакъ Черниговскій; къ нему стали собираться казаки, промышленные люди, бѣглые крестьяне. Въ 1671 году въ Албазинѣ насчитывалось, кромѣ крѣпости, шесть большихъ деревень и монастырь.

Китайцы, опасаясь упрочивающагося вліянія русскихъ на Амурѣ, въ 1683 году двинули большой отрядъ войскъ на Албазинъ. Казаки были разбиты; часть изъ нихъ была отведена въ плѣнъ. Тѣмъ не менѣе городъ не былъ оставленъ русскими.

На слѣдующій годъ двое изъ русскихъ плѣнныхъ возвратились съ богдыханской грамотой, которой подъ угрозою вооруженнаго нашествія требовалось, чтобы русскіе удалились съ береговъ Амура.

Но русскіе опять не оставили города и стали приготовляться къ отраженію непріятеля.

Весною 1685 года пятнадцать тысячъ манчжуровъ двинулись на Албазинъ и 12 іюня, обложивъ городъ, пошли на приступъ. Албазинцы отразили первое нападеніе, но съ большими для себя потерями; у нихъ сильно истощились запасы пороха и при этомъ жестоко пострадали деревянныя стѣны города. Воевода Толбузинъ, убѣдившись въ невозможности устоять при вторичномъ приступѣ, началъ съ китайцами переговоры. Онъ изъявилъ готовность оставить Албазинъ, если ему со всѣми жителями и съ вооруженными войсками дозволятъ удалиться, захвативъ съ собою военные припасы.

Соглашеніе состоялось; русскіе удалились; поселенія же ихъ были разрушены.

Весною того же 1685 года Толбузинъ съ прежними поселенцами возвратился на мѣсто разрушеннаго города; на слѣдующій же годъ вновь послѣдовала осада китайцами возобновленнаго города, на этотъ разъ безуспѣшная, но продолжительная, окончившаяся лишь въ августѣ 1687 г.

Въ 1689 году между русскимъ и китайскимъ правительствами состоялось оффиціальное договорное соглашеніе, по которому Россія, уступая Китаю весь Амурскій край, обязывалась всѣхъ жителей Албазина вывезти въ Нерчинскъ и уничтожить всѣ русскія поселенія на берегахъ Амура *); между имперіями была опредѣлена граница по водораздѣльной линіи Станового хребта до верховьевъ рѣки Уды; далѣе же до моря граница осталась неопредѣленной.

Китайцы столь выгоднымъ для нихъ договоромъ были обязаны тому обстоятельству, что послы ихъ для заключенія этого договора явились въ г. Нерчинскъ съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ, русскій же посолъ Головинъ прибылъ лишь съ немногочисленною свитою.

---

*) О гор. Албазинѣ см. „Дипломат. собр. дѣлъ“ Бантышъ-Каменскаго, „Исторія Россіи“ С. Соловьева, т. XII и XIV.

Правительственные трактаты не могли урегулировать пограничнаго владѣнія, и земельные захваты продолжались.

Ко времени заключенія слѣдующаго договора вновь оказалось необходимымъ произвести разграниченіе русскихъ и китайскихъ земель.

Въ третьемъ пунктѣ договора 1728 года читаемъ *):

«Россійскій посолъ Ильлиріиской графъ Савва Владиславичъ съ вельможею китайскимъ вкупѣ согласились: границы обоихъ имперій зело дѣло важное и ежели мѣста не будутъ осмотрѣны, тому быть невозможно; того ради россійской посолъ Ильлиріиской графъ Савва Владиславичъ поѣхалъ на границы и тамо согласился китайскаго государства съ генераломъ Шу-санъ-Торой-Кунъ, Ванъ-Тозойефу-Церенъ и съ Безыгою, вельможею царскаго караула, и съ Тулешинымъ вторымъ президентомъ трибунала военнаго, и обоихъ имперій граница и край постановили какъ слѣдуетъ».

По договору 1728 года пограничныя владѣнія были «ясно написаны и начертаны» и «посланные съ обоихъ сторонъ промежъ собою письмами и чертежами размѣнялись и своимъ вельможамъ привезли». При этомъ «которые подлые люди воровски закочевали, завладѣвъ землями и внутри юрты постановили, сысканы и въ собственныя кочевья переведены; такожде обоихъ государствъ люди, которые перебѣгали туда и сюда, сысканы и установлены жить въ своихъ кочевьяхъ, и тако пограничное мѣсто стало быть чисто».

При разграниченіи земельныхъ владѣній въ 1728 году остался однако, какъ и при заключеніи нерчинскаго договора, неразрѣшеннымъ вопросъ о мѣстности, лежащей по рѣкѣ Удѣ.

Китайскія власти заявляли русскому послу:

— Понеже ты присланъ императрицы съ полною мочью окончить всѣ дѣла, то и въ семъ пунктѣ имѣемъ трактовать, ибо ваши люди безпрестанно переходятъ границы въ наше мѣсто, именуемое Химконъ Тугуринъ; ежели сей пунктъ нынѣ не оконченъ, дѣло опасно, дабы обоихъ имперій подданные, которые живутъ при границахъ, между собою ссоры и несогласія не возбудили; и понеже сіе противно миру и соединенію, нынѣ уже надлежитъ окончить.

Графъ С. Л. Владиславичъ отвѣчалъ:

— Сія земля восточная... Не только мнѣ отъ императрицы не приказано, но еще и о той землѣ подлинно извѣстія не имѣю; да останется еще, какъ прежде постановлено; а ежели кто изъ нашихъ прейдетъ чрезъ границу, унимать и запрещать буду...

— Когда императрица не приказала тебѣ о восточной сторонѣ трактовать,—отвѣчали китайцы,—мы не будемъ болѣе принуждать. Но по твоему возвращенію накрѣпко закажи вашимъ, ибо, ежели какіе изъ вашихъ прей-

*) Русско-китайскіе трактаты изданы министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (Спб., 1889 г.) подъ заглавіемъ „Сборникъ договоровъ Россіи съ Китаемъ"; но мы цитируемъ ихъ по бывшимъ въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ.

дутъ за границу и пойманы будутъ, безъ сомнѣнія отъ насъ наказаны быть имѣютъ,—и не можете тогда говорить, что «мы говорили миръ»; а ежели того ради понеже нынѣ не трактуется о рѣкѣ Удѣ, ниже о прочихъ тамошнихъ рѣкахъ,—да останутся попрежнему, но ваши люди не имѣютъ болѣе завладѣть на поселеніе.

Должно признать, что первое время китайцы сравнительно мало придавали значенія своимъ сѣвернымъ владѣніямъ... Они даже не озаботились провести границу согласно нерчинскаго трактата и поставили межевые знаки южнѣе водораздѣльной линіи, какъ это было установлено въ 1845 году экспедиціей академика Миддендорфа.

Но впослѣдствіи, наученные горькимъ опытомъ, китайскія власти сдѣлались болѣе осторожными.

Въ 1792 году, при рѣчкѣ Малой Нарымкѣ, за предѣлами китайской границы былъ поставленъ русскій пикетъ. По этому поводу между русскими и китайцами возникли крайне характерные переговоры и переписка...

Китайскіе пограничные чиновники при свиданіи съ русскими чиновниками, какъ сообщалъ иркутскій губернаторъ Пиль, въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ 23 августа 1794 года, между прочими ихъ разговорами, сдѣлали запросъ, «для чего нынѣ съ россійской стороны учреждены тамъ, близъ ихъ границы, пикеты, то-есть: до устья рѣки Нарыма и до рѣчки маленькой Нарымки, коихъ тамъ прежде не бывало, и что въ прежнія времена одни зенгорцы имѣли тамъ пребываніе свое. Но когда съ нашей стороны отвѣтствовано имъ о причинѣ учрежденія тѣхъ пикетовъ для принятыхъ въ прежнее законное повиновеніе бухтарминскихъ бѣглецовъ и удержанія киргизцовъ отъ шалостей, и что нѣтъ никакого къ нимъ подозрительнаго намѣренія, въ разсужденіи учрежденія тѣхъ пикетовъ третій уже годъ существующихъ, на коихъ находится по десяти и по двѣнадцати только человѣкъ, но и тѣ въ зимнее время снимаются,—тогда реченные китайскіе чиновники остались довольно удостовѣренными».

Однако на самомъ дѣлѣ полученными объясненіями китайскія власти остались далеко не удовлетворенными: они потребовали, чтобъ пикетъ, поставленный за предѣлами границы, былъ снесенъ.

Требованіе китайцевъ было исполнено.

Послѣ этого китайцы, по словамъ правителя иркутскаго намѣстника Нагеля, «будучи въ семъ случаѣ успокоенными, отнюдь не могли имѣть дальнѣйшаго о семъ повторенія; но какъ они свойственны къ перепискамъ о всякой малости, то и еще не оставили о семъ безъ вспоминанія».

Ургинскіе амбани 30 января 1795 года писали Нагелю:

«Хотя ваши россійскіе люди и хотѣли чрезъ сіе постановленіе новаго караула немного мѣста захватить, однако вашъ капитанъ, услыша о семъ отъ нашего посланнаго, признавшись въ ошибкѣ, приказалъ снять тотъ караулъ; а поелику онъ разумѣя порядокъ и благосклонно поступилъ, чего ради мы безъ изслѣдованія всякаго вамъ симъ объявляемъ... Слѣдуетъ, чтобъ всякъ, управляя своими людьми, поступалъ по положенному

условію. Вы, губернаторъ, во всѣхъ случаяхъ благосклонно поступаете и наблюдаете утвержденный договоръ, то мы о семъ вамъ знать даемъ, чтобъ вы своимъ людямъ внушили и приказали-бъ имъ внутрь поставленной границы жить, а паче вѣчно утвержденной мирной договоръ наблюдая-бъ благосклонно поступали».

Нагель, желая, по его словамъ, «увѣрить невѣжество амбаней, сколь мало думаетъ россійская сторона о такихъ дѣлахъ, кои они поставляютъ за важное... разсудилъ сдѣлать имъ на оное отвѣтствіе».

Упомянувъ о полученіи имъ отъ амбаней «пріятнаго» письма,—онъ сообщалъ:

«Означенной караулъ или меньше сказать маленькая стража поставляема была въ однолѣтнее время отнюдь не съ какимъ болѣе намѣреніемъ, какъ въ разсужденіи вновь переселенныхъ на Бухтарму въ наши границы россійскихъ подданныхъ бѣглецовъ, о которыхъ уже двукратно вашимъ чиновникамъ было объявляемо, чтобъ отъ нихъ, какъ уже разъ самовольно отлучившихся, не вышло иногда какой-либо вновь шалости и своевольства, порядокъ нарушающаго,—особливо и имъ не причинено было обидъ и притѣсненія отъ киргизцовъ, наполненныхъ грубостію и жестокосердіемъ, то въ осторожность таковыхъ непріятностей отъ командующаго въ той сторонѣ войсками начальника препоручено было помянутому капитану учредить таковые караулы, какъ выше сказано, на однолѣтнее время, въ которое болѣе нужны были для вышеписанныхъ причинъ осторожности, нежели въ другую пору, но отнюдь не съ тѣмъ, чтобъ овладѣть тѣмъ маловажнымъ мѣстечкомъ, о которомъ въ прошедшемъ еще лѣтѣ вашимъ чиновникамъ сказано, и оно принадлежащимъ къ вамъ не сказано, кромѣ прежняго пребыванія зенгорцовъ; поставленъ былъ противъ вашего Нарынъ караула означенной нашъ караулъ. Когда же отъ ухясутуевскаго дзянжуня, объѣзжавшаго границу до Ходбы, посланы были съ объявленіемъ о томъ новомъ караулѣ офицеры, тогда нашъ капитанъ, по ненадобности въ немъ болѣе, снялъ безъ всякаго противорѣчія. Слѣдовательно, изъ сего, господа амбани, замѣтить можете дружеское съ нашей стороны къ вамъ расположеніе, которое мы по всякомъ случаѣ сохранять стараемся, и что пребываніе того караула нѣсколько уже лѣтъ тамъ отнюдь не навело вамъ кажется сомнѣнія, тѣмъ паче безпокойства, то сужу я и увѣренъ, что вы, господа амбани, видя оное, останетесь безсомнѣнными, какъ и сами въ письмѣ своемъ открываетесь, и будете-жъ обоюдную наблюдать справедливость, оставляя пользоваться мѣстами, каждой сторонѣ издревле принадлежащими, а тѣмъ удерживать спокойствіе и пограничную тишину. Мы жъ все сіе выполнять поставляемъ за первое основаніе; въ подтвержденіи чего не оставилъ я и нынѣ пограничнымъ управителямъ сдѣлать моего о семъ внушенія. Того ради сіе письмо, подписавъ моею рукою, утвердивъ герба моего печатью, къ вамъ для увѣдомленія посылаю изъ губернскаго города Иркутска. Февраля 7 дня 1795 года».

Китайскія власти не были удовлетворены и на этотъ разъ. Второго мая того же 1795 года Нагель доносилъ Екатеринѣ II:

«Ургинскіе амбани еще вздумали писать ко мнѣ о упомянутой зенгорской землѣ, что давно покорена или присвоена къ нимъ оная ихъ войсками,—поставляя въ видъ, будто бы тѣмъ пикетомъ нашимъ нерезонно часть земли была захвачена, изъясняя о бѣглецахъ, переходящихъ въ ихъ сторону, что они издавна непремѣнно отъ нихъ къ намъ возвращаются. Но со всѣмъ тѣмъ, не поставя настоящее дѣло, яко бы, за важное, о которомъ не донося они своему государю, кромѣ трибунала, требуютъ, чтобъ впредь поступать по силѣ обоюдныхъ постановленій, наблюдая свои границы, а не принадлежащія не присваивать. Сіе требованіе ургинскихъ амбаней хотя не заслуживало никакого болѣе объясненія, такъ какъ въ первомъ письмѣ моемъ они довольно были удостовѣрены, сколь маловажно для насъ стоило удовлетворить ихъ чиновниковъ въ снятіи пикета настоящіе, но не могъ я оставить изъясненіе амбаней въ безгласности, дабы на будущее время не вздумали они поставлять примѣромъ мое молчаніе, тѣмъ паче утверждать справедливымъ свое возраженіе,—сдѣлать имъ отзывъ съ тѣмъ, что въ происшедшемъ дѣлѣ не было ни присваиванія земли, коя есть зенгорская, ниже сомнѣнія въ выдачѣ отъ нихъ нашихъ перебѣжчиковъ, подобно со здѣшней стороны къ нимъ выдаваемыхъ, показавъ имъ согласно прежнимъ отзывамъ, какіе значатъ тѣ бѣглецы, кои въ ущельяхъ горъ, около тамошнихъ нашихъ же мѣстъ, скитавшіеся. Сіе отвѣтствіе мое, какъ на рѣшительномъ удостовѣреніи расположенное, сужу я, можетъ быть, успокоитъ уже китайцевъ отъ дальнѣйшихъ требованій».

Русскіе не могли примириться съ потерею по Нерчинскому трактату Амура...

Голоса о необходимости расширенія нашихъ границъ и свободнаго для насъ плаванія по Амуру не переставали раздаваться въ теченіе всего восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій, пока, наконецъ, въ 1858 году, 16 мая, не состоялся айгунскій договоръ, по которому Амурскій край признанъ русскимъ владѣніемъ.

Благопріятствовавшими для русскихъ, при заключеніи айгунскаго договора, обстоятельствами оказались внутреннія смуты въ Китаѣ и непріязненныя къ нему отношенія державъ западной Европы...

Кромѣ земельныхъ недоразумѣній, были еще обстоятельства, къ которымъ не могли относиться спокойно, какъ китайское, такъ и русское правительства.

Благодаря безпокойному элементу населенія пограничныхъ окраинъ, здѣсь часто происходили грабежи и убійства; въ предѣлахъ китайской имперіи разбойничали русскіе, а въ россійскихъ владѣніяхъ—подданные китайской имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ то и дѣло чрезъ границы перебѣгали и затѣмъ мѣняли свое подданство лица, возбудившія противъ себя преслѣдованіе властей на родинѣ.

По поводу албазинцевъ китайскій императоръ писалъ русскому царю

«Сперва твои люди на своей землѣ жили, нынѣ въ мою землю вошли, пустошатъ и изгоняютъ. Прежде сего не бывало. Мои люди жили въ прохладѣ и тихо нынѣ... Моихъ украинныхъ людей, женъ ихъ и дѣтей отнимаютъ... Мы сперва межъ собою жили совѣтно; намъ бы стараго совѣту не потерять. Война и драка у насъ межъ собою будетъ; а наши украинные люди не оскудѣютъ ли? Подумаемъ. Войско пойдетъ, нашимъ людямъ натужно будетъ... Безъ драки и безъ войны лучше будетъ» *).

Для предотвращенія побѣговъ и грабежей русское и китайское правительства пытались выработать мѣры при заключеніи мирныхъ трактатовъ. Правила, постановлявшіяся по данному вопросу, являются характернымъ образцомъ соглашенія или свода русскихъ и китайскихъ законоположеній по одному и тому же предмету.

Договоромъ 1728 года опредѣлялось:

«Нынѣ по установленіи государствъ границъ и не надлежитъ съ одной стороны, ни съ другой удерживать перебѣжчиковъ, которые впредь перебѣгать будутъ. Впредь, ежели кто изъ подданныхъ обоихъ государствъ перебѣжитъ, казненъ будетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ поймается. Ежели оруженные прейдутъ за границу, учиня грабежи и убивства, также смертію имѣютъ быть казнены. Кто-жъ оружейною рукою безъ запечатаннаго пашпорту такожде за границу прейдетъ, хотя бы и не учинилъ убивства и грабежа, однакожъ наказанъ имѣетъ быть, какъ надлежитъ. Кто изъ служивыхъ или иной кто подкрадчись господина своего убѣжитъ,—ежели кто убѣжитъ русскаго владѣнія, будетъ повѣшенъ, а ежели китайскаго владѣнія, имѣетъ быть казненъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поймается, а вещи покраденныя да возмутся его господину. А ежели кто пройдетъ за границу и звѣрей или иного скота покрадетъ, своему начальнику на судъ да предастся, которой осудитъ его за перву кражу вдесятеро, а за другую противъ того вдвое, а за третью да предастся смертной казни. Кто будетъ промышляти недалеко отъ границы для своей корысти, за рубежами промышленное да будетъ взято на государя, и тотъ промышленникъ да будетъ наказанъ по разсмотрѣнію судей. Подлые же люди, которые безъ пашпорту прейдутъ за границу, также имѣютъ быть наказаны, какъ россійской графъ Савва Владиславичъ постановилъ».

Законъ 1728 года о дѣлахъ по побѣгамъ и кражамъ на практикѣ оказался неудовлетворительнымъ: «для разбору изслѣдованія теменъ, а при томъ и двоякой». По договору 18 октября 1763 года законъ этотъ былъ отмѣненъ. Новыя правила являются попрежнему крайне суровыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе подробно останавливаются на процессуальной сторонѣ разбора пограничныхъ дѣлъ, вводятъ въ нихъ предварительное слѣдствіе, устанавливаютъ отвѣтственность пограничныхъ властей, назначаютъ поощрительныя выдачи открывателямъ преступниковъ.

Договоромъ 1763 года предписывалось:

*) *Бантышъ-Каменскій*: „Диплом. собр. дѣлъ", стр. 39—40.

«Впредь на всякомъ караулѣ такого, кто съ оружіемъ будетъ явно разбойничать, не разсуждая того, убилъ или нѣтъ онъ человѣка, брать и взявши допросить, съ коего караула зашелъ и сколько у него товарищей. Допросивши обстоятельно и содержа до времени у себя, сдать тому караулу слѣдъ приходъ разбойникова, сообща притомъ имена товарищей, кои еще не пойманы, для сыску оныхъ, а сверхъ сего донесть о семъ командирамъ надъ караулами. Командиры должны на то мѣсто съѣхаться и обще изслѣдовать; изслѣдовавши, донесть пограничнымъ правительствамъ. Правительства должны послать отъ себя искусныхъ людей чиновъ немалыхъ. Посланные должны съ тѣми командирами вновь слѣдовать обстоятельно, а изслѣдовавши донесть пограничнымъ правительствамъ; не разбирая преимущества, что срединнаго человѣка тотъ государства, россійскаго, рѣшать отсѣчь голову и имѣютъ осужденному во оказаніе другимъ страха отсѣчь голову на своей границѣ. Разбойникову лошадь, на коей пріѣхалъ, сѣдло, оружіе и все, что при немъ ни было, отдать для поощренія тому, кто взялъ его. Покраденное: лошадь, скотину или какую вещь, отдать тому человѣку, у котораго покрадено, а сверхъ всего за одну украденную долю брать 10 долей.

«Ежели разбойникъ въ то время не знатъ, то прежде слѣдъ онаго сдать, а потомъ призвать съ того караула, который противъ того мѣста гдѣ слѣдъ, начальника и вмѣстѣ съ онымъ мѣста, гдѣ разбой былъ, тѣло, раны раненаго человѣка разсмотрѣть, написать, осмотрѣть за своими руками, и того караула начальникъ положитъ, чтобъ сыскать разбойника въ одинъ мѣсяцъ. Во время буде оной по прошествіи срока сего не сыщетъ, донесть о томъ пограничнымъ правительствамъ, кои и военныхъ за нерадѣніе имѣютъ допрашивать штрафъ, за одну украденную доль 10 долей.

«Кто пойманъ будетъ въ воровствѣ, будучи воръ скрытной безъ оружія, то во оказаніе другимъ страха ради бить сто ударовъ плетью, а лошадь и сѣдло его отдать для поощренія тому, кто поймалъ его. Покраденное: лошадь, скотину или вещь—отдать тому, у кого украдено, и еще по первой кражѣ платить за одну долю 5 доль, по второй кражѣ за одну долю 10 доль, а по третьей—осудить вора того, какъ разбойника.

«Буде-жъ воръ во время воровства какъ пойманъ не будетъ, то съ того караула, которому слѣдъ воровъ сданъ, взять въ сдачѣ расписку или знакъ несысканія вора; тому караульному начальнику съ военными дать сроку одинъ мѣсяцъ. Когда воръ ими пойманъ будетъ, то во оказааніе другимъ страха бить вора сто ударовъ плетью, а за покраденное платить то число по порядку, какое положено о ворѣ, взятокъ во время воровства. А ежели начальникъ съ военными до прошествія срока вора не сыщетъ, то съ него и военныхъ его за краденное доправить за одну долю пят доль.

«Когда между пограничными въ двухъ сторонъ потеряется лошадь и другая скотина, найденную тотчасъ отсылать по согласію въ караулъ т сторонѣ, съ коей потеряно будетъ; что во время, когда потеряна, не с

щется, то слѣдъ потерянный сдать и въ пріемѣ взять расписку или знакъ сего; въ пять дней потерянную лошадь или скотину сыскавъ возвратить ту самую назадъ, а ежели по прошествіи оныхъ дней хотя сыскана и утаена будетъ или послѣ изъ потерянныхъ лошадей, скота одна-двѣ узнаны явятся, то отъ карауловъ донесши всѣмъ своимъ пограничнымъ правительствамъ и описавшись платить самую украденную и еще за одну-двѣ.

«Кто будучи безъ паспорта со оружіемъ за границею пойманъ будетъ, того, хотя человѣкоубивства и воровства не учинилъ, оружіе и лошадь, сѣдло и все, что при немъ явится, отдать въ поощреніе тому человѣку, кто поймалъ его.

«Буде кто за границею пойманъ будетъ, будучи на звѣриномъ промыслѣ, того промышленное оружіе, лошадь, сѣдло и все, что при немъ явится, отдать тому, кто поймалъ его; и еще бить его для страха другихъ сто ударовъ плетью.

«Буде за границею взятъ кто будетъ безъ оружія, о такомъ начальникамъ освѣдомиться: если подлинно дорогою заблудился, отослать его на тотъ караулъ, которой противъ того мѣста, гдѣ взятъ будетъ человѣкъ подозрительной. Которой укрывался въ горахъ и лѣсахъ, того лошадь и сѣдло, и все, что при немъ явится, отдать для поощренія тому человѣку, которой взялъ его: еще бить его для страха другимъ 50 ударовъ плетью.

«Всякихъ преступниковъ наказывать въ каждой сторонѣ по своему обыкновенію: человѣка срединнаго государства плетью, а россійскаго палкою».

Не могъ водворить пограничнаго спокойствія и приведенный законъ 1763 года. Съ одной стороны, не всегда удавалось обнаруживать виновниковъ совершавшихся преступленій; а съ другой стороны, случалось, что русское правительство иногда совершенно отказывалось приводить въ исполненіе надъ своими подданными слишкомъ суровыя наказанія, назначавшіяся по трактату.

Русскіе подданные буряты, Уладзай съ товарищами, произвели разгромъ китайскаго каравана; но надъ ними не было совершено смертной казни согласно точному смыслу трактата. Это обстоятельство было причиной крупныхъ неудовольствій со стороны китайскихъ властей.

Сообщая о настроеніи китайцевъ въ то время, иркутскій губернаторъ въ февралѣ 1785 года писалъ Екатеринѣ II, что «поступки китайцевъ удостовѣряютъ, что на продолженіе съ ними торга доброй надежды полагать не можно». Черезъ мѣсяцъ онъ шлетъ подтвердительное сообщеніе, донося о «холодности китайской въ поведеніи съ нашими и о ненадежно... на продолженіе торговли, которая, изъ всего видно, вскорѣ пресѣчься ...етъ».

Когда торгъ дѣйствительно былъ закрытъ, то со стороны китайцевъ ...ались явно непріязненныя дѣйствія.

Съ русскихъ владѣній китайскими подданными были похищены три ло...ди. Русскія власти, по заведенному обычаю, о происшедшемъ для оты...нія и наказанія виновныхъ сообщили пограничнымъ амбанямъ. Послѣд-

ніе отвѣчали, что «сей поступокъ почитаютъ они такою бездѣлицею, въ которую не токмо входить, но и говорить объ оной не намѣрены».

Наконецъ, отъ имени китайскаго трибунала по всей границѣ было объявлено «строгое повелѣніе о невозвратѣ перебѣгающихъ на ихъ сторону съ нашей людей и перешедшаго скота, и о нечиненіи намъ никакого удовольствія, какое бы съ ихъ стороны воровство или пограбленіе сдѣлано не было».

По признанію самихъ китайцевъ прекращеніе торговли для нихъ было крайне тяжело.

— А особливо бѣдные люди,—говорили они,—несутъ тягость, такъ что и пропитаніе своего лишаются; все между ими сдѣлалось дорого...

Тѣмъ не менѣе китайскія власти продолжали настаивать на исполненіи нарушенныхъ требованій договора.

Въ 1789 году иркутскій губернаторъ увѣдомлялъ китайскихъ амбаней о смерти одного изъ преступниковъ.

Совѣтнику Долгополову, командированному губернаторомъ для передачи этого отношенія, амбани говорили:

— Онъ, губернаторъ, проситъ насъ, чтобъ мы въ своемъ трибуналѣ ходатайствовали объ открытіи обоюднаго торга, а пишетъ только, что извѣстный предводитель Улалдзай умеръ, а о другихъ не поминаетъ. Ибо у него были товарищи, то когда по трактату дѣло рѣшить, то, привезя ихъ на границу, должно казнить. А безъ того, смотря на одного Улалдзая, то какъ намъ такому великому нашему правительству о незаконной просьбѣ возъимѣть ходатайство?

— Какъ Улалдзай, такъ и товарищи его,—отвѣчалъ русскій посолъ,— вмѣсто смерти тогда были засланы въ сѣверную студеную сторону отъ Иркутска за нѣсколько тысячъ верстъ, отколь въ годъ по единожды только, за непроходимыми мѣстами, приходитъ почта и то только зимою на лыжахъ. Улалдзай хотя и давно умеръ, но чрезъ такое дальнее разстояніе отъ нашего правительствующаго сената еще въ ваше правительство листъ нынѣ доставляется. А о которыхъ еще извѣстіе не получено, можетъ быть и они также давно померли.

— Губернатору надлежитъ объ нихъ въ скорости нарочную справку сдѣлать и ежели они такъ же, какъ и Улалдзай всѣ померли, тобъ о томъ отрапортовалъ своему сенату и намъ далъ знать, почему мы могли по губернаторской просьбѣ у своего правительства ходатайствовать о рѣшеніи дѣла и о разрѣшеніи обоюднаго торга; буде же еще живы, то наша сто рона инако согласиться не можетъ, какъ по заключенному узаконенію 1' пункта отрубить имъ головы, ибо при сочиненіи того пункта вашъ полнс мочный коммиссаръ Кропотовъ, а нашъ Хо-Бесу и Туше-Туханъ съ това рищи согласно утвердили.

— Какъ отъ насъ сказано, по тому и дѣло рѣшится, — говорили і заключеніе амбани;—тогда ужъ по согласію обоихъ сторонъ, чрезъ нарочі

посланныхъ. Когда у вашей императрицы казни нѣтъ, то, чтобъ впредь осталось безъ спору, могутъ тотъ пунктъ и перемѣнить.

На возвратномъ пути Долгополову китайцы, съ которыми онъ разговаривалъ, заявляли:

— Только-бъ россійская сторона увѣдомила, что всѣ Улалдзаевы товарищи отъ жестокаго содержанія въ ссылкѣ умерли, то-бъ такъ скоро и дѣло рѣшилось...

Вслѣдствіе непреклонныхъ требованій китайцевъ строгаго возмездія за преступленія, совершонныя въ ихъ предѣлахъ, русскимъ властямъ иногда приходилось назначать опредѣленныя за пограничныя преступленія наказанія такимъ лицамъ, которыя къ этимъ дѣламъ были совершенно непричастны и привлекались къ уголовной отвѣтственности по другимъ причинамъ.

Русскіе тунгусы совершили убійство пяти человѣкъ среди китайскихъ тунгусовъ. Нѣкоторые китайскіе тунгусы сообщили русскимъ, что «вооружается изъ ихъ рода партія до пятидесяти и болѣе людей. Сія партія намѣрена въ нынѣшнее же лѣто искать по всѣмъ большимъ рѣкамъ здѣшнихъ русскихъ тунгусовъ и, поражая ихъ, отомстить учиненное ими нѣкогда убійство пяти человѣкъ ихъ единоземцевъ».

Получивъ такія свѣдѣнія, иркутскій губернаторъ въ августѣ 1786 г. извѣщалъ якутскаго коменданта:

«Предлежитъ главнѣйшее попеченіе прекратить и истребить духъ вражды и злобы, овладѣйшій нѣкоторыми пограничными тамошними жителями, ибо изъ вышеобъявленныхъ извѣстій явствуетъ, что китайскіе тунгусы ищутъ нанести вредъ нашимъ въ единственную месть за учиненное нѣкогда и еще неудовлетворенное убійство нѣсколькихъ единоземцевъ ихъ. Къ успокоенію ихъ въ семъ случаѣ одинъ есть способъ отыскать, ежели можно, злодѣевъ и оныхъ по законамъ и по приговору судебному наказать, чѣмъ китайскіе подданные должны удовольствоваться. Буде же по дикости тунгусовъ и по разсѣянію ихъ, да и по прошествію времени виновные не могутъ быть признаны и найдены, а случатся изъ нихъ такіе, кои за другія подобныя преступленія осуждены къ тяжкому наказанію, то вы оное прикажите нарочно произвесть въ тамошнихъ мѣстахъ и увѣрить злобныхъ сосѣдей, что сіи преступники тѣ самые, кои участвовали въ помянутомъ убійствѣ ихъ людей и за то точно терпятъ присужденное по правосудію наказаніе, дабы хотя симъ способомъ почли они себя удовлетворенными и оставили поиски, изъ мщенія ими предпріемлемые».

Законоположенія относительно пограничныхъ кражъ и разбоевъ были измѣнены при заключеніи слѣдующаго же договора 1792 г. Русскіе и китайцы согласились, «надъ человѣкомъ срединнаго государства по внутреннимъ своимъ законамъ вершить приговоръ и россійскимъ начальникамъ не показывать происшествія онаго; надъ человѣкомъ россійскаго государства дѣлать осужденіе по правамъ и узаконеніямъ россійскимъ и срединнаго государства начальника также не смотрѣть дѣятельства такого». «Въ ока-

заніе же страха» рѣшено было «о происшествіи публиковать въ каждой странѣ своимъ подданнымъ».

Если имѣли мѣсто отступленія отъ договорныхъ обязательствъ и послабленія при преслѣдованіи лицъ, виновныхъ въ пограничныхъ разбояхъ, то тѣмъ болѣе такія отступленія и послабленія встрѣчаются въ дѣлахъ о пограничныхъ перебѣжчикахъ. Нерѣдко случалось даже, что та или другая договорившаяся сторона, въ нарушеніе контракта, явно прикрывала или явно содѣйствовала такимъ перебѣжчикамъ.

Намъ уже приходилось упоминать о переходѣ въ китайское подданство въ 1772 г. нѣсколькихъ тысячъ волжскихъ калмыковъ *).

Пріемъ китайцами болѣе мелкихъ партій перебѣжчиковъ составлялъ почти обычное явленіе. Напримѣръ, купецъ Пеньевскій, выполнявшій порученіе русскихъ властей по развѣдкамъ различныхъ дѣлъ въ китайской имперіи, доносилъ, что лѣтомъ 1785 года «бѣглые россійскіе люди, живущіе въ горахъ, между рѣками Иртышомъ и Бухтармою, приходили въ китайскій городъ Уластай и просили пребывающаго тамъ начальника Жанджона о принятіи ихъ въ китайское покровительство и, впустя на жительство внутрь самаго китайскаго владѣнія, обезпечить ихъ отъ поимки отъ россійской стороны». Жанджонъ объявилъ русскимъ бѣглецамъ, «чтобъ они жили въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся,—они имъ покровительство дадутъ; а если какая обида отъ киргизцовъ или отъ китайцевъ сдѣлана будетъ, тогда бы давали знать, почему и удовольствіе во всемъ получать могутъ».

Русскіе съ своей стороны также не отказывали въ принятіи переходившихъ къ нимъ китайскихъ подданныхъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 6 ноября 1782 г. предписывалось иркутскому губернатору:

«При настоящемъ порученіи вамъ Иркутской губерніи и Колыванской области мы нужнымъ находимъ предписать вамъ, чтобъ буде мунгалы или иные народы изъ Китая пожелаютъ переходить въ губерніи, вамъ ввѣренныя, вы приказали ихъ принимать и помѣщать для жительства. Мы посему тѣмъ большее право имѣемъ, поколику китайцы ушедшихъ изъ подданства нашего калмыковъ приняли».

Въ началѣ 1786 г. иркутскому губернатору было сообщено изъ удскаго острога, что «на здѣшнюю сторону Амура въ прошедшую зиму пріѣзжалъ присланный изъ Пекина начальникъ для собранія съ гиляковъ и другихъ родовъ, тамъ обитающихъ, ясака въ казну, причемъ онъ съ ними поступилъ весьма жестокимъ образомъ: отнималъ у тѣхъ, кто что имѣлъ, и мучилъ многихъ отсѣченіемъ рукъ и другими тяжкими истязаніями. Народы тамошніе, огорченные сими налогами и жестокостями, вознамѣрились умертвить сего сборщика и потомъ, свергнувъ съ себя иго китайцевъ, уйти въ нашу сторону и предаться здѣшнему подданству. Для э-

*) *Русск. Мысль,* апрѣль 1904 г., стр. 57, 58 и 62.

полненія сего предпріятія назначили они нынѣшнее лѣто, ожидая къ сему времени вторичнаго на границу прибытія помянутаго начальника, который вслѣдствіе трибунальскаго указа долженъ нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ закупить множество оленей и въ проѣздъ свой осмотрѣть границу».

Иркутскій губернаторъ, слѣдуя, по его словамъ, благоразумной осторожности, «которая ничего не оставляетъ безъ уваженія и на все предуготовляетъ приличныя мѣры», 5 августа того же 1786 г. писалъ якутскому коменданту, что «право Россіи на гиляковъ и другихъ тамошнихъ народовъ тѣмъ сильнѣе, поколику они за нѣсколько лѣтъ были совершенными ея подданными, ибо весьма легко доказать можно, что они платили дань Россіи прежде, нежели еще китайцамъ извѣстны были».

Губернатора интересовалъ вопросъ о численности народовъ, желавшихъ перейти въ русское подданство. Онъ заявлялъ:

«По содержанію извѣстій ближе заключать надобно, что предается малая ихъ часть и только тѣхъ людей, кои оскорблены жестокостью ясашныхъ сборщиковъ, со здѣшними же интересами сходнѣе бы было, если бы они согласилися не въ маломъ обществѣ, а въ большомъ числѣ,— инако отшествіе одного или нѣсколькихъ десятковъ не будетъ стоить и того затрудненія, въ какое принятіе ихъ можетъ поставить насъ китайцами, кои, конечно, не станутъ смотрѣть на то равнодушно и не оставятъ тревожить неотступными требованіями своего удовлетворенія»...

Желая привлечь на сторону Россіи больше китайскихъ подданныхъ, губернаторъ рекомендовалъ коменданту избрать особыхъ «надежныхъ и исправныхъ повѣренныхъ», которые бы, пользуясь неспокойнымъ настроеніемъ означенныхъ гиляковъ и другихъ племенъ, «потщились бы поддержать въ нихъ склонность къ уходу въ россійскіе предѣлы внушеніями, что по милосерднымъ узаконеніямъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской не только открыто есть всѣмъ иностранцамъ свободное вступленіе въ подданство ея и свободное въ областяхъ ея пребываніе, но еще во время онаго дается особливая защита какъ ихъ лицамъ, такъ и имѣніямъ, и промысламъ ихъ; наипаче во всемъ пространствѣ выразить имъ, какимъ благодѣнствіемъ и какими преимуществами по новодарованнымъ ея величества учрежденіямъ непрерывно наслаждаются всѣ подобные имъ народы, въ подданствѣ россійскомъ находящіеся, платя ясакъ, соразмѣрный ихъ состоянію и слѣдственно нисколько не отяготительный, что въ имперіи всероссійской, поставленные надъ ними начальники, отнюдь не смѣютъ и не могутъ причинить имъ ни малѣйшаго притѣсненія и оскорбленія, какія они, китайскіе подданые, терпятъ отъ насылаемыхъ на нихъ сборщиковъ; напротивъ того, здѣшніе неотъемлимо пользуются всѣми способами къ обогащенію отъ промысловъ и къ житью во всякомъ изобиліи и довольствѣ подъ покровительствомъ и защитою правительствъ, пекущихся о ихъ спокойствіи и благосостояніи. Причемъ могутъ ваши повѣренные обнадежить ихъ, что если и они имѣютъ прямое желаніе для достиженія равнаго блаженства вступить въ подданство

Россіи, то, конечно, будутъ они приняты и помѣщены на мѣстахъ, выгодныхъ для скотоводства и промысловъ. Однако-жъ при случаѣ ихъ выхода для нихъ самихъ полезнѣе и лучше бы было, если бы они исполнили то вдругъ и большими обществами, а не частно и не по временамъ».

При этомъ губернаторомъ предписывалось:

«Такія внушенія дѣлать тому народу, а особливо старшинамъ онаго со всею осторожностью и съ такимъ искусствомъ, чтобъ оныя, возымѣвъ въ нихъ впечатлѣніе и силу, произвели скорое дѣйствіе и чтобъ не подано было китайцамъ безпремѣннаго о томъ вида. Буде же они перемѣнили свое намѣреніе, которое, повидимому, приняли они въ первомъ движеніи прискорбія, причиненнаго имъ обидами пріѣзжавшихъ сборщиковъ, и, позабывъ оныя, станутъ оказывать постоянство въ нынѣшнемъ своемъ подданствѣ, то и нѣтъ нужды о томъ заботиться и оставить сіе времени и удобнѣйшимъ обстоятельствамъ, дабы тщетно не навлечь на себя отъ китайцевъ подозрѣнія и порицанія».

Въ случаѣ же успѣха, для поселенія китайскихъ пришельцевъ назначались въ Якутской или Охотской областяхъ «порозжія мѣста, нужными по образу ихъ жизни выгодами изобилующія, отъ китайскихъ границъ удаленныя и такія, въ коихъ бы сіи новые подданные, по учиненіи въ вѣрности ея императорскому величеству всероссійскому присяги по ихъ обычаямъ, были всегда въ близости къ присмотру начальства за поведеніемъ ихъ».

Въ 1670 г. была даже попытка привлечь въ россійское подданство и все китайское государство... Въ посольской «наказной памяти» говорилось:

«Что какъ подъ высокою россійскою царскаго величества рукою находятся цари и короли съ своими государствами, и великій государь жалуетъ ихъ, держитъ въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣніи, то и онъ бы, богдыханъ, также поискалъ его царскаго величества милости и жалованья, и учинился бы подъ высокою его царскаго величества рукою, а великій государь учнетъ его, богдыхана, жаловать въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣніи и отъ недруговъ его въ оборонѣ и защищеніи, а одноличио бы онъ, богдыханъ, у него, великаго государя, былъ подъ его царскаго величества высокою рукою неотступно и дань бы ему, великому государю, давалъ и его, великаго государя, людямъ съ его, богдыхановыми, людьми на обѣ стороны торговать было бы повелѣно» *).

Обыкновенно при заключеніи договоровъ говорилось, что «не довлѣетъ вспоминать» бывшія между сторонами спорныя дѣла, которыя должны быть «преданы молчанію», и что новый договоръ «нарочно сдѣланъ, что между обоими имперіями—миръ крѣпчайшій и вѣчно, и отъ нынѣшняго дня каждое государство своими подданными имѣетъ владѣть и удерживать, и, зело почитая миръ, каждый имѣетъ своихъ собирать и крѣпить, чтобы

*) *Бантышъ-Каменскій:* „Дипл. собр. дѣлъ", стр. 8.

никакого дѣла не могли возбудить». Но, какъ мы видѣли, самые договоры рѣзко расходились съ осуществленіемъ ихъ на практикѣ.

Политика земельныхъ захватовъ и частое нарушеніе договоровъ, конечно, не могли образовать дружественныхъ отношеній между русской и китайской имперіями.

Если въ началѣ русско-китайскихъ сношеній со стороны китайцевъ замѣчалось нѣкоторое расположеніе и сочувственное отношеніе къ русскимъ, то въ послѣдующее время болѣе и болѣе начинають проглядывать признаки недовѣрія и скрытаго нерасположенія, переходившихъ иногда въ явныя непріязненныя дѣйствія.

Однимъ изъ проявленій китайскаго недружелюбія было направленіе русскихъ торговыхъ каравановъ въ Пекинъ вмѣсто ближайшаго пути, открытаго ранѣе, путемъ окольнымъ. Путь этотъ, по описанію совѣтника Долгополова, «иногда происходилъ неудобный, черезъ Гобійскую степь, гдѣ ни рѣкъ, ни другихъ частныхъ водъ не находится, а хотя и есть колодцы, но оные во многихъ мѣстахъ высыхаютъ; слѣдовательно, на такомъ пути страждетъ не только вьючный скотъ, но и человѣчество».

Китайцы даже и нашу миссію стали возить окольнымъ путемъ; и нашимъ миссіонерамъ отъ Кяхты до Пекина вмѣсто 6—7 дней приходилось ѣздить по Монголіи цѣлые мѣсяцы.

При открытіи кяхтинскаго торга, согласно договору 1728 года, китайскимъ пограничнымъ властямъ было предписано, чтобы они всѣмъ китайскимъ купцамъ «тайно заказывали не показывать самоохотной торговли виду и надбавляя тайно на вещи цѣну, русскіе чтобъ изъ торговли прибыли находить не могли». То же неоднократно подтверждалось и впослѣдствіи.

Вслѣдствіе возникавшихъ недоразумѣній китайцы нерѣдко собирали и стягивали къ границѣ свои войска, а русскіе укрѣпляли свои пограничныя крѣпости,—и если не происходило въ концѣ концовъ вооруженныхъ столкновеній, то только благодаря миролюбію, или какой-то странной нерѣшительности сыновъ небесной имперіи.

Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ упомянутый купецъ Пеньевскій о военныхъ снаряженіяхъ Китая въ 1785 году, послѣ прекращенія сношеній съ Россіей.

Лѣтомъ этого года къ китайскому богдыхану пріѣзжалъ «водянымъ ходомъ» отъ турецкаго султана посолъ и послѣ его отъѣзда по повелѣнію богдыхана въ Китаѣ набирались войска; въ одномъ округѣ города Кульджи было собрано войска до 20,000 человѣкъ.

— По причинѣ закрывшагося у китайцевъ съ Россіею торга и особливо по присылкѣ турецкаго посла,—говорили Пеньевскому калмыки, бѣжавшіе въ Китай съ Волги,—не думаютъ ли китайцы ополчиться на россійское государство?... А что-де войска китайскія внутрь государства собираются, то не подошла ли россійская граница близко къ Кяхтѣ?... И если-де близко Кяхта, то непремѣнно Россіи должно имѣть осторожность, ибо-де и китайцы

сумнѣваются, нѣтъ ли на нихъ отъ россійской стороны какого приготовленія, и потому имѣютъ во всемъ крѣпкую осторожность.

Пеньевскій спрашивалъ калмыковъ, что «если заведется у китайцевъ съ Россіею война, то будутъ ли они, калмыки, спомоществовать имъ и какихъ мыслей держатся объ Россіи».

— Коль скоро,—отвѣчали ему,—такія обстоятельства откроются и изъ калмыковъ употребятъ противъ Россіи, то лишь бы они получили достаточное оружіе для себя, каковаго они имѣютъ только копья и луки съ стрѣлами, а огнестрѣльнаго весьма мало. Ушедшіе съ Волги калмыки единодушно согласны отложиться отъ китайскаго подданства и со всѣми своими семействами предаться въ россійское подданство, если хотя малѣйшая отъ Россіи подана имъ будетъ помощь и защищеніе, къ чему и находящіеся нынѣ у нихъ калмыцкіе начальники въ Зенгоріи также согласны. Если настанетъ тому способное время и для того, когда-де война начнется, дать бы имъ чрезъ какой ни есть способъ знать заблаговременно на состоящіе по границѣ пикеты и безъ всякаго при томъ сумнительства. У китайцевъ же порядочной и надежной подвижной артиллеріи не имѣется, да и вооружены весьма неисправно.

Между прочимъ богдыханъ обращался за помощью къ киргизъ-кайсакамъ средней орды. Сюда онъ писалъ Вали-хану:

«Какъ-де предки ваши и отецъ имѣли со мною сосѣдственную добрую и непоколебимую дружбу и вы, Вали-ханъ, на такомъ же основаніи отъ меня признаны достойнымъ пріемникомъ владѣнія надъ киргизъ-кайсацкимъ народомъ съ обязаніемъ вѣрноподданнической должности, а нынѣ я намѣренъ съ Россіею имѣть дѣло, къ чему приготовлю въ своихъ границахъ войско; то и прошу васъ, дабы вы сколько по вѣрноподданнической должности, а не меньше и по дружеству, на сей случай въ своемъ краю дѣлали мнѣ вспомоществованіе».

Однако настроеніе киргизцевъ было неблагопріятное для Китая. По словамъ киргизцевъ, они, «обязавшись для прокорму своего скота въ тамошнихъ китайскихъ мѣстахъ житьемъ, терпятъ отъ нихъ великія притѣсненія и прицѣпки и платятъ въ годъ съ каждой кибитки по лошади, отчего всѣ тамъ кочующіе, генерально будучи въ великомъ неудовольствіи, и держатся такого мнѣнія, что если бы китайцы вознамѣрились съ Россіею имѣть войну, то они имъ никакой помощи дать не хотятъ, а готовы усердствовать россійской сторонѣ и ожидать себѣ отъ оной защищенія».

Поэтому и отвѣтъ Вали-хана былъ также неблагопріятнымъ для богдыхана. Вали-ханъ ему писалъ:

«Я не могу на то согласиться по крайнимъ и такимъ причинамъ, которыя отнюдь не позволяютъ мнѣ заводить противъ Россіи безпокойство, ибо покойный мой отецъ Аблаи-салтанъ во всю свою жизнь, не имѣя отъ оной никакого себѣ-жъ, ордѣ нашей, неудовольствія, жилъ мирно и согласно, что продолжалось слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, о чемъ и вамъ, высокопочтенному хану, извѣстно, и при смерти своей накрѣпко завѣщалъ

намъ, его дѣтямъ, дабы мы жили съ Россiею во всякое время тихо и спокойно и пользовались бы тѣми выгодами, каковы при немъ отъ Россiи оказываны были; съ вами-жъ, высокопочтеннымъ ханомъ, оной отецъ мой союзъ дружества имѣлъ не болѣе, какъ двадцать пять лѣтъ, поступая съ своимъ усердiемъ и почтенiемъ на одинъ предметъ добраго согласiя. Въ такомъ случаѣ первенствующее спокойство не можетъ уже его наслѣдниковъ и потомковъ принудить противъ клятвы и миролюбiя, съ давнихъ лѣтъ утвержденнаго, сдѣлаться вѣроломными. При томъ всемъ и о семъ васъ, высокопочтеннаго хана, увѣдомляю, что я остаюсь не въ большихъ силахъ: при двухъ только малыхъ волостяхъ, какъ-то: Караульской и Тагайской, а большiя волости находятся близъ вашихъ границъ, а именно: Дюртульская, Каракисецкая, Алтайская и Найманская, кои имѣютъ у себя знатныхъ салтановъ, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ надежды ни въ какомъ предпрiятiи, ибо они всячески могутъ меня и не послушать. Въ такомъ случаѣ и не могу я вамъ, высокопочтенному хану, въ столь важномъ предпринимаемомъ дѣлѣ никакой помощи и пособiя учинить, какъ только желаю со обѣихъ сторонъ благополучiя и добраго согласiя и дружбы».

Какъ извѣстно, предполагавшаяся война съ Россiей не состоялась.

Въ оффицiальныхъ, такъ называемыхъ «секретныхъ», документахъ прошлаго времени обращаютъ вниманiе характеристики, которыя дѣлаютъ русскiе о китайцахъ, а китайцы о русскихъ.

Русскiе описываютъ китайцевъ людьми подкупными, приверженными къ обряду, гордыми и любящими повеличаться.

Графъ С. Л. Владиславичъ въ своемъ посольскомъ отчетѣ о Китаѣ писалъ: «Государство китайское не въ такой силѣ, какъ объ ономъ думаютъ и какъ многiе историки оное возвышаютъ... При всемъ многолюдствѣ и чрезмѣрномъ богатствѣ двора, народъ помираетъ съ голоду и не видно въ немъ ни крѣпости, ни разума, ниже храбрости; непостоянство, гордость, лукавство и трусость занимаютъ все ихъ упражненiе; однимъ словомъ, ежели бы граница россiйская была бы въ добромъ порядкѣ, все можно сдѣлать по своему» *).

Описывая свою поѣздку къ китайскимъ амбанямъ въ 1789 г., Долгополовъ разсказываетъ между прочимъ о совѣтѣ, данномъ ему мунгальскимъ засакомъ Еренчинымъ, по давней его дружбѣ съ переводчикомъ Игумновымъ.

— Когда вы, господинъ подполковникъ,—говорилъ Еренчинъ, называя такъ совѣтника Долгополова, по словамъ послѣдняго, въ виду неупотребленности въ Китаѣ нашихъ статскихъ чиновъ,—прибудете съ извѣстнымъ ли гомъ въ курень съ амбанямъ и если они вызовутся спросить, откуда вы по ланы, не прямо ли изъ сената? — то на то сказать имъ, что именно по ланъ съ листомъ изъ сената до иркутскаго господина губернатора на ра смотрѣнiе его о посылкѣ съ листомъ въ курень по способности; а гу-

*) *Бантышъ-Каменскiй:* „Диплом. собр. дѣл.", стр. 138.

бернаторъ-де при своемъ письмѣ васъ же отправилъ. То почтутъ амбани себѣ во уваженіе.

По словамъ Еренчина, при словесной передачѣ амбанямъ распоряженій русскихъ властей необходимо, чтобы Долгополовъ «наперво о дозволеніи того изъясненія доложилъ на словахъ и когда дозволятъ, то уже тогда и объясниться, а безъ докладу самому не вызываться, ибо-де у нихъ такой обычай, и примутъ отъ него пріятнѣе».

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, по возстановленіи русскими съ Китаемъ прерванныхъ сношеній, предполагалось отправленіе въ Пекинъ русскаго каравана. Представляя свои соображенія по этому поводу, Долгополовъ полагалъ предварительно командировать особаго посла.

«Нарочито отправленный изъ С.-Петербурга съ листомъ отъ правительствующаго сената,—заявлялъ Долгополовъ,—по пышности тамошнихъ амбаней и самаго трибунала, предпочтется паче губернаторскаго съ пограничными амбанями сношенія, и почетъ ихъ или уваженіе къ посланному наипаче умножится, а особливо къ способному ласкать горделивости ихъ приличными учтивостьми, ибо самыми опытами въ нихъ найдено, что почтительность, являемая къ симъ амбанямъ, дѣлаетъ ихъ весьма откровенными и охотно предпріимчивыми къ всѣмъ пособіямъ, а паче при увѣреніяхъ, сколь то приличествуетъ ихъ сану, дарованію, добродушію и справедливости,—и что ея императорское величество не оставитъ вознаградить благопривѣтствія ихъ по благопристойности во время прохожденія каравана въ Пекинъ».

Кромѣ того Долгополовъ признавалъ, что при посылкѣ нарочнаго съ предварительнымъ извѣщеніемъ о караванѣ «не безнужно отправить для мелочныхъ подарковъ находящимся при мунгальскихъ и манчжурскихъ ханахъ чиновникамъ, изъ казенной мягкой рухляди, ибо оныя орудія суть тѣ, кои, вѣдая наилучшее съ какимъ удовольствіемъ китайскіе подданные приняли открытіе на Кяхтѣ торговли, могутъ яснѣе разсказать о существѣ дѣйствъ ихъ и откровеннѣе повѣдать о мысляхъ тамошнихъ амбаней и трибунала ихъ объ отправляемомъ изъ Россіи купеческомъ караванѣ.

Такъ характеризовали русскіе китайцевъ. Но не лучшаго мнѣнія были и китайцы о самихъ русскихъ. Приведемъ слѣдующій любопытный случай.

При открытіи кяхтинскаго торга чиновники, завѣдывавшіе русскимъ казеннымъ караваномъ, заключили съ бухарскимъ купцомъ Мулянде договоръ относительно поставки въ Россію, по опредѣленной цѣнѣ, извѣстнаго лѣкарственнаго растенія ревеня, съ условіемъ никогда цѣны не прибавлять и не убавлять и срокъ договора распространить не только на всю жизнь бухарца, но и его дѣтей.

Впослѣдствіи, вслѣдствіе открытія Екатериной II свободной купеческой торговли съ Китаемъ, договоръ о ревенѣ, конечно, не могъ имѣть уже своей силы. Поэтому русскіе пограничные чиновники объявили сыну Мулянде, Мучендзію, что «ревень болѣе въ казну приниматься не будетъ, а приказано покупать оный всѣмъ, кто изъ купцовъ нашихъ пожелаетъ».

Однако въ отмѣнѣ ревеннаго договора бухарецъ усмотрѣлъ только «хитрый вымыселъ» и «утѣсненіе».

— Ежели судить о семъ поступкѣ россійской стороны,—заявлялъ Мучендзій и его племянникъ Мундзинло,—то никакъ не можно думать, что подлинно они не хотѣли брать въ казну ревеня, а единственно чрезъ такое свое ухищреніе употребили одну хитрость, чтобы сдѣлать намъ угнетеніе и обманъ. Высылали своихъ купцовъ насъ подговаривать. Россійскіе купцы безпрестанно приходя къ намъ нижайшимъ для покупки ревеня дѣлали намъ разныя искушенія и выговоры, но мы отвѣчали имъ, что мы люди великаго тайцынскаго государства знаемъ сохранять древнее наше условіе и прежняго положенія не нарушимъ никакъ; при томъ вѣдаемъ, что торговать мы должны только съ опредѣленнымъ для покупки отъ насъ ревеня въ казну вашимъ комиссаромъ, а изъ васъ никому продажи чинить не будемъ. И такимъ образомъ всегда ихъ отъ себя возвращали... Теперь мы нижайшіе взяли твердое намѣреніе, чтобы въ такой ихъ обманъ не входить и имъ не уступать, сколько силъ нашихъ достанетъ къ тому.

Торговцы просили китайскихъ амбаней объ оказаніи имъ содѣйствія, такъ какъ «россіяне отъ природы своей люди хитрые и поревѣтливые»,— на поставку ревеня могутъ подговорить другихъ купцовъ.

Къ просьбѣ Мучендзія и его племянника амбани отнеслись очень внимательно. Они нашли, что ревень «для россіянъ есть самая нужная вещь, почему прежде сего и запрещено было ихъ купцамъ торговать ревенемъ, а покупается оный обыкновенно въ казну», и что благодаря сдѣлкѣ Мулянде, «ревень постановленъ дорогой цѣной, а товары россійскіе всѣ дешевою», отчего китайскіе подданные «имѣли торговлю сію самую для себя выгодную, получая отъ россіянъ не малую прибыль», а россіяне «не могли со временъ тѣхъ получать довольныхъ прибытковъ».

Мучендзій, по мнѣнію амбаней, поступилъ весьма справедливо, что, понявъ обманъ русскихъ, принялъ твердое намѣреніе имъ не уступать и «всѣмъ былъ твердъ, какъ бы ничего не слышалъ»; поступокъ же россіянъ, явно означающій «хитрость къ взысканію только излишнихъ прибытковъ», «чрезъ мѣру не сносенъ».

По рѣшенію амбаней, конфирмованному китайскимъ богдыханомъ, право торговли ревенемъ было попрежнему предоставлено одному лишь дому Мучендзя съ условіемъ, чтобы, какъ и ранѣе, ревень продавался въ россійскую казну, а не купцамъ.

— Тогда уже россіяне, — заявляли амбани, — потерявъ всѣ способы, издержавъ прежде купленной ими ревень, придутъ въ крайній всѣмъ недостатокъ и, конечно, ихъ ревенной начальникъ самъ будетъ приходить и упрашивать Мучендзія о продажѣ онаго. И симъ-то можно хитрой ихъ вымыселъ разрушить и сдѣлать чувствительное самимъ имъ угнетеніе.

Рѣшеніе было постановлено безъ предварительной переписки съ русскими властями по особымъ соображеніямъ.

«Много уже прошло лѣтъ,—говорится въ рѣшеніи,—какъ ревень по-

купали въ ихъ казну и торгъ сей происходилъ съ нашими людьми чрезъ опредѣленнаго съ ихъ стороны офицера. Но только ни намъ тогда писано не было о семъ, что ревень будетъ продаваться въ казну, ни въ трактатѣ ничего не включено объ ономъ, и дѣло сдѣлано партикулярное съ нашими только купцами. И такъ ежели о семъ дѣлѣ писать къ россійскому губернатору, то едва ли не подадимъ мыслить, будто-бъ мы сего у нихъ выпрашиваемъ, и чрезъ сіе можемъ привесть глупыхъ россіянъ въ большую величавость».

Съ начала русскихъ сношеній съ Китаемъ прошло около двухъ съ половиной столѣтій; но за этотъ періодъ времени мы не могли пріобрѣсти дружественнаго расположенія китайцевъ и въ ихъ глазахъ не являемся счастливымъ исключеніемъ среди прочихъ державъ, обратившихъ свое вниманіе на Небесную имперію. Въ заключеніе нельзя не признать, что сношенія наши съ Китаемъ, являясь характерной страницей въ исторіи нашей политики на Востокѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить яркимъ примѣромъ вообще шаткости и неустойчивости юридическихъ нормъ въ международныхъ отношеніяхъ, въ области которыхъ право сильнаго сохраняетъ за собой преобладающее значеніе.

Д. Успенскій.

Лѣто въ Пекинѣ.

Жизнь въ Пекинѣ имѣетъ двѣ рѣзкія особенности, придающія ей своеобразный характеръ. Одна особенность—климатическая и общà всему Китаю, другая особенность создана бытовыми условіями и взаимными отношеніями живущихъ.

Эта особенность свойственна исключительно жизни русской колоніи въ Пекинѣ. Особенность эта настолько своеобразна, интересна и въ то же время производитъ на каждаго приходящаго жить свѣжаго человѣка настолько грустное и даже тяжелое впечатлѣніе, что я посвящу ей одной современемъ отдѣльный очеркъ. Здѣсь же скажу только, что эта особенность русской жизни и русскихъ взаимныхъ отношеній создала даже болѣзненное расположеніе, проявляющееся въ нервныхъ разстройствахъ, гнетущее и общую жизнь, и настроеніе отдѣльныхъ лицъ. Это болѣзненное расположеніе получило даже свое характерное наименованіе «пекинитъ», хотя было бы правильнѣе назвать его «руссо-пекинитъ», такъ какъ у другихъ народностей этой формы болѣзненнаго расположенія не встрѣчается.

Лѣто въ Пекинѣ переносится тяжело не столько вслѣдствіе высокой температуры, сколько вслѣдствіе «фу-тянь'я», т.-е. періода лѣтнихъ дождей.

Въ Пекинѣ жаркіе дни изрѣдка начинаютъ прорываться въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Въ эти дни термометръ R. показываетъ въ тѣни утромъ +12° R., въ полдень 20°, вечеромъ 15°. Въ теченіе мая мѣсяца количество жаркихъ дней нарастаетъ, температура воздуха повышается, а въ жаркіе дни термометръ показываетъ въ тѣни утромъ 18°, въ полдень 23°, вечеромъ 22°. Настоящее ровное жаркое лѣто устанавливается въ Пекинѣ только съ іюня мѣсяца. Въ теченіе апрѣля мѣсяца часты, а въ теченіе м… мѣсяца нерѣдки дни свѣжіе, пасмурные, а иногда и дождливые.

Въ маѣ мѣсяцѣ всегда перепадаютъ хорошіе дожди, сопровождаемые г… зой. Дожди эти чрезвычайно важны и служатъ залогомъ хорошаго у… жая.

Іюнь мѣсяцъ обычно сплошь сухой и жаркій. Температура воздуха въ т… и обычно утромъ 20°, въ полдень 24°, вечеромъ 22°. Въ жаркіе дни т…пература доходитъ до 30° R. въ тѣни, а на солнцѣ до 40° и 50° R.

Помимо жары іюнь мѣсяцъ имѣетъ еще свою особенность: появляются цикады, которыя и служатъ первымъ показателемъ наступающихъ жаровъ. Въ Китаѣ встрѣчается много разновидностей цикады, которыя появляются въ разное время лѣта и служатъ показателями разныхъ періодовъ лѣта.

Цикадъ, появляющихся въ іюнѣ, китайцы называютъ жӧ-эрръ, т.-е. жаркія, что служитъ указаніемъ на наступленіе жаровъ. Цикаду, предвѣстницу начинающагося фу-тянь'я, китайцы называютъ «фу-тяо-эрръ», а цикаду, появляющуюся немного времени спустя и остающуюся до конца лѣта, называютъ «цзи-лао-рръ».

Эти три разновидности отличаются другъ отъ друга своимъ пѣніемъ. Среди этихъ цикадъ есть еще разновидности: цикады равнинныя, садовыя, горныя.

Кромѣ цикадъ, появляются во множествѣ сверчки, стрекозы и мучители людей—москиты.

Цикады самое распространенное насѣкомое въ Китаѣ и насѣкомое кромѣ того чрезвычайно интересное. Я подробнѣе остановлюсь на ея описаніи.

Первыя цикады жӧ-эрръ появляются въ началѣ іюня и первый рѣзко звенящій звукъ ихъ пѣсни проносится около полудня. Появляются онѣ только тамъ, гдѣ есть деревья, необходимыя имъ для жизни и питанія. Съ половины іюня уже весь воздухъ неумолкаемо звенитъ ихъ пронзительными голосами. Для тѣхъ, кто первый разъ слышитъ цикадъ, рѣзко звенящая нота ихъ пѣнія кажется непріятной, слишкомъ пронзительной и утомительной для слуха. У многихъ разбаливается даже голова отъ этого неумолкаемаго, оглушающаго, металлически чистаго, звенящаго такъ однообразно звука.

Что касается меня, то я люблю пѣніе цикады, я всегда съ нетерпѣніемъ ожидаю того дня, когда услышу эту рѣзко звенящую нотку.

Жаркій день Востока, когда солнце немилосердно жжетъ, былъ бы неизмѣримо тяжелѣе, если бы въ него не вносилась эта звенящая, горячая пѣсня. Жаркій день Востока былъ бы слишкомъ мертвенъ, такъ какъ все живое смолкаетъ и прячется отъ жары, если бы въ него не вносила жизни цикада.

Цикада служитъ представительницей семейства равнокрылыхъ (Homoptera).

Насѣкомое это очень оригинально, хотя, быть можетъ, некрасиво и неуклюже. Прежде всего бросается въ глаза его широкая, ящикообразная голова съ двумя большими выдающимися по сторонамъ сложными глазами и тремя простыми маленькими глазками, расположенными въ верхушкѣ лба. Голова и грудь насѣкомаго черныя, а брюшко темно-сѣрое. Перепончатыя надкрылья и крылья прозрачны. Во время покоя они складываются, охватывая все тѣло насѣкомаго. Три пары ногъ совершенно неприспособлены для прыганья. Самецъ по размѣру больше самки, но главное отличіе самца то, что только онъ имѣетъ голосовой аппаратъ для пѣнія.

Поющій аппаратъ цикады находится, однако, не въ гортани, а въ брюшкѣ. Если мы обратимъ вниманіе на брюшко насѣкомаго, то увидимъ снаружи двѣ овальныя чешуйчатыя пластинки, верхнимъ своимъ краемъ прикрѣпленныя къ брюшку подъ третьей парой ногъ; нижній край пластинокъ остается свободнымъ, его можно легко приподнять. Приподнявъ пластинку, мы увидимъ внизу, въ брюшкѣ, чудесно устроенный голосовой аппаратъ, состоящій изъ двухъ сильныхъ, упругихъ мускуловъ, прикрѣпленныхъ къ задней сторонѣ чешуйчатой пластинки. Вся глубина этого аппарата занята другой пластинкой, бѣлой, тонкой и упругой.

Реомюръ, первый изъ ученыхъ изслѣдовавшій этотъ сложный механизмъ насѣкомаго, посредствомъ котораго цикада издаетъ свой оглушительный рѣзкій звукъ, говоритъ, что при послѣдовательныхъ сокращеніяхъ и ослабленіяхъ мускула, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, происходитъ звукъ или пѣніе.

Если самецъ имѣетъ свою особенность—пѣніе, то и самка имѣетъ только ей одной принадлежащую особенность—снарядъ для кладки яицъ.

Въ послѣднемъ брюшномъ кольцѣ у самки имѣется желобокъ, въ которомъ помѣщено могущее выдвигаться наружу особое сверло на подобіе шила. При помощи этого сверла самка прокладываетъ ходъ черезъ кору дерева къ самой сердцевинѣ, куда и кладетъ яйцо. Кладку яицъ самка и производитъ подъ пѣніе самца.

Изъ яицъ черезъ извѣстный періодъ времени выходятъ маленькія, бѣлыя личинки, которыя опускаются по дереву внизъ, пробираются въ землю къ корнямъ дерева и здѣсь остаются, питаясь сокомъ древеснымъ до времени обращенія въ куколку. Куколка уже отвѣчаетъ всѣмъ формамъ взрослаго животнаго. Она снабжена сильными, способными разгребать землю, передними ногами. Куколка заключена въ особую, прочную роговую оболочку-шкурку. Сильныя ноги необходимы куколкѣ, чтобы разгребать землю и проложить себѣ путь наружу, когда настанетъ время превращенія куколки въ настоящее насѣкомое.

Передъ началомъ жаровъ въ іюнѣ мѣсяцѣ вся земля около деревьевъ представляется какъ бы просверленной круглыми дырами. Это куколки цикадъ вылѣзали изъ нѣдръ темной земли на Божій свѣтъ. Цѣпляясь лапками, поползли онѣ по стволамъ деревьевъ и черезъ растреснувшуюся шкурку вышли на свободу. Изъ земли обыкновенно куколки цикадъ выходятъ ночью. Шкурка ихъ такъ и остается пустая, плотно прицѣпившаяся къ древесной корѣ.

Освободясь отъ своей шкурки и выползя на дерево, цикада остается первое время очень слабой, вся она мокрая, крылья ея перегнуты пополамъ и плотно прижаты къ тѣлу. Цикада ожидаетъ солнечнаго тепла, чтобы обсохнуть, обогрѣться, распустить свои крылья и вдохнуть въ себя съ новыми жаркими лучами солнца жизнерадостность бытія. И торжественно громко звенитъ тогда благодарственный ея гимнъ въ честь всесозидающаго и всеживотворящаго на землѣ свѣтила.

Цикада живетъ на деревьяхъ и питается ихъ сокомъ. Располагается она на высокихъ вѣтвяхъ и, закончивъ свое пѣніе на одномъ, быстро перелетаетъ на другое.

Въ общемъ цикады очень осторожны и поймать ихъ трудно. Только изрѣдка, когда сидитъ цикада невысоко, и въ разгаръ своей пѣсни, когда сама увлечется пѣніемъ, мнѣ удавалось, выждавъ этотъ моментъ, брать ее за крылья и снимать съ вѣтки.

Въ этотъ моментъ увлеченіе цикады своимъ пѣніемъ бываетъ такъ велико, что она ничего не слышитъ и не сознаетъ перемѣны, продолжаетъ даже пѣть, будучи уже въ рукахъ человѣка.

Цикада жё-эрръ начинаетъ пѣть съ утра, доходитъ до высоты пѣнія въ полдень и смолкаетъ передъ закатомъ солнца.

Жизнь цикады подвержена, однако, большимъ опасностямъ, такъ какъ у нея есть враги: воробьи и китайчата.

Воробьи пожираютъ громадное количество пѣвицъ жгучаго солнца. Приходится часто наблюдать, какъ пѣсня цикады внезапно обрывается на полетѣ, а пѣвецъ улетаетъ въ клювѣ воробья.

Китайчата ловятъ цикадъ очень остроумнымъ способомъ. Они берутъ длинную бамбуковую палку, срѣзаютъ наискось ея конецъ и получившуюся площадку смазываютъ клеемъ.

Ставъ подъ деревомъ, они намѣчаютъ цикадъ и приклеиваютъ ихъ къ своей палкѣ. Снявъ, кладутъ въ мѣшокъ или закрытую корзинку, которую носятъ съ собой.

Цикадъ ловятъ, главнымъ образомъ, для продажи, и только между прочимъ пользуются ими для забавы.

Продаютъ цикадъ китайцы своимъ врачамъ, которые употребляютъ и насѣкомое, и его сухую шкурку, какъ лѣкарство, въ разныхъ болѣзняхъ. Насѣкомое высушиваютъ и растираютъ его въ порошокъ. Изъ шкурки дѣлаютъ отваръ.

Дѣти для забавы нерѣдко привязываютъ цикаду за лапки и носятъ на палочкѣ, давая ей летать, и ловя ее, или же, надавливая рукой на брюшко, заставляютъ ее пѣть въ своей рукѣ...

Іюнь мѣсяцъ тяжелъ своей жарой. Только и можно дышать рано утромъ отъ 6 до 8, пока воздухъ сравнительно свѣжъ и чистъ, и вечеромъ послѣ заката солнца, когда жара становится не столь тягостной.

Въ теченіе же дня всѣ, кто можетъ, прячется въ тѣнь, для чего въ помѣщеніяхъ надъ окнами и верандами спускаются особыя «лянзы», т.-е. плетеныя изъ тростника или толстой соломы особыя сторы. Въ помѣщеніяхъ получается пріятный полусвѣтъ и относительная прохлада.

Восточная архитектура приняла и сама во вниманіе восточную жару и яркій свѣтъ: помимо глубокихъ верандъ передъ жилыми помѣщеніями, далеко выступающіе впередъ края крышъ много помогаютъ отъ проникновенія въ жилыя помѣщенія жары, такъ какъ затѣняютъ ихъ отъ лучей солнца.

Въ общественныхъ зданіяхъ, гдѣ собирается много народа, примѣняется для охлажденія еще такъ называемый панкеръ, т.-е. большая, почти въ длину помѣщенія, подвѣшенная ткань, которая приводится въ движеніе изъ другой комнаты китайцемъ и служитъ для находящихся какъ бы громаднымъ опахаломъ.

Въ частной жизни для охлажденія служатъ по нѣсколько разъ на день принимаемыя ванны, дýши, выпивается громадное количество минеральной воды «чи-шуй» или сода-виски, смотря по вкусу.

На улицѣ во время жаркаго дня цѣлый адъ: для труженика-народа нѣтъ отдыха. Въ жгучемъ воздухѣ стоитъ пыль, поднимаемая телѣгами, конными и пѣшими; отъ каменныхъ зданій, отъ мостовыхъ пышетъ огнемъ; ослѣпительно яркій свѣтъ рѣжетъ глаза; задыхаешься отъ жары, отъ пыли, отъ удушливыхъ испареній, исходящихъ отъ людей-тружениковъ и животныхъ.

Послѣ шести часовъ жаръ начинаетъ спадать. Словно вздохъ облегченія, проносится маленькая освѣжающая струйка вѣтерка. Тѣнь мало-помалу спускается надъ Пекиномъ, и европейское населеніе города начинаетъ выходить изъ своего добровольнаго заключенія.

Въ бѣлыхъ, легкихъ одѣяніяхъ, въ бѣлой холщевой обуви, въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ и бѣлыхъ шлемахъ, собираются мужчины и дамы на партію тенниса или въ международный клубъ, или къ знакомымъ.

Въ Пекинѣ съ 1 іюня обычно начинается мертвый сезонъ, т.-е. званые обѣды и обязательные визиты прекращаются, и европейцы начинаютъ покидать Пекинъ, выѣзжая на дачи.

Прекращаются на время фу-тян'я и «garden-party» у сэръ Робертъ Гарта.

Сэръ Робертъ Гартъ—старожилъ Пекина, отпраздновавшій 40-лѣтіе пребыванія своего въ этомъ городѣ.

При домѣ сэръ Роберта имѣется небольшой, но очень чистенькій и свѣженькій садикъ, въ которомъ по средамъ играетъ его собственный оркестръ музыки, составленный изъ музыкантовъ-китайцевъ, обучаемыхъ португальцемъ изъ Макао. Оркестръ сыгрался очень недурно. По средамъ отъ 6—8 собирается въ садъ къ сэръ Роберту Гарту европейская колонія Пекина. Въ саду накрытъ столъ и для желающихъ предлагается чай, минеральныя воды, крюшонъ, печенье, а среди вечера обносятъ всѣхъ желающихъ мороженымъ.

Общество, собирающееся въ садъ сэръ Роберта, гуляетъ, слушаетъ музыку, бесѣдуетъ другъ съ другомъ и съ любезнымъ хозяиномъ, который неизмѣнно со всѣми привѣтливъ и неизмѣнно всегда одѣтъ въ сѣренькій костюмъ.

Garden-party заканчивается также всегда неизмѣннымъ лансье, послѣ котораго музыканты, играя маршъ, обходятъ садъ по главной аллеѣ и останавливаются доканчивать у выхода, куда собирается и все общество.

По уходѣ музыкантовъ всѣ прощаются съ сэръ Робертомъ и тихо расходятся по домамъ.

Отъ 8 до 9 часовъ всѣ европейцы въ Пекинѣ обѣдаютъ.

Іюньскіе лѣтніе вечера въ Пекинѣ роскошны: въ воздухѣ стоитъ ничѣмъ и никѣмъ не нарушаемая тишина, небо раскинулось яркозвѣзднымъ куполомъ, воздухъ настолько прозраченъ, что видны всѣ предметы, каждый листочекъ на деревѣ, словно вырѣзанные на воздушномъ фонѣ чудной картины.

Сидѣть дома не хочется, и группы любителей отдохнуть внѣ Пекина собираются на ближайшую прогулку или въ храмъ Неба, отстоящій всего на полчаса ѣзды отъ города въ рикшахъ или же на болѣе отдаленную—на могилу принцессы, до которой надо плыть по каналу на китайской лодкѣ.

Каждая изъ этихъ прогулокъ имѣетъ свои прелести. Выѣхавъ изъ стѣнъ душнаго города, понимаешь, какое величіе скрывается въ паркѣ сосенъ и кедровъ, темными купами выдѣляющихся среди освѣщеннаго луной Храма Неба, въ которомъ находишь, поистинѣ, словно заколдованное, живописное и въ то же время торжественно молчаливое царство красоты. Открытый, стоящій отдѣльно, алтарь бѣлаго мрамора, освѣщенный луннымъ свѣтомъ, портики бѣлаго мрамора, изсѣченные на нихъ извивающіеся драконы,—всѣ эти видимыя созданія человѣческой мысли среди тишины лунной ночи уносятъ отъ земли невольно въ другой, чудный міръ...

Прогулка по каналу даетъ другія пріятныя ощущенія пребыванія на водѣ, ощущенія менѣе сложныя, но болѣе успокоительно дѣйствующія на нервы.

Такъ изо дня въ день подходитъ время къ концу іюня. Жаркіе дни изрѣдка прорываются проносящейся грозой съ дождемъ, которая на время освѣжаетъ воздухъ, но не измѣняетъ общаго состоянія погоды.

Съ конца іюня начинаетъ чувствоваться перемѣна. Въ воздухѣ ощущается примѣсь влажности. Небо начинаетъ все чаще и чаще заволакиваться облаками. Къ пѣнію «жаркихъ» цикадъ присоединяется пѣніе «футяоэрр», напоминающее собою звукъ пилы по металлическому предмету.

Ночи становятся душны и томительны, проявляется особенная потливость. Къ мучителямъ-москитамъ присоединяются комары. Вечеромъ по стѣнамъ комнатъ начинаютъ бѣгать отвратительныя сороконожки (мухоловки). Нерѣдко въ комнатѣ можно найти скорпіона.

Въ защиту себя отъ всѣхъ этихъ насѣкомыхъ приходится надъ кроватью протягивать марлевый пологъ (мустикеръ), въ окна вставлять сѣтки.

Небо становится все болѣе облачнымъ, влажность воздуха усиливается, настроеніе духа дѣлается угнетеннымъ, становится тяжело, словно нависаетъ что-то.

Такъ наступаетъ іюль мѣсяцъ. Не видно ни солнца, ни голубого неба. Цикады замолкли. Надъ головой нависли сплошныя тучи и полилъ дождь, какъ изъ ведра.

Безъ перерыва льетъ ливнемъ этотъ дождь день и ночь, льетъ на другой и на третій день, останавливаясь на короткое время, и снова льетъ,

льетъ... Пока льетъ дождь, вся земля покрыта быстро текущими потоками. Сообщеніе прекращается не только по улицамъ, но даже и черезъ дворъ нельзя бываетъ перейти. Застигнутые ливнемъ въ пути поселяне нерѣдко тонутъ, сбиваемые несущимися стремительно потоками.

Но какъ только дождь перестаетъ, вода быстро стекаетъ. Проглядываетъ солнце и дождя не бываетъ иногда два, три и болѣе дней, а затѣмъ снова дождь.

Первые дни бываешь радъ дождю: сразу жара пропадаетъ, становится прохладно, свѣжо. Но радость эта не надолго. Правда, термометръ показываетъ весь день 19°—20° R., но развивается такая сильная влажность, такая сырость, такая гниль и плѣсень, что чувствуешь себя гораздо тяжелѣе. Парить невозможно и ежесекундно обливаешься пѣтомъ, словно въ банѣ. Влажность и сырость такъ велики, что всѣ вещи, какъ кожаная обувь, чемоданы, саквояжи, покрываются плѣсенью, всѣ металлическія вещи ржавѣютъ, всѣ деревянныя вещи разбухаютъ, коробятся, расклеиваются, бѣлье всегда влажно, почти мокро.

Прѣлость почвы даетъ себя сильно чувствовать, какъ только проглянетъ солнце и возобновится обычная жара. Уличная грязь, просыхая, даетъ вонючія испаренія, а почва во дворахъ и вездѣ, гдѣ остается тѣнь, покрывается густой зеленой плѣсенью съ сильнымъ запахомъ затхлости.

Многіе въ это время заболѣваютъ маляріей, если долгое время принуждены прожить въ такой сырой обстановкѣ.

Послѣ передышки въ три-четыре дня опять небо заволакиваютъ тучи и опять льетъ дождь. Такъ идетъ до конца іюля, когда дожди начинаютъ быть рѣже и короче, а ясные дни продолжительнѣе. Сырость и влажность начинаютъ постепенно уменьшаться, и къ половинѣ августа устанавливается погода чудная, ровная, жаркая, но не знойная, съ прохладными утрами и вечерами. Въ это время нерѣдко проходятъ сильные дожди съ грозами, которые однако освѣжаютъ воздухъ, но не оставляютъ по себѣ сырости.

Въ этомъ періодѣ лѣтнихъ дождей и заключается фу-тянь.

Время фу-тяня дѣлятъ обычно на три періода, причемъ первый, подготовительный, легкій, второй, благодаря обильнымъ дождямъ, тяжелый и, третій—заключительный, служащій переходнымъ временемъ къ осени, тоже легкій.

Весь періодъ фу-тяня считаютъ равнымъ шести недѣлямъ, по двѣ недѣли въ каждомъ.

Въ дѣйствительности однако не существуетъ такой правильности въ дѣленіи фу-тяня на періоды. Годъ на годъ не находитъ. Проживъ въ Пекинѣ десять лѣтъ, я только видѣлъ два футянныхъ лѣта тяжелыхъ, два среднихъ, а остальные четыре были легкія, т.-е. дождей выпадало мало, дождливые дни были почти незамѣтны между ясными, отсюда и сырости и влажности воздуха было не особенно много.

Насколько годъ на годъ не находитъ въ отношеніи лѣтняго времени въ Пекинѣ можно видѣть изъ сравненія лѣта 1903 и лѣта 1904 годовъ.

Весна 1903 года прошла безъ дождей, а лѣто было настолько сухо вначалѣ, что всей пекинской долинѣ грозилъ голодъ. Осенній сѣвъ пропалъ, а весной нельзя было сѣять, потому что земля была, какъ камень.

Моленія о дождѣ самого императора не увѣнчались успѣхомъ, и пришлось прибѣгнуть къ единственному спасающему средству—доставить въ Пекинъ чудодѣйственныя желѣзныя дощечки, въ которыхъ заключенъ дождь дающій драконъ. Дощечки эти хранятся въ колодцѣ одного дальняго отъ Пекина храма.

Дощечки были съ особою торжественностью доставлены въ императорскій дворецъ и помѣщены въ храмъ Дракона. Императоръ самъ совершалъ моленіе о дождѣ и, дѣйствительно, первый сильный лѣтній дождь прошелъ только 18 іюня.

Зима 1904 года была столь же малоснѣжная, какъ и зима 1903 года, но зато весной и въ началѣ лѣта прошло нѣсколько хорошихъ плодородныхъ дождей.

Фу-тянь 1904 года обѣщалъ быть дождливымъ и тяжелымъ, но оказался на самомъ дѣлѣ легкимъ. Начавшись 6 іюля, онъ далъ только нѣсколько тяжелыхъ дней, хотя и далъ среднее количество дождей.

То же самое надо сказать и о количествѣ грозъ: годъ на годъ не находитъ. Бываютъ годы, что лѣтомъ очень часты грозы, и бываютъ годы, что грозы очень рѣдки.

И всетаки лѣто—самое тяжелое время года въ Пекинѣ. Тяжелы условія жизни при отсутствіи какихъ-либо развлеченій, при отсутствіи даже общественнаго сада, куда можно было пойти посидѣть, погулять, послушать музыку.

Тяжелыя условія городской жизни лѣтомъ, соединяясь съ тяжелыми климатическими и бытовыми условіями жизни, и гонятъ каждаго изъ Пекина, чтобы выйти на просторъ отъ его стѣнъ, выйти изъ тѣсныхъ рамокъ сложившагося обихода жизни.

Десять лѣтъ тому назадъ вопросъ выѣзда на лѣто изъ Пекина былъ довольно сложнымъ, такъ какъ на лѣто можно было ѣхать только или въ окрестности Пекина, въ Холмы, расположенные въ 20—25 верстахъ, гдѣ начинаются предгорья и гдѣ европейцы снимали на лѣто храмы у буддійскихъ монаховъ и обращали эти храмы въ дачи, или же въ Чифу, единственный приморскій курортъ того времени.

Выѣздъ въ Холмы былъ хлопотливъ. Надо было подниматься всѣмъ домомъ. Надо было везти съ собою на возахъ всю необходимую обстановку, надо было брать слугъ, устроить доставку провизіи и поддерживать постоянныя, кромѣ того, сношенія съ Пекиномъ.

Для ѣздящихъ верхомъ ежедневныя прогулки по пяти-шести часовъ въ день были, конечно, только удовольствіемъ, но для тѣхъ, кто долженъ

былъ эти 20—25 верстъ трястись въ китайской телѣгѣ, путешествіе на дачу было чистымъ мученіемъ.

Чего только стоило проѣхать десять лѣтъ тому назадъ по улицамъ черезъ весь Пекинъ до выѣзда за городъ черезъ городскія ворота!

Въ теченіе полутора часовъ этого пути приходилось дышать зловоніемъ, видѣть омерзительныя «китайскія живыя картины» первобытнаго безстыднаго удовлетворенія своихъ естественныхъ нуждъ на улицахъ, на глазахъ всѣхъ, со всѣми подробностями, ожидающихъ около людей голодныхъ уличныхъ собакъ, пожирающихъ извергаемое. Если не было собакъ, то можно было видѣть ожидающаго спокойно сборщика удобренія, который поднималъ съ земли лопаткой оставленное «добро», клалъ его въ особый боченокъ, привязанный за спиной, и шелъ дальше отъ одного мѣста къ другому.

Мимо идущихъ и ѣдущихъ проходили эти сборщики удобренія, провозили цѣлыя телѣжки съ корзинами таковаго. Какое зловоніе, какое отвращеніе!

Все это было десять лѣтъ тому назадъ и все это для европейца отошло нынѣ въ область преданій, такъ какъ европейская жизнь обособилась отъ китайской.

Десять лѣтъ тому назадъ жилось, правда, неизмѣримо проще. Телеграммы передавались только по кабелю, желѣзныхъ дорогъ не было, а почта приходила только два раза въ мѣсяцъ!

Теперь все старое прошло и быльемъ поросло!

Для желающаго ѣхать на приморскій курортъ нѣтъ надобности добираться сперва въ телѣгахъ и носилкахъ, или верхомъ до Тун-жоу, а отсюда въ китайскихъ шаландахъ и гаусботахъ по рѣкѣ Пейхо плыть трое сутокъ до Тяньдзина, гдѣ пересаживаться на пароходъ, идущій въ Чифу.

Въ настоящее время и Чифу отжило свое время для пекинцевъ, такъ какъ по желѣзной дорогѣ въ разстояніи всего 8—12 часовъ ѣзды отъ Пекина имѣется берегъ моря съ прелестными, по-европейски обставленными курортами, Пей-тай-хо и Шанхай-Гуань.

Такъ какъ жизнь въ курортахъ дорога и не всѣмъ доступна, то для желающихъ пользоваться на лѣто окрестностями Пекина, дала прекрасное, скорое и удобное сообщеніе желѣзная дорога.

Благодаря желѣзной дорогѣ развилась ближайшая дачная мѣстность— «Ма-чанъ», т.-е. скаковой кругъ, гдѣ происходятъ весной и осенью скачки. Мѣстность богатая растительностью, оживленная, здоровая и отстоящая о Пекина въ восьми минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, причемъ поѣ ходятъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ.

Европейское населеніе Пекина значительно увеличилось и развитіе дачн жизни въ окрестностяхъ пошло быстро впередъ.

Замѣчается этому благопріятствующее явленіе и въ самой китайской ж ни. До 1900 года многіе монахи, владѣльцы кумиренъ, не отдавали европ пачъ своихъ храмовъ, не желая вносить въ нихъ «оскверненія», но

ихэтуанскій годъ и европейскія войска разорили населеніе и многія кумирни настолько, что въ настоящее время каждый настоятель кумирни охотно отдаетъ «подъ дачу» часть своего храма, чтобы получить, смотря по величинѣ помѣщенія, за лѣто 30—50 долларовъ.

Несмотря на готовность, съ которою хошэны (настоятели кумиренъ) отдаютъ европейцамъ въ наемъ свои храмы, найти кумирню на лѣто въ окрестностяхъ Пекина очень трудно.

Всѣ мало-мальски обставленныя и ремонтированныя кумирни переходятъ по знакомству изъ рукъ въ руки и хошэны безъ рекомендаціи ни одному незнакомому европейцу кумирни своей не отдадутъ. Громадное же количество пустующихъ кумиренъ настолько уже пришло въ ветхость и разрушеніе, что безъ солиднаго ремонта не можетъ быть взято, ремонтъ же стóитъ дорого, почему хошэны не производятъ его и кумирни во множествѣ въ окрестностяхъ Пекина обращаются въ развалины.

Жизнь лѣтомъ въ Холмахъ гораздо пріятнѣе, воздухъ гораздо свѣжѣе и чище, нежели въ пекинской равнинѣ, почему многіе и по настоящее время нанимаютъ себѣ храмы попрежнему въ этой гористой мѣстности.

Здѣсь много живописныхъ окрестностей, много горныхъ источниковъ, много воды, много растительности, много мѣстъ для пріятныхъ прогулокъ. Чтобы дать ясное представленіе объ этихъ дачныхъ мѣстахъ, я опишу кумирни, расположенныя въ Холмахъ и расположенныя въ пекинской равнинѣ.

Представителемъ кумирни въ Холмахъ я возьму кумирню «Да-бай-сы», въ которой неоднократно живали русскіе.

Да-бай-сы расположено въ ближайшихъ холмахъ и отстоитъ отъ Пекина въ 20 верстахъ по хорошей равнинной дорогѣ.

Кумирня сама расположена на предгорьи. Доступъ къ ней идетъ по широкой каменной тропѣ, съ одной стороны которой идетъ, постепенно углубляясь, усѣянное каменьями русло горнаго ущелья, поднимаясь вверхъ въ горы, а другая сторона образуетъ стѣнку холма, также расходящагося подъемами въ отдѣльно стоящіе холмы, постепенно переходящіе въ рядъ горъ и сходящіеся въ своихъ вершинахъ въ одной скалистой, обрывистой горѣ Монъ-Брюсъ, съ которой открываются чудесные виды на всю пекинскую равнину, на загородный лѣтній дворецъ императрицы, Ван-шоушань, съ его башнями и озерами, на извѣстную, желтой полосой проходящую по равнинѣ рѣку Хуан-хо, на разбросанные тамъ и сямъ на равнинѣ, по горамъ и въ ущельяхъ храмы, ярко сверкающіе своей краснаго цвѣта окраской въ лучахъ заходящаго солнца.

Сдѣлавъ по каменистой тропѣ нѣсколько подъемовъ, мы подходимъ къ каменной оградѣ и черезъ маленькую дверь вступаемъ во дворъ, гладко вымощенный плитами сѣраго камня.

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза высокая деревянная арка на двухъ деревянныхъ колоннахъ. Какъ самая арка, такъ и колонны были когда-то ярко окрашены. На поперечинѣ арки съ вычурными узорами видны

еще и теперь слѣды драконовъ, крылатыхъ коней, чудесныхъ птицъ, бывшихъ когда-то ярко-цвѣтными, а нынѣ, увы! краски полиняли, облѣзли, полупились, доски и столбы колоннъ подгнили, разрушаются и грозятъ паденіемъ.

За аркой растутъ два огромныхъ священныхъ дуба, прикрывающихъ новое зданіе небольшой кумирни изъ сѣраго гладкаго тесанаго камня. Дверь и окна овальной формы.

Около храма въ стѣнѣ есть еще маленькая дверь, чрезъ которую входимъ во второй дворикъ и по каменной лѣстницѣ поднимаемся на вторую, также выстланную плитами, площадку.

На этой площадкѣ и расположены главныя кумирни.

Посреди—храмъ Будды, приносящаго милосердіе на облакахъ. Храмъ представляетъ собою высокое зданіе съ круто-поднятой, крытой черепицей, крышей.

Передъ храмомъ также растутъ двѣ старыя сосны, стволъ которыхъ обвиваютъ ліаны и ползутъ вверхъ по дереву.

По другую сторону храма растетъ громадное дерево изъ рода Salibumie. Широко овальный листъ дерева составляетъ переходную ступень отъ лиственнаго къ хвойному, т.-е. листъ этого дерева весь состоитъ изъ тоненькихъ иголъ, спаянныхъ между собою въ гладкій листъ.

Въ каждой кумирнѣ передъ храмомъ растутъ священныя деревья. Въ нѣкоторыхъ кумирняхъ деревья эти вѣковыя и считаются чудодѣйственными, почему привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ, ищущихъ или исцѣленія отъ болѣзни, или богомолицъ, ищущихъ избавленія отъ безплодія.

Каждая кумирня имѣетъ день своего праздника, въ который стекаются богомольцы, принося каждый свои болѣзни и невзгоды, желая получить по вѣрѣ своей облегченіе или избавленіе.

Передъ храмомъ между деревьями всегда находится высокая курильница, въ которую ежедневно хошэнъ ставитъ во время утренней и вечерней службы по три ароматно-курильныя палочки, приготовляемыхъ изъ душистыхъ травъ.

Такія большія курильницы, существенная необходимость передъ всѣми буддійскими храмами. Въ одномъ храмѣ онѣ каменныя, въ другомъ—чугунныя, въ третьемъ—бронзовыя, жертва богатыхъ людей или императора.

Во многихъ кумирняхъ въ большихъ глиняныхъ чанахъ растетъ священный лотосъ, высоко поднимая изъ воды свои стебли съ роскошными, нѣжно-ароматными большими цвѣтами бѣлоснѣжнаго или слегка розоватаго цвѣта.

Кромѣ лотоса въ кумирняхъ охотно держатъ въ большихъ кадкахъ гранатовыя деревья, приносящія по осени плоды, а весной цвѣтущія ярко-красными цвѣтами. У любителей хошэновъ можно найти передъ храмомъ цѣлый цвѣтникъ.

Всякій буддійскій храмъ имѣетъ только двѣ боковыя стѣны, сплошь сложенныя изъ кирпича или камня, а передняя и задняя стѣны деревянныя, рѣшетчатыя, заклеенныя бѣлой китайской бумагой, пропускающей сквозь себя много разсѣяннаго свѣта.

Стѣны эти створчатыя и во время празднествъ раздвигаются, открывая всю внутренность кумирни, давая богомольцамъ свободный проходъ.

Внутри кумирни, на высокомъ помостѣ, иногда подъ балдахиномъ или какъ въ кіотѣ, помѣщается изображеніе Будды. Съ обѣихъ сторонъ балдахина опускаются куски шелковой матеріи или длинныя полосы вышивокъ.

Передъ изображеніемъ Будды поставлены курильницы, вазы съ искусственно сдѣланными цвѣтами лотоса, краснаго цвѣта свѣчи и разнообразныя приношенія.

На помостѣ у ногъ Будды стоятъ изображенія двухъ его учениковъ.

На полу передъ помостомъ поставленъ столъ, на которомъ расположены разнообразные предметы, употребляемые при моленіяхъ предъ Буддой, а также стоятъ курильницы, свѣчи, горящія лампады, курящіяся благовонныя палочки, колокольчикъ, маленькій барабанъ и проч.

Въ углахъ храма по одну сторону находится большой барабанъ, положенный на деревянномъ слонѣ, а въ другомъ углу повѣшенъ колоколъ.

Во время моленія хошэнъ деревяннымъ молоткомъ ударяетъ извѣстное количество разъ въ край колокола, затѣмъ бормочетъ по книгѣ по-тибетски молитвы, затѣмъ ударяетъ деревяннымъ же молоткомъ въ барабанъ, мѣняя скорость ударовъ.

Такова повседневная служба въ буддійскомъ храмѣ. Въ маленькой кумирнѣ обычно одинъ хошэнъ, а въ большихъ кумирняхъ число монаховъ бываетъ велико и тогда моленія длятся долго.

Кромѣ главнаго храма въ каждой кумирнѣ есть еще нѣсколько второстепенныхъ, которые и сдаются на лѣто. Главный храмъ никогда не отдается.

Въ Дабейсы такихъ второстепенныхъ помѣщеній было шесть. Изъ нихъ обычно изображенія Буддъ выносили, стѣны бѣлили, оклеивали обоями, разставляли мебель, полы покрывали циновками, и дачное помѣщеніе было готово.

Въ Дабейсы перебывало много поколѣній русскихъ, оставившихъ по себѣ настѣнныя надписи. Такъ, въ зданіи на верхней площадкѣ, въ которомъ и я жилъ лѣто 1896 г., сохранились слѣдующія, вырѣзанныя въ кирпичахъ, надписи.

«Здѣсь жили русскіе миссіонеры 1831 г. А. Легашевъ, Ив. Захаровъ.»

Сохранилось юмористическое четверостишіе, приписываемое В. В. Васильеву, когда онъ еще студентомъ изучалъ въ 1842 г. китайскій языкъ въ Пекинѣ.

„Аркадіей сіи мѣста назвали,
Но не встрѣчали здѣсь пастушекъ.
Напрасно хэшанокъ (монашенокъ) искали,
Потратились лишь на старушекъ"...

Сохранился и стихъ Горація.

„Beatus ille qui procul negotiis
Paterna rura bobus exercet suis".

Dr. Bange, 1831 годъ.

Послѣдній разъ русскіе жили въ Дабейсы въ 1897 году.

Жизнь въ Холмахъ имѣетъ свои прелести. Прогулка по горамъ, карабканье по горнымъ тропинкамъ съ преодолѣніемъ нѣкоторыхъ препятствій и затрудненій, вліяющихъ на подъемъ энергіи и нервной дѣятельности, посѣщеніе ближайшихъ и отдаленныхъ храмовъ, расположенныхъ на различной высотѣ и имѣющихъ каждый, помимо красивыхъ видовъ и мѣстоположенія, и еще что-нибудь свое, что привлекаетъ къ посѣщенію.

Такъ, ближайшій къ Да-бей-сы храмъ Лин-гуан-сы привлекалъ своей высокой красивой башней, на углахъ каждаго яруса которой были привѣшены колокольчики, издававшіе при качаніи отъ вѣтра мелодичный звонъ.

Кромѣ башни въ Лин-гуан-сы былъ большой старый прудъ, а въ немъ плавали большія, старыя золотыя рыбы. Обычно золотыя рыбки маленькія, а эти были величиною съ леща, и монахи говорили, что рыбамъ этимъ не менѣе ста лѣтъ. Вѣрно или невѣрно это лѣтосчисленіе, но такихъ большихъ золотыхъ рыбъ я нигдѣ не видалъ.

Въ томъ же Лин-гуан-сы былъ прохладный гротъ, въ которомъ изъ скалы билъ родникъ холодной, вкусной воды, доставлявшій намъ, посѣтителямъ, истинное наслажденіе.

Черезъ ущелье по другую сторону въ горахъ былъ храмъ Пи-мо-енъ, который привлекалъ красотой своего мѣстоположенія и часовенькой, въ которой помѣщалось чрезвычайно художественно исполненное изъ камня изображеніе Будды.

Храмъ Бі-юнъ-сы славится своими гротами, красивой архитектурой мраморной высокой башни, собраніемъ изображеній 500 учениковъ Будды, сдѣланныхъ въ человѣческій ростъ изъ дерева. Ученики Будды занимаютъ большое помѣщеніе и порядочно утомляютъ вниманіе посѣтителя.

Что касается до помѣщеній ада и рая, то оба они пришли уже въ большой упадокъ.

Храмъ Хей-лунъ-танъ — храмъ Чернаго Дракона, императорскій, и въ самый храмъ посѣтителей не допускаютъ.

Прелестная мѣстность, красивые виды, въ переднемъ дворѣ, гдѣ можно остановиться и есть помѣщенія, находится громадный бассейнъ воды, собирающейся изъ горныхъ ручьевъ.

Эта кумирня по одну сторону горъ, но столько же интереснаго для осмотра есть и по другую сторону горъ. Перевалъ черезъ горы самъ по себѣ открываетъ множество чудныхъ картинъ и горныхъ видовъ.

Горы покрыты растительностью, встрѣчаются часто группы деревьевъ, чаще дубъ. Для любителя собирать коллекціи можно найти много интереснаго какъ изъ міра насѣкомыхъ, такъ и изъ міра растеній и минераловъ.

Кромѣ всего, Холмы имѣютъ еще и то преимущество передъ равниной, что дожди здѣсь не такъ страшны; вода быстро стекаетъ и всегда есть возможность дѣлать прогулки; каменистая почва не даетъ грязи.

Грозы въ горахъ составляютъ страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величественное явленіе. Слыша раскаты грома, потрясающіе жилища, пережи-

ваешь нерѣдко сильныя ощущенія. Пріятное впечатлѣніе производитъ и видъ стремительно несущагося, гремящаго и ревущаго горнаго потока по ущелью, громыхающаго по камнямъ и прыгающаго съ утеса на утесъ.

Въ хорошую погоду горный потокъ въ ущельи даетъ не мало удовольствій живущимъ въ ближайшемъ къ нему храмѣ. По пути своему онъ образуетъ глубокія и длинныя каменистыя колдобины, подобіе каменныхъ ваннъ, въ которыхъ долго остается вода. Вотъ эти-то бассейны служатъ для купаній, такъ какъ вода въ нихъ остается, пока не высохнетъ, свѣжей и чистой.

Жизнь лѣтомъ въ равнинѣ имѣетъ свои преимущества, оставляетъ свои впечатлѣнія. Не всякому человѣку даже можно совѣтовать селиться въ горахъ. Въ зависимости отъ характера и темперамента каждаго, горы оказываютъ свое вліяніе, отличное отъ вліянія равнинъ. Горы на многихъ оказываютъ подавляющее вліяніе, у многихъ вызываютъ тоску. Для такихъ, особенно нервныхъ и впечатлительныхъ людей, жизнь въ равнинѣ куда милѣе и пріятнѣе.

Для горъ я взялъ представителемъ кумирню Да-бай-сы, а для равнины возьму для этой цѣли также небольшую кумирню вблизи Пекина «Цай-шэнь-мяо»; это значитъ «храмъ, посвященный Духу способностей» (цай—духъ, шэнь—способности, мяо—храмъ).

Читатель поинтересуется, вѣроятно, узнать, отчего одна кумирня называется «сы», а другая—«мяо». Различіе въ этихъ названіяхъ есть и различіе существенное.

«Сы»—это названіе кумирни буддистской, а «мяо»—даоской.

Даосизмъ столь же, если еще не больше, распространенъ среди китайцевъ, какъ и буддизмъ.

Кумирня «Цай-шэнь-мяо» находится въ 20 минутахъ ходьбы отъ желѣзно-дорожной платформы, у которой останавливаются идущіе изъ Пекина на Бао-тинъ-фу поѣзда.

Отъ скакового круга (Ма-чанъ) ходьбы всего десять минутъ.

Мѣстность здѣсь для глаза очень пріятная. Только здѣсь можно встрѣтить большія лужайки зеленой травы, чего лишены жители Пекина.

Въ мѣстности скакового круга много древесной растительности, много красивыхъ рощицъ, окружающихъ родовыя китайскія кладбища.

Весь путь отъ платформы до скакового круга идетъ мимо обработанныхъ зеленѣющихъ полей, а отъ скакового круга сперва ведетъ аллея изъ старыхъ ивъ и молодой поросли, а затѣмъ снова воздѣланныя поля, поля и поля.

Повсюду множество тропинокъ и дорогъ, расходящихся по всѣмъ направленіямъ и пересѣкающихъ тѣ же воздѣланныя поля.

Съ истинно китайскимъ терпѣніемъ, стараніемъ и трудолюбіемъ воздѣланы эти нивы, напоминающія собою скорѣе въ образцовомъ порядкѣ содержимые огороды.

Вся мѣстность очень оживлена, но оживлена на свою особую стать.

По пути неумолчно сопровождаетъ оглушительно звенящее пѣніе цикадъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе во множествѣ перелетающія съ мѣста на мѣсто и стрекочущія сороки, направляющія свой полетъ, словно рулемъ, длиннымъ хвостомъ; доносится издалека крикъ кукушки.

На нивахъ своихъ копошатся китайцы.

По тропинкамъ и дорогамъ идутъ пѣшеходы, идутъ груженые ослики. Особенно сильное движеніе по большой пашенной дорогѣ, которую необходимо пересѣчь, чтобы достигнуть лежащаго въ сторонѣ отъ движенія «Цай-шэнь-мяо». Съ каменной дороги входимъ черезъ старую арку въ аллею большихъ, старыхъ ивъ и въ отдаленіи видимъ красную каменную стѣну, которой обнесена кумирня. Въ Китаѣ всѣ кумирни, какъ находящіяся подъ покровительствомъ императора, окружены красными стѣнами.

Подходя, мы встрѣчаемъ первую неожиданность: близъ воротъ кумирни стоитъ съ ружьемъ китайскій солдатъ, а въ самой кумирнѣ расположенъ караулъ въ 12 человѣкъ при офицерѣ.

Входимъ въ ворота въ первый главный дворъ. Какъ во всѣхъ кумирняхъ, онъ вымощенъ каменными плитами, содержится чисто. Въ немъ расположены одинъ противъ другого два храма, а по бокамъ находятся жилыя помѣщенія: одно занимаютъ солдаты, а другое слуги при храмѣ и хозяйственныя принадлежности.

Изъ перваго двора маленькая дверь ведетъ во второй дворъ, въ которомъ помѣщается второй храмъ, помѣщенія, сдающіяся въ наемъ, помѣщеніе хошэна и его помощника.

Второй дворъ и храмъ въ немъ не содержатся уже столь заботливо и столь чисто, какъ въ первомъ главномъ дворѣ.

Войдя въ храмъ даосовъ, мы находимъ иное содержаніе, нежели у буддистовъ: вмѣсто изображенія Будды здѣсь находится на его мѣстѣ изображеніе богини милосердія «Гуанин-пуса». Вмѣсто учениковъ Будды по сторонамъ богини стоятъ другія божества. Обстановка въ храмѣ остается та же: также спускаются изъ-подъ балдахина шелковыя полосы и вышивки, также передъ богиней стоятъ свѣчи, зажженныя лампады, становятся курительныя палочки и приношенія, но въ храмѣ нѣтъ ни барабана, ни колокола.

Въ первомъ же дворѣ находится большая мачта, на которой ежемѣсячно 1 и 15 числа поднимаются большія оранжеваго цвѣта знамена съ письменами: у даосовъ 1 и 15 число—дни храмовыхъ праздниковъ.

Во второмъ дворѣ растутъ также два старыхъ священныхъ кипариса.

Въ храмѣ также на главномъ мѣстѣ богиня милосердія, но какая на всемъ запущенность! Всѣ божества покрыты толстымъ слоемъ пыли, хотя передъ ними и поставлены всѣ необходимые предметы почитанія и дважды въ день ставятся въ курительницы курительныя палочки.

Поражаешься, когда видишь, какъ въ китайскомъ духовенствѣ легко уживается и служеніе своимъ богамъ, и въ то же время полнѣйшее къ нимъ пренебреженіе.

На верандѣ передъ входомъ во второй храмъ стояла поломанная телѣга въ ожиданіи, вѣроятно, починки; стояли громадные чаны, въ которыхъ китайцы квасятъ въ запасъ на зиму овощи, къ потолку были подвѣшены связки чесноку!

Относительно, впрочемъ, китайскаго духовенства—какъ буддійскаго, такъ и даоскаго—должно сказать, что оно крайне невѣжественно и неразвито. Большинство даже неграмотно и знаетъ только такое количество іероглифовъ; какое необходимо для хозяйственныхъ или дѣловыхъ сношеній.

Моленія и службы совершаютъ они по-тибетски, заучивъ лишь наизусть слова, но совершенно не понимая смысла и содержанія молитвъ.

Въ равнинѣ около Пекина повсюду разбросаны маленькія, среднія и большія кумирни; громадное большинство изъ нихъ или уже обратилось въ развалины, или приближаются къ разрушенію.

Сохраняются и поддерживаются въ порядкѣ сранительно немногія, которыя или владѣютъ жалованными казенными землями, или имѣютъ вклады отъ богатыхъ людей, какъ пожертвованія, или служатъ временнымъ помѣщеніемъ для покойниковъ въ ожиданіи постояннаго ихъ погребенія.

Кумирня «Цай-шэнь-мяо» несомнѣнно старая. Хошэнъ считаетъ ея существованіе не менѣе 500 лѣтъ. Несомнѣнно, что кумирня многое видѣла въ прошломъ и не мало пережила въ настоящемъ. Ихэтуанскій 1900 годъ доставилъ ей много тревогъ.

Ихэтуане, направляясь изъ Бао-дин-фу на Пекинъ, пользовались кумирней и этого было достаточно, чтобъ нѣмецкая карательная коммиссія признала настоятеля кумирни соучастникомъ въ мятежномъ движеніи и приняла рѣшеніе разрушить кумирню до основанія.

Благодаря только заступничеству г. Вильфарта, служащаго въ русско-китайскомъ банкѣ въ Пекинѣ, жившаго постоянно въ этой мѣстности, знавшаго лично настоятеля кумирни, удалось спасти и его, и его кумирню.

Въ «Цай-шэнь-мяо» я прожилъ лѣто 1903 года и имѣлъ за 20 рублей помѣщеніе въ три комнаты, чистенькое и удобное, за весь лѣтній сезонъ. Лучшаго помѣщенія и не найти за эту цѣну.

Какъ хороша равнина, сплошь одѣтая въ различной яркости зеленое платье! Какъ хороши и горы, синѣющія вдали!

Выйдя утромъ, пока еще воздухъ свѣжъ, вездѣ встрѣчаешь трудъ и трудъ. Иначе и быть не можетъ. Почва въ окрестностяхъ Пекина только посредственно плодородная, почему только благодаря упорному, постоянному труду земледѣльца-китайца она даетъ всегда урожай, награду за его трудъ.

Только великая засуха составляетъ бѣдствіе, съ которымъ не въ силахъ справиться и трудолюбивый китайскій народъ.

Вся равнина сплошь обработана и сплошь засѣяна хлѣбными растеніями. Повсюду характеръ культуры одинъ и тотъ же, повсюду встрѣчаешь высокій, достигающій высоты 10—12 фут., гаолянъ и менѣе высокое—просо, кукурузу, бобы, фасоль, горохъ.

Такъ какъ разные злаки созрѣваютъ въ разное время, то и сѣютъ ихъ, соображаясь со временемъ созрѣванія. Первыя полосы — ранѣе созрѣвающія, между ними позднѣе созрѣвающія. Вслѣдствіе этого и уборка китайскихъ полей не совершается сразу, а идетъ постепенно, по мѣрѣ созрѣванія.

Всѣ участки огородныхъ злаковъ, если есть какая возможность, то орошаются, для чего поля прорѣзаны канавами, по которымъ пускается вода, добываемая тутъ же изъ колодца.

Въ обработкѣ своего поля у китайца участвуетъ вся семья. Дѣти и женщины выпалываютъ сорную траву, обираютъ вредныхъ гусеницъ, гоняютъ птицъ; мужчины окапываютъ растенія мотыгами, бороздятъ плугами.

Изрѣдка можно встрѣтить поле, бѣлѣющее даже душистой, цвѣтущей гречихой.

И всетаки ходишь среди китайскихъ полей, любуешься на ихъ зеленыя нивы, видишь ихъ трудъ и не встрѣчаешь по деревнямъ убожества, наоборотъ, вездѣ видно довольство, вездѣ за трудъ видишь получаемую награду.

Хорошо, тихо, покойно на китайской нивѣ; не богато, но сыто выглядитъ китайское жилье, не лѣнивы и не принижены встрѣчаются китайцы-поселенцы, свѣтло и радостно сіяетъ въ жаркихъ лучахъ солнца небесная синева,—казалось бы, радоваться надо и самому при такой счастливой обстановкѣ, а на душѣ становится тяжело и больно, щемитъ что-то на душѣ, и уносишься мыслью на далекія родныя нивы, которыя, несмотря на приложенный страдной трудъ, едва кормятъ пахаря. Видишь заморенный рабочій скотъ, видишь измученныхъ, полуголодныхъ, полуодѣтыхъ, полухолодныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, видишь разваливающіяся хаты, видишь бѣдность, видишь невѣжество, видишь пьянство, видишь «господъ Разуваевыхъ»...

Всѣ окрестности «Цай-шэнь-мяо», какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, одинаково веселы, одинаково зелены, одинаково привѣтливы...

По выходѣ изъ кумирни, пройдя аллею старыхъ ивъ, видишь поля кукурузы, высокой, съ большими листьями и выдающійся, закрытый листьями, плодъ, въ верхушкѣ котораго, словно шапочка, видна розоватая метелка; рядомъ съ кукурузой видишь болѣе тонкое, хотя столь же высокое просо, свѣсившее со своей верхушки густую кисть блестящаго, словно темный бисеръ, зерна; дальше высоко поднялъ свою продолговатую кисть, столь же блестящую мелкимъ зеленымъ бисеромъ, гаолянъ. А рядомъ идетъ п…е, покрытое кустистыми баклажанами, изъ густой зелени выставившими с…ии блестящіе, лиловые, иногда прямо черные, круглые, какъ яблоко, п…оды. За баклажанами колосится поле пшеницы, а по опушкѣ, на тростн…ковой изгороди вьется цвѣтущій бѣло-розово-синій веселый горохъ, бѣ…л…я фасоль и бобы.

Каждое поле живетъ отдѣльной самостоятельной жизнью, которая вся у…нилась въ свою собственную здѣсь же поставленную хату. У китай-

цевъ нѣтъ большихъ деревень, какъ у насъ. Каждый изъ нихъ владѣетъ своимъ участкомъ и имѣетъ свою хату, какъ отдѣльный собственникъ, отдѣльный фермеръ.

Проходя по межамъ мимо полей, вызывая всегда лай сторожевыхъ псовъ, я ни разу не былъ оставленъ безъ помощи: всегда кто-нибудь выходилъ изъ хаты, всегда радушно и охотно провожалъ со своего участка, показывалъ дорогу и выражалъ истинное удовольствіе, когда слышалъ отъ чужеземца нѣсколько любезныхъ словъ, сказанныхъ на своемъ родномъ языкѣ.

Прогулки въ равнинѣ ради изученія жизни китайскаго населенія интересны, хотя всѣ онѣ слишкомъ однообразны. Вездѣ и повсюду встрѣчаешь неустанный трудъ человѣка. Я встрѣчалъ и 60-лѣтняго старика, который, обливаясь пòтомъ подъ лучами раскаленнаго солнца, нанялся полоть ниву бататовъ; я встрѣчалъ старухъ, которыя съ корзинами въ рукахъ собирали траву, листья съ деревьевъ и особые древесные плоды, продавали собранное на кормъ свиньямъ, получая этимъ себѣ пропитаніе; я встрѣчалъ ребятишекъ, которые съ корзинами въ рукахъ собирали по дорогамъ навозъ для удобренія,—однимъ словомъ, я повсюду въ сельскомъ Китаѣ встрѣчалъ трудъ, трудъ и трудъ, но ни разу не встрѣтилъ бездѣльниковъ, ни разу не встрѣтилъ пьяницъ, ни разу не встрѣтилъ нищихъ-тунеядцевъ, ни разу не встрѣтилъ дикости и грубости.

Изъ ближайшихъ мѣстъ прогулокъ около «Цай-шэнь-мяо» я посѣщалъ наичаще «уголокъ пяти хошэновъ».

Я назвалъ его такъ потому, что здѣсь было старинное кладбище съ пятью мраморными памятниками, поставленными надъ могилами пяти хошэновъ, бывшихъ въ разное время настоятелями ближайшей, окончательно уже разрушающейся кумирни.

«Уголокъ пяти хошэновъ»—это возвышенная надъ дорогой, тѣнистая отъ высокихъ деревьевъ площадка съ зеленой, хорошей травой.

Кругомъ кладбища расположились поля, съ которыхъ тотчасъ же собирается толпа, сперва дѣтей, а потомъ взрослыхъ. Дѣтишки разныхъ возрастовъ собираются быстро, смотрятъ сперва издалека, какъ звѣрки, но скоро вообще приручаются, какъ только услышатъ привѣтливый зовъ. Толпа дѣтей разнообразна.

Мальчуганы лѣтъ до пяти бѣгаютъ по большей части совершенно голые, покрытые корою грязи, загорѣлые подъ цвѣтъ сапожнаго голенища. Лѣтъ отъ пяти мальчуганы уже носятъ штанишки. Часто, впрочемъ, на голое тѣльце малышей надѣвается особый нагрудникъ-набрюшникъ, состоящій изъ четыреугольнаго куска цвѣтной матеріи, верхній конецъ котораго тесемкой обвязанъ вокругъ шеи, а боковые концы тесемками связаны на поясницѣ. Такимъ образомъ прикрывается часть груди и животъ.

Дѣвочки самостоятельно рѣдко появляются, чаще онѣ приходятъ няньками при братьяхъ.

Даже маленькія дѣвочки обязательно ходятъ въ штанишкахъ, а болѣе взрослыя надѣваютъ и верхнюю одежду.

Среди взрослыхъ ребятъ, приходившихъ на площадку, особенно рѣзко выдѣлялась одна дѣвочка лѣтъ 12-ти. Я назвалъ ее «хунхузка». Это была дѣвочка крѣпышъ, съ сильно развитыми мускулами и грубымъ выраженіемъ лица. Являлась она всегда въ очень грязныхъ, зеленаго цвѣта, шароварахъ, босая, но въ вышеуказанномъ нагрудникѣ.

Она была очень дика и ни разу съ ней не удалось заговорить или близко подозвать ее.

Приходила она съ сосѣдняго поля, гдѣ стояла хижина ея, вѣроятно, родителей, и всегда что-нибудь жевала. Всегда у нея въ рукѣ былъ или огурецъ, или рѣпа, или маленькая дынька.

На всякій вопросъ, обращенный къ ней, она отвѣчала хохотомъ, показывала свои блестящіе бѣлые зубы и убѣгала.

За дѣтьми слѣдомъ собирались и взрослыя дѣвушки и женщины съ дѣтьми изъ сосѣднихъ хатъ.

Приходили и такъ, поглядѣть, приходили и съ работой. Шли онѣ спокойно, не выказывая ни смущенія, ни страха. Подходили прямо и подсаживались къ моей дочери.

Работа дѣвушекъ состояла въ нашиваніи на свои широкія рукава кусмъ цвѣтныхъ вышивокъ, а женщины на готовыя продающіяся подошвы нашивали верхнюю часть башмака.

Нѣкоторыя дѣвушки были очень миловидны, держали себя просто, вступали въ разговоры съ моей дочерью, интересовались ея работой, разспрашивали ее.

Весь наружный обликъ китаянки-сельчанки говорилъ объ ея врожденной «воспитанности», вложенной въ нее вѣковой пережитой культурой.

Каково внутреннее ея міровоззрѣніе, каковы ея умственныя и духовныя потребности—отвѣтить не могу.

Нужно знаніе языка, нужно постоянное общеніе съ народомъ, нужно постоянное пребываніе въ его жизни, чтобы сказать, что̀ на душѣ у народа. Мимолетныя встрѣчи и впечатлѣнія недостаточны.

Рядомъ и вблизи нѣсколько разрушающихся кумиренъ.

Разрушающіяся кумирни производятъ грустное впечатлѣніе, вѣдь «кумиръ поверженный—все-жъ богъ!»

Такова кумирня, которую уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ нанимаетъ В. Онъ живетъ въ ней и лѣто, и зиму. Кумирня маленькая, на близкомъ разстояніи отъ скакового круга, а В. большой спортсменъ и держитъ до десятка своихъ лошадей.

Вотъ кумирня и обращена у него въ конюшню. Когда я посѣтилъ кумирню, то нашелъ на возвышеніи чинно сидящихъ боговъ съ центральной богиней милосердія, сдѣланной изъ бронзированнаго дерева. Изображеніе богини прекрасно, выраженіе лица дѣйствительно полно милосердія,—такъ тонко сумѣлъ одухотворить ее художникъ.

Но все покрыто грязью и пылью; жертвенныя принадлежности исковерканы. На полу, у подножья богини поставлены мѣшки съ овсомъ, а въ

другой сторонѣ, обратясь задомъ къ богинѣ, стоятъ лошади и ѣдятъ свой кормъ.

Въ другомъ храмѣ, гдѣ находится громадныхъ размѣровъ изображеніе чтимаго китайцами Гуанъ-Лао-ѣ, живутъ конюхи; рядомъ съ богомъ, на его алтарѣ, положены сѣдла и принадлежности верховой ѣзды...

Кумирня «Цай-шэнь-мяо», послѣ того какъ удалось ее отстоять отъ карательной расправы нѣмцевъ, получила охрану китайскихъ солдатъ не столько ради кумирни, сколько ради многочисленныхъ европейцевъ, живущихъ въ этой мѣстности.

Солдаты-охрана принадлежатъ къ войскамъ Юан-ши-кая и, повидимому, солдаты плохіе, потому что ружья у нихъ всегда грязныя, заржавленныя, выправки никакой, хотя и службы-то никакой нѣтъ, но опять-таки, «повидимому», добрые малые. Никого изъ населенія не обижаютъ и жалобъ на нихъ ни отъ кого не поступаетъ.

Въ бытность мою въ «Цай-шэнь-мяо» произошелъ, однако, слѣдующій весьма характерный эпизодъ.

Сидимъ какъ-то мы подъ вечеръ за чайнымъ столомъ во дворѣ и слышимъ—изъ сосѣдняго солдатскаго двора доносятся вопли и звуки ударовъ: видимо кого-то наказываютъ.

Пошли узнавать въ чемъ дѣло и увидали слѣдующую сцену.

Во дворѣ, гдѣ помѣщается китайскій отрядъ, на скамейкахъ лежали два солдата, кругомъ стояли ихъ товарищи, а офицеръ усердно бамбуковой палкой наносилъ удары по обнаженному тѣлу то одному, то другому.

Офицеръ находился въ сильномъ гнѣвѣ и съ большимъ стараніемъ наносилъ удары по обнаженнымъ спинамъ своихъ солдатъ.

Окружающіе разноголосымъ хоромъ отсчитывали удары. Наказуемые относились къ событію различно: одинъ вопилъ при каждомъ ударѣ, а другой—причитывалъ: «Спасибо, отецъ. Наставляй разумѣнію».

Мы вошли при счетѣ 19. Солдаты сказали о насъ офицеру, тотъ пріостановился.

— Какъ ваше здоровье? Кушали вы сегодня?—привѣтствовали мы офицера.

— Благодарю, кушалъ,—отвѣчалъ онъ, стараясь придать лицу пріятное выраженіе.

— Мы услыхали, что у васъ что-то происходитъ необычное и пришли навѣстить васъ,—продолжали мы.

— Дурныхъ людей наказываю,—заволновался офицеръ.—Убѣжалъ сегодня по утру унтеръ-офицеръ моего отряда со службы. Я послалъ вотъ этихъ двухъ людей въ городъ (Пекинъ) разыскивать его. Пришли вотъ эти и доложили мнѣ, что нигдѣ не могли бѣжавшаго встрѣтить. Это они соврали. Они его встрѣтили на базарѣ, поймали, хотѣли вести ко мнѣ, но тотъ откупился у нихъ и заплатилъ за это пять ланъ (10 р.). Узналъ я отъ другого человѣка, моего знакомаго, который случайно былъ въ это время на базарѣ и зная, что это мои люди, поинтересовался ихъ

дѣломъ, слѣдилъ за ними, слышалъ весь ихъ уговоръ и пришелъ, все разсказалъ мнѣ раньше, чѣмъ пришли эти лжецы.

— Что же, сознали свою вину?—спросили мы.

— Сознали наполовину. Одинъ говоритъ, что деньги эти онъ получилъ не за укрытіе бѣгства, а свои, которыя бѣглецъ взялъ раньше въ долгъ и не отдалъ. Другой говоритъ, что никакихъ денегъ не бралъ и подтверждаетъ показанія перваго.

— Что же они говорятъ въ оправданіе свое, отчего не задержали бѣглеца?

— Говорятъ жалкія слова. Онъ очень просилъ отпустить его, они пожалѣли.

— Какое же наказаніе имъ за неисполненіе службы?

— Первому 30 ударовъ бамбукомъ, а второму—15.

Мы всетаки упросили офицера простить виновныхъ и не наказывать больше; на это онъ согласился и велѣлъ имъ встать.

Оба виновные быстро тогда поднялись и повалились въ ноги офицеру, стукаясь лбами о полъ. Это они сдѣлали обычный «ке-тоу».

У китайцевъ всякій начальникъ считается отцомъ своихъ подчиненныхъ и, помимо правъ начальника, пользуется правами отца на почитаніе и безпрекословное повиновеніе своихъ дѣтей.

Отсюда офицеръ, наказывающій солдатъ собственноручно бамбукомъ, чинилъ, такъ сказать, домашнюю, семейную расправу, какъ отецъ наказывалъ своихъ дѣтей, а не какъ судья.

Солдаты-китайцы у него всѣ вольнонаемные. Только манчжуры или знаменные несутъ обязательную военную службу, что, конечно, имѣло также значеніе въ данномъ случаѣ.

Приведенный эпизодъ изъ жизни Китая показываетъ наглядно, насколько еще жизнь въ этой странѣ идетъ просто, открыто передъ всѣми, безъ прикрасъ.

Китайцы пока не покрываются европейскими покрывалами: они таковы, каковы есть.

Жизнь въ Китаѣ для внимательнаго наблюдателя не даетъ картины только необычныя для европейца изъ своего бытового обихода, но даетъ въ своемъ повседневномъ теченіи также массу интересныхъ общихъ явленій въ жизни, одинаково поучительныхъ, будутъ ли они относиться къ обычаямъ народа, общественной жизни, или это будутъ явленія природы.

Всякое явленіе жизни заставляетъ остановиться надъ собой, задаетъ много новыхъ вопросовъ, и какое получаешь высокое наслажденіе, если удается прочесть и понять хоть одну новую букву въ той необъятной книгѣ, которая носитъ имя исторіи міра и человѣчества!

Очеркъ мой вышелъ неожиданно для самого меня очень великъ, а потому перехожу къ его окончанію.

Начиная съ послѣднихъ чиселъ іюля чувствуешь себя замѣтно легче: утра и вечера становятся свѣжѣе, хотя дни остаются еще жаркими.

Становится веселѣе и въ окружающей природѣ. Утро начинается веселымъ чириканіемъ множества воробьевъ, ютящихся подъ крышей и пробуждающихъ жителя города своей нескончаемой болтовней.

Трескотня и неумолкаемый звонъ цикадъ становится, наоборотъ, замѣтно меньше.

«Жо-эрръ» совершенно замолкаетъ и только еще «фу-тяо-рръ» и «цзилао-рр» стараются перекричать другъ друга.

Зато внутренность комнатъ наполняется своей пѣсней: во множествѣ появляются сверчки, которые съ наступленіемъ вечера заводятъ свою пѣсенку.

Вечера съ каждымъ днемъ становятся все лучше и лучше. Идти въ комнату не хочется и лежишь до поздняго часа на лонгъ-шезѣ, любуясь и чудными, большими, сверкающими звѣздами и множествомъ мелькающихъ въ листвѣ деревьевъ огоньковъ. Это свѣтляки, которые въ большомъ количествѣ въ Пекинѣ появляются въ іюлѣ. Свѣтляки поднимаются высоко въ воздухѣ, освѣщая свой полетъ чудными свѣтящимися мягкимъ свѣтомъ линіями.

Не хочется уходить въ комнату, но надо, такъ какъ не рискуешь оставаться спать на открытомъ воздухѣ во избѣжаніе укусовъ насѣкомыхъ.

Въ комнатѣ ожидаетъ нерѣдко непріятное открытіе: на стѣнѣ около постели или на потолкѣ пріютился одинъ или нѣсколько, въ разныхъ мѣстахъ, скорпіоновъ, вышедшихъ изъ своихъ норъ на ночную добычу.

Надо однако напередъ сказать, что слово «скорпіонъ» гораздо страшнѣе, нежели само насѣкомое.

Многіе только что прибывшіе въ Пекинъ, никогда не видавшіе это насѣкомое, приходятъ въ ужасъ, когда имъ говорятъ, что нашли въ комнатѣ скорпіона.

На самомъ дѣлѣ скорпіонъ, несмотря на свою страшную и довольно отвратительную при этомъ наружность, насѣкомое довольно благодушное.

Я цѣлыми мѣсяцами держалъ у себя въ банкѣ многихъ скорпіоновъ вмѣстѣ и всегда наблюдалъ только ихъ добрый нравъ.

Родословная скорпіона такова: «семейство ихъ самое развитое изъ пауковыхъ, но по наружному виду скорпіонъ совсѣмъ не похожъ на паука, но всего болѣе походитъ на рака по своимъ клешнямъ, щупальцамъ, роговымъ покровамъ и яснокольчатому брюху, оканчивающемуся хвостомъ съ полымъ ядовитымъ, на подобіе изогнутой иглы, жаломъ. Голова и грудь или туловище скорпіона всегда слиты въ общую головогрудь, брюхо скорпіона прилегаетъ къ головогруди всѣмъ основаніемъ. У скорпіона, какъ и у пауковъ, на головѣ помѣщены двѣ пары челюстей. Верхнія челюсти имѣютъ форму крючковъ, а нижняя челюсть имѣетъ видъ жевательной пластинки. Глаза помѣщаются на головогруди. Скорпіоны раздѣльнополы и живородящи. Хищны, нападаютъ на небольшихъ животныхъ, высасываютъ кровь или поѣдаютъ. Родина скорпіона южная Европа. Днемъ онъ скрывается подъ камнями и досками, въ норахъ, ночью выходитъ на до-

бычу и, закинувъ хвостъ на спину, вытянутыми клешнями отыскиваетъ насѣкомыхъ и убиваетъ ихъ жаломъ»—такъ говорятъ учебники объ этомъ интересномъ насѣкомомъ.

Дѣйствительно ли родина скорпіона южная Европа, какъ говорятъ учебники, утверждать не стану; но скажу только, что въ Китаѣ, какъ сѣверномъ, такъ и южномъ, скорпіонъ одно изъ самыхъ распространенныхъ насѣкомыхъ.

Въ сѣверномъ Китаѣ скорпіонъ менѣе ядовитъ и укусы его для человѣка не смертельны. Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ скорпіоновъ также очень много. Въ теченіе іюля и августа мѣсяца въ нѣкоторыхъ квартирахъ находятъ по три-четыре штуки, а иногда и больше. Въ помѣщеніяхъ скорпіоны заползаютъ въ одежду, въ туфли, въ шляпы, по вечерамъ ихъ можно найти на стѣнахъ и въ углахъ. Днемъ они прячутся всегда въ темныя и прохладныя мѣста.

Въ Пекинѣ, какъ убѣжденно сообщаютъ ученые китайцы, главное мѣстопребываніе скорпіоновъ—это стѣны и ограда храма Неба, что тамъ живетъ царь скорпіоновъ и въ день праздника пяти ядовитыхъ животныхъ у-ду-жи (змѣя, скорпіонъ, ящерица, угунъ (сколопендра) и жаба) всѣ стѣны и ограда храма Неба бываютъ будто бы усѣяны скорпіонами.

Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ я много ловилъ скорпіоновъ, но очень большихъ по размѣрамъ не встрѣчалъ. Обычно большой скорпіонъ не превышаетъ отъ головы до хвоста $6\frac{1}{2}$ сант., причемъ одинъ хвостъ имѣетъ въ длину 3 сант.

Пекинскій скорпіонъ имѣетъ продолговато-овальное тѣло, очень темно-сѣраго цвѣта, брюхо свѣтлѣе, съ семью ясно кольчатыми частями и продольными линіями, идущими отъ головы черезъ все туловище. Ногъ у него четыре пары, цвѣта соломы, бѣгаетъ быстро. Хвостъ скорпіона состоитъ изъ пяти продолговатыхъ долекъ, сочлененныхъ одна съ другой, въ высшей степени подвиженъ и скорпіонъ свободно вращаетъ имъ во всѣ стороны. Хвостъ оканчивается остроконечной изогнутой крючкомъ полой иглой. Игла какъ бы вставлена въ шарообразный резервуаръ, которымъ заканчивается хвостъ. Хвостъ того же цвѣта, что и ноги, кромѣ послѣдней доли, прилежащей резервуару, эта только черновата.

Въ обычномъ спокойномъ состояніи скорпіонъ лежитъ плотно прижавъ ноги къ туловищу и свернувъ свой хвостъ около себя, но когда онъ чувствуетъ опасность или когда вышелъ на охоту, то тотчасъ же поднимаетъ свой хвостъ вверхъ, изгибаетъ его по направленію противника и наноситъ ударъ, вкалывая свою иглу. Ядъ по полой иглѣ входитъ въ мѣсто уязвленія.

Ядъ скорпіона представляетъ жидкость совершенно чистую, безцвѣтную, но капля яда, оставшаяся на воздухѣ, скоро мутнѣетъ и напоминаетъ цвѣтомъ снятое жидкое молоко.

Укусы скорпіона для человѣка болѣзненны. Первое время укушенное

мѣсто горитъ, какъ обожженное, скоро появляется гнетущая, ноющая боль и въ теченіе не болѣе двухъ часовъ послѣ укуса появляется сильная краснота и опухоль, распространяющаяся далеко отъ укола.

Опухоль и боль длятся отъ 2 до 6 дней, постепенно уменьшаясь. Нарыва на мѣстѣ ужаленія не образуется.

Наичаще человѣка скорпіонъ жалитъ въ руку, когда неосторожно, т.-е. не глядя или не встряхивая, надѣваютъ бѣлье, одежду, берутъ шляпу.

Китайцы при лѣченіи ужаленія скорпіона принимаютъ слѣдующее средство: ловятъ скорпіона, разминаютъ его въ мягкую массу и прикладываютъ эту массу къ мѣсту ужаленія.

Въ одномъ случаѣ ужаленія, гдѣ былъ примѣненъ этотъ способъ, боль у русской скоро прекратилась, опухоль не развилась, какъ сообщила мнѣ сама потерпѣвшая.

Китайцы очень ловко ловятъ скорпіона, схватывая пальцами за поднятый хвостъ надъ шарикомъ, содержащимъ ядъ. Скорпіонъ тогда безпомощно виситъ на своемъ хвостѣ.

Скорпіонъ самъ никогда не дѣлаетъ нападенія,—онъ или защищается, когда его тронутъ, или ищетъ и хватаетъ добычу клешнями, и тогда, если она крупна, то убиваетъ ее жаломъ, а если мелкая, то клешней подноситъ и кидаетъ себѣ въ ротъ.

Въ отношеніи другъ друга скорпіоны очень миролюбивы. Я по нѣскольку мѣсяцевъ держалъ въ банкѣ до десяти скорпіоновъ вмѣстѣ, скорпіоны были разныхъ возрастовъ и разныхъ размѣровъ. Ни разу между ними не только не было драки, но всегда они жались другъ къ другу и старались быть одинъ около другого.

Я бросалъ имъ мухъ, но скорпіоны не набрасывались на нихъ, какъ пауки, но, раскрывъ свои клешни, ожидали, когда муха попадала въ клешню послѣ долгихъ ползаній по самому скорпіону, его головѣ и ногамъ.

Скорпіонъ зажималъ муху въ клешнѣ, загибалъ свой хвостъ по ея направленію и чрезвычайно осторожно кололъ ее.

На мухъ однако ядъ скорпіона не дѣйствовалъ скоро, такъ какъ муха оставалась еще живой, когда онъ бралъ ее въ свои челюсти и пожиралъ.

Нѣкоторыя насѣкомыя очень быстро погибаютъ отъ яда скорпіона. Я посадилъ разъ въ банку большого жука-дровосѣка.

Скорпіонъ, видимо, боялся новаго пришельца, и бѣгалъ отъ него, но потомъ сталъ усиленно наносить жуку удары хвостомъ.

Долго скорпіонъ не могъ пробить твердую броню жука, такъ какъ игла лишь скользила по ней и только какъ-то случайно попалъ подъ броню, въ мягкое мѣсто шеи. Жукъ моментально вытянулся на своихъ лапкахъ и застылъ, а черезъ четыре секунды былъ уже мертвъ.

Скорпіоны жили у меня въ банкѣ болѣе полугода и питались подъ конецъ только листьями отъ спитого китайскаго чая.

Въ теченіе дня они вялы, неподвижны, зарываются въ набросанную имъ въ банку землю и оживляются только вечеромъ, когда темно.

У китайцевъ скорпіонъ употребляется, какъ лѣкарство. Сушеный и растертый въ порошокъ онъ идетъ на приготовленіе нарывного пластыря.

Съ наступленіемъ августа прекращается фу-тянь и наступаетъ такъ называемый мо-тянь, т.-е. переходное время къ осени.

Мо-тянь рѣзко мѣняетъ температуру воздуха, особенно по утрамъ. Очень часто въ это время проносится буря съ грозой и ливнемъ, и тогда еще скорѣе свѣжѣетъ. Ночи становятся прохладнѣе.

Но и въ этомъ заключительномъ періодѣ нѣтъ-нѣтъ да и выдастся день, въ который «фу-тянитъ», но это продолжается только нѣсколько часовъ.

Съ половины августа уже устанавливается обычно ровная, свѣжая погода.

Наступленіе осени по китайскому календарю приходится на различные сроки, въ зависимости отъ китайскаго луннаго счисленія.

Въ 1904 г. осень начинается по китайскому календарю съ 24 августа.

Чтобы закончить очеркъ лѣта, я приведу среднія температуры воздуха, которыя я записывалъ по термометру R° въ помѣщеніи миссіи.

Май мѣсяцъ далъ среднюю температуру въ 8 ч. ут.: 15,8, полдень—19,4, въ 8 ч. в.—18,7; maxim. было 30 мая: утро—21, полдень—24,5, вечеръ—19; minim. было 3 мая: утро—12, полдень—16, вечеръ—13, пасмурныхъ дней—7; вѣтеръ—8, дождь—3.

Іюнь мѣсяцъ далъ среднюю температуру: въ 8 ч. ут. 19,8, полдень—23,7, вечеръ—23; maxim. было 13 іюня: утро—22, полдень—26, веч.—26; minim. было 7 іюня: утро—17, полдень—21, вечеръ—23.

Дождь былъ одинъ, сопровождался грозой. Вѣтрено—3, облачно—10.

Первые «жо-эрр» услышалъ 8 іюня.

Іюль мѣсяцъ далъ среднюю температуру: 8 ч. у. 19,6—22,1—20,9; maxim. было 21—26—23; minim. было 17—20—21; дождь—6, вѣтеръ—1, облачно—12.

В. В. Корсаковъ.

Независимое государство Конго.

21 сентября 1874 года на восточномъ берегу Африки въ Занзибарѣ знаменитѣйшій изъ современныхъ путешественниковъ — Стэнли, началъ во главѣ каравана въ 366 человѣкъ свой походъ черезъ никому невѣдомый тогда центръ «чернаго континента», направляясь на его западный берегъ. Три года спустя, послѣ подвиговъ, достойныхъ могучихъ богатырей сѣдой старины, Стэнли и 109 оставшихся въ живыхъ его спутниковъ были на берегу Атлантическаго океана. Несокрушимой энергіи изслѣдователя, поддерживаемой жаждой знанія, удалось открыть цивилизаціи и культурѣ богатѣйшія области въ 4.000,000 кв. верстъ, орошаемыя на разстояніи болѣе $4^1/_2$ тысячъ верстъ рѣкою Конго, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ ширины до 20 верстъ и доступна на большомъ протяженіи даже океанскимъ пароходамъ. Колонизаціонныя стремленія европейскихъ государствъ направились затѣмъ во вновь открытыя области центральной Африки, считавшіяся еще такъ недавно столь же мало доступными захвату, какъ и полюсы земного шара. Правда, въ 1876 году въ Бельгіи возникло движеніе, имѣвшее своею цѣлью «пріобщить цивилизаціи единственную часть земного шара, куда она совершенно еще не проникала, т.-е. центръ Африки, и разсѣять мракъ, охватывающій тамъ цѣлые народы». Но эта высокая задача, провести въ жизнь которую предполагалось общими усиліями многочисленныхъ національныхъ комитетовъ, связанныхъ другъ съ другомъ единымъ международнымъ центромъ въ Брюсселѣ, едва ли бы получила свое осуществленіе безъ открытій Стэнли. По крайней мѣрѣ, вѣсть объ его подвигахъ заставила бельгійскаго короля Леопольда, инціатора и неутомимаго работника въ развитіи отмѣченнаго движенія, обратиться къ содѣйствію великаго путешественника.

25 ноября 1878 года образовался комитетъ изслѣдованія верхняго Конго, переименованный вскорѣ въ Международную Конгскую Ассоціацію, на службу которой вступилъ Стэнли. Въ качествѣ ея уполномоченнаго онъ заключаетъ многочисленные договоры съ туземными владѣтелями, основываетъ на Конго рядъ европейскихъ поселеній, привлекаетъ вглубь страны европейскую торговлю и, организуя правильную администрацію, кладетъ

прочныя основы цивилизаціи края. Цѣлью дѣятельности Ассоціаціи, какъ говоритъ одна изъ первыхъ инструкцій, полученныхъ Стэнли, было «не созданіе бельгійской колоніи, а образованіе могущественнаго негрскаго государства», центральное управленіе котораго находилось бы, однако, въ Европѣ.

Блестящіе успѣхи Международной Ассоціаціи вызвали соревнованіе со стороны представителей различныхъ европейскихъ странъ, а съ нимъ и поводы къ международнымъ столкновеніямъ. Но, съ другой стороны, рядъ общихъ интересовъ взывалъ къ мирной организаціи взаимныхъ отношеній, такъ что лѣтомъ 1884 года Франція, забывъ впервые послѣ 1871 года свою отчужденность отъ Германіи, обращается къ ней и предлагаетъ созвать международную конференцію ради выясненія вопросовъ, связанныхъ съ фактомъ владѣнія землями въ бассейнѣ рѣки Конго. 15 ноября 1884 г., во исполненіе этого предложенія, представители тринадцати европейскихъ государствъ и С.-А.-Соединенныхъ Штатовъ собрались въ Берлинъ на конференцію, продолжавшуюся до 26 февраля 1885 года.

На одномъ изъ ея послѣднихъ засѣданій (23 февраля) до ея свѣдѣнія было доведено, что Международная Конгская Ассоціація заключила договоры со всѣми государствами, представленными на берлинскомъ собраніи. Въ числѣ постановленій этихъ договоровъ—сообщалось конференціи—находится признаніе флага Международной Ассоціаціи, какъ флага дружественнаго государства, или правительства. Возникшая такимъ образомъ держава, поставивъ своею исключительною цѣлью внести въ центръ Африки цивилизацію и торговлю, явится, говорилось въ томъ же сообщеніи, залогомъ плодотворнаго осуществленія работъ конференціи. Симпатія, съ которою всѣ участники послѣдней отнеслись къ извѣстію о возникновеніи новаго государства, лишь подтвердила значеніе этого пожеланія. Необходимо, однако, замѣтить, что протоколъ засѣданія 23 февраля не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что конференція,—въ лицѣ своихъ участниковъ—началомъ международной жизни Конгской Ассоціаціи считала заключеніе упомянутыхъ выше договоровъ. Новое государство получило «признаніе» не на конференціи, а ранѣе, и получило его однимъ изъ обычныхъ путей, какимъ признаются государства, вступающія въ международное общеніе (въ данномъ случаѣ посредствомъ заключенія ряда договоровъ). Я обращаю особенное вниманіе на этотъ фактъ, такъ какъ довольно часто, и преимущественно въ послѣднее время, появляются указанія на то, что Международная Конгская Ассоціація признана берлинскою конференціею, а потому и связана въ самомъ своемъ существованіи постановленіями этого собранія.

Такого рода указанія противорѣчатъ не только исторіи возникновенія государства Конго, но и даннымъ международной практики, и ученію интернаціоналистовъ о значеніи института «признанія» въ международномъ правѣ. Признаніе новаго члена международнаго союза не знаменуетъ призванія его къ жизни, его, такъ сказать, созданія, а выражаетъ собою

лишь констатированіе факта, возникшаго ранѣе. Отсюда очевидно, что условное признаніе, возлагающее на новое государство тѣ или иныя обязанности, если таковое мыслимо вообще, не можетъ, въ случаѣ неисполненія означенныхъ обязанностей, имѣть своимъ послѣдствіемъ уничтоженія личности государства: она—эта личность—фактически уже существуетъ до признанія и имъ не создается. Не стану останавливаться на развитіи формулированнаго положенія, такъ какъ государство Конго—это отмѣчено выше—получило признаніе не на берлинской конференціи, а независимо отъ нея и со стороны нѣкоторыхъ державъ даже раньше ея собранія (раньше 15 ноября). Международная Ассоціація заключила договоръ съ С.-А. Соединенными Штатами 22 апрѣля, а съ Германіею—8 ноября 1884 г. Правда, характеръ этихъ договоровъ оспаривается нѣкоторыми интернаціоналистами въ виду того, что Конгская Ассоціація, какъ учрежденіе частное, не могла вступать въ международныя соглашенія. Но вѣдь въ означенныхъ соглашеніяхъ Ассоціація выступаетъ уже въ качествѣ государства, наличность элементовъ каковаго признается за нею въ заключенныхъ трактатахъ. Какимъ образомъ и благодаря дѣйствію какихъ причинъ сложились основные элементы новаго государства, т.-е. территоріальнаго союза, обладающаго державною властью, для существа вопроса безразлично. Для насъ имѣетъ значеніе лишь фактъ признанія въ рядѣ договоровъ наличности этихъ элементовъ въ строѣ бывшей Конгской Ассоціаціи.

Убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу высказаннаго взгляда является заявленіе, черезъ своего делегата, основателя международной Ассоціаціи, бельгійскаго короля, о приступленіи государства Конго къ постановленіямъ берлинской конференціи. Заявленіе было сдѣлано 26 февраля Германіи (и принято ею для сообщенія остальнымъ державамъ) на основаніи 37-й статьи договора, выработаннаго конференціею. Статья эта гласитъ, что «державы, не подписавшія настоящій актъ, могутъ посредствомъ особаго акта приступить къ его постановленіямъ»... «Приступленіе ихъ влечетъ за собою полное принятіе всѣхъ обязанностей и выгодъ, установленныхъ договоромъ». Такимъ образомъ, государство Конго, приступивъ добровольно къ берлинскому международному соглашенію 1885 года, юридически связано его постановленіями совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ ими связаны и остальные участники соглашенія; оно пользуется одинаковыми съ этими участниками правами, вытекающими изъ акта 1885 года, и несетъ однѣ и тѣ же обязанности. Поэтому исполненіе государствомъ Конго его обязанностей можетъ быть санкціонировано лишь тѣми же средствами, какія были бы примѣнены въ отношеніи Германіи, Англіи, Франціи и Португаліи, имѣющихъ владѣнія въ бассейнѣ рѣки Конго и принявшихъ на себя въ актѣ 1885 года по поводу означенныхъ владѣній опредѣленныя обязательства. Въ то же время неисполненіе постановленій берлинскаго акта отнюдь не можетъ быть связано для его участниковъ, а слѣдовательно и для государства Конго, съ уничтоженіемъ или умаленіемъ ихъ личности.

Бельгійскій король Леопольдъ съ согласія бельгійскаго парламента (оно было необходимо въ силу конституціи) принялъ титулъ «Суверена независимаго государства Конго», которое связано съ Бельгіею лишь отношеніемъ, т. н., личной уніи. Эти двѣ державы, такимъ образомъ, соединены въ лицѣ одного и того же монарха, но совершенно независимы другъ отъ друга, управляясь каждое въ своей внутренней жизни вполнѣ самостоятельными національными учрежденіями, а въ международной жизни каждое имѣя свое особое представительство.

Государство Конго образуетъ территорію, расположенную въ экваторіальномъ поясѣ, пространствомъ въ 2.252,780 кв. километровъ съ населеніемъ около 20.000,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 2,345 европейцевъ. Преобладаніе въ населеніи совершенно некультурныхъ негрскихъ племенъ обусловливаетъ неограниченную монархію, какъ форму правленія въ этой странѣ. Законодательная власть принадлежитъ тамъ королю-суверену и осуществляется имъ въ актахъ, носящихъ названіе декретовъ и контрасигнуемыхъ государственнымъ секретаремъ, постоянно пребывающимъ въ Брюсселѣ. Тамъ же организованъ верховный совѣтъ независимаго государства Конго, къ каковому суверенъ можетъ обращаться, какъ къ совѣщательному органу, и который, въ то же время, является послѣдней кассаціонной инстанціей для всѣхъ разсмотрѣнныхъ въ Конго судебныхъ дѣлъ, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и апелляціонной инстанціей. Генералъ-губернаторъ, пребывающій въ Бомѣ, столицѣ государства Конго, также пользуется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законодательною властью: онъ имѣетъ право издавать распоряженія, получающія силу закона на срокъ шести мѣсяцевъ, если только затѣмъ ихъ обязательность не будетъ продолжена утвержденіемъ со стороны короля-суверена. Генералъ-губернаторъ можетъ въ важныхъ случаяхъ пріостанавливать исполненіе декретовъ суверена. При генералъ-губернаторѣ и подъ его предсѣдательствомъ въ Бомѣ имѣется «Совѣщательный комитетъ», мнѣніе котораго мѣстный представитель власти суверена выслушиваетъ во всѣхъ дѣлахъ общаго интереса, передъ тѣмъ какъ принять какую-либо мѣру или предложить ее центральному правительству.

Мы уже знаемъ, что послѣднее находится въ Брюсселѣ и во главѣ его стоитъ упомянутый выше государственный секретарь, слѣдящій за исполненіемъ мѣръ, предписываемыхъ королемъ-сувереномъ. Подъ общимъ контролемъ и руководствомъ государственнаго секретаря развиваютъ свою дѣятельность главное казначейство и три департамента, управляемыхъ кажд[...] своимъ генеральнымъ секретаремъ—департаменты иностранныхъ дѣлъ, ф[...]ансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Каждое изъ этихъ учрежденій вѣдаетъ д[...]а, которыя по своему существу, быть можетъ, и не вполнѣ подходятъ п[...]ъ общее названіе даннаго департамента. Такъ, напримѣръ, въ завѣдыв[...]іи одного и того же генеральнаго секретаря находятся и иностранная п[...]тика, и судебная организація государства Конго.

[...]едставитель короля-суверена въ Конго генералъ-губернаторъ, полу-

чая направленіе своей дѣятельности отъ центральнаго правительства, стоитъ во главѣ военной силы государства и во главѣ мѣстной администраціи. Подчиненное ему войско пополняется неграми путемъ добровольнаго найма и воинской повинности. Оно находится подъ командою европейскихъ офицеровъ. Наличный составъ нижнихъ чиновъ въ арміи въ настоящее время 16,175 человѣкъ. Срокъ дѣйствительной службы семь лѣтъ, причемъ каждый солдатъ получаетъ отъ государства содержаніе и жалованье (21 сант. въ сутки). Первоначально туземцы относились съ опасеніемъ къ поступленію въ армію, но увеличивающееся съ каждымъ годомъ число добровольцевъ (въ 1889 году ихъ поступило 111 человѣкъ, въ 1903—5,278) свидѣтельствуетъ объ иномъ отношеніи въ настоящее время.

Въ странѣ съ многомилліоннымъ негрскимъ населеніемъ, гдѣ процвѣтаютъ и каннибализмъ, и человѣческія жертвоприношенія, и постоянная распря между племенами, потребность въ правильно организованной силѣ велика. Вотъ почему каждый областной коммиссаръ имѣетъ право обращаться къ войску въ случаѣ необходимости. Но на-ряду съ этимъ конгское правительство стремится водворить порядокъ путемъ самаго широкаго развитія мѣстной администраціи. Слѣдующія цифры явятся нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго. Въ то время какъ въ 1885—6 гг. въ Конго былъ лишь 91 представитель государственной власти, въ 1901—2 гг. ихъ было 1,272, число станцій и постовъ съ 45 возросло за тотъ же промежутокъ времени до 215.

Очеркъ организаціи государства Конго былъ бы не полонъ, если бы мы не отмѣтили усилій къ проведенію тамъ въ жизнь судебнаго устройства, отвѣчающаго наиболѣе строгимъ требованіямъ справедливости. Позволю себѣ привести здѣсь фактъ, съ которымъ мнѣ лично пришлось ознакомиться нынѣшнимъ лѣтомъ. Черезъ посредство генеральнаго консула государства Конго въ Швейцаріи (Густава Муанье) весною и лѣтомъ этого года приглашались для занятія судебныхъ должностей въ Конго доктора правъ швейцарскихъ университетовъ. Г. Муанье ознакомилъ меня съ своею перепискою по этому поводу съ конгскимъ правительствомъ, съ вытекающимъ изъ нея отношеніемъ этого правительства къ выбору достойныхъ кандидатовъ, требованіями, предъявленными къ нимъ, и условіями, въ которыя будетъ поставлена ихъ дѣятельность. Переписка не оставляетъ сомнѣнія въ сознаніи высокаго значенія, какое имѣетъ въ глазахъ центральнаго конгскаго управленія правильная организація юстиціи.

Вспомнимъ, что охарактеризованный въ самыхъ общихъ чертахъ государственный строй Конго имѣетъ мѣсто въ областяхъ, которыя только 25 лѣтъ тому назадъ считались, я уже указывалъ на это, такъ же мало доступными заселенію, какъ и полюсы земного шара. Значеніе независимаго государства Конго станетъ еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на ростъ культурно-соціальныхъ учрежденій и отношеній въ этихъ областяхъ:

Въ 1885—6 гг. рѣчное судоходство совершалось здѣсь на протяжені

3,000 килом., въ 1901—2—на протяженіи 15,000 и, вмѣсто прежнихъ пяти рѣчныхъ судовъ, нынѣ оно требуетъ для себя 102 судна.

Тамъ, гдѣ въ 1885—6 гг. не раздавался еще звукъ паровоза, въ 1901—2 гг. имѣется желѣзнодорожное сообщеніе на разстояніи 480 кил., строится рельсовый путь въ 1,600 килом. и производятся изысканія еще на 450 килом. Телеграфъ передаетъ въ той же мѣстности извѣстія на протяженіи 1,532 килом., а почтовый обмѣнъ писемъ возросъ за 15 лѣтъ въ государствѣ Конго съ 20,956 писемъ до 274,114 писемъ.

Вывозъ товаровъ съ 1.980,441 франк. (1887 годъ) достигъ цифры 50.488,394 фр. (1901—2 гг.), а ввозъ съ 9.175,103 фр. (въ 1893 г.) достигъ цифры 23.102,064 фр. (1901—2 гг.).

Скромная цифра 87,500 фр., составлявшая въ 1885—6 гг. капиталъ торговыхъ обществъ, работавшихъ въ Конго, достигла нынѣ (1901—2 гг.) размѣровъ 136.000,000 фр.

Но въ осуществленіи своей культурной миссіи государство Конго связано постановленіями акта берлинской конференціи, дополненными, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ увидимъ ниже, актомъ брюссельской конференціи 1890 года. Берлинская Африканская конференція, созванная въ эпоху, когда складывалось одно изъ грандіознѣйшихъ колонизаціонныхъ движеній, имѣла цѣлью избѣжать соперничества, вражды и кровавыхъ распрей, которыми сопровождались указанныя движенія въ предшествующія эпохи. И дѣйствительно, результаты работъ конференціи 1884—5 гг. останутся въ исторіи памятникомъ удачной попытки направить на путь мирнаго разрѣшенія торговое соперничество державъ, распространяющихъ за море свои владѣнія. Въ то же время исторія не забудетъ, что въ 1884—5 гг. въ Берлинѣ была признана обязанность государствъ высшей культуры воспитать первобытные народы въ духѣ цивилизаціи и оградить личную свободу туземцевъ Африки отъ покушеній со стороны ихъ болѣе сильныхъ сосѣдей.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду лишь постановленія акта 1885 г. о свободѣ торговли въ бассейнѣ рѣки Конго и о спеціальной защитѣ туземцевъ той же мѣстности, такъ какъ установленная имъ свобода судоходства не вызвала никакихъ затрудненій въ развитіи международныхъ отношеній государствъ и колоній центральной Африки.

Бассейнъ рѣки Конго, занимающій *весь центръ* Африки, точныя границы котораго опредѣлены I статьею берлинскаго договора, совершенно свободенъ, на основаніи постановленій того же договора, для торговли всѣхъ націй; ихъ суда и товары не подлежатъ тамъ оплатѣ ввозными и транзитными пошлинами, подчиняются регламентаціи, одинаковой какъ для всѣхъ иностранныхъ флаговъ, такъ и для представителей мѣстнаго населенія. Каждое изъ государствъ, пользующихся въ указанной мѣстности правами суверенитета, обязуется, предоставивъ своимъ подданнымъ и иностранцамъ одинаковыя гражданскія права, не устанавливать «рѣшительно никакихъ монополій и привилегій торговаго характера».

Докладъ коммиссіи, которая, по порученію конференціи 1885 г., разсматривала проектъ постановленій о свободѣ торговли въ бассейнѣ р. Конго, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ точномъ смыслѣ словъ, запрещающихъ «монополіи и привилегіи торговаго характера». Мы читаемъ въ этомъ докладѣ, что подъ приведенными словами слѣдуетъ понимать исключительно свободу «обмѣна (trafic), ничѣмъ не стѣсняемую для каждаго возможность продавать и покупать, ввозить и вывозить сырыя фабричныя издѣлія». «Свободная конкуренція,—читаемъ мы въ томъ же докладѣ,—ничѣмъ не ограничивается въ отношеніи торговли, но далѣе этого не идутъ обязанности мѣстныхъ правительствъ».

Такого рода толкованіе точнаго смысла постановленій 1884—5 гг. имѣетъ особенно важное значеніе, какъ увидимъ нѣсколько ниже, для независимаго государства Конго. Держава эта съ первыхъ же дней своего существованія была лишена почти единственнаго для нея источника дохода, таможенныхъ пошлинъ за ввозъ и транзитъ товаровъ, а между тѣмъ на ней лежало исполненіе многочисленныхъ культурныхъ задачъ, которыя должны были преобразовать страну. Не забудемъ, что колоніальныя владѣнія въ центрѣ Африки, принадлежащія Англіи, Германіи, Франціи и Португаліи, могли получать денежныя средства отъ своихъ метрополій, тогда какъ юридически независимое отъ Бельгіи Конго было предоставлено своимъ силамъ. Тѣмъ не менѣе, финансовая поддержка Бельгіи (въ формѣ займовъ) въ первые годы послѣ берлинской конференціи дала возможность государству Конго приступить къ исполненію своей культурной миссіи *). Необходимость значительныхъ денежныхъ средствъ ради ея осуществленія сознавалась и въ сферѣ международнаго союза. Въ 1890 году въ Брюсселѣ подъ вліяніемъ требованій общественнаго мнѣнія большинства европейскихъ государствъ, была созвана конференція, «чтобы положить предѣлъ преступленіямъ и опустошеніямъ, которыя влекла за собою торговля африканскими рабами, и дать дѣйствительную охрану туземному населенію Африки». Здѣсь было, между прочимъ, рѣшено отмѣнить безусловное запрещеніе ввозныхъ пошлинъ въ бассейнѣ рѣки Конго и, дозволивъ находящимся тамъ государствамъ взиманіе не болѣе 10% со стоимости ввозимыхъ товаровъ, увеличить, такимъ образомъ, финансовыя силы этихъ государствъ.

Доходъ, полученный государствомъ Конго съ ввозныхъ пошлинъ въ 1902 г. выразился въ цифрѣ 1.600,000 фр., тогда какъ общая сумма дохода въ томъ же году достигла 28.709,000 фран. (въ первый годъ существованія государства (1886) оно получило дохода 1.523,000 фр.). Такимъ образомъ, ввозныя пошлины приносятъ нынѣ независимому государ-

*) 3 іюля 1890 г. бельгійское казначейство выдало авансомъ въ заемъ конгскаго правительства 5 милл. фр., и затѣмъ въ теченіе 10 лѣтъ Бельгія обязалась выдавать по 2 милл. фр. ежегодно, выговоривъ себѣ при этомъ право присоединить государство Конго къ своимъ владѣніямъ по истеченіи указаннаго срока или получить внесенныя деньги обратно съ уплатою ихъ къ опредѣленному времени.

ству Конго лишь около 5% потребныхъ для него въ настоящее время средствъ (расходы на текущій 1903 г. исчислены въ размѣрѣ 27.900,000 фр.). Изъ какихъ же источниковъ почерпаетъ изучаемое нами государство большую часть своихъ доходовъ? Просматривая отдѣльныя статьи его бюджета, мы видимъ, что самымъ значительнымъ источникомъ является доходъ съ земель государства, съ налоговъ и податей, уплачиваемыхъ въ натурѣ туземнымъ населеніемъ. Онъ выражается въ цифрѣ 15.452,000 фр. (въ 1902 г.) и 16.440,000 фран. (въ 1903 г.). Такимъ образомъ, около 60% своихъ средствъ государство Конго почерпаетъ нынѣ отъ эксплоатаціи своей земельной собственности и отъ связанныхъ съ этою эксплоатаціею натуральныхъ повинностей туземцевъ.

И дѣйствительно, послѣ 1891 года независимое государство Конго, нуждаясь, въ виду растущихъ потребностей, въ средствахъ, обратилось въ своей финансовой политикѣ къ извлеченію дохода отъ произведеній обширныхъ земельныхъ владѣній, принадлежащихъ государству. Замѣтимъ, что расходы 1891 года были значительно ниже нынѣшнихъ, а именно—4.554,931 фр. вмѣсто 27.900,000 фр. 1903 года. Но и они не могли быть покрыты ввозными пошлинами, установленными послѣ упомянутой брюссельской конференціи 1890 года, не могли быть покрыты даже при томъ размѣрѣ, въ какомъ эти пошлины получаются нынѣ—1.600,000 фр. Отсюда понятно исканіе въ 1891 году новыхъ источниковъ дохода и вниманіе къ эксплоатаціи казенныхъ земель.

Обширныя земельныя владѣнія государства Конго образовались вслѣдствіе объявленія еще 1 іюля 1885 года государственною собственностью всѣхъ незанятыхъ земель (т.-е. не принадлежащихъ туземцамъ или европейцамъ, заявившимъ къ опредѣленному сроку передъ компетентною властью о своихъ правахъ земельной собственности, пріобрѣтенныхъ до 1 іюля 1885 г., равно какъ пріобрѣтшимъ землю послѣ означеннаго срока способами, указанными въ законѣ). Такое объявленіе незанятыхъ земель государственною собственностью не противорѣчитъ законодательствамъ отдѣльныхъ странъ. Оно не противорѣчитъ и законодательству европейскихъ державъ, имѣющихъ колоніи въ центральной Африкѣ. «Свободныя и безхозяйныя земли во французскомъ Конго,—говоритъ декретъ президента Французской республики (28 марта 1899 г.),—входятъ въ составъ государственныхъ доменовъ». Согласно указу германскаго императора (26 ноября 1895 года), всѣ земли въ африканскихъ колоніяхъ, не принадлежащія уже туземцамъ или частнымъ лицамъ и обществамъ европейскаго происхожденія, являются свободными и составляютъ собственность имперіи.

Независимое государство Конго оградило цѣлымъ рядомъ законодательныхъ нормъ дѣятельность своихъ агентовъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи добыванія каучука и слоновой кости въ областяхъ, объявленныхъ государственною собственностью. Онѣ, эти нормы, регламентируютъ районы исключительно государственнаго хозяйства, опредѣляютъ районы, доступные также и частнымъ лицамъ; онѣ требуютъ отъ туземцевъ черезъ

посредство ихъ племенныхъ начальниковъ, отвѣтственныхъ за своихъ подчиненныхъ и пользующихся поэтому признанною государствомъ властью, отбыванія въ лѣсахъ и на плантаціяхъ натуральныхъ повинностей. Припоминая постановленія акта берлинской конференціи о свободѣ торговли и толкованіе ея коммиссіею понятія торговыхъ монополій и привилегій, какъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ, мы должны признать политику конгскаго правительства вполнѣ правомѣрною. Дѣйствія государства Конго правомѣрны, несмотря на то, что ими задѣвается въ сосѣднихъ колоніяхъ торговля продуктами, производство которыхъ монополизировано независимымъ государствомъ.

Въ послѣдніе годы, однако, въ Германіи и въ Англіи раздаются по этому поводу жалобы. Германское колоніальное общество обратилось въ 1902 г. къ имперскому канцлеру, указывая на то, что уменьшеніе торговыхъ оборотовъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ въ Африкѣ въ значительной степени обусловлено вліяніемъ финансовой политики государства Конго, противорѣчащей, по мнѣнію означеннаго общества, международнымъ постановленіямъ 1885 года. 20 мая 1903 г. въ англійскій парламентъ была внесена интерпелляція: англійское правительство приглашалось войти въ сношеніе съ остальными державами, участницами берлинскаго акта 1885 г., въ цѣляхъ принятія мѣръ къ прекращенію злоупотребленій государства Конго. По словамъ интерпеллянта, государство это постоянно нарушало взятыя на себя обязательства не устанавливать на своей территоріи монополій и привилегій торговаго характера и управлять гуманно своими подданными.

Вопросъ о первомъ изъ этихъ обвиненій мы разсмотрѣли: свобода торговли въ смыслѣ обмѣна продуктовъ, признаніемъ каковой связано независимое государство Конго, не нарушается имъ, какъ производителемъ тѣхъ или иныхъ продуктовъ.

Что касается до второго обвиненія, указывающаго на злоупотребленія въ отношеніи туземцевъ, то здѣсь необходимо имѣть въ виду, что 6 ст. берлинскаго акта возлагаетъ на державы, осуществляющія свой суверенитетъ въ бассейнѣ рѣки Конго, не только обязанность гарантировать личныя и имущественныя права негрскаго населенія, но возлагаетъ на эти державы также и положительную заботу о развитіи нравственнаго и матеріальнаго быта этого населенія. Въ то же время, если 9 статья берлинскаго акта и трактуетъ лишь въ общихъ выраженіяхъ о содѣйствіи государствъ конгскаго бассейна прекращенію торга неграми, то черезъ нѣсколько лѣтъ въ постановленіяхъ брюссельской конференціи 1890 года, державы, въ томъ числѣ и Конго, обязываются принять на громадномъ пространствѣ центральной Африки рядъ рѣшительныхъ мѣръ къ совершенному прекращенію негроторговли. Затѣмъ, забывая о матеріальныхъ выгодахъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, государства отчасти ограничиваютъ, отчасти совершенно запрещаютъ ввозъ спиртныхъ напитковъ и огнестрѣльнаго оружія въ тѣ же центральныя части «чернаго континента».

Постановленія международныхъ соглашеній о совершенномъ уничтоженіи негроторговли приведены государствомъ Конго въ исполненіе, и послѣ продолжительной, трудной и кровавой борьбы съ арабами, стоившей громадныхъ усилій и затратъ, войска Конго навсегда положили ей предѣлъ. Заслуги независимаго государства въ этомъ отношеніи были признаны торжественнымъ заявленіемъ, сдѣланнымъ 2 апрѣля 1897 года въ англійской палатѣ общинъ. Мѣры, принятыя тѣмъ же государствомъ противъ ввоза огнестрѣльнаго оружія, полное запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ на территоріи болѣе чѣмъ въ 2.000,000 кв. кил. и значительныя ограниченія этой торговли въ области пространствомъ въ 12,500 кв. кил.; мѣры, направленныя къ предупрежденію эпидемическихъ заболѣваній (обязательность оспопрививанія для негровъ рабочихъ), борьба съ варварскими обычаями (человѣческія жертвоприношенія, каннибализмъ и т. п.), непризнаніе конгскимъ законодательствомъ состоянія рабства и распространеніе всѣхъ гражданскихъ правъ на тѣхъ изъ туземцевъ, имена которыхъ будутъ внесены въ списки, составляемые правительственными агентами, о рожденіи, бракѣ, или признанныхъ тѣми же агентами достойными принадлежать къ цивилизованному населенію; распространеніе во многихъ случаяхъ юрисдикціи конгскихъ судебныхъ учрежденій на туземцевъ, мѣры къ распространенію моногаміи, наконецъ, постоянная государственная коммиссія покровительства туземцамъ, въ составъ которой входятъ назначаемые королемъ - сувереномъ представители религіозныхъ и филантропическихъ ассоціацій,—все это свидѣтельство вниманія конгскаго правительства къ требованіямъ берлинскаго и брюссельскаго акта, поскольку они касаются охраны и заботы о туземцахъ.

Заявленія, на которыхъ настаиваютъ обвинители этого правительства, отмѣчаютъ слѣдующія его дѣйствія, какъ неправомѣрныя: привлеченіе туземнаго населенія къ несенію воинской повинности и возложеніе на него взамѣнъ платежа налоговъ различнаго рода работъ, въ которыхъ усматриваютъ какъ бы воскрешеніе рабства. Понятно, что войско въ 16,000 человѣкъ (большая часть его добровольцы) не можетъ лежать тяжелой обузой на населеніи въ нѣсколько милліоновъ, а работа туземцевъ, тщательно регламентируемая законодательными актами, работа населенія, которое не въ состояніи за отсутствіемъ денегъ придти на помощь государству въ его громадныхъ затратахъ, должна замѣнить собою налоги. Но понятно также, что въ зависимости отъ той или иной формы проведенія въ жизнь отмѣченныхъ законодательныхъ постановленій зависитъ признаніе или непризнаніе требованій государства Конго, предъявляемыхъ своимъ подданнымъ туземцамъ, чрезмѣрными, а порою даже граничащими съ установленіемъ въ скрытой формѣ рабства.

Въ теченіе многихъ лѣтъ въ области международныхъ отношеній замѣтнымъ образомъ пробиваетъ себѣ путь охрана человѣческой личности, независимо отъ ея принадлежности къ тому или иному политическому союзу. Вотъ почему интернаціоналисту менѣе всего пристало забывать о

необходимой охранѣ человѣка, къ какой бы расѣ онъ ни принадлежалъ, какую бы религію онъ ни исповѣдовалъ и какъ бы незначительны ни были его матеріальныя и умственныя силы. Однако, въ вопросѣ, остановившемъ наше вниманіе, есть сторона, которую нельзя упускать изъ вида. Гуманныя стремленія Англіи и Германіи, взывающихъ къ тому, чтобы государство Конго подчинилось толкованію берлинскаго акта, предлагаемому державами обвинителями, не лишены, быть можетъ, соображеній матеріальнаго характера. Быть можетъ, гуманность Англіи опредѣляется и тѣмъ обстоятельствомъ, что Антверпенъ замѣнилъ Ливерпуль въ качествѣ европейскаго рынка слоновой кости, а гуманность Германіи проявляется съ особою интенсивностью въ моментъ паденія торговли въ ея восточно-африканскихъ земляхъ. Законные интересы сравнительно слабаго государства Конго могутъ быть принесены въ жертву его сосѣдей—могучихъ и сильныхъ державъ.

Но въ ученіи международнаго права я почерпаю и отвѣтъ для правильнаго разрѣшенія вопроса, поставленнаго державами-обвинителями. Международная организація, только организація суда—одинаковаго и равнаго для всѣхъ государствъ, слабыхъ и сильныхъ—способна опредѣлить, на чьей сторонѣ право, и оградить частные интересы всѣхъ участниковъ соглашенія 1885 г. Соглашеніе это, имѣя въ виду международное замиреніе бассейна рѣки Конго, предоставило здѣсь державамъ *право* объявлять себя нейтральными и установило для всѣхъ *обязанность* признать эту нейтральность, т.-е. свободу отъ военнаго насилія. Независимое государство Конго воспользовалось принадлежащимъ ему правомъ и провозгласило себя вѣчно нейтральнымъ. Отсюда въ виду замиренія независимаго государства, замиренія, признаннаго державами, онѣ, эти державы, должны исполнить свою обязанность и разрѣшить несогласіе, возникшее между Конго и другими участниками акта 1885 года лишь мирнымъ путемъ, а наиболѣе совершенный изъ такого рода путей—международный третейскій судъ. Но обращеніе къ нему должно бы быть обязательнымъ не только для разрѣшенія обвиненій, направленныхъ противъ Конго, а также и для разрѣшенія претензій, которыя со стороны Конго могутъ быть формулированы въ отношеніи его сосѣдей, политика которыхъ какъ въ управленіи принадлежащими имъ землями, такъ и въ тѣхъ или иныхъ мѣрахъ, опредѣляющихъ жизнь туземцевъ Африки,—вызываетъ порою упреки въ прессѣ, а также со стороны общественнаго мнѣнія цивилизованныхъ народовъ. Государство Конго, будучи замирено постановленіями берлинской конференціи, не имѣетъ для разрѣшенія возникающихъ споровъ никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ мирныхъ, къ каковымъ и обязаны обращаться всѣ державы, признавшія замиреніе независимаго государства Конго.

П. Богаевскій.

Сахалинъ, какъ колонія *).

Способенъ ли Сахалинъ къ нравственному возрожденію. — Составъ каторги. — Преступность сахалинцевъ сравнительно съ преступностью нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи. — Душевно-больные. — Вредный предразсудокъ. — Алкоголизмъ. — Экономическій фондъ. — Число пьяницъ. — Алкоголизмъ на Сахалинѣ сравнительно съ нѣкоторыми мѣстностями Европейской Россіи. — Исторія женщины на Сахалинѣ. — Принудительныя и добровольныя сожительства. — Добровольно послѣдовавшія жены. — Продажа дѣтей и проституція. — Молодая каторга. — Статистика семейнаго быта. — Стремленіе крестьянъ на материкъ и его причины. — Несоотвѣтствіе юридическихъ правъ сахалинскаго крестьянина съ возможностью фактическаго пользованія ими. — Вопросъ о введеніи на Сахалинѣ положенія о крестьянахъ. — Несоотвѣтствіе задачъ тюремнаго вѣдомства задачамъ колонизаціи. — Заключеніе.

Въ предыдущихъ очеркахъ мы разсмотрѣли внѣшнія условія, при которыхъ совершалась колонизація Сахалина. Но однихъ внѣшнихъ условій еще недостаточно для успѣховъ послѣдней. При самыхъ благопріятныхъ почвенныхъ, климатическихъ и прочихъ физическихъ условіяхъ можетъ случиться, что колонизація дастъ отрицательные результаты, если самый матеріалъ для колонизаціи будетъ для нея неподходящимъ. Велика власть человѣка надъ природой, и, при извѣстныхъ усиліяхъ, даже голый камень и дно морское превращаются въ цвѣтущіе уголки; но тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ усилій, гдѣ нѣтъ желанія покорить и заставить служить себѣ природу, тамъ никакія внѣшнія благопріятныя условія не выведутъ населеніе изъ состоянія нищеты или первобытной дикости. Такимъ образомъ качества колонизаціонныхъ кадровъ являются, можно сказать, самымъ важнымъ факторомъ въ дѣлѣ колонизаціи, а потому вопросъ о составѣ сахалинской каторги является настолько важнымъ, что безъ разсмотрѣнія его нельзя и приступить къ вопросу — возможна ли колонизація Сахалина путемъ ссылки. Вопросъ о составѣ каторги съ точки зрѣнія пригодности ея для колонизаціи, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не разрабатывался въ нашей литературѣ, а потому не только общество, но, за ничтожными исключеніями, и лица, которыя по своему положенію близко стоятъ къ каторгѣ, имѣютъ о немъ самое смутное представленіе, которое основывается болѣе

Русская Мысль, кн. X, 1904 г.

на личныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ на объективномъ изученіи предмета. Если не преобладающимъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма распространеннымъ мнѣніемъ является, что каторга — это только свалка нечистотъ, обширная помойная яма, гдѣ собранные со всей Россіи зараженные отбросы заканчиваютъ свой отвратительный процессъ разложенія. Того же мнѣнія придерживается и сахалинская администрація. Но я уже не одинъ разъ имѣлъ случай показать, какъ часто ея взгляды имѣютъ въ своей основѣ одни лишь предразсудки и какъ осторожно поэтому слѣдуетъ пользоваться ея выводами. Перейдемъ къ фактамъ. Суммируя свѣдѣнія о составѣ каторги за пятилѣтній періодъ времени 1894—1898 годовъ, мы получаемъ слѣдующія данныя о среднемъ составѣ каторги за это время, которыя, ради наглядности, выражены въ процентномъ отношеніи къ общему числу преступниковъ:

Преступленія противъ вѣры и порядка управленія:

Преступленія противъ вѣры	0,94%
Государственныя преступленія	0,11 «
Сопротивленіе распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ	2,47 «
Поддѣлка денежныхъ и другихъ знаковъ	1,35 «
Преступленія противъ военной службы и дисциплины	1,89 «
	6,76%

Преступленія противъ жизни и здравія частныхъ лицъ:

Отцеубійство, отравленіе, убійство вмѣстѣ съ покушеніемъ и укрывательство	52,64%
Нанесеніе ранъ, увѣчій и другихъ поврежденій здоровья, въ томъ числѣ оскопленіе	6,19 «
Преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ, пособничество въ этомъ, противоестественные пороки и преступленія противъ союза родственнаго (кровосмѣшеніе)	2,04 «
	60,97%

Преступленія противъ собственности частныхъ лицъ:

Поджоги	2,49%
Разбой	10,05 «
Грабежъ	2,65 «
Кражи	2,42 «
	17,61 «

Преступленія противъ тюремнаго режима:

Побѣги и бродяжество	8,67%
Перемѣна имени и фамиліи	0,35 «
	9,02 «

Преступленія внѣ указанныхъ рубрикъ:

Не объяснено, за какія преступленія	2,48%
Нѣтъ свѣдѣній	0,61 «
Разныя преступленія.	2,55 «
	5,64 «

Уже при первомъ взглядѣ на этотъ перечень преступленій бросается въ глаза пестрота его состава. Несмотря на одинаковость наказаній, этическое значеніе преступленій разнообразно до крайности и никоимъ образомъ не можетъ быть подведено подъ одинъ общій уровень. Насколько пестры формы, въ которыхъ выразилось нарушеніе закона, настолько же, вѣроятно, разнообразны и побужденія, руководившія преступниками и степень ихъ нравственной испорченности. Что общаго, напримѣръ, между нарушителемъ правилъ воинской дисциплины и привычнымъ убійцей, который лишаетъ жизни иногда съ единственною цѣлью насладиться видомъ текущей теплой крови и предсмертныхъ конвульсій своей жертвы? А между тѣмъ одинъ и тотъ же сѣрый халатъ и общій для обоихъ режимъ объединяетъ два эти столь разнородныя существа—однимъ общимъ именемъ каторжнаго. Не будемъ однако говорить объ этическомъ различіи отдѣльныхъ группъ, на которыя распадаются влекущія за собою осужденіе на каторгу преступленія. Даже въ предѣлахъ одной и той же группы заключается цѣлый рядъ постепенныхъ градацій отъ преступника случайнаго къ преступнику по ремеслу. Въ числѣ убійцъ, напримѣръ, не мало людей, которые сдѣлались преступниками не потому, чтобы ихъ воля была дурно направлена, а только вслѣдствіе несчастливо сложившихся для нихъ обстоятельствъ. Насколько великъ процентъ лицъ этой послѣдней категоріи, можно судить по свѣдѣніямъ министерства юстиціи о дѣятельности судебныхъ установленій. Такъ, въ 1875 году категорія убійствъ, заключавшая въ себѣ 1,201 преступленіе, распадалась на слѣдующія три группы: предумышленныя убійства, числомъ 485, или 40,38% всѣхъ убійствъ, умышленныя—205, или 17,03% и, наконецъ, убійства, совершонныя съ не прямымъ умысломъ—въ дракѣ, при превышеніи обороны, и по неосторожности, — которыхъ считается 511, или 42,55%. Такимъ образомъ самая многочисленная подгруппа заключаетъ въ себѣ убійцъ болѣе или менѣе случайныхъ, тѣхъ, преступленіе которыхъ народъ совершенно правильно зоветъ не преступленіемъ, а несчастьемъ; рядомъ съ ней стоитъ подгруппа убійцъ умышленныхъ, къ которой относятся всѣ аффективныя убійства, совершонныя хотя и съ умысломъ, но безъ достаточно яснаго представленія о послѣдствіяхъ поступка. Эти двѣ подгруппы составляютъ около 60% всѣхъ убійствъ, т.-е. самой многочисленной категоріи преступленій на каторгѣ, и обстоятельства, при которыхъ они совершенно не даютъ основаній предполагать преступную извращенность натуры совершившихъ ихъ преступниковъ. По аналогіи съ убійствами слѣдуетъ думать, что и въ другихъ группахъ преступниковъ найдутся самые несовмѣстимыя по своему этическому достоинству

лица. Въ виду такого разнообразія составляющихъ каторгу элементовъ, очевидно, совершенно невозможно приписывать имъ одинаковую степень испорченности и, сваливая ихъ всѣ въ одну кучу, утверждать, что всѣ они въ одинаковой степени не пригодны къ труду и нравственному возрожденію.

Посмотримъ теперь, какъ проявляетъ каторга свою преступность на Сахалинѣ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ сгруппированы свѣдѣнія о числѣ преступленій, совершонныхъ на островѣ въ четырехлѣтній періодъ 1898—1901 гг.

	Въ 1898 г.	Въ 1899 г.	Въ 1900 г.	Въ 1901 г.	Среднее.
Число преступленій . .	181	236	223	217	—
На 1,000 жителей приходится преступленій	5,41	.6,86	6,39	5,90	6,14

Въ этой таблицѣ показано число преступленій безъ побѣговъ потому, что хотя побѣги и способствуютъ увеличенію преступленій на островѣ, но сами по себѣ, съ этической точки зрѣнія, являются совершенно безразличными. Для лучшей оцѣнки приведенныхъ цифръ попробуемъ сравнить ихъ съ данными о преступности нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи и Кавказа. Изъ сводной таблицы о числѣ преступленій за 1894—1896 гг., приведенной въ сборникѣ министерства юстиціи о дѣятельности судебныхъ установленій за 1896 годъ, видно, что въ указанный трехлѣтній періодъ на каждую тысячу жителей приходилось преступленій: въ Ростовѣ-на-Дону—5,14, въ Архангельскѣ и Сувалкахъ—5,30, въ Перми—5,50, въ Ломжѣ—5,69, въ Черноморской губерніи—5,72, въ Уфѣ—5,86, въ Минскѣ—6,04, въ Радомѣ—6,13, въ Севастополѣ—6,14 и въ Кіевѣ—6,56.

Изъ сравненія этихъ цифръ оказывается, что хотя преступность Сахалина въ общемъ очень высока (средняя преступность для Европейской Россіи и Кавказа по указаннымъ выше даннымъ составляетъ 1,77, а для 55 перечисленныхъ въ таблицѣ городовъ—3,62), но нѣкоторыя мѣстности Европейской Россіи не только не уступаютъ Сахалину, но даже превосходятъ его по своей преступности. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляются на Сахалинѣ преступленія по категоріямъ, а потому нѣтъ возможности судить о качественной сторонѣ преступленій, но по словамъ официальныхъ отчетовъ сахалинской администраціи, вслѣдъ за побѣгами, преобладающими преступленіями на Сахалинѣ являются преступленія противъ собственности; по имѣющимся же у меня свѣдѣніямъ о преступленіяхъ ссыльно-каторжныхъ за 1897 годъ оказывается, что въ то время какъ преступленія противъ собственности составляютъ 34% всѣхъ преступленій, при чемъ на долю кражъ падаетъ 22,2%, а на грабежъ и разбой всего только 1,7%,—убійства едва достигаютъ 8%. Распредѣленіе преступленій въ Европейской Россіи нѣсколько иное. Убійства составляютъ тамъ 6% всѣхъ преступленій, а преступленія противъ собственности 42,44%. Но при сравненіи этихъ данныхъ не слѣдуетъ забывать, что

первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ самой порочной изъ группъ сахалинскаго населенія—со ссыльно-катаржными [1]), а во второмъ со свободнымъ и неопороченнымъ населеніемъ, и что колебанія преступности по отдѣльнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи очень велики. Такъ, въ то время какъ въ среднемъ на 100 тысячъ населенія Европейской Россіи и Кавказа приходится 10,7 убійствъ, въ Нижнемъ число убійствъ достигаетъ 20,3 на 100 тысячъ, въ Севастополѣ 22,1, въ Ростовѣ-на-Дону 31,7, въ Эривани 45,0, въ Черноморской губерніи 53,7, въ Баку 54,5, въ Бакинской губерніи 92,2, въ Елисаветпольской губерніи 104,8, и въ Елисаветполѣ 115,1, т.-е. превышаетъ среднюю норму болѣе чѣмъ въ десять разъ.

Какъ ни отрывочны эти данныя, все же они даютъ достаточный матеріалъ, чтобы съ увѣренностью утверждать, что преступность Сахалина вовсе не такъ высока, какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ и ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніяхъ не превышаетъ нѣкоторыхъ мѣстностей остальной, не штрафованной, Россіи; но она была бы гораздо меньше, если бы на Сахалинъ не ссылали рецидивистовъ и бродягъ, которые, составляя въ среднемъ около 25% всѣхъ ссылаемыхъ туда преступниковъ, сильно, конечно, отягчаютъ собою общій показатель сахалинской преступности.

Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и душевныя болѣзни. По статистическимъ изслѣдованіямъ, въ центральной Россіи на каждую тысячу человѣкъ населенія приходится не менѣе двухъ душевно-больныхъ. По этому разсчету на 120 милліоновъ населенія въ 1892 году приходилось 240 тыс. человѣкъ душевно-больныхъ, а между тѣмъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ Россіи было всего только 12,770 мѣстъ [2]). Слѣдовательно, изъ всего числа душевно-больныхъ лишь немного болѣе 5% могли разсчитывать на призрѣніе ихъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Изъ остальныхъ же 95% часть, несомнѣнно, попала въ тюрьмы, а изъ тюремъ на каторгу. Условія тюремной жизни, спеціальные тюремные пороки, какъ слѣдствіе разобщенности половъ, острыя и хроническія нервныя и инфекціонныя заболѣванія, каковы: тифъ, сифилисъ, сочленовный ревматизмъ, бугорчатка и, наконецъ, алкоголизмъ, создали среди тюремнаго населенія весьма воспріимчивую почву для развитія душевныхъ болѣзней.

Въ Англіи между заключенными считаютъ 6,4% душевно-больныхъ. Во Франціи число душевно-больныхъ въ тюрьмахъ, по изслѣдованіямъ Лелю, въ 4,5 и даже въ 6 разъ превышаютъ число ихъ среди свободнаго населенія, въ Италіи оно составляетъ болѣе 5% всѣхъ заключенныхъ, въ Германіи отъ 5 до 10 % и т. д. По изслѣдованіямъ доктора Ландау,—число ярко выраженныхъ душевно-больныхъ вмѣстѣ съ эпилептиками составляетъ не менѣе 2% всего

---

[1]) Ссыльно-каторжные даютъ наибольшій процентъ рецидивистовъ сравнительно съ другими группами населенія. Такъ, по свѣдѣніямъ 1898—1899 годовъ, на одну тысячу жителей каждой категоріи приходилось въ среднемъ обвиняемыхъ: ссыльно-каторжныхъ—2,35, ссыльно-поселенцевъ — 1,55, крестьянъ изъ ссыльныхъ — 0,50 и свободнаго населенія—0,35.

населенія Сахалина *), слѣдовательно, при населеніи острова въ 36,595 человѣкъ, число больныхъ этихъ двухъ категорій составляло въ 1901 г. не менѣе 732 чел. Между тѣмъ, во всѣхъ трехъ больницахъ Сахалина и десяти околоткахъ имѣлось всего только 585 мѣстъ для всякаго рода больныхъ, психіатрической же больницы, если не считать отдѣленія при Александровской лѣчебницѣ, вовсе не имѣлось. Легко представить, какъ при этихъ данныхъ долженъ быть великъ процентъ рецидивистовъ, совершившихъ свои преступленія только подъ вліяніемъ душевнаго разстройства.

Такимъ образомъ ни составъ каторги, ни преступность населенія Сахалина, поскольку она выражается въ приведенныхъ выше цифрахъ, не даетъ никакого основанія считать штрафное населеніе острова чѣмъ-то исключительнымъ по своей нравственной испорченности и неспособнымъ къ правильной гражданской жизни. Огульное третированіе всѣхъ ссылаемыхъ на Сахалинъ преступниковъ, какъ людей совершенно безнадежныхъ, взглядъ на этотъ островъ, какъ на помойную яму для всевозможныхъ отбросовъ есть, несомнѣнно, такой же предразсудокъ, какъ и многіе другіе. Устанавливать такую репутацію за Сахалиномъ столь же нелѣпо, какъ утверждать, что населеніе Ростова, Перми, Севастополя или Кіева сплошь состоитъ изъ однихъ отбросовъ, такъ какъ преступность этихъ городовъ равна или даже выше преступности Сахалина. А между тѣмъ этотъ предразсудокъ приноситъ неисчислимый вредъ Сахалину, заставляя опускать руки даже тѣхъ, кто и хотѣлъ бы сдѣлать что-нибудь доброе для Сахалина. Кому же охота бить лбомъ стѣну или копаться въ помойной ямѣ, гдѣ кромѣ гнили и вони ничего нѣтъ? Какой смыслъ затрачивать на колонизацію Сахалина новые и новые милліоны, когда самый матеріалъ для колонизаціи совершенно никуда негоденъ? Вотъ къ чему ведетъ этотъ предустановленный взглядъ на Сахалинъ, и пока онъ будетъ господствующимъ, пока сомнѣніе въ его непогрѣшимости не приведетъ къ сознанію необходимости подвергнуть его критикѣ путемъ безпристрастнаго изученія дѣйствительности, до тѣхъ поръ невозможно никакое возрожденіе Сахалина.

На-ряду съ преступностью яркимъ показателемъ нравственности населенія является алкоголизмъ. Администрація въ своихъ отчетахъ постоянно указываетъ на пристрастіе населенія острова къ спиртнымъ напиткамъ, объясняя этимъ значительную его преступность. Нѣкоторые изъ изслѣдователей Сахалина также считаютъ алкоголизмъ явленіемъ весьма широко распространеннымъ, и трудно не согласиться съ ними, при томъ обиліи пьяныхъ, которыхъ ежедневно можно встрѣтить въ посту Александровскомъ, главномъ центрѣ, откуда винный потокъ разливается по всему острову. Отекшія, сѣрыя лица съ красными глазами, дрожащія руки грязныя лохмотья краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ глубоко пусти алкоголизмъ свои корни въ этой части населенія сахалинской столицы какъ безнадежна всякая попытка къ ея исправленію.

Должно сказать, что торговля спиртными напитками на Сахалинѣ составляетъ предмета вольнаго промысла. Она находится въ рукахъ т

называемаго сахалинскаго экономическаго фонда, учрежденія, основаннаго на частныя средства, но находящагося въ рукахъ администраціи. По мысли его учредителя, статскаго совѣтника Мицуля, фондъ долженъ былъ снабжать населеніе предметами первой необходимости и регулировать цѣны на нихъ въ частной торговлѣ. Прибыли отъ этой торговли должны были идти главнымъ образомъ на поддержку колонизаціи острова путемъ выдачи ссудъ и пособій населенію на обзаведеніе скотомъ, сѣменами, улучшенными сельско-хозяйственными орудіями и проч., а потому, согласно своей основной задачѣ, фондъ названъ былъ «колонизаціоннымъ». Но вслѣдъ за смертью Мицуля, направленіе дѣятельности фонда совершенно измѣнилось. Онъ сдѣлался обыкновенной лавочкой; цѣны на всѣ предметы потребленія были такъ велики, что частные торговцы имѣли возможность продавать свои товары значительно ниже фондовскихъ цѣнъ, а населеніе никакихъ пособій и ссудъ не получало, а если и получало, то въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, о которомъ стыдно даже и говорить. Дѣятельность фонда настолько не соотвѣтствовала его задачамъ, что генералъ-губернаторъ запретилъ ему именоваться «колонизаціоннымъ» и приказалъ переименовать его въ «экомическій». Конкуренція частныхъ торговцевъ, которые не одинъ разъ заставляли фондъ понижать свои цѣны въ уровень съ прочими, заставила его обратить свое преимущественное вниманіе на развитіе торговли крѣпкими напитками, единственный предметъ, который не могъ встрѣтить конкуренціи, такъ какъ только фондъ, въ видахъ охраны нравственности поселенцевъ, имѣлъ право на торговлю ими. Для ограниченія пьянства на Сахалинѣ существовали и существуютъ правила, по которымъ крѣпкіе напитки могутъ быть отпускаемы ссыльному населенію не иначе какъ по запискамъ окружныхъ начальниковъ и смотрителей поселеній, но эти правила создали лишь особый, весьма значительный, классъ тайныхъ продавцовъ вина, которые торгуютъ имъ во всякой лавочкѣ и существуютъ исключительно этой весьма прибыльной торговлей. До отмѣны на Сахалинѣ акциза сдерживающимъ до нѣкоторой степени началомъ являлась высокая цѣна на спиртъ, который продавался въ фондѣ отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. за бутылку; съ отмѣною же въ 1902 году акциза фондъ понизилъ цѣну спирта до 50 к. за бутылку и расходъ спирта сильно увеличился. До какой степени ничтожно значеніе ограничительныхъ правилъ для продажи крѣпкихъ напитковъ на Сахалинѣ можно судить уже потому, что въ 1902 году въ Европейской Россіи, гдѣ не существуетъ никакихъ личныхъ ограниченій для продажи крѣпкихъ напитковъ, на душу населенія приходилось 0,51 ведра вина въ годъ, а на Сахалинѣ—0,57.

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, обратимся къ фактамъ, характеризующимъ распространенность алкоголизма на Сахалинѣ. Въ 1901 году на душу населенія Сахалина приходилось вина 0,47 ведра (въ европейской Россіи около 0,45) и только вслѣдствіе небывалой дешевки душевое потребленіе вина въ 1902 году поднялось до 0,57. Какъ ни искусственно вздута эта цифра, но, во избѣжаніе какихъ бы то ни было упрековъ

въ стремленіи къ преуменьшенію степени распространенности пьянства на Сахалинѣ, примемъ ее за нормальную. Эта величина, при переводѣ на привычныя для всѣхъ мѣры, составляетъ 11,4 бутылки вина на человѣка въ годъ, т.-е. менѣе чѣмъ по полурюмкѣ въ день. Если бы потребленіе вина на Сахалинѣ было распредѣлено въ населеніи равномѣрно, то, при такомъ ничтожномъ употребленіи, ни о пьянствѣ, ни объ алкоголизмѣ, конечно, не могло бы быть и рѣчи, а если есть и то, и другое, слѣдовательно, одна часть населенія пьетъ значительно больше этой средней величины, а другая настолько же меньше, или не пьетъ совсѣмъ.

Попытаемся, хотя бы приблизительно, опредѣлить, какъ великъ *можетъ быть* процентъ алкоголиковъ на Сахалинѣ. Принимая во вниманіе суровость климата, тяжесть работъ, плохое питаніе, мы должны допустить, что каждый работникъ имѣетъ необходимость въ подкрѣпленіи своихъ силъ при помощи вина. Кромѣ того, свадьбы, праздники и другіе экстренные случаи неизбѣжно сопровождаются выпивкою. Предположимъ, что для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей на каждаго взрослаго человѣка выйдетъ въ годъ всего только 5 бутылокъ вина. Это очень немного, такъ какъ вышеприведенный разсчетъ душевого потребленія вина сдѣланъ для всего населенія, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Это составитъ 7.270 ведеръ, а на долю пьяницъ остается 13.655 ведеръ. Предполагая, что каждый изъ нихъ выпиваетъ въ среднемъ только по четверти бутылки въ день, найдемъ, что это количество вина распредѣлится между 3,213 лицами, что составитъ 8,7% всего населенія Сахалина. Нѣтъ сомнѣнія, что число это очень велико, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что мы взяли исключительную норму душевого потребленія и слишкомъ незначительную величину для дѣйствительнаго средняго потребленія вина населеніемъ, а потому приведенное выше число 3,213 представляетъ собою крайній maximum возможнаго числа пьяницъ на Сахалинѣ. Но если даже и допустить за этимъ числомъ значеніе нормальнаго показателя числа пьяницъ, то всетаки остается свыше 90% населенія, которое или не пьетъ вовсе, или пьетъ такъ мало, что это потребленіе вовсе не можетъ отразиться ни на его нравственности, ни на его работоспособности.

Для лучшаго выясненія истиннаго значенія приведенной выше нормы душевого потребленія вина на Сахалинѣ (0,57) сравнимъ потребленіе вина въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейской Россіи въ 1902 году по свѣдѣніямъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Въ Смоленской губерніи на каждую душу населенія приходится 0,58 ведра вина, въ Области Войска донского — 0,59, въ Нижегородской губерніи—0,61, во Владимірской и Кіевской—0,62, въ Лифляндской—0,6 , въ Архангельской—0,66, въ Херсонской—0,69, въ Екатеринославской и въ Ярославской—0,70, въ Тульской—0,74, въ Астраханской—1,03, въ Московской—1,58 и въ Петербургской—1,60. Такимъ образомъ въ 14 губерніяхъ Европейской Россіи, съ населеніемъ свыше 25 милліоновъ, пьютъ значительно больше, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вдвое и почти въ

больше, чѣмъ на Сахалинѣ. Можно ли послѣ этого говорить о какомъ-то исключительномъ положеніи Сахалина въ отношеніи развитія на немъ алкоголизма, въ особенности, если принять въ соображеніе, какъ много на немъ бродягъ, которые условіями всей своей предыдущей жизни отучены отъ какого бы то ни было труда, и которымъ не должно быть мѣста въ производительной колоніи; какъ много, наконецъ, на немъ такихъ лицъ, которыя уже на Сахалинѣ превращаются въ привычныхъ тунеядцевъ благодаря бездѣятельности въ тюрьмахъ и подачкамъ въ видѣ пайковъ на волѣ. Изъ этихъ-то лицъ, бродящихъ безъ дѣла и промышляющихъ воровствомъ и другими преступленіями, и составляется главный контингентъ пьяницъ, тѣхъ одичалыхъ людей, которые изъ-за стакана вина готовы на все и которые, постоянно бросаясь въ глаза, производятъ столь гнетущее впечатлѣніе.

Самымъ слабымъ пунктомъ жизни Сахалина является семейный бытъ его обитателей. На сто взрослыхъ мужчинъ тамъ приходится всего только 19,5 взрослыхъ женщинъ и такое несоотвѣтствіе половъ весьма вредно отражается на нравственности населенія. Систематическая высылка на Сахалинъ женщинъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, началась съ 1884 г. а въ слѣдующемъ году, по соглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ юстиціи, «въ интересахъ колонизаціи Сахалина», установлена была и высылка туда поселенокъ не старѣе 40 лѣтъ [4]). Но еще ранѣе этого времени ссыльныя женщины были высылаемы на Сахалинъ по требованію начальниковъ воинскихъ командъ для удовлетворенія «потребности» послѣднихъ. Такъ, уже предсѣдатель сахалинской коммиссіи Власовъ засталъ въ посту Корсаковскомъ партію женщинъ. По словамъ представленнаго Власовымъ отчета, начальникъ острова Депрерадовичъ «распорядился обратить женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости». Никакими работами женщины не занимались, «только провинившіяся или не заслужившія мужской благосклонности» попадали на работу въ кухни, остальныя же служили «потребностямъ и пили мертвую». По словамъ Власова, женщины были развращаемы до такой степени, что въ состояніи какого-то ошеломленія «продавали своихъ дѣтей за штофъ спирта» [5]). По свидѣтельству члена той же коммиссіи, Мицуля, въ августѣ 1872 г., по распоряженію начальника отряда, присланы были въ Косунай шесть женщинъ «для исполненія разныхъ женскихъ работъ при командѣ».

Съ началомъ систематической высылки, на долю администраціи выпала не легкая задача распредѣленія незначительнаго числа женщинъ среди почти и[...]ключительно мужской колоніи. Трудность эта своеобразно была побѣждена н[...]наченіемъ особыхъ уроковъ. Всякій, кто желалъ получить для сожительства ж[...]щину, долженъ былъ доставить 60 бревенъ или перевезти извѣстное колич[...]ство груза. Такой порядокъ распредѣленія женщинъ продолжался до 1893 г. [6]) и [...]ылъ замѣненъ раздачею ихъ въ видѣ награды «достойнѣйшимъ», уже б[...]ь всякой платы. Инструкціей 31 декабря 1895 года былъ установленъ с[...]дующій порядокъ распредѣленія женщинъ между ссыльными: «Заявленія

ссыльно-поселенцевъ о желаніи получить въ помощь ссыльную женщину, для совмѣстнаго веденія домохозяйства подаются ежегодно къ 1 сентября смотрителю поселеній. По прибытіи ссыльныхъ женщинъ и по распредѣленіи ихъ по округамъ, смотритель поселеній, принявъ женщинъ, препровождаетъ ихъ во ввѣренный ему участокъ, гдѣ распредѣляетъ по селеніямъ въ томъ числѣ, которое назначено приказомъ по острову. Такъ какъ число прибывающихъ женщинъ крайне ограничено, то назначеніе ихъ къ ссыльно-поселенцамъ производится со строгимъ разборомъ и, по ближайшемъ удостовѣреніи смотрителя поселеній въ томъ, что поселенецъ упорнымъ трудомъ, трезвымъ и честнымъ поведеніемъ и бережливостью настолько упрочилъ свой бытъ, что назначеніе ему въ помощь женщины для совмѣстнаго веденія хозяйства, дѣйствительно, принесетъ существенную пользу» [7]).

При такомъ порядкѣ назначенія женщинъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какой бы то ни было свободѣ выбора [8]). Сожительство съ поселенцами разсматривалось какъ особый видъ каторжныхъ работъ, а развѣ каторжный имѣетъ право выбирать работу по своимъ склонностямъ и вкусамъ? Бывали случаи, что послѣ назначенія въ сожительство къ совершенно неизвѣстному поселенцу женщины обращались съ ходатайствами о разрѣшеніи имъ сожительства съ тѣми лицами, съ которыми онѣ добровольно сошлись ранѣе, но получали отказъ и должны были отправляться въ то мѣсто и къ тому лицу, къ которому были назначены [9]). Даже заявленіе о желаніи вступить въ бракъ не могло избавить женщину отъ необходимости вступать въ сожительство съ неизвѣстнымъ ей поселенцемъ, если это было опредѣлено приказомъ начальства. Ссыльно-каторжная Сосновская, напримѣръ, объясняя въ своемъ ходатайствѣ, что она состоитъ въ связи съ ссыльно-каторжнымъ Островскимъ и уже беременна, просила о разрѣшеніи ей вступить съ нимъ въ бракъ, но на это прошеніе послѣдовала резолюція: «каторжныя женщины высылаются для совмѣстнаго веденія домохозяйства съ поселенцами острова и выбирать въ мужья каторжныхъ не имѣютъ права, почему предлагаю отправить Сосновскую куда она назначена» [10]).

Отданная въ принудительное сожительство женщина никогда не могла быть увѣренною, что ея роль самки ограничится сожительствомъ только съ тѣмъ лицомъ, съ которымъ связала ее слѣпая воля началь-

---

[8]) Теперешній военный губернаторъ о. Сахалина, генералъ-лейтенантъ Ляпуновъ, въ приказѣ по острову отъ 26 іюня 1899 г., за № 193, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Принявъ въ управленіе ввѣренный мнѣ островъ, я засталъ установившійся порядокъ отнесенія ссыльно-каторжными положеннаго имъ по суду наказанія путемъ назначенія ихъ къ поселенцамъ для совмѣстнаго домообзаводства назначеніе производилось исключительно по усмотрѣнію администраціи безъ предварительнаго даже освѣдомленія о желаніи назначаемыхъ“. „Такой порядокъ,—говоритъ онъ далѣе,—приводя съ одной стороны законную кару, налагаемую судомъ, къ противозаконному униженію человѣческаго достоинства, съ другой стороны является актомъ неуваженія къ опредѣленію суда, парализующимъ исправительное значеніе наказанія“. (*Тюремный Вѣстникъ* 1899 г., № 10, стр. 422).

ства. Сожитель не всегда могъ, да не всегда и хотѣлъ, оградить ее отъ поползновеній менѣе счастливыхъ товарищей. Въ своемъ докладѣ о положеніи сахалинскихъ дѣтей д-ръ Поддубскій говоритъ, что отправить женщину на поселье «равносильно осужденію на самую необузданную проституцію, такъ какъ въ такихъ селеніяхъ на 50—80 одинокихъ мужчинъ приходится отъ 2 до 5 женщинъ» [11]). «Послать одинокую женщину въ мѣсто, населенное почти исключительно холостыми мужчинами, значитъ принудительно отдать ее въ развратъ», говоритъ бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ. Въ одномъ селеніи, гдѣ на 80 поселенцевъ и 6 солдатъ было всего только 4 женщины, одна изъ нихъ обратилась къ доктору за совѣтомъ. Она найдена была очень истощенной и по разспросамъ оказалось, что ежедневно она имѣла не менѣе 20 сношеній съ мужчинами [12]). Нѣкоторые изъ поселенцевъ выпрашивали себѣ женщинъ съ исключительною цѣлью создать изъ нихъ предметъ промысла, и женщины должны были подчиняться этимъ гнуснымъ домогательствамъ, потому что онѣ были безсильны противодѣйствовать имъ, такъ какъ послѣднія встрѣчали поддержку и поощреніе десятковъ одинокихъ мужчинъ. Никакой протестъ здѣсь не достигалъ своей цѣли. Отказъ отъ сожительства влекъ за собой тюрьму, карцеръ и новую высылку на поселье. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда женщинѣ удавалось доказать, что назначенный ей сожитель принуждаетъ ее къ разврату, она ничего не выигрывала, такъ какъ вслѣдъ за этимъ ее отправляли въ другое поселье, гдѣ она оставалась такъ же безпомощна и беззащитна.

Приказомъ по острову отъ 26 іюня 1899 г. за № 193 порядокъ принудительной отдачи женщинъ въ сожительство поселенцамъ воспрещенъ. Согласно этому приказу ссыльно-каторжная женщина, желающая вступить въ сожительство съ кѣмъ-либо изъ поселенцевъ, должна подать объ этомъ прошеніе, которое хранится при ея статейномъ спискѣ, какъ доказательство ея добровольной связи. Женщины, не пожелавшія отправиться на поселье «для совмѣстнаго домообзаводства» съ кѣмъ-либо изъ поселенцевъ, должны, согласно этому приказу, быть содержимы въ тюрьмѣ «съ употребленіемъ на соотвѣтственныя тюремныя работы» [13]). «Впрочемъ,—говоритъ авторъ статьи «О положеніи ссыльныхъ женщинъ и семействъ ссыльныхъ на о. Сахалинѣ»—по свидѣтельству генералъ-маіора Ляпунова, убѣжищемъ для женщины, желающей спастись отъ посягательства на ея честь, тюрьма эта врядъ ли можетъ служить, вслѣдствіе крайней неудовлетворительности личнаго состава сахалинскихъ тюремныхъ надзирателей [14]). Сверхъ того,—прибавляетъ авторъ,—*незачѣмъ и ссылать женщинъ на Сахалинъ, если держать ихъ въ тюрьмѣ* [15]).

Это неосторожно сорвавшееся съ пера откровенное слово весьма мѣтко и ярко характеризуетъ собою господствующій на Сахалинѣ взглядъ на назначеніе

[14]) Въ одной изъ предыдущихъ главъ я уже упоминалъ о томъ, что лѣтомъ 1902 года было обнаружено, что надзиратель впускалъ по ночамъ въ женскую тюрьму [illegible]нъ съ платою по 50 коп. съ человѣка.

каторжной женщины. Несмотря на происшедшую со временъ Депререадовича перемѣну въ формахъ эксплоатаціи въ женщинѣ ея пола, несмотря на оффиціально и властно высказанное военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Ляпуновымъ порицаніе господствовавшаго ранѣе порядка назначенія женщинъ въ сожительство (см. выноску № 8), взглядъ этотъ остался по существу тѣмъ же, какимъ онъ былъ и тридцать лѣтъ тому назадъ: въ женщинѣ цѣнится только ея полъ, и этотъ взглядъ теперь, какъ и прежде, проникаетъ собою всѣ отношенія къ женщинѣ на Сахалинѣ. Самая тюрьма, по свидѣтельству того же компетентнаго автора, служитъ для нея лишь временнымъ пріютомъ до пріисканія сожителя, «если же,—говоритъ онъ,—въ сожительствѣ съ нимъ ей не посчастливится, ей предоставляется въ любое время возвратиться въ п. Александровскій и жить впредь до выбора ею новаго «хозяина» въ устроенной тамъ на небольшое число мѣстъ женской тюрьмѣ».

Сожительство—это одна изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ сахалинской жизни, такъ такъ во многихъ случаяхъ оно является первымъ шагомъ къ проституціи, а между тѣмъ избѣжать его не представляется никакой возможности. Хотя въ понятіе о лишеніи правъ входитъ и пораженіе правъ семейственныхъ, однако для расторженія брачнаго союза еще недостаточно произнесеніе приговора, для этого необходимо ходатайство того изъ супруговъ, права котораго остались не пораженными приговоромъ. Но многіе изъ супруговъ, въ особенности женщины, считая разводъ грѣхомъ, ни за что не соглашаются на него даже и въ томъ случаѣ, если они не желаютъ слѣдовать за осужденнымъ супругомъ, и такимъ образомъ послѣдній навсегда или до смерти оставшагося въ Россіи супруга остается лишеннымъ права вступить въ новый бракъ. Но даже и въ томъ случаѣ, если неосужденный супругъ согласенъ на разводъ, осуществленіе его требуетъ весьма значительнаго времени, и нерѣдко сосланные на Сахалинъ годами ожидаютъ развода. Сверхъ того для вступленія въ бракъ ссыльно-каторжныхъ установлены довольно значительные сроки, отъ одного до трехъ лѣтъ, и такимъ образомъ даже холостые и вдовые не всегда имѣютъ возможность вступить въ бракъ и вынуждаются къ сожительству. Какъ отражаются эти стѣсненія на устройствѣ быта ссыльныхъ женщинъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ теченіе 1900 и 1901 гг. на Сахалинѣ вышло замужъ 134 ссыльныхъ женщины, изъ числа ихъ ссыльно-каторжныхъ 23, или 17,2%, поселенокъ 89, или 66,4%, и крестьянокъ изъ ссыльныхъ 22, или 16,4%. Незначительное число вышедшихъ замужъ крестьянокъ объясняется, вѣроятно, болѣе преклоннымъ возрастомъ этой группы, что же касается женщинъ ссыльно-каторжныхъ, то ничтожное число браковъ въ ихъ средѣ можетъ быть объяснено исключительно налагаемыми на нихъ закономъ стѣсненіями.

Сахалинская администрація не одинъ разъ возбуждала ходатайство объ упрощеніи процедуры развода для ссыльно-каторжныхъ, вслѣдствіе чего духовнымъ консисторіямъ предписывалось возможно быстрѣе разрѣшать эти дѣла, но положеніе ходатайствующихъ о разводѣ отъ этихъ

предписаній мало измѣнилось. Да оно и не могло, конечно, измѣниться, такъ какъ главное зло лежитъ не въ медленности дѣлопроизводства, а въ предоставленіи остающимся на родинѣ мужьямъ и женамъ обрекать на безбрачіе своихъ, слѣдующихъ въ ссылку, супруговъ; и пока это право не будетъ отъ нихъ отнято, пока ихъ согласіе или несогласіе послѣдовать за осужденными не будетъ признано единственымъ условіемъ для расторженія брака, до тѣхъ поръ незаконныя сожительства будутъ заурядныиъ типомъ семейнаго быта на Сахалинѣ.

Другимъ важнымъ факторомъ развитія незаконныхъ сожительствъ между ссыльными женщинами является ихъ экономическая безпомощность. Устроенная для нихъ тюрьма слишкомъ мала, да и не можетъ, какъ указано было выше, защищать ихъ честь отъ посягательствъ; наниматься въ прислуги, даже къ семейнымъ чиновникамъ, имъ воспрещено, а трудъ чернорабочаго для нихъ непосиленъ, да и вообще найти какой-либо заработокъ на Сахалинѣ весьма трудно. Такимъ образомъ обезпеченная одинаково съ мужчиной казеннымъ пайкомъ, женщина въ отношеніи заработка поставлена въ неизмѣримо худшія, сравнительно съ нимъ, условія, и естественный выходъ изъ этого положенія—незаконное сожительство, которое вмѣстѣ съ избавленіемъ отъ опостылѣвшей тюрьмы даетъ ей положеніе хозяйки и сулитъ надежду на прочное устройство своего семейнаго быта въ будущемъ.

Но какъ ни тяжело положеніе ссыльной женщины, оно всетаки лучше, чѣмъ положеніе жены, добровольно послѣдовавшей за своимъ мужемъ. Преступленіе первой даетъ ей право на кровъ и содержаніе въ тюрьмѣ и на одеждное и пищевое довольствіе по выходѣ изъ нея. Добровольно же послѣдовавшія жены въ теченіе двухъ лѣтъ со времени прибытія ихъ на островъ не получаютъ по 3 р. въ мѣсяцъ. На содержаніе дѣтей имъ выдается по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ на ребенка, но этого пособія не всегда хватаетъ даже и на хлѣбъ. Найти заработокъ очень трудно, тѣмъ болѣе, что послѣдовавшія за мужьями жены обыкновенно имѣютъ и дѣтей, которыя ихъ связываютъ по рукамъ и по ногамъ. Въ этомъ отношеніи ссыльныя женщины также имѣютъ преимущество передъ добровольно прибывшими, такъ какъ рѣдкія изъ нихъ приходятъ на каторгу съ дѣтьми. За время съ 1884 по 1900 годъ (за исключеніемъ 1895, 1897 и 1898 годовъ, за которые у меня свѣдѣній не имѣется), выслано на Сахалинъ 1,610 ссыльныхъ женщинъ и при нихъ находилось всего только 224 ребенка, слѣдовательно, одинъ ребенокъ приходился болѣе, чѣмъ на семь женщинъ. Добровольно же послѣдовавшихъ женщинъ прибыло за этотъ періодъ времени на Сахалинъ 1,174 и при нихъ 1,966 дѣтей. Это значитъ, что на каждую сотню женщинъ приходилось 167 дѣтей и, слѣдовательно, положеніе добровольно послѣдовавшихъ женъ, въ отношеніи обремененія ихъ дѣтьми, почти въ 12 разъ тяжелѣе, чѣмъ положеніе ссыльныхъ женщинъ.

Если мужъ вышелъ изъ тюрьмы, то положеніе женщины всетаки

лучше. Паекъ мужа является добавкою къ тому пособію, которое даетъ казна на дѣтей. Есть возможность иногда и заработать что-нибудь, оставивъ дѣтей подъ присмотръ мужа. Но когда мужъ сидитъ въ тюрьмѣ, положеніе его семьи становится отчаяннымъ, и честная женщина часто вынуждена завидовать положенію преступницы. Безысходная нужда съ непреоборимой силой толкаетъ ее на тотъ же путь, по которому идутъ сотни другихъ женщинъ, и въ концѣ концовъ она вступаетъ въ связь съ постороннимъ мужчиной, а иногда доходитъ даже и до преступленія. Въ 1898 году выѣздной сессіей владивостокскаго окружнаго суда разбиралось дѣло объ убійствѣ вышедшаго изъ тюрьмы ссыльно-каторжнаго его женой. Вслѣдствіе крайней нужды она во время содержанія мужа въ тюрьмѣ сошлась съ другимъ, когда же мужъ освободился отъ работъ, то она изъ боязни его мести, изъ страха передъ сожителемъ, не желавшимъ уступить ее, и въ разсчетѣ получить право на пайковое и одеждное довольствіе при осужденіи ея на каторгу, убила мужа [16]).

Такъ коверкаетъ сахалинская нищета даже и тѣхъ женщинъ, на совѣсти которыхъ не только не лежитъ никакихъ преступленій, но которыя своимъ добровольнымъ рѣшеніемъ послѣдовать за осужденными мужьями доказали и свою привязанность къ семейному очагу и вѣру въ святость брака. Но нарушеніе супружеской вѣрности въ сожительствѣ, ради куска хлѣба, съ постороннимъ мужчиной и даже торговля собой по обоюдному согласію супруговъ не есть еще послѣдняя степень паденія. Нищета доводитъ иногда до того, что родители продаютъ или отдаютъ въ сожительство своихъ малолѣтнихъ дочерей, чтобы только избавиться отъ лишняго рта. Дѣвочки 12—13 лѣтъ нерѣдко становятся матерями и открыто живутъ на содержаніи у тюремныхъ надзирателей, писцовъ и различныхъ чиновъ администраціи [17]). Среди зарегистрованныхъ проститутокъ поста Александровскаго встрѣчаются совершенныя дѣти, которыя однако уже не первый годъ занимаются этимъ промысломъ. Докторъ Лобасъ говоритъ, что, по требованію судебныхъ властей, ему не разъ приходилось свидѣтельствовать дѣвочекъ 12—13 лѣтъ, которыя производили впечатлѣніе уже готовыхъ проститутокъ [18]). Д. А. Дриль свидѣтельствуетъ, что въ его бытность на Сахалинѣ въ Александровскомъ лазаретѣ лѣчилась зараженная сифилисомъ девятилѣтняя дѣвочка [19]). Бывшій мировой судья на островѣ Сахалинѣ, г. Новомбергскій разсказываетъ, что въ его практикѣ былъ случай обвиненія родителей въ систематической торговлѣ своей 10-тилѣтней дочерью. По его же свидѣтельству торговля эта иногда ведется преднамѣренно-открыто, съ цѣлью быть осужденными «за умышленное развращеніе нравственности» и получать въ качествѣ осужденныхъ пищевое и одеждное довольствіе. Онъ же разсказываетъ слѣдующій фактъ: по иску одного поселенца о взысканіи нѣсколькихъ десятковъ рублей, на судъ предстала дѣвочка 13 лѣтъ, Василиса Илютина. «Изъ разбирательства дѣла выяснилось, что истецъ съ родителями отвѣтчицы заключилъ условіе, по которому онъ обязался доставить родителямъ корову, а тѣ ему отдать въ

сожительство Василису». Поживъ съ истцемъ нѣкоторое время, она забрала его подарки и ушла къ родителямъ, а черезъ нѣсколько дней перебралась въ сожительницы къ другому поселенцу. Отвѣтчица объяснила, что подарки она считаетъ «отжитыми», а въ новое сожительство поступила потому, что ея родителямъ «нечѣмъ было обсѣяться», а новый сожитель далъ ей 20 рублей. Какъ оказалось, эта продажа была не первая. Еще десяти лѣтъ она была продана, и также по условію, одному мелкому лавочнику изъ селенія Рыковскаго [20]). А вотъ еще примѣръ. На восточномъ берегу Сахалина есть селеніе Могункотанъ, которое расположено въ такой мѣстности, гдѣ земледѣліе невозможно, а единственный заработокъ состоитъ въ продажѣ на сосѣдній японскій промыселъ выброшенной штормомъ на берегъ селедки. Въ этомъ селеніи у одного изъ поселенцевъ была 16-лѣтняя сожительница, которая съ 13 лѣтъ была отдана ему родителями изъ опасенія потерять въ лицѣ этого поселенца, получавшаго казенный паекъ, выгоднаго нахлѣбника. Мнѣ извѣстенъ случай, когда сожительствующая съ поселенцемъ мать продала свою 12-лѣтнюю дочь за бутылку водки и три рубля денегъ.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ ярко сказывается одна и та же черта— зависимость эксплоатаціи дѣтей отъ экономическихъ условій, и кому извѣстно, до какой степени доходитъ иногда нищета на Сахалинѣ, тому не придетъ въ голову объяснять эти явленія нравственной испорченностью родителей. Нравственная испорченность или, вѣрнѣе, одичалость, въ большинствѣ случаевъ есть лишь слѣдствіе нищеты. Примѣръ Сахалина въ этомъ отношеніи далеко не исключительный. Во всѣхъ крупныхъ центрахъ, гдѣ конкуренція или промышленные кризисы выбрасываютъ на улицу тысячи работниковъ, истощающихъ свои силы въ напрасныхъ поискахъ хоть какого-нибудь заработка, наблюдается то же, что и на Сахалинѣ. Въ Парижѣ не менѣе 15 тысячъ работницъ, зарабатывающихъ отъ одного до полутора франка въ день, а за исключеніемъ мертвыхъ сезоновъ, ихъ средній дневной заработокъ составляетъ отъ 80 до 90 сантимовъ, тогда какъ самое недостаточное существованіе обходится не менѣе 650—700 франковъ въ годъ. Въ результатѣ многія женщины требуютъ своей записи въ регистръ публичныхъ женщинъ, объясняя, что онѣ зарабатываютъ столько, сколько можетъ заработать женщина въ Парижѣ, а на это невозможно жить [21]). На 3,645 задержанныхъ проститутокъ приходится въ Парижѣ несовершеннолѣтнихъ 1,074, между которыми есть даже дѣвочки 13 лѣтъ [22]). По свидѣтельству Жюль-Симона, многія матери-работницы сами совѣтуютъ дочерямъ искать любовниковъ, когда же тѣ долго ихъ не находятъ, то ихъ упрекаютъ: «значитъ ты ничего не хочешь сдѣлать для своихъ!» Въ Реймсѣ работницы предлагаютъ себя съ 12-лѣтняго возраста и долгое время онѣ служили матеріаломъ для публичныхъ домовъ [23]). Среди дѣтей берлинскихъ пріютовъ, изъ которыхъ 94% незаконнорожденныхъ, 75% происходитъ отъ ремесленниковъ, рабочихъ и другихъ представителей «низшихъ классовъ». Описывая нищету рабочихъ классовъ Берлина, занятыхъ

домашнею промышленностью, г. Гиршъ говоритъ, что для сохраненія «честности» при подобныхъ условіяхъ женщинѣ «нужно обладать большимъ геройствомъ и храбростью, чѣмъ на полѣ сраженія подъ градомъ пуль». Даже замужнія женщины, мужья которыхъ получаютъ «голодную» плату, а во время кризисовъ совершенно остаются безъ средствъ, принуждены искать убѣжища въ проституціи. По офиціальнымъ даннымъ за 1887 годъ среди зарегистрованныхъ берлинскихъ проститутокъ были 203 жены рабочихъ и ремесленниковъ. Какъ же велико, восклицаетъ г. Гиршъ, число женщинъ, которыя временно находятъ въ проституціи средства къ существованію. Нищета берлинскихъ рабочихъ заставляетъ цѣлыя семьи ютиться въ одной комнатѣ. Взрослыя дѣти обоего пола спятъ въ повалку на одной общей постели, а нерѣдко къ нимъ присоединяется и квартирантъ. Въ нѣкоторыхъ же семьяхъ отдаютъ углы проституткамъ [24]). То же замѣчается въ Москвѣ и другихъ городахъ. Въ Брюсселѣ, по отчету комитета патронатства, семья изъ 10 человѣкъ занимала одну комнату, гдѣ только для родителей имѣлась кровать, остальные же члены семьи, въ возрастѣ отъ 17 до 29 лѣтъ, спали въ повалку на одномъ мѣшкѣ соломы. Результатомъ такого тѣснаго сожительства была беременность 3-хъ молодыхъ дѣвушекъ отъ своихъ двухъ братьевъ, которые говорили объ этомъ свободно [25]). По словамъ Бутса, скученность въ жилищахъ лондонскихъ рабочихъ является причиной, что кровосмѣшеніе является фактомъ обычнымъ, не обращающимъ на себя особаго вниманія [26]). Дѣвочки съ 12 лѣтъ уже считаются тамъ пригодными къ ремеслу и въ Лондонѣ организованъ даже особый промыселъ покупки и продажи самыхъ юныхъ дѣвушекъ съ предварительною выдачею имъ медицинскихъ свидѣтельствъ въ ихъ непорочности. Матери 11—12-лѣтнихъ дѣвочекъ соглашаются на ихъ растленіе ради денегъ, платимыхъ соблазнителемъ. Многіе изъ родителей продаютъ своихъ дѣтей содержателямъ публичныхъ домовъ [27]). Бутсъ свидѣтельствуетъ, что едва достигшая 13-лѣтняго возраста дѣвочка была продана своею матерью въ трущобы знаменитаго Дэстголя. Публичныя женщины въ этой мѣстности, говоритъ тотъ же авторъ, пали до того, что даже отъявленные негодяи не рѣшаются ихъ посѣщать. Солдатамъ запрещено бывать у нихъ или даже проходить мимо ихъ домовъ подъ страхомъ 25-тидневнаго ареста. Для наблюденія за этимъ, на обоихъ концахъ улицъ поставлены караулы. Профессоръ Гёксли говоритъ, что какой-либо дикарь Новой Гвинеи поставленъ въ болѣе благопріятныя условія, чтобы вести жизнь достойную человѣка, чѣмъ многіе жители этой части столицы Англіи [28]).

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество, но я думаю, что и этихъ выхваченныхъ на удачу фактовъ достаточно, чтобы иллюстрировать всесокрушающую силу нищеты, которая и въ центрахъ міровой культуры и на заброшенномъ Сахалинѣ приводитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Подъ ея молотомъ, независимо отъ географической долготы и уровня окружающей культуры, разлетаются вдребезги все

лучшія черты человѣческаго духа и остается лишь одна животная жажда бытія во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною. А. П. Са-ломонъ разсказываетъ, что въ его время въ посту Александровскомъ была женщина, имя которой уже позабыли, а звалась она «Пяташница», по цѣнѣ визита. Въ Рыковскомъ, говоритъ онъ, есть женщина, по прозвищу «Лобачиха» ей за 70 лѣтъ, визитъ къ ней стоитъ три копейки; изъ милости нѣкоторые даютъ ей 5—7 коп. [29]). Можно ли представить себѣ что-нибудь ужаснѣе? Никому, конечно, не придетъ въ голову думать, чтобы этой дряхлой, изможденной болѣзнями и голодомъ старухѣ ея промыселъ могъ доставить что-нибудь кромѣ тяжелыхъ страданій. Но жажда бытія такъ велика еще въ ней, что она пренебрегаетъ ими и отдаетъ на поруганіе свое полуистлѣвшее, замученное тѣло, лишь бы не умереть съ голоду гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Неужели эту агонію умирающаго тѣла, эту почти безсознательную борьбу за существованіе, это стремленіе вырвать у судьбы хоть нѣсколько часовъ угасающей жизни можно подводить подъ какія бы то ни было нравственныя нормы? Да и вообще можно ли выработанныя нами нравственныя требованія примѣнять къ нищетѣ? Можно ли судить ее съ точки зрѣнія этихъ требованій? Нищета—это страшная всеразъѣдающая болѣзнь и къ пораженнымъ ею жертвамъ нельзя примѣнять тѣхъ же сужденій, какія мы примѣняемъ къ здоровому организму. Это состояніе есть состояніе одичалости, гдѣ сохраняется и дѣйствуетъ по преимуществу одинъ законъ—законъ животной необходимости.

Но одичалость не есть еще предопредѣленное зло. Это не стихійная сила, съ которой никакая борьба невозможна, и если, можетъ быть, трудно возвратить къ лучшей жизни уже одичавшихъ людей, тѣхъ людей, у которыхъ подъ вліяніемъ долгой борьбы за кусокъ хлѣба угасла всякая предпріимчивость, атрофировались всѣ соціальные инстинкты, то оградить отъ нея тѣхъ, кого омутъ нищеты не успѣлъ еще засосать окончательно, возможно вполнѣ. Для этого нужно только дать трудъ въ руки голодныхъ, дать возможность имъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба, а не получать его даромъ отъ казны. Ибо искусственно создаваемое тунеядство, а не нравственная испорченность, является, по преимуществу, причиной сахалинской нищеты и идущей по ея пятамъ одичалости. Въ особенности это справедливо по отношенію къ женщинамъ, которыхъ около 40% повинны только въ томъ, что подчинились великодушному движенію сердца, облегчить участь своихъ осужденныхъ мужей.

Что касается ссыльныхъ женщинъ, то и онѣ, въ большинствѣ, гораздо менѣе испорчены, чѣмъ объ этомъ думаютъ. Вотъ какъ характеризуетъ женщинъ-преступницъ такой знатокъ каторги, какъ бывшій начальникъ александровской центральной каторжной тюрьмы А. П. Сипягинъ. «По наличности злой воли и самому составу своихъ преступленій,—говоритъ онъ,—ссыльныя женщины въ значительной степени уступаютъ мужчинамъ и потому еще болѣе внушаютъ къ себѣ истиннаго состраданія и особыхъ заботъ объ ихъ участи и возможномъ исправленіи. Въ огромномъ большинствѣ—это жертвы неудачныхъ и не-

равныхъ браковъ, дѣтоубійцы своихъ незаконныхъ и не всегда свободно прижитыхъ дѣтей, подъ вліяніемъ тѣхъ особливыхъ соціальныхъ условій большихъ городовъ и фабричныхъ центровъ, которые въ мутномъ своемъ потокѣ ежегодно уносятъ все больше и больше разбитыхъ человѣческихъ жизней» [30]). «Мы имѣли случай наблюдать на мѣстѣ ссылки,—продолжаетъ далѣе авторъ,—до какой степени женщины-преступницы могутъ оставаться хорошими, отзывчивыми на все доброе, несмотря на чудовищныя условія ими пережитыя до и послѣ осужденія и въ долгое время препровожденія въ ссылку» [31]).

Къ этому можно добавить, что ссыльныя женщины, какъ и всѣ женщины на Сахалинѣ, заслуживаютъ особливой заботливости и попеченія еще и потому, что онѣ являются основою семьи, матерями и воспитательницами грядущихъ поколѣній, тѣхъ поколѣній, которыя должны служить залогомъ будущаго экономическаго и нравственнаго процвѣтанія Сахалина. А что могутъ дать онѣ теперь своимъ дѣтямъ, чему научить, какія нравственные устои заложить въ нихъ? Какъ можетъ привить сахалинская женщина къ своему ребенку понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, когда, подчиняясь господствующему на Сахалинѣ и порабощающему ее взгляду, она сама привыкла смотрѣть на себя только какъ на самку, а на принадлежность къ своему полу, какъ на единственную привилегію на право жить? Какъ убережетъ она свое дитя отъ тлетворнаго вліянія нищеты и одичалости, когда онѣ ползутъ изъ всѣхъ щелей, окружаютъ его всюду, какъ воздухъ, и еще въ пеленкахъ врываются въ едва пробуждающееся сознаніе? Говорятъ, что въ лицѣ сахалинскихъ дѣтей растетъ новая каторга. Это неправда. Не каторга, а квинтъ-эссенція каторги. Родители этихъ дѣтей знали счастливое дѣтство среди людей, занятыхъ созиданіемъ жизни. Пусть многія изъ нихъ родились въ подвалахъ и выросли на мостовой, не зная ни материнской ласки, ни участія. Все-таки они видѣли и наблюдали иной строй жизни. Въ церкви, въ школѣ, въ аудиторіи для публичныхъ чтеній, въ случайно подслушанныхъ разговорахъ, наконецъ, они могли подобрать нѣкоторыя крохи впечатлѣній, изъ которыхъ въ нихъ рождалось представленіе о какой-то другой жизни, болѣе свѣтлой, болѣе счастливой, чѣмъ жизнь подваловъ и мостовыхъ. Сахалинскаго ребенка окружаетъ только каторга, и представленіе о мірѣ, о человѣческихъ отношеніяхъ въ немъ, заимствуютъ свои краски только изъ каторги. Онъ дышитъ ею и вмѣстѣ съ воздухомъ воспринимаетъ всѣ отрицательныя ея явленія. Гнетъ, насиліе, всяческое униженіе человѣче-

---

30) Докторъ Поддубскій въ своемъ отчетѣ за 1894 годъ приводитъ слѣдующія статистическія данныя о преступности женщинъ. Изъ 120 прибывшихъ въ этомъ году женщинъ осуждены: за убійство мужа—52, за покушеніе на убійство мужа—4, за убійство женщинъ изъ ревности—3, за убійство измѣнившихъ любовниковъ—3, за дѣтоубійство—17. Остальныя пришли за преступленія, возникшія на почвѣ разнообразныхъ семейныхъ неурядицъ,—убійство свекра, свекрови и т. д. *Н. С. Лобасъ*: „Каторга и поселеніе на Сахалинѣ“, стр. 113.

ской личности, кровавыя преступленія, свидѣтелемъ которыхъ сахалинскому ребенку приходится иногда быть,—вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя окружаютъ его съ первыхъ дней появленія его на свѣтъ и на которыя онъ привыкаетъ смотрѣть какъ на естественный правопорядокъ жизни. Чего можно ожидать отъ такихъ дѣтей, если судьба поведетъ ихъ по стезѣ отцовъ? Не въ правѣ ли мы опасаться, что дѣти превзойдутъ своихъ родителей? Вѣдь если послѣднихъ жизнь *случайно* толкнула на преступленіе, то первые *растутъ* въ его атмосферѣ и иной атмосферы не знаютъ. Подрастая, эти питомцы сахалинской нищеты идутъ на материкъ и несутъ туда все убожество своей души, плодъ сахалинской каторжной культуры. Это безсознательные мстители за уродство сахалинской жизни. Каждый годъ, стараясь оградить себя отъ опасныхъ элементовъ, материкъ высылаетъ на Сахалинъ своихъ преступниковъ, но вмѣсто нихъ Сахалинъ шлетъ на материкъ ихъ дѣтей, гораздо въ большемъ числѣ и еще болѣе одичалыхъ. Ссылка на Сахалинъ въ ея современномъ положеніи—это тысячеголовая гидра, у которой на мѣсто одной отмирающей головы вырастаютъ нѣсколько новыхъ, еще болѣе вредоносныхъ. Чтобы умертвить эту гидру, есть одно только средство—совершенно реформировать ссылку, поставивъ на первый планъ интересы жизни ради самой жизни, интересы колонизаціи ради самой колонизаціи и отказавшись навсегда отъ смѣшенія интересовъ этой послѣдней съ интересами отвлеченной идеи возмездія.

Рисуя столь безотрадными чертами явленія сахалинской одичалости, я далекъ отъ мысли приписывать имъ всеобщее или даже преобладающее значеніе. Распущенность нравовъ существуетъ вездѣ, и даже въ той средѣ, гдѣ она не можетъ быть оправдана ни нищетою, ни отсутствіемъ воспитанія и образованія, ни растлевающимъ вліяніемъ численнаго несоотвѣтствія половъ. На Сахалинѣ эта распущенность бросается въ глаза болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, благодаря грубости своихъ формъ, благодаря своей обнаженности и какъ бы хвастливому цинизму. Распущенность сахалинскихъ женщинъ, быть можетъ, не выше распущенности работницъ на многихъ изъ нашихъ фабрикъ, гдѣ, по словамъ изслѣдователей, она дѣлаетъ весьма быстрые успѣхи, разрушая домашній очагъ и не щадя даже дѣвочекъ-подростковъ. Но эта интимнѣйшая сторона человѣческой жизни весьма туго поддается регистраціи статистическихъ таблицъ. По свѣдѣніямъ сахалинской администраціи за 3-лѣтіе 1899—1901 г. семейный бытъ сахалинскихъ женщинъ какъ ссыльныхъ, такъ и свободныхъ опредѣляется слѣдующими средними цифрами: живущихъ въ бракѣ 57%, сожительствующихъ—27,2% и одиноко живущихъ—15,1%. Говоря о сожительствующихъ, отчеты указываютъ на трудность добыть по этому предмету точныя данныя и констатируютъ, что въ число сожительствующихъ вошли лишь тѣ женщины, которыя, какъ извѣстно администраціи, сожительствуютъ уже нѣсколько лѣтъ и имѣютъ семьи и хозяйства. Останавливаясь на этомъ драгоцѣнномъ указаніи, можно утверждать, что не

менѣе 84% всѣхъ женщинъ на Сахалинѣ устроили прочно свой семейный быть и только положеніе остальныхъ 16% сомнительно. Какъ велика та часть этихъ союзовъ, которая служитъ лишь прикрытіемъ для проституціи, судить, конечно, невозможно, но если принять въ соображеніе, что большая часть женщинъ живетъ въ селахъ, гдѣ населеніе, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, имѣетъ болѣе обезпеченный доходъ и что численное соотношеніе половъ среди этого населенія гораздо благопріятнѣе, чѣмъ вообще по острову (по острову 19,5 на 100, въ сельскомъ населеніи—40 на 100 при колебаніяхъ по отдѣльнымъ округамъ отъ 23 до 66%), то нужно думать, что число это не можетъ быть значительно. По отдѣльнымъ категоріямъ семейное положеніе женщинъ въ процентномъ отношеніи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ бракѣ.	Сожительствующ.	Одинокихъ.
Ссыльно-каторжныхъ	18,1	63,8	18,1
Ссыльно-поселенокъ.	32,8	51,3	15,9
Крестьянокъ изъ ссыльныхъ .	38,7	37,3	24,0
Свободнаго состоянія, въ томъ числѣ женщинъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями	86,3	2,3	11,4

Сравнивая эти данныя, мы видимъ, что число живущихъ въ бракѣ постепенно возрастаетъ въ направленіи отъ ссыльно-каторжныхъ къ свободнымъ женщинамъ, число же сожительствующихъ, наоборотъ, падаетъ въ томъ же направленіи, что служитъ новымъ подтвержденіемъ высказаннаго ранѣе заключенія о вредномъ вліяніи на нравственность ссыльнаго населенія существующихъ правилъ о разводѣ и срокахъ для вступленія въ бракъ. Эти же данныя даютъ и другое весьма важное указаніе, свидѣтельствующее о стремленіи населенія замѣнить свободное сожительство болѣе прочными узами церковнаго брака. Особенно сильно сказывается это стремленіе въ мужской части населенія, въ которой число живущихъ въ бракѣ вдвое превышаетъ число незаконно-сожительствующихъ.

Въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ очерковъ я уже говорилъ о господствующемъ въ послѣднее время среди сахалинской администраціи взглядѣ на колонизацію острова какъ на нѣчто невозможное. Публичнымъ выраженіемъ этихъ взглядовъ является помѣщенная въ 6 номерѣ *Тюремнаго Вѣстника* за 1901 г. статья неизвѣстнаго автора «Къ вопросу о будущности и устройствѣ о. Сахалина». Статья эта чрезвычайно интересна по весьма характерному способу аргументаціи, основанному болѣе на непринужденности и безапеляціонности тона, чѣмъ на изученіи фактовъ дѣйствительности. «Касаясь вопроса о колонизаціи Сахалина, она говоритъ: «Мечтать о добровольномъ осѣданіи на Сахалинѣ многихъ крестьянъ изъ ссыльныхъ уже болѣе не приходится: цифры говорятъ, что подавляющее большинство крестьянъ, получившихъ разрѣшеніе на выѣздъ

съ острова, немедленно покидаютъ его, а теперь разрѣшеніе это дается иногда и не уплатившимъ долговъ въ казну крестьянамъ. Остаются на Сахалинѣ лишь не получившіе такого разрѣшенія, да круглые бѣдняки, не имѣющіе никакой возможности предпринять переселеніе».

«Цифры говорятъ!» Эта фраза способна смутить всякаго, а общій тонъ приведенной выдержки даетъ возможность думать, что переселеніе крестьянъ на материкъ представляетъ какое-то повальное бѣгство: «*подавляющее* большинство крестьянъ... *немедленно* покидаетъ его, остаются не имѣющіе *никакой возможности* предпринять переселеніе». На самомъ дѣлѣ бѣгство съ Сахалина вовсе не такъ уже громадно, какъ можно было бы предположить, основываясь на приведенной цитатѣ. На самомъ дѣлѣ «цифры говорятъ» слѣдующее: за 13 лѣтъ съ 1889 по 1901 г. переселилось съ Сахалина на материкъ 898 человѣкъ, причемъ въ первые 10 лѣтъ, когда пересеніе было обставлено большими, чѣмъ теперь, стѣсненіями, переселилось всего только 416 человѣкъ, а остальные 482 человѣка падаютъ на послѣдніе три года. Слѣдовательно, въ то время какъ въ первый періодъ переселялось всего только по 41 человѣку въ годъ, за послѣдній движеніе это возросло до 160 человѣкъ, т.-е. увеличилось вчетверо, что должно быть объяснено исключительно болѣе снисходительнымъ, чѣмъ прежде, отношеніемъ администраціи къ переселенію. Но какъ ни знаменателенъ этотъ фактъ самъ по себѣ, все же онъ не имѣетъ того широкаго значенія, какое можно предполагать на основаніи приведенной выше выдержки, такъ какъ число выселяющихся крестьянъ по отношенію къ остающимся имѣетъ совершенно ничтожное значеніе. Въ 1899 г. изъ 7,863 крестьянъ выселилось всего только 198 или 2,26%, въ 1900 г. изъ 8,457—160 или 1,89% и въ 1901 г. изъ 8,712 человѣкъ крестьянъ выселилось 144 человѣка или 1,65%. Такимъ образомъ «цифры говорятъ», что ослабленіе репрессіи хотя и повлекло за собою, какъ это бываетъ всегда, увлеченіе переселеніями, но оно захватило собою лишь весьма незначительную часть населенія и тотчасъ же начало падать и относительно и абсолютно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ будущемъ оно едва ли можетъ развиться въ сколько-нибудь значительное движеніе, такъ какъ сельскія общества на материкѣ весьма неохотно даютъ свое согласіе на приписку къ нимъ бывшихъ каторжныхъ и спрашиваютъ съ нихъ такія крупныя суммы за пріемные приговоры, которыя совершенно не подъ силу подавляющему большинству сахалинскихъ крестьянъ. Другое дѣло—дѣти крестьянъ изъ ссыльныхъ. Эти, дѣйствительно, не остаются на Сахалинѣ и спѣшатъ оставить его при первой возможности. За 25 лѣтъ ссылки на Сахалинъ эта группа могла бы занять численно преобладающее значеніе на островѣ, а между тѣмъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ дѣтей крестьянъ изъ ссыльныхъ числится всего только 792 и при нихъ 176 малолѣтнихъ. Иначе, конечно, не можетъ и быть. Сахалинская дѣйствительность слишкомъ сурова и даетъ слишкомъ мало точекъ опоры для приложенія молодыхъ и никакими путами не связанныхъ силъ.

Указывая, что движеніе крестьянъ на материкъ не имѣетъ массоваго характера, я вовсе не хочу сказать, что эта группа такъ приспособилась къ сахалинской жизни, что находитъ ее вполнѣ удовлетворительной и предпочитаетъ ее жизни на материкѣ. Напротивъ. Нѣтъ, кажется, на Сахалинѣ человѣка, который бы не тяготился этой жизнью, не смотрѣлъ бы на нее какъ на что-то временное и не надѣялся рано или поздно уѣхать съ Сахалина. Но на это есть свои причины, съ которыми можно и должно бороться. А между тѣмъ всѣ, кто смотритъ отрицательно на возможность колонизаціи Сахалина путемъ добровольнаго осѣданія на немъ поселенцевъ, придаютъ этому факту значеніе чего-то предопредѣленнаго и опираются на него какъ на нѣчто совершенно незыблемое, какъ на какую-то аксіому, которую такъ же смѣшно опровергать, какъ любую изъ математическихъ аксіомъ. Какъ будто бы на Сахалинѣ сдѣлано было все, чтобы привязать къ нему его невольныхъ поселенцевъ и сдѣлать его для нихъ второй родиной. Въ предыдущихъ очеркахъ мы видѣли, какъ устраивалась жизнь поселенца на островѣ, съ какимъ трудомъ приходится ему завоевывать право на свое полуголодное существованіе и какъ мало обезпечено оно въ будущемъ. При такихъ условіяхъ трудно помириться съ сахалинскою жизнью. Но не одна нищета заставляетъ сахалинца устремлять свои взоры на материкъ, гдѣ часто его ждетъ такая же безысходная нужда, какъ и на Сахалинѣ. Гонятъ его съ Сахалина не экономическія причины, а его безправіе. Долгими годами тюрьмы, каторги и поселенія тяжкимъ трудомъ по «домостройству» онъ купилъ себѣ право быть, какъ всѣ, и вернуть себѣ утраченныя права. Съ перечисленіемъ въ крестьяне, юридически онъ пріобрѣтаетъ тѣ же права, какими пользуется всякій крестьянинъ изъ ссыльныхъ на материкѣ, но фактически, пока онъ остается на Сахалинѣ, онъ не имѣетъ большихъ правъ, чѣмъ всякій поселенецъ. Тюремная администрація, привыкнувъ смотрѣть на ссыльно-каторжнаго, какъ на существо, лишенное всякихъ правъ, переноситъ тотъ же взглядъ на поселенца, а потомъ и на крестьянина, и послѣдній никогда не можетъ быть увѣренъ, что его «права» не будутъ нарушены самымъ вопіющимъ образомъ. Даже въ Сибири, гдѣ подавляющее большинство состоитъ изъ людей свободныхъ и гдѣ, въ зависимости отъ этого, и нравы иные, чѣмъ на Сахалинѣ, бываютъ случаи наказанія розгами бывшихъ ссыльныхъ по распоряженію администраціи. Тѣмъ болѣе это возможно на Сахалинѣ. Кому пойдетъ онъ жаловаться, этотъ вчерашній поселенецъ и недавній каторжникъ? «Съ полученіемъ крестьянскихъ правъ,—говоритъ одно изъ хорошо знающихъ Сахалинъ лицъ,—онъ мало ощущаетъ это свое преимущество передъ поселенцами. Крестьянинъ изъ ссыльныхъ очень дорожитъ полученными имъ съ крестьянствомъ правами. Между тѣмъ бывали случаи, когда права эти фактически не признавались и отрицались» [22]). О произвольномъ лишеніи свободы нечего и говорить. Бывшій смотритель Александровской тюрьмы, г. Ливинъ, говоритъ, что при пріемѣ имъ этой тюрьмы онъ нашелъ въ подслѣдственномъ ея отдѣленіи болѣе 300 человѣкъ заключенныхъ, «огра-

ное большинство которыхъ вовсе не знаетъ, за что помѣщены, хотя содержатся въономъ уже много мѣсяцевъ. Послѣ двухнедѣльнаго усиленнаго труда выяснилось, что подлежали содержанію въ подслѣдственномъ отдѣленіи только человѣкъ 80. Остальные, какъ оказалось, были помѣщены въ это отдѣленіе смотрителемъ тюрьмы и даже надзирателями за ничтожные проступки и затѣмъ забыты» [33]). То же свидѣтельствуетъ и военный губернаторъ о Сахалина. «При посѣщеніи мною тюремъ острова, — говоритъ онъ,—многіе изъ арестантовъ заявили мнѣ о неправильномъ содержаніи ихъ въ тюрьмѣ. При повѣркѣ этихъ заявленій мною обнаружено, что, дѣйствительно, начальниками тюремъ нерѣдко принимаются для содержанія въ тюрьмы и содержатся иногда въ теченіе продолжительнаго времени въ качествѣ подслѣдственныхъ арестанты безъ всякой копіи съ постановленія лица или учрежденія, имѣющаго въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ право заключать подъ стражу» [34]). По свидѣтельству приказовъ военнаго губернатора о. Сахалина даже освобожденіе отъ каторжныхъ работъ и перечисленіе ссыльно-поселенцевъ въ крестьяне производятся администраціей значительно позже сроковъ [35]).

Какія же гарантіи даютъ на Сахалинѣ крестьянину изъ ссыльныхъ его права? А между тѣмъ вслѣдствіе отсутствія тамъ крестьянскихъ учрежденій крестьянину постоянно приходится сталкиваться съ администраціей. Необходимость введенія на Сахалинѣ сельскихъ обществъ и общественнаго управленія, на основаніи Положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ, доказывалъ еще бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія г. Галкинъ-Врасскій [36]). Соображенія его по этому поводу были одобрены бывшимъ въ Петербургѣ совѣщаніемъ по вопросу о принятіи мѣръ къ болѣе прочному заселенію Сахалина, и еще въ апрѣлѣ 1892 года пріамурскій генералъ-губернаторъ предложилъ бывшему начальнику острова генералъ-майору Кононовичу «озаботиться скорѣйшимъ составленіемъ и представленіемъ подробныхъ, сообразованныхъ съ мѣстными потребностями и условіями правилъ относительно устройства на о. Сахалинѣ сельскихъ обществъ и общественныхъ управленій», но вопросъ этотъ получилъ нѣкоторое движеніе только при преемникѣ г. Кононовича въ 1895 году, когда военный губернаторъ острова, генералъ-майоръ Мерказинъ, предписалъ начальникамъ округовъ высказать свои соображенія по этому предмету. Начальники округовъ отнеслись къ этому предложенію весьма сочувственно, находя устройство общественнаго управленія на Сахалинѣ безусловно необходимымъ, и въ томъ же году дали свои заключенія. Но дѣло затѣмъ опять замерло на цѣлыхъ семь лѣтъ вплоть до 1902 года, когда военнымъ губернаторомъ острова было созвано особое совѣщаніе по вопросу о введеніи крестьянскихъ учрежденій на Сахалинѣ, но представлены ли выработанныя совѣщаніемъ соображенія куда слѣдуетъ, мнѣ неизвѣстно.

Между тѣмъ введеніе сельскаго общественнаго устройства на Сахалинѣ не встрѣтило бы сколько-нибудь значительныхъ препятствій. Фактически оно существуетъ и даже поощряется мѣстнымъ начальствомъ, такъ какъ

организація сахалинскихъ обывателей въ привычный для нихъ типъ сельскихъ обществъ является для мѣстной малочисленной администраціи единственнымъ средствомъ сколько-нибудь упорядочить бытъ сельскаго населенія. По свидѣтельству бывшаго военнаго губернатора острова генералъ-майора Мерказина, «каждое селеніе съ момента своего возникновенія стремилось собраться въ извѣстную группу, которая, выставляя своего представителя, принимала на себя нѣкоторыя общественныя обязанности и даже повинности (какъ, наприм., подводную, дорожную и т. д.), присваивало себѣ, хотя бы и незаконно, нѣкоторыя права, напримѣръ, выдачу общественныхъ увольнительныхъ приговоровъ» и т. д. [37]). «Не имѣя облика полноправныхъ обществъ,—говоритъ бывшій начальникъ Тымовскаго округа, г. Савримовичъ,—тѣмъ не менѣе на Сахалинѣ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ общества эти фактически живутъ и въ мѣстной жизни функціонируютъ до извѣстной степени въ роли полноправныхъ. Старосты выбираются обществомъ по приговорамъ, утвержденнымъ окружной администраціею и получаютъ отъ общества опредѣленное содержаніе; получаютъ также содержаніе и сельскіе писаря, кромѣ того избираются кандидаты къ старостамъ и выборные (въ качествѣ сельскаго суда). Тюремная администрація,—продолжаетъ далѣе г. Савримовичъ,—во многихъ случаяхъ общество признаетъ и они, наравнѣ съ выборными старостами, въ значительной степени облегчаютъ задачи административныя и по надзору. Независимо отъ передачи черезъ старостъ распоряженій, многія спорныя дѣла передаются на разборъ общества; послѣднія тѣмъ или другимъ путемъ призывались зачастую къ доставкѣ лѣса и ко многимъ изъ работъ, не терпящихъ отлагательства или обременительныхъ по времени для тюремъ. Въ Дербинскомъ районѣ практиковалась до сего времени и подводная повинность» [38]). Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, г. Саломонъ, описывая организацію сельскихъ обществъ на Сахалинѣ, перечисляетъ обязанности сельскаго старосты, къ которымъ относятся: доносить по начальству о происшествіяхъ, получать и объявлять всѣ распоряженія начальства, въ случаѣ совершенія преступленія задерживать уличеннаго и охранять вещественныя доказательства, руководить поимкою бродягъ, вести очередь наряду подводъ и распоряжаться всякими работами, возлагаемыми на цѣлое селеніе, производить сборы на жалованье себѣ, «крикуну», пастуху и писарю. Обязанности «крикуна»,—говоритъ онъ,—опредѣляются отчасти самымъ названіемъ: онъ созываетъ сходъ, оповѣщаетъ о распоряженіяхъ старосты и исполняетъ его отдѣльныя порученія» [39]).

Такимъ образомъ хотя полупризнанныя администраціей сельскія общества и существуютъ, но ихъ существованіе допускается постольку, поскольку они содѣйствуютъ видамъ администраціи. Сельское общество на Сахалинѣ имѣетъ рядъ обязанностей, но никакихъ правъ, и хотя сельскіе обыватели добровольно организуются въ группы, напоминающія собою сельскія общества, но эта организація обращается въ повинность, т... ую

же тягостную, какъ и всѣ прочія, которая поэтому и не можетъ привлекать къ себѣ симпатіи населенія. По свидѣтельству г. Савримовича, крестьяне даже избѣгаютъ бывать на сходахъ, и подчиняются рѣшенію поселенцевъ, которые представляютъ собою большинство. При такихъ условіяхъ каждый крестьянинъ, конечно, лелѣетъ мысль, хоть со временемъ, пожить тою жизнью, на которую онъ имѣетъ юридическое право, но которая для него совершенно немыслима при сахалинскихъ тюремныхъ порядкахъ; они проникаютъ собою всю жизнь острова и даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу рядомъ произвольныхъ стѣсненій. Ни на одну минуту они не даютъ крестьянину забыться и вздохнуть свободно: тюремныя кандалы чувствуются всю жизнь и отъ нихъ нельзя избавиться иначе, какъ покинувъ островъ. Этимъ-то именно постояннымъ давленіемъ тюремнаго режима, этимъ постоянно раздражаемымъ сознаніемъ своего безправія и объясняется тотъ, повидимому, странный фактъ, что даже люди успѣвшіе хорошо устроиться на Сахалинѣ, продаютъ за безцѣнокъ, а частью бросаютъ свое хозяйство, и идутъ на материкъ, гдѣ часто ихъ ждетъ та же нужда, изъ которой они съ такимъ трудомъ выбились на Сахалинѣ. Если каждому дорога возможность невозбранно пользоваться принадлежащими ему юридически правами, то во сколько разъ дороже она для человѣка, эти права утратившаго и пріобрѣтшаго ихъ снова цѣною долгихъ лѣтъ тяжелаго труда, лишеній и всяческаго униженія его человѣческой личности. Только совершенно забитый жизнью, приниженный и утратившій всякое достоинство человѣкъ можетъ добровольно отказаться отъ своихъ правъ, и до тѣхъ поръ, пока сахалинскіе крестьяне не будутъ уравнены въ своихъ правахъ съ материковыми и не получатъ фактической возможности свободно пользоваться этими правами, до тѣхъ поръ о «добровольномъ осѣданіи» на Сахалинѣ крестьянъ не можетъ быть и рѣчи.

Должно отдать справедливость мѣстной администраціи. Нѣкоторые изъ ея представителей прекрасно сознаютъ необходимость изъять сахалинскихъ обывателей изъ-подъ опеки тюремной администраціи и предоставить имъ возможность устраивать свой бытъ на тѣхъ же началахъ, которыя положены въ основаніе Положенія о крестьянахъ. Въ этомъ видятъ они залогъ нравственнаго возрожденія бывшихъ преступниковъ. «Для возвышенія нравственнаго уровня сельскаго населенія,—говоритъ въ своемъ рапортѣ бывшій начальникъ Корсаковскаго округа, г. Вологдинъ,—учреждается общественное управленіе съ крестьянскимъ судомъ, со введеніемъ котораго доселѣ безправный ссыльный призывается къ самодѣятельности, получаетъ возможность выражать свой голосъ, освобождаясь отъ административной опеки. Эти дорогія нововведенія,—продолжаетъ онъ далѣе,—для ссыльныхъ людей будутъ имѣть еще большую цѣнность, если низшіе исполнители ихъ отнесутся къ нуждамъ населенія внимательнѣе, сердечнѣе, къ недостаткамъ снисходительнѣе, не обратятъ общественное управленіе въ свой низшій полицейскій органъ, дѣйствующій только по при-

казаніямъ и угрозамъ. При такихъ только условіяхъ можно ожидать отъ введенія Положенія 19 февраля 1861 г. благотворныхъ результатовъ» [40]).

Вопросъ о дарованіи проживающимъ на Сахалинѣ крестьянамъ тѣхъ же правъ, коими они пользовались бы на материкѣ, выдвинулъ и вопросъ о правовомъ положеніи поселенцевъ и уволенныхъ отъ работъ ссыльно-каторжныхъ. Г. военный губернаторъ о. Сахалина въ цитированномъ ранѣе предложеніи окружнымъ начальникамъ, предложилъ имъ представить свои соображенія и объ устройствѣ быта поселенцевъ. «Имѣя въ виду,—говоритъ онъ,—что въ сахалинскихъ, особенно въ старыхъ поселеніяхъ, рядомъ съ лицами, получившими право крестьянства, стоятъ ссыльно-поселенцы, причемъ тѣ и другіе тѣсно соприкасаются между собою во всѣхъ проявленіяхъ сельско-хозяйственной жизни, желательно, чтобы при разработкѣ положенія о сельскихъ обществахъ было выяснено, не признается ли возможнымъ распространить нѣкоторыя права сельскаго состоянія и на ссыльно-поселенцевъ о. Сахалина съ тѣмъ, чтобы распространеніемъ благъ проектируемой реформы поощрить наиболѣе трудолюбивыхъ и старательныхъ поселенцевъ къ прочному поселенію на островѣ». Въ отвѣтъ на это предложеніе начальникъ Александровскаго округа, г. Стецевичъ, высказался, что право голоса на общественныхъ сходахъ должно быть предоставлено не только поселенцамъ, но и ссыльно-каторжнымъ. «Практикующіяся уже и теперь водворенія ссыльно-каторжныхъ семейныхъ въ селеніяхъ,—говоритъ онъ,—и посылка въ селенія поселенцевъ уже теперь дало раздѣленіе состава каждаго селенія на категоріи: ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ, крестьянъ изъ ссыльныхъ и лицъ свободнаго состоянія. Это обстоятельство заставляетъ допустить право участія въ рѣшеніи нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ и дать право голоса на сельскихъ сходахъ всѣмъ членамъ каждой категоріи, хотя бы въ вопросахъ о пользованіи землей, земельными угодьями и всѣхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ хозяйственными интересами населенія. Иначе, если дать право голоса только крестьянамъ изъ ссыльныхъ и лицамъ свободнаго состоянія, то живущіе въ селеніяхъ ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы будутъ всегда обижены и подъ гнетомъ членовъ общества во всѣхъ главныхъ жизненныхъ вопросахъ» [41]). Начальникъ Корсаковскаго округа, указывая на необходимость введенія на Сахалинѣ волостного суда, говоритъ: «Предоставляя право пользоваться сельскимъ судомъ ссыльно-поселенцамъ нельзя отказать въ немъ и семейнымъ каторжнымъ, ибо ссыльные эти, живя на поселеніяхъ, имѣя общіе интересы со своими односельчанами, невольно должны сталкиваться съ ними, переживать всѣ невзгоды, которыми такъ богатъ крестьянскій бытъ. Въ случаѣ совершенія проступка ссыльно-каторжнымъ совмѣстно съ крестьяниномъ или поселенцемъ, было бы несправедливо за тотъ же самый проступокъ налагать на него болѣе тяжелое наказаніе административнымъ порядкомъ безъ всякаго иногда разбирательства, чѣмъ таковое будетъ наложено сельскимъ судомъ на остальныхъ обвиняемыхъ, принадлежащихъ къ другой категоріи ссыль-

ныхъ. Распредѣленіе благъ сельскаго суда на семейныхъ каторжныхъ можетъ оказать большое нравственное вліяніе на бытъ ссыльныхъ, а въ особенности на дѣтей ихъ» [12]).

Таковы мнѣнія о предѣлахъ крестьянской реформы на Сахалинѣ, высказанныя военнымъ губернаторомъ острова и окружными начальниками. Въ компетентности этихъ лицъ трудно сомнѣваться, потому что, прослуживъ по нѣскольку лѣтъ на Сахалинѣ, они тѣсно соприкасались съ бытомъ населенія и имѣли полную возможность изучить его нужды и потребности. Ихъ мнѣнія пріобрѣтаютъ особенный вѣсъ еще и потому, что они исходятъ отъ представителей административной власти, той власти, которая, оперируя на Сахалинѣ надъ безправною массою ссыльныхъ, часто бываетъ склонна очень ревниво относиться къ своимъ прерогативамъ, оберегая ихъ даже и тогда, когда онѣ выходятъ изъ указанныхъ закономъ предѣловъ. Не трудно, однако, замѣтить, что осуществленіе такъ горячо привѣтствуемой ими крестьянской реформы подрываетъ въ корень существующую въ настоящее время на Сахалинѣ систему колонизаціи. Необходимость предоставленія крестьянамъ и свободнымъ жителямъ Сахалина тѣхъ правъ, которыми они должны пользоваться по закону, очевидна сама собою и сознана еще 12 лѣтъ тому назадъ. Логическимъ послѣдствіемъ этой реформы является распространеніе ея на всѣхъ сельскихъ обывателей, жизненные интересы которыхъ до такой степени связаны и перепутаны, что практически нѣтъ никакой возможности размѣрить пользованіе благами этой реформы по отдѣльнымъ категоріямъ. Какія бы рамки ни были выдуманы въ канцеляріяхъ для практическаго разграниченія этихъ категорій, жизнь все равно изломаетъ ихъ и перемѣшаетъ всѣ эти категоріи въ одномъ жизненномъ потокѣ. Но когда сельскіе обыватели, т.-е. большинство ссыльнаго населенія Сахалина, получатъ возможность обходиться безъ опеки тюремнаго чиновника, то и самая зависимость Сахалина отъ тюремнаго вѣдомства сдѣлается совершенно немыслимой. Оно вынуждено будетъ удалиться на задній планъ, въ тотъ маленькій, огороженный палями, едва замѣтный уголокъ, который занимаетъ она во всякомъ гражданскомъ обществѣ.

Предоставленіе тюремному вѣдомству распоряженія колонизаціей Сахалина было большой ошибкой, и вотъ теперь само тюремное вѣдомство подчеркиваетъ эту ошибку, хотя, повидимому, не сознаетъ, что крестьянская реформа, какъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій успѣшности колонизаціи Сахалина, дѣлаетъ совершенно излишнимъ его вмѣшательство въ жизнь этого острова. Двадцатипятилѣтній опытъ показалъ, что задачи колонизаціи и задачи карательныя не только несовмѣстимы, но прямо-таки исключаютъ другъ друга. Взглядъ на исполненіе приговора суда не какъ на наказаніе, а какъ на мѣру исправительную, слишкомъ еще новъ не только у насъ, но даже и въ Европѣ. Благодаря своей новизнѣ, взглядъ этотъ не только не успѣлъ воспитать соотвѣтствующаго контингента практическихъ дѣятелей въ средѣ тюремнаго вѣдомства, но и теоретически

раздѣляется далеко не всѣми его адептами. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что роль колонизаціи Сахалина, какъ мѣры исправительной, и громадное государственное значеніе ея не были поняты какъ слѣдуетъ, и исполнителями предначертаній комитета 1868 года явились люди съ средневѣковыми взглядами на наказаніе и личность преступника, которая не только не уважалась, но и вовсе не признавалась. А между тѣмъ, если бы теоретическія соображенія оказались мало убѣдительными, то четвертьвѣковой опытъ Сахалина долженъ доказать, что никакія попытки возродить людей къ новой жизни и соединить ихъ въ прочное цвѣтущее общество невозможны при подавленіи человѣческой личности этихъ людей.

Мы видѣли выше, что ни физическія условія острова, ни внутреннія качества большинства поселенцевъ не могли бы служить препятствіемъ для колонизаціи Сахалина. Въ средствахъ также не было недостатка. Опытъ колонизаціи Сахалина при посредствѣ тюремной администраціи обошелся около тридцати милліоновъ рублей. И единственной причиной неуспѣха колонизаціи Сахалина нужно признать только забвеніе въ сахалинскомъ поселенцѣ его человѣческой личности. Какое бы направленіе ни приняла въ будущемъ колонизація Сахалина—земледѣльческое или промышленное—она будетъ обречена на неизбѣжную гибель, если взглядъ на личность преступника останется тотъ же. Ожидать, что тюремное вѣдомство въ состояніи будетъ въ ближайшемъ будущемъ замѣнить существующій въ настоящее время на Сахалинѣ штатъ служащихъ людьми иного закала, конечно, невозможно, а потому и самое завѣдываніе дѣломъ колонизаціи Сахалина должно быть отдано въ распоряженіе вѣдомства, болѣе близко стоящаго къ жизни обыкновенныхъ людей, не въ такой мѣрѣ зараженнаго духомъ репрессій, которыя въ настоящее время не считаются достигающими цѣли даже въ тѣсныхъ стѣнахъ исправительныхъ тюремъ.

Колонизація Сахалина, благодаря его неисчерпаемымъ и разнообразнымъ богатствамъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе его географическаго положенія, создающаго изъ него огромной величины фортъ для всего Пріамурья, съ другой—есть дѣло громадной государственной важности, передъ которой совершенно меркнетъ его значеніе, какъ мѣста ссылки. Заселить Сахалинъ свободными переселенцами не представляется возможнымъ, такъ какъ репутація Сахалина установлена въ народѣ слишкомъ прочно и туда добровольно никто не пойдетъ. А потому остается заселить Сахалинъ преступниками, устранивъ изъ числа ихъ всѣхъ тѣхъ, кто, какъ рецидивисты, бродяги и уроженцы Кавказа или степей средней Азіи, являются элементами или совершенно не годными, или не подходящими къ климатическимъ условіямъ Сахалина. Значеніе главнаго тюремнаго управленія въ этомъ государственномъ дѣлѣ должно ограничиться служебною ролью поставщика переселенцевъ и въ зависимости отъ значенія ссылки на Сахалинъ, какъ учрежденія государственнаго, туда должны быть ссылаемы лишь тѣ преступники, какіе нужны для колоніи, а не тѣ, которыхъ главное тюремное управленіе считаетъ опаснымъ оставлять въ тюрьмахъ

материка, какъ было до сихъ поръ. Что касается опредѣленія нравственныхъ качествъ преступниковъ, то таковое могло бы быть возложено на обязанность судовъ, которымъ, конечно, болѣе чѣмъ кому-нибудь извѣстны тѣ скрытыя пружины, которыя руководили преступникомъ. Менѣе испорченные изъ нихъ могли бы въ видѣ смягченія ихъ участи быть прямо судами приговариваемы на Сахалинъ, причемъ, конечно, администраціи острова предоставлялось бы право выбора изъ нихъ тѣхъ именно элементовъ, которые для нея необходимы. Ссылка на Сахалинъ явилась бы въ такомъ случаѣ привилегіей, а не крайней степенью несчастія, какъ теперь, и заставляла бы присужденныхъ къ ней смотрѣть съ надеждой, а не съ отчаяніемъ въ свое будущее, которое всецѣло находилось бы тогда въ рукахъ самихъ преступниковъ, въ зависимости отъ ихъ поведенія и стремленія къ улучшенію своего быта.

Сахалинская тюрьма, служа мѣстомъ заключенія лишь для совершившихъ преступленія на островѣ и неисправимыхъ лѣнтяевъ, получила бы то репрессивное значеніе, котораго она не имѣетъ въ настоящее время. Опасаться побѣговъ и преступленій съ упраздненіемъ тюрьмы, какъ мѣста общаго для всѣхъ на извѣстный срокъ заключенія, конечно, нѣтъ никакихъ основаній. Сахалинская тюрьма въ настоящее время не только не избавляетъ отъ нихъ островъ, но, по общему признанію самой администраціи, является разсадникомъ и школой преступности. «Смѣемъ увѣрить всѣхъ сомнѣвающихся еще,—говоритъ А. П. Сипягинъ,—что ничто такъ благотворно не дѣйствуетъ на самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, какъ производительная работа, строгій, но простой и спокойный распорядокъ, полная справедливость и неподдѣльная попечительность объ ихъ бытѣ. Все это съ заранѣе обезпеченнымъ успѣхомъ замѣнитъ и каменныя стѣны съ желѣзными рѣшетками и давно ненужные и позорные кандалы, розги, плети, которые, несмотря на весь свой ужасъ и кажущуюся дѣйствительность, не всегда сдерживали этихъ отверженныхъ людей въ желаемыхъ границахъ уголовной дисциплины, когда въ нихъ попирали оставшіеся признаки человѣческаго достоинства и слабую, едва теплившуюся надежду на исправленіе и лучшее будущее послѣ долгихъ лѣтъ неволи» [48]).

А. Сѣичъ.

---

[2]) *Левъ Ландау*: „Къ вопросу о призрѣніи душевно-больныхъ на Сахалинѣ". *Сахалинскій календарь* на 1897 г., отд. II, стр. 89.

[3]) Тамъ же, стр. 86—93.

[4] Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1884 г., стр. 127. *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 4, стр. 153.

[5] *А. Чеховъ*: „Островъ Сахалинъ", т. 16, стр. 42.

[6] *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ". Отчетъ о командировкѣ, стр. 29.

[7] *Тюремный Вѣстникъ* 1896 г., стр. 262, статья 32.

[9] Приказъ по острову отъ 3 августа 1896 г., по ходатайству Труфановой и Ховр: лева.

[10] *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ", стр. 31.

[11]) „О положеніи ссыльных женщинъ и семействъ ссыльныхъ на о. Сахалинѣ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 6, стр. 278.

[12]) *Д. А. Дриль*: Тамъ же, стр. 31.

[13]) *Тюремный Вѣстникъ* 1899 г., № 10, стр. 422.

[15]) *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 6, стр. 279.

[16]) „О положеніи ссыльныхъ женщинъ и семействъ ссыльныхъ на о. Сахалинѣ“. *Тюремный Вѣстникъ*, № 6, стр. 288.

[17]) *Н. Новомбергскій:* „Островъ Сахалинъ“, стр. 31.

[18]) *Н. С. Лобасъ*: „Каторга и поселеніе на Сахалинѣ“, стр. 150.

[19]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ“, стр. 35.

[20]) *Н. Новомбергскій*: Тамъ же, стр. 31—32.

[21]) *Д. Дриль*: „Преступность и преступники“, стр. 264.

[22]) Тамъ же, стр. 275.

[23]) *Жюль Симонъ*: „Работница въ Европѣ“, стр. 131—132.

[24]) *П. Гиршъ*: „Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни“, стр. 45, 61, 64, 65—66.

[25]) *Д. Дриль*: „Преступность и преступники“, стр. 269.

[26]) *В. Бутсъ*: „Въ трущобахъ Англіи“, стр. 81.

[27]) *Д. Дриль*: Тамъ же, стр. 275.

[28]) *В. Бутсъ*: „Въ трущобахъ Англіи“, стр. 63, 68, 184.

[29]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., стр. 77.

[31]) *А. П. Сипягинъ*: „Нѣсколько словъ о настоящемъ и будущемъ уголовной ссылки и тюрьмы“. *Тюремный Вѣстникъ* 1898 г., № 6, стр. 294.

[32]) „Краткій обзоръ поселеній Корсаковскаго округа“. *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 1, стр. 65.

[33]) *Лившнъ*: „Записки сахалинскаго чиновника“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 9, стр. 478.

[34]) Приказъ по острову отъ 23 декабря 1898 г., № 295. *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г., № 1, стр. 59.

[35]) Приказы отъ 29 сентября 1899 г. и 16 декабря 1898 г., за №№ 394 — 288. *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г. № 1, стр. 55—59.

[36]) *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 339, п. 10.

[37]) Предписаніе окружнымъ начальникамъ отъ 14 октября 1895 г., за № 8809.

[38]) Донесеніе военному губернатору отъ 19 іюля 1895 г., № 5013.

[39]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1 стр. 70.

[40]) Рапортъ военному губернатору отъ 15 декабря 1895 г., № 9046.

[41]) Рапортъ военному губернатору отъ 7 февраля 1896 г., № 2732.

[42]) Рапортъ военному губернатору отъ 15 декабря 1895 г., № 9046.

[43]) *А. П. Сипягинъ*: „Нѣсколько словъ о настоящемъ и будущемъ уголовной ссылки и тюрьмы“. *Тюремный Вѣстникъ* 1898 г., № 6, стр. 291.

Очеркъ земскаго народнаго образованія въ Пензенской губерніи.

I.

Доступность начальной школы. Средства содержанія.

Пензенская губернія въ силу сложившихся обстоятельств принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ вопросы народнаго образованія возбуждали къ себѣ сравнительно меньшій интересъ, чѣмъ во многихъ другихъ земскихъ губерніяхъ. Отъ этого постановка дѣла народнаго образованія, этой безспорно важнѣйшей отрасли земскаго хозяйства, получила здѣсь сравнительно очень слабое развитіе, отодвигая на долгія времена осуществленіе такой назрѣвшей мѣры, какъ доступность всеобщаго начальнаго обученія. Чрезвычайно характернымъ и для мѣстнаго земства и для общественнаго настроенія является самый ходъ развитія названнаго образованія въ губерніи. Получивъ при учрежденіи земства всего 48 дореформенныхъ школъ, уѣздныя земства на первыхъ порахъ развиваютъ дружную и усиленную дѣятельность въ открытіи школъ. Дѣятельность эта обнимаетъ періодъ съ 1866 по 1885 гг. Затѣмъ внезапно падаетъ, уступая мѣсто церковному вѣдомству, которое проявляетъ особенную энергію съ 1881 по 1900 г. Изъ приводимыхъ здѣсь цифръ дѣлается нагляднымъ сопоставленіе работы двухъ заинтересованныхъ вѣдомствъ въ губерніи:

Распредѣленіе земскихъ и церковн. школъ по годамъ ихъ открытія.

Земскія.	Годы открытія.	Ц.-пр. и шк. грам.
48	до 1865	0
57	1866—1870	0
106	1871—1875	0
59	1876—1880	1
42	1881—1885	67
14	1886—1890	69
6	1891—1895	170
14	1896—1900	73 *)

*) По даннымъ, доставленнымъ уѣзд. учил. совѣтами и уѣзд. отд. епархіальн. уч. совѣта за 1899—1900 уч. г.

Съ 1900 года дѣятельность обоихъ вѣдомствъ окончательно замираетъ. Можно подумать, что и земство и церковное вѣдомство совершили въ дѣлѣ народнаго образованія «въ предѣлахъ земныхъ все земное» и успокоились если не на лаврахъ, то на старинной испытанной формулѣ, что «все обстоитъ благополучно». Посмотримъ однако, велико ли на самомъ дѣлѣ это благополучіе. Попробуемъ, на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, опредѣлить доступность начальнаго образованія для сельскаго населенія губерніи.

Всего школъ по губерніи къ 1 января 1903 года числилось, не считая школъ грамоты, 675. По вѣдомствамъ распредѣляются онѣ слѣдующимъ образомъ: министерства народнаго просвѣщенія—26, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ—360 и церковно-приходскихъ—289.

Кромѣ того въ губерніи числится 113 школъ грамоты съ 3,160-ю учащимися, которыя нѣтъ возможности принять въ разсчетъ при выясненіи интересующаго насъ вопроса потому, что школы грамоты не только не удовлетворяютъ запросовъ населенія по образованію, но, не имѣя опредѣленнаго учебнаго курса, порученныя псаломщикамъ или малоподготовленнымъ учителямъ, иногда по разнымъ причинамъ подолгу не имѣютъ возможности правильно функціонировать, числясь такимъ образомъ только на бумагѣ.

Во всѣхъ 675 организованныхъ училищахъ губерніи обучалось къ началу 1903 года 38,394 дѣтей (29,999 мальчиковъ и 8,396 дѣвочекъ). Принимая все сельское населеніе губерніи въ 1902 г. на основаніи данныхъ переписи 1897 года и обычнаго коэффиціента (1,05) ежегоднаго прироста населенія въ 1.440,965, мы находимъ, что всего дѣтей школьнаго возраста, считая 6% къ общему числу населенія, будетъ 89,000. При исчисленіи дѣтей школьнаго возраста принятъ трехвозрастный составъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ настоящее время во всѣхъ организованныхъ училищахъ обучаются 43%. Такимъ образомъ въ настоящее время 57% дѣтей школьнаго возраста остаются за дверьми школы. Какъ же относится къ этому обстоятельству населеніе? Грамотность, хотя бы самая простая, настолько получила право гражданства въ обиходѣ деревенской жизни, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что населеніе испытываетъ тяжесть такого положенія, сознательно относясь къ необходимой для него школѣ. За доказательствами ходить не далеко. Въ 1901 г. губернское земское собраніе поручило управѣ выяснить количество отказовъ дѣтямъ въ поступленіи въ существующія школы. Управа опросила по этому поводу всѣхъ учащихъ (только въ земскихъ и министерскихъ училищахъ) и несмотря на то, что отзывы получены лишь изъ 267 училищъ, количество отказовъ выражалось очень внушительной цифрой—1,353. Сколько же отказовъ не зарегистрировано по остальнымъ школамъ и школамъ духовнаго вѣдомства, сколько же дѣтей и не просится при всемъ желаніи въ школы, наприм., за отдаленностью деревень отъ ближайшаго училища? Получается поистинѣ тяжелая картина безпомощности населенія въ удовлетвореніи своихъ н-

мыхъ законныхъ, необходимыхъ потребностей. Неудивительно поэтому, что въ отчетѣ г. Директора народныхъ училищъ за 1902—1903 гг. встрѣчается категорическое утвержденіе, «что всѣ училища, школы и пріюты не могутъ удовлетворить потребности населенія въ начальномъ образованіи въ губерніи».

Таково настоящее, къ сожалѣнію малоутѣшительное положеніе дѣла въ губерніи, констатирующее одновременно и большой недостатокъ школъ и тѣсноту и ветхость многихъ изъ существующихъ школьныхъ помѣщеній, строенныхъ давно, — въ лучшія времена земской дѣятельности, помѣщеній, разсчитанныхъ, разумѣется, на меньшее количество учащихся. Выходъ изъ такого положенія такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о средствахъ содержанія существующихъ уже школъ, что мы должны сейчасъ же ознакомить читателей съ ними. Всего на содержаніе земскихъ и министерскихъ училищъ тратится (по отчету 1903 года) 348,667 р. а церковно-приходскихъ и школъ грамоты—179,548 р. Всего такимъ образомъ оба вѣдомства расходуютъ 528,215 р. Относительно расхода со стороны духовнаго вѣдомства должно сказать, что значеніе этого расхода уменьшается содержаніемъ школъ грамоты, совершенно не удовлетворяющихъ потребностей населенія. Затѣмъ остается прослѣдить, изъ какихъ частныхъ источниковъ слагаются общія затраты обоихъ вѣдомствъ, другими словами—насколько въ затратахъ каждаго вѣдомства участвуетъ государственное казначейство, мѣстное населеніе непосредственно и земство. Къ сожалѣнію, относительно духовнаго вѣдомства мы располагаемъ необходимыми данными только за 1901 годъ и если рѣшаемся привести ихъ здѣсь, при цифрахъ 1903 г., то только въ увѣренности, что едва ли соотношеніе источниковъ содержанія могло рѣзко измѣниться за два слѣдующіе года.

Средства содержанія школъ.

1901 г. Духовнаго вѣдомства. %	сумма.			Источникъ доходности.	1903 г. Земск. и минист. сумма		%
69,0	96,101 р.	—	к.	Отъ св. синод. Отъ гос. казн.	41,382	р.	12,0
1,8	2,615 „	—	„	Отъ земства	153,189	„	44,0
1,5	2,201 „	96	„	Отъ городскихъ обществъ	57,704	„	16,5
8,3	11,624 „	55	„	Отъ сельскихъ обществъ	69,954	„	20,0
6,2	8,575 „	99	„	Отъ церк., монастыр. и дух.	—	„	—
7,2	10,159 „	07	„	Пожертвованія	24,052	„	6,9
5,2	7,330 „	79	„	% съ пожертвован. капит.	—	„	—
0,8	1,215 „	50	„	Плата за ученіе	2,386	„	0,6
	139,824 „	04	„		348,667	„	

Переходя къ детальному разсмотрѣнію данныхъ приведенной таблицы, мы прежде всего видимъ, что церковная школа является по преимуществу правительственной (69%, тогда какъ 12% въ школахъ другого вѣдомства поглощаются, главнымъ образомъ, министерскими училищами). Затѣмъ не лишенной интереса подробностью является и то обстоятельство, что въ

церковной школѣ большее мѣсто занимаютъ пожертвованія, источникъ наименѣе прочный и постоянный. Значительно болѣе $^1/_4$ всей стоимости содержанія школъ обоихъ вѣдомствъ падаетъ непосредственно на крестьянское населеніе, и эта тяжесть увеличивается еще болѣе, если мы вспомнимъ, что то же населеніе участвуетъ въ земскомъ обложеніи по содержанію тѣхъ же школъ. Поэтому, разумѣется, неправы тѣ изъ гг. гласныхъ, которые ратуютъ противъ увеличенія земскаго бюджета на народное образованіе. Нетрудно съ цифрами въ рукахъ возразить имъ, что мужикъ поистинѣ на свои гроши обучаетъ своихъ дѣтей, и при современномъ экономическомъ положеніи не въ силахъ построить недостающія школы, не въ силахъ увеличить свой до крайности напряженный бюджетъ. Въ дѣлѣ народнаго образованія является поэтому вопросомъ первостепенной важности такое болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе земскаго бюджета между различными отраслями земскаго хозяйства, при которомъ онѣ могли бы по крайней мѣрѣ правильно функціонировать. Оставляя поэтому совсѣмъ въ сторонѣ школы духовнаго вѣдомства, свѣдѣнія о которыхъ нами исчерпаны, мы и переходимъ теперь къ разсмотрѣнію земскаго бюджета Пензенской губерніи и на народное образованіе вообще и по отношенію къ другимъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Прежде всего приходится отмѣтить, что всѣ земскія школы губерніи содержатся, главнымъ образомъ, при участіи мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ. Губернское земство никакой помощи въ этомъ дѣлѣ уѣзднымъ земствамъ не оказываетъ, а значитъ, и не имѣетъ возможности регулировать отношеній отдѣльныхъ уѣздныхъ земствъ къ дѣлу народнаго образованія. Дѣйствительно, при первомъ взглядѣ на бюджеты уѣздныхъ земствъ губерніи поражаетъ выраженное въ нихъ чрезвычайно разнообразное отношеніе этихъ земствъ къ дѣлу народнаго образованія. Достигая (по послѣдней смѣтѣ 1904 года) 9,1 коп. на десятину и 25,8 коп. на жителя въ Пензенскомъ уѣздѣ, расходы на народное образованіе по Городищенскому уѣзду падаютъ по смѣтѣ того же года до 1,5 коп. на десятину и 5,2 к. на жителя. Расходы остальныхъ 8 уѣздовъ варьируютъ въ указанныхъ выше предѣлахъ. За послѣднее время замѣчается тенденція къ повышенію бюджета въ наиболѣе по какимъ бы то ни было причинамъ отставшихъ уѣздахъ. Такъ, въ томъ же Городищенскомъ уѣздѣ смѣта по народному образованію повысилась въ 1904 году на 20,5%, въ Инсарскомъ на 22,9%. Исключеніе составляетъ одинъ Мокшанскій уѣздъ. Принадлежа къ числу наименѣе тратящихъ на народное образованіе, онъ повысилъ свою смѣту только на 3,2%. Но зато земства съ наиболѣе напряженнымъ бюджетомъ, какъ и слѣдовало ожидать, уже не въ силахъ значительно повышать свои смѣты (Пензенскій на 2,3%, Чембарскій на 3,8%). Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ уѣзды, въ разной мѣрѣ, конечно, не въ силахъ въ настоящее время удовлетворить запросы населенія на образованіе. Нельзя ожидать и непосредственно отъ крестьянъ большей помощи этому дѣлу. Остается, такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, губернскому земству, въ гу-

ным на путь активной политики, придти на помощь дѣлу народнаго образованія въ губерніи.

Стоя и до сихъ поръ въ сторонѣ отъ помощи школьному образованію, губернское земство до 1895 года давало исключительно небольшія, впрочемъ, средства на поддержку средняго и высшаго образованія. Еще раньше, въ 1873 году земство дало около 25 тыс. р. на устройство учительской семинаріи и затѣмъ не принимаетъ никакого участія въ ея жизни. Такимъ образомъ только съ 1895 г. (если не считать троекратныхъ педагогическихъ курсовъ для учащихъ въ 70-хъ годахъ) начинается нѣкоторое участіе губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ этой области губернское земство намѣтило себѣ, главнымъ образомъ, помощь внѣшкольному образованію. Насколько однако незначительной представляется эта помощь, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1903 году губернское земство затратило на низшее образованіе всего 2,5% своего бюджета, въ 1904 г.—2,7%. За это же время на высшее и среднее образованіе затрачено имъ 2% въ первый годъ и 2,1%—во второй. Неудивительно поэтому, что всѣ его затраты на образованіе выразились въ 1904 году въ 0,8 к. на десятину облагаемой земли, или 1,2 к. на жителя. Особенно характернымъ для губернскаго земства является то обстоятельство, что почти половина его бюджета поглощается содержаніемъ въ Пензѣ психіатрической больницы и соматической, обслуживающей въ меньшей степени потребности уѣздныхъ жителей, чѣмъ городскихъ.

Нельзя сказать однако, чтобы со стороны губернскаго земства не замѣчалось за послѣднее время нѣкотораго оживленія въ дѣлѣ народнаго образованія. Такъ, въ 1901 г. по докладу управы, просившей разрѣшенія ссуды крестьянскимъ обществамъ на постройку школъ въ размѣрѣ 30 т. р., собраніе разрѣшило ссуду въ 10 тыс. р. изъ эмеритальнаго капитала на эту потребность за отвѣтственностью уѣздныхъ земствъ. Ссуда была выдана и потонула, какъ капля въ морѣ, въ жаждущей школъ губерніи, принеся тѣмъ не менѣе несомнѣнную пользу. Возобновленное управой ходатайство о вторичной ссудѣ уже изъ страхового капитала не могло быть, несмотря на сочувственное отношеніе собранія, осуществлено по формальнымъ причинамъ.

Пробуя подвести итоги только что сказанному, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Населеніе губерніи въ очень значительной степени не обезпечено возможностью дать начальное образованіе своимъ дѣтямъ. 2) Дальнѣйшее возложеніе расходовъ по образованію на крестьянское населеніе непосредственно являлось бы для него и непосильнымъ, и несправедливымъ. 3) Бюджеты уѣздныхъ земствъ должны правильно возрастать въ дѣлѣ образованія, приходя въ соотвѣтствіе съ затратами на другія отрасли земскаго хозяйства, что цѣликомъ относится и до губернскаго земства и 4) Ссуды на постройку новыхъ школъ, какъ операція наименѣе тягостная для земства, должны найти широкое примѣненіе въ дѣятельности какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ земствъ. Только при этихъ усло-

віяхъ, думается намъ, вмѣстѣ съ горячимъ сочувствіемъ гласныхъ дѣлу народнаго образованія, можетъ поколебаться та классическая безграмотность и темнота населенія, особенно сгущенная среди женщинъ, весь вредъ которой при современныхъ, все усложняющихся условіяхъ жизни, поистинѣ не поддается учету.

II.

Учительскій персоналъ.

Ни въ одномъ дѣлѣ, быть можетъ, успѣхъ не зависитъ въ такой степени отъ личности работника, какъ въ учебно-воспитательномъ. Поэтому для характеристики народнаго образованія любой мѣстности вопросъ о большей или меньшей обезпеченности учителя, его подготовки для избраннаго имъ дѣла и проч., представляетъ чрезвычайную важность. Говоря объ учительскомъ персоналѣ Пензенской губерніи, мы будемъ имѣть въ виду исключительно земскую школу и ея работника, такъ какъ не имѣемъ данныхъ объ учителяхъ церковно-приходской школы. Замѣтимъ только попутно, что на основаніи личныхъ нашихъ наблюденій ихъ подготовка и матеріальный бытъ мало чѣмъ разнятся отъ ихъ земскихъ товарищей, кромѣ, конечно, учителей школъ грамоты, неудовлетворительность которыхъ въ большинствѣ случаевъ сознается самимъ населеніемъ. Общее число преподавателей и преподавательницъ въ министерскихъ городскихъ и сельскихъ школахъ губерніи, не считая законоучителей, было въ 1903 году—657. Изъ этого числа собственно на долю селъ губерніи приходится 475 человѣкъ, которыхъ мы и должны главнымъ образомъ имѣть въ виду въ вопросѣ объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи. Это послѣднее представляется въ настоящее время въ такомъ видѣ: 40,4% получаютъ вознагражденіе отъ 240—300 р. въ годъ; 33,6% отъ 180—240 р.; 18,3% до 180 р. и, наконецъ, 7,7% свыше 300 р. Само собой разумѣется, что жизненныя условія усложняются съ каждымъ годомъ и далеко опережаютъ неподвижность скромнаго учительскаго жалованья, дающаго возможность едва сноснаго существованія. При этихъ условіяхъ минимальные размѣры указаннаго здѣсь жалованья являются далеко не обезпечивающими школьныхъ работниковъ, а послѣдняя категорія (до 180 р. въ годъ) граничитъ съ безысходной нуждой. Размѣры приведеннаго здѣсь содержанія учащихъ варьируютъ по уѣздамъ губерніи такимъ образомъ, что тамъ, гдѣ уѣздныя земства затрачиваютъ на народное образованіе большія средства, тамъ и учащіе получаютъ лучшее обезпеченіе и наоборотъ. Въ двухъ же, наиболѣе плохо въ этомъ отношеніи поставленныхъ уѣздахъ,—Мокшанскомъ и Городищенскомъ, учительское обезпеченіе осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что часть своего содержанія, доходящую до половины, учителя должны получать непосредственно отъ участвующихъ въ содержаніи школъ крестьянскихъ обществъ. Это создаетъ для учителя зависимость не только отъ урожая и прочихъ факторовъ экономической жизни деревни,

но и подчасъ зависимость отъ старшины, писаря и другихъ вліятельныхъ особъ и должно быть признано въ земской жизни явленіемъ безусловно ненормальнымъ. На-ряду съ этимъ періодическая прибавка къ жалованью учащихъ, несмотря на очевидную необходимость такого мѣропріятія, не получила, къ сожалѣнію, до сихъ поръ широкаго примѣненія въ Пензенской губерніи. Такія періодическія прибавки существуютъ съ 1903 года въ Чембарскомъ уѣздѣ: за 10 л. службы 60 р., за 15 л.—100 р. и за 20—150 руб. Въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ эти прибавки доводятъ содержаніе учащихъ за 10 лѣтъ службы до 360 р. Въ Пензенскомъ уѣздѣ установлена прибавка въ 30 р. за пятилѣтіе, которая начнется однако только съ 1907 года. Въ Керенскомъ уѣздѣ лишь въ 1903 г. земское собраніе повысило учительское содержаніе съ 216 до 240 р., удержавъ существовавшія прежде періодическія прибавки, которыми оно доводится черезъ 15 лѣтъ до 300 р. Въ общемъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ признать положеніе учащихъ въ губерніи въ настоящее время далеко не обезпеченнымъ и вопросомъ объ устраненіи этого въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно придется заняться земству, если оно хочетъ поставить на твердую почву дѣло народнаго образованія въ губерніи. Въ связи съ содержаніемъ, получаемымъ учителями, интересно прослѣдить продолжительность ихъ службы. Въ одномъ изъ докладовъ губернской управы мы встрѣчаемъ по этому поводу слѣдующія свѣдѣнія: «Среди 475 челов. учащихъ преобладаютъ три группы: лица, прослужившія болѣе 15 лѣтъ (32 г. % всего числа),—далѣе, служащіе до 2 лѣтъ (23,5%) и отъ 2 до 5 л. (около 23%). Изъ нихъ 2-я группа заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, неустойчивые, текучіе элементы учительскаго персонала, не осѣвшіе прочно на учительскихъ мѣстахъ и могущіе легко ихъ покинуть. Напротивъ того, первая группа, это, такъ сказать, ветераны, навсегда оставшіеся на своихъ насиженныхъ мѣстахъ; для нихъ перемѣна профессіи уже невозможна, и вотъ они-то наиболѣе нуждаются въ послѣ-служебномъ обезпеченіи».

Посмотримъ теперь, что дѣлаетъ въ настоящее время земство для улучшенія матеріальнаго быта учащихъ. Кромѣ указанныхъ выше періодическихъ прибавокъ, практикуемыхъ тремя уѣздными земствами, слѣдуетъ отмѣтить земскую помощь обществу взаимопомощи народнымъ учителямъ въ губерніи имени А. С. Пушкина. Учрежденное по частной иниціативѣ въ 1899 г., общество при вышеописанномъ матеріальномъ положеніи учащихъ не могло разсчитывать на пріобрѣтеніе членскими взносами въ 2 р. сколько-нибудь значительныхъ средствъ. По докладу правленія общества почти всѣ уѣздныя земства (кромѣ одного краснослободскаго) ассигнуютъ въ помощь этому обществу изъ года въ годъ по 100 р. Губернское земство первоначальныя свои ассигновки въ 500 р. увеличило до 1,000 р., и такимъ образомъ, общество получило ежегодныя средства около 2,000 р. До сихъ поръ эти ассигнованія повторяются ежегодно, хотя и не носятъ характера безсрочности. О послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не пожалѣть, потому что въ случаѣ уменьшенія притока земскихъ средствъ, общество

вынуждено было бы значительно сократить свою дѣятельность. А между тѣмъ при современномъ матеріальномъ положеніи учащихъ, создалось такое положеніе, что земскій работникъ, посвящающій всю свою жизнь дѣлу обученія дѣтей, въ буквальномъ смыслѣ слова не въ силахъ дать большого образованія своимъ собственнымъ дѣтямъ и поневолѣ долженъ ограничивать ихъ познанія курсомъ ввѣреннаго ему училища. По справедливому замѣчанію правленія общества, положеніе такихъ учительскихъ дѣтей дѣлается впослѣдствіи особенно тяжелымъ, потому что они не принадлежатъ къ окружающей ихъ крестьянской средѣ и стѣснены въ способахъ достать себѣ заработокъ. Вполнѣ естественно поэтому, что наибольшее значеніе въ дѣятельности общества за послѣдніе годы имѣла организація двухъ общежитій для дѣтей учителей, обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Пензы. Потребность въ такомъ общежитіи выяснилась съ перваго же года существованія общества, но только на второй годъ оно пріобрѣло достаточно средствъ, чтобы приступить къ осуществленію этой мысли. Первоначально пришлось ограничиться однимъ общежитіемъ для дѣвочекъ, которое и было открыто съ 1 августа 1900 г. на 12 человѣкъ. Съ новаго 1901—1902 учебнаго года явилась возможность открыть и второе общежитіе для мальчиковъ на 20 человѣкъ, а съ 1902—1903 учебнаго года оба общежитія значительно расширены (въ мужскомъ помѣщаются теперь 38 мальчиковъ, а въ женскомъ 30 дѣвочекъ), и мужское переведено въ новое просторное помѣщеніе.

Общежитія имѣютъ цѣлью дать учительскимъ дѣтямъ здоровое помѣщеніе и столъ, правильный образъ жизни и надлежащій надзоръ за такую цѣну, по которой невозможно устроиться сколько-нибудь сносно на частной квартирѣ. Въ настоящее время почти 70 учительскихъ дѣтей получаютъ все это за 6 р. въ мѣсяцъ. Разумѣется, эта плата не окупаетъ всѣхъ расходовъ, и разница покрывается земскими пособіями на содержаніе общежитій. За послѣдній отчетный годъ содержаніе обоихъ общежитій, не считая единовременныхъ расходовъ на обзаведеніе, стоило обществу 4,128 р. 95 к. на 20 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ, т.-е. по 108 р. 65 к. въ годъ или круглымъ счетомъ по 11 р. въ мѣсяцъ на человѣка, считая 10 учебныхъ мѣсяцевъ. Можно ожидать, что нынѣ съ расширеніемъ общежитій стоимость содержанія еще понизится; такъ, напримѣръ, прежняя квартира на 20 мальчиковъ обходилась въ 1 р. 95 к. на каждаго, а нынѣшняя на 38 мальчиковъ обойдется лишь въ 1 р. 84 к. на человѣка въ мѣсяцъ.

За эту плату въ 6 руб. пансіонеры получаютъ квартиру, постельное бѣлье, прислугу, надзоръ, полное содержаніе и въ случаѣ надобности медицинскую помощь. На каждаго пансіонера полагается по 1 ф. чернаго, по 1 ф. бѣлаго хлѣба, по $^3/_4$ ф. мяса, по стакану молока въ день и соотвѣтственному количеству крупъ и овощей.

Другіе виды дѣятельности общества выражаются въ выдачѣ безвозвратныхъ пособій и ссудъ наиболѣе нуждающимся учащимъ въ губерніяхъ и,

наконецъ, въ попыткѣ организаціи бюро для прiисканія занятій своимъ членамъ на свободное каникулярное время. За послѣднее время переполненныя общежитія пушкинскаго общества вынуждены отказывать очень значительному числу членовъ въ пріемѣ ихъ дѣтей, лишая ихъ зачастую такимъ образомъ возможности образованія. По справедливости должно признать, что указанные виды помощи матеріальному быту учащихъ (періодическія прибавки только въ трехъ уѣздахъ, поддержка пушкинскаго общества взаимопомощи) носитъ характеръ настоящаго паліатива и настаетъ надобность въ коренномъ улучшеніи быта учащихъ.

Отчетъ директора народныхъ училищъ за 1903 г. совершенно справедливо отмѣчаетъ, что высота образовательнаго ценза учащихъ въ различныхъ уѣздахъ всецѣло зависитъ отъ степени ихъ матеріальной обезпеченности. Этимъ и объясняется, что наиболѣе подготовленными и образованными учителями и учительницами обладаютъ министерскія училища Чембарскаго и Пензенскаго уѣздовъ, а наименѣе подготовлены и съ самымъ низкимъ образовательнымъ цензомъ—учащіе въ земскихъ училищахъ Мокшанскаго уѣзда. По образовательному цензу всѣ учащіе въ земскихъ и министерскихъ училищахъ губерніи раздѣляются такимъ образомъ: только 25% составляютъ окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и, слѣдовательно, имѣющіе спеціальную подготовку, затѣмъ слѣдуетъ 29,2% окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (почти исключительно женскія—гимназія и епархіальное училище), и, наконецъ, 45,5% получившихъ учительское званіе по спеціальному испытанію. Такимъ образомъ въ силу плохого матеріальнаго обезпеченія,—а мы бы прибавили еще и отъ себя на основаніи долголѣтнихъ личныхъ наблюденій, и незавиднаго правового положенія,—около половины учащихъ въ губерніи составляютъ лица безъ образовательнаго ценза и съ недостаточной подготовкой для того дѣла, которому они служатъ. Все это, разумѣется, не можетъ не отражаться на постановкѣ дѣла народнаго образованія, и земство, также какъ и населеніе, только теряетъ отъ такихъ ненормальностей. Характеризуя учительскій персоналъ, отчетъ директора народныхъ училищъ между прочимъ указываетъ и на то, что есть «и такіе учителя, которые, живя долго въ глухихъ селеніяхъ безъ книги и общенія съ образованными людьми, почти совсѣмъ утратили интересъ къ чтенію и саморазвитію». Винить, какъ видитъ читатель, послѣ вышеизложенной характеристики учительскаго быта, менѣе всего можно учащихъ, но чему же научать и какое развитіе деревенскимъ дѣтямъ могутъ дать такіе профессіональные ремесленники?

Выводъ отсюда возможенъ только одинъ: земству слѣдуетъ, въ интересахъ своего дѣла, позаботиться объ обезпеченіи матеріальнаго положенія своихъ работниковъ и затѣмъ уже пойти навстрѣчу учительскому персоналу въ его умственныхъ интересахъ.

Въ послѣднемъ отношеніи заботы губернскаго земства выражаются, во первыхъ, въ ежегодномъ пополненіи учрежденныхъ имъ при уѣздныхъ

управахъ учительскихъ библіотекъ, а, во-вторыхъ, въ послѣдовательной за послѣднее семилѣтіе организаціи педагогическихъ курсовъ. Пополненіе учительскихъ библіотекъ производится ежегодно на небольшую сумму по 50 р. на каждую. Всего въ настоящее время каждая библіотека имѣетъ книгъ на сумму около 400 р., но нельзя сказать, чтобы учительскій персоналъ охотно пользовался этимъ книжнымъ запасомъ. Одной изъ причинъ этого, по нашимъ наблюденіямъ, служитъ разобщенность учащихъ по тѣмъ глухимъ угламъ, гдѣ имъ приходится жить, а затѣмъ и тѣ неудобства, съ которыми сопряжено пользованіе книгами изъ уѣздныхъ городовъ. На запросъ губернской управы по этому поводу одна изъ уѣздныхъ управъ (кстати сказать съ учительскимъ персоналомъ наименьшаго образовательнаго ценза) сообщила слѣдующее: «Относительно причинъ того, что спросъ на чтеніе очень малъ и что процентъ читающаго учительскаго персонала весьма не значителенъ, приходится сказать, что главная изъ причинъ—отсутствіе потребности въ знаніи вслѣдствіе привычки довольствоваться умственнымъ багажомъ, запасеннымъ во время оно на школьной скамьѣ. Побочной же причиной, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ немногихъ изъ учащихъ, служитъ затруднительность полученія и возврата книгъ, вслѣдствіе неимѣнія въ уѣздѣ земской почты и малаго числа—всего 5 на весь уѣздъ—казенныхъ почтовыхъ учрежденій. Кромѣ отдаленности многихъ училищъ отъ этихъ учрежденій, пользованіе ими затрудняетъ еще и та процедура, которая требуется при отправкѣ посылокъ по казенной почтѣ. Пользоваться для полученія и возврата книги поѣздками въ городъ волостныхъ старшинъ и писарей многіе изъ учащихъ не могутъ какъ потому, что поѣздки эти не регулярны и случайны, такъ и потому, что неблагосклонное отношеніе членовъ волостныхъ правленій къ учащимъ въ земскихъ школахъ составляетъ почти заурядное явленіе. Суммируя же все изложенное, придется прійти къ такому выводу, что стремленіе губернскаго земства въ сторону умственнаго развитія учащихъ въ земскихъ школахъ посредствомъ учрежденія учительскихъ библіотекъ при уѣздныхъ управахъ и его матеріальныя затраты на книги не достигаютъ, къ сожалѣнію, того результата, который имѣлся въ виду при учрежденіи библіотекъ». Въ общемъ же и при этихъ условіяхъ по отчетамъ уѣздныхъ управъ всего по губерніи книгами пользовалось около 40% учащихъ. Допустивъ, что % этотъ нѣсколько преувеличенъ (на это имѣются нѣкоторыя данныя), мы все же должны принять во вниманіе, что и самый составъ библіотекъ нѣсколько узокъ по содержанію для учащихся съ высокимъ цензомъ, что въ извѣстной мѣрѣ понижаетъ читаемость.

Что же касается до педагогическихъ курсовъ, то за все семилѣт[ie] ихъ существованіе они пользовались большимъ успѣхомъ у учащихъ. [Г]убернское земство расходовало на нихъ ежегодно 2,050 р.,—сумму, очев[ид]но, слишкомъ скромную по отношенію къ потребностямъ начальной шко[л]ы. Поэтому за счетъ земства только 50 человѣкъ изъ числа учащихъ, по [в]ыбору мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ, могло быть командировано на ку[рс]ы.

Численность слушателей тѣмъ не менѣе достигала 200 и болѣе человѣкъ, считая и лицъ, приготовлявшихъ себя къ учительской дѣятельности. На курсахъ давались теоретически и практически методическія указанія по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ вѣдѣніе народной школы, а за два последніе года, хотя и въ очень краткой формѣ, читался курсъ внѣшкольнаго образованія народа. Послѣднее, думается намъ, за послѣднее время сдѣлалось настолько необходимымъ, что заслуживало бы серьезнаго отношенія земствъ и устройства спеціальныхъ собесѣдованій для учащихъ по этому поводу. Необходимо это тѣмъ болѣе, что о помощи со стороны учителя внѣшкольному образованію не заходитъ рѣчи даже въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ вродѣ учительскихъ семинарій, а деревенская жизнь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе требуетъ этой помощи. Говоря о педагогическихъ курсахъ, гдѣ намъ всѣ семь лѣтъ лично пришлось принимать участіе въ качествѣ одного изъ руководителей, мы считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что много мѣшаютъ дѣлу совершенно устарѣвшія правила этихъ курсовъ, приравнивающія учителей къ ученикамъ средне-учебныхъ заведеній и отдающихъ ихъ, такъ сказать, подъ классный контроль учебной администраціи. Не надо забывать, что неразвитымъ и малоподготовленнымъ мало поможетъ слишкомъ кратковременная «учеба» на курсахъ, а для мыслящихъ работниковъ народной школы нужна серьезная помощь ихъ самообразованію. Вотъ отчего нельзя не привѣтствовать попытки многихъ земствъ, въ томъ числѣ и пензенскаго (постановленіе 1904 г.) въ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ, нельзя не пожелать, чтобы всякаго рода стѣснительныя правила, только тормозящія дѣло, были отмѣнены для всякаго рода учительскихъ курсовъ. Зато изъ своихъ многолѣтнихъ наблюденій на этихъ же курсахъ мы вынесли глубокое убѣжденіе, что и при современныхъ условіяхъ, при своемъ тяжеломъ общественномъ и экономическомъ положеніи пензенскій земскій учитель, также какъ и его товарищи въ другихъ земскихъ губерніяхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова рвется къ свѣту и знанію, стараясь въ огромномъ большинствѣ случаевъ, чѣмъ только можетъ, улучшить то дѣло, которому онъ служитъ. На этомъ можно бы и покончить съ той помощью, которую оказываетъ пензенское земство самообразованію своихъ школьныхъ работниковъ. Остается прибавить только, что земскій книжный складъ вотъ уже два года практикуетъ выписку газетъ и журналовъ въ разсрочку для учащихъ губерніи, которыхъ однако пока выписывается сравнительно очень немного.

III.

Учащіеся.

Встрѣтясь въ самомъ началѣ нашего очерка съ вопросомъ о доступности начальнаго обученія для населенія Пензенской губерніи, мы вынуждены были указать на большое число дѣтей, остающихся за дверьми школы.

То же самое констатирують и свѣдѣнія губернскаго училищнаго совѣта, опирающіяся, главнымъ образомъ, на отчетъ г. директора народныхъ училищъ. Не считая поэтому необходимымъ останавливаться на этомъ вопросѣ, мы приводимъ здѣсь изъ отчета г. директора народныхъ училищъ только нѣсколько наиболѣе интересующихъ насъ цифръ. Всего къ 1 января 1904 года состояло въ училищахъ какъ министерскихъ, такъ и земскихъ 33,150 чел., 24,801 мал. и 8,349 дѣв. Далѣе отчетъ указываетъ на увеличивающееся число дѣтей въ школахъ, несмотря на то, что количество училищъ почти не прибавляется. Отмѣчая все возрастающее стремленіе дѣвочекъ въ училище даже въ инородческихъ селахъ, отчетъ выражаетъ надежду, «что съ увеличеніемъ числа мордовскихъ женщинъ, побывавшихъ въ русской школѣ, обрусеніе мордвы пойдетъ болѣе быстрыми, чѣмъ теперь, шагами». Мы однако позволяемъ себѣ выразить мнѣніе, что задачи обрусенія не такъ уже тѣсно связаны съ задачами воспитанія и обученія, какъ это представляется составителямъ отчета, и самый фактъ, приводимый отчетомъ, указываетъ, на нашъ взглядъ, еще разъ на разливающуюся жажду знанія въ народѣ,—жажду, при настоящихъ условіяхъ не могущую получить удовлетворенія. По отношенію къ общему числу учащихся количество окончившихъ курсъ въ школахъ составляетъ 12,14%. Процентъ этотъ однако по совершенно случайнымъ причинамъ нѣсколько меньше % предыдущаго года, и отчетъ, приводя рядъ объясненій этому явленію, указываетъ причину, на которую мы не можемъ не обратить вниманіе читателя, цитируя отчетъ въ подлинникѣ: «нѣкоторые инспектора училищъ причину особаго состава старшихъ отдѣленій въ 1902—3 учебномъ году находятъ въ томъ, что именно въ этомъ году кончили курсъ въ школахъ дѣти, родившіяся въ голодный 1891 г. или непосредственно послѣ него и стоящія поэтому по своимъ умственнымъ и физическимъ силамъ ниже средняго уровня дѣтей въ этомъ возрастѣ».

Вотъ до чего, по мнѣнію официальныхъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, голодовки могутъ довести подрастающее поколѣніе въ одной изъ самыхъ земледѣльческихъ губерній. Не надо забывать при этомъ, что рѣчь идетъ о самыхъ минимальныхъ знаніяхъ, безъ которыхъ теперь уже трудно представить жизненный обиходъ. Интересно далѣе сопоставить % оканчивающихъ курсъ съ % дѣтей, выбывающихъ изъ школы до окончанія курса. Процентъ этотъ объясняется, главнымъ образомъ, бѣдностью населенія и отчасти отсутствіемъ ночлежныхъ пріютовъ, гдѣ бы могли найти мѣсто дѣти, приходящія изъ окрестныхъ деревень въ сельскую школу. Но и при существующемъ положеніи въ среднемъ выводѣ приходится по 77 учащихся на каждую школу и по 50 на каждаго преподавателя. Принимая во вниманіе отдаленность времени постройки училищъ, разсчитанныхъ на значительно меньшее число дѣтей, ветхость и непригодность многихъ школьныхъ зданій (такихъ насчитывается 132 изъ 399 подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ) приходится еще разъ придти къ заключенію, что большинству желающихъ учиться рѣшительно некуда

дѣваться. Прежде чѣмъ говорить о воспитаніи и обученіи въ пензенскихъ народныхъ училищахъ и указывать на его недостатки, присущіе, разумѣется, въ большей или меньшей степени всѣмъ русскимъ школамъ, мы считаемъ долгомъ сдѣлать одну, на нашъ взглядъ, очень существенную оговорку. Меньше всего повиненъ въ этихъ недостаткахъ ближайшій работникъ школы—народный учитель. Лишенный въ большинствѣ случаевъ средствъ самообразованія и общенія въ своей средѣ, находящійся въ нелегкомъ правовомъ и матеріальномъ положеніи, онъ дѣлаетъ то, что можетъ, внося тотъ minimum хотя бы и въ механическое обученіе, безъ котораго не можетъ уже обойтись деревня. Курсъ народной школы не малъ и по существу своему приспособленъ къ развитію учениковъ на общеобразовательной почвѣ. Въ него входятъ: родной языкъ и ариѳметика, первоначальныя свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Любая хрестоматія представляетъ изъ себя попытку энциклопедіи перечисленныхъ знаній, а возрастъ учениковъ требуетъ наглядности, какъ основы обученія. Между тѣмъ экзаменаціонныя требованія, преслѣдующія такъ часто формальную сторону обученія, вводятъ схоластическую «учебу», меньше всего интересующуюся умственнымъ развитіемъ своихъ питомцевъ. Учитель въ большинствѣ случаевъ въ первую половину года обучаетъ младшее отдѣленіе механизму письма-чтенія, а во вторую—готовитъ къ экзамену старшее отдѣленіе, оставляя среднее, плохо умѣющее, въ силу указанныхъ причинъ, пользоваться самостоятельными работами. Наглядныхъ учебныхъ пособій въ настоящее время такъ мало въ школахъ губерніи, что снабженіе ими училищъ поистинѣ представляетъ ближайшую задачу земства. Считая необходимымъ въ интересахъ самаго дѣла не скрывать недостатковъ школы, вытекающихъ изъ ея нѣсколько ненормальнаго положенія, мы предоставляемъ дальнѣйшее слово офиціальнымъ представителямъ министерства народнаго просвѣщенія, пользуясь свѣдѣніями, бывшими въ распоряженіи губернскаго училищнаго совѣта. «Успѣхи по Закону Божію во многихъ училищахъ оставляютъ желать лучшаго: учащіеся недостаточно пріурочиваются къ сознательному и толковому пересказу событій изъ священной исторіи, неправильно разучиваютъ тексты молитвъ, заповѣдей и символа вѣры; вообще преподаваніе Закона Божія въ начальныхъ училищахъ часто имѣетъ исключительно книжный характеръ, вслѣдствіе чего ослабляется воспитательное вліяніе этого предмета на учащихся. Кромѣ того, оо. законоучители еще больше, чѣмъ учителя, посвящаютъ все свое вниманіе почти исключительно старшему отдѣленію.

«Наиболѣе распространенные недостатки при обученіи русскому языку заключаются въ томъ, что во многихъ училищахъ учащіеся стараются читать быстро, причемъ пропускаютъ буквы, искажаютъ окончанія словъ, не дѣлаютъ надлежащихъ остановокъ на знакахъ препинанія, не стараются вникнуть въ смыслъ того, что читаютъ, и затрудняются пересказать содержаніе даже простыхъ статей. Школьныя упражненія состоятъ почти исключительно изъ диктовокъ и списыванія съ книгъ въ тѣхъ сельскихъ

училищахъ, учителя которыхъ не были на педагогическихъ курсахъ; въ немногихъ сравнительно училищахъ ведутся во всѣхъ отдѣленіяхъ систематическія упражненія, пріучающія дѣтей къ связному изложенію содержанія прочитаннаго и собственныхъ ихъ наблюденій и мыслей; содержаніе статей по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію плохо усваиваются и запоминаются учащимися отчасти потому, что учителя смотрятъ на эти статьи только какъ на матеріалъ для выработки механизма чтенія, а главное, по той причинѣ, что для объясненія этихъ статей въ училищахъ не имѣется соотвѣтствующихъ наглядныхъ пособій; не во всѣхъ училищахъ ведутся бесѣды о содержаніи помѣщенныхъ въ книгахъ для чтенія и картинъ и чертежей, сами же учащіеся не всегда ихъ разсматриваютъ; наприм., въ нѣсколькихъ училищахъ дѣтямъ былъ предложенъ вопросъ о картинкѣ въ «Родномъ Словѣ», которая изображаетъ крестьянина, возвращающагося съ поля: «Что дѣлаетъ этотъ крестьянинъ?» Ученики всюду отвѣчали: «Пашетъ», хотя на картинкѣ соха изображена сошниками вверхъ и ясно видно, что крестьянинъ идетъ по дорогѣ. Не всегда учащіе пользуются и тѣми наглядными пособіями, наприм., стѣнными картинами, которыя находятся у нихъ подъ руками. Такъ, несмотря на то, что во всѣхъ училищахъ Краснослободскаго уѣзда есть портреты Пушкина, имя его, какъ и другихъ писателей (Лермонтова, Крылова), весьма рѣдко упоминается учащими. Въ одной школѣ этого уѣзда на вопросъ, чья басня «Чижъ и Голубь», всѣ ученики твердо и увѣренно отвѣчали: «его же», заучивъ это слово, по приказанію невѣжественнаго учителя, наизусть съ оглавленія на послѣдней страницѣ книги Баранова. Въ крайне плохомъ и помѣщающемся въ убогомъ зданіи Тарханскомъ училищѣ никто изъ учениковъ не зналъ, кто такой былъ Лермонтовъ, могильный памятникъ котораго находится въ десяти саженяхъ отъ школы, пока участковый инспекторъ не побесѣдовалъ объ этомъ съ дѣтьми въ присутствіи учителя у самаго памятника.

«Правда, два послѣднихъ факта представляютъ прискорбныя исключенія, происходящія отъ невозможности устранить изъ школъ старыхъ, неспособныхъ преподавателей. Вообще же успѣхи по русскому языку изъ года въ годъ улучшаются и въ весьма многихъ училищахъ дѣти читаютъ бѣгло и свободно, понимаютъ и безъ затрудненій передаютъ своими словами прочитанное, стихотворенія и басни произносятъ выразительно, иногда даже художественно и толково, хотя и съ орѳографическими ошибками, излагаютъ письменно содержаніе прочитанныхъ статей по книгѣ для чтенія.

«Что касается орѳографіи, то немногіе преподаватели достигаютъ того, что требуется программою; объясняется это скорѣе всего слишкомъ большими требованіями послѣдней и недостаточностью времени, въ которое н[illegible]о разработать и усвоить грамматическій матеріалъ.

«Къ церковно-славянскому чтенію въ младшемъ отдѣленіи приступаю[illegible]ъ со второй половины учебнаго года и успѣваютъ ознакомиться съ чтеніе[illegible]ъ словъ подъ титлами; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ наиболѣе доступн[illegible]я для пониманія статьи по книгѣ Грушевскаго, а въ старшемъ—по еван[illegible]

лію, съ переводомъ на русскій языкъ и передачей прочитаннаго. Во многихъ школахъ ученики пріучаются къ чтенію въ церкви часовъ и шестопсалмія.

«Постепенно совершенствуется преподаваніе ариѳметикѣ. Раньше многіе учащіе, въ особенности получившіе низшее образованіе, были заняты исключительно рѣшеніемъ задачъ на классной доскѣ для подготовки къ экзамену, причемъ на выясненіе ариѳметическихъ понятій и дѣйствій не обращалось никакого вниманія, а все сосредоточивалось въ разрѣшеніи или разгадкѣ задачи-загадки и въ нахожденіи отвѣта на постановленный въ концѣ ея вопросъ. Обученіе носило характеръ шаблонно-механическій. Учащіеся до такой степени были забиты задачами и неразвиты, что все знаніе трехлѣтняго курса ариѳметики выражалось у нихъ лишь въ пониманіи словъ «прибавить», «отнять», «взять» и «раздѣлить». Дѣти не умѣли назвать ариѳметическихъ знаковъ (плюсъ, минусъ), хотя и употребляли ихъ, не имѣли яснаго понятія объ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ и даже не знали ихъ названій, смѣшивали сложеніе съ умноженіемъ и вычитаніе съ дѣленіемъ, не понимали значенія выраженій «увеличить», «уменьшить», «на сколько» и «во сколько разъ» и не имѣли опредѣленныхъ представленій о мѣрахъ и измѣреніи».

Перечитавъ эту длинную цитату, мы подумали, что въ представленіи людей, не близко стоящихъ къ народной школѣ, можетъ возникнуть достаточно безотрадная картина. Повторяемъ однако, что школа при существующихъ условіяхъ дѣлаетъ то, что можетъ, внося свѣтъ и знаніе въ народную среду, и во многихъ случаяхъ не ея уже вина, что она не можетъ сдѣлать бо́льшаго. По многолѣтнему личному опыту мы можемъ засвидѣтельствовать даровитость ея учениковъ и горячее, при возможности, отношеніе къ дѣлу ея учителя и потому полны вѣры въ ея будущее. Пусть только, по завѣту покойнаго Ушинскаго, народная школа сдѣлается серьезнымъ *общественнымъ* дѣломъ, пусть улучшится правовое и матеріальное положеніе ея учителя, устранится излишняя схоластика, регламентація и опека.

Вл. Ладыженскій.

Журнальное обозрѣніе.

Въ сентябрьской книжкѣ *Образованія* и въ октябрьской *Міра Божьяю* помѣщены двѣ статьи г. Лозинскаго, посвященныя разработкѣ одной и той же темы. Первая изъ нихъ «Современныя этическія исканія», имѣющая вполнѣ самостоятельную цѣнность, является съ другой стороны какъ бы прелюдіей ко второй, носящей заглавіе «Современныя философскія исканія». Отмѣтивъ и прослѣдивъ въ первой статьѣ исторію современнаго кризиса общественно-философской мысли и стремленіе высвободиться во что бы то ни стало изъ путъ и сѣтей буржуазной идеологіи, авторъ въ своей второй статьѣ подробно разбираетъ ту «пролетарскую точку зрѣнія», которую принесъ съ собой марксизмъ,—точку зрѣнія, способную ябо бы разрѣшить всѣ наши сомнѣнія и недоумѣнія. Прежде всего г. Лозинскій задается вопросомъ, является ли эта «точка зрѣнія» собственнымъ идеологическимъ продуктомъ самого рабочаго класса, его мысли, его духовныхъ алканій, или она навязана ему извнѣ представителями все той же внѣклассовой интеллигенціи, вѣчной поставщицы всевозможныхъ идей и воззрѣній. Другими словами, есть ли все то, что преподносится теперь намъ подъ флагомъ пролетарской идеологіи, естественно-логическій продуктъ развитія мысли самого четвертаго сословія, необходимое слѣдствіе экономическихъ условій его существованія, или же это продуктъ совершенно иного общественнаго слоя, лишь по недоразумѣнію носящій на себѣ чужой, несвойственный ему ярлыкъ?

«На эти вопросы,—пишетъ г. Лозинскій,—прежде всего успѣла отвѣтить сама дѣйствительность и притомъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ. А именно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочее движеніе болѣе всего сохранило свой собственный безпримѣсный «пролетарскій» харатеръ, въ Англіи и въ Австраль-Азіи, пролетарская идеологія не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ тѣми идеями, которыя мы привыкли связывать съ самымъ понятіемъ марксизма; она, по признанію самихъ марксистовъ, является простой, вульгарной копіей все той же буржуазной идеологіи со всѣми ея специфическими атрибутами... Цѣлый рядъ ортодоксальнѣйшихъ марксистовъ, на первомъ мѣстѣ Каутскій, признаютъ теперь безъ всякихъ оговорокъ, что

самостоятельной, самимъ рабочимъ классомъ въ самомъ ходѣ его движенія выработываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи; такая идеологія привносится только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ, — читаемъ мы теперь у нихъ, — свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское».

Но не только въ самомъ формальномъ опредѣленіи пролетарской идеологіи наступилъ въ послѣднее время глубокій кризисъ; теперь уже не можетъ быть никакого сомнѣнія, что кризисъ этотъ затронулъ основные догматы марксистскаго міровоззрѣнія. Философія и теорія познанія марксизма, проникнутыя насквозь духомъ наивнаго реализма и матеріализма, соціологія и философія исторіи марксизма, полагающія первичнымъ, творческимъ факторомъ соціальной жизни производственныя отношенія — все это теперь является достояніемъ только самой маленькой кучки послѣднихъ «правовѣрныхъ». Авторъ приводитъ выдержки изъ статьи одного изъ вождей пролетарскаго движенія, Эмиля Вандервельта, въ которой онъ, не порывая открыто съ признаваемой еще догмой, вкладываетъ въ нее совершенно новое содержаніе, не имѣющее ничего общаго съ марксистскимъ, т.-е. матеріалистическимъ монизмомъ.

Точно также совершенно не выдерживаетъ критики и такъ называемая пролетарская этика. Сущность ея г. Лозинскій въ статьѣ «Современныя этическія исканія» формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Личность есть зависимая, служебная часть цѣлаго и, слѣдовательно, на самодовлѣющее значеніе претендовать не смѣетъ. Съ другой стороны, вся психологія личности опредѣляется ея классовымъ положеніемъ. Думаетъ, чувствуетъ собственно не личность, а каждая данная общественная группа. Каждый классъ имѣетъ свою мораль, свой собственный «категорическій императивъ». Классовая мораль требуетъ отъ каждаго служенія интересамъ своего класса. При сравненіи различныхъ классовыхъ интересовъ данной эпохи преимущество должно быть дано «восходящему классу», идущему на смѣну прежнимъ. «Въ настоящее время, — говоритъ Энгельсъ, — проповѣдуется одновременно нѣсколько моралей. Которая же изъ нихъ истинная? Ни одна, въ смыслѣ абсолютной окончательности, но, разумѣется, вѣрнѣе всѣхъ та, которая соединяетъ въ себѣ наибольшее количество болѣе постоянныхъ элементовъ, представляющихъ въ настоящемъ будущее, стало быть, нравственность пролетарская».

Однако, имѣя нѣкоторое историческое и соціально-педагогическое значеніе, подобная классовая мораль, хотя бы и самая возвышенная, очевидно, уже по тому одному не можетъ быть рѣшеніемъ нравственной проблемы, что ей недостаетъ самаго существеннаго, а именно: опредѣленнаго высшаго критерія для сравнительной оцѣнки нравственныхъ идеаловъ различныхъ классовъ. И въ послѣднее время сама новѣйшая марксистская литература поворачивается спиною къ своей прежней исключительно классовой точкѣ зрѣнія на мораль и втягивается, хотя и медленно, въ потокъ современныхъ моральныхъ исканій. «То, что до сихъ поръ такъ упорно

отрицалось или неглижировалось ортодоксальными представителями марксизма,—пишетъ г. Лозинскій,—а именно существованіе опредѣленнаго, постояннаго элемента человѣческой нравственности, теперь уже признается, какъ вещь самая обыкновенная и естественная, и даже не только признается, но и, что важнѣе, опредѣляется въ качествѣ conditio sine qua non всякой общественной жизни.

Существованіе общества,—говоритъ Каутскій,—предполагаетъ уже существованіе нравственности и притомъ общечеловѣческой нравственности, понимаемой, какъ извѣстный minimum соціальныхъ инстинктовъ и чувствъ, имѣющихся у каждаго изъ его членовъ. Подъ внѣшней оболочкой классового антагонизма и классовой борьбы Каутскій открываетъ вдругъ законъ общечеловѣческой солидарности, проявлявшій свою силу даже при самыхъ неблагопріятныхъ для него историческихъ и соціальныхъ условіяхъ. Рядомъ съ классовой борьбой, слѣдовательно, имѣла въ теченіе всей исторіи мѣсто болѣе или менѣе сильная, болѣе или менѣе сознательная борьба за солидарность. Такъ же точно подъ внѣшней корой эгоистической или классовой человѣческой индивидуальности тотъ же Каутскій открываетъ, къ изумленію своихъ единомышленниковъ, общечеловѣческую нравственную личность съ присущими ей вполнѣ опредѣленными и постоянными потребностями и стремленіями. Правда, послѣднія въ теченіе историческаго процесса и всѣхъ жестокихъ перипетій классовой борьбы сплошь и рядомъ подавлялись и искажались, какъ бы въ конецъ атрофировались въ человѣческой груди, но не замирали никогда, являясь одной изъ постоянныхъ двигательныхъ силъ прогресса. Интересно отмѣтить еще взглядъ Каутскаго на отношеніе между этикой, какъ дисциплиной деонтологической, и наукой о нравственности. Несомнѣнно, что наука о нравственныхъ явленіяхъ общественной жизни не есть еще этика, какъ извѣстный кодексъ нравственныхъ нормъ, обоснованныхъ опредѣленнымъ философскимъ міросозерцаніемъ.

«Научный законъ,—пишетъ Каутскій,—не содержитъ въ себѣ никакого требованія, онъ есть лишь констатированіе и объясненіе фактовъ». «Но ошибочно было бы полагать, — справедливо замѣчаетъ г. Лозинскій, — съ другой стороны, что между наукой о нравственности и этикой, какъ деонтологической дисциплиной, лежитъ и должна лежать глубокая и непроходимая пропасть. Откуда, спрашивается, заимствовалъ Каутскій свое знаніе о «вѣчныхъ основахъ нравственности», какъ не изъ данныхъ, установленныхъ эмпирической наукой о нравственности? Эта наука не предъявляетъ, конечно, намъ никакихъ требованій; тѣмъ не менѣе, опираясь на данныя исторіи и соціологіи, она открываетъ существо нравственности, помогая тѣмъ самымъ нашему нравственному сознанію разобраться въ сложномъ лабиринтѣ всевозможныхъ моральныхъ понятій и формулъ. Прежде чѣмъ установить нормы нравственнаго поведенія, надо найти ихъ, а чтобы найти ихъ, однихъ «императивный» голосъ совѣсти не достаточенъ. Необходимо еще то, что Вундтъ называетъ «индуктивной подготовкой этики», т.-е. научное изслѣ-

дованіе правственныхъ понятій и явленій и соподчиненіе ихъ опредѣленной общей точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ одной своей стороной ученіе о нравственности непремѣнно должно опираться на науку о нравственности и быть въ этомъ смыслѣ научнымъ».

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной статьи г. Лозинскаго, къ продолженію которой мы еще, по всей вѣроятности, вернемся въ слѣдующемъ журнальномъ обозрѣніи. Г. Лозинскій подводитъ итоги марксизму, какъ философской системѣ, выработанной на Западѣ; онъ почти не касается той упрощенной марксистской теоріи, которую усердно старались и стараются насадить на русской почвѣ такъ называемые «ученики». Въ противовѣсъ «Проблемамъ идеализма», извѣстному сборнику «двѣнадцати апостоловъ» новѣйшаго идеалистическаго движенія въ Россіи, въ послѣднее время вновь выступили въ походъ непреклонные мыслители-реалисты, издавшіе «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», послѣднее прибѣжище ортодоксальнаго русскаго марксизма. Критикѣ этого сборника посвящена статья г. Слонимскаго въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* подъ заглавіемъ «Мнимые реалисты». Мы не будемъ излагать здѣсь содержанія этой статьи, такъ какъ доводы ея автора не представляютъ ничего новаго, что не было бы извѣстно людямъ, слѣдящимъ за развитіемъ нашей общественной и философской мысли.

Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* помѣщены очерки и наблюденія надъ американской жизнью г. Владыченка «За счастіемъ и правдой». Американская жизнь захватываетъ и поражаетъ русскаго путешественника. «Я просто пьянѣлъ отъ всего, что тутъ видѣлъ, слышалъ, читалъ»,—пишетъ онъ.

Прежде всего подавлялъ самый городъ. Въ то время, какъ у насъ все вниманіе муниципалитетовъ направляется на центры, здѣсь заботы городского управленія распредѣляются равномѣрно и на городскія окраины. Направившись за городъ, вы встрѣчаете обширныя пространства ровной, гладкой земли, разбитыя на правильные кварталы, съ гранитными мостовыми, съ отлично устроенной канализаціей, водопроводомъ, газовымъ освѣщеніемъ. Все тутъ готово для заселенія. Странное впечатлѣніе производятъ эти ярко горящіе среди обширныхъ пустынныхъ участковъ газовые фонари очень изящной формы, и большею частью пустые еще вагоны загородной конки. Но пройдетъ годъ, другой—на участкѣ то здѣсь, то тамъ начинаютъ вырастать удобные коттэджи, на углу открывается „гроссери“ — бакалейная лавка съ продажею мяса и пріемомъ всякаго рода почтовой корреспонденціи, затѣмъ появляется и „дрогъ-стори“— аптечный магазинъ и „ласундри“ — прачечная (обыкновенно китайская), въ одномъ изъ коттеджей поселяется врачъ, въ другомъ открывается школа, и еще недавно пустынный, глухой участокъ быстро застраивается новенькими, чистенькими домами вдоль поддерживаемыхъ въ безукоризненной чистотѣ улицъ. Въ Нью-Йоркѣ 350 на-)дныхъ школъ, гдѣ подростки отъ 10 до 15 лѣтъ получаютъ свое очень сносное)язательное обученіе. Въ области средняго и высшаго образованія приходится часто аталкиваться на очень своеобразныя проявленія того же американскаго „чудачегва“. Такова долголѣтняя борьба старѣйшаго (основанъ въ 1626 г.) американскаго ниверситета—Гарвердъ-Юниверзити—съ правительствомъ, борьба изъ-за освобожде-ія отъ всякой правительственной субсидіи. Въ Америкѣ многіе убѣждены, что наука ожетъ быть свободна лишь при условіи совершенной независимости, а это, дескать, возможно, разъ университетъ будетъ пользоваться содержаніемъ отъ правительства,

И вотъ университетъ ведетъ долгую борьбу, пока, наконецъ, не получаетъ согласія центральнаго правительства освободить его отъ субсидіи и всякой опеки и предоставить собственнымъ силамъ и средствамъ. Большое впечатлѣніе произвели на меня школы для слабоумныхъ. Десятки школъ и почти двѣ сотни учителей заняты этимъ, на первый взглядъ, неблагодарнымъ дѣломъ. Однако-жъ, энергія и живая любовь къ обиженному судьбой преодолѣваетъ всякія препятствія. Отмѣчая успѣшный ходъ этой отрасли народнаго образованія, статистика въ то же время констатируетъ, что со времени учрежденія сказанныхъ школъ число преступниковъ изъ среды слабоумныхъ замѣтно и прогрессивно падаетъ. 17 школъ этого рода, при 700 ученикахъ, обладали въ 1896 г. недвижимой собственностью въ 8 милліоновъ рублей, при общемъ ежегодномъ расходѣ на ихъ содержаніе въ суммѣ 970 т. руб. Нужно ли говорить, что дѣло образованія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ поставлено тутъ еще шире? Достаточно указать, что стоимость принадлежащаго 80 школамъ этого рода недвижимаго имущества превышала въ 1896 г. тридцать пять милліоновъ рублей.

Интересны наблюденія автора надъ американской благотворительностью. Благотворительность эта носитъ преимущественно общественно-утилитарный характеръ и девизомъ ея служитъ: слѣдуетъ улучшать самую жизнь, а не бросать лишь крохи бѣднымъ. Въ качествѣ иллюстраціи къ этому положенію авторъ статьи разсказываетъ слѣдующую исторію.

Въ двухъ шагахъ отъ богатаго, блещущаго роскошью Бродвея, долгіе годы процвѣталъ знаменитый „Paradise Park“ или „Райскій Паркъ“—гнѣздилище нищенства, порока и несчастья. Ничто, даже въ трущобахъ Уайтчепеля, и Двора Чудесъ Парижа, не могло идти въ сравненіе съ царившей тутъ мрачной дикостью преступленій, нищеты и разврата. Диккенсъ, наблюдавшій самыя ужасныя сцены въ жизни подонковъ великобританской столицы, отзывался съ ужасомъ о нравахъ нью-іоркскаго „Paradise Park'а“. Ограниченный пятью узкими, кривыми улицами, кварталъ этотъ состоялъ изъ множества высокихъ и узкихъ зданій, биткомъ набитыхъ десятками тысячъ одичавшихъ существъ обоего пола, давно уже отвыкшихъ отъ того, что называется заработаннымъ хлѣбомъ. Грабежи, убійства, всякаго рода членовредительства, обезображеніе нищими украденныхъ дѣтей, гнусный торгъ подростками обоего пола и животными чередовались съ отвратительнѣйшими ночными оргіями, въ которыхъ человѣкъ опускался ниже животнаго. Торговцы всей этой грязью были даже среди малолѣтковъ; съ другой стороны, десяти-двѣнадцатилѣтнія дѣти попадались и среди потребителей. Ночи не проходило тутъ безъ того, чтобы изъ глубины узкихъ, извилистыхъ подземныхъ коридоровъ, какими таинственно сообщались вертепы, не раздавался раздирающій, быть можетъ, предсмертный стонъ, леденившій кровь случайнаго прохожаго. Здѣсь грабили даже днемъ, грабили на улицахъ, среди толпы, охотно укрывавшей преступника и остававшейся совершенно безучастной къ его жертвѣ, какъ и къ тѣмъ изъ райскихъ обитателей, которыхъ злой недугъ выбрасывалъ изъ рядовъ арміи отчаянія и обрекалъ умирать по угламъ грязныхъ, вонючихъ подваловъ, на голомъ полу, посылая проклятія себѣ, міру, минутѣ своего рожденія... Въ иной годъ число безъ вѣсти пропавшихъ и, вѣроятно, погибшихъ во мракѣ подваловъ „Райскаго Парка“ возбуждало волненіе даже среди старыхъ, видавшихъ всякіе виды полицейскихъ. „Но,—говоритъ Блокуэль,—полиція оставалась одинаково безсильной какъ въ защитѣ жертвъ, такъ и въ передачѣ виновныхъ въ руки правосудія“.

Наконецъ, дошло до того, что жители ближайшихъ къ „Райскому Парку“ улицъ стали выселяться, а, Паркъ, между тѣмъ, разростался и поглощалъ все новыя жертвы, зловредная язва обнаруживала наклонность къ распространенію, угрожая омертвить не одно поколѣніе.

Тутъ-то и пришла на помощь энергія и практическая сметка привыкшаго

самодѣятельности народа. Собранный по иниціативѣ нѣсколькихъ методистовъ монстръ-митингъ постановилъ: „такъ какъ всякое общество обязано бороться съ бѣдностью, условіями, ее порождающими, и слѣдствіями, изъ нея вытекающими, то собрать необходимый капиталъ и выкупить главнѣйшіе вертепы“.

Къ резолюціи митинга не замедлило присоединиться и женское миссіонерское общество—Ladies Missionary Society, рѣшившее тотчасъ же и безотлагательно вступить въ борьбу съ врагомъ въ самомъ его логовищѣ. Не одинъ годъ, однако, прошелъ въ безплодныхъ попыткахъ и усиліяхъ повліять на самое населеніе „Paradise Park“, а свыкшійся съ отчаяніемъ, какъ съ естественнымъ своимъ состояніемъ, подчасъ озвѣрѣвшій, меньшой братъ гналъ отъ себя миссіонерокъ благотворительницъ, неустанно изо дня въ день проникавшихъ въ тотъ или иной притонъ съ живою помощью и словомъ участія; въ лучшемъ случаѣ ихъ беззастѣнчиво надували, были случаи—и не единичные—насилія и ограбленія.

Но препятствія не охладили героическихъ женщинъ, не смутили и общества, терпѣливо, съ завидною выдержкой выжидавшаго конечныхъ результатовъ въ убѣжденіи, что энергія и трудъ побѣдятъ все. Шагъ за шагомъ шли труженицы къ намѣченной цѣли, пробуждая самосознаніе несчастныхъ, взывая къ отзывчивости счастливыхъ и, наконецъ, передовая позиція врага была взята: была собрана значительная сумма и выкуплена „The Old Brewery“ (Старая Пивоварня)—отвратительнѣйшій изъ притоновъ, самыя стѣны котораго, казалось, были пропитаны міазмами преступленій, на мѣстѣ же этомъ воздвигнуто многоэтажное зданіе „Миссія Пяти Угловъ“, со всѣми его учрежденіями существующее и теперь. Не мало содѣйствія въ этой борьбѣ проявило и „Общество попеченія о дѣтяхъ“, лѣтъ сорокъ тому назадъ открывшее въ той же части города процвѣтающее и понынѣ „Убѣжище для малолѣтнихъ газетчиковъ“, или News—boys Sodging Hous, гдѣ за шесть центовъ (около 11 к.) желающему выдается сытный, здоровый обѣдъ и за такую же плату—постель съ образцово-чистымъ и свѣжимъ бѣльемъ, а неимущимъ то и другое безплатно. Тутъ не лишнее будетъ отмѣтить, что самая плата установлена, главнымъ образомъ, изъ этическихъ и воспитательныхъ соображеній, въ предположеніи, что здоровый, крѣпкій мальчикъ, во-первыхъ, всегда промыслитъ себѣ нѣсколько центовъ въ день продажею газетъ или переноскою пакетовъ съ покупками, а во-вторыхъ что изъ побужденій здоровой гордости онъ скорѣе предпочтетъ заплатить за пріютъ изъ своего заработка, чѣмъ пользоваться имъ даромъ.

Такимъ образомъ, подъ напоромъ общихъ дружныхъ усилій, мало-по-малу и пробита была брешь въ глухой стѣнѣ, отдѣлявшей обездоленныхъ отъ Божьяго міра; число кліентовъ, по собственной иниціативѣ обращавшихся въ миссію за помощью, стало возрастать. Однако же, самый очагъ заразы все еще продолжалъ существовать. Нужно было пустить въ ходъ радикальное средство — выкупить густо заселенный кварталъ сразу и цѣликомъ.

И вотъ десятки митинговъ, сотни рѣчей, сотни газетныхъ статей и замѣтокъ принялись отчеканивать простую, но плодотворную мысль: нравственное оздоровленіе зараженной мѣстности лежитъ на обязанности городского общества, въ его цѣломъ. И городъ отозвался: къ деньгамъ, собраннымъ по подпискѣ, муниципалитетъ внесъ недостающую, довольно значительную сумму, и, кажется, за милліонъ двѣсти тысячъ долларовъ (около 2.235,000 рублей) „Paradise Park“ былъ выкупленъ и срытъ до основанія, а на его мѣстѣ проектированъ публичный паркъ.

На этомъ дѣло не остановилось: дешевизна ли рабочихъ рукъ, цѣлою массою брошенныхъ на трудовой рынокъ, дальнѣйшія ли усилія филантропической агитаціи,—только вокругъ бывшаго „Райскаго Парка“ въ скоромъ времени выросъ цѣлый рядъ фабрикъ, дающихъ быть можетъ скудный, но вѣрный, а главное трудовой кусокъ хлѣба тысячамъ тѣхъ, кого ждала тутъ нищенская жизнь и преждевременная смерть въ порокѣ, нравственной тьмѣ.

Конечно, и по настоящее время Нью-Іоркъ не сталъ градомъ праведниковъ и даетъ, какъ и всякій другой міровой городъ, обильный матеріалъ статистикѣ преступленій, но если и теперь еще гдѣ-нибудь на извилинѣ Молбери-Бендъ или пасмурной Моттъ-стритъ и небезопасно въ туманный осенній вечеръ проходить одинокому чужестранцу, зато все же спасена одна твердыня порока и нищеты. Теперь матери прилегающихъ къ „Пяти Угламъ" кварталовъ могутъ выпускать на улицу своихъ дѣтей безъ страха, что гдѣ-нибудь за угломъ ихъ уже поджидаетъ десяти - двѣнадцатилѣтній агентъ „Колодца наслажденій" или „Адамова яблока", прельщая ужаснымъ соблазномъ.

Темныя стороны американской жизни, ея изнанку описываетъ въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* г. Тверской въ статьѣ «Американская злоба дня». Грандіозное взяточничество, злоупотребленія въ городскихъ и даже штатныхъ хозяйствахъ приняли тамъ въ послѣднее время какой-то эпидемическій характеръ. Г. Тверской излагаетъ цѣлыя эпопеи лихоимства городского управленія въ штатѣ Миссури и въ городѣ Санъ-Луисѣ. Такъ, наприм., въ Миссури подкупали большинство обѣихъ палатъ законодательнаго состоянія штата въ составѣ слишкомъ сотни членовъ, съ вице-губернаторомъ во главѣ. И подкупали настолько успѣшно, что милліонныя концессіи шли за жалкія тысячи и даже уничтожалась всякая конкуренція такими предметами первой необходимости, какъ дрожжи. Конечно, подобныя грандіозныя злоупотребленія могли быть раскрыты только при той широкой гласности, какая существуетъ въ Америкѣ, и на сторонѣ которой всегда находится чуткое общественное мнѣніе...

Выясненію положенія естественныхъ наукъ въ нашихъ гимназіяхъ посвящена статья въ сентябрьской книгѣ *Образованія*, подписанная псевдонимомъ «Одинъ изъ піонеровъ». Вотъ уже три года, какъ естествознаніе введено послѣ долгаго перерыва снова въ курсъ мужскихъ гимназій, но введено лишь въ трехъ младшихъ классахъ по два часа въ недѣлю вопреки широкому плану реформы, выработанной при Ванновскомъ, согласно которому курсъ естествознанія въ первыхъ трехъ классахъ въ видѣ природовѣдѣнія долженъ былъ служить подготовительнымъ курсомъ къ четыремъ старшимъ классамъ, гдѣ предполагалось систематическое изученіе отдѣльныхъ отраслей: ботаники, зоологіи, химіи и т. п. Такимъ образомъ получилась въ настоящее время та несообразность, что вотъ уже три года ученики младшихъ классовъ подготовляются къ несуществующему курсу. Самостоятельнаго же значенія теперешняя программа природовѣдѣнія (для 3-хъ младшихъ классовъ) имѣетъ мало, такъ какъ разсмотрѣніе рядомъ самыхъ разнородныхъ тѣлъ изъ всѣхъ трехъ царствъ природы и притомъ безъ систематической послѣдовательности, заставляетъ по необходимости касаться всего поверхностно, результатомъ чего является лишь безпорядочное, большею частью внѣшнее ознакомленіе съ природой. Значеніе и вліяніе предмета еще болѣе умаляется вслѣдствіе ничтожнаго числа уроковъ, совершенно тонущихъ въ общей массѣ. Далѣе, естествовѣдѣніе безъ наглядныхъ пособій неминуемо должно превратиться въ безсмысленный и скучный предметъ. Между тѣмъ приборы и пособія стоятъ дорого у

гимназій нѣтъ средствъ для ихъ пріобрѣтенія, а часто нѣтъ и помѣщеній, гдѣ они могли бы быть поставлены. Экскурсіи при томъ количествѣ учениковъ, которое теперь находится въ каждомъ классѣ, при формализмѣ и подробной регламентаціи всего хода учебнаго дѣла, при необезпеченномъ матеріальномъ положеніи учителей, естественно, сводятся почти на нѣтъ. Такимъ образомъ авторъ приходитъ къ тому печальному заключенію, что при теперешней постановкѣ естествознанія въ мужскихъ гимназіяхъ дѣти, вмѣсто того чтобы учиться любить и понимать природу, начинаютъ считать ее такой же мучительницей, какъ и исторію давно прошедшихъ дней, словно нарочно выдуманную для обремененія живыхъ дѣтскихъ головъ...

Ѳ. Арн.

Въ IX книгѣ *Міра Божьяго* останавливаетъ на себѣ вниманіе разсказъ Анатолія Каменскаго «Дипломъ». Авторъ разсматриваетъ университетскій дипломъ какъ символъ всяческой условности, какъ одну изъ тѣхъ внѣшнихъ мелочей, которыя принимаютъ очертанія трагическія и заслоняютъ передъ человѣкомъ настоящую и непосредственную жизнь. Ею не живетъ и студентъ Кузминъ; онъ все не можетъ кончить университетскаго курса и на экзаменахъ не выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ «судьбой въ вицмундирѣ со звѣздою». А этой побѣды тоскливо ждутъ не только его жена (для нея «у кого нѣтъ диплома, тотъ просто не человѣкъ»), но и его старые родители, и мать пишетъ ему ласковыя и упрекающія письма: «безцѣнный мой маленькій зайчикъ, напряги всѣ свои силы, чтобы сдать государственный экзаменъ, мы всѣ молимся о тебѣ». И въ студенческомъ портфелѣ Кузмина лежатъ образки и разные амулеты. Трепетныя ощущенія переживаетъ незадачливый студентъ въ экзаменаціонной залѣ, гдѣ парты кажутся ему «толпою нищихъ на соборной паперти и онѣ живы затаенной мистической жизнью множества былыхъ прикосновеній, интимно довѣренныхъ тревогъ и думъ».

Уголовное право сдалъ Кузминъ; ему поставили «удовлетворительно», но женѣ онъ сказалъ и родителямъ телеграфировалъ, что получилъ «весьма». Къ диплому одинъ шагъ сдѣланъ; однако надо перешагнуть еще между прочимъ и страшное римское право. Когда-то оно создавало въ Кузминѣ ощущеніе какой-то стройности и красоты, но теперь, передъ экзаменомъ, «грандіозно-прекрасное, пластическое цѣлое превратилось въ скучный и тягостный матеріалъ для зубрежки, тягостный своей очевидной непримѣнимостью къ жизни, своей ненужностью». А жизнь какъ разъ теперь и звала студента своимъ великимъ зовомъ, своимъ весеннимъ зовомъ, и было насмѣшкой «это добываніе кому-то нужнаго синяго крестика, навязанное судьбой въ самомъ разгарѣ пробуждающагося культа жизни для жизни, жизни изъ любопытства, самаго первобытнаго, животнаго любопытства къ землѣ, предметамъ, людямъ, всему окружающему».

Прежнія весны проходили незамѣченными, ихъ заслоняли экзамены; нынѣ же экзаменъ, дипломъ не устояли передъ весной, и Кузмина охваты-

ваетъ «неиспытанное порыванiе, сладостная чуткость», острое любопытство жизни. «Въ дыханiи согрѣтыхъ за день стѣнъ, въ лихорадочно-красныхъ пятнахъ заката, въ мягкомъ и упругомъ стукѣ резиновыхъ колесъ о мостовую улицы, во всѣхъ этихъ умирающихъ звукахъ и куда-то бѣгущихъ тѣняхъ чувствовался неутомимый зовъ и тайная радостная тревога какой-то титанически-сложной души». И подъ влiянiемъ этого мощнаго зова Кузминъ на той самой бумагѣ, которая была предназначена для конспекта, переписывается съ хорошенькими сосѣдками (для ихъ созерцанiя онъ купилъ себѣ бинокль, который своими стеклами «обманчиво приближалъ» ихъ милые образы,—а собственный бинокль предусмотрительно увезла къ себѣ на дачу жена); и быть можетъ, подъ влiянiемъ этого же призыва, когда «густая и мрачная» тишина и тьма наполнила комнату, онъ какъ-то странно и неожиданно завязалъ мимолетную тягостную связь со своей горничной, которую тоже пробудила жизнь и черная шерстяная кофточка которой издавала «какой-то уютный и теплый запахъ». И «мысль о томъ, что вся живая матерiя, весь спектръ красокъ, вся человѣческая исторiя, всѣ великiя цѣли прорѣзаны единой главной цѣлью грубаго наслажденiя, дающаго цвѣтъ и смыслъ жизни,—эта мысль казалась Кузмину совершенно нормальной».

Но дипломъ, который нуженъ другимъ, всетаки сильнѣе наслажденiя и жизни, которая нужна самому живущему. Кто посмѣетъ «обойти фальшивые и потому только страшные рубиконы»? Кузминъ возмутился противъ нихъ, но онъ не посмѣлъ ихъ обойти. Онъ не силенъ. Онъ не можетъ даже освободиться отъ своего пошлаго и грубаго тестя, онъ не можетъ даже прервать съ нимъ тягостную и унизительную бесѣду. И хотя Кузминъ рѣшилъ отринуть «дипломъ», быть одинокимъ и свободнымъ, не идти на экзаменъ, который нуженъ другимъ; хотя мирное, ежедневное, будничное, уютъ родного угла казалось ему въ тысячу разъ интереснѣе и нужнѣе римскаго права,—но онъ всетаки пошелъ на экзаменъ, когда пробилъ урочный часъ.

Какъ на прошломъ экзаменѣ (уголовнаго права) легко было прочитать на лицахъ экзаменаторовъ отраженiе предмета науки, сложнаго и подчасъ сухого, но все же одухотвореннаго волнующей и тревожной психикой преступленiя, такъ сегодня великимъ покоемъ вѣяло вокругъ экзаменацiоннаго стола,—на серьезныхъ, пергаменто-блѣдныхъ лицахъ профессоровъ точно лежалъ отпечатокъ далекой, ветхой, но величественной древности.

Профессоръ съ пергаменто-блѣднымъ лицомъ не нашелъ познанiй Кузмина достаточными. Если бы еще вспомнилъ Кузминъ содержанiе новеллы 115-й, ему поставили бы «удовлетворительно». Но онъ не вспомнилъ. И только потомъ, на улицѣ, когда все было кончено, когда дипломъ уплылъ, «отчетливо и ясно вспомнилось ему великолѣпно знакомое содержанiе новеллы 115-й». И тогда «странно-спокойно и какъ-то слишкомъ увѣренно плыли круглыя, выразительныя облака». А въ далекомъ захолустьи старый отецъ Кузмина, носившiйся съ его первой, радостной телеграммой по всей квартирѣ и на радостяхъ пославшiй ему кровные сто рублей,—отецъ е-

перь ждетъ, но не дождется другой радостной телеграммы. И хотя Кузмину не нужно «мѣщанскихъ сожалѣній», ему не нужно «диплома», но болѣзненно сжимается его сердце, и холодное отчаяніе проникаетъ въ него, и уже не весна кругомъ, а все посѣрѣло, неуютно, сухо, мертво. Формальное побѣдило, сдунуло весну природы, весну души. «Диплома» нельзя избыть, «дипломъ» цѣпко держитъ человѣка въ своей ненужной и неотразимой власти.

Разсказъ г. Каменскаго очень интересенъ по мысли и хорошо написанъ. Слѣдовало бы только устранить длиноты и нѣкоторую приподнятость тона, влекущую за собою фразы вычурныя и неточныя: «шли (по Невскому) торопливая забота, холодная и тоскующая праздность, а въ зломъ хитросплетеніи замысловъ и судорожномъ страхѣ разоблаченій двигалась неоткровенная и трусливая столичная суета»; «игра интуиціи утомленныхъ нервовъ»; «время тихаго, умиротворяющаго слиянія съ предметами, мистически-одухотворенными, теплыми, какъ бы воспріявшими частицы тающаго (?) человѣческаго тѣла»; «спала утомленная титаническая душа на безчисленныхъ постеляхъ, подъ безчисленными одѣялами». И когда г. Каменскій рисуетъ идиллію собственнаго угла, онъ часто приписываетъ въ ней слишкомъ значительную и слишкомъ положительную роль... пыли. Все же его разсказъ представляетъ замѣтное явленіе въ современной журнальной беллетристикѣ.

Г. Елеонскій въ разсказѣ «Суслинское торжество» (*Русское Богатство*, IX) описываетъ, какъ священникъ въ мордовской деревнѣ, нечаянно созвавъ къ себѣ духовныхъ и свѣтскихъ гостей, по нечаянной иниціативѣ благочиннаго, устроилъ подписку на сооруженіе школы, въ которой давно была вопіющая нужда; какъ многіе, нетрезво подписавшіе крупную сумму, потомъ отъ нея отреклись и какъ о. Вадимъ, поддерживаемый земскимъ начальникомъ, всетаки заставилъ ихъ деньги уплатить,—и изъ пьянаго корня выросла школа. А земскій начальникъ старался потому, что обыгравшій его въ карты графскій управляющій подписалъ на школу 200 руб., но, очнувшись, не пожелалъ ихъ внести,—начальнику же очень хотѣлось, чтобы управляющій поплатился за свою пьяную опрометчивость... Г. Елеонскій все это показалъ на фонѣ жанра, которымъ онъ давно интересуется; бытъ духовенства извѣстенъ ему, очевидно, въ деталяхъ, и на эти юмористическія детали, читателю уже знакомыя и выписанныя безъ особой красочности, иногда утрированныя и въ своемъ остроуміи сомнительныя [«тѣмъ же реченіемъ (дуракъ—по адресу мужа) попадья сопровождала всякую бутылку, которую ставила на столъ, всякую коробку консервовъ и даже телячью ногу»],—на эти детали авторъ не скупится въ ущербъ архитектурѣ цѣлаго...

Далеко не «повѣсть», какъ обѣщаетъ авторъ, а только блѣдную канву для нея даетъ г-жа Погодина («Мать и дочь», *Вѣстникъ Европы*, IX). Тепло, но совсѣмъ не художественно намѣчается жалоба дочери, которая вышла замужъ противъ воли своей матери и отъ которой мать отвернулась. А дочь нуждается между тѣмъ въ ея поддержкѣ, даже въ ея мате-

ріальной помощи и, глядя на своихъ собственныхъ малютокъ, разметавшихся во снѣ, она думаетъ горькую думу о томъ, какъ матери не во-время покидаютъ своихъ дѣтей и подъ вліяніемъ предразсудка воздвигаютъ между собою и ими «высокую изгородь изъ колючаго терновника».

Ахъ, мама, мама, вѣдь и ты стояла такъ же передъ нашими кроватками и тебѣ казалось, что нѣтъ такой жертвы, которой ты не принесла бы своему ребенку... Гдѣ же эта всевыносящая, всепрощающая любовь?...

... Вѣдь человѣческій дѣтенышъ въ своей сложной духовной жизни нуждается въ любви и заботахъ матери еще долго послѣ того, какъ встанетъ на свои ноги, и часто эта любовь спасаетъ его отъ бездны отчаянія, когда личная жизнь оказывается исковерканною...

Судьбѣ одинокой и покинутой женщины еще больше сердечнаго и художественнаго вниманія удѣляетъ Л. Тычино въ очеркахъ «Бабья доля» (*Образованіе*, VIII и IX). Дѣйствіе этихъ очерковъ, написанныхъ смѣло и колоритно, происходитъ въ родильномъ пріютѣ, среди «законныхъ» и «незаконныхъ» матерей. Здѣсь совершается развязка многихъ романовъ; здѣсь кончается то, что началось «теплой, душистой ночью, когда сирень цвѣла въ садахъ»... Авторъ показываетъ намъ обильный калейдоскопъ «бабьяго» несчастія. Цѣлый рядъ женскихъ фигуръ. Сосредоточенное женское страданіе—и физическое, и моральное. Есть черты юмора. Докторъ уговариваетъ родильницу не кричать; она ему отвѣчаетъ: «Баринъ, попробовалъ бы ты, батюшка, самъ, такъ не сталъ бы говорить: не кричи, да не кричи. Вамъ то хорошо... а каково нашей сестрѣ». Есть и черты женскаго легкомыслія: иныя акушерки больше заняты своимъ туалетомъ и врачами, чѣмъ больными. Но все это смѣшное и кокетливое тонетъ въ морѣ страданія и сострадания. И родильницы, и акушерки, всѣ, интеллигентныя и неинтеллигентныя,—всѣ имѣютъ въ своемъ прошломъ или въ своемъ будущемъ какую-нибудь специфически-женскую драму.

Некрасивая, хмурая Евдокія, напримѣръ, работала на фабрикѣ. И была она одинока. Но рабочій Прохоръ оказался ея землякомъ, и передъ землякомъ, отъ его неожиданной ласки, оттаяла суровость Евдокіи. Но Прохоръ «былъ мужикъ обстоятельный, высоко ставилъ общественное мнѣніе, многимъ готовъ былъ поступиться ради него», и поступился онъ Евдокіей. Гналъ онъ ее отъ себя, потому что товарищи смѣялись надъ нимъ за его связь. И онъ билъ ее въ темнотѣ (чтобы не было огласки, онъ во время ея посѣщеній не зажигалъ свѣта), и чтобы не услышали сосѣди, онъ, дорожившій общественнымъ мнѣніемъ, не позволялъ ей стонать. И однажды, когда онъ швырнулъ ее на полъ, онъ почувствовалъ вдругъ, какъ «двѣ руки обвились вокругъ его разутыхъ ногъ, а мокрое отъ слезъ лицо прильнуло къ нимъ»... Вскорѣ Прохоръ исчезъ, потомъ родила Евдокія мертваго ребенка, и были потомъ другіе мужчины, другія, тоже мертвыя дѣти. И отцы этихъ мертвыхъ дѣтей всѣ били, нещадно били некрасивую Евдокію...

Изъ родильнаго пріюта женщины выходятъ не однѣ,—онѣ выходятъ уже съ дѣтьми. И ребенокъ, особенно незаконный, это—новая тяжесть, которая падаетъ на слабыя женскія плечи. Боится женщина, что жизнь ра-

зобьетъ ея «куколку», какъ жизнь разбила ее самое, и «черныя тучи заслоняютъ маленькую кроватку».

И какой благодарностью исполнена женщина къ акушеркѣ, «барышнѣ Пущиной», которая сама испытала всю горечь «бабьей доли» и потому стремится на первый зовъ, на первый стонъ страдающей женщины! Пущина готова даже принять къ себѣ выписывающуюся родильницу, которой некуда дѣваться съ ребенкомъ. И хочется матери этого ребенка «схватить руки кроткой «барышни Пущиной» и прильнуть къ нимъ губами, какъ бывало къ рукѣ мамы». «И она горячо, жадно прижалась губами къ рукамъ Пущиной. Позвольте поцѣловать эти милыя... милыя руки! Милыя, хорошія». И уходитъ женщина съ «куколкой» въ голубомъ одѣяльцѣ.

Въ день выписки изъ пріюта за нѣкоторыми женщинами приходятъ мужчины, но есть женщины, за которыми не приходитъ никто. И не оправившись отъ болѣзни, онѣ выписываются («съ безсильной тоскою» выписываетъ ихъ врачъ),—онѣ идутъ въ жизнь на новыя муки, онѣ часто идутъ въ такіе углы, въ такія жилища, гдѣ имъ нельзя будетъ даже полежать еще день, другой...

И послѣ того какъ выпишутъ изъ родильнаго пріюта эту партію страдающихъ женщинъ, «все обмоютъ растворомъ сулемы, на кровати положатъ чистые тюфячки, бѣлье, подушки въ свѣжихъ наволочкахъ, и приведенная въ порядокъ палата будетъ ждать новыхъ людей, съ ихъ горемъ, страданіями физическими и моральными, съ ихъ неосушимыми слезами»...

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Усиленный темпъ русской жизни.—Привѣтствія общественныхъ учрежденій министру внутреннихъ дѣлъ.—Рѣчи, сказанныя по этому поводу.—Какъ понимать слово „довѣріе".—Слова и дѣла, указывающія на новое направленіе во внутренней политикѣ.—Происшествіе 17 октября у Казанскаго собора.—Взаимныя отношенія полиціи и обывателей.—Безпорядки во время призыва запасныхъ нижнихъ чиновъ.—Какое значеніе можетъ имѣть война для внутреннихъ реформъ.—Общественныя начинанія, вызванныя надеждами на новое направленіе.—Разные слухи.—Наиболѣе замѣченныя публикой журнальныя статьи за послѣднее время.

За послѣдніе мѣсяцы русская жизнь шла такимъ усиленнымъ темпомъ, что ежемѣсячному обозрѣвателю поневолѣ приходится значительно отставать отъ нея. Не то, чтобы за это время совершились какіе-нибудь новые крупные факты общественнаго значенія. Но внутреннее настроеніе общества становилось все болѣе приподнятымъ, ожиданіе чего-то новаго, неизбѣжнаго и рѣшительнаго—все болѣе напряженнымъ. Сознаніе необходимости коренныхъ измѣненій въ русскомъ общественномъ строѣ было у насъ и раньше, но въ послѣднее время оно особенно усилилось и обострилось вслѣдствіе вліянія двухъ факторовъ. Съ одной стороны, война съ конца августа приняла еще болѣе упорный и кровопролитный характеръ, чѣмъ какой она имѣла въ началѣ, грозя превзойти свирѣпостью чуть ли не всѣ войны новѣйшаго времени. Теперь война—это ужъ не то, что совершается гдѣ-то тамъ далеко и что непосредственно отражается лишь на немногихъ. Теперь уже многое множество русскихъ семей оплакиваетъ своихъ потерянныхъ мужей, дѣтей и братьевъ и еще большее число съ ужасомъ ожидаетъ каждый день извѣстія объ ихъ гибели. Теперь ужъ по всей Россіи по городамъ и деревнямъ раздаются стоны и плачъ женъ и матерей, провожающихъ своихъ кормильцевъ. Понятно, что русскіе люди, какъ ни привычно для нихъ не думать объ общегосударственной жизни, вѣря, что она и безъ ихъ участія пойдетъ, куда ей полагается идти по распоряженію начальства, — все же, наконецъ, спохватились, открыли глаза и стали спрашивать себя: какъ же это такъ

случилось, что мы ничего не видя и не замѣчая и совершенно помимо нашей воли очутились въ такомъ невыносимомъ положеніи. И не только для тѣхъ, кого такимъ образомъ везла государственная машина, но и для тѣхъ, кто направлялъ ея ходъ, стало понятно, что идти дальше совершенно въ томъ же направленіи невозможно, что тотъ бюрократическій и полицейскій режимъ, который исключительно царилъ у насъ въ послѣдніе годы, убивая всѣ живыя силы страны, не достигаетъ даже и цѣлей внѣшняго порядка и силы, а, напротивъ, приводитъ только ко все большему расшатыванію всѣхъ законныхъ основъ гражданскаго общежитія и къ ослабленію самаго государства. Убѣжденіе въ необходимости, если не крутого поворота, въ смыслѣ большей свободы общества и предоставленія ему участія въ государственной дѣятельности, то, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго измѣненія въ этомъ направленіи отношенія правительства къ обществу, выразилось въ извѣстныхъ словахъ, сказанныхъ при вступленіи въ должность вновь назначеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Эти слова, о которыхъ мы уже говорили въ октябрьскомъ обозрѣніи, и которыя сопровождались и нѣкоторыми фактами, указывавшими на намѣреніе новаго министра ослабить суровый режимъ, тяготѣвшій до послѣдняго времени надъ обществомъ и въ частности надъ земствомъ и надъ печатью, явились тѣмъ другимъ факторомъ, который, вмѣстѣ съ войной, содѣйствовалъ общему подъему общественнаго настроенія, выразившемуся прежде всего въ оживленіи періодической печати и въ привѣтствіяхъ уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ новому министру, привѣтствіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ и указанія на желательную програму дѣйствій. Такъ, кромѣ общихъ всѣмъ земскимъ и думскимъ телеграммамъ выраженій благодарности за высказанное министромъ довѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, въ телеграммѣ елецкаго земскаго собранія говорится: «мы съ довѣріемъ къ вамъ и съ терпѣніемъ будемъ ждать осуществленія въ законодательныхъ мѣрахъ всего того, что такъ мудро и проницательно заявлено вами при изложеніи програмы вашей дѣятельности. Мы твердо вѣримъ, что только на почвѣ широкаго и полнаго развитія мѣстнаго самоуправленія и самодѣятельности возрастетъ мощь обновленной Россіи до такого внутренняго благоустройства и могущества, при которомъ ей не страшны будутъ никакіе внѣшніе и внутренніе враги». Въ такомъ же родѣ высказалось бѣлозерское собраніе, сказавши, что объявленная министромъ «програма благожелательнаго и довѣрчиваго отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ... дастъ результаты тѣмъ скорѣйшіе, чѣмъ болѣе будетъ обезпечена самостоятельность общественныхъ учрежденій при расширеніи ихъ компетенціи». По мнѣнію екатеринославскаго собранія «широкая самодѣятельность общественныхъ силъ, просвѣщеніе народа, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ его экономическаго быта и улучшеніемъ его правового положенія, господство закона во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія послужатъ прочнымъ основаніемъ для мирнаго прогресса и счастія Россіи». Бала-

шевское собраніе, вспоминая только что пережитое земствомъ «мрачное и печальное время» и выражая надежду на то, что оно навсегда миновало, высказываетъ увѣренность, что земству, наконецъ, дана будетъ возможность самостоятельной дѣятельности и спокойнаго существованія. Въ постоянномъ и правомѣрномъ сотрудничествѣ правительственныхъ органовъ съ общественными представителями оно видитъ необходимое условіе внутренняго мира. Устюжское собраніе глубоко надѣется, что новому министру «дано будетъ довершить давно желанное государственное устроительство на началахъ расширенія круга дѣятельности и большей самостоятельности общественныхъ учрежденій». Богородицкое собраніе «увѣрено, что скоро нашъ общественный строй обновится и возродится на началахъ безсословности и выбора, положенныхъ въ основаніе Царемъ-Освободителемъ. Сумское—выражаетъ желаніе, чтобы принципъ довѣрія къ странѣ и ея органамъ самоуправленія въ ближайшемъ будущемъ былъ воплощенъ въ конкретныя, законодательно-опредѣленныя формы общественнаго содѣйствія правительству. Весьегонское — надѣется, что система государственнаго управленія, основанная на доброжелательномъ и довѣрчивомъ отношеніи власти къ органамъ мѣстнаго самоуправленія оздоровитъ всѣ стороны внутренней жизни нашего отечества и въ частности приведетъ къ возстановленію нормальныхъ условій дѣятельности земства въ Тверской губерніи. Такой же характеръ въ общемъ имѣютъ и привѣтствія, посланныя отъ городскихъ думъ. Такъ, московская городская дума высказываетъ, что «въ единеніи правительственной дѣятельности съ живыми общественными силами московское городское общество видитъ единственно вѣрный путь къ достиженію народнаго блага и къ развитію и совершенствованію внутренняго строя Россіи. Также высказалась и курская дума, выразивъ увѣренность, что въ выработкѣ программы возложенной на министра задачи государственнаго устроительства онъ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ общественными силами.

Болѣе подробно и опредѣленно общественныя пожеланія и надежды, вызванныя заявленіемъ князя Святополкъ-Мирскаго, выражены были въ рѣчахъ, произнесенныхъ нѣкоторыми гласными при обсужденіи въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ предложеній о посылкѣ привѣтственныхъ телеграммъ. Мы укажемъ изъ нихъ на нѣкоторыя наиболѣе характерныя и содержательныя. Къ такимъ, несомнѣнно, принадлежитъ рѣчь предсѣдателя темниковскаго земскаго собранія Ю. А. Новосильцева. Она касалась какъ положенія, созданнаго войною, такъ и ожиданій, вызванныхъ заявленіями министра внутреннихъ дѣлъ. «При трудныхъ обстоятельствахъ,— сказалъ г. Новосильцевъ,— открывается въ нынѣшнемъ году земское собраніе. Съ тяжелымъ сердцемъ мы слѣдимъ за событіями на Дальнемъ Востокѣ, болью и страданіями отзывающимися во всей Россіи. Воинственная политика русскаго правительства, несмотря на извѣстное всѣмъ миролюбіе Государя Императора привела къ разрыву съ Японіей и борьба съ ней стоитъ огромныхъ, непредвидѣнныхъ жертвъ, жертвъ [illegible]-

ловѣческихъ, жертвъ матеріальныхъ». Никто, а тѣмъ менѣе земство не можетъ отнестись къ нимъ равнодушно. Многія земства соединились для помощи раненымъ и больнымъ; земскіе люди давали на это дѣло свой личный трудъ, а земскія собранія жертвовали деньги. Но эти пожертвованія очень тяжелы для населенія и можно опасаться, что послѣдствіемъ ихъ будетъ сокращеніе культурной дѣятельности. По нынѣшнему закону пособія, выдаваемыя семействамъ призванныхъ на службу запасныхъ чиновъ, всецѣло ложатся на земство, а это составляетъ для Тамбовской губерніи до 700 тысячъ. Въ собраніе вносится докладъ объ измѣненіи этого закона. Но земства давно уже ходатайствуютъ о многомъ, касающемся ихъ насущныхъ потребностей, и большинство этихъ ходатайствъ отклонялось по личному взгляду того или иного министра, а многія ходатайства и по сю пору остаются безъ отвѣта. Можетъ быть, теперь будетъ иное отношеніе къ голосу земства. Сославшись затѣмъ на слова князя Святополкъ-Мирскаго и привѣтствуя ихъ, г. Новосильцевъ продолжалъ: «Нельзя, однако же, не вспомнить, что и раньше мы слышали слова довѣрія, обращенныя къ обществу. Но чѣмъ выразилось на дѣлѣ довѣріе? Печальная участь трудовъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, еще болѣе печальная участь нѣкоторыхъ изъ его членовъ; частичное упраздненіе тверского земства, отказъ въ утвержденіи пяти предсѣдателей губернскихъ управъ, воспрещеніе общеземской организаціи въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, систематическое неутвержденіе лицъ, служащихъ въ земствахъ по назначенію,—вотъ примѣры того довѣрія, какимъ дарило насъ министерство внутреннихъ дѣлъ хотя бы въ минувшіе два года. Будемъ надѣяться, что все это отошло въ прошлое безповоротно; не сомнѣваясь въ искренности словъ князя Святополкъ-Мирскаго, будемъ надѣяться, что за словами послѣдуетъ дѣло; будемъ надѣяться, однимъ словомъ, что довѣріе, о которомъ говоритъ министръ внутреннихъ дѣлъ, выразится въ той единственной формѣ, въ которой оно можетъ имѣть значеніе для Россіи: въ упраздненіи административнаго произвола и въ установленіи законнаго порядка при активномъ содѣйствіи общества и населенія».

Особымъ обиліемъ рѣчей, касавшихся важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ русской жизни, отличалось въ нынѣшнемъ году балашевское собраніе (Саратовской губерніи). Предсѣдатель собранія С. А. Уньковскій, припомнивъ, что земскіе дѣятели много разъ въ разныхъ случаяхъ возвышали свой голосъ, указывая на тяжелыя, мрачныя стороны помѣстной жизни, высказалъ, что въ настоящее время голосъ этотъ долженъ звучать еще сильнѣе и тверже. Въ этомъ нашъ долгъ, наша главная и прямая обязанность». Гласный С. А. Котляревскій заявилъ, что «мы присутствуемъ при великихъ событіяхъ во внѣшней жизни Россіи и при подъемѣ общественнаго сознанія, какого раньше не было... Все наше вниманіе должно быть направлено къ тому, чтобы оказаться достойными нашего времени, въ которомъ мы живемъ и дѣйствуемъ, и его великихъ задачъ. Если бы теперь земства малодушно и несогласованно пошли вразбродъ,

если бы вмѣсто стройнаго хора получился бы диссонансъ, то это было бы, конечно, крайне печальнымъ свидѣтельствомъ о гражданской бѣдности. Но, кажется, нѣтъ никакихъ основаній бояться этого. Въ своей сорокалѣтней работѣ земскія учрежденія никогда не отрывались отъ мѣстныхъ пользъ и нуждъ, но и никогда не забывали о тѣхъ великихъ общихъ принципахъ, при свѣтѣ которыхъ освѣщается культурная работа на мѣстахъ. Создалось земское общественное мнѣніе, сдѣлавшееся исполинскимъ голосомъ страны, голосомъ людей, за которыми стоятъ массы мѣстнаго населенія». Гласный С. Б. Веселовскій замѣтилъ, что «мы до сихъ поръ чувствуемъ на себѣ всю тяжесть еще не отшедшей въ область исторіи системы повальнаго заподозрѣванія всего общества въ неблагонадежности... При послѣдовательномъ проведеніи системы довѣрія отношеніе власти къ отдѣльнымъ лицамъ, къ общественнымъ учрежденіямъ и къ обществу въ цѣломъ должно измѣниться въ корнѣ. Станетъ невозможнымъ подавленіе свободы личности и свободы союзовъ. Вотъ на что мы въ правѣ надѣяться». Наконецъ, Н. Н. Львовъ, коснувшись возникающихъ у многихъ сомнѣній, обусловленныхъ тѣмъ, что мы отвыкли чему-нибудь вѣрить,—такъ часто намъ приходилось обманываться,—высказалъ увѣренность, что на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не со лживыми призраками. «Отъ насъ самихъ,—сказалъ онъ,—отъ нашего разума, отъ нашихъ внутреннихъ силъ будетъ зависѣть конечный исходъ. Пора перестать колебаться, пора увѣровать въ самихъ себя». Враговъ у насъ много, враговъ сильныхъ и злобныхъ. Они будутъ клеветать на насъ, будутъ возводить лживыя обвиненія, что мы хотимъ похитить власть для себя. Но нами руководитъ одна любовь къ Россіи. «Мы глубоко вѣримъ, что только при свободѣ возможенъ честный споръ, когда исчезнетъ гнетъ, при которомъ сѣются лишь сѣмена тайной и злобной вражды и непримиримой ненависти. Разумъ вещей за насъ».

Одною изъ самыхъ горячихъ и убѣжденныхъ была также рѣчь предсѣдателя елецкаго земскаго собранія А. А. Стаховича. «Давно уже,—сказалъ онъ,—русское общество не переживало столь угнетеннаго состоянія духа. Съ одной стороны тяжелая внѣшняя война, начавшаяся, вслѣдствіе полной къ ней неподготовленности, рядомъ неудачъ на сушѣ и на морѣ; съ другой стороны, и теченіе нашей внутренней жизни нельзя назвать нормальнымъ»... «Уже четверть вѣка» правительство «недовѣрчиво относится къ обществу, всѣмъ общественнымъ силамъ и учрежденіямъ, въ томъ числѣ и къ земству; начала мѣстнаго самоуправленія подавлены и почти отсутствуютъ»... Въ такую-то грустную пору общественнаго настроенія сердце всѣхъ отзывчивыхъ русскихъ людей было согрѣто радостною вѣстью о словахъ, сказанныхъ кн. Святополкъ-Мирскимъ при вступленіи имъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ». Мы, земцы,—сказалъ Стаховичъ,—твердо вѣримъ, что провозглашенныя имъ начала довѣрія къ обществу скоро будутъ положены въ основу будущихъ законодательныхъ мѣръ и потому будетъ расширено поле общественной самодѣятельности, призывающей населе-

къ постоянному, тѣсному органическому сотрудничеству въ трудномъ, но неотложномъ правительственномъ дѣлѣ «устроенія государства». Изъ рѣчей въ городскихъ думахъ можно отмѣтить рѣчь, сказанную гласнымъ курской думы В. И. Долженковымъ. Напомнивъ, что еще недавно суровое и недовѣрчивое отношеніе власти къ курскому городскому самоуправленію поставило думу въ такое положеніе, при которомъ между гласными возникла мысль о выходѣ въ отставку, гласный Долженковъ высказалъ, что для состава курской думы является поэтому особенно цѣннымъ заявленіе новаго министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что «плодотворность правительственнаго труда основана на искренне довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще». Такіе взгляды министра твердо обосновываются на исторіи развитія русскихъ общественныхъ учрежденій, которыя несмотря на массу стѣсняющихъ условій и преградъ, проявили по общему признанію оригинальную творческую зиждительную силу въ возможномъ при настоящемъ строѣ государственной жизни выясненіи нуждъ и потребностей населенія и въ посильномъ ихъ удовлетвореніи. Исторія указываетъ также, что свободное и дѣятельное участіе общественныхъ силъ въ строительствѣ государственныхъ и общественныхъ установленій и въ разрѣшеніи сложныхъ общихъ вопросовъ, начиная съ эпохи великихъ реформъ, всегда было чрезвычайно плодотворно и отвѣчало насущнымъ запросамъ населенія и основамъ его міросозерцанія».

Изъ этихъ примѣровъ видно, что какъ ни разносторонни были взгляды, высказанные различными общественными учрежденіями и ихъ отдѣльными членами по поводу словъ министра внутреннихъ дѣлъ, но всѣ они сходятся въ выраженіи радостнаго чувства, вызваннаго надеждою на то, что эти слова послужатъ началомъ новаго направленія нашей внутренней политики, основаннаго на довѣріи правительства къ общественнымъ силамъ и на предоставленіи послѣднимъ широкаго участія въ совмѣстной съ правительствомъ работѣ государственнаго переустройства. Въ выраженіи этого чувства общественныя учрежденія выказали большое единодушіе. Правда, мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о сравнительно небольшомъ числѣ земскихъ собраній и городскихъ думъ. Очень вѣроятно и то, что значительное ихъ число вовсе не высказались по этому поводу, отчасти просто по непривычкѣ къ такого рода заявленіямъ, отчасти, можетъ быть, и по неувѣренности въ томъ, какъ будутъ приняты такія выраженія, хотя бы и сочувственныхъ, но все же самостоятельныхъ взглядовъ,— неувѣренности довольно естественной въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились въ теченіе столь долгаго времени наши общественныя учрежденія. Такого рода неувѣренность выразилась, наприм. довольно характерно въ томъ, что произошло въ нижегородской городской думѣ. Корреспондентъ *Русскаго Слова* такъ передаетъ подробности этого дѣла. Въ засѣданіи думы гласный А. В. Баулинъ предложилъ выразить по телеграфу признательность кн. Святополкъ-Мирскому за его довѣріе къ общественному

самоуправленію. Я не считаю возможнымъ допустить такое постановленіе думы,—сказалъ городской голова г. Меморскій. Отъ имени гражданъ съ удовольствіемъ и я присоединяюсь, а отъ думы не могу. Почему же?—заинтересовались гласные. Я имѣлъ... предварительные переговоры... отъ думы послать не могу. Объявляю перерывъ засѣданія. Въ частномъ совѣщаніи рѣшено послать предложенное привѣтствіе «отъ имени гласныхъ думы». «Въ журналѣ думскаго засѣданія это постановленіе записано не будетъ»—замѣтилъ голова. Гласные молча согласились. Насколько неясно еще у насъ представленіе о законности такого рода заявленій доказывается страннымъ инцидентомъ, разсказаннымъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* И. П. Бѣлоконскимъ. Разрѣшенный правительствомъ VIII съѣздъ врачей Харьковской губерніи постановилъ тоже послать министру внутреннихъ дѣлъ привѣтствіе такого же характера, какъ и посланныя отъ земствъ. Г. Бѣлоконскій сообщилъ по телеграфу о содержаніи этого привѣтствія въ *Русскія Вѣдомости* и получилъ официальное извѣстіе изъ Москвы о томъ, что его телеграмма не разрѣшена цензурой. Между тѣмъ та же телеграмма врачебнаго съѣзда на другой день 6 октября цѣликомъ появилась въ газетѣ *Южный Край*.

Въ большей части земскихъ собраній и городскихъ думъ посылка привѣтственныхъ телеграммъ не возбуждала, однако, сомнѣній. Сколько намъ извѣстно, только одно грязовецкое собраніе (Вологодской губерніи) отклонило, и притомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, предложеніе о посылкѣ такого привѣтствія. Да въ горбатовскомъ собраніи (Нижегородской губерніи) такое предложеніе встрѣтило сильный протестъ со стороны гласнаго В. Д. Обтяжнова. Впрочемъ, предлогомъ къ нему послужило для г. Обтяжнова то обстоятельство, что предложеніе о посылкѣ телеграммы министру было сдѣлано тотчасъ послѣ принятія собраніемъ вѣрноподданнической телеграммы Государю Императору. «Разъ мы послали телеграмму Государю,—сказалъ г. Обтяжновъ,—нельзя посылать другой телеграммы министру». Да мы и не имѣемъ права критиковать, одобрять или порицать правительство. На замѣчаніе гласнаго Н. А. Савельева, что это не критика, а отвѣтъ на призывъ, гласный В. Д. Саламыковъ возразилъ: «Какой призывъ? Кому и гдѣ онъ былъ сдѣланъ? Программа министра официально намъ неизвѣстна». Большинствомъ голосовъ рѣшено послать телеграмму министру, но не въ тотъ день, а на слѣдующій. Большинство составилось изъ всѣхъ крестьянъ и гласныхъ 2-го избирательнаго собранія и только трехъ гласныхъ отъ дворянъ.

Въ Кинешмѣ земское собраніе большинствомъ 22 голосовъ противъ 12 постановило послать министру привѣтственную телеграмму. Дворяне, вмѣстѣ съ предводителемъ были за то, чтобы не посылать, крестьяне и прочіе гласные—за посылку. Записали постановленіе и разъѣхались. Оказалось, что телеграмма не была послана, и на вопросъ одного изъ гласныхъ предводитель отвѣтилъ просто: «Телеграмма министру осталась непосланной».

Въ словахъ, сказанныхъ министромъ и въ обращенныхъ къ нему гл-

вѣтствіяхъ земствъ и городовъ очень большую роль играетъ слово довѣріе, т.-е. довѣріе правительства къ обществу и общественнымъ учрежденіямъ. Намъ думается даже, что это слово едва ли не черезчуръ выдвигается на первый планъ. По этому поводу *Нижегородскій Листокъ* въ передовой статьѣ отъ 8 октября (№ 277) справедливо говоритъ: «Слова о довѣріи населенію, обращенныя къ чинамъ администраціи были, кажется, поняты многими нѣсколько своеобразно, чуть не вродѣ того довѣрія, которое вотируется въ парламентахъ. Такое пониманіе нѣсколько комично: 130-милліонное населеніе, конечно, не нуждается въ подобномъ вотумѣ. Скорѣе наоборотъ. «Мы съ своей стороны полагаемъ, что слово «довѣріе», обращенное отъ правительства къ народу, можетъ имѣть лишь смыслъ согласія цѣлей правительства съ цѣлями и потребностями народа. Правительство, имѣющее свои особыя, личныя цѣли, идущія вразрѣзъ съ желаніями народа, не можетъ и не должно довѣрять этому народу. Таково, наприм., положеніе правительства во вновь завоеванной странѣ, гдѣ цѣль правительства удержать населеніе въ своей власти, а цѣль населенія освободиться отъ этой власти. Таково же можетъ быть положеніе вещей тамъ, гдѣ правительственная власть принадлежитъ олигархіи, заботящейся только о своихъ интересахъ, противоположныхъ интересамъ всего народа. И въ этомъ случаѣ правительство оказывается относительно страны въ положеніи враждебнаго лагеря и должно принимать всѣ мѣры къ охранѣ себя отъ окружающаго населенія. Но если ничего подобнаго нѣтъ, если правительство сознаетъ свою солидарность съ населеніемъ, то всѣ такія охранительныя мѣры, направленныя не къ защитѣ населенія противъ случайныхъ правонарушеній, а къ защитѣ правительства противъ населенія, теряютъ всякій смыслъ и, буде онѣ продолжаются, то это можетъ быть лишь въ силу громаднаго и печальнаго недоразумѣнія. Такимъ образомъ правильно понимаемое заявленіе правительственной власти о довѣріи ея къ народу можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ заявленія о солидарности ея съ народомъ, о желаніи ея дѣйствовать въ направленіи удовлетворенія желаній и нуждъ народныхъ и объ устраненіи тѣхъ мѣръ, которыя, существуя лишь въ силу недоразумѣнія, оказываются при такихъ условіяхъ безцѣльными и вредными. Но само собой разумѣется, что для установленія дѣйствительной солидарности правительства съ народомъ, недостаточно одного желанія ея со стороны правительства. Необходимо, чтобы правительство знало истинныя потребности народа. Да и для самого общества и народа эти потребности должны получить ясное и опредѣленное выраженіе, такъ какъ при господствѣ общей безгласности, часто и для общества онѣ остаются на степени неясныхъ инстинктивныхъ стремленій. Для всего этого нужна самая широкая свобода обсужденія всякаго рода общественныхъ вопросовъ и путемъ печати, и всякими другими законными путями. Но эта свобода возможна, конечно, только тогда, когда въ населеніи будетъ увѣренность, что никто не можетъ пострадать за высказанныя имъ убѣжденія, религіозныя, національныя или политическія, хотя бы эти убѣжденія и были

несогласны со взглядами правительства въ данный моментъ. Въ особенности же важно, чтобы въ населеніи укрѣпилась увѣренность въ томъ, что существующее въ извѣстное время «довѣрчивое» настроеніе правительства не измѣнится въ любую минуту. «Довѣріе, какъ обѣщаніе, скажемъ мы опять словами той же передовой статьи *Нижегородскаго Листка*, еще не есть факторъ, вносящій въ жизнь нѣчто дѣйствительно обезпечивающее мирный расцвѣтъ культурныхъ успѣховъ. Пока довѣріе находится въ зависимости только отъ взглядовъ того или другого министра, за расцвѣтомъ радужныхъ надеждъ можетъ послѣдовать вмѣсто «весны» снова «осень». Въ качествѣ фактора внутренней государственной жизни «довѣріе» нуждается въ опредѣленныхъ законодательныхъ нормахъ. Иначе это уже знакомая Россіи никого въ свое время не удовлетворившая «диктатура сердца», за которой можетъ послѣдовать новый періодъ недовѣрія.

Пока вотъ уже въ теченіе около двухъ мѣсяцевъ не произошло ничего такого, что бы указывало на измѣненіе «весенней» политики, но точно также нѣтъ ничего и такого, что бы убѣждало въ ея прочности. Князь Святополкъ-Мирскій продолжалъ высказываться въ томъ же тонѣ, благожелательномъ къ общественнымъ учрежденіямъ и болѣе мягкомъ и терпимомъ, чѣмъ въ какомъ говорили когда-либо бывшіе до него министры внутреннихъ дѣлъ. Послѣ разговоровъ его съ корреспондентами нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ онъ имѣлъ бесѣду съ сотрудникомъ *Руси* г. Львовымъ, въ которой по словамъ послѣдняго высказалъ, что не совсѣмъ доволенъ передачей его словъ иностранными корреспондентами. «Они категорически излагали мои отвѣты,—сказалъ онъ,—но я долженъ признаться, что лично я на многое въ настоящее время не имѣю возможности категорически отвѣтить. Я до сихъ поръ стоялъ въ сторонѣ отъ многихъ вопросовъ и есть не мало серьезныхъ дѣлъ, съ которыми я теперь только близко знакомлюсь. Возьмемъ, наприм., вопросъ о крестьянской реформѣ, по поводу котораго у насъ собранъ громадный матеріалъ: я его знаю большею частью изъ газетъ; съ деталями знакомлюсь теперь и разумѣется, не могу еще высказаться опредѣленно именно потому, что теперь мой взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Во всякомъ случаѣ говорить о томъ, что мы предполагаемъ дѣлать—преждевременно. Я могу только высказать свои личные взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ». Въ числѣ этихъ вопросовъ кн. Святополкъ-Мирскій коснулся затѣмъ продовольственнаго дѣла, къ которому онъ считаетъ нужнымъ привлечь снова земство. Вообще онъ придаетъ значеніе оживленію земской дѣятельности и считаетъ желательнымъ распространеніе общеземскихъ учрежденій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще нѣтъ земства ни въ какой формѣ: въ Архангельской, Оренбургской, Астраханской и Ставропольской губерніяхъ; онъ стоитъ за сохраненіе губернскаго земства въ качествѣ руководящаго органа, онъ видитъ много полезнаго въ предоставленіи окраинамъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ самостоятельно. О печати министръ сказалъ, что всегда придавалъ ей большое

значеніе и намѣренъ заняться ею въ близкомъ будущемъ. По вопросамъ о свободѣ богослуженія для русскихъ сектантовъ и о національностяхъ князь не высказалъ ничего опредѣленнаго, сказавши относительно перваго, что рѣшеніе его не вполнѣ зависитъ отъ него, а относительно второго, что «это вопросъ больной, острый, къ которому надо подходить съ большою осторожностью». Основной взглядъ на него министра тотъ, что если и нужно ограждать интересы русскаго населенія, то слѣдуетъ дѣлать это въ мѣру, чтобы не наносить никому чувствительнаго ущерба. Такимъ образомъ кн. Святополкъ-Мирскій вполнѣ добросовѣстно признаетъ свою неподготовленность къ обсужденію и рѣшенію нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. Очень естественно, что онъ не высказываетъ по этимъ вопросамъ опредѣленнаго сужденія до болѣе обстоятельнаго его изученія. Но съ результатомъ этого изученія ставится, повидимому, въ непосредственную связь и дальнѣйшее направленіе изучаемыхъ вопросовъ. Между тѣмъ намъ кажется, что даже при самомъ трудолюбивомъ и добросовѣстномъ изученіи одно лицо не можетъ сдѣлаться столь свѣдущимъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, и въ продовольственномъ, и въ земскихъ дѣлахъ, и въ дѣлахъ о печати, и въ вѣроисповѣдномъ, и національномъ вопросахъ, чтобы взять на себя направленіе всѣхъ ихъ, согласно лишь своимъ личнымъ взглядамъ, хотя бы и основаннымъ на детальномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Вотъ тутъ-то и потребуется не только довѣріе къ людямъ, по своему положенію болѣе близко стоящимъ къ дѣлу, но и признаніе правильности въ общественномъ дѣлѣ подчиненія личныхъ взглядовъ и мнѣній, хотя бы и министра, авторитету общества. Иначе на мѣсто консервативнаго произвола получится прогрессивный произволъ, т.-е. направленіе, заключающее въ самомъ себѣ противорѣчіе.

Несомнѣнно, что новое направленіе нашей внутренней политики проявляется не только въ словахъ, но и въ довольно многочисленныхъ фактахъ. Но всѣ эти факты имѣютъ характеръ не общихъ мѣропріятій, гарантирующихъ сохраненіе того же направленія и въ будущемъ, а частныхъ распоряженій или измѣненій въ характерѣ отношеній администраціи къ нѣкоторымъ явленіямъ общественной жизни. Всѣ они непосредственно связаны съ личностью министра, и очень естественно, что всякій слухъ о возможности оставленія имъ своего поста тотчасъ же сильно тревожитъ общество, соединяющее съ перемѣной личности министра крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ на упроченіе новаго направленія. Къ числу такихъ частныхъ фактовъ принадлежатъ перемѣщенія въ высшемъ персоналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, о которыхъ мы говорили еще въ прошломъ обозрѣніи. Къ нимъ слѣдуетъ также присоединить совершившееся послѣ того перемѣщеніе въ правительствующій сенатъ тверского губернатора князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, по слухамъ находящееся въ связи съ предполагаемымъ возстановленіемъ нормальнаго порядка въ тверскомъ земствѣ. Извѣстно, что по предоставленному тверскому губернатору спеціальному

праву имъ были высланы изъ предѣловъ Тверской губерніи шесть лицъ, изъ которыхъ пятеро принадлежали къ составу тверского губернскаго земскаго собранія, а шестой, А. И. Бакунинъ, даже вовсе не былъ гласнымъ. По ходатайству троихъ изъ высланныхъ: В. Д. фонъ-Дервизъ, Н. К. Милюкова и Б. Н. Тицъ, министръ разрѣшилъ имъ пребываніе въ Тверской губерніи временно до пересмотра всего дѣла о тверскомъ земствѣ. Есть достовѣрныя свѣдѣнія, что и четвертый изъ высланныхъ, И. И. Петрункевичъ, возстановленъ въ своихъ правахъ. Говорятъ, что въ декабрѣ состоится тверское губернское земское собраніе, на которомъ будутъ произведены выборы губернской управы на мѣсто дѣйствующей теперь назначенной. Однако въ новоторжскомъ уѣздномъ земствѣ, находящемся въ одинаковыхъ условіяхъ съ тверскимъ губернскимъ, очередного земскаго собранія нынѣшней осенью вовсе не было. Изъ другихъ аналогическихъ распоряженій слѣдуетъ отмѣтить возвращеніе права земской дѣятельности князю П. Д. Долгорукову, который уже и выбранъ вновь предсѣдателемъ суджанской земской управы. Затѣмъ изъ лицъ административно-сосланныхъ или высланныхъ за послѣднее время по разнымъ поводамъ возвращены бывшіе члены воронежскаго комитета о сельско-хозяйственной промышленности С. Л. Мартыновъ и Н. А. Бунаковъ; затѣмъ В. А. Фальборкъ, В. И. Чарнолусскій, Ю. Н. Лавриновичъ и Н. И. Воробьевъ, высланные подъ надзоръ полиціи послѣ бывшаго въ Петербургѣ съѣзда дѣятелей по техническому образованію, присяжный повѣренный И. Н. Переверзевъ, сосланный въ Архангельскъ послѣ его участія въ защитѣ по кишиневскому дѣлу, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ѳ. А. Валькенштейнъ, докторъ С. А. Никоновъ, литераторъ Н. Ѳ. Анненскій и нѣкоторые другіе. Всѣ эти лица освобождены по особому распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, независимо отъ освобожденія значительнаго числа политическихъ ссыльныхъ по Высочайшему манифесту 11 августа. Послѣднихъ въ Архангельской губерніи освобождено 135 человѣкъ (въ томъ числѣ 60 несовершеннолѣтнихъ) изъ общаго числа 760 человѣкъ, находящихся въ этой губерніи. 17 октября привезена въ Архангельскъ В. Н. Фигнеръ, пробывшая двадцать лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, сверхъ двухъ лѣтъ предварительнаго заключенія. Мѣстожительствомъ ея будетъ назначено село или деревня Архангельской губерніи, а пока, по бездорожью ее нельзя туда отправить, она содержится въ Архангельскѣ подъ стражей. Телеграфнымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ освобождена изъ керченской тюрьмы содержавшаяся тамъ политическая преступница Зельда Югеръ пятнадцати лѣтъ. На-дняхъ, какъ передаетъ *Русское Слово*, княземъ Святополкъ-Мирскимъ былъ принятъ писатель П. И. Вейнбергъ, ходатайствовавшій за нѣкоторыхъ молодыхъ писателей, высланныхъ изъ Петербурга. Съ такою же просьбой обращался къ министру присяжный повѣренный г. Турчаниновъ, ходатайствовавшій за своихъ товарищей по сословію. Обоимъ имъ данъ былъ отвѣтъ, что г. министръ пересмотритъ списки высланныхъ и надѣется значительно ихъ сократить.

Довольно значительное измѣненіе произошло послѣ вступленія въ должность князя Святополкъ-Мирскаго и въ обычномъ способѣ отношенія администраціи и въ частности полиціи къ публикѣ. Петербургскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* характеризуетъ эту перемѣну такимъ образомъ: Когда,—говоритъ онъ,—послѣ довольно продолжительнаго отсутствія я возвратился въ Петербургъ и спросилъ своего пріятеля, стараго петербуржца, что здѣсь новаго, онъ безъ малѣйшихъ колебаній сразу отвѣтилъ: Всѣ у насъ стали вѣжливѣе; во всѣхъ канцеляріяхъ, куда ни обратишься по своему дѣлу, такая пріятная вѣжливость. Я нашелъ, разсуждаетъ по этому поводу авторъ корреспонденціи, что для начала сезона это недурно. Вѣжливость хорошая вещь. Если, съ одной стороны, она ни къ чему не обязываетъ, то съ другой—она всетаки открываетъ возможность дальнѣйшаго сношенія и знакомства, что при взаимности можетъ привести къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ результатамъ. Болѣе мягкія и спокойныя отношенія проявляются въ послѣднее время даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ въ недавнее еще время мы пріучены были только къ свисту нагаекъ. Любопытно, какъ эта перемѣна распространяется не сразу и низшіе агенты еще не могутъ приспособиться къ новымъ требованіямъ. Такъ было во время происшествія 17 октября въ казанскомъ соборѣ и около него. Исходнымъ пунктомъ этого дѣла было самоубійство въ тюрьмѣ студента технологическаго института Ив. Малышева, арестованнаго по обвиненію въ политическомъ преступленіи, именно въ агитаціи среди рабочихъ съ цѣлью произведенія безпорядковъ. Смерть его возбудила волненіе среди учащейся молодежи, среди которой ходили слухи, что арестъ Малышева былъ произведенъ безъ достаточныхъ поводовъ и что причиной его самоубійства было дурное обращеніе съ нимъ въ тюрьмѣ. Послѣднее опровергалось оставленной Малышевымъ запиской, но тѣмъ не менѣе появились листки, приглашавшіе къ массовому протесту 17 октября на площади у казанскаго собора. Еще раньше была произведена попытка манифестаціи около тюрьмы. О ней мы знаемъ только по разсказу *Гражданина,* который передаетъ дѣло такъ: «вызваны были усиленные наряды полиціи, пріѣхалъ градоначальникъ и велѣлъ полиціи разойтись и затѣмъ, оставшись одинъ съ толпой молодежи, обратился къ ней съ просьбой разойтись, что и было исполнено». Затѣмъ о происшедшемъ 17 октября сотрудникъ *Руси* разсказываетъ слѣдующее: «придя въ соборъ, я засталъ тамъ довольно много народа, но почти не замѣтилъ формъ учащихся. На Невскомъ же противъ собора собралось довольно много публики и нѣкоторые учащіеся. Стоя у алтаря, я вдругъ замѣтилъ, что недалеко отъ меня какой-то человѣкъ накинулся на молодую дѣвушку, на видъ курсистку, и началъ грубо ее тащить; она громко закричала, но это не остановило схватившаго ее дворника, къ нему подошелъ другой и оба они потащили ее къ выходу. На ея просьбу отпустить, одинъ изъ нихъ ударилъ ее по головѣ и затѣмъ оба они соединенными силами вытащили ее на паперть. Въ то же время начали тащить другую дѣвушку съ остриженными волосами, затѣмъ начали хватать еще

другихъ и всего такимъ образомъ вытащили силой около 12 человѣкъ. На паперти собора полицейскій офицеръ далъ приказъ не отпускать никого: всѣхъ повели во дворъ ближайшаго дома. Когда я обратился къ дворникамъ съ упреками, туда же потащили и меня, но вскорѣ отпустили. Когда я вышелъ на площадь, къ панели противъ казанскаго собора подъѣхалъ петербургскій градоначальникъ и, сойдя на тротуаръ, началъ весьма деликатно уговаривать публику расходиться. Въ это время я подошелъ къ градоначальнику и спросилъ его, за что дворники били въ соборѣ женщинъ, которыя не обращали ничѣмъ на себя вниманія и стояли у алтаря, какъ и всѣ собравшіеся въ церкви. Градоначальникъ пригласилъ меня и нѣсколькихъ студентовъ, стоявшихъ въ окружавшей насъ толпѣ, слѣдовать за нимъ къ арестованнымъ, обѣщая тотчасъ же выпустить ихъ на свободу. Арестованныя, когда мы пришли къ нимъ, уже были въ участкѣ переписаны и обысканы. Градоначальникъ, войдя къ нимъ, обратился съ вопросомъ: гдѣ арестованныя?—тутъ всѣ начали ему жаловаться на побои: дворники били кулаками по головѣ. Въ это время я замѣтилъ курсистку, которую ударили на моихъ глазахъ, и показалъ на нее градоначальнику, а затѣмъ увидѣлъ и дворника, ее бившаго, который бросился къ выходу, но былъ тутъ же мною задержанъ. Градоначальникъ спросилъ дворника: билъ ли онъ, но дворникъ отвѣтилъ «никакъ нѣтъ». Градоначальникъ приказалъ записать имя дворника. Послѣ этого онъ разговаривалъ еще нѣсколько минутъ съ арестованными и отпустилъ ихъ на свободу, выразивъ сожалѣніе о происшедшемъ. Выйдя изъ участка, онъ тотчасъ же отдалъ приказъ снять немедленно нарядъ и вышелъ на площадь, гдѣ вокругъ него опять собралась толпа молодежи. Къ нему подошли двѣ изъ избитыхъ дѣвушекъ: съ одной изъ нихъ передъ тѣмъ сдѣлалась истерика. Градоначальникъ простился съ толпой и уѣхалъ; вслѣдъ за нимъ всѣ начали расходиться безъ всякаго участія полицейскихъ».

Мы привели этотъ разсказъ дословно, потому что онъ очень живо рисуетъ двойственность, являющуюся слѣдствіемъ новаго режима. Очевидно, петербургскій градоначальникъ находится въ курсѣ новаго направленія и самъ не сочувствуетъ кулачной расправѣ. Но отчего же въ такомъ случаѣ полиція съ офицеромъ во главѣ, заранѣе явившаяся на мѣсто, арестовываетъ не дворниковъ, производящихъ безчинство и драку въ церкви, а избитыхъ ими женщинъ, которыхъ при этомъ переписываютъ и обыскиваютъ? И что же будетъ дальше: будетъ ли предъявлено обвиненіе къ дравшимся дворникамъ, виновнымъ, конечно, лишь въ томъ, что они не вошли въ новый курсъ или, напротивъ, къ избитымъ, что, вѣроятно, имѣло бы мѣсто полгода тому назадъ или, что всего вѣроятнѣе, не будетъ ни того, ни другого: толпа благополучно разошлась и больше ничего не требуется. Но вся эта исторія ясно показываетъ, какъ трудно будетъ, при всемъ добромъ желаніи высшихъ чиновъ полиціи, перевоспитать даже петербургскій низшій полицейскій персоналъ. А насколько это еще труднѣе по отношенію къ наводняющимъ въ настоящее время всю Россію деревенскимъ стражникамъ

и урядникамъ. О подвигахъ ихъ слышно со всѣхъ сторонъ и разсказами о нихъ можно бы наполнить цѣлыя страницы. Ограничимся однимъ примѣромъ: въ Батуринѣ, Черниговской губерніи, пять стражниковъ, задержавъ во время бывшей тамъ ярмарки двоихъ батуринскихъ обывателей, Солдатенка и Боброва, стали ихъ жестоко бить. Присутствовавшіе крестьяне до того были возмущены, что одинъ изъ нихъ ударилъ наиболѣе усердствовавшаго стражника. Тогда, прекративъ избіеніе на улицѣ, стражники ввели арестованныхъ во дворъ становой квартиры, заперли всѣ входы и продолжали избіеніе, дѣйствуя необнаженными шашками, палками и кулаками, пока истязуемые лишились сознанія. На крики собравшейся толпы пришелъ, наконецъ, урядникъ и велѣлъ отливать водой избитыхъ, а потомъ отправилъ ихъ въ подземный казематъ волостной кутузки, гдѣ они пробыли до утра. При подачѣ врачомъ медицинской помощи избитымъ, оказалось, кромѣ множества пораненій у обоихъ, у Солдатенка неполный переломъ ребра. Не лучше ведетъ себя иногда и городская полиція. Недавно, 7 октября, саратовской судебной палатой околоточный надзиратель города Царицына Зыковъ приговоренъ былъ за истязаніе арестованныхъ къ аресту на двадцать дней при тюрьмѣ. 1 октября въ Керчи былъ избитъ городовыми телеграфистъ Лазаревъ, увѣщевавшій ихъ не бить пьянаго. Но всего лучше происшествіе въ Орлѣ: 3 октября трое орловскихъ купцовъ, Васильевъ и Махлины, проходя днемъ по базару, увидали, что городовой бьетъ пьянаго. Махлины и Васильевъ вступились за избиваемаго и одинъ изъ нихъ оттолкнулъ городового. Вечеромъ на квартиру всѣхъ трехъ купцовъ явился городовой съ требованіемъ ихъ въ полицейское управленіе, гдѣ всѣ трое были арестованы (якобы на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, которое въ Орлѣ не введено) и посажены въ тюрьму. 4 октября родственники ихъ обратились къ прокурору окружного суда и по его распоряженію всѣ трое арестованныхъ были освобождены. Вообще произвольный арестъ, особенно когда дѣло идетъ о крестьянинѣ или вообще «неважномъ» лицѣ, есть дѣло самое обыкновенное. Иногда, помимо привычки къ произволу, въ этомъ случаѣ играетъ роль и невѣжество полицейскихъ агентовъ; наприм., въ Аткарскомъ уѣздѣ становой приставъ безъ всякаго основанія арестовываетъ мѣстнаго помѣщика и отказываетъ ему въ просьбѣ послать по телеграфу жалобу, причемъ арестъ этотъ является послѣдствіемъ полученія приставомъ безграмотной бумаги, подписанной будто бы слѣдователемъ, но такой фамиліи, какой въ числѣ фамилій судебныхъ слѣдователей не имѣется. Такого рода отношенія полиціи къ населенію вызываютъ и со стороны населенія враждебныя отношенія къ полицейскимъ властямъ, выражающіяся въ такихъ фактахъ, каковы, наприм., бывшее недавно убійство урядника Радіовскаго тремя крестьянами села Троицкаго, Одесскаго уѣзда, или нанесеніе 1 октября смертельныхъ ранъ околоточному надзирателю одесской городской полиціи Янцеловскому. Вообще полиція не пользуется въ населеніи никакимъ нравственнымъ авторитетомъ, что и приводитъ къ тому, что во всѣхъ случаяхъ столкновеній, гдѣ матеріальная сила оказывается

не на ея сторонѣ, она оказывается безсильной для возстановленія нарушеннаго порядка. Это безсиліе проявилось въ большинствѣ случаевъ и при получившихъ широкое распространеніе безпорядкахъ, произведенныхъ призываемыми на войну чинами запаса. 3 октября, какъ извѣстно, состоялся Высочайшій указъ о мобилизаціи запасныхъ нижнихъ чиновъ въ варшавскомъ, виленскомъ, кіевскомъ и московскомъ военныхъ округахъ, а именно въ четырехъ уѣздахъ Варшавской губерніи, четырехъ Плоцкой, трехъ Петроковской, четырехъ Кѣлецкой, четырехъ Сувалкской, одиннадцати Витебской, одномъ Ковенской, восьми Могилевской, трехъ Кіевской, одного Волынской, четырехъ Подольской, пяти Полтавской, шести Черниговской, четырехъ Харьковской, двухъ Курской, семи Московской, десяти Владимірской, девяти Тверской, десяти Смоленской, пяти Тамбовской, десяти Ярославской, трехъ Вологодской и одного (Хотинскаго) уѣзда, Бессарабской губерніи, одесскаго военнаго округа. И вотъ изъ многихъ мѣстъ идутъ извѣстія, что толпы собравшихся призывныхъ произвели буйство, разгромъ винныхъ и другихъ лавокъ, а въ мѣстахъ жительства евреевъ и избіеніе послѣднихъ. Подробныхъ свѣдѣній о большей части произведенныхъ безпорядковъ пока еще нѣтъ. Больше всего о нихъ слышно изъ западныхъ губерній. Такъ были погромы въ Могилевѣ, Быховѣ, Гроднѣ, Смоленскѣ, Смѣлѣ Кіевской губ. и Ровнѣ Волынской губ., также въ Екатеринославлѣ, Александріи Херсонской губ. и, по слухамъ, Ржевѣ Тверской губ. Небольшія проявленія буйства были даже въ Москвѣ. Начинались безпорядки обыкновенно просто буйствомъ, разбиваніемъ винныхъ лавокъ и т. п., но затѣмъ въ городахъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, они скоро переходили въ насилія, преимущественно направленныя противъ евреевъ. Такъ, наприм., въ Могилевѣ, толпа, въ которой кромѣ запасныхъ были и мѣстные жители, въ томъ числѣ много подростковъ, шла съ крикомъ: «бей жидовъ» и избивала встрѣчныхъ евреевъ. На другой день погромъ еще усилился: нѣсколько партій громилъ дѣйствовали на разныхъ улицахъ, врывались въ дома, разбивали и грабили имущество, уносили товаръ изъ лавокъ; было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Подъ вечеръ вызванъ былъ патруль, но громилы спокойно и увѣренно продолжали свое дѣло. Въ Быховѣ, куда 11 октября прибыли 3,207 человѣкъ запасныхъ, они разбили въ этотъ день двѣ казенныя винныя лавки, силой выломавъ окна и двери, а 12-го, раздѣлившись на отдѣльныя группы, отправились по домамъ и лавкамъ. Вооружившись ломами и топорами, толпа разграбила нѣсколько домовъ и около семидесяти пяти лавокъ, а затѣмъ подожгла лавки. Полряда лавокъ принадлежали казнѣ, а другія—церкви, но товаръ въ нихъ былъ по преимуществу еврейскій. Что дѣлала при этомъ полиція, объ этомъ въ корреспонденціи не упоминается. Въ Гродно 12 октября запасные тоже разбили двѣ казенныхъ винныхъ лавки и разнесли всю находившуюся въ нихъ водку; затѣмъ разбили нѣсколько палатокъ и разнесли одну казенную лавку. Власти въ лицѣ исправника, надзирателя и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ полиціи ничего не могли сдѣлать съ разгулявшеюся ма-

ной и послали въ Витебскъ за войсками. По прибытіи роты солдатъ буйство само собой прекратилось.

Конечно, такія явленія указываютъ не только на безсиліе полиціи, но и на нѣчто еще гораздо худшее, на дикость народной массы и на отсутствіе въ ней всякаго чувства законности. Но откуда же было и взяться въ ней этому чувству? Каждый изъ ея членовъ долгимъ жизненнымъ опытомъ пріученъ къ неуваженію его правъ всякимъ, кто стоитъ выше его въ общественной іерархіи, или такъ или иначе сильнѣе его. Очень естественно, что въ немъ самомъ воспиталось уваженіе къ одной лишь силѣ, а не къ праву и законности, и когда сила, хотя бы случайно и временно, оказывается на его сторонѣ, то онъ и проявляетъ ее въ самомъ разнузданномъ видѣ, не стѣсняясь никакими требованіями нравственнаго порядка. Чтобы этого не было, нужно, чтобы вся народная масса прониклась сознаніемъ незыблемости права и законности. А это сознаніе можетъ укрѣпиться въ ней не иначе какъ путемъ неуклоннаго проведенія этихъ началъ въ жизни всѣхъ слоевъ общества, съ верхнихъ и до нижнихъ. Нѣкоторые проблески начинающейся въ этомъ направленіи работы мы какъ будто видимъ теперь, или скорѣе предчувствуемъ. Но, сочувствуя и по мѣрѣ силъ содѣйствуя этой работѣ дружными усиліями всего общества, мы не должны закрывать глаза на ту громадную массу препятствій, съ которыми придется встрѣтиться новымъ начинаніямъ. И особенно не слѣдуетъ думать, что все сдѣлается какъ-то само собой, помимо насъ, и что обществу слѣдуетъ только не мѣшать благопріятно наладившемуся ходу событій. Какъ ни странно, но въ числѣ причинъ, возбуждающихъ надежды, оказывается, между прочимъ, и война. Замѣчательно, что почти никто не интересуется непосредственными результатами войны, т.-е. пріобрѣтемъ ли мы Манчжурію, усилится ли наше политическое вліяніе на Востокѣ и т. п.; но очень многихъ интересуетъ вопросъ о томъ, какъ можетъ отразиться война на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Правда, что большая часть высказаннаго по этому поводу печатными органами, больше всего объ этомъ говорившими, не отличается ясностью, а нѣкоторые изъ нихъ впадали прямо въ какой-то мистическій тонъ. Такъ, напримѣръ, газета *Одесскія Новости*, подобно г. Суворину, провидѣвшему въ *Новомъ Времени* грядущую весну русской жизни еще до поворота въ нашей внутренней политикѣ, связаннаго со вступленіемъ въ должность новаго министра внутреннихъ дѣлъ, находили, что война открыла то, что давно зрѣло въ Россіи, именно она ввела «общество» въ кругъ всѣми признанныхъ понятій. Его нашли своевременнымъ признать, и въ этомъ фактѣ лежитъ залогъ нашей колоссальной исторической побѣды. Реальной подкладкой этой побѣды было въ то время для газеты, повидимому, пожертвованіе свыше четырехъ милліоновъ, сдѣланное всѣми классами русскаго общества. Восхищаясь объединеніемъ въ этомъ дѣлѣ различныхъ общественныхъ элементовъ, газета съ нѣкоторымъ паѳосомъ говоритъ: «Пусть заря новаго разсвѣта Россіи поднимается съ далекихъ и чуждыхъ намъ водъ Тихаго

океана: не все ли равно, откуда придетъ побѣда русскаго общества? Но что побѣду мы будемъ крѣпко держать въ своихъ рукахъ, въ этомъ не можетъ, не должно быть сомнѣній, ибо слишкомъ долго, слишкомъ жадно мы ждали этой побѣды». Намъ напротивъ кажется, что совсѣмъ не все равно,—не то что откуда придетъ побѣда, а откуда мы ее будемъ ждать. Если съ береговъ Тихаго океана, т.-е. не отъ насъ самихъ, а въ силу независимо отъ насъ слагающихся послѣдствій войны, то легко можетъ быть, что мы ея и не дождемся. Мало ли кто чего ждетъ? Есть люди, которые цѣлый вѣкъ, и очень жадно, ждутъ выигрыша двухъ сотъ тысячъ, но такъ какъ для достиженія его они ничего не могутъ сдѣлать, то ничего и не получаютъ. Разумѣется, нѣкоторую долю неясности всѣхъ такого рода разсужденій надо отнести на счетъ привычнаго нашей литературѣ «Езоповскаго слога», но уже самое существованіе этого слога указываетъ на то, какъ далеко нашему обществу отъ какихъ бы то ни было побѣдъ. Намъ приходилось слышать и такіе разговоры: война, говорятъ, раскроетъ всякіе безпорядки и злоупотребленія, которые безъ нея оставались бы скрытыми, и послужитъ исходнымъ пунктомъ для ихъ исправленія. Это, конечно, возможно, поскольку рѣчь идетъ о какихъ-нибудь частичныхъ непорядкахъ въ военномъ вѣдомствѣ или въ интендантствѣ и т. п. Но отъ такихъ исправленій, которыя могутъ выразиться въ смѣнѣ или отдачѣ подъ судъ какого-нибудь проворовавшагося чиновника, очень далеко до серьезныхъ исправленій крупныхъ несовершенствъ нашего общественнаго строя. Иногда эта мысль высказывается въ болѣе общей формѣ: говорятъ, что война, это, такъ сказать, экзаменъ, на которомъ государство подвергается испытанію. Неудачная война служитъ указаніемъ на то, что въ государственной организаціи имѣются существенные дефекты, и заставляетъ правительство и народъ обратить свои усилія на ихъ исправленіе. Намъ эта мысль кажется сомнительною уже потому, что логическимъ выводомъ изъ нея является полезность и желательность пораженія. И дѣйствительно, говорящіе такъ указываютъ на такіе историческіе примѣры, какъ севастопольская и франко-прусская война, которыя оказались всего полезнѣе для побѣжденныхъ, заставивши ихъ приступить къ радикальнымъ реформамъ ихъ общественнаго строя. Мы однако думаемъ, что эти войны нельзя считать причинами послѣдовавшихъ за ними событій: самое большее, если видѣть въ нихъ лишь нѣкоторый поводъ или толчокъ къ нимъ. Освобожденіе крестьянъ и тѣсно связанныя съ нимъ послѣдующія реформы: земская и судебная, были осуществлены не потому, что мы были побѣждены въ Севастополѣ, а потому, что русское правительство того времени, вмѣстѣ съ сознательно мыслящей и прогрессивной частью русскаго общества, пришло къ твердому убѣжденію въ необходимости этихъ реформъ и нашло въ себѣ достаточно стойкости, энергіи и довѣрія къ обществу, а въ обществѣ способныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ, для того чтобы выполнить на дѣлѣ задуманныя преобразованія. Наполеоновскій режимъ палъ подъ ударами прусскихъ войскъ,

но достоинство Макъ-магоновскаго септената было немногимъ выше и, если Франція теперь вполнѣ залѣчила свои раны и достигла высокой степени совершенства въ своемъ государственномъ устройствѣ и народномъ благосостояніи, то этимъ она обязана усиленной работѣ своихъ лучшихъ общественныхъ силъ и упорной борьбѣ ихъ съ противодѣйствовавшими имъ ретроградными элементами.

Такимъ образомъ эти примѣры вовсе еще не доказываютъ полезности для народовъ военныхъ испытаній, тѣмъ болѣе, что далеко не всегда въ исторіи такія испытанія сопровождались измѣненіями во внутреннемъ режимѣ. Бываетъ и такъ, что послѣ войны, хотя бы и неудачной, внутреннія неустройства сохраняются, народу живется не хорошо, иногда онъ даже проявляетъ свое недовольство, но это не ведетъ ни къ реорганизаціи государства на лучшихъ началахъ, ни къ окончательному его разложенію и паденію: государство какъ бы по инерціи продолжаетъ жить и функціонировать, примѣрами чего въ настоящее время могутъ служить Турція и Китай.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, на всякую войну вообще, и на нынѣшнюю въ особенности, слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на бѣдствіе, которое можетъ только ослабить народныя силы, а никакъ не способствовать само по себѣ исправленію и улучшенію государственнаго и общественнаго порядка. Въ этомъ смыслѣ надежды можно возлагать лишь на развитіе и уясненіе общественнаго самосознанія и на энергическую самодѣятельность общества. Поэтому намъ надо не складывать руки въ безсильномъ ожиданіи того, что намъ дастъ будто бы помимо насъ движущійся ходъ исторіи, а неустанно продолжать работать надъ развитіемъ общественнаго самосознанія и надъ подготовкой условій, при которыхъ оно могло бы дѣятельно проявиться въ русской государственной и народной жизни. Дѣйствовать въ этомъ направленіи въ послѣднее время стало немного легче и этимъ, конечно, надо пользоваться. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, не вредитъ и нѣкоторый оптимизмъ, не тотъ оптимизмъ, который говоритъ, что все пойдетъ прекрасно и безъ насъ, а тотъ, который позволяетъ намъ начинать наше дѣло съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, надеждой, безъ которой у большинства людей опускаются руки.

Въ Петербургѣ говорятъ, по словамъ того же корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, котораго мы цитировали выше, о возрожденіи «Союза писателей» и о возобновленіи дѣятельности Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Члены «Союза» рѣшили ходатайствовать объ отмѣнѣ тяготѣющаго на немъ запрета. Еще въ то время, когда такъ неожиданно состоялось закрытіе союза, комитетъ его признавалъ распоряженіе бывшаго министра незаконнымъ и постановилъ обжаловать его въ сенатъ; но почему-то жалоба тогда подана не была. Теперь, по слухамъ, князь Святополкъ-Мирскій благосклонно отнесся къ ходатайству писателей и обѣщалъ лично разсмотрѣть дѣло «Союза». Что касается вольно-экономическаго общества, то публичныя собранія общества были,

какъ извѣстно, прекращены впредь до разсмотрѣнія его устава особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Вишнякова. Но коммиссія давно уже закончила свои занятія, и труды ея давно препровождены въ подлежащее министерство. Поэтому оптимисты ожидаютъ, что уже въ ноябрѣ общество получитъ возможность снова открыть свои двери для публики. Возобновлена также мысль объ учрежденіи «Пушкинскаго» общества распространенія просвѣщенія, имѣющаго цѣлью содѣйствовать распространенію и развитію въ Россіи школьнаго и внѣшкольнаго образованія путемъ открытія начальныхъ училищъ, вечернихъ и воскресныхъ классовъ и другихъ учебныхъ заведеній для дѣтей и взрослыхъ, содѣйствія поднятію матеріальнаго и моральнаго благосостоянія учащихъ, устройства библіотекъ, читаленъ и курсовъ, изданія и распространенія книгъ, собиранія свѣдѣній о народномъ образованіи и его нуждахъ, и т. п. Учрежденіе этого общества было задумано еще въ 1900 году въ «Пушкинскіе дни». Въ составленіи устава общества принимали участіе такія лица, какъ сенаторъ А. Ѳ. Кони и Н. С. Таганцевъ, академики: А. Н. Пыпинъ, А. С. Фаминцынъ и А. А. Шахматовъ, президентъ вольно-экономическаго общества графъ П. А. Гейденъ, присяжный повѣренный Герардъ, литераторы К. К. Арсеньевъ и В. Г. Короленко. И несмотря на такой составъ и такія задачи общества, уставъ не былъ представленъ на утвержденіе, такъ какъ по наведеннымъ справкамъ выяснилось, что на него нельзя было разсчитывать. Теперь на это является надежда, какъ и на многое другое. Говорятъ также о снятіи опалы съ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, хотя до сихъ поръ разрѣшенъ пока только одинъ «Восходъ». Вообще въ публикѣ циркулируетъ очень много слуховъ о предстоящихъ будто бы широкихъ реформахъ, касающихся главнымъ образомъ земства и печати. Такъ, говорятъ, что работы по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, производившіяся какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ и на мѣстахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ, рѣшено пріостановить и возобновить по новому плану. Весь центръ тяжести работъ предполагается перенести въ губернію въ особые комитеты съ участіемъ представителей земства и дворянства. Работы этихъ комитетовъ должны послужить министерству внутреннихъ дѣлъ основою при составленіи проекта новаго крестьянскаго Положенія. Съ другой стороны, извѣстно, что по Высочайшему повелѣнію въ теперешнія губернскія совѣщанія переданы внесенные въ государственный совѣтъ министромъ юстиціи проекты устава опекунскаго учрежденія и опекунскихъ установленій въ частяхъ, касающихся крестьянскихъ опекъ. Есть слухъ, передаваемый *Рижскими Вѣдомостями*, о томъ, что рѣшено возстановить въ земской Россіи положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, распространивъ его и на западный край, взамѣнъ дѣйствующаго тамъ теперь. Возможно, что одновременно обновится земскій строй и въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ мѣстныхъ дворянскихъ кружкахъ раздаются вліятельные голоса о томъ, чтобы самимъ пойти навстрѣчу этой реформы, не дожидаясь, пока она будетъ пр

ложена сверху. Есть слухъ также о томъ, что въ совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ для предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, касающихся мѣстныхъ нуждъ, вмѣсто пятнадцати членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ и земствъ по приглашенію министра, будутъ призваны уполномоченные отъ всѣхъ губернскихъ земствъ по выбору самихъ земскихъ собраній.

Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что мы въ ежемѣсячномъ обозрѣніи говоримъ о слухахъ, которые ко времени выхода книжки журнала могутъ быть уже фактически подтверждены или опровергнуты. Но слухи, ходящіе въ извѣстное время въ обществѣ, помимо того будутъ они осуществлены на дѣлѣ или нѣтъ, имѣютъ еще тотъ интересъ, что характеризуютъ собою настроеніе общества, указывая на волнующіе въ данное время общество вопросы и до извѣстной степени и на его симпатіи, такъ какъ извѣстно, что обыкновенно чего хочется, тому и вѣрится. Достовѣрно по отношенію къ земству извѣстно о мѣропріятіи общаго характера: земствамъ, еще не присоединившимся къ обще-земской организаціи по оказанію помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ, разрѣшено присоединиться къ ней. Вслѣдствіе этого на совѣщаніи представителей земствъ уже участвующихъ въ этой организаціи, происходившемъ въ Москвѣ 2 октября подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, рѣшено было обратиться ко всѣмъ остальнымъ земствамъ съ просьбой сообщить, что сдѣлано ими по удовлетворенію нуждъ, вызываемыхъ войной, и съ предложеніемъ имъ присоединиться къ общеземской организаціи. Въ послѣднее время, въ земской средѣ намѣчены были нѣкоторые вопросы, поднять которые предполагалось полезнымъ на предстоящихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, которыя могли бы высказать свое по нимъ сужденіе въ формѣ ходатайствъ. Таковы: вопросъ о войнѣ со стороны тѣхъ непосильныхъ тягостей, которыя она налагаетъ на населеніе вообще и на земскій бюджетъ въ особенности. Это чрезмѣрное обремененіе земскаго бюджета могло бы послужить основаніемъ для возбужденія ходатайства о расширеніи предметовъ земскаго обложенія. Затѣмъ крестьянскій вопросъ. При наличныхъ условіяхъ необходимость въ неотложномъ правильномъ и цѣлесообразномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса ощущается съ особенной остротой. Поэтому земству слѣдовало бы высказаться если не по существу, то, по крайней мѣрѣ, о пріемахъ его разрѣшенія. Само собой разумѣется, что, оставаясь на исконной земской точкѣ зрѣнія, земскія собранія неизбѣжно должны высказаться противъ бюрократическихъ способовъ рѣшенія крестьянскаго вопроса и за привлеченіе къ участію въ его рѣшеніи всѣхъ земскихъ силъ при условіи полной гласности и свободнаго обсужденія его въ печати. Между прочимъ, уже одинъ тотъ фактъ, что въ основу выработаннаго министерствомъ проекта крестьянской реформы положено узко-сословное начало, могъ бы быть выдвинутъ какъ достаточно сильное доказательство невозможности правил[illegible]о рѣшить крестьянскій вопросъ бюрократическими силами и средствами.

[illegible]ъ тѣсной связи съ пересмотромъ положенія о крестьянахъ и съ выяснен[illegible]іемъ платежныхъ силъ населенія стоитъ также поднятый въ послѣд-

нее время какъ въ литературѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ, вопросъ о значительномъ пониженіи или даже о полномъ прекращеніи взиманія выкупныхъ платежей. Можетъ быть, было бы правильнѣе всю выкупную операцію произвести не на счетъ крестьянъ, а на счетъ государства, какъ это имѣло мѣсто въ Польшѣ. Относительно самаго земства и его дѣятельности высказывалось мнѣніе, что произведенныя недавно ревизіи московскаго и тверского земствъ даютъ полное основаніе для ходатайства о томъ, чтобы впредь при правительственныхъ ревизіяхъ земскихъ учрежденій данныя ревизіи обязательно сообщались бы для отзыва земскимъ собраніямъ, до поступленія котораго она не получала бы дальнѣйшаго движенія. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для земской жизни и работы есть, конечно, вопросъ объ утвержденіи служащихъ. Существующій порядокъ, въ силу котораго служащіе по выбору и найму нуждаются въ утвержденіи администраціей, не только принципіально неправиленъ, противорѣча началу самоуправленія, но и представляетъ огромныя практическія неудобства. Благодаря ему земство часто лишается возможности пользоваться услугами какъ разъ наиболѣе полезныхъ для него людей. Поэтому слѣдовало бы возбудить ходатайство о томъ, чтобы земскіе служащіе по выбору и найму вступали въ должность безъ утвержденія администраціи.

Соглашаясь съ основательностью такихъ пожеланій, мы, однако, думаемъ, что въ настоящее время едва ли было бы правильно и своевременно ставить частные вопросы, какъ, наприм., о ревизіяхъ и объ утвержденіи служащихъ. Притомъ ревизіи т. с. Зиновьева и т. с. Штюрмера были продуктами того времени, которое, надо надѣяться, уже миновало. Теперь долженъ быть поставленъ общій вопросъ о самостоятельности земства и объ отношеніяхъ его къ центральному правительству, поставленъ и разработанъ, исходя изъ провозглашеннаго начала взаимнаго довѣрія правительства и земства. Съ земства, конечно, должны быть сняты тѣ путы, которыя были на него постепенно надѣваемы послѣ его учрежденія. Но въ настоящее время простое возвращеніе къ положенію 1864 года было бы уже недостаточно. Сорокъ лѣтъ прошло не даромъ, общественное сознаніе и общественныя требованія за это время значительно увеличились.

Мы откладываемъ обозрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній, для того чтобы разсказать о нихъ въ связи съ результатами будущихъ губернскихъ земскихъ собраній. Но нашъ очеркъ общественной жизни за послѣдніе мѣсяцы былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули о несомнѣнномъ за это время оживленіи печати. Не входя въ роль журнальнаго обозрѣвателя, мы считаемъ нужнымъ указать здѣсь лишь на нѣкоторыя статьи, произведшія несомнѣнно большое впечатлѣніе на читающую публику. Мы говоримъ о статьяхъ *Права, Русскихъ Вѣдомостей* и *Экономической Газеты,* содержаніе которыхъ постараемся резюмировать въ возможно короткихъ словахъ. Прежде всего обратила на себя вниманіе очень живо написанная статья кіевскаго профессора князя Е. Н. Трубец-

кого «Война и бюрократія». «Когда въ достопамятную ночь 27 января,—говоритъ авторъ,—японскіе миноносцы появились на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура, они были приняты нашими моряками за своихъ. Говорятъ даже, что они были встрѣчены словами: «Иванъ Ивановичъ, это вы?»... Если эти слова дѣйствительно были произнесены, то говорившій несомнѣнно выразилъ тогдашнее наше общерусское настроеніе. Погруженная въ глубокій многолѣтній сонъ Россія не видѣла врага въ то время, когда онъ уже стоялъ подъ стѣнами Портъ-Артура»... Для соннаго все оказывается сюрпризомъ и мы не выходимъ изъ сюрпризовъ, а больше всего оказалась для насъ сюрпризомъ собственная наша неподготовленность. «Кто же виноватъ въ этомъ»,—спрашиваетъ далѣе князь Трубецкой. Не русское общество, которое если и спало, то спало «по распоряженію начальства». Когда изрѣдка кто-нибудь пытался приподняться, то раздавался грозный голосъ: «Молчать, лежать смирно!» Россія за послѣдніе годы походила на дортуаръ въ участкѣ. На заявленія земства о тѣхъ или другихъ общерусскихъ нуждахъ отвѣтъ былъ одинъ: «Общерусское дѣло васъ вовсе не касается». Самый патріотизмъ сталъ запретнымъ плодомъ для земствъ, не офиціальный патріотизмъ казенныхъ фразъ, а живой, дѣятельный патріотизмъ. До недавняго времени земствамъ воспрещалось даже объединяться для святого общенаціональнаго дѣла помощи раненымъ. Опаснымъ считалось все, что намекало на существованіе единой земской Руси. Печать молчала на всѣхъ языкахъ и, несмотря на это, газеты были полны извѣстіями о цензурныхъ карахъ. Общество не могло стоять на стражѣ общенаціональныхъ интересовъ, потому что оно не имѣло необходимыхъ для этого органовъ. И пока оно спало, надъ нимъ бодрствовала всевидящая, всесильная бюрократія. Ей было ввѣрено наше общерусское дѣло, она должна была насъ оберегать и опекать, она обязана была предусмотрѣть и отстранить всякую опасность. Что же она предусмотрѣла? Отвѣтомъ служатъ событія на Дальнемъ Востокѣ. Мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ; но было бы преступно винить въ нихъ нашу доблестную армію. Усыпившая общество бюрократія сама поддалась гипнозу сонной общественной атмосферы. Она не замѣтила внѣшняго врага, но ей грезился врагъ внутри государства, и врагомъ ей казался всякій, кто имѣлъ независимыя убѣжденія и ставилъ велѣнія совѣсти выше бюрократическихъ предписаній. Пора, наконецъ, отдать себѣ отчетъ въ грозящей намъ опасности. Бюрократизмъ съ его девизомъ: divide et impera, влечетъ за собой опасность не только внѣшнюю, но и внутреннюю: онъ ведетъ къ разобщенію и дезорганизаціи однихъ только умѣренныхъ слоевъ общества. Благодаря дѣятельности нашей цензуры монополія свободнаго слова принадлежитъ въ настоящее время крайнимъ партіямъ. Высказавъ этотъ взглядъ на истинныхъ виновниковъ нашихъ неудачъ, князь Трубецкой въ заключеніе говоритъ: «Г. министръ внутреннихъ дѣлъ на-дняхъ говорилъ о необходимомъ довѣріи правительства къ обществу. Въ добрый часъ! Привѣтствуя эти слова, пожелаемъ отъ души, чтобы они поскорѣе стали дѣломъ. Пусть только смѣ-

лѣе и громче раздастся призывъ къ обществу; тогда мы вступимъ на единственно спасительный для насъ путь національнаго обновленія. Тогда намъ нечего будетъ бояться ни внѣшняго, ни внутренняго врага. И престолъ, собравшій вокругъ себя землю, будетъ славенъ, великъ и силенъ».

Статья эта, вызвавшая къ себѣ полное сочувствіе большинства читателей, не могла конечно не возбудить тревоги въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя несмотря на очевидную лойяльность ея, увидали въ ней не менѣе какъ государственную измѣну и, по своему обычаю, стали выкликать «слово и дѣло», требуя удаленія автора съ университетской каѳедры, чѣмъ вызвали рѣзкую, но вполнѣ заслуженную отповѣдь со стороны другого князя Трубецкого—С. Н., московскаго профессора. «Политическіе проходимцы и наушники,—говоритъ онъ въ открытомъ письмѣ къ редактору *Русскихъ Вѣдомостей,*—которые четверть вѣка эксплоатировали и подрывали русскій патріотизмъ, смѣютъ произносить слово «измѣна», говоря о честныхъ и порядочныхъ русскихъ людяхъ, клеветать на общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ и враги произносятъ съ уваженіемъ. Люди, которые подъ предлогомъ охраненія «основъ» умѣютъ писать только доносы, смѣютъ выдавать себя за вѣрныхъ слугъ престола. Они, всю жизнь проповѣдывавшіе систематическое отрицаніе права, стремившіеся замѣнить власть произволомъ и законъ самовластіемъ кромѣшниковъ, смѣютъ называть измѣнниками истинно-русскихъ людей, которые вѣрятъ, что престолъ долженъ быть «славенъ, великъ и силенъ» не въ разрушеніи, а въ созиданіи, не въ угнетеніи народно-общественныхъ силъ, а въ живомъ и дѣйствительномъ общеніи, единеніи, сближеніи съ землей, смѣютъ обвинять въ измѣнѣ людей, которые не хотятъ допускать, чтобы изъ основного закона имперіи дѣлали орудіе полицейскаго абсолютизма, враждебнаго личности и обществу, праву, просвѣщенію и культурѣ».

Въ *Экономической Газетѣ* г. Бухъ говоритъ, что—необходимо указать на главную причину, которая заставила насъ покинуть дорогу, намѣченную эпохой императора Александра II. Какъ ни величественны были реформы этого царствованія, но онѣ не развязали гордіевъ узелъ крѣпостныхъ порядковъ... Народъ былъ освобожденъ, обществу даны были свободныя учрежденія, земство, городское самоуправленіе, и болѣе свободная печать,—но рядомъ съ этимъ не обезпечено было самое главное—это *права человѣка* (курс. подлин.), какъ личности, свобода его совѣсти и мысли. И вышло такъ, что по внѣшности мы обратились въ полноправныхъ гражданъ, а по существу остались такими же безправными, какими были въ дореформенное время». Та же мысль высказывается въ передовой статьѣ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 286). Говоря о предоставленіи печати гарантіи суда присяжныхъ, авторъ продолжаетъ: «это первый шагъ къ ея освобожденію, но этого одного шага конечно недостаточно; нужно, чтобы отъ административныхъ воздѣйствій гарантированы были сами дѣятели печатнаго слова... Но гарантія личности не можетъ быть создана только для одной категоріи гражданъ. Тамъ, гдѣ ея

не существуетъ для всѣхъ, ея нѣтъ ни для кого. Дѣятели русской печати получатъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ только тогда, когда ее получитъ все русское общество. Эта увѣренность нужна всѣмъ, безъ нея не можетъ быть свободныхъ гражданъ, поэтому не можетъ быть и свободнаго слова». На связь всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ: о земствѣ, о печати, о свободѣ совѣсти, о равноправности національностей, указываетъ также г. Ипполитовъ въ «административной хроникѣ *Вѣстника Права*». Привѣтствуя добрыя намѣренія министра внутреннихъ дѣлъ, авторъ «хроники» задается вопросомъ, насколько эти начинанія могутъ быть проведены въ жизнь при современномъ режимѣ и насколько дѣйствительны могутъ быть ихъ результаты. При довѣріи къ земству, выражаемомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, можно надѣяться на сохраненіе губернскаго земства, на разрѣшеніе въ земскомъ духѣ вопросовъ школьнаго, продовольственнаго и т. п. Но этимъ еще не разрѣшатся важныя и сложныя проблемы общественной жизни, находящія свое выраженіе въ земскихъ ходатайствахъ и конфликтахъ съ администраціей. Предоставленіе большей свободы земству невозможно безъ коренной реформы мѣстныхъ бюрократическихъ органовъ, совершенно неприспособленныхъ къ совмѣстной дѣятельности съ самоуправляющимися единицами. Кромѣ того многія изъ земскихъ пожеланій далеко выходятъ за предѣлы удовлетворенія только мѣстныхъ нуждъ, вродѣ, наприм., ходатайствъ о передачѣ законопроектовъ, вырабатываемыхъ въ министерствѣ, на предварительное разсмотрѣніе земскихъ собраній. По этому поводу естественно долженъ возникнуть вопросъ, насколько земскія собранія могутъ считаться представительными органами населенія и насколько они приспособлены къ участію въ государственной законодательной работѣ. Далѣе князь Святополкъ-Мирскій заявилъ себя другомъ печати; но это такой вопросъ, разрѣшеніе котораго не зависитъ отъ одного только личнаго взгляда представителя власти. Если однимъ изъ рычаговъ правового государства является свободно проявляющееся въ печати общественное мнѣніе, то бюрократическая система управленія органически не мирится со свободною критическою оцѣнкой своей дѣятельности. То же и относительно свободы совѣсти. Отношеніе закона къ религіознымъ союзамъ связано у насъ тѣснѣйшимъ образомъ съ идеей господствующей государственной церкви, составляющей одну изъ основъ нашего строя. Не коснувшись ея, нельзя разрѣшить вопроса о сектантахъ, старообрядцахъ, инословныхъ и иновѣрныхъ исповѣданіяхъ. Еще труднѣе измѣнить способы борьбы со смутой всякаго рода. Хотя министръ и намѣренъ снисходительно относиться къ политическимъ увлеченіямъ молодежи, но интенсивность и размѣръ борьбы съ политическими преступленіями и съ политической неблагонадежностью могутъ радикально измѣниться лишь тогда, когда самое содержаніе этихъ понятій измѣнится кореннымъ образомъ. Способъ организаціи учрежденій, вѣдающихъ борьбу со смутой, пріемы дѣятельности этихъ учрежденій,—явленія не случайныя, а вполнѣ соотвѣтствующія типу общ[illegible] государственной организаціи. Такимъ образомъ всѣ частичныя облег-

ченія и смягченія безъ коренной реформы будутъ лишь полумѣрами, не могущими рѣшить окончательно намѣченныхъ вопросовъ. Можетъ быть, еще общѣе эта мысль объ органической связи всѣхъ реформъ высказывается въ передовой статьѣ 40-го № *Права*. Если законодательство послѣднихъ десятилѣтій, говорится въ этой статьѣ, противорѣчитъ политикѣ довѣрія, оно должно быть какъ можно скорѣе отмѣнено. Въ состояніи ли однако политика довѣрія ограничиться этой работой? Исполнитъ ли она свою задачу, вернувъ общество къ «великой эпохѣ шестидесятыхъ годовъ?» Поставленный такимъ образомъ вопросъ настойчиво требуетъ категорическаго отвѣта и этотъ отвѣтъ не можетъ не быть отрицательнымъ, если онъ будетъ искреннимъ и прямымъ. Останавливаться на шестидесятыхъ годахъ невозможно—именно въ этомъ заключается огромная трудность рѣшенія поставленной историческимъ моментомъ и признанной властью задачи. Начиная съ 60-хъ годовъ всегда, когда представлялась какая-нибудь возможность, русское общество заявляло о необходимости широкаго преобразованія. Можно ли сомнѣваться, что и теперь, если бы оно обладало свободой слова, то заявило бы о томъ же. «Нынѣ, въ послѣдніе два мѣсяца, раздались тиски, сжимающіе русскую печать; она получила пока еще только de facto, а не de jure возможность говорить о нуждахъ родной земли. Прислушайтесь къ ея голосу; развѣ не требуетъ она, даже въ лицѣ наиболѣе умѣренныхъ и наименѣе принципіальныхъ своихъ органовъ, обновленія дезорганизованной бюрократизмомъ Россіи? «Намъ нужны не реформы, а реформа»—вотъ то крылатое слово, которое опредѣленно выражаетъ настроеніе переживаемаго нами историческаго момента.

В. Л.

II.

Школьный вопросъ.—О вѣротерпимости и равноправности.—Продовольственный вопросъ и тягости войны.

Съ 7 по 17 августа въ Петербургѣ происходило подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ. Кромѣ 12 попечителей въ немъ участвовали товарищъ и и. д. товарища министра, нѣкоторые изъ членовъ совѣта министра, предсѣдатель ученаго комитета, директора и вице-директора департаментовъ министерства и др. Цѣлью совѣщанія было обсужденіе вопроса относительно желательнаго и возможнаго улучшенія въ строѣ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, но больше всего вниманія было удѣлено средней школѣ.

Изъ вопросовъ, относящихся къ средней школѣ, совѣщаніе раньше всего остановилось на мѣрахъ для приготовленія хорошихъ преподавателей. Для этой цѣли наиболѣе желательнымъ признано учрежденіе спеціальныхъ педагогическихъ институтовъ, куда поступали бы лица, окончившія уже университетъ. А такъ какъ учрежденіе институтовъ требуетъ времени, то признано необходимымъ ввести въ университетахъ препода-

ваніе педагогики, которую должны изучать будущіе учителя. Кромѣ того, найдено желательнымъ учрежденіе при округахъ испытательныхъ комитетовъ, которые экзаменовали бы кандидатовъ на учительство по педагогикѣ, исторіи ея, педагогической психологіи, дидактикѣ и методикѣ; прикомандированіе выдержавшихъ этотъ экзаменъ къ соотвѣтствующимъ учебнымъ заведеніямъ для слушанія образцовыхъ и даванія пробныхъ уроковъ; учрежденіе при округахъ образцовыхъ преподавательскихъ курсовъ и т. д. Окончательная разработка мѣръ, необходимыхъ для подготовки учителей, предоставлена самимъ округамъ. Для улучшенія постановки преподаванія новыхъ языковъ совѣщаніе предложило командировки лицъ, окончившихъ филологическій факультетъ, за границу, открытіе при мужскихъ гимназіяхъ курсовъ новыхъ языковъ, уравненіе въ служебныхъ правахъ учителей новыхъ языковъ съ другими преподавателями. Въ связи съ вопросомъ о лучшей подготовкѣ учителей обсуждался и вопросъ о матеріальномъ ихъ положеніи. Несмотря на то, что уже въ 1902 г. сдѣлана 20-процентная прибавка къ жалованью учителей, совѣщаніе признало необходимымъ дальнѣйшее улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія.

Переходя къ вопросамъ воспитанія, совѣщаніе нашло, что самое обученіе слѣдуетъ вести въ такомъ направленіи, чтобы развивать въ учащихся преданность вѣрѣ, престолу и отечеству, пользуясь при этомъ закономъ Божіимъ для развитія чувствъ религіозныхъ, исторіей—патріотическихъ и т. д. Кромѣ того, желательны устройство пансіоновъ и институтовъ при учебныхъ заведеніяхъ, организація собесѣдованій съ учащимися, изданіе сочиненій здраваго направленія, установленіе болѣе тѣсной связи между школой и семьей и т. д. Необходимо также, въ виду слабаго развитія у учащихся правосознанія и знанія русскаго государственнаго устройства, введеніе въ школѣ преподаванія законовѣдѣнія.

Коснувшись вопроса о типѣ среднихъ учебныхъ заведеній, совѣщаніе, согласно Высочайше преподаннымъ 15 марта 1903 года на имя министра народнаго просвѣщенія указаніямъ, памѣтило кромѣ нынѣ существующихъ типовъ, шестиклассныя школы съ законченнымъ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ, дающія права на службу въ губерніи. Весьма желательнымъ признано развитіе всякаго рода профессіональныхъ школъ—ремесленныхъ, межевыхъ, электротехническихъ, телеграфныхъ и т. д. Подготовительными для нихъ школами должны служить нынѣшнія городскія училища съ нѣсколько усиленной программой. Въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ оставлены оба древнихъ языка, преподаваніе ихъ должно вестись по полнымъ программамъ; въ гимназіяхъ же, гдѣ греческій языкъ не обязателенъ, должно вестись основательно изученіе новыхъ языковъ, математики и естествознанія. Сокращеніе курса гимназій совѣщаніе признало нежелательнымъ.

Таковы пожеланія, высказанныя совѣщаніемъ относительно средней школы. Мы говоримъ *пожеланія,* такъ какъ заключенія совѣщанія не имѣютъ обязательнаго значенія и даже не носятъ характера проектовъ.

подлежащихъ дальнѣйшему движенію въ законодательномъ порядкѣ. Они представляютъ лишь матеріалъ, который будетъ использованъ министерствомъ при его дальнѣйшихъ работахъ. Такихъ матеріаловъ, какъ извѣстно, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія накопилось за послѣднее время огромное множество. Каждый новый министръ начинаетъ свое управленіе съ учрежденія различныхъ совѣщаній и собиранія матеріаловъ; и если вспомнить, что начиная съ Боголѣпова уже четвертый министръ трудится надъ собираніемъ матеріаловъ, то невольно подумаешь, что, вѣроятно, ихъ ужъ имѣется достаточно для окончательнаго рѣшенія вопроса.

Новое совѣщаніе не внесло ничего новаго въ рѣшеніе вопроса о средней школѣ,—и въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго послѣ того, какъ столько было высказано и въ печати, и въ разныхъ коммиссіяхъ по этому вопросу. Заключенія совѣщанія попечителей представляютъ собою, въ сущности, повтореніе и развитіе положеній, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 10 іюня 1902 года на имя тогдашняго министра т. с. Зенгера. Именно въ этомъ рескриптѣ рядомъ съ привилегированной школой, открывающей доступъ въ университетъ, намѣчена впервые средняя школа съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, дающая право на службу въ губерніи, или профессіональная, приноровленная къ потребностямъ практической жизни. Въ этомъ же рескриптѣ указывалось на необходимость улучшенія матеріальнаго положенія учителей и требовалось, чтобъ образованіе соединялось съ воспитаніемъ юношества въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству, причемъ для послѣдней цѣли слѣдовало немедленно позаботиться объ устройствѣ пансіоновъ и интернатовъ при учебныхъ заведеніяхъ. Все это повторяется и въ заключеніяхъ совѣщанія попечителей. Въ частности положеніе о необходимости широкаго развитія средняго профессіональнаго образованія указано въ правилахъ 15 марта 1903 года, а предложеніе использовать уроки исторіи для развитія патріотическихъ чувствъ или другіе уроки для ознакомленія учащихся со здравыми воззрѣніями на вещи сдѣлано было т. с. Зенгеромъ въ извѣстномъ его циркулярѣ отъ 28 іюня 1903 г. Въ этомъ же циркулярѣ указывалось и на необходимость сближенія школы съ семьей.

Мы уже неоднократно высказывались по поводу всѣхъ этихъ положеній. Улучшеніе матеріальнаго положенія учителей заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія. Ничего нельзя было бы имѣть и противъ распространенія профессіональныхъ школъ, еслибъ этой мѣрѣ не придавалось особаго принципіальнаго значенія. Повидимому, такимъ путемъ предполагается отвлечь значительное число юношества отъ университетовъ и направить его къ достиженію профессіональнаго образованія. Той же цѣли должно способствовать учрежденіе шестиклассныхъ школъ съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, дающихъ право на службу въ губерніи. Было-бъ, однако, очень печально, если-бъ достиженіе такой искусственной цѣли удалось. Мы такъ бѣдны общимъ образованіемъ, у насъ такъ мало университетовъ и гимназій, что насущной задачей времени яв-

ляется увеличеніе ихъ числа, а не искусственное отвлеченіе отъ нихъ цѣлыхъ кадровъ молодежи. Ежегодно въ началѣ учебнаго сезона со всѣхъ концовъ Россіи доходятъ извѣстія о тысячахъ и десяткахъ тысячъ дѣтей напрасно стучавшихся въ двери гимназій. И если считаться съ потребностями жизни, то раньше всего министерство должно озаботиться увеличеніемъ количества гимназій.

Идею объ интернатахъ и пансіонахъ нельзя считать удачной. Жизнь давно высказалась противъ подобнаго рода учрежденій. Особенно неудачна эта мысль при наличности существующихъ условій, когда школа не пользуется довѣріемъ семьи и общества, въ чемъ она сама сознается. Вѣдь именно отсутствіемъ этого довѣрія и объясняется въ значительной степени постановка на очередь самаго вопроса о школьной реформѣ вообще и о сближеніи между семьей и школой въ частности. На кого же могутъ разсчитывать интернаты и пансіоны, разъ школа не пользуется довѣріемъ общества? Мы увѣрены, что если-бъ даже они открывались, то пустовали бы, развѣ бы только прибѣгли къ искусственнымъ мѣрамъ для привлеченія въ нихъ воспитанниковъ.

Еще болѣе неудачнымъ слѣдуетъ признать предложеніе пользоваться уроками для внушенія воспитанникамъ патріотическихъ и религіозныхъ чувствъ. Предложеніе это, высказанное въ циркулярѣ 28 іюня 1903 г., тогда еще встрѣтило общее несочувствіе. Школа должна служить исключительно образовательнымъ цѣлямъ, а не заниматься политикой и превращаться въ орудіе борьбы противъ извѣстныхъ идей. Такое орудіе раньше всего грозитъ обратиться противъ тѣхъ, кто желаетъ имъ пользоваться. Разъ передъ учениками ставятся извѣстные вопросы, то нельзя гарантировать себя, что они придутъ къ тѣмъ, а не къ инымъ выводамъ. Смѣшно вѣдь предполагать, что предметы гимназическаго преподаванія обязательно должны вести къ выводамъ, желательнымъ для педагоговъ. Какъ бы ни былъ благонамѣренно составленъ учебникъ, какъ бы искусно ни говорилъ учитель, пытливый ученикъ можетъ почерпать изъ другихъ источниковъ доводы противъ навязываемыхъ ему взглядовъ. Во что же тогда грозятъ обратиться уроки? Въ какіе-то политическіе дебаты, въ которыхъ не всегда побѣда будетъ на сторонѣ учителя. Но, конечно, учителя возраженій не допустятъ, и вмѣсто дебатовъ классъ долженъ будетъ безмолвно выслушивать сентенціи учителя или въ лучшемъ случаѣ соглашаться съ ними. Какая же будетъ тогда увѣренность въ дѣйствительномъ усвоеніи учениками здравыхъ понятій? Мы не говоримъ уже о томъ, что уровень общаго развитія нашихъ учителей таковъ, что политической пропагандой, которой имъ предлагаютъ заниматься, они въ большинствѣ случаевъ могутъ лишь дискредитировать благонамѣренныя идеи. Мы вспоминаемъ изъ своихъ гимназическихъ годовъ случаи, когда, дѣйствительно, на урокахъ исторіи или литературы возникали общіе вопросы. Въ какое смущеніе приводили тогда учителей иные бойкіе и пытливые юноши, и какъ спѣшили учителя прекращать неудобные разговоры.

Возникаетъ еще вопросъ, да есть ли у учителей время заниматься этими посторонними предметами, когда они и безъ того завалены работой и когда къ школѣ предъявляется, теперь въ особенности, требованіе усилить обученіе. Думается намъ, что при такихъ условіяхъ предложеніе пользоваться уроками для внушенія благонамѣренныхъ воззрѣній останется однимъ изъ тѣхъ pia desideria, съ которыми время отъ времени министерство народнаго просвѣщенія обращается къ своимъ подчиненнымъ и которымъ не суждено получить практическое осуществленіе. Къ числу такихъ pia desideria относятся добрые примѣры со стороны начальниковъ или совѣты издавать сочиненія здраваго направленія. Совѣтъ, конечно, хорошій, но какія же сочиненія будетъ школа издавать? Повидимому, еще ненапечатанныя и неизданныя. Кто же будетъ заниматься писаніемъ этихъ сочиненій здраваго направленія? Неужели все тѣ же учителя, о непосильномъ трудѣ которыхъ такъ много говорятъ? Не лучше ли тогда уже прямо распространять въ школѣ *Моск. Вѣд.*, гдѣ каждый день печатается одно или нѣсколько сочиненій здраваго направленія?

Вообще всѣ эти пожеланія объ изданіи сочиненій здраваго направленія, объ использованіи уроковъ для внушенія здравыхъ воззрѣній на вещи, объ устройствѣ бесѣдъ въ тѣхъ же цѣляхъ и т. д. мы считаемъ крайне вреднымъ недоразумѣніемъ и притомъ въ высшей степени несвоевременнымъ. Чѣмъ-то затхлымъ, архаическимъ и наивнымъ вѣетъ отъ этихъ пожеланій. Пора было бы понять, что такими примитивными и наивными средствами нельзя бороться противъ «вредныхъ» идей, пора понять и то, что школа есть составная часть общественнаго организма, а не что-то стоящее внѣ его, и что поэтому она считается тѣмъ же, чѣмъ считается весь организмъ.

Вопроса о реформѣ высшихъ учебныхъ заведеній совѣщаніе коснулось лишь слегка въ виду того, что вопросъ этотъ недавно обсуждался подробно въ особой коммиссіи при министерствѣ. Совѣщаніе указало на необходимость озаботиться подготовленіемъ профессоровъ, для чего рекомендовано увеличить количество профессорскихъ стипендій, обращено вниманіе на необходимость строго соблюдать существующія правила относительно срока учебныхъ занятій, взноса платы за слушаніе лекцій, ношенія форменной одежды и т. д.

Изъ вопросовъ, относящихся къ низшей школѣ, министръ поставилъ на первое мѣсто вопросъ о согласованіи дѣятельности духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія, для чего на совѣщаніе приглашенъ былъ представитель духовнаго вѣдомства, наблюдатель церковныхъ школъ Имперіи. Министръ ознакомилъ членовъ совѣщанія съ исторіей вопроса о сосредоточеніи дѣла начальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ. Въ 1887 г. государственный совѣтъ поручилъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода и министру народнаго просвѣщенія войти въ совѣтъ съ представленіемъ по этому вопросу. Оба вѣдомства согласились на томъ, что каждому изъ нихъ должна быть предоставлена само-

стоятельность въ дѣлѣ веденія начальнаго народнаго образованія, о чемъ и было представлено оберъ-прокуроромъ синода въ 1897 г. государственному совѣту. Въ виду этого представленія порученіе о сосредоточеніи дѣла начальнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ было отмѣнено, а взамѣнъ этого предложено было обоимъ вѣдомствамъ установить въ этомъ дѣлѣ единство направленія. Въ 1902 году имъ же было поручено выработать правила относительно условій и порядка открытія начальныхъ училищъ въ мѣстахъ, гдѣ уже имѣются училища одного вѣдомства, во избѣжаніе происходящихъ нерѣдко пререканій. Проектъ такихъ правилъ выработанъ особой коммиссіей и находится въ настоящее время на разсмотрѣніи въ министерствѣ. Совѣщаніе вполнѣ одобрило предложенія обоихъ вѣдомствъ. Перейдя затѣмъ къ вопросу о подготовленіи народныхъ учителей, совѣщаніе выразило пожеланіе, чтобы было увеличено количество учительскихъ институтовъ и семинарій, чтобы при семинаріяхъ, по возможности, вездѣ были интернаты, чтобы въ нихъ введенъ былъ курсъ сельско-хозяйственныхъ знаній и ручного труда и т. д. Затѣмъ министръ просилъ попечителей поработать надъ предложеннымъ, по его иниціативѣ, вопросомъ объ обезпеченіи участи неимѣющихъ средствъ престарѣлыхъ или больныхъ бывшихъ учителей и учительницъ.

Въ связи съ совѣщаніемъ попечителей упомянемъ о предпринятомъ генераломъ Глазовымъ обозрѣніи учебныхъ заведеній различныхъ округовъ. Газеты подробно слѣдятъ за путешествіемъ министра. При этомъ нельзя не обратить вниманія на, такъ сказать, благожелательный характеръ этого путешествія: министръ внимательно относится къ начальству и преподавателямъ учебныхъ заведеній, вездѣ выражаетъ благодарность и удовольствіе, а надо сознаться, что Учебное вѣдомство очень нуждается въ такихъ качествахъ, какъ мягкость и сердечность, такъ какъ рѣдко гдѣ суровая строгость и бездушный формализмъ такъ прочно и твердо укрѣпились, какъ въ этомъ вѣдомствѣ. Казалось бы, гдѣ бы больше и проявляться сердечности, какъ не въ дѣлѣ воспитанія, какъ не въ отношеніяхъ къ дѣтямъ и юношамъ, судьбу которыхъ общество ввѣряетъ учебному вѣдомству? А между тѣмъ сколько здѣсь всегда проявлялось безсердечія, сколько безсмысленныхъ, жестокихъ, напрасныхъ жертвъ, вызываемыхъ исключительно безсердечіемъ и отсутствіемъ малѣйшаго воспитательнаго такта, малѣйшей чуткости. Недавно кн. Мещерскій сообщилъ въ *Гражданинѣ* (№ 79) исторію, которая можетъ служить новой иллюстраціей этого положенія.

«Въ гимназіи одного губернскаго города текла жизнь безъ какихъ бы то ни было острыхъ политическихъ инцидентовъ. Назначили туда, одному Богу извѣстно почему, въ директоры бывшаго учителя, и въ этой должности имѣвшаго некрасивую въ нравственномъ отношеніи исторію, замятую по ходатайству мѣстнаго учебнаго начальства. Назначили, и вотъ что затѣмъ произошло. Былъ въ городѣ катокъ, на которомъ сходились въ числѣ публики гимназисты. Въ одинъ прекрасный день устроился второй катокъ.

Но на этотъ второй катокъ извѣстная часть публики не ѣздила, оставшись на старомъ каткѣ, а такъ какъ въ этой публикѣ, оставшейся на старомъ каткѣ, большинство составляли поляки, то кто-то пустилъ по городу слухъ, что старый катокъ—польскій катокъ, а новый катокъ—русско-еврейскій. Но въ числѣ оставшихся на старомъ каткѣ были гимназисты, и вотъ это обстоятельство послужило предлогомъ цѣлой политической драмы въ гимназіи и въ городѣ, гдѣ все было смирно, разыгравшейся. Казалось бы, какое дѣло директору гимназіи вмѣшиваться въ городскія сплетни о двухъ каткахъ и тѣмъ паче искать въ нихъ политической подкладки, и если дѣйствительно кто-нибудь хотѣлъ эту подкладку дать, то, разумѣется, тактъ обязывалъ начальство гимназіи не обращать на эти сплетни никакого вниманія и предоставлять каждому ходить на катокъ, который ему больше нравится, и этимъ уничтожить въ зародышѣ дѣйствіе сплетенъ о политическомъ значеніи двухъ катковъ. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что ни на одномъ изъ двухъ катковъ ни разу никто не позволилъ себѣ ни малѣйшихъ политическихъ или антинаціональныхъ демонстрацій. Не тутъ-то было. Директоръ гимназіи объявляетъ ученикамъ строжайшее запрещеніе ходить на старый катокъ. Разумѣется, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствіемъ такого превращенія стараго катка въ запрещенный плодъ явилось, какъ это всегда бываетъ въ средѣ не только молодежи, но и взрослыхъ, искушеніе для извѣстнаго процента учениковъ бравировать это запрещеніе, и немедленно вслѣдъ за этимъ началась педагогическая расправа. Сразу проступкамъ учениковъ дана была политическая окраска, и наказанія за посѣщеніе стараго катка, усиливаясь crescendo, стали доходить до изгнанія изъ гимназіи. Тогда это встревоженное состояніе молодыхъ умовъ, искусственно созданное, перешло уже на почву прямо политическихъ демонстрацій, гдѣ опять же, вмѣсто того чтобы обратиться къ сердцу и къ совѣсти расходившихся мальчиковъ и вмѣстѣ съ этимъ проявить твердость нравственнаго авторитета, начальство прямо перешло отъ некрасивой роли агентовъ-провокаторовъ къ роли безпощаднаго палача, и болѣе 100 молодыхъ людей было выброшено на улицу изъ гимназіи. Но въ чемъ заключалась политическая окраска безпорядковъ?

Оказывается, что въ каждомъ учебномъ заведеніи Привислинскаго края, подъ предлогомъ если не обрусенія, то все же успокоенія умовъ, создано было нѣчто получившее назначеніе во всякое время служить поводомъ и искрой къ зажиганію безпорядка на почвѣ національной и религіозной. И въ это «нѣчто» превращена была молитва передъ ученіемъ. Оказывается, что эти молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія, которыя мы всѣ повторяли на училищныхъ скамьяхъ, были въ четырехъ текстахъ напечатаны на одномъ листкѣ для школъ Привислинскаго края: два текста были безъ измѣненія напечатаны для русскихъ и для протестантовъ, одинъ текстъ— для реформаторовъ, съ маленькимъ измѣненіемъ, и, наконецъ, четвертый былъ для поляковъ-католиковъ съ серьезнымъ измѣненіемъ. Вотъ объ этомъ серьезномъ и въ то же время нелѣпомъ фактѣ въ духѣ исклю-

тельно провокаторскомъ почти никто не подозрѣвалъ въ Привислинскомъ краѣ, и узнали только теперь вслѣдствіе вспыхнувшаго въ одной изъ гимназій демонстративнаго недоразумѣнія. Въ трехъ текстахъ одна изъ молитвъ оканчивается словами: «На утѣшеніе церкви и родителямъ и отечеству на пользу». Въ четвертомъ хитроумные политики-педагоги придумали слѣдующее измѣненіе для католиковъ-поляковъ: «Въ утѣшеніе Монарху, и родителямъ, и всему краю на пользу». Такимъ образомъ, для католиковъ-поляковъ вычеркнуты, какъ несуществующія церковь и отечество, а взамѣнъ вставлено слово «Монархъ», котораго въ молитвѣ для русскихъ протестантовъ и реформаторовъ не имѣется. Значитъ, если полякъ-католикъ захочетъ изъ четырехъ текстовъ той же молитвы предпочесть русскій, онъ, очевидно, становится политическимъ преступникомъ, ибо онъ не произноситъ слова «Монархъ», а произноситъ слова «отечество и церковь». И эту возможность сдѣлаться политическимъ преступникомъ ежедневно въ теченіе восьми лѣтъ въ видѣ ловушки каждому мальчику въ Привислянскомъ краѣ подставляютъ во всѣхъ училищахъ,—ужасно сказать, — въ молитвѣ! Разумѣется, мальчикъ и, тѣмъ паче, мальчики скопомъ совершаютъ политическій проступокъ, объявляя, что онъ или они не хотятъ произносить молитву по католическому польскому тексту; но, во-первыхъ, этотъ проступокъ совершаютъ мальчики, т.-е. виноватые въ такомъ возрастѣ, когда дѣтской шалости больше въ такомъ проступкѣ, чѣмъ злого умысла; во-вторыхъ,—спрашиваю всѣхъ честныхъ русскихъ съ сердцемъ,—можетъ ли этотъ проступокъ сравниться съ тяжкою виной тѣхъ, которые не только безсердечіе, но безразсудность могли довести до такихъ феноменальныхъ размѣровъ, чтобы извратить текстъ молитвы съ исключительною цѣлью дѣлать изъ этого извращенія легкій способъ всегда имѣть наготовѣ пріемъ провокаторства, ловушку для неразумнаго и орудіе палача? И вотъ на почвѣ этой молитвы разыгралась драма въ гимназіи, погубившая болѣе 100 молодыхъ жизней».

Хотя разсказанная исторія носитъ своеобразный отпечатокъ мѣстныхъ условій, тѣмъ не менѣе она вполнѣ типична. Именно неразуміе, безсердечіе и жестокость учебнаго начальства, незадумывающагося взять на себя роль «безпощаднаго палача», какъ выражается кн. Мещерскій, и составляютъ тѣ причины, благодаря которымъ ничтожные инциденты разыгрываются нерѣдко въ крупныя исторіи, влекущія за собою цѣлыя гекатомбы молодыхъ жертвъ.

Вполнѣ типична для характеристики условій жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній другая исторія, разыгравшаяся въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ. Она началась въ мартѣ студенческими безпорядками и закончилась выходомъ въ отставку 23 преподавателей института, т.-е. болѣе половины преподавательскаго персонала. Этотъ массовый уходъ преподавателей явился слѣдствіемъ конфликта между ними и директоромъ института Шиллеромъ. Профессора желали внести свое умиротворяющее вліяніе во время студенческихъ безпорядковъ, директоръ же остался на почвѣ

строгости и суровости. Въ результатѣ, кромѣ увольненія многихъ студентовъ, лишеніе института лучшихъ преподавательскихъ силъ. Вакантныя каѳедры, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, замѣщаются крайне неудачно. Такъ, инспектору студентовъ, 20 лѣтъ занимавшемуся исключительно инспекціей и не имѣвшему никакого отношенія къ учебному дѣлу, поручено чтеніе лекцій по двумъ предметамъ. Каѳедра электротехники поручена лицу, много лѣтъ состоявшему техникомъ мѣстнаго почтово-телеграфнаго вѣдомства. Для характеристики водворившагося въ институтѣ режима интересно предложеніе оставшимся въ институтѣ протестантамъ представить письменное завѣреніе въ своемъ раскаяніи, причемъ раскаявшимся предоставляются всякія льготы, упорствующихъ же наказываютъ уменьшеніемъ числа часовъ занятій и сведеніемъ гонорара съ 2,500 р. до ничтожнаго годового оклада въ 600 р. и т. п.

Какъ ни печальна харьковская исторія, надо помнить, однако, что ничего исключительнаго она собою не представляетъ. Единичные и массовые уходы профессоровъ изъ нашихъ университетовъ происходили неоднократно и чаще всего они являлись результатомъ тѣхъ же причинъ, что и въ Харьковѣ, т.-е. результатомъ столкновенія преподавателей съ безтактностью, суровостью и строгимъ формализмомъ учебной администраціи. Къ пользѣ русскаго просвѣщенія эти уходы отнюдь не служили. Благодаря этимъ исторіямъ университеты наши лишились цѣлой плеяды блестящихъ именъ, которыя могли бы служить украшеніемъ любого европейскаго университета. И не только отъ этого много потеряло дѣло русскаго просвѣщенія, но мы не замѣчаемъ, чтобъ выиграло дѣло водворенія «порядка» въ университетахъ, такъ какъ и по уходѣ «вредныхъ» профессоровъ студенческіе безпорядки продолжались. Только возвращеніе къ старому университетскому уставу въ связи съ измѣненіемъ внутренняго режима школы можетъ вернуть наши высшія учебныя заведенія къ спокойной нормальной жизни. Но какъ мы уже говорили, прочная реформа школы стоитъ въ тѣсной связи съ реформой государственной и общественной жизни. Школьный бюрократизмъ исчезнетъ тогда, когда будетъ положенъ конецъ бюрократической системѣ во всей нашей внутренней жизни. Безъ этого самыя благія мѣропріятія, самыя лучшія программы не приведутъ къ дѣйствительнымъ результатамъ, такъ какъ нельзя заключить школу подъ стеклянный колпакъ, который предохранялъ бы ее отъ вліянія внѣшней атмосферы.

Въ послѣднее время мы были свидѣтелями интереснаго зрѣлища. Съ тѣхъ поръ, какъ довѣріе объявлено было основой нашей внутренней политики и въ обществѣ оживились всегда таившіяся въ немъ надежды на осуществленіе въ нашей жизни законности и правового порядка, съ нѣкоторыми органами печати случилось что-то странное. Со столбцовъ, въ которыхъ всегда раздавались призывы къ человѣконенавистничеству и извергалась хула на всякую независимую общественную мысль или дѣ-

ствіе, теперь стали литься слова любви и довѣрія и раздаваться призывы къ свободѣ и общественной самодѣятельности; извѣстный публицистъ, десятки лѣтъ проповѣдывавшій розги и ежовыя рукавицы, превратился въ самаго рьянаго свободолюбца и непримиримаго врага бюрократіи, а другой— еще башмаковъ не износившій съ тѣхъ поръ, какъ предлагалъ ввести полицію въ гимназіи и университеты, одинъ изъ первыхъ возвѣстилъ, что намъ нужны не реформы, а нужна реформа. И весь этотъ фокусъ былъ продѣланъ на глазахъ почтеннѣйшей публики съ ошеломляющей, чисто-акробатической быстротой. Не знаемъ, какъ на другихъ, но на насъ это зрѣлище производило двойственное впечатлѣніе: съ одной стороны, пріятно было сознавать, что дорогія вамъ идеи до такой степени въ спросѣ, что предлагаются даже завѣдомыми врагами; съ другой стороны, обидно было за идеи, попавшія въ такія руки, обидно было, что въ такой моментъ чуть ли не громче всѣхъ раздаются голоса всякихъ литературныхъ акробатовъ. Кромѣ того мы не забыли и мудрой латинской поговорки: Timeo danaos et dona ferentes. Вотъ почему, когда мы встрѣтили въ *Новомъ Времени* нѣсколько статей по еврейскому вопросу съ спеціальнымъ и столь знакомымъ нововременскимъ букетомъ, то мы почти обрадовались: послѣдовательность и вѣрность себѣ всегда производятъ пріятное впечатлѣніе.

Статьи, которыя мы имѣемъ въ виду, касаются вопросовъ о вѣротерпимости и равноправности евреевъ. *Новое Время* недоумѣваетъ, какой еще вѣротерпимости требуютъ для евреевъ. Принципіально газета стоитъ за вѣротерпимость. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признаться, что вѣротерпимость составляетъ основное условіе правильной государственной жизни, «но практическая политика должна считаться не съ одной принципіальной стороной дѣла». Если же перейти на почву практической политики, то окажется, что евреи и сейчасъ пользуются достаточной вѣротерпимостью, а нужна вѣротерпимость для раскольниковъ.

Послѣднее возраженіе носитъ характеръ совершенной неожиданности. Рѣчь идетъ о вѣротерпимости евреевъ, а *Новое Время* возражаетъ: нѣтъ, нужна вѣротерпимость для раскольниковъ. Что раскольники также нуждаются въ вѣротерпимости и что она должна имъ быть предоставлена—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но какое же это возраженіе противъ вѣротерпимости для евреевъ? Практическая политика—отвѣчаетъ на это *Нов. Врем.*,—должна модифицировать свои задачи въ условіяхъ времени и мѣста, т.-е. разрѣшать ихъ въ извѣстной постепенности, раньше болѣе, потомъ менѣе важныя. Но почему надо дать вѣротерпимость *раньше* раскольникамъ? Развѣ нельзя ее дать одновременно и евреямъ и раскольникамъ, особенно если она признается принципіально необходимой? Казалось бы во всякомъ случаѣ, что изъ разсужденій газеты о необходимости постепеннаго разрѣшенія важныхъ задачъ всетаки вытекаетъ, что за раскольниками должна наступить очередь для евреевъ. Между тѣмъ *Новое Время* высказывается противъ расширенія вѣротерпимости для евреевъ; находя, что они нисколько въ ней не нуждаются. Но тогда зачѣмъ

же было ссылаться на постепенность въ разрѣшеніи важныхъ задачъ и на раскольниковъ? Тогда довольно было одного послѣдняго возраженія, что евреи пользуются достаточной вѣротерпимостью. Если же *Новое Время* не довольствуется этимъ простымъ и яснымъ возраженіемъ и прибѣгаетъ къ сложной и запутанной аргументаціи, имѣющей цѣлью отводъ глазъ, то, значитъ, оно само чувствуетъ шаткость своего основного положенія.

И, дѣйствительно, развѣ это не звучитъ странно, что евреи не имѣютъ основанія жаловаться на недостатокъ вѣротерпимости въ отношеніи къ нимъ? *Новое Время* указываетъ на то, что евреи свободно отправляютъ свое богослуженіе, и никто не мѣшаетъ имъ вѣровать и молиться по-своему. Это, конечно, вѣрно; но вопросъ о вѣротерпимости гораздо шире вопроса о свободѣ отправленія богослуженія. Вопросъ о вѣротерпимости имѣетъ двѣ стороны—религіозную и государственную, и долженъ быть разсматриваемъ съ этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія, которыя могутъ совпадать, но могутъ и не совпадать. И въ данномъ случаѣ онѣ именно не совпадаютъ. Съ чисто-религіозной точки зрѣнія евреи, дѣйствительно, не имѣютъ особыхъ основаній жаловаться на недостатокъ вѣротерпимости и, наприм., положеніе нашихъ сектантовъ въ этомъ отношеніи гораздо хуже положенія евреевъ. Зато съ государственной точки зрѣнія ни одно вѣроисповѣданіе не пользуется у насъ меньшей терпимостью, чѣмъ евреи, и послѣдніе имѣютъ всѣ основанія жаловаться въ этомъ отношеніи. Всѣмъ извѣстно, что исповѣданіе евреями ихъ вѣры связано для нихъ съ огромнымъ ограниченіемъ въ самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правахъ—въ правѣ свободнаго мѣстожительства, въ правѣ образованія, въ правѣ выбора занятій. *Новое Время* утверждаетъ, что ограниченіе правъ евреевъ не имѣетъ связи съ еврейской религіей, что евреи подобно всѣмъ иновѣрцамъ и язычникамъ, не лишены у насъ права государственной службы, что чиновныя лица изъ евреевъ у насъ нерѣдкость. Но здѣсь газета уже явно хватила черезъ край. Чиновныя лица еврейскаго вѣроисповѣданія, наоборотъ, составляютъ величайшую рѣдкость. Большею частью это лица, получившія назначеніе еще въ царствованіе Александра II, когда отношеніе къ еврейскому вопросу было совсѣмъ иное, чѣмъ въ послѣдующее 25-лѣтіе. Да и эти лица никакого движенія по службѣ не получаютъ и остаются на своихъ мѣстахъ лишь во вниманіе къ отличной ихъ службѣ. Имѣютъ ли теперь мѣсто такія назначенія,—мы сильно сомнѣваемся; по крайней мѣрѣ, о нихъ ничего не слыхать и говорить о правѣ евреевъ на государственную и общественную службу—это просто фарисейство. Точно также фарисейство составляетъ утвержденіе, будто ограниченія для евреевъ въ отношеніи мѣстожительства не являются послѣдствіемъ ихъ вѣроисповѣданія, «какъ въ томъ легко убѣдиться изъ общеизвѣстнаго факта, что евреи купцы первой гильдіи и лица, имѣющія ученыя степени, пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства, не мѣняя своей вѣры, какъ, съ другой стороны, есть лица православнаго вѣроисповѣнія, которыя по разнымъ причинамъ еще больше евреевъ ограничены въ выборѣ мѣстожительства.

Послѣдній доводъ представляетъ собою прямо глумленіе надъ здравымъ смысломъ, потому что лица православнаго вѣроисповѣданія ограничиваются въ выборѣ мѣстожительства или по приговору уголовнаго суда, или по административному произволу, но ужъ во всякомъ случаѣ не по закону. Что же касается того, что установленное закономъ ограниченіе евреевъ въ выборѣ мѣстожительста будто бы не является послѣдствіемъ ихъ вѣроисповѣданія, то мы предложили бы *Новому Времени* объяснить, послѣдствіемъ же чего является это ограниченіе. Вѣдь, всѣмъ извѣстно, что стоитъ еврею перейти въ христіанство, какъ ограниченіе въ выборѣ мѣстожительства пропадаетъ. Кажется, выводъ отсюда долженъ быть ясенъ даже для *Новаго Времени*. Ссылка же на то, что евреи, купцы первой гильдіи или окончившіе высшія учебныя заведенія, пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства, не мѣняя вѣры, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ это лишь изъятіе изъ общаго закона. Между прочимъ *Новое Время* не коснулось здѣсь вопроса объ ограниченіи евреевъ въ правѣ образованія. А чѣмъ, какъ не принадлежностью къ еврейскому вѣроисповѣданію, объясняется это ограниченіе?

Новое Время утверждаетъ, что смѣшеніе столь различныхъ вещей, какъ свобода вѣроисповѣданія и ограниченіе въ правахъ, есть софизмъ. Это глубоко невѣрно. Софизмомъ является, наоборотъ, то искусственное раздѣленіе обѣихъ сторонъ вопроса — чисто религіозной и общественно-государственной, какое допускаетъ *Новое Время*. Нѣтъ вѣротерпимости тамъ, гдѣ за вѣру наказываютъ лишеніемъ важнѣйшихъ гражданскихъ правъ, а съ перемѣной вѣры уравниваютъ въ правахъ съ остальными гражданами. Съ точки зрѣнія *Новаго Времени* выходитъ, что еслибъ еще болѣе была сужена черта осѣдлости, и еслибъ у евреевъ отняли и тѣ права, какія еще за ними сохранены, еслибъ, наприм., ихъ вовсе не допускали ни въ какія государственныя школы и еще болѣе ограничили бы въ выборѣ занятій, но не мѣшали бы молиться и вѣровать по-своему, то и тогда евреи не имѣли бы основанія жаловаться на недостатокъ вѣротерпимости въ отношеніи къ нимъ.

Въ обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ ограниченій, какія установлены для пріема евреевъ въ высшія и среднія учебныя заведенія, *Новое Время* обнаружило ту же основательность, что въ вопросѣ о вѣротерпимости. Опять газета начинаетъ съ того, что принципіально она за равноправность въ отношеніи школы, что тутъ даже и вопроса нѣтъ, какъ нѣтъ вопроса о томъ, равноправны ли разные люди дышать воздухомъ или пользоваться солнечнымъ свѣтомъ. «Но если обратиться къ дѣйствительности, какъ она есть», то и въ этомъ вопросѣ сталкиваешься съ затрудненіями. Въ концѣ-концовъ, какъ читатель легко догадается, «дѣйствительность, какъ она есть» приводитъ *Новое Время* къ отрицанію равноправности евреевъ въ отношеніи школы. Ужъ такова печальная судьба газеты. Подобно тому, какъ гоголевскій городничій былъ въ вѣрѣ твердъ, такъ она тверда въ благородныхъ принципахъ, но «дѣйствительность, какъ она есть» заста-

вляетъ ее уклоняться отъ своихъ принциповъ какъ разъ въ противоположную сторону.

Свое отрицательное отношеніе къ вопросу о равноправности евреевъ въ отношеніи школы *Новое Время* мотивируетъ двумя соображеніями. Во-первыхъ, евреи живутъ въ городахъ и, значитъ, среднія и высшія школы имъ наиболѣе доступны; поэтому при отмѣнѣ процентныхъ ограниченій они хлынутъ въ нихъ неудержимымъ потокомъ, что крайне несправедливо въ отношеніи нашихъ крестьянъ, для которыхъ эти школы не доступны. Во-вторыхъ, пройдя высшія школы, евреи пріобрѣтутъ огромное вліяніе въ государственной и общественной жизни, «и не пройдетъ двухъ-трехъ десятилѣтій, какъ ихъ умножившаяся интеллигенція станетъ властительницей думъ и настроеній русскаго общества». *Новое Время* не желаетъ, «чтобы русская правительственная школа служила тѣмъ мостомъ, по которому евреи придутъ командовать и руководить русскою жизнью, русскою мыслью, русскою совѣстью»...

Первое соображеніе совершенно неудачно. Оно еще имѣло бы какой-нибудь смыслъ, если бы газета разсчитывала, что при недопущеніи въ школы евреевъ онѣ станутъ доступнѣе для крестьянъ. Но такъ какъ газета на это не разсчитываетъ, то ея аргументація представляется въ такомъ видѣ: такъ какъ школа не доступна для крестьянскихъ дѣтей, то не надо допускать въ нее евреевъ, для которыхъ она доступна. Аргументъ этотъ не стоитъ, конечно, опровергать. Подобно истинамъ, не требующимъ доказательствъ, существуютъ аргументы, не требующіе возраженій.

Что же касается угрозы, что умножившаяся еврейская интеллигенція черезъ 20—30 лѣтъ станетъ властительницей думъ и настроеній русскаго общества и что евреи будутъ командовать и руководить русскою жизнью, русскою мыслью и русскою совѣстью, то, право, угроза эта скорѣе смѣшна, чѣмъ страшна. *Новое Время* въ порывѣ усердія не замѣчаетъ, что подобной аргументаціей оно оказываетъ слишкомъ много чести евреямъ и... пренебреженія русскимъ. Что касается насъ, то мы лучшаго мнѣнія о русскомъ народѣ. Мы думаемъ, что въ русскомъ народѣ заложено столько духовной мощи и самостоятельности, что какъ бы способна и даровита ни оказалась умножившаяся еврейская интеллигенція, она не подчинитъ себѣ ни русской мысли, ни русской совѣсти. Мысль и совѣсть народа, давшія міру, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія политической и общественной жизни, такихъ великихъ писателей, какъ Пушкинъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, не могутъ быть порабощены ни еврейской, ни какой бы то ни было другой интеллигенціей въ мірѣ. Мы увѣрены, что, наоборотъ, еврейская интеллигенція, прошедшая русскіе университеты, находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ властителей думъ и настроеній русскаго общества, и что ея стремленія и идеалы, въ огромномъ большинствѣ, тождественны съ стремленіями и идеалами русской интеллигенціи. Открывъ для евреевъ свободный доступъ въ гимназіи и университеты, мы только будемъ содѣйствовать уничтоженію національной розни и вражды и столь необходимому

для насъ усиленію состава общерусской интеллигенціи. Мы не говоримъ о томъ, что этого требуетъ элементарная справедливость. Что же касается крестьянскихъ дѣтей, о которыхъ сокрушается *Новое Время*, то мы думаемъ, что ихъ горю мы лучше поможемъ не ограниченіемъ доступа евреевъ въ правительственныя школы, а созданіемъ такихъ общественныхъ условій, которыя дали бы возможность и имъ проходить гимназіи и университеты.

Мы не можемъ разстаться съ *Новымъ Временемъ*, не упомянувъ еще о шовинистской статьѣ, напечатанной имъ по поводу гомельскаго процесса. Матеріаломъ для этой статьи служитъ *обвинительный актъ* по дѣлу. Ссылаясь на это произведеніе прокурорской власти и приводя изъ него желательныя цитаты, *Новое Время* восклицаетъ: вотъ что говоритъ *сама дѣйствительность*. Итакъ, обвинительный актъ, подлежащій еще судебной повѣркѣ и оцѣнкѣ, есть сама дѣйствительность! Тогда зачѣмъ же судъ? Вотъ къ какимъ пріемамъ прибѣгаетъ *Новое Время*, вотъ какимъ матеріаломъ оно оперируетъ, чтобы придти къ выводамъ, исполненнымъ національной вражды и ненависти. И тутъ же рядомъ, на столбцахъ той же газеты, публицисты, воспѣвавшіе вчера полицію, говорятъ о веснѣ, взаимномъ довѣріи и свободѣ. Какъ хотите, а зрѣлище получается непривлекательное...

Въ іюльской книгѣ журнала мы отмѣтили уже неурожай, постигшій разныя мѣстности нашего отечества. Позднѣйшія извѣстія выясняютъ размѣры и послѣдствія неурожая. Такъ, изъ Аккерманскаго уѣзда сообщаютъ въ *Одесскій Листокъ*, что населеніе переживаетъ чрезвычайно тяжелое время. Смертность въ деревняхъ значительно увеличилась. Мрутъ и взрослые и дѣти. Тифозныхъ больныхъ кормятъ холодною, полукислою мамалыгой, огурцами и т. п.; тѣмъ же кормятъ и дѣтей, часто грудныхъ. Такое питаніе, конечно, усиливаетъ смертность. По деревнямъ ходятъ оборванные прохожіе (не нищіе), выпрашивающіе кусочекъ хлѣба. Рабочій день оплачивается 10—15 коп.

Изъ Новгородской губ. пишутъ, что череповецкая земская управа послала губернатору образцы хлѣба, выпеченнаго изъ новой ржи. Зачерствѣвшій хлѣбъ твердъ, какъ камень, грязнаго цвѣта и землистаго вкуса. Новый хлѣбъ не годенъ и для скота, который, поѣвши его, совершенно дурѣетъ и падаетъ, какъ подкошенный. Нерѣдки случаи, что крестьянская семья, наѣвшись хлѣба, лежитъ вся въ повалку. Въ яровомъ полѣ на полосахъ тамъ и сямъ лежатъ въ растяжку бабы и дѣти, убиравшія овесъ; косцы едва держатся на ногахъ. Крестьяне говорятъ по поводу «пьянаго хлѣба» новаго урожая, что теперь и въ кабакъ ходить не надо. Свѣдѣнія о неурожаѣ сообщаютъ также изъ Крестецкаго, Тихвинскаго, Бѣлозерскаго и Кирилловскаго уѣздовъ (Новгор. губ.). Неурожай констатированъ и въ Западномъ краѣ—въ Варшавской, Плоцкой, Калишской и Петроковской губ. Яровые хлѣба повсюду плохи, состояніе картофеля еще хуже, травы про-

пали. Уже теперь крестьяне ощущаютъ недостатокъ корма для скота, вслѣдствіе чего въ Варшавской губ. цѣна на скотъ понизилась на 30%.

Положеніе Западнаго края ухудшается тѣмъ, что онъ сильно страдаетъ и отъ послѣдствій войны съ Японіей. Еще до войны край испытывалъ экономическія затрудненія вслѣдствіе сокращенія желѣзнодорожнаго строительства и прекращенія казенныхъ заказовъ. Теперь же кризисъ принялъ весьма серьезные размѣры. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 277) приведено было содержаніе меморіала, поданнаго обществомъ содѣйствія промышленности и торговли начальнику края о положеніи рабочаго населенія. Меморіалъ этотъ, не касаясь огромнаго числа рабочихъ, занятыхъ дома, о которыхъ не имѣется цифровыхъ данныхъ, и ограничиваясь лишь тѣми категоріями рабочихъ, о которыхъ такія данныя имѣются, констатируетъ, что кризисъ охватилъ всѣ отрасли труда. Въ Варшавѣ количество безработныхъ цеховыхъ исчисляется сотнями для каждаго цеха, а нецеховыхъ—тысячами. Число безработныхъ ремесленниковъ-евреевъ доходитъ до 20,000. Многимъ изъ нихъ уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отпускается хлѣбъ еврейской общиной, по 1 фун. на взрослаго и 1/2 фун. на ребенка, а всего 81,000 фун. еженедѣльно. На варшавскихъ фабрикахъ уволенныхъ до лѣта было до 3,000 чел., а съ тѣхъ поръ положеніе еще ухудшилось.

Положеніе въ другихъ губерніяхъ Царства Польскаго не лучше. Въ Сѣдлецкой закрылись стеклянный заводъ и писчебумажная фабрика. Въ Радомской на желѣзодѣлательныхъ заводахъ сокращено рабочее время. Въ Ломжинской на трехъ заводахъ рабочій день сокращенъ до семи часовъ. Въ Кѣлецкой пріостановлена работа на двухъ стеклянныхъ заводахъ съ 180 рабочими и на цементномъ заводѣ съ 92 рабочими; рабочимъ стеклянныхъ заводовъ разрѣшено, однако, продолжать проживать въ заводскихъ квартирахъ. Въ Калишской губ. кустарныя мастерскія, не подлежащія вѣдѣнію фабричной инспекціи, находятся въ очень тяжеломъ положеніи; къ ихъ числу относятся ткацкія мастерскія въ Озорковѣ, Здунской-Волѣ и Александровѣ, получающія чрезъ посредническія конторы заказы отъ большихъ фабрикъ. Въ ткацкихъ мастерскихъ въ маѣ текущаго года было до 30,000 чел. безработныхъ. Портные въ Калишѣ терпятъ крайнюю нужду. Въ Петроковской губ. въ маѣ въ 210 фабричныхъ заведеніяхъ съ 60,000 чел. рабочихъ было сокращено рабочее время въ среднемъ на 20—30%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—на 50%. Совершенно лишены работы преимущественно рабочіе мелкихъ промышленныхъ заведеній, ремесленныхъ мастерскихъ и работающіе дома. Сюда слѣдуетъ присоединить еще тѣхъ рабочихъ, которые остались безъ работы вслѣдствіе прекращенія ночныхъ работъ въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Фабричныхъ рабочихъ безъ работы въ Петроковской губ. въ текущемъ году было 4,000 чел. Положеніе ихъ весьма тяжело вслѣдствіе дороговизны съѣстныхъ припасовъ (наприм., цѣны на картофель возросли втрое сравнительно съ прошлогодними), а также вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было инженерныхъ и строительныхъ работъ, которыя обыкновенно ведутся лѣтомъ, а въ і-

пѣшнемъ году совершенно оставлены по причинѣ общаго экономическаго кризиса.

Свѣдѣнія въ подобномъ родѣ получаются рѣшительно изо всѣхъ мѣстностей имперіи. Отовсюду сообщаютъ объ огромномъ количествѣ безработныхъ, о сокращеніи промысловъ и производствъ, о сильномъ паденіи цѣнъ на рабочія руки и поднятіи цѣнъ на предметы первой необходимости. Трудно себѣ представить, какими многообразными послѣдствіями сказывается война на экономической жизни страны. Среди множества газетныхъ корреспонденцій вы встрѣтите и указанія на сокращеніе строительныхъ промысловъ гдѣ-нибудь во Владимірской губ., откуда ежегодно уходило на отхожіе промыслы до 350 тыс., теперь не находящіе работы, и на увеличеніе эмиграціи въ Америку рабочихъ-латышей, вызванное паденіемъ заработковъ, и на сокращеніе оборотовъ въ балтійскихъ портахъ, и на паденіе цѣнъ на рабочія руки въ центрѣ Россіи. Но больше всего страдаетъ отъ войны Сибирь, гдѣ, между прочимъ, вслѣдствіе сильнаго сокращенія перевозки частныхъ грузовъ чувствуется нужда даже въ предметахъ первой необходимости. Такъ, весной Омскъ оказался безъ керосина, Томскъ—безъ сахара; въ Восточной Сибири кризизъ на предметы первой необходимости почти всеобщій, мясо продается по 25 коп. за фунтъ, мука 2 руб. за пудъ, овесъ 75 коп. за пудъ, сахара, керосина и крупъ совсѣмъ нѣтъ во многихъ мѣстахъ, пріемъ частныхъ товаровъ на нѣкоторыхъ дорогахъ вовсе прекращенъ; даже въ передвиженіи сибиряки теперь крайне стѣснены, такъ какъ на многихъ станціяхъ надо недѣлями ждать билета. Вмѣстѣ съ тѣмъ корреспонденты отмѣчаютъ полный застой общественной жизни въ болѣе крупныхъ городахъ.

Все болѣе и болѣе возрастаютъ тяжести и бѣдствія войны. Будемъ надѣяться, что желанный миръ, столь необходимый намъ теперь для внутренней творческой работы, не заставитъ себя долго ждать.

А. С.

Объявленіе войскамъ приамурскаго военнаго округа. Г. Хабаровскъ, 12 сентября 1904 г. № 44.

Правительственный коммерческій агентъ Франціи г. Пларръ, офиціальнымъ письмомъ командующему войсками округа отъ 9 сего сентября за № 406, изъявилъ полную готовность оказать русскимъ лицамъ, управленіямъ, учрежденіямъ и заведеніямъ всѣхъ вѣдомствъ Россійской имперіи всякую услугу по наведенію справокъ о раненыхъ или плѣнныхъ русскихъ подданныхъ, находящихся въ Японіи, по переводу имъ денегъ и пр., притомъ совершенно безвозмездно и въ кратчайшій срокъ чрезъ г. олномочнаго министра Франціи въ Токіо и гг. консуловъ Франціи въ Японіи.

О семъ, по приказанію его высокопревосходительства командующаго войсками округа, объявляется.

Настоящее объявленіе окружный штабъ проситъ редакціи газетъ и журналовъ, въ кои печатные экземпляры его будутъ доставлены, помѣстить на страницахъ своихъ изданій, прочихъ же—перепечатать.

Адресъ г. Пларръ: г. Хабаровскъ, Поповская, 36.

Подписалъ начальникъ штаба генералъ-майоръ *Рутковскій*.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кончается десятый мѣсяцъ нашей ужасной войны съ Японіей. Портъ-Артуръ продолжаетъ героически защищаться, и имена Стесселя, Кондратенка, Фока стали уже легендарными. Впрочемъ, какъ выразился генералъ Стессель въ донесеніи Государю Императору отъ 15 октября, въ Портъ-Артурѣ—«всѣ герои».

Армія генерала Куропаткина, который къ радости войска и общества назначенъ главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ, сосредоточилась впереди Мукдена и противъ нея стоитъ армія Ойямы. Трудно приходится нашимъ доблестнымъ войскамъ: состояніе духа въ виду предстоящаго грознаго кровопролитнаго столкновенія напряженное, манджурская зима сурова. Къ счастію, по желанію и главнокомандующаго, сняты стѣсненія общеземской организаціи, которая такъ много уже сдѣлала для облегченія участи нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Двинулась въ далекій путь, въ Тихій океанъ, наша балтійская эскадра, и съ тревогой и заботой слѣдитъ за нею русское общество. Балтійское море и датскіе проливы эскадра вице-адмирала Рождественскаго прошла благополучно, но въ Сѣверномъ морѣ произошло столкновеніе нашихъ судовъ съ англійскими рыбаками. По донесенію адмирала, на пути эскадры, ночью, появились подозрительныя суда, принятыя при свѣтѣ прожекторовъ за японскіе миноносцы. Извѣстія о предположенной засадѣ давно уже проникли и въ печать. Японскаго шпіона датское правительство выслало изъ предѣловъ государства. Къ тому же англійскія рыбацкія суда двигались безъ огней. Эскадра произвела нѣсколько выстрѣловъ, было нѣсколько человѣческихъ жертвъ, повреждены суда и рыболовныя сѣти. Если со стороны нашихъ и произошла ошибка,—она вполнѣ понятна. О ней,—если такое предположеніе подтвердится,—должно пожалѣть, а потерпѣвшихъ щедро вознаградить. Но англійское общественное мнѣніе, возбуждаемое шовинистскою печатью, потребовало наказанія *виновныхъ*,—а кто именно виноватъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно,—и возвращенія второй тихоокеанской эскадры въ Балтійское море. Печальный случай грозилъ войною. Русская дипломатія обнаружила тактъ и самообладаніе. Французское правительство употребляло всѣ усилія для улаженія опаснаго столкновенія. Императоръ Николай II предложилъ англійскому правительству назначить международную слѣдственную коммиссію и передать дѣло на разсмотрѣніе суда гаагской конференціи. Предложеніе это принято и къ предварительному слѣдствію уже приступлено. Нѣсколько морскихъ офицеровъ отправлю

адмираломъ Рождественскимъ въ Петербургъ для дачи показаній. Когда пишутся эти строки, главная сила эскадры приближается къ южной Африкѣ, второй отрядъ вступаетъ въ Суэцкій каналъ, третій вышелъ изъ Балтійскаго моря и будетъ нагонять впередъ ушедшія суда. Въ Мадагаскарѣ наша эскадра зайдетъ за углемъ въ гостепріимныя французскія воды и оттуда намъ могутъ грозить лишь суда японскаго флота.

Огромное большинство делегатовъ сѣверо-американскаго народа высказалось въ пользу Рузвельта, и такимъ образомъ его избраніе на постъ президента республики обезпечено. Политическая программа этого государственнаго человѣка извѣстна: онъ имперіалистъ, для него мало *Америки для американцевъ*, онъ стремится твердою ногою стать на Филиппинахъ. Покровительственный таможенный тарифъ находитъ въ Рузвельтѣ сильнаго сторонника. Въ то же время онъ осторожный противникъ гигантскихъ трестовъ, которые пользуются огромнымъ вліяніемъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Президенту республики давно уже приписываютъ намѣреніе созвать вторую мирную международную конференцію. Многіе считаютъ данный историческій моментъ совершенно неподходящимъ для этого дѣла человѣчности и справедливости: война между Японіей и нашимъ отечествомъ является вопіющимъ отрицаніемъ этого дѣла. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію части западно-европейской печати, ни Россія, ни Японія не примутъ участія на этой конференціи.

Мы не понимаемъ основаній для такого отказа. Наше правительство объявило, что оно заранѣе устраняетъ всякое посредничество между нимъ и токійскимъ правительствомъ. Но на конференціи должны обсуждаться общіе вопросы международнаго права и практическія мѣры къ обезпеченію ихъ осуществленія. Не вѣчно же будетъ длиться бѣдственная война, поглотившая такъ много дорогихъ жизней и такъ много средствъ народа. Мы надѣемся, что она дастъ жестокій урокъ всему цивилизованному міру. Мины, фугасы, волчьи ямы, усовершенствованная шрапнель вырываютъ сразу такое количество жертвъ, что ужасъ возникаетъ въ душѣ... Сообщаютъ, что подъ Портъ-Артуромъ съ начала осады убито болѣе семидесяти тысячъ японцевъ. Въ бояхъ подъ Ляояномъ мы потеряли тридцать тысячъ ранеными. Столько крови! Совокупными усиліями правительствъ культурныхъ націй и всѣхъ друзей мира долженъ же быть положенъ конецъ такимъ безумнымъ организованнымъ бойнямъ. Если хочешь мира—миръ и готовъ.

Американцы въ настоящее время, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, противъ Россіи и на сторонѣ Японіи,—это вѣрно, но въ вопросѣ о предупрежденіи новыхъ войнъ они могутъ идти рука объ руку съ государствомъ, глава котораго созвалъ первую международную мирную конференцію.

Американцы все болѣе и болѣе развиваютъ свои торговыя сношенія съ Японіей и Китаемъ. Нѣсколько желѣзно-дорожныхъ путей пересѣкли материкъ отъ Атлантическаго до Великаго океана, многочисленныя паро-

ходныя линіи поддерживаютъ сношенія черезъ этотъ послѣдній океанъ. Теперь Соединенные Штаты приступаютъ къ прорытію панамскаго канала, который въ высокой степени усилитъ торговое движеніе на Дальній Востокъ и оттуда. Гавайскіе острова и Филиппины сблизили американскія владѣнія съ китайскими и японскими (Филиппины находятся въ двухстахъ миляхъ отъ Формозы). Перепись 31 декабря 1900 года показала, что изъ 123,971 японца, живущихъ внѣ родины, 90,146 человѣкъ находились во владѣніяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ 940 японскихъ студентовъ, обучавшихся за границею, 554 были въ Америкѣ. Японцы и американцы чувствуютъ симпатію другъ къ другу. И тѣ, и другіе больше всего цѣнятъ техническія знанія и практическую энергію, они—*франклинисты* *).

Въ Италіи парламентъ былъ распущенъ. На общихъ выборахъ прошло большинство правительственныхъ кандидатовъ. Соціалисты потеряли нѣсколько мѣстъ въ большихъ городахъ. Характерную особенность нынѣшнихъ выборовъ составляло участіе въ нихъ клерикаловъ.

Распущенный парламентъ успѣлъ заняться военнымъ бюджетомъ. Правительство указывало на то, что принятыхъ кредитовъ недостаточно для содержанія арміи и флота, и предлагало ихъ увеличить. Крайняя лѣвая настаивала на томъ, чтобы уменьшить наличный составъ арміи.

Общественное мнѣніе было возбуждено столкновеніями австрійскихъ властей съ итальянцами. Оно было встревожено предложеніемъ австро-венгерскаго правительства въ делегаціяхъ разрѣшить на военныя издержки новый кредитъ въ 400 милліоновъ кронъ.

Вопросъ о военномъ бюджетѣ обсудитъ новый итальянскій парламентъ. Депутатъ Фраделетто сказалъ, что армія Италіи слишкомъ обременительна для мира и недостаточна для войны, и это мнѣніе раздѣлялось большинствомъ распущеннаго парламента. Враждебное чувство къ Австріи усилилось въ Италіи послѣ печальныхъ событій въ Инспрукѣ: нѣмецкіе студенты и населеніе города разгромили зданіе только что основаннаго итальянскаго университета. Было не мало жертвъ, были вызваны войска. Эта національная ненависть отразилась и въ другихъ австрійскихъ университетахъ, отразится, разумѣется, и въ Италіи.

Скончался престарѣлый вождь польскаго парламентскаго клуба въ австрійскомъ парламентѣ, Яворскій. Этотъ вліятельный постъ онъ занималъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, смѣнивъ покойнаго Грохольскаго. Послѣ того какъ старо-чехи и чешскіе феодалы, благодаря успѣхамъ младо-чеховъ, потеряли въ рейхсратѣ свое выдающееся положеніе, предводимый Яворскимъ польскій клубъ сталъ играть едва ли не преобладающую роль. Остальныя партіи колебались, слабѣли, измѣнялись въ составѣ; польскій клубъ оставался замкнутымъ цѣлымъ, и только галиційскіе русскіе нарушали въ нѣ-

---

*) См. *Louis Aubert*: „Américains et Japonais“ (*La Revue de Paris*. 1 Novembre 1904).

которой степени сплоченность этой партіи. Изъ вождей славянъ умерли Гоенвартъ, Ригеръ. Полякъ, графъ Бадени, явился министромъ-президентомъ, и извѣстно, какую бурю вызвали его распоряженія,—вскорѣ отмѣненныя, съ его паденіемъ,—о чешскомъ языкѣ въ Богеміи. Потомъ тактика поляковъ по отношенію къ чехамъ измѣнилась: *свои* интересы проводились прежде всего. Уступки польско-демократическому движенію и русскимъ въ Галиціи дѣлались неохотно.

Neue Freie Presse признаетъ Яворскаго мудрымъ, дальновиднымъ политикомъ. Преслѣдуя почти исключительно господствующія въ Галиціи польскія цѣли, онъ отступилъ отъ стремленій графа Бадени и національно-шляхетскія стремленія ставилъ руководящимъ началомъ дѣятельности польскаго парламентскаго клуба. Австрійскіе нѣмцы съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей говорятъ объ усопшемъ вождѣ поляковъ въ парламентѣ.

Яворскій родился въ 1825 году и скончался 79 лѣтъ. Онъ занимался юридическими науками въ вѣнскомъ и львовскомъ университетахъ, былъ членомъ галиційскаго ландтага, потомъ депутатомъ въ австрійскомъ парламентѣ, помощникомъ Грохольскаго, а затѣмъ преемникомъ его, какъ предсѣдателя польской партіи въ парламентѣ. Въ его глазахъ задача этой партіи заключалась въ защитѣ не только галиційско-польскихъ интересовъ, но и интересовъ всей польской націи. Ему удалось многаго достигнуть въ этомъ направленіи. Онъ принималъ участіе въ министерствахъ Виндишгреца и потомъ, послѣ его паденія, въ министерствѣ Кильмансегга (въ это время на его мѣсто, какъ вождя польскаго клуба, былъ избранъ Залѣсскій). Въ октябрѣ 1896 г. онъ вновь становится во главѣ клуба и рѣшительно высказывается противъ младо-чешской обструкціи въ парламентѣ. Намъ нѣтъ основаній относиться къ дѣятельности этого очень крупнаго политическаго дѣятеля съ особенною симпатіею, но онъ заслуживаетъ, конечно, глубокаго уваженія.

Яворскій былъ недругомъ Россіи и Германіи. Это—не его личное только чувство. Значительная часть русскаго общества искренне желала бы установленія прямыхъ и доброжелательныхъ отношеній между русскимъ и польскимъ народами. Мы съ любовью знакомимъ читателей съ наиболѣе даровитыми польскими писателями. Увѣренъ, что въ этомъ отношеніи будетъ отмѣчена большая заслуга редактора-издателя *Русской Мысли* В. М. Лаврова. Благодаря ему, въ очень широкихъ кругахъ русскаго общества, въ народѣ, въ нашей дѣтской литературѣ стали дорогими имена Ожешковой, Конопницкой, Сырокомли, Сенкевича. Въ декабрѣ исполняется четверть вѣка существованія *Русской Мысли* и эту заслугу ея редактора-издателя я считаю радостью отмѣтить.

Въ Германіи подозрительно и недружелюбно относятся къ русско-польскому сближенію. Преобладаетъ увѣренность, что, при наличности современныхъ условій, этого сближенія и быть не можетъ. Никакой враждебности къ великому германскому народу, которому Россія въ культурномъ отношеніи много обязана,—мы не имѣемъ; но поляки-славяне намъ ближе

по душѣ и намъ больно думать о прусской политикѣ, которая стремится отнять у познанскихъ поляковъ и языкъ, и національную самостоятельность.

Нѣмецкая печать указываетъ на важность для Пруссіи (и Германіи) русско-польскихъ отношеній. Вліятельная (и получающая, кажется, правительственныя внушенія) *Kölnische Zeitung* говоритъ, напримѣръ, что развитіе польскаго вопроса въ Россіи имѣетъ во многихъ отношеніяхъ интересъ для Германіи. Польское католическое духовенство проникнуто національнымъ духомъ. Оно враждебно и нѣмцамъ, и русскимъ и стремится привлечь на свою сторону еврейскій пролетаріатъ.

Kölnische Zeitung говоритъ, что трудно опредѣлить отношеніе русскихъ къ польскому вопросу, потому что печать стѣснена въ выраженіи своихъ мнѣній. Но нѣмецкая газета можетъ удостовѣриться, что врагами поляковъ являются у насъ теперь лишь *Московскія Вѣдомости*, быть можетъ, еще двѣ-три газеты.

Ирландскій гомъ-руль, который похоронили, по смерти Гладстона, уніонисты съ Чемберленомъ во главѣ, вновь появляется на сцену. «Трезвые» политики, замѣнившіе старыхъ вождей-идеалистовъ либеральнаго лагеря, торжествовали понапрасну. Они успѣли только лишить временно либеральную партію ея обаянія и тѣмъ содѣйствовать переходу власти въ руки консерваторовъ-уніонистовъ. Въ свою очередь и ирландскіе депутаты сдѣлали важную ошибку, подавши свои голоса за реакціонный школьный законъ, отдававшій народное образованіе въ руки англиканскаго духовенства. Законъ этотъ вызвалъ сильное неудовольствіе и противодѣйствіе, въ особенности въ Валлисѣ. Казалось, что сами ирландцы за уступки правительства въ пользу фермеровъ отказались отъ завѣтовъ Парнеля и Гладстона. Но въ дѣйствительности стремленіе къ автономіи Зеленаго Острова продолжало развиваться. Въ сентябрѣ нынѣшняго года въ Дублинѣ собрался комитетъ, цѣль котораго—достиженіе ирландскаго самоуправленія, созданіе парламента. Требованія комитета на первыхъ порахъ умѣренны: онъ желаетъ, чтобъ ирландскій бюджетъ контролировался собраніемъ въ Дублинѣ, изъ двѣнадцати выборныхъ депутатовъ и двѣнадцати назначенныхъ правительствомъ. Кромѣ того, комитетъ предлагаетъ передать мѣстныя ирландскія дѣла на обсужденіе собранія изъ ирландскихъ перовъ и представителей страны.

И важно отмѣтить, что починъ въ данномъ случаѣ идетъ отъ лендлордовъ (въ комитетѣ участвуютъ Dunraven, Louth, Rossmore etc.). Движеніе находитъ сочувственный отголосокъ даже въ Ульстерѣ.

Восемьдесятъ ирландскихъ депутатовъ въ великобританскомъ парламентѣ, предводимыхъ Джономъ Редмондомъ, представляютъ большую силу. Близятся общіе выборы и либеральная партія, по всей вѣроятности, если не получитъ большинства, то во всякомъ случаѣ значительно усилится и тогда ирландскій гомъ-руль снова выдвинется на первый планъ. Замѣтимъ, что вожди дублинскаго комитета написали на своемъ знамени не *Home Rule*, а *Dévolution*.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

I.

„Одинокимъ путемъ". Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ Артура Шницлера *(Малый театръ)*.— „Ивановъ". Драма въ 4 дѣйствіяхъ А. П. Чехова *(Художественный театръ)*.

«Одинокимъ путемъ»—одна изъ самыхъ неудачныхъ и томительныхъ новинокъ послѣдняго сезона. Пьеса—умная, изящно написанная; есть въ ней тонкіе афоризмы, драматическія ситуаціи, и тѣмъ не менѣе она прямо отталкиваетъ отъ себя. Почему же? Да потому, что она въ высокой степени равнодушна и отличается какою-то холодной и непріятной изысканностью. Точно авторъ для забавы рѣшаетъ хитрыя человѣческія шарады, составляетъ комбинаціи человѣческихъ судебъ и любуется тѣми сочетаніями и созвѣздіями, которыя выходятъ изъ-подъ его искусныхъ пальцевъ. Краски Шницлеръ употребляетъ не здоровыя, не яркія,—онъ боится впасть въ мѣщанство и потому играетъ на оттѣнкахъ. Онъ боится грубости и хочетъ быть тонкимъ; а тонкость, конечно, хороша только естественная, и мѣщанинъ тотъ, кто старается имъ не быть. Не жизнь, а какая-то оранжерея; не люди, а тепличные цвѣтки, — вотъ какое впечатлѣніе производитъ его пьеса. Онъ заигрываетъ съ мистикой, и, на фонѣ беззаботной вѣнской жизни, мистика въ сочетаніи съ жуиромъ образуетъ нѣчто уродливое и глубоко-оскорбительное своей неискренностью. Герои Шницлера, если уѣзжаютъ, то непремѣнно въ страну несуществующую, въ Бактрію, на раскопки древней Экбатаны; они спускаются въ землю, и при этомъ—по лѣстницѣ мраморной, блестящей, какъ опалъ, и имѣющей триста двѣнадцать ступеней. Они населяютъ не квартиры, а виллы. И деревья у нихъ растутъ не фруктовыя. Они умираютъ отъ болѣзней поэтическихъ. Они помнятъ о своемъ доземномъ существованіи и полны всяческихъ предчувствій. Они разговариваютъ намеками и символами, потому что элементарная фраза для нихъ слишкомъ низменна. Они цитируютъ никому неизвѣстныхъ писателей, жившихъ въ V вѣкѣ магометанской эры...

И вотъ въ эту среду, въ среду людей, идущихъ одинокимъ и вычур-

нымъ путемъ, Шницлеръ бросаетъ чувства простыя и естественныя. Старый художникъ-эгоистъ привязывается къ незаконному сыну, мать котораго онъ когда-то безсовѣстно обманулъ. Разгульная артистка тоскуетъ по ребенкѣ, по материнствѣ, которое прошло мимо нея. И все это было бы симпатично, если бы со стороны автора и его героевъ здѣсь была серьезность и душевная теплота. Но этого нѣтъ. Авторъ экспериментируетъ и смотритъ, чтò выйдетъ изъ его изломанныхъ линій. Его персонажи исповѣдуютъ красивую мысль: «если бы вы находились въ центрѣ земли, вы знали бы, что всѣ предметы—одинаковой тяжести, а если бы вы очутились въ центрѣ вселенной, вы поняли бы, что всѣ предметы—одинаковой важности». Все для нихъ одинаково тяжело, т.-е. одинаково легко, все для нихъ одинаково важно, т.-е. одинаково пусто, и друзья, напримѣръ, это только люди, которые подаютъ другъ другу реплики. При такихъ условіяхъ человѣкъ, въ которомъ пробудилось отцовское чувство, ведетъ себя и выражается такъ, словно онъ дѣлаетъ отцовскому чувству высокую честь. Въ этой манерной искусственности тонутъ отдѣльныя крупицы человѣческой правды и страданія.

Къ этому прибавьте, что пьеса необыкновенно бѣдна дѣйствіемъ и богата разговорами, что герои то и дѣло медлительно припоминаютъ свое прошлое, свое дѣтство, что самыя главныя событія — это тѣ, которыя совершились десятки лѣтъ назадъ. Не понятно ли отсюда, что многіе зрители оставляютъ театръ, не пройдя вмѣстѣ съ героями скучнаго и одинокаго пути до конца?...

Изъ исполнителей на сценѣ Малаго театра можно выдѣлить г-жу Лешковскую въ роли бывшей актрисы. Г-жа Левшина, играющая мистическую и мечтательную Іоанну, даетъ образъ слишкомъ реалистичный и тяжелый для этой фигуры,—по волѣ Шницлера, воздушной и сверхчеловѣческой..

На сценѣ Художественнаго театра, послѣ экзотическаго Метерлинка, опять воцарилась его родная, чеховская атмосфера. Поставили «Иванова». И многіе вспоминали на первомъ представленіи другой, недавній спектакль, когда прозвучала лебединая пѣснь Чехова и облетѣли бѣлые цвѣты вишневаго сада. 17 января, въ день рожденія умершаго писателя, въ день сценическаго рожденія его послѣдней комедіи, Чехова привѣтствовала и съ нимъ, оказывается, навсегда прощалась его любимая Москва, идеалъ его тоскующихъ сестеръ. Шумѣла своимъ зеленымъ шумомъ, весеннимъ шумомъ страстная молодежь, и не было конца бурной оваціи. А Чеховъ стоялъ смущенный и блѣдный, съ застѣнчивой улыбкой на истомленномъ лицѣ; онъ слушалъ благодарственныя рѣчи,—и кругомъ него были цвѣты и лавры. Его просили сѣсть въ кресло: помнили, что онъ боленъ, что онъ слабъ, и когда въ адресахъ говорилось о его безсмертіи, слишкомъ ясно было, что имѣли въ виду безсмертіе только духовное... И въ самомъ дѣлѣ, черезъ полгода опять цвѣты и лавры, опять волнуется многотысячная толпа молодежи, опять раздаются восхваляющія рѣчи,—но все это уже на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, гдѣ въ поэтическомъ уголкѣ, подъ сѣнью расцвѣтавшей липы,

Чеховъ нашелъ себѣ невозмутимый отдыхъ отъ грубой жизни, которая была для него такъ смѣшна и такъ печальна...

На «Ивановѣ» Чехова уже не было. Но духъ его жилъ, воплощенный, сохраненный артистами Художественнаго театра. Они развернули его пьесу въ яркую жанровую картину, тщательно и любовно исполненную во всѣхъ ея живыхъ деталяхъ, въ каждомъ посѣтителѣ лебедевской гостиной. Они прошли вереницей фигуръ, такихъ выразительныхъ, смѣшныхъ и страдающихъ; на фонѣ уѣзднаго захолустья они показали все траги-комическое содержаніе жизни. Они играли задушевно и тепло, какъ будто витала надъ ними тѣнь ихъ любимаго автора, какъ будто ихъ слушалъ духовный хозяинъ этого художественнаго дома и они совершали по немъ свои артистическія поминки.

Какъ и всегда, замѣчательный ансамбль не позволялъ выдѣлять изъ общей стройности особенно выдающихся линій. Впрочемъ, такою живою линіей былъ г. Станиславскій въ роли графа Шабельскаго. Если не считать нѣкоторой утрировки въ костюмѣ, эта фигура—одна изъ самыхъ удачныхъ въ репертуарѣ почтеннаго артиста. Сочетаніе комическихъ чертъ съ глубокой физической и нравственной бездомностью показалъ г. Станиславскій въ этомъ старомъ и не всегда желанномъ гостѣ чужой семьи, въ одинокомъ и несчастномъ брюзгѣ, который обличаетъ другихъ, но и самъ недалекъ отъ «гнусности».

Г. Качаловъ въ своей трудной роли Иванова создалъ образъ, вызывающій состраданіе и сочувствіе; онъ смягчилъ все то жесткое, что есть въ чеховскомъ героѣ; онъ изящно и благородно игралъ человѣка, утомленнаго собою и другими, человѣка съ «усталой совѣстью». Вспышки темперамента, огоньки раздраженія были осуществлены безъ грубыхъ эффектовъ и крикливости,—все было гармонично и обвѣяно тихой печалью.

Москвинъ-Львовъ, Лужскій-Лебедевъ, Леонидовъ-Боркинъ—все это были живыя, прекрасно очерченныя лица. Г-жа Тарова основные контуры своего прообраза, Саши, намѣтила; но ту правильную схему, которую она дала, надо бы расцвѣтить болѣе живыми и граціозными красками,—быть можетъ, впослѣдствіи это и сдѣлаетъ молодая дебютантка. Больную влюбленную жену, которая идетъ за мужемъ, отъ нея уходящимъ, которая идетъ за жизнью, отъ нея уходящей, умно играла г-жа Книпперъ; только ожидалось отъ нея больше трогательныхъ и нѣжныхъ чертъ, больше соотвѣтствія тому обиженному силуэту «жидовочки», о которомъ при взглядѣ на умолкнувшую віолончель горько рыдаетъ Шабельскій...

По поводу общаго колорита игры, по поводу ея основного строя можно сказать слѣдующее.

Внѣшними особенностями исполненія артисты обнаружили, что драма Чехова имѣетъ для нихъ значеніе не постоянное, а только историческое, что она имъ понятна лишь въ связи съ комментаріемъ русской общественности. Напримѣръ, они были одѣты въ костюмы восьмидесятыхъ годовъ, и это они подчеркивали, и Качаловъ-Ивановъ часто и нарочито клалъ свои

бездѣятельныя руки въ карманы стараго покроя. Но въ этомъ отношеніи (не говоря уже о прямолинейности такого элементарнаго пріема) театръ былъ не правъ, и дурна была бы та пьеса, историческій характеръ которой сказывался бы только въ мелочахъ обстановки и моды. Если историчность «Иванова» не могла быть проявлена иначе, какъ съ нехудожественной помощью портного, то это—ясное доказательство въ пользу того, что «Иванова», въ общемъ контекстѣ чеховскаго творчества, не слѣдовало понимать какъ пьесу историческую.

Намъ говорили со сцены, что нынѣ, когда возрождается русская жизнь, Ивановыхъ больше нѣтъ и быть не можетъ, что ихъ унесла съ собою сгинувшая мертвая полоса Россіи, что только безвременье создавало духовную лѣнь и апатію. Но почему же, когда появился чеховскій Ивановъ, къ нему съ насмѣшкой и презрѣніемъ отнесся писатель той же эпохи, Глѣбъ Успенскій? Да, въ разсказѣ «Чуткое сердце» онъ влагаетъ въ уста героевъ такія рѣчи, которыя явно свидѣтельствуютъ, что онъ Иванову не вѣритъ и въ его моральномъ омертвѣніи не винитъ общества. «Дожили, дѣйствительно, дожили до такого безобразія, какое представлено въ драмѣ *Ивановъ*, это вѣрно! Но какіе такіе люди дожили до такого состоянія—этого я, кажется, не понимаю; я даже вотъ что тебѣ скажу: объяснять причины такого безсмысленнаго существованія извѣстной части общества тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ погибаютъ отъ слишкомъ напряженной общественной дѣятельности,—это значитъ съ больной головы валить на здоровую!... Всю бѣду валятъ на страстность въ трудѣ «для общества»? — почти съ ожесточеніемъ уже гремѣлъ Михаилъ Петровичъ. Это «жертвы ошибки»—жить во имя общаго счастія? Можно исчахнуть отъ тоски, но не потерять сознанія!» Для Успенскаго Ивановъ пребываетъ въ какомъ-то гипнозѣ, когда «сознанію человѣка обрѣзаны крылья» и онъ становится «рабомъ внѣшнихъ впечатлѣній»,—«магнитъ дѣйствуетъ: пришелъ къ Иванову южный полюсъ въ амазонкѣ и развеселилъ, а тарелка съ объѣдками на письменномъ столѣ разсердила и огорчила. А жена-то взбѣсила? Сѣверный полюсъ!» *).

Глѣбъ Успенскій считаетъ голову Иванова больной и виноватой. Онъ не думаетъ, чтобы чеховскій герой въ самомъ дѣлѣ нереутомился, надорвался, чтобы его сразила неравная и безнадежная война со стѣною русской общественности. И дѣйствительно, развѣ можно повѣрить Иванову и чѣмъ доказалъ онъ, что «*еще года нѣтъ,* какъ онъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло?»

Еще года не прошло, и съ Ивановымъ—такая печальная метаморфоза. Что же случилось? Многое случалось въ восьмидесятые годы, зловѣщее и страшное происходило тогда, но борцы этого времени (а къ нимъ при-

*) Сочиненія Г. Успенскаго, т. III, стр. 433—436. Изд. 1891 г.

числялъ себя Ивановъ) нравственно въ борьбѣ не погибали. Ихъ могла сломить внѣшняя сила, они могли умереть,—но внутренній огонь въ нихъ не погасалъ. А Ивановъ бродитъ въ жизни съ потушенными огнями, съ омертвѣлой душою и кладетъ въ карманы свои бездѣйственныя руки. Земля его глядитъ на него, «какъ сирота», вся русская земля глядитъ на него какъ сирота и ждетъ не дождется его,—а онъ, лѣнивый и вялый, позорно жалуется на свое переутомленіе, на то, что поднялъ онъ бремя непосильное и не соблюлъ душевной гигіены...

Въ такомъ жалкомъ финалѣ не было ничего исторически-необходимаго. Неудача въ борьбѣ далеко не всегда приводитъ къ унынію: она можетъ и закалить, ожесточить, и рано или поздно трофеи будутъ вынесены изъ битвы. И потому Ивановъ, какъ фигура историческая, во всякомъ случаѣ одинокъ, а не типиченъ. Пьеса, незаконно носящая его распространенное имя, отличается историческимъ характеромъ въ другомъ смыслѣ: она проливаетъ свѣтъ на исторію души самого Чехова, она является страницей изъ его внутренней біографіи.

Въ «Ивановѣ» прежде всего сказалось характерное недовѣріе Чехова къ дѣлу, къ дѣятелю. Какъ художникъ, онъ органически не понималъ или, по крайней мѣрѣ, не воплотилъ «дѣланія» въ высокомъ и благородномъ смыслѣ этого жизненнаго слова. Дѣло рисовалось ему въ образѣ дѣльца, въ неприглядномъ видѣ Боркина; дѣло символизировалось для него ключами отъ хозяйства, крыжовеннымъ вареньемъ, которое такъ удобно для экономическаго угощенія. И хозяйкѣ, дѣлечеству онъ противополагалъ не дѣятельность, а бездѣліе. Дѣловитость весела, жизнерадостна, пошла, какъ Боркинъ, или же она тупа своей «бездарной и безжалостной честностью», какъ докторъ Львовъ,—а бездѣліе изящно, меланхолично, грустно, и оно подымаетъ своихъ жрецовъ высоко надъ суетливой толпою.

Но Чеховъ чувствовалъ, какъ несправедливо такое распредѣленіе красокъ; онъ чувствовалъ, что не Боркиными ограничивается дѣло жизни и что не всѣ лишніе люди—люди желанные. И, быть можетъ, въ лицѣ Иванова онъ каралъ самого себя, свое художественное пристрастіе къ тоскующимъ героямъ бездѣлія и безволія. Онъ Иванова вовсе не идеализируетъ, онъ влагаетъ ему въ уста горько-насмѣшливыя рѣчи надъ собственной «гнусной меланхоліей», надъ собственной игрой въ Гамлета. Чеховскій Ивановъ медленной походкой идетъ по жизни, и отъ его мертваго прикосновенія гибнутъ женскія сердца, и земля, по которой онъ идетъ, обращается въ сироту. Онъ не только лишній, но и вредный. Онъ не кроткій, какъ лишній Обломовъ: герой Гончарова только самъ легъ въ безвременную могилу,—онъ никого не оскорбилъ, никого не убилъ, а Ивановъ въ изможденное лицо своей умирающей жены бросилъ «жидовку» и бросилъ смертный приговоръ.

Докторъ Андрей Ефимовичъ тоже не былъ дѣятеленъ, и онъ оставался равнодушнымъ свидѣтелемъ того, что творилось въ зловѣщей палатѣ № 6. Но жизнь отомстила за безучастіе въ ея дѣлѣ, и доктора настигла безпо-

щадная Немезида, и онъ самъ попалъ въ № 6, и тамъ онъ погибъ отъ ударовъ сторожа Никиты и отъ мученій своей проснувшейся совѣсти, которая оказалась такой же «несговорчивой и грубой», какъ жестокій сторожъ. И Немезиды вообще не избыть.

Но мы не бросимъ камня въ бездѣятельнаго Андрея Ефимовича: онъ уже наказанъ, онъ умеръ мучительной смертью въ палатѣ № 6. Мы не бросимъ камня въ бездѣятельнаго Иванова: онъ уже наказанъ, онъ самъ вычеркнулъ себя изъ списка живыхъ и застрѣлилъ себя въ день своей свадьбы. И меньше всего мы бросимъ камень осужденія въ того писателя, который самоотверженно показалъ въ близкомъ его сердцу «лишнемъ человѣкѣ» то, что есть въ немъ отрицательнаго и жестокаго, то, что есть въ немъ злополучнаго для себя и для другихъ.

Ю. А.

II.

Театръ Корша. „Воръ", Мирбо. Переводъ В. О. Шмидтъ.—„Въ ореолѣ", трилогія Вага. Переводъ А. Гретманъ.—„Безъ звона колоколовъ", комедія фонъ-Цобельтицъ. Переводъ г. Немвродова.—„Сегодня", сцены В. О. Трахтенберга (бенефисъ Н. В. Свѣтлова.)

Театръ Корша вѣренъ себѣ и мало мѣняется изъ года въ годъ. Все тотъ же сборный, какъ будто и вовсе случайный репертуаръ, все та же труппа, отнюдь не лишенная талантовъ, но не объединенная, слишкомъ разнохарактерная, съ очень неровнымъ ансамблемъ.

Но, благодаря богатому разнообразію репертуара, въ этомъ театрѣ бываютъ несомнѣнно интересные спектакли. Къ числу такихъ мы относимъ постановку «Вора» Мирбо.

Пьеса эта невелика, всего въ одномъ актѣ, но имѣетъ значеніе, какъ жанръ совсѣмъ особаго рода, какъ произведеніе вполнѣ оригинальное. И въ немъ ярко сказались черты, характерныя для творчества Мирбо: смѣлость, даже рѣзкость художественнаго анализа, чрезвычайная, такъ сказать, Мопассановская сжатость формы, сильный и свободный языкъ, необычайность замысла, прямая постановка вопроса—и нѣкоторая склонность къ горькому и дерзкому цинизму.

Въ квартиру богатаго буржуа ночью является воръ. Цѣль у него, конечно, самая простая и опредѣленная: украсть какъ можно больше цѣнныхъ вещей. Врядъ ли изъ такой фабулы можно было бы сдѣлать какую бы то ни было пьесу, если бы Мирбо не задался цѣлью показать намъ вора не совсѣмъ обыкновеннаго. Передъ нами—изящнѣйшій, умный, прекрасно воспитанный свѣтскій человѣкъ, сдѣлавшійся воромъ по призванію,—воръ убѣжденный.

Это уже даетъ автору возможность въ полной мѣрѣ блеснуть оригинальными особенностями своего таланта. Вору не удалось обокрасть богатую квартиру: во-время появляется хозяинъ. Обыкновенный воръ, очевидно, или постарался бы убѣжать, или былъ бы немедленно арестованъ.

Но герой Мирбо не таковъ. Онъ произноситъ передъ хозяиномъ длинную защитительную рѣчь—апологію воровства. Въ этомъ центръ пьесы.

Рѣчь вора замѣчательна. Это рядъ изящныхъ и рѣзкихъ парадоксовъ, но впечатлѣніе они производятъ сильное. Воръ не понимаетъ, съ какой стати ему, тонкому и изящному человѣку, нужно поступать со своими, такъ называемыми ближними, съ какою-то осторожностью, съ вниманіемъ къ ихъ интересамъ, съ любовью къ нимъ самимъ. Разъ онъ чувствуетъ себя выше богатаго буржуа, почему бы ему не подчинить этого буржуа себѣ, не сдѣлать его полезнымъ? А такъ какъ мирнымъ, легальнымъ путемъ онъ этого сдѣлать не можетъ, то онъ предпочелъ избрать иной путь—и сдѣлался воромъ. Въ этой карьерѣ его прельщаетъ не только возможность обогатиться на чужой счетъ, но и вся ея обстановка: дерзость предпріятій, опасность и т. д.

Всѣ эти парадоксы съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, горячо, убѣжденно и талантливо высказываетъ воръ Мирбо. Эта нелегкая роль досталась г. Радину, артисту съ чрезвычайно неровнымъ, невыдержаннымъ дарованіемъ. На этотъ разъ г. Радинъ съ ролью справился. Онъ сумѣлъ понять героя Мирбо, взялъ вѣрный тонъ и выдержалъ его во всѣхъ деталяхъ. Изящный молодой человѣкъ, такъ непринужденно и смѣло строившій апологію преступленія, именно такъ долженъ былъ держать себя, именно такъ долженъ былъ говорить.

Въ тотъ же вечеръ ставили трилогію Вага, три маленькихъ жанра.

Въ первомъ изображается фальшь свѣтскаго общества, которое ополчается на легкомысленную графиню, увлекшуюся гондольеромъ, и рѣзко мѣняетъ отношеніе къ ней, когда одинъ старый дипломатъ распространяетъ слухъ, что гондольеръ—переодѣтый король Ѳессалійскій...

Артисты истолковали этотъ набросокъ, какъ фарсъ, и не скупились на комическіе эффекты. Свѣтское общество, правда, вышло въ изображеніи г-жъ Романовской и Сергѣевой и гг. Пельтцера, Бороздина, Микулина и Ячменева очень смѣшнымъ, но по настоящему *играли*, а не гонялись за смѣхомъ только г-жа Карелина-Раичъ (артистка французской школы, съ изящной и только обдуманной игрой) и г. Аркадьевъ, очень вдумчивый артистъ, къ сожалѣнію, совершенно лишенный способности увлекаться.

Во второй части трилогіи—«Героиня дня»—авторъ рисуетъ закулисную жизнь маленькаго парижскаго театра. Директоръ театра въ восторгѣ: за послѣднее время у него всегда полные сборы. Публику привлекаетъ то обстоятельство, что главная артистка труппы, по слухамъ, убила своего любовника и только что вернулась, отбывъ наказаніе. Это создаетъ вокругъ ея имени какой-то романтическій ореолъ. Директоръ исполняетъ малѣйшіе ея капризы, товарищи по сценѣ ей завидуютъ,—но все это длится лишь до того дня, когда въ газетахъ появляется замѣтка, доказывающая, что слухъ объ убійствѣ просто ловкая выдумка съ цѣлью привлечь вниманіе публики.

Въ этой фабулѣ нѣтъ ничего серьезнаго и большого, но жанровая картинка получается живая и интересная.

Главную роль очень оживленно, хотя въ нѣкоторыхъ деталяхъ слишкомъ рѣзко, проводитъ г-жа Шиловская. Интересный типъ легкомысленной и мелочной, но вмѣстѣ съ тѣмъ доброй и простодушной молодой актрисы даетъ г-жа Карелина-Раичъ.

Лучшая часть трилогіи—послѣдняя. Это тонкая и злая сатира, изображающая маленькое провинціальное общество захолустнаго нѣмецкаго городка, взволнованное и потрясенное пріѣздомъ «его превосходительства», министра.

Г. Свѣтловъ изъ центральной роли сумѣлъ создать стильную и выдержанную въ малѣйшихъ деталяхъ фигуру. Этотъ величественный, худой старикъ, съ застывшимъ выраженіемъ лица и холоднымъ, увѣреннымъ взглядомъ, съ тягучимъ, старческимъ говоромъ и брезгливой складкой тонкихъ губъ, невольно приковываетъ вниманіе зрителя. Онъ прекрасно знаетъ, что всѣ эти привѣтствія, крики толпы, безхитростныя поселянки, робко подносящія ему букеты полевыхъ цвѣтовъ, и дамы, падающія при встрѣчѣ съ нимъ въ обморокъ съ крикомъ «какой красавецъ!»—все это просто пьеса, заранѣе разученная по программѣ, выработанной отцами города. Но «его превосходительство» уже давно привыкъ къ этому и, въ качествѣ тонкаго политика, онъ даже вноситъ въ эту программу нѣкоторыя поправки, дѣлаетъ бургомистру указанія и любезно принимаетъ участіе въ репетиціяхъ отдѣльныхъ сценъ «восторженнаго пріема». Г. Свѣтловъ, съ присущей ему тонкостью игры, въ роли этой превосходенъ. Онъ даетъ много истинно художественныхъ чертъ, много тонкаго внутренняго комизма и счастливо воздерживается отъ шаржа, который такъ легко внести въ эту роль. Благодаря ему, какъ мы уже указали, послѣдняя часть трилогіи—лучшая во всемъ спектаклѣ.

«Безъ звона колоколовъ»—пьеса средняго достоинства, и мы затрудняемся понять, чѣмъ, собственно говоря, она привлекла вниманіе театра г. Корша. Правда, въ общемъ она не хуже многихъ другихъ и русскихъ, и иностранныхъ, но всетаки въ ней слишкомъ мало оригинальнаго, своеобразнаго. Тема—самая обыкновенная. Молодой помѣщикъ, докторъ Гансъ Мёллеръ живетъ въ деревнѣ, ждетъ смерти богатаго дяди и съ увлеченіемъ занимается опытами надъ искусственнымъ удобреніемъ. Сосѣди-крестьяне смѣются надъ нимъ, и, дѣйствительно, опыты его такъ неудачны, что близится полное разореніе. Его другъ, мѣстный врачъ Гедеке, человѣкъ нѣсколько циническаго характера, придумываетъ для него очень вѣрный и простой выходъ. Дѣло въ томъ, что у деревенскаго старосты, Кретшмара, есть падчерица Анна, которой ея покойный отецъ, прежній староста, оставилъ очень большое состояніе. Если Мёллеръ сумѣетъ увлечь ее и женится на ней, деньги эти будутъ въ его рукахъ. Мёллеръ колеблется. Правда, Анна ему нравится, она хороша собой, она образована, наконецъ,

онъ жалѣетъ ее, потому что ей тяжело живется въ грубой крестьянской средѣ. Онъ колеблется, но авторъ рѣшаетъ ускорить дѣйствіе: въ первомъ же актѣ появляется Анна, и Мёллеръ безъ труда мгновенно одерживаетъ полную побѣду. Надо какъ можно скорѣе поправить эту ошибку страсти бракомъ. Но напрасно Мёллеръ такъ увѣренъ въ согласіи вотчима и матери Анны. Во второмъ дѣйствіи происходитъ крупное объясненіе. Крестьяне отказываютъ, они желаютъ, чтобъ Анна осталась крестьянкой, они не хотятъ, чтобъ ея деньги достались барину, который растратилъ свое состояніе на искуственное удобреніе. Доведенный ихъ упорствомъ и насмѣшкой до отчаянія, Мёллеръ не можетъ сдержать себя и говоритъ старикамъ, что они должны согласиться, чтобы спасти Анну отъ позора. Разумѣется, они поражены, но отказать дѣйствительно оказывается невозможно. Хорошо, пусть состоится этотъ бракъ, но они воспользуются своимъ правомъ, и при жизни выдѣлятъ Аннѣ только ничтожную часть ея состоянія. Замѣтимъ, что этотъ актъ написанъ почти совсѣмъ хорошо, сжато, съ сильнымъ драматизмомъ.

Слухъ о замужествѣ Анны распространяется по деревнѣ. Говорятъ и о томъ, что съ Анной случился «грѣхъ». Крестьяне не любятъ гордаго и заносчиваго старосту Кретшмара и со злорадствомъ повторяютъ, что, видно, придется вѣнчать Анну по мѣстному обычаю безъ вѣнка и колокольнаго звона. Анна страдаетъ. Кретшмаръ выходитъ изъ себя, а между тѣмъ Мёллеръ уже начинаетъ раскаиваться. Настоящей любви къ Аннѣ у него никогда не было, денегъ даютъ за ней слишкомъ мало, да и вообще этотъ неравный бракъ, пожалуй, принесетъ слишкомъ много непріятностей. Въ шинкѣ Кретшмара разыгрывается дикая сцена столкновенія съ злорадствующими крестьянами, слухи все усиливаются, и Анна, которая чутко понимаетъ и своего жениха и все окружающее, приходитъ въ отчаяніе. На передній планъ неожиданно выдвигается мало замѣтный до той поры человѣкъ. Это молодой пасторъ, умный, развитой человѣкъ, съ истинно христіанской душой и любвеобильнымъ сердцемъ. Онъ уже давно тайно и глубоко любитъ Анну и теперь, видя ея горе, рѣшительно предлагаетъ ей выходъ: оставить жениха, пренебречь мнѣніемъ окружающихъ и стать его женой. Онъ на все готовъ, готовъ на всякую борьбу и, если понадобится, даже рѣшится оставить свой санъ. «Грѣхъ» Анны для него—не грѣхъ: по его словамъ «любовь все превозмогаетъ».

И, конечно, Анна предпочитаетъ стать женой добраго пастора и оставить Мёллера, несмотря на то, что, по его мнѣнію, всѣ непріятности улажены, такъ какъ богатый дядя наконецъ умеръ.

Все это довольно примитивно, наивно, въ достаточной мѣрѣ сантиментально и мало захватываетъ зрителя. Мы могли бы ожидать отъ этой пьесы по крайней мѣрѣ характерныхъ картинъ жизни нѣмецкой деревни (которая, кстати сказать, по волѣ переводчика зовется страннымъ именемъ «...зово»). Но и этого нѣтъ, и интересныхъ характеровъ въ пьесѣ мы не встрѣчаемъ и всѣ ея перипетіи по меньшей мѣрѣ не новы.

Разыгрывается «Безъ колокольнаго звона» старательно. Артисты стремятся дать, что могутъ.

Г-жа Арсеньева играла не легкую роль Анны. Это артистка съ немалымъ дарованіемъ, но дарованіе ея не разработано, не развито, не окрѣпло въ настоящей хорошей школѣ. И, естественно, игра г-жи Арсеньевой всегда производитъ какое-то неровное, сбивчивое впечатлѣніе. На ряду съ прекрасными, полными жизни и красоты моментами мы встрѣчаемъ черты вялыя, блѣдныя и сухія, точно временами у артистки не хватаетъ ни силъ, ни увлеченія. Въ данномъ случаѣ часть упрековъ мы должны снять съ нея, потому что роль Анны вообще мало удачно выписана и, несмотря на явное стараніе автора, однотонна.

Г. Радинъ съ ролью Мёллера не справился. Да и трудно представить себѣ хорошее воплощеніе этой роли, трудно артисту въ ней избѣжать фальшивыхъ интонацій и той общей, такъ сказать, казенности и шаблона, которые далъ г. Радинъ.

Очень старательно игралъ старосту Кретшмара г. Бороздинъ, и ему удалось дать нѣсколько сильныхъ моментовъ. Хороша, напримѣръ, сцена столкновенія въ корчмѣ.

Очень хорошо играла старостиху г-жа Бурдина. Это опытная артистка, умѣющая проникнуться ролью и сдѣлать изъ нея живое лицо. Добросовѣстный и небезталанный артистъ г. Чаринъ. Надо было видѣть, какія истинно героическія усилія потратилъ онъ на то, чтобы оживить и украсить блѣдную фигуру добродѣтельнаго пастора. Если это удалось мало, главная вина падаетъ на автора пьесы. Маленькая деталь: не мѣшаетъ г. Чарину знать, что нѣмецкіе пасторы люди образованные и не станетъ нѣмецкій пасторъ говорить—«ласціате огни сперанца».

Постановка тщательная. Режиссеръ, видимо, очень старался соблюсти couleur local и многаго достигъ въ этомъ смыслѣ. Хорошо поставлена сцена драки въ корчмѣ и очень хороши декораціи этого акта. Въ общемъ спектакль мало удачный.

Г. Свѣтловъ выбралъ для своего бенефиса новую пьесу г. Трахтенберга—вторую часть задуманной имъ трилогіи «Вчера—Сегодня—Завтра».

«Вчера» ставили въ прошломъ году въ Интернаціональномъ театрѣ при антрепризѣ Ковалевскаго. Не станемъ распространяться объ этой пьесѣ. Скажемъ только, что она позволяла надѣяться, по крайней мѣрѣ, на то, что вся трилогія будетъ интересна. «Сегодня» этихъ надеждъ не оправдало. Съ авторомъ, мастеромъ техники сцены, повидимому, что-то случилось. Даже въ техническомъ, внѣшнемъ отношеніи въ пьесѣ есть коренные, значительные недостатки.

Первая часть трилогіи, хотя и не особенно глубокая и значительная, даже съ нѣкоторымъ блескомъ, эффектно развивала ту идею, что человѣкъ долженъ выстрадать право на жизнь, долженъ имѣть свое «Вчера» и тѣмъ достойнѣе является человѣкъ, чѣмъ это «Вчера» было ужаснѣе.

Въ этой первой части какой-то Зубинъ, человѣкъ съ большимъ и таинственнымъ прошлымъ, такъ сказать носитель идеи г. Трахтенберга, спасалъ увлекшуюся дѣвушку, доказывая ей, что ея «Вчера»—не позоръ, а выстраданное право на жизнь.

Въ «Сегодня» мы встрѣчаемъ того же Зубина и спасенную имъ Елену Хроменко, повидимому, въ полномъ благополучіи.

Она издаетъ какой-то журналъ, а Зубинъ ведетъ свои дѣла и радуется, глядя на свою любимую дочь Дору. Она уже взрослая дѣвушка. Это сильный характеръ, съ горячими страстями, съ любовью къ правдѣ, натура честная и красивая. Повидимому, все благополучно, но уже надвигается бѣда.

Около журнала, издаваемаго Хроменко, группируются разные писатели, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ молодой и талантливый Праотцевъ. Зубинъ не любитъ его, чувствуетъ въ немъ какую-то опасность. Но Дора, сначала только дразнившая его смѣною холодности и короткости отношеній, какъ-то неожиданно, внезапно вспыхиваетъ страстью и отдается ему. Начинается мучительная связь, мучительная потому, что Дора, глубоко любя отца, скрываетъ отъ него эту связь, боясь его страданій и предчувствуя катастрофу. Праотцевъ выросъ духовно: онъ уже не подающій надежды юноша, а настоящій большой писатель, настоящая, крупная личность. Онъ не хочетъ скрываться. Несмотря на сопротивленіе Доры, онъ является къ Зубину и прямо говоритъ ему:

— Вотъ уже годъ какъ я любовникъ вашей дочери.

Зубинъ—человѣкъ громадной духовной силы. Несмотря на страшный обрушившійся на него ударъ, онъ отвѣчаетъ на него презрительно, холодно—и уходитъ. Настаетъ третій актъ, лучшій въ «сценахъ» г. Трахтенберга, да и самъ по себѣ сильный, красивый и захватывающій.

Зубинъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Является Праотцевъ, настаивающій на объясненіи, за нимъ приходитъ Дора. Холодность Зубина исчезаетъ. Въ замѣчательномъ по силѣ монологѣ онъ говоритъ о своемъ таинственномъ прошломъ. Дора—не его дочь. Она дочь его жены, женщины, которую онъ подобралъ въ уличной грязи—и его повара, пьяницы и эпилептика. Жену свою и брата, ея любовника, Зубинъ утопилъ въ припадкѣ отчаянія, боли, гнѣва и ревности... А Дору воспитывалъ, какъ дочь, любовался ею, и торжествовалъ, вѣря, что въ ней природа сотворила чудо—человѣка лишеннаго наслѣдственности. Дора глубоко потрясена, Праотцевъ уходитъ отвергнутый.

Если читатель предполагаетъ, что въ этомъ третьемъ актѣ слишкомъ м..ого ужасовъ, то мы должны замѣтить, что дальше ихъ будетъ еще б..ьше: г. Трахтенбергъ увлекся нагроможденіемъ страшныхъ эффектовъ и ..отерялъ всякое чувство мѣры. Въ первой картинѣ четвертаго акта Дора п..иходитъ навсегда проститься съ Праотцевымъ: она не можетъ оставить о..ца. Праотцевъ молитъ, грозитъ, безумствуетъ, и когда она всетаки ухо..д..итъ—застрѣливается. Нѣкто Кнаутъ, престранный человѣкъ, говорящій

исключительно анекдотами и проповѣдующій полную пассивность въ жизни (онъ говоритъ, что съ явленіями не надо бороться; имъ только можно помогать), приноситъ ему револьверъ. Хорошо еще, что авторъ не произвелъ самоубійства на сценѣ. Но онъ вознаградилъ себя за это: въ послѣдней картинѣ Дора, узнавъ о смерти Праотцева, медленно и клинически вѣрно сходитъ съ ума.

Вотъ пьеса. Недостатки ея очевидны. Изобиліе ужасовъ, значительная туманность въ обрисовкѣ характеровъ, общая растянутость, лишнія лица, вотъ ея отрицательныя стороны. И всетаки до третьяго акта включительно, она смотрится съ большимъ интересомъ—такой мастеръ г. Трахтенбергъ въ техникѣ сцены, такъ живъ его діалогъ и оригинальны детали.

Бенефиціантъ оказался на высотѣ положенія. Рельефно и ярко выступилъ въ его изображеніи Зубинъ съ его громадной душевной силой, съ его глубокимъ отрицающимъ умомъ, съ тяжелымъ горемъ въ тайной глубинѣ души. Труднѣйшій монологъ третьяго акта былъ переданъ артистомъ съ большой силой, горячо, увлекательно, художественно правдиво. Ясно сказался настоящій, хорошій талантъ.

И публика хорошо приняла артиста.

Въ роли Доры хороша была г-жа Карелина-Раичъ. И общій тонъ, и характерная для ея дарованія отдѣлка деталей—все говоритъ намъ, что въ лицѣ этой артистки труппа театра Корша пріобрѣла цѣнный и красивый талантъ. Въ одномъ можемъ упрекнуть г-жу Карелину-Раичъ: какая-то вычурность порой замѣчается въ ея игрѣ.

Не дурно провелъ г. Чаринъ роль Праотцева. Видимо эта роль увлекла его. Но со многими моментами трудно было справиться артисту, и мы видѣли уже не настоящее увлеченіе, а игру холодную, такъ сказать, техническую. По обыкновенію очень умно и тонко сыгралъ г. Яковлевъ нѣсколько странную, но интересную роль Кнаута.

Спектакль несомнѣнно произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе, но недостатки его велики. Вина г. Трахтенберга.

М. П. С.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Ноябрь 1904 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

П. П. Гнѣдичъ. Бѣглые. Недвижимая собственность и другіе разсказы.—*П. Хотымскій.* На новомъ мѣстѣ. Разсказъ.—*Эллисъ.* Иммортели.

П. П. Гнѣдичъ. Бѣглые. Недвижимая собственность и другіе разсказы. Изданіе А. Р. Маркса. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Г. Гнѣдичъ очень хорошо знакомъ публикѣ и уже давно имѣетъ свою опредѣленную репутацію. Мы привыкли ожидать отъ него очень живыхъ, съ чрезвычайной легкостью читаемыхъ разсказовъ, очень изящныхъ по формѣ— почти всегда въ такой же степени неглубокихъ по содержанію.

Такъ и теперь. При знакомствѣ съ новой книгой г. Гнѣдича мы убѣждаемся, что она не хуже и не лучше прежнихъ. Основныя черты тѣ же. Легкимъ и красивымъ языкомъ, порою съ нѣкоторымъ юморомъ разсказываетъ авторъ о разныхъ немудреныхъ вещахъ, не вдаваясь въ глубины психологіи, не ставя и не разрѣшая большихъ и важныхъ вопросовъ. Въ результатѣ книга читается съ интересомъ и даетъ нѣкоторыя небольшія впечатлѣнія.

Лучше другихъ, на нашъ взглядъ, первый разсказъ „Бѣглецы". Г-нъ Гнѣдичъ рисуетъ намъ двухъ довольно интересныхъ русскихъ художниковъ, которые не выдержали русской жизни и бѣжали въ Парижъ. И здѣсь они, конечно, не чувствуютъ себя удовлетворенными, но уже имъ легче дышится, имъ легче думать и работать. Здѣсь есть довольно ясный налетъ современности. Оба художника весьма самостоятельные люди и проявляютъ они себя въ значительной степени въ новѣйшемъ духѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ хранитъ альбомъ своихъ работъ „Сны". „Онъ никому никогда его не показывалъ, даже мнѣ,—говоритъ другой бѣглецъ.—Разъ только онъ показалъ мнѣ одну страницу: что-то блѣдное, слегка тронутое желтоватой краской, съ холодными голубыми рефлексами. Это очень странно и интересно".

Несмотря на такіе маленькіе фокусы, читатель въ обществѣ „Бѣглецовъ" г. Гнѣдича чувствуетъ себя хорошо. Говорятъ они много, затрогиваютъ множество вопросовъ искусства, но такъ какъ авторъ сумѣлъ сдѣлать ихъ людьми умными и оригинальными, то съ ними во всякомъ случаѣ не скучно.

„Недвижимая собственность“ нѣсколько слабѣе. Это довольно длинная исторія о томъ, какъ обезпеченный и солидный петербургскій чиновникъ внезапно почувствовалъ тяготѣніе къ землѣ, купилъ себѣ по случаю большое имѣніе, но оказался никуда негоднымъ помѣщикомъ и послѣ ряда глупѣйшихъ въ практическомъ смыслѣ поступковъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Попутно авторъ заставляетъ насъ присутствовать при романѣ неудачнаго помѣщика съ эксцентричнѣйшей дѣвицей, показываетъ намъ рядъ странныхъ и забавныхъ личностей, петербургскихъ дѣльцовъ, оригиналовъ помѣщиковъ и т. д. Порою читатель искренно смѣется, порою бѣгло просматриваетъ нѣсколько страницъ къ ряду,—но въ общемъ опять-таки не скучаетъ. Но надо замѣтить, что присутствовать при романахъ, недоумѣніяхъ и злоключеніяхъ легкомысленнаго чиновника менѣе интересно, чѣмъ разговаривать съ двумя умными и даже, кажется, искренними художниками.

Съ очевиднымъ умѣньемъ, увѣренно и тонко нарисовалъ г. Гнѣдичъ фигуру „Пухова“, до смѣшного пунктуальнаго и добросовѣстнаго человѣка. Дѣйствительно, это образъ реальный, жизненный, людей такихъ мы видимъ иногда въ окружающей толпѣ. Видимъ мелькомъ, мелькомъ посмѣемся надъ ихъ потѣшными крайностями—и перестаемъ обращать на нихъ вниманіе. И трудно понять, почему авторъ такъ усиленно рекомендуетъ намъ своего Пухова, смѣшного и нелѣпаго человѣка? Неужели только за тѣмъ, чтобы посмѣяться? Мы, конечно, смѣемся, гдѣ полагается, но этого какъ будто мало, и мы дочитываемъ разсказъ съ недоумѣніемъ.

Какъ будто не больше основанія тщательно и тонко выписывать фигуру „Матери“, которая регулярно каждый годъ появляется въ Парижѣ съ твердымъ намѣреніемъ выдать дочь замужъ. Очень внимательно слѣдимъ мы за ея виртуозной работой, мимоходомъ улыбаемся, видя богатаго молодого англичанина, который почти не разговариваетъ, но зато часто и покорно спрашиваетъ—„сколько?“, и опять „Мать“ не производитъ на насъ впечатлѣнія.

Художника „Колотяжнаго“ мы изслѣдуемъ съ большимъ удовольствіемъ. Авторъ очень хорошо знаетъ художниковъ и заставляетъ насъ искренне интересоваться судьбой несчастнаго Колотяжнаго, талантливаго и пылкаго человѣка. Онъ съ болью разочаровался въ русской живописи, также какъ „бѣглецъ“ уѣхалъ за границу, но не ожилъ, не почувствовалъ себя лучше, какъ они. Онъ убѣдился, что ему работать на дорогомъ поприщѣ поздно, что силы ушли—и застрѣлился.

Въ послѣднемъ разсказѣ передъ нами вліятельный эстетическій критикъ, всегда „идущій впереди современныхъ теченій“ и многихъ увлекающій за собой. Совершенно справедливо г. Гнѣдичъ называетъ его „Прыгуномъ“, потому что этотъ критикъ, какъ оказывается при ближайшемъ изслѣдованіи,—человѣкъ съ пустою душой, фразеръ и фокусникъ, который дѣйствительно не „идетъ впередъ“, а только далеко прыгаетъ. Фигура написана хорошо и не безъ юмора.

Вообще книгу г. Гнѣдича каждый прочтетъ съ интересомъ, но, повторяемъ, большихъ требованій къ ней предъявлять нельзя.

П. Хотымскій. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ. Изданіе „Посредника“. 1904 г. Ц. 25 к. Въ качествѣ бытописателя нѣкоторыхъ особыхъ сторонъ русской жизни г. Хотымскій занимаетъ не послѣднее мѣсто. Въ качествѣ автора съ большимъ запасомъ наблюденій и умѣньемъ добросовѣстно, точно и художественно передавать эти наблюденія, онъ можетъ и заинтересовать, и многое дать читателю.

Области, которыя разрабатываетъ авторъ, еще мало извѣстны публикѣ. Г. Хотымскій далъ, напримѣръ, рядъ очерковъ, типовъ „преступниковъ", и несмотря на то, что мы имѣемъ даже классическія произведенія на такія темы, „преступники" г. Хотымскаго заинтересовали публику.

Въ недавно вышедшей книгѣ „На новомъ мѣстѣ" авторъ рисуетъ картину, такъ сказать, принудительной еврейской колонизаціи въ Сибири. Г. Хотымскій безъ лишнихъ длиннотъ и безъ всякихъ претензій разсказываетъ исторію о томъ, какъ изъ далекой „Россеи" привезли и водворили въ Сибирское село запуганное еврейское семейство. Въ началѣ дѣло идетъ совсѣмъ хорошо. Крестьяне относятся къ новымъ переселенцамъ добродушно и спокойно, тѣмъ болѣе, что они уже успѣли привыкнуть къ „своимъ" евреямъ, къ нѣсколькимъ семьямъ, которыя живутъ въ этомъ селѣ уже много лѣтъ и, не обрусѣвъ, успѣли отлично сжиться съ кореннымъ населеніемъ.

Деревенскую сибирскую жизнь авторъ знаетъ очень хорошо и хорошо о ней разсказываетъ. Съ интересомъ слѣдитъ авторъ за тѣмъ, какъ дружатся еврейскія и русскія дѣти, какъ налаживаются и крѣпнутъ добрыя отношенія. По уже начинаетъ проскальзывать рознь.

„Борька (мальчикъ изъ новоприбывшей еврейской семьи) началъ вздрагивать. Въ непонятномъ разсказѣ товарища (сына раньше поселившагося здѣсь еврея), онъ услыхалъ хорошо знакомое слово „жидъ".

„— Развѣ твой тятька не еврей?—несмѣло спросилъ Борька.

„— Мой тятька еврей,—увѣренно сказалъ Гринька.

„— Такъ ты что... Ты зачѣмъ ругаешь?

„— Кого ругаю?—изумился Гринька.

„— Да „жидъ" говоришь,—со слезами выговорилъ Борька.

„— Ну-у?—еще болѣе изумился его товарищъ.

Дѣти не понимали другъ друга. Одинъ зналъ слово „жидъ" какъ ругательное, другому же оно было знакомо только какъ терминъ игры въ бабки".

„Новые" евреи педантически, боязливо блюдутъ расовую чистоту, пуще всего боятся, что ихъ дѣти сдѣлаются „гоями", а „старые" евреи, храня вѣру, очень мало обращаютъ вниманія на разныя внѣшнія явленія. Имъ живется съ населеніемъ хорошо, а новые пугливо прячутся, боятся, берегутся.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ усилія коренныхъ жителей успокоить и удержать въ своемъ селѣ пріѣзжихъ, семья Кормановъ покидаетъ ихъ и переселяется въ городъ.

Вывода изъ этого самъ авторъ не дѣлаетъ. Онъ просто говоритъ, что бываютъ евреи, которые могутъ ужиться въ сибирскомъ селѣ, и бываютъ такіе, которые ужиться не могутъ, потому что слишкомъ ревниво оберегаютъ свои расовыя особенности и боятся всякихъ вліяній.

Разсказъ, какъ мы уже говорили, написанъ очень просто и хорошимъ языкомъ. Изданіе очень дешево и вполнѣ добросовѣстно.

Эллисъ. Иммортели. Бодлэръ, Верленъ, Данте, Роденбахъ, Метерлинкъ, Прюдомъ, Ницше и друг. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 коп. Переводчикъ, задавшійся цѣлью передать русскимъ стихомъ лучшіе образцы западной поэзіи, беретъ на себя очень трудную задачу. Ему приходится бороться съ очень значительными препятствіями: только путемъ громаднаго труда можно точно и вѣрно передать характеръ иностраннаго поэта, особенности его стиха, весь неуловимый духъ его индивидуальности. Всегда чрезвычайно трудно быть переводчикомъ поэзіи,

а задача г. Эллиса еще усложняется тѣмъ, что онъ съ особеннымъ вниманіемъ сосредоточился на Бодлэрѣ, Верлэнѣ, Роденбахѣ, Метерлинкѣ и т. д. Эти авторы довели виртуозность стиха до самыхъ опасныхъ для переводчика предѣловъ, а изысканность ихъ рѣчи вообще врядъ ли поддается передачѣ на иной языкъ.

Трудъ г. Эллиса мы считаемъ далеко не вполнѣ удачнымъ. Въ его большой книгѣ, представляющей очень значительное количество образцовъ западныхъ поэтовъ много явныхъ недостатковъ, несмотря на общій характеръ вдумчивости и добросовѣстности.

Трудъ переводчика, особенно переводчика-поэта, по одному удачному опредѣленію, является „параллельнымъ творчествомъ". Никогда не будетъ въ этомъ смыслѣ достаточно одной добросовѣстности: мало даже очень хорошо понимать оригиналъ, нужно еще имѣть особое дарованіе передать, „точно выразумѣвъ", иностраннаго автора. А этого у г. Эллиса нѣтъ. Понимаетъ онъ, повидимому, очень хорошо, старается передать съ полной тщательностью, точно, съ надлежащимъ вниманіемъ къ работѣ,—но впечатлѣнія, котораго мы въ правѣ ждать отъ такой книги, всетаки не достигаетъ.

Чѣмъ-то холоднымъ вѣетъ отъ работъ г. Эллиса. Иногда читатель даже съ очевиднымъ удовольствіемъ замѣчаетъ, что вотъ это выраженіе очень удачно, этотъ оборотъ изященъ и точенъ,—но стихи въ книгѣ г. Эллиса не волнуютъ, не трогаютъ и по воздѣйствію на чувство читателя слишкомъ мало напоминаютъ подлинники.

Переводя стихотвореніе Бодлэра „Человѣкъ и море" (мы намѣренно беремъ одинъ изъ удачныхъ, сравнительно, переводовъ), г. Эллисъ пишетъ:

„Ты ринуться готовъ во мглу пучинъ морскихъ,
Въ его безбрежности найти изображенье
И мракъ своей души, въ раскатахъ громовыхъ
Развѣять скорбный стонъ и ропотъ возмущенья.
Вы оба сумрачны, зловѣще молчаливы.
Кто, человѣкъ, твои измѣрилъ глубины?
Кто знаетъ, океанъ, куда схоронены
Твои несмѣтныя богатства, стражъ ревнивый?"

Недостатки, которые мы здѣсь ясно видимъ, очень характерны для г. Эллиса, какъ переводчика. Въ приведенномъ срихотвореніи онъ старательно сохранилъ обороты, эпитеты, образы Бодлэра, но не сумѣлъ передать духа подлинника, не сумѣлъ сохранить тонкую гармонію стиха—и впалъ въ явныя ошибки. Какъ тяжело и невѣрно звучитъ:

„Ты ринуться готовъ во мглу пучинъ морскую
Въ *его* безбрежности найти *изображенье*
И мракъ своей души..."

Къ чему относится это „его"? Что за сочетаніе „изображеніе и мракъ"? А ошибки эти, повторяемъ, нерѣдки и типичны. Иногда онѣ даже доводятъ до смѣшныхъ курьезовъ:

„Такъ влага устъ твоихъ плѣняетъ страстный взглядъ,
Сквозь частый рядъ зубовъ наружу проникая..." (Стр. 65).

Приходится спросить у переводчика: неужели красавица „Змѣя плясунья", изображаемая Бодлэромъ, во время пляски плевала сквозь зубы? И что же въ этомъ плѣнительнаго? А если наше предположеніе невѣрно, то мы рѣшительно не знаемъ, что такое „влага устъ, проникающая сквозь частый рядъ зубовъ наружу".

Лучшимъ переводомъ изъ Бодлэра мы считаемъ въ книгѣ г. Эллиса „Гармонію вечера". Получилось, дѣйствительно, изящное и художественно вѣрное подлиннику стихотвореніе. Но и здѣсь намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ эпитетъ „позлащенный" (саркофагъ неба), тѣмъ болѣе, что это „позлащенный" риемуетъ съ тоже не вполнѣ удачными—„Ласки *сметенной*" и „Ѳиміамъ благовонный". Гармонія соблюдена не вполнѣ. И всетаки, еслибъ книга состояла изъ стихотвореній, по красотѣ равныхъ этому, мы сочли бы ее удачной. Къ сожалѣнію, такіе образцы рѣдки.

Переводы Верлэна и иныхъ поэтовъ, составляющіе вторую часть книги, отмѣчены тѣми же недостатками, но въ общемъ удачнѣе. Кажется, точно авторъ больше проникся духомъ творчества поэтовъ, которыхъ онъ переводитъ, и нѣсколько менѣе формально совершаетъ свой трудъ.

Такъ, напримѣръ, довольно изящно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точно передано извѣстное стихотвореніе „La lune blanche" и „Грустная бесѣда".

Попадаются интересныя черты въ переводахъ изъ Роденбаха. Что касается трехъ образцовъ поэзіи Метерлинка, приведенныхъ г. Эллисомъ, то первые два въ русской репродукціи звучатъ тяжело и безцвѣтно, а третій прямо повергаетъ насъ въ недоумѣніе. Какъ это переводчикъ, человѣкъ, во всякомъ случаѣ обладающій художественнымъ вкусомъ, рѣшился простую пѣсню французскаго автора перевести въ какомъ-то утрированномъ народномъ русскомъ стилѣ:

„Жили были три красныя дѣвицы
И наскучила имъ дѣвичья доля.
Смотрятъ одна другой грустнѣе.
И пошли онѣ въ чистое поле,
А въ полѣ лѣсъ стоитъ чернѣя...
„— Гой ты, лѣсъ дремучій, зеленый,
Высылай намъ, старый, смерть навстрѣчу,
Дадимъ тебѣ золотыя короны!"
Услыхалъ лѣсъ дѣвичьи рѣчи,
Улыбаться старый начинаетъ
И дюжину поцѣлуевъ имъ посылаетъ"... и т. д.

Это не „vers libres" и не точно и тонко понятый стиль, а просто фальшь и самое неосновательное смѣшеніе того, что никакъ не должно быть смѣшано.

Недурны, пожалуй, переводы Данта. Г. Эллисъ овладѣлъ терциной и только въ рѣдкихъ случаяхъ этотъ размѣръ у него нѣсколько запинается. Переводы отрывковъ изъ „Божественной комедіи" и подражанія имъ производятъ нѣкоторое впечатлѣніе.

Замѣтимъ, что г. Эллису мѣшаетъ еще одинъ недостатокъ, раньше еще не отмѣченный нами: какая-то сбивчивая, не точная пунктуація. Умѣнье обращаться со знаками для переводчика очень важно. Издана книга недурно, хотя вычурная, разрисованная обложка придаетъ „иммортелямъ" не совсѣмъ желательный видъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Да-Коста. Націонализмъ въ германской средней школѣ.

М. Да-Коста. Націонализмъ въ германской средней школѣ. П ереводъ С. Кондратьева. М. Ц. 20 к. Эта брошюрка, составляющая п реводъ статьи изъ *Revue Bleue* (1903, XX, 3—5), имѣетъ своей за д ачей изученіе нѣмецкой педагогики „съ точки зрѣнія тѣхъ тѣсныхъ

отношенiй, которыя она поддерживаетъ съ политической и общественной жизнью“. Статья эта явилась результатомъ изслѣдованiя, произведеннаго авторомъ въ 1900 году въ Пруссiи, Саксонiи и Баварiи. Всего онъ посѣтилъ во всѣхъ трехъ государствахъ 14 гимназiй, гдѣ присутствовалъ на 70 урокахъ; литературу же по педагогикѣ средней школы онъ изучалъ въ библiотекахъ университетовъ берлинскаго и лейпцигскаго. Какъ французъ, авторъ обратилъ особое вниманiе на отношенiе нѣмецкихъ гимназiй къ французскому языку и французской литературѣ, которымъ нѣмецкiе педагоги отказываютъ во всякомъ воспитательномъ значенiи, въ чемъ авторъ справедливо видитъ причину того, что и результаты обученiя этимъ предметамъ получаются далеко не соотвѣтствующiе употребленнымъ на это усилiямъ. Насъ однако болѣе интересуетъ другая часть изслѣдованiя, носящая болѣе общiй характеръ. Въ ней авторъ, резюмируя общее впечатлѣнiе, полученное изъ его наблюденiй, говоритъ „что чувство патрiотизма является если не единственной, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе могущественной пружиной въ дѣлѣ нацiональнаго воспитанiя въ современной Германiи“. Причину этого онъ видитъ въ томъ, что само нацiональное единство Германiи было результатомъ войны, такъ что и общегерманское отечество обязано своимъ существованiемъ борьбѣ противъ иноземцевъ, въ частности противъ Францiи. Можно сказать, что въ теченiе около столѣтiя почти всѣ главнѣйшiя явленiя интеллектуальной и политической жизни вели германскiй народъ къ экзальтированному патрiотизму. Неудивительно, что этотъ же патрiотизмъ проникъ „и въ школу, которая естественно находится во взаимодѣйствiи съ общественнымъ мнѣнiемъ, особенно въ странѣ, гдѣ воспитательныя учрежденiя находятся подъ непосредственнымъ контролемъ государства, представляемаго династiей, въ интересахъ которой поддерживать въ душѣ нѣмцевъ религiозное благоговѣнiе передъ традицiями, на которыхъ покоится ея власть“. Прослѣдивъ постепенную эволюцiю нѣмецкой педагогики отъ Амоса Коменскаго до послѣднихъ реформъ въ гимназiяхъ, введенныхъ Вильгельмомъ II, авторъ указываетъ, какимъ путемъ патрiотизмъ въ школѣ поглотилъ, наконецъ, всѣ способы нравственнаго воздѣйствiя, каковы религiозное чувство, забота о правахъ и достоинствѣ гражданина, уваженiе къ истинѣ, любовь къ наукѣ и гуманности. Когда въ 1890 году Вильгельмъ II рѣшительно высказался за реальное образованiе противъ классическаго, то основной заботой его была вовсе не научная сторона дѣла и онъ мало безпокоился о томъ, будутъ ли реальныя науки лучшимъ средствомъ, чѣмъ литература, къ общему развитiю духа. Сущность реформы сводилась къ тому, чтобы сосредоточить около нацiональныхъ традицiй образованiе, предназначенное для высшихъ классовъ, присоединивъ къ нимъ элементы, содѣйствующiе экономическому развитiю народныхъ массъ. Реформа встрѣтила большое сочувствiе у большинства нѣмецкихъ педагоговъ, которые увидали въ ней призывъ къ борьбѣ противъ отвлеченнаго и безплоднаго идеализма и противъ образа мыслей, лишеннаго патрiотизма (Vaterlandslose Gesinnung). Нравственное направленiе опредѣлилось несомнѣнно воинственное. Главныя средства, которыми оно пользуется въ школѣ—исторiя и религiя, обѣ согласно ведутъ умъ воспитанника къ единственной цѣли: прославленiю нѣмецкой силы какъ символа справедливости, истины и права. Въ молодежи поддерживается религiозное чувство и любовь къ природѣ, но Богъ Коменскаго и Франка, первоучителей нѣмецкой педагогики, у которыхъ религiя соединялась съ широкимъ гуманитарнымъ направленiемъ, сдѣлался исключительно нѣмецкимъ Богомъ, также какъ и природа и жизнь. Шиг iя

гуманитарныя воззрѣнія обратились въ узкій, но сильный патріотизмъ. Протестуя противъ такого направленія новой нѣмецкой педагогіи, авторъ съ своей стороны высказываетъ, что „цѣль воспитанія должна заключаться въ стремленіи возвысить ученика до степени человѣка мыслящаго и справедливаго; что для достиженія этой цѣли должно ставить передъ глазами учениковъ высшіе примѣры, совершенные человѣческіе типы; что народъ, какъ бы онъ ни былъ великъ и въ прошедшемъ и въ настоящемъ своими духовными силами, не хранитъ ихъ всѣ въ своихъ нѣдрахъ". Мы тоже думаемъ, что всякая національная исключительность вредитъ прежде всего тому народу, въ которомъ она проявляется, препятствуя ему пользоваться плодами общечеловѣческой культуры, но что худшая форма ея есть воинствующій патріотизмъ, выражающійся не только въ національной обособленности, но и во враждебномъ отношеніи къ другимъ народамъ, а всего хуже, когда такой патріотизмъ внѣдряется въ школу и занимаетъ въ ней господствующее мѣсто. Въ этомъ отношеніи указанія автора на нѣмецкія гимназіи имѣютъ и для насъ не одно теоретическое значеніе. И въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ стремленіе къ проведенію въ воспитаніи молодого поколѣнія политическихъ тенденцій въ духѣ воинствующаго патріотизма очень нерѣдко заслоняютъ собою всѣ другія требованія обще-гуманитарнаго характера. И у насъ такъ называемое религіозно-нравственное воспитаніе (Sittlich-religiose у нѣмцевъ) очень часто принимаетъ ту же националистическую окраску. И у насъ Богъ дѣлается русскимъ Богомъ, и мы въ школѣ и внѣ ея повторяемъ патріотическіе стихи Жуковскаго:

„О, будь же русскій Богъ намъ щитъ,
Простри свою десницу
И, мститель, громъ твой раздробитъ
Коня и колесницу!"

(недавно помѣщались, а можетъ быть и теперь помѣщаются въ гимназическихъ хрестоматіяхъ), не сознавая того, что такимъ путемъ отъ провозглашаемой нами за основу нашей педагогіи христіанской религіи мы возвращаемся въ глубь вѣковъ, къ міровоззрѣнію древнихъ ассирійцевъ съ ихъ національными, воинственными и мстительными божествами.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годъ 9-й. Кіевъ, 1904 г. Въ вышедшемъ недавно 9-мъ выпускѣ „Ежегодника Коллегіи Павла Галагана", кромѣ обычныхъ данныхъ учебнаго отчета, помѣщены записанныя г. Степовичемъ малороссійскія пѣсни, окончаніе 2-го выпуска „Puschkiniana" В. В. Каллаша (стихотворенія о Пушкинѣ) и рѣчь графа Ф. де-ла-Барта „Французскій классицизмъ въ литературѣ и искусствѣ". Послѣдняя направлена противъ очень распространеннаго предубѣжденія, которое сводитъ литературное движеніе вѣка Людовика XIV къ „псевдоклассицизму" (терминъ, чуть ли не пущенный въ ходъ Бѣлинскимъ въ

разгаръ литературной полемики). Противъ него возставали многіе, но оно въѣлось слишкомъ глубоко и сильно, и не мѣшаетъ еще разъ посчитаться съ нимъ, хотя бы въ бѣглой, эскизной формѣ, какъ это дѣлаетъ гр. де-ла-Бартъ. Съ его точки зрѣнія французскій классицизмъ не былъ слѣпымъ, рабскимъ подражаніемъ античной литературѣ: „это было самое яркое проявленіе культуры дореволюціонной Франціи, того стремленія къ правдоподобію, къ симметріи, къ строгой композиціи и къ художественному совершенству формы, которое свойственно всѣмъ романскимъ націямъ вообще и французской въ особенности".

Рѣчь написана хорошо и читается съ интересомъ.

Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. В. Сиповскаго. I. Спб., 1905 г. Новая книга г. Сиповскаго—первый въ нашей литературѣ сборникъ древне-русскихъ повѣстей, предназначенный для большой публики. Въ него вошли не только общеизвѣстныя (тщательно провѣренныя для новаго изданія по рукописямъ) повѣсти („Фролъ Скабѣевъ", „Савва Грудцынъ" и т. д.), но и произведенія, доселѣ не бывавшія въ печати (наприм., отрывокъ изъ романа въ стихахъ и пр.). Взятыя въ цѣломъ, всѣ эти повѣсти даютъ любопытную картину эволюціи оригинальной русской повѣсти, сложившейся еще въ XVII в. и не умершей и въ XVIII—„ясное доказательство того, что народное творчество не было совершенно забито вліяніемъ извнѣ—псевдоклассицизмомъ, сантиментализмомъ". Онѣ черезъ посредство И. Новикова, Чулкова и нѣкоторыхъ другихъ писателей-реалистовъ XVIII в., передѣлывавшихъ ихъ „на свой салтыкъ", смыкаются съ новою реальною повѣстью XIX в., „связываютъ древнюю и новую литературу, возстановляютъ непрерывность самостоятельной эволюціи русскаго творчества" (стр. XLIX). Г. Сиповскій въ обширномъ, прекрасно написанномъ вступленіи излагаетъ исторію русской повѣсти и выясняетъ общій характеръ и значеніе каждаго изъ печатаемыхъ имъ произведеній. Въ примѣчаніяхъ даны необходимыя библіографическія и историко-литературныя указанія, въ концѣ книги напечатано объясненіе непонятныхъ словъ и выраженій. Наивные по тону и содержанію, первые побѣги нашего повѣствовательнаго творчества зачастую отличаются яркостью бытовыхъ красокъ, своеобразнымъ, немного грубоватымъ юморомъ, прелестью мѣткаго народнаго оборота. Несомнѣнно, все это представляетъ большой интересъ, не только научный—залогъ вѣрнаго успѣха для книги В. В. Сиповскаго.

С. Потоцкій. И. Н. Инзовъ. Бендеры, 1904 г. Г. Потоцкій собралъ всѣ печатныя данныя о добромъ геніи Пушкина въ кишиневскій періодъ его жизни, выученикѣ нашихъ „мартинистовъ", сумѣвшемъ пронести до сѣдыхъ волосъ неизмѣннымъ благородный идеализмъ своей молодости. Особенно подробно останавливается онъ на его дѣятельности на пользу колонистовъ южной Россіи, о которой до сихъ поръ тамъ сохранилась добрая память. Въ 1894 г., по мысли бессарабскихъ болгаръ, возникла мысль поставить ему въ Болградѣ памятникъ. До сихъ поръ въ Кишиневѣ и Болградѣ лучшія улицы называются Инзовскими.

Это была цѣльная, необыкновенно гуманная и честная натура. „Доброта и правота были основаніемъ его характера, и въ службѣ онъ видѣлъ только исполненіе своего долга. Никогда онъ не искалъ ни отличій, ни почестей, ничего не требовалъ себѣ, все жертвовалъ другимъ; глубоко проникнутый чувствомъ благочестія, онъ не заботился даже о томъ, что говорятъ о немъ другіе, довольствуясь сознаніемъ чистоты своей совѣсти. Такими правилами онъ руководствовался въ теченіе 30 лѣтъ своей военной службы и почти 30 лѣтъ гражданской службы, безстрастно

несъ голову въ битвы, а потомъ заботился объ участи людей, пришедшихъ искать новаго отечества въ Россіи и видѣвшихъ въ немъ отеческую попечительность (стр. 74). Къ книгѣ приложена любопытная Инзовская „инструкція объ обязанностяхъ сельскихъ приказовъ, съ поясненіемъ порядка, какъ должны управляться и, наблюдая за поселянами своей деревни, чего отъ нихъ требовать; съ симъ вмѣстѣ изложены для жителей правила, какъ вести себя и чего придерживаться для достиженія благоустройства и покойной жизни". Къ сожалѣнію, духъ времени заставилъ Инзова признать тѣлесное наказаніе, хотя бы по отношенію къ провинившимся въ третій разъ.

Н. А. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Изданіе 2-е. М., 1904 г. Подзаголовокъ книги г. Рожкова гораздо точнѣе передаетъ ея содержаніе, чѣмъ первое заглавіе. Это—не монографія по какому-либо частному вопросу русской исторіи, а широко набросанная общая *программа обзора* всего русскаго историческаго процесса. Хотя авторъ и выдвигаетъ въ своемъ обзорѣ на первый планъ разсмотрѣніе эволюціи экономическихъ отношеній, приписывая ей основоположное, опредѣляющее значеніе въ историческомъ процессѣ, однако же онъ не выключаетъ изъ рамокъ своего изложенія и исторіи сословій, и исторіи политическаго строя. Разсужденія о взаимномъ отношеніи города и деревни въ разныя эпохи нашей исторіи, которыми заканчивается каждая глава, являются, такимъ образомъ, лишь эпизодической, частной подробностью рисуемой авторомъ широкой картины общаго хода нашей исторіи.

Книга г. Рожкова отличается всѣми достоинствами и всѣми недостатками *програмнаго* изложенія. Быстрый обзоръ крупнѣйшихъ явленій народной жизни на пространствѣ всей русской исторіи доставляетъ автору случай сразу охватить предметъ въ его цѣломъ и дать въ руки читателю легко прослѣживаемую руководящую нить, необходимую для последующаго оріентированія въ дробныхъ частностяхъ. Солидная ученость автора и наклонность его ума къ синтетическому мышленію какъ нельзя болѣе облегчаетъ ему выполненіе подобной задачи. Мы убѣждены, что его книга сослужитъ важную службу дѣлу популяризаціи научной русской исторіи и немало посодѣйствуетъ возбужденію самостоятельнаго интереса къ этому предмету въ широкихъ кругахъ читателей.

Однако, чѣмъ опредѣленнѣе выступаютъ передъ нами достоинства разбираемой книги, тѣмъ яснѣе обозначаются и ея недостатки, въ значительной мѣрѣ вытекающіе изъ усвоеннаго авторомъ програмнаго характера изложенія. Г. Рожковъ сильно злоупотребляетъ схематизаціей историческаго матеріала. Нехорошо, когда мысль автора не господствуетъ надъ матеріаломъ и историческое изложеніе превращается въ калейдоскопъ отрывочныхъ фактовъ. Но нельзя привѣтствовать и противоположную крайность, когда увлеченіе схематизаціей стираетъ съ явленій жизненныя краски и затемняетъ историческую перспективу изображаемыхъ процессовъ. Г. Рожковъ, на нашъ взглядъ, не избѣжалъ нѣкоторыхъ увлеченій въ этомъ послѣднемъ направленіи. Его схема русскаго историческаго процесса слишкомъ послѣдовательна и симметрична, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать всегда прихотливо-зигзагообразной исторической дѣйствительности; чрезмѣрно широкія рамки этой схемы не зацѣпляютъ очень многихъ существенныхъ чертъ и оттѣнковъ исторической эволюціи. Стремленіе вытянуть всю русскую исторію въ единый стройный процессъ и провести во всѣхъ деталяхъ строгую зависимость всѣхъ жизненныхъ явленій отъ хозяйственной эволюціи заставляетъ автора значитель-

но упрощать характеристику тѣхъ періодовъ, на которые онъ дѣлитъ исторію Россіи. На одной изъ заключительныхъ страницъ своей книги г. Рожковъ самъ счелъ нужнымъ оговориться относительно того, что каждый изъ этихъ періодовъ „не представляетъ собою чего-либо разъ навсегда даннаго, на всемъ протяженіи равнаго себѣ, постояннаго и неизмѣннаго, а является длительнымъ процессомъ, далеко не однороднымъ въ началѣ и въ концѣ, такъ что внутри каждаго періода можно отличить особые моменты или стадіи". Дѣло значительно выиграло бы, если бы авторъ посчитался съ этой справедливой мыслью не только въ заключительномъ резюме, но и на всемъ пространствѣ своего изложенія. Тогда историческіе факты не уложились бы такъ послушно въ рамки заранѣе предрѣшенныхъ силлогизмовъ и изображеніе историческаго процесса вышло бы разностороннѣе и жизненнѣе.

Увлеченіемъ схематизаціей объясняемъ мы, напр., стремленіе автора окрасить въ одинъ цвѣтъ весь кіевскій періодъ нашей исторіи, растянувшійся на три вѣка слишкомъ и къ концу XII ст. уже довольно далеко ушедшій отъ той начальной первобытной экономической и общественной организаціи, которую авторъ считаетъ типичной для всего періода. Результатомъ такого же увлеченія считаемъ мы стремленіе автора затушевать ту глубокую перемѣну въ соціальномъ положеніи дворянства, которая такъ характерна для XVIII в. нашей исторіи. Авторъ разсуждаетъ: XVIII в. былъ эпохой первой стадіи денежнаго хозяйства; первой стадіи денежнаго хозяйства всегда соотвѣтствуетъ крѣпостной характеръ всего общественнаго устройства, слѣдовательно, всѣ общественные классы сверху до низу должны были остаться въ Екатерининской Россіи столь же закрѣпощенными, какъ и при Петрѣ. И вотъ, чтобы доказать это, г. Рожковъ зачеркиваетъ, какъ мелкую и второстепенную подробность, процессъ образованія дворянскихъ привилегій въ XVIII ст., прикрываясь остроумной, но далеко не претендовавшей на такой обобщающій смыслъ фразой Лохвицкаго о томъ, что законодательство Екатерины II только перечислило дворянство по обязательной службѣ изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но вѣдь кому же не извѣстно, что это „формальное" перечисленіе дворянства изъ одного вѣдомства въ другое явилось симптомомъ глубокой соціальной трансформаціи, которая была пережита названнымъ сословіемъ въ теченіе XVIII ст.? Такъ, цѣлыя звенья историческаго процесса приносятся въ жертву отвлеченной схемѣ. Изъ того же источника, думается намъ, вытекли и нѣкоторыя недоразумѣнія, встрѣчающіяся у г. Рожкова при истолкованіи отдѣльныхъ явленій. Такъ, наприм., не отличается ясностью изложеніе судьбы древнерусскаго вѣча. На стр. 17 политическое преобладаніе вѣча въ кіевской Руси объясняется преобладаніемъ села надъ городомъ, экономическою зависимостью дружины и городского купечества отъ смердовъ, наполнявшихъ вѣчевыя собранія. А на страницахъ 34—35 вымираніе вѣча въ удѣльной Руси объясняется преобладаніемъ деревенскаго склада жизни въ силу того, что „деревенскому жителю трудно посѣщать городское вѣче". Выходитъ такъ, что и расцвѣтъ, и вымираніе вѣча одинаково обусловливались одной и той же причиной — преобладаніемъ деревни надъ городомъ въ обиходѣ древнѣйшей русской общественности. На стр. 54 г. Рожковъ утверждаетъ, что успѣхи денежнаго хозяйства всегда сплачиваютъ общество въ органически-связное цѣлое и выдвигаютъ на первый планъ идею общаго блага, какъ основу общественнаго союза. Однимъ изъ подтвержденій этого положенія г. Рожковъ считаетъ замѣну при Иванѣ Грозномъ кормленщиковъ выборны-ми

земскимъ самоуправленіемъ, которую онъ и выводитъ изъ успѣховъ денежнаго хозяйства. Но гдѣ доказательства того, что земское самоуправленіе XVI вѣка сплачивало общество въ единый, органически-связный союзъ на основѣ сознанія общаго блага? Развѣ это самоуправленіе было всесословнымъ? Развѣ XVI в. не былъ, наоборотъ, періодомъ разобщенія сословныхъ группъ? И развѣ органы этого самоуправленія были призваны служить отвлеченной идеѣ общаго блага, а не реальнымъ интересамъ фиска?

Не будемъ продолжать нашихъ замѣчаній на отдѣльныя мѣста книги г. Рожкова и въ заключеніе повторимъ еще разъ, что, несмотря на отмѣченные недостатки, эта книга составляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе для нашей научно-популярной литературы.

С. Лозинскій. Исторія второй французской республики. Изд. В. П. Раппъ и В. И. Потапова. Кіевъ, 1904 г. Исторію собственно второй республики г. Лозинскій начинаетъ только съ третьей главы своей книги: первыя двѣ главы даютъ краткую, но вполнѣ достаточную для общей оріентировки характеристику второй реставраціи и іюльской монархіи; остальныя главы посвящены собственно второй республикѣ, причемъ авторъ доводитъ изложеніе событій до декабрьскаго переворота 1851 г. Короткая, но богатая событіями и полная глубокаго драматизма исторія февральской республики написана живо и талантливо. Авторъ съ большимъ умѣньемъ пользуется журнальной литературой того времени и протоколами парламентскихъ засѣданій, предпочитая по большей части хорошо подобранныя выдержки изъ подлинниковъ собственному ихъ пересказу. Вниманіе г. Лозинскаго сосредоточено на событіяхъ внутренней исторіи; факты внѣшней исторіи онъ привлекаетъ лишь постольку, поскольку на нихъ отразились колебанія внутренней политики (наприм., экспедиція ген. Удино въ Италію). Г. Лозинскій далъ хорошія характеристики главныхъ политическихъ партій и въ общемъ вѣрную оцѣнку дѣятельности выдающихся государственныхъ людей революціи и республики; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удѣлилъ много вниманія и классовымъ отношеніямъ французскаго общества и хорошо отмѣтилъ соціальный характеръ февральскаго переворота. Въ центрѣ его вниманія стоитъ тотъ конфликтъ между соціальными и политическими реформаторами, которому въ концѣ-концовъ суждено было погубить вторую республику. Весь трагизмъ февральскаго переворота заключался въ томъ, что большинство вождей революціи почти съ перваго же дня новой республики разошлись съ той массой парижскаго пролетаріата, съ помощью котораго они низвергли Луи-Филиппа. Тѣ, которые попали въ члены временнаго правительства, хотѣли ограничить революцію однѣми политическими реформами, главнымъ образомъ реформой выборовъ (кромѣ Луи Блана и Альбера), а парижскій пролетаріатъ стремился къ переустройству самого общества, которое сдѣлало бы невозможнымъ „эксплоатацію человѣка человѣкомъ“; и когда временное правительство рѣшительно высказалось противъ соціальныхъ требованій рабочихъ, послѣдніе не нашли другого исхода, кромѣ обращенія къ оружію. Произошло ужасное іюньское возстаніе, подавленіе котораго открыло дорогу реакціи. Оттого, когда республикѣ пришлось бороться съ наполеоновскимъ цезаризмомъ, демократическіе элементы общества отказались ее поддерживать. У демократіи не было теперь знамени, во имя котораго она могла бы подняться противъ Наполеона, она утратила его за три года республики: политическій идеалъ—всеобщее избирательное право—былъ достигнутъ, и надвигавшаяся имперія не покушалась на него, а въ возможности соціальной

реформы демократія разочаровалась. Ничто не стояло на пути Луи-Наполеона къ трону.

Но если г. Лозинскій правъ, приписывая неудачу соціальной реформы неудачѣ самой республикѣ, то едва ли справедливо онъ обвиняетъ въ измѣнѣ соціальной республикѣ главнымъ образомъ умѣренныхъ республиканцевъ, которые (по словамъ г. Лозинскаго) привлекли къ себѣ при Луи-Филиппѣ „всѣ недовольные элементы іюльской монархіи", придавъ „ярко выраженный соціальный характеръ" своему „политическому идеалу" (стр. 346) и отреклись при республикѣ отъ того, „во имя чего они звали народъ на борьбу съ монархіей" (стр. 348). Умѣренные республиканцы ничему не измѣняли, потому что ихъ дѣятельность и при Луи-Филиппѣ не носила соціальнаго характера. Одни изъ нихъ (какъ редакторъ *National*'я Арманъ Каррель) не хотѣли и слышать ни о какихъ соціальныхъ реформахъ. Извѣстенъ ужасъ, который возбуждали въ Ар. Каррелѣ соціально-экономическія мѣры конвента. Другіе (какъ Мари, позднѣе членъ временнаго правительства) не шли дальше неопредѣленныхъ фразъ о необходимости „улучшить положеніе рабочихъ",—фразъ, которымъ едва ли можно приписать „ярко выраженный соціальный характеръ". Что касается до самихъ февральскихъ дней революціи, то и тогда лозунгомъ умѣренныхъ республиканцевъ была реформа выборовъ, а не соціальныя требованія. Въ отступничествѣ скорѣе можно обвинить демократовъ, вождь которыхъ (Ледрю-Ролленъ) во всякомъ случаѣ болѣе рѣшительно, чѣмъ умѣренные республиканцы, говорилъ на банкетахъ о „республикѣ, завершенной соціальными учрежденіями", а 16 апрѣля 1848 года первый велѣлъ пробить сборъ противъ представившихъ соціалистическую петицію рабочихъ. Столь противоположные направленію историки, какъ Токвиль и Марксъ, возлагаютъ вину за неуспѣхъ соціальной республики именно на монтаньяровъ (т.-е. демократовъ), отказавшихся поддержать пролетаріатъ, какъ этого можно было отъ нихъ ожидать, судя по ихъ прежнему поведенію.

Проф. Д. И. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ И. Тургенева. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1904 г. Образцовый трудъ проф. Куликовскаго печатался на страницахъ *Сѣвернаго Вѣстника*, затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, а теперь появляется въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ видѣ. Во второмъ изданіи, кромѣ мелкихъ, частичныхъ поправокъ въ текстѣ, прибавлены особое введеніе и два приложенія — выдержки изъ критической литературы о Тургеневѣ и этюдъ о связи моральнаго и религіознаго элементовъ въ душѣ человѣка, о религіозномъ чувствѣ, какъ высшей степени „соціальной тяги".

Введеніе (въ сокращенномъ видѣ прочтенное у насъ въ Москвѣ на тургеневскомъ засѣданіи общества любителей россійской словесности) говоритъ о связи западничества Тургенева съ его пессимизмомъ и „отрицательнымъ національнымъ". И то и другое возникло на почвѣ вѣкового *наслѣдственнаго* отчужденія отъ русской жизни нашихъ дворянъ, которое у Тургенева сказалось въ смягченной формѣ.

Это—устойчивая черта нашей дворянской психологіи, иллюстрируемая громаднымъ количествомъ литературныхъ типовъ и историческихъ свидѣтельствъ.

Сближенія и соображенія почтеннаго автора очень свѣжи и интересны и проливаютъ новый свѣтъ на психологію великаго писателя.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Изд. 2-е А. Е. Бѣляева. Спб., 1904 г. Интересъ къ знаменитому раскольни-

телю, лютому врагу никоніанъ—„тѣлелюбцевъ, плотолюбоевъ, толстыхъ тѣлищъ“, очень поднялся за послѣднее время. Посвященная ему диссертація г. Бороздина выдержала два изданія. Прекрасныя характеристики гг. Мякотина и Кизеветтера, книга г. Смирнова были очень сочувственно встрѣчены печатью и читающею публикою.

Натура необыкновенно цѣльная въ своемъ изувѣрномъ фанатизмѣ, боевая и страстная, Аввакумъ оставилъ любопытнѣйшую автобіографію, проникнутую паѳосомъ идейнаго мученичества, написанную очень оригинальнымъ, сжатымъ языкомъ, съ чертами несравненнаго народнаго юмора, ярко контрастирующими съ трагичностью основного тона. Она читается съ неослабѣвающимъ, захватывающимъ интересомъ до конца.

Старое изданіе (Кожанчикова) давно уже вышло изъ продажи и сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Новое является какъ нельзя кстати. Напечатано оно хорошо и стоитъ (при 27 большихъ страницахъ) всего 15 коп.

Баронъ М. Ф. Таубе. Всеславянское значеніе „Руслана и Людмилы“. Св. Петроградъ, 1904 г. При своей нѣмецкой фамиліи баронъ Таубе большой „патріотъ своего (русскаго) отечества“ и посвящаетъ свой „всесторонній“ трудъ „русскому собранію“.

Поэма „Русланъ и Людмила“, по справкамъ имѣющаго свою фантазію барона, оказалась аллегоріей и пророчествомъ. Она указываетъ „на славную судьбу всеславянства, судьбу союза любви и брачныхъ узъ Руси—Востока съ красавицей—душой славянской Запада“. Борьба—„*духовно-нравственная*—благодатнаго вѣщаго Финна съ дивной на видъ вѣдьмой Наиной“ есть борьба „мудрости и миролюбія Востока съ обольщеніемъ и лукавствомъ Запада“, *культурно-историческая*—Великана съ Черноморомъ—„свѣтской власти римскаго католичества—западной церкви съ свѣтскою властью королей западной Европы (непогрѣшимаго самоавторитета съ свободной личностью), *просвѣтительно-освободительная*—Руслана съ живою отрубленною головою Великана и съ длиннобородымъ Карлой-Черноморомъ—восточнаго просвѣщенія съ просвѣщеніемъ и культурой Запада, *политико-завоевательная*—Руслана съ тремя его соперниками: Рогдаемъ, Ратмиромъ и Фарлафомъ (Руси съ монголами, турками, шведами, нѣмцами и т. д.). Черноморъ—„могучій самолюбивый культуртрегеръ“. Мечъ-кладенецъ—самодержавіе. Имя Черномора указываетъ на „темныя глубины морскія, какъ на область дѣйствій и интересовъ колоніальной политики маленькихъ островковъ Великой Британіи. Маленькій, бритый и горбатый карликъ съ „*безконечными усами и богатѣйшей бородой*“ можетъ служить ея нагляднымъ подобіемъ. Сама борода—намекъ на сѣть колоній англо-саксовъ, связанныхъ съ метрополіей длинными рейсами торговаго флота, опутавшими всю землю точно безконечными невидимыми сѣдинами бороды. „Отрубить же бороду не значитъ ли на самомъ дѣлѣ освободить колоніи отъ гнета метрополіи (Южная Африка) и возвратить самостоятельность странамъ, похищеннымъ и разграбленнымъ цивилизованными мореплавателями (Индія)?“

„О борьбѣ мудраго Финна съ искусительницей и лукавой Наиной много распространяться не приходится. Борьба открыто правдивой чудодѣйственной мудрости Востока съ таинственной лживой цивилизацiей Запада сама собою понятна. А какъ замѣчательно вѣрно указаніе поэта на увлеченіе молодого восточнаго просвѣщенія обольстительной внѣшней красотой западно-европейской цивилизаціи! Все было испробовано Финномъ, чтобы привлечь ее къ себѣ, но когда цѣною вѣкового труда и но[illegible]говъ онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли, то Наина — цивилизація

оказалась лживой, злой, мстительной, коварной колдуньей. Издали блистая жемчужиною дивной красоты, она вблизи обернулась дряхлой и горбатой старухой, съ трясущейся головой. Такъ часто накидываешься на жемчугъ культуры и хватаешь одну только падаль цивилизаціи. Вообще, для Востока европеизмъ есть ложно·ослѣпительное сліяніе призрачнаго, мишурнаго блеска, якобы утонченной цивилизаціи". Не веселый ли человѣкъ г. баронъ со своею „падалью цивилизаціи"? Но нѣтъ ли тутъ „чего-нибудь систематическаго"?...

Писцовыя книги Рязанскаго края. Т. I. Вып. 3. Издано рязанской уѣздной архивной коммиссіей подъ редакціей члена коммиссіи В. Н. Сторожева. Рязань, 1904 г. Первостепенное значеніе писцовыхъ книгъ въ ряду источниковъ древней русской исторіи давно уже прочно установлено въ спеціальной литературѣ. Можно было бы ожидать, что научное изданіе этихъ книгъ составитъ предметъ серьезной заботливости архивистовъ, но въ дѣйствительности никакой планомѣрной работы въ этой области давно уже не предпринималось послѣ извѣстныхъ изданій русскаго географическаго общества и археографической коммиссіи. Въ большую заслугу рязанской архивной коммиссіи передъ русской исторической наукой слѣдуетъ поставить выполняемое ею крупное предпріятіе по изданію писцоваго матеріала, касающагося Рязанскаго края. Осуществленіе этого предпріятія попало въ умѣлыя руки. Планъ изданія былъ составленъ еще въ 1896 г. П. Н. Милюковымъ, а редактированіе изданія ведется съ тѣхъ поръ извѣстнымъ археографомъ В. Н. Сторожевымъ. Имя редактора представляетъ полное ручательство за научное достоинство руководимаго имъ изданія, а любопытныя редакторскія примѣчанія къ тексту издаваемыхъ книгъ вносятъ немало существенныхъ и занимательныхъ дополненій и поясненій къ печатнымъ описямъ этихъ книгъ архива министерства юстиціи.

Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. Изданъ подъ редакціею М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1904 г. Ц. 3 р. Въ концѣ 1903 г. исполнилось 35 лѣтъ ученo-литературной дѣятельности профессора Владимірскаго-Буданова. Желая почтить этотъ юбилей, ученики и почитатели профессора избрали для чествованія уважаемаго ученаго заимствованный съ запада способъ, въ послѣднее время все чаще практикуемый и у насъ въ Россіи: составленіе сборника статей, посвященныхъ той именно отрасли науки, на которой сосредоточиваются научные интересы самого юбиляра. Прекрасную мысль удалось выполнить весьма успѣшно. Появленіе сборника запоздало и къ юбилею не поспѣло, зато задуманная книга вышла въ концѣ концовъ вполнѣ достойной своего назначенія. Всѣ статьи, подписанныя большею частью извѣстными, а иногда и очень крупными именами, представляютъ серьезный научный интересъ и такимъ образомъ значеніе разбираемаго сборника выходитъ за предѣлы той частной цѣли, ради которой онъ былъ предпринятъ. Изъ числа 21-й статьи, вошедшихъ въ составъ сборника, 10 посвящены вопросамъ по исторіи права западно-европейскихъ народовъ; здѣсь назовемъ статьи М. М. Ковалевскаго о юридическомъ бытѣ генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ въ XV в., П. Г. Виноградова—о родовомъ строѣ уэльскихъ кельтовъ, кн. Е. Н. Трубецкого—о политическихъ идеалахъ эпохи Возрожденія, г. Покровскаго—о частной защитѣ общественныхъ интересовъ въ древнемъ Римѣ, А. Н. Филиппова—о процессѣ виндикаціи движимостей по варварскимъ правдамъ и друг. 11 статей затрогиваютъ темы по исторіи русскаго права. Здѣсь въ особенности заслуживаютъ быть от-

мѣченными статьи: М. А. Дьяконова—„Заповѣдныя лѣта и старина",— нѣсколько интересныхъ наблюденій и соображеній относительно начальныхъ моментовъ закрѣпощенія русскаго крестьянства; Ѳ. В. Тарановскаго—„Политическая доктрина въ наказѣ имп. Екатерины II",—весьма детальный и остроумный анализъ тѣхъ самостоятельныхъ отклоненій отъ идей первоисточника, которыя допускала Екатерина при развитіи положеній, почерпнутыхъ ею изъ „Духа законовъ". Эти отклоненія, тщательно вскрываемыя авторомъ названной статьи, на первый взглядъ мелкія и малоуловимыя, оказываются весьма характерными для политическихъ тенденцій Екатерины; М. Н. Ясинскаго—„Закупы русской правды и памятниковъ западно-русскаго права",—интересная аналогія между постановленіями русской правды о закупахъ и многочисленными свидѣтельствами западно-русскихъ памятниковъ объ отношеніяхъ закупничества. Эта аналогія приводитъ къ опроверженію теоріи проф. Сергѣевича, усматривающаго въ закупничествѣ договоръ личнаго найма, а не договоръ займа, соединенный съ личнымъ закладомъ, какъ справедливо утверждали другіе изслѣдователи. Мы назвали статьи, болѣе крупныя по значенію затронутыхъ вопросовъ, но и весь вообще сборникъ представляетъ большой интересъ для спеціалистовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО.

Н. Растеряевъ. Государственное хозяйство. — Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ ред. проф. *А. А. Мануилова.* Вып. 1.

Н. Растеряевъ (оставленный по финансовому праву при каѳедрѣ финансоваго права въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію). Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки. Спб., 1904 г. Какъ самъ авторъ заявляетъ, его книга является изложеніемъ извлеченій въ переводѣ изъ трудовъ извѣстныхъ иностранныхъ авторовъ по финансовому праву (проф. Вагнера, Зомбарта, Конрада), а нѣкоторые вопросы о подоходномъ налогѣ, о налогѣ на капиталъ, кредитѣ, займахъ—разобраны по нѣмецкимъ и французскимъ источникамъ.

Мы беремся за перо, касаясь этой книги, только чтобы предупредить противъ нея; очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ крайней небрежностью. Незнаніе языка у автора такъ велико, что мы на стран. 294 читаемъ слѣдующее: „Закономъ 25 мая 1875 г. были повышены налоги на пиры и битвы". Рѣчь идетъ о Пруссіи. Что это за налоги на пиры и битвы? Это налогъ на помолъ хлѣба и убой скота (Mehl und Schlachtsteuer). Авторъ же перевелъ „налогъ на пиры и битвы". Затѣмъ налоги эти были не повышены, а уничтожены, по-нѣмецки aufgehoben. Авторъ обнаруживаетъ и незнаніе языка, и полную безграмотность, и непониманіе того, о чемъ пишетъ, наприм., стоитъ взять нѣсколько выдержекъ: „такъ какъ и внѣ финансоваго періода можетъ произойти у кассы дефицитъ или переполненіе кассы, то требуется найти и противъ этого надлежащія мѣры. Матеріальныя средства служатъ цѣлесообразнымъ денежнымъ управленіемъ". Кто пойметъ эту фразу? „Въ наше время въ техническомъ отношеніи было бы самое раціональное прибѣгнуть (хотя и не безъ соціально-политическаго раздумья) къ соединенію государства (или большихъ общинъ) съ банками. Можно также принять соотвѣтственныя мѣры, уполномочивъ финансовое управленіе открыть новые источники доходовъ (посредствомъ соединенія съ банками или принять на себя вину ad hoc и въ слѣду-

ющемъ финансовомъ періодѣ освободиться отъ нея" (стр. 524). Какая это такая вина? авторъ не поясняетъ).

Вотъ что авторъ говоритъ о подоходномъ налогѣ „разобранномъ имъ по нѣмецкимъ и французскимъ источникамъ. „Сравнимъ въ такомъ случаѣ налогъ на доходъ и налогъ на доходы, насколько послѣдніе не жестоки (sic!); имѣя въ виду одни предметы, а не личные достатки плательщиковъ, онъ удовлетворяетъ и правиламъ справедливости и фиска" (стр. 304). А далѣе: „Современныя системы налога суть соразмѣрны доходамъ разныхъ родовъ богатства, соціалисты это допускаютъ, но утверждаютъ, что они (кто они?) индивадуально не пропорціональны". Авторъ утвержадетъ, что при установленіи налога на капиталъ или какъ онъ выражается „при дальнѣйшихъ манипуляціяхъ налогъ съ бумагъ поднялъ бы продажную цѣну, въ которую его включили бы. Не говоря уже о томъ, что это было бы двойнымъ обременѣніемъ, ибо самъ плательщикъ имѣя эти ренты, и купоны, захочетъ ихъ мѣнять, чтобы заплатить за квартиру и за другіе наймы" (стр. 305). Далѣе: „Особенно сильно обложена торговля и промышленность налогомъ съ дохода, подъ разными иными наименованіями: свидѣтельствъ, за наемъ, промысловой, съ прибыли, съ оборота и такъ дал.; большіе налоги не подъ силу торгующимъ, повышаютъ цѣны товаровъ больше, чѣмъ въ 10 разъ и не даютъ доходу вовсе" (стр. 305). Вотъ такой-то чепухой наполнена вся книга. Наприм., возьмите налогъ на капиталъ: „его положеніе непосредственно" (стр. 811). Стоитъ посмотрѣть стр. 515, 516, 523 и т. дал.

Конечно, ошибки и промахи неизбѣжны въ каждой книгѣ, но книга состоящая исключительно изъ ошибокъ и фразъ безъ смысла, намъ непонятна. Намъ непонятно, какъ такое лицо можетъ числиться въ числѣ оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, лицо, очевидно, не умѣющее грамотно писать и непонимающее того, о чемъ пишетъ: намъ кажется, что изданіемъ этой книги долженъ быть затронутъ юридическій факультетъ Петербургскаго университета, и было бы желательно получить разъясненіе, дѣйствительно ли авторъ этой книги числится оставленнымъ при университетѣ или числился, и какъ могло это случиться при тѣхъ качествахъ, какими обладаетъ это лицо.

Приведемъ еще цитату: „Кромѣ того, онъ (т.-е. подоходный налогъ) лучше, чѣмъ всякій другой налогъ, можетъ слѣдовать за измѣненіями дохода и обезпечиваетъ меньшія стоимости, издержки при повышеніи, нежели разрозненное обложеніе спеціально подоходнаго налога. Также и вопросъ о прогрессѣ можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ" (стр. 295—296). Очевидно, авторъ не знаетъ, что слово Erhebung значитъ не повышеніе, а взиманіе, и получается безсмыслица. Что такое прогрессъ? Очевидно, имѣется въ виду прогрессія.

Въ интересахъ университетской науки такую книгу авторъ долженъ былъ бы изъять изъ обращенія, если онъ дѣйствительно оставленъ при Петербургскомъ университетѣ.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ редакціей проф. Московскаго университета А. А. Мануилова. Вып. 1-й. Изд. Д. С. Горшкова. М., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Судя по краткому предисловію, предполагается нѣсколько выпусковъ статей по крестьянскому вопросу подъ общей редакціей популярнаго московскаго профессора А. А. Мануилова. Для второго выпуска уже намѣчена интересная тема: о крестьянскомъ банкѣ (В. Ю. Скалона), объ арендѣ (Л. Н. Брейера, А. А. Мануилова и В. Н. Хвостова) и о сберегательныхъ кассахъ (М. Я. Герценштейна). Въ настоящій же первый выпускъ „Оч-

ковъ" вошли изслѣдованія трехъ авторовъ Вл. Розенберга, проф. В. Хвостова и проф. А. А. Мануилова. Бо̀льшую часть книги занимаетъ рядъ статей „Изъ хроники крестьянскаго дѣла" г. Вл. Розенберга. Авторомъ затронуты, кажется, всѣ наиболѣе острыя „нужды деревни" и вѣчно злободневные „вопросы", не допускающіе въ большинствѣ случаевъ двухъ мнѣній. Таковы вопросы о недостаточномъ надѣлѣ, какъ основѣ крестьянскаго неблагосостоянія, объ административной опекѣ—вообще и земскихъ начальникахъ въ частности, о продовольственномъ дѣлѣ и его удивительной судьбѣ и т. д. „Внимая ужасамъ войны" и предугадывая отсрочку рѣшенія крестьянскаго вопроса, авторъ указываетъ на неотложную необходимость, независимо отъ того или иного исхода борьбы на берегахъ Тихаго океана, „вернуться къ старымъ нерѣшеннымъ вопросамъ объ „оскудѣніи" деревни, объ удовлетвореніи ея матеріальныхъ „нуждъ" и ея страстныхъ исканій свѣта, законности и гражданской свободы, солнце которой стало восходить надъ русской землей 43 года назадъ, но заволоклось тучами и еще не успѣло согрѣть ее своими живительными лучами". Если затронутые г. Вл. Розенбергъ вопросы можно считать по большей части въ принципѣ рѣшенными передовой Россіей, то статьи гг. В. М. Хвостова и А. А. Мануилова, наоборотъ, посвящены одному изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ, давнишнему яблоку раздора—крестьянской поземельной общинѣ. Имена авторовъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, на чьей они сторонѣ въ старой борьбѣ „общинниковъ съ „подворниками". Въ общемъ книга очень интересна.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Проф. Ю. С. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Профессоръ Ю. С. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Спб., 1904 г. Ц. 20 к. Въ небольшой (56 стр.) брошюркѣ профессора Гамбарова сначала дается общее опредѣленіе понятія политической партіи, а за тѣмъ въ короткихъ словахъ описывается процессъ развитія политическихъ партій и указывается ихъ мѣсто въ системѣ парламентаризма и современное ихъ значеніе въ государственной жизни вообще. Въ такомъ сжатомъ изложеніи высказываемыя авторомъ мысли получаютъ по необходимости нѣсколько догматическій характеръ, хотя, впрочемъ, постоянно мотивируются и иллюстрируются конкретными фактами, взятыми изъ политической жизни разныхъ странъ, преимущественно Англіи, Франціи, Германіи и Америки. Опредѣленіе политической партіи, даваемое авторомъ, таково: „политическія партія суть свободныя общественныя группы, образующіяся внутри правового государства для совмѣстнаго политическаго дѣйствія на почвѣ общихъ всѣмъ объединеннымъ индивидамъ интересовъ и идей". Это опредѣленіе разсматривается за тѣмъ подробнѣе, причемъ указываются слѣдующіе характеристическіе признаки партіи: 1) Партія есть общественная группа, т.-е. *часть* народа или общества, всегда предполагающая существованіе другой или другихъ партій. Это однако нисколько не умаляетъ значенія партій въ жизни государства, такъ какъ въ современномъ государствѣ дѣятельнымъ факторомъ является вовсе не весь народъ, а лишь небольшая его часть. 2) Политическая партія есть *свободная* общественная группа, т.-е. ни вступленіе въ нее, ни дѣятельность въ ней, ни выходъ изъ нея не связаны никакими обязательными, юридическими

нормами. Этой чертой онѣ отличаются какъ отъ бывшихъ ранѣе юридически-регулированныхъ союзовъ, вродѣ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, кастъ, сословій и т. п., такъ и отъ дѣйствующихъ въ настоящее время союзовъ: товариществъ, синдикатовъ и т. п. 3) Политическія партіи образуются только *внутри правового государства*, значитъ онѣ не мыслимы безъ признанія въ государствѣ закона за основаніе всего порядка общественной жизни и безъ участія въ той или другой формѣ самого общества въ регулированіи этого порядка. Это положеніе намъ кажется не вполнѣ яснымъ, вслѣдствіе недостаточной опредѣленности понятія правового государства: если подъ этимъ названіемъ разумѣть конституціонное государство, то самъ авторъ приводитъ примѣры партій въ такихъ абсолютныхъ монархіяхъ, какъ древняя Византія; если же правовымъ государствомъ называть всякое государство, гдѣ существуетъ какой-нибудь законъ, то и во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ всегда признавались законы, хотя бы религіозные или обычно-правовые. И намъ думается, что политическія партіи возможны и въ государствахъ съ абсолютнымъ образомъ правленія. Можетъ быть, онѣ не будутъ тамъ признаваться государственной властью, будутъ считаться нелегальными и даже преслѣдоваться, но все же онѣ будутъ существовать и въ извѣстной мѣрѣ вліять на ходъ государственной жизни, какъ, наприм., младо-турецкая партія въ Турціи. 4) Совмѣстное политическое *дѣйствіе*. Политической партіей не можетъ признаваться группа, объединенная только общностью политическихъ убѣжденій, если послѣднія не переходятъ въ практическую дѣятельность. Совмѣстная же дѣятельность подразумѣваетъ *организаціи*. Мы бы дополнили эту мысль болѣе опредѣленнымъ выраженіемъ цѣли всякой политической партіи; цѣль эта есть пріобрѣтеніе государственной власти. Будучи частью, всякая политическая партія стремится получить въ свои руки распоряженіе цѣлымъ, чтобы направить его по пути, согласному съ интересами и убѣжденіями партіи. Этимъ по нашему мнѣнію политическая партія наиболѣе существенно и отличается отъ другихъ группъ и союзовъ, дѣйствующихъ преимущественно, такъ сказать, внутри себя. 5) Общность интересовъ и идей. Говоря о ней, авторъ останавливается особенно на преобладаніи въ задачахъ политическихъ партій новѣйшаго времени экономическихъ интересовъ; прежде партійныя программы опирались болѣе всего на ту или другую форму государственнаго строя, теперь политическіе вопросы въ программахъ почти отсутствуютъ, а борьба ведется на почвѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ на экономическія реформы. Какъ на наиболѣе рельефный примѣръ такого положенія вещей указывается на образованіе въ Германіи сильной соціалъ-демократической партіи, которая, несмотря на отсталость германскаго образа правленія сравнительно съ культурнымъ развитіемъ страны, ведетъ борьбу не за политическую свободу, а за экономическія реформы, заставляя правительство служить своимъ классовымъ интересамъ.

Далѣе, говоря о постепенномъ развитіи политическихъ партій, авторъ высказываетъ, что новѣйшія формы партій все болѣе и болѣе очищаются отъ смѣшенія съ религіозными, національными, сословными и т. п. элементами, стоящими независимо отъ цѣлей собственно государственнаго общенія. Принадлежа цѣликомъ государственной жизни, политическія партіи опредѣляются теперь исключительно политическимъ налогомъ, т.-е. стремленіемъ воздѣйствовать на государственную власть и обезпечить въ ней свое участіе. Такъ,—но въ интересахъ кого или чего? Глядя на то, что происходитъ теперь въ такомъ сравнительно правовомъ государствѣ, какъ Австрія, нельзя не видѣть, что тамъ борьба національностей ...

нимаетъ характеръ партійной борьбы въ видахъ доставленія той или другой національности не только равноправности, но политическаго преобладанія въ государствѣ. Изслѣдуя значеніе партій въ системѣ парламентаризма, авторъ обращаетъ особое вниманіе на тотъ фактъ, что въ парламентахъ въ настоящее время стоятъ другъ противъ друга не двѣ партіи, противоположныя другъ другу, вродѣ консерваторовъ и либераловъ, а двѣ коалиціи партій, имѣющихъ каждая свою собственную программу. Старинныя же, традиціонныя двѣ партіи, представляющія собою одно правительственное большинство, а другая оппозицію, вродѣ тори и виговъ въ Англіи, или республиканцевъ и демократовъ въ Америкѣ въ настоящее время потеряли почти всякое различіе въ своемъ внутреннемъ содержаніи. Въ заключеніе, говоря о часто возбуждаемомъ вопросѣ: полезны или вредны политическія партіи, профессоръ Гамбаровъ признаетъ этотъ вопросъ празднымъ. Для научнаго изслѣдованія партіи представляютъ только фактъ, подлежащій изученію. Во всякомъ случаѣ утвержденіе, что истинно государственные люди должны стоять внѣ партій, не вѣрно. Ни одинъ государственный человѣкъ не можетъ избѣгнуть въ своей политической дѣятельности содѣйствія партій. Даже болѣе, стоять въ конституціонномъ государствѣ внѣ партій не было бы честью ни для государственныхъ людей, ни для простыхъ гражданъ, такъ какъ политическая свобода можетъ быть прочна только тамъ, гдѣ каждый гражданинъ имѣетъ право и считаетъ своею обязанностью контролировать дѣйствія стоящей во власти партіи.

Строго-логическая и содержательная книжка профессора Гамбарова несомнѣнно должна сослужить хорошую службу русскому обществу, содѣйствуя уясненію въ сознаніи широкаго круга читателей далеко еще не для всѣхъ ясныхъ понятій, находящихся въ непосредственной связи съ крайне важнымъ для каждаго члена общества вопросомъ о вѣрной постановкѣ и правильномъ ходѣ развитія нашей общественной и гражданской самодѣятельности.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

А. П. Лидовъ. Ввведеніе въ химическую технологію.—*Paul Heermann*. Колористическія и текстильно-химическія изслѣдованія.—*Ф. П. Тредуэллъ*. Качественный химическій анализъ.

А. П. Лидовъ. Введеніе въ химическую технологію. Съ 34 рисунками. Изд. Брейтигама въ Харьковѣ. 1903 г. Проф. А. П. Лидовъ подраздѣляетъ свое введеніе на три отдѣла: въ первомъ разсматриваются „задачи химической технологіи, какъ отдѣльной отрасли знанія“; во второмъ—различные виды энергіи или, по терминологіи автора, „основныя работающія причины“: свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ, жизнедѣятельность и природныя формы кинетической энергіи; въ третьемъ, наконецъ, основные матеріалы: вода, воздухъ и топливо.

Книга содержитъ много, частью весьма свѣжихъ, свѣдѣній и читается вообще съ интересомъ. Однако, имѣются и неудачныя выраженія, которыя легко могутъ подать поводъ къ недоумѣнію. Странно, наприм., читать въ книгѣ, написанной химикомъ, слѣдующую фразу (стр. 35): „всѣ химическія реакціи или экзотермичны, или эндотермичны, и химическое сродство, *прежде считавшееся за особый видъ энергіи, въ настоящее время не признается за таковое* и разматривается какъ равнодѣйствующая всѣхъ тѣхъ вліяній: теплоты, свѣта, электричества и т. п., кото-

рыя обусловливаютъ или разложеніе, или соединеніе тѣлъ". Такимъ образомъ проф. Лидовъ не признаетъ особаго вида химической энергіи, но въ то же время находитъ (стр. 34), что „всякая каменноугольная залежь представляетъ значительный запасъ потенціальной энергіи". Какая же, спрашивается, это энергія? Для разрѣшенія этого вопроса нѣтъ нужды обращаться къ новѣйшимъ трактатамъ по химіи (напр., Оствальда), гдѣ ученію о химической энергіи посвящены цѣлыя главы, а достаточно раскрыть классическія „Основы химіи" Менделѣева. Во введеніи читаемъ тамъ слѣдующее: „въ тѣлахъ (а въ частности въ простыхъ типахъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ другія) неизбѣжно признать запасъ *химической энергіи*... Если при реакціи выдѣляется теплота, значитъ часть химической энергіи можетъ переходить въ теплотную, если при реакціи поглощается теплота, то она можетъ частью переходить въ химическую энергію... При соединеніяхъ, разложеніяхъ и всякихъ химическихъ процессахъ происходитъ измѣненіе въ *запасѣ химической энергіи*, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ выдѣленіе и поглощеніе теплоты". Невниманіе къ химической энергіи приводитъ проф. Лидова къ неточности рѣчи: на стр. 69 читаемъ, наприм.: „горючій газъ, если только онъ выдѣляется въ значительныхъ количествахъ, легко можетъ быть превращенъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже и превращается, въ теплоту, свѣтъ, электричество и механическую энергію, совершенно подобно обыкновенному твердому горючему". На самомъ дѣлѣ горючій газъ превращается при горѣніи только въ два вещества: углекислоту и воду, которыя и переходятъ въ атмосферу, а вотъ *запасъ химической энергіи* горючаго газа дѣйствительно можетъ быть превращенъ въ различные другіе виды энергіи.

Встрѣчаются и другіе недосмотры. На стр. 17, наприм., такая фраза: „подобно организованнымъ клѣткамъ хлорофиллъ увеличивается въ числѣ дѣленіемъ". На стр. 18 все примѣчаніе не ясно. На стр. 21 такая фраза: „... затѣмъ уже и выкрашиваніе въ какомъ-нибудь ализариновомъ пигментѣ. Всего чаще употребляется резорциновая зелень". Выходитъ, какъ будто резорциновая зелень—ализариновая краска, тогда какъ она относится къ группѣ нитрозокрасокъ. На стр. 22, гдѣ идетъ рѣчь о выцвѣтаніи красокъ, читаемъ: „Бѣлый свѣтъ по отношенію красокъ наиболѣе дѣятеленъ, за нимъ по порядку слѣдуютъ: желтый, синій, оранжевый, фіолетовый и красный". На самомъ дѣлѣ дѣйствіе лучей или другого цвѣта связано съ поглощаемостью ихъ данной краской, почему невозможно установить одну и ту же градацію въ дѣйствіи цвѣтныхъ лучей на краски вообще; для одной краски вышеприведенный рядъ можетъ быть справедливъ, для другой будетъ справедливъ обратный. Замѣчается также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (наприм., на стр. 53) недостатокъ критическаго отношенія автора къ цитируемымъ имъ опытамъ. Задачи технологіи авторъ опредѣляетъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „технологія вообще, а химическая въ частности имѣетъ цѣлью удешевить фабрикатъ, сдѣлать его общедоступнымъ, т.-е. сдѣлать по возможности незначительной разницу между сырьемъ и фабрикатомъ" (стр. 3). Съ этимъ, конечно, трудно согласиться. Технологія есть ученіе о производствѣ, а производства имѣютъ цѣлью превращеніе естественныхъ сырыхъ матеріаловъ въ товары, удешевленіе же фабриката является лишь слѣдствіемъ развитія производствъ и обусловливается, какъ извѣстно, возникающей конкуренціей.

Издана книга недурно, но рисунки не всѣ хороши, а нѣкоторые, какъ, наприм., 11, 25 и 26, совершенно излишни, такъ какъ ничего не поясняютъ.

Paul Heermann. Колористическія и текстильно-химическія изслѣдованія. Переводъ студентовъ Императорскаго техническаго училища К. В. Зеленова, А. М. Доброва и Е. Г. Луи съ предисловіемъ проф. П. П. Петрова. Изданіе И. Д. Сытина. М., 1905 г. Въ прошломъ году нѣсколько студентовъ-химиковъ Императорскаго техническаго училища перевели подъ редакціей преподавателя В. В. Шарвина „Химію красокъ" Георга фонъ-Георгіевича. Книга эта уже успѣла завоевать себѣ извѣстный кругъ читателей. Теперь другое общество техниковъ сдѣлало переводъ „Колористическихъ и текстильно-химическихъ изслѣдованій" Геермана. Обѣ эти книги служатъ дополненіемъ одна другой: руководство Георгіевича посвящено разсмотрѣнію красокъ преимущественно съ химической точки зрѣнія, книга Геермана занимается ихъ изслѣдованіемъ in substantia и въ видѣ выкрасокъ на волокнахъ. Она содержитъ описаніе различныхъ способовъ опредѣленія химической природы красокъ, ихъ пригодности для того или другого сорта волокна, ихъ красящей способности, ихъ прочности по отношенію къ атмосферическимъ вліяніямъ, къ свѣту, къ тренію, къ мытью, къ дѣйствію химическихъ реактивовъ и пр. Одна глава посвящена изслѣдованію природныхъ красильныхъ матеріаловъ. Всѣ подобнаго рода изслѣдованія постоянно приходится производить въ столь многочисленныхъ у насъ лабораторіяхъ при красильныхъ фабрикахъ, и можно поэтому надѣяться, что переводъ книги Геермана будетъ встрѣченъ съ сочувствіемъ. Онъ вполнѣ этого заслуживаетъ. Замѣтная мѣстами нѣкоторая шероховатость слога при подобнаго рода произведеніяхъ въ счетъ не идетъ, тѣмъ болѣе, что этотъ упрекъ съ полнымъ правомъ можетъ быть сдѣланъ и оригиналу.

Издана книга очень хорошо и стóитъ въ переплетѣ 3 руб.

Ф. П. Тредъуэллъ. Качественный химическій анализъ. Переводъ подъ редакціей Л. Ю. Явеина. Съ 14 рисунками и 1 спектральной табл. Спб., 1904 г. Ц. 3 р. 20 к. Еще до недавняго времени въ рукахъ начинающихъ студентовъ-аналитиковъ можно было видѣть только двѣ книги по аналитической химіи: руководства Меншуткина и Фрезеніуса. Оба эти прекрасныя, хотя и весьма несходныя между собою руководства долгіе годы справедливо считались образцовыми; однако, составлены они уже очень давно и, хотя при новыхъ изданіяхъ постоянно дополнялись и видоизмѣнялись, приспособиться къ новымъ воззрѣніямъ въ наукѣ имъ было трудно. Въ этомъ смыслѣ появленіе русскаго перевода „Качественнаго химическаго анализа" цюрихскаго профессора Treadwell'а идетъ навстрѣчу дѣйствительной потребности и можетъ считаться вполнѣ своевременнымъ. Авторъ съ самаго начала ставитъ теоретическія представленія новаго времени во главу угла: онъ начинаетъ свое изложеніе съ разбора реакцій окисленія и возстановленія, останавливается затѣмъ на законѣ „активныхъ массъ", который хотя и былъ формулированъ Гульдбергомъ и Вааге въ 1867 г., но о существованіи котораго долгое время забывали не только учебники анализа, но и трактаты по общей химіи; излагаетъ затѣмъ теорію электролитической диссоціаціи Арреніуса, столь облегчающую пониманіе большинства аналитическихъ реакцій, и въ свѣтѣ этой теоріи разсматриваетъ затѣмъ явленія гидролиза и примѣненіе индикаторовъ. Что касается практической части, то она вполнѣ стоитъ на высотѣ своей задачи: свѣдѣнія, даваемыя ею, достаточно полны, точны, свѣжи и строго систематичны. Переводъ съ нѣмецкаго, сдѣланный гг. Чефрановымъ и Спиндиковымъ подъ редакціей преподавателя С.-Петербургскаго технологическаго института Л. Ю. Явеина, очень хорошъ. Кое-что, можетъ

быть, придется исправить при послѣдующихъ изданіяхъ книги; укажемъ хотя бы на слѣдующее мѣсто, рѣшительно страдающее недостаткомъ ясности. На стр. 18, при разборѣ теоріи индикаторовъ, оба, примѣняемыя въ качествѣ таковыхъ, красящія вещества—метильоранжъ и фенолфталеинъ одинаково названы очень слабыми кислотами. Такимъ образомъ, является совершенно непонятнымъ неодинаковое отношеніе этихъ веществъ къ кислотамъ и щелочамъ; почему фенолфталеинъ чувствителенъ къ сильнымъ основаніямъ и всякимъ кислотамъ, тогда какъ метильоранжъ показываетъ ясно не всякія основанія, но лишь сильныя кислоты? Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ фенолфталеинъ дѣйствительно является веществомъ весьма слабокислаго характера, метильоранжъ представляетъ кислоту средней крѣпости. Этимъ различіемъ, на которое необходимо указать, обусловливается вся разница въ примѣненіи двухъ ходовыхъ индикаторовъ. Издана книга К. Л. Риккеромъ хорошо.

МЕДИЦИНА.

Изслѣдованіе чувствительности наиболѣе употребительныхъ въ санитарной практикѣ способовъ опредѣленія каменноугольныхъ красокъ. Диссертація на степень доктора медицины *К. Э. Добровольскаго.*

Изслѣдованіе чувствительности наиболѣе употребительныхъ въ санитарной практикѣ способовъ опредѣленія каменноугольныхъ красокъ. Диссертація на степень доктора медицины К. Э. Добровольскаго. Одесса, 1904 г. Методовъ для изслѣдованія органическихъ красокъ имѣется, главнымъ образомъ, два: методъ преимущественно химическій по такъ называемымъ „таблицамъ Витта-Вентертнера“ и методъ преимущественно физическій, съ помощью спектроскопа, разработанный въ послѣднее время Формашкомъ. Оба эти способа подробно описаны въ книгѣ Добровольскаго. Авторъ производилъ по нимъ и собственныя изслѣдованія, опредѣляя предѣлъ чувствительности путемъ уменьшенія концентраціи краски. Въ подкрѣпленіе своихъ результатовъ авторъ производилъ и выкраски на тканяхъ, подвергая затѣмъ полученные образцы дѣйствію различныхъ реактивовъ. Чего-либо оригинальнаго въ этихъ изслѣдованіяхъ не замѣчается. Съ химической литературой по краскамъ авторъ знакомъ хорошо и обильно цитируетъ ее въ своей книгѣ. Въ этомъ отношеніи диссертація автора даже перегружена, такъ какъ въ нее внесено слишкомъ много матеріала, не имѣющаго прямого отношенія къ предмету изслѣдованія,— недостатокъ, впрочемъ, общій большинству диссертацій и обусловливаемый модой на ихъ толщину.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

И. В. Шумковъ: 1) **Многосѣменная тыква. 2) Посадка арбузовъ.—*И. М. Лисовскій и И. В. Шумковъ.* Костеръ безостый.—*Ав. А. Калантаръ.* Общедоступное руководство по молочному хозяйству.—*И. Клингенъ.* Агрономическая помощь удѣльнымъ арендаторамъ.**

И. В. Шумковъ. Многосѣменная тыква. Ц. 30 к. Онъ же. Посадка арбузовъ. Ц. 50 к. И. М. Лисовскій и И. В. Шумковъ. Костеръ безостый. Ц. 20 к. Самара, 1904 г. Жаль, что высокая цѣна является почти запретительною пошлиною на эти три брошюры, въ которыхъ затрогиваются малоразработанные вопросы сельско-хозяйственной

техники, немаловажные для юго-восточной Россiи. Тыква заслуживаетъ вниманiя разносторонностью своего употребленiя: она является не только кормовымъ, но и масличнымъ растенiемъ; эта роль ея освѣщена въ русской литературѣ недавнею работою М. А. Егорова (исполненною въ лабораторiи проф. П. Я. Демьянова и напечатанною въ *Извѣстiяхъ Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института* 1904 г.). Арбузы разсматриваются авторомъ, между прочимъ, какъ матерiалъ для приготовленiя арбузнаго меда; въ этой техникѣ И. В. Шумковымъ предложены нѣкоторыя усовершенствованiя. Безостый костеръ очень важное кормовое растенiе для засушливыхъ мѣстностей. Можно думать, что его примѣненiе съ теченiемъ времени будетъ все болѣе и болѣе обращать на себя вниманiе хозяевъ и земскихъ агрономовъ.

Ав. А. Калантаръ. Общедоступное руководство по молочному хозяйству. 2-е изд. Спб., 1903 г. Ц. 50 к. Авторъ задался цѣлью составить небольшое руководство на основанiи данныхъ русской практики. Изложенiе нѣсколько черезчуръ догматично, но можетъ быть названо совершенно общедоступнымъ. Въ текстѣ 85 рисунковъ. И практическое хозяйство (особенно мелкое), и школа должны оцѣнить полезную книжку автора, одного изъ лучшихъ русскихъ знатоковъ молочно-хозяйственной техники.

И. Клингенъ. Агрономическая помощь удѣльнымъ арендаторамъ. Спб., 1904 г. Въ этой брошюрѣ широкими штрихами набросанъ планъ мѣропрiятiй удѣльнаго вѣдомства въ области содѣйствiя арендному хозяйству юго-восточной Россiи. Въ составъ содѣйствiя входятъ даже и научныя, и ученыя учрежденiя; опытная сельско-хозяйственная станцiя, открытая удѣльнымъ вѣдомствомъ, начала уже свою работу въ Самарской губернiи. По словамъ автора, главному управленiю удѣловъ „пришлось отказаться отъ весьма несложной до сихъ поръ раздачи земли крупными участками богатымъ единоличнымъ съемщикамъ, злоупотреблявшимъ субъарендой и взять на себя тяжесть и хлопоты распредѣленiя земельныхъ участковъ между многочисленными крестьянскими товариществами и обществами“ (стр. 13). При такой задачѣ, очевидно, оказались нужными и знакомство съ хозяйственною обстановкою крестьянъ-арендаторовъ, и выработка разнообразныхъ мѣръ, съ помощью которыхъ могла бы прогрессировать техника арендаго хозяйства. Брошюра И. Н. Клингена заслуживаетъ большого вниманiя со стороны правительственныхъ и земскихъ агрономовъ юго-восточной Россiи.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБIЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Книга для чтенiя по русской исторiи, составленная при участiи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. *М. В. Довнаръ-Запольскаго*. Т. I.—*С. А. Чистяковъ*. Исторiя Петра Великаго.—*Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ*. Для народнаго учителя. Пять выпусковъ.—*В. О. Крижъ*. Первое домашнее чтенiе сельскаго школьника. Вып. I и II.—*Анна Догановичъ*. Дѣдъ Игнатъ. Разсказъ.

Книга для чтенiя по русской исторiи, составленная при участiи профессоровъ и преподавателей подъ редакцiей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. М., 1904 г. Ц. 3 р. Книга для чтенiя по русской исторiи составлена по такому же плану, какъ извѣстное пособiе для изученiя средневѣковой исторiи, редактированное проф. П. Г. Виноградовымъ. Первый томъ посвященъ преимущественно Кiевской Руси и состоитъ изъ 38 отдѣльныхъ статей разныхъ авторовъ, написанныхъ за немногими исключенiями нарочно для настоящаго изданiя.

Перу самого редактора принадлежатъ статьи: „Древнѣйшія скиескія могилы“, „Вѣче“, „Князь и княжеское управленіе“, „Дружина и боярство“, „Холопы“, „Церковь и духовенство“. Отмѣтимъ далѣе статью проф. Кулаковскаго „Греческіе города на Черноморскомъ побережьѣ“, двѣ интересныя статьи нынѣ покойнаго казанскаго проф. Смирнова о „Финнахъ“ и „Волжскихъ болгарахъ“, давнихъ предкахъ теперешнихъ чувашъ, статью г. Лободы „Родина славянъ и происхожденіе Руси“, три статьи пр.-доц. Шамбинаго о бытѣ и религіи славянъ и о вліяніи татарскаго ига на русское общество, статью Д. Н. Ушакова о нарѣчіяхъ русскаго языка, статью П. И. Иванова о догосударственномъ бытѣ русскихъ племенъ, освѣщающую современное положеніе этого вопроса въ литературѣ, статьи о Русской Правдѣ и очередномъ порядкѣ княжескаго владѣнія г. Шмелева, небольшую статью Ю. В. Готье о древне-русскомъ селѣ, статью г. Катаева о древне-русскомъ городѣ и промышленности, статьи—г. Мендельсона о монастыряхъ, профессора Перетца объ образованности Кіевской Руси, проф. Айналова объ ея искусствѣ, проф. Погодина о древнихъ литовцахъ.

Хрестоматійный характеръ книги обусловилъ ея хорошія и дурныя стороны. Отдѣльныя разрозненныя статьи, написанныя на строго опредѣленныя темы, сразу вводятъ читателя въ самую суть вопроса, расшевеливаютъ инерцію его вниманія, сближаютъ его съ предметовъ. Хрестоматія этого типа, если такъ можно выразиться, мобилизируетъ—пользуемся привычнымъ въ наши дни терминомъ— оптовые склады науки, въ которыхъ часто залеживается много матеріала. Цѣлая группа отдѣльныхъ популярныхъ статей способна, конечно, энергично повліять на вниманіе публики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мозаичный составъ статей разрозниваетъ книгу, лишаетъ ее единства: собранныя въ первомъ томѣ „Книги для чтенія“ статьи представляютъ изъ себя не что иное, какъ настоящій курсъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, въ которомъ не пропущено почти ни одного вопроса, и въ то же время этотъ курсъ есть нѣчто механически сшитое.

Собранныя здѣсь статьи сосредоточиваютъ вниманіе на Кіевской Руси и на эпохѣ еще болѣе древней, но нѣкоторыя забѣгаютъ впередъ—въ удѣльные вѣка, какъ, напримѣръ, статья г. Гнѣвушева о Новгородѣ (кстати—не очень точная, и слишкомъ непонятная) и статья г. Шамбинаго о татарскомъ игѣ. Надѣемся, что отдѣлъ, посвященный удѣльнымъ вѣкамъ, не ограничится статьями, помѣщенными въ этомъ первомъ томѣ. Почему-то совершенно обойдены наши лѣтописи: отведя много мѣста второстепеннымъ темамъ, редакторъ не удѣлилъ вниманія этому важному вопросу. Едва ли много пользы принесутъ обширныя статьи о Святославѣ, Владимірѣ святомъ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюбскомъ, Мономахѣ. Эти характеристики въ значительной степени простой пересказъ своими словами большихъ пособій, иногда очень проступающихъ наружу. Такъ, наприм., характеристика Андрея Боголюбскаго сдѣлана по курсу проф. Ключевскаго, этотъ курсъ выглядываетъ и изъ-за нѣкоторыхъ другихъ статей. Характеристики эти вышли частью безцвѣтными,—едва ли мо[illegible]но назвать удачной вяло написанную характеристику Мономаха: „если [illegible]езспорно, что ему не былъ чуждъ мотивъ общаго блага, то также безсп[illegible]рно, что нерѣдко въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководился эгоистическ[illegible]ми чувствами“; не совсѣмъ кстати авторъ иллюстрируетъ отысканное у [illegible]ономаха „мелкое и суетное честолюбіе“ извѣстными словами поученія [illegible]бъ обязанностяхъ гостепріимнаго хозяина. Тотъ же авторъ (г. Шмел[illegible]въ) говоритъ о „деспотизмѣ и *самодурствѣ*“ Андрея Боголюбскаго.

Въ книгѣ попадаются неотмѣченныя опечатки: на стр. 271 Iорнандъ пропечатанъ Iорданомъ, на стр. 402 напечатано „обличенiемъ“ вмѣсто „облегченiемъ“ и др.

Изданiе предположено въ пяти томахъ. Жаль, если широта плана и обилiе статей, иногда чрезмѣрное—намъ не кажутся, напримѣръ, необходимыми указанныя выше характеристики—сдѣлаютъ пособiе малодоступнымъ по цѣнѣ, доведя эту цѣну до 15 руб.—стоимости „ИсторiиРоссiи“ Соловьева. По своимъ внутреннимъ качествамъ книга заслуживаетъ широкаго распространенiя среди всѣхъ любителей историческаго чтенiя.

С. А. Чистяковъ. Исторiя Петра Великаго. Съ картинами, портретами, медалями и пр. Спб. Ц. 5 руб. Книга г. Чистякова представляетъ рядъ чисто-фактическихъ очерковъ изъ жизни и дѣятельности Петра. Очерки изложены живо и интересно и для читателей юношескаго возраста могутъ быть признаны въ общемъ пригоднымъ матерiаломъ. Наиболѣе удачными вышли главы о дѣтствѣ и юности Петра. Автора слѣдуетъ упрекнуть, впрочемъ, въ стремленiи къ нѣкоторой идеализацiи личности Преобразователя, въ односторонне-пристрастномъ освѣщенiи даже и такихъ фактовъ, въ которыхъ проявлялись отрицательныя стороны характера Петра. Нельзя одобрить и излишнихъ подробностей, съ которыми ведется разсказъ о военной и дипломатической исторiи царствованiя Петра. Слѣдовало бы значительно сократить повѣствованiе о всѣхъ этихъ битвахъ и дипломатическихъ переговорахъ и, наоборотъ, гораздо подробнѣе остановиться на разсмотрѣнiи административныхъ, сословныхъ, финансовыхъ и образовательныхъ реформъ Петра. Зато мы придаемъ большое значенiе бытовымъ картинамъ, разбросаннымъ въ разныхъ частяхъ книги. Описанiя свдебныхъ пировъ, маскарадовъ, ассамблей, обычаевъ и нравовъ составлены очень интересно.

Книга хорошо иллюстрирована. Рядъ портретовъ Петра и его сотрудниковъ, изображенiя медалей, монетъ, одежды и утвари, виды историческихъ мѣстностей, снимки со старинныхъ гравюръ, автографовъ и т. д., а также и съ картинъ новѣйшихъ художниковъ, посвященныхъ сюжетамъ изъ эпохи Петра, составляютъ цѣнное прибавленiе къ тексту и принесутъ немалую пользу юнымъ читателямъ, для которыхъ по преимуществу и предназначается книга г. Чистякова.

Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ. Для народнаго учителя. Пять выпусковъ. М., 1904 г. Передъ нами первые пять выпусковъ серiи брошюръ, носящихъ общее заглавiе: „Для народнаго учителя“, и выходящихъ подъ редакцiей двухъ писателей-педагоговъ, извѣстныхъ не только своимъ сочувствiемъ широкому развитiю образованiя и просвѣщенiя на нашей родинѣ, но и близкимъ знакомствомъ съ бытомъ и потребностями учащихъ народныхъ школъ, а также съ основнымъ и текущимъ законодательствомъ и административными мѣропрiятiями, относящимися къ дѣлу народнаго образованiя. Нельзя поэтому не привѣтствовать появленiя названныхъ изданiй, доступныхъ по цѣнѣ и направленныхъ къ ознакомленiю народнаго учителя съ существующими въ наше время офицiальными нормами, въ рамки которыхъ поставлено школьное и внѣшкольное образованiе русскаго народа и самый бытъ его учителя. Ознакомленiе послѣдняго съ подобнымъ матерiаломъ крайне необходимо и въ практическомъ, и въ нравственномъ отношенiяхъ. Находясь въ курсѣ дѣла по части законовъ и распоряженiй, регулирующихъ дѣятельность народно-образовательныхъ учрежденiй и опредѣляющихъ его собственныя права и обязанности, учитель можетъ съ бо́льшей увѣренностью приложить инициативу въ сферѣ своей дѣятельности и принять посильное участiе въ расширенiи ея границъ; съ одной стороны, точное знанiе своихъ

профессіональныхъ правъ должно поднять духъ учителя и побудить его къ болѣе энергичной самозащитѣ отъ окружающихъ въ деревенской глуши неблагопріятныхъ условій жизни. Можно пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ той же серіи издатели направили свое вниманіе также и на личныя потребности народнаго учителя въ самообразованіи и расширеніи умственнаго кругозора. Съ этою цѣлью могла бы быть выработана особая программа, за выполненіе которой, конечно, не отказались бы взяться ученые спеціалисты по выбору самихъ же просвѣщенныхъ издателей. Слѣдовало бы затѣмъ отдѣльные выпуски серіи посвятить подробному ознакомленію учащаго персонала народной школы съ дѣятельностью нѣкоторыхъ столичныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, какъ, наприм., коммиссія домашняго чтенія, московское педагогическое общество и т. п., установленіе связи съ которыми учителей не только весьма желательно, но и вполнѣ возможно. Далѣе, народному педагогу необходимо было бы болѣе близкое знакомство съ положеніями и уставами такихъ организацій, возникновеніе которыхъ въ народной средѣ можетъ послужить къ улучшенію ея матеріальнаго быта. Сюда относятся, наприм., кредитныя учрежденія, сельско-хозяйственныя общества малаго района, потребительныя товарищества. Иниціатива учителя и руководящая роль въ дѣлѣ организаціи подобныхъ обществъ и товариществъ въ деревнѣ, несомнѣнно, можетъ служить къ повышенію престижа и авторитета учителя въ окружающемъ его населеніи. Но и независимо отъ высказанныхъ нами пожеланій о будущемъ содержаніи выпусковъ этой серіи, мы должны быть благодарны и за то, что уже успѣли дать пять первыхъ выпусковъ этого полезнаго и богатаго содержаніемъ изданія, къ ближайшему разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ ниже.

Выпускъ I. Законы, правительственныя распоряженія и другія свѣдѣнія, относящіеся къ быту народныхъ учителей, за 1903 годъ. Изданіе неофиціальное. Ц. 7 к. Какъ видно изъ заголовка этой брошюры, здѣсь приведены лишь тѣ законы, распоряженія и проч., которые были опубликованы въ офиціальныхъ изданіяхъ (*Правит. Вѣстникъ*, *Циркулярахъ* по учебн. округамъ) за 1903 г. Изъ числа подобныхъ документовъ на первомъ мѣстѣ въ брошюрѣ помѣщены: мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и правила зачета прежней службы въ пенсіонную выслугу. Необходимымъ дополненіемъ къ этой главѣ является подробное и толково составленное „объясненіе къ правиламъ зачета прежней службы народныхъ учителей и учительницъ въ пенсіонную выслугу“. Далѣе слѣдуютъ относящіяся къ тому же вопросу разъясненія, опубликованныя въ циркулярахъ по московскому учебному округу. Послѣдующая глава знакомитъ съ Высочайшими отмѣтками объ особомъ попеченіи о народныхъ учительницахъ и о предпочтительномъ назначеніи въ нар. школы учительницъ, имѣющими большое практическое значеніе для обезпеченія быта этихъ труженицъ въ деревнѣ, на ряду съ приведенными въ концѣ брошюры извѣстными изъ общей печати: приказомъ черноморскаго губернатора и циркулярами попечителя кавказскаго учебнаго округа. Для развитія идеи взаимопомощи среди учителей будутъ имѣть значеніе напечатанные здѣсь же: текстъ нормальнаго устава уѣздныхъ отдѣленій обществъ взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ и „Правила кассы взаимопомощи дѣйствительныхъ членовъ общества взаимнаго вспомоществованія учителей и учительницъ Нижегородской губ.“, утвержденныя общимъ собраніемъ членовъ этого общества 29 августа 1903 г. Правила эти заимствованы цѣликомъ съ нѣкоторыми лишь дополненіями изъ устава извѣстной кассы взаимопомощи лит...

ровъ и ученыхъ. Развитіе подобныхъ кассъ при учительскихъ обществахъ крайне желательно въ виду пользы, обнаруженной ихъ прототипомъ послѣ десятилѣтней практики въ средѣ литераторовъ. Остальной матеріалъ брошюры касается цѣлаго ряда частныхъ распоряженій учебнаго начальства о педагогическихъ курсахъ и совѣщаніяхъ, о служебныхъ правахъ учащихъ и т. д. Изъ приведеннаго перечня можно усмотрѣть, сколько интересныхъ, насущно важныхъ и притомъ самыхъ свѣжихъ свѣдѣній найдетъ заброшенный въ глушь учитель въ этой столь доступной ему по цѣнѣ брошюрѣ.

Выпускъ II. Просвѣтительныя учрежденія при народныхъ училищахъ. Изд. неофиціальное. Ц. 5 к. Здѣсь учитель найдетъ тексты новыхъ правилъ о книжныхъ складахъ и о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ мин. нар. просв., утвержденныхъ 18 января 1904 г. Правила эти, какъ извѣстно, до нѣкоторой степени облегчили и упростили процедуру разрѣшенія названныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, что и поясняется въ особомъ предисловіи. Тексты сопровождаются въ брошюрѣ весьма цѣнными справочными свѣдѣніями, касающимися руководящей литературы о книжныхъ складахъ и библіотекахъ, фирмъ, издающихъ дешевыя книги, и земскихъ книжныхъ складовъ, а также условій выписки отъ нихъ изданій; даны, кромѣ того, и нѣкоторыя относящіеся къ дѣлу практическіе совѣты и указанія. Важное значеніе имѣетъ помѣщенный затѣмъ въ брошюрѣ рядъ разъясненій мин. народ. просвѣщ., относящихся къ библіотекамъ и появлявшихся въ отвѣтъ на запросы разныхъ мѣстныхъ учрежденій. Далѣе слѣдуетъ глава о народныхъ чтеніяхъ съ правилами о нихъ, утвержденными 3 декабря 1902 г., и изданными позднѣе особыми правилами о народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ, гигіенѣ, ветеринаріи и животноводству. Хорошимъ дополненіемъ къ этимъ правиламъ служатъ свѣдѣнія о таможенномъ пропускѣ картинъ для волшебныхъ фонарей и ознакомленіе съ существующей въ Москвѣ коммиссіей по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ и условіями высылки этой коммиссіей въ школы картинъ, а также описаніе способа изготовленія дешевыхъ картинъ, рекомендуемаго кн. Кропоткиной. Брошюра заканчивается спискомъ произведеній классическихъ писателей русскихъ и иностранныхъ, разрѣшенныхъ къ произнесенію въ 1888—1889 учебномъ году на общедоступныхъ литературныхъ вечерахъ въ Одессѣ, а также программами чтеній по законовѣдѣнію, производившихся прис. повѣр. И. Н. Сахаровымъ въ Москвѣ отъ имени московскаго общества народныхъ развлеченій. Перечисленный нами матеріалъ брошюры, помимо огромной практической цѣнности для народныхъ учителей, являющихся главными проводниками внѣшкольнаго просвѣщенія народа, можетъ, конечно, быть не менѣе цѣннымъ и полезнымъ для всякаго рода другихъ дѣятелей, могущихъ принимать непосредственное участіе въ устройствѣ народныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ и народныхъ чтеній.

Выпускъ III. Образовательныя учрежденія для взрослыхъ. Изд. неофиціальное. Ц. 8 к. Въ предисловіи обращается вниманіе на важное значеніе вопроса, которому посвященъ этотъ выпускъ. Исходя изъ того положенія, что „современная Россія жадно хочетъ учиться“ (слова В. И. Ковалевскаго), авторъ указываетъ справедливо, что жажда науки присуща не только городской, но и сельской Россіи. Между тѣмъ, запросы народа на образованіе, равно какъ и мѣстныя условія, отличаются разнообразіемъ. Вотъ почему въ брошюрѣ представлены нѣсколько видовъ просвѣтительныхъ учрежденій для взрослыхъ, изъ которыхъ учредители могутъ сами сдѣлать выборъ, примѣняясь къ потребностямъ мѣстнаго населенія. Читатель знакомится далѣе изъ особой „хроники“ съ цѣ

лымъ рядомъ практическихъ начинаній для просвѣщенія взрослыхъ въ разныхъ городахъ, причемъ весьма подробно изложена исторія и дѣятельность томскихъ общеобразовательныхъ курсовъ по программѣ средне-учебныхъ заведеній и, кромѣ того, приведены программы научно-популярныхъ лекцій (по ботаникѣ, геологіи, физіологіи, химіи и физикѣ), читанныхъ въ томъ же городѣ въ 1902—3 гг. Не менѣе интересныя свѣдѣнія даны также о лекціяхъ для народа въ Одессѣ. Написанная для ознакомленія учителей съ накопившимся уже матеріаломъ изъ практики просвѣтительныхъ начинаній, настоящая глава прочтется съ большимъ интересомъ и пользой всякимъ читателемъ, которому не чужды интересы отечественнаго просвѣщенія. Дальнѣйшее содержаніе брошюры составляютъ офиціальные документы подъ общимъ заглавіемъ: „Образовательныя учрежденія для взрослыхъ, состоящія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія" (циркуляръ объ учрежденіи въ Петербургѣ и Москвѣ дополнительныхъ классовъ при начальныхъ народныхъ училищахъ; Высочайше утв. 25 мая 1882 г. мнѣніе государственнаго совѣта объ училищахъ, учреждаемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ; утвержденныя 22 авг. 1902 г. правила объ урокахъ, учреждаемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ для взрослаго населенія; объ организаціи учителями среднихъ учеб. заведеній публичныхъ курсовъ и лекцій; о курсахъ профессіональныхъ знаній для рабочихъ и, наконецъ, о воскресныхъ школахъ). Слѣдующая глава брошюры посвящена тексту законовъ, которыми регулируются образовательныя учрежденія для взрослыхъ, находящіяся въ вѣдѣніи министерства финансовъ (техническія и ремесленныя учебныя мастерскія и курсы, торговые классы). Брошюра заканчивается списками сочиненій разныхъ авторовъ по вопросамъ просвѣщенія взрослыхъ, пособій для учащихся и первоначальныхъ учебниковъ для взрослыхъ учащихся.

Выпускъ IV. Наглядность обученія и наглядныя пособія въ начальной школѣ. Составилъ Н. В. Чеховъ. Ц. 12 к. Здѣсь обстоятельно излагается исторія вопроса о наглядности въ русской школѣ, даются руководящія указанія по примѣненію наглядности при преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ; программы народной школы и въ приложеніяхъ даны длинные списки пособій, пригодныхъ для каждой школы, на разныя суммы стоимости коллекцій; подвижного музея курскаго губернскаго земства; имѣющихся въ продажѣ наглядныхъ учебныхъ пособій, пригодныхъ для начальныхъ народныхъ школъ, съ указаніемъ, гдѣ можетъ быть пріобрѣтено каждое пособіе и съ обозначеніемъ его стоимости, наконецъ, перечень мастерскихъ, изготовляющихъ тѣ же пособія и торгующихъ ими, а также фирмъ, торгующихъ въ разныхъ городахъ волшебными фонарями и картинами къ нимъ, съ обозначеніемъ стоимости картинъ. Въ приложеніяхъ помѣщены еще: проектъ нормальнаго устава педагогическихъ музеевъ по начал. образованію, списокъ подвижныхъ и нѣкоторыхъ показныхъ музеевъ наглядныхъ учебныхъ пособій, списокъ нѣкоторыхъ пособій и руководствъ при составленіи коллекцій и пользованіи наглядными учебными пособіями.

Такимъ образомъ, книга г. Чехова является цѣлымъ руководствомъ, всесторонне охватывающимъ предметъ. Намъ показалось только, что авторъ отводитъ черезчуръ много мѣста общимъ доказательствамъ необходимости и пользы наглядности при обученіи. Большинство учителей несомнѣнно хорошо уже знакомо съ этой стороной вопроса и не встрѣтитъ въ книгѣ чего-либо особенно новаго. Но, принимая во вниманіе доступную цѣну книги, пожалуй, можно и не жаловаться на эту подробность, тѣмъ болѣе, что авторъ излагаетъ страницы о пользѣ наглядности весьма толково и убѣдительно.

Выпускъ V. Учительскія общества, ихъ задачи и организація. Составилъ Н. В. Чеховъ Ц. 12 к. Если принять во вниманіе своеобразныя условія жизни и дѣятельности нашего народнаго учителя, то можно съ увѣренностью сказать, что вопросъ, который съ такою обстоятельностью и знаніемъ дѣла разсматривается въ настоящей брошюрѣ, является однимъ изъ наиболѣе существенныхъ и важныхъ въ учительскомъ быту. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы назвать иную профессію, представители которой нуждались бы болѣе настоятельно въ благахъ общенія, товарищескаго единенія и взаимной поддержки. Все это можетъ до извѣстной степени быть достигнуто при помощи учительскихъ обществъ, существующихъ по особому нормальному уставу. Предполагая не безъ основанія, что нашъ учительскій персоналъ совершенно не знакомъ съ правилами разумнаго веденія общественнаго дѣла, авторъ брошюры весьма подробно объясняетъ, какъ нужно поступать при организаціи общества взаимопомощи, выясняетъ значеніе исполнительныхъ его органовъ и отдѣльныхъ коммиссій и переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію желательной программы дѣятельности общества, причемъ многія свои положенія иллюстрируетъ примѣрами изъ жизни существующихъ уже подобныхъ же учительскихъ организацій.

Всѣ совѣты г. Чехова обнаруживаютъ близкое его знакомство съ дѣлами обществъ и потребностями народнаго учителя и развертываютъ довольно широкія перспективы для дѣятельности учительской организаціи. Позволимъ себѣ, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя авторомъ, можетъ быть, будутъ приняты во вниманіе при второмъ изданіи его интереснаго труда. На стр. 17-й авторъ настаиваетъ на необходимости и важности литературно написаннаго отчета о дѣятельности общества, такъ какъ для большинства учащихъ этотъ отчетъ является единственнымъ средствомъ ознакомленія съ его дѣятельностью. Это совершенно справедливо, но, какъ кажется, напрасно авторъ въ то же время оговаривается, что при составленіи отчета правленіемъ, „первенствующую роль долженъ играть *не денежный отчетъ*". Напротивъ, въ общественныхъ дѣлахъ именно денежный отчетъ всегда долженъ занимать первое мѣсто, особенно же въ учительскихъ обществахъ, гдѣ, какъ это видно изъ многихъ дальнѣйшихъ страницъ брошюры, отъ состоянія денежныхъ средствъ во многомъ зависитъ самая плодотворность дѣятельности общества, не говоря уже о томъ, что собираніе средствъ въ этихъ обществахъ является одной изъ труднѣйшихъ задачъ. Занимая же подобающее ему мѣсто, денежный отчетъ самъ по себѣ нисколько не мѣшаетъ подробному ознакомленію членовъ и съ дѣятельностью общества во всемъ ея объемѣ. Не понятенъ также совѣтъ, чтобы правленіе составляло расходную смѣту „въ размѣрѣ нѣсколько меньшемъ ожидаемаго прихода". Всякая искусственность въ этомъ дѣлѣ едва ли желательна безъ вреда для функцій общества. Кромѣ того, можно указать на одно общество (распространенія коммерческихъ знаній), которое всегда составляетъ свои смѣты въ зависимости отъ намѣченныхъ проектовъ расширенія его функцій и чаще всего съ значительнымъ превышеніемъ надъ предполагаемымъ приходомъ. Такая смѣлость еще ни разу не обманула общества: всѣ его проекты всегда осуществлялись. Далѣе, излагая планъ отчета правленія, авторъ, къ сожалѣнію, не предусматриваетъ включеніе въ него особыхъ докладовъ, имѣющихъ цѣлью ознакомленіе членовъ съ дѣятельностью другихъ учительскихъ обществъ, а равно обходитъ молчаніемъ необходимость обмѣна отчетами съ другими учительскими организаціями. Слѣдовало бы также дать въ видѣ образца особую програму для изслѣдованія быта мѣстныхъ учителей. Добавимъ, что въ приложеніи къ книгѣ даны, кромѣ

текстовъ нормальныхъ уставовъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ и уѣздныхъ отдѣленій тѣхъ же обществъ, также весьма интересная сводка ходатайствъ къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ Тверской губ., направленныхъ послѣ разсмотрѣнія работъ бывшаго въ Москвѣ съѣзда тверскимъ учительскимъ обществомъ, а также списокъ существующихъ 92-хъ учительскихъ обществъ. Желательно самое широкое распространеніе этой полезной брошюры среди учителей.

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I, изд. 5-е и вып. II, изд. 4-е. Изданіе И. Ѳ. Жиркова М., 1904 г. Ц. каждаго выпуска 30 к. 1-й выпускъ содержитъ въ себѣ 27 отдѣльныхъ статей, а 2-й—23 статьи. Подборъ статей сдѣланъ очень разнообразно и интересно: былины, сказки, стихи, басни, разсказы, очерки, бесѣды, популярныя біографіи великихъ людей, анекдоты и проч. Каждая статья обдуманно взята съ тѣмъ, чтобы дать толчокъ еще неокрѣпшему уму школьника, заинтересовать его для дальнѣйшаго развитія и самому разобраться въ томъ или другомъ явленіи жизни или природы.

Особенность этихъ изданій заключается въ томъ, что каждая статья можетъ быть дана ученику на домъ отдѣльно отъ прочихъ. Для вкладыванія и сбереженія статей изданъ особый корешокъ съ полезными для ученика свѣдѣніями.

Внѣшность изданія очень прилична; въ обоихъ изданіяхъ въ текстѣ помѣщено болѣе 130 рисунковъ. Книжки уже выдержали 4—5 изданій, что само собою говоритъ о ихъ полезности и рекомендуетъ ихъ съ этой стороны.

Анна Догановичъ. Дѣдъ Игнатъ. Разсказъ съ рисунками В. Г. Курчевскаго. М., 1904 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. Разсказъ г-жи Догановичъ слѣдуетъ рекомендовать для чтенія въ народныхъ школахъ, а также для народныхъ библіотекъ, хотя цѣна его высока. Правда, разсказъ этотъ не блещетъ крупными художественными достоинствами, но написанъ онъ во всякомъ случаѣ живо и тепло; сюжетъ же его взятъ изъ народной жизни, повидимому, прямо съ натуры и поэтому будетъ особенно близокъ именно для читателя изъ народа. Въ немъ довольно ясно обрисована фигура Божьяго человѣка, старика Игната, притомъ Божьяго человѣка въ самомъ простомъ, житейскомъ и симпатичномъ смыслѣ. Это не отшельникъ, занимающійся исключительно спасеніемъ собственной души, а мірской человѣкъ, живущій въ постоянномъ общеніи съ людьми и помогающій имъ по мѣрѣ силъ. Въ жизни ему не повезло. Онъ рано потерялъ жену, дѣтей и всѣхъ близкихъ и, оставшись одинокимъ, взялъ на себя подвигъ, тоже вполнѣ житейскій, собственными руками надѣлать кирпичей на постройку церкви своимъ односельчанамъ. И вотъ цѣлыя десять лѣтъ онъ трудится надъ этимъ предпріятіемъ, которое осложняется еще тѣмъ, что кирпичами же то и дѣло приходится помогать своимъ же односельчанамъ, когда у кого случится нужда. Тѣмъ не менѣе однако труды Игната въ концѣ-концовъ увѣнчиваются успѣхомъ, и въ селѣ воздвигается церковь. Этимъ духовнымъ праздникомъ Игната и кончается разсказъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Кіевская Старина 1904 г., май—сентябрь.—*Литературный Вѣстникъ.* Т. VI. Вып. 5—8: т. VII, вып. 1—3.—Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Т. VIII, кн. 2—4.

„Кіевская Старина“ 1904 г., май—сентябрь.—„Литературный Вѣстникъ“, т. VI, вып. 5—8; т. VII, вып. 1—3. Въ пос[illegible]

книжкахъ *Кіевской Старины* среди разнообразныхъ матеріаловъ историческихъ, историко-литературныхъ и этнографическихъ, представляющихъ мѣстный украинскій или спеціальный научный интересъ, только двѣ статьи могутъ получить болѣе широкое и общее значеніе.

Г. Стешенко далъ обстоятельную характеристику М. А. Максимовича по случаю исполнившагося недавно столѣтія со дня его рожденія.

По мнѣнію г. Стешенка, „Максимовичъ по характеру своей дѣятельности былъ преимущественно ученымъ и на этомъ полѣ успѣлъ сдѣлать много. Какъ естествовѣдъ, онъ написалъ рядъ прекрасныхъ работъ, способствовавшихъ развитію естественныхъ наукъ въ Россіи. Какъ этнографъ, онъ напечаталъ рядъ поэтическихъ памятниковъ, имѣвшихъ огромное и всестороннее значеніе какъ для Великороссіи, такъ и для Украйны. Изданія Максимовича послужили къ обновленію русской литературы, къ развитію этнографической науки, къ поднятію идеи народности вообще и къ возвеличенію народа украинскаго. Какъ историкъ и археологъ, Максимовичъ затронулъ и удачно рѣшилъ много вопросовъ, касающихся Украйны и въ частности Кіева. Какъ филологъ, онъ много сдѣлалъ для изученія малорусскаго языка и впервые научно поставилъ вопросъ о присутствіи малорусской стихіи въ памятникахъ Кіевскій Руси до XIII в. Какъ малорусскій поэтъ, Максимовичъ не выдѣляется изъ ряда посредственности, но очень цѣннымъ должно быть уже одно желаніе Максимовича писать для малорусскаго народа на его же языкѣ. Всѣ эти заслуги Максимовича передъ лицомъ науки прославили его крупнымъ ученымъ вообще, а заслуги его передъ роднымъ краемъ сдѣлали его имя однимъ „изъ почетныхъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа“ (слова А. Н. Пыпина). Чрезвычайно интересна автобіографія Максимовича, до сихъ поръ извѣстная въ извлеченіяхъ и только теперь напечатанная цѣликомъ. Она очень живо рисуетъ московскую университетскую жизнь 20-хъ и 30-хъ годовъ и первые годы университетскаго дѣла въ Кіевѣ.

Въ вышедшихъ недавно (сразу послѣ значительной задержки) пяти книжкахъ *Литературнаго Вѣстника* среди массы историко-литературнаго сырья и библіографическихъ справокъ напечатано и нѣсколько статей, представляющихъ болѣе общій интересъ.

Замѣтка г. Налимова посвящена пьесамъ Чехова. Автору „не кажется“, что на пути „драматическаго письма“ Чеховъ „изъ призванныхъ“. Успѣхъ его пьесъ—результатъ „гипноза на любителей“; онѣ—„эпика въ мнимо-драматическихъ формахъ“.

Мнѣніе очень категорическое, основанное на взглядахъ устарѣвшихъ учебниковъ по теоріи словесности.

Душа, неуловимая прелесть Чеховскихъ пьесъ, сказанное имъ новое слово драматургіи (драма тонкихъ, глубокихъ и знаменательныхъ настроеній, отрѣшеніе отъ многихъ обычныхъ сценическихъ условностей) совсѣмъ не поняты г. Налимовымъ.

Вторая книжка *Литературнаго Вѣстника* за этотъ годъ посвящена Грибоѣдову.

Обстоятельная статья г. Щеголева разсматриваетъ остававшійся до сихъ поръ темнымъ вопросъ о привлеченіи Грибоѣдова къ суду по дѣлу о декабристахъ. Вначалѣ напечатаны офиціальные документы, разысканные въ государственномъ архивѣ, затѣмъ дано сопоставленіе ихъ съ печатными источниками. Въ своихъ показаніяхъ Грибоѣдовъ отрекался отъ того, что онъ „способенъ быть ораторомъ возмущенія“, но признавался, что вооружался противъ „злоупотребленій нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальствъ“ и „своенравія иныхъ цензоровъ“. Любопытно совпаденіе со

взглядами Чацкаго: „Русскаго платья желалъ я, потому что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ".

Кромѣ статьи г. Щеголева, *Литературный Вѣстникъ* далъ нѣсколько дополненій къ библіографіи литературы о Грибоѣдовѣ и перепечаталъ нѣсколько малоизвѣстныхъ матеріаловъ о немъ.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Т. VIII, кн. 2—4. Въ послѣднихъ трехъ книжкахъ академическихъ „Извѣстій" общій интересъ могутъ представить слѣдующія статьи.

Прекрасно написанный очеркъ П. И. Житецкаго касается мало разработаннаго вопроса о русской литературной рѣчи XVIII в. По мнѣнію маститаго автора, образованіе этой рѣчи за XVIII в. пріурочивается къ тремъ главнымъ пунктамъ. При Петрѣ Великомъ въ ея обработкѣ принимали главное участіе южно-русскіе ученые, вызванные Преобразователемъ на сѣверъ. При Елизаветѣ Петровнѣ продолжателемъ этой дѣятельности, но въ великорусскомъ направленіи, былъ Ломоносовъ. При Екатеринѣ II послѣдователи Ломоносова, не отступая отъ руководящихъ началъ, предложенныхъ въ его грамматикѣ, стремились къ уравненію разнообразныхъ стихій „россійскаго языка, къ устраненію границы, отдѣляющей книжную рѣчь отъ разговорной, къ низведенію книжной рѣчи до разговорной, и обратно—къ поднятію этой послѣдней до рѣчи книжной.

По мѣрѣ приближенія къ концу XVIII в. литературная производительность на сѣверѣ Россіи увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ литературный русскій языкъ все болѣе и болѣе становится притягательной силой и въ Малороссіи.

Въ статьѣ г. Каллаша: „Матеріалы и замѣтки по исторіи русской литературы", напечатано два любопытныхъ произведенія нашей старинной рукописной литературы, „презрѣвшей печать": „Святки" и „Соловей" кн. Д. П. Горчакова. Ему же принадлежитъ общая характеристика Радищева: „Рабства врагъ".

Прекрасная рѣчь А. Ѳ. Кони посвящена кн. В. Ѳ. Одоевскому по случаю минувшаго недавно столѣтія со дня его рожденія.

Среди „выдающихся людей въ области вдумчивой и творческой мысли" есть „такіе, которые горятъ тихимъ, ровнымъ и примирительнымъ огонькомъ лампады предъ образомъ, на которомъ изображены лучшія чаянія и требованія человѣческаго духа, свободнаго отъ низменныхъ и условныхъ узъ житейской прозы. Такой лампадой былъ кн. Одоевскій. И на образѣ, предъ которымъ она горѣла, были начертаны *правда, знаніе и дѣятельная любовь къ людямъ*. Вооруженный знаніемъ, всестороннимъ и оживленнымъ жадностью пытливаго ума, Одоевскій всю жизнь стремился къ правдѣ, чтобы служить ей, а ею—людямъ. Отсюда его ненависть къ житейской и научной лжи, въ чемъ бы онѣ ни проявлялись; отсюда его отзывчивость къ нуждамъ и бѣдствіямъ людей и пониманіе ихъ страданій; отсюда его бѣдность и сравнительно скромное служебное положеніе... До старости онъ представлялъ собою довольно рѣдкое у насъ исключеніе и никогда не становился *человѣкомъ прошедшаго* и *человѣкомъ пошедшимъ*, не переходя на столь обычную торную дорогу, по которой за равнодушіемъ къ тому, что возбуждало когда то негодованіе, слѣдуетъ терпимость къ нему, а затѣмъ и примиреніе съ нимъ, иногда тайное, а иногда и явное, съ громогласнымъ отреченіемъ отъ сатаны".

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1904.

А. Г. Наши задачи на Востокѣ. Спб., 1904 г. Ц. 60 к.

Abraham, H. Сборникъ элементарныхъ опытовъ. Часть 1-я. Одесса, 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Авксентьевъ и Дружининъ. Правда о русскихъ евреяхъ (отвѣтъ г. Купернику на его брошюру „Еврейское Царство"). Кіевъ, 1904 г.

Альтенбергъ, П. Эскизы. Пер. Герцыкъ. М., 1904 г. Ц. 50 к.

Амбулаторные листки, ихъ назначеніе и способъ употребленія. Ц. за сотню 10 к.

Аничковъ, Евгеній. Литературные образы и мнѣнія 1903 г. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Arrhenius. Физика неба. Пер. съ нѣм. подъ редакц. Орбинскаго. Одесса, 1905 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, И. Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія. Т. I, изд. 3-е. Спб., 1905 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ачкасовъ, А. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. М. Ц. 75 к.

Библіотека нашихъ дѣтей. *Бостромъ, А.* Сестра Вѣрочка. Изд. Поповой. Ц. 15 к. *Томпсонъ, Э.* Разсказы изъ жизни животныхъ. Ц. 25 к. Спб., 1905 г.

Богомазовъ, П. Избранныя русскія пословицы. М., 1905 г. Ц. 20 к.

Божеряновъ, И. Какъ началась осада въ 1854 году Севастополя. Спб. Ц. 20 к.

Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1805—1819 гг.). Ч. II, изд. 2-е. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.

Бухъ-Полтевъ, Н. Данныя механики къ выясненію обществ.-экономич. вопросовъ. Харьковъ, 1905 г. Ц. 80 к.

Быкова, А. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вв. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.

Бѣлгарска Сбирка. Излазя подъ редакцията на Стефана С. Бобчевъ. София, 1904 г.

Бэчъ, А. Психологія. Перев. съ англ. приватъ-доцента казан. унив. Вл. Ивановскаго. Т. II. М., 1905 г.

Васильевъ, В. Классное пособіе при прохожденіи геометріи. М., 1904 годъ. Ц. 10 к.

— Классное пособіе при прохожденіи тригонометріи. М., 1904 г. Ц. 20 к.

Випперъ, Р. Учебникъ древней исторіи. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Висковскій, В. Разсказы. Томъ I, изд. 2-е. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Вовчокъ, Марко. Сестра на инши оповидания. У Кыиви, 1904 г.

— Кармелюкъ Невильнычка. У Кыиви, 1904 г.

Вопросы психо-неврологіи въ общедоступныхъ очеркахъ. Ненормальные характеры. Спб., 1904 г.

Врачебная хроника Харьковской губерніи 1904 г. Харьковъ, 1904 г.

Гамильтонъ, Ангьюсъ. Корея. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морск. права. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Geyer, Robert. Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія. Перев. съ французс. Г. Р. М., 1904 г. Ц. 75 к.

Геффдингъ, Г. Философскія проблемы. Пер. съ нѣм.. Котляра. М., 1904 г. Ц. 50 к.

Гиларисъ. Мысли гомеопата не-врача о записках врача Вересаева. Одесса, 1904 г.

Глаголевъ, С., проф. Исламъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1904 г. Ц. 1 р.

Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ и Сѣверо-Американскихъ Соединен. Штатахъ. Т. II. Спб., Ц. 2 р. 25 к.

Грушевськый, М. Оповидання. У Кыиви, 1904 г.

Гнѣдичъ, П. Бѣглые. Недвижимая собственность и другіе разсказы. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Дешевая библіотечка изд. Суворина. *Мадачъ, Эмерихъ.* Трагедія человѣчества. Перев. Холодковскаго. Спб., 1904 г. Борнъ Робертъ и его произведенія. Въ перев. русск. писателей, подъ редакц. Бѣлоусова. Спб., 1904 г.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Движение на корабитѣ по пристанищата. София, 1904 г.

Джорджъ, Генри. Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англ. Николаева. М., 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дневникъ Елизаветы Дьяконовой. На высшихъ женскихъ курсахъ 1895—1899 гг. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Добровольскій, К. Изслѣдованіе чувствительности наиболѣе употреб. въ санитар. практикѣ способовъ опредѣленія каменноуг. красокъ. Одесса, 1904 г.

Дюковъ, Е. О необходимости измѣненія принятой системы образов. и воспит. медиковъ. Харьковъ, 1904 г. Ц. 60 к.

Ежегодникъ Коллегіи. Павла Галагана. Годъ 9-й. Кіевъ, 1904 г.

Еленскій, Н. Основныя начала страхованія жизни въ общедоступномъ изложеніи. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Журналъ олонецкой губернской оцѣночной коммиссіи. Петрозаводскъ, 1904 г.

Записки москов. отдѣлен. импер. русск. техн. общ. 1904 г. Вып. I—VII. М., 1904 г.

Записки московскаго отдѣленія импер. русскаго технич. общ. Вып. VIII. М., 1904 г.

Записки иваново-вознесенскаго отдѣленія импер. русск. технич. общест. 1904 г. Вып. III. Иваново-Вознесенскъ, 1904 г.

Зиновьева - Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Знаменскій, А. Записки туриста (Парижъ, Римъ). Минскъ, 1904 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Зомбартъ, Вернеръ. Современный капитализмъ. Т. I. Генезисъ капитализма. Пер. съ нѣм. Базарова и Степанова. Изд. Скирмунта. М. Ц. 2 р. 50 к.

— Идеалы соціальной политики. Пер. съ нѣмецк. Теплова. Изд. 2-е. Спб., 1905 г. Ц. 40 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Росмерсгольмъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. Изд. Скирмунта. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Изданіе книжнаго магазина Курнина С. *Stanley, Waterloo.* Жизнь пещернаго человѣка. Перев. съ америк. Кур—овъ. *Ульяновъ, А.* Вакса и скрипка. Разск. Ц. 40 к. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Перев. съ франц. К. Б. Ц. 25 к. *Хатунскій, Серг.* Приключеніе крестьянскаго мальчика. Разск. Ц. 50 к. *Любичъ-Кошуровъ, I. А.* У себя на дачѣ. Разск. Ц. 15 к. *Его же.* Ночная жизнь. Разск. изъ жизни насѣкомыхъ. Ц. 30 к. *Свободинъ. М.* Скворцы. Разсказъ. *Лукашевичъ, Клавдія.* Три корзиночки земляники. Разск. Ц. 20 к. *Ея же.* Грачи прилетѣли. Разск. Ц. 30 к. *Ея же.* Воришка. Разск. Ц. 15 к. *Ея же.* Сказка о двухъ хлѣбн. зернышкахъ. Ц. 15 к. М., 1904 г.

Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губерн. зем. за 1865—1899 гг. Вып. I. Херсонъ, 1904 г.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Состав. извѣстнѣйшими профессорами-спеціалистами. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.

Ильбертъ, Кортней. Монтескье. Пер. съ англійск. подъ редакц. Дерюжинскаго. Спб., 1904 г.

Казанскій, В. Учебникъ русскаго синтаксиса. Составленный примѣнительно къ программѣ епарх. женск. уч. Екатеринбургъ, 1904 г. Ц. 30 к. съ перес.

Карповъ, Н. Чеховъ и его творчество. Этюдъ. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Керберъ, Л. Наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ и японскій флотъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. М., 1904 г. Ц. 20 к.

Крейцмеръ. Отличительные черты еврейской націи. Изд. Рашкеса. Двинскъ, 1904 г. Ц. 15 к.

Крижъ, В. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I и II. Изд. 4-е и 5-е Жиркова. М., 1904 г. Цѣна двумъ книгамъ 60 к.

Крымськый, А. Изъ повистокъ и эскизовъ. У Кыиви, 1904 г.

Лебедевъ, В. Територія и населеніе врачебныхъ районовъ Московск. губ. М., 1904 г.

Ливановъ, К. Очеркъ дѣятельности угличскаго земства 1865—1899 гг.

— Очеркъ дѣятельности мышкинск. земства 1865—1900 гг. Ярославль, 1904 г.

Лункевичъ, В. Чудеса науки и техники. Вып. II. Спб., 1904 г. Ц. 16 к.

Маминъ-Сибирякъ. Вокругъ ракитова куста и другіе разсказы. М., 1904 г. Ц. 1 р.

— Человѣкъ съ прошлымъ и другіе разсказы. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Матеріалы для исторіи рязанск. губерн. земства. Ч. I и I, вып. 1-й и 2-й. Три книги. Рязань, 1904 г.

Мельгуновъ, С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русск. университ. М., 1904 г. Ц. 50 к.

Милицына, Е. Разсказы. М., 1905 г. Ц. 1 р.

Морозовъ - Мещеровскій (писатель изъ народа). Стихотворенія „Къ разсвѣту". Порховъ, 1904 г. Ц. 30 к.

Мырный, П. Морозенко оповиданія. У Кыиви, 1904 г.

Мэтерлинкъ, М. Избіеніе младенцевъ. Разсказъ. 1904 г. Ц. 40 к.

Научная дешевая библіотека изд. Суворина. *Клоддъ, Э.* Исторія первобытнаго человѣка. Пер. съ англійск. *Кона, Г.* Невидимые богатыри. Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій. Спб.

Новгородцевъ, А. Германія и ея политическая жизнь. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 20 к.

Новости богословской литературы Систематическій указатель книгъ и жур-

нальныхъ статей. Вып. I и II, годъ 1-й. Сергіевъ-Посадъ, 1904 г.

Озеровъ, И. Х. Экономическая Россія и ея финанс. политика на исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка. Изд. Горшкова. М., 1905 г. Ц. 1 р. 75 к.

Орловъ, Е. Практическое руководство. Сухая перегонка дерева, Спб., 1905 г. Ц. 85 к.

Оршанскій, И., проф. Спиритизмъ и телепатія. Харьковъ, 1904 г.

Отчетъ по лѣсному управленію за 1902 г. Спб., 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности харьков. коммиссіи народ. чтеній за 1903 г. Харьковъ, 1904 г.

Отчетъ ярослав. общест. городск. Пушкин. библіот. за 1903 г. Ярославль, 1904 г.

Отчетъ о состояніи кіевскаго второго коммерческаго училища за 1902—1903 учебн. годъ. Кіевъ, 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ихъ Император. Величества попечительства Государ. Имп. Маріи Θеодоровны о глухонѣмыхъ за 1903 г. Спб., 1904 г.

Парадѣловъ, М. Адресная книга русскихъ библіофиловъ. М.

Петражицкій. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ. Спб., 1904 г. Ц. 75 к.

Полный сводъ рѣшеній гражд. кассаціон. департ. прав. сената 1886—1890 гг. №№ 51, 52, 53. Екатеринославъ, 1904 г.

Потапенко, И. Н. Два счастья. Романъ въ трехъ частяхъ. Т. VII. Изд. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Разумовскій, С. Пульчинело. Драматическая фантазія въ 3-хъ картинахъ. Изд. жур. „Правда". М., 1905 г. Ц. 1 р.

Реклю, Элизе. Земля и люди. Вып. VII. Германія. Пер. съ франц. подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго. Спб., 1904 годъ. Ц. 2 р. 50 к.

Рожковъ, Н. Учебникъ всеобщей исторіи. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 10 к.

Рѣдинъ, Н. К. Музей изящныхъ искусствъ и древностей Импер. харьк. университета (1805—1905 гг.). Харьковъ, 1904 г.

С. К. Начало раскола. М., 1904 годъ. Ц. 6 к.

Сборникъ Императорскаго россійскаго историческаго общества, Т. 119. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.

Сборникъ объ эконом. положеніи евреевъ въ Россіи. Т, I и II. Спб., 1904 годъ. Цѣна двумъ т. 6 р.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгор. губ. за 1903 г. Т. I и II. Новгородъ, 1904 г.

Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. Труды коммиссіи по устройству чтеній для учащихся. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сельско-хозяйств. обзоръ Вятской губ. за 1903—4 г. Вып. II. Вятка, 1904 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ за 1903 г. Вып. XVII. Ярославль, 1904 г.

Смородскій, Θедоръ. Пѣсни человѣка. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Сокровища искусства. Картины знамен. мастеровъ, текстъ В. Боде и Фр. Кнаппа. Перев. и дополн. подъ редакц. Бенуа. Вып. I. Изд. товар. „Просвѣщеніе".

Тепловъ, А. Въ погонѣ за Горькимъ. (Вверхъ дномъ.) Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Тверь, 1904 г. Ц. 75 к.

Труды покойнаго академика скульптор. Сергѣя Ивановича Иванова. Альбомъ. Вып. I. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трыста найкращихъ украинськыхъ писень. У Кыиви, 1904 г.

Уваровъ, П. С. Типы и нравы Сахалина. М., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Украинка, Леся. На крылахъ писень. Кіевъ, 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фадѣевъ, Н. Практическое руководство. Дешевыя огнестойкія постройки. Спб., 1905 г. Ц. 45 к.

Финдейзенъ, Ник. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, его жизнь и музыкальная дѣятельность. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Хозяйствен. статистич. обзоръ Уфимской губ. за 1903 г. Уфа, 1904 г. Ц. 2 р. 25 к.

Ціолковскій, К. Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. 2-е исправленное изд. Калуга, 1904 г. Ц. 50 к.

Чумина, О. Драматическія сочиненія и переводы. Томъ I. 1888—1896 гг. Ц. 1 р. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Герои Максима Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи. Ц. 40 к.

— Исторія философія права. Вып. I. Ц. 1 р. Вып. II. Ц. 50 к. Казань, 1904 г.

Шидловскій. Евграфъ Алексѣевичъ Осиповъ. Краткій біографич. очеркъ. 1904 г. Ц. 30 к.

Шинскій, И. Разсказы. Книга 1-я. М., 1904 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Книга 2-я. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Шнейдеръ, В. Искусственные туки и ихъ примѣненіе въ главнѣйш. государствахъ Европы и Соедин. Штатахъ Сѣверн. Америки. Спб., 1904 г.

Шрейнеръ, О. Грёзы и сновидѣнія. Пер. съ седьмого англ. изд. Ц. В. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Щербина, А. Ученіе Канта о вещи въ себѣ. Кіевъ, 1904 г.

Эленшлэгеръ, Адамъ. Ярлъ Гаконъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ датск. А. Ганзенъ. Изд. Скирмунта. М., 1904 г. Ц. 60 к.

Эльпе. Радій и его спутники. (Лучистая энергія.) Изд. Суворина. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.
I. Книги.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1904 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

на ежемѣсячный журналъ

ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВДА.

Годъ изданія II-й.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) **Беллетристика** — романы, повѣсти, очерки, пьесы, стихотворенія и проч. какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Критика и библіографія. 3) Статьи по вопросамъ эстетики морали и философіи. 4) Статьи по различнымъ отдѣламъ искусства—живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, сценическому искусству, музыкѣ, поэзіи и проч. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоры общественной жизни—отечественной и иностранной. 7) Художественная хроника—театръ, музыка, художественныя выставки. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ—художественныхъ, философскихъ, ученыхъ и проч. 9) Хроника важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній — техническихъ, коммерческихъ, научныхъ и проч. 10) Педагогическій отдѣлъ—статьи по вопросамъ обученія и воспитанія. 11) Судебная хроника. 12) Общій отдѣлъ—письма въ редакцію, почтовый ящикъ, разныя извѣстія, смѣсь и проч. 13) Портреты художественныхъ и общественныхъ дѣятелей и ихъ біографіи. 14) Иллюстраціи къ тексту журнала. 15) Объявленія.

Въ журналѣ участвуютъ:

Б. В. Авиловъ, Леонидъ Андреевъ, В. Базаровъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Богдановъ, В. Я. Богучарскій, проф. В. П. Бузескулъ, Ив. А. Бунинъ, Ив. А. Бѣлоусовъ, К. Н. Вентцель, А. А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Сергѣй Глаголь, Г. Галина, С. Н. Головачевскій, Максимъ Горькій, Е. П. Гославскій, Г. А. Гроссманъ, И. Гурвичъ, Е. В. Дегенъ, А. К. Дживелеговъ, В. И. Дмитріева, С. Елеонскій, проф. В. Н. Ивановскій, А. В. Эгельстромъ, П. Іорданскій, М. Н. Ковалевскій, П. А. Кожевниковъ, А. М. Коллонтай, акад. Ѳ. Е. Коршъ, проф. Н. А. Котляревскій, пр.-доц. С. А. Котляревскій, А. Р. Крандіевская, С. Н. Кранихфельдъ, Н. А. Крашенинниковъ, А. И. Купринъ, М. Е. Ландау, М. К. Лемке, Максъ-Ли, А. Е. Лосицкій, А. В. Луначарскій, М. Г. Лунцъ, М. Л. Мандельштамъ, П. П. Масловъ, С. П. Мельгуновъ, пр.-доц. Л. С. Миноръ, В. М. Михеевъ, С. А. Найденовъ, Ив. Наживинъ, М. Невѣдомскій, Л. Ф. Нелидова, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. Ольминскій, Вл. Орликъ, Е. Орловъ, М. Н. Покровскій, пр.-доц. Н. А. Рожковъ, пр.-доц. М. Н. Розановъ, пр.-доц. Г. И. Россолимо, П. П. Румянцевъ, Д. Сатуринъ, А. Серафимовичъ, Н. А. Скворцовъ, Скиталецъ, Е. Л. Смирновъ, И. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, С. А. Суворовъ, Танъ, П. Д. Телешовъ, А. Ю. Финнъ, В. М. Фриче, пр.-д. А. В. Цингеръ, Е. Н. Чириковъ, Л. Шейнисъ, В. А. Щерба, Ю. Д. Энгель, Семенъ Юшкевичъ, Яблоновскій, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, А. М. Ѳедоровъ и друг.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Годъ		9 мѣс.		6 мѣс.		3 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Безъ доставки въ Москвѣ	7	20	5	40	3	60	1	80
Безъ дост. въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ. .	7	50	5	65	3	75	1	90
Съ доставкой въ Москвѣ	7	60	5	70	3	80	1	90
Съ пересылкой въ Россіи	8	—	6	—	4	—	2	—
„ „ заграницей	10	80	8	10	5	40	2	70

Годовымъ подписчикамъ разсрочка безъ повышенія платы, по соглашенію съ редакціей.

Адресъ. Редакціи: Москва, Кудрино, 1, 18; для телеграммъ: Москва — журналъ; московской конторы: Неглинная, 4, „Журнальное дѣло"; петербургской конторы: Загородный, 21, 43; одесской конторы: Ришельевская, 12, „Образованіе"; харьковской конторы: Московская, 21, А. Дредеръ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель *Вал. Кожевниковъ.*

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Вышли въ свѣтъ третьимъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ:

„Программы домашняго чтенія на II годъ систематическаго курса“.

Изданіе коммиссіи по организаціи Домашняго чтенія, состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. Зн. Стр. XVI+325. Ц. 45 к.

Содержаніе II г. программы:

I. Науки математическія: Геометрія (преимущественно аналитическая). II. Наука о природѣ неорганизованной: физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ) и органическая химія. III. Науки о природѣ организованной: сравнительная анатомія съ гистологіей и эмбріологіей животныхъ. Анатомія растеній: изученіе споровыхъ растеній. IV. Науки философскія: (прогр. А.). Исторія философіи и (прогр. Б.) психологія съ эстетикой и, для желающихъ, педагогика. V. Науки общественно-юридическія: 1 общая теорія права, 2 общія понятія о государственномъ устройствѣ и управленіи и современный политическій строй Россіи. VI. Истор. Средневѣковая исторія, включая возрожденіе и Русская Исторія до смутнаго времени. VII. Исторія литературы: литература среднихъ вѣковъ и эпоха возрожденія.

Цѣль коммиссіи—придти на помощь людямъ желающимъ посредствомъ чтенія пополнить пробѣлы своего образованія для чего коммиссія издала 4 выпуска систематическихъ программъ на 4 года, и 2 серіи программъ эпизодическихъ. Цѣна программъ систематическихъ I ч. — 35 к. II ч.—45 к. III ч. 60 к. IV ч. – 60 к. Цѣна прогр. эпизодическихъ I серія 20 к. II серія 15 к.

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.

II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.

III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.

IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.

VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (Изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. $1^1/_2$ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна*. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра*. Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова*. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго*. Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина*.—Преступники, *П. Б. Хотимскаго*. 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розегеръ*. (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ*. (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель*. 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ*. 91 + IV стр. Ц. 15 к.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

12

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904

Объявленія.

XIV-й г. изд.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1904.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. [illegible]мъ.

1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ОТВѢТЪ ЖИЗНИ.

Очеркъ съ натуры.

— Кончено... все кончено!...

Эти два слова болѣзненно отпечатались въ сознаніи молодой женщины, уже болѣе часа оттиравшей скорченные члены холернаго больного.

Всѣ знанія, всѣ силы положила она, чтобы спасти его.

Онъ единственный кормилецъ громадной семьи; ни больше, ни меньше, какъ семь ртовъ останутся безъ куска хлѣба, если онъ погибнетъ.

Это сознаніе наэлектризовало нервы Елены Михайловны, подняло силы, истощенныя тяжелымъ трудовымъ днемъ.

Она забыла свою усталость, мучительную головную боль.

— До того ли?

Если бы возможно было перелить часть своей жизни въ это коченѣющее тѣло, она бы не задумалась.

Онъ нуженъ, онъ необходимъ, этотъ невзрачный мужичонко, забитый нуждой и тяжелымъ трудомъ; нуженъ семьѣ, она распадется, какъ карточный домикъ, лишь только сложатся навѣки эти грубыя, заскорузлыя руки.

— Да, онъ нуженъ... необходимъ...

И она работаетъ съ лихорадочной страстностью, ни за что не желая поддаться отчаянію.

Быстро ходятъ грубые шерстяные чулки въ проворныхъ рукахъ фельдшерицы, сильно и часто колотится ея сердце.

Оторвется на минутку, чтобы разжать стиснутые зубы больного и влить въ его ротъ лѣкарства, чтобы поправить свѣсившуюся голову или свершить грязную работу и снова, съ тѣмъ же запасомъ энергіи принимается за оттиранье.

Елена Михайловна не слышитъ плача и причитаній жены и ма-

тери больного, не замѣчаетъ больше столпившихся у порога бабъ-утѣшительницъ.

Вначалѣ, войдя въ избу, она сдѣлала попытку прогнать вонъ всю лишнюю публику, но на это понадобилась бы грубая сила,—увѣщаній не послушались.

Со сжавшимъ сердце сознаніемъ невыполненнаго долга, она махнула рукой и подошла къ холерному.

Теперь уже окружающіе не существуютъ для нея.

Она не видитъ расшалившихся ребятишекъ, съ обычнымъ дѣтскимъ эгоизмомъ занятыхъ личными дѣлами и дающихъ низкую оцѣнку всему, что ихъ не касается. Не видитъ она измученнаго лица, страдальческихъ помутившихся глазъ больного, полныхъ такой безпросвѣтной апатіи. Не слышитъ стоновъ, скрежета стиснутыхъ зубовъ...

Но вотъ какъ-то сразу стихли стоны и хрипѣнье, остановились, остекленѣли усталые глаза, все тѣло какъ-то неестественно вытянулось, застыло, преодолѣвъ послѣднюю судорогу.

И она почувствовала, что конецъ всему, что ужъ больше нѣтъ надежды!

Опустились руки, энергія упала, не стало силы, словно порвалось въ ней что̀.

Заныло сердце... Заныло усталое тѣло... Еще мгновенье—и тяжелая безцвѣтная реакція воцарилась въ ней.

Легла бы вотъ на одну изъ лавокъ, что стоятъ возлѣ стѣнъ, закинула бы руки за голову и лежала бы безъ мысли, безъ сознанія окружающаго, заснула бы тяжелымъ сномъ.

А обязанности санитара? Вѣдь и это ея дѣло. Гробъ... Известь... Погребеніе...

Она съ трудомъ поборола свою апатію и встрепенулась.

— А, можетъ быть, дома уже ждетъ посланный? Придется бѣжать къ другому больному...

Елена Михайловна оглянулась вокругъ.

Бабы сразу сообразили горькую истину и съ воплями и съ громкими причитаніями окружили покойника.

Ребятишки притихли было, испуганные, ошеломленные, и вдругъ, зараженные примѣромъ, заголосили въ тонъ старшимъ.

Разбуженная плачемъ и шумомъ, проснулась и малютка въ люлькѣ; жалобными нотами зазвучалъ ея голосокъ.

Тускло мигаетъ крохотная лампочка на стѣнѣ, льется отъ нея дрожащій блѣдный свѣтъ.

И взрослые, и дѣти кажутся какими-то унылыми, трепетными

тѣнями, зловѣщими и въ то же время жалкими въ этомъ тускломъ полумракѣ.

Елена Михайловна взяла себя въ руки. Толпа уже оттѣснила ее отъ покойника,—не протолкаться.

— Пустите меня!

Звуки пропали въ стонѣ причитанья.

Она повысила голосъ, заговорила рѣзче, повелительнѣе — толпа стихла, разступилась.

Ей только этого и нужно было.

Она отдавала коротенькія приказанія:

— Уберите дѣтей!

— Куда?

— Все равно, вонъ изъ избы.

И кто-то сталъ ловить дѣтей за руки и выводить вонъ.

— Пусть кто-нибудь пойдетъ къ Михайлѣ за гробомъ... Затопите печку!

И задымилась русская печь.

Фельдшерица подошла къ больному и стала обряжать его.

Плачъ и причитанья задрожали въ воздухѣ.

Ярко пылаетъ русская печь, и Елена Михайловна, сложивъ въ кучу все, что соприкасалось съ холернымъ, собралась уже приняться за работу, составлявшую обыкновенно послѣдній заключительный актъ раздирающей душу деревенской холерной драмы.

Она собралась жечь вещи.

Ярче, ярче пылаютъ дрова, огненные языки освѣтили часть избы, выхвативъ изъ темноты уголъ съ почивающимъ на лавкѣ страдальцемъ.

Елена Михайловна подняла первую, лежавшую наверху кучи, вещь — овчинную шубу, которой былъ покрытъ больной во время озноба, запачканную рвотой.

Но только что она собралась протолкнуть ее въ чело печи, отчаянный вопль огласилъ избу.

— Барыня, голубушка, золотая, родненькая, не разоряй!... Не разоряй ты насъ горемычны-и-ихъ...—голосила вдова.—Шуба-то, шуба вѣдь новё-ё-хонька!... Пожалѣй ты насъ, не пускай по мі-іру!

И почувствовала Елена Михайловна, какъ двѣ руки охватили ея колѣни, и несчастная женщина, ползая у ея ногъ, молила и заклинала.

Жалость сжала сердце измученной, потрясенной фельшерицы и хотѣлось ей крикнуть отчаянно:

— Не мучь, не мучь меня, я не могу...

Хотѣлось дать волю нервамъ истерзаннымъ, разбитымъ, хотѣ-

лось зарыдать вмѣстѣ съ воющей бабой, облегчить слезами усталую душу.

Нѣтъ! Она должна довершить дѣло. Слабости здѣсь нѣтъ мѣста.

Осторожнымъ, но сильнымъ движеніемъ отвела молодая женщина руки вдовы.

Дрожащимъ, сдержаннымъ голосомъ начала уговаривать несчастную:

— Шубу нужно сжечь непремѣнно, съ ней ничего не подѣлаешь, ее не обеззаразишь здѣсь иначе и вотъ это тоже... Бѣлье, платье намочимъ въ жидкости... Не пропадетъ.

И она ухватомъ протолкнула шубу въ печь.

— Креста на тебѣ нѣтъ, окаянная!... Одна напасть отъ васъ дохтуровъ проклятыхъ!—неистово крикнула баба, и злое, искаженное лицо мелькнуло близко-близко возлѣ Елены Михайловны и сжатые кулаки готовы были нанести ей сотни ударовъ.

Въ окружающей толпѣ почувствовалось тоже какое-то глухое, но зловѣщее движеніе.

Размышлять дольше не приходилось; въ толпѣ проснулись страсти; если не дать имъ мгновенный отпоръ,—удержу ужъ не будетъ.

Елена Михайловна ловкимъ движеніемъ захватила сжатыя въ кулаки руки вдовы, крѣпко стиснула ихъ и, не спуская глазъ съ ея лица, искаженнаго горемъ и злобой, воскликнула изумленно и горестно:

— На *мнѣ* креста нѣтъ, ты говоришь? А на *тебѣ*-то онъ есть?—она на секунду смолкла и заговорила:—Взгляни,—и сдѣлала движеніе головой въ сторону покойника,—взгляни, у него ноги еще не остыли... ты за душу его должна молиться, а ты?... Образумься же, образумься... Побойся Бога!

Она говорила страстно, словно вся мука наболѣвшаго сердца нашла исходъ въ этихъ горячихъ словахъ.

— Ты думаешь, мнѣ радость жечь твое добро? А знаешь ли ты, что если я сегодня пожалѣю и не сожгу, завтра и ты подъ образами ляжешь!...

Елена Михайловна уже задыхалась отъ своего волненія, глаза ея, сухіе и воспаленные, неподвижные, какъ бы гипнотизируя, впи[лись] лись въ лицо несчастной.

И чувствовала она, какъ подъ этимъ ея взглядомъ мѣняется [ли]цо вдовы, разжимаются кулаки.

И въ изнеможеніи она выпустила руки.

— А умрешь ты отъ холеры, что будетъ съ твоими дѣтьм[и?] — уже слабѣе звучитъ голосъ фельдшерицы.—И дѣти перезараз[ятся]...

— Ребята заразятся? — съ какой-то безумной радостью въ глазахъ выкрикнула вдова.—Ребята? Господи Батюшко! Да прибери ты ихъ! Какъ я, горемычная, прокормлю-то ихъ?...

— Не гнѣви Бога, голубушка, Онъ знаетъ, что творитъ...—мягко, слабо звучитъ голосъ фельдшерицы.—Не оставитъ Онъ тебя съ твоими сиротками... Полно... полно, не плачь!—Елена Михайловна ласковымъ движеніемъ положила руку на плечо горемычной.

— Успокойся, приди завтра ко мнѣ, потолкуемъ... Можетъ, и придумаемъ что.

Поддаваясь обаянію непривычной ласки, бѣдная женщина какъ-то притяхла на мгновеніе, потомъ зарыдала неудержимо, кинулась на колѣни и, ползкомъ добравшись до покойника, прильнувъ лбомъ къ полу, жалобно причитала:

— На кого ты насъ споки-ину-улъ, горемычны-ихъ.

Набросивъ на голову шаль, Елена Михайловна вышла на крыльцо. Стояла осень.

Темно-синее небо горѣло яркими, крупными, нервно мигающими звѣздами.

Тишина, темь—зачарованныя.

Рѣдко-рѣдко лай собакъ прорѣжетъ спокойствіе ночи, да пѣтухи прокричатъ съ просонокъ, и снова воцаряется мертвая тишь...

Елену Михайловну опьянилъ свѣжій прохладный воздухъ послѣ спертой духоты избы, даже пошатнуло на первыхъ шагахъ, она ухватилась за плетень, простояла нѣсколько минутъ, пока прошло головокруженіе.

Потомъ пошла неторопливо, съ трудомъ перемогая усталость и слабость.

Кто-то быстро идущій чуть не сбилъ ее съ ногъ.

— Никакъ барыня? Олена Михайловна?—слышится пѣвучій женскій голосъ.

— Да, я. Откуда, Петровна?

— Да робятъ, сиротокъ Савельевыхъ, отводила.

— Гдѣ ты ихъ пристроила?

— Да вòна, гликось, старшеньки-то на крылечкѣ у Протаса сидя[illegible], а махоньки-то ужъ спятъ въ сѣняхъ. На этихъ вотъ и сну н[illegible]ъ... Боятся.

— Ну, прощай голубушка... Въ Савельеву-то избу не ходи [illegible]ле.

— Прощай, барыня.

[illegible]лена Михайловна не поднялась на крыльцо, а замедлила шаги и [illegible]лушалась къ дѣтскимъ голосамъ.

Сдержаннымъ голосомъ таинственно говорила старшая восьмилѣтняя дѣвочка Катька, и Елена Михайловна мысленно увидѣла ея серьезную, испуганную рожицу.

— Эвона тятька-то утрось ругался: чтобъ васъ холера задавила; насъ-отъ не задавила, а ево-ð.

— А ты вотъ ругайся,—и тебя возьметъ!—вѣско и авторитетно возражаетъ шестилѣтній братишка и вдругъ, понизивъ голосъ почти до шопота, задаетъ тревожный вопросъ:

— Катюшка, а Катюшка, тятька-отъ хватать меня не станетъ? Я бо-оюсь. Катька, слышь, хватать не станетъ? Тятька-то?

Въ отвѣтъ раздалось хныканье Кати и плаксивый голосокъ прозвучалъ жалобной трелью:

— Ой-ой, и я бо-о-оюсь!

Елена Михайловна подошла вплоть къ крыльцу:

— Не пугайтесь, дѣти, это я!—и присѣла на нижнюю ступеньку.

— Не плачь, Катя, не бойся... тятька васъ хватать не будетъ... Развѣ вы не видѣли: онъ лежитъ тихо-тихо... Онъ больше не встанетъ.

— И ногой не дрыгнетъ?—сосредоточенно спросила Катя, и фельдшерица вспомнила моментъ, вызвавшій этотъ тревожный вопросъ: когда умеръ Иванъ, у него были посмертныя судороги, дѣти видѣли это или слышали.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ совсѣмъ шевелиться и ужъ хватать-то кого-нибудь и подавно...

И всѣ смолкли на минутку, и молодой женщинѣ казалось, что она чувствуетъ, какъ трепетно колотятся охваченныя ужасомъ дѣтскія сердечки.

Ей хотѣлось посидѣть еще съ ними, но надо было спѣшить домой.

Она поднялась со ступеньки и ласково посовѣтовала:

— Подите-ка въ сѣни, ребятки, да ложитесь спать, ночь ужъ, пора. Утречкомъ вставайте пораньше, да ко мнѣ приходите, я вамъ мятныхъ пряниковъ дамъ.

Дома, въ «избѣ фельдшерицы» Елену Михайловну ждалъ сюрпризъ.

Столъ былъ накрытъ, кипѣлъ самоваръ, лампа горѣла.

Не было такъ пусто, неуютно и одиноко, какъ обыкновенно. но зато гость, распорядившійся въ ея отсутствіе, какъ дома, сидѣлъ тутъ же за стаканомъ чая и лишалъ ее возможности сейчасъ же лечь спать, отдохнуть.

И она остановилась на порогѣ съ досадливымъ чувствомъ, противъ ея воли вылившемся въ непривѣтливую фразу:

— Ахъ, Дмитрій Андреевичъ, это вы, но я вамъ сегодня совсѣмъ, совсѣмъ не рада!

— Ну, позвольте этому не повѣрить!—засмѣялся докторъ.

— Нѣтъ, правда... Я такъ устала... И потомъ, мнѣ надо мыться, дезинфецироваться,—я отъ холернаго!

— Ну и полощитесь, голубушка, а я на крылечкѣ посижу, покурю, ночь славная... Кончите мыться, позовите, пока пьете чай—посижу съ вами. Въ десяти верстахъ отъ васъ былъ, вызывали... Дай, думаю, заѣду къ Еленѣ Михайловнѣ, не зналъ, что она сегодня такая сердитая...—улыбался ей докторъ всѣмъ своимъ умнымъ, некрасивымъ лицомъ, отъ улыбки оно становилось добрымъ и милымъ. Елена Михайловна невольно засмѣялась ему, Дмитрій Андреевичъ захватилъ фуражку и вышелъ на улицу.

Четверть часа спустя Елена Михайловна отворила дверь на крыльцо и остановилась на порогѣ.

Чудная картина ночи ударила ей въ глаза.

Нервы, застывшіе было въ тяжеломъ безпросвѣтномъ оцѣпенѣніи, откликнулись на эту красоту какимъ-то жалобнымъ, мучительнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ.

Словно чья-то рука, неумолимо-злобная, захватила его и сжала.

На минутку она въ нестерпимой тоскѣ закрыла глаза, прижала къ груди руки и прислушалась къ тому, что копошится въ сердцѣ.

Открыла глаза и стала смотрѣть.

Луна, почти полная, выплыла изъ-за покосившейся избушки и медленно ползла, какъ бы крадучись, пробираясь между серебристыми легкими и нѣжными облаками; свѣтъ ея лучей, неровный, капризный, льется мягкими волнами, измѣняя очертанія, превращая убогую русскую деревню въ какой-то сказочный, таинственный мірокъ.

Звѣзды, ярко сверкавшія полчаса тому назадъ, съ появленіемъ луны поблѣднѣли и свѣтятъ грустнымъ слабымъ свѣтомъ.

Еленѣ Михайловнѣ не хотѣлось говорить. Она видѣла темную, немного сгорбившуюся фигуру доктора, присѣвшаго на ступенькѣ, видѣла огонекъ его папироски, нѣтъ-нѣтъ вспыхивающей яркой искоркой; только табачный дымъ, долетая до нея, непріятно раздражалъ обоняніе, но она молчала.

Докторъ не оглянулся ни на стукъ отворившейся двери, ни на жалобный визгъ заржавленныхъ петель. Онъ сидѣлъ молча, неподвижно, повидимому весь отдавшись созерцанію.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Папироска погасла. Дмитрій Андреевичъ поднялся.

— Вы ужъ готовы?—спросилъ онъ, какъ-то машинально, думая о чемъ-то другомъ.

— Давно ужъ. Развѣ вы не слыхали, какъ я вышла?

— Нѣтъ,—кажется, слыхалъ...—Онъ замолкъ, казалось, все еще не въ силахъ оторваться отъ своихъ мыслей.

Елена Михайловна все стояла и смотрѣла, а тоска ныла и ныла въ груди...

— Вы очень устали?—спрашиваетъ докторъ.

— Да, кажется, очень...—роняетъ Елена Михайловна.

— Ну, такъ я пойду... Ложитесь, выспитесь... если бы ночью случились больные, я скажу сторожу, чтобы присылалъ ко мнѣ.

Еленѣ Михайловнѣ вдругъ стало жутко, страшно оставаться одной, совсѣмъ одной... Пожалуй, головная боль промучитъ всю ночь, до утра и заснуть не удастся.

— Вѣдь вы не допили свой чай?...—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ не стоитъ, вѣдь вы очень устали.

— Ну, это пустяки... Я рада вамъ.

Дмитрій Андреевичъ засмѣялся:

— Сейчасъ видно женщину! Давно ли вы увѣряли меня въ противномъ?

— Тогда было одно настроеніе, теперь другое, вотъ и все!—улыбнулась Елена Михайловна. Пойдемте же пить чай и не нападайте на женщинъ, вѣдь и съ вашимъ братомъ случается, что за день сотня настроеній смѣнится.

Они уже сидѣли за самоваромъ.

— Вотъ вамъ горячаго чайку,—протянула она ему черезъ столъ дымящійся стаканъ.—Мнѣ часто хочется знать, чтò думаетъ человѣкъ, который въ данную минуту близко отъ меня, хотя бы даже въ смыслѣ разстоянія. Съ вами этого не бываетъ?

— Вы это къ чему?—поднялъ голову докторъ.

— Хотѣлось бы знать: о чемъ вы думали тамъ, на крыльцѣ? Вы помните?

— Отлично помню. Я о васъ думалъ,—просто отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Обо мнѣ? Что же?

— Да нельзя по-моему такъ безмѣрно горячо относиться къ дѣлу. Вы вернулись съ такимъ убитымъ видомъ, смотрѣть жалко... Невозможно, голубушка, въ холерный годъ оплакивать всякаго покойника, слезъ не хватитъ!

Елена Михайловна покачала головой.

— Это легко совѣтовать!

— Вы могли бы, Елена Михайловна, бросить эту фразу кому-нибудь другому, а не мнѣ. Вѣдь и я теряю больныхъ... Вы думаете я отношусь къ этому равнодушно? Напрасно... Но я считаю необходимымъ нѣсколько закалить себя, это необходимо... для дѣла.

— Очень рада, что вамъ это удается, а я не могу превратиться въ камень, не могу, не въ силахъ! Возьмите мой сегодняшній случай... И Елена Михайловна начала разсказывать, сильно волнуясь, но стараясь не окрашивать событія своимъ настроеніемъ, передавать только факты.

— Осталась семья...—кончала она свой разсказъ: вдова мать, старуха-бабушка, безпомощная, какъ ребенокъ, почти выжившая изъ ума, и пять ребятъ малъ-мала меньше... Что будетъ съ ними дѣлать несчастная вдова? Какова участь этихъ сиротъ? Вѣдь по міру они пойдутъ, если холера не приберетъ ихъ раньше!... А тамъ... пороки, позоръ... Развѣ можно, не страдая, проходить мимо такихъ случаевъ? Я не могу... И страдать мало, надо помочь... Но чѣмъ! Какъ? Сегодня я сказала вдовѣ: приди ко мнѣ завтра—потолкуемъ, можетъ, и придумаемъ что... Но что придумать? Чѣмъ утѣшить? Вѣдь не утѣшишь ея обѣщаніемъ дать пряникъ, которымъ было такъ легко утѣшить ея дѣтишекъ... Не спасла больного, не могу помочь его семьѣ... Я безсильна... Это такое ужасное сознаніе! Переливаешь только изъ пустого въ порожнее...

Ея тоска переходила въ отчаяніе и это отчаяніе стонало, кричало въ ея словахъ... Она оборвала себя почти на полусловѣ, закрыла лицо руками.

— Чего-жъ вы хотите? Творить чудеса? Претворять воду въ вино, камень въ хлѣбъ? Воскрешать умершихъ?—тихо, съ усмѣшечкой спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— А хоть бы и такъ! Хотя бы чудеса?—горячо выкрикнула Елена Михайловна.—Что-жъ удивительнаго жаждать чудесъ среди этого ужаса, смерти, нужды... Вѣдь безъ чуда ни на что не хватаетъ силъ, средствъ, умѣнья... Что-жъ...

Она почувствовала, что рыданія сжимаютъ ей горло, быстро в[illegible]ала, распахнула дверь на крыльцо, спустилась нѣсколько ступен[illegible]ъ, сѣла, прижавшись головой къ периламъ.

Сердце ныло, мучительныя мысли, неразрѣшимые вопросы давятъ м[illegible]гъ.

[illegible]ознаніе одиночества, безконечнаго, безпросвѣтнаго, томитъ ее.

[illegible]кому вылить душу, не у кого попросить совѣта, ни отъ кого

не услышишь могучаго слова, которое однимъ звукомъ поднимаетъ энергію, заставляетъ безъ раздумья идти на трудъ, на опасность.

Мужъ, ребенокъ, мать—всѣ они, всѣ близкіе лежатъ въ землѣ, всѣхъ взяла смерть неумолимая, безпощадная, всѣхъ, отъ кого она могла бы ждать участія, ласки.

Кругомъ—чужіе, далекіе люди.

Далекіе, какъ этотъ докторъ, который находитъ возможнымъ шутить и подсмѣиваться въ такія минуты, когда сердце рвется отъ боли и страданія.

Тяжело.

Ей захотѣлось заплакать горько-горько. Захотѣлось, чтобъ кто-нибудь пожалѣлъ ее, какъ больного, безпомощнаго ребенка.

Ощутить бы ласковую руку на головѣ, услышать бы привѣтливое слово.

Слезы переполняютъ широко открытые глаза, долго сдерживаемыя, съ рѣжущимъ чувствомъ скатываются съ рѣсницъ.

Одна, другая... цѣлый дождь.

Грудь поднимается судорожно, плечи вздрагиваютъ. Нѣтъ больше силъ сдерживаться. Она слышитъ—Дмитрій Андреевичъ спускается къ ней, и нѣтъ силъ встать и уйти.

Онъ присѣлъ рядомъ съ ней, спрашиваетъ что-то, такъ мягко звучитъ его голосъ. Вотъ взялъ ея руку, сжимаетъ, гладитъ.

— Бѣдная, бѣдняжечка...—Такъ странно мягко падаютъ слова,—успокойтесь, успокойтесь, не плачьте... простите меня.

Онъ прижимаетъ ея руку къ губамъ. Нервная струйка пробѣжала по спинѣ Елены Михайловны, она вздрогнула чуть-чуть, но руки не отняла.

Теплѣе ей стало отъ ласки.

И нѣтъ силъ сказать что-нибудь, нѣтъ силъ удержать слезы. Плечи все вздрагиваютъ и слезы льются. Нѣтъ силъ, нѣтъ воли.

Она чувствуетъ, докторъ ближе придвинулся къ ней. Ласковымъ движеніемъ притянулъ ея голову къ себѣ на плечо; она ощущаетъ на волосахъ, на лбу легкое прикосновеніе его губъ и не отшатнулась, не вскрикнула, а вся какъ-то замерла, отдаваясь давно неиспытанной ласкѣ.

Голова пуста, нѣтъ больше мыслей. Только сердце бьетъ без[illegible]ную тревогу. Она перестаетъ вздрагивать отъ рыданій, притихла и почти безсознательно слушаетъ слова, которыя между ласкъ роня[illegible]ъ докторъ:

— Не надо, не надо плакать... пусть эти глаза, эти милые [illegible]а

улыбаются, всегда улыбаются счастливо, радостно... Вѣдь они дороги, дороги безконечно.

У ней мелькнула первая ясная мысль: дороги? кому? ему? Ей стало холодно-холодно, она порывисто отодвинулась отъ него, все еще не отнимая рукъ, отодвинулась настолько, чтобы при свѣтѣ ярко свѣтящейся луны увидѣть его лицо.

Это было одно игновеніе.

Они смотрѣли другъ на друга.

Блѣдное красивое женское лицо. Тонко очерченный овалъ, нервно вздрагивающія губы, темныя брови, сжавшія на лбу мучительную складочку и глаза широко открытые, темные, горящіе вопросомъ, вопросомъ суровымъ, почти злымъ. И другое—мужское, нервное и страстное. Въ глазахъ мольба, мука и власть. Онъ крѣпко сжалъ ея руки и почти грубо притянулъ къ себѣ.

Въ головѣ Елены Михайловны промелькнула мысль:

— А тамъ? дальше? опять одна? Украсть минуту счастія... и какъ украсть? подло украсть... Вѣдь у него жена... Безуміе!

Съ тихимъ стономъ рванулась отъ него молодая женщина.

— Безуміе...—тихо проронила она,—что вы дѣлаете! Что мы дѣлаемъ?... Опомнитесь... нѣтъ... помогите *мнѣ* опомниться... Что же это? Вѣдь вы её любите... вы мнѣ говорили... Что же это?

Она роняла слова, вся извиваясь и выскальзывая изъ его рукъ.

Вотъ она уже высвободилась, стоитъ и смотритъ на него.

Онъ сидитъ у ея ногъ, уныло опустивъ голову, ни звукомъ не отвѣчая на ея несвязные вопросы.

— Послушайте...—Онъ не откликнулся. Ей вдругъ стало страшно жаль его.

Она склонилась къ нему и мягко, нѣжно положила руку на его голову. Онъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, и отшатнулся.

— Ради Бога уйдите... оставьте меня... Ну, конечно, это безуміе, порывъ... Простите, Елена Михайловна, простите.

Она опять похолодѣла вся и медленно пошла въ горницу.

Дверь за собой она не затворила. Дмитрій Андреевичъ зайдетъ за фуражкой.

Но вотъ ушелъ докторъ. Молодая женщина одна. Закрыла двери на засовъ и машинально погасила лампу. Огонь раздражалъ. Не хватило силъ добраться до кровати, раздѣться.

Она сѣла тутъ же на табуретку, уронила голову на сложенныя на столѣ руки и забылась.

Изъ всѣхъ уголковъ памяти поползли воспоминанія, словно спугнутыя чѣмъ-то.

Передъ глазами проносятся счастливые годы. Тепло, свѣтло, ясно. Дѣтство, полное радостей, ласки, нѣги.

Юность со свѣтлыми идеалами, съ горячей жаждой труда, знаній. Замужество, хорошее счастливое время. Ребенокъ милый, здоровенькій, протягиваетъ изъ далекаго прошлаго свои крохотныя ручонки съ ласковымъ лепетомъ «мама».

И сердце Елены Михайловны рвется на части.

— Ничего, ничего этого не стало.

Темной тучей подернулись воспоминанія. Словно буря налетѣла и все сокрушила.

Поразительно ярко рисуется въ памяти картина.

Слабо освѣщенная комната. Тяжелая атмосфера болѣзни.

На кровати подъ бѣлымъ одѣяломъ едва вырисовывается исхудалое тѣло. Голова съ коротко-остриженными волосами, обрамленный черной бородкой, блѣдный, словно восковой, профиль, вѣки съ пушистыми рѣсницами плотно сжаты. Одна рука судорожно схватила складку одѣяла, другая—безпомощно свѣсилась съ края кровати.

На полу, прильнувъ къ этой рукѣ, изступленно рыдаетъ женщина; эта женщина—Елена Михайловна у трупа своего мужа.

Въ страстномъ отчаяніи она призываетъ Бога поддержать, помочь перенести непосильное горе.

— Боже, Господи! Помоги, поддержи... Костя! Встань же, Костя! встань, взгляни... Я не могу... я не могу безъ тебя! не могу... взгляни, взгляни на меня... Скажи хоть слово, одно, только одно... Господи! Да отчего онъ такой холодный, суровый?... Ты не любишь слезъ, Костя? Не выносишь? Ну, я не буду! не буду... Улыбнись только, улыбнись... улыбнись...

Но зловѣщая тишина отвѣчаетъ ея воплямъ.

Люди ходятъ, какъ тѣни, сумрачные, безшумные.

Потомъ гробъ и въ гробу... Нѣтъ, не онъ... Не ея Костя, не ея мужъ, а какая-то странная масса, съ отвисшею челюстью, съ чужимъ каменнымъ выраженіемъ, потерявшая человѣческій обликъ.

Чуждое, незнакомое, далекое что-то...

Она отшатнулась отъ гроба. Мучительная спазма сжала горло. Злобный стонъ вырвался изъ груди. Точно холодная, леденящая струя пробѣжала по тѣлу, сердце замерло... Мозгъ сдавили страшные тиски...

Какъ каменная, она двигалась въ процессіи.

Ласки ребенка отогрѣли Елену Михайловну. Но не на долго.

Страшная горловая болѣзнь унесла его. Онъ задыхался на глазахъ матери, сидя въ кроваткѣ, не смыкая глазъ въ теченіе с[...]

и все крестился маленькой, быстро исхудавшей ручкой. Открывая ротикъ, ловилъ онъ почти не проникавшій въ легкія воздухъ, раскачивался, какъ маятникъ, умолялъ, чтобъ докторъ не отходилъ ни на минутку прочь.

Мать ужъ больше не молилась. Она не вѣрила больше въ Правосудіе, не вѣрила ни во что. Она видѣла, что ея мальчикъ, единственная цѣль ея жизни, задыхается, гибнетъ и жаждала одного: чтобы скорѣй его не стало, чтобы прекратились эти никому не нужныя страданія.

И его не стало...

Какъ темно, какъ пусто, какъ холодно...

И сейчасъ, какъ тогда, Елена Михайловна ощутила тотъ же мракъ, леденящій холодъ, пустоту.

Съ ужасомъ подняла она голову, встала, подошла къ окну, ломая руки... Ей хотѣлось заплакать, но слезъ не было, какъ и тогда.

Но время шло. Жгучее горе улеглось... Понемногу она отошла, оттаяла и стала жить другою жизнью...

Фельдшерскіе курсы... Работа въ земствѣ. Вотъ изъ этой жизни рисуются картины...

Зима... Морозъ трескучій, но въ большой казармѣ, съ низкимъ потолкомъ, нестерпимо жарко, душно, чадно, пахнетъ кислой прѣлью.

Елену Михайловну привелъ сюда молодой словоохотливый солдатикъ, всю дорогу говорившій ей объ арестантахъ, которыхъ онъ сопровождалъ, въ числѣ другихъ, въ далекую ссылку. Одинъ изъ этихъ арестантовъ заболѣлъ, свалился. Начальство проситъ фельдшерицу осмотрѣть больного здѣсь, «въ этапѣ».

Когда она ступила на порогъ казармы, на нее пахнуло душной атмосферой, широкой волной идущей навстрѣчу бѣлому облаку пара, ворвавшемуся съ улицы, въ распахнувшуюся передъ ними дверь. Елена Михайловна на мгновеніе растерялась, ухватилась рукой за косякъ двери, охваченная какой-то робостью.

Ей не въ первый уже разъ приходилось подавать совѣты и помощь мимо идущимъ арестантамъ, не впервые она входила въ эту казарму, и каждый разъ ужасный воздухъ, отчаянная обстановка, въ которой люди должны были найти отдыхъ усталымъ членамъ, поражала ее, казалась ей какой-то злой ироніей.

– Гдѣ тутъ больной?—справившись съ собой, громко спросила она.

[При] ея появленіи все стихло. Крики, рѣзкій нахальный хохотъ, [ц]ин[ич]ныя шутки замерли.

Изъ толпы выдѣлилась высокая фигура съ бритой головой, въ арестантскомъ халатѣ и показала ей направленіе.

Она подошла къ нарамъ, откуда доносился тяжелый, удушливый кашель.

Елена Михайловна сняла шубу, кто-то взялъ ее, забралась на нары и, вставъ на колѣни передъ больнымъ и положивъ руку на бритую голову, мягко спросила:

— Что у васъ?

— Охъ, барышня, красавица... Охъ, лихо мнѣ, лишенько!... Ох-ох-ох...—хрипло жалобно отозвался больной,—колетъ, всѣ бока прокалываетъ... горю весь, словно полымя жжетъ... лихоманка трясетъ... И никакой-то пощады мнѣ нѣту... Богомъ прошу начальство: бросьте меня окаяннаго гдѣ ни на есть, не тащите съ собой... Креста-то на нихъ нѣту... Вѣры никакой больному человѣку не даютъ...

Онъ говорилъ возбужденно, срываясь, задыхаясь, и, наконецъ, жестоко раскашлялся.

Елена Михайловна ужъ оглядѣлась въ темнотѣ и видитъ больные мутные глаза, видитъ усталое, страдающее лицо, и онъ, этотъ арестантъ, какъ всѣ больные, къ которымъ ей приходится подходить, становится ей близокъ, дорогъ.

Она разстегнула у него на груди халатъ, рубашку, выслушиваетъ, выстукиваетъ его.

— Я пропишу тебѣ лѣкарство, поговорю съ начальствомъ. Тебя оставятъ здѣсь до слѣдующей партіи, а пока полѣчу, поправишься...—ласково, участливо говоритъ фельдшерица, и страдальческое озлобленное выраженіе грубаго лица дѣлается мягче.

— Спасибо, красавица, ненаглядная, дай тебѣ Богъ...—звучитъ хриплый голосъ.

Еще два-три слова, и она соскочила съ наръ... И обомлѣла...

Озабоченная тяжелымъ положеніемъ больного, Елена Михайловна какъ-то странно забыла—гдѣ она. Передъ ней стояло только больное измученное лицо и въ ушахъ звучали хрипы крупознаго воспаленія легкихъ.

Соскочивъ съ наръ, она осталась въ томъ же сѣроватомъ полумракѣ, и на этомъ безотрадномъ фонѣ большая толпа тѣсно окружившихъ ее людей, съ грубыми лицами, темными, сумрачными, со зловѣще сверкающими въ полумракѣ глазами, а главное, тутъ близко надъ ней—и это всего страшнѣе—звѣрское лицо татарина въ ермолкѣ, съ широкимъ, багровымъ шрамомъ наискосокъ лба, разсѣкающимъ бровь и кожу на скулѣ.

Черные глаза горятъ, сверкаютъ на смугломъ лицѣ.

Елену Михайловну охватилъ ужасъ, безсмысленный, инстинктивный; ничего не соображая, она оглядѣлась вокругъ, но встрѣчая тѣ же лица, полныя тревоги, стала кидать несвязные вопросы:

— Что это такое? Что это? Гдѣ солдатъ? Послушайте, гдѣ солдатъ?

— Барышня, матушка, да чего-жъ ты испужалась? Христосъ съ тобой!—добродушно зазвучало нѣсколько голосовъ.

— Вонъ онъ, вонъ твой солдатикъ, никуда не дѣлся,—и передъ ней разступились. Еленѣ Михайловнѣ уже стало стыдно своего испуга. А толпа соображала:—Э, да ее этотъ Иродъ напугалъ!

Татарина схватили за руки и оттащили въ сторону. Онъ и не сопротивлялся.

— Чего ты испугалась?—укоряютъ ее ласковые голоса.—Ты насъ лѣчить пришла, а мы тебя обидимъ? Да развѣ это можно? Да никому мы тебя въ обиду не дадимъ... Очень тебѣ благодарны...

Елена Михайловна, страшно сконфуженная и глубоко тронутая, спѣшитъ загладить свою вину и спрашиваетъ:

— Не болитъ ли у кого что?

Нѣсколько человѣкъ выдвигаются и довѣрчиво выслушиваютъ совѣты и принимаютъ лѣкарства изъ карманной аптечки.

А ей всѣмъ сердцемъ хочется принести какую-нибудь большую жертву, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить слишкомъ тяжелую, суровую долю «отверженныхъ».

И глубоко, глубоко копошится жгучая боль за ту обиду, которую она невольно нанесла этой преступной, но дѣтски довѣрчивой толпѣ.

Вспоминая теперь мельчайшіе штрихи этой мрачной по колориту картины, освѣщенной только дѣтски ласковыми улыбками преступниковъ, озаренной и согрѣтой свѣтомъ и теплотой, излучаемыми десятками устремленныхъ на нее привѣтливыхъ глазъ, она невольно улыбается.

Она, маленькая, хрупкая, стояла межъ нихъ съ безотчетнымъ сознаніемъ своей силы, неуловимой, но властной.

Сколько разъ это сознаніе поднимало въ ней энергію, врачевало усталую душу, толкало на непосильную подчасъ работу.

— Ради Бога взгляните, что съ моей дѣвочкой? Неужели, неужели она умерла? Неужели?

Страстной тоской звучитъ женскій голосъ. Тонкіе, холодные, какъ ледъ пальцы впиваются въ руки Елены Михайловны и неженская

сила влечетъ ее съ крыльца, по темнымъ сѣнямъ, въ станціонную комнату.

— Мы вынули ее изъ возка сонную и такъ смѣялись съ мужемъ, что не можемъ растолкать... Такъ и внесли сюда.

Только, когда раскутывали ее, испугались: она холодная, неподвижная... Господи, неужели?... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе.

Вотъ.

Онѣ уже вошли. На жесткій клеенчатый диванъ почтовой станціи брошена лисья ротонда. Въ пушистомъ мѣху утопаетъ прелестный пятилѣтній ребенокъ, съ блѣдно-синеватымъ оттѣнкомъ на продолговатомъ, изящно очерченномъ личикѣ, съ крѣпко сжатыми глазками. Волнистыя пряди темныхъ волосъ разсыпались по подушкѣ.

При появленіи фельдшерицы съ пола поднялся отецъ дѣвочки, оттиравшій ея холодныя ножки.

— Сдѣлайте возможное... Мы васъ такъ ждали...—глухо звучитъ его голосъ.

Елена Михайловна склонилась надъ ребенкомъ.

Нѣсколько мгновеній ожиданія, такія мгновенія стоятъ многихъ трудныхъ лѣтъ.

Всѣ затаили дыханье.

Въ глазахъ отца и матери мучительный вопросъ.

— Жива еще... Сердце почти не работаетъ... Дайте скорѣй коньяку, водки... Скорѣй. Есть близко?... Вотъ ключъ отъ аптеки, достаньте.

Елена Михайловна боится отойти отъ малютки, ей кажется, если она отойдетъ, жизнь отлетитъ.

— Ванну бы...—соображаетъ вслухъ фельдшерица.—Велите дать корыто! Самоваръ готовъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на ея слова, толстая баба втащила громадный самоваръ.

Минуты мчатся за минутами, ребенокъ лежитъ все еще бездыханный, ужасъ сжимаетъ сердце Елены Михайловны.

— Неужели не удастся спасти?

Нѣтъ... пульсъ еще бьется и кажется... отчетливѣй, сильнѣй?... Или это фантазія, рожденная желаніемъ почувствовать это?

— Нѣтъ, нѣтъ! Это дѣйствительно такъ!

Тяжелый, вымученный, недѣтскій стонъ поднимаетъ грудк[illegible] малютки, долго стиснутые зубки скрежетнули и разжались.

Еще нѣсколько усилій, дыханіе становится глубже, ровнѣе

Вотъ, наконецъ, открылись усталые, томные глазки.

Мать бросилась было къ ребенку, но, словно сообразивъ [illegible]

рывомъ радости можно убить слабенькую дѣвочку,—неслышно, легко, какъ тѣнь, скользнула въ холодную прихожую, сунулась на скамью, закрывъ лицо руками, судорожно разрыдалась, мучительно сдерживая звуки, рвущіеся изъ груди.

Дѣвочка очнулась окончательно.

— Мама...—она ищетъ глазами родное лицо.—Мама!

— А папу тебѣ не надо?—аккордомъ счастья звучитъ голосъ отца въ отвѣтъ на зовъ ребенка.

— Надо...—шепчетъ Лёля, слабо улыбаясь.

— А тетю надо? Она хорошая, разбудила Лёлю... Лёля такъ крѣпко спала... Не хотѣла проснуться.

— Я позову маму!—спохватилась Елена Михайловна; ей вспомнилось, что врядъ ли нервы матери безнаказанно перенесли только что пережитое.

Она не ошиблась. Молодая женщина рыдала. Все тѣло колыхалось отъ беззвучныхъ слезъ.

— Полно, успокойтесь, вѣдь она спасена, ваша дѣвочка!

— Спасибо, спасибо,—прильнувъ къ рукѣ фельдшерицы, шептала счастливая мать.

И Елена Михайловна счастлива, мучительно счастлива чужимъ счастьемъ.

И только гдѣ-то въ глубинѣ копошится: а у меня ничего «своего» не осталось.

— Зачѣмъ вы не дали мнѣ умереть?—слышится Еленѣ Михайловнѣ слабый, волнующійся, поминутно срывающійся голосъ.

— Зачѣмъ? По какому праву вы вмѣшались въ чужую жизнь? Вѣдь я не звалъ васъ съ вашими противоядіями?... Я васъ молилъ: дайте мнѣ умереть.

Большіе темно-синіе, дѣтскіе, чистые, ясные глаза смотрятъ съ укоромъ, и она не знаетъ, что отвѣтить этому мальчику-студенту, къ которому нѣсколько часовъ тому назадъ позвала ее квартирная хозяйка.

— Въ пятомъ номерѣ студентъ помираетъ,—стуча въ дверь комн[аты] Елены Михайловны, кричала испуганная женщина.

[В]ъ тотъ годъ Елена Михайловна кончала фельдшерскіе курсы.

— Вы не интересовались моей жизнью, не трогали меня... Вамъ н[е] было дѣла до того, чѣмъ живетъ, чѣмъ мучится человѣкъ въ сос[ѣд]ней комнатѣ. Это въ порядкѣ вещей. *Мы всѣ глубоко равнодушн[ы] ко всякому, кто молчитъ, не жалуется.* И въ этомъ ужасъ!

А тогда я, можетъ быть, обрадовался бы вамъ, вашей поддержкѣ. Но вамъ нужно было, чтобы я сталъ корчиться отъ физической боли, чтобы мой крикъ поднялъ на ноги сосѣдей, чтобы дура,—жадная и злая,—позвала васъ ко мнѣ. Вы пришли... Но я не звалъ васъ! Уйдите!

— Успокойтесь, не говорите такъ много, вамъ надо уснуть...—ласково проситъ Елена Михайловна. Но онъ не унимается.

— Неужели вы думаете, что, спасая самоубійцу, вы дѣлаете ему благодѣяніе? Человѣкъ, который пошелъ на это... Ну, понимаете, у него больше нѣтъ устоевъ... Устоевъ? Кто сказалъ это: «нѣтъ устоевъ»? Кто? Не помню... Ну, да все равно! Не я, во всякомъ случаѣ... Да, нѣтъ устоевъ... А развѣ можно жить безъ нихъ? Нужно опираться или на добро, или на зло... Но если вы не знаете, что добро, что зло, что истина, что ложь? Если у васъ все перепуталось, смѣшалось? Развѣ можно такъ жить?... Что жъ вы сдѣлали? Вы дали мнѣ столько муки! Вы надругались надо мной... Своими противоядіями вы мнѣ сказали: эхъ, и этого-то ты сдѣлать толкомъ не сумѣлъ! И этого...—Онъ засмѣялся надтреснутымъ, мучительнымъ, близкимъ къ истерикѣ смѣхомъ.

— Знаете, что вы сдѣлали? Въ слѣдующій разъ, когда я пойду на это, мнѣ будетъ въ милліонъ разъ тяжелѣй!... Когда я хотѣлъ отравиться, собирался, я страдалъ только нравственно... *Только*!—Онъ криво усмѣхнулся.—Я вѣдь не думалъ о физическихъ страданіяхъ, которыя приходится переносить... А теперь я буду все это заранѣе предвкушать! Ахъ!—со скрежетомъ сжалъ онъ зубы, закрылъ глаза и пролежалъ нѣсколько минутъ неподвижно.

— Какъ жжетъ!... А вѣдь я непремѣнно возвращусь опять къ этому... Право! вотъ увидите!—Какой-то совсѣмъ ребяческой угрозой звучитъ его голосъ.—Подумайте, что будетъ теперь моя жизнь? Позоръ, сплошной позоръ...—Паденіе за паденіемъ... Вѣдь ничто же не измѣнилось... Только прибавился упрекъ: и этого-то сдѣлать не сумѣлъ! И всякій можетъ расхохотаться въ глаза... Всякій, всякій. И что вы тутъ сидите? Подите къ тѣмъ, что васъ зовутъ, а мнѣ вы не нужны... Ну что же? Вы остаетесь? Ну, оставайтесь, оставайтесь! Вѣдь сегодня я дѣйствительно ничего не могу... Я усталъ,—и онъ закрылъ глаза и былъ страшенъ своей блѣдностью и озлобленіемъ въ чертахъ лица.

И вдругъ онъ открылъ глаза и опять засмѣялся:

— Вотъ, отдохну и опять начну! Вы знаете, что мнѣ вспомнилось? У меня есть сестренка Таня, капризница большая. Шесть лѣтъ

ей. Мама накажетъ ее бывало, одну въ комнатѣ запретъ. Оретъ Таня. Мама волнуется; какъ только замолчитъ дочка, бѣжитъ къ ней.

— Умница, говоритъ, перестала капризничать!

А та ей въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не перестала, я устала... Отдохну и опять начну... И мама въ горѣ... Добрая она у насъ... Вотъ и я также... Теперь-то она не узнаетъ, потомъ тоже будетъ въ горѣ... Бѣдная мама... Курица съ утятами... — и онъ опять засмѣялся, засмѣялся неудержимо, спрятавъ въ подушку лицо, чтобы не показать глазъ, полныхъ слезъ.—Ахъ, скажите мнѣ что-нибудь!

Онъ смѣялся и плечи его вздрагивали. Онъ смѣялся больнымъ, безумнымъ смѣхомъ, переходящимъ въ рыданіе.

А Елена Михайловна, измученная, потрясенная, присѣла къ нему на кровать, обняла его голову, ласкала, говорила, говорила, какъ говорила бы сыну, еслибъ онъ былъ живъ, о вѣчности и неизмѣнности мірового страданія и о необходимости терпѣливо нести его.

Нестерпимой му́кой сжалось сердце Елены Михайловны при этомъ воспоминаніи. Она порывисто прошлась по начавшей свѣтлѣть комнатѣ, возвратилась къ окну и прижалась лбомъ къ холодному отъ осенняго утренника стеклу.

Всю землю покрывалъ серебристый иней. На горизонтѣ чуть рисуется алая полоска зари. Небо посѣрѣло.

На улицахъ еще тихо, но̀ уже чувствуется, что вотъ-вотъ все проснется и заживетъ обычной жизнью.

Тяжелая, безъ сна проведенная ночь навѣяла на Елену Михайловну тусклое, безотрадно-тоскливое настроеніе.

Вопросы вечера обострились, предразсвѣтныя сумерки несутъ печальные отвѣты.

— Нельзя, нельзя такъ жить! Устоевъ нѣтъ... На каждомъ шагу компромиссы... Не сто̀итъ работать, не зная, къ чему ведетъ этотъ трудъ, не будучи увѣренной въ его пользѣ...

Разсудокъ строго осуждаетъ каждый шагъ, ядовито осмѣиваетъ всякую ошибку. Сердце, чувство увлекаютъ плѣнительными миражами, мгновенно разлетающимися при приближеніи разсудка.

Тѣни прошлаго окружили ее густой темной толпой.

Худенькія, испитыя лица дѣтей заглядываютъ ей въ глаза, слабые дѣтскіе голоса шепчутъ, кричатъ, молятъ отвѣта:

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты лѣчила насъ, намъ было бы спокойнѣе въ землѣ... Насъ не томилъ бы голодъ, не ныли бы спины отъ ра-

боты, не болѣло бы сердце отъ горя и обиды, не мутилось бы въ головѣ отъ заботы и думъ...

И матери выкрикиваютъ упреки и проклятія:

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты вернула ихъ къ жизни, такой ужасной, мучительной... Рвутся, рвутся наши материнскія сердца...

И арестанты злобно смѣются своими огрубѣлыми лицами.

— Мы забыли твои улыбки и ласковый голосъ, они канули въ бездну мýки, горя, злобы, человѣческой несправедливости...

И докторъ Дмитрій Адреевичъ смотритъ на нее грустнымъ взглядомъ и качаетъ головой:

— Зачѣмъ, зачѣмъ своей жалкой женской слабостью вы разбудили во мнѣ дремавшаго звѣря?...

Темныя грустныя фигуры Лелиныхъ родителей печально смотрятъ на нее.

— Зачѣмъ ты заставила биться больное сердечко нашей дѣвочки? намъ было тяжело терять ее тогда и въ безумной слѣпотѣ мы молили вернуть ее къ жизни. Но ты знала, что это сердце будетъ много, много страдать и вняла нашему эгоизму... Зачѣмъ? Нѣтъ предѣла нашему страданію, жизнь нашей дочки — сплошная мýка... Чуткое больное сердечко рвется, болитъ и живетъ, мучительно живетъ...

И глаза жены Дмитрія Андреевича съ ненавистью, съ тоской смотрятъ на нее.

«Зачѣмъ, зачѣмъ ты ввела его въ искушеніе? Зачѣмъ ты убила во мнѣ вѣру въ него, вѣру въ себя... Я не могу жить безъ этой вѣры, она согрѣвала жизнь, давала ей смыслъ... Теперь, теперь... все холодно, мертво... Онъ вернулся ко мнѣ ласковый и нѣжный, но въ глазахъ его ложь... И я ужъ не вѣрю его ласкѣ, какъ тогда, какъ прежде»...

Вдругъ рѣзкій стукъ въ дверь заставилъ Елену Михайловну очнуться. Казалось, она задремала, стоя у окна. Съ трудомъ приходя въ себя, она пошла въ сѣни, отодвинула засовъ и столкнулась лицомъ къ лицу съ дѣвочкой лѣтъ пятнадцати въ платочкѣ на головѣ и въ неуклюжемъ полукафтаньѣ.

— Барыня, матушка, сдѣлай Божескую милость, подь со мной, мамонька меня прислала: бѣжи, баитъ, къ Оленѣ Михайловнѣ, поклонись, молъ, ей, пришла бы на помогу къ невѣстушкѣ Катеринѣ.

— А что съ Катериной?

— Да вотъ третій день рожаетъ, разродиться не можетъ.

— А! — сказала Елена Михайловна и, какъ боевой конь

шавшій военный маршъ, она встрепенулась, оживилась, забыла всѣ вопросы и безотрадные отвѣты, свою головную боль.

Недавній кошмаръ разсѣялся, расплылся какъ-то. Она быстро подошла къ шкапчику, достала саквояжъ съ инструментами, уложила въ него все нужное, переодѣлась, набросила на плечи свой теплый платокъ и вышла.

Она шла такъ поспѣшно, что дѣвочка едва поспѣвала за ней и, несмотря на эту быструю ходьбу, повѣствовала барынѣ-докторицѣ о злоключеніяхъ Катерины.

— Ономнясь мамонька все въ банѣ прятала Катерину-то, чтобъ народъ не прозналъ, что рожаетъ она, а теперь почитай, какъ корова реветъ, вся улица сбѣжалась, ну, вотъ и тяжко стало... Гдѣ ужъ теперь разродиться, какъ всѣ-то знаютъ? Бабушка-то Платониха и въ банѣ ее парила, и животъ мяла—все помочи никакой! Мамонька и баитъ: бѣжи, слышь, Мароушка, къ барынѣ... Братанъ-отъ нашъ Пётро, мужикъ ейный, Катерининъ, что туча ходитъ: жалко молодуху—работница она у насъ важная...

Елена Михайловна безотчетно прислушивалась къ болтовнѣ дѣвочки.

Ей вдругъ пришла мысль:

«Если не стòитъ работать, не зная къ чему ведетъ трудъ, вреденъ онъ или полезенъ, зачѣмъ идти?»

Нужно вернуться, нужно сказать этой семьѣ, чающей отъ нея помощи, что она не увѣрена, нужно ли Катеринѣ разродиться, или лучше умереть, не давъ жизни другому существу, тяжелой жизни страданій, невзгодъ, голодухи. Умереть ей, пожалуй, лучше. Она, фельдшерица, отказываетъ ей въ помощи.

Вернуться домой и послать въ земство прошеніе объ увольненіи.

И предъ глазами Елены Михайловны всплыли пораженныя лица семейныхъ Катерины, потерявшихъ послѣднюю надежду на докторицу Олену Михайловну.

Эта картина показалась молодой женщинѣ такой дикой, нелѣпой, что она невольно какъ-то горько разсмѣялась.

Мароуша смолкла и съ удивленіемъ посмотрѣла на барыню.

А въ Еленѣ Михайловнѣ происходилъ довольно сложный процессъ. Вслѣдъ за этимъ горькимъ смѣхомъ, которымъ она осмѣивала шаткость, необоснованность своихъ выводовъ, ей пришла простая жизненная, вполнѣ умѣстная въ эту минуту мысль: въ какомъ положеніи она найдетъ Катерину и что придется сдѣлать, чтобы спасти ее?

Въ этой заботѣ былъ отвѣтъ на всѣ ея безотрадные вопросы—его подсунула жизнь, какъ часто случается, неожиданно, въ ту минуту, когда о немъ некогда было и думать. И Елена Михайловна почувствовала себя сильной, бодрой. На нее нахлынула волна ласки, любви ко всему окружающему.

Она смотрѣла съ теплымъ, хорошимъ чувствомъ на Марѳушу, все еще болтавшую, и на блестящій иней, и на небо бѣлосовато-сѣрое, не успѣвшее еще подъ лучами солнца принять свой осенній холодновато-голубой цвѣтъ.

И она бодро шла на работу и ужасающая масса мелкаго, муравьинаго труда ужъ не пугала ея.

Л. Тычино.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

Анатоля Франса.

I. Заря.

Въ Cours-la-Reine было безлюдно. Безмятежная тишина лѣтнихъ дней господствовала на зеленыхъ берегахъ Сены, гдѣ подстриженные старые вязы начинали бросать къ востоку удлиняющіяся тѣни; столь же тихо было и въ спокойной лазури неба, безоблачнаго, чуждаго какъ угрозъ, такъ и улыбокъ. Пѣшеходъ, приближавшійся со стороны Тьюлери, медленно направлялся къ холмамъ Шальо. Онъ отличался миловидною худощавостью ранней юности и былъ одѣтъ въ кафтанъ, короткіе штаны и черные чулки представителей буржуазіи, царство которой настало, наконецъ. Между тѣмъ, лицо его выражало скорѣе мечтательность, нежели восторгъ. Въ рукахъ у него была книга: его палецъ, заложенный между страницъ, отмѣчалъ мѣсто, гдѣ онъ прервалъ чтеніе; однако онъ уже не читалъ. Временами онъ останавливался и напрягалъ слухъ, чтобы уловить легкій, но, тѣмъ не менѣе, грозный рокотъ, доносившійся отъ Парижа, и въ этомъ шумѣ, болѣе слабомъ, нежели вздохъ, онъ угадывалъ стоны умирающихъ, вопли ненависти, крики радости, любви, призывный барабанный бой, ружейные выстрѣлы; словомъ, все то, что въ революціонную пору происходитъ на улицахъ, подъ жаркими лучами солнца, порожденное безсмысленной свирѣпостью и благороднѣйшимъ воодушевленіемъ. Иногда онъ оборачивался и содрогался. Все, что онъ узналъ, все, что видѣлъ и слышалъ въ послѣдніе нѣсколько часовъ, наполнило его голову образами смутными и грозными: взятая и уже полуразрушенная народомъ Бастилія; купеческій голова, убитый изъ пистолета посреди взбѣшенной толпы; гибель губернатора, старика де-Лонэ, на крыльцѣ городской ратуши; грозная чернь, блѣдная, какъ голодъ и какъ страхъ, пьяная, вышедшая изъ себя, охваченная

бредомъ крови и славы, движется отъ Бастиліи къ Гревской площади, а надъ этою сотнею тысячъ галлюцинирующихъ головъ—трупы повѣшенныхъ на фонаряхъ инвалидовъ и увѣнчанное дубомъ чело тріумфатора въ бѣломъ съ синимъ мундирѣ; побѣдители, предшествуемые списками, ключами и серебряною посудою старинной крѣпости, поднимаются среди восклицаній по окровавленнымъ ступенямъ, а передъ ними—представители народа, Лафайетъ и Балыи, взволнованные, торжествующіе, изумленные, ногами стоящіе въ крови, а головами, въ гордыхъ мечтахъ, чуть не достигающіе облаковъ! Затѣмъ, такъ какъ страхъ еще господствуетъ надъ разнуздавшейся толпою, то при слухѣ, что королевскія войска ночью войдутъ въ городъ, разбираются дворцовыя рѣшотки для превращенія въ пики, расхищаются склады оружія, граждане строятъ на улицахъ баррикады, а женщины втаскиваютъ камни на крыши, чтобы оттуда обрушить ихъ на чужеземные полки!

Эти воинственныя сцены настроили его юное и мечтательное воображеніе на грустный ладъ. Онъ взялъ свою любимую книгу,—англійскую, полную разсужденій о могилахъ,—и пошелъ вдоль Сены, подъ деревьями Cours-la-Reine, къ тому бѣлому домику, куда денно и нощно несутся его мысли. Вокругъ него все спокойно. Онъ видитъ удильщиковъ, которые сидятъ на берегу, спустивъ ноги въ воду, и слѣдятъ мечтательнымъ взоромъ за извилинами рѣки. Дойдя до первыхъ возвышенностей Шальо, онъ встрѣчаетъ патруль, наблюдающій за сообщеніемъ между Парижемъ и Версалемъ. Этотъ отрядъ, вооруженный мушкетами, ружьями, алебардами, состоитъ изъ ремесленниковъ въ холщевыхъ или кожаныхъ передникахъ, членовъ судейской корпораціи въ черныхъ одеждахъ, одного священника и какого-то бородатаго великана въ рубашкѣ, съ голыми ногами. Они останавливаютъ каждаго, кто хочетъ пройти: узнали, что существуютъ сношенія между губернаторомъ Бастиліи и дворомъ; боятся внезапнаго нападенія.

Но прохожій молодъ и кажется наивнымъ. Едва онъ произнесъ нѣсколько словъ, какъ отрядъ съ улыбками пропустилъ его.

Онъ поднимается въ гору узенькою уличкою, полною аромата цвѣтущей бузины, и на полугорѣ останавливается передъ калиткою сада.

Садъ этотъ малъ; но извилистыя дорожки и неровности почвы позволяютъ нагуляться въ немъ вдоволь. Ивы окунаютъ концы своихъ вѣтвей въ прудокъ, по которому плаваютъ утки. Въ прилегающемъ къ улицѣ углу, на холмикѣ, высится легонькая бесѣдка, а передъ домомъ зеленѣетъ свѣжая лужайка. Тутъ, на прост[illegible]

нейкѣ, сидитъ молодая женщина; голова ея наклонена и лицо скрыто большою соломенною шляпою, увѣнчанною живыми цвѣтами. Сверхъ бѣлаго съ розовыми полосами платья на ней надѣта косынка, которая завязана у таліи, обозначенной нѣсколько высоко, что, удлиняя юбку, придаетъ ей нѣкоторую стройность, не лишенную граціи. Руки, стянутыя узкими рукавами, бездѣйствуютъ. Корзина античнаго образца, полная клубковъ шерсти, стоитъ у ея ногъ. Около нея ребенокъ, сверкая голубыми глазами изъ-подъ нависшихъ прядей золотыхъ волосъ, дѣлаетъ лопаткою кучки изъ песку.

Молодая женщина сидѣла неподвижно и точно зачарованная, а посѣтитель, стоя у калитки, не рѣшался нарушить столь сладкое очарованіе. Наконецъ, она подняла голову и показала юное, почти ребячье лицо, округленнымъ и правильнымъ чертамъ котораго отъ природы было свойственно выраженіе кроткое и дружелюбное. Онъ поклонился ей. Она протянула руку.

— Здравствуйте, г. Жерменъ. Какія новости? «Какую вѣсть несешь?» какъ поется въ пѣснѣ. Я знаю только однѣ пѣсни.

— Простите меня, сударыня, что я прервалъ ваши мечты. Одна, неподвижная, склоненная, вы показались мнѣ ангеломъ грёзъ.

— Одна, одна!—повторила она, какъ будто понявъ только это одно слово.—Можно ли когда-нибудь быть одной?

Замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее, не понимая, она прибавила:

— Оставимъ это: это я такъ иногда думаю... Какія же вѣсти?

Тогда онъ ей разсказалъ о всѣхъ событіяхъ великаго дня, о побѣдѣ надъ Бастиліей, объ основаніи свободы.

Софія серьезно выслушала его, потомъ сказала:

— Слѣдуетъ радоваться; но наша радость должна быть суровою радостью самопожертвованія. Отнынѣ французы уже не принадлежатъ себѣ: они обязаны посвятить себя революціи, которая измѣнитъ весь міръ.

Пока она говорила это, ребенокъ весело кинулся къ ея колѣнямъ.

— Смотри, мама! Смотри, какой хорошій садикъ!

Она отвѣтила, цѣлуя его:

— Правда твоя, мой Эмиль: нѣтъ ничего мудрѣе на свѣтѣ, какъ разводить прекрасный садъ.

— Совершенно вѣрно,—прибавилъ Жерменъ,—какіе чертоги изъ порфира и золота могутъ сравниться съ зеленой аллеей?

Мечта о томъ, какъ сладко было бы проходить въ тѣни деревьевъ съ этою молодою женщиной, которая опиралась бы на его руку, заставила его бросить на нее краснорѣчивый взглядъ и воскликнуть:

— Ахъ, какое мнѣ дѣло до людей и до революціи?

— Нѣтъ,—сказала она,—нѣтъ! Я не могу оторваться мыслью отъ великаго народа, стремящагося основать царство справедливости. Моя преданность новымъ идеямъ изумляетъ васъ, г. Жерменъ? Мы еще такъ недавно знакомы. Вы не знаете, что отецъ училъ меня читать по «Общественному договору» и Евангелію. Однажды, гуляя со мною, онъ показалъ мнѣ Жанъ-Жака. Я была еще дѣвочкой, но залилась слезами при видѣ омраченнаго лица мудрѣйшаго изъ людей. Я воспиталась въ ненависти къ предразсудкамъ. Впослѣдствіи мой мужъ, подобно мнѣ—послѣдователь философіи природы, пожелалъ, чтобы нашъ сынъ звался Эмилемъ и былъ наученъ работать собственными руками. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, написанномъ три года назадъ, съ корабля, вмѣстѣ съ которымъ онъ погибъ нѣсколько дней спустя, онъ еще рекомендуетъ мнѣ слѣдовать принципамъ Руссо при воспитаніи ребенка. Я проникнута новымъ духомъ. Я вѣрую, что слѣдуетъ бороться за справедливость и за истину.

— Подобно вамъ, сударыня,—вздохнулъ Жерменъ:—я питаю отвращеніе къ фанатизму и тираніи; подобно вамъ, я люблю свободу; но душа моя обезсилена. Мысль моя поминутно отвлекается въ сторону. Я не принадлежу себѣ и страдаю.

Молодая женщина ничего не отвѣтила. Отворивъ калитку, къ нимъ приближался старикъ, который, поднявши руки, махалъ шляпой. На немъ не было ни пудры, ни парика. Длинные, сѣдые волосы ниспадали по обѣ стороны его лысой головы. Вся его одежда была изъ сѣраго сукна; чулки на немъ были синіе, башмаки безъ пряжекъ.

— Побѣда! Побѣда!—восклицалъ онъ.—Чудовище нами обуздано, и я приношу вамъ эту вѣсть, Софія!

— Сосѣдъ, я уже ее слышала отъ г. Марселя Жермена, котораго я рекомендую вамъ. Его мать была въ Анжерѣ пріятельницею моей матери. Вотъ уже полгода, какъ, находясь въ Парижѣ, онъ любезно посѣщаетъ меня время отъ времени въ моемъ уединеніи. Г. Жерменъ, вы видите передъ собою моего сосѣда и друга, г. Франшо де-ла-Кованъ, литератора.

— Скажите: Николая Франшо, земледѣльца.

— Знаю, сосѣдъ, что вы такъ подписали вашу «Записку о хлѣбной торговлѣ». Поэтому, хотя полагаю, что вы искуснѣе владѣете перомъ, нежели сохою, скажу, желая угодить вамъ: г. Николая Франшо, земледѣльца.

Старикъ схватилъ Марселя за руку и вскричалъ:

— Наконецъ-то она наша, эта крѣпость, столько разъ поглощавшая глашатаевъ истины и добродѣтели! Разбиты, наконецъ, тѣ запоры, за которыми я провелъ восемь мѣсяцевъ безъ воздуха и [illegible]

свѣта. Теперь тому уже тридцать одинъ годъ. 17 февраля 1768 года меня ввергли въ Бастилію за написанное мною письмо о вѣротерпимости. Наконецъ, сегодня народъ отомстилъ за меня. Справедливость и я—мы торжествуемъ вмѣстѣ! Воспоминаніе объ этомъ днѣ не изгладится до конца міра: въ свидѣтели этого беру солнце, которое видѣло гибель Гармодія и бѣгство Тарквиніевъ.

Громкій голосъ г. Франшо напугалъ маленькаго Эмиля, который ухватился за платье матери.

Франшо, вдругъ замѣтивъ ребенка, поднялъ его съ земли и сказалъ ему съ увлеченіемъ:

— Ты счастливѣе насъ, дитя! Ты будешь расти свободнымъ!

Но Эмиль, окончательно придя въ ужасъ, загнулъ голову назадъ и разразился громкимъ крикомъ.

— Господа,—сказала Софія, утирая слезы сына,—надѣюсь, вы отужинаете со мною. Я жду г. Дюверне, конечно, если его не задержитъ кто-нибудь изъ его паціентовъ.—Обратившись къ Марселю, она прибавила:—Вы знаете, что г. Дюверне—королевскій врачъ и избиратель отъ города Парижа. Онъ попалъ бы въ національное собраніе депутатомъ, если бы, подобно г. де-Кондорсé, не уклонился отъ этой чести изъ скромности. Это—человѣкъ весьма достойный; бесѣда съ нимъ доставитъ вамъ удовольствіе и пользу.

— Молодой человѣкъ!—прибавилъ Франшо:—Я знаю г. Жана Дюверне, и мнѣ извѣстно о немъ нѣчто, дѣлающее ему честь. Два года назадъ, королева пригласила его лѣчить дофина, страдавшаго изнурительной болѣзнью. Въ то время Дюверне жилъ въ Севрѣ, куда за нимъ каждое утро пріѣзжала придворная карета, отвозившая его въ Сенъ-Клу къ больному ребенку. Однажды карета вернулась во дворецъ пустою. Дюверне не пріѣхалъ. На другой день королева упрекнула его за это: «Милостивый государь», сказала она ему, «вы, вѣроятно, забыли о дофинѣ». «Государыня»!—отвѣтилъ этотъ почтенный человѣкъ:—«я пользую вашего сына, какъ мнѣ предписываетъ долгъ человѣколюбія; но вчера меня задержали роды одной крестьянки».

— Ну,—сказала Софія,—развѣ это не прекрасно, и не должны ли мы гордиться нашимъ пріятелемъ?

— Да, это прекрасно!—отвѣтилъ Жерменъ.

Низкій и пріятный голосъ раздался около нихъ.

— Не знаю,—сказалъ этотъ голосъ,—что вызываетъ вашъ восторгъ; но мнѣ пріятно слышать его выраженіе. Въ наше время видѣть многое, достойное восхищенія!

На человѣкѣ, сказавшемъ это, были пудренный парикъ и тонкая

кружевная манишка. Это былъ Жанъ Дюверне; Марсель узналъ его лицо, которое видѣлъ на гравюрѣ въ лавкахъ Пале-Ройяля.

— Я только что изъ Версаля,—сказалъ Дюверне.—Я обязанъ герцогу Орлеанскому удовольствіемъ видѣть васъ въ такой великій день, Софія. Онъ довезъ меня въ своей коляскѣ до Сенъ-Клу. Остальную же часть путешествія я совершилъ наиболѣе удобнымъ образомъ: пѣшкомъ.

Дѣйствительно, его башмаки съ серебряными пряжками и черные чулки были покрыты пылью.

Эмиль ухватился ручонками за стальныя пуговицы, блестѣвшія на одеждѣ врача, и Дюверне, посадивъ его къ себѣ на колѣни, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ улыбался проблескамъ этой зарождавшейся души. Софія позвала Нанонъ. Явилась толстая дѣвка, которая схватила въ объятія и унесла ребенка, заглушая звонкими поцѣлуями его отчаянные крики.

Столъ былъ накрытъ въ бесѣдкѣ. Софія повѣсила свою соломенную шляпу на вѣтку ивы. Бѣлокурые локоны разсыпались по ея щекамъ.

— Ужинъ у насъ будетъ самый простой: на англійскій ладъ,— сказала она.

Съ того мѣста, гдѣ они усѣлись, имъ видна была Сена и городскія крыши, купола, колокольни. Они примолкли при видѣ этой картины, какъ будто Парижъ въ первый разъ представился ихъ глазамъ. Затѣмъ заговорили о событіяхъ дня, о собраніи, о поголовномъ голосованіи, о соотношеніи сословныхъ группъ и объ отставкѣ г. Неккера. Всѣ четверо были согласны въ томъ, что свобода завоевана отнынѣ навсегда. Г. Дюверне усматривалъ въ совершавшемся возникновеніе новаго порядка и восхвалялъ мудрость законодателей, избранныхъ народомъ. Но духъ его оставался спокойнымъ, и порою казалось, какъ будто къ его надеждамъ примѣшивалась тревога. Николай же Франшо не былъ настолько умѣреннымъ. Онъ возвѣщалъ мирное торжество народа и эру братства. Напрасно и ученый, и молодая женщина говорили ему:

— Борьба только начинается, и мы одержали еще лишь первую побѣду.

— Философія управляетъ нами,—отвѣчалъ онъ имъ.—Н... с-числимы тѣ благодѣянія, которыя разумъ изольетъ на людей, пог... р-ныхъ его всемогущей власти. Золотой вѣкъ, измышленный поэта... і, станетъ дѣйствительностью. Всѣ бѣдствія исчезнутъ вмѣстѣ съ ... і-натизмомъ и тираніей, ихъ породившими. Человѣчество, добродѣт... ь-ное и просвѣщенное, будетъ наслаждаться всяческимъ блаженство... ь.

Да что я говорю?! При помощи физики и химіи оно сумѣетъ достигнуть безсмертія на землѣ!

Выслушавъ это, Софія покачала головой и сказала:

— Если вы хотите лишить насъ смерти, то найдите намъ источникъ вѣчной юности; а безъ этого ваше безсмертіе пугаетъ меня.

Старый философъ спросилъ ее со смѣхомъ, неужели на нее успокоительнѣе дѣйствуетъ христіанская надежда на воскресеніе.

— Что касается меня,—сказалъ онъ, осушивъ свой стаканъ,—то опасаюсь, что ангелы и святые чувствуютъ болѣе склонности къ сонму юныхъ дѣвъ, нежели къ сонму престарѣлыхъ подвижницъ.

— Не знаю,—медленно отвѣтила молодая женщина и подняла взоръ,—не знаю, какую цѣну будутъ имѣть въ глазахъ ангеловъ наши жалкія прелести, созданныя изъ праха; но думаю, что всемогущество Божіе лучше сумѣетъ исправить нанесенные временемъ изъяны (если это потребуется въ Царствіи Небесномъ), чѣмъ это можетъ удаться вашей физикѣ или химіи на землѣ. Будучи атеистомъ, г. Франшо, и не вѣруя въ Бога, царствующаго на небесахъ, вы не можете понимать революцію, которая есть пришествіе Бога на землю.

Она встала. Наступила ночь, и было видно, какъ вдали большой городъ освѣтился огнями.

Марсель предложилъ Софіи руку и, пока старики толковали между собою, пошелъ съ нею гулять по темнымъ аллеямъ. Онъ находилъ ихъ прелестными; она сообщала ему ихъ названія и исторію.

— Мы идемъ,—говорила она,—по аллеѣ Жанъ-Жака, которая ведетъ въ салонъ Эмиля. Эта аллея прежде была прямая; но я велѣла изогнуть ее, чтобы она прошла мимо стараго дуба. Подъ нимъ весь день бываетъ тѣнь, на этой деревенской скамьѣ, которую я назвала «Отдохновеніемъ друзей».

— Присядемъ на минуту на эту скамейку,—прибавила Софія.

Они сѣли. Марсель среди тишины слышалъ біеніе собственнаго сердца.

— Софія, я васъ люблю,—прошепталъ онъ, взявши ее за руку.

Она потихоньку отняла руку и, указавъ молодому человѣку на л стья, трепетавшіе отъ легкаго вѣтерка, сказала:

— Слышите?

— Я слышу, какъ вѣтеръ шевелитъ листья.

Она покачала головой и сказала голосомъ, нѣжнымъ, точно п ніе:

— Марсель! Марсель! Кто вамъ сказалъ, что это вѣтеръ шелес тъ листьями? Кто вамъ сказалъ, что мы одни? Неужели же и вы

принадлежите къ числу тѣхъ, чьи низменныя души не угадываютъ ничего изъ міра тайнъ?

Онъ остановилъ на ней взглядъ, вопросительный и тревожный.

— Г. Жерменъ,—сказала она,—потрудитесь сходить ко мнѣ въ комнату. Тамъ на столѣ вы найдете книжечку, которую принесите мнѣ...

Онъ повиновался. Все время, пока его не было, молодая вдова глядѣла на темную листву, содрогавшуюся отъ ночного вѣтра. Онъ вернулся съ маленькою золотообрѣзною книжкою.

— *Идилліи Геснера*. Это самое,—сказала Софія.—Раскройте книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ закладка, и если обладаете достаточно хорошимъ зрѣніемъ, чтобы читать при лунномъ свѣтѣ, то прочтите.

Онъ прочелъ слѣдующія слова: «Ахъ! Часто душа моя будетъ витать вокругъ тебя; часто, когда, полная благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, ты будешь размышлять въ уединеніи, легкое дуновеніе коснется щекъ твоихъ: пусть нѣжный трепетъ проникнетъ тогда въ твою душу!»

Она остановила его:

— Понимаете ли вы теперь, Марсель, что мы никогда не бываемъ одни, и что есть слова, которыхъ я не въ состояніи буду слышать, пока прилетѣвшій съ океана вѣтеръ будетъ шевелить листьями дубовъ?

Голоса обоихъ стариковъ послышались невдалекѣ.

— Богъ есть добро,—говорилъ Дюверне́.

— Богъ есть зло,—говорилъ Франшо,—и мы упразднимъ его.

Оба они, а съ ними и Марсель, начали прощаться съ Софіей.

— Прощайте, господа!—сказала она.—Воскликнемъ: «Да здравствуетъ свобода и да здравствуетъ король!» А вы, сосѣдъ, не мѣшайте намъ умереть, когда намъ это понадобится.

---

2. Госпожа де-Люзи.

(Рукопись отъ 15 сентября 1792 года.)

I.

Когда я вошелъ, Полина де-Люзи протянула мнѣ руку. Потомъ съ минуту мы хранили молчаніе. Ея шарфъ и соломенная шляпа небрежно покоились на креслѣ.

На спинетѣ была раскрыта молитва изъ «Орфея». Приблизясь къ окошку, Полина устремила взглядъ на солнце, спускавшееся къ горизонту на кровавомъ небѣ.

— Сударыня!—сказалъ я ей, наконецъ.—Памятны ли вамъ тѣ слова, которыя вы произнесли,—тому два года день въ день,—у подошвы этого холма на берегу рѣки, куда обращены сію минуту ваши взоры? Помните ли вы, что, пророчески обведя вокругъ себя рукою, вы заранѣе предрекли мнѣ дни испытаній, дни злодѣяній и ужаса? Вы остановили на устахъ моихъ признаніе въ любви и сказали мнѣ: «Живите, отстаивайте справедливость и свободу». Сударыня, съ тѣхъ поръ, какъ ваша рука, которая еще недостаточно покрыта моими слезами и поцѣлуями, указала мнѣ путь, я иду по нему смѣло. Я вамъ повиновался, я сталъ писать, сталъ говорить. Въ теченіе двухъ лѣтъ я не переставалъ бороться противъ голодныхъ подстрекателей, сѣющихъ смуту и вражду, противъ трибуновъ, плѣняющихъ народъ истерическими выраженіями лицемѣрной любви, и подлецовъ, преклоняющихся передъ тѣми, въ чьихъ рукахъ ожидаютъ увидѣть власть въ ближайшемъ будущемъ......

Она прервала мою рѣчь знакомъ, которымъ пригласила меня прислушаться. Тогда изъ-за благоухающаго сада, гдѣ распѣвали птицы, до насъ донеслись кровожадные крики:

— На фонарь аристократа!... Воткнуть его голову на пику!

Блѣдная и неподвижная, она прижала палецъ къ губамъ.

— Это они преслѣдуютъ какого-нибудь несчастнаго,—замѣтилъ я.—Они день и ночь производятъ обыски и аресты въ Парижѣ. Пожалуй, явятся сюда. Мнѣ нужно уйти, чтобы не подвести васъ. Хотя меня почти не знаютъ въ этой мѣстности, однако, по теперешнимъ временамъ я—гость опасный.

— Останьтесь,—сказала она мнѣ.

Во второй разъ мирная тишина вечера нарушена была криками. Къ нимъ присоединились топотъ шаговъ и звуки выстрѣловъ. Все это приближалось; послышались слова: «Закройте выходы, чтобы негодяй не ускользнулъ отъ насъ!»

Г-жа де-Люзи какъ будто становилась спокойнѣе по мѣрѣ приближенія опасности.

— Взойдемъ на второй этажъ!—сказала она.—Тамъ, спустивши жалюзи, мы можемъ смотрѣть, что происходитъ снаружи.

Но едва мы отворили дверь, какъ увидѣли въ сѣняхъ мертвенно-блѣднаго растрепаннаго человѣка, у котораго зубы щелкали, а колѣни подгибались. Этотъ призракъ сдавленнымъ голосомъ пролепеталъ:

— Спасите меня! Спрячьте!... Они здѣсь... Они взломали у меня дверь, ворвались ко мнѣ въ садъ... Уже идутъ...

II.

Госпожа де-Люзи, узнавши Планшоне, стараго философа, который жилъ въ сосѣднемъ домѣ, тихо спросила у него:

— Видѣла ли васъ моя кухарка? Она—якобинка!

— Меня никто не видалъ.

— И слава Богу, сосѣдъ!

Она увела его къ себѣ въ спальню, куда я вошелъ за ними. Надо было посовѣтоваться, придумать, куда бы спрятать Планшоне на нѣсколько дней или хоть на нѣсколько часовъ, чтобы обмануть и утомить тѣхъ, кто его ищетъ. Было рѣшено, что я буду наблюдать за всѣмъ, что совершается внѣ дома, и что по сигналу, который я дамъ, несчастный выйдетъ черезъ садовую калитку.

Въ настоящую же минуту онъ не стоялъ на ногахъ. Наиболѣе пораженъ онъ былъ изумленіемъ.

Онъ попытался растолковать намъ, что ему, врагу поповъ и королей, грозятъ казнью за участіе въ заговорѣ г. де-Казотта противъ конституціи и за присутствіе 10-го августа въ числѣ защитниковъ Тьюльри. Это была недостойная клевета. Истина заключалась въ томъ, что его преслѣдовалъ своей ненавистью Любенъ, его бывшій мясникъ, котораго онъ сто разъ намѣревался велѣть избить палками, чтобы отучить отъ привычки обвѣшивать; а теперь этотъ Любенъ былъ предсѣдателемъ той секціи, гдѣ когда-то имѣлъ лавку.

Пробормотавъ сдавленнымъ голосомъ это имя, онъ вообразилъ, что передъ нимъ самъ Любенъ, и закрылъ лицо руками. Въ самомъ дѣлѣ, на лѣстницѣ послышались шаги.

Г-жа де-Люзи задвинула задвижку и толкнула старика за ширму. Въ дверь постучались, и Полина узнала голосъ своей кухарки, которая кричала ей, чтобы она отперла, потому что у воротъ мѣстное начальство съ національной гвардіей и что собираются сдѣлать обыскъ.

— Они говорятъ,—прибавила служанка,—что здѣсь, въ домѣ, Планшоне. Я-то хорошо знаю, что его нѣтъ, что вы не захотѣли бы скрывать такого злодѣя; но они мнѣ не вѣрятъ.

— Такъ пусть войдутъ! — крикнула черезъ дверь г-жа де-Люзи.—Проведите ихъ по всему дому, отъ погреба до чердака.

Слыша изъ-за ширмъ эти переговоры, бѣднякъ Плашоне лишился чувствъ, и я съ трудомъ привелъ его въ себя, брызгая ему въ лицо водою. Когда старикъ опомнился, то молодая женщина шепотомъ сказала ему:

— Другъ мой, положитесь на меня. Не забывайте, что женщинамъ свойственна хитрость.

Затѣмъ, съ такою же невозмутимостью, какъ если бы она исполняла ежедневную домашнюю работу, она немножко выдвинула кровать изъ алькова, откинула одѣяло и съ моею помощью расположила три матраца такимъ образомъ, что со стороны стѣны оказалось пустое пространство между самымъ верхнимъ и самымъ нижнимъ.

Пока она дѣлала эти приготовленія, на лѣстницѣ раздался топотъ сапогъ и деревянныхъ башмаковъ, стукъ прикладовъ и восклицанія хриплыхъ голосовъ. Мы, всѣ трое, пережили ужасную минуту; но шумъ сталъ раздаваться все выше и, наконецъ, оказался у насъ надъ головами. Мы поняли, что гвардія, руководимая кухаркой-якобинкой, осматриваетъ прежде всего чердакъ. Потолокъ трещалъ; слышны были угрозы, грубый смѣхъ, удары ногами и штыками въ перегородки. Мы вздохнули свободнѣе, но нельзя было терять ни секунды. Я помогъ Планшоне запрятаться въ узкій промежутокъ между матрацами.

Глядя на насъ, г-жа де-Люзи покачивала головою.

Такимъ образомъ перерытая постель имѣла видъ подозрительный.

Она попробовала прикрыть ее поаккуратнѣе, но изъ этого ничего не вышло.

— Надо мнѣ лечь туда!—сказала она.

Она взглянула на часы: было семь часовъ вечера. Она разсудила, что никто не повѣритъ, чтобы можно было такъ рано лечь спать. О томъ, чтобы сказаться больною, нечего было и думать: кухарка-якобинка открыла бы обманъ.

Нѣсколько секундъ она простояла въ раздумьѣ, потомъ спокойно, просто, съ величавостью невинности раздѣлась передо мною, легла въ постель и приказала мнѣ снять башмаки, кафтанъ и галстукъ.

— Надо, чтобы вы притворились моимъ любовникомъ и чтобы они накрыли насъ. Когда они придутъ, вы сдѣлаете видъ, что не успѣли еще одѣться. Вы отворите имъ въ исподнемъ платьѣ и съ растрепанными волосами.

Все у насъ было готово, когда толпа ревнителей общественнаго блага съ ругательствами и проклятіями сошла съ чердака.

Несчастный Планшоне былъ охваченъ такою дрожью, что потрясалъ всю кровать.

Кромѣ того, онъ такъ громко дышалъ, что его хрипѣніе, вѣроятно, можно было слышать даже въ коридорѣ.

— Жаль!—прошептала г-жа де-Люзи.—Я такъ была довольна моею маленькою хитростью... Ну, не будемъ отчаиваться, и помоги намъ Богъ!

...ерь задрожала подъ ударомъ кулака.

— Кто стучитъ?—спросила Полина.

— Представители націи!

— Не можете ли подождать минутку?

— Отвори, а то мы выломаемъ дверь!

— Другъ мой, подите отворить!

Внезапно, какимъ-то чудомъ, Планшонс переставъ хрипѣть и трястись.

III.

Первымъ вошелъ Любенъ, опоясанный своимъ шарфомъ, въ сопровожденіи дюжины молодцовъ, вооруженныхъ пиками. Взглянувъ поочередно на г-жу де-Люзи и на меня, онъ воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Мы спугнули съ гнѣздышка влюбленныхъ. Извините насъ, красавица!—Затѣмъ онъ обратился къ своимъ спутникамъ:—Одни голоштанники живутъ нравственно!

Но, несмотря на высту своихъ нравственныхъ принциповъ, онъ сразу повеселѣлъ. Онъ сѣлъ на кровать и, взявши за подбородокъ прекрасную аристократку, сказалъ:

— Правда, что этотъ ротикъ не на то созданъ, чтобы день и ночь бормотать молитвы. Оно было бы и жаль. Но республика—прежде всего! Мы ищемъ измѣнника Планшоне. Онъ здѣсь—это ужъ вѣрно. Подайте мнѣ его. Я его отправлю на гильотину. Этимъ я выдвинусь впередъ.

— Ищите!

Они стали смотрѣть подъ мебелью, въ шкапахъ, подсунули пики подъ кровать и проткнули матрацъ штыками.

Любенъ, почесывая затылокъ, посматривалъ на меня искоса. Г-жа де-Люзи, опасаясь затруднительнаго для меня допроса, сказала мнѣ:

— Мой другъ! Тебѣ извѣстенъ домъ не хуже, нежели мнѣ; возьми ключи и проводи господина Любена повсюду. Я знаю, тебѣ доставитъ удовольствіе указывать путь патріотамъ.

Я повелъ ихъ въ погребъ, гдѣ они принялись опрокидывать боченки и осушили не малое количество бутылокъ. Послѣ этого, Любенъ пробилъ ружейнымъ прикладомъ нѣсколько бочекъ и, выйдя изъ погреба, залитаго виномъ, подалъ знакъ къ отбытію. Я проводилъ ихъ до калитки, которую за ними заперъ, и побѣжалъ возвѣстить г-жѣ де-Люзи, что мы спасены.

При этомъ извѣстіи, нагнувши голову въ промежутокъ между кроватью и стѣною, она позвала:

— Господинъ Планшоне, господинъ Планшоне!

Слабый вздохъ былъ ей отвѣтомъ.

— Слава Богу!—воскликнула она.—Планшоне, вы ужасно меня напугали: мнѣ показалось, что вы умерли.

Потомъ она обратилась ко мнѣ:

— Бѣдный другъ! Вамъ такъ пріятно было говорить мнѣ время отъ времени, что вы меня любите; теперь вамъ уже не придется повторять этого болѣе!

III. Смерть, какъ даръ.

Долго пробродивши по пустыннымъ улицамъ, Андрей усѣлся на берегу Сены и сталъ глядѣть на воду, бѣлѣвшую подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ жила Люси, его возлюбленная, во дни радости и надеждъ.

Давно уже онъ не былъ такъ спокоенъ.

Въ восемь часовъ онъ принялъ ванну. Въ ожиданіи завтрака онъ вошелъ въ трактиръ у Пале-Рояля и просмотрѣлъ газеты. Въ *Вѣстникѣ Равенства* онъ прочелъ списокъ казненныхъ 24 флореаля на площади Революціи.

Онъ позавтракалъ съ аппетитомъ, затѣмъ всталъ, взглянулъ въ зеркало, въ порядкѣ ли его одежда и цвѣтъ лица, и легкимъ шагомъ пошелъ за рѣку, гдѣ остановился передъ низенькимъ домомъ, на углу улицы Мазарини и Сенской. Здѣсь жилъ гражданинъ Лардильонъ, временно занимавшій постъ публичнаго обвинителя при революціонномъ трибуналѣ, человѣкъ услужливый, котораго Андрей знавалъ капуциномъ въ Анжерѣ и «голоштанникомъ» въ Парижѣ. Онъ позвонилъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія въ рѣшетчатомъ окошечкѣ показалось чье-то лицо, и гражданинъ Лардильонъ, благоразумно удостовѣрясь въ личности посѣтителя, отворилъ, наконецъ, дверь. Щеки у него были полныя, цвѣтущія, глаза блестящія, ротъ влажный, уши красныя. Его наружность говорила о нравѣ веселомъ, но боязливомъ. Онъ привелъ Андрея въ первую комнату своей квартиры.

Тамъ былъ накрытъ на два прибора небольшой круглый столикъ. На немъ красовались: курица, пирогъ, окорокъ, миска со страсбургской печенкой и холодная говядина, залитая студнемъ. На полу, въ ведрѣ, охлаждалось шесть бутылокъ. На выступѣ камина стояли ананасъ, нѣсколько кусковъ сыра и варенье. На письменномъ столѣ, заваленномъ бумагами, находились бутылки съ ликерами.

Сквозь полуоткрытую дверь, въ сосѣдней комнатѣ видна была измятая постель.

— Гражданинъ Лардильонъ,—сказалъ Андрей,—я пришелъ просить тебя объ одолженіи.

— Гражданинъ, я готовъ услужить тебѣ, если это не повредитъ безопасности республики.

Андрей отвѣтилъ ему съ улыбкой:

— Одолженіе, о которомъ я хочу просить тебя, совершенно совмѣстимо съ безопасностью республики и твоею собственною.

По знаку Лардильона, Андрей сѣлъ.

— Гражданинъ обвинитель!—сказалъ онъ.—Тебѣ извѣстно, что я уже два года интригую противъ твоихъ друзей и что я написалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Алтари страха». Ты можешь вполнѣ безпристрастно арестовать меня. Этимъ ты только исполнишь свою обязанность. Слѣдовательно, одолженіе, о которомъ я прошу, заключается не въ томъ. Но выслушай меня: я люблю, и моя возлюбленная находится въ тюрьмѣ.

Лардильонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что одобряетъ это чувство.

— Я знаю, что тебя нельзя назвать безчувственнымъ, гражданинъ Лардильонъ, и вотъ прошу тебя соединить меня съ тою, кого я люблю, и послать меня немедленно въ «Port Libre».

— Эге!—сказалъ Лардильонъ, улыбаясь своими толстыми и, однако, лукавыми губами.—Ты просишь больше, чѣмъ о жизни: ты хочешь счастія, гражданинъ!

Онъ протянулъ руку къ спальнѣ и крикнулъ:

— Эпихарида! Эпихарида!

Явилась высокая темноволосая женщина, съ обнаженными руками и грудью, въ юбкѣ и рубашкѣ, съ кокардой на головѣ.

— Моя нимфа!—сказалъ ей Лардильонъ, привлекая ее къ себѣ на колѣни.—Всмотрись въ лицо этого гражданина и не забывай его никогда. Подобно намъ, Эпихарида, онъ чувствителенъ; подобно намъ, онъ знаетъ, что величайшее изъ бѣдствій есть разлука. Онъ хочетъ послѣдовать въ тюрьму и на гильотину за своей возлюбленной. Эпихарида, можно ли отказать ему въ этомъ благодѣяніи?

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвица, похлопывая монаха въ карманьолкѣ по щекамъ.

— Ты правильно рѣшила, моя богиня: мы услужимъ двумъ нѣжнымъ любовникамъ. Гражданинъ Жерменъ, дай мнѣ твой адресъ, и нынче ты переночуешь подъ замкомъ.

— Ну, вотъ и ладно!—сказалъ Андрей.

— И ладно!—отвѣтилъ Лардильонъ, протягивая ему ру[illegible] — Когда отыщешь свою пріятельницу, то разскажи ей, что вид[illegible]

хариду въ объятіяхъ Лардильона. Да вызоветъ этотъ образъ въ умахъ вашихъ пріятныя мысли!

Андрей отвѣтилъ, что, можетъ быть, они будутъ бесѣдовать и о чемъ-нибудь еще болѣе трогательномъ, но что, тѣмъ не менѣе, онъ ему очень признателенъ и сожалѣетъ объ очевидной невозможности оказать ему услугу въ свою очередь.

— Человѣколюбіе не требуетъ награды,—отвѣтилъ Лардильонъ.

Онъ всталъ и произнесъ, прижавъ Эпихариду къ своему сердцу:

— Кто знаетъ, когда придетъ и наша очередь.

Omnes eodem codimur, omnium
Versatur urna, serius ocius
Sors exitura, et nos in aeternum
Exilium impositura cymbae.

А пока давайте пить. Гражданинъ, не желаешь ли раздѣлить нашу трапезу?

Эпихарида прибавила, что это было бы любезно, и попыталась удержать Андрея за руку; но онъ ускользнулъ, унося съ собою обѣщаніе исполняющаго должность публичнаго обвинителя.

IV. Происшествіе, случившееся въ мѣсяцѣ флореалѣ II-го года.

Привратникъ заперъ дверь арестнаго дома, впустивъ бывшую графиню Фанни д'Авене, арестованную «въ видахъ общественной безопасности», какъ значилось въ тюремномъ спискѣ, а на самомъ дѣлѣ за то, что она давала пріютъ преслѣдуемымъ.

Вотъ она и очутилась въ томъ старомъ зданіи, въ которомъ когда-то отшельники Поръ-Рояля сообща наслаждались уединеніемъ и которое могло быть превращено въ тюрьму безо всякихъ перемѣнъ.

Сидя на лавочкѣ, пока ея имя вносятъ въ списокъ, она думаетъ: «Зачѣмъ все это, Боже мой, и что тебѣ отъ меня угодно?»

Смотритель кажется скорѣе грубымъ, нежели злымъ, а къ его хорошенькой дочери восхитительно идетъ бѣлый чепчикъ съ кокардою и бантами національныхъ цвѣтовъ. Этотъ человѣкъ отводитъ Фанни на большой дворъ, среди котораго растетъ прекрасная акація. Тутъ ей придется подождать, пока ей дадутъ кровать и столъ въ комнатѣ, гдѣ уже помѣщено пять или шесть арестантокъ, такъ какъ тюрьма переполнена. Тщетно сплавляетъ она каждый день излишекъ своего населенія въ революціонный трибуналъ и на гильотину: комитеты ежедневно пополняютъ ее вновь.

дворѣ Фанни видитъ молодую женщину, вырѣзывающую вен-

зель на корѣ дерева, и узнаетъ своего друга дѣтства, Антуанету д'Оріакъ.

— Вы здѣсь, Антуанета?

— Вы здѣсь, Фанни? Похлопочите, чтобы вашу кровать поставили около моей. Мы разскажемъ другъ другу очень многое.

— Очень многое... А что г. д'Оріакъ, Антуанета?

— Мужъ? Въ самомъ дѣлѣ, моя дорогая, я о немъ было и забыла. Это несправедливо. Онъ всегда былъ очень милъ ко мнѣ... Полагаю, что онъ сейчасъ въ какой-нибудь тюрьмѣ.

— Что это ты дѣлаешь, Антуанета?

— Тише!... Который часъ? Если уже пять, то другъ, котораго вензель я сплетаю здѣсь съ моимъ, уже покинулъ этотъ міръ, потому что въ двѣнадцать часовъ его вытребовали въ революціонный трибуналъ. Онъ назывался Жеренъ и былъ добровольцемъ въ сѣверной арміи. Я познакомилась съ нимъ здѣсь, въ тюрьмѣ. Мы проводили вмѣстѣ сладкія минуты въ тѣни этого дерева. Онъ былъ достойный молодой человѣкъ... Но мнѣ нужно тебя устроить здѣсь, душа моя.

И обнявши Фанни за талію, она увлекла ее въ ту комнату, гдѣ стояла ея кровать, послѣ чего упросила смотрителя не разлучать ее съ подругою.

Онѣ условились со слѣдующаго утра мыть полъ въ своей комнатѣ вмѣстѣ.

Скудный ужинъ, отпускаемый трактирщикомъ патріотомъ, подавался за общимъ столомъ. Каждый арестантъ приносилъ свою тарелку, свой деревянный приборъ (было запрещено имѣть металлическій) и бралъ свою порцію свинины съ капустою.

Фанни увидѣла за этой грубой трапезой женщинъ, веселость которыхъ удивила ее. Подобно г-жѣ д'Оріакъ, онѣ были старательно причесаны и одѣты въ свѣженькія платья. Наканунѣ смерти, онѣ не теряли желанія плѣнять. Ихъ бесѣда была полна намековъ на любовь, какъ и ихъ внѣшность, и Фанни вскорѣ узнала о любовныхъ интригахъ, которыя отъ завязки и до развязки протекали взаперти, въ этихъ темныхъ переходахъ, гдѣ смерть торопила любовь. Тогда, охваченная невыразимымъ волненіемъ, она испытала сильное желаніе сжать чью-нибудь руку въ своей рукѣ.

Ей вспомнился тотъ, кто любилъ ее и кому она никогда не отдавалась; сердце ея надорвалось отъ сожалѣнія, столь же мучительнаго, какъ угрызеніе совѣсти. Слезы, жгучія, какъ сладострастіе, покатились по ея щекамъ. При свѣтѣ коптившей лампочки, которая горѣла

за ужиномъ; она наблюдала за своими сотрапезницами, глаза которыхъ лихорадочно блестѣли, и думала:

— Мы всѣ умремъ вмѣстѣ. Почему же я такъ грустна, и душа моя встревожена, а эти женщины одинаково легко относятся и къ жизни, и къ смерти?

II.

Тягостно прошли двадцать долгихъ однообразныхъ дней. Въ этотъ вечеръ совершенно пусто на дворѣ, гдѣ влюбленные обыкновенно ищутъ тишины и тѣни. Фанни, задыхаясь въ сырыхъ коридорахъ, вышла посидѣть на дерновомъ пригорочкѣ у корня старой акаціи, растущей посреди двора. Акація цвѣтетъ, и вѣтеръ, порхающій вокругъ нея, проникается благоуханіемъ. Фанни замѣчаетъ дощечку, прибитую къ дереву надъ вензелемъ, вырѣзаннымъ Антуанетою. На этой дощечкѣ она читаетъ стихи поэта Вижѐ, такого же арестанта, какъ и она сама:

Злодѣйству чуждыя, тутъ кроткія сердца
Томились безъ вины въ предчувствіи конца.
Но, полюбивъ, они уже не ощущали
Предъ казнью лютою ни страха, ни печали;
Акація была повѣреннымъ ихъ грезъ:
Цѣлуяся подъ ней, немало лили слезъ...
    Вы,—тѣ, кто будетъ здѣсь иной совсѣмъ порою,
    Не столь суровою,—умѣйте уважать
    То дерево, подъ чьей привѣтливой листвою
    Возможно было страхъ и горе забывать
    И счастью хоть на мигъ предаться всей душою *).

Прочитавши это стихотвореніе, Фанни задумалась. Мысленно она вновь пережила жизнь свою, мирную и спокойную, свой бракъ безъ любви, свои занятія поэзіей и музыкой; дружбу, серьезную, безъ волненій; затѣмъ любовь благороднаго человѣка, сумѣвшаго ее тро-

---

*) Ici des coeurs exempts de crimes,
Du soupçon dociles victimes,
Graçe aux rameaux d'un arbre protecteur,
En songeant à l'amour oubliaient leur douleur.
Il fut le confident de leurs tendres alarmes;
Plus d'une fois il fut baigné de larmes.
    Vous, que des temps moins rigoureux
    Amèneront dans cette enceinte,
    Respectez, protégez cet arbre généreux:
    Il consolait la peine, il rassurait la crainte;
    Sous son feuillage on fut heureux.

нуть, но не плѣнить, любовь, которую она почувствовала яснѣе среди безмолвія тюрьмы. Наконецъ, вспомнивъ, что надо умереть, она предалась отчаянію. Холодный потъ выступилъ у нея на вискахъ. Томимая скорбью, она подняла пламенные взоры къ небу, усѣянному звѣздами, и пробормотала, ломая руки:

— Боже мой, верни мнѣ надежду!

Въ эту минуту къ ней приблизились легкіе шаги. Дочь смотрителя, Розина, пришла поговорить съ нею наединѣ.

— Гражданка,—сказала ей хорошенькая дѣвушка:—завтра вечеромъ, на Проспектѣ Обсерваторіи, будетъ ждать тебя въ каретѣ человѣкъ, который тебя любитъ. Возьми этотъ узелъ: въ немъ находится одежда, похожая на ту, что надѣта на мнѣ; переодѣнься у себя въ комнатѣ во время ужина. Ты такого же роста, какъ я, и такая же бѣлокурая. Въ сумеркахъ можно принять насъ одну за другую. Одинъ изъ сторожей, который влюбленъ въ меня и все знаетъ, придетъ къ тебѣ въ комнату и принесетъ корзину, съ которой я хожу на рынокъ. Вмѣстѣ съ нимъ ты сойдешь по лѣстницѣ, ключъ отъ которой у него, и которая ведетъ въ сторожку моего отца. Съ этой стороны ворота не запираются и не охраняются. Надо только, чтобы отецъ тебя не увидѣлъ. Мой женихъ станетъ спиною къ окну сторожки и начнетъ съ тобою говорить, какъ будто бы со мною. Онъ тебѣ скажетъ: «До свиданья, гражданка Роза, и не будьте больше такой сердитой». Ты же преспокойно выйдешь на улицу. Тѣмъ временемъ, я выйду черезъ главную калитку, и мы обѣ усядемся въ карету, которая увезетъ насъ.

Вмѣстѣ съ этими словами Фанни впивала въ себя ароматы природы и весны. Расширивъ грудь, полную жизни, она уже дышала воздухомъ свободы.

Она заранѣе видѣла свое спасеніе и наслаждалась имъ; а такъ какъ къ нему примѣшивалась и любовь, то она обѣими руками надавила себѣ на сердце, чтобы утишить его счастливое біеніе. Но мало-по-малу разсудокъ, которому она привыкла подчиняться, побѣдилъ въ ней чувство. Она внимательно посмотрѣла на дочь надзирателя и сказала:

— Милая дѣвочка, почему вы оказываете такое одолженіе мнѣ, которую совсѣмъ не знаете?

— Потому,—отвѣтила Роза, забывая говорить ей «ты»,—что вашъ пріятель дастъ мнѣ много денегъ, когда вы будете свободны, и тогда я выйду замужъ за Флорентина, моего жениха. Вы видите, гражданка, что я стараюсь для себя же. Но мнѣ пріятнѣе спасти васъ, чѣмъ какую-нибудь другую.

— Спасибо вамъ, дитя мое; но почему такъ?

— Потому, что вы—душечка, и вашъ пріятель очень скучаетъ безъ васъ. Такъ хорошо, не правда ли?

Фанни протянула руку за узломъ съ одеждою, который подавала ей Роза; но тотчасъ ее отдернула и спросила:

— Роза, вы знаете, что если насъ поймаютъ, то вамъ угрожаетъ смерть?

— Смерть?!... Вы пугаете меня. Охъ, нѣтъ, я этого не знала!— Потомъ, успокоившись, она прибавила:—Гражданка, вашъ пріятель ужъ сумѣетъ меня спрятать.

— Въ Парижѣ не можетъ быть вѣрнаго убѣжища. Благодарю васъ за вашу самоотверженность, Роза, но не могу воспользоваться ею.

Роза была поражена.

— Вы попадете на гильотину, гражданка, а я не выйду за Флорентина!

— Успокойтесь, Роза! Я могу услужить вамъ, не принимая вашего предложенія.

— Охъ, нѣтъ! Это—все равно, что украсть!

Дочь надзирателя долго просила, плакала, умоляла. Она упала на колѣни и схватила Фанни за подолъ. Фанни отстранила ее рукою и отвернулась. Лучъ луны освѣтилъ ея спокойное и прекрасное лицо. Ясная ночь какъ будто улыбалась. Пролетѣлъ легкій вѣтерокъ; дерево заключенныхъ, дрогнувъ своими ароматными вѣтвями, осыпало блѣдными цвѣтами голову добровольной жертвы.

V. Оловянный солдатикъ.

Ночью, хворая инфлуэнцей и не будучи въ состояніи уснуть, я очень ясно услыхалъ три удара по стеклу этажерки, которая стоитъ рядомъ съ моею кроватью и населена пестрою смѣсью куколокъ изъ саксонскаго и севрскаго фарфора, танагрскихъ и миринскихъ статуэтокъ изъ жженой глины, бронзовыхъ фигурокъ эпохи Возрожденія, японскихъ издѣлій изъ слоновой кости, венеціанскихъ стакановъ, китайскихъ чашекъ, лакированныхъ ящичковъ, подносиковъ, эмалевыхъ шкатулочекъ, короче—множествомъ тѣхъ бездѣлушекъ, которыми я дорожу изъ фетишизма, такъ какъ съ ними связаны для меня пріятныя или грустныя воспоминанія. Удары были легки, но совершенно отчетливы, и при свѣтѣ ночника я разглядѣлъ, что это старался выбраться на свободу изъ этажерки маленькій оловянный солдатикъ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и вскорѣ отъ толчковъ

его кулака стеклянная дверка распахнулась настежь. По правдѣ сказать, я удивился не болѣе, чѣмъ слѣдовало. Этотъ солдатикъ всегда казался мнѣ ужаснымъ повѣсою, и я уже два года, съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ подарила его г-жа Ж. М., жду отъ него всяческаго озорства. На немъ бѣлый мундиръ съ синею оторочкою: это—французскій гвардеецъ; а извѣстно, что его полкъ не отличался дисциплиною.

— Эй, ты!—крикнулъ я.—Лафлеръ, Бриндамуръ, Ла-Тюлипъ, какъ тамъ тебя? Не можешь ли ты поменьше шумѣть и дать мнѣ спокойно уснуть, потому что я очень боленъ?

Озорникъ ворчливо отвѣтилъ мнѣ:

— Какъ вы меня видите, почтенный, я сто лѣтъ назадъ бралъ Бастилію, вслѣдствіе чего распито было немало бутылокъ. Не думаю, чтобы теперь много нашлось оловянныхъ солдатъ, мнѣ ровесниковъ. Спокойной ночи! Я иду на смотръ.

— Ла-Тюлипъ!—строго отвѣтилъ я.—Вашъ полкъ былъ раскассированъ по приказу Людовика XVI отъ 31 августа 1789 года. Вамъ не нужно больше ходить на смотры. Оставайтесь въ этой этажеркѣ.

Ла-Тюлипъ закрутилъ себѣ усъ и сказалъ, взглянувъ на меня искоса и съ презрѣніемъ:

— Какъ! Неужели вы не знаете, что каждый годъ, въ ночь на 1 января, пока всѣ дѣти спятъ, происходитъ большой смотръ всѣхъ оловянныхъ солдатъ, которые проходятъ по крышамъ среди весело дымящихъ трубъ, откуда вылетаетъ послѣдній пепелъ дровъ, потрескивавшихъ въ каминахъ на Рождествѣ? Конница мчится бѣшенымъ вихремъ, и у многихъ всадниковъ не хватаетъ головъ. Тѣни всѣхъ оловянныхъ солдатъ, погибшихъ на войнѣ, пролетаютъ здѣсь въ адскомъ урaганѣ; только и мелькаютъ, что погнутые штыки и сломанныя сабли. А души умершихъ куколъ, всѣ блѣдныя при свѣтѣ луны, смотрятъ на этотъ парадъ.

Такая рѣчь привела меня въ замѣшательство.

— Слѣдовательно, Ла-Тюлипъ, это—обычай, освященный вѣками обычай? Я безпредѣльно уважаю всѣ обычаи, обряды, преданія, легенды и народныя вѣрованія. Все это мы называемъ «фольклоромъ» и страшно развлекаемся его изученіемъ. Ла-Тюлипъ, я вижу съ большимъ удовольствіемъ, что вы вѣрны традиціямъ. Съ другой стороны, я не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ выпустить васъ изъ этой витрины.

— Слѣдуетъ,—сказалъ гармоничный и нѣжный голосъ, которaго я еще не слыхивалъ, но тотчасъ призналъ принадлежащимъ молодой женщинѣ изъ Танагры, закутанной въ гиматій и стоявшей около французскаго гвардейца, котораго она превышала своимъ стройнымъ и величественнымъ ростомъ.—Слѣдуетъ. Всѣ обычаи, дошедшіе до

насъ отъ предковъ, одинаково достойны уваженія. Наши праотцы знали лучше насъ, что дозволено и что воспрещено, ибо были ближе къ богамъ. Посему подобаетъ разрѣшить этому галату соблюсти воинскіе обряды его предковъ. Въ мое время они не носили, какъ вотъ этотъ, смѣшной бѣлой одежды съ синими отворотами, а прикрывались только щитами своими. И мы ихъ страшно боялись. Это были варвары. Ты—тоже галатъ и варваръ. Тщетно читаешь ты поэтовъ и историковъ: ты не понимаешь прелести жизни. Ты не бывалъ на агорѣ, въ то время какъ я пряла милетскую шерсть во дворѣ моего дома подъ старымъ тутовымъ деревомъ.

Я постарался отвѣтить безъ раздраженія:

— Прекрасная Лаиса! Твой греческій народецъ создалъ нѣсколько формъ, доселѣ радующихъ душу и глазъ. Но на твоей агорѣ выбалтывалось ежедневно не меньше глупостей, чѣмъ могутъ намолоть въ одну сессію наши муниципальные совѣты. Не жалѣю о томъ, что не былъ гражданиномъ Ларисcы или Танагры. Однако, слѣдуетъ сознаться, что твои слова резонны. Обычаи должны соблюдаться, безъ чего они перестанутъ быть обычаями. Бѣлая Лаиса! Ты, что пряла милетскую шерсть подъ старою шелковицею, ты не напрасно произнесла слова добраго совѣта; на основаніи его я разрѣшаю Ла-Тюлипу идти по всюду, куда его призываетъ фолькдоръ.

Тутъ маленькая фарфоровая сбивальщица масла изъ Севра, сложивъ обѣ руки на своей маслобойкѣ, обратила ко мнѣ умоляющіе взоры:

— Сударь, не отпускайте его: онъ обѣщалъ на мнѣ жениться. Это возлюбленный одиннадцати тысячъ дѣвъ! Если онъ уйдетъ, то я его уже не увижу.

И закрывъ свои круглыя щеки передникомъ, она расплакалась ото всего сердца.

Ла-Тюлипъ сталъ красенъ, какъ макъ. Онъ терпѣть не можетъ сценъ, и ему чрезвычайно непріятно слушать упреки, имъ вполнѣ заслуженные. Я успокоилъ, какъ могъ, маленькую сбивальщицу масла и предупредилъ французскаго гвардейца, чтобы онъ не засиживался послѣ смотра въ кабакѣ у какой-нибудь вѣдьмы. Онъ обѣщалъ, и я пожелалъ ему счастливаго пути. Но онъ не уходилъ. Странное дѣло: онъ продолжалъ стоять на своей полочкѣ такъ же неподвижно, какъ окружающія его куклы. Я выразилъ ему свое удивленіе.

— Терпѣніе!—отвѣтилъ онъ.—Я не могу уйти у васъ на глазахъ, не нарушивъ тѣмъ всѣ законы сверхъестественнаго. Когда вы задремлете, то мнѣ будетъ нетрудно улетѣть на лунномъ лучѣ, такъ какъ я легокъ. Но вовсе некуда спѣшить, и можно еще подождать

часокъ-другой. Теперь бы самое время побесѣдовать. Хотите, я разскажу вамъ какую-нибудь старинную исторію? Я знаю ихъ много.

— Разскажите,—сказала Лаиса.

— Разскажите,—сказала сбивальщица масла.

— Ну, разскажите, Ла-Тюлипъ!—сказалъ и я въ свою очередь.

Онъ сѣлъ, набилъ трубку, спросилъ стаканъ пива и началъ такимъ образомъ:

— Девяносто девять лѣтъ назадъ, день въ день, я стоялъ на этажеркѣ съ дюжиной товарищей, которые походили на меня, какъ братья. Одни стояли, другіе лежали, у нѣкоторыхъ повреждены были головы или ноги: то были герои-ветераны изъ ящика оловянныхъ солдатиковъ, купленнаго годъ назадъ на Сен-Жерменской ярмаркѣ. Комната была обтянута блѣдно-голубымъ шелкомъ. Спинетъ, на которомъ была раскрыта «Молитва» изъ «Орфея», стулья со спинками въ видѣ лиръ, письменный столикъ изъ краснаго дерева, бѣлая постель, украшенная розами, парочки голубковъ вдоль карниза,—все улыбалось нѣжно и граціозно. Лампа горѣла мягкимъ свѣтомъ, а въ каминѣ огонь трепеталъ, точно крыльями, среди мрака. Сидя въ капотѣ передъ бюро и склонивъ свою нѣжную шею подъ тяжестью роскошныхъ и свѣтлыхъ волосъ, Юлія перебираетъ письма, которыя, перевязанныя ленточками, хранились въ ящикахъ ея стола.

Бьетъ полночь; это—знакъ идеальнаго перехода отъ одного года къ другому. Хорошенькіе стоячіе часики, на которыхъ смѣется позолоченый амуръ, возвѣщаютъ, что 1793 годъ окончился.

Въ моментъ соединенія стрѣлокъ появился маленькій призракъ. Хорошенькій ребенокъ выскользнулъ черезъ полупритворенную дверь изъ комнаты, гдѣ онъ спалъ, и, въ рубашонкѣ бросившись на шею матери, пожелалъ ей счастья въ новомъ году.

— Счастья въ новомъ году, Пьеръ? Благодарю тебя. А знаешь ли ты, про кого можно сказать, что онъ счастливо провелъ годъ?

Онъ думаетъ, что знаетъ; однако, она хочетъ растолковать ему еще лучше:

— Тотъ будетъ счастливъ, мой милый, кто проведетъ его безъ ненависти и безъ страха.

Она цѣлуетъ его и уноситъ въ кроватку, изъ которой онъ выскочилъ; потомъ опять возвращается къ бюро. Она глядитъ поочередно на сверкающее въ каминѣ пламя и на письма, изъ которыхъ выпадаютъ засушенные цвѣты. Ей жалко ихъ жечь. Однако, это необходимо, потому что изъ-за этихъ писемъ, если бы они попали въ чужія руки, пошли бы на гильотину и тотъ, кто ихъ писалъ, и та, кто ихъ получала. Если бы дѣло шло о ней одной, то она не стала бы —

ихъ: такъ ей надоѣло оспаривать свою жизнь у палачей. Но она думаетъ о немъ, осужденномъ вслѣдствіе доноса,—о немъ, кого разыскиваютъ и кто прячется теперь на какомъ-нибудь чердакѣ, на другомъ краю Парижа. Достаточно одного изъ этихъ писемъ, чтобы напасть на его слѣды и предать его казни.

Пьеръ, тепло укутанный, спитъ въ сосѣдней комнаткѣ; кухарка и Нанонъ удалились къ себѣ наверхъ. На улицѣ господствуетъ та глубокая тишина, которая неразлучна со снѣжною погодою. Холодный и чистый воздухъ благопріятствуетъ горѣнію дровъ въ каминѣ. Юлія собирается жечь письма и знаетъ, что это не обойдется безъ глубокихъ и грустныхъ размышленій. Она ихъ сожжетъ, но сначала перечитаетъ.

Письма въ большомъ порядкѣ, ибо Юлія вноситъ во все, къ чему прикасается, методичность своего ума.

Вотъ эти уже пожелтѣли: они написаны три года назадъ. И среди ночного безмолвія Юлія снова переживаетъ волшебные часы. Она подноситъ каждый листочекъ къ огню, лишь десять разъ прочитавши все, что написано на немъ.

Вокругъ глубокая тишина. Время отъ времени она подходитъ къ окошку, приподнимаетъ занавѣску, видитъ въ безмолвномъ полумракѣ колокольню святого Германа-На-Лугахъ, посеребреную луною, затѣмъ вновь принимается за свое дѣло медленнаго и благоговѣйнаго истребленія. И какъ не упиться еще въ послѣдній разъ этими дивными страницами? Какъ предать пламени эти милыя строки, не запечатлѣвши ихъ навѣкъ у себя въ сердцѣ? Все тихо вокругъ нея; душа ея трепещетъ юностью и любовью.

Она читаетъ:

«Хотя въ разлукѣ съ вами, однако, я вижу васъ, Юлія. Меня окружаютъ образы, порожденные моею мыслью. Я вижу васъ не холодную и неподвижную, но живую, движущуюся, каждый разъ иную и всегда совершенную. Въ мечтахъ моихъ я группирую вокругъ васъ великолѣпнѣйшія зрѣлища въ мірѣ. Счастливъ любовникъ Юліи! Все восхищаетъ его, ибо во всемъ онъ видитъ ее. Любя ее, онъ любитъ жизнь; онъ любуется этимъ міромъ, который освѣщенъ ею; онъ привязанъ къ этой землѣ, на которой она расцвѣтаетъ. Онъ понимаетъ безчисленное разнообразіе творенія: во всемъ онъ видитъ образъ Юліи. Онъ прислушивается къ безчисленнымъ голосамъ природы: всѣ повторяютъ ему имя Юліи. Онъ съ восторгомъ воспринимаетъ взорами дневной свѣтъ, помышляя, что этотъ счастливый свѣтъ озаряетъ также лицо Юліи и ложится божественной лаской на прекраснѣйшія изъ людскихъ очертаній. Нынче вечеромъ мерцаніе первыхъ

звѣздъ приведетъ его въ трепетъ; онъ скажетъ себѣ: «Можетъ быть, и она смотритъ на нихъ въ эту минуту». Въ каждомъ ароматѣ воздуха онъ впиваетъ ея дыханіе. Онъ хочетъ цѣловать землю, ибо по ней ступаетъ *она*...

«Милая Юлія! Если мнѣ суждено погибнуть подъ топоромъ палача, если, подобно Сиднею, я долженъ умереть за свободу, то и самая смерть не удержитъ моей негодующей тѣни въ томъ мракѣ, гдѣ тебя нѣтъ. Я прилечу къ тебѣ, моя возлюбленная! Душа моя часто будетъ витать вокругъ тебя».

Она читаетъ и думаетъ. Ночь подходитъ къ концу. Сквозь занавѣски пробивается уже блѣдный свѣтъ: это — утро. Служанки принялись за работу. Она хочетъ окончить свою. Кажется, раздались голоса? Нѣтъ, все безмолвно вокругъ...

Но все такъ тихо потому, что снѣгъ заглушаетъ шаги. Идутъ. Пришли. Удары потрясаютъ дверь.

Спрятать письмо, запереть бюро она уже не успѣетъ. Она дѣлаетъ единственное, что возможно: беретъ бумаги въ охапку и бросаетъ ихъ подъ диванъ, чехолъ съ котораго спустился такъ, что своимъ краемъ лежитъ на полу. Нѣсколько писемъ, разсыпавшихся по ковру, она подталкиваетъ ногою туда же, а сама кидается въ кресло.

Входитъ предсѣдатель участка въ сопровожденіи двѣнадцати копейщиковъ. Это — нѣкій Броше, въ старину промышлявшій плетеньемъ стульевъ; онъ все время дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и налитые кровью глаза его постоянно выражаютъ ужасъ.

Онъ дѣлаетъ знакъ своимъ спутникамъ, чтобы они стерегли выходы, и обращается къ Юліи:

— Гражданка, до насъ дошло, что ты состоишь въ перепискѣ съ агентами Питта, съ эмигрантами и съ заговорщиками, сидящими по тюрьмамъ. Именемъ закона я пришелъ забрать твои бумаги. Мнѣ уже давно указывали на тебя, какъ на аристократку опаснѣйшаго сорта. Гражданинъ Рапуа, стоящій здѣсь передъ тобою, — онъ указалъ на одного изъ своихъ людей,—сознался, что въ суровую зиму 1789 года ты давала ему денегъ и одежды, чтобы подкупить его. Мои предшественники, слишкомъ умѣренные и лишенные гражданскаго мужества, черезчуръ долго щадили тебя. Но теперь власть перешла въ мои руки, и тебѣ не отвертѣться отъ гильотины. Вручи намъ твои бумаги, гражданка!

— Возьмите ихъ сами,—сказала Юлія:—мой столъ отпертъ.

Тамъ оставалось еще нѣсколько свидѣтельствъ о рожденіяхъ, бракахъ и смертяхъ, счеты поставщиковъ и процентныя бумаги, которыя Броше сталъ пересматривать по одной. Онъ ихъ щупалъ и ер-

тѣлъ, какъ человѣкъ недовѣрчивый и нетвердый въ грамотѣ, время отъ времени произнося:

— Плохо! Имя бывшаго короля не зачеркнуто нигдѣ. Плохо это, плохо!

Юлія соображаетъ, что обыскъ будетъ продолжителенъ и тщателенъ. Она не можетъ удержаться, чтобы украдкой не взглянуть на диванъ, и замѣчаетъ, что изъ-подъ чехла высматриваетъ уголочекъ письма, точно бѣлое ухо котенка. При видѣ этого, ея тревога вдругъ исчезаетъ. Неизбѣжность гибели придаетъ ей спокойную увѣренность, и лицо ея становится невозмутимымъ, точно отъ сознанія полнѣйшей безопасности. Она не сомнѣвается, что ищущіе увидятъ этотъ клочекъ бумаги, который виденъ ей. Бѣлѣя на красномъ коврѣ, онъ бросается въ глаза. Но она не знаетъ, замѣтятъ ли они его сейчасъ или черезъ нѣкоторое время. Ее занимаетъ и развлекаетъ этотъ вопросъ. Въ эту трагическую минуту она предается какъ бы умственной игрѣ, наблюдая, какъ патріоты приближаются къ дивану и какъ отъ него удаляются.

Броше, покончивъ съ бумагами въ бюро, выходитъ изъ терпѣнія и говоритъ, что непремѣнно найдетъ то, что ищетъ.

Онъ опрокидываетъ мебель, переворачиваетъ картины и ударяетъ сабельною рукоятью по стѣнамъ, отыскивая тайники. Но онъ ихъ не находитъ. Онъ разбиваетъ зеркало, чтобы узнать, нѣтъ ли чего за стекломъ. Тамъ ничего нѣтъ.

Тѣмъ временемъ, его спутники приподнимаютъ часть паркета. Они клянутся, что мошенница аристократка не проведетъ честныхъ «голоштанниковъ». Но никто изъ нихъ не замѣтилъ бѣлаго кончика бумаги, выглядывающаго изъ-подъ диваннаго чехла.

Они уводятъ Юлію въ другія комнаты и вытребываютъ всѣ ключи. Они ломаютъ мебель, вдребезги бьютъ стекла, протыкаютъ стулья, кресла, и не находятъ ничего.

Однако, Броше еще не отчаивается: онъ идетъ обратно въ спальню.

— Чортъ возьми, бумаги здѣсь! Я въ томъ увѣренъ!

Онъ осматриваетъ диванъ, объявляетъ его подозрительнымъ и пять или шесть разъ втыкаетъ въ него свою саблю до рукояти. Онъ опять не находитъ искомаго, произноситъ страшное ругательство и отдаетъ своимъ людямъ приказаніе уйти.

Уже у самаго выхода, обратившись къ Юліи, онъ грозитъ ей кулакомъ:

— Бойся увидѣть меня вновь: я—народъ-властелинъ!

И уходитъ послѣднимъ.

Наконецъ-то ихъ уже нѣтъ! Она слышитъ, какъ ихъ шаги за-

мираютъ на лѣстницѣ. Она спасена! Ея неблагоразуміе не выдало *его*! Съ шаловливымъ смѣхомъ она бѣжитъ поцѣловать своего мальчика, который спитъ крѣпкимъ сномъ, не взирая на суматоху вокругъ его кроватки.

Сказавши это, Ла-Тюлипъ зажегъ свою трубку, которая было погасла, и допилъ свой стаканъ.

— Другъ мой!—сказалъ я ему.—Надо отдать вамъ справедливость: для французскаго гвардейца вы разсказываете весьма изящно. Но мнѣ кажется, что я уже слыхалъ гдѣ-то эту исторію.

— Можетъ быть, ее разсказала Юлія. Она была весьма умная особа.

— А что съ ней сталось потомъ?

— Для нея еще настали свѣтлые дни во время Консульства. Однако, по вечерамъ она повѣряла грустныя тайны деревьямъ своего парка. Видите ли что: она лучше умѣла побѣждать страхъ смерти, чѣмъ любовь.

— А тотъ, кто писалъ такія краснорѣчивыя письма?

— Онъ сталъ барономъ и префектомъ при Имперіи.

— А маленькій Пьеръ?

— Умеръ въ 1859 году въ Версалѣ жандармскимъ полковникомъ.

— Чортъ побери!

Перевела В. Кошевичъ.

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исповѣдь.

> И адъ, и земля, и небо съ особымъ участіемъ слѣдятъ за человѣкомъ въ ту роковую пору, когда вселяется въ него Эросъ. Каждой сторонѣ желательно для своего дѣла взять тотъ избытокъ силъ духовныхъ и физическихъ, который открывается тѣмъ временемъ въ человѣкѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ самый важный срединный моментъ нашей жизни. Онъ нерѣдко бываетъ очень кратокъ, можетъ также дробиться, повторяться, растягиваться на года и десятилѣтія, но, въ концѣ концовъ, никто не минуетъ рокового вопроса: на что и чему отдать тѣ могучія крылья, которыя далъ намъ Эросъ? Это вопросъ о главномъ качествѣ жизненнаго пути, о томъ, чей образъ, чье подобіе приметъ или оставитъ за собою человѣкъ.
>
> *Вл. Соловьевъ.* „Жизненная драма Платона“.

I.

Александра Даниловна Пахомова, женщина-врачъ среднихъ лѣтъ, вдова и мать единственной дочери, собиралась обѣдать, когда въ прихожей раздался сильный и увѣренный звонокъ какого-то совершенно неожиданнаго посѣтителя.

Александра Даниловна недовольно нахмурилась. Сегодня ей приходилось обѣдать одной: дочка ея, гимназистка-подростокъ, обѣдала у дяди, гдѣ и должна была остаться на весь вечеръ часовъ до одиннадцати: завтра предстоялъ праздникъ, занятій въ гимназіи не было, и братъ Александры Даниловны, въ особенности его жена, бездѣтные, почти старики, «выпросили» у ней племянницу на этотъ вечеръ, чтò временами дѣлали.

Обѣдать безъ дочери, умненькой, болтливой и очень любящей матери, для Александры Даниловны было лишеніемъ. Въ обѣденное

время, за столомъ, въ уютной небольшой столовой, подъ теплымъ и веселымъ свѣтомъ низко висящей съ потолка лампы, мать и дочь, вдвоемъ, только и отдыхали въ беззаботномъ разговорѣ. До обѣда дочь была въ гимназіи, потомъ на ближайшемъ каткѣ, гдѣ, по настоянію матери, длинной зимой каждый день поправляла вредъ, наносимый ея юному, не окрѣпшему организму гимназическимъ сидѣньемъ.

Мать же, съ ранняго утра до 3 часовъ, попеременно дежурила въ одной изъ женскихъ больницъ и въ пріемномъ покоѣ для бѣдныхъ родильницъ, устроенномъ благотворительнымъ обществомъ. Едва возвращалась она домой, къ ней уже раздавался звонокъ за звонкомъ: у нея у самой начинался пріемъ приходящихъ больныхъ. Это длилось до пяти часовъ. Послѣ семи часовъ дочь садилась за уроки и уже аккуратно въ одиннадцать, по предписанію матери, была въ постели.

По вечерамъ Александра Даниловна нерѣдко выѣзжала на практику, въ ученыя и благотворительныя засѣданія и къ своимъ знакомымъ, которыми дорожила и по общимъ интересамъ, и въ дѣловомъ отношеніи. Она уже имѣла хорошую репутацію и практику и зарабатывала достаточно для весьма приличной жизни въ Петербургѣ. Но она твердо рѣшилась скопить возможно большее обезпеченіе для своей единственной дочери, чтобы та, взрослой дѣвушкой и женщиной, не испытала того, чего натерпѣлась сама Александра Даниловна и студенткой, и женой бѣдняка, притомъ болѣзненнаго, пока не выбилась на дорогу.

Она прекрасно сознавала, что она и умна, и съ характеромъ, и съ выдержкой; это доказала ей вся ея жизнь: почти безъ гроша, со смерти родителей,—отецъ ея едва перебивался на частной службѣ,—она прошла гимназію, фельдшерскіе курсы, уѣхала за границу, окончила тамъ медицинскій факультетъ; вернувшись на родину, блестяще выдержала экзаменъ на врача; и теперь, въ десять лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, создала себѣ прочное положеніе, даже могла мечтать о возможномъ обезпеченіи дочери.

Мало того, выйдя замужъ за товарища по факультету,—временно эмигрировавшаго изъ Россіи,—она и его содержала два года ихъ совмѣстной жизни, ибо, черезъ три мѣсяца послѣ женитьбы, у него отнялись ноги и началось почти душевное разстройство, отъ котораго онъ впалъ въ физическое разслабленіе, кончившееся сложной нервно-мозговой болѣзнью, сведшей его скоро въ могилу. Посѣщая лекціи на чужбинѣ, будучи сидѣлкой при мужѣ и всетаки при этомъ сама выкармливая родившуюся дочь, Александра Даниловна узнала крайнюю нужду и самое тяжкое положеніе. Стипендія, очень скромная, высылаемая ей съ родины ея богатой подругой по гимназіи—два

давала возможность существовать; на счастье, въ уходѣ за больнымъ и ребенкомъ ей помогала старушка—жена консьержа; иначе бѣдной студенткѣ медицины нельзя было бы совсѣмъ отлучаться на лекціи.

Все это было ею пережито. И она не только не падала тогда духомъ, но всегда, крайне живая умственно, успѣвала слѣдить за политической и общественной жизнью столь бойкаго европейскаго центра, гдѣ она изучала медицину.

И когда, только что овдовѣвъ, съ маленькой дочкой на рукахъ, она вернулась на родину за дипломомъ и практикой,—она привезла не одно солидное знаніе своей спеціальности, но прочно выработанное терпѣніе, устойчивость въ житейской борьбѣ и душу, на всю жизнь достаточно закалившуюся въ горѣ и трудѣ. Но привезла она также и никогда незабываемое сознаніе, чего стòитъ этотъ закалъ души, и боязнь, что ея нѣсколько слабой и излишне нервной дѣвочкѣ (вѣроятно, наслѣдіе отца) едва ли возможно будетъ выдержать такой закалъ. И мечта обезпечить дочь—овладѣла всѣмъ существомъ Александры Даниловны.

На счастье и заграничную стипендію богачки-подруги (возмѣстить эту стипендію рано или поздно было ея непоколебимое намѣреніе) явилась возможность вернуть самымъ удобнымъ образомъ: подруга вышла замужъ, уже имѣла дѣтей, и когда Александра Даниловна заговорила объ уплатѣ стипендіи, подруга предложила ей быть постояннымъ безплатнымъ врачомъ ея дѣтей въ теченіе пяти лѣтъ, послѣ чего подруги будутъ считать, что сквитались.

Трудясь, какъ волъ, утромъ съ больными, вечерами Пахомова расширяла свои знакомства, проникала въ разныя общества, выступала по возможности и на поприщѣ благотворительности, рискнула не безъ успѣха прочесть двѣ-три публичныя лекціи, словомъ, всѣми способами создавала имя медицинское и общественное, понимая, что имя—тотъ же капиталъ, имѣющій ту же тенденцію: разъ онъ созданъ, давать проценты и расти.

На все это уходили сполна почти всѣ ея вечера и цѣлые праздничные дни. И хотя горько ей было видѣть свою дочь только за обѣдомъ, но зато она лелѣяла себя мечтой, что позднѣе, когда дочь будетъ почти взрослой дѣвушкой, у ней, при увеличившемся обезпеченіи, будетъ гораздо больше времени для общенія, а тогда-то это общеніе будетъ еще нужнѣе дочери и еще пріятнѣе старѣющей матери: онѣ обѣ тогда будутъ больше понимать другъ друга, да и почва для сближенія у нихъ будетъ шире.

Правда, и теперь, въ ея неутомимо трудовой жизни единствен-

ный теплый и свѣтлый лучъ была ея живая, хорошенькая, чуть-чуть блѣдненькая дочурка. И два часа обѣда и питья кофе послѣ него, отъ пяти до семи, были для Александры Даниловны часами домашняго счастія.

Въ эти часы она не только утѣшалась своей дочерью, но и воспитывала ее. Чутко прислушиваясь къ безпечной болтовнѣ дѣвочки о гимназіи, объ учителяхъ, о подругахъ, о дядѣ, о тетѣ, о томъ, что дѣвочка видѣла въ гимназіи, у знакомыхъ, на улицѣ,—Пахомова осторожно и настойчиво вставляла свои замѣчанія, указанія, ласковые укоры и, слѣдя за тѣмъ, какъ они воспринимаются, изрѣдка втайнѣ огорчалась, но гораздо чаще, также втайнѣ, сдержанно радовалась.

И неохотно и очень нечасто отпускала Пахомова свою дочь обѣдать къ знакомымъ, даже къ безумно любящимъ племянницу бездѣтнымъ дядѣ и теткѣ. Но иногда, очень изрѣдка, выпадали дни, въ которые Александра Даниловна слишкомъ утомлялась въ больницѣ, пріемномъ покоѣ и на практикѣ. Тогда она была даже не прочь порадоваться тому, что дочери ея нѣтъ дома, и она можетъ, и не слѣдя зорко за собой, чтò она всегда невольно дѣлала при дочери, молча, наскоро поѣвши, въ полномъ одиночествѣ растянуться на турецкомъ диванѣ своего кабинета и, подсунувъ вышитую подушку (работа ея дочери) подъ голову, обложиться заграничными журналами, которые обильно выписывала; а уйдя въ нихъ, можетъ забыть все, чѣмъ неумолимо окована ея жизнь.

Въ глубинѣ души Александры Даниловны жила всѣмъ интересующаяся, многосторонне развитая еще своей заграничной жизнью, современница всего того, что совершалось въ широкомъ мірѣ Божьемъ въ многознаменательномъ концѣ XIX вѣка.

И когда она смертельно уставала отъ этой обыденной жизни, ею вдругъ овладѣвала непреоборимая жажда окунуться въ ту, иную, широкую жизнь, жизнь роста науки, искусства, общественныхъ и политическихъ отношеній. И она на цѣлый вечеръ, отпустивъ дочь въ гости, рѣшивъ сама никуда не выѣзжать, до поздней ночи зарывалась въ книги и журналы.

Такая жажда овладѣла ею и сегодня. Такой вечеръ она и теперь думала провести. И уже заранѣе ласкала себя своимъ одиночествомъ. И вдругъ этотъ неожиданный, самоувѣренный звонокъ.

Это не былъ звонокъ, нервный и безпокойный, внезапной пациентки. Это не звонокъ ея дочери, который она отлично знаетъ. Это почти веселый звонокъ гостя, хорошаго знакомаго, увѣреннаго, что его охотно примутъ. Но кто же это могъ быть? Всѣ близкіе къ ней люди отлично знали, что отъ пяти до семи часовъ дня она никогда

принимаетъ. И нахмурившись, она крикнула горничной въ прихожую:

— Катя! Скажи, что меня дома нѣтъ... Что я принимаю отъ трехъ до пяти.

II.

Крикнувъ свое приказаніе горничной, Пахомова притихла въ столовой, неподвижно держа ложку надъ тарелкой, чтобъ не услыхали ея присутствія дома: только узенькій коридоръ отдѣлялъ столовую отъ прихожей; и хотя теперь обѣ двери—и изъ столовой въ коридоръ и изъ коридора въ прихожую—были заперты, но и сквозь нихъ было слышно почти все, что происходитъ въ этихъ комнатахъ.

Александра Даниловна безпокойно прислушивалась къ тому, какъ дѣвушка отворила входную дверь, и сдержанно-вѣжливо (Пахомова отлично вышколила Катю, какъ обращаться съ посѣтителями женщины-врача) сказала то, что ей крикнула хозяйка. И вотъ, въ отвѣтъ на слова горничной, раздался звучный и довольно низкій мужской голосъ:

— Да полноте, Катя, Александра Даниловна обѣдаетъ. Отлично знаю. И вамъ не стыдно? Ужели не узнали меня? Кажется, мѣсяца нѣтъ, былъ у васъ...

— Да барыня велѣла,—раздался въ отвѣтъ посѣтителю смущенный голосокъ дѣвушки.

Но Александра Даниловна уже поняла, кто этотъ неожиданный гость.

— Катя!—снова еще громче крикнула она,—глупая! Къ Ивану Николаевичу мое приказаніе, конечно, не относится. Иванъ Николаевичъ! Дома. Обѣдаю. Входите.

— Ахъ, Катя, Катя! Не стыдно? Меня хотѣла выпроводить,—раздался снова весело упрекавшій голосъ гостя.

Вслѣдъ затѣмъ послышался смущенный смѣхъ горничной, стукъ снимаемыхъ калошъ, и дверь въ столовую отворилась нароспашь. Иванъ Николаевичъ вошелъ въ эту комнату рѣшительнымъ шагомъ человѣка, увѣреннаго, что его примутъ съ радостью.

И онъ не ошибся. Едва Пахомова увидала передъ собой его нѣсколько тяжелую, но сильную и подвижную фигуру, его лицо съ задумчивыми глазами, съ большой русой бородой, обрамленное длинными, волнистыми волосами, она поднялась изъ-за стола, отложивъ ложку, и по мужски протянула ему свою руку всегда педантически вымытую одеколономъ.

— Опять въ Петербургѣ?—воскликнула она тономъ ласковаго удивленія и упрека.

— Увы! опять!—не безъ комическаго сожалѣнія сказалъ гость, крѣпко сжимая ея пальцы.—Но утѣшьтесь: здѣсь останусь всего на нѣсколько дней. Можетъ быть, даже завтра и уѣду.

Онъ опустился на стулъ къ обѣденному столу. Хозяйка сдѣлала то же.

— Нечего мнѣ утѣшаться,—сказала она, качая головой и внимательно всматриваясь въ блѣдное лицо Ивана Николаевича.—Сами знаете, пріятно ли мнѣ не видѣть васъ здѣсь, въ Петербургѣ. Но дружба дружбой, а служба службой, или, въ нашемъ съ вами случаѣ, медицина медициной. Какъ вашъ докторъ, притомъ докторъ-женщина единственнаго своего паціента-мужчины, слѣдовательно, особенно заинтересованная своимъ успѣхомъ въ данномъ случаѣ, я гоню васъ изъ Петербурга, а какъ вашъ другъ...

— Ну, слушайте, другъ,—перебилъ ее Иванъ Николаевичъ,—не волнуйтесь. Вѣдь я и пріѣхалъ сюда единственно къ вамъ, какъ паціентъ...

— Вамъ хуже?—взволновалась Пахомова.—Въ самомъ дѣлѣ, милый, куда дѣлся вашъ румянецъ, ваше оживленіе, какими вы меня порадовали мѣсяцъ назадъ, заглянувъ сюда изъ вашего захолустья?

— Въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы мнѣ, прошлой весной, прописали, какъ лѣченіе, мое захолустье—гораздо лучше, не безпокойтесь,—отвѣтилъ гость, весь какъ-то нервно пожимаясь,—я ужъ, впрочемъ, объ этомъ вамъ докладывалъ мѣсяцъ назадъ... Вообще, въ теченіе этого мѣсяца въ моей жизни, разумѣется, и въ моемъ физическомъ организмѣ ничего не произошло. Но... произошло... худшее... а можетъ быть, впрочемъ, и лучшее...

— Что вы путаете, милый? Да успокойтесь вы... Вы слишкомъ взволнованны... Право, вы меня пугаете... Похудѣлъ какъ! Поблѣднѣлъ! Волнуется... право, я васъ такимъ никогда не видала,—говорила безпокойно Александра Даниловна, все зорче вглядываясь въ своего паціента-друга.

— Все, все разскажу,—отозвался онъ ненормально-оживленно,—только продолжайте обѣдать,—меня не кормите. Не совру, что обѣдалъ, но сознаюсь, что аппетита никакого. У тетушки за столомъ у меня хватило бы терпѣнія добросовѣстно отправлять въ ротъ кусокъ за кускомъ, но это только потому, что охи и вздохи тетушки и кузинъ мнѣ были бы еще тяжелѣе, чѣмъ это насильственное самокормленіе. Вы меня освободите отъ этого. Серьезно: никакого аппетита.

— Вы меня все больше пугаете,—перебила его Пахомова.

— Постойте, постойте,—остановилъ ее Иванъ Николаевичъ,—

Итакъ, вы сами кушайте, а меня не кормите. Это рѣшено. Это вопервыхъ. Во-вторыхъ: гдѣ Канареечка? Не дома?

— У дяди, на цѣлый день «выпросили» ее у меня,—улыбнулась Александра Даниловна.

«Канареечка»—было названіе, данное уже давно ея другомъ ея дочери за пепельно-желтоватые волосы и вѣчное щебетаніе тоненькимъ, но звонкимъ голоскомъ.

— Ахъ, какъ это хорошо!—воскликнулъ Иванъ Николаевичъ,—какъ я ни люблю ея, но мнѣ необходимъ съ вами полный tête-à-tête на весь вечеръ. Впрочемъ, вамъ, быть можетъ, надо куда-нибудь ѣхать... Вѣдь вы каждый вечеръ въ расходѣ,—обезпокоился онъ, смотря на хозяйку.

— Сегодня никуда,—настойчиво и рѣшительно отвѣтила она,—хотѣла дома журналами позабавиться. Но для васъ, разумѣется, все по боку. Кормить васъ не стану. А вотъ поѣмъ, отведу васъ въ кабинетъ, лягу на диванъ, а вы—полную исповѣдь. Въ чемъ дѣло? Потомъ легкій осмотръ. А если понадобится—серьезный, дамъ вамъ записку и завтра же...

— Къ какой-нибудь знаменитости мужеска пола, вашему коллегѣ?—усмѣхнулся гость.—Болѣзнь моя... Совершенно новая, замѣтьте. Не та, отъ которой вы меня погнали прошлой весной къ тетушкѣ въ захолустье... Да вы кушайте. Я, пожалуй, начну свою исповѣдь... Когда дойдемъ до самой сути—вы кончите обѣдать—перейдемъ въ кабинетъ, ложитесь себѣ на диванъ, а я буду маршировать—мнѣ такъ будетъ удобнѣе исповѣдываться...

III.

Пахомова, какъ бы давъ знакъ, что готова слушать, молча ѣла супъ, не сводя внимательно-участливаго взгляда съ гостя.

Сидя противъ нея и грузно навалившись грудью и локтями на столъ, надъ которымъ онъ низко опустилъ свою голову, Иванъ Николаевичъ началъ говорить искусственно спокойнымъ тономъ, создавая и уничтожая шарикъ за шарикомъ изъ хлѣба блѣдными пальцами своихъ крупныхъ рукъ.

— Прежде всего долженъ предупредить васъ—исповѣдуюсь вовсе не съ медицинской цѣлью... Ибо опасаюсь: казусъ мой, какъ вы, врачи, выражаетесь incurabilis. Боюсь я, что нажилъ, такъ сказать, незаживающую и незаживляемую рану, да, пожалуй, еще самъ буду ее разбереживать при всякомъ самомъ слабомъ призракѣ заживленія... Ибо заживленіе раны, излѣченіе для меня хуже, чѣмъ самая болѣзнь,—говорилъ Иванъ Николаевичъ.

— Удивляетесь? Излѣченіе хуже, чѣмъ болѣзнь, и все же прихожу къ вамъ, врачу!... Но, разумѣется, я пошутилъ. Не къ врачу, а къ другу пришелъ вашъ покорнѣйшій слуга, къ единственному другу-женщинѣ, да еще такой, какъ вы, умницѣ, опытной... Пришелъ потому, что не къ кому больше идти. А идти надо... выложить изъ души то, что не то переполняетъ, не то давитъ грудь—необходимо... Ибо незаживающая моя рана—серьезная рана, боюсь, очень глубокая рана. И хоть дорожу я этой раной, но и болитъ она, охъ какъ болитъ! Если бы вы знали, какъ болитъ!

— Вижу по вашему лицу, голубчикъ,—тихо сказала Пахомова и протянула ему черезъ столъ руку.

Они обмѣнялись долгимъ и крѣпкимъ пожатіемъ. Онъ хотѣлъ продолжать свою «исповѣдь», но она его остановила.

— Подождите минутку,—сказала она, придавивъ звонокъ, резиновая груша котораго висѣла съ потолка надъ обѣденнымъ столомъ.

Немедленно вошла Катя, какъ всегда, одѣтая съ педантической чистотой, въ темномъ платьѣ и бѣломъ фартукѣ.

— Катя,—обратилась къ ней Александра Даниловна,—возьмите супъ и подайте сразу на столъ жаркое и сладкое. А въ кабинетѣ приготовьте кофейникъ, лампочку и два стакана. И не мѣшайте намъ. Когда мы уйдемъ въ кабинетъ, можете убирать здѣсь со стола.

Горничная, почтительно выслушавъ, молча унесла миску съ супомъ.

Катя вскорѣ вернулась. Поставивъ оба блюда на столъ, дѣвушка, съ немножко смѣшной серьезностью, поджимая губы, вымолвила:

— Кофе-съ я сію минуту приготовлю въ кабинетѣ,—и неслышно вышла.

Уйдя, она плотно притворила за собой дверь.

Едва они остались вдвоемъ, Пахомова сказала:

— Ну, другъ мой, слушаю. Очевидно, ваша рана не тѣлесная. Это меня радуетъ. Что ни говорите, физическія заболѣванія—самое худшее въ жизни человѣка. Это знаемъ мы—врачи, передъ которыми проходитъ столько страданій и несчастій отъ этихъ заболѣваній. Но, съ другой стороны—для меня ясно, что ваша душевная рана глубока, ибо въ мѣсяцъ она произвела такой нежелательный эффектъ на вашъ физическій организмъ, если только это она произвела, а н ...

— Она, она!—перебилъ горячо гость.—Но вы сегодня должны приготовиться изумляться или твердо помнить изреченіе мудрого римлянина: nil admirari. Она же, эта рана самая, вызвала во мнѣ, мѣсяцъ назадъ, и тотъ эффектъ, который такъ порадовалъ васъ

мой послѣдній пріѣздъ къ вамъ, тотъ румянецъ, то оживленіе въ глазахъ.

— Помню, помню, дорогой! Но какъ скоро вы все это потеряли! А относительно эффектовъ одной и той же болѣзни, совершенно различныхъ—чего же мнѣ удивляться: и въ физическихъ болѣзняхъ развѣ не бываетъ того же? Лихорадка, напримѣръ, какъ иногда оживляетъ лицо больного,— говорила Александра Даниловна.

— Ну, у меня не лихорадка, даже не горячка, на бѣду... на бѣду и къ счастію!—отозвался Иванъ Николаевичъ.—Но вы уже кончаете вашъ обѣдъ. Какъ вы быстро. Видно, что вы отличная работница... Знаете народную примѣту: кто быстро ѣстъ, тотъ хорошій работникъ?...

— Понятно: у него, значитъ, и зубы отличные, и энергія всѣхъ мускуловъ и ощущеній—и вкусовыхъ—въ полномъ порядкѣ,— сказала Пахомова, оканчивая желе.—Вотъ я и готова. А вамъ, вижу, не терпится. Хочется въ кабинетъ?

— Да! Сидя за столомъ, мнѣ трудно разсказывать. Слишкомъ я волнуюсь. Да и здѣсь слишкомъ свѣтло. У васъ въ кабинетѣ такой славный матовый фонарь. Свѣтъ его дѣйствуетъ какъ-то успокоительно.

— Идемте, идемте! И фонарь этотъ зажженъ, и кофе, вѣроятно, на столѣ. Кофе-то вѣдь выпьете?—участливо спросила Пахомова, поднимаясь изъ-за стола и проходя коридоромъ въ кабинетъ.

— Кофе,—да...—немного разсѣянно отозвался гость, слѣдуя за нею.

Когда они вошли въ кабинетъ, который только слегка—большимъ зеркаломъ—напоминалъ комнату дамы, усовершенствованный кофейный приборъ былъ уже на углу большого письменнаго стола. Хозяйка зажгла лампочку подъ кофейникомъ и начала внимательно варить кофе, что она дѣлала всегда сама. Гость молча ходилъ вдоль просторной комнаты, по темному ковру, заглушавшему его шаги. Мягкій матово-зеленый фонарь освѣщалъ съ потолка тихимъ полумракомъ большіе книжные шкафы и турецкій диванъ.

— Ну-съ, готово. Вотъ вамъ вашъ стаканъ. Отхлебывайте и повѣствуйте... А мнѣ ужъ позвольте прилечь,—сказала хозяйка и, со стаканомъ кофе въ рукахъ, опустилась въ глубь дивана.

IV.

— Вы мнѣ позволите разсказывать такъ, какъ мнѣ придетъ въ голову? Можетъ быть, я коснусь многаго такого, что вамъ уже извѣстно изъ моего прошлаго. Я и вообще, въ разное время, въ минуты

покаянной тоски, à la Иванъ Грозный, не разъ преподносилъ вамъ ламентаціи о моихъ грѣхахъ и бѣдствіяхъ, какъ единственному моему истинному и давнему другу, да и вдовѣ моего лучшаго товарища. А минувшей зимой, испугавшись въ моей нервной сумятицѣ скверного исхода и бросившись къ вамъ, какъ къ единственному врачу, которому могъ и имѣлъ охоту разсказать все, я многое выложилъ вамъ и достаточно подробно. Поэтому, весьма вѣроятно, буду повторяться... Но теперь въ душѣ моей новая, совсѣмъ иная сумятица и,— ужъ простите, буду говорить, какъ выльется.

Сдѣлавъ это вступленіе, Иванъ Николаевичъ, совсѣмъ забывъ о кофе, стаканъ котораго стылъ на письменномъ столѣ, зашагалъ еще быстрѣе по мягкому ковру. Пахомова внимательно слушала, отхлебывая небольшіе глотки изъ своего стакана.

— Я слушаю все, что вы ни скажете, съ одинаковымъ интересомъ. Мнѣ любопытно и то, какъ вы теперь разскажете уже извѣстное мнѣ... Это важно для діагноза вашего теперешняго состоянія, который мнѣ предстоитъ сдѣлать и какъ вашему другу, и какъ вашему... врачу, можетъ быть... Потому что, хотя вы и говорите мнѣ, какъ другу, по вашему увѣренію, но начали вашу исповѣдь, всетаки, почти какъ паціентъ, нуждающійся во врачѣ,—мягко улыбнулась Александра Даниловна, сказавъ эти слова съ ласковымъ спокойствіемъ.

— Всегда убійственно логична!—усмѣхнулся и ея гость.

— Всегда!—пожала она плечами,—какъ и тогда, когда, помните, въ Парижѣ, отравляла, по вашему, этой логичностью жизнь и вамъ, и моему бѣднягѣ-мужу.

— Ахъ, это время!—всплеснулъ руками Иванъ Николаевичъ,— какъ тогда всѣмъ намъ и горько, и хорошо жилось... Осипъ тогда уже лишился ногъ, но все еще хорохорился подъ своимъ затасканнымъ пледомъ. Канареечка уже попискивала, съ усовершенствованной соской козьяго молока, которую ей совали, когда вамъ было некогда кормить ее. Я тогда дѣлалъ среди довѣрчивыхъ соотечественниковъ первые свои долги, пользуясь кредитомъ еще недавно состоятельнаго человѣка... Словомъ, начиналъ ту скачку черезъ препятствія, безпечно устраивая ихъ себѣ самому, какую я веду, не безъ успѣха, уже болѣе десяти лѣтъ, зарабатывая совершенно достаточно, но тѣмъ не менѣе увеличивая свою задолженность... Да, я тогда, когда отыскалъ васъ въ вашей поднебесной мансардѣ на Rue Mechain, только что пережилъ всѣ свои банкротства—и матримоніальное, и финансовое и, главное,—банкротство вѣры въ счастье личной жизни... И, со смѣлостью человѣка, которому не-

беречь и нечего спасать, пошелъ навстрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни, ухватившись за соломинку, или за бревно (самъ не зналъ: за то или другое)—за свое искусство, да и то больше какъ за средство возможнаго заработка, отлично сознавая, что потащу свое искусство на рынокъ, но творить буду не для рынка, ибо душа ужъ у меня такая, не рыночная!

— Да, душа у васъ не рыночная, за это васъ такъ любилъ и мой покойный Осипъ, да и я васъ полюбила,—вставила Пахомова въ безпорядочную рѣчь своего паціента-гостя это замѣчаніе тихо и сдержанно, съ какой-то затаенной глубиной въ голосѣ. И она полузакрыла глаза, точно въ тайной грусти воспоминаній того времени, о которомъ они говорили.

— Душа не рыночная,—подхватилъ онъ,—а между тѣмъ кинулъ самъ себя на рынокъ! И вѣдь могъ бы обойтись безъ этого: вѣдь было весьма порядочное наслѣдственное. Что дѣлать?! Можетъ быть, къ лучшему. Можетъ быть, спуская наслѣдственное, пустилъ его только въ ходъ, какъ оборотный капиталъ своего творчества... своего искусства... Потому что извѣдалъ же я жизнь, благодаря этому: сколько новыхъ, и не всегда мрачныхъ, красокъ пріобрѣлъ я на свою палитру! Но, конечно, пуская въ безоглядчивый оборотъ свое наслѣдственное, вовсе не имѣлъ этого въ виду, а прямо чувствуя, что мое матримоніальное банкротство очевидно,—до того былъ имъ сраженъ, что ничего уже не берегъ, не жалѣлъ... И супруга моя не жалѣла, по безхарактерности и легкомыслію... Бѣдная женщина! Зачѣмъ я на ней женился? Впрочемъ, зачѣмъ и она шла за меня, не любя, а позарившись на «хорошаго, интереснаго, душевнаго», какъ она тогда говорила,—состоятельнаго, прибавлю я—человѣка!

А я?... Влюбился? Ахъ, влюбился ли я? Въ сущности не женился ли я, par dépit—пытаясь, такъ сказать, ремонтировать себя послѣ еще одного болѣе ранняго банкротства, предшествовавшаго тѣмъ двумъ, матримоніальному и финансовому? Но допустимъ: я влюбился въ мою жену... Да и кокетничала же она! И не съ однимъ мною. Но, нѣтъ! несмотря на все ея кокетство, на всю ея эту пикантно-ненормальную оживленность, не влюбился бы я. Не влюбился бы я... не надорвись мое сердце предшествующей любовью.

Шесть лѣтъ любви почти къ дѣвочкѣ, которая сама не знала, чего хотѣла, но которая была такъ хороша, такъ естественно-прирожденно кокетлива... Полька, католичка!... Боюсь, сильно измучили мы тогда другъ друга. И брака она боялась, и брака съ русскимъ не хотѣла,—и моей серьезности трусила, не по ней дѣвочкѣ; и все же шесть лѣтъ, шесть лѣтъ не могли мы оторваться другъ отъ друга.

Уѣзжала она и за границу, и вдругъ оттуда звала, звала меня... Потому что ей было тоскливо, скучно... И какъ ребенка утѣшалъ я ее и лично, и въ безконечныхъ письмахъ, и снова, успокаиваясь, она робѣла передъ бракомъ... а я уходилъ больной, безумный, самъ боясь быть слишкомъ настойчивымъ... пока, наконецъ, не заболѣлъ, и правду, жесточайшимъ разстройствомъ нервовъ.

И прекратилъ я поѣздки въ другой городъ, гдѣ она жила, а вмѣсто того принялся усиленно глотать мышьякъ съ эвкалиптомъ. Какже! Дѣло до визита Кожевникова дошло... Тогда-то впервые испыталъ я, почти никогда не хворающій, ту болѣзнь, почти горячку, которая, боюсь, чуть-чуть не вернулась ко мнѣ прошлой зимой.

Но отпоился мышьякомъ, встрѣтилъ свою будущую жену, восхитился ея глазами, кокетливыми жестами ея рукъ, подумалъ: женюсь и навѣкъ застрахую себя отъ всякихъ «страданій молодого Вертера»... А тутъ, черезъ мѣсяцъ знакомства, дѣлаю предложеніе, и мнѣ не отказываютъ, мнѣ шепчутъ: «вы такой хорошій, хорошій человѣкъ», такъ нѣжно склоняютъ юную голову на мою грудь... Вѣдь художникъ же я!—съ воображеніемъ человѣкъ, да еще выздоравливающій, возстановленный мышьякомъ,—значитъ, съ особенно проснувшимся аппетитомъ счастья, ласкъ, домашняго своего уюта.

Да и ума, ума я искалъ, послѣ той хорошенькой дѣвочки, почти съ дѣтскими запросами. А тутъ былъ умъ, поверхностный, дилеттантскій, также легко вспыхивающій, какъ и подавляемый усталостью, общей слабостью организма... Но развѣ могъ я тогда все это понять?... Разыгрался аппетитъ семейнаго счастья, и баста!... И почудилось, что влюбленъ, что она умница-разумница.

Ну, и женился... И не прошло мѣсяца, понялъ двѣ вещи: не любимъ, да и, въ сущности, не люблю... Кокетство—я не виню своей жены,—можетъ быть, непроизвольное для жениха, для законнаго мужа естественно потухло...

И при этомъ полное отсутствіе какихъ-нибудь устоевъ... Проповѣдь свободы на устахъ и практика распущенности въ жизни... Не какой-нибудь зловредной распущенности, для этого бѣдняга была слишкомъ разсудочно холодна... но распущенности во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни, въ мелочахъ, изъ которыхъ—подобно тому, какъ изъ микроскопическихъ капель сырости, образуется непроницаемый, затмевающій солнце и пронизывающій дрожью туманъ—выросла вокругъ меня какая-то тяжкая психопатическая домашняя атмосфера... Эта атмосфера засасывала меня самого, я чувствовалъ, что самъ опускаюсь, дѣлаюсь психопатически безпорядочнымъ.

И я равнодушно махнулъ на все рукой, ушелъ въ свою мастер-

скую, въ свою палитру... Пытался выступать въ публику, на выставки, ища хоть тутъ просвѣта; но всевозможныя жюри меня тогда еще отвергали, да и я былъ тогда въ своихъ работахъ настолько же смѣлъ, насколько небреженъ въ техникѣ. И эта небрежность происходила отъ смѣлости, въ которой, правду сказать, во мнѣ никогда недостатка не было... Чувствовалъ я въ себѣ что-то сильное, въ смыслѣ искусства, и думалъ, что достаточно быть сильнымъ и смѣлымъ, и не важно быть умѣлымъ... За что и получалъ по носу.

Я ждалъ одного: когда расшибетъ мою лодку о какой-нибудь камень, и я получу право снова, одинъ на одинъ, безъ всякихъ обязательствъ къ лодкѣ,—ринуться вплавь въ бурныя волны... Это точно меня манило... Этого одного я ждалъ нѣсколько лѣтъ... Самъ я не хотѣлъ прыгать изъ лодки. Я не хотѣлъ покинуть мою бѣдную жену одну на произволъ волнъ... Хотя и чувствовалъ, что мы безъ того на этомъ произволѣ... да все же въ лодкѣ, плыть въ которой вдвоемъ дали взаимное обязательство... И такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Протянись это еще немного, и мнѣ пришлось бы снова обращаться къ Кожевникову, снова глотать мышьякъ и эвкалиптъ.

Да выручилъ другъ дѣтства жены. Онъ такъ долго, терпѣливо ждалъ ея любви, такъ рыцарски ухаживалъ, что и ей вдругъ показалось: и она его любитъ... По крайней мѣрѣ въ его то любви не ошиблась. До сихъ поръ онъ безукоризненъ по отношенію къ ней... а живутъ они вмѣстѣ достаточно долго. Такъ что я съ спокойной совѣстью выпрыгнулъ изъ дырявой лодки, въ щѣли которой проскользнули и утонули въ бездну и мои денежныя средства, и моя вѣра въ семейное счастье. И поплылъ я тогда по бурнымъ волнамъ карьеры художника, долговъ, безшабашной жизни бобыля... Тогда-то и разыскалъ я въ Парижѣ Осипа и познакомился съ вами, помните?

V.

Помните меня тогда? Помните, какъ я отыскалъ васъ въ Парижѣ? Я уже давно слышалъ, что Осипъ былъ вынужденъ удалиться ins Ausland и избралъ своей резиденціей этотъ новѣйшій Вавилонъ. А, искренне говоря, я въ ту пору и не хотѣлъ никого видѣть изъ старыхъ знакомыхъ, кромѣ Осипа. Онъ, во-первыхъ, совсѣмъ не зналъ меня въ несчастную полосу моей женатой жизни: онъ въ это время конспирировалъ на югѣ, а потомъ спасся въ Парижѣ. А во-вторыхъ, онъ былъ единственный человѣкъ, единственный другъ дѣтства и юности, передъ которымъ мнѣ было бы легко повиниться во всякомъ грѣхѣ... Увы! мнѣ повезло и не повезло... Бѣдняга вскорѣ умеръ, но зато я узналъ васъ.

Знай я тогда, что такъ скоро лишусь его, я не былъ бы такъ небреженъ въ моей дружбѣ... даже къ нему! А небреженъ я въ ту пору сталъ ко всему... Къ себѣ, къ людямъ, къ деньгамъ... Только не къ живописи! Съ тѣхъ поръ только я сталъ такъ много работать надъ этюдами, надъ техникой. Никто, кромѣ меня самого, не знаетъ тѣхъ успѣховъ, которые какъ разъ въ ту пору я сдѣлалъ въ своемъ искусствѣ. Большихъ картинъ я уже не затѣвалъ... Какъ вся моя жизнь пошла какими-то отрывками, такъ и живопись моя стала отрывочной... Полуэтюды, полукартины. Но зато краска уже совсѣмъ иною ложилась подъ моей кистью!... рисунокъ сталъ тверже и незамѣтно для меня самого поэзія надорваннаго сердца стала мелькать въ тонахъ, въ абрисахъ... Въ сущности же, поэзія шла не изъ одного моего надорваннаго сердца... Я окунулся въ водоворотъ жизни.

Я заперъ въ кладовой тѣ незаконченныя, огромныя полотна, съ широко захватывающими сюжетами, которыя началъ въ долгомъ уединеніи прежней моей мастерской и которыя по сей часъ ждутъ конца ихъ разработки. Когда я ихъ писалъ, я погружался въ книги, я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ передъ картинами въ галлереяхъ... я почти не выходилъ на улицу... Теперь я почти бросилъ читать, конечно, сравнительно съ тѣмъ, какъ я читалъ прежде, а я лѣтъ съ 15 былъ настоящій книгоѣдъ. Въ галлереи заглядывалъ гораздо рѣже. Не идей, не произведеній живописи искалъ я теперь, а хаоса дѣйствительной жизни во всѣхъ его краскахъ. И я погрузился въ этотъ хаосъ безъ оглядки.

«Хорошіе люди»—а таковые были мои друзья до той поры—вдругъ мнѣ показались мелко буржуазно противными, всегда одними и тѣми же пустыми въ своей жалкой переполненности. «Порядочный кругъ» мнѣ сталъ гадокъ, какъ черезчуръ промаслившійся, притомъ остывшій, плоскій блинъ. Подогрѣвать его надоѣвшими иллюзіями мнѣ уже не было охоты... На женщинъ этого круга я началъ смотрѣть какъ на разновидности одного и того же типа, отъ котораго мнѣ пришлось солоно въ лицѣ моей жены.

Худосочіе, житейское легкоуміе, если не легкомысліе—первое прикрытое то блестящимъ, то пошлымъ, большею частію безвкуснымъ, по крайней мѣрѣ, для меня, нарядомъ кокетства, или ужъ совсѣмъ прѣснымъ и пошлымъ семейнымъ балахономъ;—второе или спрятанное подъ хитрой осторожной молчаливостью, или принаряженное въ нахватанные верхушки всякихъ словъ и идей: вотъ основы этого типа «порядочныхъ» женщинъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ столицахъ. Жадность въ глазахъ, въ сущности, безъ малѣйшаго здороваго аппетита къ жизни, къ ея лучшимъ проявленіямъ. Пустота и по-

зи на разный ладъ: одна корчитъ образцовую мать, другая хозяйку салона, третья развитую особу... Право, я дошелъ въ ту пору до того въ своихъ воззрѣніяхъ на порядочную женщину, что признавалъ изъ нихъ достойными уваженія только забитыхъ нуждой до положенія возовой клячи, да еще тѣхъ, что «конспирировали», какъ Осипъ, и попадали въ кутузки и ссылки. Тутъ была правда, тутъ была жертва.

Но я сторонился отъ тѣхъ и другихъ. Заработокъ—картины мои начали покупать, и жюри уже одобряли ихъ—да и кредитъ, который мнѣ легко оказывали, оказываютъ и до сихъ поръ, ограждали меня отъ міра нужды; натура же художника отводила отъ добровольнаго страстотерпства за что-либо, хотя взгляды мои, вы знаете, почти не отличались отъ взглядовъ Осипа... Но я слишкомъ дорожилъ... живописью... и жизнью! Словомъ, и порядочными друзьями-мужчинами и ихъ подругами я пренебрегъ... Знакомства терялъ одно за другимъ... И радъ былъ этому.

Я былъ хитеръ. Я не сжигалъ своихъ кораблей. Встрѣтивши экземпляръ изъ прежней своей компаніи, я былъ любезенъ, и со мною были любезны... Но я отбояривался поскорѣй отъ этихъ встрѣчъ. Я несравненно болѣе вращался въ кругу своихъ собратій художниковъ, чѣмъ раньше; познакомился съ самыми талантливыми и знаменитыми, много узналъ оригинальныхъ натуръ. Но это мнѣ также скоро пріѣлось: многое узнавалъ такое, что зналъ и въ себѣ, многое отталкивающее и печальное. Всѣ мы вѣдь, въ сущности, народъ ломаный, и изломы нашихъ натуръ, впечатлительныхъ не въ мѣру, торчатъ углами—острыми, непріятными углами. И, въ сущности, скучно намъ другъ съ другомъ.

Одного только и любилъ я: покойника Бастьенъ-Лепажа, этого истиннаго генія, такъ рано съѣденнаго болѣзнью. Съ нимъ, увы, въ то время уже очень больнымъ, я не надолго почти дружески сошелся въ Парижѣ... Онъ да вы съ мужемъ только и были дороги мнѣ... но помните, и отъ васъ, да и отъ Бастьена, я пропадалъ внезапно и надолго: точно ключъ въ воду уходилъ, говорили вы. И также внезапно выплывалъ, помните?

Впрочемъ, все это для васъ старо, и я такъ безтолково разсказы[ва]ю,—вдругъ прервалъ свое повѣствованіе Иванъ Николаевичъ—п[р]остите вы ужъ меня!

VI.

— Разсказывайте, разсказывайте!—настойчиво поддержала его П[...]омова,—все это я, конечно, уже слышала отъ васъ, но въ такомъ

яркомъ освѣщеніи никогда... И я только теперь начинаю понимать васъ, бѣдный мой другъ.

— Да?—подошелъ онъ къ ней.

Не приподнимаясь съ дивана, она протянула ему свою твердую руку и крѣпко пожала его холодные, какъ ледъ, пальцы.

— Спасибо. Слушайте же!—продолжалъ онъ, снова мѣряя кабинетъ широкими шагами.—Итакъ, я часто и надолго пропадалъ отъ васъ. Я былъ небреженъ даже къ такимъ людямъ, какъ Осипъ, Бастьенъ и вы. Но куда же я пропадалъ? Въ среду женщинъ не своего круга. Въ Парижѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, даже во многихъ провинціальныхъ городахъ, куда мнѣ случалось въ овладѣвшей мной жаждѣ скитальчества заглядывать,—я шлялся по бульварамъ, по закоулкамъ, по театральнымъ уборнымъ, магазинамъ, заводилъ знакомство съ швеями, модистками, продавщицами, мелкими актрисами. (Знавалъ я и крупныхъ и достаточно близко, но скоро ихъ сталъ избѣгать: эти изломаны больше художниковъ и, въ сущности, скучнѣе, холоднѣе, болѣзненнѣе «порядочныхъ» дамъ иныхъ профессій).

Да, я шелъ всюду, гдѣ могъ встрѣтить женское физическое и психическое здоровье, красоту, свободу отношеній безъ всякаго ломанья, безъ всякихъ обязательствъ. Странное дѣло: покончивъ съ своей женатой жизнью, сказавъ себѣ: довольно съ меня семейнаго счастья,— сказавъ женѣ: «если у тебя отъ твоего сожителя будетъ ребенокъ, и тебѣ нужно будетъ выйти замужъ, я даю тебѣ разводъ, беру на себя вину и охотно лишусь навсегда права жениться снова», сказавъ все это и вскорѣ узнавъ, что ребенокъ у жены уже есть, хотя она до сихъ поръ и не требуетъ развода,—послѣ всего этого я сталъ особенно жаждать впечатлѣній отъ женской красоты и отъ женской ласки, но безъ всѣхъ аттрибутовъ прочныхъ связей.

На женщину, да и вообще на человѣка, какъ на тонкій психологическій аппаратъ, я началъ смотрѣть съ крайнимъ недовѣріемъ. Съ тѣмъ же скептическимъ, почти циническимъ недовѣріемъ относился я и къ собственнымъ душевнымъ движеніямъ. Я пересталъ вѣрить въ ихъ прочность, въ ихъ глубину, я жаждалъ только ихъ яркости, разнообразія. И жаждалъ этого, болѣе какъ художникъ, чѣмъ какъ человѣкъ... Потому что я нашелъ въ этихъ своихъ блужданіяхъ по низшимъ районамъ женскаго труда и женской жизни много тѣхъ прелестныхъ поэтическихъ силуэтовъ, какими наполнялъ, развѣ чуть-чуть идеализируя, свои уже довольно ходко пошедшіе въ публикѣ этюды-картины.

Не разъ мелькала мысль связать свою судьбу съ той или другой попрочнѣе, «осчастливить по гробъ жисти» какую-нибудь изъ нихъ.

Особенно, помню, подмывало меня сдѣлать это съ одной итальянской натурщицей въ Венеціи, потомъ съ одной продавщицей, казачкой съ Урала; и красивы же были обѣ и ласковы были, можетъ быть, и вправду полюбили меня!

Но... неисправимый скептикъ въ области любви и счастія я былъ тогда.

Я обогащалъ свои полотна новыми этюдами житейской красоты и поэзіи, а самъ уже начиналъ уставать отъ этой бродяжей жизни если не сердца, то, во всякомъ случаѣ, чувства. Да, чувства, ибо, мимоходомъ, не на долго, я и любилъ,—и счастливъ былъ тѣмъ, что любимъ, какъ, напримѣръ, съ той уроженкою уральской станицы или съ той венеціанкой, Розиной...

Но, въ сущности, все время сердце мое было пусто, усталость безпріютнаго бродяги начала охватывать все мое существо. Старѣю,—обманывалъ я себя, а какое старѣю! посмотрите: до сихъ поръ ни сѣдого волоска, почти ни морщины, растительность на головѣ, какъ у папуаса. Не старѣлъ я и годами: сейчасъ только, наканунѣ 40-го года... я самъ не предчувствовалъ, что близокъ къ кризису, къ сильнѣйшему перелому въ душѣ, можетъ быть, и въ жизни.

VII.

Въ концѣ минувшей осени, годъ тому назадъ, я жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, грязныхъ меблированныхъ комнатахъ: надо сознаться, моя небрежность къ тому, что меня окружало, дошла до послѣдняго предѣла. Такъ вотъ, въ концѣ минувшей осени, той безобразной темной осени Петербурга, безобразнѣе которой не бываетъ нигдѣ, среди «меблированной» грязи, я вдругъ какъ-то разомъ почувствовалъ, что я смертельно усталъ и, если не смертельно, то все же довольно серьезно боленъ.

Оба ощущенія были для меня новы, непривычны и, что меня всего болѣе удивило, оба испугали меня. Чувство страха,—одно изъ наиболѣе рѣдко посѣщавшихъ меня въ жизни ощущеній. Чего я тогда началъ бояться? Самъ не знаю, но страхъ чего-то сталъ какими-то піявками присасываться къ моей груди.

Я долго вѣрилъ въ два, уже какъ бы наличныя для меня, бревна, которыя замѣнятъ мнѣ самый лучшій корабль въ морѣ житейскомъ. Во-первыхъ, въ свой талантъ, такъ сказать, просмоленный моимъ умственнымъ кругозоромъ. Въ этомъ отношеніи я достаточно запасся въ своей прежней обезпеченной жизни. Въ талантѣ же мнѣ никогда не отказывали даже нѣкоторые первачи моего искусства.

Второе спасительное бревно, на которомъ я почувствовалъ себя уже сидящимъ, бросившись въ море житейское, это мое здоровье. Природа надѣлила меня очень сильнымъ организмомъ: при своей далеко не «правильной» жизни я до сихъ поръ почти не зналъ, что такое боль въ головѣ и въ груди.

И вотъ началъ я ощущать порой подобіе мигреня въ вискахъ, нытье въ груди и нерѣдко, даже мнѣ самому едва уловимое, дрожаніе во всемъ тѣлѣ, будто въ немъ заводили порой часовой механизмъ, и пружины, колесики задѣвали другъ за друга и сотрясали мои нервы: ощущеніе тяжелое, непріятное. И на фонѣ всего этого—сознаніе въ груди томительной пустоты и во всемъ существѣ какой-то безнадежной усталости. И страхъ, совсѣмъ непонятный страхъ чего-то, и въ то же время гадкое, еще болѣе безнадежное равнодушіе къ этому страху.

Даже мое творчество, моя мысль, моя фантазія, моя рука, моя кисть точно вдругъ парализовались: ни замысла, ни удачнаго мазка на полотнѣ. Я боролся противъ этого, пытался работать, но меня едва хватало на подмалевку: нѣсколько полотенъ, съ набросанными контурами, и теперь валяются едва начатыя.

Отъ этого сознанія неспособности къ работѣ тоска моя еще усилилась. Вѣдь моя работа единственный мой заработокъ, единственная надежда выпутаться изъ сѣти долговъ, которою я себя достаточно, съ такой олимпійской безпечностью, опуталъ. Да и не въ этомъ суть. Не работать—не чувствовать, что голова моя создаетъ образы, а рука переноситъ ихъ на полотно—мнѣ все равно, что рыбѣ жить безъ воды, птицѣ безъ воздуху. Утѣшеніе было одно: вѣроятно, дескать, это все временно.

Но чѣмъ же все это прогнать? Для начала—развлекаться? Сунулся я ходить по «хорошимъ людямъ». Возобновилъ нѣкоторыя, было, совсѣмъ забытыя «добрыя» знакомства. Но тоска моя среди этихъ «хорошихъ» людей, въ ихъ семейной обстановкѣ, за ихъ «самоварчиками», за ихъ трудовыми - прозаическими, «хорошими» разговорами, только возросла. Я смутно чувствовалъ, что это уже зависть-тоска, зависть къ этому чужому семейному самоварчику, зависть странника, усталаго и полубольного. И до того эта зависть-тоска иногда холодной, стальной молніей обжигала всю мою душу—мгновенно и безпощадно, что сталъ я бѣгать и отъ этихъ чужихъ «самоварчиковъ». Тучи моего душевнаго одиночества были тяжелыя, пасмурныя тучи, но онѣ были, по крайней мѣрѣ, безъ этихъ опаляющихъ молній тоски-зависти.

Но и сидѣть въ этихъ тусклыхъ, пронизывающихъ, холодныхъ

облакахъ душевнаго одиночества было нестерпимо. И сталъ я шляться по общественнымъ увеселеніямъ. Несмотря на мою начинающуюся болѣзнь, у меня доставало еще крѣпости проводить безсонныя ночи, уходя въ театры, въ кафе-шантаны, въ рестораны. Но и это веселье меня не веселило. Отъ сцены—все равно настоящаго «театра» или какого-нибудь Альказара—на меня одинаково несло скукой, пошлостью жизни. Почти вездѣ мнѣ хотѣлось крикнуть и артистамъ, и зрителямъ:

— Ну, что вы притворяетесь и обманываете другъ друга? Однимъ играть неохота, другимъ—смотрѣть неохота; однихъ—нужда затянула въ хомутъ съ погремушками, другихъ—скука посадила въ тряскую телѣгу, одни катаютъ другихъ въ этой телѣгѣ, и тѣ, и другіе, въ сущности, злы другъ на друга, презираютъ другъ друга. Словомъ, пошлость, гадость, скука. И я, точно примостившись на облучкѣ тряской телѣги, тоже колочусь въ этой компаніи.

И плетешься, лѣзешь опять въ ту же тряскую и грязную телѣгу общественныхъ удовольствій. И чувствуешь: нервы все болѣе расшатываются, страхъ чего-то и равнодушіе къ этому страху-апатіи затягиваютъ все вокругъ смутной, противной пеленой. И задаешь себѣ иногда вопросъ: да отчего все это случилось?

Идеалы въ душѣ моей не померкали. Крѣпко было сознаніе, что, несмотря ни на что, человѣчество работаетъ себѣ на благо; и одна изъ лучшихъ и пріятнѣйшихъ для работника-человѣка работъ есть моя работа—искусство; и я въ этой работѣ совершенствуюсь и начинаю преуспѣвать. Правда, работаю какъ-то случайно, подъ временными наитіями и даже просто впечатлѣніями, но искры раздробленнаго человѣческаго идеала озаряютъ меня и мою работу въ каждомъ такомъ впечатлѣніи и наитіи. Шевелятся въ головѣ и планы широкихъ творческихъ обобщеній въ будущемъ. Словомъ, съ этой стороны—отчаянія никакого.

А между тѣмъ руки опускаются, впечатлѣнія и наитія точно покрываются дымкой тумана. Планы будущихъ работъ? Къ нимъ становишься равнодушнымъ, какъ дряхлый безсильный старикъ къ мечтѣ о юной красавицѣ. Болѣзнь физическая? Лѣчиться? Эту мысль я гналъ отъ себя... не вѣрилось мнѣ, что съ моей сильно дышавшей грудью, съ моими сильными, хотя и праздными руками, я боленъ физически. А иногда и радовался тому, что, быть можетъ, боленъ физически, свалюсь гдѣ-нибудь и кто-нибудь что-нибудь со мною сдѣлаетъ, самъ, по крайней мѣрѣ, отвяжусь отъ возни съ этимъ измѣнившимъ мнѣ тѣломъ. А умру, ужъ и *совсѣмъ* развяжусь *со всѣмъ*.

Я сталъ неутомимый перипатетикъ-фланеръ. Я ходилъ по цѣлымъ часамъ, заложивъ руки назадъ, медленнымъ шагомъ, съ опущенной

головой, по самымъ отдаленнымъ захолустьямъ города, въ тьмѣ и мглѣ осенняго и зимняго Петербурга, въ холодномъ свѣтѣ электричества. Осенью, пока еще не встали рѣки, садился мглистымъ сырымъ вечеромъ на пароходикъ на Фонтанкѣ, на Невѣ и, подъ ревущимъ, пронизывающимъ вѣтромъ, безцѣльно дѣлалъ рейсы впередъ и обратно до крайняго ихъ пункта. Даже не выходя на этомъ крайнемъ пунктѣ, къ удивленію матросовъ, плылъ обратно. Зимою бродилъ по Невѣ, между вѣхами, полузанесенными снѣгомъ.

Заходилъ въ подозрительныя кофейныя, пивныя, глоталъ равнодушно кофе, бульонъ, пиво, минеральныя воды—вина я въ одиночествѣ никогда не пью—и снова бродилъ почти безъ мысли, точно бережно баюкая свою душевную тоску и пустоту, свое безнадежное одиночество мѣрною походкой, развлекая себя отъ хандры перемѣнами видимаго на ходу.

Самой большой изъ такихъ прогулокъ моей тоски по Питеру было мое путешествіе въ Новый годъ. Обыкновенно я встрѣчалъ его у моего дяди—сухого питерскаго чиновника, но все же единственнаго моего родного въ этомъ городѣ—встрѣчалъ банально, но все же какъ будто по семейному, въ не совсѣмъ чужомъ кругу. На этотъ разъ одна мысль встрѣтить Новый годъ среди людей—передернула меня всего. Ровно въ 11 вечера ушелъ я изъ своей «меблировки», откуда и всѣ разошлись—кто въ рестораны, кто къ роднымъ, знакомымъ,—и до 2 часовъ ночи ходилъ по панелямъ Петербурга, почти въ пустыхъ улицахъ: только городовые да дворники на постахъ дежурили у воротъ и на перекресткахъ—хмурые, недовольные, что имъ выпало дежурство въ такую ночь.

Изрѣдка проскальзывала женская фигура и спрашивала меня робко-задорно:

— Какъ васъ зовутъ?

Я спокойно, но серьезно произносилъ свое имя.

— Спасибо!—звонко откликалась женщина и исчезала гдѣ-нибудь въ подъѣздѣ или въ воротахъ. Очевидно, петербургская прислуга вспоминала обычай деревенскихъ гаданій.

Когда пушка извѣстила, что Новый годъ насталъ, я взглянулъ, при свѣтѣ фонаря, на свои карманные часы, убѣдился, что пушка права, если мои часы не врутъ, на мгновеніе остановился, осмотрѣлся среди пустой улицы и спокойно пошелъ снова бродить безъ цѣли. Улицы уже окончательно опустѣли, по крайней мѣрѣ, на одной только какая-то полуоборванная дѣвица, шатаясь, вышедшая изъ полпивной, вдругъ взмолилась ко мнѣ:

— Баринъ! Пойдемте со мной.

Я снова остановился, посмотрѣлъ на ея явно голодное, озябшее молодое лицо, взялъ неожиданно для себя ея руку, холодную, тощую руку, крѣпко пожалъ эту руку и сказалъ:

— Съ Новымъ годомъ, голубушка!

Она даже слегка отшатнулась, пораженная моимъ поведеніемъ. А я досталъ изъ бумажника единственную бывшую тамъ пятирублевую и молча подалъ ей. Она также молча судорожно сжала бумажку въ пальцахъ и вдругъ снова стремглавъ бросилась въ полпивную, изъ которой, быть можетъ, только что «вышибли» ее какъ нищую. А я пошелъ далѣе.

Въ головѣ моей вспыхнулъ сюжетъ: Встрѣча Новаго года. Прилично одѣтый баринъ съ тоской въ глазахъ и такая особа, съ голодомъ и ознобомъ во всѣхъ чертахъ, пожимаютъ среди пустой полутемной, занесенной снѣгомъ улицы, другъ другу руки. Но... развѣ пойметъ публика?—думалось мнѣ. Да и самъ-то я понималъ, что испытывалъ тогда?

Я въ это мгновеніе понялъ одно: тоска моей души, пустота моей души безмѣрны... до того, что мнѣ все равно, отчего все это: когда изнемогаешь отъ невыносимой боли, не до ея причинъ. И я снова понесъ мою тоску по улицамъ Питера уже въ Новомъ, этомъ году.

VIII.

Несмотря на то, что, какъ я сказалъ, всѣ мои внѣшнія впечатлѣнія, даже наиболѣе способныя находить въ душѣ моей отзывъ, подернулись какимъ-то туманомъ, всетаки впечатлѣніе красоты еще сохраняло нѣкоторую власть надъ моей нѣмѣющей душой. Увидишь на Англійской набережной красивый закатъ, услышишь въ концертѣ, среди моднаго музыкальнаго шума, красивую мелодію (странно, что въ это время къ мелодической музыкѣ сталъ я особено чутокъ—я, бывало, равнодушный почти ко всякой музыкѣ), увидишь женское лицо красивое, и на мгновеніе будто оживешь. Но только на мгновеніе встрепенешься, какъ умирающій, подпаленный мотылекъ, и еще безнадежнѣе замрешь.

Да и женская красота на меня, даже и мгновенно, въ ту пору могла дѣйствовать только ужъ особенно яркая, тонкая или оригинальная. Многія рожицы, на которыя я бы не безъ удовольствія засмотрѣлся прежде, теперь отражались въ моемъ впечатлѣніи точно въ тусклящемъ тускломъ стеклѣ и вызывали только горько пренебрежительную улыбку на мои, готовыя отвыкнуть улыбаться, губы.

Вотъ такую оригинальную красоту, какая и въ ту пору могла

согнать налетъ тусклости съ моихъ впечатлѣній, встрѣтилъ я тогда въ Петербургѣ. Какъ и гдѣ, кто она, не буду вамъ говорить. Вообще, чисто фактическихъ мелкихъ подробностей въ своемъ разсказѣ буду избѣгать. Факты жизни въ общемъ до того однообразны, что мелочная обстановка ихъ ничего не поясняетъ въ такихъ случаяхъ, какъ мой. Только затянетъ исповѣдь, пожалуй, не успѣешь и кончить ее сегодня; а я чувствую, не кончи ее сегодня, снова никогда не начну: есть признанія, за которыя дважды не примешься.

Итакъ, въ концѣ января, начиная жизнь въ Новомъ году, я встрѣтился съ нѣкоторой замѣчательно красивой головкой. Пышные, кудрявые, почти черные волосы, необыкновенной мягкости и шелковистости, что не часто бываетъ съ очень темными волосами, обрамляли юное дѣтское лицо, кроткое и наивное, съ такими прелестными губами и глазами, которые, право, могли бы не завидовать даже губкамъ и глазкамъ ангеловъ у подножія Секстинской Мадонны. Небольшое тѣло гибкое, нѣжное, было совсѣмъ тѣло дѣвочки-подростка. Рѣчь и смѣхъ звучали, какъ смѣхъ невинно-шаловливой малютки... и ласковость у нея была совсѣмъ ребенка.

А между тѣмъ ей было за двадцать пять лѣтъ, и она была уже особа—и загнанная нуждой, и довольно легко доступная. Впрочемъ, кому удалось испытать ея ласки, тотъ понималъ ея доступность не только какъ слѣдствіе нужды и избалованности. Въ ней таилась прирожденная страстность вакханки.

Сперва, познакомившись съ ней, я возгорѣлся новымъ художественнымъ планомъ—изобразить ее. И удивительное дѣло: я еще почти не зналъ ея, видѣлъ только ея внѣшнія черты, наружность, а меня тянуло изобразить ее то въ видѣ молодой матери, по-дѣтски забавляющейся съ ея ребенкомъ, то въ видѣ юной вакханки, беззавѣтно отдающейся сатиру. Но продолжающаяся болѣзненная неспособность работать не дала мнѣ даже приняться за картину, гдѣ бы я помѣстилъ эту головку.

Я отложилъ художественные планы, рѣшился познакомиться поближе. И почти не замѣтилъ, какъ познакомился совсѣмъ близко... Она была такъ красива, такъ мила, такъ проста въ своей готовности отдаться, что мнѣ, измучившемуся въ своей тоскѣ, невольно захотѣлось забыться въ этихъ ласкахъ полуребенка, полуменады, и я забылся. И точно ожилъ въ объятіяхъ этого жизнерадостнаго существа. И вдругъ у меня раскрылись глаза, понялъ, въ чемъ суть моей душевной пустоты.

То, что она давала мнѣ своими объятіями, пьянило меня, н... ощущенія давали мнѣ и венеціанка Розина, и казачка Ариша. Н...

что смотрѣло изъ ея милыхъ дѣтскихъ глазъ, изъ ея, по-дѣтски ласковыхъ, рѣчей, изъ ея наивныхъ заботъ о своемъ уголкѣ, вдругъ ясно показало, чего мнѣ глубоко недостаетъ.

Удивительно, эта вакханка, внѣ спальни, была совсѣмъ милая дѣвочка, дышащая такой чистотой желаній, такой домовитостью, что я по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ ней, какъ съ ребенкомъ, котораго еще не успѣла замарать ни пылинка жизненной грязи. Я приходилъ въ настоящее, забытое мною давно умиленіе, когда она, напримѣръ, узнавъ, что я художникъ, умоляла меня нарисовать ей мальчика и дѣвочку, которыхъ бы она постоянно цѣловала, потому что у нея нѣтъ дѣтей, а въ мірѣ ничего нѣтъ лучше дѣтей.

Въ то же умиленіе я пришелъ, когда однажды, угощая меня, по семейному, кофе въ ея будуарчикѣ, она вдругъ сказала:

— Милый! Полюбите меня хорошо, какъ жену, будемъ жить вмѣстѣ, какая я буду хозяйка, можетъ быть, и дѣтки у насъ будутъ.

И, почувствовавъ это умиленіе, я вдругъ ощутилъ давно неиспытанную острую боль въ сердцѣ. Да неужели же и во мнѣ сидитъ неудовлетворенная жажда того же, о чемъ тоскуетъ эта веселая, легкомысленная бабенка? Неужели я готовъ молить, какъ и она, «полюбите меня хорошо»?.

И вдругъ, точно безуміе, овладѣло мной желаніе ужъ не рисовать эту головку, подведя ее подъ ту или другую художественную тему, а попытаться полюбить ее хорошо, попытаться узнать, не полюбитъ ли она, дѣйствительно, хорошо. Мнѣ даже казалось, что я ее полюбилъ. Этому не трудно было случиться при моей душевной пустотѣ, при открытой мною въ себѣ жаждѣ, при ея дѣтской нѣжности и вакхической готовности отдаваться, при ея незаурядной красотѣ... и при томъ, что я, всетаки, художникъ!

IX.

Но я не юноша. Да и любилъ, вѣроятно, недостаточно, чтобы ослѣпнуть, какъ юноша, какъ юноша, быть готовымъ нырнуть въ новый опытъ «прочнаго счастія». Я сталъ присматриваться къ ней, и не нужно было долгаго времени, чтобы она вся была передо мною какъ на ладони.

Ни корысти, ни чего подобнаго я въ ней не открылъ. Дѣтская наивность ей была прирожденна. Страстность натуры тоже. Хозяйственная домовитость и материнскіе позывы тоже. Но въ основѣ ея наивности лежалъ небольшой ограниченный умокъ, до 25-ти лѣтъ некультивированный никакимъ образованіемъ, позади у нея была толь-

ко маленькая школа захолустнаго иноземнаго городка: она и сама была не русская, по-русски говорила плохо, я же на ея языкѣ порядочно болтаю.

Въ основѣ ея страстности лежало здоровье цвѣтущаго впечатлительнаго организма—и это хорошо; но привычка къ чистотѣ отношеній ею была давно утеряна: короткій умокъ и излишнее, быть можетъ, обиліе крови, легко вспыхивающей, кидали ее, послѣ смерти мужа, не въ одни объятія; да и нужда (мужъ ее баловалъ, все на нее проживая, и умеръ внезапно, молодой) иногда заставляла ее смотрѣть не совсѣмъ брезгливо на нѣкоторыя, можетъ быть, не особенно милыя ей объятія. Это, впрочемъ, не мѣшало ей держать на стѣнѣ портретъ мужа и, цѣлуя меня, щебетать:

— И онъ былъ такой же хорошій.

Не мѣшало это ей и сказать мнѣ, узнавъ, что я безъ средствъ:

— Ну, мы оба будемъ работать: ты писать картины, я восковые цвѣты дѣлать, я умѣю... Я буду прилежная, когда у меня снова будетъ все равно, что мужъ, а, можетъ быть, и дѣтки.

И она смѣялась, какъ дитя, пародируя то, какая она будетъ прилежная... И чуялось мнѣ, что удовлетвореніе домовитости и материнскихъ ощущеній,—вотъ что любило во мнѣ, какъ завѣтную надежду, это примитивное, красивое существо. Да, она была не русская,—русскихъ такихъ натуръ не найдешь, я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ у насъ такой здоровой беззастѣнчивой женской примитивности. Наша настоящая мать по натурѣ всегда нѣсколько (порой излишне) сдержанна какъ женщина, всякая наша вполнѣ продажная—всегда нѣсколько—Соня Достоевскаго...

А тутъ было и немного гётевской Доротеи, и немного жены Гейне Матильды, и немного Сафо Доде, и все это подъ флёромъ невозмутимой ясности и наивности, при глазахъ рафаэлевскихъ ангеловъ.

О, я не сомнѣваюсь: она бы стала вѣрной подругой жизни, убѣдившись, что ее никогда не кинутъ; она была бы хорошей хозяйкой и сумѣла бы привести денежныя дѣла мужа въ порядокъ; она бы долго, въ правильной жизни, не утратила своей цвѣтущей красоты; она бы могла родить здоровыхъ дѣтей и до школы воспитывала бы ихъ недурно,—сама кормя, обмывая, обшивая; ея любовь къ домовитости, на фонѣ любви къ объятіямъ, выросла бы въ прочную и нѣжную привязанность къ тому, кто далъ бы ей эту домовитость и всегда одни и тѣ же объятія, но...

Но душа моя заныла при всѣхъ этихъ выводахъ о ней такимъ страхомъ новой домашней пустоты, ограниченности интересовъ, что я уходилъ отъ нея блѣдный, точно совсѣмъ больной. И прелест... е

дѣтскіе глаза провожали меня наивнымъ, полнымъ недоумѣнія испугомъ: что съ нимъ? Они не могли понять меня, эти наивные дѣтскіе глаза женщины, сулившей мнѣ счастье и искавшей у меня своего счастья...

Понимаете вы, какую переживалъ я въ ту пору краткую, но тяжкую душевную трагедію?... Понимаете вы, чего мнѣ стòило, въ страхѣ новой пустоты, при новыхъ узахъ, бѣжать отъ этихъ милыхъ женскихъ рукъ, отъ этихъ глазъ рафаэлевскаго ангела на лицѣ хорошенькаго здороваго ребенка?.

Я рѣшился, я бѣжалъ... Но, бѣжавъ, ставъ снова одинокъ, почувствовалъ, что совсѣмъ боленъ. И въ какой-то безпомощной растерянности, пришелъ къ вамъ—и предложилъ вамъ діагностировать, чтò со мной, намекнувъ на многое въ моей жизни, о чемъ теперь такъ распространяюсь... И вы, простивъ мнѣ то, что я почти годъ не казалъ къ вамъ глазъ, діагностировали:

— Несомнѣнная нейрастенія на почвѣ безпорядочной жизни, трактирнаго питанія, излишествъ въ иномъ, не по возрасту, и лишеній въ томъ, въ чемъ мой возрастъ нуждается. И спасеніе одно: уйти изъ столицы на лоно природы, на простой домашній режимъ... хоть какая-нибудь, да родная семья.

— Попробуйте все это!—сказали вы мнѣ.—А тамъ увидимъ, спишемся...

X.

На лоно природы! На домашній режимъ, въ какую-нибудь, сколько-нибудь родную семью!—былъ вашъ рецептъ мнѣ. Прекрасно. Я самъ былъ не прочь отъ всѣхъ этихъ лѣкарствъ, но, къ сожалѣнію, они ни въ аптекѣ, ни у дрогистовъ—не продаются. Лона природы въ настоящемъ смыслѣ, въ деревнѣ, съ родной семьей, у меня въ распоряженіи не было.

Но нѣчто подобное ему оказалось. Не деревня, а небольшой провинціальный городъ, гдѣ въ захолустной улицѣ у сестры моей покойной матери—небольшой старый покосившійся домикъ, охваченный съ одной стороны дворикомъ, порастающимъ лѣтомъ густой травой, съ другой—довольно большимъ садомъ изъ яблоней и сиреней по преимуществу. Тетка, женщина лѣтъ за шестьдесятъ, живетъ на пенсію покойнаго мужа, на уроки, которыя даетъ ея старшая дочь вдова и на заработокъ въ мѣстномъ статистическомъ бюро младшей ея дочери, двадцати-двухъ лѣтней особы, уже успѣвшей разойтись съ мужемъ, мѣстнымъ франтомъ-чиновникомъ.

Вотъ эти три женщины—60-лѣтняя, 40-лѣтняя и 22-лѣтняя,—тетка и двѣ кузины, лишенныя мужей, двое смертью, третья дурнымъ поведеніемъ супруга,—и являютъ для меня единственную сколько-нибудь родную семью, гдѣ мнѣ охотно могли дать и самый «домашній режимъ» и, въ видѣ садика на окраинѣ провинціальнаго города, вблизи большой великорусской рѣки, въ своемъ родѣ—лоно природы.

Я зналъ, тетка меня любитъ, хотя все мое житейское поведеніе, начиная съ женитьбы, крайне скоропалительной, и развода съ женой, кончая моимъ занятіемъ «художествомъ» и моей жизнью бродяги, втайнѣ возмущаетъ ее и заставляетъ смотрѣть на меня, какъ на несчастнаго безумца. Кузины, обѣ умныя, хорошо воспитанныя, обѣ испытавшія довольно горя,—тоже симпатизируютъ мнѣ. А двѣ дѣвчонки-подростки, бѣгающія въ мѣстную гимназію, дочери моей старшей кузины, мнѣ, значитъ, двоюродныя племянницы,—веселыя, болтливыя, какъ сороки, всегда ликуютъ рѣдкимъ появленіямъ ихъ дяди, охотно рисующаго имъ картинки и сочиняющаго сказки, небылицы, шарады.

Вотъ туда, въ это женское царство, я и нырнулъ по вашему рецепту. Прямо сказалъ теткѣ, что боленъ и нуждаюсь въ домашнемъ столѣ и захолустной тишинѣ. Она съ укоромъ покачала головой,—но я по глазамъ видѣлъ, рада тому, что я хоть на время укрываюсь въ ея гнѣздѣ отъ моихъ столичныхъ и заграничныхъ безумствъ, о которыхъ она, разумѣется, не имѣетъ и понятія, но, вѣроятно, воображаетъ самое невозможное.

Лишенный совсѣмъ аппетита, я ѣлъ насильно незатѣйливую, но всегда хорошо приготовленную домашнюю стряпню, чтобы утѣшать тетку. Пилъ только квасъ,—тетка принципіальная противница вина, но, конечно, угощала бы меня и имъ, еслибъ я, къ ея великому удовольствію, не объявилъ, что въ мой новый режимъ входитъ правило: ни капли спиртного.

Спалъ я, въ тиши захолустнаго домика, въ своей мансардѣ надъ садомъ,—отвратительно; рѣдко засыпалъ раньше двухъ, трехъ, просыпался же часовъ въ 6—7 утра, чего со мной никогда раньше не бывало. Выходилъ я, конечно, изъ своего угла гораздо позже, чтобы не волновать своей безсонницей тетку, встававшую рано, но увѣренную, что я столичный засоня.

Пока не стаялъ снѣгъ, цѣлые дни проводилъ за чтеніемъ Тургенева, Гончарова, Пушкина, Дружинина съ его «Поленькой Саксъ»,—у тетки оказались старыя изданія этихъ авторовъ. Молчалъ [illegible] по цѣлымъ днямъ, кромѣ обѣда, завтрака, чаевъ, когда вся [illegible]

ботящая женская семья сходится за столомъ. Тутъ я старался быть возможно разговорчивѣе, дабы не волновать добрыхъ женщинъ и дѣвочекъ своимъ трагическимъ безмолвіемъ.

Тутъ я усиленно вспоминалъ съ теткой и старшей кузиной старыя времена, когда тетка была молодая дама, а мы съ кузиной подростки; защищалъ отъ младшей кузины Тургенева,—переживъ въ теченіе трехъ лѣтъ супружества съ мужемъ-негодяемъ не мало бѣдъ, она стала мрачно смотрѣть на жизнь, зачитывалась Достоевскимъ, Писемскимъ и увѣряла, что Тургеневскія сладости ей только противны. Тутъ, за обѣденнымъ столомъ, я немудро шутилъ съ дѣвочками гимназистками.

И уходя оттуда снова въ свой уголъ, въ свою мансарду, мрачно по цѣлымъ часамъ, почти безъ опредѣленныхъ мыслей, лежалъ на кровати. И мигренеобразныя боли головы посѣщали меня, я скрывалъ ихъ... И точно мурашки бѣгали по всему тѣлу, и въ немъ чувствовалась тайная дрожь, и это все еще случалось со мной. Но вы были правы. Физически я началъ оправляться. Все это стало проходить. Утихла какъ будто и безысходная тоска, томившая меня. Ее смѣнило какое-то тупое равнодушіе безнадежности.

Я, очевидно, выздоравливалъ отъ нейрастеніи. Сильный мой организмъ, поставленный въ хорошія условія для его возстановленія, быстро справился самъ съ собой. Но тѣмъ яснѣе стало сознаніе въ оздоровѣвшей головѣ безотрадной пустоты моей личной жизни.

За работу я долго не могъ взяться, хотя привезъ всѣ художественные припасы къ теткѣ,—да мнѣ въ моей довольно свѣтлой мансардѣ было удобно работать. И еще дольше бы я, вѣроятно, не принялся за работу, не получи заказа одного любителя написать ему картину на тему, которая у меня уже давно вертѣлась въ головѣ. Денежныя свои дѣла я за прошлую зиму запуталъ до послѣдняго предѣла. Надо было понемногу распутывать. Подъ заказъ ужъ съ полгода былъ взятъ авансъ. Надо было кончить картину, дополучить за нее и, благодаря этому, немножко экономически вздохнуть... Принялся я за работу туго, тяжело, но ужъ радъ былъ и тому, что все-таки могъ работать...

Словомъ, я выздоравливалъ, но, здоровѣя, былъ чуть ли еще е несчастнѣе, оглядываясь на свое прошлое и заглядывая въ свое удущее.

XI.

Подошла весна: въ этомъ году крайне ранняя и необыкновенно лая. Я сталъ выходить во дворъ, въ садъ. Тамъ все быстро отта-

ивало, трава уже зеленѣла, почки набухли, пахло влажной землей... Небо было нѣжно-лазурное, солнце веселое, бодрящее, теплое.

Оттаивало что-то и въ моей груди. То оттаивали слезы... Да, не скрою, мнѣ, сорокалѣтнему мужчинѣ, хотѣлось порой плакать. Очевидно, нервы все еще шалили...

Хотѣлось мнѣ плакать о всемъ своемъ прошломъ и о всемъ своемъ будущемъ. Я, бывало, никогда ни о чемъ не жалѣвшій въ своей жизни, проникался, бродя по молодой травѣ, по еще влажной отъ недавняго снѣга землѣ, глубокимъ сожалѣніемъ къ себѣ.

Но, разумѣется, я не плакалъ. До этого-то не дошло. А встрѣчаясь съ теткой, кузинами, племянницами, дѣлалъ и совсѣмъ веселое лицо, какъ это мнѣ ни было трудно.

Между тѣмъ, я почти не замѣтилъ, какъ весь садъ вдругъ побѣлѣлъ, точно отъ снѣга. Но это не былъ снѣгъ. Это были пышно расцвѣтшія яблони... И я началъ бродить подъ этимъ бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ розоватымъ оттѣнкомъ, сводомъ, тонко благоухающимъ, нѣжнымъ, невысокимъ и... и грусть моя становилась все глубже и глубже.

И такія отдаленныя воспоминанія стали тѣсниться мнѣ въ грудь, что я самъ не ожидалъ. вспомнилась мнѣ, моя первая любовь, милая дѣвушка, кончившая педагогическіе курсы, когда я кончилъ гимназію. Она была годомъ старше меня. Познакомился я съ ней, живя на дачѣ въ мѣстности, гдѣ и она жила.

Мы замѣчательно тѣсно сблизились. Читали вмѣстѣ, гуляли безконечно по окрестностямъ дачъ; она порядочная музыкантша, играла мнѣ по цѣлымъ часамъ Бетховена, Шумана, Шопена. О бракѣ, о поцѣлуяхъ даже мы и не думали. Мы были оба тогда въ сущности двое юношей, совсѣмъ еще чистыхъ, не по лѣтамъ развитыхъ. И мы были счастливы нашей, почти скрытой для насъ самихъ, любовью.

Когда родители увезли ее въ другой городъ, мы долго-долго переписывались... Потомъ она вышла замужъ и теперь образцовая мать почти взрослыхъ дѣтей... Я лѣтъ двадцать ея не видалъ...

И вотъ она-то и вспомнилась мнѣ,—тихая, чистая, добрая, съ кроткими, умными глазами. И подумалось мнѣ: встрѣться я съ ней не мальчишкой 17 лѣтъ, а хоть 25 лѣтъ, я сумѣлъ бы дать наст[illegible]ящее теченіе нашей любви-дружбѣ и не влачилъ бы теперь всю т[illegible]жесть угловатыхъ обломковъ своей, разбитой въ конецъ, личн[illegible] жизни.

Я думалъ это, вспоминалъ давно забытое, милое, юное, серь[illegible]ное не по возрасту лицо, а яблони, свѣшивая надо мной душист[illegible] обильные цвѣты, благоухали такъ сладко легко, почти едва замѣ[illegible]

И тихая, но глубокая грусть какимъ-то сладостно-ядовитымъ хмелемъ поднималась изъ моего сердца въ голову... И какъ тѣни мелькали призраки Тургеневскихъ Наталій, Лизъ, Еленъ, о которыхъ я недавно перечиталъ тепло и изящно набросанныя строки,—и все это сливалось во что-то и грустное и безконечно хорошее.

Да, я очевидно выздоравливалъ,—выздоравливалъ, чтобы заболѣть новой болью, новой раной, совсѣмъ иною...

XII.

Однажды, въ началѣ мая, когда все мое женское царство и я пили чай въ саду среди сирени, осѣнявшей столъ, вдѣланный въ землю, на подобіе живой лиловой благоухающей бесѣдки,—въ калитку сада вошла молодая дѣвушка, лицо которой мнѣ показалось знакомо...

Когда она поздоровалась со всѣми за столомъ, перецѣловавъ по очереди мою тетку, кузинъ, племянницъ, и подняла глаза на меня— милые тихіе глаза, я сразу вспомнилъ, кто она. Она тоже, очевидно, меня узнала. Мы протянули другъ другу руки. И странное дѣло: едва я почувствовалъ въ своей рукѣ узкую, немного суховатую и всетаки нѣжную руку, мнѣ показалось, что сирень и яблони стали на мгновеніе еще душистѣе.

Дѣло въ томъ, что два года назадъ я гостилъ короткое время у тетки и тогда познакомился съ этой дѣвушкой, подругой по гимназіи моей младшей кузины. Знакомство было мимолетное. Я тогда скоро уѣхалъ. Но и поторопился уѣхать отчасти изъ-за этого знакомства. почувствовалъ тогда въ груди нѣчто такое, что почувствовать мнѣ вовсе не было желательно: легкое увлеченіе слишкомъ молодой дѣвицей-провинціалкой, скромность, чистота и простота устоевъ которой должны быть неприкосновенны,—да и черезчуръ чуждой человѣку моихъ лѣтъ, моего положенія, моихъ нравовъ. Я уѣхалъ, пожелавъ втайнѣ милой дѣвушкѣ всякаго благополучія. Тѣмъ болѣе, что мнѣ домашніе намекнули, что у ней какъ будто и женихъ есть... Увлеченіе мое едва началось и въ Питерѣ скоро затихло. Не скажу, чтобы я совсѣмъ забылъ это милое лицо. Оно мнѣ вспоминалось не безъ отрады.

Я писалъ картины, колесилъ по Петербургу и не подозрѣвалъ, что скоро загляну въ пропасть омута, надъ которымъ стою на тонкомъ, готовомъ треснуть ледкѣ равнодушія къ своей личной жизни. И вотъ теперь черезъ два года, когда этотъ ледъ треснулъ и растаялъ, когда я съ ужасомъ почувствовалъ, что плаваю въ без-

донномъ омутѣ прошлаго, безъ всякой надежды на будущее, когда я только что началъ освобождаться отъ болѣзненно-нервнаго состоянія, грезилъ призраками Тургеневскихъ женщинъ, смертельно уставъ отъ женщинъ иного типа,—теперь передо мной снова предстали эти милые глаза, весь этотъ красивый, изящный, чисто русскаго характера обликъ.

Но это была и та, которую я зналъ два года назадъ, и не та. Если въ ея лицѣ, въ ея глазахъ, въ очеркѣ щекъ и губъ и осталось нѣчто какъ будто дѣтское, то только, какъ легкая граціозная тѣнь ея прошлаго. Черты выяснились болѣе, глаза стали задумчивѣе, у губъ появилась чуть уловимая складка,—словомъ, на это лицо невольно упала иная тѣнь,—тѣнь тоже прошлаго, но уже пережитого послѣ дней дѣтства, тѣнь грусти, испытаній, можетъ быть, и серьезнаго, хотя и молодого горя. И все это, въ общемъ, давало удивительную прелесть этому лицу въ рамкѣ роскошныхъ темно-русыхъ волосъ (не пышныхъ, курчавыхъ волосъ моей недавней подруги-иноземки, а скромно причесанныхъ, шелковистыхъ, необычайно длинныхъ, заплетенныхъ въ великолѣпную, но просто подобранную косу), такую прелесть, что во мнѣ вдругъ проснулся и художникъ, и еще кто-то, кого я уже давно-давно не зналъ, не ощущалъ въ себѣ.

Молча я смотрѣлъ на свою старую знакомую и чувствовалъ, что предо мной — новое, иное существо. И первое ощущеніе, которое шевельнулось у меня въ груди, было такое, какое очень давно не шевелилось въ ней при встрѣчѣ съ женщинами. Это было желаніе узнать, что̀ переболѣло за эти два года въ этой молодой душѣ, что придало ей такую грустную прелесть, узнать и, по возможности, помочь, указать ей дорогу, ежели она запнулась передъ однимъ изъ жизненныхъ распутій, развлечь ее, успокоить ласковымъ словомъ, если ей не отъ кого ждать этого ласковаго слова, заглянуть въ ея глаза глубокимъ взглядомъ друга, если эти глаза нуждаются въ такомъ взглядѣ...

И какъ я былъ счастливъ этимъ новымъ для меня ощущеніемъ, новымъ потому, что со времени моей первой юношеской любви, которая мнѣ вспомнилась въ этомъ саду, подъ этими яблонями, я не зналъ такого ощущенія въ такой его ясности и полнотѣ. И я молча сидѣлъ за чайнымъ столомъ. А милая дѣвушка такъ просто, такъ естественно плѣняла всѣмъ своимъ существомъ, бесѣдуя съ моимъ женскимъ царствомъ, а сирень и яблони такъ и благоухали, точно и расцвѣли спеціально, чтобы быть рамкой этому милому лицу, фономъ моему новому настроенію...

XIII.

Теперь вы поняли, конечно, въ чемъ дѣло. Какъ и раньше въ моемъ разсказѣ, не буду входить въ мелкія подробности.

Я сталъ часто видаться съ этой милой дѣвушкой. Товарка и ближайшій другъ моей младшей кузины, она сблизилась съ послѣднею еще тѣмъ тѣснѣе, что поддерживала ее въ борьбѣ съ негодяемъ мужемъ, не щадившимъ клеветъ, шпіонства и всего подобнаго, чтобы вернуть себѣ жену, которую онъ не надолго сумѣлъ увлечь, но не сумѣлъ удержать и, оттолкнувъ отъ себя своимъ поведеніемъ, тѣмъ не менѣе жаждалъ вернуть себѣ. Мать моей кузины, моя тетка, и сестра ея, вдова, какъ всѣ матери, мечтающія только о семейномъ счастіи дѣтей, не прочь были увидѣть возобновленнымъ семейный союзъ моей молодой кузины,—утѣшая ее древне-русскимъ изреченіемъ: стерпится-слюбится. Но, видно, есть вещи, которыя не могутъ стерпѣться-слюбиться; молодая кузина это испытала и упорно боролась противъ попытокъ мужа вернуть ее себѣ. И вотъ эта милая дѣвушка, ея подруга, горячо и твердо поддерживала ее въ этой борьбѣ. Онѣ часто видѣлись.

Вернувшись весной издалека откуда-то отъ родныхъ, эта дѣвушка стала нерѣдко появляться въ домѣ тетки. Она такъ хорошо, просто, даже изящно въ той простотѣ, держала себя, что и тетка, и моя старшая кузина, обѣ поклонницы выдержки въ поведеніи и обращеніи женщинъ съ людьми, не могли достаточно налюбоваться на эту свою гостью.

Онѣ знакомы были, конечно, и съ семьей ея. Постепенно сближаясь и часто видясь съ этой моей новой-старой знакомой, все болѣе и болѣе втайнѣ восхищаясь ею, и я познакомился съ ея родными. Я ужъ имѣлъ имя, какъ художникъ, и это имя было не безызвѣстно въ городкѣ. Со мной знакомились охотно. А вы знаете, когда я хочу, я умѣю быть симпатичнымъ и безъ особыхъ усилій людямъ. Тутъ же люди и мнѣ оказались очень симпатичными.

Дѣдъ, отецъ, мать—вся семья дышатъ тихимъ благодушіемъ, тѣмъ, какое теперь встрѣтишь едва ли не только въ провинціи. Дѣдъ, кромѣ того, замѣчательный человѣкъ. Старый провинціальный иконописецъ, извѣстный когда-то и въ Москвѣ своими реставраціями древнихъ иконъ, онъ и теперь, почти 80-лѣтнимъ старикомъ, занятъ химическими опытами надъ красками самоучкой. Семинаристъ по воспитанію, онъ изучилъ химію, боготворитъ память Лявуазье, любитъ поговорить о Шеврейлѣ; полуслѣпой, полуглухой, и теперь хлопотливо возится съ какими-то изобрѣтеніями лаковъ, которые бы

спасли картины и иконы отъ порчи. Отъ него вѣетъ простодушнымъ фанатикомъ своего искусства, добрымъ и тихимъ, какъ ясный лѣтній закатъ.

Зять его, труженикъ-чиновникъ, содержащій семью своимъ заработкомъ, пописывающій археологическія статьи въ мѣстной газетѣ—изъ тѣхъ умныхъ и даровитыхъ людей, которыхъ провинціальная среда точно тихо засыпаетъ, какъ пепелъ кратеръ вулкана, и у которыхъ незаурядныя мысли вдругъ прорываются, какъ дымокъ струйкой изъ-подъ пепла. Жена его, дочь того иконописца, тихая и молчаливая женщина, вся въ хозяйствѣ, съ немножко старомодной любезностью, но съ наблюдательностью и умомъ въ глазахъ, ужъ потому достойна уваженія, что сумѣла такъ воспитать дочь.

А эта дочь? Она не знаетъ многихъ хлесткихъ иностранныхъ словъ, которыя такъ и играютъ на устахъ столичныхъ барышенъ разныхъ сортовъ. Она начитана нѣсколько односторонне. Она, страдавшая въ ранней юности слабогрудіемъ, выхолена семьей нѣсколько въ хлопочкахъ и теперь, достаточно для того образованная, не вноситъ въ семью постояннаго заработка ни уроками, ни чѣмъ инымъ въ этомъ родѣ, хотя, впрочемъ, иногда и даетъ уроки или занимается перепиской. Она шьетъ сама на себя и въ то же время много и охотно читаетъ—почти самоучкой выучившись французскому языку и гдѣ только можно добывая книги.

Она тоскуетъ и жалуется на безвыходность жизни, на однообразіе, примитивность окружающихъ ее людей. Она любитъ вяло и лѣниво бродить по гостямъ, ведя случайные, и не Богъ вѣсть какіе содержательные, разговоры. Она... да мало ли я могъ бы помянуть вамъ мелкихъ чертъ и лестныхъ для нея, а порой и совсѣмъ нелестныхъ, чтобы показать, что я вовсе не потерялъ своей трезвой, ядовитой для самого меня наблюдательности. Не въ томъ дѣло. Я сказалъ, что отецъ ея даровитый, незаурядный человѣкъ напоминаетъ въ своей провинціальности—огонь, засыпанный, но не совсѣмъ загашенный пепломъ. Дочь же его—душевный огонекъ, еще далеко не засыпанный тѣмъ же сырымъ, рыхлымъ пепломъ, но уже съ дѣтства немного попавшій подъ этотъ пепелъ да и теперь, полусознательно тоскующій отъ того, что мягкія хлопья пепла осѣдаютъ чуть замѣтно на, полныхъ еще горячаго жара, угляхъ ея молодой души.

Когда на лицѣ ея появляется страданіе,—видалъ я проблески и этого,—глаза ея становятся строги и тихи, какъ синева моря подъ неподвижной, повидимому, но надвигающейся издали тучей, когда первые вздохи вѣтра едва-едва дохнутъ надъ этой синевой, гоня на нее тучу и грозу. Въ эти минуты чудится, что эта дѣвушка—съ [illegible]а-

рактеромъ, съ волей, еще, можетъ быть, совершенно спящей въ ея беззаботномъ дѣвическомъ существованіи подъ крыломъ тихой провинціальной семьи.

Она религіозна, и этой религіозности совсѣмъ невидно; она много думаетъ, и это еще менѣе замѣтно; и въ то же время я знаю, что все это такъ. Съ нею такъ легко сблизиться, какъ съ милой доброй знакомой и такъ трудно переступить хоть на іоту черту этого простого знакомства.

О, я все это испыталъ! Все лѣто (какое это было чудное для меня лѣто! оно какъ нарочно было ясное, знойное, точно звало къ счастію, къ теплу), все это лѣто я почти не разставался съ нею и видѣлся съ нею часто, и, не видясь, все время носилъ ее не въ головѣ, а въ душѣ—именно въ душѣ. Я не бредилъ ею, ею и нельзя бредить; ничего общаго съ безуміемъ, съ горячкой этотъ образъ и не имѣетъ, но если проникнуть въ этотъ образъ душою, онъ проникаетъ всю душу.

А какъ и гдѣ происходили наши встрѣчи? Въ саду, подъ цвѣтущими яблонями, въ великолѣпной подгородной сосновой рощѣ, подъ вѣковыми тихими, тихими соснами, на лодкѣ среди широкой, залитой солнцемъ рѣки. Чаще всего насъ, во время этихъ встрѣчъ, окружали ея родные и мое «женское царство», но намъ это не мѣшало; люди это все такіе милые и простые, что не являлись дисгармоническимъ фономъ для нея, для нашихъ добрыхъ простыхъ бесѣдъ, въ которыхъ и ничего и ни отъ кого не нужно было скрывать.

Видались мы и вдвоемъ, бесѣдовали мы и вдвоемъ,—и никогда не забыть мнѣ этихъ, немногихъ, правда, прогулокъ по городу, главное, бесѣдъ позднимъ вечеромъ на темной террасѣ теткинаго дома или утромъ въ пустой квартирѣ ея отца, когда онъ былъ на службѣ, а мать хлопотала по хозяйству. О, и среди этихъ бесѣдъ ничего не было такого, что слѣдовало бы отъ кого-либо скрывать!

Я относился къ ней съ истиннымъ благоговѣніемъ, я, пронизанный уже давно своимъ столичнымъ скептицизмомъ до мозга костей. Она охотно оставалась со мной, охотно разсказывала мнѣ о себѣ, о своемъ дѣтствѣ, о своемъ чтеніи, охотно спрашивала меня о многомъ ей неизвѣстномъ, брала у меня книги—ихъ у меня довольно, вы знаете.

Конечно, увлеченія моего нельзя было вполнѣ скрыть отъ окружающихъ, но и замаскировать было не трудно. И я далъ ему самую удобную маску: маску ироническаго шутливаго ухаживанія,—конечно, при другихъ. Это смѣшило, веселило и окружающихъ, и насъ самихъ.

И едва мы съ нею оставались одни, я сейчасъ же сбрасывалъ эту маску, дѣлался серьезнымъ, почти умиленнымъ и, разговаривая съ ней, съ дружеской теплотой и простотой, тутъ только понималъ, какъ подъ прикрытіемъ маски шутливаго ухаживанія созрѣвала наша духовная близость, какъ облегчала эта маска каждый шагъ къ этой близости.

Немудрено, что я писалъ мою картину на заказъ съ такимъ давно неиспытаннымъ вдохновеніемъ, что въ лѣто она была готова. Немудрено, что мѣсяцъ тому назадъ, привезя ее сюда заказчику и зайдя къ вамъ, я поразилъ васъ жизнерадостнымъ оживленіемъ въ глазахъ, во всемъ моемъ, тогда невольно помолодѣвшемъ, существѣ.

XIV.

Первое мое желаніе при новой встрѣчѣ съ этой дѣвушкой было желаніе узнать, въ чемъ ея горе, грусть, утѣшить ее.

Потомъ, въ теченіе этого чуднаго лѣта, во мнѣ выросла какая-то благоговѣйная бережность къ ней—выпытывать, узнавать у ней мнѣ ужъ ничего не хотѣлось. Хотѣлось одного: ждать, когда ея душа сама откроется. И я ждалъ и былъ счастливъ этимъ ожиданіемъ. Я чувствовалъ, какъ постепенно, понемногу эта душа открывается.

Но, главное, я чувствовалъ, что грусть съ каждымъ днемъ все болѣе исчезаетъ съ ея лица, что она точно все болѣе расцвѣтаетъ, розовѣетъ, хорошѣетъ, что въ глазахъ ея нѣтъ прежней безпокойной задумчивости, а когда она вскинетъ ихъ на меня, въ нихъ свѣтится безконечная ласковость.

Но чтобы свалить съ высоты цѣлую глыбу, иногда довольно выкатиться изъ-подъ нея песчинкѣ. Песчинками были и тѣ факты, какіе я вамъ сейчасъ опишу, но, какъ глыба, разрушилось отъ нихъ мое лѣтнее благоговѣйное, безкорыстное, безпечное счастіе, которое я даже и не называлъ опредѣленнымъ именемъ.

Однажды мы шли, я и она, чуднымъ августовскимъ вечеромъ, по красивой набережной города. Я провожалъ ее отъ моей тетки. У ней въ рукахъ былъ букетъ цвѣтовъ, который нарвала для нея въ своемъ цвѣтникѣ тетка. Племянницы мои и кузины передъ уходомъ ея домой осадили ее просьбами дать имъ по цвѣточку изъ букета. Она, смѣясь, одѣлила всѣхъ цвѣтами.

Только я промолчалъ, и она мнѣ не дала цвѣтка. У тетки былъ еще одинъ молодой человѣкъ, мѣстный чиновникъ, фатоватый юноша. Онъ тоже усиленно просилъ цвѣтка. Ему не дали, какъ и мнѣ, объявивъ, что она не желаетъ отдать всѣхъ цвѣтовъ изъ подареннаго букета.

Она пошла домой; я сказалъ, что хочу пройтись по набережной и, кстати, провожу ее. Она молча наклонила голову. Она шла молча. Я украдкой любовался ею и хвалилъ красоту вечера. Вдругъ она пріостановилась и тихо сказала:

— А вамъ, хотите, я дамъ цвѣтокъ?

Я не нашелся ничего сказать отъ охватившаго меня счастія. Она отдѣлила цвѣтокъ душистаго горошка и подала мнѣ, я молча у нея на глазахъ завернулъ цвѣтокъ въ листокъ бумаги, вынувъ его изъ карманнаго портфеля, и, спрятавъ въ этотъ портфель, положилъ въ карманъ. Она на это промолчала и только вдругъ быстро, быстро пошла домой.

Когда она подошла къ ихъ квартирѣ и увидала, что я хочу послѣдовать за нею, она остановила меня:

— Ради Бога! Я дойду одна.

И когда я покорно приподнялъ шляпу, вдругъ подняла на меня глаза, обдала меня точно и виноватымъ, и полнымъ ласки взглядомъ и почти прошептала:

— Заходите же къ намъ скорѣе... Я буду ждать.

И скрылась въ переулокъ.

Я опустился на набережной на скамью. Я просидѣлъ съ открытой головой на этой скамьѣ часа два. Когда я уже въ темнотѣ пошелъ медленно домой, я зналъ вполнѣ опредѣленно, что̀ я чувствую къ этой дѣвушкѣ; больше: мнѣ почудилось, что мое чувство не безъ отвѣта. Я почти не спалъ въ эту ночь на моей мансардѣ. Я цѣловалъ, какъ юноша, уже увядающій душистый горошекъ. Я былъ смущенъ, испуганъ, но былъ счастливъ, какъ давно, съ самой первой любви не былъ счастливъ.

Въ слѣдующія встрѣчи мы были какъ будто осторожны другъ съ другомъ. Шутливое ухаживаніе при другихъ я совсѣмъ оставилъ. Какъ разъ въ это время картина моя была кончена. Надо было везти ее въ Питеръ, сюда. Я воспользовался этимъ предлогомъ, говоря теткѣ, что рѣшилъ отвезти картину самъ, чтобы увидѣть, какъ помѣститъ ее въ своей галлереѣ любитель-заказчикъ. Въ сущности, я боялся надвигавшагося на меня счастія и хотѣлъ нѣсколько опомниться.

Передъ отъѣздомъ я пошелъ къ ней. Изъ ея домашнихъ не было никого, и часа четыре мы провели вдвоемъ. Мы болтали о всякихъ пустякахъ, она была дивно хороша. Я совсѣмъ опьянѣлъ, но не такъ, какъ пьянѣлъ вблизи увлекавшихъ меня еще недавно женщинъ,—а такъ, какъ пьянѣлъ за мольбертомъ, когда меня посѣщали лучшіе мои творческіе образы. Но опьянѣніе все же было черезчуръ сильно.

Я чувствовалъ, что мнѣ надо уйти, иначе можетъ произойти то, чего я боялся. И я пошелъ, сказавъ ей, что на время уѣзжаю.

— Но не надолго же вы ѣдете?—какъ-то внезапно и быстро сорвалось съ ея губъ.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ я въ тонъ ей, и взялъ ея руку и не удержался—приласкалъ эту руку пальцами такъ, какъ до сихъ поръ я не посмѣлъ бы. Это вышло у меня какъ-то невольно. И руку у меня не отняли.

Я быстро ушелъ. Я въ тотъ же вечеръ уѣхалъ. Помните, какой я тогда ворвался къ вамъ сіяющій, оживленный. Вы смѣялись, говоря: каковъ мой діагнозъ и мой рецептъ! Помните, какъ я спѣшилъ изъ Петербурга? И все же, несмотря на короткое двухнедѣльное пребываніе въ немъ, я отослалъ-таки изъ него письмо въ тотъ городъ, куда самъ на-дняхъ ѣхалъ, мое первое письмо къ ней.

Я писалъ ей о книгахъ, которыя я для нея купилъ по ея просьбѣ, какъ будто для этого исключительно и писалъ письмо... но въ концѣ у меня вырвалось, точно противъ воли, точно въ какомъ-то внезапномъ самозабвеніи, два-три намека на то, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Я даже совершенно не помню, какъ эти намеки были выражены.

Но тайный страхъ, хорошо ли то, что я сдѣлалъ, уже пробирался въ мою грудь. О, я былъ счастливъ и робокъ, какъ ребенокъ, это я-то, еще полгода назадъ не вѣрившій ни въ какое личное счастіе, не боявшійся никого, ничего!

Я вернулся въ мое женское царство. Первое, что я узналъ: она хвораетъ, что-то вродѣ инфлюэнцы, какіе-то приливы къ головѣ. У меня дрогнуло сердце. Въ день пріѣзда моего, точно предупреждая меня о бѣдѣ, грянула запоздалая осенняя гроза, со страшнымъ ливнемъ, и положила начало долгимъ мрачнымъ днямъ осенняго ненастья.

Я пошелъ къ ней узнать о здоровьѣ. Она встрѣтила меня, была привѣтлива, жаловалась на боли въ головѣ, то блѣднѣла, то, какъ маковъ цвѣтъ, вся вспыхивала сильнымъ румянцемъ, волновалась, боялась глядѣть на меня, поникала своей милой головкой, точно подъ тяжестью своей туго-скрученной роскошной косы, явно робѣла оставаться со мной вдвоемъ, и о письмѣ ни намека.

Я сразу забралъ себя въ руки. Я почувствовалъ, что она страдаетъ, волнуется, а этого для меня было довольно, чтобы забыть о себѣ, проклинать мое несчастное письмо. Я вскорѣ ушелъ.

Я не прекратилъ заходить къ нимъ. Она не избѣгала выходить ко мнѣ и даже оставаться вдвоемъ. Мы говорили попрежнему о

гомъ, но о письмѣ, о нашихъ чувствахъ—ни звука. Въ то же время мы невольно чувствовали, что мы потеряли нашъ настоящій хорошій тонъ другъ съ другомъ. Мы чувствовали, что намъ обоимъ неловко, тяжело.

Я старался держать себя возможно проще, ровнѣе, мнѣ это удавалось; я вѣдь старался это дѣлать, чтобы успокоить ее, а для нея чего бы я не сдѣлалъ! Но я былъ страшно, глубоко несчастенъ. Я чувствовалъ, что ея душа въ какомъ-то страхѣ и смятеніи закрывается отъ меня—это было мнѣ такъ больно, такъ больно...

Я не выдержалъ. Я снова уѣхалъ сюда. Я уже третью недѣлю здѣсь. Я долго сидѣлъ въ уединеніи номера въ мрачномъ отелѣ.

И думалъ обо всемъ, что со мной случилось. Я чувствовалъ одно: что бы ни было со мной, я долженъ поговорить съ ней. И опять написалъ письмо. О любви никакихъ намековъ, я молилъ ея дружбы, выражалъ, какъ боюсь потерять эту дружбу.

Я долго не получалъ отвѣта. Вотъ когда я такъ исхудалъ въ одну недѣлю. Но отвѣтъ пришелъ. Я цѣловалъ эти строки. Дружбу мнѣ давали, въ милыхъ теплыхъ словахъ, смущенно и боязливо открывая уголокъ своей души,—помянувъ о первомъ моемъ письмѣ, о томъ, что ее взволновало, смутило, испугало... о томъ, что давно уже ея душа испуганно дрожитъ при всякомъ намекѣ на страстное чувство... вообще на чувство.

Писали, что и это письмо не перечитываютъ, иначе боятся, что не отошлютъ его... милое, чистое, душевно прозрачное, какъ янтарь, письмо.

О, я понялъ ея волненіе, ея смущеніе. Я глубоко задумался. И эти думы счастливаго несчастливца были цѣлая душевная трагедія. Это былъ страшный самодіагнозъ, въ концѣ котораго я и открылъ въ своей душѣ донынѣ незажившую рану. Чего я хотѣлъ? Я не свободный для брака человѣкъ. Я, который лѣтъ пять долженъ работать, какъ волъ, чтобы освободиться отъ всѣхъ долговъ и создать себѣ возможность обезпечить новую семью. Я—едва вынырнувшій изъ омута почти циническаго бродяжничества.

У Полонскаго есть стихи, слова какого-то разбойника клефта: «Кто хочетъ быть любимъ, будь и въ любви неустрашимъ». То-есть завоевывай смѣло женскую душу. Я тоже это думалъ прежде. Да и теперь, быть можетъ, всякую другую душу, но не эту... Не хочу я неустрашимостью страстнаго нападенія на эту душу затуманивать эту душу, этотъ чистый образъ.

Да, именно, этотъ милый чистый образъ, столь подобный другому образу—образу моей первой любви. Тогда я былъ слишкомъ юнъ,

чтобы на всю жизнь соединиться любовью съ милымъ существомъ, встрѣтился съ нимъ слишкомъ рано, теперь, увы, поздно: боюсь, я слишкомъ уже немолодъ для этого. Судьба зло играетъ со мной.

Но спасибо ей всетаки. Она мнѣ дала образъ этой дѣвушки, она моей любовью къ ней слила этотъ образъ съ моей душой. И моя душа приняла этотъ образъ на себя.

Прошлой зимой, я, помню, былъ на лекціи Владиміра Соловьева о Платонѣ. Этотъ талантливый и глубокій, несмотря на его странности, человѣкъ, по обыкновенію, среди многаго смутно, хотя и красиво выраженнаго, поразилъ меня одной мыслью, которую я только теперь, послѣ всего недавно пережитаго, вполнѣ понялъ. Онъ сказалъ: вопросъ о главномъ качествѣ жизненнаго пути человѣка, есть вопросъ о томъ, чей образъ, чье подобіе приметъ человѣкъ, охваченный Эросомъ.

О, какъ я теперь понялъ это! Какъ понялъ я теперь тургеневскаго Лаврецкаго, этого славнаго человѣка, самоотверженно и великодушно отнесшагося къ женѣ, не стоящей никакого великодушія— только потому, что душа его, охваченная Эросомъ, приняла въ себя образъ и подобіе Лизы, этой души, проникнутой жаждой подвига и милосердія.

Какъ я понялъ, въ чемъ ошибка Льва Толстого въ «Крейцеровой сонатѣ» и ея выводахъ. «Звѣрь» убійцы Позднышева принялъ образъ матеріально страстнаго животнаго, жены своей, и она пожала то, что посѣяла. Не уничтоженіе брака, физической любви слѣдуетъ отсюда, а другой выводъ: соединяя свою судьбу и физически, и нравственно,—безъ этого нѣтъ полноты соединенія—на всю жизнь съ другой душой,—помните, эта душа отразится и въ вашей—ея зло, ея несчастіе послужитъ и вамъ зломъ и несчастіемъ, можетъ быть, въ другомъ только видѣ; глубже, оглядчивѣе относитесь къ внушеніямъ Эроса; его сила порою слѣпая; зато, когда она дѣйствуетъ, не только не ослѣпляя, но озаряя наше зрѣніе божественнымъ блескомъ, не закрывайте глазъ, внимательнѣе пользуйтесь и этимъ блескомъ.

Это всесказалъ я себѣ,—чувствуя, какимъ блескомъ озарилъ меня на этотъ разъ Эросъ. Я все буду дѣлать, чтобы этотъ блескъ не пропалъ для меня. Но если судьба оставитъ мнѣ только незаживающую рану, только милый образъ въ душѣ моей, и за то спасибо: этотъ образъ разъ навсегда опредѣлилъ «главное качество моего жизненнаго пути», какъ сказалъ Соловьевъ; жить тѣмъ, что довело меня до состоянія прошлой зимы—до вашего діагноза—я уже никогда не стану. А рана пусть болитъ... Стерпится-слюбится! скажу и я на этотъ разъ, какъ добрые провинціалы, съ полнымъ убѣжденіемъ.

XV.

— Пусть болитъ! Я счастливъ и болью этой раны! — сильно дрожащимъ голосомъ повторилъ Иванъ Николаевичъ.

Пахомова, немного поблѣднѣвъ, вся уйдя въ то, что слышала, сидѣла неподвижно. Вдругъ оба они вздрогнули, точно очнулись отъ охватившаго ихъ сна. Въ прихожей раздался звонокъ. Было слышно, какъ Катя побѣжала отпирать.

— Это Канареечка?—тихо спросилъ Иванъ Николаевичъ.

Не успѣла мать подтвердить,—хорошенькая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, вся розовая отъ мороза, ворвалась въ комнату, восклицая:

— Мама! Иванъ Николаевичъ!

Но не успѣла и она опомниться отъ пріятнаго сюрприза, найдя у матери ея добраго взрослаго друга, этотъ другъ внезапно крѣпко поцѣловалъ ее въ лобъ и быстро бросился въ прихожую, взволнованно бормоча:

— Мнѣ пора... Я все сказалъ... Увидимся еще, Канареечка! О, много разъ будемъ видѣться!

И онъ быстро исчезъ изъ квартиры Александры Даниловны подъ носомъ Кати, не поспѣвшей запереть дверь, впуская барышню и выпуская провожавшую ее отъ родственниковъ прислугу. Шуба, калоши, шапка были въ одно мгновеніе на немъ, точно сами собой. И дверь, захлопнутая имъ снаружи, скрыла его отъ глазъ Кати.

— Мама! Что съ нимъ? Онъ боленъ?—воскликнула изумленная дѣвочка.

— Нѣтъ, милая, напротивъ: другъ нашъ выздоравливаетъ,— крѣпко цѣлуя дочь, сказала Пахомова.

— А ты... отчего, ты, мама, такая?

Какая — дѣвочка не могла пояснить; но что съ матерью что-то особенное—она чуяла.

— Ну, иди спать, спать! одиннадцать часовъ давно уже било,— не отвѣчая дочери, заторопила ее въ дѣтскую Александра Даниловна.

Не могла же она сказать дѣвочкѣ, что, слушая разсказъ о чужой незаживающей ранѣ, она вспомнила свою: смерть горячо любимаго мужа, и сердце ея кольнула мысль, что, хотя душа ея, судя по всему, и должна была принять образъ этого безкорыстнаго борца за людей и страдальца; но... этотъ ли образъ отразился въ ея поведеніи,— поведеніи женщины, занятой исключительно, почти фанатически, цѣлью обезпеченія себя и дочери? И переживъ въ своемъ сердцѣ этотъ образъ, развѣ не томится и она порой точно пустотой сердца, въ которомъ никогда не было никакого образа? Незаживающая рана вдругъ раскрылась и заныла и въ душѣ Пахомовой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Переписка.

Прошедшее кой-какъ я отстрадалъ,
Грядущее туманъ, въ туманѣ идеалъ.
Я. Полонскій.

I.

Дорогой Иванъ Николаевичъ!

Воображаю ваше удивленіе, когда вы получите это непозволительно длинное, но еще болѣе неожиданное посланіе. Мое письмо! Мое первое къ вамъ письмо въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ знакомства съ вами!

Когда я затѣяла писать къ вамъ, меня даже поразилъ этотъ неоспоримый фактъ: десять лѣтъ такого близкаго знакомства — и ни одного письма между нами. Были взаимныя исповѣди глазъ на глазъ такого характера, какія не всегда бываютъ между самыми близкими родными, но письма ни одного. А, между тѣмъ, насъ нерѣдко раздѣляли тысячи верстъ, когда, напримѣръ, я корпѣла надъ лекціями въ Парижѣ, а вы ухаживали за вашими казачками на Уралѣ.

Сперва это полное отсутствіе переписки между нами мнѣ показалось очень страннымъ. Право. Но вскорѣ я поняла, что это вполнѣ естественно. Да пишете ли вы хоть кому-нибудь на свѣтѣ, кромѣ крайнихъ случаевъ выставки и продажи вашихъ картинъ, вообще случаевъ дѣловыхъ и, конечно, преимущественно денежныхъ? Вѣдь вы сами не разъ говорили мнѣ: перо—вашъ личный врагъ. Да и вообще всѣхъ васъ—господъ художниковъ.

Помню, устраивала я съ нѣсколькими патронессами выставку и продажу вещей въ пользу дѣтскихъ яслей. Одинъ меценатъ далъ на эту выставку картину покойнаго Ивана Ивановича Шишкина, но за разрѣшеніемъ выставить ее публично поручилъ намъ съѣздить къ самому художнику. Я и поѣхала. Застала старика въ блузѣ, бородатаго и лохматаго, какъ король Лиръ въ бурю. Меценатъ поручилъ непремѣнно взять отъ Ивана Ивановича записку, что онъ разрѣшаетъ выставить картину въ пользу яслей. Шишкинъ отмахивался, увѣряя, что онъ и писать-то отвыкъ. Но я настояла. Тогда онъ искалъ, искалъ у себя въ квартирѣ пера и чернилъ и, не найдя ихъ, намаралъ мнѣ записку рѣзцомъ для гравировки офортовъ и тушью.

У васъ-то сейчасъ есть ли подъ рукой перо и чернила? Впрочемъ, задавъ этотъ вопросъ сейчасъ, раскаиваюсь. Того и гляди вы примете это за намекъ на то, чтобы вы доказали обладаніе сими орудіями пытки для васъ, въ свою очередь, первымъ посланіемъ ко мнѣ. Чест-

ное же слово! не охота писать — не пишите. Сама не знаю, зачѣмъ я-то пишу. Вѣроятно, отъ праздности, этой матери всѣхъ пороковъ.

Я—отъ праздности!.. Второй сюрпризъ для васъ. Отсюда вижу, въ какую фигуру изумленія складываются ваши черты. Да, голубчикъ, представьте: уже третью недѣлю я и Канареечка погрязаемъ въ самой непозволительной праздности.

Да какъ же это случилось? Міръ, что ли, перевернулся?—восклицаете вы. Вѣдь теперь самое время Канареечкѣ держать экзамены, а всякому врачу носиться по Петербургу, лѣча весенніе гриппы, бронхиты и т. п.

Да вы, милый, обратили вниманіе на штемпель сего письма? Откуда оно пущено въ ваше деревенски-городское лоно, въ ваше женское царство? Изъ Твери, а въ сущности и не изъ Твери, а изъ усадебки въ пяти верстахъ отъ Твери, откуда на почту доставитъ его мѣстный мужичокъ, путешествующій каждый праздникъ изъ Твери въ родную деревню и обратно; сей красильщикъ служитъ по пути почтальономъ намъ, обитителямъ усадьбы близъ оной деревни.

Но довольно загадокъ. Буду послѣдовательна, какъ вѣрный лѣтописецъ собственной жизни. И какъ лѣтописецъ—еже писахъ, писахъ, и вы ужъ не судите. Съ тѣхъ поръ, дорогой мой, какъ вы въ ноябрѣ прошлаго года посѣтили меня въ Питерѣ и подѣлились со мной вашей «незаживающей раной», мы оба, по нашему, не знаю, дурному ли обычаю (вѣроятно, во всякомъ случаѣ, не особенно хорошему) умерли другъ для друга. Первый мѣсяцъ послѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга я еще ждала отъ васъ вѣсточки. Но потомъ, не получивъ ни тѣни ея, успокоилась.

Что вы живы—я была увѣрена. Вы всетаки достаточная извѣстность, чтобы ваше переселеніе въ края, «идѣ же нѣсть печали, воздыханія», обошлось бы безъ некролога въ столичныхъ газетахъ. Некрологовъ не было—значитъ, вы живы. Что не больны, по крайней мѣрѣ, серьезно, тоже несомнѣнно. Ибо, заболѣй опять вы настолько, чтобы оробѣть своей болѣзни, держу пари, явились бы ко мнѣ—единственному, думается, до сихъ поръ вашему врачу. А коли живы и серьезно физически не больны—значитъ: лѣчите свою «незаживающую рану».

А гдѣ ужъ тутъ до меня, старухи-«докторухи!» (меня такъ называли въ одной деревнѣ, куда я ѣздила на голодный тифъ). Для этого у васъ есть иной врачъ, онъ же, или, вѣрнѣе, она—и причина вашей болѣзни. Ну, и махнула я рукой на васъ. Сперва еще Канареечка надоѣдала мнѣ: «Мама! гдѣ же, гдѣ же Иванъ Николаевичъ?

Отчего онъ такъ тогда убѣжалъ? И неужели не придетъ къ намъ больше?»—приставала она то и дѣло.

Я ее увѣряла, что такой ужъ онъ, этотъ самый Иванъ Николаевичъ, чудной, но что «явиться къ намъ, непремѣнно явится, надо только подождать». И она успокаивалась. Мало-по-малу и она перестала спрашивать о васъ. Погрузились мы съ ней по уши въ нашу трудовую колею, я въ свою—вы отлично ее знаете,—а дѣвочка въ свою гимназическую, для ея юныхъ силъ не менѣе моей тяжелую, всепоглощающую. Труженицы вѣдь мы съ нею, знаете какія. Совсѣмъ «acharnées», сказали бы наши съ вами общіе друзья, французы.

Но вотъ эта-то способность быть погруженными въ работу по маковку и довела насъ до той роковой праздности, которая, въ свою очередь, довела меня до этого, неожиданнаго для насъ обоихъ, моего перваго письма къ вамъ. Случилась съ нами обѣими, другъ мой, и со мной, и съ Канареечкой бѣда: носясь по Питеру во время предвесеннихъ мартовскихъ вѣтровъ съ моря, я схватила простуду горла, на которую недостаточно обратила вниманія (сапожникъ вѣдь всего менѣе слѣдитъ, цѣлы ли у него собственные сапоги) и получила хроническое воспаленіе голосовыхъ связокъ. А Канареечка дозанималась въ ея гимназіи до признаковъ явнаго остраго малокровія.

Какая это возмутительная, почти преступная система: держать дѣвочекъ, особенно передъ временемъ, когда онѣ формируются въ половомъ отношеніи, часами на школьной партѣ за зубрежкой! Хороши и мы, матери. Въ особенности мы, матери-врачи, смотрящія на все это сквозь пальцы, только чтобы дотянуть дочку до диплома.

Словомъ, обѣ мы расклеились. И вотъ, къ маю мѣсяцу, какъ я внутренне ни боролась съ этимъ рѣшеніемъ (вѣдь оно дѣлаетъ несомнѣнную брешь въ моей практикѣ и заработкѣ, а Канареечку заставляетъ терять лишній годъ въ гимназіи), я рѣшилась отдохнуть,—отдохнуть во что бы то ни стало.

Но почему же не Крымъ, не на столь любимый мною югъ Франціи? А потому, другъ мой, что все это стоило бы денегъ, здѣсь же, въ этой премиленькой усадебкѣ, мнѣ все предложено гратисъ. Ибо здѣсь я гощу и буду гостить два мѣсяца у той моей милой подруги по гимназіи, понимаете, что давала мнѣ стипендію въ Парижѣ. Здѣсь живетъ ея старшая сестра, бездѣтная вдова, тоже моя большая пріятельница. Такъ что у насъ образовалось тоже въ своемъ родѣ женское царство: эта вдова, я и моя Канареечка.

Живемъ мы совсѣмъ растительной жизнью—гуляемъ, пьемъ молоко, играемъ въ шахматы, вдова разыгрываетъ намъ на старинномъ роялѣ Ланнеровскіе вальсы, а мы, заливаясь хохотомъ, вальсируемъ,

причемъ я за даму, Канареечка за кавалера. Канареечка читаетъ намъ по вечерамъ понемногу Брема и Фохта, я студирую медицинскіе книги и журналы, которыхъ навезла съ собой, вдова ходитъ по хозяйству. И если прибавить къ этому легкій курсъ лѣченія, которому я подвергаю Канареечку и свое горло,— вотъ вся наша жизнь.

Практику я свою въ Питерѣ на время сдала товаркѣ, отъ «учрежденій», гдѣ «имѣю честь» состоять годовымъ эскулапомъ, получила отпускъ и предалась съ дочкой позорной, хотя и весьма цѣлительной, праздности.

Теперь, разсказавъ вамъ curriculum моей праздности, опишу, какъ я дошла до этого посланія къ вамъ. Тутъ начнутся нѣкоторыя интимныя признанія. Своего рода исповѣдь, въ родѣ той, какой вы угостили меня въ послѣдній разъ. Но не ликуйте, господинъ Донъ-Жуанъ! Небось, ужъ губки облизываете... Ага, молъ, и она сейчасъ мнѣ начнетъ исповѣдоваться о своихъ «любвяхъ», какъ и я полгода назадъ. Послушаемъ о любвяхъ этой «старухи-докторухи», вдовы— «мірского человѣка».

Въ томъ-то и штука, что вы мнѣ толковали о вашихъ любвяхъ, а мнѣ пришла фантазія поговорить съ вами о жизни безъ «любви». Вѣдь и такая жизнь, голубчикъ, своего рода незаживающая рана.

Видите ли, когда вы мнѣ тогда исповѣдовались въ вашей «незаживающей ранѣ», не пришло вамъ въ голову, что и мы, врачи, діагностируя больного, рискуемъ заразиться отъ него? Въ области физическихъ заболѣваній это бываетъ нерѣдко. На то и идетъ нашъ братъ, медикъ. Но и въ области чисто-психической зараженіе вовсе не рѣдкость. Заразиться же настроеніемъ чуть ли не легче, чѣмъ физической болѣзнью... А бросить заразу мысли—бросить въ голову, въ настроеніе другого развѣ такъ трудно?

Настроеніе ваше тогда, какъ вы ни хорохорились во время вашей исповѣди, было грустное. И если бы вы знали, какъ и мнѣ стало грустно отъ вашего разсказа! А главное — эта мысль, которую вы забросили въ меня, помните, мысль Владиміра Соловьева о томъ, что, любя, мы воспринимаемъ на душу печать того, кого мы любимъ, и это можетъ опредѣлить даже характеръ нашего жизненнаго пути. Вѣрная ли это для большинства мысль, до сихъ поръ не знаю, не берусь рѣшить; но ядовитая она ужасно.

Неужели я, въ сущности, не любила своего бѣднаго мужа? Вѣдь если бы любила, развѣ черезъ годъ, другой послѣ его смерти пошла бы тѣмъ жизненнымъ путемъ, какой едва-едва рѣшилась на два мѣсяца оборвать, чтобы сколько-нибудь очнуться отъ этого

пути? Да, да! не ради одного моего горла и грозящей моей бѣдной дѣвочкѣ блѣдной немочи я ушла погостить въ эту усадьбу.

Съ самой той исповѣди вашей засѣло во мнѣ стремленіе остановиться хоть на мигъ въ своемъ жизненномъ пути, оглянуться, посмотрѣть: отпечатокъ кого, чего я несу въ своей душѣ?

Надо, чтобы дѣло дошло до риска своимъ собственнымъ здоровьемъ и здоровьемъ самаго дорогого намъ существа, чтобы мы рискнули, и съ несомнѣннымъ убыткомъ въ «обезпеченіи», удалиться отъ сутолоки работы и людей, уйти въ самихъ себя.

Не хорошо все это, голубчикъ. Но такъ или иначе тѣнь Банко всякой обезпеченной жизни—«нездоровье»—посѣтила меня и Канареечку, а подруга охотно предложила отдохнуть въ ея усадьбѣ, съ ея сестрой, мѣсяца два, и эти два факта закончили то, что полгода назадъ начала во мнѣ ваша исповѣдь о незаживающей ранѣ.

Здѣсь, мой другъ, въ моемъ тверскомъ уединеніи, я еще пока совсѣмъ непослѣдовательна. Я еще пока не думаю, а предаюсь исключительно настроеніямъ. Въ сущности и это, въ концѣ концовъ, совершенно непослѣдовательное письмо—плодъ такого настроенія. Въ моей питерской сутолокѣ я до такой степени лишена была возможности погружаться съ достаточной глубиной въ какія бы то ни было личныя настроенія, что, получивъ теперь къ этому полную возможность, отдаюсь этой возможности, какъ пьяница, дорвавшійся до рюмки...

Вотъ вамъ примѣръ—то, послѣ чего я засѣла за письмо вамъ. Сегодня былъ чудный вечеръ. Здѣсь уже трава всюду: молодая, свѣжая, ярко зеленая, весенняя трава. Но на деревьяхъ едва-едва наливаются почки—блѣдныя, сморщенныя. И когда часовъ въ восемь съ половиной солнце начинаетъ закатываться, и я сижу въ саду одна (вдова-хозяйка и Канареечка въ это время обыкновенно на скотномъ), когда я въ полной тишинѣ (птицъ теперь еще очень мало) смотрю въ лѣсную даль за рѣкой, прелестная картина открывается мнѣ.

Дивлюсь я на васъ, художниковъ. Пишете, пишете вы пейзажи, а хоть бы разъ уловили вотъ это. Воздухъ такого весенняго вечера прозрачный, прозрачный, какой-то хрустальный, не воздухъ ранней осени — тоже прозрачный, но какой-то холодно-элегически прозрачный; этотъ — мягкій, мягкій, радостный, ласковый, и въ немъ, на фонѣ свѣжей, ярко-зеленой травы, сизые, лиловые, нѣжно-бархатные тона стволовъ и вѣтвей лѣсной поросли, почти еще лишенной листвы... Какъ это прелестно!

Смотрѣла я сегодня, смотрѣла на эту прелесть, и вдругъ, представьте, вспомнила—не васъ, успокойтесь, а... виновницу в[illegible]

незаживающей раны, ту милую дѣвушку типа Поленекъ Саксъ и Тургеневскихъ героинь. Я ее не знаю. Я имѣю о ней понятіе только по вашимъ, думаю, не безпристрастнымъ словамъ. И эти-то слова я слышала полгода назадъ. Между ними и теперешними мгновеніями лежитъ цѣлая, полная трудовъ, сутолока ради «обезпеченія».

А между тѣмъ, смотрѣла я, смотрѣла на эту чудную весеннюю зелено-сизо-лилово-лазурную даль, и всталъ въ душѣ моей какой-то образъ—смутный, лишенный очертаній, и все же столь понятный душѣ моей въ эти минуты... столь достойный любви и счастія—простой, милый, поэтическій образъ.

И потянуло меня увидѣть васъ, спросить, узнать: что же съ вами, съ этой дѣвушкой, съ вашей любовью? Неужели въ эти полгода вы не сдѣлали ни одного рѣшительнаго шага къ своему и ея счастію? Ахъ, голубчикъ, какъ людямъ нужно счастіе! Какъ надо умѣть создать его, умѣть лелѣять его!

Образъ этой вашей милой дѣвушки на этомъ очаровательномъ фонѣ весенней природы появился сегодня передо мной не въ одиночествѣ. Вспомнились, понятно, и вы съ вашей жизненной сумятицей и душевной, слегка поэтической, распущенностью. Вспомнился и мужъ покойникъ. Ахъ, какое, въ сущности, страстотерпство была наша жизнь съ нимъ—съ этимъ борцомъ за свои идеи, доведеннымъ ими до изгнанія, до голода на чужбинѣ, до нервнаго паралича! И Канареечка моя все время не шла изъ головы. Будетъ ли она счастлива¿

Напишите же мнѣ, напишите, приблизились ли вы къ счастію съ этой милой дѣвушкой? Хоть вы-то! Хотя съ нею-то! Найдется же у васъ, если не рѣзецъ для офортовъ, какъ у Шишкина, такъ хоть гвоздь для прибивки вашихъ полотенъ къ рамамъ картинъ. Окуните его въ черную краску и намарайте хоть двѣ первыя ваши строчки къ вашей, на этотъ разъ, изумительно непослѣдовательной и нелогичной А. Пахомовой.

P. S. Если бы вы знали, какъ запрыгала Канареечка, узнавъ, что я посылаю вамъ письмо. Хоть ей черкните. Адресъ мой, на всякій случай, прилагаю. А какъ рада, что вашъ-то тогда записала. Да! Сегодня какъ разъ 1-е мая. Праздникъ рабочихъ, свободы, труда, новой жизни, весны, счастія... Надѣюсь—хоть для васъ-то?

Ваша А. П.

II.

Многоуважаемая моя Александра Даниловна!

Письмо отъ васъ! Да если бы у меня не было никакого подобія чернилъ и пера, я бы прокололъ себѣ руку и отвѣтилъ бы вамъ, на-

писавъ собственнымъ пальцемъ, собственной кровью. Правда, нехорошая у насъ съ вами манера на цѣлые мѣсяцы забывать другъ друга. Какъ это чувствую я теперь, читая ваше письмо! Какъ вы были мнѣ нужны всѣ эти полгода!

А! нужна была, а почему же ни слова, ни строчки?—спрашиваете вы, пробѣгая эти строки. Дорогая! Если бы мы, люди, всегда, во всякій данный моментъ понимали, что именно нужно намъ въ этотъ моментъ, сколько бы бѣдъ и горестей избѣгли мы.

Принесите безпорядочному забулдыгѣ нищему воду въ хрустальномъ стаканѣ буржуазнаго благополучія, а хлѣбъ на серебряномъ подносѣ этого благополучія, пожалуй, онъ запнется передъ этимъ подношеніемъ. А укажи ему на воду въ ручейкѣ, въ зеленыхъ берегахъ, да отломи ему краюху прямо рукой—совсѣмъ иное дѣло. А ваше письмо—развѣ это не угловатая неправильная краюшка, отломленная вашей милой рукой, да такъ этой рукой и поданная? Развѣ оно не ключъ прозрачной воды, сверкающей всей якобы нецѣлесообразной непослѣдовательностью чудной женской души?

Да, голубчикъ, ура! Это письмо замѣчательно непослѣдовательно. Оно, если хотите, даже не вполнѣ ясно. Только *я* все, все въ немъ могу понять, я, въ сущности знающій васъ, какъ самого себя, какъ и вы, боюсь, знаете меня. Боюсь потому, что много нездороваго ношу въ себѣ. Но, впрочемъ, вы не даромъ «докторуха», и умѣете научно и, такъ сказать, по-эскулапски смотрѣть на всякую болячку.

Да, я знаю васъ. И какъ я понялъ всѣ эти куски вашего письма, которые вы пытаетесь склеить въ немъ какой-то совсѣмъ неудавшейся послѣдовательностью, но которые органически связаны состояніемъ вашей души. Полюбуйтесь, ну, развѣ не калейдоскопъ: и Иванъ Ивановичъ Шишкинъ съ рѣзцомъ вмѣсто пера, и болѣе, чѣмъ сомнительная педагогичность женскаго воспитанія въ теперешнихъ женскихъ гимназіяхъ, и проклятая жажда обезпеченія, и «неужели же я не любила мужа?» и, наконецъ, «та дѣвушка» и «счастливъ же», надѣетесь вы, вашъ покорнѣйшій слуга. Есть ли во всемъ этомъ хоть какая-нибудь разумная связь?

Видимой—ни слѣда, но внутренняя, органическая—несомнѣнна. Неугодно ли полюбоваться? Перевожу на свой ладъ этотъ калейдоскопъ. «Есть же на свѣтѣ такіе негодяи друзья, у которыхъ, какъ у Шишкина, можетъ даже не оказаться пера и въ моментъ полученія письма друга, котораго потянуло къ нему, несмотря на полгода разлуки. А между тѣмъ наша жалкая современная жизнь такъ складывается, что только въ дружбѣ или любви и спасеніе, ибо роковыя условія на нашихъ глазахъ увѣчатъ не только духовно, но даже фи-

зически нашего нѣжно-любимаго ребенка, и мы, мы въ сущности ничего не можемъ подѣлать, ибо, наученные собственнымъ горькимъ опытомъ, не рѣшимся оставить дочку безъ обезпеченія—значитъ должны покоряться тому, что создаетъ это обезпеченіе, какъ бы ни ломали при этомъ тѣло и душу и насъ, и нашихъ дѣтей!

А вѣдь этотъ ребенокъ—плодъ любви нашей къ тому, кто въ благородной борьбѣ за истинное человѣческое благо погибъ на нашихъ глазахъ. Да и что такое была эта любовь къ погибшему борцу за истинныя человѣческія блага, какъ не одно страстотерпство съ нимъ и за него, страстетерпство, въ которомъ и лучшія минуты были—минутами жертвы, лучшее чувство было—состраданіе?

А гдѣ же было счастье, то счастье, о которомъ такъ смутно упоительно шепчетъ нашей душѣ тайную сказку этотъ весенній пейзажъ своими прелестными тонами? Вѣдь бываетъ же на самомъ дѣлѣ это счастье, вѣдь, навѣрно, оно есть у того негодяя друга, который, конечно, подобно Шишкину, не имѣетъ даже пера, чтобы отвѣтить намъ на наше письмо, на этотъ стонъ о счастьи. Заживилъ, небось, онъ, злодѣй, свою якобы незаживающую рану и блаженствуетъ съ той дѣвицей, которую намъ невольно напомнилъ этотъ деревенскій весенній пейзажъ.

И не отвѣтитъ онъ намъ на это письмо, ибо счастливцы обыкновенно погружаются въ такой эгоизмъ, какой не прошибешь никакимъ письмомъ, никакой жалобой, никакимъ стономъ».

Простите, простите, дорогая, за этотъ переводъ на свой ладъ вашего письма. Дерзкій это переводъ. Непозволительный это переводъ, чувствую. Но... но развѣ въ немъ нѣтъ доли правды? Полюбуйтесь-ка, Александра Даниловна. Вамъ, вы это отлично знаете, я никогда не лгалъ. Передъ вами, вы знаете, какъ мало скрывалъ, позвольте ужъ до конца быть правдивымъ и откровенно сказать, какъ я понимаю ваше письмо, ваше настроеніе теперь.

А понимаю я его такъ, какъ выразилъ. И это-то пониманіе и дѣлаетъ мнѣ ваше письмо, ваше настроеніе особенно дорогимъ. Я вдругъ точно почувствовалъ, что вы, моя менторша, мой почти отвлеченный идеалъ женщины-жены, женщины-сестры, женщины-матери—такая же, какъ я, слабая, и въ своей слабости милая, милая... И мнѣ до такой степени скорѣе хочется это вамъ высказать, что я оборву на этомъ письмо и сейчасъ же отошлю его... И жду немедля за него головомойки.

Предупреждаю: купилъ сотню пачекъ почтовой бумаги, конвертовъ и коробку съ перьями; если вы не дадите мнѣ повода вашими

милыми письмами во чтò бы то ни стало возможно скорѣе пустить все это въ ходъ, подамъ вамъ счетъ за напрасные расходы.

Канареечку цѣлую отъ души: надѣюсь, на такомъ разстояніи это позволительно относительно даже такой почти взрослой барышни. Пусть, во всякомъ случаѣ, и она проститъ за эту дерзость вашего Ивана Безземельнаго (помните, вы въ Парижѣ прозвали меня этой кличкой англійскаго короля, увѣряя, что ко мнѣ это названіе подходитъ даже лучше, чѣмъ къ тому злополучному королю: ибо для меня не существуетъ даже кусочка земли, гдѣ бы я успѣлъ болѣе дня?). Ахъ, какъ я вспомню Парижъ, и васъ тогда вспомню! Въ сущности, какая вы были тогда еще молодая! Впрочемъ, что-жъ я! Докторуха-то вы, докторуха, но... старуха?..

И. Б.

III.

Другъ мой Иванъ Николаевичъ!

Какое возмутительное письмо! Въ немъ двѣ непростительныя дерзости. И вторая, которой вы, кажется, не сознаете или въ которой, вѣрнѣе, не хотите сознаться, хуже первой, въ которой вы благоразумно просите прощенія.

Эта вторая дерзость: абсолютное молчаніе о томъ, что теперь съ вами? Кажется, я задала въ своемъ письмѣ ясный вопросъ: счастливы ли вы, наконецъ? Сдѣлали ли вы рѣшительный шагъ къ вашему счастію съ той милой провинціалкой, о которой говорили мнѣ? И объ этомъ-то вы ни слова.

Между тѣмъ, живете все тамъ же, среди вашего женскаго царства, въ родномъ городкѣ и мѣстопребываніи этой особы. Вы въ теченіе цѣлаго полугода не мѣняете мѣстожительства! Право, отправляя предыдущее письмо, я жестоко сомнѣвалась: найдетъ ли оно васъ. Только надежда, что ваша тетушка знаетъ, гдѣ вы обрѣтаетесь, и перешлетъ вамъ мое письмо, подкрѣпляла меня въ этомъ сомнительномъ предпріятіи: попыткѣ начать переписку съ вами. Но вы оказываетесь на мѣстѣ, все тамъ же, и ни слова о вашей незаживающей ранѣ.

Голубчикъ, да неужели и эта любовь у васъ «не вытанцовывается въ счастіе»? Вѣдь если бы хоть намекъ былъ на иное, развѣ вы бы такъ упорно промолчали на мои совершенно прямые вопросы? А вы на нихъ, что называется, и ухомъ не повели. Точно вся задача посылки мною вамъ письма только въ томъ и состояла, чтобы вы занялись, дѣйствительно, отвратительно дерзкимъ выворачиваніемъ наизнанку всего, что я вамъ написала.

И кто вамъ позволилъ, какъ вы выражаетесь, переводить мои слова на ваши? Если, и въ самомъ дѣлѣ, я выбита изъ колеи моимъ теперешнимъ тверскимъ отшельничествомъ и деревенской праздностью и поэтому потеряла послѣдовательность и логичность, и вы, дѣйствительно, знаете всю мою подноготную, то неужели же вы въ правѣ совать эту подноготную мнѣ въ носъ?

Ахъ, голубчикъ, голубчикъ, какъ вы правы, какъ вы горестно правы! Вотъ вы вспоминаете въ концѣ вашего письма Парижъ, нашу тамъ жизнь, то, какая я тамъ была молодая. И стараетесь меня утѣшить, дескать: докторуха, но не старуха. Ахъ, нѣтъ, тогда и вправду я была удивительно молода, а теперь стара невозможно; дѣло тутъ не въ числѣ лѣтъ, хотя десятокъ лѣтъ въ жизни женщины не пустякъ. Но даже не въ годахъ дѣло. А вотъ въ чемъ: 18 лѣтъ я кончила гимназію, намучившись въ ней зубрежкой, какъ теперь на моихъ глазахъ мучается моя дѣвчурка. Впрочемъ, еще хуже: у Канареечки и обстановка, и самая жизнь далеко лучше. Она одна у своей достаточно образованной мамаши, столичной женщины-врача.

Я же провела дѣтство совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ. Довольно сказать, что отецъ имѣлъ 800 рублей жалованья въ годъ, и я была третьимъ ребенкомъ изъ семи—всѣхъ въ эту пору живыхъ, а мать моя «сиропиталка» по воспитанію (училась въ пріютѣ для мѣстныхъ дворянскихъ сиротъ) и до самой смерти была неувѣрена, что въ громѣ небесномъ не замѣшанъ Илья-пророкъ. Каковы же были настроенія моихъ родителей—легко можете судить по тому, что готовить уроки чуть не каждый день я уходила къ подругамъ, ибо это невозможно было дѣлать дома, среди шума родительскихъ репрессалій съ младшими моими братьями и сестрами и перекоровъ ихъ со старшими. Два моихъ старшихъ брата были настоящіе недоросли, не дотянувшіе даже уѣзднаго училища, и въ ту пору уже состояли въ высокомъ званіи канцелярскихъ служителей и въ соотвѣтствующихъ должностяхъ тамъ же, гдѣ тогда служилъ мой отецъ.

Да, помню я, съ какой страшной усталостью кончила я курсъ гимназіи. И неся всю эту усталость въ моемъ тогда юномъ, но уже надломленномъ организмѣ, сейчасъ же ринулась, благодаря помощи богатой подруги, сперва въ Петербургъ, потомъ въ Парижъ, въ курсистки. И почти въ это же время, встрѣтивъ покойника мужа, взвалила на свои юныя плечи еще тяжесть: лелѣяніе этого борца - страдальца, а потомъ и выкармливаніе ребенка.

И вотъ, загнанная душою и тѣломъ еще у родителей и въ гимназіи, я впряглась сразу въ три воза: въ изученіе медицины, въ сестры милосердія къ мужу и въ кормилицы къ дочери. И тащила эти воза,

помните, уже у васъ на глазахъ, съ такимъ упорствомъ, что порой казалось: еще напряженіе—и всѣ жилы, всѣ нервы моего молодого существа возьмутъ да разомъ и лопнутъ. И растянусь я, да растянутся со мной безпомощно на мостовой и мой калѣка мужъ, и моя малютка дочь.

И несмотря навсе это—ахъ, какъ завидно молода была я въ ту пору!—достаточно было мужу, сидя въ своемъ подвижномъ креслѣ, подъ своимъ пледомъ, сказать хоть слово о вѣрѣ въ будущее человѣчество, достаточно было зайти къ намъ Лаврову, съ его видомъ пророка въ пустынѣ, и я вся точно на крыльяхъ взлетала.

Теперь у меня ни тѣни той молодости, той восторженности. Совершенно справедливо, что человѣкъ, долгое время изнемогающій подъ непосильной тяжестью, только тогда ощутитъ всю силу ея гнета, когда, наконецъ, ее снимутъ съ него и предоставятъ ему возможность выпрямиться и вздохнуть всей грудью. Да, теперь я имѣю возможность выпрямиться и вздохнуть, и вотъ сижу въ безсиліи, согнутая, и только теоретически представляю себѣ, какъ это люди дышатъ во всю грудь.

Оттого-то мнѣ и хочется узнать, что такъ дышите, по крайней мѣрѣ, вы, свободные художники, которыхъ жизнь можетъ трепать въ утлой и дырявой ладьѣ въ бурномъ океанѣ, въ своихъ приливахъ и отливахъ, но которые никогда такъ не гнули шеи подъ тяжестью—будь то тяжесть науки, тяжесть общественной борьбы (случай моего мужа), тяжесть сидѣлки у постели безнадежно больного, тяжесть матери у колыбели ея ребенка... Вы ничего этого не испытали, Иванъ Николаевичъ, и стыдно вамъ, отыскивая послѣдовательность въ моемъ непослѣдовательномъ письмѣ, усмѣхаться надъ тѣмъ, что наша сестра не знала счастія и любви, а знала только умиленіе жертвы и состраданія. Ну, да, я готова, строго взвѣсивъ все, что я испытала въ жизни замужемъ, признаться, что въ моемъ чувствѣ къ покойнику-мужу, и при первой встрѣчѣ съ нимъ, и тогда, когда я была сидѣлкой его, и когда шла за гробомъ его, жило восторженное умиленіе его идеями и поступками, состраданіе къ его горю и мукамъ. Я готова признаться, что тутъ не было настоящей любви: любви особи одного пола къ особи другого пола. Я готова признаться, что только въ такой любви вся красота личныхъ ощущеній, и все, что мы переживали съ мужемъ, совсѣмъ изъ другой оперы. Во всемъ этомъ я готова признаться и все это признать.

Но, но... я рѣшительно не понимаю, не помню, что я хотѣла сказать послѣ всѣхъ этихъ совершенно ненужныхъ комментаріи о своемъ прошломъ... Это все вы виноваты.

Слѣдовало бы это письмо не отсылать вамъ, а преспокойно разорвать на куски и пустить по вѣтру, который, кстати, начинается сейчасъ и точно плачетъ, проносясь надо мной, и покончить этимъ злосчастную и столь неудачную попытку вступить съ вами въ переписку. Но... но... Читайте и это письмо, и казнитесь. Раскаивайтесь. Любуйтесь, до какихъ признаній доводитъ женщину дерзкое залѣзаніе въ ея душу, самый дерзкій примѣръ котораго изволили показать вы, милостивый государь.

Но покаянія недостаточно. Нужно и наказаніе. И я васъ неумолимо приговариваю къ двумъ карамъ. Первая: безусловное запрещеніе въ слѣдующихъ вашихъ письмахъ говорить о высокой особѣ вашего врача и ментора, особѣ, пишущей эти строки. И обязательное требованіе, во-вторыхъ, немедля по полученіи этого второго письма, изложить въ письмѣ ко мнѣ шагъ за шагомъ: состояніе въ теченіе минувшаго полугодія вашего здоровья, вашихъ художественныхъ работъ, вообще образа вашей жизни; главное же: состояніе вашего сердца, ибо, повторяю, весна такъ прелестна, а я столь изнемогла въ моей здѣшней праздности, что хочется знать о чьемъ-нибудь, хотя бы чужомъ, счастьѣ.

Поняли? Поняли вашу старуху-докторуху? Ради Бога, только «не черезчуръ!» понимайте? Опять вывернете наизнанку мое письмо.

Ваша А. Пахомова.

P. S. Канареечка щебечетъ мнѣ сейчасъ на ухо: «Мама, ты это ему пишешь? Напиши, что онъ противный. Отчего не ѣдетъ къ намъ?»

IV.

Виноватъ, дорогая Александра Даниловна, дѣйствительно, виноватъ. И безусловно повинуюсь вашему суровому, почти жестокому приговору.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ это вышло странно! Берясь за перо, чтобы отвѣчать на ваше первое письмо, я точно забылъ, что я существую и что вы въ вашемъ письмѣ такъ интересуетесь моей скромной особой. Да, искренне говоря, я это забылъ. Ибо при видѣ первыхъ же строкъ, написанныхъ вашей милой рукой, едва я разорвалъ конвертъ письма и увидалъ вашу подпись, меня—отъ неожиданности, что ли,—безумно и всецѣло охватило ощущеніе васъ, всего вашего существа, всего моего знакомства съ вами. И если за минувшіе полгода мы съ вами какъ будто умерли другъ для друга, то въ этотъ моментъ въ моей душѣ, какъ вы увидите, все такъ же одинокой, совершилось полное воскресеніе.

Да и умирали ли мы другъ для друга въ эти полгода, да и вообще когда-либо въ теченіе нашего знакомства? Не знаю, какъ вы думаете, а я—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Даже тогда, когда я, повидимому, какъ будто и забывалъ о васъ, крутимый тѣмъ или инымъ водоворотомъ и затягиваемый тѣмъ или инымъ затономъ жизни, въ которые я легкомысленно и опрометчиво кидалъ свою буйную головушку, свою безпріютную душонку, память о васъ, о моей милой цѣлительшѣ и менторшѣ, всегда находилась не въ «истлѣніи» смерти, а во «блаженномъ успеніи» чего-то для меня безсмертнаго.

Въ этомъ я на этотъ разъ окончательно убѣдился. И это убѣжденіе охватило меня такимъ неожиданнымъ восторгомъ, что я забылъ совсѣмъ себя—и писалъ, могъ писать только о васъ. Правда, надерзилъ вамъ въ этомъ писаніи о васъ. Но развѣ въ этомъ моемъ дерзкомъ разоблаченіи васъ вы не чуете восторга и восхищенія вами—со всѣмъ вашимъ страстотерпствомъ, со всей вашей душевной борьбой между жаждой обезпечить Канареечку, крѣпко направить ее по проложенной уже вами самими колеѣ, и совѣстью, зудящей вамъ: «стань выше этого буржуазнаго плана», со всѣмъ вашимъ незнакомствомъ съ личнымъ счастьемъ и сбереженной во всей ея цѣлости для воспріятія его душой?

Да, едва я раскрылъ ваше первое письмо—вся вы, во весь ростъ, такъ и возникли въ моихъ духовныхъ очахъ и... и... я могъ только о васъ и думать, и писать. Было въ этомъ исключительномъ писаніи о васъ и еще нѣчто, нѣкоторая полусознательная, но все же инстинктивно, по звѣриному, лукавая уловка.

На этотъ разъ, исполняя безпрекословно вашъ жестокій приговоръ писать о себѣ, буду откровененъ безъ всякихъ уловокъ, звѣриныхъ или человѣческихъ. Но объясню прежде свою звѣриную уловку. Пощадилъ я, голубушка, полусознательно, и васъ, и себя, умалчивая о себѣ. Васъ—вотъ почему. Вѣдь понявъ по вашему первому письму весь вашъ душевный разладъ, всю вашу тоску по цѣльному личному поведенію, по цѣльному личному счастью, хотя бы въ другихъ—во мнѣ,—я почувствовалъ, что сказавъ, что «у меня нѣтъ этого цѣльнаго поведенія, а счастья и никакого», я бы еще только подбавилъ горечи въ вашу грудь! Что же касается пощады себѣ въ томъ умолчаніи о себѣ въ письмѣ къ вамъ, то, послѣ моихъ восторженныхъ рѣчей вамъ полгода назадъ, мнѣ просто стыдно разсказать вамъ то, что происходило со мной въ эти полгода

Но дѣлать нечего: слушайте, или вѣрнѣе: читайте. Ну, да, я всѣ эти полгода живу въ мезонинѣ захолустнаго домика моей тетки. Я никого, кромѣ моего женскаго царства да этой милой дѣ[illegible],

почти не вижу. Но значить ли это, что я дѣлаю хоть какой-нибудь шагъ къ счастью, къ заживленію моей незаживающей раны? Отнюдь нѣтъ. Иногда мнѣ кажется, что я толкусь на мѣстѣ и обманываю самого себя якобы движеніемъ взадъ и впередъ, только потому, что не все ли равно толочься, шагая по дворику тетки или по всему лицу матушки земли! Иногда мнѣ думается, что я не толкусь, торча здѣсь, а дѣлаю, наоборотъ, весьма цѣлесообразное движеніе, но не приближаясь шагъ за шагомъ къ счастью, а, напротивъ, осторожно пятясь отъ него, не убѣгая, ибо, убѣжавъ, можно возжелать и снова прибѣжать, а именно пятясь и все время зорко вглядываясь въ то, отъ чего уходишь—и тѣмъ уничтожая въ себѣ всякое желаніе вернуться.

Конечно, я пячусь не съ полнымъ самообладаніемъ и непоколебимой рѣшимостью человѣка, всецѣло забравшаго себя въ руки и неуклонно начертавшаго себѣ маршрутъ. И по сю пору, хотя все рѣже и рѣже, бываютъ у меня вспышки ослѣпленія, опьянѣнія взглядомъ, жестомъ, словомъ—милыхъ глазъ, милыхъ рукъ, милыхъ губъ. И если бы эти глаза, руки, губы потянулись ко мнѣ неудержимо, я бы, можетъ быть, снова погибъ, и чѣмъ кончился бы на этотъ разъ, быть можетъ, послѣдній экспериментъ личнаго счастья для меня—самъ даже боюсь подумать.

Но хвала судьбѣ—и эти милые глаза тоже постепенно пятятся отъ меня, вѣроятно, вглядываясь и въ мою скромную особу и видя, что нѣтъ чего-то нужнаго имъ въ этой особѣ, какъ и я открываю все болѣе и болѣе отсутствіе чего-то нужнаго мнѣ въ этихъ глазахъ, рукахъ, губахъ.

Въ томъ-то и штука, дорогая моя менторша и цѣлительница, что оба мы: и я, и «милая дѣвушка»—два субъекта, обжегшіеся уже на молокѣ; и потому и передъ свѣжей водой, готовой, быть можетъ, утолить нашу жажду Тантала (жажду счастья—этой птицы безъ хвоста, такъ что ее и не за что поймать), стоимъ, осторожно подувая на эту влагу и боясь сдѣлать лишній, неосторожный шагъ къ ней.

А какъ же то настроеніе, о которомъ я такъ краснорѣчиво говорилъ вамъ полгода назадъ? то стремленіе, найдя, сообразно словамъ В. Соловьева, моментъ Эроса, надлежаще направляющаго нашъ жизненный путь—ухватиться за этотъ моментъ, за его виновницу, и все это удержать, удержать во что бы то ни стало, хотя бы долгой, упорной и осторожной борьбой?

Бѣда въ томъ, что въ налетахъ на насъ Эроса важнѣе всего моменты, а когда приманку этихъ моментовъ мы разлагаемъ на стадіи долгаго и хитроумнаго, хотя бы и весьма благороднаго и благоразум-

наго плана, тогда и эти моменты ускользаютъ, какъ Жаръ-Птица изъ рукъ ухватившаго ее Ивана-Дурака, пожелавшаго посадить ее въ золотую клѣтку.

Но почему же эти моменты и сильны только, какъ моменты? Да просто потому, что они молніи наивысшаго напряженія физическаго и духовнаго въ области личныхъ чувствъ и, какъ молніи, не длительны да и сильны лишь тѣмъ, что ослѣпляютъ... Потухла молнія, хотя въ воздухѣ и осталось разряженное электричество, но прояснѣвшіе глаза видятъ—передъ ними никакого волшебнаго освѣщенія, а темнота—такъ темнота, сумерки—такъ сумерки, сальная свѣча—такъ сальная свѣча.

Электричество опять скопится. Милые глаза, руки, губы снова войдутъ въ такую комбинацію съ чуднымъ лѣтнимъ вечеромъ, съ поэтической страницей прочитанной или припомненной книги, съ особенно острымъ припадкомъ жажды Тантала—и снова молнія и снова ослѣпленіе—на моментъ. И если въ этотъ моментъ не ринулся головой въ пропасть—снова протрешь глаза и видишь: темнота—такъ темнота, сальная свѣча—такъ сальная свѣча...

И невольно сдѣлаешь шагъ назадъ отъ того заманчиво-таинственнаго, отъ чего загораются моменты молніи. Итакъ, шагъ за шагомъ—назадъ да назадъ, понемножечку. Горько это, но что же дѣлать, если до сихъ поръ не шарахнуло такъ по глазамъ молніей, что не полетѣлъ очертя голову въ пропасть.

Но я чувствую, что вамъ становится противно читать мое письмо... Прекрасно... И жду новаго наказанія... Посмотримъ, какое-то будетъ. А Канареечку крѣпко, всетаки крѣпко цѣлую... Вашъ Иванъ не только безземельный, но и безнадежный, а, можетъ быть, и безсовѣстный...

V.

Какое оригинальное совпаденіе, уважаемый Иванъ Николаевичъ!

Сейчасъ я вамъ опишу, при какихъ обстоятельствахъ я получила сегодня ваше письмо, и вы поймете, о какомъ совпаденіи я говорю. Надо сознаться, отправивъ къ вамъ мое послѣднее письмо, я впала въ рѣшительно дурное настроеніе и какъ бы въ раскаяніе. Не слѣдовало отправлять этого письма,—твердила я себѣ. Почему? Да очень просто: потому, что разъ человѣкъ не хочетъ или имѣетъ какія-либо другія основанія не говорить о себѣ—не нужно и настаивать.

Въ самомъ дѣлѣ, какое я имѣю право допытываться о томъ, о чемъ мнѣ не желаютъ говорить. Другъ я? Только потому? Н

моему, весьма мѣтко говорилъ одинъ мой знакомый, что имѣть друзей значитъ имѣть близъ себя людей, у которыхъ смертельная охота залѣзть къ вамъ за пазуху своей лапой и почесать тамъ, гдѣ у васъ, быть можетъ, совсѣмъ не чешется; хорошо еще, лапа-то у друзей достаточно мягкая и чистая... Сравненіе, надо сознаться, не совсѣмъ деликатное, но, ей же ей, не лишенное правды.

«Лапа» у меня, во всякомъ случаѣ, достаточно чистая, но все же... Словомъ, я начала раскаиваться въ своемъ стремленіи залѣзть къ вамъ за пазуху, ради чего бы то ни было. Съ другой стороны, мнѣ вспомнилось и другое не менѣе грубое, но столь же правдивое сравненіе: любитъ человѣкъ передъ другимъ распоясаться, да и на чужую грязную рубаху заглянуть. Откуда это у нея перлы такой мужицкой колоритной премудрости?—дивитесь вы. Эхъ, дорогой мой! Нашъ братъ, докторуха, какой мудрости не наслушается на голодныхъ-то тифахъ, да по пріемнымъ покоямъ колотясь.

Но не въ томъ дѣло. Стало стыдно мнѣ послѣ отправки вамъ второго письма и за то, что сама-то я передъ вами «распоясалась». Вдругъ онъ подумаетъ,—соображала я,—что и распоясалась-то я только, чтобы позволилъ онъ за пазуху и къ нему залѣзть. Изъ бабьяго, молъ, любопытства, отъ скуки въ деревнѣ до чего дошла. И такъ-то мнѣ стало скверно, оттого, что вы можете это подумать! А тутъ еще и погода начала портиться.

Дня три передъ этимъ погода стояла чудная, вечера были такіе, что сидишь до поздней ночи на террасѣ, не насидишься. Благодаря такимъ вечерамъ я взяла манеру ложиться поздно, поздно и сидѣть одна одинешенька чуть не до свѣта. Канареечку, согласно неизмѣнному для нея режиму, отправляю въ одиннадцать часовъ въ постель, а хозяйка-вдова и сама въ эти часы спитъ сномъ праведницы, «насовавшись», какъ она выражается, за день по хозяйству до того, что «языкъ высунетъ». Вотъ я и сижу одна одинешенька. Утопаю въ прелести весеннихъ вечеровъ.

И въ тотъ вечеръ, когда я получила ваше второе письмо, забралась я на террасу передъ садомъ, забралась съ ногами на кушетку— и замерла. Но погода въ тотъ день стала измѣнять уже съ полудня. Забродили облачка. И барометръ, какъ сказала хозяйка за обѣдомъ, пошелъ къ дождю. Такъ что къ часу заката горизонтъ на западѣ былъ уже покрытъ изсиня-лиловыми густыми облаками; подъ этими облаками и солнце, уходя за горизонтъ, казалось кроваво-алымъ, предвѣщая на завтра вѣтряный день.

Я смотрѣла на закатъ сквозь чащу елей, на фонѣ этого багряно заката—совсѣмъ темныхъ,—и эта картина: черныя ели, среди

почти еще голыхъ березокъ и осинъ, багряные просвѣты солнца, свинцово-темныя облака,—казалась мнѣ удивительно мрачной. Было тихо, но вдругъ откуда-то съ сѣверо-запада потянетъ настолько холоднымъ вѣтеркомъ, что вся невольно сожмешься.

А тутъ еще гдѣ-то въ отдаленіи заухалъ филинъ, точно кто, протяжно жалуясь, заплакалъ подъ самыми этими синими облаками на горизонтѣ. Мнѣ стало такъ тяжело, такъ одиноко на душѣ. И представьте, только что тоска подступила къ самому моему горлу, въ саду передо мною точно что-то волшебное произошло. Вдругъ все приняло иной смыслъ: филинъ затихъ, багряное солнце заката, черныя ели, свинцовыя облака, все точно стало красивѣе, торжественнѣе, нѣжнѣе... И все это произошло оттого, что въ кустахъ подъ тѣми же облаками запѣлъ впервые этой весной соловей.

Еще съ утра меня хозяйка увѣряла, что въ этотъ день непремѣнно начнутъ пѣть соловьи, что они въ это число мая изъ года въ годъ всегда начинаютъ пѣть. Но я не повѣрила этой математической точности пѣвицы-пташки, да и просто забыла къ вечеру о словахъ хозяйки и вообще о соловьяхъ. И вотъ не сразу, не смѣло, даже какъ будто неумѣло, соловей защелкалъ, зарокоталъ... Я вся невольно захолонула. Сколько лѣтъ, колотясь по столицамъ да за границамъ, не слыхала я на волѣ весною соловья, перваго соловья послѣ долгой зимы.

И едва я начала осмысливать это, почти совсѣмъ новое мнѣ, ощущеніе, какое-то сладостно пьянящее и еще болѣе сладостно надрывающее душу, вдругъ синія облака на потемнѣвшемъ небѣ, на которомъ уже скрылись просвѣты солнца, стали почти такими же черными, какъ и острые конусы елей, соловей смолкъ, все въ природѣ нахмурилось, какъ-то напряглось, и не успѣла я опомниться, покатился первый весенній громъ. Березки точно зашептали вѣтвями, пока еще только покрытыми почками, по нимъ защелкали крупныя капли рѣдкаго дождя, и черезъ мгновеніе я была ослѣплена первой весенней молніей.

Я зажмурила глаза, сдавила грудь руками... Мнѣ казалось, что отъ этой гаммы: тиши весенняго вечера, плача филина, перваго соловья, первой весенней грозы, какъ дождь, и изъ-подъ моихъ рѣсницъ брызнутъ капли слезъ.

И какъ разъ въ эту же минуту позади меня на террасѣ раскрылась дверь, и изъ нея раздался голосъ горничной:

— Барыня, вамъ письмо. Мужичекъ изъ города съ почты принесъ. Красильщикъ.

То было письмо отъ васъ о молніяхъ Эроса.

Я ушла, слегка шатаясь, точно опьянѣвшая и ослабѣвшая, въ свою комнату, зажгла свѣчу и погрузилась въ чтеніе вашего письма. А за окнами лилъ дождь. И когда я одно изъ нихъ полуоткрыла, такое дивное весеннее благоуханіе понеслось ко мнѣ съ луга и изъ сада, что моя голова готова была закружиться... А молніи изрѣдка такъ и бросали свой ослѣпительный отблескъ.

Я читала ваше письмо, о молніяхъ Эроса и, буду ужъ вполнѣ откровенна: дѣйствительно заплакала. Что это было со мной? Мнѣ мучительно стало жаль васъ. Разсказывая мнѣ вашу хитроумную аллегорію про эти молніи, про то, какъ вы пятитесь отъ счастья, а не идете къ нему, вы точно лишали меня какой-то неожиданно дорогой для меня иллюзіи.

Голубчикъ, да это что же такое? Опять одиночество, опять недовѣріе къ тому, въ чемъ раньше грезилось безумное, безбрежное блаженство? Опять дрожанье надъ своей свободой, приведшей васъ уже разъ къ нейрастеніи? Опять кочеваніе отъ Розины натурщицы къ полу-Нана, съ глазами ангеловъ Секстинской Мадонны? Видите, я даже имена запомнила вашихъ молній-предметовъ.

И неужели и эта «милая дѣвушка», о которой вы наговорили мнѣ такихъ восторженныхъ словъ по поводу взгляда Соловьева на Эросъ, ужели и она для васъ только мимолетная молнія? Что же не мимолетно? Одиночество эгоизма? Брюзгливость стараго полувдовца, полухолостяка, надумавшагося къ концу жизни только всего что пятиться, какъ ракъ, которому только и мила его тина подъ рѣчными камнями? Вѣдь если это такъ, то и та милая дѣвушка права, пятясь и отъ васъ. Вы только этого и стоите.

Признаюсь откровенно: отъ всѣхъ аллегорій послѣдняго вашего письма на меня повѣяло такимъ малодушіемъ, такимъ эгоизмомъ и въ то же время такимъ неисправимо горькимъ одиночествомъ и безнадежностью... что я, повторяю, замолкла, заплакала о васъ, не фигурально выражаясь, а прямо заплакала, настоящими слезами. Конечно, въ этихъ слезахъ играло роль и все, что я смутно испытала въ этотъ вечеръ передъ полученіемъ письма, филинъ, закатъ, соловей, гроза... Нервы чрезъ мѣру напряглись также одиночествомъ и всѣмъ, что я въ эти дни разбередила въ душѣ у себя этой дикой перепиской съ вами. Да, ужъ буду, дѣйствительно, вполнѣ откровенна: можетъ, и не о васъ я плакала, а о себѣ самой. Да нѣтъ, и о васъ: узнай я, что вы счастливы, что вы блаженствуете, я чувствую: я... успокоилась бы. Позавидовала бы, не скрою, но и успокоилась бы. А теперь?

...нѣтъ, не позволю я вамъ вести себя такъ презрѣнно эгоистич-

но. Не даромъ я ваша менторша и цѣлительница: сами такъ называете. Извольте мнѣ немедленно написа́ть безъ всякихъ экивоковъ и аллегорій: въ чемъ дѣло. Прямо факты, которыхъ вы такъ тщательно избѣгаете въ перепискѣ со мною. А если не желаете начистоту, такъ и напишите: не хочу, и кончимъ разговоръ. Опять лѣзу за пазуху. Пускай. Не могу иначе.

А то вотъ что, пріѣзжайте на недѣльку сюда ко мнѣ: не стѣсняйтесь: моего гостя примутъ à bras ouverts. Право, было бы хорошо.

Пишу вамъ, а соловей въ саду такъ и заливается! И Канареечка моя щебечетъ, разсаживая съ хозяйкой по клумбамъ цвѣты изъ оранжереи. Я слушаю и ее, и соловьевъ, смотрю въ окно, какъ весь садъ одѣлся точно зеленымъ пухомъ послѣ вчерашняго благодатнаго дождя, потомъ берусь за перо, за это письмо.

Боюсь, что пишу неразборчиво... Не знаю отчего—рука дрожитъ. Да я какъ будто и сама вся дрожу... Неужели же и у меня начинается нейрастенія, какъ тогда у васъ? Просто, нервы. Все вы виноваты: эгоистъ, способный только пятиться назадъ, вмѣсто того чтобы поддержать вѣру хоть въ ваше-то счастье вашего друга

А. Пахомовой.

VI.

Дорогая Александра Даниловна!

Спасибо за послѣднее ваше письмо. Спасибо и за всѣ за нихъ, за это же особенно. Что-то въ этомъ письмѣ есть такое, отчего и въ моей груди задрожала какая-то пружинка, хорошая пружинка. И когда я читалъ, что вы заплакали—отъ весенняго ли настроенія, отъ нервовъ ли, или отъ чего другого,—я съ грустью подумалъ: ахъ, какъ было бы хорошо, если бы иногда и я могъ выжать изъ своихъ безнадежно сухихъ глазъ хоть одну скупую слезу!

Но какъ вы могли подумать, что мнѣ въ голову придетъ дикая мысль о «залѣзаніи за пазуху», «распоясываніи», съ этой цѣлью, о бабьемъ любопытствѣ! Впрочемъ, конечно, я самъ виноватъ. Вы, естественно, должны были заподозрить во мнѣ эту гадость: человѣкъ отмалчивается, человѣкъ аллегорничаетъ, недовѣряетъ искренности, «хорошести» участія, оказываемаго ему.

Но видитъ Богъ: я вовсе по иной причинѣ молчалъ и прибѣгалъ къ экивокамъ. Трудно мнѣ самому говорить открыто все. Впрочемъ, что оправдываться! Покажу на дѣлѣ, что готовъ всякое ваше желаніе исполнить. Разскажу все, что пережилъ въ эти полгода.

Ушелъ я тогда отъ васъ, послѣ той знаменитой «исповѣди», и сейчасъ же, въ тотъ же день уѣхалъ изъ Питера; вы помните, въ какомъ настроеніи: надежда на все, раскаяніе во всемъ и полная готовность кротко и самоотверженно претерпѣть все, что связано съ той надеждой, съ тѣмъ раскаяніемъ. Уѣхалъ я въ вагонѣ въ мое женское царство, весь переполненный какой-то сладкой болью чуть не шиллеровской резиньяціи. А мое, не въ мѣру бойкое, воображеніе художника рисовало въ моей головѣ такія радуги отдаленнаго будущаго, что мнѣ уже чудилось: Эросъ Владимира Соловьева навсегда оттиснулъ свой штемпель на моей душѣ, на всемъ моемъ будущемъ «жизненномъ пути».

И все равно, думалось мнѣ, соединюсь ли я въ будущемъ съ объектомъ этого Эроса, съ «той милой дѣвушкой», или нѣтъ,—образъ ея, оттиснутый на штемпелѣ моей послѣдней любви, такъ хорошъ, такъ глубокъ своей чистотой, простотой и красотой, что и одинокій, и лишенный счастья съ нею, понесу въ сердцѣ навсегда этотъ отпечатокъ и жить буду, смотрясь въ него, какъ въ зеркало, и, видя при этомъ созерцаніи каждую тѣнь лжи и зла въ себѣ, немедля буду искоренять эту тѣнь.

Въ такомъ настроеніи явился я снова въ мое женское царство, и принялся за работу, за новую картину, задуманную въ это время: святая Цецилія, при всей ея душевной примитивности грустнаго ребенка и физической слѣпотѣ, у входа въ христіанскую катакомбу, ясно освѣщаетъ факеломъ дорогу пожилому римлянину, котораго уже влечетъ христіанство, но еще удерживаютъ ступить рѣшительно на этотъ путь: языческія, эпикурейскія и скептическія колебанія.

Понимаете, чье лицо намѣренъ былъ я придать Цециліи, борьбу чьей души отразить на лицѣ римлянина?... Работать я сталъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Тетушка отъ сюжета моей картины пришла въ умиленіе. Но младшая кузина, подруга по гимназіи «той милой дѣвушки», при первыхъ же сколько-нибудь выяснившихся чертахъ образа св. Цециліи узнала свою бывшую товарку, и вдругъ догадалась относительно моего настроенія и «чувства». И начала усиленно покровительствовать этому чувству.

Надо вамъ сказать, что моя «Цецилія», буду для краткости называть такъ «ту милую дѣвушку», послѣ моего обмѣна съ нею письмами, вдругъ стала снова проще, довѣрчивѣе относиться ко мнѣ, стала опять часто бывать въ моемъ «женскомъ царствѣ» и, оставаясь со мной вдвоемъ, разговаривать со мной о книгахъ, о томъ, о семъ. Я, конечно, чувствовалъ себя совсѣмъ въ «эмпиреяхъ» и тѣмъ болѣе деликатно и осторожно велъ себя по отношенію къ «Цециліи».

Но вы легко поймете: замѣтивъ, что «кузина» догадалась, мнѣ трудно было удержаться отъ искушенія найти въ ней конфидентку, которой я могъ бы изливать то, что съ такой безудержностью изливалъ тогда въ «исповѣди» вамъ. Она же, кузина, потерпѣвшая столь много душевно въ своемъ разъѣздѣ съ негодяемъ мужемъ, рада-радехонька была пристроиться своимъ покинутымъ и празднымъ сердцемъ хоть къ чужимъ мечтамъ и надеждамъ. Вскорѣ для нея не было тайнъ въ этой исторіи съ моей стороны. Высказалъ я ей и всѣ сомнѣнія, всю неувѣренность.

— Голубчикъ,—отвѣтила она мнѣ,—ты долженъ помнить, у ней (у Цециліи) на сердцѣ горе прежней любви, еще не вполнѣ излѣченное. Надо потерпѣть. Надо дать ей освоиться съ самой мыслью о новомъ чувствѣ.

— Да что это за исторія? И кто онъ—прежній?—спрашивалъ я.

— Исторія очень простая. Онъ былъ гимназистъ здѣсь, она гимназистка, потомъ онъ кончилъ курсъ, уѣхалъ въ столицу, окончилъ тамъ университетъ, устроился тамъ и женился, забывъ все, что происходило здѣсь. Ей это обошлось не такъ легко. Пришлось даже лѣчить ее. А главное, главное: она знаетъ, что онъ несчастенъ въ бракѣ. И это не даетъ ей успокоиться, будитъ старое. Онъ иногда и пріѣзжаетъ на родину. Видится съ ней у общихъ знакомыхъ... Это, конечно, подогрѣваетъ. Но все равно, все покончено. Надо только время.

Я слушалъ кузину, поникалъ головой, ожесточенно писалъ свою Цецилію на полотнѣ и такъ велъ себя относительно живой Цециліи, что будто передо мной хрустальный сосудъ; и я долженъ столь медленно и осторожно поднести его къ губамъ моимъ, чтобы напрасно и дерзко не всколебать ни капли дивной влаги, какою онъ переполненъ; а ее уже всколебала другая рука и ее надо успокоить, успокоить.

Съ этимъ ощущеніемъ я жилъ мѣсяцы. Не скажу, чтобы не страдалъ. Но зато тѣшилась моя художественная фантазія. Увижу «Цецилію» вечеромъ, идущую отъ всенощной (вы помните, она богомольна, но безъ всякаго ханжества), и сейчасъ въ головѣ картина: идеальное существо, полное возвышеннымъ настроеніемъ, граціозно склоняющее головку предъ Высшею волею. Увижу ее, задумавшеюся надъ книгой, другая картина: дивная головка склоняется подъ обиліемъ мыслей, и въ этой головкѣ просыпается новое еще неясное, но глубокое міросозерцаніе. Увижу ее, надѣвшей домашній фартукъ для занятій по хозяйству,—Гетевская Доротея, умѣющая придать и обыденности всю прелесть пластической красоты.

— Словомъ, образы за образами, одинъ поэтичнѣе другого; и создавать ихъ мнѣ было тѣмъ легче, что «Цецилія» вообще молчалива и словами, такъ или иначе не соотвѣтствующими этимъ образамъ, не мѣшала успѣшному ихъ нарожденію въ моей фантазеркѣ-головѣ. Мнѣ эта молчаливость, почти отсутствіе высказываемыхъ мыслей, конечно, тоже очень нравилась: она, понятно, казалась не отсутствіемъ мыслей, даже не ихъ бѣдностью и неясностью, а скромностью, благородной сдержанностью этого «женственнаго» ума, этой «тихой» души.

Такъ шли дни за днями. Цецилія на картинѣ съ ея римляниномъ понемногу подвигалась впередъ. Живая Цецилія бродила около меня дивнымъ видѣніемъ. Кузина подогрѣвала надежду, шепча мнѣ на ухо:

— Надо подождать, потерпѣть. Она пойметъ тебя, полюбитъ. Да уже, кажется, и... Но подожди, подожди.

И я, при этой жизни въ моей картинѣ, при ежедневномъ почти свиданіи съ живой Цециліей, готовъ былъ жить годы и годы въ ожиданіи, которое, само по себѣ, было полно невыразимой сладости. Конечно, и въ ту пору это ожиданіе было не безъ терній. Бѣда съ нами, артистами, художниками: слишкомъ зорокъ, слишкомъ наметанъ въ этой зоркости нашъ глазъ; слишкомъ избаловано наше, если хотите, эстетическое чувство... да иногда и не одно эстетическое.

Вырвется всетаки у Цециліи словечко грубоватое или глуповатое, застанешь ее сонной, съ глазами ужъ совсѣмъ не Цециліи, а цыпленка, вылѣзшаго на свѣтъ Божій изъ подъ крылышка матери-курицы, узнаешь случайно, что умная книга, которую она у тебя выпросила, раскрыта въ теченіе мѣсяца все на 3-й страницѣ,—да мало ли мелочей,—увѣряешь себя, что нельзя человѣку прожить всегда въ красотѣ, и въ значительности, но образъ-то Цециліи или Доротеи подмаранъ. Вдругъ, какъ будто въ ароматный садъ вырвется запахъ не совсѣмъ опрятной кухни. И скептикъ-римлянинъ начинаетъ подозрительно всматриваться въ дѣвушку съ факеломъ у входа въ путь къ христіанству и соображать: а она вѣдь, при всей ея святости, слѣпая отъ природы и безнадежно, и входъ-то въ храмъ можетъ озарить заимствованнымъ факеломъ, но въ самомъ храмѣ ей всетаки все останется темно, и слѣпа она останется на всю жизнь къ образамъ, расширяющимъ и углубляющимъ смыслъ храма.

Но зародится эта язвинка отъ жеста, отъ взгляда, отъ самаго пустого словца Цециліи, а въ это время Эросъ и нажметъ педаль. И чего, чего не наговоришь самъ себѣ, только бы убѣдить самого себя, что все это пустяки, спасти неприкосновенность образа Цециліи. Да, [illegible] спасалъ я этотъ образъ, стараясь все лучше изобразить

его на полотнѣ и сохранить въ своей фантазіи, въ своей очарованной Эросомъ душѣ. Ибо зналъ: давно уже проѣдена скептицизмомъ къ людямъ, къ женщинамъ эта душа, и дай ей волю въ этомъ направленіи, пожалуй и Эросу не справиться съ ней. А тогда прости-прощай всѣ надежды на иной, лучше опредѣленный новою любовью жизненный путь.

А кузина-то подогрѣваетъ эти надежды. Но видно шила не утаишь въ мѣшкѣ, будь это даже самый изящнѣйшій, самый идиллическій дамскій ридикюль.

Но дайте передохну. Рука устала писать, да и событіе это вспоминается слишкомъ тяжело... Дѣлаю здѣсь въ письмѣ перерывъ и пойду побродить.

VII.

Часа два бродилъ по окраинамъ города. Уходился — въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова. Теперь могу продолжать письмо. По этому можете судить, какъ то, что я вамъ раскажу, перевернуло «скептика» римлянина.

Однажды въ мартѣ мѣсяцѣ вышелъ я пройтись по ярмаркѣ, которая въ нашемъ городѣ бываетъ ежегодно постомъ. У меня, какъ художника, охотника до всякой натуры, неискоренимая привычка посѣщать всякія гулянья, базары, ярмарки. Все смотришь, не наклюнется ли «типъ». На этотъ разъ я вышелъ на ярмарку съ младшей моей кузиной, пріятельницей моей Цециліи.

Мы брели съ нею медленно и вяло по линіи балагановъ, въ которыхъ ярмарка предлагала своимъ посѣтителямъ всевозможныя зрѣлища. «Типовъ», сколько-нибудь занимательныхъ, не попадалось, и мы шли довольно безучастно, собираясь уже домой. Вдругъ я почувствовалъ, что рука кузины сжала крѣпко мою руку; точно внезапно пораженная чѣмъ-то, кузина пожелала остановить меня.

Я взглянулъ на нее. Она крайне оживившимися глазами показывала мнѣ на что-то впереди. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, впереди насъ, на значительномъ отдаленіи, Цецилію, ея мать и молодого, изящно одѣтаго господина, съ элегантной наружностью, мнѣ тоже знакомаго. Мгновеніе спустя, я уже узналъ въ этомъ господинѣ извѣстнаго столичнаго адвоката и жуира. Мы съ нимъ сталкивались въ нѣкоторыхъ избранныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ. Ходилъ я д[illegible] разъ слушать его въ судъ, но былъ недостаточно очарованъ его [illegible]щавымъ, хотя и несомнѣнно искуснымъ и эффектно-трога[illegible] ораторствомъ.

Я не успѣлъ спросить кузину, какимъ образомъ эта «краса россійскаго барро»—какъ называютъ его поклонники и поклонницы, «судебныя дамы», попала сюда,—какъ рука кузины еще крѣпче стиснула мою руку, положительно останавливая меня.

— Пойдемъ домой,—зашептала кузина.

— Отчего! Подойдемъ. Я и этого соловья знаю, знакомъ,—возразилъ было я.

— Ахъ, да пойми же: это онъ!—изступленно зашептала кузина.

— Кто онъ?—остолбенѣлъ я.

— Да онъ. Ея первый. Прежній. Отъ любви къ которому еще гимназисткой она хворала,—шептала кузина.

Мнѣ вдругъ показалось, что я весь холодѣю, и тонкая, тонкая игла пронизываетъ мою грудь постепенно все глубже. Моя Цецилія, Доротея и этотъ франтъ, позеръ, «адвокатъ-теноръ», какъ его называютъ въ насмѣшку товарищи, правда, несомнѣнно одаренный и красивый, но душою также несомнѣнное животное, пусть прекрасно воспитанное, голосистое, съ языкомъ крайне bien pendue, этотъ субъектъ, искушенный во всѣхъ прелестяхъ столичной жизни, столичнаго успѣха! Правда, тогда, когда возникла эта любовь, оба они: и Цецилія, и адвокатъ-теноръ были почти дѣти. Правда, теперь онъ, женатый и отецъ нѣсколькихъ ребятъ—это зналъ я—вѣроятно, только любезно допускаетъ тающую провинціалку, почти старую дѣву, до бесѣдъ и прогулокъ съ нимъ, онъ человѣкъ порядочный и съ порядочной дѣвушкой ничего дурного себѣ не позволитъ, развѣ что порисуется да повздыхаетъ передъ нею.

Но мнѣ такъ стало больно, какъ рѣдко бывало въ жизни. И меня потянуло не спускать съ нихъ глазъ. Позабывъ совершенно о кузинѣ, я, слегка даже какъ будто пошатываясь отъ боли въ груди, поспѣшилъ за ними. Я уже почти догналъ ихъ, какъ вдругъ они повернули въ балаганъ, на вывѣскѣ котораго было обозначено: индіецъ, живьемъ пожирающій куръ и голубей.

На вывѣскѣ это благородное занятіе было расписано, конечно, весьма эффектно, но въ мѣстной газеткѣ уже были напечатаны вопли возмущенія по поводу каннибализма этого зрѣлища. Мое женское «царство» также возмутилось этимъ каннибализмомъ, особенно тетка. И я искренне сочувствовалъ ей. Но тутъ я все забылъ и вошелъ вслѣдъ за Цециліей и ея спутникомъ въ балаганъ. Кузина за мной не послѣдовала. Она струсила чего-то и немедля «сбѣжала» съ ярмарки.

Втѣснявшаяся толпа зрителей отдѣлила меня въ самомъ входѣ отъ тѣхъ, за кѣмъ я шелъ. Цецилія, ея мать и адвокатъ заняли мѣ-

ста въ первомъ ряду стульевъ, а я, сунувъ въ кассѣ деньги, остановился у входа. И я смотрѣлъ, смотрѣлъ. И я видѣлъ: какой-то грязный, черномазый субъектъ, съ голыми, вѣроятно, выкрашенными, руками, съ животомъ, обтянутымъ темнымъ трико, хваталъ черными руками трепещущихъ, даже не ощипанныхъ пѣтушковъ, надгрызалъ имъ шею и отрывалъ зубами куски ихъ съ перьями. Его напружившаяся шея шевелилась, и животъ подъ трико вздувался и опускался.

И «краса россійскаго барро», презрительно довольный и невозмутимо изящный, сидѣлъ нога на ногу; потирая нѣжный, какъ атласъ, бритый подбородокъ дорогой тростью и разглаживая шелковистые усы, онъ созерцалъ не безъ любопытства это пожираніе.

Но не на пожирателя, не на этого созерцателя его смотрѣлъ я, а на Цецилію и ея матушку. Послѣдняя, кротчайшая и добрѣйшая старушка, хоть и морщилась, но не отводила глазъ отъ пожирателя. А Цецилія, съ ея видомъ изящной святой простоты, вся ушла своими какъ-то глупо-округлившимися глазами въ созерцаніе лица адвоката. И до такой степени мнѣ вдругъ показалось ея лицо въ это мгновеніе примитивнымъ, почти пошлымъ, почти гадкимъ...

Я не выдержалъ. Я ушелъ изъ балагана. Я не спалъ эту ночь. Я терзался—чѣмъ? Ревностью? Неудовлетвореннымъ чувствомъ любви? Нѣтъ. Тѣмъ, что самимъ мною созданная не только на полотнѣ, но въ моей душѣ, въ моихъ мысляхъ, въ моемъ воображеніи Цецилія, созданная по чертамъ, по молчанію «той милой дѣвушки», уходила отъ меня куда-то далеко... и съ нею уходили всѣ мои надежды, всѣ мои мечты о новомъ жизненномъ пути...

Да, вспоминалъ я опять слова Владиміра Соловьева: вѣдь и въ душѣ этой «милой» дѣвушки Эросъ, любовь къ этому «красѣ барро», отпечатлѣлъ образъ этой красы и намѣтилъ этимъ черты ея жизненнаго пути. И пусть ты добьешься, что твой образъ также оттиснется въ ея душѣ: но не будутъ ли въ этой душѣ назойливо проступать сквозь твои черты черты этого человѣка, такъ безмятежно-самодовольно созерцавшаго пожирателя живьемъ пѣтуховъ.

Вы видите, дорогая, случай пустой, картинка почти пошлая, но въ этомъ-то и вся суть. Сознайтесь: не убѣдительнѣе ли всего для нашего брата, людей склада, какъ вы и я, такая пошлость? Да, случай пустой. Та безсонная ночь давно прошла. «Краса барро» давно уѣхалъ въ столицу, и ходятъ слухи, что онъ разводится, дабы жениться на столичной балеринѣ, слухи, быть можетъ, ложные. Мы попрежнему встрѣчаемся съ Цециліей. Я попрежнему пишу ее и по-

лотнѣ. Но въ душѣ моей она, шагъ за шагомъ, уходитъ изъ этой души. И я душою, шагъ за шагомъ, пячусь отъ нея.

Если прежде я всячески старался «замазать» идеализированьемъ каждое ея неудачное слово, жестъ, то теперь я такъ охотно разоблачаю скептицизмомъ многое, что такъ плѣняло, чаровало меня... И она чуетъ. Она тоже нечувствительно пятится отъ меня. Да, мы пятимся другъ отъ друга, это фактъ. Не отворачиваясь еще другъ отъ друга, мы отходимъ другъ отъ друга, пятимся каждый въ свою сторону.

И оттого ли только она пятится, что чуетъ перемѣну во мнѣ къ ней? Быть можетъ. А, быть можетъ, и оттого, что на горизонтѣ появился нѣкій весьма франтоватый молодой человѣкъ, типомъ сродни «красѣ барро», хотя и подешевле. И моя Цецилія постепенно утрачиваетъ элегическую грусть, столь плѣнявшую меня.

Другая Цецилія—та, что на оканчиваемой мною картинѣ, дѣлаясь все идеальнѣе, остается естественно все той же слѣпой. Такъ что римлянинъ, кажется, не прочь лѣзть въ катакомбы, хотя и при ея факелѣ, но все же при помощи собственнаго зрѣнія...

Ревную ли я къ этому новому «молодому человѣку», безпокоитъ ли меня появленіе его на горизонтѣ? Какъ будто. А, впрочемъ, безпокоитъ гораздо меньше того, что и у васъ, и у васъ, дорогая Александра Даниловна, бываютъ настроенія, когда и вы плачете!

А что если, и въ самомъ дѣлѣ, пріѣхать къ вамъ вашему Ивану, неисправимо Безземельному?

VIII.

Когда Александра Даниловна получила послѣднее письмо Ивана Николаевича, она сейчасъ же заперлась въ комнатѣ, отведенной ей и ея дочери въ усадьбѣ ея пріятельницъ.

Она взялась за перо, чтобы немедленно писать отвѣтъ, въ которомъ какъ-то сразу рѣшилась настоятельно звать ея друга къ себѣ, въ эту усадьбу. Не успѣла она дочитать полученнаго отъ него письма, ее охватило сильное, до сихъ поръ неиспытанное ею чувство, въ которомъ сливались и боролись жалость къ «безнадежному Безземельному» и непобѣдимая жажда увидѣть его.

Былъ уже девятый часъ вечера. Но въ началѣ мая и въ этотъ часъ почти совершенно свѣтло. Такъ что Пахомова сѣла писать безъ свѣчи. Вечеръ былъ необыкновенно тихъ и тепелъ, первый такой теплый вечеръ въ этомъ году. Столъ, къ которому сѣла Александра Даниловна, стоялъ у окна, окно было весь день раскрыто. Пахомова и теперь не заперла его: такъ было тепло.

И въ этой, полной мягкою прохладой, вечерней майской теплотѣ лѣсъ, за небольшимъ оврагомъ, на который выходило раскрытое окно, подъ вечеръ началъ весь дышать весенними запахами, тѣми запахами, которые только весной неуловимо крадутся въ воздухъ отъ каждой травки, отъ каждой почки. Впервые эти сладостно дразнящіе запахи съ такой силой доносились въ этомъ году до Пахомовой. Ей даже казалось, что и вообще впервые въ жизни она чувствуетъ ихъ съ такой силой и чуткостью.

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ она помнитъ себя, эту пору весны она всегда проводила въ городѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ, и гораздо, гораздо позже попадала лѣтомъ на дачу или въ деревню. Сегодня же ей казалось, что эти благоуханія травы, древесины, влажной земли, почекъ березы, черемухи точно дерзко врывались въ открытое окно и обвѣвали ее какимъ-то невидимымъ, сладостнымъ туманомъ.

И рука ея, уже готовая прикоснуться перомъ къ почтовому листку, невольно замедлилась и остановилась. Александра Даниловна, незамѣтно для себя самой, закрыла глаза... Забывъ о намѣреніи писать, она какъ-то вмѣстѣ ушла и въ обоняніе аромата весны, и въ усилившееся съ усиленіемъ этого аромата чувство жалости къ ея другу и жажды увидѣть его, сжать его руки, глядѣть въ его глаза.

Въ это же время въ лѣсу за оврагомъ запѣли соловьи, какъ они всегда въ этотъ часъ запѣвали. Мгновенье спустя мелодично сухо застучалъ на старой липѣ надъ самымъ оврагомъ дятелъ. А изъ-за лѣса понеслись звуки фисъ-гармоніи и звуки дѣвическихъ голосовъ, пѣвшихъ дуэтомъ. Пахомова даже вздрогнула отъ сліянія всѣхъ этихъ звуковъ: такъ мучительно-гармонично, на разныхъ разстояніяхъ отъ ея комнаты, соединялись они въ одно сладостно-щемящее впечатлѣніе.

Близко, близко стучалъ и скрипѣлъ корой дерева дятелъ—красногрудая желна, стучалъ и скрипѣлъ сухо, но по-своему красиво, внося въ неожиданный концертъ, настойчиво зовущій куда-то, диссонансъ. За дятломъ, за оврагомъ, по ту сторону котораго была липа, сѣдалище дятла, въ кустахъ орѣшника заливались соловьи, переходя изъ трели въ трель, чаруя и надрывая сердце своей перекличкой. А за ними, за лѣсомъ въ полуверстѣ, въ земской школѣ за фисгармоніей, вѣроятно, также у открытаго окна, сидѣли учительница и поповна (церковный погостъ и домъ священника были рядомъ со школою) и пѣли, пѣли заунывную мелодію, одна—сопрано, другая контральто, сопровождая ее звуками фисъ-гармоніи, въ отдаленіи, на воздухѣ, удивительно мягкими. И учительница, и поповна были

воспитанницы духовныхъ училищъ, и потому ихъ недурно обучили пѣнію; обѣ обладали свѣжими голосами, тоже, вѣроятно, наслѣдственно нерѣдко переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе въ духовномъ сословіи; обѣ были въ томъ возрастѣ, когда душа невольно рвется куда-то, къ кому-то, и обѣ, вѣроятно, тосковали въ своемъ сельскомъ уединеніи, учительница—среди дѣтей, поповна—между стариками, отцомъ и матерью; ихъ обѣихъ, вѣроятно, такъ же, какъ и Александру Даниловну, пьянили ароматы весны, соловьи...

Что онѣ пѣли, благодаря разстоянію усадьбы отъ школы, Пахомова разобрать не могла, но это человѣческое, дѣвическое, тоскующее пѣніе точно раскрывало тайну и всѣхъ остальныхъ звуковъ: и скрипа дятла, и трелей соловьевъ, и широкихъ волнъ — вздоховъ фисъ-гармоніи. Раскрывало оно смыслъ и всѣхъ этихъ благоуханій весны, и самой весны, тайну и смыслъ того, что трепетало теперь въ груди Пахомовой, сидѣвшей закрывъ глаза, съ перомъ въ рукѣ надъ чистымъ листомъ почтовой бумаги.

IX.

Долго ли сидѣла такъ Александра Даниловна, она сама не замѣтила. Не замѣтила она и того, какъ перо выпало изъ ея пальцевъ на бумагу, на которой, вѣроятно, и оставило бы значительную кляксу, если бы чернила на немъ давно не высохли. Но легкій стукъ ручки пера о столъ, когда оно упало, заставилъ Пахомову вздрогнуть и раскрыть глаза.

Въ комнатѣ было уже довольно темно, еще темнѣе въ лѣсу, за оврагомъ. Это происходило и отъ надвигавшейся ночи, и отъ тучи, наползавшей съ запада надъ лѣсомъ и оврагомъ на хрустально-прозрачное весеннее небо. Пахло близкимъ дождемъ. Соловьи умолкли; дятелъ постукивалъ рѣже. Пѣсни и музыка въ школѣ за лѣсомъ также больше не доносились до Александры Даниловны.

Когда все это стихло и давно ли, она не замѣтила. Ей казалось, что все еще кто-то вблизи нея поетъ, но то не было пѣніе вблизи нея, то пѣлъ мучительно и опьяняюще въ ея душѣ дуэтъ жалости къ ея другу и жажды видѣть его. Этотъ дуэтъ до того захватилъ всю ея душу, что вдругъ, оглянувшись при стукѣ упавшаго пера, она сильно гоблѣднѣла.

)на рѣзко встала отъ стола.

[оздно,—прошептала она и, помедливъ, прибавила: — Темно. Неу обно писать.

`на точно не замѣчала и не хотѣла замѣтить лампы и спичекъ

на столѣ передъ нею. Зажечь лампу ничего не стоило, но Пахомова не зажгла ея и за письмо больше не принялась. Она сцѣпила пальцы рукъ и долго медленно ходила, слегка ломая пальцы и вытягивая руки, по комнатѣ, въ которой было уже совсѣмъ темно.

Стало свѣжо и сыро: туча, наползшая на небо съ тою незамѣтной быстротой, съ какой появляются на совершенно ясной лазури только весеннія тучи, начала ронять медленный рѣдкій дождь. И подъ каплями его все, въ лѣсу, въ саду, на лугахъ, вокругъ усадьбы, начало благоухать еще сильнѣе, дразня и пьяня. И теперь, когда вокругъ настала тишина и только слышался тихій мѣрный шелестъ дождя о вѣтки деревьевъ и стукъ его о крышу, весеннія благоуханія точно вобрали всю силу звуковъ, только что доносившихся до Александры Даниловны.

Она все ходила, все ходила взадъ и впередъ, всё вытягивала руки и слегка ломала сцѣпленные пальцы.

«Ты, по крайней мѣрѣ,—думала она,—въ твои молодые годы знала хоть чувство, подогрѣваемое иными альтруистическими ощущеніями и идеями, знала чувство состраданія къ прекрасному чаловѣку-страдальцу, жертвѣ своихъ прекрасныхъ стремленій... А эти бѣдныя... учительница и поповна... Учительница, возможно, такъ и застрянетъ старой дѣвой на двадцати рубляхъ содержанія въ этой захолустной школѣ, перенеся всю свою исчахшую въ одиночествѣ жажду и способность чувствовать на деревенскихъ ребятишекъ. А поповну своевременно выдадутъ за семинариста, которому укажетъ ее преосвященный, какъ невѣсту со священническимъ мѣстомъ въ приданое, когда ея отецъ умретъ или выбьется изъ силъ. И вотъ онѣ поютъ, поютъ, быть можетъ, смутно предчувствуя, если не предугадывая, не предвидя, свою судьбу. А развѣ ты недавно не плакала? Когда впервые здѣсь была гроза. Ты-то ужъ не имѣешь никакого права жаловаться на свою судьбу, въ сравненіи съ этими бѣдными, полунищими, полутемными дѣвушками. Пора тебѣ отдаться исключительно своей работѣ врача, судьбѣ твоей Канареечки... А вѣдь такъ впервые прозвалъ дочурку онъ, Иванъ Николаевичъ»,—неожиданно кончила свое раздумье этимъ воспоминаніемъ Александра Даниловна.

И точно въ безсиліи, точно подавленная неубѣдительностью того, что она передумала, она въ изнеможеніи опустилась къ столу и уронила голову на руки. Дождь усилился. Онъ уже перересталъ походить на весенній дождь, который небо посылаетъ землѣ какъ будто исключительно затѣмъ, чтобы еще болѣе вызвать весеннія благоуханія. Туча слегка посвѣтлѣла, но застлала все небо. И дождь уже [illegible]лъ

упорный и тоскливый, будто осенній. Даже дятелъ совершенно затихъ, вѣроятно, спрятался въ дупло.

И вдругъ въ саду застоналъ филинъ, какъ тогда, когда Пахомова слышала его здѣсь въ первый разъ, но простоналъ всего разъ, рѣзко и скорбно. Александра Даниловна сжала грудь руками и снова встала отъ стола.

— Нѣтъ, совсѣмъ больше не буду писать ему, не напишу и того, что скоро уѣду въ Петербургъ. Все равно, если я не отвѣчу, онъ не пріѣдетъ сюда... А если еще напишетъ мнѣ, коротко извѣщу, что уѣзжаю и очень занята.

И она пошла рѣшительными шагами искать Канареечку.

X.

Прошло болѣе недѣли. Весна дружно и быстро совершала свою работу. Накопившіяся отъ первыхъ достаточно знойныхъ дней испаренія земли, еще влажной отъ обильныхъ снѣговъ минувшей зимы, вызвали два-три болѣе или менѣе продолжительныхъ дождя; но потомъ снова настало ясное время, и зелень въ недѣлю буйно покрыла всѣ до сихъ поръ еще почти голыя деревья.

Свѣжая, пышная, точно какая-то махровая, листва березъ, липъ, орѣшника,—будто широкимъ кудрявымъ ярко-изумруднымъ облакомъ спустилась въ лѣса и вся сіяла на солнцѣ, особенно на фонѣ хвойной поросли, темной и строгой, какъ всегда.

Хозяйка усадьбы, гдѣ жила Пахомова, съ ранняго утра уходила въ поля, гдѣ пахали, боронили, поднимали новь, унаваживали,— сама слѣдя за весенней рабочей горячкой. Возвращалась она только къ обѣду, спѣшно ѣла и снова уходила, чтобы снова вернуться съ сумерками и, поужинавъ еще спѣшнѣе, потому что ее въ это время непобѣдимо клонилъ сонъ, удалялась въ спальню. Канареечка жила вполнѣ жизнью этой пожилой хозяйственной женщины, въ которой всѣ позывы и порывы, очевидно, уже давно сосредоточивались въ сельскихъ работахъ, въ оплодотвореніи осенью жирной взрытой матери-земли на пашняхъ.

Канареечка, въ свою очередь, такъ увлеклась этими работами, жизнью природы, въ первый разъ, какъ и ея мать, попавъ ранней весной въ деревню, что ни на шагъ не отставала отъ «тети»-хозяйки. Быстро и сильно, по-деревенски, по весеннему загорѣлая, она со смѣхомъ объявляла матери, что она теперь совсѣмъ арапка, и убѣгала за тетей жариться въ полѣ на солнцѣ цѣлыми днями. И она стала настолько крѣпнуть и поправляться, что мать прекратила от-

носительно нея всякое лѣченіе и всякій «режимъ», вполнѣ довѣривъ ее режиму сельскихъ потребностей и интересовъ, тетѣ и пекшему ее цѣлые дни солнцу

— Мама, мама, я теперь изъ одной крови дѣлаюсь... я теперь совсѣмъ кровяная!—восклицала дѣвочка, подбѣгая «на минуточку» къ Пахомовой и показывая свои красно-бурыя, опаленныя солнцемъ, хотя все еще тонкія, но уже гораздо болѣе мускулистыя руки.

Непобѣдимый сонъ вечеромъ одолѣвалъ ее еще раньше, чѣмъ «тетю»-хозяйку. Она валилась въ постель, полураздѣтая, и спала, какъ убитая, до 6 часовъ утра, когда разомъ просыпалась, уже сдѣлавъ въ этомъ отношеніи привычку; въ одно мгновеніе вскакивала, одѣвалась, выпивала кружку молока, проглатывала краюшку чернаго хлѣба и убѣгала съ «тетей» въ поле.

— Мама, мама! Отчего ты все сидишь, все сидишь дома, въ тѣни? Посмотри, какая ты блѣдная. Ты все блѣднѣе дѣлаешься!—восклицала иногда Канареечка, на что Александра Даниловна тихо и сдержанно отвѣчала:

— Другъ мой, я очень запята. Я должна просмотрѣть медицинское сочиненіе... я должна по нему приготовить къ осени публичную лекцію въ пользу женскихъ медицинскихъ курсовъ.

— Ахъ, мама, но ты совсѣмъ не поправишься. Посмотри, какіе у тебя круги подъ глазами!—возмущалась Канареечка.

Пахомова, глаза которой, дѣйствительно, сильно ввалились и стали очень большими и грустными, гладила дочь по головѣ и говорила со свойственнымъ ей спокойствіемъ:

— Не безпокойся. Поправлюсь. Но никогда, ни ради чего, не нужно пренебрегать полезной людямъ работой. Ну, бѣги къ тетѣ... Вотъ она уже идетъ въ поле.

И Канареечка, крѣпко поцѣловавъ мать, убѣгала.

Пахомова, дѣйствительно, теперь цѣлые дни въ полномъ одиночествѣ сидѣла въ своей прохладной комнатѣ надъ книгой. Она точно боялась теперь выходить на солнце, на воздухъ. Полуопустивъ даже сторы, а вечеромъ, когда неуклонно запѣвали соловьи, запирая окна, она садилась въ тѣнь и углублялась, дѣлая на поляхъ замѣтки, въ нѣмецкій томъ руководства къ психіатріи.

XI.

Александра Даниловна сидѣла за психіатріей Цигена.

Былъ уже поздній вечеръ. Лампа, недавно зажженная, освѣщала яркимъ кругомъ склоненную надъ книгой голову Пахомовой. В-

густыхъ темныхъ волосахъ, просто причесанныхъ въ одну косу, замотанную и укрѣпленную на затылкѣ роговымъ гребнемъ,—при яркомъ блескѣ лампы, чуть-чуть серебрились двѣ-три сѣдыхъ нити, особенно замѣтныя около висковъ.

Въ комнатѣ, да и вообще въ усадьбѣ, царила полная тишина: хозяйка и Канареечка уже спали, спала и прислуга, и работники. Александра Даниловна сидѣла надъ книгой неподвижно, вся углубившись въ чтеніе. Вдругъ она вздохнула и подняла голову. И взявъ своей не по-женски сильной и вѣрной рукой довольно тяжелую лампу, держа ее на уровнѣ зеркала, которое было надъ столомъ, гдѣ лежала книга, она стала при свѣтѣ лампы всматриваться въ отраженіе ея лица.

Изъ глубины зеркала, на густомъ темномъ фонѣ комнаты, смотрѣло на Пахомову это лицо,—продолговатое, съ не совсѣмъ правильными чертами, блѣдное ровной матовой блѣдностью, при густыхъ темныхъ волосахъ ея, при темномъ фонѣ комнаты,—особенно яркою подъ самой горѣлкой лампы. Хорошо сформированный лобъ, большіе вдумчивые темно-сѣрые глаза, чуть-чуть обрамленные морщинками, подъ ними еще вполнѣ свѣжія щеки и губы—и какое-то сосредоточившееся въ глазахъ и углахъ губъ возбужденіе—дѣлали это лицо почти молодымъ. Выдержкой, твердостью, здоровьемъ дышало оно, даже и при затаившемся въ немъ страданіи. Своеобразной красотой сдержанной силы, ясной мысли и пережитаго и переживаемаго горя вѣяло отъ этого лица. Губы были плотно и твердо сжаты, въ углахъ ихъ какъ будто дрожало властное напряженіе мускуловъ.

Пахомова долго и пристально смотрѣла на себя. Потомъ опустила лампу на столъ, отвернулась отъ зеркала и встала.

— Нѣтъ, этакъ я съ ума сойду. Надо освѣжиться и отвлечься,—сказала она.—Пойду, пройдусь.

Она накинула легкую накидку, взяла зонтикъ, болѣе для того, чтобы въ темнотѣ ощупывать имъ дорогу: ни солнца давно уже, ни тучъ на звѣздномъ небѣ не было. Она вышла черезъ террасу въ садъ, а изъ него черезъ боковую калитку въ поле. Она пошла по узкой полоскѣ травы вдоль межи по склону къ рѣкѣ. Она шла медленно, уронивъ голову на грудь, въ глубокой задумчивости.

«Въ самомъ дѣлѣ, до чего я дошла!—думала она,—прочитала у Цигена объ эгоцентрическомъ ограниченіи чувственной сферы въ области душевныхъ проявленій въ старости, о томъ, что интересы къ старости ограничиваются все болѣе собственными потребностями и удовольствіями; нашла эти симптомы у себя, ибо развѣ не эгоцен-

тричность чувствованій въ исключительной моей любви лишь къ *моей* дочери, а потомъ теперь здѣсь въ этой неожиданной жаждѣ счастья *себѣ самой?* И признавъ все это, прочтя далѣе у Цигена, что въ старости, при функціональныхъ психозахъ, замѣчаются слабые парезы, именно всего чаще парезы ротовой вѣтви лицевого нерва, начала искать, какъ симптома такого пареза—полупарализаціи ротовыхъ мускуловъ, у себя!... Конечно, не нашла никакихъ признаковъ. Да что я—старуха, въ самомъ дѣлѣ? 34 года возраста—старуха! И развѣ у меня какой-нибудь функціональный психозъ? Не простая нормальная жажда здороваго человѣка моего возраста? Нормальная ли? Неужели 10-лѣтняя одинокая рабочая жизнь не могла атрофировать эту жажду? Ну, что-жъ! Слѣдующее десятилѣтіе такой жизни, къ 45-ти годамъ, ужъ навѣрное атрофируетъ все это... И все будетъ прекрасно, прекрасно».

И Александра Даниловна задрожала внутреннимъ трепетомъ, почти не проявившимся во внѣшней дрожи ея сильнаго, хотя нѣсколько худощаваго, но все еще, благодаря этому, почти дѣвически стройнаго тѣла.

— Да, послѣднія, послѣднія десять лѣтъ, когда еще можно испытать жизнь во всей ея полнотѣ—и эти-то года посвящать окончательному подавленію этой личной жизни!

Она невольно остановилась, выронивъ зонтикъ, и, сцѣпивъ руки, начала ихъ тихо ломать. Звѣздная, тихая, теплая весенняя ночь пронизывала всю ее какимъ-то вѣяніемъ истомы, сладостной и мучительной. Съ рѣки, къ которой она почти подошла, поднимался легкой сѣроватой дымкой туманъ. И вдругъ на фонѣ этого тумана, передъ нею точно внезапно выросла темная человѣческая фигура.

XII.

— Александра Даниловна!

— Иванъ Николаевичъ!

Одинъ за другимъ раздались эти два восклика въ глубокой тишинѣ полей, наклономъ сходящихъ къ рѣкѣ, и въ легкой дымкѣ тумана, всплывающаго на поля съ рѣки.

И въ обоихъ восклинахъ звучала непобѣдимая радость и ...рожалъ страхъ чего-то. Это какъ будто поразило обоихъ: и Пахомову, и ея друга. Особенно какой-то леденящій испугъ охватилъ все существо Александры Даниловны въ то время, какъ она чувствовала, что ея щеки въ прохладѣ влажнаго тумана жжетъ кровь, при...нувшая къ нимъ отъ ея замирающаго до боли сердца.

— Какими судьбами?—вырвалось наконецъ изъ ея губъ послѣ долгаго безмолвнаго пожатія рукъ, которымъ какъ-то конвульсивно обмѣнялись она и Иванъ Николаевичъ.

— А ужъ пеняйте на себя!—заговорилъ онъ, не выпуская ея руки, которую она точно забыла въ его пальцахъ, заговорилъ аффектированно-оживленно, этой искусственной живостью и безпечностью маскируя невольное волненіе.—Да, сами на себя пеняйте,—продолжалъ онъ.—Послалъ я вамъ свое послѣднее письмо—и жду, жду отвѣта. А отъ васъ уже другая недѣля—ни строки. Ну, значитъ, или чѣмъ-нибудь въ моихъ посланіяхъ такъ обидѣлись, что—баста: не пишу, молъ, казнись, или больна, или, ну мало ли что? Понятно, во мнѣ все заходило отъ этихъ предположеній, и я самъ заходилъ, забралъ свои походный пледъ и сакъ, въ вагонъ, въ Тверь, въ Твери—въ гостиницу, въ номеръ; тамъ узналъ, какъ пройти въ усадьбу госпожъ Боровишиныхъ—и маршъ. Только разсказали-то мнѣ, можетъ быть, и толкомъ, да я сбился и ушелъ куда-то совсѣмъ въ сторону. Дошелъ до какой-то деревеньки. Какъ, молъ, милые, въ усадьбу Боровишиныхъ? А тамъ, ха-ха-ха! Проперъ же ты, баринъ! Дѣйствуй назадъ. Да ужъ иди ты лучше вдоль рѣки. Далеконько, да не собьешься—прямо къ усадьбѣ придешь. И пошелъ вдоль рѣки. Дѣйствительно, далеконько. А я и безъ того время потерялъ, блуждая. Небось двѣнадцатый часъ. Рѣшилъ ужъ пледъ подъ голову, да подъ кустикомъ гдѣ-нибудь до утра калачикомъ. Вотъ и сталъ подниматься отъ рѣки, искать кустикъ... А вмѣсто кустика... И счастливъ, счастливъ!

Иванъ Николаевичъ точно задохнулся, оканчивая свой разсказъ, и до боли крѣпко сжалъ руки Пахомовой. Отъ этой боли или отъ чего другого, она сильнымъ движеніемъ освободила изъ его пальцевъ кисти своихъ рукъ и въ порывистомъ волненіи, внезапно прорвавшемся изъ ея груди, воскликнула:

— Простите, что не писала. Сейчасъ же хотѣла написать. Взялась ужъ за перо. Но... впрочемъ, не въ томъ дѣло. Вы, должно быть, адски устали и проголодались... Пойдемте же.

— Голубушка!—съ прежней искусственной аффектаціей живости и веселья въ тонѣ отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ.—Не проголодался, ибо въ одной деревнѣ, куда я «проперъ», меня за 40 копеекъ накормили такимъ молокомъ, такимъ творогомъ и такимъ ароматнымъ кислымъ чернымъ хлѣбомъ, что я, какъ акула, набросился на все это, и теперь, думаю, дня три могу совсѣмъ не ѣсть. И не усталъ. Ибо, чуя, что раньше поздняго вечера все равно не доберусь до васъ, шелъ съ прохладцей, уже лелѣя мечту о ночи подъ кустикомъ. Да правду

сказать, шелъ все медленнѣе и медленнѣе, уже соображая, не повернуть ли пятки къ вамъ, а носки къ Твери, ибо въ усадьбѣ ли еще вы, не уѣхали ли... Да и если въ усадьбѣ, то...—Иванъ Николаевичъ запнулся.

— Что «то»?—глухо отозвалась Пахомова, потупляя голову.

— Мало ли что! Кстати ли приду?—тоже глуховато, точно выдавилъ изъ своихъ губъ ея другъ.

— Да вѣдь я же васъ сама звала сюда,—тихо промолвила она.

— Звала, звала! А на мой намекъ не пріѣхать ли? замолчала! Это ужъ я потомъ сообразилъ. И ругнулъ же я себя, зачѣмъ «попёръ», какъ выразились крестьяне.

Несмотря на шутливое повтореніе грубаго слова мужиковъ,—тонъ Ивана Николаевича не дышалъ шуткой.

— Я, дѣйствительно, виновата. Слѣдовало написать и подтвердить мое приглашеніе, но...

И Пахомова въ свою очередь запнулась, все ниже опуская свою на голову грудь и, точно въ растерянности и все больше возрастающемъ волненіи, окапывая у своихъ ногъ верхнимъ концомъ поднятаго ею съ земли зонта рыхлую влажную глину побережья, гдѣ они стояли.

— Но?—настойчиво протянулъ Иванъ Николаевичъ.

Она молчала, слегка покачивая зонтъ, крѣпко вдавленный ею теперь въ почву.

XIII.

— Я вижу, у васъ съ собой пледъ. Разстелите его здѣсь у рѣки. Сядемъ и поговоримъ,—сказала она, наконецъ, тихо и рѣшительно.

Онъ молча исполнилъ это. Оба опустились на пледъ въ полной тишинѣ наступившей ночи. Отдаленное отъ этого мѣста пѣніе соловьевъ на другомъ берегу, за лугами, какъ будто еще усиливало тишину своими ласкающими методически-слабыми переливами. Рѣка текла почти у самыхъ ногъ Пахомовой—не слышно. Недвижно теплились звѣзды на небѣ и отражались въ рѣкѣ, съ которой туманъ постепенно исчезалъ. Довольно долго оба молчали. Иванъ Николаевичъ снялъ съ головы соломенную шляпу. Онъ почувствовалъ, какъ пріятно охлаждается его лобъ, между тѣмъ какъ губы пересыхають, отчего—онъ самъ не зналъ.

— Дорогой мой,—вдругъ начала Пахомова, опустивъ руку на его руку, лежавшую на пледѣ.—Я боюсь, я написала столько глупостей въ моихъ неожиданныхъ и совсѣмъ ненужныхъ письмахъ

къ вамъ, что надо же было ихъ прекратить. И дѣйствительно, послѣ этихъ писемъ, которыя, боюсь, и вы нѣсколько утрированно поняли и комментировали въ отвѣтахъ мнѣ, не слѣдовало ли намъ лучше встрѣтиться не здѣсь, а въ Петербургѣ, въ моей нормальной обстановкѣ и рабочей колеѣ?

Пахомова произнесла эти слова твердо, хотя медленно и тихо, и кончила ихъ совсѣмъ едва слышно. И хотѣла отвести руку отъ руки друга. Но онъ стиснулъ эту руку и не отпустилъ.

— Въ колеѣ возовой лошади, старухи-докторухи, а не женщины, не женщины? въ обстановкѣ пріемной для больныхъ, а не среди этой дивной майской ночи?!—быстро и горько подхватилъ онъ.

По трепету ея руки, на пальцахъ которой лежала его ладонь, онъ почувствовалъ, что Александра Даниловна вся дрогнула и какъ-то сжалась. И вдругъ эта рука еще болѣе затрепетала. Пахомова взглянула, приблизивъ свое лицо къ самому лицу Ивана Николаевича, въ его глаза и прошептала:

— Да, да!

Какимъ-то горькимъ глубокимъ вздохомъ вырвались эти два звука изъ ея разомъ поднявшейся и опустившейся груди. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное для нея до такой степени, что ея ощущенія стали похожи на то ощущеніе, которое она, вѣроятно, испытала бы, чувствуя безъ всякой подготовки, внезапно, что она умираетъ.

Какъ она очутилась въ объятіяхъ Ивана Николаевича, какъ ея руки легли на его плечи, и ея губы цѣлое долгое, долгое мгновеніе въ какомъ-то сладостномъ безсиліи медлили подъ его губами, чувствуя прикосновеніе его усовъ,—она сама этого не могла понять. Онъ ли внезапно привлекъ ее на свою грудь, она ли внезапно поддалась своему движенію, точно испытала вдругъ параличъ воли, разума, мускуловъ.

Но она не умерла. Сердце ея сильно билось подъ ея деревенскимъ платьемъ—полублузой. Ей казалось, что соловьи поютъ громко, громко совсѣмъ около нихъ, а не за рѣкой, не за лугами. Ей казалось, что звѣзды такъ стали ярки и близки къ нимъ, точно готовы были дивной діадемой опуститься къ ней на голову. Ей казалось, что тихія, тихія струи рѣки, въ которыхъ дрожали тѣ же звѣзды, тоже пѣли, пѣли сладостно, какъ-то вмѣстѣ и будя, и убаюкивая.

И по мѣрѣ того, какъ все это ей казалось, по мѣрѣ того, какъ она все болѣе отъ всего этого утопала въ томъ восторгѣ, какой, вѣроятно, знакомъ соловьямъ во время ихъ упоенія пѣніемъ, что-то возмутительно невыносимое вставало въ ея груди. И сильнымъ движеніемъ всего ея стройнаго худощаваго, но мускулистаго тѣла здоро-

вой женщины въ полномъ расцвѣтѣ, вырвалась она изъ рукъ Ивана Николаевича и воскликнула:

— Съ ума мы, что ли, сошли!

— Нѣтъ, дорогая,—тихо, тихо коснулся ея уха чей-то шепотъ. Недаромъ вы сказали «мы»—мы оба, не только я. Простите. Я не могъ. Какъ только вы заглянули въ мои глаза... Не сердитесь, это, въ сущности, означаетъ только одно: намъ давно пора встрѣтиться такой майской ночью, мнѣ давно пора почувствовать въ васъ женщину.

— Да?—быстро оправляя свои волосы, кинула эти слова Пахомова,—женщину, счастливую наслѣдницу всѣхъ этихъ венеціанокъ-натурщицъ, казачекъ—Аришъ, и всѣхъ этихъ... съ глазами ангеловъ и Мадоннъ Рафаэля, всѣхъ этихъ Цецилій?!

Она вся трепетала внезапнымъ бурнымъ негодованіемъ. Для нея точно сразу потухли всѣ звѣзды, умолкли всѣ соловьи. Она ничего не видѣла: туманъ стыда и гнѣва застилалъ ея глаза, въ то время, какъ послѣдніе клочки дымки тумана таяли вокругъ, и дивная майская ночь возникала во всей чистотѣ, во всей ясности, во всей прелести.

XIV.

Иванъ Николаевичъ далъ договорить Пахомовой. Потомъ, заглянувъ въ ея расширившіеся, теперь полные огня зрачки, видя, несмотря на полумглу свѣтлой ночи, весь ихъ блескъ, онъ снова овладѣлъ ея обѣими руками и, сжавъ ихъ сильно и властно, заговорилъ тихо и какъ-то подавленно:

— Дорогая! Зачѣмъ такъ? Выслушайте меня. Какой же стыдъ вамъ послѣ этихъ бѣдныхъ, жалкихъ созданій дать лучшее въ любви, чего онѣ дать не въ силахъ? Цецилія? Жаль и ее, если—какъ кажется, и будетъ,—ея судьбой по гробъ жизни станетъ «краса адвокатуры» или нѣчто въ этомъ родѣ, если охотникъ пожиранія живьемъ безотвѣтныхъ птицъ въ лицѣ ея найдетъ птичку кроткую и покорную и проглотитъ ее всю, все ея птичье существо со всею ея идиллической чистотой Доротеи и набожною слѣпотой Цециліи. И противъ нея я грѣшенъ. Но иначе, чѣмъ противъ Розинъ и Аришъ. Тѣхъ я покинулъ физически. Эту я покидаю душой, душу ея покидаю, ибо, въ пору тоски по душевной чистотѣ и невинности, идеализировалъ эту невинность. Видѣлъ всю благодать счастія въ ней, забывъ, что невинность и слѣпота,—ограниченность кругозора и опыта—не всегда отсутствіе пошлаго и дурного, а порой только сонъ его. Да только

сонъ, до поры до времени, въ глубинѣ души еще не проснувшихся инстинктовъ звѣрка, выдрессированнаго буржуазнымъ благополучіемъ да непобѣдимой привычкой закрывать глаза на все, что не приличная декорація жадности и внѣшней пристойности. Я не виню Цецилій за ихъ слѣпоту, Доротей за ихъ деревянную выправку благопристойности. Не виню и за то, что онѣ не могутъ дать мнѣ того, что мнѣ нужно. Не могутъ, какъ и Розины, и Ариши, только иначе. Тѣ, отдавая все, что могутъ, эти сберегая все, что могутъ, отъ риска съ такимъ человѣкомъ, какъ я. Онѣ правы. Онѣ по своему цѣльны. Этимъ на время и ослѣпляютъ того, кто жаждетъ цѣльности среди своей разбитой жизни, своей разбитой душой. И чего же стыдиться, что вы являетесь послѣ нихъ и, когда раскрываете всѣ сокровища вашей тоже разбитой души, среди вашей тоже далеко не цѣльной жизни; къ этимъ сокровищамъ прибѣгаетъ бѣднякъ, узнавшій, наконецъ, что такое истинное сокровище? Чего тутъ стыдиться? На что гнѣваться?

Иванъ Николаевичъ говорилъ горячо, съ тѣмъ приливомъ краснорѣчія, какой изрѣдка охватывалъ его въ минуты подъема всего его существа.

— Но какое сокровище? Старая баба, которой пора забыть...— начала дрожащимъ голосомъ Пахомова.

— Что забыть? Счастіе единенія съ человѣкомъ, въ которомъ зарождается почти второе наше «я?» Никогда не слѣдуетъ забывать этого. Всегда нужно искать и брать это у жизни... Лучше сто разъ ошибиться въ этихъ поискахъ, чѣмъ загноить себя въ отреченіи дервиша. Да, да, да. Человѣкъ долженъ найти это счастіе, только тогда онъ полнозвучный, отрадный и себѣ и другимъ, инструментъ жизни, не надтреснутая безструнная скрипка... И если онъ не сразу разглядитъ это счастіе, если ему надо почувствовать, что и въ немъ ищутъ счастія, если... ну словомъ... Простите, дорогая... И я былъ слѣпъ, и я...

— Ахъ! все это очень краснорѣчиво!—точно стономъ вырвалось у Пахомовой,—но я не могу устраивать опытовъ чужого и моего счастія... Не могу отдавать на время того, что отдавали вамъ Розины и Ариши, не могу позволять тѣшить меня и себя идеализаціей, рядить меня въ какія-то нимфы Эгеріи никакому самому мудрѣйшему Нумѣ Помпилію. Я слишкомъ уважаю себя. Да и у меня есть дочь. Какъ бы свободно я ни смотрѣла на что угодно, у меня есть дочь, и, ради нея, я не могу допустить никакихъ опытовъ надъ ея матерью... Понимаете, понимаете вы?

— Александра Даниловна! Душа души моей! И вы могли поду-

мать?!—воскликнулъ Иванъ Николаевичъ.—Да развѣ къ такимъ женщинамъ за опытами приходятъ?... Слушайте. Нѣсколько дней назадъ, утвержденъ мой разводъ, и мнѣ дано право жениться. Жена сдержала свое слово. Я первый понуждался въ разводѣ и она выполнила наше условіе: тотъ, кому первому нужна будетъ свобода, тому ее и дастъ другой. Притомъ она пишетъ мнѣ, что никогда не свяжетъ себя второй разъ трудно-расторжимо съ мужчиной... Удивляется даже, какъ я рѣшаюсь.

— Рѣшаетесь? Дѣйствительно, рѣшаетесь? И я удивляюсь,— почти беззвучно слетѣло съ губъ Пахомовой.

— Удивляетесь? И только. Не понимаете, и не хотите понять?— настойчиво задалъ эти вопросы Иванъ Николаевичъ, и его голосъ какъ будто также сразу потерялъ всю свою звучность.

Она молчала.

— Александра Даниловна! Простите. И прощайте,—вдругъ сказалъ онъ голосомъ больного горловою чахоткой (такъ показалось Пахомовой),—и онъ всталъ съ пледа.

Звукъ его голоса больно ужалилъ ее. Она также встала.

— Прощайте. Такъ дѣйствительно лучше,—готово было сорваться и съ ея губъ. Но вмѣсто того, она вдругъ подошла къ нему, и глаза ея остановились на его глазахъ. И когда въ полутьмѣ майской ночи два взгляда встрѣтились, ушли одинъ въ глубь другого, руки Александры Даниловны снова поднялись и опустились на плечи ея друга.

Она точно снова умерла. И снова соловьи запѣли мощный ликующій гимнъ счастія, и звѣзды засіяли ярко, ярко, будто опускаясь діадемой невѣсты на ея голову, склоненную на грудь ея друга.

Вокругъ становилось свѣтлѣе, свѣтлѣе. То было не отъ звѣздъ. То уже сіялъ ранній майскій разсвѣтъ. Соловьи стихли. Допѣвалъ свою пѣсню только одинъ въ какомъ-то самозабвеніи отъ благоуханій, поднявшихся отовсюду изъ-подъ слезъ утренней обильной росы.

XV.

Былъ уже шестой часъ утра, и солнце стояло высоко, когда А[illegible]ксандра Даниловна и Иванъ Николаевичъ медленно, блѣдные, съ г[illegible]рящими глазами, но, повидимому, чуждые всякой усталости, подх[illegible]дили со стороны рѣки, черезъ садъ, къ господскому дому усадьб[illegible].

«Беземельный» несъ свой пледъ и зонтикъ Пахомовой въ од[illegible]й рукѣ. Она опиралась на другую его руку, полузакрывъ свои б[illegible]-

шіе глаза. Она какъ будто за одну ночь похудѣла и помолодѣла. Онъ былъ все тотъ же крѣпкій, коренастый, съ разсѣяннымъ взглядомъ вдумчивыхъ глазъ. Они шли молча. Они, очевидно, уже о многомъ и много наговорились. Вдругъ Пахомова сказала:

— Знаешь, ты будешь хорошимъ коррективомъ мнѣ. Твои художническія широкость и безпечность будутъ достаточнымъ противовѣсомъ моихъ умѣренности и аккуратности, въ которыхъ я себѣ дала волю, въ самомъ дѣлѣ, непозволительно обуржуазиваться.

— А ты мнѣ?—воскликнулъ онъ.—Съ твоей душой и головой, такъ понявшими Осипа, твоего покойнаго мужа, какой ты будешь чудный коррективъ моей излишне художнической склонности только къ наслажденію прекраснымъ! О! объ руку съ тобой я буду писать и глубокое, и доброе. Я чувствую... Не только трогательныхъ Цецилій или плѣнительныхъ Розинъ...

— Ну, это мы еще посмотримъ, кого и что вы будете писать объ руку съ вашей старухой-докторухой,—засмѣялась Пахомова.— Ахъ, поскорѣе бы кончила гимназію и курсы, какіе она захочетъ, Канареечка. Чуть кончитъ, мы съ нею въ провинцію—я въ земскіе врачи, она во что, въ кого хочетъ, только «въ глубь», въ захолустье, на черную работу. А вы, сеньоръ, какъ вамъ угодно.

И она снова засмѣялась, и смѣхъ ея звучалъ живымъ молодымъ переливомъ.

— Понятно, куда угодно. Свободу-то ты мнѣ въ приданое принесешь, это я знаю... Только баста! растрачивать ее не стану, какъ я усердствовалъ доселѣ... Не боитесь вы, сеньора, что совсѣмъ прилипну къ вамъ и Канареечкѣ?

— Мы-то съ Канареечкой сумѣемъ сохранить увѣренность въ своей свободѣ и знать, что—кто бы къ намъ ни прилипъ—стряхнемъ всегда, если найдемъ нужнымъ... Да, голубчикъ, а что же: незаживающая рана заживетъ?...—вдругъ перемѣнила Пахомова весело поддразнивающій тонъ на иной, мягкій и грустно участливый.

— Это, собственно, слѣдуетъ знать тебѣ, какъ врачу... Да если и не совсѣмъ заживетъ, ты, какъ врачъ, сумѣешь сдѣлать хорошую постоянную перевязку, чтобы эта рана, какъ прежде, не слишкомъ безпокоила. Правда, Саша?

— Можетъ быть, Ваня. А ты, какъ художникъ, раскрасишь эту повязку во всѣ цвѣта радуги и будетъ она точно не повязка, а бантъ для украшенія. А?—Пахомова лукаво посмотрѣла на друга.

— Злая!—воскликнулъ Иванъ Николаевичъ и хотѣлъ уже привлечь ее къ себѣ, читая въ ея глазахъ безконечную жажду ласки и счастія, хотя бы какъ украшенія жизни.

Но въ этотъ мигъ они подошли къ террасѣ, черезъ которую былъ ходъ въ домъ. Дверь террасы внезапно отворилась, и въ ней показалась Канареечка и вдова-хозяйка, Боровишина. Было обычное время ихъ отправленія въ поле. Александра Даниловна и Иванъ Николаевичъ точно застыли передъ ними, облитые яркими лучами утренняго солнца.

— Мама! Иванъ Николаевичъ!—воскликнула Канареечка.—А мы-то съ тетей испугались. Тебя всю ночь не было. И постель не смята. Ты всю ночь гуляла? Ты ходила встрѣчать Ивана Николаевича? Онъ пріѣхалъ къ намъ? Какой вы славный, Иванъ Николаевичъ, что пріѣхали,—щебетала Канареечка, въ полномъ восторгѣ отъ того, что не только мама отыскалась, но и старый другъ появился.

— Постой, дѣтка,—почти строго и рѣшительно остановила ее мать.—Ты не помнишь своего папу. Ты была слишкомъ мала, когда онъ умеръ. Онъ былъ чудный человѣкъ... Но, если бы у тебя появился новый папа?—задрожалъ голосъ Пахомовой.

— Иванъ Николаевичъ? Ты за него выходишь замужъ? Какъ кузина Ната, когда у нея померъ первый мужъ? Онъ будетъ всегда съ нами? Онъ будетъ мой папа?—широко раскрывъ глаза, радостно кричала Канареечка.

Потомъ вдругъ стихла и, протягивая матери руку, сказала серьезно и медленно:

— Хорошо, мама. Я рада, Иванъ Николаевичъ...

И точно застыдилась, вся вспыхнула. А позади нея стояла пожилая вдова, хозяйка усадьбы, Боровишина, и на глаза ея выступили невольныя неумѣстныя слезы, слезы о себѣ, или слезы счастія чужимъ счастіемъ.

Черезъ годъ въ Петербургѣ на выставкѣ появилась картина: *У входа въ катакомбы*. Пожилой римлянинъ стоитъ передъ этимъ входомъ. Слѣпая простодушная, слегка грустная дѣвушка, съ дѣтскимъ лицомъ, освѣщаетъ свѣтильникомъ этотъ входъ. Зрѣлая женщина, съ умнымъ, серьезнымъ, вдумчивымъ лицомъ, сдержаннымъ жестомъ красивой блѣдной руки указываетъ римлянину на этотъ входъ. Римлянинъ, внимательно смотря въ глаза этой женщины, дѣлаетъ шагъ къ этому входу. Слѣпая свѣтитъ факеломъ, не видя ничего, чистая и примитивная въ ея чистотѣ и слѣпотѣ.

Картина имѣла большой успѣхъ.

Почти одновременно съ выставкой ея совершилась свадьба автора этой картины съ извѣстной женщиной-врачомъ, читавшей т[illegible] съ

успѣхомъ не задолго до того рядъ публичныхъ лекцій «О гигіенѣ духовной жизни женщины». Въ церкви во время вѣнчанія собралось много званой и незваной публики.

— Итакъ, дожили мы: живопись и медицина соединяются,— сострилъ одинъ изъ присутствующихъ. Bonne chance! Искусству и наукѣ вообще пора сливаться.

И онъ разсмѣялся, точно сказалъ нѣчто крайне ироническое. На него оглянулась Канареечка. Она стояла въ церкви вблизи матери. Она посмотрѣла на шутника большими строгими вопрошающими глазами.

В. Михеевъ.

НОВЕЛЛЫ ЯКОБСОНА.

Іенсъ Петеръ Якобсонъ былъ не только величайшимъ писателемъ Даніи второй половины прошлаго столѣтія, но и однимъ изъ оригинальнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ писателей вообще всей Европы. Онъ не долго жилъ и не много писалъ, но въ его книгахъ нѣтъ ни одной строки, которая не указывала бы на большой и красивый талантъ. Безъ устали и сознательно работая надъ нимъ, постоянно отыскивая новые пути для искусства, испытывая эти пути, онъ достигъ того, что умѣлъ съ пластической рельефностью воплощать таившіяся въ глубинѣ его души грезы, воплощать все, что было у него общаго съ другими датчанами, и то, въ чемъ онъ опередилъ своихъ современниковъ—національныя черты и индивидуальныя; при этомъ онъ обнаруживалъ почти дикую смѣлость контуровъ и въ то же время такую нѣжность и тонкость исполненія, что его можно назвать оригинальнѣйшимъ и геніальнѣйшимъ писателемъ своего времени.

Нельзя достаточно подчеркнуть значеніе Якобсона, какъ художника для Даніи. Тѣ, что работали съ нимъ одновременно, и тѣ, что появились послѣ него,—всѣ испытали на себѣ его вліяніе. Послѣ него на его родинѣ пишутъ, думаютъ, судятъ и даже чувствуютъ иначе. Благодаря ему, душа его соотечественниковъ какъ бы утончилась; но правда и то, что онъ же вызвалъ на свѣтъ Божій массу нелѣпостей, такъ какъ въ людяхъ еще сохранилось до странности много свойствъ обезьянъ. Почти вся молодая школа писателей Скандинавіи, Олэ Гансонъ, Перъ Халстромъ, Морнеръ, Крагъ, Нансенъ, даже и Георгъ Брандесъ, Арно Гарборгъ, частью обязаны ему своимъ умственнымъ развитіемъ.

Спрашивается, что же новаго и геніальнаго внесъ Якобсонъ въ свое творчество?

Двѣ вещи: утонченную психологію и оригинальный стиль; въ этихъ двухъ отношеніяхъ онъ прямо изумителенъ. Въ его произведеніяхъ встрѣчаются лица до такой степени дышащія жизнью, что поневолѣ задаешься вопросомъ, какъ могъ писатель изобрѣсти ихъ? И при этомъ они до того своеобразны, что спрашиваешь себя, гдѣ это онъ ихъ откопалъ? Онъ на-

дитъ такія душевныя черточки, которыя прямо поражаютъ, и умѣетъ объединить ихъ въ типы, мимо которыхъ мы иначе прошли бы, не замѣчая ихъ. Онъ проникаетъ въ такія глубины человѣческой природы, которыя обнаруживаются очень рѣдко, но при этомъ отмѣчаетъ и еле замѣтныя измѣненія на поверхности нашего существа. Ему одинаково понятна и психологическая подкладка внѣшнихъ проявленій духа, какъ и казуистика человѣческаго самосознанія; всякое чувство разлагается имъ на его составныя части, а неразрѣшимая путаница ощущеній передается въ формѣ настроенія. Но при этомъ онъ часто бываетъ черезчуръ ужъ тонкимъ и изъ боязни нѣсколькими излишне-опредѣленными чертами упростить богатство и разнообразіе природы, слишкомъ стушевываетъ какое-нибудь лицо. Онъ не желаетъ упрощать, не хочетъ, чтобы его характеры казались какъ бы высѣченными изъ одного куска. Онъ даетъ читателямъ исторію послѣдовательнаго развитія человѣческой души, не боясь, что они могутъ найти ее безсвязной. Вѣдь въ дѣйствительности въ каждомъ человѣкѣ можно найти три-четыре черты характера, которыя какъ бы противорѣчатъ другъ другу.

Вообще онъ вовсе не за то, чтобы писатель добросовѣстно и старательно пропускалъ черезъ всѣ стадіи и фазы развитія какого-нибудь лица не только канатъ, а даже красную нить. «Писатели склонны писать для идіотовъ, а между тѣмъ вѣдь и среди читателей найдутся такія же умныя головы, какъ и между литераторами,—говоритъ онъ.—Если давать имъ нѣчто, что стоило бы осмыслить, они обязательно поймутъ васъ». Требованія, предъявляемыя Якобсономъ къ фантазіи, чуткости и интеллигентности своихъ читателей, вовсе не малыя.

Онъ любитъ натуры сложныя. Нѣкоторые фазисы душевныхъ процессовъ онъ оттѣняетъ до мельчайшихъ подробностей, зато другіе вовсе не освѣщаетъ. Во власти Якобсона находятся всѣ способы характеристики: онъ умѣетъ самымъ точнымъ образомъ анализировать чувство и мысли, но умѣетъ также передавать и неуловимѣйшіе оттѣнки настроенія, однимъ словомъ охарактеризовать человѣка или нѣсколькими штрихами обрисовать положеніе.

Но въ общемъ методъ Якобсона—методъ всѣхъ великихъ психологовъ; онъ чаще описываетъ, нежели характеризуетъ; разумѣется, исключая тѣхъ моментовъ, когда его захватываетъ драматизмъ положенія. Разсказчикомъ въ полномъ значеніи этого слова, его тоже назвать нельзя: происшествія сами по себѣ его мало интересуютъ. Онъ иногда пропускаетъ цѣлыя эпохи и пополняетъ пробѣлы нѣсколькими словами. Поэтому его композиціи страдаютъ нѣкоторою отрывочностью и большею частью не болѣе, какъ рядъ нанизанныхъ другъ на друга сценъ; для него имѣетъ значеніе лишь внутренняя композиція, т.-е. развитіе его темы, а темы у него большею частью психологическія по мысли и лирическія, съ немногими драматическими моментами, по формѣ. «Тенденціи» онъ сознательно избѣгаетъ, а «реальное» отпугиваетъ его утонченное чувство.

Вторая великая заслуга Якобсона состоитъ въ томъ, что онъ выработалъ для себя ту форму, которая наиболѣе подходила къ его творчеству. Сначала собственный слогъ, а потомъ и собственный стиль. Въ 60-хъ годахъ въ Даніи даже у лучшихъ поэтовъ замѣчается большая бѣдность языка, въ немъ мало картинности, мало красочности, гибкости; къ тому же онъ преисполненъ германизмовъ. Якобсонъ очень рано убѣдился въ этомъ. То, что онъ имѣлъ сказать, нельзя было выразить подобнымъ языкомъ; и вотъ онъ принимается за изученіе словарей, нарѣчій, отшлифовывать и сглаживать разныя слова, пока они не становятся послушными орудіями въ его рукахъ, пока не начинаютъ точно выражать то, что ему хочется. Онъ отбросилъ всѣ избитые обороты, изобрѣлъ новыя сопоставленія существительныхъ съ прилагательными, по новому комбинировалъ слова и добился того, что у него они дѣйствовали на фантазію, какъ картины. Правда, при этомъ онъ часто впадалъ въ нѣкоторую изысканность и дѣланность, и, вѣроятно, самъ понималъ это. Но онъ предпочиталъ искусственное нехудожественному и капризно-индивидуальное— обыденному и банальному.

Личное, индивидуальное! Вотъ чего неустанно добивается Якобсонъ— выработать свой индивидуальный стиль, который бы вполнѣ выражалъ его самого и все, что таилось въ немъ. Все, даже его капризы! даже они для него были гораздо дороже, нежели грамматики и синтаксисы всего міра! Нерѣдко Якобсонъ употреблялъ такія построенія фразъ, которыя нигдѣ не приняты и созданы скорѣе для воспріятія ухомъ, нежели для логическаго пониманія умомъ: переполненныя плеоназмами, страдающія чрезмѣрнымъ обиліемъ союзовъ. Впослѣдствіи онъ самъ же нерѣдко измѣняетъ, или вовсе отбрасываетъ эту форму, почему? Можетъ быть изъ-за ритма, изъ-за акцента. Чтобы внушить что-либо, или просто, чтобы не быть, «какъ всѣ». Прежде всего не быть такимъ, какъ всѣ! Не слѣдовать шаблону, а изобрѣсти собственныя, внутреннія правила. Правда, при этомъ часто получается произволъ, а не правило, опасная игра, опытъ, какъ, наприм., во многихъ изъ его стихотвореній. Но такъ какъ онъ никогда не смотритъ на свое искусство, какъ на нѣчто законченное, то и стремится дать въ каждомъ новомъ произведеніи нѣчто лучшее, наилучшее для даннаго момента—и его стиль имѣетъ свою исторію развитія.

Въ «Могенсъ» и «Маріи Грубе» онъ стремится къ новизнѣ и пластичности выраженія, къ красочности, богатству и разнообразію ритма. Въ Нильсѣ кромѣ тѣхъ же попытокъ, мы находимъ еще увлеченіе игрой звуковъ, въ немъ замѣчается уже нѣкоторая изысканность въ построеніи фразъ, сознательная отдѣлка ихъ, даже нѣкоторая искусственность слога, доведенная до границъ дозволеннаго. Съ 1879 г. начинается новая эпоха для его стиля—онъ ищетъ мрачныхъ красокъ, огня, или спокойнаго величія и благородства выраженій; къ этому періоду относятся: «Госпожа Фёнсъ», «Чума въ Бергамо» и «Два міра».

I. Госпожа Фёнсъ.

Въ красивомъ паркѣ, растянувшемся за стариннымъ папскимъ дворцомъ въ Авиньонѣ, есть скамья, съ которой открывается видъ на Рону, покрытыя цвѣтами берега Дюрансы, на холмы, луга и часть города.

Однажды въ октябрѣ, въ послѣобѣденное время, на этой скамьѣ сидѣли двѣ датчанки—вдова, госпожа Фёнсъ, и ея дочь Эллиноръ.

Хотя онѣ уже нѣсколько дней находились въ городѣ и хорошо ознакомились съ разстилающимся передъ ними видомъ, но все еще не могли отдѣлаться отъ удивленія, что Провансъ именно таковъ.

Неужели передъ ними, въ самомъ дѣлѣ, Провансъ! Глинистая рѣка съ песчаными отмелями, покрытыми тиной, безконечные берега, усѣянные сѣроватымъ гравіемъ, дальше блѣдно-коричневые луга безъ единой травинки, блѣдно-коричневые скаты холмовъ и бѣлыя отъ пыли дороги, а кое-гдѣ возлѣ бѣлыхъ домовъ группы черныхъ деревьевъ; да, совершенно черныхъ деревьевъ и кустовъ. И надъ всѣмъ этимъ бѣлесоватое, дрожащее отъ свѣта небо; и отъ него все казалось еще блѣднѣе, еще суше, еще болѣе утомительно-свѣтлымъ... и нигдѣ ни малѣйшаго намека на насыщенные тона—вездѣ исключительно голодныя, пропитанныя солнцемъ краски; въ воздухѣ—ни звука: ни лязга косы, срѣзающей траву, ни единаго экипажа, который бы прогремѣлъ по дорогѣ... И даже городъ, растянувшійся по обѣ стороны, съ улицами, объятыми полуденнымъ молчаніемъ, со всѣми своими глухо-нѣмыми домами съ задернутыми сторами, спущенными жалузи,—спущенными каждое въ отдѣльности,—казался воздвигнутымъ изъ тишины... а эти дома, эти дома, что не видѣли и не слышали!

У госпожи Фёнсъ это безжизненное однообразіе вызывало лишь покорную улыбку; но, очевидно, Эллиноръ оно дѣйствовало на нервы: она не раздражалась и не сердилась, а впала въ какое-то жалобно-подавленное настроеніе, какъ это бываетъ съ людьми, когда надолго-долго зарядитъ мелкій дождь, и на ихъ душу, въ тактъ его каплямъ, одна за другою падаютъ безотрадныя мысли; или когда человѣкъ сидитъ и прислушивается къ идіотски утѣшительному тиканью часовъ и чувствуетъ, что самъ себѣ смертельно надоѣлъ... или еще когда мы разглядываемъ цвѣты на обояхъ и наши отжившія мечты безконечной гирляндой, помимо нашей воли, обвиваются вокругъ нашего мозга, извиваются, рвутся на куски, вновь связываются и вновь рвутся... и такъ съ мертвящимъ однообразіемъ безъ конца... Видъ Провансъ дѣйствовалъ на Эллиноръ прямо физически и доводилъ ее

до какого-то обморочнаго состоянія; сегодня, особенно, все точно сговорилось напоминать ей объ ея разбитыхъ надеждахъ, напоминать чудно-прекрасныя мечты,—мечты, казавшіяся теперь болѣзненно-противными, заставлявшими ее краснѣть, но забыть которыя она не была въ состояніи. И что же у нихъ-то было общаго съ этой мѣстностью? Ударъ ей былъ нанесенъ далеко отсюда, въ родной обстановкѣ, на берегу богатаго красками моря, тамъ, гдѣ растутъ свѣтло-зеленые буки... и всетаки каждый блѣдно-коричневый холмъ точно говорилъ о немъ, а каждый домъ со спущенными зелеными жалузи о томъ же молчалъ.

Съ нею приключилось старое горе молодыхъ сердецъ: она любила человѣка и вѣрила въ его взаимность, а онъ неожиданно избралъ другую, зачѣмъ, почему? что она ему сдѣлала? въ какомъ отношеніи она измѣнилась, развѣ она не прежняя? Она снова и снова задавала себѣ эти вѣчные вопросы. Матери она не проронила ни слова, но та давно уже обо всемъ, до мельчайшихъ подробностей, догадалась и окружила ее массой заботъ; и эта заботливость, отъ которой все слѣдовало бы скрыть и которая обо всемъ догадывалась, порою чуть не вызывала у Эллиноръ вопля... а мать и объ этомъ догадалась, и они поѣхали путешествовать.

Вся поѣздка была затѣяна, чтобы *она* забыла. Для госпожи Фёнсъ вовсе не нужно было смущать дочери, заглядывая ей въ лицо, чтобы точно отгадать, въ какомъ она находится состояніи; стоило ей бросить хоть одинъ взглядъ на маленькую, нервную ручку, безсильно и отчаянно опустившуюся рядомъ съ нею на сидѣнье скамьи и ежеминутно мѣнявшую положеніе, точно больной, мечущійся въ бреду на кровати,—достаточно было лишь этого, лишь взгляда на руку, чтобы знать, какъ устало, не мигая, уставились молодые глаза въ одну точку, знать, что каждая черта молодого личика дрожитъ отъ страданія, до чего оно блѣдно отъ муки и какъ болѣзненно синѣютъ подъ тонкой кожей жилки на вискахъ.

Ей было жаль своей дѣвочки; она была бы счастлива, еслибъ та склонилась ей на грудь головой и она могла бы нашептывать ей всѣ слова утѣшенія, что взбредутъ на умъ; но она вѣрила, что есть страданія, которыя должно переживать въ тайнѣ и не слѣдуетъ высказывать словами, даже матери, чтобы когда-нибудь при новыхъ обстоятельствахъ, когда все готово будетъ претворится въ ликованіе и счастіе, они, эти слова, не стали преградой, чѣмъ-то, что давитъ и лишаетъ свободы... потому что сказавшему будетъ казаться, что другой мысленно повторяетъ ихъ, мысленно взвѣшиваетъ и разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ.

И еще потому, что мать боялась повредить дочери, излишне облегчая откровенность; она не хотѣла, чтобы Эллиноръ пришлось потомъ краснѣть за себя, не хотѣла помочь ей преодолѣть въ себѣ чувство униженія при мысли обнажить самые тайные уголки своей души передъ другимъ и не хотѣла, несмотря на то, что это облегчило бы ее; наоборотъ, какъ ни было тяжело имъ обѣимъ, но она радовалась, что видитъ въ молоденькой дочери то же душевное благородство, выражавшееся въ нѣкоторой сдержанности, которымъ обладала сама.

Когда-то, это было тому назадъ много-много лѣтъ, ей только что минуло восемнадцать,—она тоже любила всѣми силами своей души, всѣми помыслами, всѣми надеждами, каждымъ дыханіемъ; но ихъ союзу, ихъ счастію не было суждено сбыться, это оказалось невозможнымъ: онъ могъ только предложить ей испытать его вѣрность, согласившись считаться его невѣстой и ждать въ продолженіе безконечнаго ряда лѣтъ... между тѣмъ у нихъ дома обстоятельства такъ сложились, что ждать было невозможно; и она вышла за человѣка, котораго ей предложили, человѣка, бывшаго господиномъ обстоятельствъ... Они поженились. Потомъ пошли дѣти: сынъ Таге, теперь тоже находившійся въ Авиньонѣ, и дочь, что сидѣла рядомъ съ нею. Наступила лучшая жизнь, лучше, чѣмъ она могла ждать — легче, свѣтлѣе. Прошло еще восемь лѣтъ, и мужъ умеръ; она искренно оплакивала его, потому что выработала въ себѣ хорошее отношеніе къ нему. Этотъ худой, безкровный человѣкъ любилъ съ преувеличенной, эгоистической нѣжностью, почти болѣзненно, все, что было съ нимъ связано семейными и родовыми узами; но, кромѣ мнѣнія свѣта, во всемъ мірѣ не было ничего что бы интересовало его, только то, что тотъ думаетъ, больше ничего.

Послѣ смерти мужа она стала жить для дѣтей; но не заперлась съ ними, а принимала участіе въ жизнѣ общества, что было вполнѣ естественно со стороны такой молодой и богатой вдовы; теперь же ея сыну уже минуло двадцать одинъ годъ, а ей самой немногаго не хватало до сорока. Но она все еще была хороша—въ тяжелыхъ, темно-бѣлокурыхъ волосахъ не виднѣлось ни единаго сѣдого волоса, вокругъ большихъ, открытыхъ глазъ ни единой морщинки; фигура осталась стройной, несмотря на полноту; тонкія черты лица дышали силой и еще болѣе выигрывали отъ темнаго, красочнаго цвѣта кожи— подарка прожитыхъ лѣтъ. Въ улыбкѣ глубоко лежащихъ губъ сквозила доброта, въ мягкомъ, влажномъ блескѣ карихъ глазъ искрилась многообѣщающая молодость... они-то и придавали всей наружности какую-то ласковость, нѣжность. Зато сильное закругленіе щекъ,

говорившее о серьезности, и подбородокъ, выражавшій силу воли, напоминали, что передъ нами зрѣлая женщина.

— Это, навѣрное, идетъ Таге,—сказала госпожа Фёнсъ своей дочери, когда по ту сторону густой грабовой изгороди раздался смѣхъ и нѣсколько восклицаній на датскомъ языкѣ.

Эллиноръ постаралась взять себя въ руки.

Дѣйствительно, это оказался Таге съ Кастагерами; Кастагеръ, крупный комерсантъ изъ Копенгагена, былъ съ сестрой и дочерью—жена его лежала больная въ отелѣ.

Госпожа Фёнсъ и Эллиноръ подвинулись и дали мѣсто обѣимъ дамамъ; мужчины съ минуту попытались разговаривать стоя, но потомъ соблазнились низкой, гранитной стѣной, окружавшей площадку, гдѣ стояла скамья; они сидѣли и перекидывались лишь самыми необходимыми фразами, такъ какъ новоприбывшіе устали отъ совершонной ими маленькой экскурсіи по желѣзной дорогѣ въ глубь розово-пылающаго Прованса.

— Ого!—воскликнулъ Таге, ударяя себя ладонью по свѣтлымъ невыразимымъ,—посмотрите-ка туда!

Всѣ посмотрѣли.

Вдали на коричневатомъ фонѣ показалось свѣтлое облако пыли; выше развѣвался плащъ, а между тѣмъ и другимъ можно было различить лошадь.

— Это тотъ англичанинъ, о которомъ я вамъ разсказывалъ,—сказалъ Таге, обращаясь къ матери.—Онъ пріѣхалъ сюда еще раньше насъ. Видѣли вы кого-нибудь, кто бы такъ же ѣздилъ верхомъ, какъ онъ?—спросилъ онъ Кастагера.—Вѣдь онъ похожъ на гаучоса.

— Мазепу? — въ видѣ полувопроса замѣтилъ Кастагеръ. Наѣздникъ исчезъ.

Потомъ всѣ поднялись и отправились въ отель.

Съ Кастагерами они встрѣтились въ Бельфорѣ и такъ какъ тѣ тоже путешествовали по югу Франціи, вдоль Ривьеры, то нѣкоторое время рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Въ Авиньонѣ обѣ семьи сдѣлали остановку; семья комерсанта потому, что у его жены сдѣлалась закупорка вены, а Фёнсы потому, что Эллиноръ, очевидно, нуждалась въ отдыхѣ.

Таге былъ въ восторгѣ отъ совмѣстной жизни, оттого что ден ото дня все болѣе и болѣе безнадежно влюблялся въ Иду Кастагеръ но мать не слишкомъ-то радовалась, такъ какъ хотя Таге был. весьма положителенъ и развитъ для своихъ лѣтъ, но вообще торс питься ему съ женитьбой было не изъ чего; да и кромѣ того, это Кастагеръ! Ида чудная дѣвушка, мать ея очень образованная же

щана и изъ весьма почтенной семьи; да и самъ комерсантъ дѣлецъ, богатъ, честенъ, но... чуточку смѣшонъ. Когда въ обществѣ произносилось его имя, у людей на губахъ мелькало что-то вродѣ улыбки, а въ глазахъ появлялся какой-то подозрительный блескъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ до того пылокъ, могъ приходить въ такое неописуемое воодушевленіе, и все это такъ чистосердечно, такъ шумно, такъ откровенно, что поневолѣ вызывало насмѣшливое отношеніе. При воодушевленіи, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимо высказывать сдержанность. А госпожа Фѳнсъ вовсе не желала, чтобы къ тестю Таге относились съ улыбкой, называли прищуривая глаза. Потому-то она къ величайшему огорченію сына, держала себя съ нимъ нѣсколько холодно.

На слѣдующій день Таге съ матерью отправился осматривать маленькій городской музей; входъ въ вестибюль они нашли открытымъ, но двери въ залы съ коллекціями—запертыми, и ни на какіе звонки никто не являлся. Зато изъ того же вестибюля оказалось возможнымъ пройти въ небольшой внутренній дворъ, окруженный только что выбѣленной открытой галлереей; ея сводчатый потолокъ опирался на короткія пузатыя колонны.

Они обошли кругомъ весь дворъ, осмотрѣли все выставленное тамъ—римскія гробницы, обломки саркофаговъ, какую-то статую безъ головы, скелеты двухъ китовъ и цѣлый рядъ архитектурныхъ украшеній.

На всѣхъ этихъ рѣдкостяхъ ясно были видны свѣжіе слѣды малярной кисти.

Затѣмъ они вновь направились къ выходу.

Таге побѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ, чтобы посмотрѣть, не удастся ли всетаки гдѣ-нибудь въ домѣ разыскать людей, а мать въ это время стала прогуливаться взадъ и впередъ по вестибюлю.

Когда, дойдя до конца, она снова повернулась къ входной двери, въ ней показался высокій господинъ съ густой бородой и загорѣлымъ лицомъ. Въ рукахъ онъ держалъ путеводитель и какъ будто къ чему-то прислушивался позади себя, потомъ онъ бросилъ взглядъ впередъ прямо на нее.

Она моментально вспомнила вчерашняго англичанина.

— Простите, сударыня...—нерѣшительно началъ онъ, приподнимая шляпу.

— Я иностранка,—отвѣтила госпожа Фѳнсъ,—повидимому, здѣсь никого нѣтъ, но мой сынъ пошелъ наверхъ, чтобы узнать.

Они обмѣнивались замѣчаніями на французскомъ языкѣ. Въ эту минуту вернулся Таге.

— Я обошелъ все кругомъ,—сказалъ онъ, даже заходилъ въ чью-то квартиру, но и тамъ не оказалось ни единой крысы.

— Очевидно,—замѣтилъ англичанинъ, на этотъ разъ по-датски,—я имѣю удовольствіе находиться въ обществѣ соотечественниковъ.

И снова поклонившись, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, какъ бы желая дать понять, что сказалъ это лишь съ цѣлью предупрежденія, что понимаетъ ихъ, но затѣмъ внезапно еще ближе подошелъ къ нимъ, на лицѣ его выразилось крайнее волненіе и оно приняло напряженное выраженіе.

— Возможно ли? неужели мы съ вами, сударыня, старые знакомые?—спросилъ онъ.

— Такъ вы Эмиль Торбрӧгеръ?—воскликнула она, протягивая ему руку.

Крѣпко пожимая ее, онъ радостно отвѣтилъ:

— Да, это я. Но неужели, неужели въ самомъ дѣлѣ передо мною вы? и въ глазахъ его почти блестѣли слезы.

Госпожа Фӧнсъ представила ему сына.

Таге никогда раньше не слыхалъ этого имени, но не это поразило его, а то, что «гаучосъ» оказался датчаниномъ; произошла маленькая пауза, кому-нибудь надо было ее прервать, а потому онъ не удержался и заявилъ:

— А я вчера сказалъ, что вы напоминаете гаучоса.

— Это почти что такъ,—отвѣтилъ Торбрӧгеръ.—Я двадцать одинъ годъ прожилъ въ пампасахъ Лаплаты и, понятно, за эти годы провелъ больше времени верхомъ на лошади, нежели на своихъ ногахъ. А теперь вотъ,вернулся въ Европу! Продалъ овецъ и землю и перекочевалъ въ Старый Свѣтъ, гдѣ родился, чтобы гдѣ-нибудь пристроиться; но къ стыду своему сознаюсь, что очень часто мнѣ скучно путешествовать для своего собственнаго удовольствія.

— Можетъ быть, отъ тоски по преріямъ?

— Нѣтъ, я никогда не скучалъ по какимъ бы то ни было городамъ и странамъ, скорѣе непріятно ощущалъ отсутствіе ежедневной работы.

Въ такомъ тонѣ продолжался разговоръ нѣсколько минутъ, пока, наконецъ, не показался запыхавшійся смотритель музея, весь въ поту, съ кочаномъ салата подъ мышкой и пучкомъ красныхъ, точно пламя, томатовъ въ рукѣ; онъ впустилъ ихъ въ крохотный залъ съ картинами, гдѣ царила страшная духота; отъ осмотра произведе-

старика Верне они вынесли лишь поверхностное впечатлѣніе желтоватыхъ грозовыхъ тучъ, да черныхъ водъ. Зато довольно подробно ознакомили другъ друга съ собственной жизнью за многіе годы, протекшіе съ тѣхъ поръ, какъ они разстались.

Вѣдь это былъ онъ,—тотъ, кого она любила когда-то, въ то время, когда ее отдали другому. Въ слѣдующіе за первой встрѣчей дни, они много видались; остальная компанія думая, что такимъ стариннымъ друзьямъ обо многомъ нужно переговорить, часто оставляли ихъ вдвоемъ и скоро имъ стало ясно, что, какъ ни измѣнились они за эти годы, сердца ихъ все же ничего не забыли. Можетъ быть, онъ первый замѣтилъ это, потому что юношеская самоувѣренность, сантиментальность и безпредметное томленіе, тотчасъ же овладѣвшія ею, причиняли ему страданіе; ему, зрѣлому человѣку—было несвойственно такъ сразу утратить душевное равновѣсіе и увѣренность въ себѣ, пріобрѣтенныя за прожитые годы, и онъ желалъ бы, чтобы его любовь носила иной характеръ, хотѣлъ бы, чтобы она была проникнута большимъ достоинствомъ, была сдержаннѣе.

Ей же казалось, что она чувствуетъ себя не моложе—нѣтъ, а что въ ея душѣ, точно съ новой силой, забилъ почти уже изсякшій ключъ или источникъ слезъ, и эти слезы даютъ ей такъ много счастія и облегченія и чувство такой полноты жизни, будто она сама стала лучше, умнѣе и вокругъ тоже все стало умнѣе,—словомъ, ею овладѣло чувство молодости.

Однажды госпожа Фёнсъ проводила вечеръ у себя дома одна,—Эллиноръ рано легла спать, а Таге отправился съ Кастагерами въ театръ. Сидя въ скучной, полутемной комнатѣ отеля, освѣщенной лишь нѣсколькими свѣчами, она всецѣло отдалась своимъ мечтамъ, пока, наконецъ, онѣ, все снова и снова возобновляясь, не утомили ее и вниманіе ея не притупилось; но и усталость она испытывала какую-то особенную, какую-то нѣжную, улыбающуюся, охватывающую людей, когда мысли о счастіи убаюкиваютъ ихъ души.

Она болѣе не могла оставаться у себя въ комнатѣ и смотрѣть въ пространство, не имѣя даже никакой книги въ рукахъ, а до окончанія театра оставалось еще съ добрый часъ; она принялась, было, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ подошла къ зеркалу и поправила волосы.

Вѣдь можно сойти въ читальню и просмотрѣть иллюстрированные журналы—по вечерамъ тамъ никого не бываетъ.

Накинувъ на голову большой черный кружевной шарфъ, она сошла внизъ.

Конечно, въ читальнѣ было пусто.

Маленькое, тѣсно заставленное мебелью помѣщеніе, ярко освѣщалось полдюжиной широкихъ газовыхъ язычковъ; было жарко, воздухъ удушливо сухъ.

Она спустила шарфъ на плечи.

Бѣлые листы на столѣ, папки съ большими золотыми буквами, пустыя бархатныя кресла, правильные квадраты ковра и однообразныя складки репсовыхъ драпировокъ—все при яркомъ свѣтѣ, казалось точно нѣмымъ.

Она все еще мечтала и, мечтая, стояла и прислушивалась къ протяжному пѣнію газовыхъ рожковъ.

Отъ жары у нея почти кружилась голова.

Чтобы опереться на что-нибудь, она медленно подняла руку и ухватилась за край большой бронзовой вазы, поставленной на стѣнномъ кронштейнѣ. Такъ стоять было удобно, и бронза пріятно холодила руку. Къ этому чувству примѣшалось еще сознаніе, что принятая ею поза пластически-прекрасна, идетъ ей и это доставляло ей удовлетвореніе, ощущеніе красоты, чисто-физическое чувство гармоніи—и все вмѣстѣ слилось въ единое чувство торжества, вылилось въ чудно-прекрасномъ восторгѣ, охватившемъ ее.

Въ эту минуту она казалась себѣ необыкновенно сильной; жизнь лежала передъ нею наподобіе длиннаго, лучезарнаго дня, не того дня, что уже склоняется къ тихому, грустному закату, но того, что еще длиненъ, бодръ, въ каждую секунду котораго раздается горячее біеніе пульса, что богатъ радостью, свѣтомъ, движеніемъ, дѣйствіями, которому не предвидится конца ни внутренняго, ни внѣшняго... И она захлебывалась отъ полноты жизни, горячо жаждала ее, точно пьянѣла, охваченная дорожной лихорадкой.

Долго простояла она въ этомъ положеніи, погрузившись въ свои думы и забывъ все окружающее; потомъ, точно услыхавъ теченіе тишины и протяжное пѣніе газовыхъ рожковъ, отняла руку отъ вазы, сѣла къ столу и принялась перелистывать папку.

Черезъ нѣкоторое время до нея донесся шумъ шаговъ мимо дверей, потомъ эти шаги вернулись, раздались у входа, и она увидала входящаго Торбрӧгера. Обмѣнялись нѣсколькими словами; но такъ какъ она, повидимому, сильно интересовалась иллюстраціями, то и онъ началъ разсматривать лежащіе передъ нимъ листы. Но, очевидно, они не очень его занимали, такъ какъ когда, спустя минуту, она подняла взоры, то встрѣтилась съ его глазами, пытливо вглядывавшимися въ нее. Онъ будто собирался сказать что-то—вокругъ рта у него обрывалась рѣшительная, нервная складка, ясно говорившая ей, что это

дуть за слова. Она покраснѣла и инстинктивно, чтобы задержать ихъ, протянула ему черезъ столъ свои иллюстраціи и указала въ нихъ на всадника пампасовъ, набрасывающаго на дикихъ буйволовъ лассо.

И онъ почти поддался соблазну начать въ шутливомъ тонѣ разговоръ о художникѣ, такъ наивно изобразившемъ моментъ накидыванія лассо; вѣдь толковать объ этомъ, а не о томъ, о чемъ онъ думалъ, было такъ заманчиво-легко; но вдругъ онъ принялъ рѣшеніе, отстранилъ отъ себя листокъ, слегка перегнулся черезъ столъ и началъ:

— Со дня нашей первой встрѣчи я очень много думалъ о васъ; да я и всегда много думалъ о васъ... Какъ въ Даніи, такъ и тамъ, гдѣ я былъ въ послѣднее время. И я всегда любилъ васъ; если же мнѣ теперь временами кажется, что раньше я никогда не любилъ васъ такъ, какъ теперь, съ тѣхъ поръ, какъ мы вновь встрѣтились, то это не вѣрно, какъ бы сильна ни была моя теперешняя любовь. Потому что я всегда любилъ васъ, всегда любилъ. И если вы согласитесь стать моею, вы и представить себѣ не можете, что бы это было за счастіе... если бы вы, послѣ того какъ я столько лѣтъ совершенно утратилъ васъ, теперь вдругъ согласились принадлежать мнѣ...—Помолчавъ съ минуту, онъ всталъ и подошелъ къ ней.—Господи, да скажите же хоть слово, я точно съ глухой говорю; вѣдь я толкую точно съ переводчикомъ, съ постороннимъ человѣкомъ, который долженъ передать мои слова вашему сердцу... я вѣдь не знаю... такъ стоять и взвѣшивать свои слова... вѣдь я не знаю, насколько вы близки или далеки... вѣдь я не смѣю высказать словами чувства боготворенія, наполняющаго меня... или... я имѣю право на это?—и онъ опустился на стулъ рядомъ съ нею.—Могу ли я?... Смѣю ли?... Не боясь... правда ли?... О, да благословитъ тебя Богъ, Паула!

— Теперь уже ничто на свѣтѣ не можетъ насъ снова разлучить,—сказала она, кладя свою руку въ его,—что бы ни случилось. Имѣю же я право, наконецъ, быть счастливой, хоть когда-нибудь пожить полной жизнью, когда-нибудь утолить свою тоску, осуществить мечты? Я никогда не отчаивалась, я никогда не думала, что вся жизнь состоитъ изъ одного смиренія и выполненія долга, потому что счастіе не досталось мнѣ въ удѣлъ; я знала, что оно существуетъ.

Онъ молча поцѣловалъ ея руку.

— Я знаю, — грустно сказала она, — что даже тѣ, кто наиболѣе снисходительно отнесутся ко мнѣ и будутъ радоваться счастію, что я любима тобою, тѣмъ не менѣе скажутъ, что я должна бы удовлетвориться исключительно этимъ сознаніемъ...

— Но я-то никогда не удовлетворился бы лишь этимъ... Да ты и не имѣешь права вновь отталкивать меня...

— Нѣтъ, нѣтъ!

Немного позднѣе она пошла къ Эллиноръ.

Эллиноръ спала.

Госпожа Фёнсъ присѣла къ ея постели и стала смотрѣть на свою блѣдную дѣвочку; при бѣдномъ, желтоватомъ свѣтѣ лампы черты ея лица лишь смутно бѣлѣлись. Надо будетъ ждать изъ-за Эллиноръ; черезъ нѣсколько дней она разстанется съ Торбрёгеромъ, поѣдетъ съ дѣтьми въ Ниццу и поселится съ ними; всю зиму она посвятитъ исключительно здоровью Эллиноръ. Но сообщить дѣтямъ о томъ, что случилось и что ихъ ожидаетъ, она хотѣла уже на слѣдующій день. Какъ бы они ни отнеслись къ случившемуся, жить съ ними изо дня въ день и чувствовать, что ихъ разъединяетъ тайна, она считала невозможнымъ. Зато дать имъ время привыкнуть къ этой мысли тоже необходимо, потому что вѣдь въ концѣ-концовъ всетаки имъ предстоитъ разлука; насколько продолжительная—зависитъ отъ нихъ однихъ. Все, что касается до ихъ отношеній къ нему и ей, должно быть всецѣло предоставлено имъ. Она ничего не хотѣла требовать для себя; ихъ дѣло, что они сами дадутъ ей.

Въ салонѣ раздались шаги Таге, и она вышла къ нему.

Съ перваго же взгляда на его возбужденное и въ то же время сіяющее лицо, она догадалась, что съ нимъ что-то случилось и даже что именно. Ему хотѣлось какъ-нибудь половчѣе направить разговоръ на то, что лежало у него на сердцѣ, и поэтому онъ разсѣянно болталъ о театрѣ; только когда мать, подойдя къ нему, положила ему руку на лобъ и заставила взглянуть на себя, онъ рѣшился сказать, что сдѣлалъ предложеніе Идѣ Кастагеръ и получилъ согласіе.

Потомъ они долго говорили объ этомъ; но мать все время чувствовала, что въ ея словахъ сквозитъ нѣкоторая холодность; превозмочь ее она была не въ силахъ, потому что, благодаря собственному волненію, боялась слишкомъ впасть въ тонъ Таге. Кромѣ того, ее невыносимо мучило недовѣріе къ себѣ, мысль, что между ея нѣжностью къ сыну и тѣмъ, что ей предстоитъ завтра сообщить ему, есть хоть малѣйшая связь.

Но Таге ничего не замѣчалъ. Эту ночь его мать не много спала; въ ея головѣ безпрерывно толпились разныя мысли и заставляли ее бодрствовать.

Она думала о томъ, какъ странно, что имъ, встрѣтясь теперь, суждено было снова полюбить другъ друга, какъ въ давно прошедшія времена! Вѣдь то время уже давно, давно прошло… особенно для нея; вѣдь она уже не молода, ни въ какомъ случаѣ уже не можетъ быть молодой… И это когда-нибудь да скажется; ему въ концѣ-конц[illegible]въ

придется относиться къ ней снисходительно, привыкнуть къ тому, что все произошло уже давно, когда ей было 18 лѣтъ... Но она чувствовала себя молодой; она была молода во многихъ, многихъ отношеніяхъ, и всетаки это же чувство молодости заставляло ее вспоминать о своихъ годахъ; она такъ ясно представляла себѣ, что будетъ: ея года будутъ сквозить въ тысячи движеніяхъ, въ минахъ, жестахъ, въ томъ, какъ она будетъ подходить на его зовъ, въ томъ, какъ улыбнется, отвѣчая ему... Десять разъ въ сутки она будетъ вести себя, какъ пожилая женщина, потому что у нея не хватитъ духу держаться столь же молодо, какъ подсказывало ей чувство.

И мысли приходили, и мысли улетучивались, и въ каждой-то изъ нихъ сквозило безпокойство о дѣтяхъ, о томъ, что скажутъ они.

На другой день было уже поздно, когда она, наконецъ, рѣшилась узнать ихъ отвѣтъ.

Всѣ сидѣли въ салонѣ.

Она начала съ того, что имѣетъ сообщить имъ нѣчто очень важное, нѣчто, что вызоветъ большія перемѣны въ ихъ жизни и что покажется имъ весьма неожиданнымъ. Но она проситъ ихъ выслушать ея новость какъ можно спокойнѣе и воздержаться отъ необдуманныхъ словъ и поступковъ, вызванныхъ первымъ впечатлѣніемъ; потому что она должна предупредить ихъ, что то, что она имѣетъ сообщить имъ, рѣшено безповоротно и никакія возраженія не могутъ вынудить ее измѣнить свое рѣшеніе.

— Я рѣшилась вторично выйти замужъ,—сказала она, и сообщила, какъ когда-то, до знакомства съ ихъ отцомъ, любила Торбрёгера, какъ ее съ нимъ разлучили и какъ теперь, вотъ, они вновь нашли другъ друга.

— Но, мама, дорогая мама, что мы совершили, что ты такъ поступаешь съ нами? развѣ мы не всегда любили тебя? развѣ мы не тосковали по тебѣ, не рвались къ тебѣ, какъ къ самому дорогому, что у насъ есть на свѣтѣ, когда бывали въ разлукѣ съ тобою? Вѣдь отца мы знаемъ только по твоимъ разсказамъ; ты же научила насъ любить его; и если мы съ Эллиноръ такъ сильно привязаны другъ къ другу, такъ это потому, что ты же изо дня въ день, безъ устали, указывала каждому изъ насъ на достоинства другого. И развѣ не то же повторялось съ каждымъ человѣкомъ, къ которому мы привязывались? развѣ не все, что мы имѣемъ, что получили отъ тебя, все, рѣшительно все, дано тобою, мама... и мы обожаемъ тебя... если бы ты знала... да ты и не догадываешься, какъ часто наша любовь къ тебѣ рвется изъ границъ, вонъ изъ береговъ, чтобы ближе подойти къ тебѣ... и опять же ты сама научила насъ обуздывать ее, и мы ни-

когда не обращаемся съ тобою такъ любовно, такъ несдержанно, какъ бы намъ того хотѣлось. А теперь ты говоришь, что хочешь совсѣмъ отстраниться отъ насъ, совсѣмъ отбросить насъ въ сторону... Но это невозможно; человѣкъ, желающій намъ наибольшаго зла, не могъ бы придумать ничего болѣе ужаснаго; а вѣдь ты не хочешь намъ дурного, ты желаешь намъ лишь добра,—такъ какъ же это возможно? Скажи скорѣе, сейчасъ, что это неправда; скажи: Таге, это неправда! Неправда, Эллинор!

— Таге, Таге, опомнись! Зачѣмъ ты дѣлаешь все, чтобы и тебѣ и мнѣ стало невыносимо тяжело.

Таге поднялся съ мѣста.

— Тяжело,—сказалъ онъ.—Тяжело, тяжело! чего бы я ни далъ, чтобы это было только тяжело; но вѣдь это просто ужасно! это противоестественно! вѣдь если вдуматься хорошенько, можно съ ума сойти. Понимаешь ли ты, о чемъ вынуждаешь меня размышлять? Мать моя отдается ласкамъ чужого мужчины... мать моя возбуждаетъ желанія, ее обнимаютъ и она отвѣчаетъ на эти объятія—о, эти мысли! для сына онѣ хуже самаго злобнаго глумленія! Но это невозможно, это должно быть невозможнымъ, должно! Неужели мольбы сына не имѣютъ надъ тобою власти? Да не молчи же, Эллиноръ, не плачь только... Иди, помоги мнѣ упросить маму сжалиться надъ нами.

Госпожа Фöнсъ сдѣлала рукой отрицательное движеніе.

— Оставь Эллиноръ въ покоѣ,—сказала она.—Видишь, она и безъ того утомлена; да вѣдь я заявила вамъ, что измѣнить ничего нельзя.

— Какъ бы я желала умереть!—замѣтила Эллиноръ.—Все, что говоритъ Таге, мама, совершенно вѣрно; и съ твоей стороны несправедливо навязывать намъ въ нашемъ возрастѣ вотчима.

— Вотчима,—воскликнулъ Таге.—Надѣюсь, что онъ не осмѣливается хоть на минуту предположить... Нѣтъ, ты съ ума сошла! Гдѣ будетъ находиться этотъ господинъ, тамъ насъ не будетъ; нѣтъ такой силы на землѣ, которая вынудила бы меня потерпѣть хоть малѣйшее сближеніе съ этимъ человѣкомъ. Дѣло матери выбирать, но выбирать между нимъ и нами! Если новобрачные поселятся въ Даніи, мы эмигрируемъ изъ отечества. Если они останутся здѣсь, то мы уѣдемъ.

— Таково твое рѣшеніе, Таге?—спросила мать.

— Надѣюсь, ты не сомнѣваешься; ты только представь себѣ картину нашей семейной жизни. Ида и я въ лунную ночь прогуливаемся здѣсь по террасѣ; вдругъ въ бесѣдкѣ изъ лавровыхъ деревьевъ за-

дается шепотъ... Ида спрашиваетъ, кто бы это могъ быть? и я долженъ отвѣтить: это моя мать и ея новый супругъ. Нѣтъ, нѣтъ! я не долженъ былъ говорить этого. Но ты видишь, какъ твое рѣшеніе дѣйствуетъ на меня: очевидно, я уже и теперь сталъ хуже; повѣрь мнѣ, Эллинoръ тоже измѣнится не къ лучшему.

Мать отослала ихъ и осталась одна.

Таге правъ: на нихъ эта новость имѣла плохое вліяніе; какъ далеко ушли они отъ нея въ этотъ коротенькій часъ; они отнеслись къ ней не какъ ея дѣти, а какъ дѣти своего отца, и какъ только увидали, что въ ея сердцѣ замерли не всѣ чувства, кромѣ любви къ нимъ, уже были готовы отречься отъ нея. Но вѣдь она не только мать Таге и Эллинoръ; вѣдь она человѣкъ сама по себѣ, въ ней билась жизнь сама по себѣ, теплились надежды на личную жизнь, безъ отношенія къ нимъ. Но вѣрно и то, что она вовсе не такъ молода, какъ думала сначала. Она почувствовала это во время разговора съ дѣтьми. Вѣдь, несмотря на свое заявленіе, она все время со страхомъ задавала себѣ вопросъ, не присваиваетъ ли она себѣ право юности? развѣ у нея не было подобнаго чувства? И развѣ черезъ все, что они говорили, не проходили красной нитью самоувѣренность, безпредѣльная притязательность и наивное тиранство? только имъ подобаетъ любить; только имъ принадлежитъ жизнь, а ея жизнь заключается въ жизни для нихъ.

Теперь она стала понимать, что можно находить удовлетвореніе въ окончательной старости; не то, чтобы она желала ея,—но она ей, хотя слабо, но все же улыбалась, какъ далекій миръ послѣ пережитыхъ за послѣднее время волненій... улыбалась сейчасъ, когда впереди предстояло столько раздоровъ... Она не думала, что дѣти измѣнятъ свое настоящее мнѣніе... и все же необходимо, чтобы она еще нѣсколько разъ начинала съ ними разговоръ объ этомъ, раньше чѣмъ окончательно отказаться отъ всякой надежды. Самое лучшее, если Торбрöгеръ сейчасъ же уѣдетъ,—можетъ быть, въ его отсутствіе дѣти не такъ легко будутъ раздражаться и ей исподволь удастся имъ доказать, до какой степени она желала бы щадить ихъ чувства и насколько возможно считаться съ ихъ мнѣніемъ... постепенно горечь исчезла бы, и все... Нѣтъ, она не вѣрила, что все еще можетъ уладиться.

И она рѣшила съ Торбрöгеромъ, что онъ поѣдетъ въ Данію для приведенія въ порядокъ своихъ и ея документовъ, и нѣкоторое время останется тамъ. Но оказалось, что его отъѣздъ ничего не улучшилъ. Дѣти избѣгали ея, Таге все время проводилъ съ Идой и ея отцомъ, а

Эллиноръ почему-то постоянно нужно было оставаться съ больной госпожей Кастагеръ. Если же и случалось когда-нибудь имъ сходиться, то между ними не чувствовалось прежней взаимной довѣрчивости, прежней близости, и даже неизвѣстно куда исчезли тысячи темъ для разговоровъ... Если же таковая находилась, исчезалъ интересъ къ ней. Всѣ сидѣли вмѣстѣ и поддерживали общій разговоръ, какъ люди, нѣкоторое время видѣвшіе лишь хорошее другъ отъ друга и которымъ теперь предстоитъ разстаться... мысли тѣхъ, что уѣзжаютъ, всецѣло направлены на предстоящее путешествіе, а тѣ, что остаются, только и думаютъ, какъ они, лишь только уѣдутъ посторонніе, снова возобновятъ свою славную, домашнюю жизнь, возобновятъ свои привычки.

Теперь въ ихъ жизни не было ничего объединяющаго, и чувство, что они составляютъ одно, исчезло; они могли разговаривать о томъ, что слѣдуетъ предпринять на слѣдующей недѣлѣ, въ слѣдующій мѣсяцъ, или еще черезъ мѣсяцъ,—но это ихъ мало интересовало, точно рѣчь шла не о самой жизни, а лишь о періодѣ ожиданія, который такъ или иначе надо перенести; и всѣ трое мысленно задавали себѣ вопросъ: «а потомъ что?» Потому что у нихъ не было увѣренности въ будущемъ, потому что они не видѣли почвы, на которой могли бы возводить зданіе своего будущаго, пока «то» не было выяснено, то, что ихъ разлучило.

И съ каждымъ днемъ, что проходилъ, дѣти все болѣе и болѣе забывали, чѣмъ для нихъ раньше была мать, подобно тому, какъ ребятишки забываютъ тысячи благодѣяній, когда вообразятъ, что имъ нанесена хоть одна несправедливость.

Изъ нихъ двоихъ Таге былъ болѣе мягокъ отъ природы, зато, любя сильнѣе, сильнѣе чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Много ночей напролетъ проплакалъ онъ изъ-за того, что не можетъ сохранить мать исключительно для себя; бывали минуты, когда воспоминанія о ея любви заглушали въ немъ остальныя чувства. Однажды онъ пошелъ къ ней, просилъ и молилъ ее, чтобы она осталась только ихъ собственностью, чтобы исключительно принадлежала имъ и больше никому, и получилъ отказъ. Это ожесточило его, сдѣлало холоднымъ, такимъ холоднымъ, что сначала онъ испугался, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ почувствовалъ въ душѣ какую-то безнадежную пустоту.

Съ Эллиноръ дѣло обстояло иначе: она почему-то считала бракъ матери оскорбленіемъ памяти своего отца и, хотя лишь смутно помнила его, но съ этихъ поръ начала обожать. Чтобы воскресить въ памяти его образъ, разбиралась во всемъ, что принадлежало когда-то

ему, разспрашивала о немъ Таге и Кастагеръ, каждое утро и вечеръ цѣловала медальонъ съ его портретомъ и начала нѣсколько истерично тосковать по его письмамъ и вещамъ, оставленнымъ дома.

И по мѣрѣ того, какъ отецъ все выше поднимался въ ея глазахъ, мать опускалась все ниже и ниже; то, что она влюбилась въ мужчину, унизило ее въ глазахъ дочери; она уже больше не была матерью—непогрѣшимой, самой умной, необыкновенной, самой красивой. Она была такой же женщиной, какъ всѣ—ну, не совсѣмъ, какъ всѣ, но все же очень, очень похожей на всѣхъ; и такъ какъ она не была совершенно особенной, единственной,—то ее можно было и критиковать, и судить, и отыскивать въ ней всевозможныя слабости и ошибки. Теперь Эллиноръ чувствовала себя счастливой оттого, что не довѣрила матери исторіи своей несчастной любви; насколько та сама была причиной ея сдержанности—она и не догадывалась.

Проходилъ день, проходилъ другой, и жизнь становилась все болѣе и болѣе невыносимой, и всѣ трое чувствовали, что она безполезна и что, вмѣсто того чтобы сблизить, все болѣе и болѣе разъединяетъ ихъ.

Госпожа Кастагеръ, оправившаяся къ этому времени отъ болѣзни, не бывши лично свидѣтельницей всего происшедшаго, оказалась, однако, лучше всѣхъ обо всемъ освѣдомленной, потому что всѣ постоянно сообщали ей о ходѣ событій. Однажды она имѣла продолжительную бесѣду съ госпожей Фёнсъ; та была рада возможности поговорить съ кѣмъ-нибудь, кто бы спокойно выслушалъ, какъ она себѣ представляетъ будущее; въ продолженіе бесѣды госпожа Кастагеръ предложила, чтобы дѣти ѣхали съ нею въ Ниццу, а Торбрёгеръ вернулся въ Авиньонъ и повѣнчался съ нею. Старикъ Кастагеръ можетъ остаться, чтобы быть ихъ свидѣтелемъ.

Нѣкоторое время госпожа Фёнсъ не рѣшалась принять этого предложенія, такъ какъ не могла добиться мнѣнія дѣтей; на ея сообщеніе объ этомъ они отвѣтили гордымъ молчаніемъ, а когда она стала настаивать на отвѣтѣ, то заявили, что, само собою разумѣется, они должны будутъ подчиниться рѣшенію матери.

Такимъ образомъ, все устроилось, какъ предлагала госпожа Кастагеръ; госпожа Фёнсъ простилась съ дѣтьми, и тѣ уѣхали; пріѣхалъ Торбрёгеръ и они перевѣнчались.

Они поселились въ Испаніи; Торбрёгеръ избралъ ее изъ-за овцеводства.

Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ жить въ Даніи.

И на новой родинѣ они зажили счастливо.

Нѣсколько разъ писала она дѣтямъ; но подъ вліяніемъ перваго сильнаго гнѣва за то, что она ихъ покинула, они возвращали ей ея письма нераспечатанными.

Потомъ они раскаялись въ подобномъ отношеніи, но принудить себя сознаться ей въ этомъ и написать ей—не могли; такимъ образомъ между ними прекратилась всякая связь. Но время отъ времени, разными окольными путями, они все же узнавали о жизни другъ друга.

Пять лѣтъ Торбрёгеръ съ женою прожили вполнѣ счастливо, но потомъ она вдругъ заболѣла. Болѣзнь была изнурительная и неизбѣжно должна была окончиться смертью. Силы ея исчезали съ каждымъ часомъ, и въ одинъ прекрасный день, когда ей недолго уже оставалось до могилы, она написала дѣтямъ:

«Дорогія дѣти,—писала она,—я знаю, что это письмо вы прочтете, потому что оно придетъ къ вамъ не раньше, нежели я умру. Не бойтесь, въ этихъ строкахъ вы не найдете упрековъ; хорошо бы, если бы я сумѣла вложить въ нихъ достаточно любви!

«Когда люди любятъ другъ друга, Таге и Эллиноръ—моя маленькая Эллиноръ—смиряться долженъ тотъ, кто сильнѣе любитъ. Поэтому я еще разъ обращаюсь къ вамъ письменно, а мысленно буду обращаться ежедневно и ежечасно, пока не перестану дышать. Человѣкъ, которому надо умереть, очень несчастенъ, очень бѣденъ, дорогія дѣти... и я бѣдна: мнѣ приходится покинуть чудную страну, что въ продолженіе стольких лѣтъ была моею благословенною родиной; моя комната опустѣетъ... за мной закроются двери и никогда-то мнѣ не придется болѣе переступать ея порога! Поэтому я теперь на все смотрю съ мольбою въ глазахъ, съ мольбою любить меня... Я и къ вамъ обращаюсь съ мольбой снова полюбить меня со всею горячностью, которую вы когда-то дарили мнѣ; потому что, помните, все, что отнынѣ для меня могутъ сдѣлать люди—это не забывать меня. Только не забывать меня, и больше ничего.

«Я никогда не сомнѣвалась въ вашей любви. Я вѣдь хорошо понимала, что вашъ великій гнѣвъ вызванъ столь же сильной любовью. Если бы вы меньше любили, то отпустили бы меня отъ себя спокойнѣе. А потому прошу васъ, если когда-нибудь къ вамъ обратится человѣкъ, сломленный горемъ, если онъ придетъ къ вамъ, чтобы поговорить обо мнѣ, поговорить ради своего утѣшенія,—вспомните тогда, что никто меня не любилъ такъ, какъ онъ, и что все счастіе, которое можетъ дать человѣкъ другому, онъ далъ мнѣ. И скоро, въ послѣднюю великую минуту, когда вѣчный мракъ будетъ постепен-

окутывать меня, онъ же будетъ держать меня за руку и его слова будутъ послѣдними, что донесутся до меня.

«Прощайте же! Я не въ послѣдній разъ говорю вамъ это—послѣднее прости я произнесу насколько возможно позднѣе—и въ немъ выльется вся моя любовь и вся тоска, накопившіяся за многіе, многіе годы... и воспоминанія о времени, когда вы были совсѣмъ маленькими... и тысячи пожеланій для васъ и тысяча благодарностей.

«Прощай, Таге, прощай, Эллиноръ; прощайте до послѣдняго прощанія».

Ваша мать.

Пер. Л. Горбунова.

КАРТИНКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БѢДНОТЫ.

1. Пропускной билетъ.

I.

Я недавно кончилъ Медицинскую Академію. Талантливый профессоръ, въ клиникѣ котораго я занимался, помогъ мнѣ устроиться въ обширной гражданской больницѣ съ большимъ контингентомъ больныхъ, почти исключительно изъ рабочей среды. Я рѣшилъ въ дополненіе поселиться въ самомъ рабочемъ мѣстѣ Петербурга—около Сѣнной площади. Мнѣ хотѣлось помогать бѣдному люду, а можетъ быть, еще болѣе—имѣть обширный практическій матеріалъ, набить руку, изощрить глазъ,—словомъ, напрактиковаться и сдѣлаться не послѣдней спицей въ столичной врачебной колесницѣ. Вѣдь, собственно, такъ ужъ установлено: мы, городскіе врачи, учимся на бѣдныхъ, чтобы потомъ, хорошенько наловчившись, служить почти только богатымъ. Должно быть, это тоже «законъ природы».

Районъ моего новаго мѣстожительства оказался прескверным по своей санитарной обстановкѣ: отвратительный воздухъ, грязь, тѣснота, масса кабаковъ и трактировъ, буйный разгулъ по праздникамъ, неправильный, непомѣрный трудъ и недоѣданіе въ будни,—словомъ, прекрасное мѣсто для меня. Почти исключительно населенная мастеровыми, мелкими приказчиками, чернорабочими, случайными и профессіональными нищими и разными делинквентами и дегенератами, мѣстность эта доставляла много матеріала врачу, но еще болѣе могла бы дать писателю, который пожелалъ изучить бытъ и нравы населенія, занятаго, главнымъ образомъ, по части «брюха Петербурга». Можетъ быть, и практическій соціологъ нашелъ бы что-нибудь для подкрѣпленія или опроверженія своихъ положеній и выводовъ.

Мнѣ посчастливилось: я скоро пріобрѣлъ большое знакомство и практику среди этихъ бѣдняковъ и убѣдился, что, такъ называемый,

простой народъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, не избѣгаетъ лѣченія и врачей. Я много работалъ, но трудъ этотъ, вопреки ожиданію, нисколько не тѣшилъ: онъ доставлялъ слишкомъ мало удовольствія и не давалъ почти никакого душевнаго удовлетворенія. Я скоро понялъ, что если глупо идти на муху съ обухомъ, то и не особенно умно отправляться съ хворостиной противъ Геркулеса. Исторія не повторяется; слѣдовательно, и побѣда Давида надъ Голіаѳомъ—тоже.

Что, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ горечи безсилія, чуть не кощунственной насмѣшки надъ безпомощностью нищеты и невѣжества, мучительной боли за этотъ разъѣдаемый предразсудками и болѣзнями, гибнущій отъ всей своей обстановки людъ,—что, кромѣ всего этого, выносилось изъ моихъ медицинскихъ посѣщеній, изъ моей утомительной практики? Вѣдь только при непроходимой тупости можно со спокойной совѣстью повторять слова Гейневскаго доктора, наставлявшаго бѣдняка, умирающаго въ стужу на чердакѣ, что въ холодъ надо какъ можно теплѣй укрываться, въ сырую погоду носить шелковое кашне и всегда вообще какъ можно лучше питаться.

А развѣ меня жизнь все болѣе и болѣе не окрашивала подъ одну масть съ этимъ умникомъ? Развѣ я своимъ больнымъ говорилъ не то же самое, только иными словами? Да и что могъ я имъ сказать другое?

II.

Право, хорошо давать хорошіе совѣты; но всетаки только тогда, когда есть хоть тѣнь возможности имъ слѣдовать. Но какъ тутъ быть? Я даю совѣтъ, разумѣется, очень хорошій; но мнѣ подаютъ реплику, отъ которой я становлюсь втупикъ и рѣшительно не знаю, что возразить, какъ плохой актеръ, совершенно забывшій свою роль.

Я говорю:

— Питайтесь получше и ребенка кормите, какъ слѣдуетъ. Развѣ такъ можно, какъ вы дѣлаете?

А мнѣ отвѣчаютъ:

— На какія деньги? Оченно харчи дороги. Гдѣ ужъ тутъ разбирать: быть бы только сыту.

Обязанъ я обратить вниманіе на весь вредъ отвратительной квартиры, всѣ углы которой набиты грязными жильцами, какъ щели у печки тараканами? Конечно. Ну, я и говорю больному, отечному рабочему, лежащему въ своемъ «углу», за дырявой ситцевой занавѣской:

— Да не живите вы въ такой грязи и тѣснотѣ. Перейдите не-

премѣнно въ помѣщеніе получше и попросторнѣе, безъ такой ужасной вони.

А жена его съ испугомъ возражаетъ:

— Что вы, господинъ докторъ, помилуйте. На какія такія средствія? И то ужъ Андріяну Прокофьевичу второй мѣсяцъ за уголъ должаемъ, ни за что мнѣ одной не справиться. Грозится и вовсе выгнать. А вы говорите другую фатеру—легкое дѣло!—закончила она съ укоризной.

Я почувствовалъ себя виноватымъ.

Зато сегодня мнѣ пришлось побывать у зажиточнаго человѣка изъ народа—у кабацкаго сидѣльца *). Ясно, что тутъ ужъ я могу распорядиться. У него и «средствія» несомнѣнно есть и живетъ онъ только со своей семьей въ отдѣльной большой комнатѣ, и жена свободна: отъ бездѣлья только жирѣетъ.

Здѣсь я со спокойной совѣстью и съ полнымъ сознаніемъ своей правоты убѣдительно говорю:

— Видите, вашей постной ѣды дитя не выноситъ. Неужели вы этого не понимаете? Дайте ему хорошаго молока, потомъ яичко, и къ обѣду маленькую котлетку; да смотрите, тонко изрубленную и на хорошемъ коровьемъ маслѣ.

— Нѣтъ, господинъ, мы не нехристи, а какъ есть православные,—возражаетъ не безъ ехидства цѣловальникъ.

— Нешто можно,—говоритъ, качая головой, жена.—На все воля Божья: и при скоромной ѣдѣ помираютъ и при постной живы бываютъ.

— Вѣрно,—авторитетно подтвердилъ кабатчикъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣрно,—развѣ я могу это отрицать? Такъ я ужъ ничего не сказалъ про отвратительный воздухъ въ комнатѣ съ запахомъ постныхъ щей и прокоптѣлаго лампаднаго масла: вѣдь и въ такомъ воздухѣ живутъ и въ хорошемъ тоже умираютъ.

Отсюда я отправился къ больному въ одинъ изъ домовъ на Сѣнной, близъ Спасскаго переулка, въ томъ же районѣ, гдѣ находится домъ кн. Вяземскаго, знаменитая «Вяземская лавра».

III.

Я легко нашелъ требуемый домъ. Съ улицы трактиръ; дворъ очень маленькій, грязный. Мнѣ указали искомую квартиру.

---

*) Это было до борьбы съ народнымъ пьянствомъ посредствомъ казенной продажи питей.

— Вонъ налѣво за уголъ заверните, потомъ по лѣстницѣ во второй этажъ—тутъ оно и будетъ.

Слѣдуя указаніямъ, поворачиваю влѣво. Узкій проходъ между какимъ-то сараемъ и небольшимъ каменнымъ флигелемъ частью занятъ деревянной будкой надъ переполненной мусорной ямой и другими соотвѣтственными учрежденіями, распространяющими невѣроятныя odeur'ы. Тутъ же, передъ этой будкой, двое лавочныхъ мальчишекъ, присѣвъ на корточки, возятся надъ чѣмъ-то. Я подошелъ и наклонился надъ ними. Странное занятіе! На грязной доскѣ лежитъ нѣсколько колбасъ и копченыхъ сиговъ, предназначенныхъ, очевидно, не для бѣднаго люда; да и мальчишка на видъ не изъ мелочной, а чиномъ повыше—изъ фруктовой лавки. Эти мальчишки-приказчики покрывали сиговъ и колбасы какой-то темной краской или, вѣрнѣе, лакомъ. Свѣже выкрашенные уже блестѣли, какъ хорошо вылакированный новый экипажъ.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Колбасы красимъ, видъ придаемъ,—отвѣтилъ одинъ.

— Вашей милости аппетитнѣе кушать будетъ,—замѣтилъ иронически тотъ, что постарше.

Я сталъ подниматься по лѣстницѣ. Отвалившаяся отъ стѣнъ штукатурка мѣстами обнажила красные кирпичи; грязь, мусоръ, ушаты, переполненные гніющими помоями—обычная картина; воздухъ—тоже обычный: сырой, затхлый, съ примѣсью многаго другого.

Отворивъ двери, на которыхъ мѣломъ выведено: № 22, я попалъ прямо въ небольшую кухню. Душно и смрадно, несмотря на открытое окно. У двери въ углу кадка съ водой, насупротивъ столъ съ лавкой; направо—топится печь и передъ нею возится старуха съ вылинявшимъ черным платкомъ на головѣ, въ заплатанной ситцевой кофтѣ и юбкѣ.

Старуха меня не замѣтила и не обернулась.

— Бабушка, а бабушка!

Старуха повернула голову: темное, морщинистое лицо, красныя припухшія вѣки безъ рѣсницъ, слезящіеся глаза, беззубый ротъ съ синими шамкающими губами.

— Здравствуй, бабушка. Гдѣ здѣсь Кондратьевну найти? У нея кто-то боленъ.

— А-а? Не слышу,—говоритъ старуха.—Што надо?

Старуха глуха: и выраженіе лица у нея типичное. Я сталъ кричать и вскорѣ былъ услышанъ.

— Кондратьевну? Пойдемъ, доведу.

Я пошелъ за нею, созерцая ея согнутую спину и трясущуюся голову.

«Сколько лѣтъ и горя покоится на этомъ горбу?—подумалъ я.—Къ сожалѣнію, вѣсовъ для горя еще не изобрѣтено».

Старуха отворила двери и прошла въ сосѣднюю комнату; но я остановился на порогѣ: какой-то острый непонятный запахъ ударилъ въ носъ и захватилъ горло.

— Кондратьевна, тебя, слышь, спрашиваютъ, — прошамшила старуха.—Третьи двери,—прибавила она, обращаясь ко мнѣ, и поплелась обратно въ кухню.

Странное помѣщеніе. Въ большой комнатѣ съ тремя окнами во дворъ, идетъ отъ входной двери не доходящая до потолка сплошная переборка изъ некрашенныхъ и даже неоструганныхъ тонкихъ досокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «дранки». Такимъ образомъ, получается нѣчто вродѣ свѣтлаго узкаго коридора и остального полутемнаго помѣщенія. Вся переборка состояла почти изъ однѣхъ дверей, которыя въ данный моментъ всѣ были затворены.

На слова хозяйки третья дверь въ перегородкѣ отворилась, и на порогѣ показалась молодая, довольно плотная деревенская баба въ подоткнутой темно-красной ситцевой юбкѣ, такой же кофтѣ и съ неизбѣжнымъ платкомъ на головѣ.

— Сюда пожалуйте, господинъ дохтуръ,—пригласила она меня за перегородку, отвѣшивая по-деревенски низкій поклонъ.

Я очутился въ какой-то темной досчатой клѣтушкѣ, на которыя была раздѣлена вся часть комнаты за перегородкой. Клѣтушка, въ которой я находился, повидимому, ничѣмъ не отличалась отъ остальныхъ. У каждой боковой перегородки по небольшой кровати, слѣдовательно, по двѣ въ каждой клѣтушкѣ, и, значитъ, по крайней мѣрѣ, десять кроватей и минимумъ столько же ночлежниковъ въ одной этой комнатѣ. Многовато. На каждой кровати извѣстнаго вида ситцевое одѣяло изъ безчисленнаго множества пестрыхъ лоскутковъ. Въ изголовьѣ, въ грязной ситцевой наволокѣ, тонкая подушка въ видѣ лепешки. Кровати, разумѣется, служили также стульями и диванами для гостей и жильцовъ.

Въ свободномъ проходѣ между обѣими кроватями едва можно было двигаться. Острый запахъ здѣсь достигалъ своего максимума и исходилъ, повидимому, изъ какихъ-то кадокъ или ведеръ, которыя я разглядѣлъ въ небольшомъ свободномъ мѣстечкѣ между изголовьемъ кровати и стѣной, когда глаза попривыкли къ этому полумраку. Въ такомъ-то тѣсномъ чуланчикѣ проживало по двѣ женщины, иногда еще съ однимъ или двумя дѣтьми.

— Чѣмъ это у васъ такъ пахнетъ?—спросилъ я.

— Селедкой: мы всѣ тутъ селедошницы живемъ, сельдю по домамъ носимъ.

— Зачѣмъ же вы ее тутъ держите, гдѣ спите?

— А то гдѣ же? Больше негдѣ, господинъ дохторъ: только и есть у кажной помѣщенія, что у себя за кроватью, а либо подъ ей.

— Ну, гдѣ вашъ больной ребенокъ?

— А вотъ, туточку.

Мать указала нѣсколько тряпокъ на кровати, мною сначала, въ темнотѣ, незамѣченныхъ.

Я попросилъ вынести ребенка въ свѣтлую часть комнаты къ окну и принести какой-нибудь табуретъ или стулъ. Кондратьевна сходила въ кухню и притащила оттуда лавку; затѣмъ принесла ребенка и, пока разворачивала его изъ кучи тряпокъ, я спросилъ:

— Сколько времени дитяти-то?

— Пятый мѣсяцъ отъ Петровокъ пошелъ.

Грустное зрѣлище предстало передо мной.

Маленькое сморщенное существо, землисто-зеленаго цвѣта, сухое, какъ скелетъ; кожа вся въ складкахъ и морщинахъ, во многихъ мѣстахъ съ красными ссадинами отъ прѣлости и нечистоты; ножки и ручки,—синенькія, холодныя,—буквально щепки; синеватый, лоснящійся носикъ на маленькомъ морщинистомъ личикѣ съ однимъ закрытымъ и другимъ полуоткрытымъ потускнѣвшимъ глазкомъ. Большой, вздутый животикъ, грудь, переполненная хрипами, слабый, уже несосчитываемый пульсъ и совсѣмъ холодное тѣльце, — словомъ, это была свѣтильня, съ самаго начала очень плохо пропитанная масломъ, теперь ужъ совершенно сгорѣвшая и только дотлѣвавшая передъ окончательнымъ угасаніемъ.

— Давно ли онъ у васъ боленъ?

— Почитай, что всю жисть. Перво время все несло его, несло, кисло таково; потомъ блевать *) сталъ шибко; апосля родимчикъ **) прикинулся, бьетъ-бьетъ, не переставаючи. Что ни дѣлала — нѣтъ помоги,—говорила мать какимъ-то грустно-монотоннымъ голосомъ.

— Что-жъ раньше за мной не пришли, чего смотрѣли?

— Не посмѣла, господинъ дохторъ. И теперь бы не пошла, да вижу, кончается вовся, а сусѣдка, Митревна, говоритъ, безъ освидѣтельства дохтурскаго не похоронютъ. У ней какъ лѣтошній годъ дѣвочка померши была, да безъ дохтора, такъ набѣдувалась дюже, пока

*) Рвать.

**) Конвульсіи, судороги.

схоронила. Вся поиздержалась, поизвелась. Полиція и попъ замучили, замаяли вовся.

Пока мать говорила все это своимъ однообразнымъ, монотоннымъ голосомъ, я стоялъ въ грустной задумчивости. Было ясно, что меня позвали не за тѣмъ, чтобы лѣчить, а только для того, чтобы получить свидѣтельство, по которому полиція отпустила бы отсюда на тотъ свѣтъ. Даже не билетъ для входа въ царство небесное, а просто и только пропускной билетъ *отсюда*—и больше ничего...

Несчастная мать, повидимому, дурно истолковала мое молчаніе и нерѣшительность и, робко, съ мольбою, глядя на меня, заговорила подобострастно-умоляющимъ голосомъ и съ низкими, деревенскими поклонами:

— Батюшка, не оставь! Горе-то мое и оставить не на кого: безъ работы сижу, уйтить нельзя. А попу нужно заплатить, да за могилку. Горе! Ужъ ты дай свидѣтельство-отъ, я тѣ поблагодарю: только выйду, селедочекъ твоей милости принесу, самыхъ лучшихъ; теперь нѣтъ хорошихъ у меня—не брала. Только дай управиться...

Я обѣщалъ дать свидѣтельство и безъ селедокъ.

Ребенокъ дышалъ тяжело и все рѣже и рѣже. При каждомъ вздохѣ грудка подымалась, ребрышки рѣзко обозначались. Изъ слегка перекошеннаго полуоткрытаго ротика потекла пѣнистая слизь, носикъ еще посинѣлъ и заострился. Полуоткрытый глазокъ потускнѣлъ совсѣмъ... Ребенокъ кончался, а мать сосредоточенно заворачивала его въ тѣ же грязныя тряпки...

Зачѣмъ ты родился? Для чего страдалъ? Кому ты былъ нуженъ, зачатокъ мыслящей души и готовое чувствующее тѣльце?

Я поторопился уйти и велѣлъ придти за пропускнымъ билетомъ на тотъ свѣтъ—свидѣтельствомъ о смерти.

---

2. Духъ и плоть.

За завтракомъ, по возвращеніи изъ больницы, перебирая по обыкновенію оставленные адреса новыхъ больныхъ, я нашелъ приглашеніе въ Малковъ переулокъ. Хотя этотъ послѣдній лежитъ въ самомъ людномъ центрѣ города, — между Большой Садовой и Фонтанкой, у Вознесенскаго проспекта, — тѣмъ не менѣе я сомнѣваюсь, чтобы многіе, даже изъ коренныхъ петербуржцевъ, хорошо знали, гдѣ онъ находится, а тѣмъ болѣе побывали въ немъ.

Теперь, впрочемъ, это ужъ не тотъ переулокъ, какимъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ пору моего разсказа, когда онъ не доходилъ до Фонтанки, а упирался въ обширное дворовое мѣсто съ

высокими полутораэтажными домами. Теперь иныхъ старыхъ домовъ уже совсѣмъ нѣтъ: вмѣсто нихъ длинные деревянные заборы съ запертыми на замокъ калитками. Появился и 4-этажный домъ, а на углу Фонтанки электрическая станція для Александровскаго рынка и другихъ смежныхъ мѣстъ. Но населеніе осталось почти безъ перемѣны.

Если правда, какъ говорятъ, что нашъ крестьянинъ пашетъ и теперь такъ, какъ дѣлалъ это при Рюрикѣ, то ужъ навѣрное можно сказать, что населеніе Малкова переулка за нѣсколько десятилѣтій нисколько не измѣнилось, тѣмъ болѣе, что статистика все еще никакъ не можетъ рѣшить, пьетъ ли это населеніе теперь нѣсколько больше или нѣсколько меньше прежняго, хотя никто не сомнѣвается, что пьетъ и даже очень.

Однако, когда я въ началѣ 7 часа вечера повернулъ въ переулокъ съ Садовой, въ немъ было такъ тихо, какъ въ деревнѣ въ рабочую пору. Съ правой стороны, точно крѣпость, тянулась длинная и глухая, высокая стѣна Александровскаго рынка, безъ оконъ и дверей. Налѣво невысокіе полутора или двухъэтажные дома, прерываемые длинными деревянными заборами. Трактиры, 2—3 кабака *), портерная, мелочная, съѣстная, квасная и т. п. лавки свидѣтельствовали тѣмъ не менѣе о густотѣ населенія; но теперь все было тихо. Присѣвъ на тротуарныя тумбы, дремали двѣ старыя бабы-продавщицы; у каждой корзинка съ сѣмечками, засохшими лимонами, подгнившими апельсинами и проч. На порогѣ кабака, мечтательно зѣвая, стоялъ молодой сидѣлецъ, опершись о дверной косякъ и безучастно поглядывая на приказчика изъ мелочной, точно для симметріи стоявшаго въ такой же позѣ у дверей своей лавки.

Совсѣмъ недлинный переулокъ представляетъ ломаную линію съ двумя изгибами. У одного изъ нихъ кучка мальчишекъ довольно чинно занималась посреди улицы какой-то игрой, зрѣлище необычное на петербургскихъ улицахъ. Нѣсколько дѣтей бродило поодиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ переулка или стояло у воротъ своихъ домовъ.

Я подошелъ къ нужному мнѣ дому. Онъ оказался самымъ послѣднимъ и замыкалъ переулокъ: его дворъ составлялъ въ сущности продолженіе улицы. Обширное пространство, отдѣленное заборомъ отъ переулка ограничивалось по бокамъ длинными, низкими, полутораэтажными домами, нѣкогда выкрашенными въ желтую краску. Такихъ же два флигеля стояло среди двора, не то поперекъ, не то наискосокъ, точно кто-то ихъ здѣсь кое-какъ на время поставилъ.

*) Въ ту пору казенная продажа питей никому даже не снилась.

Во дворѣ, пользуясь теплымъ лѣтнимъ днемъ, играли дѣти, большею частью блѣдныя, нѣкоторыя съ рахитически-изогнутыми ногами. Всѣ бѣдно одѣты, многія вдобавокъ въ грязныхъ, рваныхъ ситцевыхъ рубашонкахъ, безъ фуражекъ, а значительная часть еще и босикомъ. У одного на головѣ большая отцовская шапка, другой—чуть не весь съ головы до пятокъ, заботливо укутанъ въ материнскую шаль. Двѣ-три дѣвочки съ малютками на рукахъ: тяжелая ноша, какъ введеніе въ тяжкую женскую долю. Собственно говоря, дѣти не играли; но всѣ держались въ кучкѣ, какъ птицы передъ отлетомъ, и, повидимому, заняты были своими общими дѣлами и коллегіально ихъ обсуждали. Только два мальчика бѣгали кругомъ, играя въ лошадки и неистово крича: «Эй, берегись, паберегись!»

— Дѣтки, не знаете ли, гдѣ тутъ живетъ сапожникъ Васильевъ?—спросилъ я.

— Ва-асильевъ, сапожникъ?—переспросилъ мальчуганъ лѣтъ шести.

— У насъ тутъ сапожниковъ нѣту,—солидно замѣтила маленькая дѣвочка.

Я взглянулъ на свою бумажку и снова повторилъ:

— Да, сапожникъ Матвѣй Софроновъ Васильевъ: Малковъ переулокъ, домъ № такой-то.

— Это Софроныча спрашиваютъ,—сказала подошедшая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Пойдемте, я покажу.

— Такъ это не сапожникъ, а починщикъ,—наставительно замѣтилъ мальчикъ въ длинной красной рубахѣ.

Я пошелъ со своей спутницей вглубь двора направо. Это была маленькая блондинка, съ умнымъ личикомъ и бойкими сѣрыми глазами. Подъ мышкой у нея торчалъ большой кусокъ ситника, въ рукахъ бутылка квасу и почернѣвшая корзинка-плетушка съ лукомъ, ржанымъ хлѣбомъ и картофелемъ. Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ ней.

— Къ тому ли Васильеву мы идемъ, къ которому нужно?—спросилъ я.—Мой—сапожникъ.

— Тотъ самый, должно быть, Софронычъ.

— Что это за починщикъ такой?

— Который новыхъ сапогъ не работаетъ, а только старые починяетъ. Новыхъ не умѣетъ вовсе.

— Да кто-жъ къ нему сюда за починкой придетъ искать его во дворѣ, какъ я.

Дѣвочка взглянула на меня, точно хотѣла сказать: «А вотъ, ты же пришелъ», но вмѣсто этого отвѣтила, снисходительно улыбаясь:

— И не надо ему: онъ самъ ходитъ вотъ сюда,—она кивнула въ сторону рынка,—въ Александровскій на толкучку, покупаетъ старую рвань или такъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ попадетъ; потомъ вычинитъ ее и продастъ опять тутъ же на толкучкѣ или по близости на Фонтанкѣ у Обухова моста.

— Вотъ какъ!—подивился я этой новой для меня отрасли петербургской промышленности и торговли, новому виду спеціализаціи труда, о которомъ прежде не приходилось слышать. Въ то же время я любовался на толковость и практическое пониманіе этой маленькой дѣвочки, которой, по нашему, слѣдовало бы быть въ первомъ или второмъ классѣ гимназіи.

— Но развѣ это выгодно? Много ли этимъ выработаешь?

Дѣвочка не по-дѣтски задумалась: очевидно, вопросъ о заработкѣ ужъ былъ ей не чуждъ и она мысленно и серьезно его теперь прикидывала. Да, рано зрѣютъ бѣдныя дѣти.

— Жить можно,—отвѣтила она солидно.—Вотъ тутъ Софронычъ живетъ.

Мы остановились у низкой двери въ подвалъ, съ маленькими окнами.

— Гдѣ же?—спросилъ я.

— Да вотъ тутъ, въ подвалѣ налѣво.

Я въ ту пору ужъ много видѣлъ квартиръ петербургской бѣдноты; но тѣмъ не менѣе, ни на минуту не усомнился бы признать этотъ погребъ дровянымъ, но никакъ не жилымъ.

Дѣвочка улыбнулась моей нерѣшительности.

— Пойдемте, доведу до Матвѣя Софроныча,—сказала она покровительственно.

Я нагнулся и рядомъ съ моей спутницей сталъ осторожно спускаться по грязнымъ, мокрымъ и истоптаннымъ ступенямъ. Занятый своими размышленіями, я какъ-то зазѣвался, сразу соскользнулъ съ нѣсколькихъ ступенекъ и стукнулся протянутыми впередъ руками объ дверь подвала. По пути я задѣлъ ведро или кадку съ помоями и залилъ себѣ ноги. Дѣвочка весело засмѣялась.

— Осторожнѣе, баринъ, смотри! Дайте, я отворю.

Меня смущала эта опека маленькой дѣвочки, но, какъ бы тамъ ни было, пришлось податься назадъ, такъ какъ дверь открывалась въ нашу сторону.

Дѣвочка привычной рукой нащупала въ потьмахъ щеколду, дверь заскрипѣла и открылась.

— Осторожно, не ушибите головы о притолку!—покровительственно предостерегала меня спутница.

— Здравствуйте, дядюшка, здравствуйте, тетенька Акулина Власьевна,—весело здоровалась дѣвочка.

— Здравствуйте,—сказалъ и я, осторожно переступивъ порогъ; но, сдѣлавъ два шага впередъ, сразу остановился, громко стукнувшись лбомъ объ одну изъ поперечныхъ балокъ низкаго потолка.

Я невольно схватился за голову, а моя чичерониха (если такъ можно выразиться) разразилась самымъ веселымъ смѣхомъ. Тогда это мнѣ очень не понравилось; но теперь признаю,—правда, прежде всего,—что со своей безпомощностью и злоключеніями я представлялъ довольно-таки комическую фигуру.

— Брось, Машутка! Ты съ умомъ? Чему обрадовалась?—сердито заговорила старуха.—Здравствуйте, баринъ.

— Вотъ они дяденьку, Матвѣй Софроныча, спрашиваютъ,—объяснила присмирѣвшая дѣвочка.

— Здравствуйте!—повторилъ я снова.—Ну, кто тутъ у васъ боленъ?

— Ахъ!—раздался возгласъ старика, сидѣвшаго на низенькомъ табуретѣ противъ оконца.—Господинъ докторъ, пожалуйте! Покорнѣйше благодаримъ, что удостоили.

Я сталъ оглядывать помѣщеніе. Довольно большая, но очень низкая, квадратная комната глубоко уходила въ землю. Высота ея уменьшалась тѣмъ, что потолочныя балки, на которыхъ лежалъ, такъ называемый, черный полъ слѣдующаго этажа, глубоко вдавались внутрь подвала. Черныя, ничѣмъ не обитыя и никогда не бѣленыя, онѣ придавали потолку и комнатѣ какой-то странный, полосатый видъ. Стѣны, во многихъ мѣстахъ съ отбитой штукатуркой, были черны, какъ деревенская кузница, и насквозь пропитаны сыростью, мѣстами съ крупными сѣро-зелеными, блѣдными и темными узорами обильно разраставшейся плѣсени. Два узенькихъ оконца, скорѣе двѣ щели, безъ форточекъ, тѣмъ менѣе пропускали свѣта, что зимнія рамы не были выставлены и стекла состояли изъ многочисленныхъ посинѣвшихъ и выцвѣтшихъ осколковъ, склеенныхъ толстымъ слоемъ замазки.

О воздухѣ распространяться нечего: онъ былъ вполнѣ соответственный, и, какъ характерно говорятъ французы, такой, который vous prend à la gorge.

У задней стѣны висѣли на веревочкѣ двѣ грязныхъ ситцевыхъ занавѣски, повидимому, отдѣлявшія два семейства жильцовъ. У правой стѣны, вплотную до русской печки, простой, нѣкогда бѣлый столъ; между печью и входной дверью большой почернѣвшій чанъ съ водой. Лѣвая стѣна, противъ входной двери, занята кроватью

двумя досчатыми настилами на деревянныхъ козлахъ. Еще одна кровать стояла у передней стѣны подъ окнами. Слѣдовательно, въ этой комнатѣ помѣщалось, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 8, если не болѣе.

На кроватяхъ и прочей мебели накиданъ всякій хламъ, грязныя подушки, полушубокъ, кумачевая мужская рубаха, синяя женская юбка; на одной кровати стояла пара большихъ вычищенныхъ сапогъ. Впрочемъ, кровать подъ окномъ представляла рѣзкій контрастъ, еще болѣе подчеркивавшій все остальное. Гладко натянутое, розовое пикейное одѣяло; въ изголовьѣ небольшая подушка въ бѣлой чистой наволочкѣ, съ прошивкой, вмѣстѣ съ крохотной подушечкой, такъ называемой «думкой». На противоположномъ концѣ этой постели лежалъ, завернутый въ бѣлое одѣяльце, совсѣмъ маленькій грудной ребеночекъ, прикрытый отъ мухъ кускомъ кисеи.

Я хотѣлъ было присѣсть на эту постель, когда замѣтилъ надъ ней пришпиленный листъ бумаги, на которомъ красивымъ женскимъ почеркомъ было выведено крупными буквами:

«Прошу не ложиться, не садиться, не трогать и не пачкать».

Замѣтивъ мое изумленіе, старуха пояснила:

— Это нашей барышни, изъ благородныхъ. Пока она на работѣ, я за ребеночкомъ смотрю.

Я усталъ и мнѣ хотѣлось присѣсть, но не легко было найти, на чемъ.

Посрединѣ комнаты, поближе къ окнамъ, стоялъ низенькій сапожничій столъ (большой табуретъ) съ различными soit disant инструментами и припасами: молотками, шильями, банкой съ клейстеромъ, дратвой, сапожными гвоздями и деревянными шпильками въ почернѣвшей жестяной коробкѣ изъ-подъ сардинокъ, широкимъ сапожнымъ ножомъ и прочими принадлежностями ремесла. Кругомъ обрѣзки кожи, грязная рваная обувь, начиная съ одеревенѣвшихъ сапожищъ ломового извозчика и кончая прюнелевыми ботинками господской кухарки или горничной.

Лавка, кухонный столъ у стѣны и два табурета, также заваленные всякими пожитками, дополняли обстановку по части мебели, да еще у кровати «барышни» на двухъ кирпичахъ маленькій шкапикъ, вродѣ игрушечнаго, и на немъ небольшая эмалированная кастрюлька. На окнѣ стоялъ деревянный штативъ съ привязаннымъ стекляннымъ шаромъ, наполненнымъ водой и служащимъ очень распространенной у провинціальныхъ сапожниковъ линзой для усиленія освѣщенія; тутъ же рядомъ жестяной чайникъ и опрокинутые на блюдца стаканъ и чашка. На другомъ окнѣ два такихъ чайника, деревянная

миска, сѣрая полоскательная чашка и тарелка съ синими разводами. На печи котелокъ и двѣ жестяныхъ побурѣвшихъ кастрюли.

Послѣ моей неудачной попытки присѣсть на постель «барышни», старикъ укоризненно крикнулъ старухѣ:

— Власьевна, чего смотришь! Подай господину доктору табуретку присѣсть! Что ты, въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, ты, Боже мой!

Старуха сбросила пожитки съ одного табурета и подала его мнѣ къ сапожному столу. Присѣвъ, я повторилъ свой вопросъ:

— Ну, хорошо, кто-жъ у васъ боленъ?

— Да, вотъ, я, ваше высокоблагородіе, господинъ докторъ.

Я пристальнѣе взглянулъ на своего паціента.

На низкомъ кругломъ, вродѣ обрубка, табуретѣ сидѣлъ передъ сапожнымъ столикомъ старикъ съ большими сѣдыми бакенбардами и рѣдкими волосами на головѣ, всетаки стянутыми, по обычаю многихъ мастеровыхъ, ремешкомъ на лбу. Несмотря на желтое, отечное, съ припухшими вѣками, лицо, на подпоясанную ремнемъ грязную ситцевую рубаху на-выпускъ, вся фигура, какъ и отрывистая манера разговора, выдавала стараго, много потрудившагося служиваго, хотя настоящій костюмъ его всего менѣе напоминалъ воинскій нарядъ. На костлявыхъ ногахъ висѣли широкія нанковыя панталоны; вмѣсто сапогъ, такъ называемые опорки на босу ногу. На колѣняхъ онъ держалъ короткую, довольно толстую доску, а на ней лежалъ кусокъ новой подошвы, которую онъ, очевидно, только что расколачивалъ положеннымъ тутъ же рядомъ широкимъ сапожнымъ молоткомъ,— одна изъ самыхъ обычныхъ сапожныхъ манипуляцій.

— Что у васъ болитъ, на что вы жалуетесь?

— Кроникъ у меня, господинъ докторъ, сильный кроникъ.

— Что?—спросилъ я, выпуча глаза, такъ какъ никогда не слыхалъ о такой болѣзни.

— Кроникъ въ правомъ колѣнѣ. Оно, значитъ, все пухнетъ, да пухнетъ, а нога сама тощаетъ.

— Колѣно самое вздуло, что головку у дитяти,—пояснила старуха.

— Акромя болей, по ночамъ точно иглами огнёвыми насквозь колетъ. Главная бѣда, вотъ, разгибаться совсѣмъ перестала, ни за что не разогнуть, хоть волкомъ вой! А мнѣ безъ ходьбы невозможно: ни товару, ни старья купить, ни въ рынкѣ продать, ничего невозможно! Какъ тутъ быть, хоть помирай, ложись!

— Ну, старуха пособитъ, сходитъ за васъ куда нужно,—попробовалъ я его утѣшить.—Навѣрно, и купитъ, и продастъ, какъ слѣдуетъ.

Старуха сердито махнула рукой и замѣтила:

— Нешто онъ кому довѣритъ? Кладъ вѣдь, какъ же!

А починщикъ, не обращая на ея слова ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ съ вѣсомъ:

— Нѣтъ, гдѣ ей! Къ нашему дѣлу сызмальства надо привыкать. Я и до службы, и послѣ все тѣмъ же занимался. Да и на службѣ тоже. Товарищамъ починки кто дѣлалъ—я, да и господамъ офицерамъ, особливо по деревнямъ на стоянкахъ, кто чинилъ? Опять же я, до баталіоннаго восходилъ! Всѣ довольны оставались: кому заплаточку, кому носочекъ, кому подметку или каблучокъ; безъ похвальбы скажу, господинъ докторъ, лучше меня въ ту пору не всякій въ губерніи сдѣлаетъ.

— Ну, хорошо, покажите-ка ногу.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, сею минутой.

Онъ снялъ съ колѣнъ свою доску и, видимо, вознаграждая себя за долгое молчаніе, словоохотливо продолжалъ:

— Ужъ сдѣлайте милость, помогите! Потому, вы говорите, ей сходить. Никакъ невозможно, немыслимо. Какъ ей различить покупку! Онъ, сапогъ-то, кажетъ ничего, изъянъ самый малый, на гривенникъ починки всего; анъ, на самомъ-то дѣлѣ (онъ съ удовольствіемъ щелкнулъ языкомъ), кожа вся изопрѣмши, сгорѣвши вся. Ты только за нее возьмись—вся и пойдетъ ползти, что твой кисель. Или тоже взять, для примѣру, новый товаръ, подошву, къ слову сказать. Купецъ нынче весь мошенникъ, такую подсунетъ, что никуда: она и толстая подошва, да либо ломается, какъ сухая щепа, либо ползетъ врозь, какъ мокрая бумага, вотъ и поди съ ей. Того и гляди, у покупателя въ рукахъ отвалится. Все надо самому. А вы говорите, ей... Она все по прачкамъ ходила, она бѣлье понимаетъ до тонкости—фельдмаршалъ! Мы пробовали... Съ завязанными глазами въ руки возьметъ, сейчасъ скажетъ: это господское, а это наше—мужицкое; это барыни, а либо барышни, а это барина.

При этомъ онъ называлъ различныя части бѣлья, которыхъ пока еще не принято называть въ печати.

Старикъ говорилъ съ увлеченіемъ спеціалиста, любящаго и знающаго толкъ въ своемъ дѣлѣ. Не скрою отъ васъ: я слушалъ его съ интересомъ и разглядывалъ съ любопытствомъ.

Я вспомнилъ—les extrémités se touchent,—какъ на одномъ архивеликосвѣтскомъ благотворительномъ концертѣ меня очень занималъ въ оркестрѣ фешенебельныхъ любителей солидный молодой человѣкъ, который въ теченіе всего вечера раза 2—3 ударилъ въ большой барабанъ—и больше ничего. Правда, онъ это дѣлалъ ловко, молодцо-

вато, schneidig, какъ говорятъ нѣмцы; но мнѣ всетаки не вѣрилось, чтобы на это нашелся любитель. Любитель на три бумъ-бумъ-бумъ! И для этого просидѣть цѣлый вечеръ, непригвожденнымъ къ мѣсту нуждой,—не могу допустить. Оказалось, что я ошибся: это былъ любитель, форменный любитель, тратившій, но не получавшій, исполнявшій свое дѣло добросовѣстно и не безъ огонька.

И здѣсь, въ мрачномъ, сыромъ погребѣ, предо мною тоже былъ любитель и тоже не безъ огонька.

— А, вотъ, тоже бываетъ...—началъ опять Софронычъ.

Но мнѣ надо было еще въ другое мѣсто, и я вынужденъ былъ его прервать:

— Хорошо, а вотъ вы покажите сначала ногу.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, слушаюсь!

На этотъ разъ онъ, дѣйствительно, послушался и обнажилъ колѣно. Величиною съ голову двухъ-трехлѣтняго ребенка, покрытое сильно натянутой и потому тонкой, блѣдной, блестящей кожей, съ просвѣчивавшими широкими синими полосками венъ, оно казалось какимъ-то страннымъ шаромъ, еще рѣзче выдававшимся среди отощавшей, страшно худощавой, сухой ноги. Согнутая въ колѣнѣ, нога не разгибалась, несмотря на мое усиліе, вызвавшее жестокую боль.

— Говоритъ тоже пословица вѣрная,—опять началъ старикъ,—бѣда не приходитъ одна. Нельзя тебѣ за покупкой, либо за товаромъ выттить, а тутъ и по колѣну колотить тоже не больно ловко. Какъ шибанешь молоткомъ,—иная кожа старая, хребтовая, черезчуръ твердая бываетъ,—какъ саданешь ее, инда искры изъ глазъ посыпются, взвизгнешь, какъ боровъ не рѣзаный; а безъ того какъ ее пригонишь? Никакъ не пригнать!

— Какъ, вы на этомъ больномъ колѣнѣ доску держите и молоткомъ колотите? Да вы съ умомъ?

— А то какъ же? Я жъ говорю, безъ этого никакъ не возможно, хоть работу брось вовсе.

Что тутъ дѣлать? Объ излѣченіи здѣсь и думать нечего: слишкомъ далеко зашло хроническое, давнее, воспаленіе колѣннаго сустава. У человѣка помоложе и поздоровѣе можно бы вырѣзать все колѣно (resectio), а у этого истощеннаго старика такая операція—вѣрная смерть. Но хоть отдыхъ ему дать отъ этого сидѣнія и колоченія себя желѣзнымъ молоткомъ по больному колѣну!... Какъ бы это устроить?

Старикъ прервалъ мои размышленія:

— Третій годъ маюсь. Первоначально все ничего, перемогался, легко можно было; да и здоровъ я былъ, не скоро меня осилишь.

перь бѣда, все худшаетъ; пособи, бога для ради! Пожалѣй меня со старухой!

— Хорошо бы вамъ, дѣдушка, лечь въ больницу. Тамъ куда сподручнѣе такія болѣзни лѣчить: все есть что нужно, и лѣкарство, и уходъ.

— Пробовалъ въ больницу. Посмотрѣлъ меня докторъ,—говоритъ фершалу: не принимать,—гавритъ—кроникъ *),—и ушелъ. Фершалъ тоже говоритъ: дѣйствительно, крониковъ не принимаемъ, большое переполненіе въ больницѣ отъ ихъ дѣлается. Пробовала старуха ему въ руку сунуть, не беретъ, говоритъ: не могу, не могу.

Тутъ молчавшая до сихъ поръ старуха не выдержала и, запальчиво размахивая руками, сердито заговорила:

— Легче мнѣ, что ль, отъ того, что у него кроникъ? Кроникъ, да кроникъ. Чтобъ тебѣ лопнуть! Рупь-то больничный ты за его болѣзнь, хоть она и кроникъ прозывается, берешь, такъ лѣчи же! Ты гдѣ же это объявлялъ или прописалъ, что болѣзь кроникъ у тебя въ больницѣ не лѣчится, а деньги все-жъ больничныя подай! За что тебѣ деньги давать-та, а? Это какъ по вашему порядокъ, по закону?!

— Постой, Акулина, не мѣшай! Послѣ того ужъ чѣмъ ни лѣчилъ: примачивалъ святой водой, не помогаетъ, жигъ - траву прикладывалъ, навозъ лошадиный въ тряпкѣ привязывалъ—не беретъ, хоть што! Ни жить, ни помирать, одно слово, бѣда! Послѣдняя надежда на тебя: прославили тебя, говорятъ, вникательный и помогаетъ. Бери, что хошь, да только помоги: невтерпежъ, житья не стало! Обяднѣли вовся: скоро по міру иттить, да и то не въ мочь, развѣ ползкомъ.

Онъ умолкъ, покачивая головой. Старуха мрачно и неопредѣленно смотрѣла въ пространство: она какъ будто уже созерцала картину ихъ разоренія и какъ ея старикъ неумѣло ползаетъ за милостыней.

Я просто терялся и никакъ не могъ придумать, что бы посовѣтовать. Тутъ нуженъ прежде всего безусловный покой больному колѣну, соленыя ванны, укрѣпляющее общее лѣченіе, теплый сухой климатъ, еще много хорошихъ вещей и ужъ, конечно, не сырой погребъ для жилья. Позвольте спросить, что я могъ рекомендовать моему пациенту изъ всѣхъ этихъ столь элементарно-простыхъ и необходимыхъ условій существованія? Но больше всего гвоздемъ засѣла въ головѣ и буравила сердце ужасная мысль. Я не могъ себѣ представить, какъ человѣкъ сидитъ и колотитъ самъ себя желѣзнымъ моло-

*) Хроникъ, т. е. одержимый хронической болѣзнью, долго тянущейся. Такого рода больные считаются большимъ балластомъ, залеживающимся въ больницахъ, и потому, въ виду переполненія послѣднихъ, ихъ весьма неохотно принимаютъ.

томъ по больному колѣну только для того, чтобы заработать право жить въ этомъ погребу и питаться соотвѣтственно этому помѣщенію. Такъ вотъ это-то и значитъ «право на жизнь» и «борьба за существованіе!» Неужели при этомъ идетъ рѣчь о борьбѣ за *такое существованіе* и о правѣ на *такую жизнь*!? Неотвязно стояла у меня въ ушахъ его, эпически-спокойно произнесенная фраза:

— Какъ шибанешь молоткомъ, какъ саданешь ее, искры изъ глазъ посыпются, взвизгнешь! А безъ того, какъ ее пригонишь?

Поднявъ глаза, я замѣтилъ еще одну, новую фигуру. Изъ-за одной изъ ситцевыхъ занавѣсокъ вышла молодая женщина, бѣдно, по деревенски одѣтая, и остановилась у своего «угла» въ обычной позѣ, подперевъ щеку правой рукой и поддерживая послѣднюю за локоть лѣвою. Она слушала съ видимымъ интересомъ и смотрѣла на насъ во всѣ глаза съ истинно-деревенскимъ любопытствомъ.

— Прежде всего,—сказалъ я,—вы должны перестать колотить по больному колѣну. Это первое дѣло.

— Значитъ, работу брось: безъ того невозможно. А кормиться чѣмъ?—спросилъ онъ задумчиво.—Съ болѣзнью совсѣмъ дѣловъ стало мало, достатки прожиты начисто. Невозможно, немыслимо,—повторилъ онъ, покачивая головой.

— Докторъ вѣрно говоритъ,—вмѣшалась мрачная Акулина.— Развѣ самъ не поймешь, можно-ль по больному мѣсту колотить, точно щебень бить?! Безъ работы, вѣстимо, не прожить. Стара стала: по стиркамъ не берутъ. А ты, вотъ, на, колоти по моимъ колѣнямъ: здоровыя, выдержутъ!

Софронычъ презрительно улыбнулся.

— Гдѣ тебѣ, Акулина! Да и не сподручно.

— Чего не сподручно? Я сяду супротивъ тебя близехонько, а ты колоти вволю. А по больному мѣсту бить не можно, нешто самъ не понимаешь? Какъ это мы до сихъ поръ сами не смекнули, невдомекъ!

Я настоятельно совѣтовалъ воспользоваться, въ крайности, предложеніемъ Акулины, непремѣнно дать покой больному колѣну, мазать его іодомъ; далъ еще нѣсколько дешевыхъ совѣтовъ и ушелъ. На прощанье меня такъ благодарили, что чувство благодарности, мнѣ казалось, окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ, какъ легендарное облако нѣкогда кого-то въ пустынѣ... За что только?

Проходя снова черезъ дворъ, я думалъ: рождаются ли геніальные полководцы съ больными ногами, безъ возможности сѣсть на коня, талантливые музыканты безъ рукъ и пр. и пр., и какъ это возможно, какъ это мыслимо,—какъ говоритъ Софронычъ,—чтобы человѣкъ осужденъ былъ жить въ норѣ и зарабатывать скудный кусокъ хлѣба

колоченіемъ самого себя по больному, воспаленному колѣну! Прикидывая къ этому случаю различныя теоретическія ученія, я успокоился только на одномъ: мудрая природа и строгая цѣлесообразность на бѣломъ свѣтѣ!

---

3. «Да прилѣпится мужъ къ женѣ своей».

— Дяденька, а дяденька! Дяденька, докторъ, баринъ!—Я, наконецъ, замѣтилъ, что всѣ эти титулы и обращенія относятся ко мнѣ: такъ окликала меня, догоняя во дворѣ, маленькая бѣлокурая дѣвочка, лѣтъ пяти. Я думалъ, что она проситъ «копеечку».

— Что тебѣ, дѣтка?

— Зайди и маму полѣчить; мамка очень проситъ,—залепеталъ жалобно ребенокъ.—Тятька побилъ больно, животъ ей сломалъ, лежитъ, не встаетъ, зайди-и-и!—пищала дѣвочка.

— Хорошо, пойдемъ. Куда тутъ?

— Вотъ здѣся.

Я взялъ ее за ручку и поворотилъ назадъ. На противоположной, лѣвой сторонѣ двора оказался точь въ точь такой же погребъ или, вѣжливѣе, подвалъ, какъ тотъ, изъ котораго я только что вышелъ. Подъ впечатлѣніемъ своего визита къ сапожнику я подумалъ: два сапога пара. Обстановка тоже схожая, только порядку какъ будто больше въ комнатѣ. Вмѣсто сапожника здѣсь, поближе къ окну, сидѣли двѣ бабы и шили мѣшки. Мѣшечная ткань и готовыя издѣлія лежали около нихъ на полу и распространяли обильную пыль съ какимъ-то специфическимъ, раздражающимъ, но, по крайней мѣрѣ, не противнымъ запахомъ. Къ сожалѣнію, къ нему примѣшивались и преобладали ароматы затхлаго воздуха переполненнаго и не провѣтриваемаго подвала.

У боковой стѣны изъ-за разорванной ситцевой занавѣски раздавался стонъ.

— Вотъ тутъ,—жалобно сказала дѣвочка, подводя меня къ этому мѣсту.

Одна изъ швей подошла вмѣстѣ со мной, подвязала занавѣску и подвинула мнѣ свой табуретъ.

На широкой постели, безпорядочно разметавшись, лежала и стонала молодая женщина. Волосы взбиты и растрепаны, запекшіяся, черныя губы, частое прерывистое дыханіе, сильный жаръ... Красное отъ жару лицо отливало какими-то непонятными оттѣнками, которыхъ нельзя было разсмотрѣть и понять въ недостаточномъ освѣщеніи под-

вала. Нагнувшись поближе, я разглядѣлъ, однако, что это просто выступаютъ синяки, желтыя и бурыя пятна отъ ушиба или побоевъ.

— Что тутъ такое?—спросилъ я у швеи.

— О-охъ,—застонала больная.—Испить.

Дѣвочка бросилась къ кадкѣ и подала матери ковшикъ воды.

— Мужъ избилъ,—пояснила швея.—Пьяный бездѣльникъ, озорникъ! Послѣдній грошъ у ей съ дѣтьми отнимаетъ; самъ ничего, ни одной щербатой копейки домой не принесетъ; на ея трудовыя напивается и ее же съ дѣтьми въ гробъ заколачиваетъ! Извергъ роду человѣческаго, анаѳема анаѳемская!

Маленькая дѣвочка стояла потупившись, вся красная, съ глазами, полными слезъ.

— Поди, дѣвочка, поиграй съ дѣтьми во дворѣ,—сказалъ я.— Потомъ мы тебя позовемъ.

— Охъ-охъ-охъ,—усиленно застонала избитая.—Моченьки моей нѣтъ, охъ! Только бы съ лица пятна... охъ... свести: на работу... охъ... такъ нельзя.

— Отчего вы стонете? Что болитъ?

— Бокъ... охъ... тяжко!

Каждая фраза, каждое движеніе сопровождалось стономъ и судорожнымъ подергиваніемъ грудной клѣтки, точно давится чѣмъ человѣкъ. И эта избитая мученица собиралась опять идти на работу, какъ только синяки съ лица сойдутъ: за этимъ лишь остановка!

Кромѣ поверхностныхъ слѣдовъ жестокихъ побоевъ, въ видѣ синяковъ, оказалось, что у несчастной перебито ребро, острые обломки котораго продырявили оболочку легкаго (pleura) и поранили это послѣднее. Такимъ образомъ, получилось воспаленіе легочной плевы (плевритъ) и самаго легкаго, съ жестокимъ колотьемъ въ боку и кровавой мокротой. Положеніе не изъ веселыхъ и изъ не безопасныхъ.

— Сапожищами звѣрище проклятое ее истопталъ,—дополнила другая, до сихъ поръ молчавшая баба-мѣшечница.

Я велѣлъ немедленно положить ледъ на больной бокъ и во что бы то ни стало перевезти ее въ больницу сегодня же, сейчасъ.

— Охъ-охъ-охъ! А дѣти... охъ?—прошептала больная.

— Дѣти? Какія дѣти?—спросилъ я швею.

— Дѣвочку видали, а грудной вотъ,—она указала на кучку рапокъ тутъ же на постели.—Дашка—дѣвочка при насъ можетъ оставаться: не обидимъ; а вотъ съ маленькимъ трудно, намъ, старухамъ, не справиться—кто кормить будетъ?

— Не все ль равно,—возразилъ я.—А кто теперь его кор-

— Сама мать, грудью. Мы только немного помогаемъ: спеленать или убрать, когда нужно. Только, кажется, молоко у ней пропадать стало: больно неспокоенъ сдѣлался маленькій, все болѣ кричитъ.

— Что-о?? Мать и теперь сама кормитъ, въ жару и съ перебитыми ребрами?!—невольно воскликнулъ я.

— Охъ... охъ... я... Только мало стало... охъ... молока... охъ... охъ...

— Сколько времени ребенку?—спросилъ я.

— Четыре мѣсяца, пятый.

— Ну, дѣлать нечего. Малютку отправимъ въ Воспитательный, а мать въ больницу, и непремѣнно сейчасъ.

— Ой... онъ у меня... ой... ой... законный,—запротестовала больная.

Разумѣется: развѣ съ «незаконной» такое обращеніе возможно!

— Хорошо, не безпокойтесь: мы его отправимъ на законную половину. Поправитесь и возьмете его обратно,—утѣшилъ я больную.

При мнѣ позвали дворника, я далъ ему карточки къ знакомымъ врачамъ въ обоихъ учрежденіяхъ, растолковалъ, что сдѣлать, и онъ обѣщалъ все хорошо устроить.

— Будьте благонадежны, по хрестьянству! Какъ можно!—все твердилъ онъ.

Я думалъ еще, не сообщить ли въ общество покровительства животнымъ. У меня кстати есть паціентъ—окружной попечитель этого общества: на улицѣ даже у него прибита синяя вывѣска съ золотой звѣздой. Я, однако, колебался. Дѣло въ томъ, что животныя не пользуются такимъ уваженіемъ и покровительствомъ закона, какъ люди; а потому и можно вмѣшиваться въ ихъ отношенія. Между тѣмъ, у людей, одаренныхъ, какъ категорически дознано, свободной волей, сознаніемъ, нравственнымъ чувствомъ, способностью самоопредѣленія и еще многими другими важными качествами, къ тому же, созданныхъ по гораздо болѣе важному шаблону—у людей нельзя вторгаться въ «семейственныя отношенія», разлагать святость семейнаго очага, подрывать основы семейнаго быта, а, слѣдовательно, и общественнаго строя и пр., и пр. Я почувствовалъ, что у меня отъ однѣхъ мыслей объ этомъ начинаетъ колебаться земля подъ ногами, и я поспѣшилъ удалиться, согласно правилу «блаженъ, иже»...

Рабочій день кончался и переулокъ ожилъ. Лѣтній вечеръ наступалъ медленно и пока было еще совсѣмъ свѣтло. По тротуару, возвращаясь домой, тянулись вереницы усталыхъ рабочихъ. Особенно преобладали штукатуры и маляры, напоминая своей бѣлизной выма-

занныхъ мѣломъ клоуновъ въ циркѣ, но безъ ихъ живости. Позади взрослыхъ плелись болѣе утомленные мальчишки и подростки. Нѣкоторые несли съ работъ одинъ-два куска дерева—подспорье квартирной хозяйкѣ при теперешней дороговизнѣ дровъ. Мелкіе продавцы и продавщицы несли домой съ толкучки сосѣдняго Александровскаго рынка остатки непроданнаго товара; у одного на плечѣ нѣсколько паръ тщательно сложенныхъ старыхъ брюкъ; вотъ тащится женщина съ различными поношенными принадлежностями дамскаго туалета и пр. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго я обратилъ вниманіе на двѣ-три встрѣчи: двое мужчинъ несли навѣшенныя черезъ плечо нѣсколько паръ старыхъ, но хорошо вычищенныхъ сапогъ, разныхъ фасоновъ и величинъ; у одного въ рукахъ были старыя, порыжѣлыя, отрѣзанныя голенища и нѣсколько паръ ботинокъ.

«Починщики»,—подумалъ я не безъ гордости, какъ ребенокъ, прочитавшій первую вывѣску.

Теперь на каждомъ шагу стояли торговцы и, преимущественно, старыя бабы-торговки, продавая съ лотковъ и корзинъ крутыя яйца, жареную и вареную рыбу, моченую грушу, апельсины, сѣмечки, зеленый молодой лукъ, селедки и другіе съѣстные продукты.

Изъ мелочныхъ лавокъ выходили рабочіе съ ковригой ржаного хлѣба и бутылкой квасу въ рукахъ. Въ окнахъ трактировъ выдѣлялись группы распивающихъ чай. Въ раскрытыя ворота одного дома виднѣлась кучка рабочихъ, уже играющихъ въ орлянку. Ихъ окружала цѣлая толпа зрителей, съ живымъ участіемъ слѣдившая за ходомъ игры.

На улицѣ появилось больше дѣтей, но они уже не играли, а какъ-то озабоченно и въ одиночку шмыгали между взрослыми. Иные несли домой большія бутылки квасу, бутылки водки, хлѣбъ, зеленый лукъ и другую провизію. Въ одномъ мѣстѣ около тротуара стояли четыре дѣвочки лѣтъ 6—7; одна изъ нихъ что-то держала въ подолѣ своей коричневой юбочки. Другія радостно и возбужденно о чемъ-то просили ее. Я разслышалъ, проходя, такой разговоръ между ними:

— Ай, дай, дай, какъ хорошо!

— Нѣтъ, напугалась до смерти,—говорила взволнованнымъ голосомъ, съ раскраснѣвшимся личикомъ и заплаканными глазами бѣлокурая дѣвочка въ коричневомъ платьицѣ.—Самые лучшіе онъ отнялъ. Какъ схватилъ меня за уши, я думала, оторветъ. Испугалась, думаю, помру. Стала просить: отпустите, дяденька, никогда больше не буду. Насилу вырвалась.

Бѣдныя дѣти! Я пошелъ дальше.

Появились какія-то ужасныя, несчастнѣйшія женщины. Красныя, испитыя физіономіи, лохмотья, безпокойный, робкій, ищущій и въ то же время наглый взглядъ. Впрочемъ, одна помоложе, съ черной, кружевной косынкой на головѣ, была одѣта хотя убого, но заботливо. Онѣ задирали, по своему кокетничали съ проходившимъ людомъ. По временамъ циничнѣйшія слова вдругъ раздавались въ воздухѣ, не привлекая ничьего особеннаго вниманія и падая, точно кусокъ грязи, неизвѣстно откуда.

Будни, а какая масса пьяныхъ! И когда они успѣли?! Черезъ каждые два-три шага попадаются одинъ-два пьяныхъ, многіе съ одутловатыми физіономіями хроническихъ пьяницъ, кандидатовъ на бѣлую горячку, циррозъ печени и почекъ, водянку и проч. Кабацкихъ сидѣльцевъ уже не видать: они заняты. Вотъ прошелъ мимо кабака рабочій, отворачиваясь въ противоположную сторону, и вдругъ, точно невидимая сила его втолкнула, быстро юркнулъ въ гостепріимно раскрытыя двери кабака. Меня поразило отсутствіе шума и гама со стороны пьяныхъ. Я полагаю, что это слѣдуетъ приписать тому, что люди напивались утомленные, послѣ тяжелой работы. Въ смыслѣ вреда—это должно быть еще хуже.

Вотъ, совсѣмъ близко къ выходу на Большую Садовую, стоитъ посрединѣ переулка широкоплечій мужчина, безъ фуражки, въ красной, подпоясанной веревочкой, кумачевой рубахѣ и парусинныхъ порткахъ. Густые русые волосы и большая борода сбиты и всклочены. Онъ пьянехонекъ и порядкомъ покачивается. Съ правой ноги у него свалился опорокъ и пьяный съ необычайной сосредоточенностью старается опять попасть въ него босой ногой. Безъ звука, съ величайшей серьезностью, тычетъ онъ ногой и сверху внизъ, справа налѣво и слѣва направо, но все напрасно: точно заколдованная, нога никакъ не попадаетъ въ широкое отверстіе опорка. Вся его фигура была до такой степени жизненно типична и грустна, что я невольно остановился и искренно пожалѣлъ, что при этой сценѣ нѣтъ художника, который перенесъ бы ее на полотно. Впрочемъ, едва ли эти голыя ноги, это Nu, принадлежатъ къ тѣмъ, которыя охотно рисуютъ художники. Долго-долго старался пьяный бѣдняга, но, наконецъ, утомившись, поднялъ опорокъ и поплелся далѣе, одинаково выдѣлывая зигзаги обутой въ опорокъ и босой ногой и какъ будто дирижируя себѣ правой рукой съ опоркомъ.

Д. М. Герц—нъ.

Осеннія пѣсни.

Сонный шопотъ, робкій стукъ,
Капли падаютъ на крышу...
Я не сплю, я чутко слышу
Каждый шелестъ, каждый звукъ.
Это осень все горюетъ
Въ чащѣ сада, за окномъ...
Листья вялые цѣлуетъ
Окропленные дождемъ,
То заплачетъ съ грустью кроткой,
То застонетъ, запоетъ,
Подъ садовою рѣшеткой
Къ тонкой яблонѣ прильнетъ...
То взметнется бѣлой тѣнью
Межъ поникнувшихъ вѣтвей,
Какъ печальное видѣнье
Грустной юности моей...

. . . .

Сонный шопотъ, робкій стукъ,
Капли падаютъ на крышу...
Я не сплю, я чутко слышу
Каждый шелестъ, каждый звукъ...

М. Свободинъ.

Что сдѣлано за сорокъ лѣтъ московскимъ городскимъ управленіемъ по народному образованію *)

II.

Въ 1902 г. (31 января) московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ была произведена однодневная перепись населенія г. Москвы съ

*) *Русская Мысль*, кн. IV и IX, 1904 г. Первая глава настоящаго очерка, помѣщенная въ указанныхъ книжкахъ, представляетъ краткій обзоръ исторіи городскихъ начальныхъ школъ. Устанавливая четыре фазиса этой исторіи, мы указывали тамъ, какъ въ зависимости отъ мѣнявшихся въ теченіе сорока лѣтъ условій нашей общественной жизни мѣнялось и отношеніе представителей московскаго городского общественнаго управленія къ дѣлу народнаго образованія. Въ настоящей главѣ мы разсматриваемъ состояніе грамотности городского населенія и различныхъ его сословныхъ и возрастныхъ группъ, ростъ этой грамотности съ 1871 года, степень участія московскаго городского управленія въ ея распространеніи и въ обезпеченіи населенію другихъ способовъ образованія. Указываемъ мы здѣсь также и на то, что остается еще сдѣлать въ этомъ направленіи городскому управленію. Въ этомъ отношеніи настоящая глава представляетъ интересъ и независимо отъ предыдущей. Источниками, которыми мы пользовались при этой работѣ, служили частью „предварительныя данныя переписи 1902 г.“ (до настоящаго времени ихъ вышло 4 выпуска), частью еще не изданный статистическій матеріалъ, а затѣмъ различные „отчеты“ и „вѣдомости“, начиная съ 1898 г., а по нѣкоторымъ вопросамъ и за болѣе ранніе годы, еще не подвергшіеся сводной обработкѣ, и данныя предыдущихъ переписей. За весь этотъ матеріалъ мы приносимъ глубокую благодарность городской управѣ и статистическому отдѣлу, предоставившимъ намъ пользоваться имъ. Изъ значительнаго количества потребовавшихся при этомъ вычисленій многія, особенно касающіяся послѣдней переписи, представляли особыя затрудненія, потому что часто по отрывкамъ какого-либо не попавшаго намъ въ руки цѣлаго (обработка данныхъ переписи еще не закончена, особенно по вопросамъ народнаго образованія; да и изъ разработаннаго далеко не все попало въ наши руки) приходилось возстановлять нужное цѣлое. Вслѣдствіе этого намъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ косвеннымъ даннымъ и предположительнымъ вычисленіямъ. Цифры, добытыя такимъ образомъ, мы каждый разъ отмѣчаемъ оговоркою. Изъ печатныхъ матеріаловъ мы также могли получить далеко не все нужное, что не могло не отразиться на цѣльности картины, которую намъ хотѣлось бы дать читателю. Тѣмъ не менѣе и то, что удалось получить и сдѣлать, намъ кажется, представляетъ большой интересъ.

пригородами. Какъ и въ первую городскую перепись *), болѣе или менѣе полное освѣщеніе положенія въ столицѣ народно-образовательнаго дѣла не входило въ задачи этого изслѣдованія. Какъ и 20 лѣтъ назадъ, населенію относительно этого предмета предлагалось только *два вопроса:* первый о грамотности въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. объ умѣніи читать и писать, и второй—объ учебномъ заведеніи, въ которомъ данное лицо окончило курсъ, или обучалось, или еще обучается. Тѣмъ не менѣе и полученный по этимъ двумъ вопросамъ матеріалъ представляетъ большую цѣнность, особенно если будетъ всесторонне использованъ, пополненъ и освѣщенъ другими данными. Остается только пожелать скорѣйшаго окончанія этого въ высокой степени нужнаго труда. Изъ данныхъ названной переписи мы узнаемъ, что въ Москвѣ (съ пригородами) въ 1902 г. было 1.174,671 жителей **). Изъ нихъ грамотныхъ было только 684,857 человѣкъ, немного болѣе половины населенія, а именно 58,3%. Это въ столицѣ — центрѣ промышленности и образованности громаднаго государства и въ двадцатомъ вѣкѣ. Даже если мы исключимъ изъ счета дѣтей дошкольнаго возраста (до 5 лѣтъ), то всетаки безграмотною оказывается больше, чѣмъ третья часть населенія (397,556 человѣкъ или 36,8%). Какъ, значитъ, далеко еще Москвѣ до всеобщей грамотности, о которой мы такъ много толкуемъ съ 90-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи Москва значительно отстала отъ Петербурга. Тамъ въ 1900 году на каждую тысячу городскихъ (безъ пригородовъ) жителей старше 8 лѣтъ приходилось 719 грамотныхъ, а въ Москвѣ (безъ пригородовъ же) даже въ 1902 г. количество грамотныхъ (того же возраста) *составляло только 640 на тысячу*. Эта печальная сама по себѣ картина станетъ еще болѣе удручающей, если посмотримъ, съ какимъ

---

*) Въ Москвѣ было четыре однодневныхъ переписи населенія. Первая перепись была произведена губернскимъ статистическимъ комитетомъ 12 декабря 1871 года. Она охватывала не только городъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и нѣкоторыя прилегающія къ нему мѣстности, составлявшія тогда съ Москвою одну полицейскую территорію. Эти мѣстности приблизительно соотвѣтствуютъ тѣмъ непосредственно примыкающимъ къ столицѣ и слившимся съ нею въ одно цѣлое пригородамъ, которые вошли и въ послѣднюю городскую перепись. Указанное обстоятельство представляетъ значительныя удобства для сопоставленія данныхъ переписей 1871 и 1902 годовъ. Къ сожалѣнію, матеріалы первой изъ нихъ даютъ крайне скудныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу. Вторая перепись была произведена уже самимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ 24 января 1882 г. Это и есть первая *городская* перепись. Къ сожалѣнію, ею была обойдена значительная часть столичнаго населенія, живущаго внѣ городской черты (до 14,000), вслѣдствіе чего данными этой переписи приходится пользоваться условно. Третья перепись—это „первая всеобщая перепись населенія Россійской имперіи", произведенная правительствомъ 28 января 1897 г. Наконецъ, четвертая перепись—это вторая городская перепись 31 января 1902 г.

**) По подсчету г. Михайловскаго въ ст. „Общая численность населенія Москвы и пригородовъ" въ I выпускѣ „Главнѣйшихъ предварительныхъ данныхъ переписи 1902 года", общее число жителей Москвы съ пригородами=1.173,427. А по подсчету В. Массальскаго въ выпускахъ III и IV тѣхъ же трудовъ это число=1.174,671. Мы беремъ послѣднее, какъ результатъ позднѣйшихъ подсчетовъ.

успѣхомъ росла грамотность столичнаго населенія за все пореформенное время. Вотъ что говорятъ объ этомъ данныя четырехъ переписей.

Годы переписей.	Колич. жител. Москвы (съ пригородами).	Колич. грамотныхъ.	Какую часть всего насел. они состав.	Ростъ грамот. (въ %) отъ переписи до переписи.
1871 (12 дек.)	601,969	260,004	43,2	—
1882 (24 янв.) *)	768,000	359,156	46,8	3,6
1897 (28 янв.)	1.038,591	573,395 **)	55,2	8,4
1902 (31 янв.)	1.174,671	684,857	58,3	3,1

За 30-лѣтній періодъ, въ который московское населеніе увеличилось чуть не вдвое (на 95,3%), грамотность его поднялась лишь на 15%. Сколько же потребуется еще времени, чтобы грамотность стала всеобщимъ достояніемъ нашей столицы?

Исключимъ изъ счета дѣтей дошкольнаго возраста (до 5 лѣтъ). Получится слѣдующая картина.

Годы переписей.	Количество жителей старше 5 л.	Количество грамотныхъ.	% отнош. грамот. къ всему населен. старше 5 лѣтъ.
1871 (12 дек.)	568,250	260,004	45,8
1882 (24 янв.)	721,657	359,156	49,8
1897 (28 янв.)	950,962	573,267	60,3
1902 (31 янв.)	1.083,413	684,857	63,2

Грамотность населенія старше 5 лѣтъ поднялась при такомъ счетѣ за 30 лѣтъ на 17,4%. Если условія распространенія ея будутъ и впредь возрастать съ такой же быстротой, то всеобщая грамотность (для населенія старше 5 лѣтъ) въ Москвѣ наступитъ лишь черезъ 60 лѣтъ. Это только простая грамотность, т.-е. умѣніе читать и писать. А сколько же вѣковъ понадобится намъ, чтобъ достигнуть того всеобщаго начальнаго (не въ нашемъ первобытномъ, а въ европейскомъ смыслѣ этого слова) образованія, которое давно уже обязательно для всѣхъ культурныхъ государствъ и даже для нашей азіатской соперницы Японіи? Вѣдь за это время между нами и ими можетъ вырасти такая же пропасть, какая въ настоящее время отдѣляетъ современныя культурныя государства отъ дикарей, если только наша отсталость и наше равнодушіе къ кореннымъ нуждамъ своего отечества къ тому времени не положатъ конецъ самому существованію нашего государства.

Но возвратимся къ цифрамъ. Посмотримъ, какъ распредѣлялась въ 1902 г. грамотность между различными возрастными группами, за исклю-

*) Такъ какъ въ перепись 1882 г. не вошло населеніе пригородовъ, то мы беремъ его по разсчету г. В. Михайловскаго („гл. предварит. данныя переписи Москвы, 1902 г.“, вып. I), а отношеніе грамотныхъ ко всему пригородному населенію (14,000) беремъ то же, какимъ оно было и для населенія, живущаго въ чертѣ города, т.-е. нѣсколько лучше, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

**) Въ томъ числѣ 128 грамотныхъ дѣтей моложе 5 лѣтъ.

ченіемъ дѣтей до 5 лѣтъ. Такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было данныхъ о грамотности возрастныхъ группъ старше 15 лѣтъ, относящихся къ пригородамъ, то въ данной таблицѣ будутъ заключаться свѣдѣнія только о населеніи, живущемъ въ чертѣ города, что, конечно, нѣсколько улучшаетъ картину, такъ какъ въ общемъ грамотность всего московскаго населенія (старше 5 лѣтъ 63,2% грамотныхъ) на 0,8% ниже грамотности (64% грамотныхъ) населенія, живущаго только въ чертѣ города.

Возрастныя группы.	Число жителей.	% отнош. къ общему колич. жителей старше 5 лѣтъ.	Число грамотныхъ.	% отнош. грам. къ числу жителей данной группы
5— 7 л.	38,933	3,9	4,025	10,3
8—11 »	47,514	4,7	36,614	77,1
12—14 »	53,261	5,3	46,710	87,5
15—19 »	131,287	13,0	106,043	80,8
20—29 »	288,640	28,6	201,287	69,7
30—39 »	201,533	20,0	125,366	62,2
40—49 »	126,424	12,5	69,116	54,7
50—59 »	67,521	6,7	33,149	49,9
60 и болѣе	51,364	5,1	22,282	43,4
Неизв. возр.	1,743	0,2	791	45,4
Итого . .	1.008,220	100	645,383	64,0

Изъ этой таблицы видно, что грамотность значительно (отъ 13% до 23,5%) повышается надъ среднимъ ея уровнемъ (64%) въ группахъ населенія школьнаго возраста 8—11 и 12—14 лѣтъ, а затѣмъ въ группѣ 15—19 лѣтъ. Причемъ та группа (8—11 л.), борьба съ безграмотностью въ которой лежитъ на начальной школѣ, даетъ наименьшій контингентъ грамотныхъ. И только въ слѣдующей группѣ (12—14 л.), гдѣ къ начальнымъ школамъ присоединяются другія учебныя заведенія (низшія и младшіе классы среднихъ), грамотность достигаетъ своего апогея. Это не значитъ, конечно, что означенныя заведенія служатъ разсадниками грамотности; это показываетъ только, что они притягиваютъ къ себѣ значительные кадры пришлаго грамотного юношества, источникъ грамотности которыхъ лежитъ внѣ Москвы. Сказанное еще въ гораздо большей степени относится къ слѣдующей группѣ (15—19 л.), которая вдвое больше группы 8—11 лѣтъ. Если изъ этой группы исключить учащихся высшихъ (живущихъ въ городской чертѣ во время переписи зарегистровано 6,125), среднихъ и другихъ учебныхъ заведеній въ возрастѣ 15 лѣтъ и старше *),

*) Всѣхъ учащихся 15 лѣтъ и старше въ Москвѣ зарегистрировано переписью 25,702. За отсутствіемъ точныхъ данныхъ о распредѣленіи ихъ по учебнымъ заведеніямъ, мѣсту жительства (въ городской чертѣ или внѣ ея) и возрастнымъ группамъ, мы можемъ только приблизительно предположить, что въ моментъ переписи не болѣе 600 изъ нихъ жило въ пригородахъ, не болѣе 8,000 было въ возрастѣ 20—29 лѣтъ, составляя около 4% этой группы, а остальные 18,107 были въ возрастѣ 15—19 лѣтъ, что равно 16% этой группы.

то грамотность остального юношества (15—19 л.) падетъ до уровня средней грамотности всего населенія. То же произойдетъ и въ слѣдующей группѣ (20—29 л.). Такимъ образомъ выходитъ, что, во-первыхъ, высокою грамотностью группъ 12—14 и 15—19 л. Москва въ значительной степени обязана иногороднимъ образовательнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, подготовляющимъ дѣтей въ школы, а во-вторыхъ, что та повышенная противъ средняго уровня грамотность, которую даетъ Москва *) группамъ 8—11 и 12—14 лѣтъ, обнимаетъ такое незначительное количество лицъ (обѣ группы 8—11 и 12—14 лѣтъ составляютъ лишь 10% всего московскаго населенія, разсматриваемаго въ таблицѣ), что она растворяется безъ замѣтнаго слѣда въ слѣдующихъ группахъ населенія 15—19 л. (за указаннымъ исключеніемъ), 20—29 и 30—39 л. Эти три группы, пережившія свой школьный возрастъ въ теченіе того тридцатилѣтія, когда дѣйствовали уже городскія школы, не отличаются рѣзко отъ слѣдующихъ затѣмъ группъ. Грамотность группы 40—49-лѣтнихъ ниже грамотности 30—39-лѣтнихъ на 7,5%; грамотность 50—59-лѣтнихъ ниже предыдущей группы на 4,8%; наконецъ, грамотность 60-лѣтнихъ и старше ниже 50—59-лѣтнихъ на 6,5%.

Чтобы перейти къ оцѣнкѣ сдѣланнаго по распространенію грамотности и начальнаго образованія среди столичнаго населенія московскимъ городскимъ управленіемъ, посмотримъ сначала, какое мѣсто занимаютъ въ городскомъ хозяйствѣ расходы на народное образованіе.

Всѣ расходы обыкновеннаго бюджета по «Отчету городского управленія» въ 1903 г. составляли *19.086,705 р. 58 к.*

Вотъ какъ распредѣлялись эти расходы по главнѣйшимъ отдѣламъ городского хозяйства **).

---

*) Москва, т.-е. вся совокупность городскихъ, казенныхъ, церковно-приходскихъ и частныхъ начальныхъ школъ, приготовительныхъ классовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и частныхъ лицъ, обучающихъ дѣтей грамотѣ. Изъ всего количества грамотныхъ Москвы безъ пригородовъ въ возрастѣ 8—14 лѣтъ, равнаго 83,324, на долю учащихся въ городскихъ школахъ по переписи приходится только 19,357, т.-е. 23,23%.

**) Мы распредѣляемъ отдѣлы расходовъ не въ порядкѣ вѣдомостей управы, а по ихъ значенію въ городскомъ бюджетѣ. Кромѣ того, въ классификаціи статей расходовъ мы придерживаемся не §§ установленной росписи, а группируемъ ихъ сообразно внутреннему содержанію. Къ I отдѣлу расходовъ мы относимъ не только § VII (благоустройство города), но и тѣ статьи §§ VIII (городскія предпріятія) и XI (больничное дѣло), назначеніе которыхъ—благоустройство и оздоровленіе города (водопроводъ, скотобойня, хлѣбопекарня, прачечная и дезинфекціонная камера, электрическая станція и городскія конно-желѣзныя дороги, свалки, ассенизація, канализація). Сюда же мы включаемъ и § VI (содержаніе пожарныхъ командъ), который собственно относится къ разряду „обязательныхъ" расходовъ. Къ II отдѣлу (больничное дѣло) мы относимъ расходы по § XI, за указаннымъ исключеніемъ расходовъ на санитарное дѣло, и статью на содержаніе склада медикаментовъ изъ § VIII. III отдѣлъ представляетъ безъ измѣненій § XIV (уплата долговъ) управской вѣдомости. IV отдѣлъ составляютъ *обязательные* расходы общегосударственнаго свойства

Отдѣлы расходовъ.	Израсходовано.	%-ное отношеніе къ общей суммѣ расходовъ.
I. Благоустройство и оздоровленіе города	6.218,610 р. 88 к.	32,6
II. Больничное дѣло	3.271,440 » 94 »	17,1
III. Уплата долговъ	2.473,755 » 25 »	13,0
IV. Обязательные расходы по участію въ содержаніи правительственныхъ учрежденій и другіе	2.198,805 » 88 »	11,5
V. Народное образованіе . .	1.783,482 » 99 »	9,3
VI. Общественное призрѣніе . . .	903,408 » 13 »	4,7
VII. Расходы вспомогательнаго по отношенію къ предыдущимъ отдѣламъ характера *):		
1. Содержаніе городского общественнаго управленія	1.165,011 » 8 »	6,1
2. Содержаніе и устройство принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ	649,775 » 79 »	3,4
3. Разные расходы	422,414 » 64 »	2,3
Итого	19.086,705 р. 58 к.	100%

Такимъ образомъ, народное образованіе занимаетъ довольно скромное пятое мѣсто въ городскомъ бюджетѣ. И только общественному призрѣнію удѣляется еще меньше вниманія. Какія же нужды столичнаго населенія составляютъ предметъ главнѣйшихъ заботъ тѣхъ, кому ввѣрено населе-

по §§ I (участіе въ содержаніи правительственныхъ учрежденій), IV (воинская квартирная повинность), V (городская полиція) и статья на содержаніе сиротскаго суда по § II. Сюда же относимъ мы и уплату налоговъ (§ XII). V отдѣлъ представляетъ безъ измѣненій § IX (народное образованіе) управской вѣдомости. Въ VI отдѣлъ входитъ § X (общественное призрѣніе) и статья на содержаніе городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ изъ I дополнительнаго отдѣла управской вѣдомости. Въ VII отдѣлѣ 1) соотвѣтствуетъ § II (содержаніе городского общественнаго управленія), за исключеніемъ статьи на содержаніе сиротскаго суда (0,2% всѣхъ расходовъ) и внесеніемъ статьи на содержаніе городской типографіи (0,8% всѣхъ расходовъ) изъ § VIII; 2) представляетъ безъ измѣненій § XIII управской вѣдомости; 3) представляетъ расходы по §§ XV (отчисленія на образованіе капиталовъ), XVI (разные расходы—0,5% всѣхъ расходовъ) и по дополнительнымъ отдѣламъ: I (разные расходы по взиманію городскихъ сборовъ, пошлинъ и другихъ доходовъ), II (городскія изданія) и IV (содержаніе городского ломбарда).

*) Мы соединяемъ здѣсь три категоріи расходовъ, выдѣляя ихъ въ особую группу—вспомогательныхъ расходовъ, потому, что сами по себѣ они значенія не представляютъ; ихъ роль по отношенію къ предыдущимъ отдѣламъ служебная или дополнительная.

ніемъ городское хозяйство? Насколько существенны онѣ по сравненію съ народнымъ образованіемъ?

Первое мѣсто въ бюджетѣ московскаго городского управленія занимаютъ расходы на благоустройство и оздоровленіе столицы. Они поглощаютъ цѣлую треть городскихъ средствъ. Значительная (болѣе $^2/_3$) часть этихъ расходовъ (до 2.703,316 р. 62 к., т.-е. до 14,2% всѣхъ расходовъ) направлена на оздоровленіе города. Это насущно необходимые расходы на канализацію (4,9%), ассенизацію (1,5%), собственно санитарное дѣло и предупредительныя мѣры по отношенію къ эпидеміямъ и эпизоотіямъ (0,3%), водопроводъ (3,4%), городскія прачечную и дезинфекціонную камеру (0,3%), скотобойню (2%), хлѣбопекарню (0,5%), на содержаніе бульваровъ и садовъ (0,7%), прудовъ, колодцевъ, рынковъ и стоковъ (0,1%). Это тѣ расходы, благодаря которымъ остановилось вымираніе московскаго населенія *). Данныя о родившихся и умершихъ **) показываютъ, что съ 1872 по 1881 г. (включительно) число ежегодно умиравшихъ превышало число рождавшихся въ среднемъ на 2,601 человѣка, съ 1882 по 1896 г.—на 2,510 человѣкъ, тогда какъ съ 1897 г., когда начала дѣйствовать канализація ***), по 1901 годъ число родившихся стало превышать число умершихъ ежегодно (въ среднемъ) на 3,367 человѣкъ.

Изъ остальныхъ расходовъ перваго отдѣла—одни, какъ содержаніе пожарныхъ командъ (2,1% всѣхъ расходовъ), не менѣе необходимы, чѣмъ предыдущіе; другіе, какъ содержаніе городскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ (7,8%) и электрической станціи (0,7%), являются предпріятіями сами себя окупающими. Безъ третьихъ, какъ расходы на освѣщеніе города (2%), на мостовыя и другіе по содержанію улицъ, набережныхъ, мостовъ и т. под., современному большому городу тоже почти невозможно обойтись, хотя при этомъ и приходятъ невольно на память рѣчи думскихъ защитниковъ народнаго образованія о томъ, что просвѣщеніе важнѣе освѣщенія ****) и камней, забитыхъ въ мостовую *****). Однако такіе расходы, какъ вызванные существованіемъ ненужнаго обводнаго канала,

*) Приростъ московскаго населенія съ 1897 г. идетъ двумя путями: естественнымъ—вслѣдствіе преобладанія рождаемости надъ смертностью, и механическимъ—вслѣдствіе перевѣса притока въ Москву пришлаго населенія надъ его уходомъ изъ Москвы. До 1897 г. населеніе увеличивалось только—этимъ механическимъ путемъ. Естественнымъ же путемъ все время уменьшалось, т.-е. *вымирало*.

**) Заимствуемъ ихъ изъ очерка В. Михайловскаго „Общая численность населенія Москвы" въ I выпускѣ „Главныхъ предварительныхъ данныхъ переписи 1902 г.". При этомъ изъ счета исключены питомцы Воспитательнаго дома.

***) Смертность сокращалась и отъ другихъ мѣръ по оздоровленію города, что доказываетъ уже и періодъ 1882—96 гг., но канализація способствовала этому всего болѣе. Громадное вліяніе ея на уменьшеніе смертности замѣчается во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ только она введена.

****) Въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ (напримѣръ, въ Швейцаріи) уличное освѣщеніе послѣ 10 часовъ вечера гасится.

*****) См. рѣчи Плечко въ 1882 г., Е. Покровскаго, Ѳ. Воскресенскаго и М. Сабліна въ 1894 г., въ I главѣ.

1,400 руб. на освѣщеніе часовъ Сухаревой башни, 8,180 р. на музыку на бульварахъ и имъ подобные, едва ли можно назвать иначе, какъ роскошью, пока это отрываетъ средства отъ нуждъ народнаго образованія. А такіе расходы, какъ наемъ акробатовъ на народныя гулянья (2,300 р.) и положительно вредны. Но всего болѣе представляются изумительными такіе расходы, правда, въ послѣдніе годы, кажется, не повторявшіеся, какъ громадная премія въ *102,405 р. 54 к.*, выданная въ 1893 году московскимъ мясопромышленникамъ «въ вознагражденіе за мяса, признанныя негодными къ употребленію». За это, какъ извѣстно, строго наказываютъ, а не награждаютъ. Учесть всѣ непроизводительные или мало производительные расходы по благоустройству города на основаніи печатныхъ «Отчетовъ» управы очень трудно вслѣдствіе соединенія въ одной статьѣ разныхъ видовъ расходовъ, часто безъ опредѣленнаго ихъ обозначенія, да это и не входитъ въ задачи настоящаго труда. Что же касается перечисленныхъ выше статей расходовъ на оздоровленіе города, мы затруднились бы назвать хотя бы одну, которую можно было бы упразднить безъ вреда для населенія. По отношенію къ нимъ рѣчь можетъ идти только о способахъ расходованія этихъ средствъ и о повышеніи доходности тѣхъ статей, которыя являются предпріятіями. Здѣсь, не лишне будетъ замѣтить, что въ самомъ изящнѣйшемъ и чистоплотнѣйшемъ городѣ міра—Парижѣ, гдѣ одни только городскія сооруженія представляютъ цѣнность до $2^1/_2$ милліардовъ, а съ метрополитеномъ $5^1/_2$ милліардовъ, который еженедѣльно весь обмывается, въ которомъ на однѣ мостовыя расходуется до 25 милліоновъ франковъ въ годъ,—расходы по благоустройству, оздоровленію и содержанію городскихъ имуществъ составляли по смѣтѣ на 1903 годъ *) только 15,8% всѣхъ расходовъ или около 7 р. 20 к. изъ 45 р. всѣхъ расходовъ, падающихъ въ среднемъ на одного жителя, тогда какъ у насъ они составляли въ 1903 г. 32,6% или 5 р. 17 к. изъ 15 руб. 80 всѣхъ городскихъ расходовъ, падающихъ на одного жителя.

Вотъ какъ возрастали всѣ расходы по благоустройству и оздоровленію Москвы за 40 лѣтъ:

Годы.	Израсходовано.	%-ное отношеніе къ общей суммѣ расходовъ даннаго года.	Во сколько разъ абсолютная цифра расходовъ меньше такой же въ 1903 г.:
1863	450,016 р. 50 к.	27,0	13,8
1873	639,882 » $50^3/_4$ »	20,1	9,7
1883	1.486,780 » 13 »	28,0	4,1
1893	2.906,425 » 41 »	31,1	2,1
1903	6.218,610 » 88 »	32,6	—

При этомъ нельзя не отмѣтить того отраднаго факта, что часть рас-

*) Наши вычисленія сдѣланы на основаніи данныхъ статьи В. Байкова „Бюджетъ города Парижа“. Извѣстія московской городской думы, 1903 г., №№ 11—13

ходовъ I отдѣла, направленная на оздоровленіе города, растетъ гораздо быстрѣе части, направленной на такъ называемое внѣшнее благоустройство.

1. Расходы на оздоровленіе города:

%-ное отношеніе къ общей суммѣ расходовъ.					Во сколько разъ абсолютная цифра расходовъ 1903 г. возросла противъ				На 1 жителя въ 1903 году падало.	
1863 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	1903 г.	1863 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	р.	к.
3,8	3,6	3,1	12,5	14,2	42,2	23,3	16,5	2,3	2	25
2. Расходы на внѣшнее благоустройство:										
23,2	16,5	24,9	18,6	18,4	9,0	6,7	2,6	2,0	2	92

Отсюда мы видимъ, что, занимая по началу очень скромное мѣсто въ городскомъ бюджетѣ, нужды оздоровленія быстро завоевываютъ почетное положеніе, тогда какъ внѣшнее благоустройство все болѣе и болѣе отходитъ на заднiй планъ. Кляксомъ только являются и здѣсь, какъ и въ школьной исторіи, цифры сумеречнаго 1883 года: отношеніе между двумя видами разсматриваемыхъ здѣсь расходовъ въ этомъ году хуже, чѣмъ даже до реформы городового положенія. Что же касается перваго послѣ реформы 1873 г., въ которомъ съ расширеніемъ правъ городского общественнаго управленія возникло передъ нимъ много новыхъ насущныхъ задачъ, и въ городской бюджетъ сразу нахлынула масса новыхъ статей расхода, то хотя доля расходовъ по I отдѣлу въ общемъ и уменьшилась, но отношеніе первой ихъ части ко второй уже сразу измѣнилось къ лучшему.

Второе мѣсто въ городскомъ бюджетѣ занимаютъ расходы на больничное дѣло. Являясь въ дѣлѣ народнаго здравія, также какъ «Красный крестъ» въ войнѣ, починкой (и то довольно условной) того, что ломаетъ жизнь, оно преслѣдуетъ цѣли гораздо менѣе производительныя, чѣмъ борьба съ причинами болѣзней, одною изъ которыхъ, и притомъ чуть ли не самою крупною, служитъ народное невѣжество. И для населенія было бы гораздо полезнѣе, если бы нуждамъ народнаго образованія и оздоровленія города и другихъ условій жизни городского населенія (жилищъ, питанія, т.-е. всего, что относится къ области санитаріи во всей полнотѣ значенія этого слова) отдавалось предпочтеніе передъ больничнымъ дѣломъ, въ Москвѣ къ тому же поставленномъ не на земскихъ, а на дореформенныхъ еще началахъ блаженной памяти приказовъ общественнаго призрѣнія. Сравненіе съ Парижемъ и здѣсь не въ пользу Москвы. Парижскій муниципалитетъ расходуетъ на общественное призрѣніе, которое обнимаетъ кромѣ больницъ многочисленные пріюты для престарѣлыхъ и для дѣтей (въ 1902 году въ нихъ содержалось 45,000 дѣтей), 10,6% своего бюджета *); тогда какъ въ Москвѣ однѣ больницы поглощаютъ 17,1% городского бюджета, причемъ на каждаго жителя падаетъ въ среднемъ 2 р. 72 к.

*) Парижскій муниципалитетъ участвуетъ въ половинѣ расходовъ по общественному призрѣнію. Въ другой половинѣ участвуютъ правительство и частныя лица.

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ росли расходы московскаго городского управленія на больничное дѣло въ теченіе сорока лѣтъ:

Годы.	Израсходовано.	%-ное отношеніе къ общей суммѣ расходовъ.	Во сколько разъ абсолютная цифра расхода меньше такой же 1903 г.
1863	101,754 р. 48¼ к.	6,1	32,1
1873	203,662 » 59¼ »	6,4	16,0
1883	371,463 » 34 »	7,0	8,8
1893	1.219,007 » 4 »	13,0	2,6
1903	3.271,440 » 94 »	17,1	—

Отсюда видно, что абсолютныя цифры расходовъ на больничное дѣло все время непрерывно и быстро росли, что всего болѣе увеличились онѣ съ 1883 по 1893 г., а затѣмъ и въ слѣдующее десятилѣтіе; что мѣсто, которое занимали эти расходы въ городскомъ бюджетѣ, все время было почетнѣе занимаемаго нуждами оздоровленія города, и что разстояніе между ними, увеличившееся въ ущербъ оздоровленія въ 1883 г., совсѣмъ было сгладилось въ 1893 г., но, къ сожалѣнію, къ 1903 г. снова значительно (болѣе, чѣмъ въ 1863 и 1873 гг.) увеличилось.

Третье мѣсто въ городскихъ расходахъ занимаетъ уплата долговъ. Значительная часть этихъ долговъ вызвана обязательными расходами, бо́льшая же часть вызвана различными городскими предпріятіями и отчасти другими расходами въ цѣляхъ благоустройства города. Часть, вызванная затратами на предпріятія, представляетъ долги временные и условные, такъ какъ въ будущемъ уплата ихъ должна возмѣститься доходами съ этихъ предпріятій, и только часть, вызванная обязательными расходами (всего болѣе ихъ вызвано сооруженіями казармъ, арестантскаго помѣщенія, полицейскаго дома и т. п.), а также нѣкоторыми сооруженіями полуобязательнаго и необязательнаго характера, которыя, не увеличивая ни городскихъ доходовъ, ни оздоровленія, ни просвѣщенія—ничѣмъ не окупится. Вотъ какъ росъ этотъ отдѣлъ расходовъ съ 1863 года:

Годы.	Израсходовано.	% къ общей суммѣ расходовъ.	Во сколько разъ абсолютная цифра расходовъ меньше такой же 1903 г.
1863	64,693 р. 7 к.	3,9	38,2
1873	61,406 » 92 »	2,0	40,2
1883	444,242 » 31¼ »	8,4	5,5
1893	813,610 » 32 »	8,7	3,0
1903	2.473,755 » 25 »	13,0	—

Расходы по уплатѣ долговъ всего болѣе увеличились къ 1883 г., когда они были вызваны сооруженіемъ Александровскихъ казармъ и устройствомъ набережной возлѣ храма Христа Спасителя. Потомъ къ нимъ прибавился 3-милліонный облигаціонный заемъ, бо́льшая часть котораго пошла на бойни. Къ 1903 г. *) они снова сильно увеличиваются вслѣдствіе ра

*) Начиная съ 1895 г. ежегодно (кромѣ 1902 г.) выпускаются все новыя и новыя серіи облигаціоннаго займа на крупныя суммы для водоснабженія и канализаціи, а отчасти и на другія предпріятія.

новыхъ выпусковъ облигацій на городскія предпріятія (водопроводъ, канализація и др.) и выкупа конно-желѣзныхъ дорогъ.

Городскіе долги и ихъ уплата въ 1903 г. распредѣлялись по предметамъ своего назначенія слѣдующимъ образомъ:

Назначеніе займовъ.	Годы займовъ.	Размѣръ займовъ. руб.	Расходы 1903 г. по уплатѣ %% и погашенію. руб.	к.	%-ное отношеніе къ общей суммѣ расходовъ по уплатѣ долговъ.
Устройство водоснабженія	1890—1903	27.450,000	965,033	75	39,0
Канализація	1892—1903	12.256,200	533,823	50	21,6
Другія сооруженія и предпріятія *) . . .	1878—1901	6.811,200	206,737	—	8,4
Казармы	1881—1896	2.850,000	157,510	—	6,3
Зданіе пожарной команды и ремонтъ дома об.-полицеймейстера.	1886	300,000	75,000	-	3,0
Набережная и терраса храма Христа Спасителя **), казармы . .	1878—1886	1.000,000	50,651	—	2,0
Уплата I об-ву конножел. дор. за перешедшее къ городу предпріятіе	—	—	485,000	—	19,7
Итого	—	50.667,400	2.473,755	25	100

Въ общемъ задолженность Москвы нельзя считать очень большою. Правда, на Петербургѣ лежитъ еще меньше долговъ, но всѣ большіе города Европы обременены долгами несравненно болѣе Москвы. Только Вѣна въ этомъ отношеніи стоитъ ближе къ ней. Можно даже сказать, что чѣмъ культурнѣе и благоустроннѣе городъ, тѣмъ больше на немъ лежитъ долговъ. Первымъ по задолженности городомъ Европы опять-таки является Парижъ, долги котораго къ 1903 г. превышали 5 милліардовъ франковъ, а ихъ уплата въ 1903 году равнялась половинѣ всѣхъ муниципальныхъ расходовъ. На одного жителя это составляетъ болѣе 16 руб. Въ Москвѣ на одного жителя въ 1903 г. падало въ среднемъ 2 руб. городскихъ рас-

*) Бойня и скотопригонный дворъ (облигаціон. займъ 1886 г. на 2,141 тыс. р.), ломбардъ (1895, 1901 гг. на 1,500 тыс. руб.), училище въ память Александра III и другія предпріятія (1900 г. 1,000 тыс. р.), зданіе городской думы (1889 г. 500 т. р.), каналъ и москворѣцкій мостъ (1886 г. 375 т. р.), прачечная (1886 г. 184 тыс. р.), яузская больница (1879 г. 111,210 р.).

**) Въ печатныхъ управскихъ вѣдомостяхъ не раздѣлены эти двѣ статьи, на которыя первоначально средства были заняты у государственнаго банка (въ 1878 г.), а потомъ (въ 1886 г.) ему было уплачено облигаціями спеціальнаго займа.

ходовъ по уплатѣ долговъ. Задолженность страшна только въ той степени, поскольку она вызвана непроизводительными расходами.

Четвертое мѣсто въ бюджетѣ московскаго городского управленія занимаютъ такъ называемые «обязательные расходы» *). Это самые обременительные для городского хозяйства расходы, такъ какъ вызываются они не нуждами мѣстнаго населенія, а общегосударственными потребностями. Всѣ почти города жалуются на ихъ тяготу, возбуждаютъ въ разное время ходатайства передъ правительствомъ объ освобожденіи отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ уменьшеніи. По даннымъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ обязательные расходы по всѣмъ городамъ Россіи (кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи) въ 1899 году равнялись 21.304,389 руб. и составляли 20,7% всѣхъ городскихъ расходовъ (102.474,037 руб.). Львиная доля этихъ расходовъ ($^2/_3$ и болѣе) идетъ на содержаніе городской полиціи. Въ Москвѣ содержаніе полиціи и жандармскаго дивизіона въ 1903 году по управскимъ отчетамъ стоило 1.346,504 руб. 82 коп. и отнимало 7% городского бюджета. Въ дѣйствительности же, какъ это исчисляетъ въ своемъ докладѣ (9 сент. 1899 г., № 188) думская финансовая коммиссія «расходъ города на содержаніе городской полиціи по минимальному разсчету въ три раза болѣе смѣтной и отчетной цифры (1899 г., когда расходы на полицію по отчетамъ составляли 12,7% бюджета) и равняется почти $^1/_3$ всего городского бюджета». Это только расходъ на полицію. Какое скромное мѣсто сравнительно съ нимъ занимаетъ расходъ на народное образованіе. По тѣмъ же цитированнымъ выше даннымъ хозяйственнаго департамента за 1899 г. расходы всѣхъ городовъ на народное образованіе достигали въ этомъ году всего лишь 9.347,650 руб., т.-е. 9,1% всѣхъ расходовъ. И что особенно печально, такъ это то, что Москва въ этомъ отношеніи занимаетъ среди всѣхъ русскихъ городовъ ниже, чѣмъ среднее мѣсто. Расходы московскаго городского управленія на народное образованіе въ 1899 году составляли 7% всѣхъ его расходовъ. Здѣсь намъ представляется умѣстнымъ привести сравненіе Москвы съ нѣкоторыми другими городами по расходамъ на полицію и на школы, падавшимъ на одного жителя въ 1897 г.

На одного жителя падало въ копейкахъ:

Города:	На школы.	На полицію.
Иркутскъ	85,0	115,0
Одесса	95,3	83,1

*) На самомъ дѣлѣ этимъ расходамъ и въ Москвѣ, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ, принадлежитъ первое мѣсто. Въ нашемъ счетѣ изъ этого отдѣла перенесенъ въ отдѣлъ городского благоустройства расходъ по содержанію пожарныхъ командъ (2,1% всѣхъ расходовъ). Кромѣ того, управскими отчетами не прикладываются сюда долги, вызванные обязательными расходами. Наконецъ, не считается та масса натуральныхъ повинностей, которыя несетъ московское населеніе по содержанію полиціи (ночныхъ сторожей и т. п.). Всѣ эти расходы тѣмъ болѣе обременительны по сравненію съ предыдущими, что представляютъ повинность, а не самоокупающіяся предпріятія, какъ громадная часть расходовъ I и III отдѣловъ.

Петербургъ	80,3	90,5
Москва	73,0	116,0
Кіевъ	53,1	92,0
Харьковъ	36,3	50,8

Даже въ ряду этихъ шести случайно взятыхъ городовъ Москва по расходамъ на школы занимаетъ четвертое мѣсто, зато по расходамъ на полицію ей принадлежитъ первое мѣсто, тогда какъ Петербургъ, стоящій въ образовательномъ отношеніи выше Москвы, въ полицейскомъ занимаетъ только четвертое мѣсто.

Заглянемъ, однако, въ прошлое разсматриваемыхъ нами расходовъ. (См. табл, стр. 14).

Отсюда мы видимъ, что 40 лѣтъ назадъ обязательные расходы составляли болѣе половины всѣхъ городскихъ расходовъ, что и послѣ реформы 1871 года, когда въ городской бюджетъ вошла масса новыхъ расходовъ, увеличивавшихъ его втрое, обязательные расходы продолжаютъ отнимать у города $1/_3$ часть его средствъ. И только въ послѣднее 10-лѣтіе они стали занимать болѣе скромное мѣсто въ городскомъ бюджетѣ. Это по управскимъ смѣтамъ и отчетамъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы видѣли выше, за послѣднее 10-лѣтіе расходы города на одну полицію настолько возросли, что въ суммѣ своей обязательные расходы снова стали отнимать ту же долю городскихъ средствъ, какъ и въ 1873 г. и даже болѣе. А если къ натуральнымъ расходамъ на полицію прибавить хотя бы половину стоимости содержанія института дворниковъ, которые въ послѣднее время почти всецѣло превращены въ низшихъ полицейскихъ чиновъ, то затраты городского населенія на одну полицію безопасности составятъ гораздо болѣе $1/_3$ городскихъ расходовъ *). Вотъ объ отмѣнѣ этихъ-то расходовъ на государственныя, а не мѣстныя потребности, и слѣдуетъ позаботиться ради великой нужды московскаго населенія въ просвѣщеніи.

Переходимъ къ отдѣлу расходовъ на народное образованіе. Представляя для населенія нужду первостепенной важности, народное образованіе въ городскомъ бюджетѣ занимаетъ предпослѣднее мѣсто, а если мы соединимъ общественное призрѣніе съ больничнымъ дѣломъ **), то и послѣднее. Впрочемъ, есть еще отдѣлъ муниципальныхъ и земскихъ расходовъ. Западные города тратятъ на него значительныя средства. Онъ все болѣе и болѣе, несмотря на всѣ препоны, начинаетъ служить предметомъ усиленныхъ заботъ и нашихъ земствъ (особенно губернскихъ). Этотъ предметъ—помощь трудовому населенію, организація труда. По этому обширному отдѣлу муниципальныхъ заботъ, въ который входятъ бюро

*) См. объ этомъ интересную статью Б. Никитина „Расходы городовъ на содержаніе полиціи" въ „Извѣстіяхъ Московской Городской Думы", 1903 г. №№ 11—13.

**) По существу оно и должно разсматриваться, какъ часть общественнаго призрѣнія, прямое назначеніе котораго—печься о нетрудоспособной (временно или на всю жизнь) части населенія.

	1863 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	1903 г.
1) Содержаніе полиціи и жандармскаго дивизіона. . .	415,987 р. 11 к.	570,642 р. 44 к.	1.060,689 р. 20¼ к.	1.191,598 р. 65 к.	1.346,504 р. 82 к.
Процентъ къ общей суммѣ расходовъ.	24,9	18,0	19,9	12,7	7,0
Во сколько разъ меньше противъ 1903 года	3,2	2,3	1,2	1,1	—
2) Воинская квартирная повинность.	232,890 р. 66 к.	185,484 р. 34½ к.	240,831 р. 16 к.	271,971 р. 48 к.	306,426 р. 78 к.
% къ общей суммѣ расходовъ.	14,0	5,8	4,5	3,0	1,6
Во сколько разъ меньше противъ 1903 года	1,3	1,6	1,2	1,1	—
3) Прочіе расходы по содержанію правительственныхъ учрежденій.	220,447 р. 78½ к.	368,018 р. 14 к.	370,815 р. 47 к.	377,771 р. 58 к.	545,874 р. 28 к.
% къ общей суммѣ расходовъ.	13,3	11,6	7,0	4,0	2,9
Во сколько разъ меньше противъ 1903 года	2,4	1,4	1,5	1,4	—
Итого по тремъ статьямъ.	869,325 р. 55 к.	1.124,144 р. 92½ к.	1.672,332 р. 83¼ к.	1.841,341 р. 71 к.	2.198,805 р. 88 к.
% къ общей суммѣ расходовъ.	52,2	35,4	31,4	19,7	11,5
Во сколько разъ меньше противъ 1903 года	2,5	1,9	1,3	1,1	—

пріисканія занятій, справочныя конторы, посредничество между рабочими и предпринимателями или организація рабочихъ синдикатовъ, комитетовъ, различныя кассы рабочихъ, ферейны, страхованія на случай безработицы, городскіе дома и квартиры для рабочихъ, городскія консультаціонныя бюро и т. п., московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ не сдѣлано ровно ничего, не тратится ровно ни одной копейки *).

Но возвратимся къ народному образованію. Расходы московскаго городского управленія по этому отдѣлу въ 1903 г. равнялись 1.783,483 р. и составляли 9,3% всего бюджета.

Мы видѣли уже, что Москва въ этомъ отношеніи не только не подаетъ примѣра другимъ городамъ, но даже стоитъ ниже ихъ средняго уровня. Еще болѣе отстала она отъ земствъ. Расходы всѣхъ губернскихъ земствъ Россіи на народное образованіе въ 1903 г. равняются 10,7% ихъ бюджетовъ. При этомъ вятское губернское земство расходовало 23,3% своихъ средствъ, воронежское—20,8%, харьковское—17,2%. Расходы же всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ на народное образованіе въ 1903 году составляютъ 19,5% ихъ бюджетовъ. Въ среднемъ на одного жителя городскіе расходы на народное образованіе въ Москвѣ составляютъ—1 р. 48 коп. Какъ далеко это отъ расходовъ западныхъ городовъ. Въ Лейпцигѣ, напримѣръ, еще въ 1899 году муниципальные расходы на народное образованіе составляли 4 р. 75 к. на 1 жителя, въ Бреславлѣ и Нюрнбергѣ—4 руб. Даже въ Парижѣ, гдѣ муниципалитетъ до послѣдняго времени всего менѣе заботился о народномъ образованіи, предоставляя это монахамъ и частной предпріимчивости, въ 1903 году расходъ на городскія школы составлялъ 3 р. 37 к. на жителя.

Посмотримъ, какъ росли городскіе расходы на народное образованіе въ теченіе 40 лѣтъ дѣятельности московскаго городского управленія.

Годы.	Израсходовано.	% отношеніе къ общей суммѣ расходовъ.	Во сколько разъ абсолютная цифра расходовъ меньше такой же 1903 года.
1863 . . .	15,457 р. 35½ к.	0,9	115,3
1873 . . .	87,442 » 31½ »	2,7	20,3
1883 . . .	354,121 » 41 »	6,7	5,0
1893 . . .	579,664 » 21 »	6,2	3,0
1903 . . .	1.783,482 » 99 »	9,3	—

Отсюда мы видимъ, что въ дореформенное для городского общественнаго управленія время расходы первопрестольной столицы на народное образованіе не достигали и $^1/_{100}$ доли всѣхъ городскихъ расходовъ. Въ те-

*) Только нѣкоторыми городскими участковыми попечительствами о бѣдныхъ (хамовническое, пречистенское и яузское) были сдѣланы попытки устроить конторы для пріисканія занятій, да отдѣленіе Императорск. технич. общества и попечительство на Хитровомъ рынкѣ пытаются организовать консультацію, но эти учрежденія, не имѣя средствъ, едва влачатъ свое существованіе.

ченіе 10-лѣтія послѣ первой городской реформы (1862 г., вошедшей въ силу въ концѣ 1863 года) ихъ абсолютная цифра повышается болѣе чѣмъ въ 5 разъ, а относительная до 2,7% всего бюджета. Изъ школьной исторіи мы видѣли, что это было время, когда городское общественное управленіе отвоевывало еще только себѣ право на активное участіе въ народномъ образованіи. Но вотъ, право это было пріобрѣтено.

И въ первое 10-лѣтіе послѣ введенія въ 1872 г. городового Положенія 1870 года, т.-е. къ 1883 году абсолютная цифра расходовъ на народное образованіе возросла противъ 1863 г. въ 23 раза, а противъ 1873 г. болѣе, чѣмъ вчетверо. Ни одна статья городского бюджета не росла съ такой быстротой, какъ расходъ на народное образованіе. Это была весна просвѣщенія. Изъ школьной исторіи мы уже видѣли, какъ много хорошаго было сдѣлано городскими дѣятелями со времени городской реформы до 1884 года. Но вотъ наступаетъ сумеречное 10-лѣтіе—и доля расходовъ на народное образованіе не только не повышается, а даже понижается. Съ 6,7% она падаетъ до 6,2% городского бюджета. И только за послѣднее 10-лѣтіе она поднимается до 9,3%. Причемъ абсолютная цифра расходовъ увеличивается втрое противъ 1893 года.

Всѣ расходы московскаго городского управленія на народное образованіе въ теченіе 40 лѣтъ по своему назначенію распадаются на слѣдующія группы. (См. табл. стр. 17).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что, удѣляя на народное образованіе въ 1863 году ничтожную часть (0,9%) своего бюджета, московское городское общественное управленіе и изъ этихъ средствъ только половину (49,9%) расходовало на начальное образованіе. Но уже къ 1873 году его расходы на этотъ предметъ поднимаются до ³/₄ всѣхъ расходовъ по народному образованію. А къ 1883 году они достигаютъ—91,2%.

Въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе доля расходовъ на начальныя школы падаетъ на 8,7% въ пользу стипендій въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ и Третьяковской галлереи, а отчасти въ пользу профессіональнаго образованія, и къ 1893 году выражается цифрою 82,5% народно-образовательнаго бюджета. Въ этомъ же году мы встрѣчаемъ и новые расходы на вечернія школы, начало которымъ было положено въ 1876 году. Расходъ же на нихъ не встрѣчается въ управскихъ смѣтахъ и отчетахъ до 1886 года потому, что не выдѣлялся изъ содержанія начальныхъ училищъ, при которыхъ онѣ существовали. Кромѣ того въ 1893 году появляется расходъ на городскія народныя библіотеки-читальни, которыхъ къ этому году было двѣ: первая въ память Тургенева, открытая въ 1885 году В. А. Морозовой и ею обезпеченная, и вторая—въ память Островскаго, открытая въ 1888 году. Въ общемъ же всѣ расходы на образовательныя учрежденія для взрослаго рабочаго населенія *) къ 1893 году составили 3,(?)%

---

*) При чемъ вечернія школы, какъ мы это увидимъ ниже, въ то время [illegible] собственно вечерними отдѣленіями начальныхъ школъ для дѣтей школьнаго возраста.

Израсходованныя суммы и % отношенія ко всѣмъ расходамъ по народному образованію даннаго года.

Назначеніе.	1863 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	1903 г.
I. Начальное образованіе дѣтей:					
1) Содержаніе городскихъ общеобразовательныхъ школъ *)	—	51,478 р. 87½ к. 58,7%	309,002 р. 96 к. 87,2%	473,093 р. 61 к. 81,6%	1.402,514 р. 42 к. 78,6%
2) Пособіе казеннымъ начальн. училищамъ	7,714 р. 50 к. 49,9%	13,988 р. 44½ к. 16%	13,988 р. 45 к. 4%	5,000 р. — „ 0,9%	5,000 р. — „ 0,3%
II. Профессіональныя городскія школы:	— —	— —	— —	8,033 р. 66 к. 1,4%	183,524 р. 05 к. 10,3%
III. Образоват. учрежденія для взрослыхъ:					
1) Вечерне-воскресные классы и дополнительныя училища для кончившихъ курсъ начальной школы	(Не выдѣлены изъ расходовъ на начал. школы)			10,720 р. 99 к. 1,9%	9,291 р. 05 к. 0,5%
2) Народн. библіотеки-читальни и чтенія	— —	— —	— —	6,439 р. 37 к. 1,1%	19,665 р. 20 к. 1,1%
3) Постройка зданія народнаго театра	—	—	—	—	35,000 р. — „ 2,%
IV. Расходы по содѣйствію образованію лицъ другихъ классовъ:					
1) Пособія высшимъ и средн. учебн. заведеніямъ и разн. учрежденіямъ	4,742 р. 85½ к. 30,7%	2,766 р. 66½ к. 3,2%	10,200 р. — к. 2,9%	9,800 р. — к. 1,6%	28,427 р. 60 к. 1,6%
2) Стипендіи и пособія учащимся высшихъ и среднихъ учебн. заведеній	— —	9,158 р. 33 к. 10,5%	14,930 р. — к. 4,2%	46,332 р. 85 к. 8%	22,057 р. 95 к. 1,2%
3) Третьяковск. художеств. галлерея, Румянцевск. музей и библіотека, городской музей	3,000 р. — к. 19,4%	10,050 р. — к. 11,6%	6,000 р. — к. 1,7%	20,243 р. 73 к. 3,5%	78,002 р. 72 к. 4,4%

*) Сюда же относимъ мы: три 4-классныхъ мужскихъ училища по положенію 1872 года (1 открыто въ 1886 году и 2—въ 1890 г.) и два 4-классныхъ женскихъ училища (отрыты въ 1885 году). На содержаніе ихъ въ 1893 году расходовалось 34,901 р. 93 к., а въ 1903 г.—48,130 руб.

всѣхъ расходовъ по народному образованію. На этомъ дѣло и остановилось. Впрочемъ, нѣтъ, не остановилось, а значительно ухудшилось, такъ какъ на вечерне-воскресныя школы и на народныя читальни было удѣлено въ 1903 г. лишь 1,6% суммъ, предназначенныхъ на народное образованіе. И только искусственное введеніе сюда расхода въ 35,000 р. на постройку зданія народнаго театра *) подкрасило неприглядную дѣйствительность. Зато профессіональныя школы занимаютъ къ 1903 г. довольно почтенное мѣсто (10,3% противъ 1,4% 1893 г.) въ расходахъ на народное образованіе. Абсолютная цифра расходовъ на нихъ противъ 1893 г. возрастаетъ въ 22 раза. Это отражается на общемъ начальномъ образованіи пониженіемъ доли расходовъ на него на 3,6% (расходы на начальныя школы вмѣстѣ съ субсидіей казеннымъ училищамъ въ 1903 году составляютъ лишь 78,9% всѣхъ расходовъ по народному образованію противъ 82,5% 1893 года).

Каковы же результаты 40-лѣтней дѣятельности московскаго городского управленія въ области народнаго просвѣщенія? Что дало оно населенію всѣми своими мѣропріятіями по распространенію грамотности и начальнаго образованія?

Разобьемъ все московское населеніе по переписи 1902 г. на 4 возрастныхъ группы. Въ *первую* группу войдутъ дѣти дошкольнаго возраста (до 5 лѣтъ). Во *вторую*—дѣти школьнаго возраста (5—14 л. включительно). *Третью* группу составитъ взрослое трудоспособное населеніе (съ 15 до 60 лѣтъ). *Четвертую*—престарѣлые, начиная съ 60 лѣтъ **).

Первая группа—дѣти дошкольнаго возраста, составляла въ 1902 году *7,8%* всего населенія. Число ихъ равнялось—*91,243*. Это, быть можетъ, самая важная часть населенія. Въ ней таятся судьбы будущаго нашей столицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, это самая нѣжная, хрупкая часть населенія. Она особенно нуждается въ заботахъ о себѣ со стороны общества. Неблагопріятныя жизненныя условія убьютъ или изуродуютъ на всю жизнь эти молодые побѣги, и изъ нихъ выйдетъ въ будущемъ уродливое, больное населеніе дегенерантовъ. Этой части населенія больше, чѣмъ всѣмъ другимъ,

---

а первая читальня открыта частнымъ лицомъ, капиталомъ котораго обезпечено на вѣчныя времена и ея содержаніе.

*) Устройство всякаго рода зданій обыкновенно относится къ отдѣлу городскихъ предпріятій, къ благоустройству города, къ чему угодно, только не къ народному образованію, тѣмъ болѣе, что назначеніе зданія, о которомъ идетъ рѣчь, только съ громадной натяжкой можно признать образовательнымъ, еще съ гораздо большей, чѣмъ Третьяковскую галлерею, музей городского хозяйства, Румянцевскій, связь которыхъ съ народнымъ образованіемъ тоже довольно отдаленная. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе расходы на эти и имъ подобныя учрежденія въ управской отчетности выдѣлить въ особый отдѣлъ, напримѣръ, въ отдѣлъ искусства, какъ это дѣлается въ бюджетахъ западныхъ городовъ.

**) Престарѣлость, т.-е. естественная инвалидность наступаетъ у насъ, особенно для рабочаго населенія, гораздо раньше, по крайней мѣрѣ, съ 55 лѣтъ. Но мы въ этомъ отношеніи придерживаемся классификаціи городского статистическаго отдѣла.

нужны мѣры по оздоровленію города, жилищныхъ, пищевыхъ условій. Дѣтямъ рабочаго класса нужны ясли, убѣжища, пріюты и другія воспитательныя учрежденія. Это прямой долгъ муниципальныхъ учрежденій передъ населеніемъ. И западные города давно уже сознали его и многое сдѣлали для своихъ дѣтей. У насъ замѣчаются пока только слабыя попытки въ этомъ направленіи, оцѣнка которыхъ составитъ предметъ другой нашей работы. Что же касается образованія, то хотя въ западныхъ материнскихъ школахъ, дѣтскихъ садахъ и т. п. оно и начинается уже съ 2—4-лѣтняго возраста, но у насъ это возможно только по отношенію къ исключительнымъ, «феноменальнымъ» дѣтямъ.

Другою частью населенія, не нуждающеюся въ образованіи, является группа престарѣлыхъ. Они со стороны муниципальныхъ учрежденій требуютъ богадѣленъ, пріютовъ, пособій и другихъ мѣръ попеченія, но только не образованія. А потому и эту группу населенія, равняющуюся въ Москвѣ съ пригородами *54,777* человѣкъ и составляющую—*4,7%* всѣхъ жителей столицы, мы въ настоящей статьѣ тоже оставимъ въ сторонѣ.

Самую большую и производительную часть столичнаго населенія представляетъ группа взрослыхъ рабочаго возраста (15—59 лѣтъ). Она равнялась въ 1902 году *876,375* челов. и составляла—*74,6%* всего столичнаго (съ пригородами) населенія.

Къ сожалѣнію, въ нашихъ рукахъ нѣтъ данныхъ о профессіональномъ (классовомъ) составѣ этой группы. Что же касается сословнаго распредѣленія ея, то лица непривилегированныхъ сословій (крестьяне, мѣщане и другія) составляли въ ней въ 1902 году—88,1%, т.-е. почти $^{9}/_{10}$ населенія, причемъ одни только крестьяне составляли 67,9%. Что особенно заслуживаетъ вниманія, такъ это слѣдующія измѣненія сословнаго состава столичнаго населенія, происшедшія за три десятилѣтія и отмѣченныя переписями.

Переписи.—% отношеніе ко всему населенію:

	Лицъ непривилегированныхъ сословій.	Въ томъ числѣ крестьянъ.	Проч. непривилегированныхъ сословій.	Лицъ привилегированныхъ сословій.
1871 г. . .	83,7	44,5	39,2	16,3
1882 » . .	86,2	50,9	35,3	13,8
1902 » . .	88,1	67,9	20,2	11,9

Эти цифры показываютъ, что процентъ непривилегированныхъ лицъ въ Москвѣ быстро растетъ, а привилегированныхъ—соотвѣтственно падаетъ *). И этотъ ростъ совершается исключительно за счетъ крестьянскаго сословія,—такъ, процентъ мѣщанъ и другихъ непривилегированныхъ сословій падаетъ еще быстрѣе, чѣмъ привилегированныхъ. Особенно быстро этотъ процессъ совершается послѣ 1882 г. Такимъ образомъ Москва—городъ непривилегированныхъ сословій и главнѣйшимъ образомъ крестьян-

*) Быстрѣе этотъ процессъ совершался въ 10-лѣтіе 1872—1882 гг. и значительно медленнѣе въ періодъ 1882—1902 гг.

скаго. Эти сословія, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, составляютъ рабочій классъ. Этому классу столица обязана всѣмъ, что имѣетъ, а потому и заботы городского общественнаго управленія должны быть направлены прежде всего и больше всего на удовлетвореніе нуждъ этихъ $^9/_{10}$ столичнаго населенія. Оно должно дать рабочему населенію въ дѣлѣ организаціи труда, въ дѣлѣ обезпеченія этого населенія въ періодъ безработицы, старости, инвалидности, болѣзней, въ дѣлѣ улучшенія его жилищныхъ условій и проч., по крайней мѣрѣ то, что даютъ муниципалитеты другихъ городовъ свѣта, близкіе въ отношеніи количества населенія и промышленной жизни къ Москвѣ. Вѣдь тотъ классъ, которымъ держится Москва, все свое безъ остатка отдаетъ городу. У него не остается и той копейки, которую каждый старается сберечь на черный день. Такъ вотъ, хоть эту-то копейку городъ и обязанъ возвратить рабочему населенію. Въ другомъ мѣстѣ мы надѣемся показать, что сдѣлано и что должно быть сдѣлано московскимъ городскимъ управленіемъ въ этомъ отношеніи, а здѣсь будемъ говорить о томъ, за что во всѣ времена ратовали лучшіе думскіе дѣятели, что считали и что считаютъ они насущнѣйшею нуждой рабочаго населенія столицы и первѣйшимъ долгомъ городского общественнаго управленія по отношенію къ этому населенію,—объ его образованіи. Что же сдѣлано въ этомъ отношеніи для взрослаго рабочаго населенія столицы городскимъ управленіемъ въ теченіе 40 лѣтъ.

Въ 1876 г. были открыты при 14 начальныхъ училищахъ первые вечерне-воскресные классы «для несовершеннолѣтнихъ (12—17 л.) мужскаго пола, занятыхъ днемъ какими-либо работами, которые не могутъ поэтому обучаться въ школахъ», какъ гласятъ утвержденныя думою «положенія» о нихъ. Съ дѣятельностью этихъ школъ могутъ познакомить слѣдующія цифры *).

Годы.	Число школъ.	Число учащ.	% занятыхъ днемъ работ.	%-е отношеніе возрастныхъ группъ къ общему числу учащихся 7—12 л.,	12—17 л.,	старше 17 л.
1876	14	471	—	—	—	—
1878	14	945	68,0	30,3	61,0	8,7
1879	16	1,169	65,0	28,5	62,5	9,0
1883	16	1,414	59,0	37,6	51,9	10,5
1888	16	1,573	57,0	31,8	56,4	11,8
1889	15	1,140	78,0	12,1	73,8	14,1
1893	9	788	98,0	2,2	65,2	32,5
1898	6	582	100,0	—	58,1	41,9
1899	6	604	100,0	0,2	52,6	47,2
1903	6	492	33,0	2,0	59,4	38,6

*) Разсматривая думскую дѣятельность по народному образованію по десятилѣтіямъ 1864—1873 гг., 1874—1883 гг., 1884—1893 гг. и 1894—1903 гг. мы и здѣсь приводимъ данныя, соотвѣтствующія этимъ періодамъ. Но такъ какъ исторія этихъ школъ полна превратностей, то мы здѣсь даемъ свѣдѣнія, во-1-хъ, о каждомъ послѣднемъ годѣ пятилѣтія (1878, 1883, 1888, 1893, 1898, 1903) и кромѣ того о тѣхъ годахъ, которые чѣмъ-нибудь ознаменовались.

Какъ только были открыты вечерне-воскресные классы, они быстро стали переполняться учащимися. Это побудило думу увеличить въ 1879 г. ихъ количество на двѣ. Но на этомъ дѣло и остановилось, хотя число учащихся до 1888 г. непрерывно продолжаетъ расти. Въ 80-хъ годахъ отношеніе городского управленія къ вечернимъ классамъ мѣняется. Уже съ 1883 г. начинаютъ раздаваться противъ нихъ голоса.

И вотъ, въ 1886 г. послѣдовало постановленіе думы о сокращеніи числа этихъ классовъ, несмотря на то, что по признанію самой же думы «они принесли немалую пользу въ значительномъ пониженіи процента неграмотныхъ и служатъ своей цѣли». Однако и въ то мрачное время городское управленіе не нашло въ себѣ столько рѣшимости, чтобы сразу приняться за злое дѣло. И только послѣ второго постановленія съ 1889 г. вечерне-воскресные классы стали усиленно сокращаться. За 28-лѣтній періодъ ихъ характеръ измѣнялся трижды. Несмотря на первоначальное свое назначеніе удовлетворять потребностямъ въ грамотности рабочихъ подростковъ, вечерне-воскресные классы до 1889 г. въ значительной степени наполняются неработающими дѣтьми, особенно въ возрастѣ отъ 7—12 л., т.-е. тѣми, которымъ отказывали въ пріемѣ въ утреннія школы *).

Такъ было до 1889 г. Съ этого же года, вслѣдствіе постановленія думы не принимать въ вечерніе классы дѣтей моложе 12 лѣтъ, составъ учащихся этихъ классовъ измѣняется. Число работающихъ учениковъ сразу поднимается и къ 1893 г. достигаетъ 98,0, а затѣмъ и 100%. Въ то же время быстро растетъ и число учениковъ старше 17 лѣтъ **). Составляя въ 1889 г. 14,1%, оно достигаетъ къ 1900 г. 50,9%. Послѣ этого характеръ вечерне-воскресныхъ классовъ снова мѣняется. Число взрослыхъ рабочихъ въ нихъ къ 1903 г. сокращается до $^1/_3$. Снова появляются въ нихъ дѣти отъ 7—12-лѣтняго возраста, и школы эти все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ дополнительныхъ школъ къ начальнымъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ годъ отъ году падаетъ въ нихъ и общее количество учащихся. Превышая когда-то полторы тысячи, оно спустилось до 492 человѣкъ, изъ которыхъ только *161* челов. рабочій. И это въ то время, когда всѣ вечерніе и воскресные классы частныхъ лицъ и обществъ биткомъ набиты учащимися, когда на одни пречистенскіе курсы въ 1904 г. поступило 500 человѣкъ, когда каждая вновь открываемая школа тотчасъ же переполняется, когда взрослый рабочій всюду рвется отъ мрака къ свѣту, когда все совершающееся кругомъ насъ доказываетъ, что:

---

*) Не потому, думаемъ мы, заполнялись въ вечернихъ классахъ мѣста неработающими дѣтьми, что недоставало желающихъ учиться изъ работающихъ (это опровергается слѣдующимъ періодомъ дѣятельности вечерне-воскресныхъ школъ), а потому, что первымъ оказывалось предпочтеніе, какъ не дѣлающимъ манкировокъ, тогда какъ работающіе (особенно въ ремесленныхъ заведеніяхъ) мальчики—не хозяева своего времени.

**) Такая возрастная группировка учениковъ установлена въ управскихъ отчетахъ, и мы не могли ее измѣнить.

«Знанье—счастье,
Знанье—свѣтъ
Рабство безъ него».

Кромѣ названныхъ классовъ въ 1903 г. открыты классы для кончившихъ курсъ начальной школы при Міусскихъ въ память Александра II женскомъ и мужскомъ городскихъ училищахъ.

Въ нихъ въ 1903 г. было:

	Въ возрастѣ. 10—12 л.	12—14 л.	15 и старше.	Всего.
Учащихся мужск. пола .	10	33	1	44
» женск. » .	6	21	—	27
Итого .	16	54	1	71

Какъ ни ничтожно это количество для такихъ громадныхъ школъ, въ которыхъ утромъ находятъ себѣ мѣсто 576 учениковъ, а у учащихъ поднимается рука отогнать отъ дверей школы 60 человѣкъ просящихъ знанія, потому что они оказались лишними. Вотъ до чего пропиталъ бюрократизмъ даже лучшее дѣло города.

А въ это время изъ 876,375 человѣкъ столичнаго населенія въ возрастѣ 15—59 лѣтъ *317,030 человѣкъ*, т.-е. *46,2%*, остаются безграмотными. Московское городское общественное управленіе, судя по даннымъ переписи 1902 г., дѣлало для борьбы съ этой безграмотностью *во сто разъ меньше* другихъ учрежденій и частныхъ лицъ. Изъ 25,702 человѣкъ учащихся въ возрастѣ 15 лѣтъ и старше—въ вечерне-воскресныхъ классахъ при городскихъ начальныхъ училищахъ обучалось только 285 человѣкъ, т.-е. 1,1% *).

Страшно даже сказать, сколько еще остается сдѣлать городскому обществу по отношенію къ той группѣ населенія, о которой идетъ здѣсь рѣчь. А сдѣлать необходимо, когда народное невѣжество становится государственной опасностью. Нужно напрячь всѣ силы, нужно поднять на ноги все населеніе, нужно спѣшить во что бы то ни стало побороть это исконное русское зло, иначе, пожалуй, будетъ поздно. И начать этотъ крестовый походъ всего болѣе приличествуетъ городскому управленію, тѣмъ болѣе, что это его первѣйшій и священнѣйшій долгъ передъ столичнымъ населеніемъ. Важно только начать дѣло, важно признать его жизненную необходимость и объявить это, а силы для борьбы съ лютѣйшимъ врагомъ нашего отечества найдутся въ самомъ же населеніи. Пусть тотъ «народный фондъ образованія», въ который **) теперь по всей Россіи ...

---

*) Цифра нѣсколько выше дѣйствительной, такъ какъ по „Вѣдомости“ старше ... лѣтъ училось 180 человѣкъ. А 210 человѣкъ были въ возрастѣ 12—17 лѣтъ. ... этой группѣ часть 15—17 лѣтъ должна быть меньше половины, но мы считаемъ ... въ половину 105+180=285.

**) Предложившій въ газету *Русь* всѣмъ газетамъ открыть подписку по сбору пожертвованій „на народное просвѣщеніе“ и учредить для этого „комитет ...

чали поступать пожертвованія въ газеты, въ Москвѣ приметъ въ свое вѣдѣніе городское управленіе, сдѣлавши сборъ средствъ и ихъ употребленіе муниципальнымъ дѣломъ; пусть учредитъ оно для насажденія въ городѣ просвѣтительныхъ учрежденій попечительства, подобно существующимъ уже при немъ участковымъ попечительствамъ о бѣдныхъ. И можно быть увѣреннымъ, что столичное общество изыщетъ средства побѣдить врага, не требуя со стороны городского управленія большихъ расходовъ. Оно найдетъ въ себѣ силы просвѣтить даже и 310-тысячную армію слѣпыхъ, лишь бы не продолжалъ висѣть дамокловъ мечъ надъ лучшими русскими людьми и ихъ прогрессивно культурной дѣятельностью.

Кромѣ вечерне-воскресныхъ классовъ, къ числу образовательныхъ учрежденій для взрослаго рабочаго населенія относятся народныя библіотеки-читальни. Въ настоящее время въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія ихъ три. Слѣдующая таблица, составленная на основаніи отчетовъ библіотекъ за 1902 г. можетъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности и ихъ просвѣтительномъ значеніи для населенія.

	Читальня въ память Тургенева.	Читальня въ память Островск.	Читальня въ память Пушкина.
Количество книгъ (томовъ)	8,852	4,985	3,336
Количество экземпляр. ежемѣсячн. журн. *).	29	14	31
» » еженед. період. издан.	19	13	17
» » ежедневн. газетъ **).	5	6	4
Число дней въ году, когда читал. были откр.	297	322	329
Среднее количество посѣщеній въ день . . .	311	138	46

мѣру существующаго комитета по сбору пожертвованій на усиленіе флота" выражаетъ увѣренность, что „въ Россіи найдутся не десятки тысячъ, а десятки милліоновъ людей, которые не поскупятся заплатить хоть по 1 р. въ годъ". Тогда получатся десятки милліоновъ рублей, которыхъ хватитъ, чтобы „открыть двери просвѣщенія всѣмъ стучащимъ въ нихъ, безъ разбора кастъ, вѣроисповѣданій, званій или сословій, а руководствуясь словами нашего Вѣчнаго Учителя: даромъ получили, даромъ и отдавайте".

*) Изъ нихъ общаго содержанія получаются только слѣдующіе: 1) *Міръ Божій* (для Тургеневской читал. въ 5 экз., для Островской—въ 1 экз., для Пушкинской—въ 2 экз.) 2) *Историческій Вѣстникъ* (для Пушкинской читал. въ 2 экз., для прочихъ по 1 экз.), 3) *Образованіе* (для Пушкинской читал. въ 2 экз., для Тургеневской—въ 1 экз.). 4) *Русскій Вѣстникъ* (для 2-хъ читал. по 1 экз.) и 5) *Журналъ для Всѣхъ* (только для Тургеневской читал. въ 1 экз.). Остальные—или спеціальные, или дѣтскіе.

**) Изъ ежедневныхъ газетъ выписываются слѣдующія: 1) *Московскій Листокъ* (по одному экзем. для всѣхъ читаленъ), 2) *Новое Время* (для Тургеневской читал. въ двухъ экземпл., для прочихъ—по одному), 3) *Правительственный Вѣстникъ* (для всѣхъ читаленъ по 1 экз.), 4) *Свѣтъ* (для всѣхъ читал. по 1 экз.), 2) *Московскія Вѣдомости* (по 1 экз. для 2-хъ читаленъ), 6) *Саратовскія Губернскія Вѣдомости* (въ одномъ экземпл. для одной читальни).

Общее количество посѣщеній	92,493	44,344	15,188
% отношеніе (къ ихъ общему числу) посѣщеній, сдѣланныхъ:			
а) учащимися въ среднихъ и низшихъ училищ.	32,5%	48,9%	53,9%
б) фабричными и прислугой	3,8%	3,9%	7,9%
в) ремесленниками и мастеровыми	18,3%	16,5%	12,0%
г) лицами другихъ профессій	45,4%	30,7%	26,2%
Количество всѣхъ выдачъ	139,366	80,011	27,251
Читаемость (въ % отношеніи къ общему числу выдачъ):			
а) дѣтскихъ книгъ и журналовъ	23,0	43,2	40,1
б) книгъ беллетристическаго содержанія	33,8	21,6	22,9
в) періодическихъ изданій	24,2	18,8	24,9
г) книгъ историческихъ	4,3	2,9	3,4
д) » по естествознанію и медицинѣ	3,0	2,0	1,7
е) » по истор., литер., языков., педаг.	2,9	3,8	1,5
ж) » богословскихъ	2,0	1,6	1,7
з) » смѣшан. содержанія	2,0	1,9	1,1
и) » по географіи	1,6	1,7	2,0
і) » по сельскому хозяйству и технологіи	1,6	1,3	0,2
к) » по философіи	0,7	0,8	0,2
л) » по общественнымъ наукамъ	0,7	0,4	0,2

Въ этой таблицѣ прежде всего поражаетъ необыкновенно малый процентъ читателей изъ числа фабричныхъ рабочихъ, (которые почему-то соединены въ отчетахъ съ прислугой). Даже въ Пушкинской читальнѣ, находящейся въ фабричномъ района, количество читателей этого разряда достигаетъ только 7,9%. Значительно больше процентъ читателей изъ ремесленниковъ и мастеровыхъ. Объяснить такую разницу, намъ кажется, можно тѣмъ, что послѣдніе въ большей степени, чѣмъ рабочіе, могутъ отлучаться изъ мастерской и въ теченіе рабочаго дня, особенно самостоятельные кустари. Это подтверждаетъ и выдача книгъ изъ Пушкинской читальни на домъ *). При этомъ условіи книгами пользовались, какъ фабричные, такъ и ремесленники въ одинаковыхъ размѣрахъ. Но и вмѣстѣ взятые фабричные и ремесленники составляютъ только 20—22% общаго числа пользующихся книгами въ городскихъ читальняхъ. Это указываетъ на необходимость широкой организаціи городскимъ управленіемъ выдачи читателямъ, занятымъ днемъ работою книгъ на домъ. Другимъ заслуживающимъ вниманія обстоятельствомъ является большой сравнительно процентъ среди посѣтителей городскихъ читаленъ дѣтей и, слѣдовательно, малый—взрослыхъ. Только въ Тургеневской читальнѣ дѣти школьнаго возраста (учащіеся въ среднихъ и низшихъ школахъ) составляютъ $1/2$

*) Къ сожалѣнію, это практикуется только въ одной Пушкинской читальнѣ и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1902 г. этимъ правомъ пользовались только 293 лица, при этомъ взрослые изъ рабочаго класса составляли менѣе 11%. Всего за годъ было выдано 4,422 книги.

общаго числа посѣтителей. Въ читальнѣ же имени Островскаго ихъ половина, а въ читальнѣ имени Пушкина даже болѣе. Это главнѣйшимъ образомъ объясняется самимъ характеромъ читаленъ. Какъ «народныя», онѣ должны руководствоваться каталогомъ министерства народнаго просвѣщенія для этого рода библіотекъ и читаленъ. А извѣстно, что въ этотъ каталогъ входятъ почти исключительно дѣтскіе книги и журналы и книги, допущенныя въ низшія школы. Даже изъ допущенныхъ въ среднія школы, многія книги исключены изъ каталога народныхъ библіотекъ. Поэтому изъ газетъ въ городскихъ читальняхъ встрѣчаются только офиціальная *Правительственный Вѣстникъ*, уличная газета *Московскій Листокъ* да три газеты реакціоннаго направленія. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло по отношенію къ журналамъ. Здѣсь, кромѣ *Русскаго Вѣстника*, встрѣчаются *Историческій Вѣстникъ*, *Міръ Божій* и *Образованіе*. Послѣдніе два потому, что разрѣшеніе имѣть ихъ было дано въ то время, когда эти журналы были «юношескими». Даже *Журналъ для Всѣхъ* допущенъ только въ одну читальню—Тургеневскую. Каталогъ этой читальни, какъ открытой раньше, а значитъ и при лучшихъ условіяхъ, нѣсколько шире прочихъ. И это обстоятельство замѣтно отражается на составѣ ея посѣтителей. Тамъ взрослые составляютъ 67,5%, тогда какъ въ читальнѣ Островскаго они составляютъ лишь 51%, а въ Пушкинской—46,1%. И въ то же время число ежедневныхъ посѣщеній въ Тургеневской читальнѣ слишкомъ вдвое больше, чѣмъ въ читальнѣ имени Островскаго, и въ 7 разъ больше, чѣмъ въ Пушкинской читальнѣ. Все это, кажется, достаточно убѣдительно говоритъ за то, чтобы городскія читальни были преобразованы изъ такъ называемыхъ «народныхъ», т.-е. по существу дѣтскихъ, въ публичныя, какъ читальня въ Румянцевскомъ музеѣ, какъ читальни при общественныхъ библіотекахъ провинціальныхъ городовъ. Только при этомъ условіи онѣ будутъ читальнями для взрослыхъ. Сдѣлать это у города тѣмъ больше основаній, что читальни обслуживаютъ не только рабочій классъ—«народъ», въ томъ смыслѣ, какъ это понимается органами администраціи, а еще въ гораздо большей степени другіе слои городского населенія. Наконецъ, если для преобразованія читаленъ потребуется платность, то отчего не ввести бы и ее. Въ этомъ отношеніи примѣромъ, достойнымъ подражанія, могла бы служить московская же частная библіотека «Образованіе» (на Плющихѣ), въ которой за 15 к. въ мѣсяцъ подписчикъ, кромѣ одной книги, получаемой на домъ, пользуется и правомъ посѣщенія читальни при библіотекѣ. Такова же библіотека Рубакиной въ Петербургѣ. Таковы почти всѣ провинціальныя общественныя библіотеки.

Характеромъ городскихъ читаленъ, составомъ книгъ въ нихъ объясняется и то явленіе, что наибольшій спросъ въ нихъ падаетъ на дѣтскіе книги и журналы (40—43% въ читальняхъ Островскаго и Пушкинской). Большая полнота каталога Тургеневской читальни и здѣсь сопровождается уменьшеніемъ спроса на эти книги и журналы (23%) даже со стороны читателей учащихся. Только почти полнымъ отсутствіемъ въ министерскомъ

каталогѣ книгъ по общественнымъ вопросамъ *) объясняется, что этому отдѣлу удѣляется наименьшее вниманіе посѣтителей читаленъ. Болѣе полно представленъ въ городскихъ читальняхъ литературный отдѣлъ, хотя и здѣсь мы не найдемъ такихъ крупныхъ отечественныхъ писателей, какъ Гл. Успенскій, Короленко **), Горькій, Вересаевъ, Маминъ-Сибирякъ, Мельшинъ, Астыревъ, Станюковичъ (не считая дѣтскихъ), Рѣшетниковъ, Златовратскій, Левитовъ, Помяловскій, Ожешко (хотя два послѣдніе въ 1901 г. и были допущены), Михайловъ (Шеллеръ), Засодимскій, Каронинъ, Наумовъ, Боборыкинъ и друг. Изъ критиковъ и публицистовъ не находимъ: Добролюбова, Писарева, Михайловскаго, Шелгунова и даже Бѣлинскаго. Изъ иностранныхъ не найдемъ Берне, Зудермана, Гауптмана, Эркмана-Шатріана, Безантъ (послѣдніе два только что допущены въ читальни), Мопассанъ, Поленцъ, Ибсенъ (представленъ только въ Тургеневской читальнѣ). Гюго, Золя представлены только отчасти. Изъ имѣющихся писателей во всѣхъ читальняхъ къ наиболѣе читаемымъ относятся:

Русскіе писатели.	Мѣсто, занимаемое данными сочин. по степени читаемости.			Процентное отношеніе къ общему числу выданныхъ за годъ книгъ.		
	Тургенев. читальня.	Островск. читальня.	Пушкин. читальня.	Тургенев. читальня.	Островск. читальня.	Пушкин. читальня.
Гоголь	2	1	1	6,7	11,4	20,3
Толстой, Л. . . .	3	2	8	4,5	5,2	3,7
Толстой, А. . . .	6	5	9	3,7	3,7	3,5
Пушкинъ	7	12	2	3,0	2,4	9,3
Некрасовъ . . .	9	8	нѣтъ	2,7	2,8	нѣтъ
Достоевскій . . .	11	14	10	2,3	2,1	2,2
Тургеневъ . . .	17	15	7	1,9	2,1	3,8
Островскій . . .	16	17	13	1,9	2,0	1,6
Чеховъ	14	10	14	2,2	2,7	1,6
Гончаровъ . . .	8	28	21	2,8	1,0	1,2
Щедринъ	20	20	нѣтъ	1,5	1,0	нѣтъ
Лермонтовъ . . .	21	13	23	1,2	2,2	1,2
Крестовскій (псевд.)	25	нѣтъ	нѣтъ	1,0	нѣтъ	нѣтъ

*) Изъ 29 книжекъ, допущенныхъ католoгомъ мин. нар. просвѣщ. изд. 1900 г., только 4, а именно: 1) *Вреденъ*: „Начальн. учебникъ политическ. экономіи". Изд. 1876 г. 2) *Тизенгаузенъ*: „Бережь и трудъ". Очеркъ полит. экономіи (по М. Блоку). Изд. 1891 г. 3) *Нассе и Лексисъ*: „Металлич. деньги и валюта". Изд. 1897 г. 4) *Гольцевъ*: „Что такое подати. Ц. 1 к. Изд. 1893 г. касаются болѣе или менѣе общихъ вопросовъ права и экономики. Остальныя являются книжками справочнаго характера о законахъ и сельскихъ установленіяхъ.

**) Въ особенности странно, что нѣтъ Короленка, хотя въ 1901 г. были допущены его „Слѣпой музыкантъ" и „Очерки и разсказы", кн. 2-я. Кромѣ того, допущены: „Дѣти подземелья", „Старый звонарь", „Невольный убійца", „Рѣка играетъ", „Пріемышъ", „Судный день", „На затменіи", изданные отдѣльными книжками,

Никитинъ	26	31	19	0,9	0,9	1,3
Кольцовъ	62	51	15	6,2	6,3	1,5
Шевченко	?	?	44	?	?	0,4
Иностр. писатели:						
Сенкевичъ . . .	5	5	13	6,8	6,3	2,0
Диккенсъ	6	7	4	3,0	2,5	6,1
Гюго	8	6	22	2,8	4,3	1,0
Герштеккеръ . .	7	8	20	3,0	2,3	1,2
Скоттъ, В. . . .	12	9	11	1,8	1,9	2,9
Жоржъ-Зандъ . .	13	нѣтъ	нѣтъ	1,7	нѣтъ	нѣтъ
Шпильгагенъ . .	14	10	нѣтъ	1,7	1,8	нѣтъ
Шекспиръ	16	11	21	1,6	1,6	1,1
Гёте	11	15	27	1,9	1,4	0,6
Шиллеръ	17	24	15	1,5	0,8	1,4
Байронъ	22	17	31	1,3	1,2	0,4
Гейне	24	26	нѣтъ	1,2	0,7	нѣтъ
Бичеръ - Стоу . .	25	20	10	1,2	1,2	3,3
Сервантесъ . . .	28	13	33	1,0	1,5	0,3
Эберсъ	30	25	16	0,8	0,8	1,3
Додэ	27	29	нѣтъ	1,1	0,6	нѣтъ
Золя	31	28	нѣтъ	0,8	0,6	нѣтъ

Изъ этой таблицы видно, что лучшіе писатели русскіе и иностранные больше и читались. И въ этомъ между двумя первыми читальнями большое соотвѣтствіе. Только цифры третьей читальни мѣстами представляются странными *). Но, съ другой стороны, и такіе писатели, какъ Вс. Соловьевъ, Загоскинъ, Саліасъ занимаютъ по читаемости довольно высокія мѣста (4—6). А Немировичъ-Данченко въ Тургеневской читальнѣ занимаетъ даже первое мѣсто (въ другихъ 2 и 3). Это объясняется прежде всего тѣмъ, что министерскимъ каталогомъ допущено сочиненій этого писателя больше, чѣмъ какого-либо другого, а именно 24 названія. Непріятное впечатлѣніе производитъ то, что въ отдѣлѣ иностранной литературы первыя мѣста по читаемости заняли: Майнъ-Ридъ, Дюма, Куперъ, Эмаръ... Итакъ, городскія просвѣтительныя учрежденія, назначеніе которыхъ всюду обслуживать взрослое населеніе, въ Москвѣ въ значительной степени являются учрежденіями для дѣтей школьнаго возраста, а вечерне-воскресные и дополнительные классы за послѣднее время даже и совсѣмъ превратились въ дополнительныя школы для малолѣтнихъ.

Переходимъ къ послѣдней группѣ московскаго населенія, по отношенію къ которой сдѣлано, какъ это и должно быть, всего болѣе городскимъ управленіемъ—къ дѣтямъ школьнаго возраста 5—14 лѣтъ. Вотъ въ какомъ

*) Между прочимъ, отчетъ этой читальни относитъ Конради („Черные богатыри") къ иностраннымъ писателямъ.

положенія находилась грамотность и обученіе въ школахъ этой части населенія въ 1902 году.

Грамотность.

Общее количество дѣтей.		%-ное отношеніе ко всему населенію.	Изъ нихъ грамотныхъ было.	% къ общему числу дѣтей каждой категоріи.
5—14 л.	150,432	12,8%	92,712	61,6%
Въ томъ числѣ:				
5— 7 л.	42,149	3,5%	4,129	9,7%
8—14 »	108,283	9,3%	88,583	81,8%

Обученіе въ школахъ.

	Количество учащихся по переписи.	% ихъ къ общему числу дѣтей данной категоріи.	Колич. учащихся въ город. школ. по вѣдомости.	% ихъ къ общему числу дѣтей данной категоріи *).	% къ числу учащихся *).
5—14 л.	52,410	34,8%	23,676	15,7%	45,1%
Въ томъ числѣ:					
5— 7 л.	1,005	2,3%	162	0,4%	16,2%
8—14 »	51,405	47,4%	23,514	21,7%	45,7%

Изъ этихъ таблицъ видно, что процентъ грамотныхъ во всей группѣ населенія школьнаго возраста составляетъ 61,6, т.-е. ниже, чѣмъ въ группѣ взрослыхъ. Притомъ, только немного болѣе половины грамотныхъ дѣтей (34,8% изъ 61,6%) учится въ школахъ. Уже это одно указываетъ на крайнюю недостаточность начальныхъ школъ въ Москвѣ. Но и въ той грамотности, какую даютъ школы, городское общественное управленіе участвуетъ менѣе, чѣмъ наполовину. По переписи, изъ 52,410 зарегистрированныхъ учащихся всѣхъ школъ въ возрастѣ 5—14 лѣтъ на долю городскихъ школъ приходится только 20,096 или 38,3% (причемъ сюда вошли учащіеся и старше 14 лѣтъ), что составляетъ только 13,3% общаго числа дѣтей школьнаго возраста.

Передъ какимъ же количествомъ дѣтей, самый возрастъ которыхъ говоритъ, что ихъ мѣсто въ школахъ, городъ остается въ долгу?

Въ Европѣ школьное обученіе начинается даже ранѣе 5-лѣтняго возраста (съ 4-хъ, 3-хъ и даже 2-хъ лѣтъ). Въ Парижѣ еще въ 1899 г. **) въ однѣхъ только муниципальныхъ материнскихъ школахъ обучалось 25,200 дѣтей 2—6-лѣтняго возраста, что составляло 16,6% всѣхъ учащихся толь-

*) Число учащихся въ городскихъ школахъ, зарегистрированныхъ переписью, равно 20,096. Но такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было данныхъ о распредѣленіи учащихся по возрастамъ, то мы пользовались цифрами вѣдомостей, что дѣлаетъ отношеніе числа учащихся городскихъ школъ къ общему числу учащихся и ко всему населенію школьнаго возраста выше дѣйствительнаго.

**) А парижское городское общественное управленіе только за самое послѣднее время стало усиленно муниципализировать школы.

ко въ муниципальныхъ же первоначальныхъ элементарныхъ школахъ *). Но мы еще не Европа. И при той массѣ безграмотности, какая царитъ у насъ во всѣхъ возрастахъ, намъ извинительно будетъ исключить изъ счета подлежащихъ школьному обученію—дѣтей 5—7 лѣтъ, хотя стремленіе этой группы къ образованію сказывается и у насъ. Изъ таблицы видно, что грамотные въ этой группѣ составляютъ около 10%. Въ школахъ, впрочемъ, учится только 1/4 ихъ, а въ городскихъ — въ 6 разъ меньше. Въ 1902 году въ городскихъ школахъ училось 162 дѣтей моложе 8 лѣтъ, что составляетъ 0,7% всѣхъ учащихся этихъ школъ. До ограничительныхъ правилъ 1886 года, вызванныхъ переполненіемъ школъ, процентъ этотъ былъ гораздо выше. Въ 1877 и 1878 годахъ дѣтей моложе 8 лѣтъ было 167,161 или въ среднемъ 4,5% общаго числа учащихся городскихъ школъ.

Въ пятилѣтіе.	Моложе 8 лѣтъ было.					Или въ средн. общ. числа учащ. гор. шк.
1879—1883 гг.	128	173	326	206	270	3,8%
1884—1888 »	241	135	20	7	20	0,9%
1889—1893 »	8	11	21	12	10	0,1%
1894—1898 »	25	6	22	31	61	0,2%
1899—1903 »	75	69	284	162	260	0,8%

Отсюда видно, что первоначально значительное число учащихся моложе 8 лѣтъ сильно упало въ десятилѣтіе 1884—1893 гг. только потому, что не стали ихъ принимать. Къ сожалѣнію, за послѣднее десятилѣтіе ихъ снова стали принимать и все въ бо́льшихъ и въ бо́льшихъ размѣрахъ; такъ что въ 1903 году число дѣтей моложе 8 лѣтъ достигло 260, или 1% общаго числа учащихся въ городскихъ школахъ. Говоримъ, къ сожалѣнію, не потому, чтобы мы были противниками обученія дѣтей этого возраста. Напротивъ, можно было бы только радоваться, если бы и въ Москвѣ были учреждены для дѣтей до 8 лѣтъ городскія материнскія школы, дѣтскіе сады и т. п. образовательно-воспитательныя учрежденія. Но мы всей душой противъ того, чтобы малолѣтки въ теченіе 5—6 и болѣе часовъ въ душныхъ, темныхъ, тѣсныхъ и пыльныхъ классахъ начальныхъ городскихъ школъ подвергались той же учебной пыткѣ, какъ и болѣе взрослые.

Если мы исключимъ дѣтей 5—7 лѣтъ изъ школьнаго возраста, то эта группа сократится до 108,283 чел. (для 1902 г.). Это составляетъ только 9,3% всего московскаго населенія. Но этой маленькой группѣ—всей должно быть обезпечено начальное образованіе. Это самая первая и самая большая обязанность московскаго городского управленія. Насколько она имъ выполнена, показываетъ выше приведенная таблица (о дѣтяхъ 8—14 л.). Изъ этой таблицы видно, что 19,700 человѣкъ, или 18,2%, этой группы совершенно безграмотны. А изъ 88,583 грамотныхъ (81,8%) только

*) Кромѣ элементарныхъ школъ, парижское городское управленіе расходуетъ около $1^1/_2$ милл. франковъ на содержаніе высшихъ первоначальныхъ школъ, число учащихся въ которыхъ, къ сожалѣнію, намъ не извѣстно.

51,405 человѣкъ, т.-е. немногимъ болѣе половины (58%), обучаются въ школахъ. Остальные же *37,178* человѣкъ (42%) пріобрѣтаютъ грамотность или домашнимъ способомъ, или, начавши свое обученіе въ школѣ, были преждевременно лишены ея, и только часть, которая во всякомъ случаѣ меньше половины, принадлежитъ къ числу кончившихъ начальныя школы *). *Поэтому самою важною и самою неотложною задачей московскаго городского общественнаго управленія является дать мѣсто въ своихъ школахъ 19,700 чел., совершенно безграмотныхъ и той части 37,178 человѣкъ, которая обучается домашнимъ образомъ или преждевременно оторвана отъ начальной школы и простирается до 23,000 чел.* Тогда, и только тогда, можно будетъ сказать, что въ Москвѣ достигнута *общедоступность обученія*. «Общедоступность обученія!» Какимъ издѣвательствомъ звучитъ это слово въ устахъ тѣхъ, кто говоритъ, что оно достигнуто въ Москвѣ. Говорятъ, что когда нѣтъ отказовъ въ пріемѣ въ школы, это значитъ—достигнута общедоступность обученія. Значитъ—приняты всѣ, кто желаетъ въ нее поступить. Какъ? А эти чумазые, оборванные мальчики, которые постоянно встрѣчаются намъ на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ то согнутыми подъ тяжестью разныхъ продуктовъ производства, то бѣгущими по всякаго рода хозяйскимъ порученіямъ, развѣ они не желаютъ учиться? Развѣ не они переполняли вечерне-воскресные классы, когда городское управленіе милостиво взглянуло было на нихъ (правда, очень и очень не на долго)? Развѣ теперь они не наполняютъ всякую школу, куда только ихъ начинаютъ пускать? Нѣтъ, они желаютъ, страшно всѣ желаютъ учиться. Да вотъ горе: ихъ не пускаютъ. Не пускаютъ ихъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, тѣ, въ чьихъ рукахъ находится дѣло народнаго образованія, а съ другой—хозяева всякихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, куда противъ воли запрятало ихъ народное невѣжество. Да, невѣжество несравненно болѣе, чѣмъ нужда. Запрятало въ томъ возрастѣ, въ которомъ во всемъ культурномъ свѣтѣ это считается непозволительнымъ, въ томъ возрастѣ, въ которомъ во всемъ культурномъ свѣтѣ дѣти учатся. Пора же и намъ избавить дѣтей школьнаго возраста отъ ихъ *дѣтской неволи*, отъ этого крѣпостного состоянія, въ которое повергло ихъ невѣжество власть имѣющихъ надъ дѣтьми взрослыхъ. Пора провозгласить *обязательность* обученія, хотя бы по началу только для городовъ. У насъ, гдѣ такъ много всякихъ обязательностей, направленныхъ на человѣческую пагубу, на физическое и нравственное уродованіе человѣка, въ силу какого-то непонятнаго, страшнаго по послѣдствіямъ предубѣжде-

---

*) Данныя переписи, вѣроятно, покажутъ, сколько кончившихъ курсъ и не продолжающихъ своего обученія находится въ группѣ моложе 15 лѣтъ. А пока это не опредѣлено еще статистическими разработками, можно судить объ этомъ только приблизительно. Въ 1900 и 1901 гг. въ городскихъ школахъ кончило курсъ около 7,000 человѣкъ (6,918). Если столько же кончило начальное образованіе въ другихъ школахъ, и если даже всѣ они не поступили для продолженія своего образованія въ школы высшаго типа, то число ихъ будетъ 14,000 человѣкъ и никакъ не боль

нія считается предосудительной одна обязательность просвѣщенія, обязательность для человѣка не уподобляться «скоту безсмысленному». Но тогда почему же мы гордимся тою реформою, которою 19 февраля 1861 г. въ Россіи объявлена обязательность свободы человѣка отъ крѣпостного состоянія?... Нѣтъ, пора открыть глаза, пора хоть въ виду грозящей намъ великой государственной опасности изъ-за нашего невѣжества. Пора домогаться закона объ освобожденіи дѣтей отъ ихъ рабства, объ обязательности для нихъ обученія, объ упраздненіи права нанимать на всякаго рода работу и службу дѣтей моложе 15 лѣтъ, которымъ нужно учиться. Что въ этомъ школьномъ возрастѣ продолжительная работа въ мастерскихъ особенно вредна для здоровья человѣка, вредна на всю его слѣдующую жизнь, объ этомъ давно уже твердятъ всѣ гигіенисты; что этотъ возрастъ самый лучшій періодъ для пріобрѣтенія познаній, объ этомъ еще болѣе давно твердятъ всѣ педагоги; что въ этотъ возрастъ, когда маленькій стремится подражать во всемъ взрослому, особенно опасна дурная нравственная атмосфера мастерскихъ, артельныхъ спаленъ и разныхъ видовъ общенія дѣтей съ сбродомъ взрослыхъ, — твердятъ и моралисты, и педагоги вмѣстѣ. Почему же мы медлимъ приступить къ тому, что представляетъ общепризнанную необходимость, что давно осуществлено всѣмъ культурнымъ міромъ?

У насъ почему-то считаютъ достаточнымъ для дѣтей періодомъ первоначальнаго обученія 8—11-лѣтній возрастъ. Слѣдующая таблица показываетъ, что даже практика нашихъ начальныхъ училищъ опередила теоретиковъ суженія періода школьнаго обученія.

Учащіеся городскихъ школъ за все время, за которое есть объ этомъ отчеты, распредѣлялись по возрасту слѣдующимъ образомъ:

% учащихся различныхъ возрастовъ къ ихъ общему числу.

	8—11 л.	12—14 л.	15—17 л.	
1877 и 1878 гг.	76,8	18,3	0,4%	суммы учащихся за 2 года.
Пятилѣтія:				
1879—1883 гг.	76,5	19,3	0,4%	суммы учащ. въ 5-лѣтіе.
1884—1888 »	78,4	20,3	0,4%	» » » »
1889—1893 »	78,6	20,8	0,5%	» » » »
1894—1898 »	79,1	20,3	0,4%	» » » »
1899—1903 »	82,7	16,2	0,3%	» » » »

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, несмотря на насильственное отрываніе отъ школы ради семьи, мастерской, процентъ 12—14-лѣтнихъ среди учащихся городской школы довольно значителенъ, и онъ все время до 1901 года росъ. Только съ 1901 года онъ сталъ замѣтно падать. Не потому ли, что за послѣдніе годы въ Москвѣ особенно быстро развивается торговля и мелкая промышленность, не подчиненная фабричнымъ законамъ?

Заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство: въ то время, какъ въ возрастахъ до 8 лѣтъ и 8—11 лѣтъ чаще замѣчается среди учащихся

городскихъ школъ количественное преобладаніе дѣвочекъ надъ мальчиками *), въ возрастахъ 12—14 и 15—17 лѣтъ неуклонно преобладаютъ мальчики надъ дѣвочками, независимо отъ того—больше или меньше въ данное время общее количество учащихся мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Только до 1883 года, когда они находили мѣсто въ вечернихъ классахъ, преобладаніе было на сторонѣ дѣвочекъ. Вотъ какъ отмѣчается это цифрами школьныхъ отчетовъ за послѣдніе годы каждаго изъ представленныхъ пятилѣтій:

Годы.		Число школъ.	Учащіеся въ возр. до 8 л. Число.	Разн. **)	Въ возрастѣ 8—11 л. Число.	Разн. **)	Въ возрастѣ 12—14 л. Число.	Разн. **)	Въ возрастѣ 15—17 л. Число.	Разн. **)	Общее количество мальчиковъ и дѣвочекъ.	Итого.
1878	м.	19	103	+ 45	1,493	+ 62	371	— 20	11	+ 6	1,978	3,862
	д.	18	58		1,431		391		4		1,884	
1883	м.	30	145	+ 20	2,720	—586	656	— 77	14	— 4	3,535	7,717
	д.	32	125		3,306		733		18		4,182	
1888	м.	35	2	— 16	3,688	—583	1,035	+149	25	+16	4,750	9,934
	д.	37	18		4,271		886		9		5,184	
1893	м.	43	1	— 8	5,024	— 44	1,669	+652	58	+44	6,752	12,860
	д.	41	9		5,068		1,017		14		6,108	
1898	м.	68	26	— 9	7,893	+744	1,822	+ 40	63	+41	9,804	18,792
	д.	68	35		7,149		1,782		22		8,988	
1903	м.	97	171	+ 82	11,494	+322	1,928	+646	19	+11	13,612	26,166
	д.	95	89		11,175		1,282		18		12,554	

Не указываетъ ли это на активное, сознательное стремленіе мальчиковъ-подростковъ къ свѣту знанія, быть можетъ, стоящаго имъ не малой борьбы и слезъ? И не стыдно ли обществу XX вѣка держать закрытыми для громаднаго ихъ большинства школьныя двери?

Теоретики и практики суживанія задачъ начальнаго образованія говорятъ, что достаточно дѣтямъ учиться съ 8 до 11 лѣтъ, а жизнь, какъ ни сковываютъ ее и невѣжество старшихъ поколѣній, въ чьихъ рукахъ находятся судьбы юношества, и государственныя установленія, ставящія преграды его образованію, и общественныя учрежденія, дающія только суженное начальное образованіе, да и то лишь немногимъ счастливцамъ—говоритъ другое. Она настоятельно требуетъ, чтобы дѣтямъ школьнаго возраста было отдано ихъ время, самой природой предназначенное для образованія и отнятое у нихъ взрослыми на свою дурно понимаемую по-

*) Въ теченіе пятнадцати противъ двѣнадцати лѣтъ, за періодъ 1877—1903 гг. Причемъ преобладаніе мальчиковъ надъ дѣвочками (8—11 лѣтъ) въ послѣднее 10-лѣтіе объясняется тѣмъ, что, начиная съ 1891 года, общее число учащихся мальчиковъ стало больше, чѣмъ дѣвочекъ, между тѣмъ какъ до этого года дѣвочки преобладали надъ мальчиками.

**) Имѣемъ при этомъ въ виду мальчиковъ. Разность съ знакомъ (+) обозначаетъ — насколько ихъ больше, а съ знакомъ (—) насколько ихъ меньше, чѣмъ дѣвочекъ.

требу. Она требуетъ не суженія, а увеличенія и продолжительности курса начальной школы, и объема преподаванія въ ней. Въ западныхъ начальныхъ школахъ курсъ ученія 6-лѣтній, 7-лѣтній и болѣе, а съ материнскими школами, которыя являются подготовительными классами для начальныхъ школъ, онъ доходитъ до 10—11 лѣтъ. У насъ необходимо увеличить курсъ начальной школы по крайней мѣрѣ на 2 года. Вѣдь наши городскія школы не только не даютъ какихъ-нибудь знаній по всеобщей и отечественной исторіи, географіи, отечествовѣдѣнію, геометріи, физикѣ и химіи, естеств. исторіи; онѣ не даютъ даже сколько-нибудь сносной грамотности. Даже кончившіе курсъ успѣваютъ научиться въ 3 года только довольно дурно читать, и совсѣмъ не успѣваютъ научиться самостоятельно излагать свои мысли. Они не могутъ написать даже толковаго письма. А много ли такихъ счастливцевъ среди учащихся городскихъ школъ?

Въ среднемъ.	% кончившихъ къ общ. числу учащ.	% вышедш. до окончанія къ общ. числу учащихся.	Какой % составляли вышедшіе до окончанія къ общему числу вышедшихъ. 1-е отд.	2-е отд.	3-е отд.
за 2 года 1877—1878 гг.	10,2	18,6	46,3	38,8	14,9
за 5-лѣтіе 1879—1883 «	9,7	14,9	49,3	34,4	16,3
« 1884—1888 «	12,2	15,5	47,0	36,4	16,6
« 1889—1893 «	13,3	14,0	48,0	37,9	14,1
« 1894—1898 «	14,4	12,3	47,6	38,5	13,9
« 1901 годъ *)	16,5	13,0	48,4	37,8	13,8

Вотъ какъ незначителенъ процентъ кончающихъ. Онъ вдвое и втрое ниже того, какимъ бы долженъ быть ($^1/_3$ всего числа учащихся), если бы изъ школы не вырывались дѣти преждевременно для мастерской и не пересиживали въ большомъ количествѣ лишніе годы въ одномъ и томъ же отдѣленіи вслѣдствіе того, что трехгодичный курсъ для большинства слишкомъ коротокъ даже для прохожденія существующей программы.

Значитъ, увеличить продолжительность курса начальныхъ школъ нужно и для успѣшнаго прохожденія существующей программы, и для расширенія ея. О первомъ хлопотали лучшіе думскіе люди еще въ 80-хъ годахъ. О второмъ все настоятельнѣе и настоятельнѣе слышатся голоса и въ печати, и въ земскихъ, и въ думскихъ собраніяхъ. А за послѣднее время начинаютъ возбуждаться и ходатайства **). Признаніе недостаточности образованія, какое даютъ начальныя городскія училища, сказывается и въ учрежденіи московской городской думой въ 1885 году двухъ четырехклассныхъ женскихъ (по типу Маріинскихъ въ Петербургѣ) училищъ, а затѣмъ въ 1886 году одного мужского—по Положенію 1872 года—училища и въ

---

*) Изъ послѣдняго пятилѣтія мы беремъ одинъ 1901 годъ потому, что не имѣемъ свѣдѣній за 1902 и 1903 годы.

**) Такъ, Сызранское земское собраніе въ настоящемъ году постановило ходатайствовать „о расширеніи программы для низшихъ школъ“.

1890 году двухъ такихъ же училищъ. Въ 1903 году во всѣхъ этихъ школахъ обучалось 273 дѣвочки и 761 мальчикъ. Медленность, съ какой открываются новыя школы этого типа, объясняется больше всего полулегальнымъ ихъ существованіемъ на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній (т.-е. безъ правъ по образованію), неподвѣдомственностью ихъ городскому училищному совѣту и всѣмъ бюрократическимъ строемъ ихъ. Убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости расширенія программы и увеличенія продолжительности курса начальн. училищъ служитъ и то обстоятельство, что сами кончившіе не находятъ свои знанія удовлетворительными и стремятся поступить или въ вечерніе классы, или даже снова въ старшія отдѣленія утреннихъ школъ *). Да, наконецъ, развѣ не этой же потребностью дѣтей въ увеличеніи курса начальныхъ школъ вызвано открытіе при Міусскихъ школахъ двухъ дополнительныхъ вечернихъ школъ для дѣтей, кончившихъ курсъ начальныхъ училищъ, и фактическое превращеніе въ такія же школы прочихъ городскихъ вечернихъ классовъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія и о городскихъ профессіональныхъ школахъ по даннымъ за 1903 годъ.

	Когда открыто или перешло въ вѣдѣніе города.	Число учащихся.	Стоимость содержанія.
1. Долгоруковское училище для повивальныхъ бабокъ	—	86	1,988 р. 30 к.
2. Училище для фельдшерицъ им. Клейнъ	1881 г.	310	7,394 » 88 »
3. Долгоруковск. ремесл. мужск. училище	1893 »	61	30,340 » 22 »
4. Ксеніинскій женск. уч. рем. пріютъ.	1894 »	61	14,501 » 82 »
5. Торгов. мужск. шк. им. Алексѣевыхъ.	1897 »	160	13,600 » — »
6. Арнольдо-Третьяковск. уч. для глухонѣмыхъ обоего пола. . . .	1900 »	174	72,473 » 44 »
7. Мужск. рем. уч. им. В. А. Морозовой	1902 »	114	12,900 » — »
8 и 9. Женск. рук. школы въ ознам. рожд. В. Кн. Анастасіи Николаевны.	1902 »	130	12,530 » — »

*) Такъ, намъ извѣстно, что въ фабричную Цинделевскую школу для дѣтей, гдѣ курсъ ученія 4-хгодичный, нынче въ 4-е отдѣленіе поступило 12 мальчиковъ, только что кончившихъ курсъ въ начальной школѣ. Изъ нихъ 9 кончили въ городскихъ училищахъ

10. Муж. уч. рем. мастерская бр. Бахрушиныхъ.	1902 г.	76	9,378 р. — к.
11. Женск. рукод. шк. бр. Бахрушиныхъ	1902 »	76	6,094 » — »
12. Женск. рук. кл. для оконч. нач. школы при 5 училищахъ . .	1903 »	144	2,821 » — »*)

Итакъ, главнѣйшими задачами московскаго городского управленія въ ближайшее время по отношенію къ начальному образованію дѣтей являются:

1) Возбужденіе ходатайства объ обязательности начальнаго образованія (во всемъ его объемѣ) для дѣтей школьнаго возраста (до 15 лѣтъ).

2) Открытіе новыхъ школъ въ количествѣ необходимомъ для размѣщенія въ нихъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста (8—14 лѣтъ), не получившихъ полнаго начальнаго образованія.

3) Расширеніе программы городскихъ начальныхъ школъ съ тѣмъ, чтобы курсъ обученія въ нихъ былъ увеличенъ по крайней мѣрѣ на 2 года.

На этомъ мы и заканчиваемъ настоящую статью. Мы намѣревались было кромѣ изложеннаго показать въ ней: каково то начальное образованіе, которое дается московскими городскими школами, какова организація учебно-воспитательнаго дѣла въ нихъ и каковъ вообще весь внутренній строй этихъ школъ. Но узнать это изъ управскихъ отчетовъ можно только отчасти и только о внѣшней сторонѣ дѣла, и мы пытались собрать нужныя свѣдѣнія отъ самихъ гг. учащихъ. Къ сожалѣнію, мы получили очень ограниченное количество отвѣтовъ на предложенные вопросы (которыми и воспользуемся въ другой своей работѣ о городскихъ начальныхъ школахъ). Принося здѣсь благодарность гг., давшимъ намъ нужныя свѣдѣнія, мы снова обращаемся съ покорнѣйшей просьбою ко всѣмъ, стоящимъ у школьнаго дѣла лицамъ, ко всѣмъ, кому дороги интересы начальнаго образованія дѣтей какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, не отказать сообщить намъ обо всемъ, что они найдутъ нужнымъ и что можетъ освѣтить важнѣйшія стороны строя городскихъ школъ, его достоинства и недостатки, и коренныя нужды всего дѣла начальнаго образованія въ городахъ **). Такъ, намъ представляется очень важнымъ выяснить:

А) *По отношенію къ постановкѣ учебнаго дѣла:*

Насколько удовлетворителенъ объемъ знаній, которыя даютъ городскія начальныя школы и трехгодичный курсъ обученія въ нихъ. Какія измѣненія въ этомъ отношеніи представляются необходимыми въ ближайшее время. Всѣ ли преподающіеся въ настоящее время въ городскихъ школахъ предметы одинаково нужны, и нѣтъ ли такихъ предметовъ, которые было бы полезнѣе замѣнить другими.

---

*) Расходъ отнесенъ къ содержанію тѣхъ начальныхъ училищъ, при которыхъ открыты эти классы.

**) Адресовать эти сообщенія просимъ въ редакцію журн. *Рус. Мысль* (Москва, Ваганьковскій пер., д. Куманина) для автора настоящей статьи.

Какъ продолжителенъ учебный день для каждаго отдѣленія въ городскихъ нач. школахъ, и не требуется ли въ интересахъ здоровья дѣтей и успѣшности преподаванія уменьшить его. Сколько учебныхъ часовъ ежедневно или за недѣлю удѣляется въ каждомъ отдѣленіи закону Божію, церковно-славянскому языку, грамматикѣ (отдѣльно по каждому виду этихъ занятій: диктанту, разбору и пр.), письменному изложенію (отдѣльно по каждому ихъ виду: пересказу прочитаннаго, сочиненіямъ описательнымъ, повѣствовательнымъ, разсужденіямъ и проч. по данному плану и самостоятельно), объяснительному чтенію художественныхъ произведеній, статей по всеобщей и отечественной исторіи, географіи, естествознанію, по общественнымъ вопросамъ и проч., чтенію (отдѣльно отъ объяснительнаго) въ цѣляхъ улучшенія его механизма (хоровому, самостоятельному и т. п.), ариѳметикѣ, чистописанію, пѣнію, рисованію или черченію, рукодѣлью (какому именно—какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ), гимнастикѣ и проч. Не удѣляется ли изъ учебныхъ часовъ какого-либо времени для бесѣдъ учащаго съ учениками или для его чтенія. Если удѣляется, то сколько часовъ въ недѣлю и для какихъ отдѣленій. По какимъ отраслямъ знанія и какъ ведутся эти бесѣды или чтенія. Чѣмъ отличаются эти занятія отъ обычныхъ и какая ихъ польза. Какая часть учениковъ оставляется послѣ уроковъ для дополнительныхъ занятій или въ видѣ наказанія за проступки. Какія мѣры употребляются для борьбы съ проступками учениковъ или въ цѣляхъ исправленія въ нихъ дурныхъ наклонностей. Какія поощренія практикуются. Изъ какихъ предметовъ задаются уроки на домъ учащимся 1, 2, 3 отдѣленій. Какіе учебники и вспомогательныя къ нимъ книги употребляются въ каждомъ отдѣленіи и степень ихъ удовлетворительности. Какіе изъ нихъ выдаются учащимся на домъ. Всѣ ли учебники и письменныя принадлежности выдаются ученикамъ изъ школы, и безплатно или за плату. Если выдаются всѣ и безплатно, то не приходится ли ученикамъ дѣлать к.-л. дополнительныя покупки учебныхъ пособій. Какія наглядныя пособія есть въ школѣ и степень ихъ удовлетворительности. Взимается ли съ учениковъ плата за ученье. Если взимается, то въ какихъ размѣрахъ, и какой % учащихся освобождается отъ нея по бѣдности. Какое количество учащихся въ послѣднемъ учебномъ году находится въ каждомъ отдѣленіи и ихъ составъ по поламъ и возрасту. Сколько кончило курсъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Какая часть учениковъ уходитъ изъ каждаго отдѣленія школы (до окончанія курса), и главнѣйшія причины этого. Какая часть учащихся кончаетъ курсъ, проучившись 3, 4, 5 и болѣе лѣтъ. Какія стороны экзаменаціонной системы неудовлетворительны. Какая часть учащихся поступаетъ въ первое отдѣленіе грамотными (и въ какой степени).

Б) *По отношенію къ занятіямъ учащихся въ неучебное время:*

Количество книгъ и дѣтскихъ журналовъ въ школьной библіотекѣ и составъ ея по отдѣламъ. Какія именно книги беллетристическаго и научнаго содержанія читаются мальчиками и дѣвочками съ наибольшимъ инте-

ресомъ. Какія стороны библіотечнаго дѣла школы нуждаются въ измѣненіи. Не ведутся ли съ учащимися вечернія чтенія или другія веч. занятія. Сколько разъ въ теченіе года. Не показываются ли свѣтовыя картины, какъ для иллюстраціи преподаваемаго на утреннихъ урокахъ, такъ и для иллюстраціи вечернихъ чтеній. Сколько разъ въ году. Откуда, какимъ образомъ, на какіе сроки и сколько разъ въ годъ получаются картины и фонарь въ школу. Если и фонарь, и картины у школы свои, то сколько собственныхъ картинъ. Не ведутъ ли учащіеся дневниковъ, замѣтокъ для памяти и т. п. Не занимаются ли нѣкоторые изъ нихъ сочиненіемъ стиховъ, сказокъ, разсказовъ и т. п. видами авторства. Какое количество учащихся дѣлаетъ это *). Не предпринимается ли чего учащими по отношенію къ праздничному времяпрепровожденію учащихся. Не посѣщались ли всѣми учащимися школы или одного какого-либо отдѣленія музеи (какіе), театры и т. п. Не устраивались ли загородныя прогулки, школьные праздники (въ чемъ состояли), школьные спектакли, игры. Какъ часто. Бываетъ ли школьная елка и въ чемъ она состоитъ. Какія желательны мѣры по отношенію къ внѣклассным занятіямъ и полезнымъ развлеченіямъ учащихся.

В) *По отношенію къ школьной гигіенѣ:*

Количество классныхъ комнатъ и ихъ качества (въ отношеніи высоты, кубич. содержанія воздуха, свѣта, вентиляціи, сухости и т. п.) Не переполнены ли классы. Какая система столовъ и выполняются ли требованія гигіены при разсадкѣ за ними учащихся. Есть ли раздѣвальня и рекреаціонная комната. Какая система отхожихъ мѣстъ. Пріобщена ли школа къ водопроводу и канализаціи. Какъ великъ школьный дворъ и не устроено ли на немъ приспособленій для гимнастики или игръ (какія). Какія неудовлетворительныя стороны въ санитарномъ отношеніи школьнаго помѣщенія и двора. Есть ли школьные завтраки или обѣды (приварокъ). Какая часть учащихся пользуется ими и на какихъ условіяхъ. Изъ чего состоятъ они. Во сколько обходится завтракъ или обѣдъ на 1 учащагося. Не было ли оказываемо бѣднѣйшимъ учащимся помощи въ одеждѣ или въ чемъ другомъ. Нѣтъ ли при школѣ (или въ городѣ для всѣхъ начальныхъ школъ) общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся. Какъ отразилась на школѣ его дѣятельность.

Г) *По отношенію къ участію учащаго въ завѣдываніи учебно-воспитательной и хозяйственной сторонами школы.*

Степень удовлетворительности взаимныхъ отношеній между городскою управою, училищнымъ совѣтомъ, попечителемъ школы, старшими и младшими учащими. Не возбуждался ли въ думѣ вопросъ о коллегіальныхъ попечительствахъ. Какая желательна ихъ организація. Степень самостоятельности учащаго въ преподаваніи и въ выборѣ учебниковъ. Степень

*) Если среди собственныхъ сочиненій учащихся или ихъ дневниковъ есть что-нибудь интересное, то было бы желательно получить ихъ.

участія его въ хозяйствѣ школы и во всѣхъ другихъ школьныхъ дѣлахъ. Существуетъ ли при школѣ совѣтъ учащихъ. Каковъ кругъ предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Приглашаются ли учащіе городской управой для совѣщанія по школьнымъ дѣламъ. Приглашаются ли они къ участію въ думскихъ коммиссіяхъ по школьнымъ дѣламъ. Неудовлетворительныя стороны завѣдыванія учебно-воспитательной и хозяйственной частью школъ и вообще школьной организаціи и желательныя измѣненія въ этомъ отношеніи.

Д) *По отношенію къ положенію учащихъ.*

Матеріальное обезпеченіе (жалованье, жилищныя условія и питаніе). Годовой бюджетъ (хотя бы приблизительно). Сторонніе заработки. Въ какихъ обществахъ взаимнаго вспомоществованія, эмеритурныхъ учрежденіяхъ, обществахъ потребительскихъ, сберегательныхъ и страховыхъ кассахъ участвуетъ учащій. Не принимаетъ ли участія (безплатнымъ трудомъ) въ вечернихъ или воскресныхъ классахъ для взрослыхъ, въ народныхъ библіотекахъ и другихъ образовательныхъ или благотворительныхъ учрежденіяхъ. Откуда и на какихъ условіяхъ пользуется газетами, журналами, книгами. Не выписываетъ ли на свои средства газетъ, журналовъ (какіе именно) и книгъ. Годовой расходъ на это. Какъ часто посѣщаются театры, концерты, общественныя и товарищескія собранія, публичныя лекціи, читальни и т. п. Принимаетъ ли участіе въ учительскихъ курсахъ и съѣздахъ. Не путешествовалъ ли по Россіи, за границей.—Какія стороны служебнаго и общественнаго положенія учащаго особенно тяжелы и какія вредны для успѣховъ его педагогическаго дѣла. Что могло бы сдѣлать для улучшенія служебнаго и общественнаго положенія учащихъ, а также и для удовлетворенія ихъ потребностей въ самообразованіи, въ общеніи съ товарищами и по охраненію ихъ здоровья городское общественное управленіе.

Къ городскимъ управамъ мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой выслать послѣдніе отчеты о городскихъ школахъ.

Н. Малиновскій.

Экономическое положеніе нашихъ инородцевъ.

Быстрое развитіе парового транспорта, растущія волны переселенческаго движенія и крѣпнущая связь съ міровымъ рынкомъ,—все это ставило нашихъ сибирскихъ инородцевъ, еще такъ недавно казавшихся намъ такими далекими и чужими, въ тѣсное соприкосновеніе съ русской культурой и ея хозяйственными формами. Это столкновеніе вызвало цѣлый переворотъ въ экономическомъ бытѣ инородцевъ, вѣками сложившійся ихъ хозяйственный бытъ началъ разрушаться день ото дня.

Это стремительное разрушеніе хозяйственнаго быта инородцевъ не явилось простымъ слѣдствіемъ органическаго вытѣсненія болѣе низшихъ хозяйственныхъ формъ болѣе высокими. Въ значительной своей долѣ разрушеніе хозяйственнаго строя инородцевъ происходило подъ внѣшнимъ давленіемъ административнаго насажденія новыхъ формъ хозяйства и подъ внѣшнимъ напоромъ захвата, очень широко практиковавшагося захвата, инородческихъ земель.

Въ итогѣ инородецъ оказался весьма быстро выбитымъ изъ вѣками проложенной немудреной экономической колеи и окруженнымъ совершенно новыми и чуждыми ему условіями соціальной среды, грозно потребовавшей отъ него чуть ли не въ 24 часа покинуть старые и усвоить новые хозяйственные пріемы. Инородецъ пытался уйти подальше, но въ какую глушь онъ ни зарывался, все растущій прибой переселенческихъ волнъ или жадное расхищеніе быстро вздорожавшихъ земель застигали его и здѣсь и прежде всего предъявляли къ нему требованіе поступиться значительною частью своего земельнаго простора.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ этотъ получилъ злободневный характеръ и въ скоромъ времени долженъ подлежать законодательному регулированію. А пока работаютъ коммиссіи, выясняющія условія хозяйства нашихъ инородцевъ и тотъ минимумъ земельнаго простора, который имъ нуженъ.

Опубликованные этими коммиссіями труды представляютъ очень большой и живой научный и практическій интересъ и заслуживаютъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ то, которое имъ удѣлили. Но въ настоящей

статьѣ, не трогая этихъ трудовъ и содержащихся въ нихъ данныхъ и обобщеній,—что требуетъ особой статьи,—мы хотѣли бы въ общихъ чертахъ обрисовать экономическое положеніе нашихъ инородцевъ, подпавшихъ подъ разлагающее вліяніе экономическихъ условій «цивилизованной жизни».

Намъ кажется, въ виду всего этого, въ высшей степени своевременнымъ остановиться на вопросѣ, не является ли безплодность попытокъ заставить всѣхъ инородцевъ усвоить новыя формы хозяйственнаго быта слѣдствіемъ того, что формы эти не органически прививаются, а административнымъ путемъ предписываются и водворяются и не находятся ли далѣе въ самомъ кочевомъ бытѣ начала, подлежащія дальнѣйшему развитію, и поэтому раціонально ли съ точки зрѣнія національнаго богатства стремиться къ поголовному переходу всѣхъ нашихъ кочевниковъ къ осѣдлому земледѣльческому быту. Вопросъ этотъ можетъ быть разсмотрѣнъ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія самихъ инородцевъ, съ точки зрѣнія русскихъ крестьянъ, которымъ переходъ инородцевъ къ земледѣльчески-осѣдлому быту и отсюда сокращенія минимума необходимой имъ земли обѣщаетъ открыть новыя обширныя мѣста для заселенія и, наконецъ, съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства Россіи.

Что для нашихъ инородцевъ новыя формы экономическаго быта, приносимыя столкновеніемъ съ русской культурой, являются губительными, объ этомъ непререкаемо свидѣтельствуетъ процессъ хозяйственнаго оскудѣнія и прямого физическаго вымиранія огромнаго большинства нашихъ инородцевъ. Было бы несправедливо утверждать, что это оскудѣніе и вымираніе всецѣло сводится къ губительному воздѣйствію именно новыхъ экономическихъ формъ на жизнь инородцевъ. Не малую долю въ процессѣ вымиранія инородцевъ играетъ ихъ неспособность втянуться въ условія окружающей ихъ цивилизованной жизни, болѣзни и въ особенности водка, приносимыя цивилизованными людьми дикарямъ и, наконецъ, оскудѣніе природныхъ богатствъ *).

Но, съ другой стороны, надо принять во вниманіе и то немаловажное обстоятельство, что «цивилизація» устранила былыя безконечныя междуусобныя войны, уносившія обильную жатву самыхъ здоровыхъ и цвѣтущихъ людей. Поэтому, встрѣчаясь съ фактомъ массоваго вымиранія многихъ инородцевъ, мы можемъ почти безошибочно приписать весьма значительную роль въ процессѣ этого вымиранія тому обстоятельству, что инородцевъ насильственно, такъ сказать, административнымъ путемъ вгоняютъ въ совершенно для нихъ новыя формы хозяйственнаго быта, для органическаго усвоенія которыхъ сплошь и рядомъ не оказывается въ наличности необходимыхъ предпосылокъ и субъективнаго (психическаго) и объективнаго (природныя условія) характера.

Статистическое изслѣдованіе движенія населенія нашихъ инородцевъ

*) Ср. объ этомъ подробнѣе въ нашихъ очеркахъ „Цивилизація и дикіе на. ки" въ журналѣ *Образованіе*, №№ 7, 8, 9, 10 и 11 за 1903 г.

поставлено пока еще очень шатко, обнаруживая весьма значительные пробѣлы, но все же у насъ имѣются достаточно обильныя и достаточно провѣренныя данныя для того, чтобы могли отмѣтить быстрый процессъ вымиранія многихъ сибирскихъ инородцевъ. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири вымерли уже совершенно омоки и аринцы, чуванцы и юкагиры быстро вымираютъ и, вѣроятно, недалеко то время, когда они совсѣмъ вымрутъ. Число енисейскихъ остяковъ между 8 и 10 ревизіями во многихъ мѣстахъ уменьшилось на 40—45%. Въ Тобольской губ. уменьшилось число вогуловъ, татаръ и бухарцевъ. На дорогѣ къ полному вымиранію находятся коряки и чукчи и минусинскіе инородцы. «Вымираніе инородцевъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Сибири,—пишетъ г. Головачевъ,—угрожаетъ обратить эти безпредѣльныя пространства въ совершенно недоступныя пустыни, потому что лишь одни инородцы въ теченіе безчисленнаго ряда лѣтъ приспособлялись къ жизни въ этихъ мѣстностяхъ и къ передвиженію по нимъ. То же самое нужно сказать и объ обширномъ краѣ, занятомъ тунгузами, которые все болѣе и болѣе закабаляются якутскими торговцами и вымираніе которыхъ уже началось *).

По статистическимъ даннымъ Гагенмейстера съ 8-й по 9-ю ревизію количество вогуловъ уменьшилось на 50%. Процессъ вымиранія инородцевъ начался уже очень давно, почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они подпали подъ вліяніе русской культуры. По приведеннымъ Шашковымъ даннымъ въ пяти волостяхъ Туринскаго округа въ 1763 г. числилось 555 мужчинъ, а въ 1816 г. уже лишь 467. Въ 1816 г. въ пяти другихъ волостяхъ было 850 чел. обоего пола, а въ 1830 г. уже лишь 740 **).

«Изъ сравненія послѣднихъ статистическихъ данныхъ въ Сибири,—пишетъ Н. Ядринцевъ,—мы можемъ удостовѣрить слѣдующее: въ 1838 г. въ Тобольскомъ и Туринскомъ округахъ вогуловъ было 4,527 душъ, а въ 1859 г., по спискамъ населенныхъ мѣстъ, вогуловъ въ Тобольскомъ округѣ числилось 1,158 и въ Туринскомъ 3,286 д. обоего пола, т.-е. 4,444 д. обоего пола» ***).

Всѣ эти данныя, нимало не исчерпывая вопросъ о вымираніи инородцевъ, вполнѣ однако достаточны, для того чтобы убѣдиться, что обширная часть нашихъ инородцевъ вымираетъ, попавъ подъ воздѣйствіе русской культуры.

Возникаетъ однако сомнѣніе, не является ли это вымираніе фатальнымъ и неустранимымъ послѣдствіемъ неспособности инородцевъ къ усвоенію культуры и цивилизаціи и не снимается ли такимъ образомъ съ окружающихъ теперешнихъ инородцевъ экономическихъ условій всякая отвѣтственность за процессъ вымиранія?

---

*) Ср. *П. Головачевъ*: „Сибирь, природа, люди, жизнь". М., 1902 г., стр. 133, 134.

**) *С. Шашковъ*: „Сибирскіе инородцы въ XIX в.". Собр. соч., т. II (изданіе Поповой).

***) Ср. *Н. Ядринцевъ*: „Сибирскіе инородцы". Спб., 1899 г., стр. 64.

Но это сомнѣніе легко разсѣивается тѣми статистическими данными, которыя показываютъ, что цѣлый рядъ инородцевъ, приспособившихся къ «цивилизованному» экономическому строю и перешедшихъ къ новымъ формамъ хозяйствованія, обнаруживаютъ иногда очень значительный приростъ населенія.

Изъ сѣверныхъ инородцевъ Сибири признаковъ вымиранія не обнаруживаютъ лишь буряты и якуты и они-то и представляютъ собою примѣръ инородцевъ, сумѣвшихъ бросить старые и взяться за новые пріемы хозяйствованія. Изъ нихъ наибольшіе успѣхи въ переходѣ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому сдѣлали буряты Иркутской губ. и они-то и обнаружили наибольшій ростъ населенія. Не всѣ иркутскіе буряты сдѣлали одинаковые успѣхи въ хозяйственномъ развитіи и не всѣ они обнаруживаютъ одинаковый приростъ населенія. Буряты Бахонскаго и Унгурскаго вѣдомства, Балаганскаго округа, у которыхъ площадь запашки въ среднемъ больше даже, чѣмъ у русскихъ крестьянъ, дали значительный приростъ населенія (+25,9 и 29,5%), а буряты Кутульскаго и Еланцинскаго вѣдомства, Верхоленскаго округа, промышляющіе скотоводствомъ и звѣроловствомъ и совсѣмъ не занимающіеся земледѣліемъ, обнаружили даже значительную убыль населенія (—15—30%).

Такихъ примѣровъ можно привести сотни. Всѣ они показываютъ, что вырожденіе инородцевъ не есть фатальное явленіе, что оно устраняется органическимъ усвоеніемъ инородцами новыхъ формъ хозяйствованія. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу объ условіяхъ этого усвоенія, мы должны обрисовать въ общихъ чертахъ процессъ обнищанія нашихъ инородцевъ.

Экономическое оскудѣніе инородцевъ засвидѣтельствовано почти всѣми изслѣдователями быта русскихъ инородцевъ. Мы зарегистрируемъ раньше цифровыми данными, такъ сказать, наличность этого оскудѣнія, чтобы затѣмъ перейти къ вскрытію его основныхъ причинъ и слѣдствій.

О Бухарской волости мы читаемъ у Н. Ядринцева.

«Хозяйственныя условія характеризуются слѣдующими данными: на 3,336 ревизскихъ душъ Бухарской волости только 668 домовъ, 1,035 человѣкъ вовсе не имѣютъ скота и 587 душъ имѣли по одной скотинѣ— условія, при которыхъ невозможно никакое хозяйство. Земледѣліемъ занималось 370 домохозяевъ, причемъ 246 имѣли отъ 2 до 5 десятинъ и 101— по одной десятинѣ; но кромѣ того 1,344 души не занималось земледѣліемъ. Годовой податной окладъ ихъ равнялся 2.750 руб., а недоимокъ было 28,078 руб. 52¾ коп., причемъ на каждую ревизскую душу приходилось по 32 руб., а на взрослаго работника по 68 руб. 33 коп. Въ Городской татарской волости на 2,075 ревизскихъ душъ только 385 домовъ, 875 душъ не имѣютъ лошадей и 716 не занимаются земледѣліемъ, годовой окладъ равенъ 4,817 руб., а недоимокъ—38,757 руб.» *).

Про тобольскихъ татаръ Ядринцевъ пишетъ:

---

*) Ср. *Н. Ядринцевъ:* l. c., стр. 30.

«Экономическій бытъ этихъ татаръ не улучшается и не прогрессируетъ, но опускается и они превращаются въ безземельный пролетаріатъ» *).

О васюганскихъ инородцахъ академикъ Миддендорфъ въ своемъ «Путешествіи на сѣверъ и востокъ Сибири» пишетъ, что они должны жить «подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-какъ отогрѣваютъ у костра свои закоченѣвшіе члены. Женщины въ это же время часто разрѣшаются отъ беременности. Несчастная мать, не имѣя никакого пріюта и для прочихъ своихъ дѣтей, должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза».

Въ Нарымскомъ округѣ голодающіе остяки питаются падалью, а въ Березовскомъ—ѣдятъ кротовъ.

Нѣкогда алтайскіе кочевые инородцы находились въ цвѣтущемъ хозяйственномъ положеніи. У нихъ были громадные табуны скота. Въ долинѣ Урсула В. В. Радловъ встрѣчалъ теленгитовъ, имѣвшихъ 6,000 головъ скота, а па Чуѣ въ одномъ хозяйствѣ бывало до 8,000 лошадей, 1,000 головъ рогатаго скота и 2,000 верблюдовъ. Еще недавно теленгиты, имѣвшіе 50—100 лошадей, считались бѣдняками. А теперь это хозяйственное благосостояніе алтайскихъ инородцевъ отошло въ область чуть ли не какого-то преданія. Посѣтивъ эти края, В. В. Радловъ не нашелъ и слѣда былого богатства, стада почти совсѣмъ опустѣли и даже обильная Урсульская долина была опустошена.

«Проѣхавъ по калмыцкому району, по Улагану и Чуѣ, мы сами убѣдились, что прежнихъ стадъ уже не видно у алтайцевъ даже въ глухихъ мѣстахъ. Самые богатые изъ теленгитовъ имѣютъ до 2,000 лошадей, до 1,000 головъ рогатаго скота и 3,000 барановъ. Таково богатство, напримѣръ, чуйскихъ теленгитовъ, которые прежде не могли сосчитать стадъ. Въ одной дючикѣ (волости), по моему изслѣдованію, оказалось изъ 667 юртъ только 15 состоятельныхъ калмыковъ» **).

Это же прогрессивное оскудѣніе замѣчается и у остяковъ. «Въ послѣднее время число остяковъ,—пишетъ г. Кулаковъ,—идущихъ въ работу къ чуждымъ хозяевамъ, увеличивается, а число людей, работающихъ на собственныхъ промыслахъ, уменьшается; число промысловыхъ угодій, отданныхъ въ аренду чужимъ людямъ (торговцамъ) становится больше, уловъ звѣря меньше, уловъ рыбы меньше. Гдѣ больше всего русскихъ торговцевъ, тамъ въ особенности замѣтна убыль инородцевъ и, наоборотъ, гдѣ русскихъ меньше, тамъ замѣчается даже прибыль» ***).

Не въ веселомъ экономическомъ положеніи находятся и якуты, достаточно доказавшіе свою способность къ усвоенію цивилизаціи и культурныхъ

*) Ibid., стр. 32.

**) Ibid., стр. 106.

***) Ср. *П. Кулаковъ*: „Инородцы и инородческій вопросъ". *Русск. Бог.* 1896 г., № 12, стр. 81—82.

формъ хозяйствованія. Только что цитированный нами изслѣдователь пишетъ: «Бѣдность сквозитъ вездѣ. Попробуйте твердый какъ камень хлѣбъ инородцевъ западной Сибири, и посмотрите, насколько для многихъ изъ этихъ инородцевъ даже такой хлѣбъ является недостижимою роскошью, посмотрите, какъ много всевозможныхъ суррогатовъ замѣняютъ инородцамъ хлѣбъ. У якутовъ, въ грязномъ, отвратительномъ съ виду мѣшкѣ изъ конской кожи хранится очень распространенный среди инородцевъ сѣвера Якутской области суррогатъ — мука сусатки или хлѣбницы. Якуты выгребаютъ шестами со дна озеръ корни этого болотнаго растенія, высушиваютъ, мелютъ и заготовляютъ на зиму цѣлые мѣшки». Въ другихъ же мѣстахъ якуты разрываютъ норы полевыхъ овражковъ и сусликовъ и питаются ихъ запасами, другіе же изъ нихъ употребляютъ въ пищу древесную заболонь.

Читая путевыя впечатлѣнія современныхъ изслѣдователей Сибири, испытываешь жуткое чувство.

Вотъ какую ужасную картину быта остяковъ, нѣкогда зажиточнаго и веселаго народа, рисуетъ намъ В. Передольскій:

«Теперь на всемъ Енисеѣ у остяковъ уже нѣтъ оленей; русскій поселокъ поглотилъ ихъ всѣхъ. Нѣтъ оленей—нѣтъ и остяка, остался одинъ только жалкій нищій, съ ненавистью влачащій свое тягостное, подневольное существованіе. Утрата оленей лежитъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ бѣдствій остяка. Нѣтъ у остяка оленей—нѣтъ, слѣдовательно, у него и оленьихъ кожъ, и дѣйствительно: остякъ теперь одѣтъ уже не въ національный свой мѣховой костюмъ, а въ рубище, данное русскимъ; въ защиту отъ непогоды у него остается одинъ только берестяный чумъ и зимою, и лѣтомъ, зимняя же мѣховая юрта, преобразившись въ выдѣланныя кожи, давно перешла въ руки русскаго. Отправляясь на зимній промыселъ за звѣремъ въ тайгу, остякъ уже теперь не беретъ съ собою свою семью: берестяная покрышка юрты—плохая защита отъ сорокаградуснаго холода! Гдѣ-нибудь на берегу таежной рѣчки остякъ выкапываетъ землянку и покидаетъ въ ней свою семью, такую же голую, какъ и онъ самъ, и покидаетъ ее здѣсь не на дни, какъ то было прежде, а на мѣсяцы: землянка вѣдь—не подвижной чумъ, ее съ собою не увезешь. Всѣ средства къ жизни покинутой, затерянной въ глуши тайги семьи остяка состоятъ изъ ничтожнаго запаса муки, данной въ долгъ русскимъ и изъ добытой лѣтомъ порсы. Мерзнетъ одинокій остякъ въ тайгѣ на промыслѣ звѣря, кутая въ дырявыя лохмотья свое отмороженное тѣло, голодаетъ, дрогнетъ въ минуты отдыха подъ берестяной покрышкою чума, которую пронизываетъ насквозь лютая сибирская вьюга, терпитъ крайнія лишенія, но переноситъ все, чтобы раздобыть нужной для русскаго пушнины и воротиться съ нею къ брошенной на произволъ судьбы гдѣ-то далеко семьѣ. Наконецъ, промыселъ оконченъ, мѣха добыты, и дикарь съ тревогою и страхомъ спѣшитъ къ завѣтной землянкѣ, гдѣ покинулъ онъ все для него дорогое. Но не радость ждетъ его и здѣсь: голодъ, цынга и колту- на-

вѣрное унесутъ за зиму не одного обитателя изъ занесенной снѣгомъ, затерянной въ тайгѣ грязной, сырой и дымной землянки».

Въ знаменитой Букеевской ордѣ (Астрах. губ.) зарегистрировано въ настоящее время 13,079 кибитокъ пролетаріевъ, что составляетъ ни болѣе ни менѣе какъ 30% населенія всей орды. Стало быть, почти треть населенія этой орды пролетаризировано! Въ поселеніяхъ другихъ инородцевъ дѣло обстоитъ еще много хуже. Даже въ такой благодатной области, какъ Ферганская, по даннымъ офиціальной статистики, число юрто-владѣльцевъ съ 29,996 въ 1877—1878 гг. упало въ 1882 году до 11,475. За послѣднія 65 лѣтъ число кибитокъ уменьшилось болѣе, чѣмъ вдвое*).

Съ 1877 по 1885 годъ число кибитокъ въ Сыръ-Дарьинской области уменьшилось почти во всѣхъ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ это число за какія-нибудь восемь лѣтъ упало съ 13,432 до 10,916. «За исключеніемъ предгорій и степей сѣв. части Самаркандской области и Аулісатинскаго уѣзда, т.-е. за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ кочевникъ въ значительной мѣрѣ сталъ уже давно землепашцемъ, всюду замѣчается убыль отдѣльныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ **).

Не слѣдуетъ идеализировать соціальное благоденствіе дикарей и полудикарей, но одного нельзя отрицать—общій уровень благосостоянія нашихъ инородцевъ никогда не былъ особенно высокъ, но это былъ такъ сказать сплошной бытъ, не знавшій рѣзкихъ распаденій на имущихъ и нищихъ. Бѣдствія, которыя нерѣдко и прежде испытывали инородцы, порождались больше не соціальными, а природными стихійными силами, и эти бѣдствія обыкновенно одинаково неслись и раздѣлялись всѣми членами общества. Въ настоящее время подъ вліяніемъ столкновенія съ русскою культурою сплошной соціальный бытъ инородцевъ начинаетъ разслаиваться на имущихъ и пролетаріевъ. Пауперизація и пролетаризація инородческаго населенія идетъ быстрыми шагами впередъ, и сейчасъ уже достигнувъ, какъ это мы выше видѣли, огромныхъ размѣровъ.

Пусть читатель не думаетъ, что дѣло идетъ при этомъ о какой-то жалкой горсти дикарей, безжалостно брошенныхъ на произволъ судьбы на большой дорогѣ цивилизаціи. Пространства, занятыя нашими полудикими инородцами, охватываютъ милліоны верстъ, населенныя милліонами живыхъ людей.

Уже одна громадная численность нашихъ инородцевъ, населяющихъ притомъ (въ Сибири) крайне слабо еще заселенныя мѣста, уже одна эта численность заставляетъ со вниманіемъ отнестись къ ихъ плачевной судьбѣ и не смотрѣть на инородческій вопросъ лишь съ точки зрѣнія фиска или точки зрѣнія того количества земли, которое можно у нихъ урѣзать. Многолѣтняя наша практика по части привитія инородцамъ новыхъ болѣе производительныхъ формъ труда достаточно показала, что наши педагогическіе пріемы оказались нераціональными и что ихъ необходимо измѣнить.

---

*) Н. Васильевъ: „Кочевники Туркестана“. Самаркандъ, 1890 г., стр. 49.

**) Ibid., стр. 48.

Теперь мы и должны обратиться къ разсмотрѣнію вопроса, въ чемъ заключается нераціональность этихъ пріемовъ.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что основной причиной скудныхъ результатовъ прививки инородцамъ новыхъ формъ хозяйствованія была и есть, такъ сказать, административная постановка этой прививки. Слишкомъ уже часто на экономическій бытъ нашихъ инородцевъ смотрѣли, какъ на простое заблужденіе наивныхъ и дикихъ людей, которые попросту не знаютъ, не видѣли иныхъ болѣе раціональныхъ пріемовъ хозяйствованія, и если имъ эти пріемы показать, то они легко и радикально ихъ усвоятъ. Если же инородцы, даже познакомившись съ этими новыми пріемами, продолжали держаться своихъ старыхъ, то въ этомъ грозно усматривали злое упорство, грубое невѣжество, которое не можетъ быть терпимо и должно быть искоренено.

При всемъ этомъ совершенно не хотѣли считаться съ тѣмъ, что экономическій бытъ нашихъ инородцевъ складывался вѣками, точно приспособляясь къ окружающимъ природнымъ условіямъ и вырабатывая органически, неотрывно съ нимъ сросшіеся міросозерцаніе, нравы, обычаи. Уничтожить эти объективные и субъективные продукты вѣкового развитія съ помощью простой исходящей, простого приказа тотчасъ же бросить старые, вѣками налаженные хозяйственные пріемы и чуть ли не въ 24 часа перейти къ новымъ, медленно выработаннымъ вѣками,—все это сдѣлать не въ силахъ была даже всесильная власть.

Длинное прошлое столкновенія инородцевъ съ русскою культурою наполнено подобными, такъ сказать, административными высылками нашихъ инородцевъ въ отдаленнѣйшія ступени экономическаго развитія.

Возьмемъ хотя бы вопросъ о пріученіи нашихъ инородцевъ къ разведенію картофеля. Знакомясь съ этою исторіей, все время невольно думаешь, что дѣло идетъ о какой-то злой барщинѣ, на которую насильно загоняли инородцевъ. Въ 1841 г. Степная дума и мелецкая управа получаютъ изъ Петербурга бумагу, въ которой предписывается всѣхъ инородцевъ, не желающихъ сажать картофель, «годныхъ отдать въ солдаты, а неспособныхъ отправить на опредѣленное время въ крѣпостную работу въ Бобруйскъ» *).

Формы хозяйства инородцевъ, точно формы для чиновниковъ, устанавливались въ петербургскихъ канцеляріяхъ и засимъ разсылались инородцамъ для немедленнаго усвоенія. Инородцамъ только и оставалось слезно просить, чтобы ихъ освободили отъ той или иной насильно привитой формы хозяйственнаго труда,—кызыльцы, наприм., хлопочатъ, чтобы ихъ освободили «отъ запашки отъ посѣва озимой».

Любопытно, что нашимъ дикарямъ-инородцамъ предписывались формы хозяйства, заимствованныя изъ культурной Германіи. Въ 1827 г., напр.

---

*) Ср. *А. Ярилов*: „Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ". Юрьевъ. Вып. II, стр. 210.

инородческія вѣдомства Ачинскаго округа получаютъ изъ Петербурга печатный экземпляръ «плана для овцеводовъ». «Черезъ генеральнаго нашего консула,—гласитъ этотъ «планъ»,—въ Саксоніи сообщаемъ министерству финансовъ планъ образованія въ самой Саксоніи общества, коего цѣль есть, во-первыхъ, облегченіе россійскимъ помѣщикамъ способовъ къ закупкѣ въ тамошнемъ краѣ племенныхъ овецъ» и т. д. На основаніи этихъ-то «плановъ» культурной Саксоніи предписывается инородческимъ вѣдомствамъ немедленно продѣлать то же самое...

А въ 1831 г. пришло въ Иркутскъ уже цѣлое стадо въ 306 головъ, состоящее изъ чистокровныхъ анерандато и электораль. Этихъ знатныхъ овецъ впредь должны были разводить сами инородцы.

Всѣ подобные прожекты, какъ справедливо замѣчаетъ г. Яриловъ, «возросли на чужой, нѣмецкой почвѣ, и лишь благополучно миновавши цѣлыя амфилады канцелярій, «циркулярнымъ» способомъ передвиженія достигли, наконецъ, россійской глуши» *).

Къ сожалѣнію, было бы ошибкой думать, что подобные пріемы административнаго насажденія новыхъ формъ хозяйства отошли въ глубь преданій. Форма этихъ насажденій измѣнилась и, пожалуй, смягчилась, но суть дѣла сплошь и рядомъ осталась та же. И новѣйшая исторія нашихъ инородцевъ сообщаетъ намъ въ изобиліи факты, когда, совершенно не считаясь съ мѣстными климатическими особенностями и длиннымъ прошлымъ, канцелярскимъ путемъ стремились отмѣнить вѣками сложившійся хозяйственный строй и почеркомъ пера насадить совершенно новый. Эта новѣйшая исторія сообщаетъ намъ факты, какъ инородцы, получавшіе приказъ или весьма выразительное поощреніе приняться за ту или иную форму хозяйства, принуждены были нанимать русскихъ крестьянъ, чтобы они выполнили за нихъ требуемое, а сами продолжали заниматься своими старыми промыслами. Въ новѣйшее еще время, наприм., бурятъ Верхоленскаго округа заставляли закупать ни на что имъ не нужныя усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія и обязывали ихъ подпиской къ извѣстному сроку вспахать извѣстное пространство. Буряты смотрѣли на это требованіе, какъ на отбытіе тягостной земледѣльческой повинности. Изъ-подъ палки они, конечно, брались за земледѣльческій трудъ и мѣстное начальство рапортовало о блестящихъ успѣхахъ остяковъ въ земледѣліи. Но какъ только прошло начальническое рвеніе, остяки побросали земледѣліе и снова, облегченно вздохнувъ, взялись за прежніе промыслы и прежнее орудіе. И по сейчасъ въ этомъ краѣ, гдѣ такъ усердно разводили земледѣліе, оно совершенно не развилось. Причиной этому не упорство остяковъ, застывшихъ въ устарѣлыхъ формахъ экономическаго быта, а просто неприспособленность мѣстныхъ условій къ развитію земледѣлія.

И что всего характернѣе, тогда какъ сѣмена административнаго на-

*) *Яриловъ*, l. c., стр. 215.

сажденія новыхъ формъ хозяйства падали на каменистую почву и не давали всходовъ, въ это же самое время многіе инородцы подъ вліяніемъ измѣнившихся условій и подъ вліяніемъ примѣра русскихъ переселенцевъ сами добровольно переходили къ земледѣльческому труду и очень успѣшно имъ занимались.

Буряты Иркутской губ. (Иркутскаго и Балаганскаго округа) въ настоящее время производятъ хлѣба столько, что милліонъ пудовъ они ежегодно продаютъ на золотые пріиски и въ другія мѣста. Эти буряты примѣняютъ въ настоящее время всѣ усовершенствованныя сельско-хозяйственныя машины и въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ у нихъ площадь запашки больше даже, чѣмъ у русскихъ переселенцевъ.

И якуты дѣлаютъ очень большіе успѣхи въ земледѣліи. Въ 1841 г. они сжали 1,753 четверти хлѣба, а въ 1890 г. уже 51,259 четвертей.

Наконецъ, и киргизы, которыхъ многіе склонны считать «неисправимыми номадами» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этому благопріятствуютъ условія, переходятъ къ новымъ формамъ хозяйствованія, усвоиваютъ осѣдлый бытъ и земледѣліе. На нашихъ глазахъ киргизы Туркестанскаго края и Оренбургской губ. бросили примитивные серпы и перешли къ косѣ, научившись дѣлать большіе запасы сѣна и сильно развивъ вообще сѣнокошеніе.

Въ Тургайской области киргизы, какъ это показываетъ прилагаемая таблица, сдѣлали огромные успѣхи въ земледѣліи: ими было засѣяно десятинъ:

Годы.	Пшеницы.	Ржи.	Овса.	Ячменя.	Проса.	Всего.
1879	18,420	56	2,689	139	16,130	37,434
1884	24,623	117	8,789	290	32,600	66,419
1889	61,619	544	17,547	3,687	27,253	110,647
1894	34,398	4,606	6,089	1,811	52,528	99,432
1898	44,227	1,117	15,998	2,192	54,642	118,176

Такимъ образомъ, за послѣднія двадцать лѣтъ у киргизъ общая площадь посѣва увеличилась съ 37,434 десятинъ до 118,176 десятинъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ три раза *).

Передъ лицомъ подобнаго рода фактовъ—а ихъ можно привести сотни—едва ли можно настаивать на неспособности или нежеланіи инородцевъ переходить къ высшимъ формамъ хозяйственной жизни и въ частности отъ скотоводства и охотничества къ земледѣлію.

Любопытно, что многіе ученые вполнѣ доказали, что многіе наши сибирскіе инородцы знали земледѣліе еще до того, какъ они столкнулись съ русскими и подпали подъ ихъ власть и вліяніе. Татары уже издавна занимались земледѣліемъ. Уже въ 1497 г. татары и вогуличи были посажены на государственную пашню. Въ 1598 году въ грамотѣ татарскаго воеводы писалось о Кучумѣ и ему подвластныхъ татарахъ: «Кучумъ и

*) Ср. *И. Аничковъ*: „Упадокъ народнаго хозяйства въ киргизскихъ степ.", *Русск. Мысль*, 1902 г., май, стр. 64.

пошелъ съ Черныхъ водъ на Обь-рѣку съ дѣтьми и со всѣми людьми, гдѣ у него хлѣбъ засѣянъ». Какъ это указываютъ сибирскія лѣтописи, при занятіи татарскихъ городовъ въ нихъ всегда находили запасы хлѣба.

О бурятахъ уже описанія ихъ быта, относящіяся къ 1640—1641 гг., говорятъ, какъ о земледѣльцахъ. «А на устьѣ Онга,—читаемъ мы въ старинномъ описаніи быта бурятъ,—живутъ орацкіе люди, а хлѣбъ у нихъ родится просо, и мы то просо у князца Межеуля видѣли».

Наконецъ, о существованіи земледѣлія у аборигеновъ Сибири непререкаемо свидѣтельствуютъ многочисленныя земледѣльческія орудія, въ изобиліи раскопанныя изъ земли. Уже путешественники XVIII столѣтія дали нѣсколько описаній подобныхъ орудій и отмѣтили, что нѣкогда существовало земледѣліе въ Алтаѣ, въ Сагайской степи, у тубанцевъ, качинцевъ, у бельтировъ.

Извѣстный путешественникъ XVIII в. по Сибири, Палласъ, такъ описываетъ бельтирцевъ: «Многіе между ними богаты крупнымъ скотомъ и овцами, но большіе имѣютъ у себя нѣсколько пашни, которую засѣваютъ и собираютъ сами; итакъ, сколько имъ потребно муки и крупъ, имѣютъ собственныя. Сниманіе хлѣба бываетъ у нихъ въ сентябрѣ, а потому они называютъ этотъ мѣсяцъ оргокъ-ай. Молотятъ также на полѣ, солому всю сжигаютъ, и потому октябрь они называютъ уртюкъ-ай. Они сѣютъ по большей части яровое, ячмень, изъ коего мелютъ крупу; землю вспахиваютъ многіе между ними такъ, какъ и кобынцы, какъ плуга они не знаютъ или не имѣютъ, то на старинный манеръ сошникомъ, похожимъ на садовничій полольный топоръ, который они называютъ «обыль». Однако нѣкоторые принимаются уже и за плугъ, который именуютъ «салдою».

Наконецъ, новѣйшіе изслѣдователи указали на остатки древней ирригаціи въ очень многихъ мѣстахъ Сибири, на канавы и арыки въ Алтаѣ въ Минусинскомъ округѣ и т. д.

Въ виду всего этого, Н. Ядринцевъ могъ съ полнымъ основаніемъ замѣтить, что «наши представленія о томъ, что инородческія племена, скотоводы и кочевники не знаютъ земледѣлія—было совершенно невѣрно; они явно знаютъ способы посѣва, но заняться земледѣліемъ имъ не позволяли физическія условія: степи, безводныя пространства, солонцеватыя мѣстности, наконецъ, они предпочли скотоводство, какъ господствующій промыселъ, потому что онъ въ данную минуту болѣе выгоденъ и даетъ болѣе средствъ къ обезпеченію жизни» *).

Чѣмъ примитивнѣе экономическія отношенія и условія, въ которыхъ живетъ та или иная группа людей, чѣмъ труднѣе этой группѣ, тѣмъ больше ей принесетъ жертвъ при переходѣ къ новымъ формамъ хозяйства. Въ экономически развитомъ обществѣ смѣна этихъ формъ совершается сравнительно легко и безболѣзненно, при примитивныхъ же экономическихъ отношеніяхъ рѣзкое столкновеніе съ новыми, совершенно иными формами хо-

*) Ср. l. c., стр. 159.

зяйства ведетъ лишь къ разложенію первыхъ, а органическое претвореніе новыхъ формъ совершается очень туго и болѣзненно. Какъ это неоднократно засвидѣтельствовали наши инородцы на протяженіи своей длинной исторіи и какъ это мы видѣли отчасти на приведенныхъ нами выше примѣрахъ, они всегда умѣли постепенно приспособляться къ новымъ формамъ хозяйствованія, если эти формы диктовались объективными естественными условіями ихъ быта. Они усвоивали себѣ безконечно разнообразныя формы кочеванія, безконечно разнообразныя комбинаціи кочевого быта съ осѣдлымъ и, наконецъ, переходили къ чистому типу осѣдлости вездѣ, гдѣ къ этому вынуждали ихъ измѣнившіяся окружающія условія.

Въ отвѣтъ на обвиненія инородцевъ въ полной неспособности перехода къ современнымъ хозяйственнымъ формамъ, проф. Клеменцъ справедливо спрашиваетъ: «Почему же безъ всякой прижимки сойоты занялись земледѣліемъ, почему двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ енисейскіе киргизы, кочевники, проводили въ Минусинскомъ округѣ сорокаверстныя магистрали и создали систему орошенія, приводящую насъ въ изумленіе, и все для того, чтобы сѣять просо, гималайское жито и ячмень? Ихъ вѣдь никто не прижималъ» *).

И, повторяемъ, дѣло совсѣмъ не въ томъ, что инородецъ не хочетъ или не въ состояніи измѣнить свой кочевой образъ жизни, а въ томъ, что «цивилизація» неожиданно и со всѣхъ сторонъ окружила инородца и потребовала отъ него перехода къ новымъ формамъ хозяйствованія чуть ли не въ 24 часа.

Окружающая инородца природа, къ которой онъ такъ тѣсно приспособилъ свои формы хозяйства, осталась та же, тѣ же остались вѣками сложившіяся привычки и міросозерцанія, но все это осталось со всѣхъ сторонъ окруженнымъ новыми и совершенно чуждыми формами хозяйственнаго быта. Съ каждымъ днемъ эти формы проникали разлагающимъ началомъ въ бытъ и міросозерцаніе инородца, размывая его традиціонныя формы хозяйства и мышленія и совершенно не подготовивъ его къ воспріятію новыхъ формъ. Пропагандистомъ или простымъ носителемъ этихъ новыхъ формъ являлись или попечительное начальство, которое, не считаясь съ вѣками долгой и упорной работы дикаря, не считаясь ни съ его психологіей, ни съ окружающими природными условіями, попросту предписывало перейти къ такимъ-то и такимъ-то формамъ хозяйства, или же рыцари первоначальнаго накопленія, усердно и успѣшно принявшіеся эксплоатировать наивность и довѣрчивость инородца и его полнѣйшее непониманіе *мѣновой* цѣнности продуктовъ его труда и его земельной собственности.

Столкновеніе съ русской культурой разбудило въ нашемъ инородцѣ цѣлый рядъ доселѣ ему невѣдомыхъ потребностей—въ матеріяхъ, чаѣ, водкѣ, кое-какихъ орудіяхъ и т. д. Кромѣ того, инородецъ долженъ былъ уплачивать всякія подати и попросту взятки. Все это сдѣлало для него необ-

*) Ср. *Д. Клеменцъ*: „Замѣтки о кочевомъ бытѣ". *С.-Пет. Вѣд.* 1903 г.

димымъ деньги, а для удовлетворенія растущей надобности въ деньгахъ, онъ принужденъ былъ продавать все большее количество продуктовъ, все больше продавать свои промыслы и свою землю или отдавать ихъ въ наемъ. Словомъ, инородецъ былъ втянутъ въ водоворотъ денежнаго, мѣнового хозяйства. Но для того, чтобы оріентироваться въ этомъ водоворотѣ, не остаться въ немъ обойденной стороной, инородецъ долженъ былъ выработать у себя точную экономическую оцѣнку, объективную оцѣнку продуктовъ своего и чужого труда. Но этой-то предпосылки и не оказалось налицо—инородецъ не знаетъ объективную цѣну ни своихъ, ни чужихъ продуктовъ и это его незнаніе усердно эксплуатируется нашими сибирскими предпринимателями.

Жестокая экономическая эксплуатація инородцевъ и вообще всѣхъ общественныхъ группъ только пріобщающихся къ лону капитализма достаточно описана, и въ этой статьѣ мы не станемъ непосредственно заниматься ею. Но въ виду спеціальнаго характера этихъ очерковъ, мы должны удѣлить нѣкоторое мѣсто вопросу о кредитѣ, какъ имѣющему огромное значеніе для приспособленія инородцевъ къ новымъ формамъ мѣнового хозяйства. Мы думаемъ, что административное насажденіе и отмѣненіе хозяйственныхъ формъ не можетъ быть особенно плодотворнымъ; но если гдѣ-либо оно могло принести свою пользу, то это, конечно, въ области дешеваго кредита. Наши инородцы лишены всякаго подобія подобнаго кредита и на почвѣ отсутствія кредита они въ большинствѣ случаевъ и попадаютъ въ тенета рыцарей первоначальнаго накопленія, потомственно закабаляясь имъ.

Д-ръ Альквистъ разсказываетъ: «Въ торговлѣ зырянъ и русскихъ съ здѣшними вогулами существуетъ система кредита, которая для сихъ послѣднихъ только разорительна. Купецъ отпускаетъ товаръ свой покупателю въ долгъ до слѣдующей охоты, причемъ, конечно, на товаръ свой назначаетъ бо̀льшую цѣну, чѣмъ при наличной платѣ мѣхами; при уплатѣ же долга онъ старается по возможности уменьшить цѣну на товаръ должника. Вслѣдствіе того послѣдній затягиваетъ уплату долга и охотнѣе продаетъ товаръ другимъ, чѣмъ своему кредитору. Чтобы покрыть убытки такой несвоевременной уплаты, а равно и отъ утраты должной суммы вслѣдствіе смерти должника, купецъ при слѣдующемъ акредитированіи долженъ наложить на свой товаръ еще бо̀льшую цѣну, часто вдвое. Исходомъ такой торговли въ кредитъ для многихъ вогуловъ и остяковъ бываетъ то, что, сильно задолжавшись при неблагопріятной охотѣ, или самъ долженъ поступить въ работники къ своему кредитору, или, если у него есть сынъ, послать сына, что̀ часто обращается въ пожизненную кабалу, въ которой вогулъ и остякъ отчуждаются отъ своего племени и народа».

Другой изслѣдователь пишетъ: «Множество березовскихъ остяковъ и самоѣдовъ обязаны жизнью своимъ кредиторамъ-кабалителямъ. Остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Остякъ покупаетъ хлѣбъ въ долгъ и обязуется заплатить въ слѣдующемъ году рыбою. Вошедши въ долгъ, онъ находится уже въ полной власти купца,

который кладетъ произвольную цѣну какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка».

Сибирскіе русскіе купцы употребляютъ всѣ усилія, чтобы завлечь инородца въ долги, «и разъ это удается—вырваться попавшему почти невозможно: по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ уплачивать старые долги, на него будутъ нарастать новые, и такъ до конца жизни, причемъ долги отцовъ переходятъ и на дѣтей, большею частью безпрекословно ихъ выплачивающихъ изъ боязни причинить иначе мученія своимъ родителямъ въ загробной жизни».

Загоняемые въ новыя формы экономическаго быта, наши инородцы, такъ сказать, у преддверія этихъ формъ попадаютъ въ хитро сплетенную паутину ростовщическаго кредита. Огромная часть нашихъ инородцевъ, выбитая изъ старой экономической колеи, безпомощно бьется теперь въ этой паутинѣ. Довѣрчивость, наивность, полное незнаніе законовъ и полная капиталистическая невинность дѣлаютъ заплетеніе въ эту паутину столь же легкой, сколь трудно изъ нея освобожденіе. И весьма знаменательно, что, какъ это утверждаетъ цѣлый рядъ изслѣдователей, изъ этой ростовщической паутины удается выбиться только нравственно деградированнымъ членамъ инородческаго общества, досканально изучившимъ мошенническіе пріемы ростовщиковъ и взявшими ихъ за руководящее начало своей экономической дѣятельности. Честные же и наивные инородцы, какъ мы видѣли, потомственно остаются въ этой сѣти и покорно выплачиваютъ свой миѳическій долгъ.

Мы познакомились въ общихъ чертахъ съ тѣми крайне анормальными условіями, въ которыхъ происходитъ въ настоящее время переходъ нашихъ инородцевъ отъ скотоводства и звѣроловства къ смѣшаннымъ или чистымъ типамъ земледѣлія, отъ кочевой жизни къ жизни осѣдлой. Мы видѣли, что этотъ переходъ сплошь и рядомъ представляетъ собою не естественную смѣну, эволюцію формъ хозяйства подъ давленіемъ измѣняющихся условій природной и соціальной среды, а скорѣе своего рода административную ссылку, произведенную безъ историческаго суда и слѣдствія. Этому насильственному и внѣшними обстоятельствами вызванному перелому хозяйственнаго строя инородцевъ въ высшей степени содѣйствуетъ и растущая волна переселенческаго движенія русскихъ крестьянъ въ Сибирь, вызывающая все растущее земельное утѣсненіе инородцевъ, для которыхъ обширныя земельныя пространства являются условіями дальнѣйшей жизни.

Вызванный такимъ образомъ внѣшними и неожиданно надвинувшимися причинами переломъ въ хозяйственной жизни нашихъ инородцевъ и протекаетъ въ крайне анормальныхъ условіяхъ. Онъ проходитъ сквозь строй ужасающей экономической эксплоатаціи, доводящей въ самый короткій срокъ до полнаго оскудѣнія богатый еще недавно край и богатый еще недавно народъ, а юридически инородцамъ приходится жить подъ контролемъ чрезвычайно устарѣлаго законодательства, выработаннаго въ эпоху, когда инородцу приходилось жить и хозяйничать при совершенно иныхъ условіяхъ.

А къ этому еще и личный составъ лицъ, производящихъ этотъ контроль, по общему признанію всѣхъ изслѣдователей, стоитъ на очень невысокомъ интеллектуальномъ и нравственномъ уровнѣ, рекретируясь главнымъ образомъ изъ лицъ, оказавшихся непригодными въ Европейской Россіи, а то попросту изъ лицъ, не по своей волѣ очутившихся въ Сибири.

Опутанный неоплатными долгами, выбитый изъ старой, вѣками проложенной экономической колеи, внезапно окруженный совершенно ему чуждыми хозяйственными пріемами и не получающій ни откуда разумной поддержки, нашъ инородецъ естественно сталъ хирѣть и вымирать. Всѣ эти неблагопріятныя условія до чрезвычайности затрудняли инородцамъ переходъ изъ кочевого быта въ осѣдлый—земледѣльческій, переходъ, который хотя и понукался начальствомъ, но совершенно не облегчался созданіемъ соотвѣтствующихъ правовыхъ и экономическихъ условій.

Да и кромѣ того, подлежитъ еще весьма большому сомнѣнію вопросъ о томъ, желателенъ ли, съ точки зрѣнія національнаго хозяйства, совершенно даже не считаясь съ интересами инородческаго хозяйства,—желателенъ ли при современныхъ условіяхъ массовый переходъ нашихъ кочевниковъ къ осѣдло-земледѣльческому быту. Вопросъ этотъ необходимо разсмотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего переходъ инородцевъ къ земледѣльчески-осѣдлому быту, требующему значительно меньшаго земельнаго простора, чѣмъ кочевой—скотоводческій, высвободитъ огромныя земельныя пространства для поселенія русскихъ крестьянъ, и съ этой точки зрѣнія многіе изслѣдователи и привѣтствуютъ закрѣпленіе земли нашихъ инородцевъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ можно, только разсмотрѣвъ богатѣйшій матеріалъ, накопленный и разработанный нашими коммиссіями по изслѣдованію какъ разъ этого вопроса. Подобное разсмотрѣніе не входитъ въ задачи этой статьи, но намъ хотѣлось бы отмѣтить одно часто и напрасно забываемое обстоятельство—не надо забывать, что «освобожденныя» инородцами земли сплошь и рядомъ въ настоящее время поступаютъ не въ правильную и бережную земледѣльческую обработку, а жадно, хищнически эксплоатируются и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подобнаго хозяйничанія, оказываются совершенно истощенными.

У насъ на этотъ счетъ имѣется множество весьма печальныхъ фактовъ, изъ которыхъ мы приведемъ два-три наиболѣе свѣжихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что эта хищническая эксплоатація не преданье старины глубокой, а дѣйствительность сегодняшняго дня.

Г. Я. Полферовъ писалъ недавно въ *С.-Петерб. Вѣдом.*:

«Недавно меня навѣстилъ одинъ изъ тургайскихъ чиновниковъ. Я спросилъ про Тересъ-Бутасъ. Оказывается, что эти богатѣйшія лѣтовки, выпасывавшія 10 лѣтъ тому назадъ тысячи головъ скота, изъ которыхъ половина шла на столичные рынки, превращены въ пашни, изъ которыхъ треть уже брошена какъ выпашь. Многіе десятки лѣтъ здѣсь питались стада, нагуливался промышленный убойный скотъ, о которомъ мы теперь такъ заботимся и хлопочемъ, а ковыльныя угодья каждый годъ покрыва-

лись тучною растительностью; дары степи не иссякли, служа туземному населенію и промышленнымъ цѣлямъ страны. Но не выдержали эти угодья и десятилѣтняго хозяйничанія нашего новосела—расхищены дары ковыльной цѣлины и теперь тамъ нѣтъ ни хлѣба, ни скота, а скоро новоселы-арендаторы уйдутъ глубже въ степь, оставивъ кочевнику «рожки да ножки», т.-е. обнищаніе» *).

Авторъ новѣйшаго труда о Сибири, г. П. Головачевъ говоритъ:

«Вымираніе инородцевъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Сибири угрожаетъ превратить эти безпредѣльныя пространства въ совершенно недоступныя пустыни, потому что лишь одни инородцы въ теченіе безчисленнаго ряда лѣтъ приспособились къ жизни въ этихъ мѣстностяхъ и къ передвиженію по нимъ. Заселеніе этихъ пространствъ русскими совершенно немыслимо. То же самое нужно сказать и объ обширномъ краѣ, занятомъ тунгусами» **).

Уже цитированный нами г. Я. Полферовъ пишетъ:

«Въ 80-хъ годахъ вблизи укр. Акъ-Тюбе въ два года выросъ, чисто по-американски, обширный переселенческій поселокъ, численность дворовъ котораго достигла 500; на каждый дворъ отведено по 30 дес. отличной земли. Кажется, можно бы хозяйничать, особенно послѣ 1—2 дес. на старинѣ. Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ «вольготнымъ» положеніемъ: черезъ 8 лѣтъ мнѣ лично пришлось принимать участіе въ перемѣнѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малоземелье, причемъ девять десятыхъ оказалось дѣйствительно негодной выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванія 3—4 года подъ рядъ одной пшеницы. Мало того, на 30—40 верстъ по радіусу всюду распаханы киргизскія земли. Лѣса и толъ вырублены, луга и камыши выкошены, а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела. Тогда послѣдній проникъ вглубь степи, на правахъ арендатора, и снова принялся за свое хищничество» ***).

Эти разрозненные факты нимало не могутъ, конечно, претендовать на разрѣшеніе вопроса объ отводѣ инородческихъ земель подъ переселенческіе участки, но они показываютъ, что если даже совершенно игнорировать интересы самыхъ инородцевъ, то и тогда не вездѣ и не всегда заселеніе инородческихъ земель переселенцами представляетъ дѣйствительный плюсъ для національнаго хозяйства страны, ибо, какъ мы видѣли, земли, отбираемыя отъ инородцевъ, сплошь и рядомъ дѣлаются объектами хищнической эксплоатаціи, дѣлающей богатыя земли совершенно непригодными ни для земледѣльческой, ни для скотоводческой культуры.

Намъ, однако, предстоитъ теперь разсмотрѣть этотъ вопросъ съ иной стороны. Намъ предстоитъ задача уяснить въ общихъ чертахъ, какое зна-

*) Ср. *Я. Полферовъ*: „Среди инородцевъ". *С.-Пет. Вѣд.* № 245, 1903 г.
**) Ср. l. c., стр. 133—134.
***) *С.-Пет. Вѣд.* 1903 г., № 245.

ченіе можетъ имѣть паденіе или наоборотъ дальнѣйшее развитіе кочевого пастушескаго быта нашихъ инородцевъ съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства Россіи.

Къ сожалѣнію, относительно кочевого быта широко распространилось и прочно утвердилось совершенно ложное представленіе,—думаютъ, что кочевой бытъ представляетъ нѣчто однородное, стоячее, не развивающееся, что онъ служитъ въ настоящее время обломками изжитыхъ формъ экономическаго быта, что кочевникъ постоянно передвигается, не зная никакихъ территоріальныхъ границъ, не тяготѣя ни къ какому территоріальному центру.

Всѣ подобнаго рода представленія о кочевомъ бытѣ являются чисто мистическими. Даже исторія культуры не знаетъ подобныхъ кочевниковъ. Вездѣ и всегда радіусъ кочевокъ былъ болѣе или менѣе опредѣленъ и всегда существовало извѣстное тяготѣніе къ территоріальному центру. Наконецъ, на протяженіи своей длинной исторіи развитія, кочевой бытъ медленно, но постоянно измѣнялся, приспособляясь къ измѣняющимся условіямъ естественной среды, къ росту густоты населенія и наконецъ къ хозяйственному строю племенъ и народностей, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе.

Сообразно со всѣми этими условіями, кочевники то сокращали, то удлиняли орбиту своихъ кочеваній и рѣдко удерживали чистый типъ кочевого быта, постоянно комбинируя его съ земледѣльчески-осѣдлымъ бытомъ и пріурочивая свои кочеванія или къ опредѣленному времени года, или же къ опредѣленной части своей территоріальной единицы.

Въ зависимости отъ разнообразія окружающихъ условій кочевье нашихъ сибирскихъ инородцевъ носитъ весьма разнообразный характеръ. Кочеваніе на равнинахъ существенно отличается отъ кочеванія въ горахъ, кочеваніе въ горахъ отличается отъ кочеванія въ лѣсныхъ пространствахъ. Вездѣ пользуясь особенностями топографіи мѣстности, кочевникъ измѣняетъ форму своего быта.

«На границѣ Сибири,—пишетъ Н. Ядринцевъ,—мы видимъ всѣ переходы кочевниковъ отъ степей къ горамъ и лѣсамъ. Наконецъ, появляются зимнія стоянки. Номадъ снимается только ранней весной и идетъ до средины лѣта, а затѣмъ возвращается къ осени и зимой уже стоитъ на одномъ мѣстѣ, наблюдая за стадами. Кочеваніе возможно только благодаря постоянному подножному корму. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ зимовка и скотоводство начинаетъ все болѣе преобладать. Наконецъ, появляются запасы сѣна, и скотоводъ, не оставляя промысла, дѣлается почти осѣдлымъ. Таковъ, наприм., якутъ; но скотоводство не допускаетъ еще группировки селеніями и скотоводъ предпочитаетъ располагать жилище уединенно одинъ отъ другого» *).

Вездѣ, гдѣ этому благопріятствовали условія, наши сибирскіе кочевники

*) *Ядринцевъ*, l. c., стр. 245.

сокращали орбиту своихъ кочеваній и комбинировали пастушески-кочевой быть съ земледѣльчески-осѣдлымъ, превращая свою подвижную юрту постепенно въ шалашъ, лѣтовку, а затѣмъ и постоянную зимовку, землянку. Въ настоящее время киргизы кочуютъ всего лишь пять мѣсяцевъ въ году, остальное время живя осѣдло въ зимовкахъ.

Наконецъ, многіе изъ кочевыхъ нашихъ инородцевъ совсѣмъ бросили кочеваніе, перейдя къ осѣдлости и земледѣлію. Таковы, кромѣ многихъ бурятъ, якутовъ, киргизовъ и т. д., наприм., алтайскіе кумадинцы, кузнецкіе черневые татары, барабинскіе и тарскіе татары, чулымскіе и енисейскіе (не всѣ однако) инородцы.

Всѣ эти факты показываютъ способность кочевниковъ приспособляться къ новымъ условіямъ окружающей среды, усваивать сообразно съ этимъ новые хозяйственные пріемы, вносить измѣненіе въ строй своей экономической жизни, приближать свое кочеваніе къ осѣдлому быту, дѣлая его временнымъ и все менѣе продолжительнымъ и далекимъ. Эту-то способность кочевого быта развиваться и приспособляться къ новымъ запросамъ среды и надо имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о будущности кочевого быта и о желательности его гибели или сохраненія.

Тогда весь этотъ вопросъ получитъ болѣе конкретную постановку, которая только и дастъ впервые возможность сдѣлать практически плодотворные и примѣнимые выводы. Эти практически плодотворные выводы могутъ быть сдѣланы, во-первыхъ, при условіи внимательнаго и безпристрастнаго изученія современныхъ условій кочевого быта нашихъ инородцевъ, что въ значительной степени выполнено трудами нашихъ коммиссій и, во-вторыхъ, при наведеніи исторической и, такъ сказать, сравнительной справки о судьбѣ кочевого быта въ другихъ странахъ.

Первая задача можетъ быть выполнена на внимательномъ разборѣ фактовъ и обобщеній, собранныхъ въ упомянутыхъ трудахъ, а потому въ этой статьѣ мы не коснемся ея; что же касается второй задачи, то мы нѣсколько намѣтимъ ее въ заключеніи этого очерка.

Читатель ждетъ, вѣроятно, что съ цѣлью наведенія этой сравнительной справки мы поведемъ его въ глушь Африки, къ ея дикимъ и полудикимъ аборигенамъ. Но въ этомъ намъ не представляется рѣшительно никакой надобности,—намъ, наоборотъ, надо бросить общій взглядъ на экономическій бытъ цивилизованнѣйшихъ народовъ Европы. Мы увидимъ тогда, что въ просвѣщеннѣйшихъ англійскихъ колоніяхъ Австраліи и въ южной Америкѣ въ настоящее время прочно развивается безспорно «кочевой бытъ». Здѣсь на обширныхъ пространствахъ разводятъ убойный скотъ ради его мяса, шерсти и т. д., что неизбѣжно связано съ кочевымъ бытомъ, въ который, конечно, привнесены всѣ подходящія завоеванія техники. Англійскіе колонисты въ Австраліи разводятъ громадныя стада, и это хозяйство отлично кормитъ обширное населеніе.

Наконецъ, во Франціи, гдѣ земельнаго простора очень мало, въ двадцатыхъ годахъ XIX в. въ виду все растущаго спроса большихъ горо[дов]

на баранину, значительная часть жителей приморской Франціи побросала земледѣліе и занялась разведеніемъ барановъ. Стада барановъ скоро достигли весьма значительныхъ размѣровъ и теперь тысячи французскихъ крестьянъ съ успѣхомъ перешли отъ земледѣлія къ кочевому пастушеству.

Еще болѣе поучительный примѣръ представляетъ маленькая Швейцарія съ ея альпійскимъ пастушескимъ хозяйствомъ. Какъ мы уже писали на страницахъ *Народнаго Хозяйства* *), благодаря своимъ превосходнымъ пастбищнымъ условіямъ, Швейцарія сравнительно быстро передвинула центръ тяжести своего сельскаго хозяйства отъ менѣе выгодной и больше страдающей отъ вліянія аграрнаго кризиса зерновой культуры къ болѣе прибыльному и менѣе страдающему отъ міровой конкуренціи скотоводству и молочному хозяйству.

За послѣднее время эта сторона сельскаго хозяйства весьма широко развилась въ Швейцаріи. Съ весны швейцарскіе пастухи уходятъ далеко въ горы, гдѣ и бродятъ со своимъ скотомъ, и лишь осенью спускаются въ долины и занимаются—да и то не всѣ—земледѣльческими работами.

По существу,—а не по формѣ конечно,—этотъ пастушескій бытъ просвѣщенныхъ швейцарцевъ ничѣмъ не отличается отъ кочевого хозяйства какого-нибудь сибирскаго солота или тьзяншаньскаго киргиза. Вся разница только въ томъ, что швейцарецъ внесъ въ свой кочевой бытъ всѣ завоеванія техники, удовлетворилъ всѣ требованія мірового хозяйства и науки о разведеніи скота, о борьбѣ съ его эпидемическими болѣзнями и т. д. Но вѣдь ясно, что все это нисколько не мѣняетъ сущности дѣла.

Наконецъ, и у насъ въ Россіи послѣднее время, въ особенности экономисты 20-го числа, очень много говорили объ экспортѣ мяса за границу, объ усиленномъ экспортѣ молочныхъ продуктовъ и т. д. Да и на дѣлѣ молочное хозяйство получило въ Сибири за послѣднее время необычайное развитіе, проложивъ себѣ широкій путь на міровые рынки.

Да и помимо этого мірового рынка, скотъ нашихъ инородцевъ можетъ себѣ найти широкій сбытъ въ быстро растущихъ городахъ Сибири и на внутреннемъ рынкѣ Европейской Россіи. Разводимые инородцами лошади могутъ послужить отличнымъ матеріаломъ для военнаго набора, а затѣмъ и продаваться для крестьянъ. Въ голодный 1899 г. отъ нашихъ инородцевъ-кочевниковъ была выписана, и вполнѣ удачно, большая партія скота для русскихъ крестьянъ. Еще въ 1867 г. изъ всего перегнаннаго по оренбургской и сибирской линіямъ скота на долю киргизской степи приходилось 91,8%, изъ привезенныхъ кожъ—66,9% и шерсти 94,1%.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что развитіе кочевого быта нисколько не становится въ противорѣчіе съ экономическимъ прогрессомъ страны, и что даже направленіе, принятое въ настоящее время развитіемъ мірового хозяйства, вызываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усиленное развитіе пасту-

*) Ср. нашу статью „Борьба за таможенный тарифъ въ Швейцаріи“ *Нар. Хоз.* 1902 г.

шескаго хозяйства, даже вытѣсняющаго земледѣльческое. У насъ же въ Россіи, гдѣ находятся налицо всѣ данныя для богатаго развитія этого пастушескаго хозяйства, издавна вѣками свыкнувшихся съ нимъ инородцевъ, смотрятъ на это хозяйство очень недружелюбно, видя въ немъ помѣху экономическому развитію страны.

Достаточно сказать, что тогда какъ въ 1870 г. въ Сыръ-Дарьинской области общее количество скота равнялось 6.988,220 головамъ, въ 1877 г. оно уже упало до 4.113,999, а въ 1885 г. до 2.750,700, т.-е. за пятнадцать лѣтъ понизилось на 132% *). А параллельно съ этимъ шла, конечно, и пролетаризація населенія. Въ этой же Сыръ-Дарьинской области въ 1872 г., по даннымъ г. Шкапскаго, было 39,945 лицъ, окончательно лишившихся скота, а въ 1877 г. уже 53,439, т.-е. за пять лѣтъ число ихъ возросло болѣе чѣмъ на 33%.

Резюмируя, мы можемъ поэтому сказать, что насильственная ломка вѣками сложившагося экономическаго строя и административное насажденіе новыхъ хозяйственныхъ формъ прежде всего въ положительномъ отношеніи оказались практически безплодными. Они выполнили лишь отрицательную работу—въ конецъ подорвали устои, на которыхъ вѣками держалось хозяйство кочевниковъ, и вмѣстѣ съ этимъ пролетаризировали этихъ кочевниковъ. Переходъ же къ совершенно новымъ формамъ хозяйства оказался для огромнаго большинства нашихъ кочевниковъ прегражденнымъ отчасти неблагопріятными природными условіями, отчасти полною субъективною неподготовленностью, отчасти же тѣмъ, что наивность и довѣрчивость вела ихъ прежде всего въ цѣпкія лапы ростовщиковъ.

Всѣ эти отрицательныя условія были неустранимымъ послѣдствіемъ слишкомъ быстрой ломки хозяйственнаго строя инородцевъ и нежеланіемъ считаться со всѣми особенностями ихъ психики и ихъ быта.

Такимъ образомъ огромному большинству инородцевъ столкновеніе съ русской культурой въ экономическомъ отношеніи принесло лишь разореніе и вымираніе. Но и съ болѣе общей точки зрѣнія всего народнаго хозяйства Россіи, этотъ процессъ разоренія инородцевъ означалъ гибель, въ силу неблагопріятныхъ условій, той отрасли народнаго хозяйства, которая, какъ разъ при современныхъ условіяхъ и требованіяхъ мірового хозяйства могла бы получить богатое развитіе. Современное мировое хозяйство совсѣмъ не требуетъ, какъ это наивно утверждаютъ иные устарѣлые учебники политической экономіи, полнаго исчезновенія кочевого пастушескаго хозяйства,—наоборотъ, оно мѣстами вызываетъ, какъ мы видѣли, его развитіе. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы развить самого кочевника, его потребности, его умственный кругозоръ и просвѣтлить его инстинктивные хозяйственные пріемы завоеваніями современной техники и науки.

П. Берлинъ.

---

*) Ср. *О. Шкапскій*: „Нѣкоторыя данныя для освѣщенія киргизскаго вопр.“. *Русск. Мысль* 1897 г. V, стр. 45.

Земство въ Сибири.

I.

Вопросъ о необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Сибири въ продолженіе многихъ лѣтъ не сходитъ со страницъ сибирской прессы. Много соображеній, подкрѣпленныхъ цифрами и фактами, высказано по этому поводу на ея страницахъ, съ цѣлью доказать ту элементарнѣйшую истину, что земскія учрежденія въ Сибири — альфа и омега всѣхъ предстоящихъ въ ней реформъ. Въ земской самодѣятельности мѣстнаго населенія, и только въ ней, Сибирь должна и можетъ искать спасенія отъ гражданскаго неустройства ея и малокультурности.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги народное хозяйство въ Сибири переживаетъ тяжелое переходное время отъ натуральныхъ формъ хозяйства къ капиталистическимъ. Съ первымъ свисткомъ паровоза палъ извозный и другіе, соприкасающіеся съ нимъ, промыслы, доставляющіе притрактовому населенію ежегодно милліонные доходы. Усилился наплывъ переселенцевъ, алчущихъ за Ураломъ обрѣсти «мужицкое царство». Задачи колонизаціонной политики усложнились: началась рѣзкая ломка «вѣковѣчнаго» свободнаго пользованія землей и лѣсомъ—нормированіе крестьянскихъ надѣловъ и введеніе лѣсоохранительныхъ законовъ. Побѣдоносное шествіе въ нѣдры Сибири товарнаго капитализма, съ его непремѣнными спутниками—кулачествомъ и ростовщичествомъ, произвело переворотъ въ бытѣ, потребностяхъ и хозяйствѣ мѣстнаго населенія. Хлѣбъ сталъ товаромъ, и магическая сила денегъ въ нѣсколько лѣтъ высосала изъ сибирской деревни всѣ ея хлѣбные запасы; мѣстное же населеніе, въ силу своей некультурности, осталось и безъ денегъ, и безъ хлѣбныхъ запасовъ.

Совокупность всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій оказалась не по плечу мѣстному населенію. Сибирь начала бѣднѣть и познакомилась съ нуждой и голодовками.

Невольно напрашивается аналогія съ башкирскимъ краемъ. Не болѣе ста лѣтъ тому назадъ Самарскій, Уфимскій и Оренбургскій край представляли дѣвственныя пустынныя окраины, богатыя землей и бѣдныя населеніемъ. Сюда потоками шли переселенцы изъ внутреннихъ губерній. Хищ-

нически эксплоатировали они богатую почву края. Русская некультурность и нищета пустили здѣсь глубокіе корни: Самарская, Уфимская и Оренбургская губерніи стали классическимъ мѣстомъ неурожаевъ и голодовокъ. Нѣчто подобное наблюдается уже и въ Сибири. «Югъ Тобольской губ., стяжавшій себѣ ранѣе, не 100 лѣтъ, а какихъ-либо 30—40 лѣтъ тому назадъ, названіе житницы Западной Сибири, на нашихъ глазахъ почти сравнялся съ Европейской Россіей по уровню благосостоянія своего сельскаго населенія. Всѣ помнятъ еще страшный неурожай и голодъ въ Тобольской губ. въ 1901 году. Мнѣ лично пришлось быть въ этомъ году въ пораженныхъ неурожаемъ округахъ Тобольской губ., и я на каждомъ шагу встрѣчалъ такую нищету, какую не всегда возможно встрѣтить и въ Европейской Россіи,—нищету не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ районовъ. Я видѣлъ поразительный контрастъ, какъ остатки прежней сибирской зажиточности укладывались бокъ-о-бокъ съ полнымъ голоданіемъ въ теченіе двухъ-трехъ дней. Въ обширныхъ крестьянскихъ домахъ, правда, уже постарѣвшихъ и покосившихся, въ комнатахъ, оклеенныхъ обоями—не было ни крошки хлѣба. Люди ѣли глину, гнилое дерево, не говоря про лебеду и травы. Въ обширныхъ стойкахъ и дворахъ мычалъ отъ голода тощій скотъ и висѣли подвѣшенныя лошади. Масса народа разбрелась во всѣ стороны: поля въ іюлѣ стояли черными, опустошенныя засухой и кобылкой, а тифъ и цинга разгуливали по деревнямъ» *)... Подобныя же картины наблюдались четыре года тому назадъ въ Минусинскомъ уѣздѣ—«житницѣ» Восточной Сибири и въ нынѣшнемъ году наблюдаются въ Забайкальской области. Частичные же «недороды» прочно свили себѣ гнѣздо въ Сибири и повторяются почти ежегодно...

Современное положеніе Сибири очень похоже на положеніе Европейской Россіи тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ. Какъ тамъ наканунѣ еще реформы 19 февраля сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что земскія нужды возрожденной страны не могутъ удовлетворяться прежними дореформенными способами и учрежденіями, такъ и въ Сибири въ настоящее время, при происшедшихъ въ послѣднее десятилѣтіе событіяхъ и перемѣнахъ, ясно чувствуется настоятельная необходимость коренного преобразованія существующей системы удовлетворенія мѣстныхъ потребностей населенія. Это сознается и въ отношеніи проведенія новыхъ дорогъ въ краѣ, и въ вопросѣ о продовольствіи населенія, въ необходимости устройства и улучшенія больницъ и врачебной помощи населенія, и въ образованіи населенія, и въ особенности въ области сельско-хозяйственной. Современное удовлетвореніе всѣхъ этихъ насущныхъ потребностей населенія крайне несовершенно.

«Кто не знаетъ наше мѣстное хозяйство, кто не знаетъ трату мѣстныхъ суммъ?—писалъ въ концѣ минувшаго столѣтія одинъ изъ высшихъ

*) См. докладъ Д. М. Головачева: „Сельское хозяйство крестьянъ Енис. губерніи". „Труды красноярскаго отдѣла И. м. с. х. о.", в. VI, 1903 г., стр. 8.

администраторовъ Восточной Сибири. — Достаточно въ этомъ случаѣ сослаться на мосты, чинимые на бумагѣ натуральной повинностью, на дѣлѣ же чрезъ подрядчика, дѣйствующаго подъ руководствомъ губернскаго техника; мосты, которые, несмотря на десятитысячныя затраты, не выдерживаютъ года; достаточно также сослаться на этапныя зданія, которыя, ремонтируясь каждый годъ, однако, находятся въ такомъ положеніи, что арестанты угараютъ въ нихъ; если прибавить ко всему нами высказанному непроизводительную трату мѣстныхъ суммъ, отражающуюся тѣмъ, что затрата милліоновъ не достигаетъ удовлетворенія насущныхъ своихъ потребностей — дорогъ, санитарнаго обезпеченія, народнаго просвѣщенія, общественнаго призрѣнія, то становится яснымъ до очевидности, что администрація въ порывѣ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ чистыхъ побужденій оказывалась безсильною искоренить зло. Мѣстныя условія Сибири таковы, что, какъ бы ни была бдительна администрація, какъ бы, въ силу разстояній, разрозненности населенія, она ни увеличивала персоналъ своихъ агентовъ, какими бы нравственными и матеріальными поощреніями она ни привлекала бы къ себѣ въ содѣйствіе этихъ агентовъ, она безсильна усмотрѣть, предупредить и даже покарать злоупотребленія. Какъ ни энергична была дѣятельность генералъ-губернатора Н. П. Синельникова, тѣмъ не менѣе послѣ двухъ лѣтъ онъ долженъ былъ гласно сознаться, что цѣли онъ не достигъ. А почему? Потому, что нигдѣ, какъ въ Сибири, такъ не нужно администраціи дружное содѣйствіе самихъ обществъ, самого населенія. Тѣмъ болѣе это содѣйствіе нужно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о расходѣ трудовой копейки, вносимой народомъ на губернскія, частныя и мірскія повинности. Здравый смыслъ, не разъ доказанный, присущій сибирскому крестьянину, служитъ лучшей гарантіей, что содѣйствіе въ семъ случаѣ будетъ оказано самое добросовѣстное, самое дѣйствительное. А отсюда какой выводъ? Тотъ, что въ Сибири болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо самоуправленіе и земская реформа» *).

Подобное отношеніе не является исключеніемъ. Еще на зарѣ гражданской исторіи Сибири вопросъ о привлеченіи свѣдущихъ и знакомыхъ съ мѣстными нуждами людей къ управленію краемъ былъ рѣшенъ гр. Сперанскимъ въ положительномъ смыслѣ. При обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ административной реформы въ Сибири Козадавлевъ предлагалъ привлечь въ губернскіе совѣты выборный элементъ, какъ вполнѣ гарантирующій правильность разрѣшенія мѣстныхъ нуждъ и вопросовъ. Большинство послѣдующихъ представителей административной власти въ Сибири принципіально соглашались съ этимъ мнѣніемъ. Но практическому осуществленію этихъ проектовъ помѣшало опасеніе не найти въ Сибири подходящихъ для этого дѣла людей. При наступленіи «эпохи великихъ реформъ» вопросъ о введеніи въ Сибири земскихъ учрежденій снова былъ поднятъ по инициа-

*) См. „Историко-статистическій сборникъ Сибири П. Н. Милютина", хроника, стр. 43—44.

тивѣ государственнаго совѣта. Въ 1864 году государственный совѣтъ, находя введеніе земства въ Сибири вполнѣ своевременнымъ, поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ войти по этому поводу съ надлежащими соображеніями. Съ государственнымъ совѣтомъ была также солидарна коммиссія, составляющая судебные уставы. Но тѣмъ не менѣе министерство внутреннихъ дѣлъ признало невозможнымъ ввести въ Сибири земскія учрежденія, такъ какъ, по его мнѣнію, въ ней все еще не было земскихъ элементовъ*). Вмѣсто образованія земства въ Сибири реорганизовали въ ней одно только крестьянское самоуправленіе на началахъ Положенія 19 февраля 1861 г. Но и послѣднее было введено не вездѣ и не сразу. На территорію Восточной Сибири его распространили только въ 80-хъ годахъ м. ст. При такихъ условіяхъ въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей сибирскаго населенія все осталось попрежнему въ отвратительно плохомъ видѣ. Мѣстная печать, общество и отчасти администрація непрерывно продолжають поэтому указывать, какъ на единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ общественныхъ неустройствъ, на введеніе въ Сибири земства. Въ журналѣ коммиссіи по упорядоченію административнаго дѣленія Сибири, утвержденной въ 1874 году, прямо сказано, что въ Сибири «должны быть введены начатки земскаго самоуправленія» **). Лучшая часть сибирскаго общества, воспользовавшись 300-лѣтнимъ юбилеемъ Сибири въ 1884 г., заявила объ этомъ публично и во всеуслышаніе. По мнѣнію енисейской городской думы, наши первыя и настоятельныя нужды — введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и прекращенія ссылки въ Сибирь ***). Иркутская и томская городскія думы поднесли въ томъ же году на имя государя адреса, въ которыхъ просили объ удовлетвореніи «насущнѣйшихъ первыхъ нуждъ Сибири» путемъ реформъ, дарованныхъ Россіи, вообще и земскихъ учрежденій въ частности. Иркутскій адресъ былъ принятъ сочувственно и гласныхъ приказано было за него «благодарить». Съ этого времени генералъ-губернаторы Восточной Сибири ставятъ своей задачей вырабатывать проекты земскихъ учрежденій въ Сибири. Обычная ихъ участь—сдача въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Подобное же постигло обстоятельно разработанный А. А. Корниловымъ проектъ земскихъ учрежденій Иркутской и Енисейской губерній, представленный бывшимъ генералъ-губернаторомъ Горемыкинымъ въ министерство въ 1899 году.

Въ самое послѣднее время къ сторонникамъ земскаго самоуправленія въ Сибири присоединился авторитетный голосъ губернскихъ и почти всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ сибирскіе комитеты высказались

*) См. *Сѣверный Вѣстникъ* 1896 г., № 8, „За предѣлами Европейской Россіи". *Арефьевъ*: „Земство въ Сибири", стр. 17—18.

**) *Сибирская Газета* 1885 г., № 43, стр. 114.

***) Ibidem., стр. 1142.

за необходимость ввести въ Сибири земскія учрежденія, и нѣкоторые изъ нихъ подробно разработали при этомъ проекты земствъ.

Въ концѣ минувшаго года сибирскія газеты обошло извѣстіе, что новый иркутскій генералъ-губернаторъ также «озабоченъ мыслью о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири и въ этихъ видахъ предложилъ составить проектъ таковыхъ» нѣкоторымъ чиновникамъ, принимавшимъ непосредственное участіе въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Мѣстная печать встрепенулась, но не надолго — броня канцелярской тайны была неприступна.

«Громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится!» Грянули пушечные выстрѣлы на Дальнемъ Востокѣ, началась страшная и жестокая война. Сибирь мобилизовали, призвали къ оплоту противъ сильнаго врага. Тутъ-то и сказалась неподготовленность Сибири къ этой національной миссіи; стали очевидны недостатки бюрократическаго управленія земскимъ хозяйствомъ. Снова заговорили о земствѣ въ Сибири. Думается, что это въ послѣдній уже разъ! Что въ интересахъ государственной самообороны наступитъ для Сибири эпоха реформъ, въ числѣ которыхъ земской реформѣ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

II.

Излишне, конечно, останавливаться подробно на доказательствахъ пользы и неотложной необходимости земскихъ учрежденій для улучшенія всего уклада народно-хозяйственной жизни въ Сибири послѣ вышеприведенныхъ мнѣній по этому вопросу представителей общества и администраціи *). Вполнѣ будетъ достаточно сопоставить удовлетвореніе въ ней и въ земскихъ губерніяхъ насущныхъ потребностей культурнаго общежитія (народнаго здравія, образованія, агрономической помощи, кредита, страхованія и т. п.), чтобы понять всю пропасть, отдѣляющую губерніи съ бюрократической опекой отъ губерній даже съ весьма несовершеннымъ механизмомъ общественной самодѣятельности. Дѣйствительно, по даннымъ 1900 г. въ Сибири **) съ населеніемъ около 6 милл. д. об. пола на пространствѣ 10.922,578 кв. верстъ (1 жит. на 2 кв. в.) насчитывалось всего 3,376 низшихъ начальныхъ школъ, въ которыхъ обучалось около 110 тыс. дѣтей об. п. ($^3/_4$ мальч. и $^1/_4$ дѣв.). Расходъ на начальное образованіе на душу населенія составлялъ 1,2 коп., а въ земскихъ губерніяхъ еще въ 1892 году онъ равнялся 11,6 коп. Медицинскій персоналъ состоялъ изъ 254 врачей, 420 фельдшеровъ и 263 повивальныхъ бабокъ. Чтобы рельефно представить эту безотрадную картину народнаго образованія и здравія, слѣдуетъ взять одну изъ наиболѣе благоустроенныхъ въ гражданскомъ отношеніи губерній Сибири—Енисейскую (безъ Туруханскаго и Усинскаго

---

*) См. *Восточное Обозрѣніе* 1903 г., № 218.

**) Губернія: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская и Якутская обл.

округовъ и безъ Енисейскаго у.) и сравнить ее со средней земской губерніей. Получимъ, что относительное число школъ и коэффиціентъ учащихся въ Енисейской губ. въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ въ средней земской губерніи; если же взять только однѣ министерскія школы, въ виду очень плохой постановки мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ, то цифра эта увеличится до 3,5. Затѣмъ мѣры къ поднятію качественной стороны школьнаго дѣла (учительскіе съѣзды, подвижныя библіотеки и проч.) въ Енисейской губ. вовсе не практикуются. Болѣе 100 приговоровъ сельскихъ обществъ объ открытіи училищъ, по свидѣтельству директора народныхъ училищъ, остались въ 1902 г. безъ удовлетворенія за неимѣніемъ средствъ и силъ. О внѣшкольномъ образованіи здѣсь и не думаютъ. Медицинская помощь населенію обставлена еще хуже. Одинъ врачъ приходится на 12,404 кв. в. и 25,300 жит.; одна койка на 2,600 чел., тогда какъ еще въ 1892 году въ земской губерніи одинъ врачъ приходился на 1,800 кв. в. и одна койка на 1,250 душъ. О качественной сторонѣ дѣла мы уже не говоримъ, она болѣе чѣмъ неудовлетворительна. По отчетамъ врачей помѣщенія лѣчебницъ тѣсны, неудобны, нѣтъ перевязочныхъ, изоляцій, недостатокъ бѣлья, отсутствіе инструментовъ и медикаментовъ *).

Агрономическая помощь населенію въ Сибири почти отсутствуетъ. Въ Восточной Сибири нѣтъ ни уѣздныхъ агрономовъ, ни инструкторовъ и сельско-хозяйственныхъ старостъ, ни опытныхъ и показательныхъ полей, хозяйствъ, фермъ, случныхъ конюшенъ и т. п. учрежденій, распространяющихъ среди населенія сельско-хозяйственныя знаніе и умѣнія. На всю Восточную Сибирь имѣется одна только низшая сельско-хозяйственная школа въ Иркутскѣ и два правительственныхъ агронома при канцеляріи генералъ-губернатора, причемъ одинъ изъ нихъ назначенъ лишь въ нынѣшнемъ году. Въ Западной Сибири положеніе дѣла немногимъ лучше. А между тѣмъ сибирское земледѣліе переживаетъ переходное время отъ экстенсивныхъ формъ хозяйства къ болѣе интенсивнымъ, когда рядовому хозяину нужна сложная агрономическая помощь, возможная только при содѣйствіи земства.

Продовольственное дѣло въ Сибири, по общему мнѣнію комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, поставлено неудовлетворительно. Мелкій кредитъ, доступный сельскому населенію, отсутствуетъ. Натуральныя повинности, тяжелымъ ярмомъ лежащія на населеніи, не могутъ быть переведены на денежныя, такъ какъ эта операція возможна только въ земскихъ губерніяхъ. Помимо весьма сложныхъ статистическихъ работъ по оцѣнкѣ и раскладкѣ этихъ повинностей, для этого дѣла требуется большая хозяйственная организація **).

Всѣ приведенные цифры и факты въ комментаріяхъ, конечно, не ну-

*) См. *Крутовскій, В. М.*: „Оч. совр. положенія сельской врачебной помощи въ Енисейской губ.", а также „Труды красноярскаго отдѣла И. м. с. х. общ." 1903 г. в. VI, стр. 18—19.

**) Ibidem., стр. 21—25.

ждаются. Спорить противъ нихъ, съ цѣлью подкрасить итоги столѣтней дѣятельности «всемогущей» бюрократіи, не рѣшается даже большинство ярыхъ противниковъ земскаго самоуправленія въ Сибири. Вся ихъ энергія направляется поэтому на доказательство неподготовленности сибирскаго населенія къ самоуправленію, вся аргументація заключается въ совершенно бездоказательномъ утвержденіи, что въ Сибири нѣтъ земскихъ элементовъ. Со сторонниками карамзиновскаго идеала—прежде просвѣтить раба, а затѣмъ дать ему свободу—спорить, конечно, безполезно. Но если мнѣніе о неспособности сибиряка къ земской самодѣятельности продиктовано изъ чистаго источника, то оно безусловно неправильно. Десятки лѣтъ тому назадъ долго продолжался въ лагерѣ прогрессистскихъ литераторовъ споръ о «сибирскомъ областномъ типѣ». Въ пылу полемики, сибирякъ, поглощенный всецѣло матеріальной наживой, грубый, дерзкій и лукавый пѣнкосниматель и расточитель природныхъ богатствъ края (по мнѣнію Щапова, Исаева, Астырева и др.) противопоставлялся сибиряку же, но уже «древле русскому человѣку» до появленія кабалы, холопства и крѣпостного права, съ «наклонностью къ простору, волѣ и равенству» (мнѣніе о сибирякѣ Капустина, Ядринцева и друг.); въ конечномъ же результатѣ пришли къ заключенію, что «русско-сибирская народность», «сибирякъ»—лишь собирательныя понятія, а не какой-либо реальный, единый областной типъ, о которомъ можно бы было говорить съ научной точки зрѣнія (Пыпинъ, Кауфманъ и друг.). Безспорно страшные общественно-соціальные недуги русскаго народа—малокультурность, невѣжество и бѣдность—такъ же широко распространены по ту сторону Урала, какъ и по эту. Но если, несмотря на препятствія правового характера, земское самоуправленіе хоть отчасти способствовало исцѣленію этихъ недуговъ, то наличность ихъ тѣмъ менѣе можетъ тормозить введеніе земскихъ учрежденій въ Сибири. Исторія проведенія въ жизнь земствъ въ сѣверо-восточномъ полѣсьѣ Европейской Россіи и практика дѣятельности ихъ почти за 40-лѣтній періодъ исключаютъ всякую мысль объ этомъ.

При введеніи земства въ Вологодской губ. встрѣчено было серьезное препятствіе къ осуществленію реформы въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерніи. Уѣзды эти во всѣхъ отношеніяхъ—и по рѣдкости, и малокультурности населенія (много инородцевъ, гл. обр. зырянъ) и по отсутствію въ нихъ дворянскихъ учрежденій и землевладѣнія, и по развитію въ нихъ промышленности и сельскаго хозяйства—стояли, несомнѣнно, ниже большинства уѣздовъ Сибири въ настоящее время. Предводители дворянства пяти остальныхъ уѣздовъ губерніи категорически заявляли, что населеніе первыхъ уѣздовъ не подготовлено къ земскому самоуправленію, оно не можетъ вынести тяжести содержанія новыхъ земскихъ учрежденій и выбрать изъ своей среды требуемаго числа гласныхъ и тѣмъ болѣе членовъ предсѣдателей управъ. Эти опасенія раздѣлялъ также и мѣстный губернаторъ, а поэтому вологодскому губернскому временному комитету по введенію въ дѣйствіе Положенія о земск. учрежд. было разрѣшено, по совѣ-

щаніи съ представителями мѣстнаго дворянства, представить соображенія о требуемыхъ измѣненіяхъ «Положенія» въ примѣненіи его къ Вологодской губ. На означенномъ совѣщаніи съ дворянами высказывалась мысль отдѣлить эти уѣзды отъ земскихъ губерній, въ виду невозможности образованія въ нихъ земскихъ учрежденій. Но большинство образованной для этого коммиссіи не согласилось съ этими заключеніями и постановило немедленно, безъ всякихъ ограниченій ввести «Положеніе» 1 января 1864 г. во всей Вологодской губ. Мнѣніе коммиссіи, поддержанное бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ, одержало верхъ, и земскія собранія открыли свои дѣйствія во всѣхъ уѣздахъ Вологодской губерніи съ сентября 1869 г. Прошло свыше 30 лѣтъ; и что же говоритъ намъ опытъ дѣятельности этихъ учрежденій въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи за этотъ періодъ времени? «Земскіе бюджеты этихъ пяти уѣздовъ, безъ всякаго отягощенія мѣстнаго населенія, значительно превосходятъ бюджеты пяти юго-зап. уѣздовъ той же губерніи, а именно въ среднемъ на уѣздъ въ первыхъ пяти бюджетъ равенъ 119,215 р., а въ юго-зап.—90,906 р. Въ частности, земства юго-зап. уѣздовъ на содержаніе земскихъ учрежденій расходуютъ относительно больше (8,310 руб. въ среднемъ), чѣмъ сѣв.-восточныя (7,720 р. въ среднемъ), а на медицинскую часть и народное образованіе первыя значительно меньше послѣднихъ» *). Такъ, на народное образованіе въ юго-зап. земствахъ расходуется въ среднемъ по 16,818 р. на уѣздъ, а въ сѣв.-вост.—22,841 р.; на медицинскую помощь первыя—24,356 р., послѣднія—34,061 р. «Эти расходы на медицину и народное образованіе, особенно въ связи съ ничтожнымъ относительно расходомъ на содержаніе земскихъ учрежденій, показываютъ, что земства сѣв.-вост. уѣздовъ Вологодской губ. не только стоятъ въ настоящее время по положенію въ нихъ земскаго дѣла выше земствъ юго-запад. уѣздовъ той же губерніи, но и вообще среди земствъ Е. Россіи занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто». Слѣдуетъ помнить также, что насущныя потребности населенія такъ наз. «крестьянскихъ» губерній—Пермской и Вятской, удовлетворяются, по общему мнѣнію, мѣстными земствами полнѣе всѣхъ другихъ земствъ; населеніе же этихъ губерній считаетъ себя «сибиряками».

Что касается положительныхъ данныхъ для доказательства полной возможности учрежденія земства въ Сибири, то они подробно мотивированы въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Сопоставляя размѣръ запашки на душу об. п. (Енисейская губ.—0,71 д., Иркутская—0,64 д., Пермская—0,64 д., Олонецкая—0,38 д., Вологодск.—0,36 д.), количество произведеннаго хлѣба (Енисейская губ.—3,55 чтв., Томская—5,24, Иркутская—4,10, Пермская—5,32, Вологодская—2,32, Олонецкая—2,17 чтв.), развитіе фабричной и заводской промышленности, размѣръ окладныхъ сборовъ и т. п. между

*) См. докладъ А. А. Корнилова красноярскому уѣздн. ком. о нуждахъ сельск. хоз. промышлен.; цитируемъ по „Трудамъ енисейскаго губ. комит. etc", 190[illegible] года, стр. 88—89.

земскими и сибирскими губерніями ясно видно, что въ ряду сѣверо-восточныхъ губерній (земскихъ) Е. Россіи первыя занимаютъ вовсе не послѣднее мѣсто, а поэтому въ хозяйственномъ отношеніи онѣ вполнѣ пригодны для земскаго самоуправленія *).

Сибирскіе крестьяне въ предѣлахъ своихъ общинъ и волостей, искони справлялись со своимъ внутреннимъ общественнымъ хозяйствомъ: распредѣляли налоги и мірскіе сборы по размѣрамъ пашни, покоса, по количеству скота, по числу бойцовъ и друг. доходныхъ статьяхъ. Съѣзды представителей волостей производятъ черезъ каждые три года разверстку гоньбовой и этапной повинностей между волостями и инородческими вѣдомствами. Наконецъ, въ силу закона 19 января 1898 г. установлены въ губерніяхъ Сибири особые уѣздные съѣзды уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ для провѣрки составляемой уѣздными съѣздами раскладки оброчной подати. Эти многолюдные съѣзды, доходящіе до 400 человѣкъ, по отзывамъ руководителей съѣздовъ (крестьянскихъ начальниковъ и др. лицъ администраціи) обнаружили не только умѣніе оцѣнивать относительную доходность угодій и промысловъ, но и способность вести оживленныя пренія съ полнымъ сохраненіемъ порядка. Все это доказываетъ полную подготовленность мѣстнаго населенія къ земской самодѣятельности.

Такимъ образомъ, настоятельная необходимость и полная практическая возможность введенія земскихъ учрежденій въ Сибири внѣ всякаго сомнѣнія. Спорнымъ является только вопросъ, въ какой формѣ выльется въ ней земское самоуправленіе? Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ с.-хоз. промышленности будущая наиболѣе цѣлесообразная, по ихъ мнѣнію, организація земскихъ учрежденій въ Сибири изображается въ слѣдующемъ видѣ.

Принимая во вниманіе отсутствіе въ Сибири дворянскаго и вообще частнаго землевладѣнія, громадность территоріи ея уѣздовъ, дѣлающихъ затруднительнымъ введеніе земскаго хозяйства безъ помощи волости, слѣдуетъ признать, что кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій въ ней должны быть также образованы и болѣе мелкія земскія единицы—волостныя. Группа селеній, взаимно связанныхъ общими земско-хозяйственными интересами—волостное земство—можетъ и не соотвѣтствовать, конечно, административному раздѣленію волостей.

Изъ этого логически вытекаетъ: упразднить нынѣшнія волостныя правленія съ передачей ихъ обязанностей по дѣламъ хозяйственнымъ въ волостное земство, по дѣламъ административнымъ и фискальнымъ—подлежащимъ органамъ правительства, обязанности же волостныхъ судовъ возложить на выборный мировой институтъ.

Волостныя, уѣздныя и губернскія земскія учрежденія—самооблагающіяся и самоуправляющіяся земскія единицы **). Взаимныя ихъ отношенія долж-

*) Ibidem, стр. 90.

**) См. „Труды енисейскаго ком. etc". 1903 г., стр. 93—99. „Труды красноярскаго отдѣла И. м. с.-х. о.". 1903 г., стр. 38 и слѣд. „Заключенія минусинскаго и красноярскаго у. к. о н. с.-х. пр.".

ны быть опредѣлены закономъ. Сверхъ обычнаго круга земскихъ дѣлъ они должны завѣдовать: а) попеченіемъ о школьномъ и внѣшкольномъ образованіи; б) народнымъ продовольствіемъ; в) агрономической помощью; г) организаціей мелкаго кредита и урегулированіемъ торговли сельско-хозяйственными продуктами; д) юридической помощью населенію; е) всякаго рода статистическими изслѣдованіями. Поэтому, обложенію земскими сборами должны подлежать, кромѣ обычныхъ земскихъ плательщиковъ, и всѣ лица, имѣющія отъ жалованья или заработка болѣе опредѣленнаго закономъ минимума, не исключая и лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ.

Избирателями на волостныхъ собраніяхъ должны являться: 1) выборные отъ сельскаго общества; 2) платящіе земскій сборъ не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ платитъ то число крестьянъ, отъ котораго посылается одинъ избиратель. При этомъ въ сельскихъ избирательныхъ сходахъ для выбора уполномоченныхъ въ волостное избирательное собраніе участвуютъ не только крестьяне, платящіе земскіе и мірскіе сборы, но и всѣ лица, живущія въ селеніи, если они платятъ какіе-либо земскіе или мірскіе сборы. Волостное избирательное собраніе выбираетъ гласныхъ въ волостное земство, послѣднее—въ уѣздное, члены котораго избираютъ губернскихъ земскихъ гласныхъ. Выбраннымъ можетъ быть всякій, пользующійся избирательными правами въ какомъ-либо избирательномъ собраніи губерніи.

Земскія собранія выбираютъ предсѣдателя и членовъ управъ; они могутъ образовывать независимо отъ управъ постоянные совѣты и коммиссіи. Гласные получаютъ суточныя за время участія въ земскихъ собраніяхъ, а равно и прогонныя, размѣръ которыхъ устанавливается закономъ. Законъ же опредѣляетъ предметы земскаго обложенія для каждаго рода земской единицы. Въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, они дѣйствуютъ самостоятельно; опредѣленіе на службу земскихъ служащихъ зависитъ отъ земства. Уѣздные города, горные округа и инородныя управы приравниваются къ волостнымъ земскимъ единицамъ, а губернскіе города—къ уѣзднымъ, и входятъ въ общую земскую организацію губерніи. Каждая земская единица для удовлетворенія земскихъ нуждъ населенія можетъ вступать въ порядкѣ договора въ союзъ съ другими земскими единицами, хотя бы и принадлежащими къ другимъ губерніямъ.

Съ этими основными положеніями организаціи земскихъ учрежденій въ Сибири, подробно разработанными красноярскимъ и минусинскимъ уѣздными комитетами о нуждахъ сел.-хоз. промышленности и почти цѣликомъ принятыми енисейскимъ губернскимъ комитетомъ, не можетъ, конечно, не считаться правительство при выработкѣ проекта земскихъ учрежденій въ Сибири. Крайне желательно, чтобы въ этомъ государственномъ дѣлѣ не было канцелярской тайны и чтобы мѣстная печать и общество имѣли возможность стоять на стражѣ началъ гражданственности и самодѣятельности мѣстнаго населенія въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ Сибири.

Д. Зайцевъ.

Очеркъ земскаго народнаго образованія въ Пензенской губерніи *).

IV.

Внѣшкольное образованіе.

То время, когда можно было думать, что достаточно учить грамотѣ ради самой грамоты,—отошло уже въ область преданія. Теперь самыя разнообразныя средства внѣшкольнаго образованія служатъ необходимымъ и вполнѣ естественнымъ дополненіемъ народной школы. Мало того, самая школа, не имѣющая никакой связи съ дальнѣйшимъ самообразованіемъ своихъ питомцевъ на почвѣ внѣшкольнаго образованія, представляется явленіемъ ненормальнымъ. Прослѣдить эту связь вполнѣ, учесть затѣмъ, насколько сводитъ на нѣтъ работу школъ отсутствіе средствъ внѣшкольнаго образованія въ Пензенской губерніи представляется чрезвычайно затруднительнымъ, въ виду неимѣнія въ наличности для этого необходимыхъ данныхъ. По поводу свѣдѣній вообще по народному образованію въ Пензенской губерніи совершенно справедливо замѣчено въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» (№ 4, 1904 г.) слѣдующее:

«Пензенское земство, принявъ въ 1896 г. планомѣрную и постепенно расширяющуюся организацію помощи начальному народному образованію, сочло тогда излишнимъ учрежденіе при управѣ школьной статистики, но уже въ 1899 г. губернское собраніе вынуждено было поручить управѣ составить проектъ организаціи школьной статистики, въ виду полнаго отсутствія у управы какихъ бы то ни было данныхъ о положеніи начальнаго образованія въ губерніи: по словамъ доклада, не было даже извѣстно количество школъ въ губерніи.

«Однако, учреждена была не постоянная, такъ называемая, текущая школьная статистика, а временная, исключительно для приведенія въ извѣстность только существующаго положенія вещей. А между тѣмъ едва ли можно съ большимъ успѣхомъ работать безъ статистики, которая по-

*) *Русская Мысль,* кн. XI, 1904 г.

стоянно могла бы слѣдить за ходомъ дѣла и за результатами земской дѣятельности въ данной области.

«По крайней мѣрѣ, ни одно солидное предпріятіе не обходится безъ такого рода наблюдательной статистики».

Приходится, такимъ образомъ, ограничиться въ настоящее время краткимъ обзоромъ того, что дѣлается губернскимъ земствомъ въ области внѣшкольнаго образованія, и при этомъ свѣдѣнія обзора можно считать полными, въ виду того, что помощь уѣздныхъ земствъ этой отрасли образованія является совершенно ничтожной. Въ настоящее время губернское земство организовало слѣдующія отрасли внѣшкольнаго образованія: 1) повторительные курсы для окончившихъ начальныя школы; 2) народныя библіотеки и 3) чтенія при нѣкоторыхъ училищахъ съ волшебнымъ фонаремъ. Къ этому по справедливости слѣдуетъ еще прибавить организацію дѣятельности книжнаго склада, который въ дѣлѣ подбора книгъ для продажи народу является могучимъ факторомъ внѣшкольнаго развитія, также какъ въ другихъ отношеніяхъ онъ является пособникомъ собственно школьнаго образованія.

Повторительные курсы учреждены пензенскимъ губернскимъ земствомъ въ 1898—1899 г. сначала при 30 училищахъ губерніи, а затѣмъ въ 1901—1902 г. учреждаются изъ года въ годъ только при 10 училищахъ со слѣдующими затратами: на вознагражденіе преподавателю по 40 руб. каждому, на необходимыя книги и учебныя пособія по 10 руб. Выборъ училищъ, при которыхъ открываются курсы, принадлежитъ мѣстнымъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ. Какъ видитъ читатель,—при заваленности учителя собственнымъ дѣломъ, при болѣе скромномъ вознагражденіи за сверхсмѣтный трудъ,—нельзя было съ самаго начала ожидать сколько-нибудь крупныхъ успѣховъ отъ дѣла, разбросаннаго въ губерніи въ десяти пунктахъ—по одному на уѣздъ. Кромѣ того приходится считаться съ неподготовленностью учащихъ, которыхъ мы въ общихъ чертахъ охарактеризовали выше. Такимъ образомъ на основаніи долголѣтнихъ наблюденій для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что дѣло повторительныхъ курсовъ правильнѣе было бы организовать при посредствѣ особыхъ для этого преподавателей, что, впрочемъ, и практикуется въ нѣкоторыхъ другихъ земскихъ губерніяхъ. Примѣняясь же къ существующимъ въ губерніи условіямъ, пришлось на педагогическихъ курсахъ выработать для повторительныхъ классовъ особую, такъ сказать минимальную програму, которая затѣмъ и была введена въ дѣйствіе въ губерніи. Мы считаемъ не лишнимъ помѣстить ее здѣсь, главнымъ образомъ, въ виду ея примѣнимости въ самыхъ бѣдныхъ и плохо обставленныхъ училищахъ. Долгомъ при этомъ считаемъ указать, что программа эта составлена однимъ изъ руководителей курсовъ, инспекторомъ народныхъ училищъ П. Ф. Орелкинымъ. Вотъ эта программа:

1. Повторительные курсы устраиваются съ цѣлью дать возможность бывшимъ ученикамъ народныхъ училищъ повторить въ главныхъ чертахъ

пройденный ими школьный курсъ, а также по возможности расширить ихъ познанія по всѣмъ предметамъ этого курса, пріучить къ болѣе или менѣе правильной и точной передачѣ прочитаннаго и изложенію своихъ мыслей, возбудить интересъ къ чтенію книгъ по различнымъ отраслямъ общаго знанія и по сельскому хозяйству.

2. Желающимъ поступить на курсы слѣдуетъ прежде всего произвести испытаніе по русскому языку и ариѳметикѣ.

Примѣчаніе. Письменное испытаніе по русскому языку должно состоять въ слѣдующемъ; каждый испытуемый, написавъ свое имя, отчество и фамилію, а также годъ, мѣсяцъ и число, когда произведено испытаніе, долженъ написать отвѣты на вопросы: въ какой губерніи, уѣздѣ, волости и селѣ ты живешь? Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду? Въ какомъ училищѣ обучался, сколько времени и когда окончилъ курсъ? Изъ кого состоитъ твоя семья? Чѣмъ занимается отецъ, мать, братья, сестры и ты самъ? Въ какихъ городахъ, селахъ и деревняхъ приходилось тебѣ бывать? Какія у васъ дома есть книги? Кто ихъ читаетъ? Что желаешь повторить на курсахъ и чему особенно хочешь научиться?

3. Каждый воскресный и праздничный день занятіямъ на курсахъ слѣдуетъ удѣлять не менѣе трехъ часовъ; сверхъ того передъ началомъ уроковъ каждый разъ необходимо посвящать отъ 15 до 20 минутъ чтенію Евангелія и Апостола, положенныхъ на литургіи въ день занятій, по церковно-славянскому и русскому тексту.

4. Занятія по родному языку должны состоять преимущественно въ чтеніи и пересказѣ прочитаннаго (устно и письменно), причемъ необходимо заботиться, чтобы статьи беллетристическія чередовались со статьями историческими, географическими и естественно-историческими и чтобы путемъ такого чтенія учащіеся пріобрѣли болѣе или менѣе прочныя познанія о самыхъ важныхъ событіяхъ отечественной исторіи, преимущественно новѣйшаго времени, о природѣ и занятіяхъ жителей родной земли, нѣкоторыя свѣдѣнія о растеніяхъ, животныхъ и минералахъ, необходимыя для пониманія элементарныхъ книгъ по сельскому хозяйству. При грамматическихъ упражненіяхъ должно быть особенное вниманіе обращено на синтаксическій разборъ предложеній.

5. Необходимо для успѣха дѣла, чтобы въ средѣ учащихся былъ возбужденъ интересъ къ исполненію и на дому нѣкоторыхъ работъ по чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для домашнихъ письменныхъ работъ слѣдуетъ избирать такія темы, которыя могутъ побудить учащихся глубже вдумываться въ окружающую ихъ жизнь и внимательнѣе къ ней присматриваться, напримѣръ: «Рабочій день крестьянина лѣтомъ», «Зимнія работы въ деревнѣ», «Престольный праздникъ въ нашей деревнѣ», «Какъ у насъ справляются свадьбы», «Праздничныя развлеченія молодежи въ нашемъ селѣ», «Приходъ и расходъ нашей семьи за 19... годъ», «Условія аренды земли у помѣщика подъ пашню или пастбище» (по данному образцу) и т. п.

6. Занятія на курсахъ ариѳметикой должны состоять прежде всего в повтореніи основныхъ дѣйствій при помощи упражненій въ рѣшеніи не сложныхъ задачъ устно, письменно и на счетахъ; затѣмъ слѣдуетъ остановиться на уясненіи пріемовъ измѣренія поверхностей и объемовъ, а также на упражненіяхъ въ вычисленіяхъ съ дробными числами, имѣя въ нахожденіи $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$, $^1/_3$, $^1/_6$, $^1/_5$, $^1/_{10}$, $^2/_3$, $^3/_4$, $^5/_8$ частей даннаго числа, въ сложеніи и вычитаніи одинаковыхъ долей единицы ($^5/_8+^7/_8$, $^3/_{10}+^7/_{10}$, $1^1/_4+3^3/_4$ и т. п.), въ отысканіи одной и нѣсколькихъ сотыхъ частей даннаго числа, причемъ слѣдуетъ сообщить, что сотая доля всякаго числа называется процентомъ, и объяснить, какъ опредѣляютс процентныя деньги съ данной суммы въ годъ, въ нѣсколько лѣтъ и в мѣсяцъ.

7. Основною книгою для чтенія на курсахъ долженъ служить «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго, ч. II; въ дополненіе къ этой книгѣ рекомендуется: «Начальная сельско-хозяйственная книга» — Пономарева, «Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ»—Бекетова, «Исторія Россіи»—Острогорскаго, «О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II» изд. комис. народ. чт., «Россія»—Меча, «Церковь Христова со временъ апостоловъ»—Опатовича и Кочетова. Дополнительныя книги назначаются преимуществен но для домашняго чтенія; желательно, чтобы всѣ онѣ были прочтены по очереди каждымъ изъ обучающихся на курсахъ. Наиболѣе трудныя стат изъ этихъ книгъ должны быть прочтены руководителемъ въ классѣ с необходимыми поясненіями.

8. При занятіяхъ по ариѳметикѣ должно пользоваться тѣми задачниками, которые имѣются въ училищѣ, сверхъ того, рекомендуется «Собраніе ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ» Некрасова, вып. въ которомъ кратко изложена и теорія ариѳметики.

Ведясь по этой программѣ, повторительные курсы во всѣхъ деся пунктахъ имѣли въ 1904 г. всего 317 учебныхъ дней съ общимъ количествомъ слушателей въ 198 человѣкъ. Интересно при этомъ отмѣтит что главный контингентъ посѣтителей дали подростки въ возрастѣ отъ по 15 лѣтъ (108 челов.). Затѣмъ слѣдовалъ возрастъ 16—20 (51 челов и, наконецъ, свыше 20 лѣтъ зарегистровано всего 12 слушателей. Дѣвочекъ было всего 8 человѣкъ (4,8%) представлявшихъ, повидимо совершенную случайность на повторительныхъ курсахъ. Занятія вел на курсахъ по воскреснымъ днямъ (иногда, впрочемъ, и по другимъ праз никамъ) послѣ 12 часовъ и продолжались часовъ до 3—4. Чтобы докончить обрисовку повторительныхъ курсовъ въ губерніи, предпріятія своимъ размѣрамъ пока еще чрезвычайно незначительнаго, намъ остае упомянуть объ отношеніи къ нимъ самихъ руководителей этого дѣла народныхъ учителей. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношені оказывается въ значительной мѣрѣ личная убѣжденность и ревность просвѣтительной дѣятельности ближайшихъ работниковъ школы, а та и тѣ мѣстныя условія, которыя приводятъ ихъ къ тому или другому

воду. Такъ, напримѣръ, одна изъ учительницъ, руководившихъ курсами въ 1904 г. пишетъ о нихъ слѣдующее:

«Необходимо замѣтить, что вообще народъ еще неподготовленъ къ усидчивой умственной работѣ, нѣтъ еще у юношества потребности къ самообразованію, въ смыслѣ научныхъ знаній и этимъ самымъ объясняется сравнительно малый спросъ на книги серьезнаго содержанія. Было на курсахъ нѣсколько отрадныхъ исключеній, но такъ мало, что они нисколько не измѣняютъ общаго впечатлѣнія.

«Находя повторительные курсы для народа еще преждевременными, можно было бы указать здѣсь на устройство воскресной школы, такъ какъ не говоря уже о женскомъ, многіе изъ мужского населенія, въ силу разныхъ причинъ, остаются неграмотными».

Другая же руководительница по поводу повторительныхъ курсовъ приходитъ къ значительно болѣе оптимистическому выводу:

«Мое личное мнѣніе и желаніе, чтобы повторительные курсы, воскресныя чтенія, библіотеки—шли въ народъ какъ можно скорѣе, даже туда, гдѣ господа педагоги очень ревниво оберегаютъ свои досуги отъ всякаго лишняго вторженія въ нихъ чего-либо извнѣ. Кромѣ освѣжающаго, возстановляющаго въ памяти учащихся образовъ свѣтлаго, повторительные курсы могутъ считать за собой много цѣннаго: здѣсь собираются люди разныхъ возрастовъ и понятій, происходитъ обмѣнъ взглядовъ на вещи, здѣсь является болѣе вдумчивое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, болѣе теплое и участливое отношеніе къ человѣку, тамъ люди стараются на время подавить свои нежелательныя свойства и проявить лучшія, значитъ начинается культъ облагораживанія пока еще очень дикой природы неразвитого человѣка. Школа безъ поддержки въ будущемъ—это поле, кѣмъ-то старательно начатое воздѣлываться и по какой-то нуждѣ брошенное. Кто же не пожалѣетъ этого брошеннаго сиротины?»

Второй и несомнѣнно важнѣйшей отраслью внѣшкольнаго образованія въ губерніи являются народныя библіотеки, открытыя губернскимъ земствомъ при нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ. Также какъ и всѣ остальныя предпріятія въ области внѣшкольнаго образованія, бѣдныя количествомъ, онѣ представляются сравнительно молодымъ дѣломъ въ Пензенской губерніи. Только въ 1895 г. появляется постановленіе земскаго собранія объ открытіи перваго десятка народныхъ библіотекъ въ губерніи по одной на уѣздъ. Сформированныя согласно этого постановленія въ 1896 г. съ запасомъ книгъ на 100 р. въ каждой, библіотеки начинаютъ функціонировать нѣкоторое время безъ всякаго надзора со стороны губернской управы и даже не признается необходимымъ ихъ ежегодное пополненіе. Никакихъ свѣдѣній объ ихъ дѣятельности въ управу не поступаетъ и такое положеніе вещей тянется около четырехъ лѣтъ. При открытіи библіотекъ земство однако приняло во вниманіе необходимость вознагражденія учителя за излишній трудъ и назначило библіотекарямъ по 60 р.

ежегодно, ассигновавъ кромѣ того на освѣщеніе по 10 р. на библіотеку. Библіотечная дѣятельность оживляется въ губерніи съ 1900 г.: пополняется книгами первый 10-къ библіотекъ на сумму по 50 р. на каждую, учреждается вмѣстѣ съ тѣмъ второй 10-къ библіотекъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первый, и земство начинаетъ изъ года въ годъ вплоть до настоящихъ дней открывать по одному десятку библіотекъ въ губерніи. Въ то же время регулярно пополняются раньше открытыя библіотеки книгами по 50 р. на каждую, заводятся при каждой библіотекѣ каталоги и книги для записи свѣдѣній по читаемости, на основаніи которыхъ губернская управа составляетъ ежегодный отчетъ и представляетъ его земскому собранію. Дѣло, такимъ образомъ, можно считать съ этого времени поставленнымъ болѣе или менѣе прочно и правильно. Къ сожалѣнію, все-таки сравнительно съ потребностью населенія развитіе библіотечнаго дѣла въ губерніи приходится считать весьма незначительнымъ. Такъ, до 1904 г. на вышеизложенныхъ основаніяхъ въ губерніи работало всего 50 народныхъ библіотекъ и еще одна библіотечка-читальня въ огромномъ селѣ Чембарскаго уѣзда—Поимѣ. Возникла она въ этомъ селѣ, насчитывающемъ до девяти тысячъ душъ населенія, случайно: губернскому земству частнымъ лицомъ былъ пожертвованъ цѣнный домъ, съ тѣмъ, чтобы въ немъ были открыты просвѣтительныя учрежденія имени е. и. в. Елизаветы Ѳеодоровны. Принявъ даръ, губернское земство учредило въ Поимѣ отдѣленіе книжнаго склада и библіотечку-читальню, обставивъ ее значительно богаче остальныхъ своихъ библіотекъ. Затѣмъ земствомъ принята была въ свое завѣдываніе одна библіотека, открытая въ губерніи при волостномъ правленіи крестьянскими обществами. Такимъ образомъ къ 1904 г. за средства губернскаго земства работало 53 народныхъ библіотеки, количество, которое нельзя не признать ничтожнымъ при населеніи губерніи 1.430,000 человѣкъ, согласно даннымъ послѣдней переписи. Отрадно поэтому отмѣтить, что библіотечное дѣло не останавливается въ своемъ развитіи въ губерніи и въ 1904 г. учреждены еще двадцать народныхъ библіотекъ,—на этотъ разъ, впрочемъ, на частныя средства. Въ этомъ случаѣ земство воспользовалось щедрымъ пожертвованіемъ (5,550 р.) на просвѣтительныя нужды губерніи душеприказчиковъ вдовы извѣстнаго доктора Бѣлоголоваго. Надо полагать, что это пожертвованіе не остановитъ и притока собственно земскихъ средствъ на то же библіотечное дѣло. Въ этомъ же году постановлено открыть народную библіотеку въ селѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда, на мѣстѣ вѣчнаго успокоенія М. Ю. Лермонтова. Надо надѣяться, что и мѣстное уѣздное земство вспомнитъ память своего великаго земляка и замѣнитъ плохую, тѣсную и ветхую школу просвѣтительнымъ учрежденіемъ, достойнымъ великаго имени. Упомянувъ для полноты очерка о постановленіи прошлогодняго губернскаго земскаго собранія, учредившаго 20 библіотекъ имени Бѣлоголовой и одну—имени Лермонтова, мы должны въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣть въ виду только 52 библіотеки губернскаго земства на всю губернію, потому что [illegible]

упомянутыя новыя только что начинаютъ функціонировать въ то время, когда намъ приходится писать настоящія строки.

Обращаясь къ дѣятельности существующихъ библіотекъ губернскаго земства, надо замѣтить, что за отсутствіемъ средствъ въ губернской управѣ нѣтъ возможности полностью разработать матеріалъ, доставленный библіотекарями. Такъ остается безъ разработки сложный матеріалъ о наиболѣе читаемыхъ авторахъ и произведеніяхъ, представляющій, очевидно, очень большую цѣнность. По необходимости намъ приходится ограничиться самыми основными свѣдѣніями, могущими для читателя хоть сколько-нибудь освѣтить важнѣйшую отрасль внѣшкольнаго образованія въ губерніи. Прежде всего самую читаемость нельзя признать въ губерніи значительно распространенной и привычной для населенія. Считая все населеніе—грамотное и неграмотное,—эта читаемость выражается въ 5,4% на тысячу жителей въ общемъ по губерніи. Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ, разумѣется, о свѣдѣніяхъ, добытыхъ на основаніи только библіотечныхъ выдачъ изъ библіотекъ губернскаго земства. При этомъ спросъ на книги, какъ и слѣдовало ожидать, значительно выше въ уѣздахъ наилучше обставленныхъ въ отношеніи школъ и ниже въ бѣднѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уѣздахъ. Такъ, въ Пензенскомъ уѣздѣ приходится на каждую тысячу жителей 10,2% читателей, а въ Городищенскомъ—3,6%. Остальные восемь уѣздовъ варьируютъ въ указанныхъ выше предѣлахъ. Пользуясь дальнѣйшими свѣдѣніями о библіотекахъ губернскаго земства въ 1903—4 г. (эти свѣдѣнія доставлены по 49 библіотекамъ) мы можемъ отмѣтить общее число читателей этихъ библіотекъ въ 7,774 человѣка, взявшихъ 83,130 книгъ, что представляетъ въ среднемъ по 10,6 книги на читателя, а на каждую библіотеку въ среднемъ по 158 человѣкъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ число читателей между библіотеками колеблется въ предѣлахъ 61—362. Народъ, повидимому, не сразу подходитъ къ книгѣ, и не сразу создается въ его средѣ привычка къ чтенію. Имѣя въ виду разновременное открытіе библіотекъ въ губерніи, уже à priori можно было думать, что старѣйшія библіотеки должны обладать большимъ числомъ читателей, чѣмъ открытыя позже. И дѣйствительно, такая мысль вполнѣ подтверждается наблюденіями, выраженными въ нижеслѣдующей табличкѣ.

	I-й десятокъ.	II-й десятокъ.	III-й десятокъ.	IV-й десятокъ.	V-й десятокъ.	Общ. число.
Абсолютн. величина . .	2,065	1,642	1,577	1,356	1,134	7,774
%-ныя отношенія . . .	26,5	21,1	20,3	17,5	14,6	100

Обращаясь къ составу читателей по полу, мы встрѣчаемся прежде всего съ громаднымъ преобладаніемъ читающихъ мужчинъ (88,1%) сравнительно съ читающими женщинами (11,9%), затѣмъ по возрасту наибольшій процентъ даютъ подростки (38,8%). Они-то вмѣстѣ съ малолѣтними (27,2%) составляютъ двѣ трети (66%) всѣхъ читателей. Такимъ образомъ только одна треть читателей представляется взрослымъ населеніемъ, и поистинѣ можно сказать, что читаетъ главнымъ образомъ «молодая деревня». Въ

этомъ сказывается прежде всего успѣхъ и вліяніе школьнаго образованія, недаромъ же въ пензенскихъ библіотекахъ лица, окончившія народную школу, даютъ 41,1% читателей, а затѣмъ слѣдуютъ учащіеся въ школѣ—33,2%. При нашихъ путяхъ сообщенія, разбросанности селъ, отсутствіи какихъ-либо почтовыхъ или иныхъ пересылокъ, книгами пользуются, главнымъ образомъ, жители того села, гдѣ учреждена библіотека. Разстояніе же отъ 1 до 5 верстъ отъ библіотеки, какъ показываетъ опытъ, даетъ не болѣе 2% читателей.

Любопытными представляются хотя бы и въ общихъ чертахъ взятыя свѣдѣнія о томъ, что̀ же именно читаетъ народъ, на книги какого характера поступаетъ наибольшее количество требованій въ народныхъ библіотекахъ. Отчеты пензенской губернской управы указываютъ въ этомъ отношеніи, что главнымъ спросомъ пользуются книги беллетристическаго содержанія (56,8%), затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ книгъ духовно-нравственныхъ (15,1%), далѣе книги по исторіи (10,9%) и естествознанію (6,7%). Желая въ этомъ чрезвычайно важномъ вопросѣ представить наиболѣе точную картину читаемости, мы обращаемъ вниманіе читателя на нижеслѣдующую табличку:

Отдѣлы.								
I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего
Духовно-нравств.	Историч.	Геогр. этногр.	Естествозн.	Сельск.-хоз.	Беллетристич.	Юридическ.	Періол. издан.	книгъ.
12,577	9,099	4,981	5,497	529	47,215	81	3,151	83,1[illegible]
15,1	10,9	5,9	6,7	0,7	56,8	0,1	3,8	1[illegible]

Какъ видитъ читатель, книги сельско-хозяйственныя и юридическія, судя по требованіямъ на нихъ, бо̀льшую часть времени остаются на своихъ полкахъ. Читаются главнымъ образомъ отдѣлы беллетристическій и историческій. На второе мѣсто мы ставимъ послѣдній отдѣлъ потому, что въ первомъ до 10% занято исторической беллетристикой. Въ вышеприведенныя данныя о народныхъ библіотекахъ губернскаго земства, содержимыхъ имъ при училищахъ, не вошли свѣдѣнія о поимской библіотекѣ-читальнѣ. Мы ихъ выдѣляемъ особо какъ потому, что читальня представляетъ нѣсколько особый типъ библіотеки, такъ и потому, что здѣсь мы можемъ отмѣтить тѣхъ авторовъ, которые наиболѣе требуются народомъ. Распредѣленіе читателей и преобладающіе отдѣлы книгъ остаются общими какъ для библіотеки-читальни, такъ и для прочихъ библіотекъ земства. Библіотека-читальня располагаетъ 8,310 книгами и 624 читателями съ нѣсколько бо̀льшимъ процентомъ читательницъ и книгъ, приходящихся на каждаго читателя. Ея особенностью является все возрастающее требованіе на газеты и журналы, выписываемые читальней, причемъ число посѣтителей читальни доходило до 9 въ день. Здѣсь уже можно до нѣкоторой степени отмѣтить тѣ требованія, которыя предъявляются читателемъ къ книгѣ. «Большія требованія на беллетристику предъявляются взрослыми,—пишетъ завѣдующая читальней,—изъ нихъ многіе спрашиваютъ «

забавнѣе да посмѣшнѣе». Другіе, напротивъ, относятся къ книгѣ иначе: «Дай намъ книгу, гдѣ бы мы научились, какъ жить надо». Судя по количеству требованій, любимыми авторами беллетристическаго отдѣла являлись изъ русскихъ — Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ, Засодимскій, А. Толстой, Н.-Данченко, Лермонтовъ, Маминъ. Изъ иностранныхъ авторовъ больше всего требовались: Бичеръ-Стоу, Жюль-Вернъ, Диккенсъ, Вальтеръ Скоттъ. На сочиненія Тургенева, Гончарова, Данилевскаго, Островскаго, Жуковскаго требованій предъявлялось меньше.

Такова картина молодого еще сравнительно библіотечнаго дѣла въ губерніи. Въ нашемъ очеркѣ она была бы неполна, если бы мы не упомянули о томъ, что существуетъ, кромѣ вышеуказанныхъ, еще нѣсколько библіотекъ въ губерніи, содержимыхъ при училищахъ на средства уѣздныхъ земствъ. Такъ, Н. Ломовское имѣетъ 4 библіотеки имени Пушкина того же типа, что и библіотеки губернскаго земства. Городищенское земство въ самое послѣднее время вступаетъ на совершенно вѣрный путь открытія народныхъ библіотекъ при всѣхъ училищахъ уѣзда. Свѣдѣніями, однако, о дѣятельности этихъ учрежденій мы не располагаемъ. Заканчивая этимъ краткую характеристику важнѣйшей отрасли земскаго внѣшкольнаго образованія, мы не можемъ не высказать здѣсь, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и близкаго участія въ этомъ дѣлѣ одного пожеланія, раздѣляемаго въ данномъ случаѣ съ нами большинствомъ земствъ. Рѣчь идетъ объ отмѣнѣ для книгъ, назначаемыхъ въ народныя библіотеки, необходимости одобреній и допущеній ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Въ задачу настоящаго очерка не входятъ доказательства ни безполезности, ни вреда этихъ допущеній, однако, мы не можемъ не замѣтить, что представляется весьма труднымъ выборъ хорошихъ книгъ на сколько-нибудь крупную сумму изъ изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія каталоговъ. Не надо забывать, что министерское одобреніе создаетъ въ нѣкоторомъ родѣ монополію для книгъ въ библіотекахъ; вотъ почему чуткое спекулятивное книгоиздательство гонится за этими одобреніями и допущеніями часто для книгъ не цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи, а земства вообще вынуждены переплачивать гроши зачастую скудныхъ бюджетовъ по народному образованію на дорого издаваемыя книги. Такимъ образомъ народъ, имѣющій право пріобрѣтать покупкою всѣ книги, издаваемыя у насъ, какъ извѣстно, съ разрѣшенія цензуры, вынужденъ считаться въ своихъ библіотекахъ съ совершенно непонятною «сверхцензурою».

Безспорно, одной изъ самыхъ доступныхъ формъ внѣшкольнаго образованія являются въ настоящее время публичныя чтенія для народа, иллюстрируемыя картинами фолшебнаго фонаря. Однако, пензенское губернское земство только съ 1900 года попыталось осуществить эту форму, притомъ въ очень скромныхъ размѣрахъ, среди населенія своей губерніи. Тогда было постановлено пріобрѣсти двадцать фонарей (по два на уѣздъ), съ соотвѣтствующими комплектами картинъ, и открыть чтенія въ наиболѣе

людныхъ пунктахъ въ помѣщеніяхъ народныхъ училищъ. Докладомъ управы по этому поводу предполагалось возможнымъ вести чтенія въ сорока пунктахъ губерніи, назначивъ каждый фонарь въ школу на полугодіе. Въ общемъ приходится отмѣтить несомнѣнный успѣхъ такихъ чтеній, что объясняется общей сѣростью, если можно такъ выразиться, бѣдностью впечатлѣніями зимней деревенской жизни и уже, разумѣется, полнымъ отсутствіемъ разумныхъ развлеченій.

Обращаясь къ самымъ послѣднимъ даннымъ, которыми располагаетъ управа по вопросу о чтеніяхъ въ губерніи, мы должны сказать, что нельзя полагаться на совершенную точность свѣдѣній о числѣ слушателей, представленныхъ ведшими чтенія учителями. Несомнѣнно, что зачастую школьныя зданія совсѣмъ переполнялись слушателями, но точной регистраціи сдѣлать имъ было невозможно. Съ этой оговоркой мы приводимъ здѣсь свѣдѣнія, по которымъ значится общее число слушателей до 53,000 человѣкъ. Изъ нихъ взрослыхъ было до 33,000, дѣтей и подростковъ до 20,000. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что эта форма внѣшкольнаго образованія является доступной и для женскаго населенія губерніи, въ огромномъ, мы бы сказали ужасающемъ, большинствѣ неграмотнаго. Вотъ почему свѣдѣнія о чтеніяхъ съ волшебнымъ фонаремъ въ губерніи отмѣчаютъ до 10,000 слушавшихъ женщинъ. Чтенія, какъ и слѣдовало ожидать, производили впечатлѣніе на слушающихъ. Наибольшимъ же успѣхомъ, по отчету лицъ, ведшихъ чтенія, пользовались по духовно-нравственному отдѣлу: «Многострадальный Іовъ», «Іоаннъ Дамаскинъ», «Чему училъ Христосъ». Пользовались также большимъ успѣхомъ чтенія беллетристическаго характера и значительно меньшимъ изданія постоянной коммиссіи и сухо написанныя книги географическаго и естественно-историческаго содержанія. Любопытно, что порядокъ во время чтеній по бо̀льшей части соблюдался образцовый, несмотря на переполненіе тѣсныхъ аудиторій. Насколько полезны для самообразованія слушателей такія чтенія, можно судить уже по тому, что подъ вліяніемъ этихъ чтеній много разъ возникали требованія на книги того же содержанія, что и чтенія, и вездѣ слушатели просили о скорѣйшемъ возобновленіи чтеній. Нельзя не пожалѣть поэтому, что пензенское земство слишкомъ уже мало развиваетъ эту отрасль внѣшкольнаго образованія, возлагая при этомъ труды по веденію чтеній не на спеціальныхъ лицъ, а все на того же заваленнаго работой учителя. Справедливость требуетъ прибавить, однако, что земство выдаетъ учителямъ вознагражденіе въ 50 коп. за каждое праздничное чтеніе, причемъ и эти гроши играютъ нѣкоторую роль въ бюджетѣ далеко не обезпеченнаго земскаго работника.

Нашъ бѣглый очеркъ былъ бы всетаки неполнымъ, если бы мы въ самыхъ краткихъ, разумѣется, чертахъ не отмѣтили дѣятельности книжнаго склада губернскаго земства. Эта дѣятельность помогаетъ главнымъ образомъ развитію собственно школьнаго дѣла путемъ снабженія земскихъ учрежденій и населенія удешевленными учебниками и учебными пособіями, въ надлежащемъ выборѣ, но не остается безъ вліянія и [illegible]

школьное образованіе. Такъ, имъ организована продажа народныхъ изданій и безъ него этотъ видъ литературы въ извѣстномъ выборѣ едва ли скоро нашелъ бы себѣ мѣсто въ губерніи, оставляя безъ всякой конкуренціи дурныя лубочныя изданія Никольскаго рынка. При помощи книжнаго склада получили сбытъ за послѣднее время изданныя частными лицами въ пользу Пушкинскаго общества взаимопомощи народныхъ учителей нѣсколько брошюръ, нѣкоторыя изъ которыхъ нашли сравнительно широкое распространеніе. Такъ, «Александръ II и его дѣянія» Н. Ф. Езерскаго разошлась свыше 30 тысячъ экземпляровъ. «Жуковскій» покойнаго В. П. Острогорскаго и «Гоголь», «Пушкинъ»—пишущаго эти строки по 15 тыс. экземпляровъ. Меньшимъ спросомъ пользовались «Что такое земство?» «Некрасовъ», «Помощь народнаго учителя внѣшкольному образованію», «Кольцовъ и Никитинъ». Все это указываетъ на то, что если бы книжные склады вообще не были стѣснены въ правахъ издательства, при ихъ помощи значительно сильнѣе распространялось бы самообразованіе народа. Вопросъ о земскомъ издательствѣ является уже, на основаніи опыта многихъ земствъ, назрѣвшимъ вопросомъ жизни. Надо ожидать, что въ частности книжный складъ пензенскаго земства, если пойдетъ по тому пути, на который онъ сталъ, займетъ современемъ видное мѣсто не только въ школьномъ, но и во внѣшкольномъ образованіи населенія родной губерніи.

На этомъ мы считаемъ возможнымъ закончить нашъ очеркъ земскаго народнаго образованія въ Пензенской губерніи. Мы хорошо сознаемъ его неполноту и если рѣшаемся и въ этомъ видѣ познакомить съ нимъ читателя, то это по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, ни въ спеціальной, ни въ общей литературѣ почти вовсе нѣтъ свѣдѣній по вопросамъ народнаго образованія по Пензенской губерніи, занимающей, къ слову сказать, одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ этомъ дѣлѣ. Во-вторыхъ, посвятивъ долгіе годы просвѣтительной работѣ въ этой губерніи, мы хотѣли, подѣлившись своимъ опытомъ, хоть нѣсколько освѣтить дальнѣйшій путь въ этомъ дѣлѣ тѣмъ, кому — мы въ этомъ глубоко увѣрены — придется сразу приложить большія усилія для его развитія. Съ ничтожными сравнительно съ другими отраслями земскаго хозяйства ассигновками, съ равнодушнымъ отношеніемъ очень многихъ гг. гласныхъ къ вопросамъ народнаго образованія дѣло дальше не можетъ идти съ подобающимъ ему успѣхомъ. Мы глубоко убѣждены, что земствамъ уѣзднымъ и особенно губернскому пришла пора стать на путь активной политики въ этомъ дѣлѣ, и были бы несказанно рады, если бы нашъ голосъ могъ помочь развитію просвѣтительнаго дѣла, которому мы служили, какъ могли и умѣли.

Вл. Ладыженскій.

Русская интеллигенція *).

Обращеніе къ публикѣ.—Слово „интеллигенція".—Выборъ такой темы.—Заслуги русской интеллигенціи.—Отношеніе къ ней различныхъ лагерей.—Славянофилы и западники съ 30-хъ до 60-хъ годовъ.—Люди 70-хъ годовъ.—Народники.—Ученіе Л. Толстого.—Экономическій матеріализмъ.—Декадентскій эстетизмъ.—Ницшеанство.—Босякъ въ литературѣ.—Рабочій классъ и его умственные запросы.

Въ томъ, что я намѣреваюсь сказать о русской интеллигенціи, прошу позволенія у публики: быть безусловно свободнымъ въ моихъ взглядахъ, оцѣнкахъ и сужденіяхъ. Просьба эта, быть можетъ, нѣкоторымъ покажется ненужной; но мой жизненный и писательскій опытъ давно показалъ мнѣ, что у насъ въ печати или въ публичномъ словѣ совсѣмъ не легко быть вполнѣ независимымъ, и вовсе не отъ одного только того, что называется на газетномъ и журнальномъ жаргонѣ: «обстоятельствами отъ редакціи независящими», далеко нѣтъ! Для полной свободы мнѣній, протестовъ, даже симпатій и сочувственныхъ обобщеній, надо отрѣшить себя совершенно отъ всякой партійности, отъ поддѣлыванія къ тому, что въ данный моментъ считается обязательнымъ для каждаго, кто хочетъ добиться успѣха. Но въ извѣстныя лѣта, съ извѣстными жизненными итогами дѣлается гораздо легче подняться надъ всѣми этими злободневными мотивами и соображеніями.

Какого бы бесѣдущій съ вами въ настоящую минуту пріема ни удостоился, что бы онъ ни вызвалъ въ большинствѣ или меньшинствѣ его слушателей—онъ скажетъ все, что онъ хотѣлъ сказать на такой дорогой для него—да и не для одного его—сюжетъ, какъ *русская* интеллигенція.

Тутъ я позволю себѣ открыть маленькую скобку и публично повиниться въ томъ, что, около сорока лѣтъ тому назадъ, въ 1866 г., въ одномъ изъ своихъ критическихъ этюдовъ я пустилъ въ обращеніе въ русскій литературный языкъ или жаргонъ, какъ угодно, это самое слово: «интеллигенція», придавъ ему то значеніе, какое оно, изъ остальныхъ европейскихъ литературъ и прессъ, пріобрѣло только у нѣмцевъ: *интеллигенція*, т.-е. самій

*) Лекція, прочитанная въ Москвѣ 5 ноября, въ пользу пречистенскихъ классовъ для рабочихъ,—въ сокращенномъ изложеніи самого лектора.—*Ред.*

образованный, культурный и передовой слой общества извѣстной страны. Тогда же я присоединилъ къ нему одно прилагательное и одно существительное, которыя получили точно такое же распространеніе. Это были, признаюсь, не совсѣмъ безупречныя по словообразованію слова: «интеллигентъ» и «интеллигентный». Вы сами знаете всѣ—и молодые, и среднихъ лѣтъ люди, и пожилые, до какой степени они оба употребительны и, откровенно говоря, въ какой мѣрѣ ими всѣ злоупотребляютъ, отъ самыхъ образованныхъ людей до собесѣдниковъ изъ болѣе грамотныхъ простолюдиновъ.

Закрывъ эту скобку, я спрошу или лучше я отвѣчу на вопросъ, который каждый изъ васъ можетъ задать себѣ за меня: почему я выбираю такую тему именно въ настоящую минуту?

Я выбираю ее потому, что, съ нѣкоторыхъ поръ, появилась мода на приниженіе интеллигенціи. Пошло это всего сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ литературѣ, и въ беллетристикѣ, и въ критикѣ, по поводу изображенія разныхъ продуктовъ босяческаго байронизма и демократическаго ницшеанства, не только наша отечественная, но и всякая культура, всякое умственное и нравственное превосходство, требующее продолжительной и суровой школы, стало предметомъ обостреннаго пренебреженія и даже высокомѣрной злобы. Быть можетъ, теперь это повѣтріе нѣсколько уже постихло; но ему несомнѣнно подпадали не единицы только, а десятки и сотни членовъ все той же русской интеллигенціи, такъ что въ ея предѣлахъ, если представлять себѣ ее какъ обособленное цѣлое, началась междоусобная война или, лучше сказать, подведеніе и подземныхъ, и явныхъ минъ противъ того авторитета, какой въ каждой культурной странѣ долженъ принадлежать самому просвѣщенному, дѣятельному, нравственно-развитому и общественно-подготовленному классу гражданъ.

Если разумѣть подъ интеллигенціей по преимуществу литературу во всѣхъ ея отдѣлахъ, то врядъ ли въ какой-нибудь европейской странѣ, въ теченіе XIX столѣтія, она такъ потрудилась надъ прогрессомъ общества, какъ въ нашемъ отечествѣ. Это вышло отъ преобладанія такихъ условій, какихъ давно уже въ передовыхъ европейскихъ странахъ не существуетъ. Поэтому нигдѣ, наприм., какъ вамъ извѣстно, художественная беллетристика не получала такого значенія для всей массы читающей публики, какъ въ Россіи, съ первыхъ шаговъ нашего литературнаго движенія. И это шло *crescendo* со второй половины прошлаго вѣка. Поэтому у насъ ни одно произведеніе чисто-художественныхъ достоинствъ—будетъ ли это пьеса, романъ, разсказъ, даже поэма или сборникъ стихотвореній—какъ бы не могло восприниматься ни публикой, ни критикой, помимо своего общественнаго значенія. Оттуда и всѣ недосказы, неровности, ошибки и разные виды пристрастныхъ и одностороннихъ сужденій, которыми мы грѣшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается на Западѣ. Но наша литературная интеллигенція въ этомъ не виновата; напротивъ, надо удивляться, что многіе писатели шли своимъ неуклоннымъ путемъ, не смущаясь тѣмъ,

что у насъ художественную сторону произведеній такъ немногіе способны оцѣнивать, помимо вопросовъ общественной этики и соціальныхъ идеаловъ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что все, чего наша страна достигала въ своемъ поступательномъ движеніи, было защищаемо, въ разныхъ сферахъ умственнаго труда, русской интеллигенціей. И жизнь ея, помимо славы и популярности, какія доставались на долю нѣкоторымъ писателямъ, ученымъ, художникамъ, была гораздо больше «житіемъ», чѣмъ жизнью, представляя собою длинный мартирологъ собирательной души русскаго общества, и народа, къ которому прямо можно примѣнить знаменитую метафору поэта:

„Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ“.

Ее можно съ полнымъ правомъ назвать многострадальной, не потому только, что она должна была всегда бороться съ внѣшними враждебными силами, съ стѣсненіями и преслѣдованіями всякаго рода, а потому, что она не избѣжала, въ послѣднія десять-двадцать лѣтъ, встрѣчныхъ движеній другого рода, не внѣшнихъ, а внутреннихъ, идейныхъ; противъ нея стали выступать, въ предѣлахъ русской же интеллигенціи, и помимо того, что принято называть ретрограднымъ лагеремъ.

Въ первую четверть XIX вѣка, какъ и въ послѣднюю его четверть и даже въ началѣ XX, въ годы, какіе мы теперь переживаемъ, извѣстная доля общества держалась и держится консервативныхъ и прямо ретроградныхъ принциповъ. Органы этого лагеря—та публика, которая имъ сочувствуетъ, къ какимъ бы она сословіямъ и группамъ ни принадлежала—пишутъ и обличаютъ, видятъ измѣну и анархію въ томъ, что не похоже ни на то, ни на другое; но и въ этомъ лагерѣ признаютъ обязательность извѣстныхъ культурныхъ основъ всякаго государственнаго или общественнаго уклада; а стало быть не могутъ прямо подкапываться и подъ идею интеллигенціи, подъ которой слѣдуетъ разумѣть высшій культурный слой страны.

Противъ нея никто въ сущности не возставалъ у насъ открыто въ первыя двѣ трети прошлаго столѣтія—ни славянофилы 40-хъ и 50-хъ годовъ, ни западники тѣхъ же и послѣдующихъ десятилѣтій.

Славянофилы начали, какъ извѣстно, съ общеевропейскихъ идеаловъ и свое византійско-московское *credo* выработали, какъ прямые ученики нѣмцевъ. Они никогда не подкапывались подъ авторитетъ знанія, противъ іерархіи умовъ, талантовъ, общественныхъ заслугъ. О западникахъ съ 30-хъ до 60-хъ годовъ и говорить нечего! Если издатель *Колокола*, авторъ «Съ того берега» кончилъ разочарованіемъ въ западномъ движеніи 1848 года, произнесъ свою анаѳему надъ лже-революціонными буржуа, онъ никогда не выступалъ противъ того, что составляло, въ періодъ времени отъ 30-хъ до 70-хъ годовъ, передовую русскую интеллигенцію.

Настроеніе измѣнилось съ приходомъ полуобразованнаго разночинца къ 70-мъ годамъ. Не одинъ только щедринскій «чумазый» пришелъ съ

ніемъ пустить «на смарку» всѣхъ, кто его стѣснялъ; но и разные «интеллигенты» уже не довольствовались прежней междоусобной войной между различными литературными и общественными лагерями, а стали полегоньку развѣнчивать интеллигенцію, къ какому бы стану она ни принадлежала. Всего болѣе соблазновъ, въ этомъ смыслѣ, было у народниковъ, которые, къ концу 70-хъ годовъ, овладѣли симпатіями молодой публики. Я говорю «соблазновъ», потому что ратованіе—само по себѣ симпатичное и нравственно возрождающее—за трудовую массу, за народъ въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ, неизбѣжно повело къ извѣстной односторонности, къ идеализаціи такъ называемыхъ «устоевъ» крестьянской жизни, а потомъ и къ нападкамъ на умственное филистерство и буржуазное высокомѣріе представителей науки, на бездушіе выводовъ точнаго знанія, если они не были благопріятны для той или иной народнической аксіомы. Припомните, какъ тогда самые даровитые публицисты, увлекавшіе молодую публику, любили прохаживаться надъ нѣкоторыми видами не только нашей, но и западно-европейской культуры, надъ такъ называемыми «культуртрегерами» Это дѣлалось, конечно, во имя соціально-этическихъ протестовъ, это подсказывалось искреннимъ демократическимъ чувствомъ и тогдашней влюбленностью въ *устои* нашего народнаго быта съ его общиной, круговой порукой, міромъ, особаго рода общественными добродѣтелями.

И этимъ защитникамъ демократической морали и противникамъ всякой привилегіи, всякой эксплоатаціи и хищничества, всякой узурпаторской опеки надъ народомъ, не казалось опаснымъ, и во всякомъ случаѣ щекотливымъ: производить свои обличенія, которыя если не прямо, то косвенно попадали дальше цѣли и пріучали молодыя генераціи къ игрѣ въ мыслительное фрондерство. Наука, сама по себѣ, не дѣлалась, конечно, предметомъ нападокъ и насмѣшекъ; но безпрестанно она попадала подъ судъ за то, что извѣстные мыслители, публицисты, экономисты, соціологи, критики или бытописатели дѣлали изъ той или иной теоріи, гипотезы или твердоустановленнаго закона выводы, несогласные съ симпатіями нашихъ тогдашнихъ народниковъ. Это случилось, какъ вы припомните, и съ дарвинизмомъ, причемъ, конечно, геніальный авторъ книги «О происхожденіи видовъ» не попадалъ прямо на скамью подсудимыхъ такъ, какъ попалъ, наприм., недавно умершій творецъ органической соціологіи, крупнѣйшая философская сила второй половины XIX вѣка, Гербертъ Спенсеръ. Въ тогдашнихъ обличеніяхъ его буржуазной ограниченности и несимпатичности его выводовъ мы видимъ несомнѣнные нападки на ту высшую интеллигенцію, представителемъ которой въ то время, по обще-европейскому признанію, былъ Гербертъ Спенсеръ. Еслибъ мыслитель такой силы и значенія явился не въ Англіи, а у насъ, его постигла бы и еще болѣе горькая доля; съ нимъ стали бы еще менѣе церемониться.

Въ такихъ походахъ противъ крупнѣйшихъ умовъ западно-европейской интеллигенціи не было однако же принципіальнаго подкапыванія подъ интеллигенцію, по существу. Точная наука признавалась, обще-евро-

пейская культура—также, хотя и съ оговорками, но такими, какія раздавались въ соотвѣтственныхъ лагеряхъ и за границей. Если можно было въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что пришелъ разночинецъ, то всетаки онъ былъ интеллигентный и имѣлъ право, по-своему, смотрѣть на себя, какъ на соль, если не всей земли, то, по крайней мѣрѣ, русской земли. Но всетаки же прежнее, болѣе почтительное отношеніе къ нашимъ западнымъ учителямъ значительно ослабѣло и явилась новая складка трактованія всего—и науки, и политики, и таланта, и общественнаго авторитета—съ особенной точки зрѣнія стали считать свои теоріи и взгляды чѣмъ-то гораздо болѣе совершеннымъ, симпатичнымъ и двигательнымъ, чѣмъ то, что обрабатывалось въ лабораторіи западно-европейскихъ идей и обобщеній.

Что же мудренаго, что долженъ былъ придти моментъ, когда такого рода очистительная критика будетъ обращена не только на тотъ или иной лагерь, но и вообще на интеллигенцію? Не нужно было считать себя пророкомъ, чтобы предвидѣть, черезъ десять-пятнадцать лѣтъ, появленіе и другихъ фрондеровъ, которые свое отщепенство, одичаніе или свои личные счеты съ судьбой и обществомъ превратятъ въ обвинительный актъ противъ ненавистной имъ почему-то интеллигенціи.

Не много ранѣе единичный, чисто субъективный кризисъ, происшедшій въ нравственномъ сознаніи самаго крупнаго таланта русской беллетристики (оставшагося въ живыхъ послѣ ухода съ литературной арены всѣхъ его старшихъ сверстниковъ) разросся въ немъ до размѣровъ цѣлаго религіозно-соціальнаго ученія.

Мнѣ нѣтъ надобности разбирать это ученіе: вы его всѣ достаточно знаете. Мое дѣло—указать только еще разъ и притомъ безъ всякихъ оговорокъ и смягченій, что проповѣдникъ непротивленія злу сложился въ самаго непримиримаго противника всякой общеміровой культуры, если она не на основѣ мистицизма, сталъ безусловно отрицать, и отрицаетъ до сихъ поръ, то, что мы называемъ *эволюціей* общества и всего человѣчества, отрицаетъ самую возможность науки соціологіи, ставитъ краеугольнымъ камнемъ возрожденія всего человѣчества на землѣ чисто личную нравственность, безъ всякаго подчиненія тому, безъ чего никакой этическій прогрессъ невозможенъ—*совокупности* всего общества, общежитія, того, что выражается французскимъ терминомъ «la cité». Такое ученіе не можетъ не быть враждебнымъ всякому умственному авторитету, а стало быть и всякой интеллигенціи. Если для блаженнаго существованія на землѣ и выполненія высшаго закона, преподаннаго тѣмъ или инымъ путемъ, достаточно только своей доброй воли, раскаянія и соблюденія извѣстныхъ запретовъ и повелѣній, то, само собою, вся громадная работа всеміpной интеллигенціи сводится къ нулю. Законы природы, исторія, экономическіе вопросы, борьба самыхъ живыхъ интересовъ, стремленія и упованія самаго развитого человѣчества—все это, въ свѣтѣ такого ученія, является во всемъ своемъ ничтожествѣ, ненужности, вредѣ, нелѣпости и безобразіи.

У поборниковъ такого ученія какое же можетъ быть я не говорю уваженіе, а даже терпимое отношеніе къ интеллигенціи ихъ страны? Они одни—обладатели безусловной истины, которая не требуетъ никакого тяжелаго искуса, а только особаго наитія, помогающаго борьбѣ съ разными видами грѣховности. Я не берусь рѣшать, въ какой степени этотъ несомнѣнный бунтъ противъ точнаго знанія, общественныхъ доктринъ, самыхъ блестящихъ и плодотворныхъ продуктовъ человѣческаго собирательнаго генія—въ искусствѣ, въ мышленіи, въ формахъ общежитія—подготовлялъ нарожденіе позднѣйшей формы враждованія противъ интеллигенціи, но такая доктрина, безъ сомнѣнія, расшатала связь между руководящимъ слоемъ русскаго общества, который дѣйствуетъ въ наукѣ, литературѣ, публицистикѣ, искусствѣ—и тѣмъ большинствомъ, которое, какъ всякая толпа, кидается на приманку новизны. Но даже и такое ученіе, желающее отдать «на смарку» всю европейскую культуру, волей-неволей должно пользоваться ея плодами—и въ общемъ, и въ частностяхъ. Да и самое провозглашеніе безусловной истины, открытой вѣроучителемъ въ данный моментъ своего просвѣтлѣнія, есть не что иное, какъ всенародное провозглашеніе абсолютныхъ правъ своей интеллигенціи. Даже и самые великіе ученые никогда не доходили до такого отождествленія своего «я», т.-е. своей интеллектуальной силы, съ безусловной истиной.

Въ томъ дальнѣйшемъ движеніи, которое получило имя «экономическаго матерьялизма», въ его основахъ нѣтъ никакого бунтарства противъ точнаго знанія, никакой мистики. Если оно идетъ отъ гегеліанства, то только въ смыслѣ знаменитой тріады Гегеля: *тезисъ, антитезисъ, синтезъ*. Въ распрѣ, которая до сихъ поръ еще не прекратилась между поклонниками автора «Капитала» и народниками, надо различать, кто изъ нихъ стоялъ и до сихъ поръ стоитъ за болѣе научный методъ изслѣдованія соціально-экономическихъ явленій. Соціально-демократическая доктрина во всякомъ случаѣ требуетъ для своего принятія большей вѣрности принципу эволюціи. Народники, сравнительно съ своими противниками, представляли собою гораздо болѣе элементъ эмоціи, чѣмъ разсудка и разума; они признавали выводы точнаго знанія настолько, насколько они не противорѣчили ихъ симпатіямъ. Поборники экономическаго матеріализма, даже и увлекаясь, впадая въ одностороннія обобщенія, всетаки же не могутъ становиться въ двусмысленное и враждебное отношеніе къ научному міропониманію. Поэтому можно сказать, что русская интеллигенція, переживая этотъ антагонизмъ двухъ лагерей, отдала дань гораздо больше недоразумѣнію, чѣмъ чему-либо другому. Русскіе народники, съ первыхъ дней своего существованія, явились такими же отрицателями и обличителями буржуазнаго, хищническаго склада жизни; ихъ идеалы были и остаются этико-соціальными, также какъ и у ихъ антагонистовъ. Въ сущности, это—развѣтвленіе одного и того же *credo,* которое нельзя сводить ни къ исключительному признанію извѣстныхъ формъ народнаго, соціально-правового быта, ни къ признанію за альфу и омегу наисовершеннѣй-

шаго развитія общества, такъ называемаго классоваго чувства, вмѣстѣ съ объясненіемъ всей человѣческой культуры—философіи, науки, искусства, нравовъ—одними только экономическими причинами.

Ни истиннымъ народникамъ, ни истиннымъ марксистамъ нельзя быть безъ извѣстныхъ *этическихъ* идеаловъ, и обѣ стороны этого движенія—не что иное, какъ проявленіе назрѣвшей потребности въ другой соціальной этикѣ. Безъ идеаловъ болѣе возвышенныхъ, чѣмъ правила буржуазной добропорядочности, движеніе это немыслимо.

Для русской интеллигенціи этотъ антагонизмъ свелся къ тому: что поддерживать своимъ сочувствіемъ: деревню съ ея устоями или же городъ, фабрику, нарожденіе и развитіе исключительно рабочаго класса, оторваннаго отъ почвы? Но если взять самыя рѣзкія крайности отрицателей нашей деревни и всего уклада крестьянской жизни, то вѣдь въ ихъ нападкахъ, выводахъ и доказательствахъ сказывается, прежде всего, желаніе руководиться строгимъ, безпощаднымъ анализомъ культурно-экономическихъ явленій. И въ томъ, и въ другомъ лагеряхъ впереди стоитъ самое развитое меньшинство, принадлежащее, несомнѣнно, къ нашей интеллигенціи. Одни болѣе, другіе менѣе чувствуютъ и провозглашаютъ свою связь со всѣмъ высшимъ достояніемъ, до котораго культурный западъ доработался въ мышленіи, въ наукѣ, въ творчествѣ всякаго рода. Ни одинъ изъ этихъ лагерей и не думалъ никогда разрывать съ этическими и общественными идеалами культурнаго человѣчества, трактуя и разумѣя ихъ каждый посвоему.

Къ концу прошлаго XIX вѣка явились симптомы движеній, уже прямо враждебныхъ наукѣ, мышленію, исходящему изъ точнаго знанія, во имя запросовъ души человѣческой, на которые отвѣты можетъ давать будто бы только мистика и мистическая метафизика. И параллельно съ этимъ произошелъ взрывъ разрушительныхъ матеріаловъ, въ видѣ проповѣди ницшеанства. И тѣ, и другіе одинаково фрондировали противъ интеллигенціи и на Западѣ, а потомъ, какъ это всегда бываетъ, и у насъ. На сцену появился новый отрицатель, уже не нигилистъ 60-хъ годовъ и не тотъ «чумазый», который къ 70-мъ попалъ подъ безпощадный сатирическій бичъ Салтыкова. Молодые люди базаровскаго типа страдали гордыней высшаго порядка; преклонялись передъ умомъ и силой характера, а, главное, проникнуты были культомъ безпощадной правды, не боялись никакихъ выводовъ анализа, считали слишкомъ многое гнилымъ романтизмомъ, не были вполнѣ солидарны и съ научнымъ міропониманіемъ, и съ пріобрѣтеніями европейской культуры. Даже и щедринскій «чумазый» не смѣлъ прямо выступать противъ интеллигенціи, между тѣмъ какъ новый разночинецъ сталъ злобствовать на нее и позволять себѣ такія выходки не устно, а печатно, которыя ни въ 60-хъ годахъ, ни въ двухъ послѣдующихъ десятилѣтіяхъ, не были бы допустимы.

Западно-европейское ницшеанство превратилось у насъ, если не въ публицистикѣ, то въ беллетристическихъ произведеніяхъ, въ ницшеанское босячество. Обаяніе литературнаго таланта придало этому бунту [illegible]

интеллигенціи особое толкованіе: въ немъ увидали призывъ къ всеобщему возрожденію культомъ сверхчеловѣковъ, вышедшихъ изъ самыхъ печальныхъ отбросовъ общества и народа. И никто какъ бы не замѣчалъ, что эти проповѣдники ницшеанскаго босячества не только всѣми своими идеями, протестами, готовыми формулами обязаны все той же интеллигенціи, но что они придаютъ своей пропагандѣ налетъ исходящаго отъ нея же соціалъ-демократическаго движенія. Безъ этихъ крохъ съ трапезы интеллигенціи, и западно-европейской, и нашей, это движеніе не получило бы такого обаянія. Идейно оно до сихъ поръ повторяетъ то, что усвоено имъ изъ книжекъ. Это бунтъ чисто субъективный, рѣзко выходящій, къ счастію, за предѣлы литературныхъ тенденцій. Онъ не имѣетъ прямой органической связи ни съ однимъ классомъ русскаго общества и народа, способнымъ созидать жизнь, а не упразднять ее. Это острый духъ отъ плохо переваренныхъ подачекъ съ трапезы все той же интеллигенціи.

Подводя итоги анализа того, какъ наслаивались движенія, идущія вразрѣзъ съ тѣмъ, что русская интеллигенція заключаетъ въ себѣ созидательнаго и возрождающаго, мы видимъ, стало быть, четыре главныхъ момента, играющихъ роль въ борьбѣ субъективизма съ духомъ объективнаго изслѣдованія и научно-философскаго міропониманія; это—доктрина вѣроучителя Ясной Поляны; проповѣдь банкротства науки; разные виды декадентскаго эстетизма и отрицаніе культурной морали все на той же почвѣ чудовищно-разросшагося «я», въ ницшеанскомъ босячествѣ.

На такомъ разбродѣ идей, принциповъ, нравственныхъ правилъ, цѣлыхъ доктринъ и вѣроученій: какъ найти вѣрный путь для своего умственнаго и соціально-нравственнаго развитія тѣмъ людямъ изъ народа, которые, добывая себѣ тяжкимъ трудомъ кусокъ хлѣба, чувствуютъ уже духовную жажду, стремятся къ тому свѣту, который можетъ дать только знаніе и развитое соціально-нравственное чувство? Что же этимъ лучшимъ натурамъ и самымъ свѣтлымъ головамъ изъ народа предлагаютъ мистики, декаденты, сверхчеловѣки изъ отбросовъ общества и народной среды? На какой почвѣ можно столковаться, чувствовать, что вы на что-то прочно опираетесь, отстаивать свою духовную свободу?

Отвѣтить на это можно только въ одномъ смыслѣ, не впадая ни въ какое узкое доктринерство: все это достижимо только, идя рука объ руку съ подлинной интеллигенціей, съ тѣмъ избраннымъ меньшинствомъ, которое создало все, что есть самаго драгоцѣннаго для русской жизни: знаніе, общественную солидарность, чувство долга передъ нуждами и запросами родины, гарантіи личности, религіозную терпимость, уваженіе къ труду, къ успѣхамъ прикладныхъ наукъ, позволяющимъ массѣ поднять свое человѣческое достоинство.

Въ эту минуту я обращаюсь всего больше къ моимъ слушателямъ изъ рабочаго класса, не къ той сбродной мастеровщинѣ и поденщинѣ, которая выбрасываетъ изъ своей среды новѣйшихъ фрондирующихъ резонеровъ, а къ настоящимъ рабочимъ, какихъ доставляетъ у насъ, на девять деся-

тыхъ, деревня, даже когда они уже считаютъ себя фабрично-городскими обывателями. Не книжнымъ путемъ, не для торжества кружковой тенденціи, а личными наблюденіями, искреннимъ и безпредразсудочнымъ общеніемъ съ трудовой массой пришелъ я къ тому выводу, что у насъ, въ тѣхъ центрахъ, гдѣ народъ, подчиняясь могучей тягѣ фабричнаго быта, прошелъ уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ тяжелую, но развивающую школу фабричнаго труда, онъ успѣлъ выработать въ своей средѣ такое меньшинство, которое иначе нельзя назвать, какъ народной интеллигенціей.

Вы, слушающіе меня, прекрасно знаете сами, стремясь къ расширенію вашихъ познаній и общественныхъ идеаловъ, что вамъ нужно. Вы, цѣною всякихъ жертвъ, не перестаете стремиться къ свѣту и вы не могли не признать своими безкорыстными и сочувствующими вамъ старшими братьями по развитію всѣхъ тѣхъ, кто дѣйствительно двигалъ у насъ науку, литературное творчество, искусство, общественные запросы. Кто подкапывается подъ все это, тотъ несомнѣнный врагъ свѣта, во что бы онъ ни драпировался: въ мистику, въ запоздалый байронизмъ, въ доморощенное ницшеанство. Пускай онъ измышляетъ свои яко бы спасительныя снадобья или ставитъ свое отщепенство выше того духовнаго богатства, которое накоплено для всѣхъ насъ—и въ томъ числѣ для васъ—всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ. Нѣтъ двухъ цивилизацій, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ обще-европейской культуры, нѣтъ двухъ наукъ, нѣтъ двухъ разнородныхъ, одна другую уничтожающихъ интеллигенцій ни въ остальной Европѣ, ни у насъ.

А русская интеллигенція не менѣе какой бы то ни было достойна этого имени, разумѣя подъ нею ту, которая вотъ уже не одно столѣтіе полагаетъ свою душу на просвѣтленіе народной массы, готова ратовать всегда и неизмѣнно за ея матеріальное и духовное благо, та, которая развивалась и крѣпла, какъ могучій стволъ, а не шла въ сукъ, не подтачивала корень, не отрицала путеводной звѣзды, находимой человѣчествомъ не въ мистикѣ, не въ бунтарствѣ противъ науки, законовъ природы и человѣческаго общежитія, не въ разнузданности своего «я», а въ партійныхъ и кружковыхъ измышленіяхъ, а въ неуклонномъ признаніи закономѣрности всего сущаго и хода общественной эволюціи, въ добровольномъ уваженіи и симпатіи къ тому двигательному меньшинству, которое вездѣ представляетъ собою интеллигенцію страны.

И въ нашемъ отечествѣ она знаменуетъ собою все, что есть у насъ самаго цѣннаго и, быть можетъ, никогда еще она не была болѣе достойна того, чтобы вокругъ нея сплотилась вся громада многомилліоннаго народа, жаждущаго умственнаго и нравственнаго свѣта.

И я кончу тремя возгласами, которые найдутъ въ груди многихъ сочувственный откликъ. Нашему великому поэту принадлежатъ два изъ нихъ: «Да здравствуетъ разумъ!» «Да скроется тьма!» А мы съ вами вспомнимъ: «Да здравствуетъ русская интеллигенція!»

П. Боборыкинъ.

Поборникъ народности.

(Памяти Н. И. Надеждина.)

6 октября текущаго года исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго журналиста, критика и этнографа Николая Ивановича Надеждина.

Онъ происходилъ изъ духовнаго званія. Его отецъ, послѣ многихъ лѣтъ причетнической лямки, добился дьяконскаго и въ концѣ-концовъ даже священническаго мѣста. Онъ не получилъ никакого образованія, умѣлъ только читать и писать, но зато, по свидѣтельству сына, «былъ одаренъ отъ природы счастливыми и быстрыми способностями, обширною памятью, наблюдательностью и страстью къ чтенію». На книги «тратилъ онъ послѣднія добываемыя имъ копейки, а иногда собственноручно переписывалъ тѣ, которыя удавалось ему достать гдѣ-нибудь для прочтенія». Библіотека его состояла изъ русскихъ книгъ, главнымъ образомъ «историческихъ и нравоучительныхъ», затѣмъ сочиненій Ломоносова, Хераскова, «Аонидъ» Карамзина.

Подъ вліяніемъ послѣднихъ юный Надеждинъ и самъ началъ писать стихи.

Отецъ послалъ его къ рязанскому архіерею просить причетническаго мѣста. Даровитый мальчикъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на своего собесѣдника, что тотъ, послѣ испытанія, опредѣлилъ его въ высшій классъ духовнаго училища. Онъ учился отлично и окончилъ философскій классъ семинаріи, когда ему не было еще 15 лѣтъ.

Въ качествѣ одного изъ лучшихъ учениковъ его въ 1820 г. послали изъ Рязани въ московскую духовную академію, гдѣ онъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался философіей, критиковалъ Вольфа и штудировалъ «Канта и другихъ новыхъ философовъ нѣмецкихъ». Идея планомѣрнаго развитія, лежавшая въ основѣ философской системы профессора Голубинскаго, оказавшаго особенное вліяніе на молодого студента, заставила Надеждина внимательно заняться исторіей церковной и гражданской.

Послѣ блистательнаго (онъ получилъ степень магистра богословскихъ наукъ) окончанія курса, Н. И. былъ назначенъ въ рязанскую семинарію профессоромъ русской и латинской словесности, но провинціальная жизнь

не удовлетворяла его теперешнимъ широкимъ требованіямъ, и онъ рѣшилъ перейти на гражданскую службу. Гувернерство у Самариныхъ дало ему возможность познакомиться съ сочиненіями французскихъ, главнымъ образомъ, историковъ и философовъ и расширило его умственный кругозоръ. Онъ изучаетъ русскую и иностранную изящную словесность и внимательно слѣдитъ за журналистикой Россіи и Запада.

Знакомство и сближеніе съ профессоромъ Каченовскимъ, извѣстнымъ родоначальникомъ скептической школы въ нашей исторіографіи и издателемъ-редакторомъ заскорузлаго въ своихъ литературныхъ мнѣніяхъ *Вѣстника Европы*, толкнули его на скользкій путь журналиста, который сыгралъ потомъ въ жизни Надеждина роковую роль.

Онъ пишетъ сначала статью о поселеніяхъ итальянцевъ на берегахъ Чернаго моря, затѣмъ цѣлый рядъ критическихъ статей, напечатанныхъ подъ псевдонимомъ «экс—студента Никодима Надоумки».

Широкое литературное образованіе создало Надеждину сильную позицію въ тогдашней борьбѣ романтиковъ и классиковъ. Ему легко было убѣдиться въ томъ, что противники, въ большинствѣ случаевъ, не ясно представляютъ себѣ самый предметъ спора, отличія романтизма и классицизма, смыслъ и задачи искусства и въ частности поэзіи. Ему бросаются въ глаза, такъ сказать, чужеядность романтизма, слишкомъ затянувшееся ученичество нашей литературы, и онъ ополчается противъ нихъ всѣми силами своего крупнаго полемическаго дарованія.

Ближайшій предшественникъ Бѣлинскаго, онъ разоблачаетъ фальшь и тщету многихъ изъ проявленій нашего романтизма и привѣтствуетъ «зачинающуюся эру живой *народной* словесности». Во имя народности наноситъ онъ особенно чувствительные удары нашему литературному «чужебѣсію». Онъ требуетъ обновленія литературнаго языка стихіею народной рѣчи, въ поэзіи—не только «наружныхъ формъ народности», но ея «смысла и духа».

Романтизмъ логически приводилъ къ культу старины и народности. Занесенный къ намъ съ Запада и поддержанный патріотическими увлеченіями временъ Отечественной войны, онъ незамѣтно приводитъ къ самоотрицанію—противъ иноземныхъ вліяній во имя народныхъ началъ.

Надеждинъ и былъ типичнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ представителемъ этой *націоналистической реакціи*, въ ранней стадіи ея развитія. Слишкомъ многимъ обязанный западной наукѣ и европейскому просвѣщенію, онъ не рветъ еще съ ними своихъ нравственныхъ связей, хотя часто впадаетъ въ слишкомъ высокую оцѣнку своего и даже въ «приторный патріотизмъ», по выраженію Полевого. Въ немъ бродятъ еще элементы западничества и славянофильства, которые кристаллизируются значительно позднѣе, къ началу 40-хъ годовъ.

Онъ склоненъ слишкомъ много ожидать отъ будущаго Россіи. «Стоитъ только взглянуть на карту земного шара, чтобы исполниться святого благоговѣнія къ судьбамъ, ожидающимъ Россію. Неужели этотъ колоссъ

гнуть напрасно мудрою міродержавною десницею? Нѣтъ! Онъ долженъ имѣть великое всемірное назначеніе. Тучи бродятъ надъ Европою, но на чистомъ небѣ русскомъ загораются тамъ и здѣсь мирныя звѣзды, утѣшительныя вѣстницы утра. Всегда ль должно будетъ ихъ разглядывать въ телескопъ? Придетъ время, когда онѣ сольются въ яркую пучину свѣта!» Это—намекъ на названіе собственнаго журнала Надеждина *Телескопъ*, который онъ началъ издавать съ 1831 г., сейчасъ же послѣ закрытія *Вѣстника Европы*.

Въ порывѣ патріотическихъ восторговъ онъ доходитъ даже до идеализаціи русскаго кулака. Когда на Загоскина напали за то, что онъ заставилъ русскаго погрозить кулакомъ варягу, Надеждинъ писалъ: «Боже мой! Какъ ухватились за этотъ бѣдный кулакъ! Съ какимъ жаромъ, съ какимъ краснорѣчіемъ доказывали, что хвалиться кулакомъ и стыдно, и невѣжественно, и унизительно для нашего вѣка, и позорно для нашего просвѣщенія, однимъ словомъ, *не-европейски*. Послѣднее почти правда: европейцу какъ хвалиться своимъ тщедушнымъ, крохотнымъ кулачишкомъ! Только русскій владѣетъ кулакомъ настоящимъ, кулакомъ comme il faut, идеаломъ кулака, если можно такъ выразиться. И, право, въ этомъ кулакѣ нѣтъ ничего предосудительнаго, ничего низкаго, ничего варварскаго, напротивъ, очень много значенія, силы, поэзіи! Дѣло не въ кулакѣ, а въ употребленіи кулака: если этотъ кулакъ основалъ самобытность великой имперіи, раздвинулъ ее на седьмую часть земного шара, отстоялъ мужественно отъ всѣхъ враговъ, то честь и хвала ему! Знаю, что теперь намъ надо еще учиться да учиться у Европы, но не съ тѣмъ, чтобы потерять свою личность, а чтобъ укрѣпить ее, возвысить! Древняя Греція также училась у Азіи, и долго была подъ наукой, но она не сдѣлалась Азіей, напротивъ, сама покорила, цивилизовала Азію!... Пусть русскій умъ питается европейской жизнью, чтобъ быть истинно русскимъ; пусть литература его, освѣжаясь воздухомъ европейскаго просвѣщенія, остается тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая живая, самобытная литература—самовыраженіемъ народнымъ!»

Европа переживаетъ теперь (послѣ революціи 1830 г.) состояніе «раскаянія и стыда», но ее, кающуюся, Надеждинъ ставитъ очень высоко. Предсказывая великое будущее Россіи, онъ рисуетъ печальную картину ея просвѣщенія. Онъ подчасъ не прочь подчеркнуть «необыкновенную скудость», безплодіе нашей молодой литературы. Неужели для нея уже начался упадокъ? «Наше младенчество отзывается старостью и хилостью... Неужели наше просвѣщеніе отцвѣло, не расцвѣтши? Неужели намъ суждено, не живши, состариться?»

Надеждину не хотѣлось бы вѣрить этому. Онъ объясняетъ этотъ застой условіями Петровской реформы, которая, съ одной стороны, была благодѣтельна, такъ какъ «вдвинула насъ въ составъ просвѣщеннаго міра, отъ котораго отдѣлялись мы глухою, непроходимою стѣною, и дала намъ возможность участвовать въ умственномъ капиталѣ человѣчества, накопленномъ совокупными силами народовъ, въ продолженіе тысячелѣтій», съ другой—была вредна, такъ какъ сдѣлала нашу словесность «барщиной евро-

пейской». Въ нашей литературѣ онъ ждетъ «поворота искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она досель не могла дышать свободно, къ естественному, къ народности». Для этого нужно ей—и русскому духу вообще—«обратиться внутрь себя», «отыскать въ самомъ себѣ источникъ новой самобытной жизни».

Онъ преслѣдуетъ погоню за «наружными формами народности», если она не сопровождается проникновеніемъ въ ея сущность. Басни Крылова, многія изъ произведеній Пушкина и Гоголя, «Юрій Милославскій» Загоскина кажутся ему первыми ласточками этого подлиннаго народнаго направленія.

Подъ народностью онъ подразумѣваетъ «совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, физическихъ и духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ слагается физіономія русскаго человѣка, отличающая его отъ всѣхъ прочихъ людей—европейцевъ столько же, какъ и азіатцевъ». «Русскій умъ имѣетъ свой особый сгибъ; русская воля отличается особенной, ей только свойственной упругостью и гибкостью; точно такъ же какъ русское лицо имѣетъ свой особый складъ, отличается особеннымъ, ему только свойственнымъ выраженіемъ». На Западѣ не боятся быть самими собой. «Отчего же мы, русскіе, боимся быть русскими?»

Статьи Надеждина были талантливы и содержательны, но имѣли гораздо меньшее вліяніе, чѣмъ могли бы имѣть. Критику недоставало «внутренняго жара», силы убѣжденія; нагромождая исключенія и ограниченія, онъ часто затемнялъ свою мысль; признанная всѣми біографами «гибкость» характера, стремленіе приспособиться къ господствовавшему тогда режиму заставляли его идти на идейные компромиссы и впадать въ сознательныя противорѣчія. Все это дѣлало проповѣдь Надеждина въ значительной степени безплодной, во всякомъ случаѣ лишало ее внутренней силы.

Нѣкоторыя изъ его идей оплодотворили критику Бѣлинскаго, и въ его страстномъ словѣ заняли передовую позицію въ тогдашней борьбѣ за новую литературу.

Напечатаніе «философическаго письма» Чаадаева привело къ закрытію *Телескопа* и кратковременной ссылкѣ Надеждина. Его дарованія слишкомъ цѣнили, чтобы оставлять его долго не у дѣлъ. Его возвращаютъ и прикомандировываютъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ «по ученой части». Онъ составляетъ офиціальныя, проникнутыя человѣконенавистничествомъ, записки о расколѣ—и въ то же время принимаетъ живое участіе въ работахъ географическаго общества.

Громадныя свѣдѣнія, разностороннее образованіе и наблюдательный, широкій умъ помогли ему поставить наше народоизученіе на прочную научную почву. Онъ былъ первымъ нашимъ *ученымъ* этнографомъ, соединявшимъ тщательность и полноту собиранія матеріаловъ съ широтою и трезвостью общихъ выводовъ. Благодаря ему появляется рядъ грандіозныхъ трудовъ по нашей этнографіи, и впервые у насъ народовѣдѣніе становится наукою.

По словамъ такого знатока исторіи нашей этнографіи, какъ А. Н. Пыпинъ, Надеждинъ «въ нашей литературѣ впервые намѣтилъ вопросъ объ изученіи самого историческаго образованія народности... объяснилъ необходимость изученія народности со стороны историко-географической, со стороны народной психологіи, археологіи, быта и пр. и пр. Кромѣ этого теоретическаго опредѣленія науки, большой заслугой были его различныя изслѣдованія для нашей этнографіи: нѣсколько образцовыхъ трудовъ по исторической географіи, указанія объ исторической формаціи русской народности, замѣчательная постановка вопроса о мѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка; очень новыя тогда въ нашей литературѣ свѣдѣнія о русскихъ внѣ Россіи; составленіе этнографической программы; вызовъ и разработка этнографическаго матеріала, собравшагося въ Географическомъ Обществѣ. Надеждинъ владѣлъ въ кругу тогдашнихъ изслѣдователей большимъ, самымъ крупнымъ авторитетомъ... Направленіе его въ этой области можно характеризовать, какъ этнографическій прагматизмъ, и его дѣятельности въ средѣ Географическаго Общества надо приписать большую долю того улучшенія пріемовъ наблюденія и собиранія, какое является въ послѣдующихъ трудахъ нашихъ изыскателей».

За это простятся ему многіе грѣхи его офиціальной и «конфиденціальной» дѣятельности.

Онъ умеръ 11 января 1856 г.

Вл. Каллашъ.

Къ сорокалѣтію черниговскаго земства 1865—1905 гг.

I.

Въ 1905 г. исполнится сорокалѣтіе существованія земскихъ учрежденій въ Черниговской губерніи. Сорокъ лѣтъ—достаточный промежутокъ времени, чтобы оцѣнить дѣятельность общественнаго учрежденія, подвести итоги ея положительнымъ разультатамъ, отмѣтить ея отрицательныя стороны, уловить нежелательныя уклоненія отъ правильнаго пути или отъ своей истинной цѣли и назначенія. Земство, несмотря на всѣ ограниченія, внесенныя въ его первоначальное законоположеніе разными законодательными актами и административными распоряженіями послѣдняго времени, всетаки остается одной изъ важнѣйшихъ организацій нашей внутренней общественно-политической жизни; въ немъ выражается главная самодѣятельность, непосредственная жизненная инціатива если не всего народа, то значительной части общества; на земство Высочайшей властью въ 1865 г. возложена вся организаціонная работа обновленной великими реформами страны, созданіе народнаго благосостоянія путемъ его оздоровленія, просвѣщенія и экономическаго развитія.

Обширная и великая работа. По своей отвѣтственности она превосходитъ работу, ввѣренную единовременно и другимъ реформированнымъ органамъ внутренняго управленія. Между тѣмъ, какъ судебная и крестьянская реформа по своему содержанію соотвѣтствуютъ одной какой-либо функціи управленія, земство охватываетъ всѣ стороны жизни и удовлетворяетъ насущныя потребности всѣхъ сословій даннаго населенія. Говоря словами перваго историка русскихъ земскихъ учрежденій—Д. Л. Мордовцева—менѣе всѣхъ вызвавшая широкихъ ожиданій въ обществѣ и литературѣ, болѣе всѣхъ повидимому прошедшая незамѣченною, спокойная, тихая реформа эта проявляетъ нынѣ болѣе жизненности, движенія и развитія, чѣмъ всѣ остальныя. Это не застывшій историческій фактъ, въ [illegible] есть жизнь, движеніе, прогрессъ. Земство медленно, но послѣ[illegible] ельно и осязательно проявляетъ, что въ самомъ существѣ его [illegible]

живая струя живой воды; струя эта внятно журчитъ намъ, что эта самая скромная реформа 60-хъ годовъ имѣетъ будущее» *) и самое блестящее широкое будущее при большемъ развитіи самосознанія нашего общества. Не надо забывать, что Мордовцевъ говорилъ это послѣ только десятилѣтняго существованія въ Россіи земскихъ учрежденій, когда многія земства еще далеко не охватили всей важности возложенной на нихъ работы, не отнеслись внимательно ко многимъ запросамъ жизни, когда многіе глухіе закоулки нашей провинціи еще не пробудились отъ сна и не откликнулись достаточно энергично на призывъ къ самодѣятельности, къ жизни.

Однако, при всемъ разнообразіи отзывчивости населенія разныхъ мѣстностей огромной территоріи земской Россіи, во всѣхъ многообразныхъ земскихъ собраніяхъ, Мордовцеву удается замѣтить одно характерное, почти повсемѣстное явленіе: самая яркая жизнедѣятельность проявилась именно въ тѣхъ земствахъ, гдѣ изъ среды земскихъ гласныхъ выступили сильныя, богато одаренныя личности; онѣ съ особенной чуткостью относятся къ возложенной на нихъ работѣ и, широко понимая свою задачу, сразу становятся руководителями земскихъ гдѣ уѣздныхъ, а гдѣ губернскихъ собраній и выразителями лучшихъ желаній, таящихся въ глубинѣ еще дремлющаго сознанія общей сѣрой массы населенія. Въ первое десятилѣтіе на всемъ протяженіи отъ Петрозаводска до Одессы и отъ Перми до Смоленска Мордовцевъ отмѣчаетъ такими земскими лидерами представителей разныхъ сословій, какъ высшаго дворянскаго (бар. Корфъ въ петербургскомъ земствѣ) такъ и мелкаго, крестьянскаго, (кр. Меледанъ, Скачковъ, Коняевъ и др., въ красноуфимскомъ) и священниковъ въ др. губерніяхъ и уѣздахъ. Теперь, черезъ 40 лѣтъ послѣ открытія земскихъ учрежденій, общій обзоръ ихъ дѣятельности въ разныхъ этнографическихъ и климатическихъ районахъ Россіи, конечно, далъ бы богатѣйшій матеріалъ для соціальныхъ выводовъ, сопоставленій и сравненій. Въ ожиданіи такой интересной и поучительной работы остановимся на одномъ довольно жизнедѣятельномъ земствѣ нашей южной Россіи, на черниговскомъ; въ теченіе своей сорокалѣтней дѣятельности оно проявило достаточно сознательности, чтобы на немъ можно было прослѣдить всю многообразную, сложную работу, какая возложена на земство реформою 1864 г., отмѣтить, какъ пользовалось оно своими правами, ихъ ограниченія, его общественныя и гражданскія обязанности и нежелательныя отклоненія отъ вѣрнаго пути, вызываемыя не только собственными ошибками, но и внѣшними обстоятельствами. При этомъ надо отдать справедливость черниговскому земству: много ошибокъ дѣлало оно, но почти никогда не уклонялось отъ своей главной обязательной задачи и свѣтлой цѣли—соблюдать и охранять прежде всего интересы народной массы и дать ей то просвѣщеніе, которое одно можетъ служить основаніемъ независимаго самоуправленія, дарованнаго Россіи земскимъ положеніемъ 1864 г.

*) См. *Д. Мордовцевъ*: „Десятилѣтіе русскаго земства". *От. Зап.* 1876 г.

Капля воды точитъ камень; дружныя усилія земскихъ представителей пробьютъ, наконецъ, стѣну народнаго невѣжества, за которой до сихъ поръ укрываются всѣ наши народныя бѣдствія и неустройства.

II.

Главнымъ органомъ земскаго самоуправленія въ губерніи является губернское собраніе и его исполнительное учрежденіе—губернская управа. Въ черниговскомъ губернскомъ собраніи съ 1865 по 1900 гг. перебывало губернскими представителями всего 487 лицъ, изъ коихъ только 1 былъ избираемъ черезъ всѣ 12 трехлѣтія (гл. Глуховского у. Трофименко). Остальные же по продолжительности своихъ уполномочій распредѣляются такъ: на одно трехлѣтіе—257 гласныхъ, на 2—120, на 3—51, на 4—38, на 5—17, на 6—11, на 7—12, на 8 и 9—по 3, на большія по 1. Такимъ образомъ почти половина общаго числа гласныхъ только по одному трехлѣтію участвуетъ въ общей работѣ, и только небольшое число составляетъ постоянный или по крайней мѣрѣ многолѣтній контингентъ мѣстныхъ представителей, уже хорошо ознакомившихся съ земскимъ дѣломъ. Какъ извѣстно, право быть губернскимъ гласнымъ дается земельнымъ цензомъ—для Черниговской губ. въ 250 десятинъ земли для сѣверныхъ и въ 100—150 для южныхъ уѣздовъ; кромѣ того гласнымъ не можетъ быть человѣкъ, находящійся подъ слѣдствіемъ или подъ административнымъ надзоромъ. Права гласныхъ нѣсколько разъ обсуждались въ черниговскомъ губернскомъ собраніи, какъ по поводу протестовъ губернатора противъ избранія того или другого гласнаго, такъ и по собственной иниціативѣ земск. собр. Такъ, въ сессіи 1880 г. гл. Линдфорсъ заявилъ о необходимости ходатайствовать о возстановленіи правъ губ. гл. И. И. Петрункевича, избраннаго Борзенскимъ уѣздомъ и въ уѣздные и въ губернскіе свои представители. Высланный административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Черниговской губ., онъ не получилъ разрѣшенія пріѣхать на земское собраніе; благодаря его отсутствію, населеніе цѣлаго уѣзда лишилось своего уполномоченнаго.

Въ виду такого рѣзкаго несогласія въ оцѣнкѣ одного и того же лица съ одной стороны администраціею, съ другой—мѣстнымъ населеніемъ, губернскому собранію слѣдовало бы обратиться къ высшему начальству съ ходатайствомъ о возстановленіи правъ губернскаго гласнаго Петрункевича. Это заявленіе Линдфорса было прочитано въ засѣданіи губернскаго собранія и къ нему присоединилось 20 гласныхъ. Хотя этотъ протестъ земцевъ остался безъ послѣдствій, но онъ обнаруживаетъ въ черниговскихъ гласныхъ несомнѣнное гражданское мужество въ защитѣ своихъ правъ противъ внѣшняго произвола.

Съѣзжались гласные всего 46 разъ*) на 35 очередныхъ и на 11 экстренн-

*) Въ промежутокъ съ 1865 по 1899 г. включительно. См. „Сводъ пост. губ. черн. собр.

ныхъ сессій, въ числѣ отъ 31 до 70 человѣкъ для очередныхъ и отъ 15 до 42 для экстренныхъ. Число дней для засѣданій очередныхъ сессій губернскаго земства по закону не должно превышать 20 дней. Черниговское собраніе только два раза должно было обращаться съ ходатайствомъ о продленіи этого срока—въ 1866 г. и въ 1898 г.; но зато были и такія печальныя сессіи, когда гласные вершили всѣ дѣла и утверждали поспѣшно годовую смѣту всего въ 4 — 6 и 9 дней (1882 г., 1869 и 4 раза по 9 дней). Бывали случаи, когда приходилось бояться, что индиферентизмъ гласныхъ дойдетъ до того, что они разъѣдутся раньше утвержденія смѣты. А въ журналахъ губернскаго собранія за 1877 г. сохранился протестъ одной части гласныхъ противъ товарищей, не являющихся въ залу засѣданій съ коварнымъ желаніемъ сорвать собраніе, чтобы не обсуждать нежелательныхъ для нихъ вопросовъ.

Въ 1883 г. на собраніи прямо указывается, что изъ 93 гласныхъ только что закончившагося трехлѣтія 13 не были ни разу на собраніяхъ, а 23 принимали участіе только въ первой сессіи, такъ что болѣе $^1/_3$ всѣхъ избранныхъ населеніемъ представителей не приняли надлежащаго участія въ дѣятельности губернскаго земства, а собранія каждый разъ составлялись изъ такого ограниченнаго числа гласныхъ, которое еле давало возможность открыть сессію, и всѣ засѣданія работали подъ страхомъ, что всякое случайное отсутствіе 1—2 гласныхъ вызоветъ несвоевременное закрытіе собранія.

Такое неаккуратное посѣщеніе земскихъ собраній гласными вызвало обсужденіе вопроса о неудобствѣ созыва земскихъ собраній въ позднюю осень, но гл. Петрункевичъ въ своей рѣчи указалъ неосновательность этихъ жалобъ и предложилъ выходъ изъ предполагаемаго затрудненія: «Я думаю,—говорилъ Петрункевичъ,—что главную причину малаго съѣзда гласныхъ въ губернское собраніе слѣдуетъ искать не въ неудобствахъ путей сообщенія въ осеннее время. Все зло въ томъ, что вслѣдствіе закона, воспрещающаго давать вознагражденіе губернскимъ гласнымъ, уѣздныя собранія крайне стѣснены въ выборѣ ихъ и естественно, что при этомъ выборъ иногда можетъ пасть и на лицъ, для которыхъ соблюденіе комфорта жизни важнѣе исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей и пользованія дарованными имъ правами. Слѣдуетъ возобновить ходатайство объ отмѣнѣ воспрещенія опредѣлять вознагражденіе губернскимъ гласнымъ. Такое ходатайство уже возбуждалось въ 1866 г. (для гласныхъ изъ крестьянъ), и хотя оно было отклонено правительствомъ, нѣтъ причинъ думать, чтобы и теперь, когда земство можетъ уже сослаться на предшествующій опытъ, наше ходатайство осталось безуспѣшно» (см. журн. губ. собр. 1876 г.).

Изъ журналовъ губернскаго собранія обнаруживается, что часто правильному обсужденію многихъ вопросовъ вредило вмѣшательство предсѣдателя собраній, вынуждавшее черниговскихъ гласныхъ протестовать противъ своего предсѣдателя собраній, дважды не допускавшаго къ обсужденію

ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, и противъ другихъ дѣйствій предсѣдателей, не допускавшихъ на обсужденіе разные доклады и ходатайства уѣздныхъ земствъ или прекращавшихъ пренія по тѣмъ или инымъ вопросамъ. Въ 1883 г. въ губернское собраніе поступаетъ ходатайство борзенскаго уѣзднаго земства объ измѣненіи порядка избранія предсѣдателя, какъ губернскаго, такъ и уѣзднаго земскаго собранія, въ томъ смыслѣ, чтобы они не назначались правительствомъ (какъ теперь постоянными предсѣдателями земскихъ собраній являются предводители дворянства), а избирались изъ среды гласныхъ. Но тогдашняя губернская управа нашла заявленіе одного земства недостаточнымъ и предложила собранію отклонить его, съ чѣмъ индиферентные къ одному изъ самыхъ больныхъ мѣстъ земской организаціи гласные согласились, что конечно объясняется общимъ вялымъ настроеніемъ черниговскаго земства восьмидесятыхъ годовъ.

Въ первомъ же губернскомъ собраніи 1865 г. приняты были извѣстныя правила для веденія преній, которыя подробно записываются секретарями собраній. По этому поводу въ 1876 г. послѣ одного бурнаго засѣданія, въ которомъ гласные употребляли очень рѣзкія выраженія при чтеніи журнала, гласный Пселъ заявилъ, что не желательно ли вносить въ журналъ рѣчи каждаго гласнаго только въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого пожелаетъ, но гл. Петрункевичъ сейчасъ же выяснилъ ему и другимъ гласнымъ, поддерживавшимъ это предложеніе, что оно является просьбой объ умолчаніи своихъ собственныхъ словъ: что все, что сказано въ собраніи, должно быть внесено въ протоколы засѣданій; они печатаются ко всеобщему свѣдѣнію и это единственный путь, посредствомъ которагo избиратели могутъ узнать, каковы его представители, что̀ они дѣлаютъ и какъ относятся къ своимъ обязанностямъ. Все сказанное публично есть публичное достояніе, и мы не имѣемъ права посягать на его полноту. Стенографическіе отчеты составлялись сначала трудами секретарей, а потомъ съ 1882 г. спеціально приглашаемыми стенографами. Только въ серединѣ 80-хъ годовъ нѣсколько сессій губернскихъ собраній ограничились записываніемъ однѣхъ краткихъ резолюцій собранія безъ преній. По поводу преній, которыя часто очень затягивались гласными, Линдфорсъ указывалъ, какъ много времени тратится на перевершеніе вопросовъ, рѣшенныхъ наканунѣ, и на личныя препирательства, а потому онъ предлагаетъ ограничить продолжительность каждой рѣчи $^1/_4$ часа и говорить объ одномъ и томъ же вопросѣ не болѣе 2-хъ разъ, такъ какъ за два раза можно все выяснить; если же гласный такъ плохо освѣдомленъ по данному вопросу, что можетъ уяснить его себѣ только послѣ неоднократныхъ обсужденій и не въ состояніи сгруппировать всѣ аргументы въ пользу своего мнѣнія даже за 2-мъ разомъ, то лучше ему и не говорить!» Несмотря на рѣзкость предложенія, оно было охотно принято собраніемъ, какъ очень желательная дисциплинарная мѣра. Но впослѣдствіи она была предана забвенію, такъ какъ гласные не могли сомкнуться съ такимъ лаконизмомъ. Часто слышится ропотъ гласныхъ о томъ

что доклады на обсужденіе собранія предлагаются слишкомъ поздно, что лишаетъ возможности основательно съ ними познакомиться.

Частая смѣна состава губернскихъ собраній является, конечно, обоюдоострымъ орудіемъ для земской работы, но въ ней же лежитъ и гарантія избирательнаго начала. Важно при этомъ однако, чтобы исполнительный органъ земства—губернская управа—отличался большей устойчивостью въ составѣ своихъ дѣятелей; но въ Черниговской губ. и онъ подвергался частымъ измѣненіямъ. Дольше другихъ пользовались довѣріемъ избирателей Карпинскій А. П., бывшій предсѣдателемъ губернской управы $2^1/_2$ трехлѣтія и выбывшій самъ въ серединѣ 3-го по разногласію съ губернскимъ собраніемъ, не принявшимъ на обсужденіе двухъ докладовъ губернской управы, въ силу чего вся управа въ полномъ составѣ сняла съ себя уполномочія; дольше Карпинскаго занималъ постъ предсѣдателя В. М. Хижняковъ—три трехлѣтія. Изъ членовъ губернской управы, число которыхъ съ двухъ дошло теперь до 4-хъ—особенно много потрудились на земскомъ поприщѣ Рачинскій К. А. съ 1866 г. по 1874 г., Солонина П. Н. съ 1883 г. по 1899 г. *), Червинскій П. П. съ 1880 г. по 1892 г. Особенно плодотворной дѣятельностью отличалась губернская управа подъ предсѣдательствомъ А. П. Карпинскаго въ первыя трехлѣтія земской жизни и Хижнякова въ 90-хъ годахъ; въ 1891 г. въ собраніе даже вносится похвальный отзывъ ревизіонной коммиссіи «необычнымъ трудамъ предсѣдателя управы и одного члена (за выбытіемъ остальныхъ членовъ); нельзя не удивляться—говорится въ отзывѣ,— той массѣ докладовъ, какая изготовлена управой, ихъ полнотѣ и обстоятельности» (см. сводъ Постановленій черниговскаго губернскаго собранія 1883—1899 гг., т. I, стр. 129).

Наоборотъ, въ 1880 г. гласнымъ приходится констатировать совершенное бездѣйствіе управы и безпорядочное веденіе всего дѣлопроизводства. Гласный Линдфорсъ проситъ собраніе выразить ей порицаніе «за небывалую въ земскихъ лѣтописяхъ неряшливость и бездѣятельность и неисполненіе прямыхъ своихъ обязанностей» (приготовленіе отчета). Такое же порицаніе выражаетъ собраніе и самому предсѣдателю управы, промѣнявшему свою выборную службу на мѣсто вице-губернатора и бросившаго до срока ввѣренное ему дѣло (И. Ф. Исврицкій).

При сложности и обширности работы, возложенной на губернское собраніе и на губернскую управу, черниговскіе земцы съ самыхъ первыхъ сессій увидѣли необходимость избранія разныхъ коммиссій (кромѣ обычныхъ смѣтной и ревизіонной) для обсужденія и подготовки матеріаловъ для разныхъ докладовъ и мѣропріятій. Часто въ этихъ коммиссіяхъ участвовали и работали знающіе люди и не изъ среды гласныхъ. Въ хронологическомъ порядкѣ эти коммиссіи развивались по мѣрѣ возникновенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Такъ, въ 1880 г. по предложенію гласнаго Линдфорса возникла коммиссія проектовъ для предварительнаго обсужденія разныхъ практиче-

*) И съ 1902 г. снова выбранный въ губ. упр.

скихъ предложеній управы. Для выработки мѣръ для борьбы съ дифтеритомъ избрана была въ 1883 г. санитарная коммиссія, въ 1886 г. ветеринарная—для борьбы съ чумой скота, затѣмъ: по вопросу страхованія построекъ отъ огня, сельско-хозяйственная (въ 1895 году по иниціативѣ Лизогуба), юридическая (съ 1888 г.), эмеритальная и училищная по иниціативѣ кн. Н. М. Долгорукова, кустарная, статистическая для обсужденія пріемовъ статистическо-оцѣночныхъ работъ и многія другія, не столь длительныя, но избиравшіяся по поводу разныхъ частныхъ вопросовъ, иногда возникавшихъ во время самаго собранія. Такъ, по дѣлу о передачѣ кіевскаго шоссе въ руки земства работала шоссейная коммиссія; для устройства музея, завѣщаннаго черниговскому земству В. В. Тарновскимъ, работала другая и т. д. Многія изъ этихъ коммиссій работали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и являлись такимъ образомъ дѣйствительными помощницами и сотрудницами губернской управы.

То же стремленіе, какъ можно лучше обсудить всѣ земскія нужды, съ самыхъ первыхъ шаговъ натолкнуло черниговскихъ гласныхъ на необходимость имѣть свой земскій печатный органъ, который служилъ бы въ то же время и для общенія, объединенія всѣхъ гласныхъ губерніи. Уже въ собраніи 1867 г. обсуждается предложенная гласнымъ Импенецкимъ программа земской газеты съ офиціальной и неофиціальной частью подъ названіемъ *Земскаго Вѣстника*. Но на это ходатайство было отвѣчено, что хотя таковыя ходатайства возбуждались и харьковскимъ, и костромскимъ земствами, но комитетъ министровъ всѣмъ имъ отказалъ, находя для земствъ совершенно достаточнымъ заняться «печатаніемъ полностью своихъ журналовъ и отчетовъ и въ расширеніи этихъ печатныхъ правъ не видитъ необходимости. Что же касается до статистики и другихъ свѣдѣній, которыя по своему содержанію и по своей формѣ не могутъ войти въ журналы и отчеты, то при существованіи въ каждомъ губернскомъ городѣ газеты *Губернскія Вѣдомости*, при извѣстномъ соглашеніи, онѣ могутъ служить и земскимъ органомъ».

Отказывая такимъ образомъ вполнѣ категорически земству въ правѣ издавать газету, правительство предлагало замѣнить ее изданіемъ отдѣльныхъ срочныхъ выпусковъ на подобіе *Херсонскаго Земскаго сборника*, «къ чему препятствій не встрѣтится» *). Хотя изъ программы предлагаемаго комит. мин. изданія были исключены очень интересныя для земства свѣдѣнія о ходѣ земскаго дѣла въ другихъ губерніяхъ, но пришлось и за это ухватиться, и въ 1869 г. черниговское губернское собраніе уже обсуждаетъ изданіе такого черниговскаго земскаго сборника. На него ассигнуется 2,000 руб. и для печатанія его арендуется типографія Ильинскаго

*) См. отчетъ губернской управы 1867—68 гг. Предполагавшаяся земская черниговская газета имѣла очень разностороннюю программу, должна была выходить еженедѣльно въ размѣрѣ 1—2 печатныхъ листовъ подъ отвѣтственной редакціей предсѣдателя губернской управы, но съ помощью вольнонаемнаго лица. Годовая плата назначалась самая доступная для того времени—3 руб. въ годъ.

монастыря. Конечно, этотъ земскій сборникъ мало удовлетворяетъ земскихъ читателей, и когда въ 1870 г. на него предлагалось увеличить ассигновку до 3,000 р., гласный Кулябка-Корецкій открыто выразилъ полное несочувствіе къ изданію, состоящему «изъ однихъ правительственныхъ распоряженій да трудовъ земскихъ собраній безъ всякой обработки и не представляющихъ рѣшительно ничего интереснаго, такъ что въ ближайшемъ будущемъ его подписчики будутъ продавать его на вѣсъ»; однако, 27 гласныхъ противъ 18 отстаиваютъ увеличенную ассигновку на свое печатное дѣтище. Но черезъ два года послѣ этого поднимаются противъ земскаго сборника снова недовольные голоса, и управа съ грустью объявляетъ, что многіе гласные отказываются даже отъ безплатной доставки имъ сборника; отсутствіе матеріаловъ, бѣдность програмы, при строгости цензуры губернатора, убиваютъ это изданіе, и вмѣсто 10—12 обязательныхъ книгъ въ годъ ихъ выходитъ всего 4. Земское собраніе хлопочетъ въ 1882 году о дозволеніи расширить програму, а главное—внести въ сборникъ земскую хронику. Но, очевидно, эти хлопоты остаются безуспѣшны. Въ 1897—98 гг. снова поднимаются разговоры въ губернскомъ собраніи о реорганизаціи земскаго сборника, а въ 1899 г., опираясь на примѣръ земствъ костромского, ярославскаго и таврическаго, черниговское губернское собраніе поручаетъ губернской управѣ ходатайствовать объ освобожденіи земскаго сборника и всѣхъ изданій земскихъ, перечисленныхъ въ докладѣ управы, отъ предварительной губернаторской цензуры, выпуская ихъ въ свѣтъ подъ отвѣтственностью предсѣдателей управъ.

Несмотря на всю трудность создать въ провинціи, при внутреннихъ и внѣшнихъ препятствіяхъ, сколько-нибудь интересный печатный органъ, черниговскому земству удалось настолько расширить програму земскаго сборника, что оно дало читателямъ весьма цѣнное историко-этнографическое содержаніе и на его страницахъ печатались прекрасные матеріалы по изученію исторіи и этнографіи Черниговской губерніи въ видѣ монографій, вышедшихъ затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ.

Скоро скромная типографія Ильинскаго монастыря вполнѣ перешла въ собственность черниговскаго земства и, значительно расширенная, она составляетъ теперь его гордость, такъ же, какъ и многія отпечатанныя въ ней земскія изданія, какъ, напримѣръ, статистическія описанія всѣхъ 15 уѣздовъ, подворныя описанія селъ и уѣздовъ, сводное описаніе всей губерніи, сводъ постановленій губ. собр., этнографическіе матеріалы (три тома собран. и систематиз. Гринченко) и мног. друг. Но всѣ попытки къ изданію черниговскимъ земствомъ научно-популярныхъ брошюрокъ для народа не привели ни къ чему.

III.

Недавно изданный черниговскимъ губернскимъ земствомъ, составленный С. В. Сотниковымъ, «Сводъ Постановленій Губернскихъ Собраній» распредѣ-

ляетъ работу губернскаго земства на 15 отдѣловъ *); каждый изъ нихъ имѣетъ свое громадное значеніе для поднятія благосостоянія населенія, но самый жгучій, мучительный и труднѣе всего разрѣшаемый былъ, конечно, продовольственный вопросъ. Трудно было земству въ первые годы своего существованія, когда за все приходилось хвататься вновь, на все изыскивать средства и разбираться въ томъ страшномъ безпорядкѣ, въ какомъ находились всѣ дѣла въ дореформенныхъ учрежденіяхъ. Особенно трудно было добиться опредѣленныхъ свѣдѣній изъ казенной палаты относительно губернскаго сбора, о величинѣ прихода, расхода, недоимокъ. Пришлось прежде всего заняться составленіемъ окладныхъ книгъ и передѣлать за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ всю работу казенной палаты и уѣздныхъ казначействъ, такъ какъ отъ нихъ невозможно было добиться никакихъ отчетовъ; приходилось на каждомъ шагу защищать свои права на исключительное завѣдываніе земскими суммами по своему усмотрѣнію. Казенная палата, ничему не внимая, продолжала расходовать земскія суммы, и всѣ запросы губернской управы оставались безъ всякаго отвѣта или получали самыя непонятныя разъясненія. Вдругъ, наприм., казенная палата безъ всякой отчетности объявляетъ, что «за декабрь мѣсяцъ (1866 г.) оная перечислила изъ губернскаго сбора въ государственный доходъ 19,500 р. для выполненія мѣстныхъ расходовъ», между тѣмъ какъ всѣ мѣстныя нужды уже не находились въ вѣдѣніи управы. Не выяснялась и цифра земскихъ долговъ, а на запросы, посылаемые управой въ мартѣ, получались въ іюлѣ самые темные отвѣты. Въ виду совершенной невозможности при такихъ условіяхъ вести дѣло, губернская управа обратилась за содѣйствіемъ къ мин. финансовъ и въ мин. госуд. имуществъ. Уѣздныя казначейства также строптиво не желали выдавать ни денегъ, ни свѣдѣній о недоимкахъ, и губернской управѣ приходится субсидировать уѣздныя, чтобы тѣ получили какую-нибудь возможность приступить къ работѣ. Передача денегъ изъ приказа общественнаго призрѣнія также поставила земство въ затруднительное положеніе, такъ какъ невозможно было удостовѣриться, какая часть этихъ денегъ подлежитъ возврату въ государственное казначейство, а какая поступаетъ въ распоряженіе губ. зем. управы. Затѣмъ переданъ былъ ей и продовольственный капиталъ, дѣла по страхованію и мало-помалу изъ рукъ мировыхъ посредниковъ переходили въ завѣдываніе земства хлѣбные запасные магазины, почти вездѣ въ самомъ плачевномъ состояніи.

Для всего этого сложнаго и отвѣтственнаго новаго дѣла нужны были средства, а главное—необходимы были прежде всего честные энергичные люди, разумные и преданные дѣятели. Въ этомъ отношеніи черниговскому земству сразу повезло съ перваго же трехлѣтія: изъ среды его гласныхъ

---

*) А именно: 1) органы земскаго самоуправленія и земскія изданія; 2) финансы и имущество; 3) земскія повинности; 4) пути сообщенія; 5) оцѣнка земли и статистика; 6) народное продовольствіе; 7) общественное призрѣніе; 8) медицина; 9) ветеринарія; 10) народное образованіе; 11) страхованіе отъ огня; 12) экономическія мѣропріятія; 13) мѣста заключенія; 14) эмеритура, и 15) разные вопросы.

выступаютъ талантливые, безкорыстные работники, своимъ широкимъ пониманіемъ народныхъ нуждъ направившіе дѣятельность черниговскаго земства на вѣрный путь созиданія народнаго благополучія. Уже въ 1866 г. во главѣ губ. управы появляется высокоодаренный человѣкъ А. П. Карпинскій. Врачъ по профессіи, родомъ изъ Сосницкаго уѣзда, сынъ небогатаго священника, А. П. прямо съ университетской скамьи отдался народной медицинѣ и работалъ въ своемъ уѣздѣ, когда выборъ въ губернскіе гласные выдвинулъ его на широкую дорогу земскаго представительства, гдѣ онъ прослужилъ въ теченіе почти 20 лѣтъ то какъ предсѣдатель губернской управы, то какъ ея членъ, то просто гласный или членъ почти всѣхъ организовавшихся при немъ коммиссій. Его практическій умъ и иниціатива вездѣ выступали на пользу нуждающагося населенія, на облегченіе больныхъ и сиротъ. Его энергичными усиліями созданы черниговскій сиротскій домъ, фельдшерская школа, городской банкъ и мн. др. Рядомъ съ нимъ въ 70-е годы выступаетъ горячій ораторъ и блестящій трибунъ съ самымъ широкимъ сознаніемъ своихъ земскихъ уполномочій, борзенскій землевладѣлецъ И. И. Петрункевичъ, увлекавшій искренностью своихъ рѣчей все губернское собраніе и державшій его на высотѣ его общественнаго и политическаго достоинства; землевладѣлецъ Городнянскаго уѣзда А. Ф. Линдфорсъ, всегда спокойный и выдержанный ораторъ, неотразимой логикой всѣхъ своихъ доводовъ импонировавшій губернскому собранію и направлявшій его на гуманный путь, къ огражденію своихъ правъ и осуществленію самыхъ честныхъ, полезныхъ и безупречно обоснованныхъ предложеній, и рядомъ съ ними дѣловитый хозяинъ Н. А. Константиновичъ (гласный Черниговскаго уѣзда), вѣчный труженикъ, умѣло осуществлявшій на дѣлѣ сложные проекты, часто лишь вчернѣ набрасываемые въ губ. собраніи. Вокругъ этихъ выдающихся сильныхъ людей, съ опредѣленнымъ общественнымъ направленіемъ, сходились всѣ лучшія свѣжія честныя силы черниговскаго земства первыхъ двухъ десятилѣтій, объединяясь передъ каждымъ земскимъ собраніемъ въ интимный кружокъ, одушевленный горячей любовью къ земскому дѣлу, вѣрой въ его великое будущее, единодушно понимающій и задачи его, и главныя нужды избравшаго ихъ населенія.

Многихъ уже смерть сразила, многихъ внѣшнія обстоятельства оторвали далеко отъ дорогого дѣла и любимыхъ родныхъ мѣстъ, но оставшіеся ихъ сотрудники и товарищи бережно сохранили прекрасныя традиціи 70-хъ годовъ и пронесли ихъ черезъ всѣ 80-е годы—эпоху страшнаго общественнаго индиферентизма по всей Россіи—донесли ихъ до 90-хъ годовъ, когда ихъ выразителемъ выступилъ извѣстный земскій дѣятель В. М. Хижняковъ. Призванный выборами 1891 года на мѣсто предсѣдателя черниговской губернской управы, В. М. отдался своему дѣлу съ восторженной преданностью и чисто-юношеской энергіей. Среди многихъ другихъ вопросовъ насущной важности онъ выдвинулъ два почти новыхъ для черниговскаго губернскаго земства, а именно: его участіе въ народномъ образованіи и помощь кустарямъ. Хижняковъ силится оживить земское дѣло, раскрыть передъ земцами

болѣе широкіе горизонты и привлечь къ дѣлу широко образованныхъ работниковъ. Законъ 1890 года успѣлъ уже, однако, сильно измѣнить положеніе вещей въ земствѣ, и часто В. М., оглядываясь по той же залѣ засѣданій губернскаго собранія, въ которой когда-то звучали рѣчи Петрункевича, Линдфорса и др., не встрѣчаетъ своимъ предложеніямъ ни сочувствія, ни поддержки. Одинъ стоялъ онъ долго, какъ сильный жрецъ передъ остывшимъ алтаремъ. Каждое время имѣетъ своихъ выразителей, свои несхожіе интересы... Съ первымъ вѣяніемъ новой современной жизни В. М. снова вступаетъ въ ряды черниговскихъ уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ и начинаетъ новый періодъ земской жизни, отпраздновавши этимъ лѣтомъ (1904 г.) 25-лѣтіе своей безупречно чистой общественной службы.

Весьма знаменательнымъ для нашей общественной жизни послѣдняго полувѣка является тотъ фактъ, что многіе запросы и нужды, отмѣченные первыми черниговскими земцами, какъ принципіальные, такъ и насущные, практическіе остаются до сихъ поръ неудовлетворенными, несмотря на всю ихъ вопіющую необходимость и неотложность, на ихъ естественную связь съ коренными началами общественной идеи, легшей въ основу земскаго Положенія. На протяженіи всѣхъ сорока лѣтъ, съ самыхъ первыхъ сессій 1866—67 г., черниговское земское губернское собраніе обращается къ высшимъ административнымъ инстанціямъ съ ходатайствами; всѣ они имѣютъ въ виду главнымъ образомъ демократизацію земскихъ собраній привлеченіемъ къ участію въ нихъ наибольшаго числа гласныхъ изъ среды народной массы и огражденіе самостоятельности земскихъ учрежденій отъ вмѣшательства администраціи. Черниговское земство уже въ 1865 г. убѣдилось въ необходимости пересмотра нѣкоторыхъ законоположеній 1864 г., ставящихъ земскія собранія въ зависимое положеніе, благодаря чему они всюду встрѣчаютъ только препятствія и совершенно равнодушное отношеніе администраціи ко всѣмъ ихъ заявленіямъ и ходатайствамъ. Очевидною казалась имъ необходимость уравнять земскія собранія съ дворянскими въ правѣ этихъ послѣднихъ обращать свои ходатайства непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе, а не черезъ губернатора и министра; черниговское собраніе мотивировало это не только примѣрами *), но и указывало на то, что «со стороны высшихъ административныхъ властей всегда даются такія разъясненія законамъ о земскихъ учрежденіяхъ, точное примѣненіе которыхъ можетъ только нанести ущербъ столь недавно дарованнымъ земству правамъ. Такъ, наприм., мин. внутр. дѣлъ, своимъ циркуляромъ, запретившимъ земству облагать налогомъ фабрики и заводы, прямо отмѣняло 11 ст. времен. прав. для зем. учр., въ силу которой всѣ налоги опредѣляются цѣнностью и доходностью имущества. Земство выражаетъ скромное желаніе, чтобы его голосъ былъ выслушанъ хоть въ тѣхъ случаяхъ, когда неудобства, замѣчаемыя административными властями отъ примѣненія за-

*) Дворянство и земство хлопотали объ измѣненіи нѣкоторыхъ законоположеній о питейномъ сборѣ, и между тѣмъ какъ дворянское ходатайство было удовлетворено, на земское даже не было отвѣчено (въ 1865 г.).

или другой статьи Полож., вызывали необходимыя ея измѣненія. Лишь тогда можно надѣяться, что при этихъ измѣненіяхъ будутъ соблюдены и земскіе интересы. Если же эти измѣненія разныхъ статей Зем. Пол. будутъ вызываться только желаніемъ администраціи расширить свою сферу правъ, то нельзя не пожалѣть, что земскія учрежденія тѣмъ самымъ ставятся въ положеніе какъ бы обвиняемой стороны, не имѣющей права даже подать свой голосъ въ защиту закона, ограждающаго его же интересы» (см. отч. черн. губ. зем. упр. за 1866 г.). Правда, одинъ изъ гласныхъ перваго трехлѣтія, Рачинскій, предупреждаетъ при этомъ губернское собраніе, не рано ли ему обращаться съ ходатайствами такого общаго характера. «Земство еще не имѣетъ прошедшаго, — говоритъ онъ, — не имѣетъ исторіи; вызванное къ жизни два года тому назадъ, оно еще не успѣло выяснить своего значенія и занять по отношенію къ государственной власти и къ общественному мнѣнію то высокое положеніе, какое, конечно, будетъ ему принадлежать въ будущемъ. Въ настоящее же время наше ходатайство не можетъ имѣть того вѣса, какъ ходатайства отдѣльныхъ сословій: дворянъ, крестьянъ; имъ уже доводилось всякому въ отдѣльности на своихъ плечахъ выносить историческія тяготы Россіи, тогда какъ наши заслуги еще впереди» (см. «Журн. губ. собр.» 1865 г., стр. 17). Слова Рачинскаго не оказались пророческими: земство вынесло на своихъ плечахъ не мало бремени, но не выслужило еще вниманія къ своимъ ходатайствамъ...

Черезъ пять лѣтъ въ черниговскомъ губ. собраніи поднимается новый общій вопросъ: объ отмѣнѣ воспрещенія опредѣлять вознагражденія губернскимъ гласнымъ, а въ 1875 г. Линдфорсъ вноситъ въ собраніе докладъ о необходимости дополненія 36 ст. Полож. о зем. учр. «Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе земскихъ учрежденій,— говоритъ онъ,—это введеніе въ нихъ крестьянскихъ представителей наравнѣ съ представителями другихъ нашихъ общественныхъ группъ. Но чѣмъ цѣннѣе начало, тѣмъ зорче должны мы слѣдить за всякимъ его искаженіемъ. Изъ числа уѣздныхъ гласныхъ, представителей отъ крестьянъ по закону—немного болѣе $^1/_3$; если вспомнимъ, что крестьянъ въ Черниговской губ.— 91% всего населенія, что всѣ наши земскіе вопросы вертятся около интересовъ села, земледѣлія и кустарныхъ промысловъ, то понятно, что крайне желательно, чтобы крестьяне посылали намъ своихъ лучшихъ представителей. Такъ же смотритъ на этотъ вопросъ и сенатъ: въ своемъ разъясненіи 1866 г. онъ признаетъ должность волостныхъ старшинъ вполнѣ совмѣстимою съ званіемъ земскаго гласнаго, и находитъ, что воспрещеніе ихъ избранія можетъ устранить участіе многихъ полезныхъ дѣятелей въ дѣлахъ земства. Но само правительство въ 1874 г. сознало и то, что крестьянскія управленія нерѣдко дѣйствуютъ неправильно и допускаютъ частыя растраты общественныхъ суммъ. Можно ли послѣ такого офиціальнаго заявленія и такой характеристики волостныхъ старшинъ и писарей утверждать, что присутствіе ихъ въ средѣ земскихъ собраній всегда приноситъ пользу земскимъ дѣламъ? Ихъ выборъ объясняется ихъ вліяніемъ и

давленіемъ на село, благодаря чему крестьяне остаются вовсе безъ не-зависимаго представительства, и объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ мы обык-новенно ничего не слышимъ, тѣмъ болѣе, что въ собраніяхъ волостные старшины сталкиваются съ своимъ прямымъ начальствомъ—съ мировыми посредниками и непремѣнными членами—и держать себя передъ ними со-вершенно пассивно или же говорятъ въ духѣ того полицейски-казеннаго благополучія, который способенъ умертвить всякое живое дѣло. Говоримъ ли мы о непривитой оспѣ, о голодѣ и холодѣ въ арестантскихъ помѣще-ніяхъ, встаетъ волостной старшина и, ссылаясь на ворохъ офиціальныхъ бумагъ, заявляетъ, что все обстоитъ благополучно и голословно отрица-етъ заявляемые факты неурядицы. Если онъ никого и не убѣдитъ, то все же наше равнодушное большинство, не слыша голоса тѣхъ, кто больше всего терпитъ отъ нашего непорядка, успокаиваются на полумѣрахъ. П потому, чтобы имѣть среди земцевъ независимыхъ представителей кресть-янства, я предлагаю собранію ходатайствовать у правительства о дополне-ненія 36 ст. въ смыслѣ запрещенія выбирать въ гласные волостныхъ старшинъ и писарей по несовмѣстимости этихъ званій и обязанностей. Такое дополненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ духу нашего новаго законода-тельства». Собраніе согласилось съ докладомъ Линдфорса и постановило ходатайствовать, но правительство отвѣтило отказомъ.

Затѣмъ въ 1896 г. это стремленіе демократизировать составъ губерн-скихъ собраній и расширить избирательную сферу выразилось ходатай-ствомъ объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ. Этотъ важный во-просъ, впрочемъ, поднимался и раньше въ сессіяхъ 1880 и 1881 гг. по иниціативѣ уѣзднаго кролевецкаго земства, но губернскимъ собраніемъ было тогда отклонено безъ всякой основательной мотивировки. Въ 1896 г. Хижняковъ вмѣстѣ съ 15 гласными представилъ особое мнѣніе, въ кото-ромъ совершенно вѣрно указываетъ, что отклонять вопросъ, всецѣло ка-сающійся мѣстныхъ нуждъ, не было никакихъ основаній и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, а теперь обсужденіе его тѣмъ болѣе своевременно, что и въ министерствѣ внутр. дѣлъ обсуждается въ настоящее время вопросъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ, а въ министерствѣ юстиціи—о преобразованіи мѣстныхъ органовъ суда; этихъ же вопросовъ касается докладъ губ. черниг. управы по предложенію кролевецкаго земства и мнѣніе мѣстныхъ людей было бы несомнѣнно принято во вниманіе» (см. *Журналъ* 1896 г., стр. 311, пренія объ этомъ вопросѣ). Но и это ходатайство не пошло дальше стѣнъ залы засѣданія.

Составляло черниговское земство ходатайство и объ отмѣнѣ недавно уничтоженнаго тѣлеснаго наказанія, столь долго позорившее наше гуман-ное законодательство. Въ 1893 г. предсѣдатель губ. собр. снялъ съ оче-реди докладъ управы объ этомъ ходатайствѣ, несмотря на протестъ 17 гласныхъ; этотъ протестъ по своему выдержанному тону, полному достоин-ства, является однимъ изъ интереснѣйшихъ документовъ той земской ли-тературы, которую — увы!—никто не читаетъ, несмотря на ея глубо-

жизненное значеніе. Гласные протестуютъ противъ этого и въ 1896 г., а въ 1899 г. дѣло передается въ юридическую коммиссію и дѣйствія председателя признаются незаконными. Ходатайства однако не доходятъ по назначенію, и изъ этой постоянной борьбы собранія съ навязаннымъ ему предсѣдателемъ ясно вытекаетъ вся цѣлесообразность ходатайства о томъ, чтобъ предсѣдатели земскихъ обраній выбирались самими земцами изъ своей же среды.

Также безуспѣшны были ходатайства черниговскаго земства по болѣе частнымъ вопросамъ: объ оставленіи народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніи земства (въ 1899 г.), о расширеніи программы начальныхъ училищъ (въ 1896 г.), объ отмѣнѣ административной ссылки для дворянскихъ и земскихъ гласныхъ (см. записку А. П. Карпинскаго, прослушанную въ сессію 1880 г.), о возстановленіи правъ сосланнаго черниговскаго губернск. гласнаго И. И. Петрункевича (см. записка А. Ф. Линдфорса, читанная имъ въ томъ же собраніи) и мн. др.

Всѣ эти, время отъ времени неудержимо высказываемые черниговскими представителями двухъ милліоннаго населенія запросы общихъ измѣненій существующихъ законоположеній являются, какъ неудержимый cri de la nature. Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно: условія дѣйствительности таковы, что время отъ времени у самаго хладнокровнаго неподвижнаго обывателя вырывается совершенно законный запросъ къ перемѣнѣ, а у людей, такъ хорошо знающихъ потребности края, какъ должны ихъ знать земскіе гласные, эти перемѣны всегда желательны въ непосредственной связи съ условіями мѣстной жизни и въ послѣдовательной преемственности съ основнымъ духомъ законодательства. Всѣ ходатайства черниговскаго земства обставлялись вѣскими доказательствами и мотивировкой, прямо вытекающими изъ настойчивыхъ требованій идущей впередъ жизни и нуждъ населенія. Въ заявленіяхъ гласныхъ часто слышится неподкупная убѣжденность честнаго гражданина. Неужели Россія не нуждается въ такихъ людяхъ, неужели ихъ вѣское слово не принесло бы ей несомнѣнную пользу въ ея далеко не блестящемъ современномъ положеніи... А между тѣмъ изъ всѣхъ ходатайствъ черниговскаго земства получили удовлетвореніе только—самыя незначительныя.

Грустный фактъ, могущій во многихъ земскихъ дѣятеляхъ ослабить рвеніе къ своимъ поистинѣ великимъ обязанностямъ.

IV.

Съ первыхъ же шаговъ своихъ черниговскому губернскому собранію пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ вопросомъ, много лѣтъ остававшимся одинаково жгучимъ и неразрѣшимымъ: то былъ продовольственный вопросъ для населенія двухъ сѣверныхъ уѣздовъ Суражскаго и Мглинскаго. Черниговская губернія вообще по качеству своихъ земель представляетъ большое разнообразіе: между тѣмъ какъ южные уѣзды на своей

черноземной почвѣ даютъ среднюю урожайность съ 1 десят. въ 100 и 150 пуд. и доходность въ 9—16 руб.,—сѣверные уѣзды обладаютъ совершенно безплодной землей, дающей не больше 10—20 пуд. съ 1 десят. Кромѣ того чрезмѣрные выкупные платежи, несоразмѣрные съ истинной цѣнностью земли, при уменьшенномъ надѣлѣ (4/18 одной десят. усадеб. земли на душу, сѣнокоса тоже), окончательно разорили населеніе.

Уже въ третью сессію черниговск. губ. собр. въ 1867 г. мглинская уѣздная управа внесла требованіе продовольственной суммы на 46,814 р. Бывшій тогда предсѣдателемъ губ. управы Карпинскій немедленно выѣхалъ въ этотъ уѣздъ, чтобы на мѣстѣ провѣрить и точно опредѣлить размѣръ необходимаго пособія, поручивши члену управы Рачинскому озаботиться покупкой хлѣба для нуждающагося населенія. Передъ внимательными глазами Карпинскаго предстала такая страшная нужда, что приходилось сразу ограничиться минимальной помощью, выдавая на 1 душу не болѣе 30 фун. муки въ мѣсяцъ и на обсѣмененіе полей по числу десятинъ опредѣленное количество зерна. Устранивши такимъ образомъ невѣрную и деморализирующую помощь деньгами, губ. упр. озаботилась въ то же время возможно болѣе дешевой закупкой хлѣба и подвозомъ его въ сельскіе общественные магазины. Необходимыя для этого деньги были испрошены изъ Высочайше утвержденной коммиссіи для пособія нуждающимся жителямъ Россіи, въ размѣрѣ 150,000 р. Конечно, этой единовременной поддержкой вопросъ далеко не разрѣшался, и наиболѣе осторожные гласные это сразу поняли: на губер. собр. 1868 г. гласный Галаганъ прямо говоритъ: «Мы пришли въ то горестное положеніе, когда требованія пособія нуждающимся въ продовольствіи далеко превосходятъ наши намѣченныя средства и если мы не оглянемся во-время и будемъ продолжать раздачу пособій всѣмъ просящимъ, то за одинъ годъ не только до копейки истощимъ весь нашъ продовольственный капиталъ, но еще принуждены будемъ войти въ долги». И дѣйствительно, уже въ 1870 г. обнаруживаются крупныя издержки изъ продовольственнаго капитала и недоимки по выданнымъ ссудамъ, а самое главное—крайне неблагопріятныя условія быта нуждающагося населенія, наблюдаемыя всѣми изслѣдователями, командированными туда и земствомъ и администраціей.

Уполномоченные губер. упр. Перепелицынъ и Гужовскій представили собранію самую безотрадную картину бѣдственнаго положенія населенія двухъ уѣздовъ, которое заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія. Крестьяне—говорилось въ ихъ докладѣ,—«не имѣя возможности выплачивать лежащіе на нихъ платежи, тѣмъ болѣе ставятся въ безвыходное положеніе, что при взысканіи ихъ полиціею принимаются мѣры, истощающія послѣднія средства плательщиковъ». Всѣ ссуды изъ продовольственнаго капитала, по заявленію мглинской уѣздной управы, служили почти исключительно какъ подспорье для уплаты большихъ накопившихся у крестьянъ недоимокъ. Въ Суражскомъ уѣздѣ крестьяне, не имѣя вовсе хлѣба, употребляли вмѣсто муки перемолотыя травы: костеръ, синецъ, звонецъ, ...

куху, жолуди, а у кого и этихъ травъ нѣтъ, тѣ кормятся квашеными ураками съ примѣсью макухи. Цѣлыя села живутъ тѣмъ, что водятъ слѣпыхъ да хромыхъ; когда же въ двухъ селахъ за недоимки продали у крестьянъ весь скотъ (1867 г.), населеніе ихъ побросало свои надѣлы и свои семьи и разошлось на дальніе промыслы. Находились, впрочемъ, гласные, которые имѣли мужество утверждать, что трава синецъ совершенно безвредна, что ее въ хлѣбахъ растетъ такъ много, что и отъ жита отдѣлить невозможно. А два бывшіе волостные старшины подтвердили ихъ слова и находили такое нареканіе обиднымъ для сельскаго населенія, имѣющаго всегда возможность обезпечить свой бытъ болѣе приличнымъ образомъ. Это заявленіе гласныхъ отъ крестьянъ было какъ разъ на-руку защитникамъ крупнаго землевладѣнія, не хотѣвшимъ признать всей тяжелой правды безвыходности положенія крестьянъ. Они находили, что докладъ Перепелицына и Гужовскаго,—одно сплошное преувеличеніе и не хотѣли согласиться съ губернской управой въ томъ, что выкупъ повелъ за собою обѣднѣніе; они, наоборотъ, замѣчали улучшеніе въ одеждѣ и бытѣ крестьянъ, указывали на постоянный недостатокъ рабочихъ рукъ и возвышеніе заработной платы и постановили протестовать противъ заявленія Перепелицына и Гужовскаго и печатать протестъ въ тѣхъ самыхъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ печатали они свои статьи.

Пренія получали все болѣе и болѣе острый характеръ. Напрасно члены губернской управы указывали на то, что даже администрація обратила вниманіе на Мглинскій и Суражскій уѣзды. Губернаторъ нашелъ нужнымъ собрать немедленно точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго населенія и о причинахъ несостоятельности въ каждомъ обществѣ, а министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, что главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія повелѣлъ разсрочить взысканіе недоимокъ по выкупнымъ платежамъ въ Мглинскомъ уѣздѣ. Общій выводъ получался совершенно ясный: положеніе большей части крестьянъ въ Суражскомъ и Мглинскомъ уѣздахъ безвыходно по своей бѣдности и обремененности платежами (преимущественно выкупными) при безплодности земли. Выданная ссуда не принесла пользы и вообще ссуды только обременяютъ населеніе новыми долгами. Допущенная правительствомъ разсрочка не разрѣшаетъ вопроса. Нужны болѣе коренныя мѣры. Резюмируя докладъ губер. упр., предсѣдатель губер. собр. (1870 г.) поставилъ на голосованіе три предложенія: 1) войти съ представленіемъ къ правительству о пониженіи выкупныхъ платежей до мѣры доходности надѣловъ крестьянъ Мглинскаго и Суражскаго уѣздовъ; 2) избрать коммиссію для собиранія свѣдѣній, какими необходимо поддержать это ходатайство къ правительству; 3) открыть кредитъ для помощи населенію въ 15,000 р. При этомъ предсѣдатель прибавилъ, что по двумъ первымъ предложеніямъ онъ не можетъ допустить преній, такъ какъ въ нихъ поднятъ вопросъ, касающійся коренного государственнаго закона и требующій его измѣненія, а потому онъ предложилъ обсуждать только 3-е предложеніе губернской

управы. Такая постановка дѣла возмутила сознательную часть гласныхъ: послѣ того, что на ссуды указывалось, какъ на самый неудовлетворительный способъ помощи, вредный и нежелательный, онѣ-то и ставились на обсужденіе, а самая коренная мѣра признавалась непосильной земству!

«Уважая законъ,—началъ свою рѣчь Петрункевичъ въ отвѣтъ на заявленіе председателя губер. собранія (предводителя дворянства Неплюева)—я подчиняюсь распоряженію г. председателя, но такъ какъ это распоряженіе не позволяетъ мнѣ выполнить мои полномочія, какъ губернскаго гласнаго, принявшаго на себя обязанности заботиться о народномъ благѣ, такъ какъ обсужденіе вопроса о народномъ продовольствіи въ той рамкѣ, которую начертилъ г. председатель—ни къ чему не поведетъ, я слагаю съ себя мои полномочія!»

Вслѣдъ за нимъ поднялся и председатель губернской управы Карпинскій и члены управы Перепелицынъ и Волкъ-Карачевскій и по тѣмъ же мотивамъ отказались отъ земской службы. Къ нимъ присоединилось 11 гласныхъ, составившихъ письменный протестъ противъ беззаконнаго поступка председателя собранія, лишившаго ихъ возможности выполнить свои уполномочія въ виду ихъ убѣжденія въ недостаточности предлагаемыхъ мѣръ для устраненія бѣдствія крестьянъ. Конечно, протестъ горячихъ искреннихъ земскихъ представителей остался безъ послѣдствій; но и въ остальной части собранія обсужденіе выдачи ссудъ для бѣдствующихъ уѣздовъ не встрѣтило сочувствія, раздаются голоса даже самыхъ умѣренныхъ земцевъ о томъ, что «опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что выдача продовольственныхъ ссудъ не достигаетъ цѣли, нужны болѣе радикальныя мѣры»; гласный Галаганъ указываетъ «на странное недоразумѣніе: докладъ губ. управы раскрылъ передъ нами безотрадную картину, согласную съ неутѣшительными донесеніями исправника, а уѣздное земство чуть не отрицаетъ народнаго бѣдствія. Зачѣмъ всѣ эти недомолвки? Пора намъ въ этомъ дѣлѣ отрѣшиться отъ постороннихъ ему соображеній и отнестись къ нему правдиво, безъ задней мысли. Бѣдственное положеніе края достаточно ясно выражается громадной цифрой недоимокъ, происходящихъ не только отъ ненормальнаго положенія вещей, но и отъ совокупности особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Я полагаю, что мы выполнимъ нашъ долгъ передъ нашими избирателями и передъ государствомъ, если обратимся къ правительству съ ходатайствомъ принять немедленно мѣры для облегченія населенія Мглинскаго и Суражскаго уѣздовъ». Послѣ долгихъ преній собраніе, наконецъ, соглашается на редакцію Галагана о ходатайствѣ и на предложеніе Рачинскаго объ избраніи коммиссіи для обстоятельнаго изученія на мѣстѣ истиннаго положенія вещей.

Такимъ образомъ страшный продовольственный вопросъ засталъ черниговское земство совершенно неподготовленнымъ для борьбы съ нуждой населенія цѣлыхъ двухъ уѣздовъ: коренныя мѣры не зависѣли отъ самихъ земцевъ и даже сознаніе ихъ необходимости еще не проникло въ боль-

шинство гласныхъ. А между тѣмъ и въ слѣдующемъ 1871 г. роковой вопросъ снова становится передъ собраніемъ. Мглинскіе гласные рисуютъ еще болѣе безотрадную картину: «неурожай нынѣшняго года совершенно истощилъ населеніе. Земля настолько неплодородна, что только $^1/_3$ надѣла стоитъ обрабатывать, а удобрять нечѣмъ. Губернаторъ въ своей рѣчи передъ открытіемъ губернскаго собранія обращаетъ вниманіе гласныхъ на злополучные два уѣзда: «падежъ скота, неурожай, пожары совершенно обезсилили хозяйственную силу крестьянъ. Девяносто душъ изъ ста терпятъ страшную нужду, а у остальныхъ запасовъ не хватитъ и на 2 мѣсяца. Можно страшиться голода со всѣми его страшными послѣдствіями, если зима не дастъ населенію заработковъ, а потому необходимо помогать нуждающимся крестьянамъ пріискивать заработки, не стѣснять выдачей паспортовъ, а больнымъ и старымъ, не могущимъ уйти, надо помогать на дому. А между тѣмъ губернская управа съ непростительной небрежностью даже не выполнила возложеннаго на нее прошлымъ собраніемъ, и Карпинскій уже въ качествѣ только губер. глас. снова доказываетъ необходимость коренныхъ мѣръ. «Вопросъ о продовольствіи Суражскаго и Мглинскаго уѣздовъ,—говоритъ Карпинскій,—разсматривался въ нашемъ собраніи уже нѣсколько разъ. Мѣры прошлаго года не привели насъ ни къ чему, коммиссія ни разу не собралась. Я обращаю вниманіе собранія на одну общую мѣру: на необходимость пониженія выкупныхъ платежей. Принимая даже самую высшую норму доходности надѣла, мы все же видимъ, что средства владѣльцевъ слишкомъ ничтожны: изъ чистаго дохода въ 15 руб. (съ надѣла) имъ приходится платить 9 р. Коноплянники (на которые въ прошлую сессію нѣкоторые гласные указывали, какъ на доходныя статьи) съ каждымъ годомъ уменьшаются. Безъ скота, безъ удобренія земли сильно истощаются и теперь уже, по крайней мѣрѣ, $^1/_2$ земель въ Мглинскомъ уѣздѣ вовсе не годится для обработки, крестьяне бросаютъ ихъ и берутъ землю у помѣщика «на скопщину» (съ доли урожая). Населеніе такъ отощало и ослабѣло, что ихъ даже на фабрики не берутъ, а если принимаютъ, то за самую низкую плату (20—25 р. въ годъ). При такомъ положеніи взыскиванье податей неизбѣжно всегда сопровождается продажей имущества, т.-е. разореніемъ какъ отдѣльныхъ хозяйствъ, такъ и обществъ (въ силу существовавшей въ сельскихъ обществахъ круговой поруки). Необходимо прежде всего сложить съ населенія недоимки и уменьшить платежи до нормальной, а не повышенной доходности земли. Не въ нашей власти разрѣшить этотъ вопросъ по существу. Предлагаемое собраніемъ избраніе новой коммиссіи только отсрочитъ нашу помощь; вѣдь въ принципѣ мы несомнѣнно всѣ признаемъ необходимость уменьшенія платежей и сложенія недоимокъ, а потому и немедленно должны непосредственно обратиться къ правительству за разрѣшеніемъ вопроса. Если потребуются свѣдѣнія, ихъ всегда успѣемъ собрать, а потому, какъ первую неотложную мѣру, я предлагаю ходатайство къ правительству» (см. журналъ 1871 г.).

Такъ убѣждалъ Карпинскій собраніе въ очевидной необходимости нелипцемѣрно придти на помощь разоренному населенію, и рѣчь его проникнута глубокимъ пониманіемъ дѣла и искренней готовностью помочь населенію. Но собраніе продолжаетъ смотрѣть на всѣ его доводы, какъ на преувеличенія, и снова успокаивается на полумѣрахъ: назначить особую коммиссію изъ представителей различныхъ вѣдомствъ для изслѣдованія положенія населенія нуждающихся мѣстностей, а въ текущемъ году открыть губернской управѣ кредитъ въ размѣрѣ всей находящейся налицо суммы губернскаго продовольственнаго капитала. Такъ изъ года въ годъ, какъ призракъ рокового непониманія черниговскими землевладѣльцами своихъ историческихъ обязанностей, вставалъ въ губернскомъ собраніи вопросъ о Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ, двухъ обездоленныхъ пасынкахъ и природы, и людей, и собраніе то думаетъ спасти ихъ проводеніемъ черезъ ихъ территорію желѣзной дор. (вѣтви между Кіево-Курской и Орлово-Витебской линіями), то открываетъ имъ непосильный кредитъ, то измѣняетъ сроки платежей, принимаетъ мѣры для облегченія переселенія. Карпинскій предлагаетъ новую практическую помощь тѣмъ, чтобы возложить на земскія управы выдачу ссудъ подъ коноплянники, чтобы крестьяне не продавали свою пеньку скупщикамъ за безцѣнокъ, но собраніе отклоняетъ это предложеніе, а замѣняетъ его назначеніемъ двухъ премій (въ 500 и въ 1,500 руб.) за наилучшее изслѣдованіе Мглинскаго и Суражскаго уѣздовъ по программѣ, выработку которой поручаетъ особой коммиссіи. Въ 1873 г. въ собраніи снова читается записка о бѣдствіяхъ населенія этихъ уѣздовъ (гл. Волка-Карачевскаго); но всѣ его предложенія о возобновленіи ходатайства къ правительству о покупкѣ имѣнія, гдѣ бы велось обученіе правильному земледѣлію и хозяйству (то, что осуществилось въ наше время т. наз. опытными полями), собраніемъ отклоняется.

Въ 1875 г. при новомъ обсужденіи вопроса о продовольствіи гл. Петрункевичъ напоминаетъ собранію, что это вовсе не случайный вопросъ, онъ поднимался уже много разъ, но его обходятъ, между тѣмъ онъ, какъ и всякое экономическое явленіе, имѣетъ всѣ данныя къ такому или иному его разрѣшенію. Слѣдуетъ указать правительству на пробѣлы въ законодательствѣ, касающемся нашихъ сѣверныхъ уѣздовъ. Никакіе продовольственные капиталы не въ силахъ помочь, если не будутъ приняты слѣдующія мѣры: облегчить переселеніе на казенныя и общественныя земли въ юго-восточную Россію; переоцѣнить крестьянскіе надѣлы у вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости вездѣ, гдѣ цѣнность надѣловъ превышаетъ ихъ дѣйствительную стоимость, преимущественно въ Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ. Собраніе соглашается со всѣми предложеніями Петрункевича и постановляетъ пригласить особое лицо для собранія свѣдѣній о наиболѣе удобныхъ мѣстностяхъ для переселенія и сообщенія въ уѣздную управу. Но губернаторъ опротестовалъ это предложеніе, «ибо нѣтъ на то закона, чтобы земскія учрежденія участвовали въ передвиженіи населенія».

Вопросъ о помощи становился хроническимъ. Къ двумъ сѣвернымъ уѣздамъ чаще всего присоединяются Новозыбковскій и мало плодородные Городницкій, Сосницкій; а въ 1898 году 7 уѣздовъ, между которыми два самыхъ черноземныхъ, просятъ по случаю недорода кредита на сумму 151,630 руб.

Естественное дѣло, что при такой сильной нуждѣ на обязанности черниговскаго земства сразу легла забота о поднятіи производительныхъ силъ губерніи для обезпеченія населенія отъ постоянно грозящей ему голодной смерти. Въ первое время возникали предложенія объ устройствѣ мелкаго кредита, земскаго банка (въ 1865 г.) съ отдѣленіями по всѣмъ уѣздамъ, для чего ходатайствовать о разрѣшеніи займа въ 500,000 р. подъ обезпеченіе всѣмъ имуществомъ земства Черниговской губерніи.

Но проектъ банка, утвержденный правительствомъ въ 1868 году, не былъ осуществленъ. Въ 1881 г. продовольственная коммиссія предлагаетъ ходатайствовать передъ правительствомъ о ссудѣ въ 100 или въ 50,000 р. для образованія основного капитала мелкокредитнаго банка. Основной мыслью этого проекта Карпинскаго, предвосхитившей задачу нынѣ дѣйствующихъ крестьянскихъ банковъ, было наблюденіе о постоянномъ переходѣ земель изъ рукъ дворянъ въ крестьянскія руки; дворянское хозяйство нисколько не улучшается, такъ какъ сами дворяне не хозяйничаютъ, а стараются нажиться путемъ арендъ и испольныхъ системъ; помѣщичьи запашки съ каждымъ годомъ уменьшаются, крупныя дворянскія имѣнія переходятъ въ руки хищниковъ-спекулянтовъ. Состояніе же нашей страны преимущественно держится мелкой культурой, и наша обязанность обставлять ее условіями наибольшей производительности; такимъ условіемъ, несомнѣнно важнѣйшимъ изъ всѣхъ, является принадлежность земли ея воздѣлывателю, а слѣдовательно и современна, и полезна всякая мѣра, доставляющая возможность нашимъ сельскимъ податнымъ сословіямъ пріобрѣтать въ собственность землю. Вотъ почему представленный разсмотрѣнію собранія докладъ предлагаетъ земству брать на себя не только организацію арендъ и покупки земель сельскими обществами, но и устройство мелкокредитнаго банка.

Многіе гласные, особливо гласный Линдфорсъ, находили этотъ проектъ слишкомъ рискованнымъ, недостаточно теоретически обоснованнымъ; тогда Карпинскій очень характерно возразилъ имъ: «Способъ разсужденія человѣка часто находится въ связи и въ зависимости отъ его профессіи: я— врачъ, а гл. Линдфорсъ — адвокатъ; я — практикъ, онъ — теоретикъ; онъ утверждаетъ, что я не имѣю данныхъ въ пользу моего предложенія и не изучилъ ихъ, а потому въ моемъ докладѣ однѣ общія мысли, безъ мелочной мотивировки и разработки ихъ. Это правда: всѣ главныя основанія моего доклада сводятся къ тому, что мы не имѣемъ основного капитала, а потому просимъ ссуду у правительства. Дѣлать это нужно какъ можно скорѣе, потому что если мы еще на годъ затянемъ это дѣло, то увеличимъ только число бѣдствующихъ людей. Подспорье для нихъ нужно въ

интересахъ и земства, и правительства. Я слышу голосъ бѣдняка, который говоритъ: «я не въ состояніи выплачивать повинности при моемъ теперешнемъ положеніи. Но прибавьте къ моему надѣлу еще нѣсколько десятинъ, и я буду исправнымъ плательщикомъ». Вотъ этой-то нуждѣ бѣдняка и имѣетъ въ виду удовлетворить проектъ банка» (см. журн. 1881 г.). Собраніе, однако, возвратило докладъ губернской управѣ для прибавленія данныхъ; но уже въ слѣдующемъ 1882 году правительство учредило въ гор. Черниговѣ государственный крестьянскій банкъ и идея Карпинскаго утратила свое практическое значеніе.

Гораздо счастливѣе шла организація сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, вопросъ о которыхъ былъ поднятъ въ сессію 1871 года, когда эти кредитныя сельскія организаціи уже существовали въ Новгородской, Тверской, Ярославской, Петербургской, Костромской, Рязанской, Орловской и Полтавской губерніяхъ. Раньше всего они появились въ Новгородской губерніи, гдѣ земство ассигновало на нихъ крупный капиталъ; на успѣхъ этого дѣла очень важно вліяло участіе порядочныхъ поручителей, особливо при самомъ ихъ учрежденіи, когда этому всячески противятся сельскіе кулаки, а разъ товарищество открыто, попечителямъ остается только, не вмѣшиваясь, издали слѣдить за ходомъ дѣла. Эти вполнѣ жизненныя организаціи сразу оказали несомнѣнную пользу населенію: безъ нихъ крестьянамъ въ минуту нужды приходится платить 50 и 100%, или продавать необходимое имущество. Принимая все это во вниманіе, Черниговское губернское собраніе поручаетъ губернской управѣ войти въ сношенія съ разными лицами, могущими оказать содѣйствіе земству въ устройствѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, особенно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ земледѣліе идетъ хуже всего, и ассигновать на нихъ 15,000 р. Начавшіяся довольно живо ссудо-сберегательныя товарищества, однако, не привились, особенно въ Черниговской губерніи. Къ 1885 г. въ 15 уѣздахъ ихъ насчитывалось всего 20 и всѣ съ огромными недоимками *) по отношенію къ губернской управѣ, что вызвало въ собраніи постановленіе о томъ, чтобы губернская управа произвела ревизію, чтобы выяснить истинное положеніе дѣлъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Въ 1897 году губернское собраніе предложило на разсмотрѣніе уѣздовъ переданное губернаторомъ предложеніе о распространеніи не только однихъ этихъ кредитныхъ организацій, но и волостныхъ банковъ. При разсмотрѣніи всѣхъ отзывовъ уѣздныхъ земствъ гл. Хижняковъ совершенно правильно указалъ на необходимость расширенія роли земства въ организаціи этого новаго вида сельскаго кредита.

Этими проектами и обсужденіями ихъ и ограничивается дѣятельность черниговскаго губернскаго земства въ организаціи сельскихъ кредитныхъ

---

*) Въ кассахъ всѣхъ товариществъ въ 1885 году находилось земскихъ с[…] 15,036 руб., а недоимокъ на нихъ числилось 8,777 руб. (капиталу и %) (см. с[…] п., т. III, стр. 2003).

учрежденій. Рядомъ съ этимъ сознавалась обязательность помощи въ разныхъ промышленныхъ занятіяхъ населенія, но къ практическому осуществленію губернское земство приступило только въ 90-хъ годахъ, когда по иниціативѣ гл. Хижнякова (бывшаго тогда предсѣдателемъ губернской управы) было постановлено собрать свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ Черниговской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ въ одномъ селѣ устраивается гончарная учебная мастерская (с. Алешня, Городницкаго уѣзда) и въ уѣздномъ городѣ Кролевцѣ ткацкая учебная мастерская и при ней складъ издѣлій. Но совершенная неопредѣленность задачи и неудачный выборъ лица, руководящаго дѣломъ, очень скоро погубили гончарню (давно уже переданную губернскимъ земствомъ уѣзду). То же неясное пониманіе настоящей основной цѣли не даетъ какъ слѣдуетъ развиваться и кролевецкому складу, несмотря на всю энергію завѣдывающаго имъ лица. Не привилось къ жизни и симпатичное предложеніе гл. Линдфорса въ 1875 г., когда онъ для предупрежденія пролетаріата предлагаетъ губернскому собранію открыть управѣ кредитъ для организаціи производительныхъ артелей въ помощь кустарямъ, особливо на сѣверѣ губерніи; артели могли бы оказать благотворное вліяніе не только на экономическое положеніе населенія, но и на санитарныя условія. Надо помогать всякому стремленію соединяться въ артели; чуть въ управу поступитъ сельскій приговоръ о соединеніи не менѣе 10 лицъ, управа немедленно открываетъ имъ кредитъ на ихъ производство. Такія артели могли бы оказать существенную пользу кустарямъ; но не нашлось людей, чтобъ проводить это постановленіе собранія. Другія предпріятія въ этомъ направленіи также были безуспѣшны, главнымъ образомъ, отъ сложности самой задачи, а съ другой стороны по недостатку подготовленныхъ добросовѣстныхъ техниковъ руководителей кустарей. Отсутствіе подходящихъ людей вообще очень часто мѣшало успѣху того или другого начинанія земства, на него указываютъ сами гласные; такъ, въ 1881 г. гл. Линдфорсъ по поводу введенія убиванія больного заразою скота восклицаетъ: «да есть ли въ русской жизни необходимыя условія для приведенія въ исполненіе столь сложной операціи? Нужны энергическіе люди, а они продуктъ самостоятельной провинціальной жизни, пока до крайности стѣсненной у насъ въ Россіи. Конечно, я не имѣю въ виду ослаблять бодрость земскихъ дѣятелей, но въ то же время не желаю и глаза закрывать передъ дѣйствительностью. Люди, конечно, есть, но общія условія мѣшаютъ имъ энергично дѣйствовать въ пользу земства. Во всякомъ случаѣ, вводя въ жизнь новое учрежденіе, мы должны имѣть подъ собой твердую почву, а не вводить его зря; въ противномъ случаѣ грозитъ опасность скораго уничтоженія нововведенія подобно тому, какъ уже и высказывалось въ настоящую сессію желаніе закрыть многія заведенія, учрежденныя много лѣтъ тому назадъ безъ должной осмотрительности» (см. журн. собр. 1881 г., стр. 99 и 101. Намекъ, однако, несправедливый на закрытую земствомъ учительскую семинарію, о чемъ рѣчь впереди).

Тотъ же недостатокъ людей и частной и общественной иниціативы

не далъ производительнаго развитія и остальнымъ экономическимъ мѣропріятіямъ: осушенію болотъ, начатому въ 1893 г., но пріостановившемуся въ 1898 г., несмотря на то, что на одно ихъ изслѣдованіе было затрачено уже 27,561 руб. (см. св. пост., т. III, стр. 1848). Нельзя, однако, не отмѣтить, что эти, безспорно, плодотворныя работы по осушенію огромнаго болота Трубайла (въ юго-западной части губерніи), хотя не встрѣтили необходимаго сочувствія и поддержки со стороны землевладѣльцевъ заинтересованной мѣстности, но осуществились благодаря энергіи члена губернской управы А. П. Шликевича, усиліями котораго магистральная канава, осушающая Трубайло, таки была доведена до конца. Также и мѣры, предпринимаемыя управой для укрѣпленія песковъ, занимающихъ въ Черниговской губерніи громадныя пространства на западѣ и с.-вост. слабо поддерживаются самимъ населеніемъ. Надо надѣяться, что всѣ эти необходимыя мѣры для увеличенія питательной площади губерніи будутъ имѣть большій успѣхъ со времени учрежденія въ 1898 г. сельско-хозяйственнаго совѣта (по предложенію гл. Лизогуба), о дѣятельности котораго много находится указаній въ губернскомъ сборникѣ послѣднихъ годовъ.

V.

Народное образованіе очень рано стало озабочивать черниговское земство. Съ первой же губернской сессіи 1865 г. поднятъ былъ вопросъ о необходимости учрежденія педагогической школы для учителей, по поводу чего сразу земство вынуждено было вступить въ продолжительную борьбу съ администраціей, сначала съ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, а потомъ и съ министерствомъ графа Толстого. Приготовленіе порядочныхъ учителей, конечно, являлось совершенно естественной заботой губернскаго земства, особливо въ то время, когда единственными сельскими учителями были дьяки да отставные солдаты. Администрація смотрѣла на дѣло иначе; она сразу увидѣла въ совершенно правильномъ образѣ дѣйствій молодого органа мѣстнаго самоуправленія какое-то посягательство на административное единовластіе и вступила въ пререканія съ губернской управой, не запрещая самаго учрежденія, но препятствуя его открытію. То попечитель находитъ, что предпріятіе черниговскаго губернскаго земства недостаточно обезпечено матеріально, почему онъ считаетъ необходимымъ все дѣло передать въ черниговскій губернскій училищный совѣтъ, который долженъ составить планъ школы и приметъ ее въ свое завѣдываніе. Но губернская управа знаетъ, что училищному совѣту подчиняются только пр[illegible]ходскія начальныя училища, а предполагаемая черниговскимъ земством[illegible] школа не можетъ быть введена въ такія тѣсныя рамки, такъ какъ ея назна[illegible]ніе приготовлять будущихъ наставниковъ для начальныхъ училищъ; учреж[illegible] эту школу, земство разсчитываетъ на свои опредѣленныя средства. Учил[illegible]ный же совѣтъ, вырабатывая свой планъ, сообразуясь съ иными сумм[illegible] содержанія, можетъ сильно разойтись съ желаніями и воззрѣніями [illegible]

ства, что было бы крайне неудобно. Вполнѣ сознавая необходимость наблюденія училищнаго совѣта за предполагаемой школой, земство вовсе не предполагаетъ, однако, устранить себя отъ непосредственнаго надзора за школой, въ которой воспитывались бы будущіе сельскіе учителя. Поэтому губернская управа считаетъ себя въ правѣ сама составить планъ школы, соотвѣтствующій цѣлямъ и средствамъ земства, и поставить ее въ прямую зависимость отъ земскихъ учрежденій какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебно-административномъ отношеніи, соблюдая при этомъ всѣ условія, обезпечивающія правильное направленіе заведенія и допуская къ преподаванію въ школѣ только лицъ, одобренныхъ административной инспекціей. Обставленный такими, повидимому, убѣдительными доводами, обезпечивающими благоденствіе будущаго учебнаго заведенія, проектъ губернской управы пропутешествовалъ черезъ всѣ административные этапы вплоть до министерства народнаго просвѣщенія, откуда воспослѣдовалъ отвѣтъ, сразу заморозившій это первое жизненное и сознательное начинаніе, столь необходимое для успѣха начальнаго образованія населенія всей губерніи. «Имѣя въ виду,—говорилось въ министерской бумагѣ,—что проектируемой черниговскимъ земствомъ школѣ предполагается дать значеніе не начальнаго народнаго училища, согласно ст. 1 Высоч. утвержд. 14 іюля 1864 г. Полож. о сихъ учил., но учебнаго заведенія со спеціальной цѣлью приготовленія учителей для начальныхъ народныхъ училищъ, министерство не считаетъ себя въ правѣ дать испрашиваемое по сему предмету разрѣшеніе, не имѣя въ виду законоположеній, на основаніи коихъ могло бы быть допускаемо учрежденіе посторонними вѣдомствами, обществами, сословіями или частными лицами учебныхъ заведеній, подобныхъ вышеупомянутому» (см. журн. собр. 1865—66 гг.).

Гласные увидѣли, что имъ приходится отказаться отъ своего предпріятія, не входя въ разсмотрѣніе того, насколько законъ дѣйствительно не предоставляетъ ему права учреждать «такого рода» учебныя заведенія. Но въ учрежденіи учительской семинаріи земство видѣло настоятельную нужду и свое право, такъ какъ таковое же учрежденіе было устроено новгородскимъ земствомъ. Поэтому уже въ 1867 году губернская управа приготовляетъ новый планъ педагогической школы, уже на основаніяхъ вполнѣ «подлежащихъ одобренію начальства» и собраніе тотчасъ же ассигнуетъ на нее 2,800 руб. Разрѣшенія, однако, не приходитъ. Въ 1869 г. губернская управа напоминаетъ собранію о необходимости «возобновить ходатайство объ учрежденіи въ гор. Черниговѣ учительской семинаріи въ виду крайне печальнаго положенія народныхъ школъ и совершеннаго отсутствія сколько-нибудь подготовленныхъ народныхъ учителей». Проектъ семинаріи, составленный по плану уже открытой въ Новгородской губерніи, вторично одобряется собраніемъ, которое уполномочиваетъ губернскую управу въ случаѣ необходимости «по соглашенію съ попечителемъ округа измѣнить проектъ съ тѣмъ, однако, чтобы сохранено было участіе земства въ хозяйствѣ заведенія и въ выборѣ директора и преподавателей семина-

ріи» *). Для стипендіатовъ назначалось по двѣ вакансіи на каждый уѣздъ и содержаніе ихъ относилось на счетъ уѣздовъ. Открывалась семинарія на 50 человѣкъ. Несмотря на возраженія противъ принципа закрытыхъ заведеній нѣкоторыхъ гласныхъ (Кулябко-Корецкаго и др.), стоявшихъ за благодѣтельное вліяніе семьи и общественной среды на воспитанниковъ, губернское собраніе ассигнуетъ впередъ 6,000 р. на устройство квартиръ для учениковъ, соглашаясь въ этомъ вопросѣ съ гласн. Галаганомъ **):

Наконецъ, разрѣшеніе было получено и земство съ самыми любящими заботами приступаетъ къ устройству своего любимаго дѣтища, но на каждомъ шагу встрѣчаетъ отъ министерства отказъ во всѣхъ своихъ прошеніяхъ и постоянное посягательство на независимость молодого учрежденія. Такъ, когда земство просило предоставить директору и преподавателямъ семинаріи права государственной службы, министерство отвѣтило, что эти права могутъ имъ быть предоставлены только при условіи измѣненія устава семинаріи въ томъ смыслѣ, чтобы выборъ ея преподавателей и директора былъ предоставленъ начальству округа, отъ чего земство, конечно, отказалось. Въ 1874 г. министръ предлагаетъ черниговскому земству передать семинарію въ полное его распоряженіе и съ этого года начинается мучительная агонія молодого полезнаго учрежденія: земство не имѣетъ мужества отдать свое дѣтище и не имѣетъ силы отстоять его. Собраніе раздѣляется въ этомъ вопросѣ на двѣ опредѣленныя части: одна держится того мнѣнія, что земство не компетентно въ веденіи педагогическаго дѣла, другіе же гласные указываютъ на данное земству Положеніемъ о земск. учреж. право вести дѣло народнаго образованія по своему усмотрѣнію въ согласіи съ административной инспекціей. Они говорили въ собраніи, что все дѣло объ открытіи и устройствѣ учительской семинаріи стóитъ очень дорого земству. И вотъ, эту-то часть, дорогую земскому сердцу, мы хотимъ отъ себя оттолкнуть, отказываемся отъ хозяйственной роли на совѣтѣ,—больно! если нѣтъ еще циркуляра объ отобраніи отъ земства учительской семинаріи, надо отнестись къ этому вопросу какъ можно серьезнѣе. Первыя учительскія семинаріи—дѣло земства и эта форма учебныхъ заведеній вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ жизни, такъ что само министерство стало заводить по тому же образцу. Другіе гласные, напротивъ, находили предложеніе министерства «очень выгоднымъ»—однимъ крупнымъ расходомъ меньше да и начальству угодить можно. Вся представленная этими гласными записка построена на этихъ соображеніяхъ. Произошли долгія пренія, часто прерываемыя предсѣдателемъ собранія, постоянно находившимъ, что противники передачи семинаріи говорятъ не по существу и уклоняются отъ вопроса. Докладъ упра-

*) См. сводъ постановл. черниг. губ. собр., т. III, стр. 1441—1453.

**) „Сомнѣваюсь,—говорилъ онъ,—чтобы соприкосновеніе съ низшими классами городского населенія, среди котораго наши воспитанники только и смогутъ найти себѣ квартиру, могло безъ вреда отозваться на ихъ нравственности. А въ самой семинаріи за ними достаточенъ надзоръ учителей“ (см. журн. 1869—70 гг.).

вы ставилъ министерству такія условія добровольной передачи семинаріи, при которыхъ обезпечивалось участіе земства въ его собственномъ дѣлѣ, сохранялось за нимъ право выбора и увольненія директора, отъ личности котораго, конечно, зависѣлъ весь ходъ дѣла, право выбора своего земскаго попечителя и право ревизіи. (Уставъ семинаріи при этомъ, конечно, измѣнялся, но сообразно съ уставомъ земской же молодеченской семинаріи). Многіе гласные однако выражали полную готовность передать семинарію, отказываясь отъ всякаго дальнѣйшаго контроля за нею. Споры особенно обострились въ собраніи 1877 и 1878 гг., когда министерство прямо объявило, что оно принимаетъ семинарію только въ томъ случаѣ, если земство разъ навсегда ассигнуетъ на ежегодное ея содержаніе опредѣленную сумму, достаточную на покрытіе расходовъ, и откажется отъ всякаго участія въ веденіи дѣла. Собраніе находило это несовмѣстимымъ съ достоинствомъ и съ обязанностями земства и считало болѣе цѣлесообразнымъ совсѣмъ закрыть заведеніе, давшее одинъ только выпускъ ея воспитанниковъ. Одинъ изъ гласныхъ, Костюченко, напомнилъ собранію, что «самъ ученый комитетъ главнаго управленія училищъ выработалъ то положеніе, что народное образованіе есть дѣло земства. Правительство разсчитывало найти въ дѣлѣ народнаго образованія помощь въ земствѣ и всѣ земства отозвались на его призывъ, появилась масса земскихъ школъ и вмѣстѣ съ ними начали появляться учительскія семинаріи; расходы земства были велики и, давая съ такимъ трудомъ добываемыя земскія деньги, земство, какъ всякій солидный хозяинъ, не желающій разориться, должно оставить за собой контроль въ своихъ деньгахъ. Теперешнее предложеніе министерства прямо нарушаетъ принципъ самоуправленія, ничего не давая взамѣнъ» (см. Журн. собр. 1877 г., стр. 180—181). Другіе—Петрункевичъ—прямо указывали на то, что власти, поставленныя для содѣйствія народному образованію, своимъ формализмомъ только парализуютъ всякую инициативу. Несмотря на перерывы предсѣдателя онъ приводитъ характерные примѣры, указываетъ на то, что, лишаясь права контроля за дѣломъ народнаго образованія, многія земства въ настоящее время сокращаютъ свою смѣту на народное образованіе. Между земствомъ и школой порвана связь, школы не удовлетворяютъ нашимъ требованіямъ—это и есть причина нашего охлажденія къ начальной школѣ. «Не отдавая семинаріи, мы только защищаемъ свои законныя права, мы не можемъ ими поступиться, потому что мы представляемъ интересы и права другихъ лицъ, которыя намъ ввѣрены въ силу нашихъ полномочій». Взгляды мин. нар. просв. на это дѣло не отвѣчаютъ потребностямъ и нуждамъ населенія и рѣзко расходятся съ земской точкой зрѣнія, поэтому правильнѣе всего закрыть семинарію (Журн. 1877 г., стр. 217—221). Находились и такіе гласные, которые признавали, что закрыть семинарію надо не изъ того или другого принципіальнаго вопроса, а потому что она безполезна, ее надо замѣнить женской семинаріей и перемѣстить въ село. Утверждали, что земцы неспособны вести семинарію, когда они хозяйства имѣній своихъ вести

не умѣютъ. Такимъ гласнымъ Костюченко горячо возразилъ, что если бы имъ пришлось создавать законы самоуправленія, вѣроятно не только заботы о народномъ образованіи, но даже заботы объ управленіи своими имѣніями, а можетъ быть и о кормленіи своихъ грудныхъ младенцевъ, они включили бы въ кругъ обязанностей государства, а себѣ изъ всего самоуправленія оставили бы одно право—спать. И эти-то люди осмѣливаются рѣшать семинарскій вопросъ не только за себя, но и за будущее поколѣніе!» (Журн. 1877 г., стр. 227).

Послѣ долгихъ преній, продолжавшихся нѣсколько засѣданій въ 1877 году собраніе по предложенію гл. Линдфорса, еще разъ формулировало свои условія передачи *) министерству семинаріи. Но когда въ 1878 г. министерство поставило вопросъ такимъ образомъ, чтобъ земство или разъ навсегда безъ всякихъ условій обязалось вносить постоянную сумму денегъ на содержаніе семинаріи, или закрыть ее совсѣмъ, земское собраніе большинствомъ 38 голосовъ противъ 33 закрыло семинарію, мотивируя это роковое постановленіе тѣмъ, что земское собраніе не имѣетъ права дѣлать вѣчныя ассигновки и налагать финансовыя обязательства на будущія поколѣнія земскихъ представителей. Устранить же себя отъ участія въ жизни заведенія, которое оно само создало, которое по самому существу своему мѣстное, а не государственное, и должно имѣть непосредственную живую связь съ мѣстными потребностями, съ интересами того населенія, среди котораго воспитанникамъ семинаріи придется работать,—этого земство не считало себя тоже въ правѣ сдѣлать. Эта трагическая развязка, убившая такое полезное заведеніе, необходимость какого и теперь такъ живо чувствуется въ ходѣ школьнаго дѣла въ Черниговской губерніи, являлась въ то время естественнымъ выходомъ изъ столкновенія двухъ вѣдомствъ, одинаково обязанныхъ служить народному просвѣщенію. Въ концѣ 90-хъ годовъ губернская управа вмѣстѣ со школьной коммиссіей выработала новый планъ такого же педагогическаго заведенія, но собраніе не рѣшилось начать новыя хлопоты для его осуществленія и отклонило проектъ. И вотъ прошло 26 лѣтъ, а черниговское земство до сихъ поръ не имѣетъ своей учительской семинаріи. Много силъ, много времени пошло на эту борьбу, слишкомъ живо еще у многихъ гласныхъ горькое чувство униженія и безсилія при этомъ убійствѣ, чтобъ нашлось снова между ними достаточно энергіи и вѣры для новыхъ ходатайствъ, новыхъ широкихъ педагогическихъ предпріятій. А населеніе тѣмъ временемъ остается безъ хорошихъ учителей и школы, на которыя черниговскія земства затрачиваютъ не мало денегъ, приносятъ минимальную пользу.

---

*) По этимъ условіямъ земство брало на себя хозяйственные расходы въ размѣрѣ 6,030 р., имѣло своихъ стипендіатовъ, обязанныхъ отслуживать ему непремѣнно въ Черниговской губ., имѣло въ совѣтѣ своего избраннаго попечителя и реассигновывало ежегодно свою сумму съ правомъ ревизіи всего хозяйства и педагогическаго хода дѣла.

Въ 1895 г. Хижняковъ поднимаетъ вопросъ о необходимости организовать хоть педагогическіе курсы *) въ Черниговѣ для подъема педагогическихъ знаній народныхъ учителей и прекрасно организуетъ ихъ подъ руководствомъ Д. И. Тихомірова. Но успѣхъ этихъ курсовъ, нравственный подъемъ духа, вызванный имъ въ учителяхъ и учительницахъ при этой возможности обмѣняться мыслями и объединиться послѣ долгаго и тяжелаго одиночества, оживленіе всѣхъ участниковъ курсовъ подъ вліяніемъ яркаго освѣщенія ихъ скромнаго дѣла талантливымъ руководителемъ—все это немедленно возбуждаетъ недовѣріе, подозрительность администраціи и вызываетъ изъ министерства народнаго просвѣщенія циркуляръ, въ которомъ министръ прямо заявляетъ безъ объясненія причинъ, что «онъ предпочитаетъ форму уѣздныхъ учительскихъ курсовъ, а потому губернскіе воспрещаются, уѣзды же должны собирать въ одномъ пунктѣ не болѣе 20 учащихъ на 1 руководителя». Такое условіе парализовало организацію курсовъ, такъ какъ требовало непосильнаго для одного уѣзда расхода и хлопотъ организаціи для 20 учителей!. Снова проходятъ годы безъ педагогическихъ курсовъ для учителей, пока черниговское земство не изобрѣтаетъ особыхъ способовъ и администрацію не обезпокоить, и свои задачи выполнить: оно разбиваетъ все учительство Черниговской губер. на нѣсколько очередей, съѣзжающихся то въ томъ, то въ другомъ городѣ, чтобы уловить изъ устъ одобреннаго всѣми начальствами ментора хоть одну каплю живой воды знанія, чтобы оживить свои усталыя головы, ободрить опускающіяся отъ трудныхъ условій работы руки. Такъ парализовало усилія земства для самаго насущнаго дѣла по народному просвѣщенію абсолютное недовѣріе администраціи къ тѣмъ мѣропріятіямъ черниговскихъ земскихъ собраній, какія вытекали непосредственно изъ обязанностей, возложенныхъ на эту главную единицу мѣстнаго самоуправленія, и изъ дарованныхъ ей закономъ правъ.

Что касается организаціи низшихъ народныхъ школъ, то до послѣдняго десятилѣтія она не лежала на обязанности черниговскаго губернскаго земства, а находилась въ вѣдѣніи уѣздныхъ земствъ. Но мысль о введеніи обязательнаго начальнаго обученія поднималась въ собраніяхъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскомъ уже въ 70-е годы. Такъ, въ сессію 1875 г. на обсужденіе черниговскаго губернскаго собранія поступилъ докладъ конотопской управы о введеніи обязательнаго начальнаго образованія и о неотложномъ ходатайствѣ о разрѣшеніи вводить его въ Черниговской губ. Конотопскіе гласные прямо говорили, что отъ неотложнаго рѣшенія этого насущнаго вопроса зависитъ нравственное и экономическое развитіе населенія, что несомнѣнно каждому живущему въ селѣ. Отъ цѣлесообразнаго обученія дѣтей—говорилось въ докладѣ,—можно будетъ имѣть болѣе достой-

*) Первый разъ такіе педагогическіе курсы блестяще были устроены еще въ 1872 г. преподавателями бывшей тогда въ своемъ расцвѣтѣ земской учительской семинаріи.

ныхъ и развитыхъ сборщиковъ податей и волостныхъ судей, а не безграмотныхъ и невѣжественныхъ, на каждомъ шагу обсчитывающихъ населеніе. Народъ избавится отъ обмана въ торговлѣ, въ тяжбахъ и договорахъ. Обученіе должно быть даровое, причемъ бѣднѣйшіе снабжаются земствомъ одеждой и обувью. За непосѣщеніе школы полагается штрафъ.

Докладъ этотъ подвергся самому обстоятельному обсужденію: защитники обязательнаго обученія, конотопскіе гласные доказывали, что для Конотопскаго уѣзда это вполнѣ своевременно, ибо тамъ уже есть школы со всѣми пособіями и эта мѣра принесетъ только несомнѣнную пользу населенію. Но еще больше приводилось и теоретическихъ и практическихъ доводовъ противъ ходатайства. Практическіе люди—Константиновичъ—находили его абсолютно преждевременнымъ: «недостаточное распространеніе образованія въ народѣ зависитъ не отъ его необязательности, а отъ многихъ другихъ условій; рано поднимать вопросъ объ обязательномъ обученіи, когда во всей губерніи учится всего 16% мальчиковъ и 0,8% дѣвочекъ и то существующія школы переполнены; такимъ образомъ первымъ препятствіемъ является недостатокъ школьныхъ помѣщеній, къ тому же не устроенныхъ, какъ слѣдуетъ ни въ одномъ уѣздѣ, и удовлетворительное устройство пока не подъ силу ни губернскимъ, ни уѣзднымъ денежнымъ средствамъ, сельскія же общества даже при всемъ своемъ желаніи не имѣютъ на то силъ и могутъ собрать ихъ только за нѣсколько лѣтъ; губернское земство могло бы въ этомъ помочь имъ выдачею безпроцентныхъ ссудъ съ разсрочкою на нѣсколько лѣтъ *). Затѣмъ всѣ школы обставлены бѣдно и пособіями и книгами, а потому такъ плохо посѣщаются дѣтьми и не заинтересовываютъ населеніе. Губернское собраніе и въ этомъ могло бы прійти на помощь уѣздамъ, ассигновавши 2—3,000 р. для устройства книжныхъ складовъ. И только когда мы увеличимъ хоть немного число школъ и улучшимъ ихъ обстановку, умѣстно хлопотать о введеніи обязательнаго обученія» (см. Журналъ 1875 г.). Другіе гласные, теоретики (Линдфорсъ), доказывали, что принципъ обязательности не имѣетъ значенія, если онъ не исходитъ изъ сознанія потребности въ ученіи самимъ народомъ: въ Пруссіи обязательное обученіе сразу привилось къ населенію, потому что оно было жизненнымъ послѣдствіемъ религіознаго народнаго движенія, а у насъ заводимыя по приказу Петра I цифирныя школы не дали никакихъ полезныхъ результатовъ. Весьма непослѣдовательна и предлагаемая конотопскими гласными мѣра штрафовать населеніе за непосѣщеніе школы, тогда какъ самое это непосѣщеніе является прямымъ доказательствомъ, что населеніе не сознаетъ пользы ученія, и его же за это наказывать! (см. тамъ же). Какъ ни были справедливы, быть можетъ, всѣ эти возраженія противъ введенія обязательнаго обученія, но они всѣ были преувеличены; въ сущности же, будь оно постепенно введено съ

*) Всѣ эти предложенія Константиновича получили свое осуществленіе лишь въ 90-хъ годахъ.

1875 г. въ наиболѣе подготовленные уѣзды, теперь уже благотворные результаты такого мѣропріятія были бы несомнѣнны. А между тѣмъ вопросъ, поставленный гласными двухъ уѣздовъ, былъ тогда отклоненъ губернскимъ собраніемъ и вынырнулъ на свѣтъ Божій только въ 1896 г. (черезъ 21 годъ—таковъ медленный ходъ нашего общественнаго и культурнаго роста), въ докладѣ школьной коммиссіи, обсуждавшей вопросъ о пререканіяхъ съ церковнымъ вѣдомствомъ при каждомъ открытіи земской школы въ селахъ, гдѣ есть церковно-приходскія. «Дѣло распространенія народнаго образованія среди неграмотной многочисленной массы населенія такъ широко,—говорилось въ докладѣ коммиссіи,—что требуетъ для своего осуществленія огромнаго напряженія силъ и дружной, вполнѣ солидарной, строго согласованной работы всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, вѣдающихъ это дѣло, т.-е. земскаго, духовнаго и администраціи. Не мѣшать и задерживать, но всѣми силами помогать одно другому должны они для достиженія предназначенной цѣли». По этимъ соображеніямъ коммиссія предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣхъ стѣсненій, какія земство встрѣчаетъ при открытіи начальныхъ училищъ въ поселеніяхъ, гдѣ существуютъ церковно-приходскія школы и школы грамотности. Въ связи съ этимъ вопросомъ школьная коммиссія не можетъ не обратить вниманіе губернскаго собранія на необходимость введенія всеобщаго обученія. Собраніе встрѣчаетъ теперь вполнѣ сочувственно это предложеніе коммиссіи и поручаетъ губернской управѣ представить всѣ необходимые матеріалы и свѣдѣнія для введенія такого важнаго мѣропріятія, собрать свѣдѣнія о числѣ имѣющихся школъ. Но увы! когда всѣ эти свѣдѣнія были собраны, школьная сѣть разработана и губернская управа совмѣстно со школьной коммиссіей представила приблизительный разсчетъ стоимости практическаго осуществленія уже назрѣвшаго мѣропріятія—губернское собраніе испугалось необходимаго для него расхода и отклонило предложенія школьной коммиссіи, которыя главнымъ образомъ сводились къ тому, чтобы ходатайствовать у правительства ежегодной ссуды на 20 лѣтъ по 100,000 р., а также и о томъ, чтобы всѣ обязательные расходы черниговскаго земства (120,000 р.) были отнесены на казну, а освободившіяся такимъ образомъ суммы были употреблены на народное образованіе. Вмѣсто такихъ положительныхъ шаговъ къ разрѣшенію столь важнаго вопроса губернское собраніе лицемѣрно ухватилось за особый проектъ, внесенный однимъ изъ членовъ школьной коммиссіи, въ которомъ предлагалась запутанная система какого-то длительнаго постепеннаго осуществленія всеобщаго обученія и всякое окончательное рѣшеніе отложено было до слѣдующаго года. А въ 1899 г. и гораздо болѣе скромныя предложенія коммиссіи были снова отклонены, и вопросъ, полный жизненности, являющійся сознательнымъ запросомъ всего населенія, отъ правильной постановки котораго зависитъ весь ходъ жизни губерніи, до сихъ поръ не получилъ надлежащаго разрѣшенія. Губернское земство ограничиваетъ свое непосредственное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія выдачей ссудъ на

постройку школьныхъ зданій. Организованный еще въ 1873 г. по предложенію гл. Константиновича, этотъ фондъ въ 90-хъ годахъ былъ увеличенъ губернскимъ собраніемъ до 300,000 р. и много разъ оказывалъ сельскимъ обществамъ существенную помощь въ постройкѣ улучшенныхъ школьныхъ зданій по типамъ и планамъ, выработаннымъ комиссіей.

Гораздо существеннѣе выразилась помощь губернскаго земства во внѣшкольномъ образованіи. Въ 1888 г. въ г. Черниговѣ устроенъ былъ земскій книжный складъ особенно дѣятельно начавшій работать въ 1895 году, когда завѣдующей была приглашена опытная работница харьковскаго земства г-жа Лозинская, сразу поставившая складъ на широкую коммерческую и просвѣтительную дорогу. Въ 1895 г. въ честь бракосочетанія Его Императорскаго Величества Николая II губернское собраніе, по предложенію Хижнякова, пожертвовало 60,000 р. на устройство сельскихъ народныхъ библіотекъ-читаленъ (по 15,000 на 4 года на всѣ 15 уѣздовъ Черниговской губерніи). Въ помощь организаціи вечернихъ занятій губернское земство не только ассигнуетъ въ 1899 г. уже до 3,000 руб., оно регулируетъ ходъ дѣла изданіемъ программъ и правилъ для устройства ихъ.

Два раза черниговское земство возбуждало вопросъ о необходимости введенія начальнаго обученія на родномъ языкѣ населенія. Черниговская губернія имѣетъ смѣшанное населеніе: всѣ южные уѣзды сплошь населены малороссами, на западѣ живутъ перемѣшанно малороссы съ бѣлоруссами, а въ сѣверныхъ и восточныхъ уѣздахъ живетъ много великороссовъ. Ясно, что оффиціальный школьный языкъ, великорусскій, сильно затрудняетъ усвоеніе грамоты для $^{3}/_{4}$ населенія. Въ 1880 году былъ представленъ докладъ школьной коммиссіи о разныхъ преобразованіяхъ по начальнымъ школамъ и между прочимъ о введеніи малорусскаго языка въ народныхъ школахъ и о составленіи учебниковъ и народныхъ книгъ на этомъ языкѣ. Нѣкоторые гласные протестовали противъ этого, говоря, что хотя они вообще противники «тѣхъ мелочныхъ преслѣдованій, какимъ подвергается малорусская литература, но предлагаемая коммиссіей мѣра можетъ только повредить дѣлу: начинать обученіе на мѣстномъ языкѣ, а потомъ переходить на литературный значитъ переучивать, передѣлывать два раза, что сопряжено съ двойной затратой времени и силъ». Эти гласные даже не признавали возможности писать учебники, наприм., ариѳметики или географіи, на малорусскомъ языкѣ. Въ этомъ характерномъ отношеніи черниговскаго малорусскаго дворянства выразилось историческое отношеніе малорусскаго культурнаго общества къ его родному языку, обрекаемому имъ самимъ на роль простонароднаго говора, негоднаго ни для выраженій мыслей и понятій, ни для естественнаго роста. Нашлись однако въ средѣ черниговскаго земства и такіе гласные (Константиновичъ), которые ссылались, съ одной стороны, на педагогическій авторитетъ Ушинскаго, ставящаго во главѣ угла именно родной языкъ, съ другой стороны—на примѣръ Западной Европы, гдѣ въ народныхъ школахъ вездѣ признается Muttersprache даннаго населенія. Видя, что разногласіе держится исключительно на теорет...

почвѣ, гл. Червинскій совершенно правильно напомнилъ гласнымъ, что единственная возможная для нихъ «постановка вопроса выражается однимъ словомъ: *не мѣшайте, не давите мѣстной жизни*. Лучшій судья тутъ сама практика и лучшій путь—это предоставить самому дѣлу выработать себѣ надлежащія формы. Одни говорятъ, что разницы между обоими языками нѣтъ, другіе говорятъ—разница огромная, а взаимныхъ непониманій много. Хорошо, тогда и начинайте съ мѣстнаго языка» (см. Журн. 1880 г.).

Собраніе согласилось со всѣми предложеніями коммиссіи, но вопросъ отъ этого не подвинулся, и черезъ 13 лѣтъ гл. Шрагъ снова вноситъ въ 1893 г. тоже предложеніе о введеніи преподаванія на малорусскомъ языкѣ въ школахъ среди малорусскаго населенія; но его докладъ откладывается съ года на годъ, не обсуждаясь собраніемъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Въ 1900 г. докладъ этотъ, подкрѣпленный ходатайствомъ борзенскаго земства, наконецъ, принимается собраніемъ и оно постановляетъ ходатайствовать о дозволеніи употребленія народнаго языка въ школьномъ преподаваніи, а также объ отмѣнѣ стѣсненія при изданіи педагогическихъ и популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ и о допущеніи этихъ книгъ въ школьныя и сельскія библіотеки. На это ходатайство черниговское земство до сихъ поръ не получило отвѣта.

Въ связи съ языкомъ преподаванія стоитъ, конечно, вопросъ о программѣ преподаванія въ начальныхъ школахъ, и черниговское земство много разъ обращалось съ ходатайствами о расширеніи ея. Сознавая всю недостаточность объема знаній одноклассныхъ народныхъ училищъ, губ. собр. еще въ 1878 г. задумывало заводить школы для подготовленія волостныхъ писарей, съ введеніемъ въ курсъ такихъ школъ всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для волостныхъ писарей (законодательство, счетоводство и др.). Но многіе гласные убѣждали собраніе, что такія спеціальныя школы далеко не могутъ гарантировать ни умственнаго, ни нравственнаго подъема волостныхъ писарей, такъ какъ деморализація этихъ сельскихъ заправилъ зависитъ отъ общаго низкаго уровня среды, изъ которой они выходятъ, и ничтожнаго содержанія, получаемаго писарями. Гораздо плодотворнѣе было бы, говорилъ Петрункевичъ, для населенія вообще увеличивать число училищъ съ болѣе широкою программой преподаванія, какъ, напримѣръ, двуклассныя. Лучше всего было бы взять ихъ содержаніе на губернскій счетъ, такъ какъ уѣздамъ оно не по силамъ да и сознанія ихъ необходимости еще нѣтъ среди уѣздныхъ гласныхъ, губернское же собраніе, какъ наиболѣе интеллигентное по своему составу (среди гласныхъ эти слова вызываютъ протестъ), должно взять на себя инціативу и постепенно открывать ихъ». Собраніе единогласно постановило ходатайствовать о таковомъ разрѣшеніи губ. земству, но удовлетворенія не воспослѣдовало и благодаря тѣмъ стѣсненіямъ, какими до сихъ поръ обставлено открытіе двуклассныхъ училищъ, ихъ въ Черниговской губерніи всего 22 на территоріи въ 5,622□ версты. Второе ходатайство по тому же вопросу также не получило удовлетворенія.

Не оставалось черниговское земство чуждымъ и къ нуждамъ средняго образованія и высшаго, которыя оба такъ близко затрогивали личные и семейные интересы гласныхъ и все несовершенство которыхъ сознавалось ими вполнѣ. Вотъ почему уже въ 1868 г. они подаютъ ходатайство объ уравненіи правъ реальныхъ и классическихъ гимназій для поступленія въ университетъ, поднятъ же былъ этотъ вопросъ на самомъ первомъ губернскомъ собраніи, но тогда по новизнѣ дѣла и благодаря ловкимъ аргументамъ въ пользу классицизма со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Уставъ о гимназіи тогда только что вышелъ и результаты его приложенія къ дѣлу не могли еще быть оцѣнены. Теперь же, говорилось въ докладѣ нѣжинскаго земскаго уѣзднаго собранія, представленномъ на усмотрѣніе губернской сессіи 1868 г.: «можно смѣло утвержать, что защитниками и поклонниками классическаго образованія въ Россіи остались однѣ *Моск. Вѣд.* Такъ какъ уже изъ нѣсколькихъ губерній посланы ходатайства объ уравненіи правъ гимназій, то и черниговское земство видитъ существенную необходимость ходатайствовать хотя бы о томъ, чтобы воспитанникамъ реальныхъ училищъ было предоставлено право продолжать свое образованіе въ университетѣ на тѣхъ факультетахъ, въ курсъ которыхъ не входитъ дальнѣйшее изученіе классическихъ языковъ и литературы, а для филологическаго факультета установить экзаменъ по одному латинскому языку. Въ случаѣ разрѣшенія этого ходатайства въ благопріятномъ смыслѣ, нѣжинское собраніе присоединяло еще свое частное ходатайство о преобразованіи нѣжинской классической гимназіи въ реальную». На возраженія нѣкоторыхъ гласныхъ, сомнѣвавшихся въ томъ, можетъ ли губернское собраніе браться за разрѣшеніе такихъ спеціальныхъ педагогическихъ вопросовъ, другіе гласные горячо защищали свое право, такъ какъ современное положеніе среднеучебнаго дѣла крайне тягостно для родителей, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ гимназіи, и удовлетвореніе ходатайства отвѣтило бы насущнымъ потребностямъ нашего общества. «Необходимо,—говорилось въ собраніи,—избавить нашихъ дѣтей отъ изученія мертвыхъ языковъ, поглощающихъ все время въ ущербъ другимъ болѣе полезнымъ предметамъ обученія!» Но это ходатайство осталось безъ всякаго удовлетворенія, также какъ и позднѣйшее въ 1896 г. о преобразованіи совершенно безжизненнаго филологическаго института въ городѣ Нѣжинѣ въ сельско-хозяйственную школу. Пришлось земству свое участіе въ среднемъ образованіи ограничить выдачей пособій на содержаніе преимущественно реальнымъ училищамъ и женскимъ гимназіямъ. Для высшаго образованія черниговское земство устраивало свои стипендіи, выдавало пособія женскимъ курсамъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Кіевѣ, хотя эта ассигновка часто опротестовывалась губернаторомъ.

Для спеціальнаго, профессіональнаго образованія черниговское земство устроило ремесленное училище и фельдшерскую школу—обѣ учебныя заведенія въ г. Черниговѣ при сиротскомъ домѣ и при губернской больницѣ.

Оглядываясь на все сдѣланное черниговскимъ губ. земствомъ для народнаго образованія, ясно видишь, какъ большинство его желаній и прекрасныхъ мѣропріятій парализировались внѣшними препятствіями. Но во многихъ случаяхъ совершенно очевидно, что въ самомъ земствѣ, въ его рѣшающемъ большинствѣ недоставало искренней убѣжденности въ необходимости и въ обязательности громадныхъ расходовъ на дѣло просвѣщенія всей массы населенія, недоставало сознанія, что на почвѣ существующаго народнаго невѣжества гибнутъ многія благія начинанія земства, задерживается экономическій ростъ края и остаются безъ плодотворнаго развитія лучшія духовныя дарованія и нравственныя силы народа.

VI.

Народное здравіе въ селахъ при введеніи земскихъ учрежденій никѣмъ и ничѣмъ не ограждалось. Существовали только три больницы въ гг. Черниговѣ, Глуховѣ и Нѣжинѣ; никакихъ сельскихъ врачей нигдѣ не было. Земство среди своихъ сложныхъ первоначальныхъ хлопотъ не берется за этотъ вопросъ и ограничивается заботами о возможно широкомъ распространеніи оспопрививанія, для чего устраиваетъ въ г. Черниговѣ свой собственный телятникъ. Первымъ толчкомъ къ положительнымъ медицинскимъ мѣрамъ явилась холера, свирѣпствовавшая въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, затѣмъ не менѣе грознымъ призракомъ всталъ дѣтскій бичъ—дифтеритъ (появившійся впервые въ началѣ семидесятыхъ годовъ), съ которымъ черниговскому земству пришлось вести упорную, долгую борьбу. Распространившійся особенно сильно въ Новозыбковскомъ и Кролевецкомъ уѣздахъ сифилисъ тоже вызываетъ со стороны губернскаго земства цѣлый рядъ мѣръ противъ этого злѣйшаго врага, разрушающаго народное здоровье въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Оно просило помощи у правительства, какъ денежной, такъ и нравственной, какъ, наприм., разрѣшеніе признать обязательными для населенія выработанныя земскими врачами правила и облегчить устройство по селамъ чтеній по медицинѣ и гигіенѣ. Черниговская губ. по своей смертности находится въ довольно неблагопріятныхъ условіяхъ; изъ 174 ея волостей только 5 находятся съ нормальной смертностью, такъ что для оздоровленія населенія черниговскому земству предстоитъ еще много работать не только въ борьбѣ съ эпидеміями, но и по ассенизаціи разныхъ мѣстностей. Медицинская же постоянная помощь населенію лежитъ на попеченіяхъ уѣздовъ, между тѣмъ какъ содержаніе губернской больницы съ психіатрическимъ отдѣленіемъ всегда было въ рукахъ губернскаго земства. Много недостатковъ всегда указывали ревизіонныя коммиссіи во внутренней жизни этого обширнаго учрежденія, постоянно страдающаго отъ переполненія больными. Много разъ въ собраніи и въ губ. управѣ возникалъ вопросъ о радикальномъ преобразованіи всей больницы, но для этого никогда не хватало матеріальныхъ средствъ, а главное энергичныхъ, преданныхъ людей. Представленный же въ 1874 г. проектъ

новаго устройства больницы правительствомъ не былъ утвержденъ. Еще въ 1875 г. гл. Карпинскій, какъ знающій врачъ, доказывалъ губ. собранію необходимость выстроить отдѣльное зданіе внѣ города для призрѣнія умалишенныхъ, съ предоставленіемъ имъ возможности заниматься полевыми работами. Но собраніе убоялось цифры, требуемой этимъ сооруженіемъ, и психіатрическое отдѣленіе черниговской больницы до сихъ поръ болѣе нехоже на переполненную казарму, чѣмъ на мѣсто врачеванія самыхъ тяжелыхъ человѣческихъ страданій. А что грустнѣе всего, это тотъ фактъ непонятнаго со стороны губ. земства индифферентизма, въ силу котораго до сихъ поръ во главѣ этого благотворительнаго земскаго учрежденія стоитъ лицо, навсегда опозорившее себя жестокимъ обращеніемъ съ самыми жалкими умалишенными паціентами *).

Рядомъ съ борьбой противъ эпидемій и оздоровленія населенія, черниговское губернское земство озабочено было предохраненіемъ скота отъ повальныхъ заболѣваній, такъ разорительно отражающихся на благосостояніи народа. Уже въ 1871 г. избирается коммиссія для выработки мѣръ предупрежденія эпизоотій и главнымъ образомъ чумы. Предлагаемое правительствомъ убиваніе больного скота долго не принималось черниговскимъ губернскимъ собраніемъ и только въ 1881 г. защитникамъ этой раціональной мѣры удалось убѣдить гласныхъ въ ея абсолютной пользѣ. Еще дольше обсуждался вопросъ о введеніи добровольнаго или обязательнаго страхованія скота не только противъ чумы, но и противъ всякой палости (въ 1886 г.). Рядомъ съ этими предупредительными мѣрами земство обезпечивало населенію возможную помощь ветеринаровъ при всякомъ заболѣваніи скота. Но въ этомъ отношеніи губернское собраніе часто обнаруживало поразительное недовѣріе къ наукѣ и отказывало губ. управѣ въ самыхъ цѣлесообразныхъ ея проектахъ по устройству ветеринарной губернской организаціи. Ограничиваясь полумѣрами, земство то ассигнуетъ на содержаніе 8 ветеринаровъ (въ 1890 г.), то вдругъ и это ничтожное для территоріи въ 45 тысячъ □ верстъ (15 уѣздовъ) сокращаетъ до 3-хъ, несмотря на появившуюся въ томъ же 1896 г. сибирскую язву и даже, по настоянію гл. Лизогуба «не вѣрящаго ветеринаріи», уничтожаетъ работавшій при губ. управѣ ветеринарный столъ. Однако требованія самой жизни должны были заставить умолкнуть малосвѣдущихъ скептиковъ: сибирская язва распространялась по губерніи, и губернское собраніе вынуждено ассигновать 2,500 руб. на то, чтобы командировать одного изъ своихъ ветеринаровъ въ харьковскую бактеріологическую станцію изучать способъ прививки сибирской язвы, а въ 1899 г. губ. собраніе постановляетъ созвать совѣщательную коммиссію изъ земцевъ и ветеринаровъ и пригласить профессора для уясненія мѣръ предохраненія и излѣченія сибирской язвы.

Такая неувѣренность въ точкахъ зрѣнія на свои обязанности по од[illegible]-

*) См. журн. собр. 1896 г., газеты *Врачъ* и *Жизнь и Искусство*, журн. [illegible] *Богатство* за 1896 г.

нешю скота и постоянныя колебанія въ своихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ принесли большой вредъ самому дѣлу. Изъ добровольнаго страхованія скота, конечно, ничего не вышло, а будь введено въ 80-хъ годахъ страхованіе обязательное, какъ это и сдѣлано уже во многихъ земскихъ губерніяхъ, оно успѣло бы оказать свое плодотворное вліяніе на улучшеніе скотоводства въ губерніи.

Что касается до страхованія отъ огня, то въ этомъ отношеніи очень много было сдѣлано въ началѣ 90-хъ годовъ (1893 г.), когда это дѣло, несмотря на громкій протестъ уѣздныхъ земствъ, было взято губернской управой въ свои руки и по всѣмъ уѣздамъ назначены страховые агенты и субъагенты при непосредственномъ наблюденіи одного губернскаго страхового инспектора. Статистическое изслѣдованіе члена тогдашней губ. управы А. П. Шликевича о горимости построекъ по даннымъ о пожарахъ въ губерніи за 25 лѣтъ дало точныя основанія для правильнаго опредѣленія тарифовъ премій въ разныхъ полосахъ губерніи. Дорожныя сооруженія находятся почти всѣ въ вѣдѣніи уѣздовъ; губ. собраніе только ассигнуетъ суммы на ихъ сооруженіе и ремонтъ и для наблюденія содержитъ губернскаго техника. Одной изъ раннихъ заботъ черниговскаго губ. земства было переложеніе дорожной натуральной повинности на денежную для уравненія ихъ между всѣми членами земства. Въ 1898 г. въ руки черниговскаго губ. земства перешло завѣдываніе шоссе между Кіевомъ и г. Островомъ, но, конечно, только въ предѣлахъ Черниговской губ.

VII.

Рядомъ съ обязательными и необязательными мѣропріятіями по всему сложному земскому хозяйству, въ каждомъ земствѣ неизбѣжно возникаетъ стремленіе къ возможно болѣе ясному, точному самопознанію. Этому стремленію вездѣ и всегда отвѣчала статистика, и теперь мало найдется уже земствъ, которыя считали бы возможнымъ обходиться безъ самаго подробнаго статистическаго изученія своихъ земель и своего населенія. Потребность въ точныхъ статистическихъ данныхъ обнаружилась въ черниговскомъ земствѣ при первомъ же столкновеніи съ продовольственной нуждой Мглинскаго и Суражскаго уѣздовъ, чувствовалась она и при раскладкахъ губернскаго сбора, когда въ рукахъ губернскаго собранія и губернской управы не было никакого точнаго критеріума для такой или иной нормы обложенія. Въ 1868 г. это отсутствіе всякихъ свѣдѣній и о качествѣ и о количествѣ облагаемыхъ земель заставляетъ губернское собраніе высказывать желаніе имѣть почвенные атласы съ подраздѣленіемъ земель на разряды. Но собраніе еще боится затратить на такое самоизученіе какихъ-нибудь тысячъ 50—60, по самому поверхностному разсчету. Въ 1875 г. губернскому собранію предлагается наконецъ ассигновать 4,200 р. на устройство статистическаго отдѣленія при губернской управѣ. Гласные встрѣтили это предложеніе недовѣрчиво: одни—гл. Рачинскій—удивлялись, почему статистическая работа централизуется при губернской управѣ, по-

чему не призвать къ участію уѣзды и не выбрать въ каждомъ уѣздѣ по два губернскихъ гласныхъ для статистическихъ работъ? такъ онѣ казались собранію просты, что для нихъ не нужно будто никакой спеціальной подготовки. Другіе гласные—Раевскій—утверждали, что будь этотъ вопросъ на обсужденіи уѣздныхъ земствъ, навѣрно каждое изъ нихъ завело бы у себя бюро для собиранія свѣдѣній, тогда отдѣленію уже пришлось бы заняться только обработкой ихъ. Вообще хотя предложеніе и принимается, но программа его работъ сразу пугаетъ своей широтой, и просятъ будущее отдѣленіе ее переработать. На будущій годъ статистическое отдѣленіе представляетъ не только программы и объяснительную къ нимъ записку, въ которой выясняются всѣ планы и методы собиранія свѣдѣній, но даже почти законченное описаніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ волостей Черниговскаго уѣзда. Но въ слѣдующемъ году, когда отдѣленіе представило выводы изъ своихъ описаній двухъ уѣздовъ, собраніе вдругъ изъ мирныхъ гласныхъ превратилось въ толпу раздраженныхъ обывателей, дрожащихъ передъ увеличеніемъ оцѣнки и доходности своего имущества, въ виду дѣлаемой статистикою группировки земель. Всѣ труды статистиковъ признаются никуда негодными, а затрата земскихъ денегъ на производство ихъ совершенно излишнею, такъ какъ эти труды, если и имѣютъ научный и общественный интересъ, то для непосредственныхъ потребностей земства въ равномѣрной раскладкѣ сборовъ не могутъ принести существенной пользы. Они даютъ слишкомъ далекіе выводы: «что намъ изъ того,—иронизировали гласные надъ такъ называемыми средними цифрами:—что гдѣ-то на лунѣ у ангеловъ небесныхъ будетъ извѣстно для какого-нибудь куска земли урожайность, доходность. Намъ даже не нужно знать, гдѣ этотъ оазисъ! Такія свѣдѣнія можетъ собрать всякая управа. Мы земцы—бѣдны, и потому вообще мы скупы, скупы даже на то, что несомнѣнно нужно, а тутъ давали и намѣреваемся и дальше давать деньги на дѣло, въ дѣйствительной пользѣ котораго никто не убѣжденъ. Уже то одно, что такъ много гласныхъ считаютъ статистическое отдѣленіе ненужнымъ, доказываетъ, что вопросъ о его полезности вовсе не доказанъ».

Одинъ изъ гласныхъ, очевидно отчаявшійся убѣдить собраніе основательными доводами въ необходимости закрыть статистическое отдѣленіе, прибѣгнулъ къ слѣдующему довольно непонятному символическому аргументу: «если мы видимъ шапку, то конечно никто не станетъ спорить о томъ, что на морозѣ она необходима. Поэтому, я предлагаю закрыть статистическое отдѣленіе!» (см. Журн. 1876 г., стр. 160—202 и 235—240). Враги статистики не хотѣли даже печатать уже собранные матеріалы: «не нужно намъ,—кричали они,—никакой статистики! Къ чему печатать всѣ эти литературные труды нашихъ статистиковъ, если наши уѣздныя управы и читать ихъ не хотятъ! Необходимо теперь же, какъ можно скорѣе, теперь же пріостановить эту статистику. Мы всегда успѣемъ ввести равномѣрную раскладку налоговъ, зачѣмъ намъ непремѣнно теперь это дѣлать?» Другіе гласные, болѣе авторитетные въ научномъ пониманіи статистики, старались

доказать зло работъ черниговскаго отдѣленія въ ихъ растянутости на 5—7 лѣтъ, что не дастъ однородныхъ данныхъ; когда же предложено было для разъясненія хода дѣла пригласить самихъ статистиковъ, враги этой науки подняли вопли: «не нужно, не нужно!» и даже «грозили проклятіемъ всѣхъ плательщиковъ налоговъ тѣмъ гласнымъ, которые подадутъ голосъ за внесеніе въ смѣту расхода на содержаніе статистическаго отдѣленія», и въ оправданіе себя, такъ сказать devant les gens прибавляли: мы «не отрицаемъ статистики, мы уважаемъ статистику, мы только отрицаемъ надобность черниговской статистики, хотимъ, чтобъ эта статистика была закрыта, нельзя на «безполезный трудъ» затрачивать 8,000 р. Не надо вносить этой ассигновки въ смѣту, а то потомъ ужъ хочешь, не хочешь возись съ этой статистикой. Не надо продолжать работъ, развѣ только ужъ ограничиться собираніемъ свѣдѣній по землевладѣнію».

Предсѣдатель напрасно звонитъ, стучитъ, предлагаетъ перерывъ собранія, статистикофобы съ «правой стороны» требуютъ немедленной баллотировки вопроса, вырываютъ другъ у друга баллотировочный листъ, который предсѣдатель вынужденъ былъ пустить въ ходъ въ виду поднявшейся сумятицы и совершенной невозможности спокойнаго голосованія, и въ концѣ концевъ существованіе черниговскаго статистическаго отдѣлѣнія со скрежетомъ зубовъ проваливается большинствомъ 39 голосовъ противъ 36 его защитниковъ.

Необходимость точныхъ статистическихъ свѣдѣній была однако слишкомъ очевидна, и черезъ годъ послѣ закрытія губернской статистики за нее берутся отдѣльные уѣзды (Нѣжинскій и Новозыбковскій), а въ 1881 г. губернское собраніе новаго призыва уже признаетъ въ принципѣ необходимость статистическихъ свѣдѣній для губернскихъ раскладокъ и постановляетъ открыть снова при губернской управѣ статистическое отдѣленіе; для непосредственнаго наблюденія за ходомъ работъ выбранъ былъ 3-й членъ губернской управы, Червинскій, самъ уже работавшій въ прежнемъ статистическомъ отдѣленіи. Этимъ самымъ была какъ бы гарантирована до нѣкоторой степени судьба учрежденія. При всѣхъ возраженіяхъ и преніяхъ его основательные доводы и разъясненія обезоруживали враговъ статистики. Ему даже удалось склонить губернское собраніе къ ассигновкѣ на подворныя описанія нѣкоторыхъ уѣздовъ Черниговской губ.

Когда всѣ уѣзды были изслѣдованы и описаны, въ 1885 г. возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы свести эти свѣдѣнія къ одной общей картинѣ всей губерніи и составить сводное описаніе ея, для чего управа вырабатываетъ программу къ сессіи 1886 г. Но къ самой работѣ этой удалось приступить только въ 1895 г., когда для нея приглашенъ былъ статистикъ Русовъ, выполнившій ее за 4 года, благодаря необходимости собирать заново многія устарѣвшія данныя и дополнить недостающія.

Не такъ успѣшно пошло дѣло о текущей статистикѣ. Докладъ губернской управы объ ея учрежденіи въ 1888 г. возбудилъ снова очень оживленныя пренія; гласные говорили, что земству не нужна статистика, что она служитъ лишь ученымъ цѣлямъ, что произведенныя работы по ста-

тистическому описанію губерніи совершенно никому не нужны, предлагаемая губернской управой текущая статистика «прописывается, какъ лѣкарство въ такой большой дозѣ, что она не вылѣчитъ больного, а только отправитъ его на тотъ свѣтъ». Несмотря на то, что защитники статистики опирались на самые авторитетные лестные отзывы о работахъ черниговскаго статистическаго отдѣленія, не слушая справедливыхъ указаній на то, что управы для добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей должны же быть вооружены систематическими данными и цифрами, отказывая же въ расходахъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія этихъ необходимыхъ свѣдѣній, собраніе обрекаетъ свои исполнительные органы на полнѣйшее безсиліе, толкаетъ ихъ на то, чтобы вести все земское хозяйство какъ-нибудь, спустя рукава, ибо сельско-хозяйственная статистика можетъ помочь разобраться въ переживаемомъ нами экономическомъ кризисѣ. Всѣ эти доводы не оказали никакого воздѣйствія на упорное предубѣжденіе собранія, и текущая статистика была отклонена. А между тѣмъ въ 1899 г. по приказу свыше пришлось-таки черниговскому земству приниматься за правильную оцѣнку своихъ земель. Избранной изъ среды гласныхъ коммиссіи поручено было организовать переоцѣнку земли на счетъ правительственной субсидіи въ 55,000 р. въ годъ и ассигнованныхъ земствомъ 500 р.

Прошли года, улеглись страсти, такъ волновавшія черниговское губернское собраніе при первомъ словѣ о статистикѣ и оцѣнкѣ земли, но благодаря прекрасно выполненнымъ трудамъ бывшихъ статистиковъ черниговскихъ, огромная задача этой оцѣночной коммиссіи значительно облегчена: передъ ней громадныя таблицы урожайности, прекрасныя почвенныя карты, безусловно точныя описанія всѣхъ условій, увеличивающихъ доходность одинаковыхъ земель въ разныхъ мѣстностяхъ, и вопросъ о наиболѣе справедливой и правильной раскладкѣ налоговъ, стоявшій въ губернскомъ черниговскомъ собраніи роковымъ, неразрѣшимымъ призракомъ, теперь близокъ къ успѣшному разрѣшенію.

VIII.

Нашъ краткій очеркъ дѣятельности черниговскаго земства, выразившейся постановленіями его губернскихъ собраній, не можетъ конечно дать полное представленіе о всемъ ходѣ земскаго дѣла въ Черниговской губерніи, такъ какъ главными хозяйственными земскими органами являются по существу дѣла уѣздныя земства; на нихъ лежитъ главная исполнительная роль и по народному образованію, и по дорожнымъ сооруженіямъ, и по медицинѣ, и по экономическимъ мѣропріятіямъ. Только страхованіе да статистика всегда находились въ рукахъ губернскаго земства, по всѣмъ же другимъ вопросамъ оно ограничивалось ролью руководителя, иниціатора. Губернскія собранія являются крупными общественными учрежденіями съ большой отвѣтственной ролью; они намѣчаютъ направленіе, въ которомъ должна двигаться вся земская работа губерніи, они создаютъ ту атмосферу сознательнаго отношенія къ своимъ правамъ и обязанностямъ, внѣ которой

не можетъ развиваться самоуправленіе. Оглядываясь на прожитыя черниговскимъ земствомъ 40 лѣтъ, нельзя не видѣть, что оно сразу поняло свою роль и старалось по мѣрѣ силъ ее выполнить; но это сознательное и настойчивое огражденіе своихъ правъ, какъ мѣстныхъ представителей населенія и удовлетвореніе насущнѣйшихъ нуждъ населенія, на каждомъ шагу вызывало столкновеніе съ административными стѣсненіями и недоразумѣніями въ пониманіи взаимныхъ отношеній, къ постояннымъ ограниченіямъ независимости земскихъ органовъ въ веденіи порученнаго имъ Положеніемъ 1864 г. народнаго хозяйства. Тѣ недостатки и неправильности законоположеній, какіе сознавались съ самаго начала земскими представителями, не только не подверглись исправленію, какъ того требовала сама жизнь, выразившаяся въ многочисленныхъ земскихъ ходатайствахъ, наоборотъ: цѣлый рядъ частныхъ административныхъ распоряженій вплоть до рѣшительнаго закона 1890 г. внесли еще больше стѣсненій и ограниченій независимости земскаго самоуправленія, губительно дѣйствующихъ на его работу. Это зависимое отъ мѣстной администраціи положеніе прежде всего создаетъ предвзятую точку зрѣнія собранія на обсуждаемые вопросы и на лицъ, предлагающихъ то или иное мѣропріятіе. Къ сожалѣнію во всѣхъ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ и собраніяхъ сознательно активно только меньшинство, большинство же индиферентно. Вотъ это-то индиферентное къ общественнымъ интересамъ большинство всегда очень чутко къ мнѣніямъ и настроеніямъ, господствующимъ въ административныхъ сферахъ. Въ силу этого, иногда самые простые вопросы,—ветеринарная организація, статистика, ремесленное училище,—вдругъ становятся какими-то боевыми жупелами, все собраніе раздѣляется на двѣ непримиримыя партіи и на невинныхъ мѣропріятіяхъ скрещиваются мечи, съ одной стороны, вполнѣ сознательныхъ, безкорыстныхъ и талантливыхъ народныхъ дѣятелей, каковы Карпинскій, Линдфорсъ, Петрункевичъ, Хижняковъ и др., съ другой же—оппортюнистовъ вродѣ Рачинскаго и Лизогуба и консерваторовъ—Пселъ, Уманецъ, Трофименко и мн. др. Эта партіозность, естественный продуктъ зависимаго положенія земства, часто превращала все земское дѣло въ какую-то лоттерею съ крупнымъ выигрышемъ и роковымъ проигрышемъ; она является неизбѣжнымъ внутреннимъ зломъ всякаго общественнаго учрежденія, особенно вреднымъ на почвѣ несвободнаго, зависимаго обсужденія и рѣшенія дѣла не по существу, а по закулиснымъ соображеніямъ. Иногда это закулисное внѣшнее давленіе грубо врывалось въ мирный ходъ работъ губернскаго собранія и, воплощаясь въ дискреціонную власть предсѣдателя собранія, препятствовало обсужденію дѣлъ, какъ это было въ собраніи 1879 г., при обсужденіи воззванія правительства къ обществу, напечатаннаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, когда послѣ горячей рѣчи Петрункевича, доказавшаго беззаконность дѣйствій предсѣдателя, 20-ти гласнымъ (изъ 45) осталось только уйти изъ собранія, хоть пассивно протестуя противъ вопіющаго насилія, присуждавшаго ихъ быть «нѣмыми гласными» (см. журн. 1879 г. и прил. 2-е). Эта же зависимость земства печально отражалась на подборѣ необходимыхъ для

него работниковъ: при той бѣдности людей, преданныхъ интересамъ глухой провинціи, на которую указывалъ, какъ мы видѣли, гл. Линдфорсъ, и тѣ немногіе честные труженики, готовые приложить свои руки къ подчасъ очень тяжелой и плохо обезпечиваемой земской работѣ, немедленно по какому-то роковому недоразумѣнію кажутся подозрительными администраціи и очень скоро подъ самыми несообразными предлогами отрываются отъ начатаго дѣла, которое часто отъ ихъ удаленія и само гибнетъ. Такимъ образомъ получается совершенно ненормальное положеніе, въ которомъ земство въ собственномъ дѣлѣ далеко не хозяинъ, и тѣ нужды, которыя сразу съ 60-хъ годовъ обратили на себя его вниманіе, и до сихъ поръ, какъ мы это видѣли, остаются неудовлетворенными къ безусловному вреду для народнаго благосостоянія губерніи. Ненормальность заключается еще и въ неопредѣленности самой физіономіи земства: не то оно всесословная, не то сословная единица и, какъ таковая, выражаетъ ли оно желанія меньшинства, или общія нужды всего населенія; съ одной стороны, многія коренныя потребности огромнаго большинства населенія для гласныхъ губернскаго собранія далеко не являются больнымъ мѣстомъ, съ другой стороны—многія предпріятія земства, какъ безусловнаго меньшинства, остаются совершенно чужды всей массѣ населенія. На все это часто указывалось черниговскимъ земствомъ въ его ходатайствахъ о пониженіи избирательнаго ценза и многихъ другихъ. Но—увы!—изъ безчисленныхъ ходатайствъ его получили удовлетворительные отвѣты только наименѣе затрогивающія коренныя мѣстныя и общія нужды. Земство извѣрилось въ ходатайства....

Все это создаетъ земству Черниговской губ. самое неопредѣленное шаткое положеніе по отношенію къ своимъ уполномочіямъ передъ избирателями. Но черниговское земство ведетъ свое дѣло настойчиво и честно; въ его дѣятельности были ошибки, многое остается еще дѣлать и начинать сначала, но на немъ нѣтъ упрека ни въ малодушіи, ни въ невнимательномъ отношеніи къ нуждамъ населенія; оно бережно увеличиваетъ народное богатство, постепенно расширяя свою смѣту съ 62,400 р., утвержденной собраніемъ 1867 г., до 876,917 р., ассигнованныхъ въ 1898 г.; его нравственныя традиціи увѣковѣчены именами крупныхъ безупречно чистыхъ дѣятелей. Въ новомъ, открывающемся передъ черниговскимъ земствомъ, періодѣ жизни ему надлежитъ разрѣшить неотложную завѣщанную ему съ давнихъ поръ задачу—добиться необходимой для правильной дѣятельности независимости отъ административнаго усмотрѣнія, демократизировать составъ земскихъ собраній пониженіемъ избирательнаго ценза и ввести всеобщее обученіе въ Черниговской губ. на родномъ языкѣ населяющихъ ее народностей. Выполненіе этой сложной и обязательной реформы народнаго образованія станетъ тѣмъ прочнымъ базисомъ, на которомъ могутъ опереться многія реформы земскаго самоуправленія; одно оно откроетъ свѣтлые горизонты всему земскому дѣлу Черниговской губерніи и поможетъ удовлетворить многіе до сихъ поръ неразрѣшенные черниговскимъ губернскимъ собраніемъ настойчивые экономическіе вопросы.

С. Русов

Санитарныя условія ртутнаго производства.

Добываніе ртути у насъ, въ Россіи, вслѣдствіе ограниченности рудныхъ мѣстонахожденій, принадлежитъ къ очень рѣдкимъ отраслямъ отечественной промышленности. Въ настоящемъ очеркѣ считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ своеобразной обстановкой ртутнаго производства—очень вреднаго для здоровья рабочихъ. Ртуть въ готовомъ видѣ въ природѣ рѣдко встрѣчается, а искусственно она получается путемъ возгонки ртутной руды (киноварь), находящейся въ соединеніи съ другими минералами, чаще всего съ кварцитами и песчаниками, залегающими въ землѣ въ большинствѣ случаевъ въ видѣ сплошной массы, образуя подземныя горы. Каменистая рудоносная порода взрывается въ шахтахъ динамитомъ на небольшіе куски, которые разбиваются молотами еще на меньшіе и въ такомъ видѣ подаются на поверхность, на заводъ, гдѣ они подвергаются дальнѣйшей обработкѣ. Какъ видно уже изъ этого краткаго описанія, процессъ добыванія ртути состоитъ изъ двухъ главныхъ операцій — работы въ шахтахъ и на заводѣ, и такъ какъ каждая изъ нихъ носитъ вполнѣ самостоятельный характеръ, то и разсмотримъ ихъ отдѣльно, причемъ начнемъ съ раздѣленія рабочихъ на категоріи и краткой характеристики работъ каждой группы. Рабочіе въ шахтѣ раздѣляются на бурильщиковъ (забойщики), запальщиковъ, сортировщиковъ, засыпщиковъ, коногоновъ, тормозныхъ, стволовыхъ, закладчиковъ, крѣпильщиковъ и конюховъ. *Бурильщикъ* сверлитъ посредствомъ спеціально приспособленнаго для этой цѣли желѣзнаго стержня каменистую породу. Техника этой работы состоитъ въ слѣдующемъ. Бурильщикъ, взявъ «сверло» въ лѣвую руку, ставитъ его на камень и ударяетъ по немъ одинъ или нѣсколько разъ молоткомъ, находящимся въ правой рукѣ, пока оно не врѣжется въ достаточной степени; потомъ сверло поворачивается нѣсколько разъ то въ одну, то въ другую сторону до тѣхъ поръ, пока на днѣ канала не уничтожатся всѣ неровности. Такія манипуляціи продѣлываются бурильщикомъ во все время работы. По характеру своему бурильная работа и трудная, и опасная. Постоянное неудобство ея состоитъ въ томъ, что при ней образуется очень тонкая каменная пыль,

которою вынуждены дышать рабочіе въ шахтѣ. Пыль, попадая въ дыхательные пути, раздражаетъ ихъ, вслѣдствіе чего они воспаляются и подвергаются различнымъ катарамъ, и такъ какъ вредное вліяніе ея продолжается очень долго, то и болѣзни дыхательныхъ органовъ принимаютъ хроническое теченіе и почти неизлѣчимы, пока бурильщики не оставятъ своей профессіи. Постоянные хроническіе насморки, бронхиты, эмфизема и чахотка легкихъ—частыя болѣзни среди бурильщиковъ. Отъ той же самой причины почти всѣ они болѣютъ хроническимъ воспаленіемъ вѣкъ и глазныхъ оболочекъ. На кожѣ пыль смѣшивается съ потомъ и отмачиваетъ верхній слой ея, который разлагается и служитъ ближайшей причиной къ развитію кожныхъ болѣзней — отъ сравнительно безвредныхъ эритемъ до обширныхъ флегмонъ включительно. Этому, быть можетъ, въ значительной степени способствуетъ вліяніе и другихъ вредныхъ веществъ, смѣшанныхъ съ пылью, какъ киноварь, сурьмяный блескъ и т. п. На пальцахъ и ладоняхъ отъ постояннаго тренія и нажима сверла и рукоятки молота у бурильщиковъ часто развиваются мозоли, которыя, лопаясь, загрязняются и нерѣдко ведутъ къ образованію нарывовъ и воспаленію подкожной клѣтчатки. Слѣдуетъ также указать на частыя травматическія поврежденія, получаемыя бурильщиками во время крѣпленія забоевъ. Самыми серьезными по послѣдствіямъ—это поврежденія глазъ послѣ ушиба осколками камня, отскакивающими во время буренія. Опасность работы бурильщиковъ заключается во взрывахъ «бурокъ» (динамитные патроны), когда случайно на нихъ натолкнутся рабочіе во время буренія, а это бываетъ въ томъ случаѣ, когда вложенный въ просверленный каналъ динамитный патронъ почему-либо не воспламенится во время «запалки». Послѣдствіемъ такихъ несчастныхъ случаевъ получаются ожоги лица, другихъ частей тѣла и ушибы, ведущіе очень часто къ слѣпотѣ и тяжкимъ поврежденіямъ костей со смертнымъ иногда исходомъ. Говоря о несчастныхъ случаяхъ съ бурильщиками въ шахтѣ, нельзя не упомянуть и объ обвалахъ, случающихся далеко не рѣдко. Причины обваловъ различныя: недостаточно хорошее крѣпленіе, личная небрежность къ дѣлу бурильщика, плохой лѣсной матеріалъ и непредвидѣнныя причины, какъ внезапно образовавшаяся трещина въ скалѣ отъ динамитныхъ взрывовъ въ сосѣднемъ забоѣ и паденіе глыбы породы. Кромѣ всѣхъ вышеперечисленныхъ заболѣваній бурильщиковъ, они еще подвержены, какъ и всѣ рабочіе въ шахтѣ, и ревматизму, который у нихъ бываетъ чаще всего въ формѣ мышечнаго ревматизма и невралгій; часто на почвѣ простуды они болѣютъ зубами, деснами (флюсы), ангинами и вообще болѣзнями полости рта и зѣва. *Запальщикъ* приготовляетъ динамитные патроны и зажигаетъ фитили, идущіе къ нимъ. Работа запальщика хотя и не трудная, тѣмъ не менѣе она требуетъ большой опытности, такъ какъ малѣйшее упущеніе можетъ повлечь за собою внезапный взрывъ. Несчастные случаи съ запальщиками далеко не рѣдки и одной изъ причинъ ихъ то, что запальщики не выжидаютъ аккуратно времени, потребнаго для

выпалки всѣхъ «шпуровъ» и являются въ забои, когда одинъ или нѣсколько изъ нихъ не успѣли воспламениться. Иногда же запальщики ошибаются въ счетѣ выстрѣловъ и, предполагая, что всѣ «шпуры» выстрѣлили, уходятъ смотрѣть забой и въ тотъ самый моментъ взрываетъ недосчитанный ими патронъ. Послѣ такой оплошности почти всегда бываютъ травмы и иногда смертельныя. *Сортировщикъ* исполняетъ двѣ обязанности: крупные камни разбиваетъ на болѣе мелкіе и отбираетъ въ забоѣ лучшіе, наиболѣе богатые киноварью куски руды и откладываетъ ихъ въ совершенно отдѣльное мѣсто, подъ названіемъ перваго сорта. Первая его работа требуетъ усиленнаго напряженія мышцъ и несравненно тяжелѣе второй и отличается еще тѣмъ недостаткомъ, что при ней развивается чрезмѣрная пыль, раздражающая слизистыя оболочки дыхательныхъ путей и глазъ. *Засыпщики* убираютъ руду въ вагоны, которые увозятся лошадьми къ стволу, если забои находятся на линіи откаточнаго штрека и къ печамъ, расположеннымъ сверху надъ откаточнымъ штрекомъ и идущимъ параллельно первому, когда забои находятся на верхнихъ горизонтахъ. Черезъ эти печи руда попадаетъ на главный, ниже лежащій откаточный штрекъ или въ подставленныя подъ люки вагонетки. Такимъ образомъ мы видимъ, что на обязанности засыпщиковъ лежитъ далеко не легкій трудъ, принявъ во вниманіе тяжесть вагонетокъ, доходящую иногда до 60 пудовъ каждая, и довольно большія разстоянія отъ забоевъ до печей. Кромѣ того, засыпщики, кажется, больше всѣхъ рабочихъ въ шахтѣ подвержены вліянію пыли, которая неизбѣжна во время подметанія забоевъ. *Коногоны* управляютъ лошадьми, запряженными въ вагонетки. Обыкновенно одна лошадь тащитъ цѣлый «поѣздъ», состоящій изъ трехъ, пяти вагонетокъ, который обслуживаютъ коногонъ и тормозной. О послѣднемъ, между прочимъ, рѣчь будетъ впереди. Коногонъ во время движенія поѣзда находится въ одномъ изъ первыхъ вагоновъ, а тормозной—въ одномъ изъ послѣднихъ. Хотя на первый взглядъ обязанность коногона не трудная, тѣмъ не менѣе она требуетъ извѣстнаго навыка и ловкости. И въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ извилистость пути въ шахтѣ, вслѣдствіе которой поѣздъ долженъ дѣлать частые и крутые повороты то въ одну, то въ другую сторону; тусклое, недостаточное освѣщеніе въ шахтѣ отъ единственныхъ лампочекъ, прикрѣпленныхъ къ головамъ коногона и тормозного; невысокія кровли выработокъ съ выступающими въ нихъ бревнами, торчащими обапалами и камнями, о которые ежеминутно можно ушибить голову, глаза, если своевременно не уберечься, то поймемъ, что служба коногона не безопасна и не можетъ подходить всякому. И дѣйствительно, контузіи, переломы и другія травматическія поврежденія случаются нерѣдко среди коногоновъ-ламподосовъ. *Тормозные*, какъ уже выше было сказано, находятся въ одномъ изъ послѣднихъ вагоновъ и вся служебная ихъ роль во время движенія поѣзда заключается въ своевременной остановкѣ его для предупрежденія крушенія. Достигается это вставленіемъ въ колеса обрушивающихся ваго-

нетокъ какой-нибудь палки, деревяшки, что, кстати сказать, очень р
предупреждаетъ крушенія и почти всегда ведетъ къ ушибамъ или уще-
нію руки между наскочившими другъ на друга вагонетками. Но эти
однимъ обыкновенно катастрофа не ограничивается; наичаще бываетъ во
время крушенія поѣздовъ и паденія сидящихъ въ вагонеткахъ тормозовъ
и коногона, а это всегда ведетъ для нихъ къ болѣе худшимъ послѣд-
ствіямъ. *Стволовые* находятся у шахты и вся ихъ дѣятельность заклю-
чается въ удаленіи съ клѣти пустыхъ вагонетокъ на рудничный дворъ *),
установкѣ въ клѣти вагонетокъ, наполненныхъ рудой или другимъ какимъ-
либо матеріаломъ и подачѣ сигналовъ верховому, когда нагруженную клѣть
нужно поднять изъ шахты на поверхность. Обыкновенно работаютъ одно-
временно въ теченіе смѣны стволовый со своимъ помощникомъ. Если самъ
по себѣ трудъ стволовыхъ и не легокъ, принимая во вниманіе большой
грузъ вагонетокъ съ рудой, которыя то и дѣло нужно передвигать съ мѣ-
ста на мѣсто, иногда подымать ихъ на себѣ и надрываться чрезмѣрною
тяжестью, то зато обстановка стволовыхъ на ртутныхъ рудникахъ несрав-
ненно лучше, чѣмъ, напримѣръ, на каменноугольныхъ рудникахъ. Разница
заключается въ томъ, что на ртутныхъ рудникахъ на стволѣ нѣтъ такой
сырости, какъ на каменноугольныхъ рудникахъ, гдѣ вода льется буквально
непрерывнымъ дождемъ, почему стволовые на первыхъ не такъ подвержены
ревматизмамъ и другимъ простуднымъ болѣзнямъ, какъ на вторыхъ. Что
же касается травматическихъ поврежденій, то они случаются довольно
часто, особенно во время передвиженія вагонетокъ, которыя, кстати ска-
зать, очень громоздки и велики, такъ какъ онѣ деревянныя, а не желѣз-
ныя. Ближайшая причина несчастныхъ случаевъ со стволовыми—это не-
достаточное освѣщеніе рудничнаго двора. *Закладчики* заполняютъ пустыя
пространства нѣкоторыхъ выработокъ камнемъ, который обыкновенно до-
ставляется съ поверхности въ шахту. Работа закладчиковъ не легка, при-
нявъ во вниманіе высоту выработокъ нѣкоторыхъ горизонтовъ, куда при-
ходится на себѣ таскать камни, и неизбѣжность пыли во все время работы.
Кромѣ того, закладчикамъ часто приходится работать въ мѣстахъ заброшен-
ныхъ, гдѣ вентиляція плоха и гдѣ воздухъ отравленъ углекислотой и дру-
гими вредными газами, а это, конечно, отражается плохо на ихъ здоровьѣ.

Крѣпильщики исполняютъ въ шахтѣ плотничью работу, состоящую въ
установкѣ «крѣпъ» для предупрежденія обваловъ въ штрекахъ и забояхъ.
Крѣпильная работа трудна и опасна, если представимъ себѣ, что она про-
исходитъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скорѣе всего можетъ случиться
обвалъ или паденіе куска породы, да и, наконецъ, таскаиіе лѣса на себѣ
по печамъ для верхнихъ горизонтовъ,—работа далеко не легкая. Изъ на-
ичаще случающихся болѣзней крѣпильщиковъ—это пораненія и ушибы.
Конюхи въ шахтѣ смотрятъ только за лошадьми: кормятъ, поятъ и чи-

---

*) Болѣе широкая и просторная часть ствола у основанія шахты.

гять ихъ. Хотя такая обязанность ихъ и не трудна, однако, мало бываетъ желающихъ занять должность шахтеннаго конюха; а если кто и попадаетъ на это мѣсто, то это случается скорѣе по незнанію или за неимѣніемъ болѣе лучшаго мѣста. И въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить болѣе антигигіеническую обстановку, чѣмъ обстановка конюховъ въ шахтѣ. На конномъ дворѣ въ шахтѣ обыкновенно бываетъ около 20—30 лошадей, которыя заражаютъ и безъ того испорченный воздухъ испареніями и отбросами настолько, что непривычный человѣкъ буквально не можетъ пробыть тамъ четверти часа, не задохнувшись; а конюхи вынуждены ими дышать по двѣнадцати часовъ изо дня въ день. Хлѣбъ и всѣ съѣстные продукты, взятые съ собою конюхами и положенные гдѣ-либо на полкѣ рядомъ съ конюшней, до того пропитываются зловоніемъ, что у мало-мальски брезгливаго человѣка при одномъ вспоминаніи о такой пищѣ можетъ появиться рвота; а конюхи должны ее ѣсть. Этимъ мы кончаемъ нашъ краткій обзоръ работъ въ шахтѣ и перейдемъ къ описанію заводскихъ работъ. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, скажемъ нѣсколько словъ о рабочихъ, участвующихъ въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, подготовительныхъ работахъ для завода и о тѣхъ рабочихъ, которыхъ отнести можно въ равной степени къ шахтѣ и къ заводу. Это—рукоятчики, верховые, откатчики, сортировщики и рабочіе у дробилочной машины. *Рукоятчикъ* останавливаетъ и спускаетъ клѣти, даетъ соотвѣтственные сигналы машинисту подъемной машины и отмѣчаетъ количество поднятыхъ вагоновъ съ рудой. Въ общемъ обязанность его не трудная, и мы останавливаться на ней не будемъ. *Верховые* исполняютъ однородную работу, что стволовые внизу шахты, т.-е. разгружаютъ клѣти и нагружаютъ ихъ, такъ что тѣ травматическія поврежденія, которыя встрѣчаются у стволовыхъ, могутъ случиться и съ верховыми. *Откатчики* доставляютъ вагонетки съ рудою изъ надшахтнаго зданія черезъ эстакаты въ сортировку—отдѣльное помѣщеніе, гдѣ находятся дробильныя машины. Въ сортировочномъ помѣщеніи вагоны опрокидываются на рѣшето съ отверстіями, имѣющими въ длину четыре дюйма и въ ширину два съ половиною, причемъ куски, остающіеся на рѣшетѣ, бросаются въ дробилку. Изъ дробилки куски руды вмѣстѣ съ выпавшими раньше черезъ рѣшето попадаютъ на подвижной грохотъ. Все, что остается на подвижномъ грохотѣ, составляетъ четвертый сортъ, самый крупный. Подъ подвижнымъ грохотомъ находится неподвижный грохотъ съ отверстіями въ два дюйма, и куски, остающіеся на этомъ грохотѣ, составляютъ третій сортъ, а то, что проходитъ черезъ этотъ послѣдній грохотъ—второй сортъ. Самые крупные куски руды (четвертый сортъ) изъ подвижного грохота попадаютъ на безконечную ленту, на которой происходитъ отборъ кусковъ безъ киновари и оставляются камешки съ рудою. Главное неудобство работы откатчика—это то, что она происходитъ подъ открытымъ небомъ, подъ палящими лучами солнца въ жаркое время года,—дождемъ и снѣгомъ осенью и зимою. Больше всего, конечно, откатчики подвержены

простудѣ, главнымъ образомъ, ревматизмамъ. При катаніи вагонетокъ у рабочихъ вѣтромъ подымаетъ рубаху, особенно сзади, въ области спины, и такъ какъ она въ это время бываетъ разгорячена и покрыта потомъ, то вслѣдствіе охлажденія вѣтромъ она легко простуживается, почему главный контингентъ больныхъ откатчиковъ составляютъ больные съ ревматизмомъ спинныхъ мускуловъ. Нерѣдки также среди откатчиковъ и больные съ травматическими поврежденіями, получающіе ихъ при столкновеніи встрѣчныхъ вагоновъ или при сходѣ ихъ съ рельсовъ, что бываетъ особенно часто въ темныя и ненастныя осеннія и зимнія ночи. Да и самъ по себѣ процессъ катанія вагонетокъ, достигающихъ тяжести въ пятьдесятъ, шестьдесятъ пудовъ на пятидесяти и болѣе саженномъ разстояніи отъ подшахтнаго зданія до сортировки,—далеко не легкій трудъ. Рабочіе у дробильной машины бросаютъ въ нее крупные камни, превращающіеся тамъ въ болѣе мелкіе. Работа эта сама по себѣ не трудная, но зато очень пыльная и, слѣдовательно, вредная для дыханія и глазъ. Пыль подымается не только отъ дробильной машины, но и отъ грохотовъ и въ такомъ количествѣ, что временами положительно нечѣмъ дышать въ сортировочномъ помѣщеніи. Сортировщики отбираютъ съ безконечнаго ремня камешки безъ руды и оставляютъ съ рудой. Обязанность сортировщиковъ исполняютъ женщины и дѣвушки, которыхъ насчитывается у ленты до 5[illegible] и болѣе человѣкъ. Онѣ откладываютъ камешки въ особые ящики, которые переносятся по мѣрѣ наполненія въ «контроль»,—мѣсто, находящееся тутъ же рядомъ, гдѣ помѣщаются контрольщицы, тщательно осматривающія каждый камешекъ отдѣльно. Если въ какомъ-либо изъ нихъ окажется хоть малѣйшее пятно киновари, то сортировщица, которой принадлежитъ этотъ камешекъ, штрафуется на двѣ копейки въ пользу той контрольщицы, которая его замѣтила. Благодаря такому издавна установившемуся обычаю, менѣе опытныя сортировщицы зарабатываютъ очень мало, 10—15 коп. за весь рабочій день; а остальной ихъ заработокъ уходитъ на покрытіе штрафовъ. Обыкновенный заработокъ сортировщицъ рѣдко превышаетъ 30—40 к. въ день, такъ какъ набрать такое количество камешковъ съ трудомъ удается. Обстановка сортировщицъ почти такая же, какъ и рабочихъ на дробилкѣ: постоянный пронзительный стукъ дробильной машины и грохотовъ и та же мельчайшая каменная пыль. Правда, сортировщицамъ, находящимся у ленты подальше отъ дробильной машины, естественно, приходится меньше пыли, чѣмъ вблизи находящимся; но это не имѣетъ ровно никакого значенія уже потому, что сортировщицы ежедневно мѣняютъ свои мѣста у ленты: работавшая одинъ день у конца ленты, другой уже работаетъ у начала ея, у дробильной машины и т. д. [illegible] ежедневная перемѣна сортировщицами своихъ мѣстъ, — имѣетъ, между прочимъ, и другое значеніе, а именно: тѣмъ самымъ распредѣляется болѣе равномѣрно ихъ заработокъ, такъ какъ понятно, что дальше сидящія сортировщицы имѣютъ гораздо меньше шансовъ выбрать совершенно чистый камень, чѣмъ сидящія ближе къ грохотамъ, гдѣ количество камешковъ

вообще больше и въ томъ числѣ камней безъ киновари. Хотя работа многихъ изъ выше перечисленныхъ рабочихъ группъ не легка и не гигіенична; но эти недостатки составляютъ ничтожество въ сравненіи съ недостатками обстановки слѣдующихъ категорій рабочихъ: завальщиковъ, плавильщиковъ или обжигалъ, шлаковозовъ, трубочистовъ и рабочихъ, занимающихся чисткой борова. Дѣятельность всѣхъ этихъ рабочихъ протекаетъ или при обжигательныхъ печахъ, гдѣ возгоняется ртуть, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они такъ или иначе имѣютъ соприкосновеніе съ ртутными парами, вліяніе которыхъ разрушающимъ образомъ дѣйствуетъ на организмъ рабочихъ. Но раньше всего скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ обжигательныхъ печей. Послѣднія обыкновенно на ртутныхъ заводахъ бываютъ трехъ сортовъ: шахтныя, отражательныя и печи Чермака. Печи первыхъ двухъ системъ снабжены большими металлическими крышками, наподобіе тарелокъ, открывающимися и закрывающимися посредствомъ спеціально приспособленнаго винтового механизма; а въ печахъ Чермака крышки деревянныя, длиною около сажени и шириною до двухъ аршинъ, открывающіяся и закрывающіяся самими рабочими, и въ это время ртутные пары подымаются и, слѣдовательно, вдыхаются тутъ же стоящими рабочими съ слишкомъ большой поверхности, превышающей, навѣрное, въ два раза поверхность шахтныхъ и отражательныхъ печей. По виду и устройству обжигательныя печи отличаются другъ отъ друга. Такъ, шахтная печь болѣе похожа на большой котелъ, суживающійся книзу и кверху; а отражательная и Чермака скорѣе напоминаютъ обыкновенную русскую печь. Первую обслуживаютъ главнымъ образомъ завальщики и шлаковозы (о трубочистахъ мы не говоримъ, такъ какъ они имѣются при печахъ всѣхъ трехъ системъ); а вторыя, кромѣ того, и плавильщики. Отъ каждой печи отходятъ большія желѣзныя зигзагообразныя трубы, въ которыя ртуть въ парообразномъ состояніи и попадаетъ. Въ шахтныхъ печахъ обжигается руда четвертаго сорта; въ чермаковскихъ—второго и третьяго сортовъ, а въ отражательныхъ—перваго сорта и сажа, добываемая изъ трубъ конденсаторовъ и борова.

Въ обжигательныхъ печахъ киноварь подъ вліяніемъ жара разлагается и ртуть въ парообразномъ состояніи проходитъ черезъ цѣлый рядъ трубъ, идущихъ зигзагами и постоянно охлаждающихся холодною водою, благодаря чему ртуть изъ парообразнаго состоянія превращается въ жидкое и осѣдаетъ въ видѣ капель. Оставшаяся въ парообразномъ состояніи ртуть вмѣстѣ съ другими продуктами горѣнія идетъ по очень длинному кирпичному каналу (боровъ), гдѣ постепенно и осаждается вмѣстѣ съ сажею. Тяга въ боровѣ искусственная, посредствомъ вентиляторовъ, которые вытягиваютъ изъ него газы и выталкиваютъ ихъ въ дымовую трубу. Боровъ состоитъ изъ двухъ этажей, такъ что когда осажденіе ртути идетъ въ одной половинѣ борова, другая очищается и собранная такимъ образомъ сажа засыпается въ одну изъ отражательныхъ печей, въ которой она вновь обжигается. Ртуть изъ трубъ конденсаторовъ добывается чисткой ихъ при

помощи специальныхъ щетокъ съ водою и отставшая благодаря этому стѣнъ ртуть попадаетъ черезъ нижнее отверстіе, имѣющееся въ каждо колѣнѣ трубы, въ сосудъ, похожій на корыто, откуда она уже, собра ная, попадаетъ въ кладовую, въ контрольный приборъ, вмѣщающій то опредѣленное вѣсовое количество ртути. Изъ этого послѣдняго ртуть р ливается въ желѣзныя бутыли, вмѣстимостью въ два съ лишнимъ пу идущія въ такомъ видѣ въ продажу. Описавъ по возможности кратко о жигательныя печи и процессъ выгонки ртути, переходимъ къ характе тикѣ заводскихъ работъ. *Завальщикъ* засыпаетъ руду и коксъ въ обж тельныя печи. По степени вредоносности эта работа занимаетъ одно и первыхъ мѣстъ, потому что черезъ открытую крышку печи оттуда подымают ртутные пары, которыми и дышатъ завальщики во все время, пока опорожнятъ вагонъ съ рудою и не закроютъ крышку. Въ печахъ Чер ка завальщики, опрокинувъ вагоны съ рудою, стоя тутъ же на печи, патами разгребаютъ и равномѣрно распредѣляютъ всыпанную руду, т что эта процедура вмѣстѣ съ закрытіемъ крышки во всякомъ случаѣ п должается каждый разъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ вальщикамъ поневолѣ приходится дышать ртутными парами. Относител же вреда ртутныхъ паровъ на организмъ человѣка не надо особенно м распространяться и можно съ большою вѣроятностью сказать, что ни о ткань нашего организма не бываетъ пощажена ими. Отравляются не то рабочіе на ртутныхъ рудникахъ, но и ихъ семьи, куда они заносятъ собою и своимъ платьемъ ртуть. Бывали даже случаи, что сапожни портные, поправлявшіе платье и обувь заводскихъ рабочихъ, получ признаки ртутнаго отравленія. И кто можетъ съ достовѣрностью сказ что усиленная дѣтская смертность на ртутныхъ заводахъ не находится тѣсной зависимости отъ профессіи ихъ родителей-рабочихъ на заводѣ? мая частая болѣзнь завальщиковъ да и вообще всѣхъ рабочихъ на рт ныхъ заводахъ — ртутное отравленіе десенъ, которыя разрыхляют подвергаются гнилостному разложенію и омертвѣваютъ. Изъ десенъ г лостный процессъ распространяется и на зубы, которые быстро портят расшатываются и выпадаютъ. Изо рта у подобныхъ больныхъ несе страшное зловоніе, благодаря которому они дѣлаются нетерпимыми обществѣ другихъ людей. У нѣкоторыхъ же больныхъ меркуріальное паленіе полости рта комбинируется съ желудочно-кишечнымъ катар очень упорнымъ и трудно поддающимся лѣченію. У другихъ же, особ у новичковъ, отравленіе, минуя иногда полость рта, поражаетъ сразу лудочно-кишечный каналъ. Болѣзнь характеризуется въ данномъ слу непрерывными кровавыми поносами, быстро истощающими организ влекущими за собою общее малокровіе, кахексію и очень часто с Вредное вліяніе ртутныхъ паровъ не ограничивается пораженіемъ только костно-мышечной системы; оно распространяется также и на н ную систему, вызывая судороги мышцъ (tremor mercuriale), централ и периферическіе параличи, большею частью опасные по послѣдст

Плавильщики или обжигалы, какъ уже извѣстно, имѣются только при печахъ Чермака и отражательныхъ. Ихъ обязанность заключается въ подбрасываніи кокса въ топку, въ постоянномъ помѣшиваніи въ печи кочергою раскаленныхъ камней и въ спусканіи ихъ (шлакъ) внизъ, когда уже вся ртуть изъ нихъ улетучится, путемъ поднятія соотвѣтственныхъ клапановъ. Работа обжигалъ тоже опасна въ смыслѣ ртутнаго отравленія. При открытіи дверецъ для разгребанія раскаленной массы или для добавленія кокса изъ печи почти всегда вылетаютъ вмѣстѣ съ сажею и копотью также и ртутные пары, которыми и вынуждены дышать тутъ же находящіеся рабочіе. Болѣе долгому пребыванію плавильщиковъ у открытой обжигательной печи во время разгребки и другихъ манипуляціяхъ въ самой печи способствуетъ еще чрезвычайная тяжесть (до пятнадцати пудовъ) и длина (до двухъ саженъ) самой кочерги, которою съ трудомъ управляютъ одновременно два плавильщика. Когда же плавильщикамъ необходимо поправлять въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ въ печи, то они, естественно, становятся еще ближе къ пламени, у самаго устья и, слѣдовательно, еще болѣе рискуютъ надышаться ртутными парами. А отлучаться плавильщикамъ куда-нибудь подальше въ промежуткахъ между работою отъ печей обыкновенно, согласно правиламъ внутренняго распорядка на заводахъ, нельзя, и они вынуждены все время находиться въ отравленномъ воздухѣ. Лѣтомъ да и вообще въ теплое время вліяніе этого воздуха при открытыхъ воротахъ и окнахъ еще не такъ сильно, какъ зимою и осенью, когда рабочіе сами стараются какъ можно лучше закупориться и какъ можно ближе, съ цѣлью согрѣться, становиться къ печкамъ. Привычка плавильщиковъ въ холодное время стоять поближе къ обжигательнымъ печамъ имѣетъ еще и другое вредное послѣдствіе, а именно: благодаря этому, они легко подвержены бываютъ простудѣ: вспотѣвъ отъ тепла и работы, рабочіе инстинктивно уходятъ въ мѣста съ болѣе низкой температурой, часто даже на дворъ, гдѣ и простуживаются. *Шлаковозы* удаляютъ лопатами изъ печей выжженные камни и другіе остатки послѣ ихъ обжига. Эта работа также очень вредна, во-первыхъ, потому, что при ней развивается какой-то специфическій отвратительный запахъ отъ неуспѣвшихъ ли еще остыть камней, а можетъ быть отъ другихъ какихъ-нибудь причинъ и, во-вторыхъ, она очень пыльная. Но особенно непріятенъ шлаковый запахъ, который на первыхъ порахъ сильно раздражаетъ обоняніе, а потомъ приводитъ человѣка въ какое-то одуряющее состояніе. Нагруженные шлакомъ вагоны увозятся на свалочное мѣсто, находящееся обыкновенно гдѣ-либо вдали отъ обжигательныхъ печей. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ, между прочимъ, немаловажное гигіеническое значеніе для шлаковозовъ, а именно: нагрѣвшись до пота у обжигательныхъ печей и полураскаленной кучи шлака во время нагрузки вагонетокъ, шлаковозы выѣзжаютъ прямо изъ завода на холодный наружный воздухъ, и простуживаются, особенно въ ненастное, холодное осеннее и зимнее время. *Трубочисты* посредствомъ спеціально назначен-

ныхъ для этой цѣли щетокъ при помощи воды очищаютъ стѣны трубъ конденсаторовъ отъ приставшей къ нимъ ртути вмѣстѣ съ сажею. По степени вредоносности обязанность трубочиста, пожалуй, самая опасная, потому что онъ во все время работы имѣетъ тѣсное соприкосновеніе съ не успѣвшими хорошо остыть трубами, ртутными парами и не менѣе вредной сажею. Что же касается рабочихъ, занимающихся чисткой борова, то ихъ обстановка еще хуже, чѣмъ трубочистовъ: первые, будучи въ боровѣ, вынуждены вдобавокъ еще и дышать его воздухомъ, отравленнымъ вредными парами и газами, и еще съ примѣсью пыли отъ сажи. Къ счастію, борова чистятся рѣдко, всего нѣсколько разъ въ году, такъ что этимъ самымъ вредъ отъ ихъ чистки нѣсколько умаляется. Гибельныя для здоровья рабочихъ условія, при которыхъ имъ приходится работать на ртутныхъ заводахъ, обратили на себя вниманіе фабричнаго надзора, и въ настоящее время главнымъ по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ присутствіемъ изданы относительно такихъ рабочихъ слѣдующія правила: 1) Передъ пріемомъ рабочихъ на ртутные рудники и заводы каждый рабочій долженъ быть осмотрѣнъ рудничнымъ врачомъ. Данныя врачебнаго осмотра должны быть внесены въ особыя для каждаго рабочаго регистраціонныя карточки или же въ общую шнуровую книгу осмотровъ. Люди съ ясно выраженными признаками упадка питанія не должны быть вовсе принимаемы на работы. Слабаго здоровья люди не должны быть допускаемы къ работамъ у печей и у конденсаторовъ, въ камерахъ, въ буравахъ и къ какимъ бы то ни было работамъ съ сажей. 2) Всѣ рабочіе ртутныхъ рудниковъ должны подвергаться періодическому врачебному осмотру, причемъ врачебный осмотръ рабочихъ, занятыхъ работами у конденсаторовъ, въ камерахъ и боровахъ, а также тѣхъ, у которыхъ обнаружены признаки ртутнаго отравленія, производятся не рѣже двухъ разъ въ недѣлю. Осмотръ же всѣхъ прочихъ рабочихъ производить не рѣже одного раза въ недѣлю. 3) Во всѣхъ заводскихъ помѣщеніяхъ, гдѣ можетъ образоваться вредная для рабочихъ пыль, должны быть принимаемы мѣры къ устраненію послѣдней. 4) Всѣ отдѣленія должны быть достаточно, соотвѣтственно роду работы, освѣщаемы. 5) Въ тѣ отдѣленія и къ такимъ работамъ, гдѣ существуетъ опасность ртутнаго отравленія, рабочіе не должны быть допускаемы въ собственной одеждѣ и бѣльѣ, которыя должны быть замѣняемы особой рабочей одеждой, выдаваемой заводоуправленіемъ и каждый разъ снимаемой при уходѣ съ работъ. 6) Употребленіе респираторовъ и внимательный надзоръ за ними обязателенъ при всѣхъ работахъ, гдѣ примѣненіе респираторовъ по усмотрѣнію врачебнаго надзора окажется необходимымъ или полезнымъ. 7) При раздѣвальняхъ, въ каждомъ отдѣльномъ заводскомъ зданіи, должны [быть] устроены заводомъ уборныя съ такимъ количествомъ умывальниковъ, [что]бы каждый рабочій могъ свободно ими пользоваться во время ра[боты]. Передъ уходомъ же съ работъ домой или въ столовую обмываніе ру[къ и] лица, а также полосканіе рта должны быть обязательны. Во всѣхъ [отдѣ]леніяхъ завода долженъ находиться достаточный запасъ профилакти[ческихъ]

полосканія для рта. 8) Каждому рабочему должно быть предоставлено безплатное пользованіе баней съ даровымъ мыломъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. 9) Безусловно воспрещается принятіе пищи, а также куреніе табаку внутри рабочихъ помѣщеній завода. Столовыя для рабочихъ должны находиться въ отдѣльныхъ зданіяхъ. 10) При работахъ въ камерахъ и боровахъ рабочее время не должно продолжаться больше трехъ часовъ, при другихъ же опасныхъ работахъ долѣе шести часовъ въ сутки. 11) При явленіяхъ отравленія ртутью, требующихъ госпитальнаго лѣченія, рабочіе помѣщаются въ больницу, гдѣ и пользуются за счетъ заводоуправленія лѣченіемъ до полнаго выздоровленія. Всѣ эти правила утверждены 28 іюня текущаго 1903 г. министрами финансовъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ заключеніе остается только пожелать, чтобы этотъ благодѣтельный законъ дѣйствительно исполнялся въ практической жизни и чтобы онъ послужилъ на пользу тѣхъ людей, жизнь и интересы которыхъ онъ долженъ оберегать.

N. N.

Ницшеанскіе мотивы въ нѣмецкой литературѣ.

I.

Философія Ницше—не новая философія. Именно нѣмецкое общество, надъ которымъ она царила въ теченіе 90-хъ годовъ, не разъ до Ницше увлекалось гордыми проповѣдниками необузданнаго индивидуализма. Основныя настроенія, изъ которыхъ складывалась эта философія, имѣли даровитыхъ выразителей, приближавшихся къ автору «Заратустры». Мятежные геніи эпохи Sturm und Drang'a съ безпорядочной энергіей опрокидывали авторитетъ и традицію, требовали безграничнаго простора для развитія человѣческой личности, презирали и ненавидѣли общественныя оковы. У нѣмецкихъ романтиковъ можно встрѣтить ту свободу нравственныхъ воззрѣній, которая нашла такое блестящее обоснованіе въ парадоксальной книгѣ Ницше. Развѣ авторъ «Jenseits von Gut und Böse» не подписался бы подъ слѣдующими словами Фридриха Шлегеля: «Первое правило нравственности, это—возстаніе противъ положительныхъ законовъ, противъ условной порядочности. Нѣтъ ничего глупѣе моралистовъ, когда они упрекаютъ васъ въ эгоизмѣ. Они безусловно не правы: какого Бога можетъ чтить человѣкъ, кромѣ того, кто является его собственнымъ Богомъ». Развѣ греза о сверхчеловѣкѣ уже не обрисовывается въ другой фразѣ автора «Люцинды»: «Настоящій человѣкъ будетъ все болѣе и болѣе превращаться въ Бога. Быть человѣкомъ и превращаться въ Бога—два равнозначущихъ выраженія». То же, что и у Ницше, презрѣніе къ преходящимъ интересамъ минуты, тотъ же порывъ къ вѣчному и къ красотѣ: «Не міру политики отдай свою любовь и вѣру,—говорится въ *Атенеумѣ* Фридриха Шлегеля,—божественному міру знанія и искусства принеси въ жертву сокровеннѣйшія чувства своей души въ священномъ огненномъ теченіи вѣчнаго совершенствованія» [1]).

Гейне, создавшій самыя волшебныя романтическія пѣсни и въ то же время пропѣвшій похоронную пѣснь романтизму, Гейне, причудливо

[1]) D-r *Hans Landsberg*: Friedrich Nietzsche und die deutsche Litteratur. 1902, стр. 57.

тавшій въ своей поэзіи прихотливые капризы фантазіи съ суровыми требованіями соціализма, всю жизнь оставался аристократомъ и индивидуалистомъ, и въ его грезы о торжествѣ справедливости, улучшеніи участи рабочаго класса нерѣдко вторгалась тревожная дума о томъ времени, когда «мозолистыя руки» разобьютъ «мишуру искусства» и уничтожатъ все, чѣмъ поддерживается иллюзія и поэзія жизни.

Философія Ницше не явилась въ готовомъ видѣ, какъ Аѳина изъ головы Зевса. Она подготовлялась въ теченіе всего XIX вѣка. Въ то время, какъ демократическая идея совершала свои завоеванія и эгоистическія стремленія личности отступали передъ интересами массъ, въ гордыхъ сердцахъ умственныхъ аристократовъ кипѣло возмущеніе противъ нивеллирующихъ тенденцій вѣка; ихъ умъ не могъ помириться съ уравнительными стремленіями, они требовали подчиненія со стороны слабыхъ и не хотѣли отказываться отъ своего первородства. Въ 1845 году вышла книга Макса Штирнера: «Der Einzige und sein Eigentum». Въ этомъ сочиненіи можно найти главныя идеи автора «Заратустры», и при томъ эти идеи выражены почти такъ же ярко, какъ и въ твореніхъ Ницше [1]). Такимъ образомъ за сорокъ лѣтъ до Заратустры другой пророкъ ополчался уже на религію сострадания и идею равенства, но наканунѣ 48 года подобная проповѣдь не могла имѣть успѣха, имя Макса Штирнера осталось въ тѣни, и только въ наши дни появленіе Ницше заставило вспомнить объ его забытомъ предшественникѣ.

Самого Ницше Германія встрѣтила враждебно; общество не хотѣло больше видѣть на сценѣ героевъ, съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ объявилъ, что «не геній и дѣянія одного, а масса и экономическія отношенія опредѣляютъ ходъ всѣхъ событій». Старшее поколѣніе 90-хъ годовъ обрушилось на безнравственнаго философа, который, по выраженію Вильгельма Іордана, уничтожалъ все, что еще оставалось «отъ вѣры въ честь, въ цѣнность и обязанности человѣка». Вильбрандтъ [2]), плохо понявъ Ницше, въ одномъ своемъ произведеніи далъ сверхчеловѣку въ руки перо публициста и съ тайнымъ наслажденіемъ изображалъ, какъ рушились планы философа Адлера, бѣжавшаго на уединенный островъ и мечтавшаго основать тамъ страну новаго человѣчества. «Христіанство—великое наше несчастье!—восклицаетъ ницшеанецъ Адлеръ.—Оно превращаетъ міръ въ госпиталь для ничтожныхъ, больныхъ и слабыхъ, оно желаетъ сдѣлать насъ всѣхъ ихъ братьями. Оно поетъ намъ пѣсню о долинѣ плача, вмѣсто того, чтобы укрѣплять въ насъ жизненныя силы, земное стремленіе къ созидательной работѣ! Буддисты и пессимисты, уничтожающіе міръ, являются, когда народы утрачиваютъ здоровую грубую силу, старѣютъ и умнѣютъ. Человѣчество желаетъ идти впередъ. Это не сонъ, не греза!»

Попытки Адлера терпятъ фіаско. Смертью расплачивается за ницшеан-

---

[1]) *А. Лихтенберже*: Философія Ницше. Пер. подъ ред. Невѣдомскаго", стр. 215.

[2]) Въ романѣ „Die Osterinsel", 1895. См. Hans Landsberg, стр. 38 и 39.

скую «мораль господъ» и герой шпильгагенскаго романа «Faustulus». Онъ женится на дочери коммерціи совѣтника. Но для достиженія этого счастья ему приходится разбить сердце соблазненной имъ простой рыбачки; его постигаетъ справедливая кара: онъ гибнетъ отъ руки ея жениха. Швейцарскій писатель Видманъ выступилъ противъ Ницше съ драмой, которая носила названіе капитальнаго произведенія философа: «По ту сторону добра и зла». Видманъ выводитъ героя, долго изучавшаго исторію княжескаго рода Малатеста ди Римини. Эти занятія заставили его увлечься моралью эпохи Ренессанса, принципомъ господства силы, стремленіемъ отыскать самого себя. Одинъ изъ родственниковъ героя выражаетъ основную мысль драмы «Развѣ новому человѣку fin-de-siècle нуженъ человѣкъ эпохи Ренессанса, какой-нибудь Маккіавелли, для возведенія въ теорію безграничнаго эгоизма, царящаго въ наше время? Объ этомъ твердятъ наши собственные поэты и философы, которые вотъ уже цѣлое десятилѣтіе стараются установить нравственный міръ на основахъ силы и слабости вмѣсто прежнихъ основъ добра и зла. Они называютъ это переоцѣнкой морали, точно драгоцѣннѣйшіе бриліанты человѣческаго рода можно размѣнивать подобно ходячей монетѣ» [1]). Герой возвращается въ концѣ концовъ къ старымъ воззрѣніямъ благодаря сну; онъ возвращается къ истинамъ, которыми въ теченіе вѣковъ держались нравственные устои человѣчества, и вновь познаетъ, что истинный героизмъ таится въ глубинѣ добраго сердца.

II.

Такъ встрѣтило Ницше старшее поколѣніе, воспитавшееся на демократическихъ идеяхъ средины вѣка, отдававшее свои силы и дарованія на служеніе эксплоатируемому и страдающему человѣчеству. Газеты и журналы кричали объ опасности новаго ученія и предостерегали молодежь отъ обаянія проповѣди, такъ много говорившей горячимъ сердцамъ и беспокойнымъ умамъ.

А между тѣмъ это не было вполнѣ реакціонное ученіе. Это была проповѣдь индивидуализма и аристократизма, но не того аристократизма, который провозгласили романтики, а аристократизма новаго, родившагося послѣ столѣтія, исповѣдывавшаго культъ массъ, предъявлявшаго къ личности строгія требованія, возлагавшаго на эту личность отвѣтственность за происходящее. Сверхчеловѣкъ Ницше не эгоистъ. Правда, онъ жестокъ и не знаетъ состраданія, онъ не любитъ толпы и презираетъ ее, онъ стремится къ самоопредѣленію и выше всего цѣнитъ собственную личность, но онъ не эпикуреецъ, онъ много страдаетъ и жертвуетъ. Если демократическая мораль требовала, чтобы личность принесла себя въ жертву интересамъ массы, то мораль Ницше требовала отъ личности тоже жертвы не

[1]) *Landsberg*, l. c., стр. 41.

нія мечты о лучшемъ будущемъ. Аристократъ, родившійся послѣ 48 года, не могъ наслаждаться преимуществами своего положенія, онъ не могъ уже отдѣлить себя отъ интересовъ человѣчества и самое одиночество его было плодомъ страстныхъ исканій истины, плодомъ мучительной думы объ этомъ человѣчествѣ. Величіе человѣка заключается въ томъ, что онъ—мостъ, а не цѣль; человѣка можно любить именно за то, что онъ—переходъ и гибель [1]). Эта вѣра въ усовершенствованіе человѣчества, эта пламенная греза о грядущемъ не покидаетъ никогда Заратустру, и при свѣтѣ ея его жестокая проповѣдь получаетъ смягчающую окраску. «Я люблю того, кто трудится и думаетъ надъ тѣмъ, чтобы построить домъ сверхчеловѣку и приготовить ему землю, животныхъ и растенія; вѣдь такъ поступая, онъ хочетъ своей гибели» [2]). Подобно тому, какъ человѣкъ съ презрѣніемъ смотритъ на обезьянъ, такъ нѣкогда сверхчеловѣкъ будетъ съ презрѣніемъ смотрѣть на человѣка. Такимъ образомъ новый аристократъ—не аристократъ недавняго прошлаго, любящій только свои привилегіи, но забывшій свои обязанности. На него возложена великая задача. Онъ вспомнилъ лучшіе дни аристократіи, онъ снова ведетъ массы къ великимъ цѣлямъ.

Заратустра подвергаетъ строгому допросу всякаго, кто вступаетъ на этотъ путь. «Ты хочешь идти путемъ своей печали, который есть путь къ тебѣ самому? Такъ покажи мнѣ, что у тебя есть право и сила на это. Таится ли въ тебѣ новая сила и новое право?—первое движеніе?—само собою катящееся колесо? Сколько честолюбцевъ тянется въ высь. Докажи, что ты не принадлежишь къ нимъ» [3]). Такъ говорилъ Заратустра и въ его словахъ раскрывался весь глубокій и важный смыслъ этой новой свободы личности. Онъ не мятежный геній Sturm und Drang'а, любующійся собою, провозглашающій свой капризъ и инстинктъ верховнымъ закономъ, скидывающій съ себя ради прихоти общественныя оковы. Она знаетъ, что есть много людей, которые, сбросивъ съ себя ярмо подчиненія, сбрасываютъ свое послѣднее достоинство. Онъ хочетъ слышать не объ избавленіи человѣка отъ ига, а объ его господствующихъ мысляхъ. Заратустрѣ нѣтъ дѣла до того, отъ чего свободенъ человѣкъ; ему важенъ вопросъ, *для чего* онъ свободенъ [4]). Онъ любитъ того, кто приноситъ себя въ жертву землѣ, для того, чтобы она стала когда-нибудь владѣніемъ сверхчеловѣка [5]). Человѣкъ долженъ быть укротителемъ самого себя, властителемъ своихъ чувствъ, господиномъ своихъ добродѣтелей [6]). Заратустра требуетъ безграничной свободы личности, но эта свобода дается дѣйствительно достойнымъ. Она не право, не безсмысленная привилегія, а святой

---

1) *Fr. Nietzsche.* Also sprach Zaratustra, Leipz. 1902, стр. 16.
2) Also spr. Zar., 16.
3) Ibid., стр. 91.
4) Ibid., стр. 92.
Ibid., стр. 16.
Ibid., стр. 102.

долгъ, тяжелая, но и славная обязанность; эта свобода—ярко новой формы. Въ ней слились идеалы первобытнаго аристократизма, когда вождь дикой орды не зналъ узды своимъ желаніямъ, и требованія демократическаго и соціалистическаго вѣка, когда выдающаяся личность призывается на службу массѣ. Жизнь этого новаго вождя полна самопожертвованія. Его свобода только кажущаяся; онъ не можетъ дать полнаго простора своимъ инстинктамъ. Отъ него требуютъ обузданія своихъ инстинктовъ, борьбы съ самимъ собою.

Только при свѣтѣ этихъ высокихъ требованій могла найти себѣ оправданіе философія Ницше. Ему ненавистенъ демократическій вѣкъ. Нѣтъ пастыря, осталось только стадо. Всякій желаетъ равенства. Всѣ равны. Заратустра рисуетъ печальную картину этого торжества посредственности. Всѣ высокія желанія исчезли, настаетъ время, когда человѣкъ не въ состояніи больше порождать звѣзды, когда онъ не пускаетъ стрѣлы своего желанія выше человѣка. «Смотрите! я покажу вамъ *послѣдняго человѣка*,— говорилъ Заратустра. Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое стремленіе? Звѣзда?—спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ глазами. Земля стала маленькой и по ней скачетъ послѣдній человѣкъ, дѣлая все маленькимъ. Его родъ неистребимъ, какъ земляныя блохи; послѣдній человѣкъ переживаетъ всѣхъ. Мы нашли счастіе! говорятъ послѣдніе люди, моргая глазами. Они ушли изъ краевъ, гдѣ жизнь сурова, потому что тепло необходимо. Еще любятъ сосѣда и прижимаются къ нему, потому что тепло необходимо»[1]). Наступаетъ царство застоя и мѣщанскаго покоя. Нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ,—и то и другое слишкомъ обременительно,—ни властвующихъ, ни повинующихся. Ссоры еще возникаютъ, но люди спѣшатъ примиряться, потому что ссоры разстраиваютъ желудки. Торжество равенства знаменуетъ гибель всего выдающагося, двигающаго впередъ. Счастіе толпы,—счастіе лѣни и тупости. Жизнь является источникомъ наслажденія, но этотъ источникъ отравленъ, если къ нему прикасаются нечистыя уста толпы. «Я,—говоритъ Заратустра,—однажды спросилъ себя и почти изумился вопросу своему: какъ? неужели и толпа нужна для жизни?» Отвращеніе дало ему силы и крылья, унесшія его въ высь, къ источнику наслажденія, къ той жизни, къ которой не прикасается толпа [2]). Никогда еще аристократизмъ не забирался на болѣе неприступныя высоты, не ограждалъ свою кастовую неприкосновенность болѣе высокой стѣной отъ остального человѣчества. Только жалкіе и ничтожные, которыхъ Заратустра называетъ тарантулами, кричатъ о равенствѣ, они требуютъ мести и поношенія для всего, что «не похоже на нихъ», они вопятъ противъ всего, въ чемъ заключаются мощь и сила [3]). Но и жизнь сама стремится въ высь, ей нужна высота, а слѣдовательно, нужны и

---

1) Ibid., стр. 19—20.
2) Ibid., стр. 141—142.
3) Idid., стр. 145.

ступени, и противорѣчіе ступеней и восходящихъ; нужна вражда, такъ какъ въ этой враждѣ созидается будущее. «Люди не равны!» такъ говоритъ Заратустрѣ чувство справедливости [1]).

Философія Ницше—антидемократическая философія. Какъ всякое ученіе, оторванное отъ жизни, говорящее объ идеалахъ слишкомъ отдаленныхъ и чуждыхъ современности, она обречена на кратковременное существованіе. Та самая масса, которая стоитъ внѣ ницшеанскаго ученія, даетъ ростъ и жизненную силу идеямъ. Только кровное родство съ массами можетъ обезпечить духовное безсмертіе мыслителю. Успѣхъ Ницше—это послѣдняя яркая вспышка индивидуализма передъ окончательнымъ торжествомъ общественнаго начала. Отсюда жестокая мораль этого ученія.

III.

Среди безчисленныхъ теорій морали Ницше намѣчаетъ два основныхъ типа морали: мораль господъ и мораль рабовъ. Нравственныя цѣнности всегда устанавливались или господствующимъ племенемъ, которое съ чувствомъ удовлетворенія сознавало свои отличія отъ подчиненнаго племени, или же эти цѣнности устанавливали покоренные, рабы и зависимые всѣхъ ступеней [2]). Благородные и сильные создавали особую мораль; они считали добродѣтелью силу и могущество, то, что было ихъ отличительнымъ свойствомъ казалось имъ абсолютно хорошимъ. Они презирали больше всего слабость, покорность и лживость; противопоставленіе «хорошаго» и «дурного» они замѣнили противопоставленіемъ «благороднаго» и «презрѣннаго». Благородный цѣнилъ въ себѣ сильнаго, онъ чтилъ все суровое и жестокое. Онъ былъ далекъ отъ той морали, которая въ состраданіи, въ дѣятельности на пользу другихъ, видитъ проявленіе нравственнаго чувства. Онъ смѣялся надъ безпомощностью (Selbstlosigkeit), ему невѣдомо состраданіе [3]). Иная мораль рабовъ. Жалкіе и безсильные, они отвернулись отъ всего, что считалось добродѣтелью среди господъ. Они выдвинули и прославили тѣ качества, которыя служатъ къ облегченію участи страждущихъ; состраданіе, терпѣніе, усердіе, отзывчивое сердце, они провозгласили добродѣтелями, потому что эти качества были для нихъ самыми полезными свойствами и почти единственнымъ средствомъ вынести гнетъ существованія. Такимъ образомъ мораль рабовъ есть въ сущности мораль пользы. Тогда-то и возникло прославленное противопоставленіе между добромъ и зломъ. Зломъ прозвали все страшное, сильное, все, что не позволяетъ презирать себя. Согласно морали рабовъ, «злой» внушаетъ страхъ, тогда какъ мораль господъ учитъ, что именно «хорошій» внушаетъ и желаетъ внушить страхъ, а «дурной» человѣкъ тотъ, кто внушаетъ

---

[1]) Ibid., стр. 146—147.

[2]) *Fr. Nietzsche*, Jenseits von Gut und Böse, Leipz., 1894 г., стр. 243.

[3]) Ibid., стр. 245.

презрѣніе. Рабское міросозерцаніе соединяетъ съ понятіемъ о «хорошемъ» идею безопасности. «Хорошій» долженъ быть добродушнымъ, простакомъ, даже можетъ быть глуповатымъ. Повсюду, гдѣ восторжествовала мораль рабовъ, языкъ обнаруживаетъ тенденцію сближать понятіе о «хорошемъ» (gut) и «глупомъ» (dumm) [1]).

Это ученіе о морали какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ ученіемъ о сверхчеловѣкѣ и съ аристократизмомъ Ницше. На принципѣ состраданія и на религіи гуманности основаны уравнительныя демократическія тенденціи нашего времени. Ницше съ горечью отмѣчаетъ, что господствующая мораль нашего времени есть мораль рабовъ, а не господъ. Онъ обрушивается и идеи состраданія. Сочувствовать ближнему и жалѣть его значитъ презирать его. «Видя страдающаго человѣка,—говоритъ Заратустра,—я стыдился за него же, а помогая ему, я наносилъ ударъ его гордости». Необходимо уничтожить нищихъ, грѣшниковъ, всѣхъ, у кого нечиста совѣсть [2]). Состраданіе дѣлаетъ воздухъ душнымъ для всѣхъ свободныхъ душъ [3]). Любовь къ ближнему есть эгоизмъ: «Я,—говоритъ Заратустра,—предпочитаю бѣгство отъ ближнихъ и любовь къ дальнимъ» [4]).

Этимъ высокомѣріемъ по отношенію къ слабому, этимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что міръ долженъ принадлежать сильному, проникнуты и воззрѣнія Ницше на женщину. Какъ ни стараются нѣкоторые біографы [5]) смягчить жестокія сужденія Ницше о женщинѣ, глубокое презрѣніе къ слабому полу, лежащее въ основѣ этихъ сужденій, не можетъ ускользнуть отъ слушателей Заратустры. Ницше ненавистна всякая попытка женщины эмансипироваться отъ традиціонной роли игрушки и куклы. Если женщина чувствуетъ склонность къ наукѣ, то она страдаетъ какими-нибудь ненормальными отклоненіями въ половомъ отношеніи. Уже безплодіе женщины располагаетъ къ мужскимъ вкусамъ [6]). Ожиданія, которыми преисполнена женщина по отношенію къ половой любви закрываетъ предъ ней всѣ широкія перспективы [7]). Слишкомъ долго въ женщинѣ скрывалась раба и тираннъ. Поэтому женщина неспособна къ дружбѣ, ей вѣдома только любовь. Любовь женщины соединяется съ несправедливостью и ослѣпленіемъ ко всему, чего она не любитъ. Женщины еще кошки и птицы, въ лучшемъ случаѣ коровы [8]). Счастіе мужчины выражается въ словахъ: «я хочу.» Счастіе женщины: «онъ хочетъ». Мужчина долженъ воспитываться для войны, женщина для отдыха воина. Единственное назначеніе женщины—дѣторожденіе. Она должна быть игрушкой, чистой и

---

1) Ibid., стр. 246—247.
2) *Fr. Nietzsche*: Also sprach Zaratustra, стр. 128.
3) Ibid., стр. 273.
4) Ibid., стр. 88.
5) *Лихтенберже*, l. c., стр. 11—12 и сл.
6) *Fr. Nietzsche*: Jenseits v. G. u. B., стр. 107.
7) Ibid., стр. 102.
8) *Fr. Nietzsche*. Also sp. Z., стр. 82.

красивой. Она должна какъ брилліантъ, блистать добродѣтелями еще не существующаго міра. Она должна повиноваться мужчинѣ. Мужчина—повелитель, но дѣло женщины принести себя въ даръ своему повелителю [1]).

Такова мораль этой философіи. Въ эпоху безпримѣрнаго развитія соціальныхъ стремленій, среди проповѣди равенства и человѣческой солидарности, она призываетъ къ гордому одиночеству, утверждаетъ власть избранныхъ и создаетъ идеалъ человѣка, отрѣшившагося отъ общественныхъ интересовъ, смотрящаго въ отдаленное будущее. Среди могучаго движенія въ пользу обездоленныхъ и безпомощныхъ, требуетъ безсердечія и равнодушія, провозглашаетъ эгоизмъ качествомъ избранныхъ. Онъ забываетъ, что состраданіе и альтруизмъ не всегда были моралью рабовъ, что тѣ, кого онъ называетъ господами, люди мужественные и сильные, нерѣдко брали на себя инициативу помощи, отказывались отъ своихъ преимуществъ и шли спасать презираемыхъ. Выбрасывая за бортъ тѣ добродѣтели, которыя онъ считалъ свойствами слабыхъ, Ницше отнималъ у человѣчества лучшую гарантію культурнаго существованія и превращалъ землю въ арену кровавой борьбы, въ густой лѣсъ, населенный хищными звѣрями. Въ эпоху, когда женщина, вмѣстѣ со всѣми угнетенными, выступила на защиту своихъ человѣческихъ правъ, Ницше требовалъ узаконенія ея безправія; закрывалъ глаза на то, въ чемъ первыя героини и мученицы женскаго освободительнаго движенія убѣдили самыхъ упорныхъ скептиковъ, и продолжалъ твердить, что сама природа отвела женщинѣ болѣе узкую сферу, чѣмъ мужчинѣ. Онъ разрушилъ старый міръ отношеній, опрокинулъ то, чѣмъ задерживалось прогрессивное движеніе, но не пощадилъ и того, что служило залогомъ лучшаго будущаго. Вотъ почему ему, по справедливому замѣчанію Галльвица [2]), не удалось снова построить этотъ міръ. Его постигла странная судьба: вѣчно борясь противъ теченія, онъ былъ подхваченъ теченіемъ моды и сталъ любимцемъ тѣхъ «слишкомъ многихъ» (Vielzuvielen), одобреніе которыхъ онъ такъ презиралъ [3]).

Но въ антидемократической философіи и въ эгоистической морали Ницше была одна свѣтлая сторона,—это страстный порывъ къ идеалу, хотя и туманному и отдаленному, но всетаки высокому. Эта грёза о сверхчеловѣкѣ набрасывала на его проповѣдь колоритъ благородства и придавала ей извѣстное обаяніе. Этого идеала не поняли, его исказили тѣ герои, которые наполнили нѣмецкую литературу 90-хъ годовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

IV.

«Homo Sapiens» Пшибышевскаго появился на нѣмецкомъ языкѣ въ 1895 г. Фалькъ—сверхчеловѣкъ въ ницшеанскомъ вкусѣ. «Я есмь я и

---

[1]) Ibid., стр. 95—98.

[2]) *Hans Gallwitz*: Friedrich Nitsche, Dresd. и Leipz., 1898, стр. 183.

[3]) Fr. Nietzsche von Theobald Siegler. Berlin, 1900, стр. 202.

въ то же время собственный міръ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, соглашаются ли со мною или нѣтъ»,—говоритъ о себѣ Фалькъ [1]). Онъ любитъ «смѣлыя натуры, могучія, сильныя, которыя все разрываютъ, топчутъ и идутъ туда, куда влекутъ ихъ инстинкты, внутренняя, великая святыня человѣчества—это сильные, могучіе инстинкты». Онъ любитъ этихъ благородныхъ людей, у которыхъ «достаточно мужества и достоинства, чтобы слѣдовать своимъ инстинктамъ». Онъ безконечно презираетъ «слабыхъ, моралистовъ, рабовъ, которые не смѣютъ обладать инстинктами». Онъ не хочетъ демократіи: «она нивеллируетъ и опошляетъ человѣчество, дѣлаетъ его грубымъ и погружаетъ въ хозяйственные интересы». Съ торжествомъ демократіи настанетъ «царство лавочниковъ, клеоновъ, кожевниковъ и мужиковъ, которые ненавидятъ все прекрасное, все стоящее выше ихъ». Онъ не хочетъ, чтобы «всѣ плебейскіе инстинкты были направлены противъ выше стоящаго». И въ то же время онъ сочувствуетъ соціалъ-демократіи, онъ раздаетъ свои деньги для устройства стачекъ и для пропаганды революціонныхъ идей». Но онъ дѣлаетъ это скорѣе для забавы, чѣмъ изъ серьезныхъ побужденій, потому что «жизнь его слишкомъ мало интересуетъ». Онъ экспериментируетъ, какъ предполагаетъ одинъ изъ его товарищей, ему хочется эстетическихъ ощущеній.

И гордые порывы Фалька разрѣшаются безчестными романами и удовлетвореніемъ своей похоти. Онъ отбиваетъ невѣсту у друга, и послѣдній пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Онъ совершаетъ свой жестокій поступокъ не безъ колебаній. Онъ страдаетъ за своего друга, онъ пробуетъ бѣжать отъ Изы, но возвращается къ ней снова. Онъ женится на Изѣ и въ то же время не порываетъ связи съ своей любовницей Яниной и забываетъ пріятеля. Его похоть не знаетъ предѣловъ. Его страсть къ Изѣ возникла мгновенно. «Вдругъ охватило его желаніе, какъ будто облако заволокло его мозгъ и помрачило всѣ мысли. Онъ чувствовалъ ея руку на своихъ губахъ. Чувствовалъ, какъ теплота ея тѣла разжигала его кровь, чувствовалъ, какъ звукъ ея голоса ласкающей волной плылъ по его нервамъ». Онъ танцуетъ съ нею на балу. «Кровь сразу бросилась ему въ голову, когда онъ прижалъ къ себѣ ея стройное тѣло. Его схватилъ и понесъ какой-то водоворотъ. Чувствовалъ, что они срослись, что она стала частью его души, и онъ въ безконечномъ упоеніи несется вокругъ самого себя, съ собою вмѣстѣ». Свое животное чувство онъ оправдываетъ ницшеанскими доводами, поетъ панегирики инстинкту и заглушаетъ голосъ совѣсти. Не его вина, что онъ встрѣтилъ женщину, которая ему «такъ знакома»,—знакома больше, чѣмъ его другу. Развѣ онъ знаетъ, почему онъ старался быть интереснымъ, зачѣмъ завлекалъ ее. «Великое «Agens» завело пружины такимъ образомъ, что колеса неизбѣжно должны катиться въ томъ, а не иномъ направленіи».

Черезъ годъ послѣ женитьбы на Изѣ, онъ пріѣзжаетъ на короткое в...

---

[1]) *Пшибышевскій*: „Homo sapiens“, русск. пер. въ изд. „Скорпіона“.

къ себѣ на родину и здѣсь «мимоходомъ» соблазняетъ «маленькую» Маритъ. Одинъ за другимъ разбиваетъ онъ традиціонные принципы, которые свято чтила эта дѣвушка, воспитанная на началахъ нравственности и религіи. Она безсильна бороться съ нимъ, хотя сопротивляется до послѣдней возможности. «Я ухожу,—говоритъ Фалькъ,—я оставляю тебѣ твою мораль, твою вѣру, твою дѣвственность и избавляю тебя отъ такъ называемаго грѣха». Она молитъ его остаться и становится его жертвой. Она узнаетъ, что онъ женатъ, и благочестивая дѣвушка находитъ въ самоубійствѣ избавленіе отъ угрызеній совѣсти. И совершивъ это ужасное преступленіе для удовлетворенія своей минутной прихоти, онъ снова находитъ оправданіе себѣ, варьируя слова Заратустры: «Я—природа, я разрушаю и даю жизнь. Я шагаю черезъ тысячи труповъ, потому что я долженъ! И я зарождаю жизнь черезъ жизнь: потому что я долженъ. Я—не я. Я—это вселенная, природа—или кто бы ты ни былъ, ты вѣчная глупость, вѣчная насмѣшка! Я совсѣмъ не человѣкъ. Я — сверхчеловѣкъ: безсовѣстный, жестокій, прекрасный и добрый. Я—природа: у меня нѣтъ совѣсти, у нея также нѣтъ ея... у меня нѣтъ жалости, у нея также нѣтъ ея... Да, я—сверхчеловѣкъ». Какъ далеко это пониманіе сверхчеловѣка отъ его прообраза. Ницше лелѣялъ свою грезу о человѣкѣ будущаго, онъ любилъ людей настоящаго только какъ переходъ къ этому сверхчеловѣку; онъ требовалъ отъ нихъ самопожертвованія и власти надъ своими инстинктами. Фалькъ упростилъ эту философію, онъ отвергъ тотъ длинный и тяжелый путь, который велъ въ совершенному человѣку, онъ забылъ, что, по ученію Ницше, люди настоящаго только переходная ступень, онъ самовольно провозгласилъ себя самого сверхчеловѣкомъ, изъ свойствъ этого послѣдняго онъ заимствовалъ только тѣ, которыя открывали безпредѣльный просторъ гнуснымъ инстинктамъ его природы.

«Ты для себя лишь ищешь воли», можно было бы сказать ему словами пушкинскаго цыгана. Свою свободную проповѣдь онъ признаетъ лишь для себя. Только съ себя сбрасываетъ онъ оковы традиціи и условныхъ воззрѣній. Но когда дѣло коснется Изы, въ немъ просыпается деспотъ, человѣкъ прошлаго, вѣрный рабъ традиціонной морали. Совѣсть Изы не была чиста передъ Фалькомъ. Въ минуту отчаянія, колеблющаяся между своимъ женихомъ, котораго она жалѣла, и Фалькомъ, котораго любила, она уступила безумному порыву своего жениха, чтобы убѣдить его въ своей любви. Съ холодной хитростью искуснаго сыщика, Фалькъ выпыталъ у нея ея несчастную тайну, и самъ, обманывая ее на каждомъ шагу, онъ не могъ всю жизнь простить ей ея невольнаго преступленія. Онъ чувствуетъ безумное желаніе «бросить эту женщину на землю, топтать ее ногами, исколотить своими кулаками». Онъ, такъ вдохновенно говорившій ей о свободной любви, приходитъ въ бѣшенство при одной мысли, что она принадлежала другому; онъ, проповѣдывавшій безграничное право инстинкта, чувствуетъ, что «грѣхъ» Изы превратился для него въ какой-то наростъ съ длинными отростками, которые «всасываются въ каждую пору его ду-

ши, съ возрастающей яростью втискиваются въ каждое отверстіе и пропитываютъ весь организмъ этимъ страшнымъ ядомъ». Онъ, обвинявшій въ убійствѣ маленькой Маритъ не себя, а природу, которой «угодно было избрать его орудіемъ убійства», онъ не въ силахъ теперь противостоять полету своей фантазіи. Она разыгралась, она разрастается, какъ дѣвственный лѣсъ, становится «острой и ядовитой, какъ стрѣла индѣйца, изобрѣтательной, какъ Эдиссонъ, неутомимой, какъ Сократъ». Онъ почти физически ясно представляетъ себѣ картину паденія Изы, и его страданіямъ нѣтъ предѣла. Таковъ этотъ ницшеанецъ съ земными слабостями и съ софистической логикой. Онъ умѣетъ искусно пользоваться ученіемъ о морали господъ, каждый новый романъ свой, каждую пошлую интригу онъ умѣетъ оправдать по новому, съ новыми доказательствами, новыми психологическими тонкостями.

Исторія Фалька—не только исторія того пути, по которому двинулись ницшеанцы извѣстнаго типа; она изображаетъ и печальный конецъ этихъ людей, пытавшихся освободиться отъ вѣками установленной морали. Его начинаютъ терзать призраки его жертвъ. Онъ встрѣтилъ однажды отца Маритъ, и онъ почувствовалъ толчокъ, точно въ него ударила молнія, онъ услышалъ возгласъ старика: «Убійца!» Старикъ хотѣлъ броситься на него, но онъ вô-время оттолкнулъ его. «Съ того времени *это* явилось... Есть что-то въ душѣ, до чего не слѣдуетъ дотрагиваться, иначе человѣкъ дѣлается самъ не свой». Старикъ вскрылъ это въ душѣ Фалька и съ тѣхъ поръ «она сочится кровью, не переставая». Онъ ищетъ смерти и кончаетъ свою жизнь почти полнымъ безуміемъ.

Товарищъ Фалька объясняетъ ему причины постигшей его катастрофы: «Вы вотъ теперь въ отчаяніи, умираете отъ тревоги и безпокойства, а почему? Потому что вы подошли къ непріятному половому конфликту. Милый Фалькъ, есть страданіе совершенно иное, котораго вы не чувствуете, которое чувствуетъ лишь тотъ, кто слился въ одно со всѣмъ человѣчествомъ, въ чьихъ жилахъ переливается цѣлый адъ страданій. Я знаю, что для васъ не существуетъ человѣчества. Душа ваша слишкомъ мала, чтобы объять весь свѣтъ. Сердце ваше бьется только для вашихъ женъ, возлюбленныхъ и дѣтей... Къ чему сводится вашъ сводъ законовъ? Не пожелай жены ближняго твоего, не укради и не убій! Къ чему свелась ваша религія? Чтобы послѣ трудовъ обжорства и пьянства здѣсь, на землѣ, обезпечить вамъ спокойное мѣсто для пищеваренія на томъ свѣтѣ... Что такое ваша философія?. Я читалъ вашего Штирнера, Ницше. Все это ложь, низкая, мелкая ложь. Нужно было устранить все великое, все трудное, и любовь, и страданіе, и жертву, и человѣчество, и Бога, потому что все это мѣшало вашему пищеваренію. Жертву надо было представить смѣшной, потому что жертвовать собою такъ безконечно трудно, потому что это стôитъ такой борьбы и отчаянья. Къ чему свелась ваша жизнь? Къ распутству и половой похоти». Эта жестокая критика фальковскаго ницшеанства хорошо выражаетъ ту мораль, которая вытекаетъ изъ гордой и

софіи Заратустры. Ницше кончилъ безуміемъ, но онъ облагородилъ свою безплодную философію идеалистическими порывами; если онъ шелъ черезъ трупы «слишкомъ многихъ», то его безумный взоръ видѣлъ гдѣ-то вдали свѣтлый идеалъ. Фальку не оставалось даже этого утѣшенія. Онъ понялъ, что въ его жизни не было ничего высокаго и сверхчеловѣческаго, что онъ жалокъ и ничтоженъ передъ тѣми, кто отдаетъ свои силы общественному служенію, чья дѣятельность согрѣта вѣрой и любовью. «Это такъ странно,—говоритъ Фалькъ одному изъ членовъ соціалъ-демократической партіи,—что именно вы, вы—нивеллировщики, вы—сострадатели, сверхчеловѣки. Вѣра, любовь даютъ вамъ такую силу, мощь. А я? Я человѣкъ вымирающій. Я послѣдній человѣкъ».

Фалькъ не только воплощеніе чувственности, онъ соціалъ-демократъ и даже называетъ себя въ одномъ мѣстѣ предсѣдателемъ центральнаго комитета. Ницшеанство и рабочее движеніе по духу непримиримы. Но оба направленія соприкасаются въ своей критической части. Ницше не менѣе Маркса враждебенъ буржуазному строю жизни. У разбогатѣвшаго позолоченнаго мѣщанства два врага: пролетарій и феодалъ; если Марксъ былъ идеологомъ перваго, то слишкомъ практическіе послѣдователи ницшеанской философіи нерѣдко говорятъ языкомъ второго. Ницше хотѣлъ быть благодѣтелемъ человѣчества, перешагнувъ черезъ трупы человѣческихъ массъ. Идеологи пролетаріата не разобрались въ его философіи, они испугались одной части ея, именно того презрѣнія, которое она бросала въ лицо обездоленнымъ массамъ, и они отожествили Ницше съ собственникомъ-эксплоататоромъ. Если у буржуазіи два врага, пролетаріатъ и люди, цѣпляющіеся за обломки феодализма, то рабочей массѣ нѣтъ дѣла до ссоры господъ, она одинаково враждебна и буржуазіи, и аристократіи. Вотъ почему соціалъ-демократическая пресса нерѣдко называла Ницше «философомъ католицизма» съ легкой руки Франца Меринга [1]), а въ его сверхчеловѣкѣ увидала продуктъ буржуазныхъ страховъ за свою собственность. Черезъ два года послѣ «Homo Sapiens» появился другой романъ «Satans Kinder», Дѣти сатаны—анархисты. Это тоже своего рода ницшеанцы; ихъ цѣль — разрушеніе, уничтоженіе всего, что поддерживаетъ власть и собственность. Ихъ глава Гордонъ, пророкъ сатаны. Онъ собираетъ вокругъ себя всѣхъ потерянныхъ. Около него группируются проститутки, разные неудачники, голодные,—словомъ всѣ, либо выброшенные, либо сами бѣжавшіе отъ общества. Они образуютъ естественный союзъ, они дѣйствуютъ заодно даже тогда, когда ничего не знаютъ другъ о другѣ. Романъ полонъ преступленій; это — дѣйствительно царство сатаны. Изъ ученія Ницше герой заимствуетъ только отрицаніе старыхъ цѣнностей [2]).

Такія разнообразныя формы пріобрѣтало ницшеанство въ Германіи.

---

[1]) *Leo Berg*: „Der Übermensch in der modernen Litteratur". Paris, Leipz., München, 1897, стр. 228.

[2]) Ibid., стр. 226—227.

V.

Нѣмецкая литература 90-хъ годовъ выводила на сцену не только ницшеанцевъ, но и ницшеанокъ. Странно соединять съ именемъ Ницше понятіе о сверхженщинѣ. Авторъ «Заратустры» отводилъ женщинѣ пассивную и унизительную роль въ процессѣ созиданія совершеннаго человѣчества. Но съ Ницше случилось то, что нерѣдко повторялось въ исторіи человѣческой мысли. Онъ созидалъ тамъ, гдѣ хотѣлъ разрушить, и разрушалъ тамъ, гдѣ стремился къ созиданію. Фалькъ усвоилъ разрушительную часть его философіи и прошелъ мимо ея творческихъ, созидательныхъ принциповъ. Магда [1]) не только сумѣла порвать традиціонныя оковы, въ которыя заключила женщину нѣмецкая добродѣтельная буржуазія. Магда покоряетъ себѣ окружающихъ и создаетъ вокругъ себя новое царство, новый міръ, гдѣ она является вождемъ и законодателемъ. «Тамъ все принято, что я дѣлаю—говоритъ она отцу,—потому что такъ дѣлаю я». Знаменитой пѣвицей вернулась Магда въ родительскій домъ, откуда она много лѣтъ тому назадъ бѣжала робкой дѣвочкой, спасаясь отъ мелкихъ интересовъ этой филистерской семьи, отъ ея условной морали. Магда вернулась гордой и самостоятельной. Подобно Заратустрѣ и Фальку она восклицаетъ: «Я—я, и не хочу себя ронять». На увѣщанія пастора, склоняющаго ее остаться въ родительскомъ домѣ, она отвѣчаетъ: «Если бы вы, г. пасторъ, имѣли понятіе, что значитъ жить полной жизнью, что значитъ напрягать всѣ силы, искупать каждую вину, что значитъ достигать высоты и ей наслаждаться, вы сами себѣ показались бы смѣшнымъ въ этой пастырской бесѣдѣ». Она усвоила всѣ отличительныя черты истиннаго сверхчеловѣка. Она чувствуетъ въ себѣ влеченіе порабощать своимъ хотѣніемъ. Онъ поетъ или живетъ такъ,—для нея это одно и то же,—что «каждый долженъ хотѣть только того, чего хочетъ она». Она заставляетъ любить и страдать, и ликовать, и рыдать заодно съ собою; она жестока съ тѣмъ, кто вздумаетъ противиться. «Я, — говоритъ она, — покорю его пѣсней, поработцу, низвергну, пока онъ не станетъ рабомъ, игрушкой въ моихъ рукахъ». Она близка къ ницшеанской морали, къ морали господъ: «мы должны быть грѣшны, если хотимъ вырасти; стать выше своихъ грѣховъ, это выше той чистоты, которую вы проповѣдуете», говоритъ она пастору. Магдѣ приходится сдѣлать тотъ шагъ, который является самымъ опаснымъ испытаніемъ на пути въ сверхчеловѣческія высоты; ей приходится заглушить въ себѣ чувство состраданія, смотрѣть спокойно на муки близкихъ и дорогихъ людей и даже перешагнуть черезъ трупъ отца; ей предстоитъ разбить счастье многихъ, для того чтобы отдаться влеченію своихъ инстинктовъ и желаній. И Магда колеблется; она готова подчиниться требованіямъ, принести свою полную интереса и смысла жизнь въ жертву мѣщанской морали. Но, когда отъ нея требуютъ, чтобы она [illegible]

---

[1]) *Зудерманъ*: „Родина", рус. пер. въ изд. С. Скирмунта

сила своего ребенка, въ Магдѣ снова просыпается гордый и независимый человѣкъ. Она отказывается. «Предъ кѣмъ я согрѣшила? Я была свободная птица... Я давно уже принадлежала къ разряду тѣхъ созданій, которыя безъ посторонней помощи, какъ мужчины, завися только отъ труда рукъ своихъ, толкутся на свѣтѣ... Такъ, если вы предоставляете намъ право голодать,—а я голодала;—почему же отказываете вы намъ въ правѣ любить, какъ мы умѣемъ, и въ правѣ на счастье, какъ мы его понимаемъ».

Магда, подобно Фальку, усвоила только выгодныя стороны ницшенской философіи. Они оба восприняли изъ нея глубокую ненависть къ господствующей морали и страстный порывъ къ освобожденію своей личности. Но они оба придали своимъ стремленіямъ эвдемонистическую окраску, которой нѣтъ въ проповѣди Заратустры. И Фалькъ, и Магда, въ концѣ-концовъ, безсознательно жаждутъ только счастья. Они оба страдаютъ, но оба тяготятся своими страданіями и стремятся къ избавленію отъ нихъ. Сверхчеловѣкъ Ницше добровольный и сознательный страдалецъ. Онъ не бѣжитъ страданій, онъ знаетъ, что они неразлучны съ его великой миссіей и не отказывается онъ нихъ. Ни у Фалька, ни у Магды нѣтъ цѣли, лежащей внѣ ихъ собственнаго «я». Истинно ницшеанскій индивидуализмъ находилъ извѣстное оправданіе именно въ существованіи такой цѣли. Въ реальномъ мірѣ не можетъ быть такой цѣли. Греза Ницше слишкомъ неопредѣленна, положительная часть его ученія слишкомъ далека отъ насъ, для того чтобы въ современномъ обществѣ можно было найти героя, идущаго прямо къ идеалу Заратустры, дать ясную картину этого пути. Вотъ почему ницшеанскіе герои въ нѣмецкой литературѣ 90-хъ годовъ лишены положительныхъ, опредѣленныхъ идеаловъ. Отрѣшившись отъ господствующей морали, стараясь подавить въ себѣ чувство любви и состраданія,—словомъ, подготовляя въ себѣ сверхчеловѣка, они не знаютъ затѣмъ, куда направить свои силы или направляютъ ихъ совсѣмъ не туда, куда звалъ Заратустра. Грёза о сверхчеловѣкѣ—миѳъ, и только миѳическій сюжетъ, сказка, представлялась удобной формой, чтобы показать сверхчеловѣка въ моменты его созидательной, а не разрушительной дѣятельности.

VI

«Потонувшій колоколъ» Гауптмана [1]) появился почти одновременно съ романомъ «Homo Sapiens». Мастеръ Генрихъ работалъ «безъ отдыха и весело»; онъ отлилъ болѣе ста колоколовъ. «На сотнѣ башенъ, голосомъ протяжнымъ» они пѣли, гудя, хвалу своему творцу и «проливали его души живую красоту надъ деревнями, селами, полями». Его послѣднее созданье должно было достойно увѣнчать его; вновь отлитый имъ колоколъ снискалъ ему уваженіе согражданъ «своимъ прозрачнымъ звукомъ». Но злой духъ погубилъ работу великаго мастера, и колоколъ упалъ и навсегда

---

[1]) Русскій перев. Бальмонта, въ изд. С. Скирмунта.

погрузился въ волны, въ тотъ самый моментъ, когда его везли въ горахъ, чтобы повѣсить на колокольню. Самъ мастеръ Генрихъ разбился. Но здѣсь въ горахъ ему явилась дивная фея Раутенделейнъ, и съ тѣхъ поръ онъ переродился. Онъ понялъ ничтожество своего прославленнаго созданія, онъ понялъ, что его колоколъ хорошъ для долинъ, а «не для царства горъ». Ни поклоненіе окружающихъ, ни увѣренія жены, ни рѣчи пастора, ничто не могло переубѣдить мастера Генриха, почувствовавшаго въ себѣ новыя силы. «Онъ для долинъ, онъ не для горъ высокихъ. Объ этомъ знаю только я одинъ. Объ этомъ пасторъ ничего не знаетъ». Онъ задается сверхчеловѣческой задачей. Онъ хочетъ создать новый колоколъ: «въ звукѣ трубъ его громовыхъ потонутъ звоны всѣхъ колоколовъ, и въ ликованьи гулкомъ возрастая, онъ міру возвѣститъ рожденье дня». Мастеръ Генрихъ не хочетъ больше служить долинамъ; его не удовлетворяетъ больше оцѣнки ихъ обитателей; подобно Заратустрѣ, онъ отыскалъ новые критеріи, невѣдомые и непонятные обыденной массѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ побылъ среди высотъ, его духъ безпрестанно стремится вновь къ заоблачнымъ вершинамъ. Горы—это та сторона, гдѣ онъ увидалъ сверхчеловѣка, долины—это современная земля, куда онъ принесъ вѣсть о немъ. Этимъ сказочнымъ сюжетомъ поэтъ избавилъ себя отъ необходимости болѣе точно опредѣлить задачи и стремленія мастера Генриха. Тотъ колоколъ, о которомъ грезитъ Генрихъ, воплощаетъ собою идеалъ всякой художественной творческой натуры. Если взглянуть на стремленія мастера Генриха безъ аллегорій, то, можетъ быть, выборъ этой задачи окажется мало удачнымъ. Какое дѣло до колокола творцу, который хотѣлъ пойти дальше христіанства, въ концѣ-концовъ онъ работалъ для возвеличенья церкви [1]).

Но аллегорическій характеръ драматической сказки далъ возможность поэту показать всѣ перипетіи борьбы, изобразить преграды, лежащія на пути къ осуществленію возвышенныхъ стремленій. Мастеръ Генрихъ—сверхчеловѣкъ, болѣе другихъ приближающійся къ идеалу Заратустры.

Мастеръ Генрихъ напоминаетъ идеалъ Заратустры прежде всего потому, что онъ—творецъ по природѣ; онъ создаетъ то, чего еще не было и нѣтъ, чего даже нельзя опредѣлить; онъ называетъ свое будущее созданіе колоколомъ, но въ дѣйствительности онъ знаетъ, что творитъ то, «чему нѣтъ названья и что само должно себѣ названье дать». Подобно Заратустрѣ, онъ находится только въ состояніи неяснаго, но сладостнаго предчувствія окончательныхъ результатовъ своей работы:

Мой звонъ въ пѣвучихъ страстно-нѣжныхъ звукахъ
Сквозь воздухъ блещетъ звонкою игрой,—
Въ груди у всѣхъ, звеня, дрожитъ рыданье
Отъ боли наслажденья: это пѣсня
Погибшая, забытая, родная,
Воставшая изъ ясной дали дѣтства,
Найденная въ глубокомъ родникѣ

---

[1]) *Berg:* „Der Uebermensch", стр. 200.

Прозрачныхъ сказокъ,—вѣдомая всѣмъ,
Но до сихъ поръ не спѣтая ни разу.
И чуть она начнется, тихо, тайно,
То выражая муки соловья,
То воплощая нѣжный смѣхъ голубки,—
Въ сердцахъ у всѣхъ внезапно вспыхнетъ ледъ
И вскроется,—и ненависть, и скорби,
И бѣшенство, и мракъ тоски, и пытки
Растаютъ въ ласкѣ теплыхъ, теплыхъ слезъ.

Мастеръ Генрихъ близокъ къ идеалу Заратустры, во-вторыхъ, потому, что онъ умѣетъ для осуществленія своего идеала быть жестокимъ. Построивъ свою мастерскую въ горахъ, онъ покинулъ тамъ, въ долинѣ, жену и дѣтей, и даже увѣщевающій его пасторъ, поминутно напоминающій о кротости и прощеніи, возмущенъ его «чудовищной жестокостью», тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ мастеръ Генрихъ принимаетъ вѣсть о страданіяхъ брошенной семьи. Онъ съ радостію осушилъ бы ихъ слезы. «Но это невозможно,—восклицаетъ Генрихъ. Размышляя въ часы тоски,—я вижу это ясно: мнѣ не дано уменьшить эту скорбь. Я весь любовь, я обновленъ любовью, но отъ моихъ богатствъ избыткомъ свѣтлымъ я не могу съ ней, скудной, подѣлиться, мое вино ей будетъ желчь и ядъ. И тотъ, чьи руки—кости хищной птицы, какъ можетъ онъ ласкать лицо ребенка, когда онъ плачетъ».

Мастеръ Генрихъ презираетъ толпу и толпа ненавидитъ его. Его таинственная работа въ горахъ «повсюду возбуждаетъ отвращеніе». Сверхчеловѣкъ Заратустры взбирался на высоты, и пилъ изъ источниковъ, къ которымъ не прикасались нечистыя губы толпы. Мастеръ Генрихъ покинулъ долину для горъ, чтобы не осквернять своего идеала близостью къ толпѣ. Непониманіе толпы не страшитъ его,—онъ не смущенъ угрозой пастора: «народъ, въ своей святынѣ вами оскорбленный, толпой ворвется въ вашу мастерскую и безпощадно разгромитъ ее». Тѣмъ хуже для толпы. Если тотъ, кто терпитъ жажду, выбиваетъ чашу изъ руки, подающей ему вино, то пусть терпитъ жажду. Если толпа проникнется слѣпою злобой къ тому, кто готовилъ ей облегченіе, если она «накинется свирѣпо, чтобъ погасить огонь его души», онъ въ послѣдній разъ «взметнетъ свой молотъ» и разобьетъ колоколъ, который «будетъ сдѣланъ искусствомъ низкой твари».

Мастеръ Генрихъ напоминаетъ идеалъ Заратустры, потому что онъ перестал разумѣть языкъ толпы и она перестала понимать его языкъ. Онъ и пасторъ, представитель традиціи, выразитель настроеній массы, говорятъ на разныхъ языкахъ. И мастеръ Генрихъ, и пасторъ ищутъ Бога, и служитель церкви радъ, что ихъ идеалы совпадаютъ. Только при дальнѣйшемъ развитіи мыслей Генриха пасторъ понялъ, какое недоразумѣніе происходитъ между ними. Богъ пастора совсѣмъ не тотъ, котораго ищетъ мастеръ. Для пастора всего важнѣе формальная сторона вопроса. Онъ требуетъ, чтобы возвышенные порывы Генриха облеклись въ традиціонныя

формы, установленныя церковью, онъ запрещаетъ стремленіе къ добру и идеалу, отступающее отъ путей, указанныхъ церковью. Когда Фаустъ развивалъ передъ наивной Гретхенъ свои пантеистическія идеи, она грустно отвѣтила ему: «почти то же самое говоритъ нашъ пасторъ, а всетаки мнѣ тяжело, что ты не ходишь въ церковь». Въ умѣ эпически-простой Гретхенъ сущность христіанской религіи сводилась къ обрядовой сторонѣ, духъ и смыслъ религіи игралъ въ ея глазахъ второстепенную роль. Гауптмановскій пасторъ еще болѣе непримиримъ. Онъ грозитъ небесной карой за самостоятельные порывы къ небу. Онъ приходитъ въ восторгъ, когда Генрихъ славитъ Бога, но сердцемъ его овладѣваетъ тревога, когда онъ узнаетъ, что Генрихъ не предназначилъ своего будущаго творенія для опредѣленной церкви. Онъ радуется исцѣленію Генриха, но онъ стоитъ въ недоумѣніи, когда мастеръ объясняетъ ему характеръ этого исцѣленія:

О, да!
Я исцѣленъ, я обновленъ! Я слышу
Дыханье возрожденія во всемъ.
Въ моей груди, исполненной блаженства,—
Какъ будто въ ней расцвѣлъ веселый май,—
Въ моей рукѣ, какъ будто бы желѣзной,—
И въ пальцахъ, напряженныхъ точно когти
Могучаго орла, что, въ пустотѣ
Паря, ихъ разжимаетъ и сжимаетъ:
Творить, творить, лишь только бы творить.

Мастеръ Генрихъ близокъ къ идеалу Заратустры потому, что онъ страдаетъ. Его работа—неисчерпаемый источникъ не только наслажденій, но и мукъ. Онъ сковываетъ желѣзной дисциплиной гномовъ, онъ слѣдитъ за каждымъ ихъ движеніемъ, за каждой деталью, онъ работаетъ изъ послѣднихъ силъ и не разъ падаетъ, обезсиленный и усталый. Его сердце мучительно сжимается при неудачѣ, но «освобожденнымъ взоромъ онъ измѣряетъ просторъ небесныхъ далей» и снова съ усиленной энергіей принимается за работу. Наконецъ мастеръ Генрихъ и Заратустра сходятся въ своей страстной жаждѣ борьбы. «Борьба живитъ, побѣда закаляетъ», говоритъ мастеръ. Въ борьбѣ съ непониманіемъ окружающихъ онъ находитъ новыя силы для продолженія своей работы. Нападеніе толпы на него вливаетъ въ него могучую бодрость. «Рёвъ толпы мнѣ кстати,—восклицаетъ онъ.—Когда бы ангелъ съ лиліей въ рукѣ ко мнѣ спустился съ неба, убѣждая быть твердымъ, я не понялъ бы тогда всю цѣнность неземныхъ моихъ созданій, все содержаніе замысловъ моихъ такъ ясно, какъ теперь, когда я слышу рычанье этихъ мерзкихъ голосовъ».

И тѣмъ не менѣе мастеръ Генрихъ гибнетъ. Человѣческія чувства берутъ въ концѣ-концовъ верхъ надъ сверхчеловѣческими. Ему являются призраки его дѣтей. Они приносятъ ему кувшинчикъ, наполненный соленой и горькой влагой, то—слезы его жены, нашедшей успокоеніе «среди водныхъ лилій». Раздается звонъ потонувшаго колокола, знаменующій торжество земного надъ небеснымъ въ его душѣ. Онъ съ ненавистью от[illegible]

киваетъ отъ себя Раутенделейнъ, впервые пробудившую въ немъ высокіе замыслы, и шлетъ проклятіе своимъ созданіямъ. Ему никогда уже не подняться на высоту.

Такъ кончаютъ гибелью всѣ герои, образы которыхъ навѣяны проповѣдью Заратустры. Эту проповѣдь встрѣтили враждебно. Демократическое общество увидѣло опасность въ возрожденіи аристократизма и индивидуализма. Демократическіе органы старались оградить молодежь отъ ея вліяній. Но сознательные противники Ницше не нанесли его философіи такого рѣшительнаго удара, какой причинили ему писатели, поддавшіеся обаянію его ученія. Не Шпильгагенъ и Видеманъ, а художественные образы Фалька и мастера Генриха доказали несостоятельность индивидуалистическихъ идеаловъ и морали господъ; ихъ гибель говорила о могуществѣ земного, о могуществѣ совѣсти, объ инстинктѣ человѣческой солидарности сильнѣе, чѣмъ вся антиницшеанская критика. Именно они, стремившіеся уйти отъ человѣчества, доказали, что только въ сліяніи съ человѣчествомъ можно черпать силы для сознательной работы, дающей удовлетвореніе.

П. Коганъ.

Памяти А. Н. Пыпина.

Скончался большой подвижникъ науки, болѣе 50 лѣтъ плодотворно воздѣлывавшій ея ниву и вмѣстѣ съ тѣмъ служившій своими трудами широкимъ интересамъ общества. Его имя невольно напоминаетъ намъ о томъ великомъ страдальцѣ за идею, о Н. Г. Чернышевскомъ, который имѣлъ огромное значеніе на своего молодого родственника. Объ этомъ вліяніи свидѣтельствуетъ самъ А. Н. Пыпинъ. «Въ началѣ сознательной жизни моимъ ближайшимъ руководителемъ, старшимъ товарищемъ былъ мой двоюродный братъ—не родной, но ближе, чѣмъ родной. Онъ былъ юноша, ревностно искавшій научнаго знанія и полный идеализма; я былъ мальчикъ. Онъ былъ уже богатъ свѣдѣніями, которыя сохраняла его рѣдкая память; въ поэзіи онъ носился съ Шиллеромъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Его увлекали поэтическія картины, но и возвышенныя человѣческія идеи. Когда онъ былъ въ университетѣ, я былъ въ верхнихъ классахъ гимназіи. Въ письмахъ онъ поддерживалъ во мнѣ интересъ къ занятіямъ, особенно рекомендовалъ исторію; съ тѣхъ поръ я узналъ имена Раумера, Шлоссера, хотя въ провинціи не могъ имѣть ихъ въ рукахъ. Часто писалъ онъ мнѣ длинныя письма по-латыни; самъ онъ былъ отличный лингвистъ и хотѣлъ меня пріучить къ латыни, а также онъ касался въ письмахъ такихъ предметовъ, о которыхъ было менѣе удобно писать по-русски. Здѣсь въ первый разъ, къ концу сороковыхъ годовъ, я увидѣлъ возможность крестьянскаго вопроса. Въ письмахъ въ связи съ исторіей говорилось о «glebae adscripti» и «terrae firmi» *) (крѣпостныхъ). Руководителемъ Пыпина Чернышевскій оставался и послѣ переѣзда А. Н. въ Петербургъ въ 1849 г. во все время, пока онъ былъ въ петербургскомъ университетѣ (1849—1853 г.), и позднѣе. Чернышевскій ввелъ Пыпина и въ кружокъ *Современника*.

Чернышевскій по своимъ знаніямъ и талантамъ могъ занять въ наукѣ выдающееся мѣсто, но университетская каѳедра оказывалась для него недоступною, такъ какъ, несмотря на прекрасную защиту своей диссертаціи

---

*) *Русск. Вѣд.* 1903 г., № 94.

«Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», онъ, по приказу министра народнаго просвѣщенія, не былъ удостоенъ званія магистра. Однако, и посвятивъ себя всецѣло журнальной дѣятельности, Чернышевскій въ качествѣ экономиста, критика и публициста проявилъ не только огромный литературный талантъ, но и способности великаго ученаго: именно такъ, т.-е. великимъ ученымъ, называетъ Каутскій Чернышевскаго за его примѣчанія къ «Политической экономіи» Д. С. Милля *).

Пыпинъ хорошо воспользовался уроками своего учителя. Еще на студенческой скамьѣ онъ былъ занятъ трудами по исторіи русской литературы и въ годъ окончанія курса началъ дѣлиться ими въ журналахъ съ большою публикою. Въ 1857 году онъ защищаетъ капитальную магистерскую диссертацію: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ». Въ слѣдующемъ году его посылаютъ заграницу для подготовки къ каѳедрѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ, а по возвращеніи черезъ два года онъ получаетъ искомую каѳедру. Но профессура оказалась возможною не надолго. Несмотря на то, что по складу своего ума Пыпинъ былъ прежде всего ученый, онъ пожертвовалъ каѳедрою, когда она оказалась несовмѣстимою съ его убѣжденіями (недаромъ онъ былъ ученикомъ Чернышевскаго) и вмѣстѣ съ Стасюлевичемъ, Кавелинымъ, Утинымъ и Спасовичемъ оставилъ университетъ въ 1861 г. послѣ студенческихъ волненій. Съ 1863 года Пыпинъ принимаетъ ближайшее участіе въ *Современникѣ*, переживаетъ такой ужасный ударъ, какимъ былъ для него арестъ и приговоръ къ каторжной работѣ его учителя, наконецъ, съ закрытіемъ *Современника* на время теряетъ и другую постоянную каѳедру научной дѣятельности. Любовь къ наукѣ поддерживаетъ его силы, и уже въ 1865 году появляется его замѣчательный трудъ, до сихъ поръ лучшій въ этой области—«Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», гдѣ только исторія польской литературы была написана В. Д. Спасовичемъ.

Къ счастью для Пыпина въ томъ же 1866 году, когда былъ закрытъ *Современникъ*, товарищъ А. Н. по преподаванію въ университетѣ, М. М. Стасюлевичъ, основываетъ *Вѣстникъ Европы* (сначала выходящій четыре раза въ годъ); но съ 1868 г. онъ превращается въ ежемѣсячный научно-литературный журналъ, членомъ редакціи котораго Пыпинъ оставался до самой смерти. Въ 1853 г. отъ прежнихъ темъ, преимущественно по древней русской литературѣ, онъ возвращается къ изученію XVIII вѣка (уже въ 1853 г. онъ напечаталъ статью о драматургѣ Лукинѣ), а съ 1868 года приступаетъ къ изученію эпохи Александра I, результатомъ чего явился сначала обширный рядъ статей, лишь частью вошедшихъ въ составъ его замѣчательной книги: «Общественное движеніе при Александрѣ I» (1871 г.). Здѣсь читатели нашли живую, талантливую характеристику воспитанія и личности Александра I, первыхъ годовъ его царствованія и первыхъ пла-

*) См. ст. Каутскаго о взглядахъ Чернышевскаго на Мальтуса въ „Jahrbuch fü Socialwissenschaft u. Politik. Herausg. von Dr. Ludv. Richter. Erster Jahrgang“.

новъ государственныхъ преобразованій, подробное изложеніе конституціоннаго плана Сперанскаго, разборъ реакціонной записки Карамзина: «О древней и новой Россіи», описаніе возбужденія умовъ послѣ 1812 г., возобновленія масонскихъ ложъ и ихъ закрытія, наконецъ, характеристику идей тайныхъ обществъ декабристовъ. Съ этимъ трудомъ связаны свѣтлыя воспоминанія нашихъ университетскихъ годовъ; по статьямъ Пыпина мы учились любить не только русскую исторію (этимъ еще ранѣе мы были обязаны научно-художественнымъ произведеніямъ Н. И. Костомарова), но—что еще важнѣе—любить политическую свободу, сочувствовать людямъ, за нее боровшимся, за нее пострадавшимъ.

Годъ изданія этой книги былъ вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ возможнаго измѣненія въ характерѣ дѣятельности Пыпина: осенью 1871 г. въ академіи наукъ была поставлена его кандидатура на каѳедру русской исторіи. Остановимся подробно на этомъ моментѣ въ біографіи Пыпина, который мы можемъ выяснить на основаніи имѣющихся въ нашихъ рукахъ неизданныхъ документовъ.

Въ засѣданіяхъ академіи 24 августа и 8 октября 1871 г. была прочитана записка «Объ ученыхъ заслугахъ магистра А. Н. Пыпина». Въ ней было указано на необходимость, по мнѣнію академіи, изданія еще ненапечатанныхъ и хранящихся въ архивахъ источниковъ по исторіи Петра и составленія монографій по этому предмету, чтобы подготовить изданіе полнаго историческаго труда по этой эпохѣ. Способнымъ исполнить эту задачу академія признала А. Н. Пыпина, «который», по ея мнѣнію, «будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ, снискалъ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ трудовъ своихъ извѣстность, какъ остроумный изслѣдователь и даровитый писатель по различнымъ частямъ русской и славянской исторіи». Затѣмъ слѣдовала подробная, лестная характеристика научной дѣятельности Пыпина въ области древней русской литературы и исторіи славянскихъ литературъ. Переходя къ его трудамъ относительно второй половины XVIII и первой четверти XIX вѣка, авторы академической записки даютъ о нихъ слѣдующій отзывъ: «Въ послѣднія пять лѣтъ онъ съ обычною любовью занялся другими предметами, а именно написалъ рядъ статей по исторіи эпохи Екатерины II и Александра I. Эти, отчасти обширныя статьи, печатались преимущественно въ одномъ журналѣ, но онѣ своими достоинствами выдаются изъ ряда обыкновенныхъ журнальныхъ статей. Заглавія ихъ слѣдующія: «Русское масонство въ XVIII вѣкѣ» (*Вѣстникъ Европы* 1867 г., т. II—IV), «Русское масонство до Новикова» (тамъ же, 1868 г., кн. 6—7), «Русскія отношенія Бентама» (тамъ же, 1869 г., кн. 2 и 4), «Госпожа Крюднеръ» (тамъ же, 1869 г., кн. 8—9), «Императоръ Александръ и квакеры» (тамъ же, 1869 г., кн. 10), «Россійское Библейское Общество» (тамъ же, 1868 г., кн. 8, 9, 11 и 12), «Историческіе очерки общественнаго движенія при Александрѣ I» (Спб., 1871 г.).

«Относительно этихъ очерковъ многіе замѣчаютъ, что г. Пыпинъ берется за такіе предметы, для обработки которыхъ не придетъ пора до тѣхъ

поръ, пока не сдѣлаются доступными матеріалы, таящіеся въ государственныхъ архивахъ. Въ этомъ упрекѣ есть доля правды, но вообще его нельзя признать справедливымъ. Въ разсматриваемомъ случаѣ дѣло идетъ иногда о личностяхъ, случайностяхъ, намѣреніяхъ, о которыхъ въ государственныхъ архивахъ не всегда можно найти разъясненіе. Сверхъ того необходимо, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ свести въ одно цѣлое свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ до сихъ поръ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и замѣчательныхъ историческихъ личностяхъ временъ Екатерины II и Александра I, и представить ихъ для взоровъ современнаго поколѣнія въ возможно ясной и полной картинѣ.

«Безъ сомнѣнія, при постоянномъ движеніи науки впередъ, подобные очерки въ короткое время могутъ устарѣть и низойти до значенія полузрѣлыхъ произведеній. Какъ на примѣръ того, мы можемъ указать на тѣ многочисленныя приращенія, которыя уже послѣ появленія г. Пыпина получила исторія масонства при Екатеринѣ, благодаря важнымъ по содержанію архивнымъ сообщеніямъ П. П. Пекарскаго. Что же касается до эпохи Александра I, столь богатой политическими и умственными движеніями, то монографическіе очерки ея вполнѣ своевременны, такъ какъ эта эпоха еще покрыта густымъ туманомъ. Конечно, надо сожалѣть, что обстоятельства заставили г. Пыпина печатать эти очерки преимущественно въ журналахъ и налагали поэтому на него необходимость примѣняться къ формѣ журнальныхъ статей, а, слѣдовательно, опускать разъясненіе частныхъ критическихъ подробностей; этимъ и объясняется то, что нѣкоторыя его положенія являются недоказанными, какъ бы въ видѣ парадоксовъ, тогда какъ авторъ имѣлъ свои причины выражаться такъ, а не иначе. Но было бы ошибочно заключать изъ этого, что эти его статьи лишены критическаго направленія. Его прежніе критическіе труды о литературныхъ произведеніяхъ временъ до-петровскихъ и послѣ-петровскихъ изощрили его взглядъ и хорошо приготовили его къ удачному выполненію задачи исторической оцѣнки личностей александровскаго времени. Точно такъ же съ несомнѣннымъ успѣхомъ слѣдитъ онъ за причинами и проявленіями движеній александровской эпохи, которыя иногда легко скрываются отъ взоровъ даже образованныхъ людей. Нѣкоторыя сужденія и взгляды, высказанные имъ въ статьяхъ объ александровскомъ времени, конечно, не могутъ быть приняты безусловно, напротивъ, они должны вызвать сильныя возраженія, которыя, въ концѣ концовъ, приведутъ къ разъясненію исторической истины. Что г. Пыпинъ постоянно добивается этой истины — о томъ громко свидѣтельствуютъ всѣ его работы. Посему нельзя не выразить желанія, чтобы этотъ даровитый ученый, понимающій необходимость въ историческихъ изслѣдованіяхъ строго-научнаго метода и обладающій столь обширными познаніями, былъ поставленъ въ болѣе лучшія условія. Вслѣдствіе сего, въ видахъ пользы какъ вообще для науки, такъ и, въ особенности, для академіи, мы имѣемъ честь предложить г. Пыпина къ избранію въ адъюнкты по части русской исторіи».

Несмотря на то, что составители этой записки, очевидно, высоко цѣнили заслуги молодого ученаго, несмотря на то, что они, несомнѣнно, искренно желали сдѣлать его своимъ сочленомъ по академіи, они допустили въ своемъ отзывѣ не только большую тактическую ошибку, вставивъ въ него довольно странныя оговорки, которыми сумѣлъ воспользоваться высшій представитель власти по министерству народнаго просвѣщенія, но и сказали мѣстами, вѣроятно, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ эпохою Императора Александра I, прямую неправду. Такою неправдою являются, во-первыхъ, слѣдующія слова по поводу историческихъ очерковъ Пыпина о времени Александра I: «безъ сомнѣнія, при постепенномъ движеніи науки впередъ, подобные очерки въ короткое время могутъ устарѣть и низойти до значенія полузрѣлыхъ произведеній». Предсказаніе это совершенно не оправдалось: названная книга А. Н. Пыпина, имѣвшая уже три изданія, не устарѣла и до сихъ поръ, не устарѣла даже послѣ трудовъ Н. К. Шильдера. Единственная серьезная поправка, которую должно было бы внести въ нее дальнѣйшее развитіе исторической науки, это установленіе различныхъ эпохъ въ политическихъ планахъ Сперанскаго. Но неразграниченіе этихъ эпохъ при первомъ и второмъ изданіяхъ книги Пыпина объясняется тѣмъ, что въ то время не былъ напечатанъ полный текстъ плана государственныхъ преобразованій Сперанскаго 1809 г., а Н. И. Тургеневъ, помѣстившій значительную часть проектовъ Сперанскаго въ приложеніи къ своей книгѣ «La Russie et les Russes» (1847, t. III), слилъ во едино двѣ записки Сперанскаго, очевидно принадлежавшія къ разному времени: одна къ 1809 г., вторая, вѣроятно, къ 1812—1814 гг. Повторяемъ, все остальное въ сочиненіи Пыпина можетъ быть дополнено новыми матеріалами, но до сихъ поръ остается по существу совершенно непоколебленнымъ. Такимъ образомъ, его очерки времени Императора Александра I, вопреки мнѣнію академиковъ, не только не «снизошли до полузрѣлыхъ произведеній», но являются и до сей поры украшеніемъ нашей исторической литературы. Точно такъ же несправедливо и утвержденіе, что «нѣкоторые сужденія и взгляды» высказанные Пыпинымъ, «въ статьяхъ объ александровскомъ времени, конечно, не могутъ быть приняты безусловно; напротивъ, они должны вызвать сильныя возраженія». Однако, возраженій этихъ не послѣдовало, и дальнѣйшіе научные труды лишь подтвердили «сужденія и взгляды» Пыпина о времени Александра I.

12 ноября 1871 г. академія Александра I по большинству голосовъ избрала Пыпина въ свои адъюнкты, но такъ какъ это избраніе требуетъ Высочайшаго утвержденія, то ошибками составителей записки о Пыпинѣ*) ловко воспользовался тогдашній печальной памяти министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, который энергически воспротивился добрымъ намѣреніямъ академіи наукъ, какъ противился вообще всѣмъ намѣреніямъ,

---

*) Каѳедру русской исторіи занимали тогда въ академіи А. А. Куникъ и П. П. Пекарскій, на которыхъ и должна лежать отвѣтственность за эту записку.

направленнымъ къ прогрессивному развитію Россіи. Пыпинъ, сотрудникъ либеральнаго журнала, былъ, конечно, для гр. Толстого ученымъ весьма антипатичнымъ, и вотъ министръ представилъ государю докладъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Разсмотрѣвъ, съ своей стороны, внимательно перечисленіе и разборъ трудовъ Пыпина, заключающіеся въ донесеніи коммиссіи, я пришелъ къ тому убѣжденію, что это лицо дѣйствительно занималось не безъ успѣха на поприщѣ русско-славянской словесности, въ особенности древней, но что по части русской исторіи, по которой Пыпинъ нынѣ избранъ членомъ академіи, изъ его пера не вышло ни одного сочиненія, не только дающаго ему права на столь высокое научное званіе, но даже имѣющаго серьезное научное значеніе. Коммиссія придаетъ такое значеніе историческимъ журнальнымъ статьямъ его, помѣщеннымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, объ отдѣльныхъ явленіяхъ государственной и общественной жизни въ царствованія императрицы Екатерины II и императора Александра I; но статьи эти, по отзыву самой коммиссіи, заключаютъ въ себѣ «недоказанныя положенія въ видѣ парадокса», «взгляды и сужденія, которые не могутъ быть приняты безусловно, а, напротивъ, должны вызвать сильное возраженіе», «примѣнены къ формѣ журнальныхъ статей, съ опущеніемъ критическихъ подробностей» и «въ короткое время могутъ низойти до значенія полузрѣлыхъ произведеній». Въ полной справедливости этихъ отзывовъ, — продолжаетъ Толстой, — я самъ могъ вполнѣ убѣдиться, ознакомившись съ нѣкоторыми изъ журнальныхъ историческихъ очерковъ Пыпина; по моему мнѣнію, они имѣютъ характеръ эфемерныхъ произведеній, безъ строго-научныхъ пріемовъ изслѣдованія и притомъ съ тенденціознымъ направленіемъ, обличающимъ въ писателѣ политическіе взгляды и мысли, далеко не соотвѣтствующіе нашему государственному устройству».

Такимъ образомъ, изъ весьма сочувственнаго, въ общемъ, отзыва о Пыпинѣ гр. Толстой очень ловко выхватилъ всѣ неблагопріятныя для молодого ученаго мѣста, да еще приправилъ ихъ собственною аттестаціею о его неблагонамѣренности.

Вслѣдствіе этого доклада гр. Толстого, государь 3 декабря 1873 г. повелѣлъ разсмотрѣть это дѣло въ особой коммиссіи, составленной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта гр. С. Г. Строганова изъ слѣдующихъ лицъ: президента академіи гр. Литке, П. А. Валуева, шефа жандармовъ гр. Шувалова, главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Имп. Вел. канцеляріи кн. Урусова и министра народнаго просвѣщенія гр. Толстого, съ тѣмъ, чтобы журналъ коммиссіи былъ представленъ государю. Коммиссія признала за лучшее, чтобы Пыпинъ самъ отказался отъ званія члена академіи, что онъ и сдѣлалъ *).

Слѣдуетъ ли жалѣть объ этомъ? Мы полагаемъ, — рѣшительно нѣтъ. Мы видимъ, съ какою цѣлью былъ выбранъ Пыпинъ. Предполагалось воз-

*) Срав. дневникъ Никитенка. *Рус. Стар.* 1892 г., № 3, стр. 626—632.

ложить на него трудъ изданія массы архивныхъ матеріаловъ о времени Петра Великаго и составленіе соотвѣтственныхъ монографій. Несомнѣнно, количество печатныхъ матеріаловъ объ этой эпохѣ значительно возросло бы (хотя печатаемое академіею многотомное изданіе «Доклады и приговоры сената» за время Петра Великаго не принадлежитъ къ числу источниковъ первостепеннаго интереса); несомнѣнно, наука могла бы обогатиться нѣсколькими почтенными монографіями, вродѣ трудовъ Пекарскаго «Наука и литература въ царствованіе Петра Великаго» и «Исторія академіи наукъ», но, насильственно погруженный въ эти работы, новый академикъ едва ли бы имѣлъ возможность написать то, что онъ написалъ, оставаясь членомъ редакціи такого уважаемаго журнала, какъ *Вѣстникъ Европы*. Въ 1873 г. Пыпинъ издаетъ вторую свою книгу съ широкимъ общественнымъ значеніемъ: «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ», въ которой одна изъ главъ («Народность офиціальная») представляетъ превосходную, до сихъ поръ не имѣющую себѣ равной, общую характеристику николаевской эпохи, такую характеристику, которую можно было написать, только переживъ, хотя отчасти, это время. (Пыпинъ родился въ 1833 г.). Прошло всего три года, и точно также изъ статей *Вѣстника Европы* составился столь же замѣчательный трудъ: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», написанный преимущественно на основаніи неизданныхъ матеріаловъ и представившій массу новыхъ данныхъ не только о самомъ Бѣлинскомъ, но и о его друзьяхъ. Когда мы подумаемъ, что вмѣсто этихъ живыхъ, талантливыхъ трудовъ А. Н. Пыпинъ, по указкѣ Кунина и Пекарскаго (послѣдній, впрочемъ, умеръ въ 1872 г.), долженъ былъ бы заниматься печатаніемъ архивныхъ матеріаловъ о Петрѣ Великомъ, мы можемъ только воскликнуть: «хорошо, что онъ не сдѣлался тогда академикомъ!» Характерно еще слѣдующее обстоятельство. Не только не менѣе, но даже болѣе правъ, чѣмъ Пыпинъ, на каѳедру русской исторіи въ академіи имѣлъ тогда Н. И. Костомаровъ, но этотъ талантливѣйшій историкъ-художникъ не пользовался симпатіею наиболѣе вліятельныхъ академиковъ (особенно самаго вліятельнаго изъ нихъ И. И. Срезневскаго), и его кандидатура поставлена не была. Впрочемъ, вѣроятно, и Костомаровъ былъ бы признанъ гр. Толстымъ писателемъ неблагонамѣреннымъ.

Не будемъ останавливаться на другихъ замѣчательныхъ трудахъ А. Н. Пыпина: «Исторіи русской этнографіи» (4 тома), написанной по очень широкому плану; «Исторіи русской литературы» (4 тома) и мн. др. Въ 1897 г. состоялось вторичное избраніе его въ академію, явившееся совершенно заслуженнымъ воздаяніемъ за громадныя научныя заслуги и не встрѣтившее на этотъ разъ препятствія. Пыпинъ, которому въ это время было уже 64 года, отличался прежнею неутомимостью: онъ написалъ еще не мало статей, редактировалъ «Извѣстія II отдѣленія академіи» и, кромѣ того, успѣлъ въ академическій періодъ своей жизни почти закончить монументальное изданіе по рукописямъ собранія сочиненій императрицы Екате-

ны II (скоро выйдутъ въ свѣтъ ея записки, имъ же подготовленныя къ печати). И, сдѣлавшись академикомъ, Пыпинъ не переставалъ быть живымъ человѣкомъ: еще въ прошломъ году онъ написалъ интересныя воспоминанія о Некрасовѣ, которыя въ самое послѣднее время издалъ отдѣльною книгою. Онъ работалъ, не покладая рукъ, до послѣднихъ дней.

И все же, отвлеченный новыми работами, Пыпинъ не успѣлъ написать одинъ трудъ, который онъ долженъ былъ бы выполнить: мы разумѣемъ біографію своего учителя, Чернышевскаго. Такой трудъ, написанный по образцу его книги о Бѣлинскомъ, имѣлъ бы, конечно, болѣе важное значеніе, чѣмъ изданіе сочиненій Екатерины II. Для этого послѣдняго предпріятія академія могла бы найти и другія научныя силы, но кто можетъ составить біографію Чернышевскаго такъ, какъ составилъ бы ее Пыпинъ, и многое совмѣстно съ нимъ пережившій, и владѣвшій матеріалами о немъ первостепенной важности. Мы слышали, что Пыпина очень безпокоила во время его предсмертнаго болѣзненнаго состоянія эта числившаяся за нимъ недоимка. Намъ разсказывали, что въ разговорахъ съ людьми близкими, онъ нерѣдко возвращался къ этому предмету и далъ необходимыя указанія относительно печатанія имѣющихся у него матеріаловъ о Чернышевскомъ. Трудно, однако, укорять человѣка, сдѣлавшаго такъ неизмѣримо много, за то, что онъ не сдѣлалъ еще большаго. Кромѣ массы обязательныхъ работъ, Пыпина могло побуждать откладывать этотъ трудъ и ожиданіе лучшихъ временъ: въ правленіе Сипягина и Плеве трудно было разсчитывать на возможность напечатанія біографіи Чернышевскаго, самыя сочиненія котораго, несмотря на то, что они печатались въ журналахъ съ дозволенія цензуры, до сихъ поръ или совсѣмъ не разрѣшаются къ перепечаткѣ, или издаются безъ имени автора. Когда же будетъ возстановлено право великаго писателя-мученика на то, чтобы его произведенія были доступны потомству?

Мы видимъ, что Пыпину пришлось встрѣтить при жизни не мало препятствій въ его научной и журнальной дѣятельности. Пусть же тебѣ будетъ легка земля, нашъ учитель!

В. Семевскій.

Журнальное обозрѣніе.

Въ журналахъ уже появились статьи по поводу исполнившагося въ этомъ году шестисотлѣтняго юбилея Петрарки. Такъ, въ ноябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена бѣглая замѣтка о великомъ итальянскомъ гуманистѣ эпохи возрожденія г. Шепелевича. Италія чествуетъ память Петрарки,—замѣчаетъ г. Шепелевичъ,—преимущественно какъ великаго патріота, мечтавшаго о томъ единствѣ страны, какого мы сравнительно недавно сдѣлались свидѣтелями. Италія видитъ въ немъ одного изъ главнѣйшихъ своихъ сыновей, страдавшаго безнадежной гражданской скорбью. Такое обобщеніе лежитъ въ основаніи многочисленныхъ юбилейныхъ рѣчей и статей о Петраркѣ. «Объединеніе Италіи—это лозунгъ, на которомъ сходятся интеллигентные патріоты всѣхъ временъ, святыня равно всѣмъ дорогая, и вполнѣ правы современные намъ итальянцы, связавъ пѣвца Лауры живучей нитью патріотизма съ его отдаленными потомками». Но значеніе Петрарки даже какъ политическаго мыслителя, по нашему мнѣнію, недостаточно выяснено г. Шепелевичемъ. Невольно вспоминается блестящая характеристика Петрарки, сдѣланная покойнымъ проф. Карелинымъ въ его «Очеркахъ итальянскаго возрожденія». Давъ предварительно нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Петраркѣ, указавъ на тотъ безпримѣрный почетъ, которымъ былъ всю жизнь окруженъ поэтъ, на тѣ почести, которыми наперерывъ осыпали его какъ представители средневѣкового строя, папы и императоры, такъ и представители отдѣльныхъ классовъ, дворяне и горожане, Карелинъ пишетъ: «Единственное объясненіе огромной популярности Петрарки заключается въ полусознательномъ чувствѣ симпатіи къ человѣку, стремившемуся разрушить стѣснявшія личное развитіе корпоративныя перегородки и ниспровергнуть внѣшній авторитетъ, давившій и мысль, и чувство, и волю отдѣльной личности». «Петрарка былъ родоначальникомъ гуманизма, стоялъ во главѣ того теченія, которое уже въ XIV вѣкѣ охватило всю Италію и позже проникло далеко за ея предѣлы. Онъ былъ, слѣдовательно, настоящимъ сыномъ своего вѣка, истиннымъ представителемъ реальныхъ потребностей современнаго общества, радовался его радостямъ, страдалъ его горемъ... Онъ былъ гуманистъ въ тѣсномъ смыслѣ этого

слова, т.-е. индивидуалистъ самой чистой воды. Критеріумомъ всего существующаго была для него личность. Въ философіи онъ отрицалъ метафизику и признавалъ только мораль, т.-е. ту ея сторону, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ человѣку. Точно такъ же относился онъ и къ положительному знанію: по его мнѣнію, главнымъ объектомъ науки долженъ быть человѣкъ; изученіе же внѣшняго міра имѣетъ смыслъ постольку лишь, поскольку онъ касается человѣка, и достойны изученія только тѣ стороны окружающей среды, которыя имѣютъ вліяніе на личность. Съ этой точки зрѣнія политическіе порядки тѣмъ болѣе напрашивались на вниманіе, что ихъ слабыя стороны чувствовались, и чувствовались чрезвычайно болѣзненно, въ силу того же индивидуализма. Выше всего онъ ставилъ личную независимость. Чтобы жить на полной свободѣ, онъ много лѣтъ провелъ въ деревенскомъ уединеніи, чтобы по желанію предаваться любимымъ занятіямъ, онъ отказывался отъ самыхъ выгодныхъ и почетныхъ должностей и всю жизнь оставался частнымъ человѣкомъ, а чтобы добиться экономической обезпеченности, онъ выпрашивалъ себѣ синекуры въ томъ самомъ Авиньонѣ, который такъ сурово порицалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Съ такою же заботливостью охранялъ Петрарка и духовную независимость. Онъ страстно любилъ античную литературу, въ которой находилъ отзвуки собственнаго настроенія, но тщательно остерегался ея вліянія. «Я предпочитаю свой стиль,—писалъ онъ,—хотя бы необработанный и ужасный, чѣмъ чужой, изящный отъ изысканныхъ украшеній».

И этому-то индивидуалисту не разъ приходилось убѣдиться на себѣ, и иногда въ высшей степени оскорбительно, что на его родинѣ не обезпечена даже личная безопасность. Повсемѣстные разбои и бродячія шайки наемныхъ войскъ, страна, раздираемая междоусобіями, и царившая въ ней анархія всю жизнь тяжелыми кошмарами преслѣдовали Петрарку. Отсюда вытекли основныя стремленія политическаго идеала Петрарки: объединеніе Италіи и возрожденіе въ ней мира и порядка. Эти стремленія онъ готовъ былъ поддерживать всѣми средствами и путями. Сперва горячее сочувствіе республиканскимъ формамъ правленія, народному движенію, выдвинувшему впередъ оригинальную фигуру народнаго трибуна Коло ди-Ріенцо, потомъ, съ паденіемъ его, переходъ и проповѣдь необходимости твердаго монархическаго строя для Италіи, пламенное обращеніе къ Карлу IV, папамъ и служеніе княжеской фамиліи Висконти,—все это отдѣльные этапы по пути къ достиженію одной и той же цѣли. «Петрарка,—пишетъ Карелинъ,—былъ настоящимъ предшественникомъ Маккіавели. Онъ неуклонно держался дѣйствительности, старался быть практичнымъ, отказывался отъ самыхъ задушевныхъ мечтаній, чтобы добиться осуществленія того, что было необходимо и что казалось возможнымъ. Онъ любилъ свободу и служилъ деспотизму, чтобъ избавиться отъ анархіи; онъ цѣнилъ людей по ихъ нравственному уровню и отказывался отъ эстетической точки зрѣнія по отношенію къ государямъ, потому что думалъ достигнуть такимъ путемъ большаго блага, общаго блага. Въ этомъ положеніи было много трагизма.

Петрарка любилъ родину, видѣлъ ея бѣдствія, понималъ, что старыя силы отжили свой вѣкъ, и тщательно искалъ новыхъ въ современной средѣ. Самою жизненною изъ этихъ послѣднихъ была тиранія; но она отталкивала жестокимъ деспотизмомъ и звѣрскими пороками, и Петрарка не сразу вступилъ съ нею въ союзъ. Апостолъ индивидуализма слишкомъ высоко ставилъ могущество отдѣльной личности; отсюда его пылкія надежды на Кола ди-Ріенцо и на Карла IV. Только горькія разочарованія привели его ко двору Висконти и заставили пожертвовать многимъ, что было дорого, но и эта жертва не привела ни къ чему. Политическая дѣятельность Петрарки закончилась полною неудачею, тѣмъ не менѣе она имѣетъ историческое значеніе. Петрарка былъ первымъ представителемъ практической политики, ему принадлежитъ первая попытка создать искусство управленія путемъ раціональнаго пользованія наличными силами даннаго времени. Маккіавели былъ только его продолжателемъ, который талантомъ, смѣлостью и систематичностью затмилъ своего предшественника. Еще важнѣе значеніе Петрарки, какъ публициста. Вмѣстѣ съ нимъ въ историческую жизнь входитъ новый факторъ, невѣдомый предшествующему періоду. Петрарка былъ первымъ выразителемъ только что народившагося свѣтскаго общественнаго мнѣнія, той идеальной силы, могущество которой съ каждымъ годомъ возрастаетъ въ цивилизованной Европѣ».

По своему характеру и темпераменту, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шепелевичъ, Петрарка въ исторической перспективѣ представляетъ много загадочнаго, сложнаго, много такого, что отзывается знакомою намъ нервностью и неуравновѣшенностью современнаго человѣка. Онъ весь состоитъ изъ противорѣчій, иногда не мирящихся другъ съ другомъ. Психологическая организація Петрарки, отражающаяся въ многочисленныхъ его автобіографическихъ признаніяхъ, представляетъ рядъ контрастовъ и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что неуравновѣшенная и сложная психика была присуща и людямъ, стоявшимъ на рубежѣ того міросозерцанія, которое считаютъ цѣльнымъ,—міросозерцанія средневѣковаго. Необыкновенная впечатлительность Петрарки давала ему возможность изливать вполнѣ искренно и правдиво самыя противоположныя чувства, увлекаться сюжетами, взаимно другъ друга исключающими, и даже благоговѣть передъ тѣмъ, къ чему онъ недавно высказывалъ болѣе чѣмъ равнодушіе. Его разумъ и религіозныя средневѣковыя воззрѣнія осуждали земныя желанія и стремленія; но фантазія и чувственность приковывали его къ соблазнительнымъ образамъ пышности и радостей этого міра. Онъ называлъ славу непрочнымъ дыханіемъ, тѣнью, ничтожествомъ, и однако же никто никогда не любилъ такъ славу, какъ онъ. Извѣстно, какъ настаивалъ онъ на своемъ желаніи получить лавры въ Капитоліи, и какъ гордился онъ этими лаврами передъ цѣлымъ міромъ, какъ, не колеблясь, сравнивалъ онъ себя въ своихъ произведеніяхъ съ величайшими поэтами древности, и какъ малѣйшая критика доводила его до изступленія. Онъ воспѣлъ прелести уединенія, въ своихъ трактатахъ часто разсуждалъ о нихъ, но еще болѣе часто мѣнялъ ихъ на

придворную суету и сутолоку. Даже будучи очень боленъ, въ пожилыхъ лѣтахъ, онъ подвергаетъ себя страданіямъ и лишеніямъ, чтобы побывать на именитой свадьбѣ, наприм., у Висконти. Онъ поносилъ въ своихъ трактатахъ женщинъ, будучи духовной особой, имѣлъ двухъ незаконныхъ дѣтей, а въ пѣсняхъ своихъ далъ безсмертные образы идеальной любви. «Въ этой душевной борьбѣ, въ этихъ противорѣчивыхъ вспышкахъ страсти, которая не можетъ достичь владычества, но и не умираетъ, а постепенно снова разгорается, пишетъ Адольфъ Гаспари («Исторія итальянской литературы», т. I), развивается богатая разносторонняя жизнь, болѣе важная и интересная, чѣмъ всѣ событія его внѣшняго существованія, гдѣ его чувства и желанія никогда не могли найти полнаго воплощенія. Его духъ былъ болѣе устремленъ внутрь, на то, что переживалось его сердцемъ, нежели на явленія внѣшняго міра, такимъ образомъ онъ преимущественно былъ предназначенъ къ роли лирическаго поэта, а высшимъ, что онъ оставилъ, въ чемъ его индивидуальность сказалась болѣе живо, полно и артистически, являются именно его лирическія стихотворенія, итальянскія пѣсни, въ которыхъ онъ воспѣлъ свою любовь къ Лаурѣ». Эта любовь Петрарки не имѣла внѣшняго развитія: съ того момента, когда онъ впервые увидалъ Лауру въ Santa Chiara и въ немъ вспыхнула любовь, она оставалась такой же вѣрной, нераздѣленной и скорбной до смерти Лауры, послѣдовавшей черезъ двадцать одинъ годъ.

Семнадцать лѣтъ отцвѣлъ душистый миртъ съ тѣхъ поръ,
Какъ сердцемъ я томлюсь въ огнѣ неугасимомъ,
Но не согрѣлъ меня обманчивый костеръ,
Обвѣявъ пламенемъ и дымомъ.

Скорѣе въ волосахъ проглянетъ сѣдина,
Чѣмъ сброситъ человѣкъ привычныя оковы,
Мы слабы, грѣхъ силенъ, душа утомлена,
Влача тѣлесные покровы... и т. д. *).

Любовь Петрарки не имѣетъ надеждъ, питается снами, можетъ представить себѣ блаженство на мгновенье, чтобы тотчасъ же со вздохомъ возвратиться къ дѣйствительности.

Любовь мнѣ шептала пѣвучія рѣчи,
Завѣтныя рѣчи о тайныхъ мечтахъ...
Волшебные звуки! Лобзаній предтечи
Въ безумно-любимыхъ устахъ!

Въ васъ много обмана и правды въ васъ много,
Повѣрить вамъ трудно, не вѣрить труднѣй...
Сомнѣніе гонитъ надежду съ порога,
А сердце рыдаетъ о ней.

Такъ въ грезахъ проходитъ весна за весной,
И зеркало чаще горюетъ со мной
И чаще грозитъ сѣдиной.

*) Переводъ, какъ и дальнѣйшіе переводы, Льдова. Превосходный русскій переводъ чуднаго стихотворенія: „Si lamentor angelli“, принадлежитъ А. Майкову.

Но сердце желать и любить не устало,
И мнится, для счастья всей жизни земной
Такъ мало, такъ мало!

Скорбь поэта выливается въ такой сильной и художественной формѣ, что захватываетъ и поражаетъ очарованнаго читателя.

Ароматной косы золотая волна,
Скатный жемчугъ въ устахъ, зыбкій пурпуръ ланитъ,
Ваша прелесть горька, вашъ расцвѣтъ ядовитъ,
Какъ отравленный кубокъ вина.

Годы мчатся стрѣлой, я старѣю, любя...
О, за что на печаль ты меня обрекла?
Не любуйся собой! Оттолкни отъ себя
Ненавистныя мнѣ зеркала!

Пусть они на уста налагаютъ печать,
Пусть амуръ онѣмѣлъ, я не въ силахъ молчать:
Ты влюбилась въ свое отраженье!

Въ безднѣ ада сковалъ демонъ скорби и зла
И на гибель мою окропилъ зеркала
Изъ рѣки ледяного забвенья!

Въ сонетахъ, посвященныхъ памяти Лауры послѣ ея смерти, какъ будто соединяются въ одно всѣ достоинства его поэзіи, сладкая меланхолія, очаровывающая насъ, богатство образовъ, плѣнительная гармонія словъ и стиха:

Когда поютъ такъ грустно птицы
Въ тѣни задумчивой листвы
И облака, какъ колесницы,
Несутся въ безднахъ синевы,
Тогда пишу, тогда мечтаю,
Она является ко мнѣ,
И я словамъ ея внимаю,
Звучащимъ въ горней вышинѣ:
„Изъ міра скорби быстротечной
Я отошла для жизни вѣчной,—
Другъ, не оплакивай меня.
Смеживъ глаза въ предѣлахъ тѣсныхъ
Прозрѣла я въ лугахъ небесныхъ,
Въ лучахъ негаснущаго дня".

Сонеты и канцоны Петрарки дышатъ неувядаемой прелестью и черезъ шестьсотъ лѣтъ для насъ, какъ и для его современниковъ; представляютъ все тотъ же благодатный родникъ истинной поэзіи, источникъ неизсякаемаго и чистаго наслажденія.

Не даромъ Италія, какъ и весь цивилизованный міръ съ такимъ торжествомъ справляли его шестисотлѣтній юбилей. И большое культурное значеніе подобныхъ юбилеевъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шепелевичъ, не подлежитъ сомнѣнію. Внѣшняя эффектная сторона праздниковъ, разсчитанная на большую публику, скоро забывается. Забываются торже-

ственныя процессіи, открытія памятниковъ, рауты и блестящія рѣчи,— но зато данъ толчокъ общественнаго значенія въ извѣстномъ направленіи. Нерѣдко много новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ къ характеристикѣ выдающагося человѣка приноситъ та или иная, повидимому незначительная, дата времени, протекшаго со дня его рожденія и смерти.

Въ ноябрьской книгѣ *Міра Божьяго* напечатана статья В. Вальтера «Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ», посвященная памяти этого знаменитаго и популярнаго артиста къ десятилѣтію со дня его смерти. Одаренный геніальнымъ исполнительскимъ талантомъ, Антонъ Рубинштейнъ еще юношей занялъ среди піанистовъ первое мѣсто, оставшееся вакантнымъ послѣ того, какъ Листъ добровольно удалился съ концертной эстрады. «Невозможно словами дать даже отдаленнаго представленія о дѣйствіи игры Рубинштейна на публику,—пишетъ г. Вальтеръ.—Кто слышалъ его хоть разъ въ жизни, долженъ сказать, что испытанное имъ впечатлѣніе единственное и никогда не повторится. Главное, что насъ поражало въ этомъ исполненіи,—это громадная, яркая индивидуальность артиста... Въ этомъ человѣкѣ, наклонившемся надъ клавіатурой своимъ характернымъ лицомъ, такъ напоминавшемъ Бетховена, сосредоточивался цѣлый міръ людскихъ страстей, желаній и страданій, и этотъ міръ въ творчествѣ великаго артиста получилъ особый, рубинштейновскій, болѣе не повторяющійся отпечатокъ».

Но Рубинштейна не удовлетворяла власть надъ людскими сердцами исполнителя чужихъ мелодій. Онъ хорошо зналъ, что эта власть длится только то время, когда онъ играетъ; а онъ жаждалъ власти вѣчной, той власти, которая дана художнику, творящему созданія «по образу и подобію своему», и этимъ актомъ творчества наглядно показывающему, что онъ есть живая часть силы, создавшей вселенную. «Съ свойственной ему энергіей и безпредѣльнымъ трудолюбіемъ А. Р. всю жизнь боролся за безсмертіе, за право быть такимъ же великимъ композиторомъ, какимъ онъ былъ піанистомъ, и въ этой борьбѣ великій человѣкъ въ концѣ своей жизни почувствовалъ себя побѣжденнымъ: та власть надъ сердцами людей, которой онъ пользовался полвѣка, ускользала изъ его рукъ еще при его жизни, и мысль о загробной власти надъ людьми, мечта о безсмертіи въ своихъ сочиненіяхъ начинала казаться великому артисту все болѣе и болѣе несбывшеюся». Вотъ это разочарованіе въ мечтахъ своей юности и давало такой грустный фонъ послѣднимъ годамъ жизни Рубинштейна и явилось причиной того характернаго эпизода въ 1893 году, когда нашъ маститый писатель Григоровичъ получилъ въ свой юбилей въ числѣ многихъ другихъ одну телеграмму такого содержанія: «Примите поздравленіе отъ музыкальнаго Антона-Горемыки».

Указывая на большой успѣхъ и популярность Рубинштейна, гдѣ особенно ярко сказалось непосредственное мелодическое дарованіе композитора, г. Вальтеръ пишетъ, что «въ большихъ сочиненіяхъ Рубинштейна непріятно поражаетъ почти всегда отсутствіе темперамента, того огня

искренняго одушевленія, который, вопреки недостаткамъ формы, всегда передается публикѣ и зажигаетъ въ ней сочувственный энтузіазмъ, какъ это дѣлалъ Чайковскій. Та способность напрячь всѣ свои душевныя силы въ данный моментъ, чтобы побѣдить публику и заставить ее пережить тѣ чувства, какихъ отъ нея требуетъ артистъ, этотъ божественный огонь одушевленія, который съ такой силой проявлялся въ Рубинштейнѣ, когда онъ игралъ, и который мы нерѣдко чувствуемъ въ его романсахъ и фортепіанныхъ сочиненіяхъ, почти всегда превращается въ блѣдное пламя, кое-гдѣ только вспыхивающее яркой искрой, въ пламя, заглушаемое золой формальной работы и заимствованной учености. Такое же чувство испытываетъ и публика, и въ этомъ причина того поразительнаго неуспѣха, которымъ сопровождается каждый концертъ, устраиваемый изъ однихъ сочиненій Рубинштейна,—неуспѣха, ставшаго послѣ смерти великаго артиста еще яснѣе».

Какъ частный человѣкъ и какъ общественный дѣятель, Рубинштейнъ былъ яркой, цѣльной и характерной индивидуальностью; громадною заслугою его передъ Россіей навсегда останется насажденіе имъ въ нашей странѣ музыкальнаго образованія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ самъ былъ директоромъ созданной имъ петербургской консерваторіи, и личное его вліяніе на учениковъ, на окружающихъ было поистинѣ громадно; каждый чувствовалъ, что видитъ передъ собою великаго человѣка, свободнаго отъ тѣхъ мелкихъ, эгоистическихъ желаній, которыя опутываютъ всю нашу жизнь, человѣка, призваннаго будить въ насъ высшія, лучшія чувства, и отдающаго дѣлу всѣ свои силы и помышленія. «Нельзя представить себѣ ничего подобнаго обожанію, которое молодежь питала къ Антону Григорьевичу».

Немаловажную роль играла и любовь въ жизни великаго артиста, котораго обожали и которому были преданы всей душой столько женщинъ. «Но объ этой сторонѣ жизни Рубинштейна,—пишетъ г. Вальтеръ,—мы имѣемъ только косвенные намеки. Свидѣтели любовной жизни—письма Рубинштейна почти не существуютъ. Всѣ получаемыя имъ письма онъ уничтожалъ, а самъ писать письма ненавидѣлъ и подвергалъ себя этой непріятности только въ крайности, когда иначе нельзя было. Прослѣдить, какую роль играла любовь въ творчествѣ Рубинштейна, какъ это можно сдѣлать въ біографіяхъ Глинки и Чайковскаго, невозможно, хотя понятіе о силѣ его страсти можно получить, услышавъ его романсъ «Ночь». О своей семейной жизни Рубинштейнъ говоритъ въ «Воспоминаніяхъ» болѣе, чѣмъ кратко: «Съ 1865 года я женатъ, но дѣлалъ свои путешествія всегда одинъ». Женатъ былъ Рубинштейнъ на Вѣрѣ Александровнѣ Чикуановой, дочери русскаго помѣщика-дворянина и имѣлъ одну дочь и двухъ сыновей. Нѣкоторое понятіе объ отношеніи Рубинштейна къ женщинамъ даютъ намъ нѣсколько выписокъ изъ его посмертной книги «Gedankenkorb»: «Физическая сила и ловкость тѣла мужчины вліяютъ на женщину въ несравненно бо̀льшей степени, чѣмъ художественное исполненіе

(изъ сравненія своей игры въ Испаніи и успѣха торреадора). «Когда-то я хотѣлъ написать композицію: любовь, тема съ варіаціями, но не исполнилъ этого намѣренія, потому что прежде я умѣлъ найти тему, но для варіацій у меня не хватало нужныхъ свѣдѣній; теперь я могъ бы написать варіаціи, но не въ силахъ изобрѣсти тему». «Ко всему человѣкъ можетъ привыкнуть, исключая возбуждающаго вліянія пола и низости ближняго». «Выдающійся артистъ не долженъ жениться,—его исключительное положеніе въ обществѣ подвергаетъ его такъ часто и такимъ своеобразнымъ искушеніямъ, что онъ долженъ бы быть святымъ, чтобы имъ противостать. Если же онъ все же хочетъ жениться, то пусть найдетъ себѣ жену, которая бы обладала настолько жизненной мудростью, чтобы отличить невѣрность отъ случайнаго чувственнаго заблужденія,—потому что онъ измѣнилъ бы женѣ только тогда, когда забылъ бы для другой ее, себя самого, дѣтей и отдалъ бы той другой себя и все свое. Но пока онъ привязанъ къ другой только чувственно и не отдалъ ей своего сердца, его жена не должна отчаиваться, его лучшее «я» принадлежитъ вѣдь ей, онъ былъ только слабъ и не могъ въ то мгновеніе побѣдить въ себѣ звѣря. Конечно, трудно найти жену, столь одаренную жизненной мудростью, и потому лучше вовсе не жениться,—вѣдь нужно еще принять во вниманіе, не потребуетъ ли и жена той же мудрости отъ него самого».

Съ внѣшней стороны жизнь Рубинштейна прошла очень счастливо. Еще когда онъ ребенкомъ игралъ на одномъ изъ концертовъ въ Парижѣ, къ нему подошелъ Листъ, бывшій тогда музыкальнымъ кумиромъ Европы, и, поднявъ на руки геніальнаго ребенка, поцѣловалъ его и сказалъ: «вотъ наслѣдникъ моей игры». Императоръ Николай Павловичъ и вся царская семья осыпали маленькаго артиста ласками и драгоцѣнными подарками. Публичные концерты его имѣли громадный успѣхъ. Впрочемъ, все это не помѣшало случиться тому курьезному происшествію, которое описываетъ г. Вальтеръ и которое такъ хорошо характеризуетъ нашу прошлую, а пожалуй и настоящую дѣйствительность. Воспитанный на «гниломъ Западѣ» Рубинштейнъ совершенно не зналъ, что русскій человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ; души, тѣла и паспорта». Когда двадцатилѣтній Рубинштейнъ пріѣхалъ изъ Берлина въ Россію безъ паспорта, на границѣ у него отобрали сундукъ съ его рукописями и нотами, и въ Петербургѣ онъ въ канцеляріи оберъ-полицмейстера долженъ былъ доказывать игрою на фортепіано, что онъ именно тотъ самый знаменитый Рубинштейнъ. Лично знакомый всей царской фамиліи, онъ долженъ былъ выслушивать брань и крики оберъ-полицеймейстера Галахова и генералъ-губернатора Шульгина, который кричалъ на него: «Въ кандалы тебя закую, въ Сибирь по этапу сошлю»...

Вся жизнь Рубинштейна была почти сплошнымъ всемірнымъ тріумфомъ его таланту. И нотки разочарованія, проглядывающія въ его «Воспоминаніяхъ», показываютъ только, что внутренняя жизнь человѣка идетъ своимъ особеннымъ путемъ и не зависитъ всецѣло отъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя такъ цѣнитъ большинство людей...

Въ той же книгѣ *Міра Божьяго* помѣщена интересная статья проф. Мечникова «Рудименты человѣческой психики», его публичная лекція, прочитанная въ парижскомъ психологическомъ институтѣ 29 марта 1904 года.

Останавливаясь на громадномъ значеніи закона переживаній въ различныхъ областяхъ исторіи и жизни, Мечниковъ указываетъ на то извѣстное обстоятельство, что въ человѣческомъ организмѣ насчитывается свыше ста рудиментарныхъ органовъ, неспособныхъ къ какимъ бы то ни было функціямъ, но очень цѣнныхъ въ качествѣ точныхъ документовъ исторіи человѣческаго рода. Точно такъ же замѣтные остатки оставили въ насъ и психическія или психофизіологическія до-человѣческія функціи, за которыми имѣется столь длинная исторія. Авторъ останавливается на одной такой психической особенности, свойственной человѣку. Человѣкъ, по его мнѣнію, какъ и антропоиды обезьяны, по природѣ своей трусливъ. «Однимъ изъ первыхъ проявленій психики грудного младенца является страхъ, обнаруживающійся во множествѣ случаевъ... Умственная культура побѣждаетъ страхъ, насколько можетъ, но, несмотря на то, онъ всетаки часто обнаруживается съ большею или меньшею интенсивностью, и въ этихъ именно проявленіяхъ его и слѣдуетъ искать въ человѣкѣ слѣдовъ психологіи его предковъ». Мечниковъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, какъ инстинктивный страхъ, представляющій собою могучаго возбудителя, способенъ пробудить рудиментарныя и почти совершенно исчезнувшія функціи. Иногда онъ приводитъ въ дѣйствіе механизмы, издавна уже парализованные: нѣмые подъ вліяніемъ страха получаютъ даръ рѣчи и т. д. Страхъ часто вызываетъ къ жизни рудиментарные инстинкты, какъ, наприм., давно атрофировавшійся у бѣлаго человѣка инстинктъ плаванія. Въ числѣ причинъ истеріи страхъ занимаетъ первѣйшее мѣсто. Авторъ останавливается на старинныхъ парадоксальныхъ случаяхъ проявленія истеріи, такъ называемомъ сомнамбулизмѣ. Гимнастическіе подвиги и необыкновенная сила сомнамбулъ представляютъ собою возвратъ къ животному состоянію. Цѣлый рядъ примѣровъ заставляетъ предполагать, что въ естественномъ сомнамбулизмѣ просыпаются инстинкты нашихъ до-человѣческихъ предковъ, инстинкты, въ нормальныхъ условіяхъ пребывающіе въ скрытомъ, рудиментарномъ состояніи.

«Разнообразнѣйшія явленія истеріи,—пишетъ г. Мечниковъ,—могутъ дать много другихъ данныхъ для психофизіологической исторіи человѣка. Не оказалось ли бы при ихъ помощи возможнымъ свести, напримѣръ, нѣкоторые наилучше установленные факты «ясновидѣнія» къ пробужденію какихъ-либо особыхъ ощущеній, атрофированныхъ въ человѣческомъ родѣ, но существующихъ у животныхъ. Извѣстно вѣдь, что анатомія позвоночныхъ находитъ у нихъ органы, устроенные какъ органы чувствъ и не имѣющіе соотвѣтственныхъ въ человѣческомъ организмѣ. Съ другой стороны, извѣстно также, что животныя способны опредѣлять нѣкоторыя такія явленія внѣшняго міра, по отношенію къ которымъ у человѣка нѣтъ никакихъ средствъ воспріятія: такъ, рыбы чувствуютъ степень

бины воды, птицы и млекопитающія обладаютъ чувствомъ оріентаціи и предвидятъ атмосферическія измѣненія точнѣе, чѣмъ наша метеорологія. Можетъ быть, подъ вліяніемъ истеріи человѣкъ можетъ снова пріобрѣтать эти чувства своихъ предковъ и знать вещи, которыхъ въ нормальномъ состояніи мы не знаемъ. Изучить въ этомъ отношеніи проявленія истеріи и способности животныхъ было бы очень важно, такъ какъ наши настоящія познанія далеко еще не достаточны. Сколько теперь интересныхъ свѣдѣній можно было бы собрать относительно половой жизни и любви у антропоидовъ съ точки зрѣнія ихъ близости къ страстнымъ проявленіямъ и столь характернымъ позамъ истериковъ». Изученіе рудиментовъ психофизіологическихъ функцій съ цѣлью возстановленія исторіи эволюціи человѣчества является, несомнѣнно, одной изъ очередныхъ и важнѣйшихъ задачъ современной психологіи.

Въ ноябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* г-жа Т. Л. Сухотина-Толстая помѣстила свои воспоминанія о Николаѣ Николаевичѣ Ге въ статьѣ, носящей заглавіе «Друзья и гости Ясной-Поляны». Трогательный образъ художника и человѣка приковываетъ къ себѣ читателя. «Любовь и нѣжность были, дѣйствительно, отличительными чертами характера Ге, и все, что онъ дѣлалъ въ своей жизни, было ярко освѣщено этими свойствами его души. Когда вспоминаешь его лицо, оно представляется всегда одухотвореннымъ и почти всегда счастливымъ, такъ какъ та любовь, которую онъ проявлялъ къ людямъ, заражала ихъ, и за очень рѣдкими исключеніями и они отвѣчали ему такимъ же отношеніемъ къ нему, какое онъ выражалъ имъ».

Въ октябрьской книгѣ *Русскаго Богатства* помѣщено окончаніе статьи г. Владыченка «За счастьемъ и правдой». Негостепріимно приняла бѣднаго русскаго путешественника далекая страна свободы. Какъ песчинка въ океанѣ, закружился онъ, едва оправившись отъ болѣзни, въ водоворотѣ безчисленныхъ улицъ Нью-Іорка въ поискахъ за работой, и поиски эти не увѣнчались успѣхомъ. Очерки оканчиваются отъѣздомъ его въ Буффало и наводятъ на цѣлый рядъ грустныхъ размышленій.

Въ тѣхъ же книгахъ *Вѣстника Европы* и *Русскаго Богатства* помѣщены двѣ статьи г. Евг. Л. и г. Рѣдько, выясняющія основныя черты творчества Леонида Андреева. Оба автора этихъ статей пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Л. Андреевъ, по ихъ мнѣнію, является поэтомъ рокового ужаса, леденящаго до омертвѣнія и жгущаго, какъ огонь, отраженнаго сильными и мучительными образами. Авторъ протянулъ руку къ вершинѣ познанія жизни,—пишетъ г. Евг. Л.,—и увидалъ предъ собою пустоту. И, какъ человѣкъ сострадательный и мыслящій, ощутилъ ужасъ и холодъ смерти и содрогнулся и написалъ слово о томъ, что человѣческая воля и разумъ, и всѣ усилія чувства и вѣры ничто передъ трезвой, дѣйствительной жизнью, которая есть страданіе и скорбь, извѣка ниспосланная міру. И когда писалъ, вѣрилъ, что это истина, потому что при всѣхъ излишествахъ воображенія чувствуется, что г. Андреевъ искренній писатель». Къ сожалѣнію, оба автора вышеуказанныхъ статей, признавая боль-

шой талантъ г. Андреева, упустили изъ виду, что г. Андреевъ, въ о
чіе отъ такого, наприм., поэта ужаса, какимъ былъ Эдгаръ Поэ, кот
живописалъ этотъ ужасъ, если такъ можно выразиться, безотносите
любуясь его мрачными и трагическими красками, является такимъ же
цомъ за лучшую, болѣе красивую и осмысленную жизнь, какъ Че
Горькій и всѣ наши выдающіеся писатели. Каждый изъ нихъ, коне
пользуется тѣми средствами, которыя вытекаютъ изъ особенностей
таланта, но талантъ этотъ, какъ молнія, озаряетъ не только непро
ную тьму ночи, полную зловѣщихъ ужасовъ и роковыхъ возможно
но и тѣ тропинки, которыя ведутъ къ «зарѣ пылающаго дня». Как
всѣ большіе таланты, быть можетъ, даже безсознательно для самого с
г. Леонидъ Андреевъ своими яркими образами приковываетъ насъ къ
о жизни,—не даромъ чуткая молодежь въ письмахъ, которыя печата
въ свое время, не разъ выражала автору этихъ образовъ горячую
знательность за правдивыя слова, за смѣлую готовность не скрывать пра
какъ бы она ни была горька...

Ѳ. Ар

«Медуза», одна изъ темныхъ силъ нашей жизни, хорошо намѣчена
разсказѣ С. Сергѣева-Ценскаго, носящемъ это заглавіе (*Образованіе*,
Медуза околдовываетъ, парализуетъ; это—человѣческій удавъ, кото
нельзя противиться. Вотъ онъ—въ образѣ инспектора народнаго учил
Низенькій человѣкъ, лѣтъ сорока пяти; у него «странные глаза подъ
желыми вѣками,—сѣрые до бѣлизны, съ металлическимъ блескомъ;
неподвижный взглядъ непріятно дѣйствуетъ на собесѣдника, точно
ленно колетъ тупой иглой». Когда Медузѣ нужно, эти глаза прячутс
складкахъ его тяжелыхъ вѣкъ, «какъ окна въ складкахъ драпиров
Когда Медузѣ нужно, въ этихъ глазахъ скопляется такая бездна жал
обиженнаго безсилія, что оно становится силой и выливается изъ н
«жалкое, нудное, назойливое, и душитъ, какъ длинная веревка». Л
мѣрное безсиліе, это—орудіе, къ которому часто прибѣгаетъ Медуза
того, чтобы задушить другихъ. Онъ душитъ школу, во главѣ кото
стоитъ, онъ душитъ учителей и дѣтей, онъ все обращаетъ въ камен
когда, напримѣръ, какой-нибудь учитель, прежде чѣмъ окаменѣть, о
щается къ Медузѣ съ горькими словами упрека, тогда инспекторъ н
ваетъ личину безпомощной обиды и взываетъ къ чужой терпимости.
оправдывается; онъ потому-де гнететъ дѣтей религіей и дисциплиной,
скептицизмъ ничего не дастъ имъ въ жизни; онъ не хочетъ брать на с
отвѣтственности. Медуза вообще религіозенъ, и самъ батюшка чувств
себя виноватымъ и смущеннымъ, слушая его тяжелыя богословскія р
И когда Медуза оправдывается, онъ весь—доброта, весь святость,
«похожъ на манную кашу съ сахаромъ». Инспекторъ завѣдуетъ шк
библіотекой, но книгъ изъ нея онъ не выдаетъ. Вокругъ него ду
темно. «Вы—ошибка природы и соціальнаго строя»,—говоритъ ему

изъ тѣхъ учителей, которыхъ Медуза еще не окаменилъ или которыхъ онъ не подкупилъ,—напримѣръ, пособіемъ въ пятьдесятъ рублей. «Соціальный строй» не проходитъ учителю Данкову даромъ: Медуза пишетъ на него тайный доносъ. Получается грозная бумага отъ директора, и по поводу нея инспекторъ, отрицая свое участіе въ ея появленіи, дружески уговариваетъ Данкова отринуть свой мятежный духъ. И весь полный сожалѣнія и доброжелательства, онъ рисуетъ передъ учителемъ печальную картину: «Васъ арестуютъ ночью... лишатъ свободы... А свободу вы любите. Но вы врагъ общественнаго порядка,—такихъ нельзя держать на свободѣ». И если Данковъ захочетъ бѣжать изъ тюрьмы, то, пророчитъ ему Медуза, въ него выстрѣлитъ часовой. «Представьте, что стрѣляетъ онъ мѣтко, да и разстояніе вѣдь будетъ небольшое. Пуля—между лопатками. Молодая, много обѣщавшая жизнь погибла отъ нелѣпаго, правда, стеченія обстоятельствъ,—но она погибла, это—фактъ!» Такъ говоритъ Медуза напряженнымъ и дрожащимъ голосомъ, и въ глазахъ его горятъ два теплыхъ огонька,—но Данковъ чувствуетъ холодъ, который идетъ на него изъ глубины этихъ бѣлесыхъ глазъ, и «что-то скользкое, холодное, отвратительное, какъ кожа лягушки, точно сползаетъ съ тѣла Медузы» и неумолимо обвиваетъ сердце Данкова. Учитель вышелъ въ отставку. «Слава Богу!—говоритъ Медуза женѣ,—одного вытурилъ, теперь будетъ тихо».

Будетъ тихо. И только рѣчи Іудушекъ и Медузъ будутъ свободно журчать и переливаться въ этой окаменѣлой тишинѣ.

Можетъ быть, Медуза искренне убѣжденъ въ спасительности своего мертвящаго дѣла. Но вотъ—директоръ гимназіи («Прожитый день» В. А. Тихова, *Русское Богатство,* X): онъ только исполняетъ то, что ему велятъ, и онъ исполнитъ все, что ему велятъ. «Прикажутъ грамматику Ходобая долбить, будемъ Ходобая долбить; прикажутъ Дарвина въ классѣ читать,--ну, что-жъ! будемъ читать Дарвина». Но нѣтъ,—Дарвина въ классъ не пускаютъ: до него далеко. Напротивъ, классные наставники тѣмъ и озабочены, чтобы гимназисты какъ можно меньше читали, и въ поискахъ за недозволенными книгами учителя лѣзутъ подъ кровати учениковъ. И день учителя, эскизно описанный г. Тиховымъ, это—день постыдный, день компромисса; его завершаетъ вечеръ, засѣданіе педагогическаго совѣта, на которомъ и робкій инспекторъ (у него много дѣтей), и педагоги не смѣютъ перечить директору и подаютъ свой голосъ за исключеніе благороднаго юноши Глассона,—того самаго, подъ чью кровать лѣзъ наставникъ Савоська. И только учитель математики, одинокій, дослуживающій до пенсіи, возмущается тѣмъ, что въ юношѣ «убили вѣру въ людей, пальнули въ его молодую душу».

Г. Дерманъ съ любовью къ своей героинѣ, но не безъ сочиненности, описываетъ въ разсказѣ «Тикъ-такъ» монотонную жизнь сиротливой и некрасивой дѣвушки Дуни. Уже въ дѣтствѣ была она обижена и безпомощна; запрятавшись куда-нибудь въ уголъ, она съ жаромъ просила «до-

рогую, золотую маму», чтобы та «хоть на минуточку» пришла къ ней. Но мама не приходила, мама была мертва. Росла дѣвочка у чужихъ людей; ее ничему не учили. Потомъ, когда она подросла и обратилась въ дѣвушку, рябую, неприглядную дѣвушку, ее отдали въ фотографію. Тамъ она работала съ утра и до вечера, ретушировала портреты и своею грезой оживляла молодыя мужскія лица, которыя ей нравились. Она была одинока, и дни ея «до утомительности походили другъ на друга: какъ будто одинъ и тотъ же предметъ отражался въ безконечномъ рядѣ запыленныхъ зеркалъ... Все было тускло и блѣдно, какъ осеннія сумерки, какъ огромный низкій подвалъ, освѣщенный одинокой, коптящей лампочкой». Одиночество и безобразіе наполняли и наполняли сердце Дуни гложущей тоскою, и это нравственное электричество вдругъ разразилось катастрофой: дѣвушка сошла съ ума. Докторъ, ее лѣчившій, говорилъ: «Видали часы? Работаютъ, кажется, исправно, спокойно, тикъ - такъ, тикъ - такъ. Смотришь—остановились: колесики испортились. Такъ и съ человѣкомъ».

Человѣка не удовлетворяетъ однообразная жизнь, похожая на тиканье часовъ. Человѣкъ хочетъ пѣть въ жизни свою пѣснь, каждый хочетъ жить для себя. И поетъ свою пѣснь, живетъ своею жизнью разгульная дѣвушка Таня, идеализованный образъ которой даетъ г. Митяшевъ въ разсказѣ «Своя пѣсня» (*Русское Богатство,* кн. X). Вотъ она «повернула глаза къ темнымъ окнамъ и, точно захвативъ со струнъ цѣлую пригоршню звуковъ, вдругъ кинула ихъ въ лицо смотрѣвшей въ комнату ночи». И она поетъ, поетъ свою пѣснь,—это ничего, что въ окна «стучитъ и плюетъ дождемъ осенній холодный вѣтеръ». И передъ лицомъ разсказчика неотступно рисовался обликъ Тани, какъ «прекрасный обломокъ разбитаго идеала свободнаго человѣка, свободной женщины», для которой жизнь стоитъ хорошей пѣсни. Какъ бы воспринявши пѣвучую душу Тани, герой и про самого себя разсказываетъ: «Увлеченный потокомъ жизни, я кружился въ немъ и съ жгучимъ любопытствомъ смотрѣлъ, когда меня вынесетъ моя рвущаяся къ простору мысль. И то падалъ въ глубокія, темныя бездны, то поднимался на снѣжно-бѣлые гребни волнъ и замиралъ на высотѣ ихъ въ ненужномъ созерцаніи. Навстрѣчу веснѣ, навстрѣчу жизни и свѣту, изъ-подъ толстой коры зимою навѣянныхъ мрачныхъ мыслей, брызнутъ мои нѣжныя, зеленыя мечты и образы прошлаго, подернутые туманной дымкой забвенія».

Разсказъ г. Чирикова «Тайна» (*Міръ Божій,* кн. XI) по своему сюжету относится къ переживаемой войнѣ, и это такъ современно и реально, такъ больно и жгуче, что даже совѣстно и непріятно оцѣнивать произведеніе автора съ эстетической точки зрѣнія... Убитъ молодой офицеръ «Лелька», — «опора въ превратной судьбѣ». Объ этомъ узнала его сестра и родные, но это скрываютъ отъ матери. И въ домѣ поселяется тайна. Она наполнила домъ «сумерками смерти», которыя все сгущаются и сгущаются. Что будетъ, что будетъ?... Надо прятать слезы отъ матери, и сестра Лельки плачетъ по ночамъ, и грезится ей Лелька веселый, Лелька живой и жи-

адостный. А въ ночномъ безмолвіи тикаютъ Лелькины часы, «словно два арлика-кузнеца колотятъ миніатюрными молоточками по крохотной наковальнѣ... И бѣжитъ время, и уноситъ Лельку все дальше, дальше, дальше»...

Въ ноябрьской книгѣ *Міра Божьяго* закончился обильный длиннотами романъ А. М. Ѳедорова «Природа». Намъ приходилось уже говорить о производеніи того же автора «Земля», и мы указывали, что оно не имѣетъ рава на свое стихійное заглавіе. То же слѣдуетъ повторить и о новомъ оманѣ г. Ѳедорова. Чего въ немъ нѣтъ, такъ это именно—природы, хотя ней и говорятъ часто, слишкомъ часто. На страницахъ отдѣланныхъ и итературныхъ не слышится ея простого и могучаго дыханія. Природа не анерна,—такова она у г. Ѳедорова. На жизнь авторъ накидываетъ вуаль, скусную, затканную изящными узорами,—но все же вуаль. Люди, ихъ увства и страсти принимаютъ вслѣдствіе этого какой-то туманный и наядный характеръ. Получается непріятное впечатлѣніе изысканности. И азлита по всему роману, вьется мишурной нитью среди его разговоровъ езнадежная праздность.

Г. Ѳедоровъ любитъ пейзажъ, и онъ часто его рисуетъ. Краски онъ потребляетъ *свои*, иногда очень удачныя (у него вообще развито чувство расокъ), но рѣдко онѣ бываютъ простыя. Когда вы приближаетесь къ грокамъ его описанія, вы уже напередъ знаете, вы ждете, что сейчасъ окажутъ вамъ непремѣнно метафору, образъ—красивый, искренній даже ь своей вычурности. Передъ вами «голубоватый день раскроетъ свои рѣсницы», ночь будетъ «глотать колокольные удары», молнія будетъ «острымъ гнемъ стегать мракъ», а стрижи будутъ «стегать воздухъ, нервно и мгновенно появляясь какъ черные намеки». Свѣтъ газовыхъ фонарей «дразнитъ мракъ синими, треплющимися языками»; собака, гремя желѣзной цѣпью, воимъ тревожнымъ лаемъ «вырываетъ клочья изъ удушливой тишины ночи»; каждымъ движеніемъ часовъ «мягко рвется нить жизни, и капли времени падаютъ въ пустоту вѣчности». Свѣтъ лампадки «трепещетъ въ воздухѣ, какъ золотая улыбка кротости», разсвѣтъ «съѣдаетъ сумракъ и стираетъ его съ предметовъ», и даже о мигрени говорится, что «невидимый ключъ медленно и упорно закручиваетъ пружину боли». Или вотъ описание моря:

> Протяжное ворчанье, напоминающее шумъ удаляющагося поѣзда, слышалось изали. Море все открылось здѣсь передъ ними, мягко тушуясь въ фіолетовой дали и реливалось холодною зеленью и синевою ближе. Тяжеловѣсное и огромное, море узно колебалось безъ морщинъ и складокъ и лѣниво лизало черные, торчавшіе изъ ды, какъ огромные клыки, камни и мелкій гравій берега, и, несмотря на это глуе ворчанье, похожее больше на вздохи, сама тишина качалась на этой медленно ыхавшейся поверхности.

Художники, которые фигурируютъ у г. Ѳедорова, слишкомъ помнятъ, къ и авторъ, что они—художники, что они обязаны любить природу, всемъ замѣчать переливы красокъ и говорить объ искусствѣ. Возниетъ искусственность. Бесѣдуютъ они между собою съ товарищеской и тистической непринужденностью, для этого—авторъ заставляетъ ихъ час-

то произноситъ «чортъ» и «черти». Они принципіально, слушаясь «природы», мѣняютъ одну женщину на другую. Художникъ Лосьевъ полюбилъ Унику, но ее, оказывается, любилъ онъ тѣломъ, а «всю полноту его душевныхъ силъ, которыя ему дала природа», онъ ощущалъ только вблизи чужой жены, Ирины, и только къ ней «подымалась душа его природно», какъ подымается «ароматъ отъ созрѣвшаго цвѣтка и ищетъ родственнаго цвѣтка другой души». Но развѣ природѣ соотвѣтствуетъ это различіе души отъ тѣла, это раздвоеніе между Уникой и Ириной?...

Именно тамъ, гдѣ г. Θедоровъ и его герои забываютъ о природѣ, получаются тѣ счастливыя и трогательныя детали, которымъ вообще не чуждо произведеніе автора. Болѣзнь Лосьева, его воскресшія грезы о «недальномъ пирожномъ», которое въ дѣтствѣ было для него такъ заманчиво и такъ недостижимо; случайный образъ несчастливой акушерки; горькій жребій Уники, которая сама готовитъ себѣ ложе родовыхъ мукъ, «съ сухимъ безжизненнымъ шелестомъ» покрываетъ его бѣлой простыней и, «набожно, какъ при входѣ въ храмъ, перекрестившись», ложится въ постель, гдѣ она родитъ ребенка и гдѣ она умретъ, «преобразивъ себя въ новую жизнь»,— все это до нѣкоторой степени примиряетъ съ общей надуманностью и изломанными линіями романа. Какъ хорошо было бы, если бы г. Θедоровъ свою палитру, красками не бѣдную, попробовалъ примѣнить къ тому, что онъ дѣйствительно видѣлъ въ жизни, а не къ тому, что онъ сочинилъ!

Очень трогательный и оригинальный разсказъ напечатанъ въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы*—«На краю свѣта» И. Емельянченка. На краю свѣта, въ тайгѣ, живетъ сосланный,—за нимъ «доглядываютъ» его хозяева-крестьяне: это внушили имъ староста и земскій. Напрасно они боятся,—все равно сосланному некуда уйти, некуда бѣжать. Онъ безъ мысли и чувства смотритъ въ окно, на которомъ «ледяная кисть» художника-мороза расписываетъ свои узоры. Но вотъ откуда-то издали доносятся звонки приближающейся тройки, и они «музыкальной дрожью застряли въ обмерзшихъ стеклахъ». То пріѣхалъ другой сосланный, Сидоръ, школьный товарищъ перваго,—закутанный въ мѣха, такой миніатюрный и беззащитный. Въ дѣтствѣ Сидоръ, кроткій и нѣжный мальчикъ, любилъ брать на себя чужую вину, и за чужіе грѣхи онъ нерѣдко путешествовалъ въ карцеръ. Въ холодный карцеръ тайги онъ и теперь попалъ не потому, чтобы онъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ. Онъ страстно занимался музыкой, любилъ красоту и только однажды въ дѣтствѣ не взялъ на себя чужой вины: это когда товарищъ изъ мести вырвалъ съ корнемъ прекрасную розу въ цвѣтникѣ злого гувернера. Когда Сидоръ посѣщалъ консерваторію, къ нему явились ночью и нашли карточку и письма того [illegible] товарища, къ которому онъ теперь пріѣхалъ въ тайгу. И хотя Сидоръ не принадлежалъ къ «тайному сообществу», онъ взялъ на себя эту [illegible] разсердилъ своихъ допрашивателей, и вотъ онъ теперь въ тайгѣ, [illegible] одиннадцатимѣсячнаго заключенія,—больной, хрупкій, слабый. У него [illegible] ла большая душа, «непосильно великая для его маленькаго тѣла» [illegible]

большой душою онъ не хотѣлъ отдѣляться отъ своихъ школьныхъ товарищей; ему казалось, что если онъ доставлялъ имъ когда-то Луи-Блана, котораго самъ не читалъ, то онъ не имѣетъ права отъ нихъ отрекаться...

Загорается у Сидора глубокое желанiе музыки. Хозяйка посылаетъ за цыганомъ Алешкой. Тотъ играетъ. Потомъ беретъ у него скрипку Сидоръ и самъ играетъ на ней; со струнъ несется стонъ и, наконецъ, «замираетъ острымъ крикомъ нечеловѣческой боли». Это была послѣдняя пѣснь Сидора. Его убили одиночествомъ, его убили холодомъ, и на красной матерiи его платка были другiя, еще болѣе красныя пятна, темныя, запекшiяся. Онъ говоритъ своему товарищу:

... Я съ тѣхъ поръ, какъ меня взяли, уже не игралъ. Когда, при моемъ освобожденiи, мнѣ выдали изъ цейхауза мою скрипку, на которой оставалась одна струна, а другiя кто-то оторвалъ или онѣ сами лопнули, я ее такъ и отвезъ домой и тамъ же ее повѣсилъ въ матушкиной комнатѣ, на стѣнкѣ... пусть!... Мнѣ она не нужна больше... Было время, жизнь до меня доходила почти только въ этомъ: „ми, ре, соль“... а теперь я уже заглянулъ за ширму, сотканную изъ мелодiй, увидѣлъ за музыкой жизнь, сумму всяческаго горя и оскорбленiй, не ищущихъ музыки; мнѣ захотѣлось прiобщиться къ этой ужасной чашѣ, и вотъ я... причастникъ, смѣшной, достойный жалости, но все же причастникъ... по ошибкѣ... но все же не хуже другихъ... Не правда ли?

«Я не сомнѣвался больше въ томъ,—говоритъ разсказчикъ,—что на его скрипкѣ, оставшейся висѣть тамъ, далеко, на стѣнкѣ у бѣдной старушки, скоро, даже очень скоро, въ одну тихую ночь, съ жуткимъ стономъ лопнетъ послѣдняя струна»...

Бѣдный артистъ! Его кроткая душа чувствовала себя виноватой въ томъ, что она любила музыку, что любила красоту, и онъ захотѣлъ прiобщить себя къ дѣлу товарищей, къ ихъ неравной борьбѣ, и въ этой борьбѣ его пѣвучая душа погибла, убитая холодомъ. Но товарищи не забыли его и признали его «не хуже другихъ», сочли его своимъ дорогимъ причастникомъ и въ свой суровый кругъ приняли и чистую память маленькаго человѣка съ большою душою,—нѣжную память того, кто добровольно отдалъ имъ свою красоту, свою скрипку и свою недолгую, обиженную жизнь...

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Формулы, на которыхъ сходятся пожеланія либеральной части русскаго общества.— Ходатайства о реформѣ земскаго и крестьянскаго положенія и объ общегосударственныхъ реформахъ. — Насколько земство способно быть проводникомъ этихъ пожеланій. — Столкновеніе вологодской управы со статистиками и предсѣдателя московской уѣздной земской управы со своимъ собраніемъ.—Новыя вѣянія въ провинціи. - Неблагопріятныя экономическія условія. – Губернскія совѣщанія о крестьянахъ. — Цензура въ столицахъ и въ провинціи.—Связь либеральныхъ требованій съ интересами народа.

Весеннее настроеніе, проявившееся въ русскомъ обществѣ вслѣдъ за вступленіемъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго, выразившееся, между прочимъ, въ массовой посылкѣ новому министру привѣтственныхъ телеграммъ отъ общественныхъ учрежденій, стало въ послѣднее время мало-по-малу уступать мѣсто болѣе трезвому критическому отношенію. Въ общественномъ сознаніи точнѣе опредѣляются дѣйствительные размѣры и значеніе того измѣненія въ отношеніяхъ правительства къ обществу, которое произошло вслѣдствіе совершившейся личной перемѣны. Измѣнилась не сущность отношеній, а лишь характеръ вытекающихъ изъ нихъ непосредственныхъ ощущеній. Въ данный моментъ живется какъ будто и полегче, но что будетъ дальше, никому неизвѣстно: и дальнѣйшее облегченіе и возвращеніе къ прежнему суровому режиму одинаково возможно. Но даже и въ томъ случаѣ, если настоящее положеніе вещей слѣдуетъ считать передышкой, то эта передышка не осталась безъ хорошаго вліянія на общество. Такъ какъ она по преимуществу выразилась въ нѣсколько большей свободѣ мысли въ общественныхъ собраніяхъ и печати, то и способствовала въ извѣстной мѣрѣ выработкѣ болѣе ясной формулировкѣ въ общественномъ сознаніи понятій о главныхъ причинахъ признаваемаго всѣми неудовлетворительнаго хода русско-

и о необходимыхъ условіяхъ для выведенія ея на правильный путь. Въ пониманіи этихъ причинъ и условій близко сошлись многія фракціи общества, разница между которыми выказалась скорѣе въ большей или меньшей опредѣленности и энергіи въ выраженіи ихъ взглядовъ, чѣмъ въ содержаніи послѣднихъ. Нѣкоторые довольно опредѣленные взгляды на эти вопросы были высказаны уже бывшими въ октябрѣ уѣздными земскими собраніями отчасти по поводу обращеній ихъ къ князю Святополкъ-Мирскому, отчасти независимо отъ нихъ. Значительная часть высказанныхъ земскими собраніями мнѣній касалась, какъ и слѣдовало ожидать, положенія самого земства и невозможныхъ условій его дѣятельности, созданныхъ недовѣріемъ къ нему правительства и стѣсненіемъ всякой сколько-нибудь свободной земской иниціативы. Такъ, наприм., воронежское собраніе высказало, что «только довѣріе къ органамъ самоуправленія можетъ служить дѣйствительною основой для широкой просвѣтительной и экономической ихъ дѣятельности». По мнѣнію екатеринославскаго собранія, «широкая самодѣятельность общественныхъ силъ, просвѣщеніе народа, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ его экономическаго быта и улучшеніемъ правового положенія, господство закона во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія послужатъ прочнымъ основаніемъ для мирнаго прогресса и счастія Россіи». Елецкое собраніе выразило твердое убѣжденіе, «что только на почвѣ широкаго и полнаго развитія мѣстнаго самоуправленія и самодѣятельности возрастетъ мощь обновленной Россіи». Балашевское высказало увѣренность, «что только что пережитое земствомъ мрачное и печальное время навсегда миновало и что ему дана будетъ, наконецъ, возможность самостоятельной дѣятельности и спокойнаго существованія. Другія земства, не останавливаясь на такихъ общихъ формулахъ, высказывали и пожеланія болѣе конкретнаго характера. Нѣкоторыя, какъ, наприм., моложское, сызранское, алексинское, постановили ходатайствовать объ отмѣнѣ предѣльности обложенія, другія, какъ, напр., бобровское, богородицкое и ковровское, собранія обратили особое вниманіе на затрудненія, встрѣчаемыя при замѣщеніи должностей земскихъ служащихъ. Первое изъ нихъ только указало управѣ, въ случаѣ несоблюденія губернаторомъ двухъ-недѣльнаго срока для заявленія своего несогласія на назначеніе служащаго, руководствоваться 103 ст. Полож. о земск. учрежд., т.-е. представить губернатору о своемъ затрудненіи выполнить его требованіе, послѣ чего дѣло переходитъ на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, рѣшеніе котораго можетъ быть обжаловано въ сенатъ. Богородицкое же собраніе постановило ходатайствовать объ измѣненіи самаго закона въ томъ смыслѣ, чтобы губернатору было предоставлено право не утверждать земскихъ выборныхъ и приглашенныхъ служащихъ только вслѣдствіе допущенія при ихъ избраніи или приглашеніи какихъ-либо неправильностей. Сходное съ этимъ ходатай-

ство возбуждено было и ковровскимъ собраніемъ: чтобы, приглашая на службу по вольному найму, земскія управы не были обязаны вовсе испрашивать согласія мѣстной администраціи, а при замѣщеніи должностей по выборамъ контролю администраціи подлежала бы лишь законность выбора. Такого же рода ходатайство предполагалось въ алексинскомъ собраніи, но оно не было допущено предсѣдателемъ. Многими собраніями, какъ, напрм., моложскимъ, сызранскимъ, черниговскимъ, нижегородскимъ, поднятъ былъ вопросъ о пересмотрѣ вообще земскаго Положенія. Два первыя изъ названныхъ собраній высказались за возвращеніе къ Положенію 1864 года. Съ наибольшей подробностью и обстоятельностью этотъ вопросъ о пересмотрѣ земскаго Положенія былъ, сколько намъ извѣстно, разсмотрѣнъ въ черниговскомъ земскомъ собраніи. Коммиссія, которой поручена была его разработка, въ докладѣ своемъ сначала перечислила всѣ неблагопріятныя для земской дѣятельности условія, существующія въ настоящее время и подлежащія отмѣнѣ. Таковы: сословное начало, введенное Положеніемъ 1890 года, отсутствіе свободнаго представительства сельскаго населенія, полная необезпеченность личныхъ правъ земскихъ представителей, дискреціонное право администраціи не утверждать выбираемыхъ на земскія должности, назначать другихъ по своему усмотрѣнію, не допускать назначаемыхъ управами должностныхъ лицъ и подвергать земскихъ служащихъ ограниченіямъ по собственному усмотрѣнію, такое же право администраціи задерживать исполненіе земскихъ постановленій, если постановленія эти не соотвѣтствуютъ интересамъ населенія; установленіе предѣльности земскаго обложенія; изъятіе изъ вѣдѣнія земства продовольственнаго дѣла и цѣлый рядъ стѣсненій и ограниченій земства въ послѣднее время. Всѣ эти условія существенно подрываютъ самыя основы мѣстнаго самоуправленія и нарушаютъ первоначальную мысль законодателя, возложившаго на земство непосредственныя заботы о нуждахъ мѣстнаго населенія. Поэтому всѣ они должны быть отмѣнены и земское Положеніе должно быть подвергнуто коренному пересмотру въ соотвѣтствіи съ численнымъ и культурнымъ ростомъ населенія и съ измѣнившимися въ теченіе последнихъ сорока лѣтъ условіями жизни и общественныхъ отношеній. При этомъ пересмотрѣ, по мнѣнію коммиссіи, должны быть осуществлены слѣдующія положенія: 1) Надлежитъ предоставить право участія въ земскихъ выборахъ всѣмъ безъ различія сословій и національностей. Сельское управленіе необходимо замѣнить всесословнымъ и ввести его въ строй земскихъ учрежденій. 2) Въ виду того, что со времени введенія земскихъ учрежденій многія крупныя владѣнія раздробились, а цѣнность земли увеличилась въ нѣсколько разъ, цензовыя нормы для участія въ земскихъ выборахъ необходимо значительно понизить. 3) Крайне необходимо значительное увеличеніе числа уѣздныхъ гласныхъ противъ нормы 1890

соотвѣтственное увеличеніе числа губернскихъ гласныхъ отъ уѣзда. 4) Въ видахъ привлеченія къ земской дѣятельности большаго числа силъ, необходимо предоставить избирательныя права женщинамъ съ правомъ избирать и быть избираемыми. 5) Право администраціи не утверждать избираемыхъ на земскія должности и назначаемыхъ управами на земскую службу, а также подвергать земскихъ служащихъ административнымъ карамъ необходимо отмѣнить, такъ какъ недопущеніе правонарушеній въ земской дѣятельности можетъ быть со стороны администраціи достигаемо возбужденіемъ противъ нарушителей судебныхъ преслѣдованій. 6) Право администраціи задерживать исполненіе земскихъ постановленій и вмѣшиваться по существу въ распоряженія земскихъ управъ точно также необходимо отмѣнить, оставляя за администраціей только право протеста противъ такихъ постановленій, въ которыхъ заключается нарушеніе дѣйствующихъ законовъ. 7) Законъ 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія, изданный въ видѣ временной мѣры, крайне стѣсняетъ земскія собранія, вынужденныя иногда превышать установленныя нормы, если этого требуютъ экстренныя нужды населенія. Поэтому до изданія закона, основаннаго на изученіи источниковъ обложенія, временный законъ 1900 г. необходимо отмѣнить. Всѣ предложенія коммиссіи были единогласно приняты собраніемъ, которое и постановило возбудить въ этомъ смыслѣ ходатайство о пересмотрѣ земскаго Положенія.

Въ нижегородскомъ собраніи этотъ вопросъ вызвалъ оживленныя пренія. Внося предложеніе о пересмотрѣ земскаго Положенія, гласный А. А. Савельевъ заявилъ, что онъ долженъ быть произведенъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Напомнивъ собранію, что оно еще въ прошломъ году постановило ходатайствовать о передачѣ на разсмотрѣніе земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, тѣсно связанныхъ съ земскою жизнью, гласный предложилъ передать вопросъ о пересмотрѣ на обсужденіе избранной для того коммиссіи. Поддерживая это предложеніе, гласный П. А. Рождественскій дополнилъ его слѣдующими соображеніями: указавъ на необходимость измѣненія состава земскихъ собраній допущеніемъ въ нихъ лицъ неправославнаго исповѣданія, лицъ женскаго пола и свободно избранныхъ представителей крестьянъ, а также и на многія другія необходимыя измѣненія въ земскомъ положеніи, гласный въ заключеніе высказалъ: «недостаточно ходатайствовать,—необходимо еще поддерживать свои ходатайства. Мы этой возможности лишены. Гласный просилъ передать его предложеніе въ ту же коммиссію и разработать въ связи съ ходатайствомъ о пересмотрѣ земскаго Положенія. Противъ этого возражалъ гласный Н. Н. Бажеръ, высказавшій слѣдующія соображенія (цитируемъ по «Міру Божьему» ноябрь, На родинѣ, стр. 53): «У правительства можетъ быть одно дѣйствительно справедливое соображеніе, почему оно боится расширить земскую

общественную дѣятельность; это неподготовленность большей части общества и въ особенности крестьянскаго населенія къ этой дѣятельности, требующей нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ и качествъ въ общественныхъ дѣятеляхъ. Таками прежде всего являются—выдержка, такъ и чувство мѣры. Поэтому намъ необходимо вооружиться этими качествами и доказать правительству, что мы ихъ имѣемъ, прежде чѣмъ разсчитывать на удовлетвореніе подобныхъ предложенному ходатайствъ. Такое ходатайство можетъ лишь возмутить то неукоренившееся еще чувство довѣрія правительства къ земству, котораго мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждемъ». Собраніе однако, несмотря на это возраженіе, постановило передать въ коммиссію какъ вопросъ о пересмотрѣ земскаго Положенія, такъ и другіе связанные съ нимъ вопросы.

Мы привели in extenso рѣчь гласнаго Каргера, потому что она представляетъ собою типическій образецъ, тѣхъ возраженій, которыя обыкновенно высказываются противъ заявленій и ходатайствъ, идущихъ, по мнѣнію возражающихъ, слишкомъ далеко. Центромъ тяжести всѣхъ такого рода разсужденій является представленіе о томъ, что удовлетвореніе общественныхъ требованій, хотя бы и вызываемыхъ насущною необходимостью, составляетъ не право общества, а лишь милость къ нему со стороны правительства, милость, которая не обязательна для правительства, а дается имъ лишь по его благосклонному снисхожденію къ обществу въ награду за его хорошее поведеніе или, лучше сказать, за умѣнье его понравиться правительству. Сообразно съ такимъ взглядомъ рекомендуется и методъ дѣйствія, состоящій въ томъ, чтобы не говорить откровенно о своихъ нуждахъ и своихъ правахъ, а постепенно, ловкимъ подходомъ выманивать себѣ милости. Этотъ методъ вызывается, очевидно, не только требованіями внѣшняго этикета, ибо даже при обращеніи къ Богу всегда считалось за правило «просите и дастся вамъ» и только русскому обществу и народу рекомендуется при обращеніи его къ правительству слѣдовать другому правилу: молчите и за молчаніе ваше, можетъ быть, дастся вамъ. Мы не отрицаемъ, что оно имѣетъ реальныя основанія въ существующемъ порядкѣ вещей; но мы думаемъ, что настало время измѣнить и это отношеніе и тотъ порядокъ, на которомъ онъ держится, и что объ этомъ общество должно теперь же высказаться прямо и ясно. Оно и высказалось, поскольку это было для него возможно въ нашихъ условіяхъ, которыя, несмотря на нѣкоторое облегченіе давленія цензуры, все еще очень далеки отъ настоящей свободы слова и печати. Если земство въ уѣздныхъ собраніяхъ еще слабо и неувѣренно высказывалось относительно стоящихъ на очереди общегосударственныхъ вопросовъ, то съ тѣхъ поръ амплитуда общественнаго настроенія значительно повысилась и послѣднія недѣли во-

просы эти были предметомъ всеобщаго обсужденія какъ въ печати, такъ и въ разнообразныхъ общественныхъ группахъ. «Къ сожалѣнію, — говорятъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости,*—не все, что происходило на такихъ совѣщаніяхъ, можетъ дѣлаться достояніемъ печати..., тѣмъ не менѣе можно смѣло утверждать, что въ результатѣ нынѣшнихъ обсужденій вырабатывается убѣжденіе, которое, несмотря на разногласіе въ частностяхъ, раздѣляется въ основаніи всѣми,—убѣжденіе, что единственнымъ выходомъ изъ нашихъ затрудненій можетъ служить замѣна существующаго бюрократическаго порядка правовымъ порядкомъ. Это убѣжденіе, издавна имѣвшее у насъ горячихъ сторонниковъ, въ настоящее время все прочнѣе вкореняется въ общественное сознаніе и становится однимъ изъ основныхъ догматовъ политическаго символа вѣры настоящаго времени. Въ основѣ этого убѣжденія, высказываемаго все громче и все настойчивѣе, лежитъ сознаніе обществомъ собственныхъ силъ; увѣренность въ способности народа ходить безъ помочей и успѣшно разрѣшать тѣ насущные вопросы, справляться съ которыми не въ состояніи бюрократія». Эти насущные вопросы перечисляетъ недавно возникшій органъ печати *Наша Жизнь*, успѣвшій съ самаго своего появленія обратить на себя вниманіе публики своимъ прямымъ и опредѣленнымъ отношеніемъ къ важнѣйшимъ общественнымъ вопросамъ, составляющимъ въ настоящее время злобу дня и, къ сожалѣнію, уже черезъ недѣлю послѣ своего появленія подвергшійся административной карѣ—запрещенію розничной продажи. Говоря по поводу крестьянскаго вопроса, *Наша Жизнь* спрашиваетъ: способна ли бюрократія додѣлать теперь то, что не было ею додѣлано въ 1861 году, и удовлетворить возникшіе съ тѣхъ поръ новые запросы народа, и отвѣчаетъ на это: народу даже съ чисто-экономической стороны нужно образованіе, между тѣмъ бюрократія до сихъ поръ отказываетъ народу во всеобщемъ обученіи и всячески стѣсняетъ внѣшкольное образованіе; повидимому, она убѣждена, что ея господство покоится на невѣжествѣ и некультурности народныхъ массъ. Народу нужны права, необходимо уничтоженіе сословнаго безправія крестьянъ, а бюрократія, отождествляя себя съ государствомъ, находитъ, что уничтоженіе сословнаго безправія крестьянъ несвоевременно и опасно для государства. Народу нужно мѣстное самоуправленіе сельское и земское; но, если народное образованіе и народныя права подкапываются подъ бюрократическій режимъ, то мѣстное самоуправленіе отмѣняетъ его въ одной изъ важнѣйшихъ областей народной жизни. Отсюда естественно отрицательное отношеніе бюрократіи къ мѣстному самоуправленію. Народу нужно экономическое благосостояніе; современное государство беретъ у народа все, что возможно. Для подъема экономическаго благосостоянія народа необходимо перенесеніе податной тяготы съ неиму-

щихъ классовъ на имущіе и расходованіе народныхъ средствъ не на чуждыя интересамъ народа цѣли, а на удовлетвореніе насущнѣйшихъ народныхъ нуждъ. Народу нужна земля и неизбѣжны радикальныя мѣры для борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, а бюрократія безсильна разрѣшить надвигающійся кризисъ... Статья оканчивается такимъ заключеніемъ: «Въ настоящее время крестьянскій вопросъ носитъ по преимуществу политическій характеръ и, слѣдовательно, условіемъ его разрѣшенія является ограниченіе политическаго вліянія бюрократіи и появленіе на аренѣ государственной жизни новыхъ политическихъ силъ. Такова задача времени и она будетъ разрѣшена исторіей, несмотря на сопротивленіе силъ прошлаго. Исторія привела насъ къ широкому рву, перебраться черезъ который мы можемъ лишь смѣлымъ скачкомъ. Смѣлый размахъ сталъ исторической необходимостью: въ такую минуту одинаково пагубны какъ собственная робость, такъ и силы прошлаго, цѣпляющіяся сзади и мѣшающія свободному движенію впередъ». Разумѣется, въ частностяхъ своихъ мнѣнія, высказываемыя разными печатными органами, а тѣмъ болѣе разными частными кружками и собраніями, весьма разнообразны, но вообще ихъ можно резюмировать въ нѣсколькихъ положеніяхъ болѣе общаго характера, а именно: правильное теченіе и развитіе нашей государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ. Взаимныя отношенія ихъ должны быть основаны на признаніи и проведеніи въ жизнь общихъ принциповъ, неприкосновенности личности и частнаго жилища, свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, слова и печати, собраній и союзовъ. Всѣ эти личныя права должны быть въ равной мѣрѣ распространены на всѣхъ граждань Россійской имперіи. Для упроченія же въ русской жизни сказанныхъ началъ необходимо единеніе правительства съ обществомъ. По всей вѣроятности, эти общія положенія, несомнѣнно раздѣляемыя и наиболѣе прогрессивною частью земства, примѣръ чего мы видѣли въ вышеприведенныхъ дебатахъ въ нижегородскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ большей или меньшей степени будутъ выражены и предстоящими губернскими земскими собраніями. Въ частности ими, безъ сомнѣнія, будутъ также затронуты два капитальныхъ стоящихъ на очереди вопроса русской жизни: о крестьянской реформѣ и о реформѣ земскихъ и городскихъ учрежденій. Такъ какъ главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны является самодѣятельность народа и такъ какъ большинство населенія Россіи состоитъ изъ крестьянъ, то прежде всего необходимо поставить ихъ въ положеніе, благопріятствующее развитію самодѣятельности и энергіи; въ этихъ цѣляхъ слѣдуетъ уравнять крестьянъ въ личныхъ, т.-е. гражданскихъ и политическихъ, правахъ съ лицами [illegible]

гихъ сословій; освободить сельское населеніе отъ тяготѣющей надъ нимъ административной опеки и оградить его правильной формой независимаго суда. Что касается до земскихъ и городскихъ учрежденій, въ которыхъ преимущественно сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, то, чтобы они могли съ успѣхомъ выполнять свои обязанности, необходимо, чтобы земское представительство было основано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія; чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ; чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ; чтобы имъ была предоставлена необходимая самостоятельность и устойчивость, и чтобы, наконецъ, мѣстное самоуправленіе было равномѣрно распространено на всѣ части Россійской имперіи.

Таковы пожеланія, на которыхъ въ настоящее время сходится значительная часть русскаго общества. Всѣ они имѣютъ характеръ исключительно политическій и съ этой стороны возбуждаютъ иногда возраженія со стороны тѣхъ, кто считаетъ необходимымъ выдвигать впередъ преимущественно вопросы экономическіе, какъ имѣющіе гораздо бо́льшую внутреннюю важность. Но такое возраженіе кажется намъ плодомъ недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, то, что говорится въ настоящее время и что мы резюмировали выше, вовсе не представляетъ собою полный кодексъ всей государственной и общественной дѣятельности; это есть лишь программа для даннаго момента, лишь указаніе на то, съ чего слѣдуетъ начать. А начать, конечно, надо съ установленія такихъ политическихъ условій общественной жизни, при которыхъ стали бы возможны разработка экономическихъ и культурныхъ вопросовъ и выполненіе экономическихъ и культурныхъ задачъ. Едва ли изъ тѣхъ, кто въ настоящее время заявляетъ о необходимости политическихъ реформъ, найдется много такихъ, которые бы думали, что въ нихъ заключается все, что нужно для русскаго народа. Огромное большинство ихъ несомнѣнно понимаетъ, что эти реформы составляютъ лишь первый шагъ, но этотъ первый шагъ необходимъ для того, чтобы могли быть сдѣланы послѣдующіе. Съ другой стороны, едва ли есть много и такихъ людей, которые искренно считаютъ возможнымъ проведеніе серьезныхъ экономическихъ реформъ посредствомъ бюрократическихъ мѣропріятій. Какая можетъ быть серьезная разработка экономическихъ вопросовъ тамъ, гдѣ, напримѣръ, слово соціалистъ считается синонимомъ бунтовщика или рабойника, вообще такого человѣка, котораго надо безъ разговоровъ хватать и тащить въ кутузку? Поэтому намъ думается, что въ настоящую минуту нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что даже люди

самыхъ различныхъ взглядовъ на общія экономическія и соціальныя задачи, могутъ, ничуть не отказываясь отъ своихъ идеаловъ, сойтись на требованіяхъ такихъ политическихъ условій, которыя равно необходимы для свободнаго выраженія и распространенія самыхъ различныхъ экономическихъ ученій.

Но, если нельзя не считать весьма важнымъ для общества шагомъ впередъ опредѣленную формулировку его политическихъ пожеланій, то дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть разрѣшеніе вопроса о томъ, какимъ путемъ и черезъ посредство какихъ общественныхъ силъ эти пожеланія могутъ быть проведены въ жизнь. Въ этомъ отношеніи мнѣнія далеко не такъ сходны. Прежде всего, какъ на проводника сказанныхъ воззрѣній, указываютъ на земство. Но, съ другой стороны, высказываются и сильныя сомнѣнія относительно способности земства сыграть такую роль. Въ весьма содержательной статьѣ «Земство и бюрократія», помѣщенной во 2 № *Нашей Жизни*, авторъ ея А. Д. Брюхатовъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «На-ряду съ бюрократическимъ началомъ у насъ имѣется начало земское, несомнѣнно таящее въ себѣ творческіе элементы. Мы имѣемъ въ виду не конкретное земство Положенія 1890 года, а земскій принципъ, до воплощенія котораго земству недостаетъ еще многаго... Но и въ настоящемъ видѣ земство могло бы дать больше, чѣмъ оно дало до сихъ поръ... Слабость земства сказывается въ несознанности имъ своей потенціальной силы, въ неясности его политическаго самосознанія. Только поэтому земство такъ легко и мирится съ отнятіемъ у него правъ и идетъ на всякіе компромиссы. Разумѣется, неувѣренность земства есть лишь неувѣренность общества. Но въ обществѣ начинаетъ проявляться сознаніе своей силы, вырабатывается критика, а въ критикѣ залогъ успѣха... Не рискуя порвать съ обществомъ, земскіе люди не могутъ не отражать общественнаго настроенія. Общество ждетъ отъ нихъ поступковъ, являющихся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ положенія, какъ представителей общественной организаціи». Мы привели эти слова почтеннаго земскаго дѣятеля, какъ образецъ тѣхъ требованій, какія обращаются многими къ земству, и тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагаются.

Но мы не совсѣмъ согласны съ нимъ относительно причинъ той слабости и неувѣренности земства, на которую жалуется авторъ, видя причину ея въ неясности земскаго политическаго самосознанія. Мы думаемъ, что кромѣ нея есть и другія весьма реальныя причины для неувѣренности: это прежде всего сознаніе—и совершенно справедливое—самихъ земцевъ, что они не суть дѣйствительные представители народа, затѣмъ разобщенность состава земскихъ собраній и внутри себя и со внѣ ихъ находящимся обществомъ, не только болѣе отдаленнымъ, но даже иногда и съ б[illegible]

шими своими сотрудниками. Касательно внутренняго разобщенія извѣстно, что въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ гласные-крестьяне зачастую представляютъ собою только послушное орудіе въ рукахъ предводителя и земскихъ начальниковъ. Въ очень многихъ собраніяхъ различіе между крестьянами и «господами» выражается даже внѣшнимъ образомъ въ томъ, что послѣдніе сидятъ около предсѣдательскаго стола, а первые поодаль у стѣнки, а наприм., въ княгининскомъ собраніи патріархальность отношеній выказывается даже въ томъ, что нѣкоторые гласные-дворяне говорятъ гласнымъ-крестьянамъ «ты», какъ, наприм., гласный Ладыженскій гласному Конькову, отказывавшемуся отъ выбора въ члены управы: «можетъ быть, тебѣ жалованья мало?» Нерѣдко бываетъ поэтому, что несвободно подающіе голосъ крестьянскіе гласные даютъ въ собраніи перевѣсъ партіи, идущей противъ крестьянскихъ же интересовъ. Такъ, извѣстное тверское постановленіе о передачѣ въ духовное вѣдомство земскихъ школъ состоялось благодаря поданнымъ за передачу голосамъ крестьянъ. Въ нынѣшнемъ году вопросъ этотъ не возбуждался, такъ какъ управа, не одобрявшая передачи, не представила о ней никакого доклада. Но отклонено предложеніе о введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія, для чего управа предполагала ходатайствовать о разрѣшеніи увеличить обложеніе вмѣсто 3% на 4%. Въ Тулѣ въ нынѣшнемъ году при баллотировкѣ всѣхъ вопросовъ рѣшающее значеніе имѣли голоса гласныхъ отъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ девять изъ десяти были волостные старшины. Поэтому происходившая сессія выдавалась по числу вопросовъ, возбужденныхъ либеральною партіей собранія и отклоненныхъ консервативной. Такъ, были отклонены предложенія объ организаціи при уѣздной земской управѣ школьнаго, врачебнаго и экономическаго совѣтовъ, о принятіи на счетъ земства взносовъ въ пенсіонную кассу за учащихъ и др. Между прочимъ было отвергнуто предложеніе гласнаго С. М. Блеклова объ установленіи правила, что земство выдаетъ пособіе лишь тѣмъ учрежденіямъ, которыя представляютъ отчеты объ израсходованіи земскихъ субсидій. Казалось бы требованіе отчета въ земскихъ деньгахъ вполнѣ естественно и трудно себѣ представить, что можно возразить противъ него. Но дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ возникъ по тому поводу, что земскій начальникъ г. Докудовскій, несмотря на требованія земскаго собранія, не представляетъ отчетовъ по находящемуся въ его завѣдываніи желыбинскому пріюту, получающему пособіе отъ земства. При такомъ положеніи дѣлъ очень нерѣдко могутъ быть случаи, когда постановленія земскаго собранія вовсе не выражаютъ собою дѣйствительнаго мнѣнія большинства гласныхъ, а тѣмъ менѣе могутъ признаваться выраженіемъ истинныхъ потребностей населенія. Но и независимо отъ такихъ случаевъ, когда несоотвѣтствіе между требованіями населенія и земства обусловлено несовершенствомъ современнаго земскаго устройства, могутъ быть и принципіальныя разногласія, обусловленныя взаимнымъ непониманіемъ другъ друга болѣе интеллигентной части населенія съ малокультурнымъ большинствомъ, вслѣдствіе котораго стремленія

первой, направленныя на пользу населенія, не встрѣчаютъ энергической поддержки со стороны послѣдняго. По этому поводу *Русскія Вѣдомости* въ передовой статьѣ 310 № говорятъ слѣдующее: «Вмѣсто того, чтобы привлекать интеллигентныя силы, которыхъ у насъ такъ мало сравнительно съ громаднымъ населеніемъ, вмѣсто того, чтобы подобно западно-европейскимъ государствамъ стараться всѣми способами приблизить образованные классы къ народу, политика нашей администраціи направлена была на возможное ихъ разобщеніе. Каждое дѣйствіе, общественное или частное, гдѣ образованнымъ людямъ приходилось сталкиваться съ крестьянствомъ, поставлено было подъ строжайшій надзоръ и сводилось къ возможно узкимъ рамкамъ. Извѣстно, какими безчисленными тормозами, крупными и мелкими, обставлялась у насъ въ эту эпоху работа общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ по школьному и внѣшкольному начальному образованію; но то же самое имѣло мѣсто и въ другихъ областяхъ, хотя бы, наприм., при распространеніи спеціальныхъ свѣдѣній. Несмотря на крайнюю трудность при ничтожномъ числѣ нашихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній подыскать подходящихъ спеціалистовъ для агрономической помощи народу,—какъ часто земствамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ приходилось ждать утвержденія приглашенныхъ лицъ, а затѣмъ и послѣ утвержденія какъ трудно было добиваться для нихъ права бесѣдовать съ народомъ? Земскія изданія полны горькими жалобами на тѣ препятствія, какія ставитъ придирчивость мѣстной администраціи успѣшной работѣ агрономическихъ дѣятелей. Эта канцелярская опека, это ежеминутное мелочное урѣзываніе устранили отъ сношеній съ народомъ однихъ лицъ, а у другихъ отбили охоту къ какимъ бы то ни было попыткамъ въ этой области. Великое общественное дѣло остается невыполненнымъ единственно потому, что къ нему не подпускаютъ людей, которые одни только и въ состояніи были бы совершить его.

Сближеніе крестьянства съ другими болѣе культурными классами на почвѣ совмѣстной культурной дѣятельности должно было составлять одну изъ главныхъ задачъ мелкой земской единицы, о которой еще недавно было въ земствѣ столько разговоровъ. Въ настоящее время вопросъ о мелкой единицѣ какъ будто потерялъ свой жгучій интересъ, вошедши лишь какъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ въ общую программу, выработавшуюся съ тѣхъ поръ. Мы встрѣчаемъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ нынѣшняго года, наприм., въ Моложскомъ, постановленія ходатайствовать о введеніи мелкой земской единицы. Какъ бы то ни было несомнѣнно, что существующее отсутствіе крѣпкой солидарности между земствомъ и большинствомъ населенія является одною изъ важнѣйшихъ причинъ той слабости и неувѣренности, которую земство проявляло до сихъ поръ въ борьбѣ съ бюрократіей за свои права и интересы.

Къ сожалѣнію, не всегда земство или его представители оказываются въ правильныхъ отношеніяхъ и къ такъ называемому третьему элементу, т.-е. къ интеллигентнымъ работникамъ: учителямъ, врачамъ, ста-

камъ и т. п., являющимся необходимыми помощниками земства въ сферѣ практической дѣятельности. Это обстоятельство тоже въ значительной мѣрѣ ослабляетъ положеніе самого земства, лишая его въ иныхъ случаяхъ не только возможности успѣшной практической работы, но и сочувствія и поддержки значительной части образованнаго общества. Въ свое время мы говорили о нѣкоторыхъ такихъ столкновеніяхъ. Въ послѣднее время такой же прискорбный случай имѣлъ мѣсто въ Вологдѣ, гдѣ между предсѣдателемъ губернской управы А. К. Еремѣевымъ, избраннымъ послѣ неутвержденія ранѣе бывшаго предсѣдателя В. А. Кудряваго, и завѣдующимъ оцѣночно-статистическимъ отдѣломъ П. П. Румянцевымъ произошло столкновеніе, слѣдствіемъ котораго явился выходъ въ отставку почти всего персонала сказаннаго отдѣла. Мотивы его въ заявленіи статистиковъ сводятся къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) управа безъ словеснаго или письменнаго заявленія со стороны завѣдующаго оцѣночно-статистическимъ отдѣленіемъ г. Румянцева объ уходѣ его со службы изъ вологодскаго земства обратилась къ завѣдующему статистическимъ бюро московскаго губернскаго земства Н. А. Каблукову съ просьбой рекомендовать на мѣсто г. Румянцева какое-либо лицо; 2) при объясненіи этого противорѣчащаго земскимъ традиціямъ способа перемѣны нежелательнаго почему-либо управѣ служащаго предсѣдателемъ управы не было указано изъ служебной дѣятельности г. Румянцева ни одного факта, оправдывающаго такой способъ дѣйствій управы; 3) предсѣдатель управы прибѣгъ къ содѣйствію администраціи для удаленія со службы г. Румянцева. Выходя въ отставку, оцѣночно-статистическое отдѣленіе не находило возможнымъ бросить оцѣночно-статистическія работы, не доведя ихъ до такого состоянія, при которомъ онѣ могутъ безъ ущерба для дѣла и земскихъ интересовъ быть переданы другому персоналу. Вслѣдствіе этого отдѣленіе предложило управѣ закончить за сдѣльное вознагражденіе нѣкоторыя работы при помощи того же персонала, которымъ производились эти работы и до сего времени. Предложеніе это управой было отклонено, чѣмъ, конечно, снимается съ оцѣночно-статистическаго отдѣленія всякая отвѣтственность. За недѣлю до этого конфликта вышелъ въ отставку завѣдующій санитарнымъ отдѣломъ г. Френкель. Мѣста завѣдующихъ отдѣлами страховымъ и по народному образованію тоже никѣмъ въ то время не были заняты. Въ такомъ видѣ передается этотъ инциндентъ со стороны вышедшихъ статистиковъ. Управа разсказываетъ его иначе. По ея объясненію, подписанному всѣмъ составомъ управы, завѣдующій оцѣночно-статистическимъ отдѣломъ былъ уволенъ журнальнымъ постановленіемъ, потому что мотивы, приведенные имъ въ заявленіи объ оставленіи имъ службы, признаны были неумѣстными, такъ какъ хотя управа и обращалась къ Н. А. Каблукову съ просьбой рекомендовать ей завѣдующаго оцѣночнымъ отдѣленіемъ и объ этомъ не сообщила г. Румянцеву, но это было сдѣлано лишь потому, что управа имѣла много данныхъ о томъ, что г. Румянцевъ собирался перейти на службу въ другое мѣсто, чего онъ не скрывалъ ни отъ кого, кромѣ управы. Затѣмъ управа рѣшительно отри

цаетъ обвиненіе предсѣдателя управы въ томъ, что онъ для удаленія со службы г. Румянцева прибѣгъ будто бы къ содѣйствію администраціи. Отклоненіе предложенія оцѣночно-статистическаго отдѣленія окончить нѣкоторыя работы за сдѣльную плату объясняется тѣмъ, что эта сдѣльная плата по разсчету оказывалось на 4,000 р. выше ассигновки, имѣвшейся на эти работы. Докторъ Френкель подалъ заявленіе объ оставленіи имъ службы не за недѣлю до ухода завѣдующаго оцѣночными работами, а еще въ іюлѣ. Завѣдующій народнымъ образованіемъ ушелъ еще при прежнемъ предсѣдателѣ, а должность завѣдующаго страховымъ отдѣломъ есть должность новая и на оба мѣста управа имѣетъ уже кандидатовъ, вступленіе которыхъ въ отправленіе ими своихъ должностей задерживается только изъ-за формальностей. Таково объясненіе управы. Со стороны, конечно, трудно рѣшить, кто правъ, кто виноватъ, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно бываютъ виноваты обѣ стороны. Но изъ сопоставленія обѣихъ версій совершенно ясно одно, что между управой и статистиками, вмѣсто простыхъ товарищескихъ отношеній, какія должны быть у людей, работающихъ на общемъ дѣлѣ, установилось взаимное недовѣріе, заставляющее завѣдующаго оцѣночнымъ отдѣленіемъ искать мѣста, не говоря объ этомъ управѣ, а управу искать новаго завѣдующаго, не сообщая объ этомъ находящемуся на мѣстѣ. По увѣренію многихъ гласныхъ, во всей этой исторіи играли важную роль личныя отношенія сторонъ и потому освѣщеніе, данное ей въ заявленіи статистиковъ, слишкомъ односторонне. Несомнѣнно однако, что иногда положеніе служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ слишкомъ мало обезпечено отъ личнаго произвола. Вотъ, наприм., въ тульской думѣ гласный присяжный повѣренный А. А. Любомудровъ довелъ до свѣдѣнія гласныхъ, что городской юрисконсультъ, присяжный повѣренный Протопоповъ въ своей жалобѣ на него, Любомудрова, аттестовалъ гласныхъ какъ юридически невѣжественныхъ лицъ. По выслушаніи этого заявленія гласный М. А. Щегловъ высказалъ, что, по его мнѣнію, дума не можетъ даже, не роняя своего достоинства, обсуждать вопросы объ оскорбленіи ея прис. пов. Протопоповымъ, такъ какъ ей при этомъ пришлось бы пользоваться матеріаломъ, дошедшимъ до ея свѣдѣнія путемъ оглашенія прис. пов. Любомудровымъ выраженія, употребленнаго Протопоповымъ въ его жалобѣ, поданной въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ сказать въ документѣ, завѣдомо оглашенію не подлежащемъ. Большинство гласныхъ тѣмъ не менѣе сочло себя обиженными аттестаціей г. Протопопова и предложило управѣ уволить его отъ занимаемой имъ должности городского юрисконсульта.

Возможность такихъ случаевъ показываетъ, насколько иногда ша
бываетъ даже въ составѣ нашихъ общественныхъ учрежденій созна
своихъ правъ и обязанностей по отношенію къ своимъ служащимъ. Скл
ность къ произволу нѣтъ-нѣтъ да и проявится въ нихъ то здѣсь, то та
Не всегда ясно, повидимому, бываетъ пониманіе правильныхъ условій об
ственной дѣятельности даже и у самыхъ почтенныхъ по личнымъ м

слугамъ земскихъ дѣятелей. На этой почвѣ, повидимому, разыгрывается странный инцидентъ въ московскомъ уѣздномъ земствѣ, до сихъ поръ еще не получившій своего разрѣшенія. Фактъ этотъ настолько характеренъ, что на немъ стóитъ остановиться подробнѣе. Въ засѣданіи очередного земскаго собранія членомъ управы Б. И. Шнаубертомъ была прочитана записка, подписанная кромѣ него еще членами управы В. С. Раичемъ и Н. А. Ивановымъ и неподписанная ни предсѣдателемъ Н. Ѳ. Рихтеромъ, ни четвертымъ членомъ управы М. Д. Бахаревымъ (гласный отъ сельскихъ обществъ). Въ этой запискѣ, изложивъ подробно положеніе земскаго дѣла въ уѣздѣ и указавъ на существующіе по всѣмъ его отраслямъ недостатки, три члена управы указываютъ на то, что всѣ распоряженія по земскому хозяйству въ уѣздѣ дѣлаются единолично предсѣдателемъ управы. Установленнаго 100 статьей полож. о зем. учрежд. распредѣленія занятій между членами управы не существуетъ. Поэтому въ составѣ управы нѣтъ лица, на обязанности котораго лежало бы слѣдить за удовлетвореніемъ нуждъ школъ, которыя поэтому и содержатся неудовлетворительно. Учителя лишены всякой опоры въ ихъ самыхъ справедливыхъ требованіяхъ. Самое принятіе на службу учителей, ихъ перемѣщеніе и увольненіе зависитъ отъ единоличнаго усмотрѣнія предсѣдателя, который не считаетъ нужнымъ какое-либо участіе по этимъ вопросамъ другихъ членовъ управы. Точно также отражается на врачебномъ отдѣлѣ отсутствіе члена управы, завѣдующаго больницами. Врачебный персоналъ тоже отстраненъ отъ хозяйственныхъ распоряженій. Санитарный совѣтъ принужденъ былъ поступаться предоставленными ему правами, а вовсе не желалъ «сѣсть управѣ на шею», какъ выразился предсѣдатель управы во время ревизіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Зиновьева—выраженіе, вошедшее въ докладъ г. Зиновьева. Общихъ засѣданій управы не бываетъ. Земскія коммиссіи тоже не собирались за отсутствіемъ приглашенія отъ управы. Даже большинство докладовъ, вносимыхъ въ настоящее время въ собраніе, вовсе не извѣстны членамъ управы. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ всѣ три члена управы заявили о своемъ отказѣ отъ службы. Собраніе единогласно признало невозможнымъ при такихъ условіяхъ разсматривать представленные доклады и единогласно же выразило свое сочувствіе членамъ управы, оставляющимъ службу. Н. Ѳ. Рихтеръ уже послѣ этого постановленія далъ свое объясненіе, въ которомъ слагалъ вину на членовъ управы, упрекая ихъ въ незнакомствѣ съ дѣломъ и въ бездѣятельности, жаловался на то, что не онъ ихъ отстраняетъ, а они, напротивъ, стараются дѣйствовать помимо него и высказывалъ свое удивленіе, что собраніе какъ бы выражаетъ теперь ему порицаніе, когда тѣмъ же самымъ собраніемъ онъ былъ выбранъ почти единогласно и соглашался занять должность предсѣдателя только послѣ усиленныхъ просьбъ всего собранія. Гласный Н. А. Каблуковъ высказалъ свой взглядъ на мотивы такого положенія вещей: каждому изъ насъ,—сказалъ онъ,—видно, что Н. Ѳ. Рихтеръ прекрасно знаетъ земское дѣло и умѣетъ его вести. Когда онъ былъ въ первый разъ выбранъ

въ предсѣдатели управы, финансовое положеніе московскаго уѣзднаго земства было довольно плохое; но онъ, не поднимая обложенія, сумѣлъ улучшить финансы и осуществить въ уѣздѣ общедоступность народнаго образованія. Съ такимъ искусствомъ умѣетъ онъ управлять земскимъ хозяйствомъ. Но рядомъ съ этимъ въ дѣятельности Н. Ѳ. была другая черта далеко не земская, а бюрократическая: онъ не хотѣлъ считаться съ волею собранія и никогда не исполнялъ постановленій собранія, съ которыми онъ былъ несогласенъ. Мы думали, что это происходитъ отъ того, что члены управы не возражаютъ противъ такого образа дѣйствій предсѣдателя. Поэтому, выбравъ вновь Н. Ѳ. предсѣдателемъ, собраніе выбрало такихъ членовъ управы, о которыхъ оно предполагало, что они сумѣютъ поставить себя самостоятельно. Н. Ѳ. недоволенъ, что члены управы выбраны не по его желанію. Но собраніе вовсе не желаетъ лишать себя права выбора такихъ членовъ, какихъ оно считаетъ наиболѣе способными и отдавать все земское дѣло въ руки одного лица. Собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ постановило, что оно присоединяется къ заявленію Н. Ѳ. Каблукова. Казалось бы, послѣ такихъ почти единогласныхъ постановленій слѣдовало ожидать, что самъ Н. Ѳ. Рихтеръ откажется отъ званія предсѣдателя управы, если онъ не считалъ возможнымъ измѣнить свой образъ дѣйствій по отношенію къ управѣ и собранію. Однако, этого не послѣдовало, а Н. Ѳ. Рихтеръ сталъ получать адресы и заявленія, въ которыхъ высказывается сочувствіе его дѣятельности и просьба не отказываться отъ должности. Такое заявленіе поступило отъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей Московскаго уѣзда, а также отъ учителей и учительницъ земскихъ школъ уѣзда. Послѣднее было за подписью около 200 лицъ и въ немъ, кромѣ благодарности Н. Ѳ. Рихтеру и пожеланія ему еще долго продолжать службу, высказываются опредѣленныя возраженія противъ записки трехъ членовъ управы. «Что касается до школьнаго дѣла,—говорятъ учителя,—то мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать, что заявленіе гг. членовъ управы о плохомъ состояніи школъ и приниженномъ положеніи учительскаго персонала въ уѣздѣ мы считаемъ положительно несправедливымъ. Особенно поразило насъ увѣреніе, что вы нерѣдко отказывали учащимъ въ ихъ самыхъ справедливыхъ требованіяхъ. Считаемъ нужнымъ заявить, что у всѣхъ насъ ясно сознаніе, что благодаря именно вашей дѣятельности дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ такъ быстро и широко подвинулось впередъ за послѣдніе годы. Вопреки увѣренію гг. членовъ управы, мы свидѣтельствуемъ, что для васъ всегда были дороги всѣ школьные интересы, и вы всегда съ большимъ вниман[illegible] входили въ разсмотрѣніе всѣхъ нашихъ нуждъ, несмотря иногда на [illegible]щуюся ихъ незначительность, и всѣ справедливыя требованія учащихъ [illegible]влетворялись вами всегда согласно ихъ желанію. Особенно мы цѣнимъ [illegible] труды объ улучшеніи быта учащихъ какъ въ матеріальномъ, такъ [illegible] моральномъ отношеніяхъ. Не можемъ также не указать и на то, ч[illegible] всегда являлись стойкимъ защитникомъ правъ учащихъ на ихъ са[illegible]

ность и саморазвитіе». Адресъ этотъ былъ прочитанъ въ присутствіи болѣе ста учителей и вызвалъ единодушные аплодисменты. Н. Ѳ. Рихтеръ, благодаря за выраженное ему сочувствіе, высказалъ, что безпристрастная оцѣнка его дѣятельности составляетъ для него большую нравственную поддержку и лучшее утѣшеніе въ переживаемыя имъ трудныя минуты. Такимъ образомъ въ населеніи и между ближайшими сотрудниками земства происходитъ агитація въ пользу предсѣдателя управы, поощряющаго эту агитацію, и явно противъ большинства управы и собранія. Такое явленіе нельзя не признать ненормальнымъ не потому, чтобы мы находили неправильнымъ или нежелательнымъ свободное выраженіе своихъ мнѣній по поводу всякихъ общественнныхъ вопросовъ какъ крестьянами, такъ и учителями. Напротивъ, съ этой стороны такой фактъ, какъ вышеприведенныя заявленія, если они возникли вполнѣ свободно, представлялся бы отраднымъ; но намъ кажется, что въ самомъ существѣ высказываемаго въ этихъ заявленіяхъ взгляда на конфликтъ между Н. Ѳ. Рихтеромъ и собраніемъ, проявляется нѣкоторая непродуманность, которая очень часто высказывается и при разногласіяхъ между земствомъ и «третьимъ элементомъ» и которая состоитъ въ томъ, что смотрятъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія непосредственной практики, совершенно забывая объ общихъ, хотя и болѣе теоретическихъ, но не менѣе важныхъ условіяхъ всякаго общественнаго дѣла. Н. Ѳ. Рихтеръ — опытный и искусный земскій хозяинъ. Онъ хорошо устраиваетъ земскія школы и находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ учителями, слѣдовательно, надо быть на его сторонѣ и тогда, когда онъ нарушаетъ самый основной принципъ всякой коллегіальной дѣятельности, принципъ подчиненія личной воли волѣ большинства. Вотъ въ этомъ-то выводѣ мы и видимъ большую логическую и политическую ошибку, которая прежде всего обнаруживается въ томъ, что образъ дѣйствій Н. Ѳ. Рихтера въ данномъ случаѣ грозитъ внести полное разстройство въ земскую дѣятельность въ Московскомъ уѣздѣ. Въ самомъ дѣлѣ, прежніе члены управы отказались; изъ намѣченныхъ новыхъ никто не пожелалъ баллотироваться, и собраніе стоитъ теперь передъ невозможностью выбрать управу и передъ ожиданіемъ назначенія членовъ управы отъ правительства. Очевидно, что подобное положеніе дѣла ни въ какомъ случаѣ не можетъ способствовать и успѣшному ходу практической земской дѣятельности.

Указывая на эти случаи разлада въ земской жизни, мы, конечно, вовсе не имѣли въ виду доказать, что земство не способно быть проводникомъ тѣхъ общихъ политическихъ пожеланій, о которыхъ мы говорили выше. Мы хотѣли только обратить вниманіе на слабыя стороны положенія, занимаемаго земствомъ, заключающіяся, по нашему мнѣнію, въ разобщенности его какъ съ народной массой, такъ и со стоящей внѣ земства частью интеллигенціи. Эти слабыя стороны, безъ сомнѣнія, уменьшаютъ значеніе и авторитетъ земства по отношенію къ правящей бюрократіи; поэтому возможно, что какъ земство не могло до сихъ поръ съ желательной твердостью отстаивать свои права, такъ и являясь представителемъ и провод-

никомъ общегосударственныхъ политическихъ требованій, оно одно само по себѣ не будетъ имѣть достаточной силы, чтобы отстоять эти требованія. Для этого нужна энергическая поддержка общества и народа. Въ интеллигентномъ обществѣ эта поддержка, безъ сомнѣнія, найдется при условіи временнаго примиренія партій на первоначальныхъ общихъ всѣмъ имъ пунктахъ програмы. Другое дѣло народъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ, что

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,—
Тамъ вѣковая тишина.

Правда, что теперь эта тишина далеко уже не такъ абсолютна, какъ почти полвѣка тому назадъ, когда были написаны эти стихи. Нарушаетъ эту тишину прежде всего то же земство; затѣмъ развившаяся съ тѣхъ поръ городская и фабричная жизнь. Во многихъ даже не самыхъ большихъ городахъ образовались самостоятельные интеллигентные центры, отъ времени до времени энергически заявляющіе о себѣ. Такъ, напр., изъ Саратова пишутъ, что тамъ 5 ноября собрался банкетъ, на которомъ присутствовало болѣе 300 человѣкъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ саратовскаго общества: предводители дворянства, члены управъ, гласные земскіе и городскіе, купцы, инженеры, врачи, учителя и др. Предсѣдательствовалъ балашевскій предводитель дворянства С. А. Уньковскій, открывшій банкетъ рѣчью приблизительно слѣдующаго содержанія: «Настоящій моментъ можно охарактеризовать такимъ образомъ: русское общество, весь русскій народъ похожъ на людей, находившихся въ мрачномъ старомъ застѣнкѣ. И вотъ немного отворилась дверь этого застѣнка. На находящихся въ немъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Но дверь эта дальше не отворяется, петли ея ржавыя, кругомъ она заросла высокимъ бурьяномъ. Нѣкоторые изъ находящихся въ застѣнкѣ людей говорятъ: «Какъ стало хорошо!» Но не спѣшатъ отворять дверь настежь, иначе она снова захлопнется. Нѣтъ, скажу я, теперь пора намъ самимъ отворить эту дверь: не будемъ больше мириться съ полумѣрами!» Рѣчь эта была встрѣчена общими аплодисментами. Были и другія рѣчи въ томъ же родѣ, о свободѣ личности, слова и т. п. Но города и въ особенности города такіе, какъ Саратовъ, всетаки представляются лишь небольшими оазисами въ безграничной пустынѣ нашей провинціи, въ которой царитъ та «вѣковая тишина», о которой говоритъ поэтъ мести и печали. Но эта тишина не значитъ, что тамъ не нуждаются въ томъ же свѣжемъ воздухѣ и не чувствуютъ всей тяжести его отсутствія. Напротивъ, эта тяжесть чувствуется въ настоящее время, конечно, сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Только чувство это обращается на болѣе непо[средственныя] ственныя причины, не восходя къ причинамъ болѣе общимъ. Так[ова прежде] всего для всѣхъ, конечно, война и связанный съ нею уходъ призыва[емыхъ] на службу запасныхъ чиновъ. Несомнѣнно, что острое горе разлу[ки съ] семьей играло немалую роль въ томъ возбужденномъ состояніи зап[асныхъ]

послѣдствіемъ котораго были многочисленные произведенные ими въ разныхъ городахъ безпорядки. Изъ всѣхъ почти мѣстъ, гдѣ происходила мобилизація, доходятъ разсказы о раздирающихъ душу сценахъ, происходящихъ при отправкѣ призываемыхъ. Иногда неудовольствіе отправляемыхъ возбуждалось сверхъ того и недостаточной заботливостью объ ихъ матеріальномъ устройствѣ во время сбора и отправки. Такъ, во время безпорядковъ, бывшихъ въ Двинскѣ 1 и 2 ноября, нѣкоторые изъ запасныхъ громко заявляли публикѣ о тѣсномъ размѣщеніи ихъ на частныхъ квартирахъ, о томъ, что они голодны, что имъ приходится покупать все втридорога и т. п. Весьма грустное впечатлѣніе производитъ докладъ воронежскаго санитарнаго врача К. Г. Славскаго воронежскому уѣздному санитарному совѣту объ осмотрѣ квартиръ призванныхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ. «Квартиры неудовлетворительны и заняты солдатами въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ онѣ должны бы вмѣщать. Въ нѣсколькихъ дворахъ для солдатъ отведены сараи съ земляным полом (повидимому, вычищенные хлѣва) и рядомъ съ невычищенными хлѣвами, въ другомъ мѣстѣ — чердакъ. Нѣкоторыя помѣщенія въ домахъ страдаютъ тѣмъ, что постояльцевъ набито столько, сколько ихъ можетъ помѣщаться для ночлега вповалку. Самое грустное впечатлѣніе получилось отъ того обстоятельства, что солдаты совсѣмъ не имѣютъ ни одѣялъ, ни шинелей, ни другой какой-либо одежды, которой можно было бы укрыться въ холодныя, дождливыя и сырыя ночи. Солдаты шли изъ дома въ разсчетѣ на скорый походъ къ Дальнему Востоку, своей одежды не захватили, а изъ военной обмундировки получили однѣ фуражки, и вотъ, по выраженію одного солдата, они на фуражкахъ спятъ и фуражками одѣваются».

Не всегда своевременно выдавались и пособія семьямъ ушедшихъ запасныхъ. Въ Измаильскомъ уѣздѣ на этой почвѣ разыгрался настоящій «бабій бунтъ», вызвавшій пріѣздъ на мѣсто волненія вице-губернатора, признавшаго необходимымъ, не выжидая разрѣшенія министерства, распорядиться немедленной выдачей семьямъ запасныхъ полуторамѣсячнаго пайка, всего до 10,000 руб. изъ выданной Измаильскому уѣзду ссуды изъ имперскаго продовольственнаго капитала. Хотя урожай нынѣшняго года въ среднемъ по всей Россіи удовлетворителенъ, но нѣкоторыя мѣстности, и какъ разъ въ томъ числѣ Бессарабская губернія, страдаютъ и отъ неурожая. Свѣдѣнія о неурожаѣ идутъ также и изъ многихъ другихъ мѣстъ. Такъ, изъ напечатаннаго еще въ сентябрѣ въ *Вѣстникѣ Новгородскаго Земства* сообщенія агронома кириловскаго земства видно, что въ большей части уѣзда урожай отличается крайне низкимъ качествомъ зерна, выражающимся въ значительномъ количествѣ незрѣлыхъ зеренъ, сорныхъ примѣсей и спорыньи. Да и въ количественномъ отношеніи урожай очень малъ. Слишкомъ позднее поспѣваніе ржи оставило многихъ крестьянъ безъ сѣмянъ для производства посѣва озими осенью настоящаго года. Такимъ образомъ, помимо нужды въ продовольствіи въ самомъ близкомъ будущемъ, остаются еще необсѣмененными озимыя поля. Въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ засѣяно $^1/_{10}$, $^1/_4$ и $^1/_2$ паровыхъ полей. Селеній, засѣявшихъ все паровое поле, очень немного. Вообще озимыя поля засѣяны только въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ оказались старыя сѣмена и гдѣ была возможность ихъ прикупить по цѣнѣ, доходившей до 1 руб. 50 коп. за пудъ. Необсѣмененныя поля вмѣстѣ съ полосами, засѣянными рожью крайне низкаго качества, представятъ будущею весной очень значительную площадь земли, не занятой культурой. Въ большинствѣ случаевъ урожай ржи отъ сѣмянъ, полученныхъ въ ссуду отъ правительства прошлою осенью, вдвое и втрое ниже, чѣмъ урожай ржи отъ своихъ, крестьянскихъ сѣмянъ, и хуже по качеству, хотя засоренность спорыньей одинаково велика въ обоихъ случаяхъ. Еще весной ссудная рожь отличалась болѣе слабымъ развитіемъ всходовъ. Отъ употребленія новаго хлѣба въ Кириловскомъ уѣздѣ появились уже заболѣванія «злой корчей». Въ Новгородскомъ уѣздѣ урожай ржи оказался тоже плохъ; зерно получилось недоброкачественное, недозрѣвшее; засѣяно озимыхъ полей мало; ожидается сильная нужда. Въ такомъ же родѣ были извѣстія изъ Крестецкаго, и другихъ уѣздовъ Новгородской губерніи. Хотя мѣры къ обезпеченію продовольствія и были приняты, но, безъ сомнѣнія, онѣ, какъ и всегда, могутъ предотвратить лишь самыя рѣзкія проявленія голоданія. Изъ польскихъ губерній: Варшавской, Плоцкой, Калишской, Петроковской, на запросъ министерства земледѣлія тоже были получены отвѣты отъ лѣсничихъ, подтверждающія повсемѣстность тамъ неурожая. Яровые хлѣба повсюду плохи, состояніе картофеля еще хуже, травы пропали, а второго покоса травы не производилось. Единственно удовлетворительнымъ оказался урожай озимой ржи, но зерна этого не хватитъ на продовольствіе сельскаго населенія. Урожай пшеницы въ общемъ средній, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хорошій. Лѣсничіе сообщаютъ, что крестьяне уже въ сентябрѣ ощущали недостатокъ корма для скота, вслѣдствіе чего въ Варшавской губерніи цѣна на скотъ понизилась на 30%. Крестьяне, живущіе въ пограничной полосѣ, сравнительно легче выдержатъ бѣдствія неурожая этого года, такъ какъ лѣтомъ они имѣли недурной заработокъ въ Пруссіи, а зимой занимаются извозомъ лѣса и другихъ сырыхъ продуктовъ за границу. Сельское же населеніе удаленныхъ отъ границы мѣстностей безпомощно. Кромѣ неурожая, повторяющагося уже нѣсколько лѣтъ, неблагопріятное вліяніе на рабочее населеніе польскаго края имѣла пріостановка въ металлургическомъ дѣлѣ, сокращеніе желѣзно-дорожныхъ и всякихъ другихъ работъ, обусловленное войною. Все это вызвало экономическій кризисъ, принявшій угрожающіе размѣры, какъ о томъ свидѣтельствуетъ меморіалъ, представленный начальникомъ края варшавскимъ обществамъ содѣйствія промышленности и торговли. Объ этомъ меморіалѣ было уже сказано въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ замѣчены были прошлымъ лѣтомъ такія явленія, какъ плохая торговля мануфактурнымъ товаромъ на мелкихъ с[illegible]скихъ и уѣздныхъ ярмаркахъ, что нѣкоторыми корреспондентами объ[illegible]

лось именно военнымъ временемъ. Въ Полтавской губерніи, несмотря на порядочный урожай, цѣны стояли низкія, что объясняется сокращеніемъ площади посѣвовъ. Въ Тульской губерніи тоже жалуются на недостатокъ денегъ, вліяющій на спѣшность продажи и крестьянскихъ, и помѣщичьихъ хлѣбовъ. Наконецъ, вологодскіе маслодѣлы, отправлявшіе значительное количество своего продукта моремъ на Дальній Востокъ, жалуются на недостатокъ сбыта, что уже находится въ непосредственной связи съ войной. Вслѣдствіе паденія заработка усилилась эмиграція рабочихъ латышей въ Америку. Но перечисленіе отдѣльныхъ фактовъ, указывающихъ на тяжелое экономическое положеніе русскаго земледѣльческаго и вообще рабочаго населенія едва ли не является излишнимъ теперь, когда уже никто не сомнѣвается въ существованіи все болѣе обостряющагося кризиса въ хозяйствѣ огромнаго большинства русскаго населенія. Впрочемъ, наличность такого кризиса была констатирована уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ первыми земскими статистическими изслѣдованіями въ черноземныхъ губерніяхъ. «Казалось бы,—говорятъ по этому поводу *Русскія Вѣдомости,*—краснорѣчивыя цифры должны были приковать къ себѣ внимаманіе правительства, земства и частныхъ лицъ, способныхъ мыслить и чувствовать; можно было ждать, что по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невыносимость положенія била въ глаза, начнется энергическая работа, чтобы вывести крестьянство изъ мертвой петли, въ которую оно попало. Однако этого не случилось. Разоблаченія оказались не на-руку тогдашней администраціи. Противъ непріятныхъ цифръ былъ пущенъ въ ходъ дешевый аргументъ неблагонадежности, и ихъ собирателямъ, а также печати, популяризировавшей ихъ, пришлось испытать на личномъ примѣрѣ, какъ мудрено въ нашемъ отечествѣ говорить неподкрашенную правду. Вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу опасности, тогдашняя бюрократія предпочла замолчать ее и направить свои силы совсѣмъ въ другую сторону. На призывъ о немедленной помощи разорявшемуся крестьянству она отвѣтила ломкой сельскаго самоуправленія, дарованнаго въ 1861 году, и подчиненіемъ сельскаго люда безпощадной, всепроникающей чиновничьей опекѣ; быстро одинъ за другимъ послѣдовали законы, урѣзывавшіе тѣ или иныя права крестьянскаго сословія. Правила о семейныхъ раздѣлахъ, о регулированіи общинныхъ передѣловъ, о такъ называемомъ упорядоченіи переселеній, завершились знаменитой реформой сельскаго управленія, которою подчинены безконтрольному произволу земскаго начальника и сельскіе сходы, и деревенскія должностныя лица, и каждый отдѣльный крестьянинъ. Намъ нѣтъ надобности напоминать о той картинѣ безправія, которая создалась этимъ своеобразнымъ законодательствомъ: кромѣ непосредственныхъ наблюденій каждаго, сколько-нибудь знакомаго съ современной деревней, печальное зрѣлище въ полной его наготѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ было недавно раскрыто передъ всей страной мѣстными комитетами особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Несмотря на это, новый проектъ крестьянской реформы по-

шелъ еще далѣе въ томъ же направленіи подчиненія крестьянъ бюрократической опекѣ и произволу. Казалось бы теперь, когда, по вышеприведенному выраженію С. А. Уньковскаго, дверь застѣнка пріотворилась, слѣдовало бы ожидать, что дуновеніе свѣжаго воздуха распространится и на крестьянскую, деревенскую жизнь. Такъ ли это, однако, сказать довольно трудно, такъ какъ проникающія въ печать извѣстія о намѣреніяхъ правительства по отношенію къ пересмотру крестьянскаго положенія, весьма противорѣчивы. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* было сказано, что работы по пересмотру рѣшено пріостановить и возобновить по новому плану, перенеся весь центръ тяжести ихъ въ губерніи въ особые комитеты съ участіемъ представителей земства и дворянства. Работы этихъ комитетовъ должны послужить потомъ министерству внутреннихъ дѣлъ для составленія новаго проекта крестьянскаго положенія. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетой *Русь*, въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ д. ст. сов. Гурко снова разрабатывается вопросъ о пересмотрѣ крестьянскаго положенія, причемъ нынѣшній проектъ долженъ подвергнуться существенному измѣненію, для чего новому составу совѣщанія даны широкія полномочія. Съ другой стороны, *Московскія Вѣдомости* говорятъ, что никакихъ измѣненій въ организаціи губернскихъ комитетовъ не предвидится. И дѣйствительно, губернскія совѣщанія продолжаются прежнимъ порядкомъ, не возбуждая, впрочемъ, къ себѣ вниманія общества, такъ что объ нихъ и въ печать попадаетъ мало извѣстій. Имѣются свѣдѣнія о передачѣ въ нихъ проекта крестьянскихъ опекъ. 18 октября состоялось первое засѣданіе московскаго совѣщанія въ составѣ предсѣдателя московскаго губернатора Г. И. Кристи и членовъ: губернскаго предводителя дворянства, трехъ уѣздныхъ предводителей, вице-губернатора, предсѣдателя губернской земской управы, управляющаго казенной палатой, предсѣдателя и прокурора окружнаго суда, начальника мѣстнаго управленія министерства земледѣлія, пяти предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, одиннадцати земскихъ гласныхъ, шести земскихъ начальниковъ, члена - оцѣнщика дворянскаго банка, трехъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, члена губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и одного крестьянина Дмитровскаго уѣзда. Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя, указавшаго, что задачи совѣщанія состоятъ въ разработкѣ проектовъ министерства внутреннихъ дѣлъ путемъ согласованія ихъ съ мѣстными особенностями и провѣрки правильности намѣченнаго министерствомъ измѣненія крестьянской общественной жизни и хозяйственнаго быта крестьянъ. Въ основу новыхъ законопроектовъ, согласно Высочайшаго указа 4 января 1904 г., должны быть положены начала неприкосновенности общиннаго землевладѣнія при облегченіи отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины, сохраненія сословнаго строя и неотчуждаемости надѣльныхъ земель. И хотя эти принципіальные вопросы будутъ разсматриваться и въ совѣщаніи, но разработка ихъ должна быть передана подкомиссіямъ, образованнымъ согласно пре-

поданному министромъ внутреннихъ дѣлъ указанію. Послѣ рѣчи губернатора предсѣдатель губернской земской управы заявилъ, что составъ настоящаго засѣданія не вполнѣ соотвѣтствуетъ предначертаніямъ манифеста, такъ какъ онъ не заключаетъ въ себѣ лицъ, «довѣріемъ общественнымъ облеченнымъ» именно для той задачи, для которой созвано совѣщаніе. Такими лицами могли бы признаваться лишь лица, спеціально для этого избранныя земскими собраніями. Неудовлетворительны и условія, при которыхъ предстоитъ работать совѣщанію, такъ какъ члены его, несогласные съ большинствомъ по основнымъ положеніямъ проекта, не допускаются къ участію въ подкоммиссіяхъ. «Новое положеніе о сельскомъ состояніи,—продолжалъ затѣмъ Ѳ. А. Головинъ,—должно бы, казалось, имѣть цѣлью раскрѣпощеніе крестьянскаго сословія и развитіе въ немъ началъ самодѣятельности, которыя одни являются залогомъ успѣшнаго экономическаго и духовнаго развитія всякаго общества. Начала эти были отмѣчены въ запискѣ, представленной въ московскій сельско-хозяйственный комитетъ членами отъ земства. Между тѣмъ настоящій проектъ преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли. Смѣю думать, что онъ не соотвѣтствуетъ и современнымъ взглядамъ правительства. Въ подтвержденіе этой мысли укажу прежде всего на одну частность, но очень важную. Одною изъ чертъ, отдѣлявшихъ крестьянское сословіе отъ прочихъ сословій, была возможность для крестьянина подвергнуться тѣлесному наказанію. Это наказаніе сохранено въ проектѣ, а между тѣмъ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ это отличіе крестьянскаго сословія уничтожено. Но и по общему своему духу весь проектъ не соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ правительства. У насъ у всѣхъ свѣжо, конечно, воспоминаніе о знаменательномъ рѣшеніи призваннаго государемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго положить въ основу своей дѣятельности довѣрчивое отношеніе къ населенію. Весь же проектъ основанъ на недовѣріи къ духовнымъ силамъ крестьянскаго населенія, что ярко вырисовывается изъ предположеній о сохраненіи обособленнаго отъ прочихъ сословій положенія крестьянства, о сохраненіи административной опеки въ еще большемъ размѣрѣ, чѣмъ то имѣетъ мѣсто по отношенію къ другимъ сословіямъ, о сокращеніи взамѣнъ ожидаемаго, казалось бы, расширенія, правъ выборныхъ сельскихъ органовъ и тому подобныхъ мѣрахъ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ я полагаю, что совѣщанію надлежало бы отмѣтить въ журналѣ указанныя мною ненормальности въ условіяхъ работы совѣщанія и признать проектъ законоположеній о крестьянахъ не подлежащимъ разсмотрѣнію совѣщанія въ деталяхъ за несоотвѣтствіемъ его въ основаніяхъ требованіямъ современнаго положенія всего этого дѣла. Совѣщаніе не присоединилось къ этому заявленію. Такимъ образомъ, продолженіе работъ совѣщаній на прежнихъ основаніяхъ не позволяетъ, повидимому, надѣяться на измѣненіе правовыхъ условій крестьянской жизни въ ближайшемъ будущемъ. Да и вообще новый курсъ вотъ уже три мѣсяца выражается только въ нѣкоторомъ ослабленіи цензуры и въ возвра-

щенія нѣсколькихъ десятковъ лицъ административно сосланныхъ. Притомъ и то, и другое имѣетъ характеръ не принципіальнаго измѣненія, а лишь нѣкотораго ослабленія того суроваго режима, который въ этихъ сферахъ практиковался до сихъ поръ. Возвращеніе сосланныхъ не имѣетъ значенія сколько-нибудь общей амнистіи, хотя бы распространяющейся лишь на извѣстную часть ссыльныхъ, а лишь милости, оказываемой отдѣльнымъ, избраннымъ лицамъ. Да и возвращены десятки, а остаются въ ссылкѣ еще сотни. Такъ, въ одной Архангельской губерніи ихъ понынѣ еще находится свыше шестисотъ. То же и относительно большей свободы печати: никакого общаго измѣненія въ цензурныхъ правилахъ не произошло; да и на практикѣ продолжаютъ примѣняться тѣ же цензурныя мѣропріятія, какія были и раньше. Журналамъ и газетамъ сообщаются циркуляры объ изъятіи изъ сферы гласности нѣкоторыхъ вопросовъ и иногда такихъ, о которыхъ говорятъ на всѣхъ перекресткахъ. *Право* получило предостереженіе за вредное направленіе статьи «Война и отечество», въ которой говорилось о ненужности нынѣшней японской войны и о желательности скорѣйшаго заключенія мира. Новой газетѣ *Наша Жизнь* послѣ пяти нумеровъ запрещена была розничная продажа. Что же касается до провинціальной цензуры, то новыя вѣянія коснулись ея, повидимому, еще очень мало. Въ Ярославлѣ, гдѣ цензоромъ состоитъ профессоръ Демидовскаго лицея г. Шмидтъ, имъ на-дняхъ была вычеркнута телеграмма «петербургскаго агенства», сообщавшая о безпорядкахъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ запасными чинами. Даже помѣтка на телеграммѣ «офиціально» не спасла ее отъ заподозриванія въ неблагонамѣренности. Еще лучше былъ случай въ Уфѣ. Тамъ цензоръ вице-губернаторъ г. Богдановичъ запретилъ печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ присланную туда для напечатанія отвѣтную телеграмму министра внутреннихъ дѣлъ на привѣтствіе, посланное ему уфимской городской думой. Въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи состоялось постановленіе, ярко характеризующее положеніе провинціальной печати. Нѣсколько гласныхъ обратились къ предсѣдателю собранія съ заявленіемъ о томъ, что въ помѣщаемыхъ мѣстными газетами отчетахъ о засѣданіяхъ собранія они замѣтили сокращенія и искаженія. Въ отвѣтъ на это представители мѣстныхъ газетъ подали предсѣдателю собранія объясненіе, въ которомъ говорятъ: Въ виду обращенныхъ къ намъ запросовъ мы, референты отчетовъ, обращаемся къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою довести до свѣдѣнія гг. гласныхъ, что всѣ сокращенія и искаженія ихъ рѣчей произведены не нами и не редакціями, а г. мѣстнымъ отдѣльнымъ цензоромъ, признающимъ возможнымъ не только вычеркивать цѣликомъ рѣчи ораторовъ, но даже вставлять свои собственныя слова въ офиціальные документы, оглашаемые въ собраніи, и замѣнять своими собственными выраженія, употребленныя гг. гласными. Послѣ происшедшихъ по этому поводу преній собраніе постановило ходатайствовать о томъ, чтобы въ мѣстной прессѣ оглашены были засѣданія собранія въ томъ видѣ, какъ

они имѣли мѣсто въ дѣйствительности, во-вторыхъ, въ виду того, что г. отдѣльный цензоръ присваиваетъ себѣ право искажать содержаніе какъ рѣчей гласныхъ, такъ и официальныхъ документовъ, принести на него жалобу въ главное управленіе по дѣламъ печати и, въ-третьихъ, ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ установленіи болѣе нормальныхъ отношеній въ дѣлѣ оглашенія въ печати отчетовъ о засѣданіяхъ земскаго собранія, а въ доказательство ненормальности существующаго въ этомъ отношеніи положенія приложить къ ходатайству какъ подлинные журналы засѣданій, такъ и отчеты о нихъ въ мѣстныхъ газетахъ.

Самыя постановленія земскихъ собраній иногда подвергаются цензурѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда, казалось бы, не могло имѣть мѣсто вмѣшательство какого бы то ни было «средостѣнія». Такъ, козельское собраніе постановило выразить всеподданнѣйшимъ адресомъ чувства по случаю отмѣны тѣлесныхъ наказаній и приняло слѣдующій текстъ адреса: «Козельское уѣздное земское собраніе счастливо, что можетъ въ первомъ своемъ очередномъ засѣданіи повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства живѣйшей радости и вѣрноподданнической благодарности за излитую съ высоты престола милость освобожденія Россіи отъ позора тѣлеснаго наказанія». Калужскій губернаторъ, по представленіи ему этого адреса, увѣдомилъ козельскаго предводителя дворянства г. Сабо, что адресъ въ такой редакціи не можетъ быть представленъ. Губернаторъ требуетъ исключенія слова «позорнаго».

Насколько затруднено изданіе въ провинціи всякаго рода книгъ, это хорошо извѣстно всякому, соприкасавшемуся съ этимъ дѣломъ. По отношенію къ земству запретительный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ 21 іюня 1901 года продолжаетъ дѣйствовать и понынѣ. Но и для частныхъ лицъ и обществъ провинціальная цензура была гораздо строже столичной. Вслѣдствіе этого издательскій комитетъ харьковскаго общества грамотности нѣкоторое время представлялъ свои изданія въ московскую цензуру; но затѣмъ послѣдняя стала передавать ихъ въ харьковскую, которая уничтожала рукописи. Издательскій комитетъ сдѣлалъ постановленіе обжаловать дѣйствія московской и харьковской цензуры. Поводомъ къ этому послужили слѣдующіе факты. Въ виду спроса на свѣдѣнія о странахъ Дальняго Востока комитетъ предложилъ одному изъ своихъ членовъ составить брошюру объ Японіи. Представленную рукопись комитетъ отправилъ въ московскую цензуру, а послѣдняя препроводила ее въ харьковскую. Харьковскій цензоръ пригласилъ автора и потребовалъ «выставить отрицательныя стороны японцевъ». Авторъ согласился на это, но когда вторично принесъ рукопись, цензоръ не удовлетворился, потому что авторомъ даны были «и объясненія отрицательныхъ сторонъ»!... Въ концѣ-концовъ онъ не только не разрѣшилъ «Японіи», но и рукопись задержалъ, ссылаясь на то, что онъ нашелъ невозможнымъ дозволить ее къ изданію изъ-за свѣдѣній объ арміи и флотѣ, хотя эти свѣдѣнія авторомъ взяты были изъ

офиціальнаго *Русскаго Инвалида* и изъ сочиненія полковника генеральнаго штаба Богуславскаго. Другой поводъ къ жалобѣ такой: издательскій комитетъ хотѣлъ переиздать сочиненіе Ожешко «Менхдемъ Гданскій». Цензура не дозволила сдѣлать это, а въ то же время двѣ фирмы (кажется Сытинъ и Клюкинъ) съ разрѣшенія цензуры издали названное сочиненіе.

Но и съ разрѣшеніемъ, напечатаніемъ и выходомъ въ свѣтъ книги или газеты не всегда еще кончаются затрудненія для ея распространенія. Нерѣдко полиція задерживаетъ продажу изданій даже безъ малѣйшаго къ тому повода. Такъ, наприм., въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, полиція почему-то запретила розничную продажу *Орловскаго Вѣстника*, хотя эта газета разрѣшена министромъ внутреннихъ дѣлъ для розничной продажи во всѣхъ городахъ россійской имперіи. Въ Вятской губерніи прошлымъ лѣтомъ полиція отбирала у подписчиковъ *Вятскую Газету*, и хотя губернаторъ призналъ такое распоряженіе незаконнымъ и предписалъ возвратить газету подписчикамъ, однако она не возвращается, весьма возможно потому, что отобранные нумера уничтожались полиціей. Курьезный случай, доказывающій, въ какія руки попадаютъ иногда дѣла о продажѣ книгъ, представляетъ происшествіе съ книгами, посланными на станцію забайкальской желѣзной дороги книгоиздателемъ Д. П. Ефимовымъ. Изъ этихъ книгъ всѣ тѣ, на которыхъ не было цензурной помѣтки о дозволеніи къ печати, т.-е. всѣ выпущенныя безъ предварительной цензуры, забайкальскимъ областнымъ правленіемъ, согластно отношенію начальника читинскаго отдѣленія забайкальскаго жандармскаго управленія сибирской желѣзной дороги, признаны были подлежащими уничтоженію. Очевидно, ни жандармскій начальникъ, ни областное правленіе не имѣли понятія о томъ, что книги могутъ издаваться безъ предварительной цензуры. Пришлось г. Ефимову добывать изъ московскаго цензурнаго комитета удостовѣреніе, что его книги не запрещены. Выданное удостовѣреніе гласитъ такъ: «канцелярія московскаго цензурнаго комитета симъ удостовѣряетъ, что поименованныя въ настоящей описи произведенія печати допущены къ свободному обращенію среди публики. Отсутствіе же на нихъ обозначенія цензурнаго дозволенія объясняется тѣмъ, что книги эти на основаніи 6-й ст. устава о цензурѣ и печати изданы въ безцензурномъ порядкѣ». Любопытно, что многія изъ этихъ «запретныхъ» книгъ принадлежали къ числу допущенныхъ въ народныя читальни и библіотеки.

Говоря о цензурныхъ стѣсненіяхъ, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что всѣ какъ цензурныя, такъ и полицейскія препятствія къ распространенію произведеній печати ложатся на низшіе слои народа и въ частности на крестьянство съ особо усиленною тяжестью сравнительно съ высшими классами. Извѣстно, что несмотря на многократныя ходатайства земскихъ собраній и просвѣтительныхъ обществъ о томъ, чтобы въ народныя библіотеки и читальни допущены были тѣ книги, которыя вообще дозволены къ свободному обращенію въ публикѣ, этого не сдѣлано, и до сихъ поръ читатели народныхъ библіотекъ должны довольствоваться

ничтожнымъ выборомъ. Такимъ образомъ большая свобода печати еще нужнѣе для народа, чѣмъ для высшихъ классовъ. То же самое можно сказать и о другихъ видахъ свободы, требованіе которыхъ особенно слышно заявлялось въ послѣднее время. Мы не говоримъ уже о свободѣ личности: какъ ни малы тѣ общія права, которыми въ этомъ отношеніи пользуется всякій россійскій обыватель, всетаки они, какъ извѣстно, неизмѣримо больше, особенно на практикѣ, чѣмъ права личности крестьянина, прямо сведенныя къ нулю. Но и стѣсненіе свободы совѣсти всего сильнѣе отражается также на крестьянствѣ и вообще народной массѣ, къ которой принадлежитъ огромное большинство такъ называемыхъ раскольниковъ и сектантовъ. Свободомысліе въ дѣлахъ вѣры и даже прямое уклоненіе отъ нея рѣдко ведетъ непріятныя послѣдствія для лицъ изъ высшихъ классовъ, тогда какъ для низшихъ оно очень часто бываетъ сопряжено съ крайне тяжелыми послѣдствіями. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что всѣ вышесказанныя требованія, громко высказываемыя въ послѣднее время либеральною частью земства и общества, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть чужды народу, и если они не высказываются имъ столь же громко, то лишь въ силу внѣшнихъ, а никакъ не внутреннихъ причинъ. Поэтому мы вполнѣ увѣрены, что они найдутъ въ народѣ сочувствіе и поддержку, когда для народной массы уяснится прямая связь между этими требованіями и ея насущными потребностями. Содѣйствовать всѣми силами уясненію этой связи, это въ настоящее время должно быть одной изъ важнѣйшихъ задачъ интеллигентнаго общества и литературы.

В. Л.

II.

40-лѣтняя годовщина Судебныхъ уставовъ.—Вопросъ народнаго просвѣщенія.— † А. Н. Пыпинъ.

40-лѣтній юбилей Судебныхъ уставовъ, исполнившійся 20 ноября, не вызвалъ въ нашемъ обществѣ никакихъ «юбилейныхъ» чувствъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Когда юбилей славнаго событія подводитъ итогъ его полезнымъ результатамъ, его развитію и вліянію на жизнь одного или нѣсколькихъ поколѣній, когда итогъ этотъ говоритъ о все возрастающей силѣ и ростѣ благородныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе юбилейнаго событія, и когда современникъ имѣетъ право надѣяться, что эти благородныя начала еще долго будутъ оживлять жизнь даже будущихъ поколѣній, то къ чувству благодарности прошлому присоединяется чувство радости за настоящее и будущее, и юбилей выходитъ торжественнымъ и радостнымъ. Но когда современнику приходится констатировать, что свѣтъ, исходившій изъ великаго акта, которому истекъ юбилейный срокъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе тускнѣлъ, что начала, положенныя въ его основаніе, не только не развивались и не росли, а наоборотъ, урѣзывались, умалялись и калѣчились и что вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе уменьшалось его благотворное вліяніе на жизнь, когда,

наконецъ, современнику приходится сознавать, что юбилейный день является, можетъ быть, кануномъ совершенной гибели и смерти дорогого дѣла,—тогда юбилей превращается въ поминки и чувство радости уступаетъ мѣсто чувству разочарованія, грусти и горькой обиды... Таковъ именно вышелъ 40-лѣтній юбилей Судебныхъ уставовъ.

Изъ живыхъ устныхъ преданій оставшихся среди насъ современниковъ сла́вной эпохи, изъ современной печати и литературы мы знаемъ, съ какимъ воодушевленіемъ была встрѣчена судебная реформа. Стоитъ только вспомнить ту неправду черную, безконечную волокиту, беззаконіе и произволъ, что царили въ дореформенныхъ судахъ, и сопоставить ихъ съ началами новаго суда, чтобы понять, какъ велики должны были быть радость и воодушевленіе общества, впервые призваннаго къ правильной гражданской жизни. Полное отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, независимость судей, состязательность, гласность, устность и публичность процесса, участіе общества въ отправленіи правосудія въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей, институтъ защиты съ организованнымъ корпоративнымъ устройствомъ,—вотъ главныя начала, положенныя въ основаніе судебной реформы. Эти начала, представлявшія надежныя гарантіи истиннаго правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ прочный фундаментъ для укрѣпленія и развитія политическихъ правъ общества, находились въ новомъ соотвѣтствіи съ началами, положенными въ основаніе другихъ крупныхъ реформъ великой освободительной эпохи. Но всѣ эти реформы являлись лишь отдѣльными частями общаго зданія, которое нуждалось въ увѣнчаніи, всѣ онѣ должны были быть объединены одной общей реформой, которая должна была дать имъ прочность, устойчивость и постоянство. Современники сознавали это, они знали, что безъ увѣнчанія зданія прекрасныя строенія, которыя они съ такимъ трудомъ воздвигли, будутъ зависѣть отъ всякихъ случайностей, отъ бурь и непогоды нашей общественной жизни. Но зданіе осталось не увѣнчаннымъ, и эта роковая историческая ошибка, за которую русскій народъ уже нѣсколько десятилѣтій расплачивается безчисленнымъ количествомъ матеріальныхъ и нравственныхъ жертвъ и страданій, послужила причиной постепеннаго искаженія всѣхъ реформъ великой эпохи, а въ томъ числѣ и судебной.

И дѣйствительно, вся 40-лѣтняя исторія Судебныхъ уставовъ—есть исторія постепеннаго, послѣдовательнаго ихъ искаженія, ограниченія и урѣзыванія. Принципъ отдѣленія власти судебной отъ административной нашелъ себѣ могилу въ реформѣ 89 г., отдавшей дѣло правосудія для огромной части населенія на произволъ и усмотрѣніе административныхъ властей. Независимо отъ этого изъяты были изъ вѣдѣнія суда дѣла политическія, также отданныя на произволъ и усмотрѣніе административныхъ властей, создавшихъ для нихъ особый внѣсудебный, безконтрольный [illegible]ный порядокъ производства. Этотъ порядокъ вмѣстѣ съ положеніемъ объ усиленной охранѣ, лишилъ населеніе тѣхъ гарантій неприкосновенности личности, какія представляли Судебные Уставы. Принципъ равноправ-

предъ судомъ былъ отмѣненъ созданіемъ особаго порядка преданія суду должностныхъ лицъ. Институтъ присяжныхъ засѣдателей постепенно искажался ограниченіемъ состава лицъ, избираемыхъ въ присяжные засѣдатели, съ одной стороны, и изъятіемъ изъ его компетенціи различнаго рода дѣлъ, съ другой стороны. Выборные мировые судьи, одинъ изъ самыхъ популярныхъ институтовъ новаго суда, заслужившій общее довѣріе и любовь населенія, почти повсемѣстно былъ отмѣненъ.

Всѣ эти мѣропріятія не только лишили судъ того политическаго значенія, которое онъ имѣлъ и которое было особенно важно для населенія, не имѣвшаго права прямого участія въ политической жизни страны, но и нанесли тяжкій ударъ самому дѣлу правосудія.

Существенный ущербъ потерпѣлъ принципъ независимости и несмѣняемости судей. Цѣлымъ рядомъ мѣръ введена была бюрократизація судебнаго вѣдомства, теперь уже мало чѣмъ отличающагося по своимъ нравамъ и пріемамъ дѣятельности отъ любого другого вѣдомства.

Наконецъ, и принципъ гласности былъ отмѣненъ съ тѣхъ поръ, какъ министръ юстиціи испросилъ себѣ право закрывать своей властью двери судебныхъ засѣданій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ это признаетъ нужнымъ. Это право ему было предоставлено вопреки мнѣнію большинства государственнаго совѣта, полагавшаго, что «предоставленіе единоличной власти министра юстиціи дѣлать распоряженія о закрытіи дверей судебныхъ засѣданій шло бы вразрѣзъ съ основными началами нашего судебнаго строя, не допускающими какого-либо вмѣшательства въ судебное производство со стороны высшей административной власти». Извѣстно, какъ часто министръ юстиціи пользовался предоставленнымъ ему правомъ. Въ послѣдніе годы при закрытыхъ дверяхъ прошли почти всѣ процессы, имѣвшіе выдающійся общественный интересъ, въ томъ числѣ всѣ процессы о фабричныхъ безпорядкахъ, политическихъ демонстраціяхъ и т. д. По поводу этого грустнаго явленія мы еще въ прошломъ году писали слѣдующее. «Столь частое нарушеніе принципа гласности, безспорно, наноситъ тяжкій ущербъ дѣлу правосудія. Гласность считалась творцами Судебныхъ уставовъ лучшей гарантіей праваго суда, и общество справедливо видѣло въ ней одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ новаго суда. Теперь эта гарантія по цѣлому ряду дѣлъ отмѣняется. Потерпѣвшимъ въ этомъ случаѣ является не только правосудіе, но и общество. Есть дѣла, которыми общество живѣйшимъ образомъ интересуется, есть дѣла, которыя имѣютъ широкій, иногда государственный интересъ, дѣла, заключающія или отражающія въ себѣ широкія общественныя явленія. По всѣмъ такимъ дѣламъ общество ждетъ съ нетерпѣніемъ суда, въ надеждѣ, что явленіе будетъ всесторонне и безпристрастно изслѣдовано и что оно получитъ возможность составить себѣ о немъ правильное мнѣніе на основаніи подвергнутаго строгой провѣркѣ матеріала,—но вотъ получается приказаніе о закрытіи дверей засѣданія, и все, что дѣлалось на судѣ, облекается строжайшей тайной. Естественно, что при такихъ условіяхъ приговоръ

суда не можетъ имѣть для общества нравственнаго авторитета, и общество составляетъ себѣ мнѣніе о томъ или другомъ явленіи не на основаніи надежнаго судебнаго матеріала, а на основаніи непровѣренныхъ слуховъ и догадокъ. Еще болѣе печально то, что результатомъ такого порядка вещей является недовѣріе къ суду и паденіе его нравственнаго авторитета».

Таковы измѣненія въ Судебныхъ уставахъ, проведенныя въ законодательномъ порядкѣ. Практика дѣла, конкретная дѣйствительность, конечно, не оказалась къ нимъ нечувствительной и отвѣчала на нихъ дальнѣйшимъ усиленіемъ духа бюрократизма и формализма. Исчезъ типъ стараго независимаго судьи и на его мѣсто водворился судья-чиновникъ, судья-карьеристъ. Особенно сильно сказались новыя вѣянья въ области уголовнаго суда, въ средѣ слѣдовательскаго и прокурорскаго состава. Цѣлый рядъ громкихъ процессовъ,—Тальмы, Скитскихъ, Золотовой и друг.—обнаружилъ вопіющіе недостатки слѣдственнаго производства и наличность такихъ судебныхъ слѣдователей (или, вѣрнѣе, исполняющихъ должность судебнаго слѣдователя), что страшно становилось при мысли, въ чьи руки отдается жизнь, судьба и честь нашихъ согражданъ. Другой рядъ процессовъ, въ которыхъ фигурировали въ качествѣ подсудимыхъ или отвѣтчиковъ должностныя лица, какъ, наприм., дѣла по обвиненію кронштадтскаго полицеймейстера Шафрова или по искамъ, предъявленнымъ къ бывшему кишиневскому губернатору фонъ-Раабену и друг., доказали обществу, до какой степени правосудіе находится у насъ подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній, ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, и какъ вѣрна до сихъ поръ старинная русская поговорка: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся». Изъ процесса Шафрова видно было, что если правосудію и удается формально восторжествовать въ такихъ случаяхъ, то на дѣлѣ все же оно оказывается побѣжденнымъ. Наконецъ, процессъ бюрократизаціи, проникавшій судебное вѣдомство, не могъ не отразиться и на положеніи адвокатуры, которая вмѣсто дальнѣйшаго развитія не разъ встрѣчалась за это время съ опасностью умаленія и ограниченія ея правъ.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія пройденнаго сорокалѣтія. Итогъ его мы находимъ въ новыхъ проектахъ Судебныхъ Уставовъ, выработанныхъ коммиссіей Н. В. Муравьева и находящихся на разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Въ свое время мы останавливались подробно на этихъ проектахъ. Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ окончательно уничтожить въ Судебныхъ Уставахъ все, что находится въ противорѣчіи съ тѣмъ направленіемъ нашей государственной жизни, которое восторжествовало за послѣднія десятилѣтія, иначе говоря, въ уничтоженіи Судебныхъ Уставовъ. Смыслъ проектируемой реформы объяснилъ самъ Н. В. Муравьевъ, сказавъ, что «судъ долженъ быть прежде всего вѣрнымъ и вѣрноподданнымъ проводникомъ и исполнителемъ самодержавной воли монарха, всегда направленной къ охраненію закона и правосудія. Съ другой

стороны, судъ, какъ одинъ изъ органовъ правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами во всѣхъ законныхъ ихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ. На семъ основаніи онъ обязанъ оберегать не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства, и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства».

Какъ ни печальны итоги сорокалѣтней исторіи Судебныхъ Уставовъ, юбилей ихъ застаетъ насъ въ знаменательный моментъ, когда все русское общество питаетъ горячія надежды на близкое, можетъ быть, осуществленіе своихъ завѣтныхъ желаній коренныхъ измѣненій нашей государственной и общественной жизни. Въ этотъ моментъ мы подводимъ печальные итоги не только исторіи судебныхъ уставовъ, но и исторіи другихъ великихъ реформъ освободительной эпохи и вообще всей нашей жизни за послѣднія десятилѣтія, но въ этотъ же моментъ мы всѣ проникнуты со знаніемъ, что для выхода изъ критическаго положенія, въ которомъ мы очутились, необходимы широкія государственныя реформы или, вѣрнѣе, одна коренная реформа, какъ выразился одинъ публицистъ, и воодушевлены надеждой на близость этой реформы. Эта реформа должна спасти отъ гибели Судебные Уставы, какъ и другія реформы освободительной эпохи и положить начало новому свободному развитію нашей родины. Сознаніе это ярко сказалось и въ юбилейномъ чествованіи Судебныхъ Уставовъ, которое прошло далеко не заурядно.

Въ прошломъ обозрѣніи мы коснулись путешествія министра народнаго просвѣщенія и фактовъ, связанныхъ съ этимъ путешествіемъ. Въ настоящее время въ газетахъ появились сообщенія о новыхъ фактахъ, имѣющихъ общественное значеніе. При посѣщеніи Кіева уполномоченные отъ профессоровъ университета св. Владиміра подали министру слѣдующее ходатайство за подписью 65 профессоровъ.

«Пользуясь пребываніемъ вашего высокопревосходительства въ Кіевѣ, беремъ на себя смѣлость повторить наше ходатайство о возобновленіи кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Подробная записка по сему предмету съ разработаннымъ проектомъ положенія о высшихъ женскихъ курсахъ и учебными планами, представленная нами въ апрѣлѣ 1903 года, по разсмотрѣніи ея въ учебномъ комитетѣ одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія, но затѣмъ дѣло о возобновленіи курсовъ не получило окончательнаго рѣшенія, и Кіевъ по настоящее время остается лишеннымъ этого учрежденія. Между тѣмъ потребность въ немъ для Кіева, составляющаго центръ обширнаго учебнаго округа, все возрастаетъ. Ежегодно изъ сотенъ молодыхъ дѣвицъ, оканчивающихъ среднія учебныя заведенія, многія желали бы получить высшее образованіе, столь необходимое въ настоящее время, но лишены возможности сдѣлать это, такъ какъ полученіе такого образованія для дѣвицъ г. Кіева и губерній кіевскаго учебнаго округа сопряжено съ огромными затрудненіями. Чтобы достигнуть своей цѣли, онѣ

должны отправляться въ Петербургъ, Москву или въ одинъ изъ заграничныхъ университетскихъ центровъ. Безъ сомнѣнія, подобный путь, помимо того, что онъ требуетъ значительныхъ денежныхъ затратъ, вообще мало желателенъ, такъ какъ дѣвицы отрываются отъ семьи и часто попадаютъ въ весьма неблагопріятныя условія, при которыхъ онѣ должны проходить курсъ высшаго образованія. И, кромѣ того, высшіе женскіе курсы Петербурга и Москвы до такой степени переполнены слушательницами, что ежегодно многія сотни желающихъ туда поступить получаютъ отказъ. Возобновленіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что они не были закрыты окончательно. На основаніи циркуляра министра народнаго просвѣщенія, въ 1886 г. лишь временно прекращенъ былъ пріемъ слушательницъ на женскіе курсы: къ сожалѣнію, въ теченіе цѣлыхъ 18-ти лѣтъ пріемъ не возобновляется. Вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ не представляетъ затрудненій и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ уже одна плата за слушаніе лекцій была бы достаточною для покрытія текущихъ расходовъ по курсамъ, но, кромѣ того, какъ подробно выяснено въ нашей запискѣ, въ настоящее время въ распоряженіи высшихъ женскихъ курсовъ въ случаѣ ихъ возобновленія находилось бы болѣе 35,000 р. наличными деньгами и усадьба съ домами въ центральной мѣстности Кіева, стоящая около 70,000 руб. На основаніи вышеизложеннаго имѣемъ честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство: 1) разрѣшить вновь временно прекращенный пріемъ слушательницъ на высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ, и 2) утвердить положеніе о высшихъ женскихъ курсахъ, проектъ котораго находится въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія».

Такое же прошеніе было подано министру отъ имени кіевскихъ женщинъ. Несмотря на основательность доводовъ, приведенныхъ въ ходатайствахъ, министръ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, не подалъ никакой надежды на возобновленіе курсовъ. То же самое произошло въ Юрьевѣ, Харьковѣ и Москвѣ. Министръ откровенно заявилъ на всѣ ходатайства, что высшіе женскіе курсы не пользуются сочувствіемъ министерства. Въ Харьковѣ онъ рекомендовалъ, вмѣсто высшихъ женскихъ курсовъ, отрыть при одной изъ гимназій курсы для подготовки учительницъ.

Такое отношеніе министерства народнаго просвѣщенія въ высшему женскому образованію тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что лишь недавно это отношеніе было совсѣмъ другое и остается неизвѣстнымъ, что именно вызвало измѣненіе во взглядахъ министерства по этому вопросу. Можно лишь догадываться, что на такое измѣненіе оказали вліяніе безпорядки, которые происходили въ послѣднее время на петербургскихъ курсахъ. Если это и такъ, то во всякомъ случаѣ такая точка зрѣнія на дѣло совершенно неправильна. Безпорядки происходятъ и въ университетахъ, но никто, даже самые закоренѣлые мракобѣсы и реакціонеры, не дѣлаютъ отсюда вывода о необходимости закрыть университеты. Тотъ фактъ, что въ университетахъ время отъ времени происходятъ безпорядки, указываетъ лишь

крупные недостатки въ постановкѣ дѣла и на необходимость его реорганизаціи. Отказать тысячамъ дѣвушекъ и молодымъ женщинамъ въ правѣ на образованіе, котораго онѣ жаждутъ и которое онѣ потомъ съ такимъ умѣньемъ и пользой прилагаютъ въ жизни, только потому, что на нѣкоторыхъ курсахъ происходили безпорядки, вызванные причинами, ничего общаго съ высшимъ женскимъ образованіемъ не имѣющими—явно несправедливо. Еще печальнѣе то, что, казалось, это былъ уже вопросъ рѣшеный, по которому разъ навсегда была установлена принципіальная точка зрѣнія, а между тѣмъ здѣсь снова возникаютъ неожиданности въ зависимости отъ личнаго усмотрѣнія.

Вообще сопоставляя положеніе, занятое нынѣшнимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ вопросамъ внутренней политики съ положеніемъ, которое занимаетъ министерство народнаго просвѣщенія по отношенію къ вопросамъ, входящимъ въ кругъ его вѣдомства, нельзя не замѣтить, что въ то время какъ первое министерство становится на новый путь довѣрія, который долженъ привести къ обновленію государственнаго и общественнаго строя, второе остается на прежнемъ пути формализма и недовѣрія къ обществу, къ школѣ, къ самому дѣлу просвѣщенія, наконецъ. Правда, при вступленіи въ должность новый министръ народнаго просвѣщенія говорилъ о довѣріи, но о довѣріи общества къ администраціи, это довѣріе невозможно безъ обратнаго довѣрія учебной администраціи къ обществу, школѣ и просвѣщенію. Послѣдняго же мы и не видимъ. Всѣмъ извѣстно, какія препятствія встрѣчаютъ со стороны министерства всѣ земскія начинанія въ области народнаго просвѣщенія. Дѣятельность министерства въ этомъ направленіи такова, что можно думать, оно видитъ свою задачу именно въ созиданіи преградъ для народнаго просвѣщенія, а не въ содѣйствіи ему. Враги народной школы любятъ ссылаться на то, что она мало даетъ населенію. Но что же въ этомъ удивительнаго, когда программа ея недостаточна, когда выборъ учениковъ ограниченъ, когда положеніе учителя жалко и безправно, когда всякое мѣропріятіе земства, направленное къ улучшенію дѣла, какъ, напримѣръ, устройство учительскихъ библіотекъ, общеобразовательныхъ курсовъ и т. п., встрѣчаетъ систематическія препятствія? Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, можно сказать, изо дня въ день у насъ пишутъ о жалкомъ, и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи, положеніи народнаго учителя, но дѣло отъ этого до сихъ поръ не подвинулось ни на шагъ, и жизнь каждый день подноситъ новые факты, иллюстрирующіе это положеніе. Постоянно приходится читать, что въ томъ или иномъ земствѣ не могли состояться общеобразовательные курсы для учителей вслѣдствіе разныхъ препятствій, созданныхъ учебнымъ начальствомъ, то народные учителя увольняются вслѣдствіе ложныхъ доносовъ и т. д. Недавно, наприм., А. А. Стаховичъ сообщилъ въ *Русск. Вѣд.*, что елецкій инспекторъ народныхъ училищъ запретилъ учителямъ и учительницамъ принимать какое бы то ни было участіе въ засѣданіяхъ школьной коммиссіи елецкаго зем-

ства, куда они были приглашены управой. По этому поводу г. Стаховичъ справедливо говоритъ, что «подозрѣнія, недовѣріе, постоянное стремленіе унизить, показать учащему народной школы, что онъ — парія, безгласная пѣшка, что онъ не смѣетъ имѣть собственнаго мнѣнія—составляетъ основную черту отношенія къ учителю со стороны его же ближайшаго начальства».

Еще больше препятствій и недовѣрія встрѣчаетъ частная инициатива въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Простое устройство народныхъ чтеній сопровождается множествомъ самыхъ стѣснительныхъ условій. То же самое относится къ общеобразовательнымъ лекціямъ и курсамъ. Въ народныя библіотеки и читальни, устраиваемыя частными обществами, книги допускаются въ чрезвычайно ограниченномъ выборѣ. Самое открытіе такихъ библіотекъ и читаленъ обставлено огромными затрудненіями. Наконецъ, нѣсколько обществъ, отличавшихся особенно энергичной дѣятельностью въ дѣлѣ содѣйствія народному просвѣщенію, какъ, напр., московскій и петербургскій комитеты грамотности, были закрыты.

Таково было недавнее прошлое. И мы, къ сожалѣнію, не видимъ признаковъ, которые указывали бы на измѣненіе существующаго порядка вещей. Наоборотъ, послѣдній мѣсяцъ принесъ намъ цѣлый рядъ вѣстей, указывающихъ на то, что система недовѣрія въ области народнаго просвѣщенія находится еще въ полной силѣ.

Вотъ, наприм., переписка, возникшая между симферопольскимъ учительскимъ обществомъ и попечителемъ одесскаго учебнаго округа.

По постановленію общаго собранія правленіе Общества возбудило ходатайства: 1) объ измѣненіи порядка разрѣшенія публичныхъ лекцій; 2) о пополненіи § 1-го устава Общества разрѣшеніемъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ званіе учителя, вступать въ дѣйствительные члены Общества безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія, и 3) о дополненіи § 24-го устава разрѣшеніемъ Обществу оказывать своимъ членамъ юридическую помощь. На эти ходатайства попечитель учебнаго округа предложилъ директору народныхъ училищъ сообщить правленію: 1) что онъ, попечитель округа, «не признаетъ возможнымъ поддержать ходатайства Общества, какъ противорѣчащія существующимъ законоположеніямъ»; 2) обратить вниманіе Общества на неподлежащіе его компетенціи ходатайства и доклады; 3) предложить ему вообще воздержаться отъ какихъ бы то ни было ходатайствъ, касающихся измѣненія самаго устава Общества, впредь до выясненія результатовъ пересмотра нормальнаго устава подобныхъ Обществъ. Попечитель округа находитъ, чтъ «съ измѣненіемъ § 1-го Общество безъ нужды должно будетъ уклониться отъ первоначальной цѣли и, кромѣ того, пріобрѣтетъ много такихъ дѣйствительныхъ членовъ, которыхъ нежелательно имѣть даже въ числѣ членовъ-соревнователей». Признавая желательнымъ привлеченіе въ Общество учителей среднихъ учебныхъ заведеній, которые, какъ «благонадежный элементъ», «могли бы составить противовѣсъ тѣмъ членамъ-соревнователямъ, которые пристаютъ къ учительскимъ Обществамъ

только затѣмъ, чтобы проводить среди учителей свои идеи, не имѣющія ничего общаго съ истинными задачами и цѣлями дѣятельности народныхъ учителей», попечитель, однако, полагаетъ, что «правленіе Общества съ измѣненіемъ устава не привлечетъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, но зато будетъ благодѣтельствовать огромному числу неблагонадежныхъ личностей съ учительскимъ званіемъ».

Что касается вопроса объ организаціи юридической помощи учащимъ, то попечитель нашелъ ее нежелательной, такъ какъ общество станетъ тогда вмѣшиваться не въ свои дѣла и будетъ только способствовать развитію среди учителей сутяжничества.

На это отношеніе правленіе общества въ лицѣ своего предсѣдателя кн. Оболенскаго извѣстило, что возбуждая ходатайство, Общество не считало его противозаконнымъ, и если попечитель округа держится иного взгляда, то «правленію чрезвычайно существенно было бы знать, какимъ именно законоположеніямъ противорѣчитъ означенное ходатайство». Точно также правленіе нуждается въ разъясненіи, какіе именно доклады и ходатайства попечитель признаетъ неподлежащими компетенціи Общества и на какихъ основаніяхъ. Что же касается предположенія попечителя, что «Общество, организовавъ юридическую помощь, будетъ только содѣйствовать развитію среди учителей сутяжничества, то уваженіе къ учрежденію, котораго я имѣю честь состоять предсѣдателемъ,—говоритъ кн. Оболенскій,—лишаетъ меня возможности отвѣчать на подобныя обвиненія». Въ заключеніе кн. Оболенскій выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что правленію Общества приходится получать отъ представителей вѣдомства народнаго просвѣщенія бумаги, для Общества оскорбительныя и составленныя въ тонѣ, совершенно не обычномъ въ офиціальной перепискѣ». Трудно, конечно, въ этой перепискѣ усмотрѣть проявленіе довѣрія со стороны учебной администраціи къ обществу и въ частности къ ея же непосредственнымъ подчиненнымъ.

А вотъ результатъ другого скромнаго и вполнѣ законнаго начинанія. Три года тому назадъ въ Орлѣ задумали учредить общество взаимопомощи народнымъ учителямъ и учительницамъ. Казалось бы, что̀ кромѣ поощренія со стороны учебнаго начальства должно было встрѣтить подобное начинаніе? Между тѣмъ уставъ общества, выработанный примѣнительно къ нормальному уставу такихъ обществъ, уже дважды представлялся министерству и два раза возвращался обратно съ требованіемъ разныхъ измѣненій и дополненій». Теперь докладъ объ обществѣ снова вносится въ губерское земское собраніе. Такъ какъ измѣненія, предложенныя министерствомъ, крайне стѣснительны и будутъ мѣшать дѣлу, то весьма возможно, что начинаніе орловскихъ учителей, подобно многимъ другимъ такимъ начинаніямъ, безслѣдно погибнетъ.

Изъ другихъ фактовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, укажемъ на стѣсненія, которымъ подвергаются частныя учебныя заведенія въ западномъ краѣ въ отношеніи выбора учителей. Въ настоящемъ году около

40 учителей поляковъ, преподающихъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ уже много лѣтъ исторію и географію, были предупреждены, что имъ разрѣшено преподавать эти предметы лишь временно и что разрѣшеніе можетъ быть взято обратно во всякое время. Содержательницамъ частныхъ земскихъ заведеній усиленно рекомендуютъ въ завѣдующіе русскихъ учителей, а такъ какъ тѣ упорно отказываются, то, должно быть, для вразумленія начальство стало закрывать параллельные классы въ женскихъ училищахъ, вслѣдствіе чего много дѣтей должны были оставить училища.

Мы не станемъ приводить еще фактовъ, иллюстрирующихъ наши положенія. Да и нужны ли они? Намъ кажется, что приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія старая бюрократическая система недовѣрія къ обществу, къ школѣ и къ просвѣщенію вообще остается въ полной силѣ. А пока это такъ, рано говорить о довѣріи общества къ учебной администраціи.

А. С.

Умеръ Александръ Николаевичъ Пыпинъ... Глубокою скорбью отзовется эта вѣсть у всѣхъ, кому дороги интересы русской науки и литературы.

Человѣкъ изумительнаго трудолюбія и исключительной эрудиціи, онъ болѣе 50 лѣтъ неустанно, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, занимался учено-литературною дѣятельностью и написалъ столько книгъ и статей, что одинъ перечень ихъ составляетъ цѣлую книгу. До глубокой старости (А. Н. скончался 71 года, 26 ноября) сохранилъ онъ энергію и свѣжесть мысли, полную работоспособность, глубокій интересъ ко всѣмъ новымъ явленіямъ нашей науки, литературы и общественности.

Двоюродный братъ и ближайшій другъ Чернышевскаго, онъ всю жизнь оставался типичнымъ шестидесятникомъ, убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ проводникомъ лучшихъ идей «эпохи великихъ реформъ». Въ своихъ работахъ, всегда богатыхъ свѣжимъ фактическимъ содержаніемъ, проникнутыхъ ярко выраженнымъ общественнымъ настроеніемъ, онъ давалъ рѣдкое соединеніе чисто бенедиктинской эрудиціи, благородной простоты и изящества изложенія, за которымъ всегда чувствовалось широкое и свободное, гуманное, въ полномъ смыслѣ этого слова, міросозерцаніе автора.

Неумолимый врагъ «официальной народности», Николаевскаго режима съ его внѣшнимъ блескомъ и внутреннею гнилью, онъ съ особенною любовью останавливался на трагической судьбѣ—не многочисленныхъ—тогда борцовъ противъ нихъ. Такова обширная, до сихъ поръ еще сохранившая все свое значеніе книга о Бѣлинскомъ, впервые съ необыкновенною яркостью воскресившая трагическую борьбу великаго критика съ «гнусною рассейскою дѣйствительностью»; таково его прекрасное изслѣдованіе «Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I», въ которомъ впервые со всѣми подробностями и съ нескрываемой симпатіей было изображено движеніе декабристовъ; такова, наконецъ, его книга о Щедринѣ

нѣ, смѣло огласившая многіе слишкомъ даже выразительные факты его борьбы съ нашей бюрократіей и цензурой.

Онъ умеръ за книгой о Некрасовѣ, которая должна была реабилитировать его память, какъ журналиста, и дать правдивую картину реакціонныхъ увлеченій и цензурныхъ неистовствъ 60 и 70-ыхъ годовъ.

Сложившись въ пору романтическихъ увлеченій стариною и народностью, онъ много сдѣлалъ для разработки и той и другой. Его диссертація, которую до сихъ поръ высоко цѣнятъ спеціалисты, посвящена повѣстямъ и сказкамъ русскимъ; онъ далъ цѣлый рядъ научныхъ, критически установленныхъ ихъ текстовъ и сводъ всѣхъ библіографическихъ и историко-литературныхъ данныхъ о нихъ; издалъ прекрасно комментированныя собранія сочиненій Лукина, Екатерины II; ему принадлежитъ 4-хтомная «Исторія русской этнографіи», въ которой сведены результаты нашихъ народоизученій за два вѣка, и внимательно прослѣженъ процессъ демократизаціи нашей литературы; имъ вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ составлена единственная въ своемъ родѣ «Исторія славянскихъ литературъ». Любовное изученіе историческихъ судебъ нашего народа и славянства никогда не получало у него ни народнической, ни славянофильской окраски, никогда не впадало въ тенденціозность и идеализацію.

Въ «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній» и «Исторіи литературы» изученіе литературнаго матеріала впервые сведено съ почвы исключительно эстетической или библіографической (преобладающія направленія нашей критики 50-ыхъ годовъ, когда выступилъ на литературное поприще А. Н.) на почву историко-литературную, въ полномъ смыслѣ этого слова, и общественную. Это—прежде всего и больше всего исторія нашихъ идейныхъ теченій и общественныхъ направленій отъ первыхъ вѣковъ нашей письменности до послѣдняго времени. «Исторія русской литературы»—первая попытка научной исторіи нашей литературы, которая ввела въ общій обиходъ всѣ лучшіе результаты предшествующихъ спеціальныхъ изученій и намѣтила путь для изученій дальнѣйшихъ.

Среди своихъ многочисленныхъ, тянувшихся непрерывною вереницею работъ А. Н. находилъ время для внимательнаго редактированія историко-литературнаго отдѣла «Вѣстника Европы» и академическихъ «Извѣстій». Требовательный къ себѣ, онъ требовалъ серьезности и добросовѣстности работы и отъ другихъ.

«Вѣчный работникъ», онъ умѣлъ будить энергію и вѣру въ свои силы во всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье попасть въ сферу притяженія его кристально-чистой, обаятельной нравственной личности...

Невознаградимая утрата!

В. К.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Многострадальный Портъ-Артуръ попрежнему геройски защищается, но японцы жертвуютъ десятками тысячъ людей и нѣтъ той крѣпости, которую нельзя было бы взять, а Портъ-Артуръ окруженъ и съ суши, и съ моря...

На помощь ему идетъ вторая тихо-океанская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Рождественскаго. Дойдетъ ли она вò-время? Достаточно ли она сильна? На послѣдній вопросъ отрицательный отвѣтъ въ рядѣ прекрасныхъ статей въ *Новомъ Времени* даетъ капитанъ 2-го ранга Кладо. Его подвергли дисциплинарному наказанію «за искаженіе фактовъ»; но общество не видитъ, какіе факты и какъ искажены этимъ искреннимъ, мужественнымъ и свѣдущимъ морякомъ. Онъ со всѣхъ сторонъ получаетъ выраженія глубокаго уваженія и сочувствія. Поступаютъ пожертвованія на учрежденіе въ морскомъ корпусѣ стипендіи его имени.

Въ *Руси* было напечатано слѣдующее письмо Н. Л. Кладо: «Въ виду того, что въ приказѣ по морскому вѣдомству изложены и мотивы, повлекшіе наложеніе на меня дисциплинарнаго взысканія, и приказъ этотъ объявленъ для всеобщаго свѣдѣнія во всѣхъ газетахъ, не откажите помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ и мой рапортъ, поданный мною въ главный морской штабъ 27 ноября. Вотъ этотъ рапортъ:

«Въ главный морской штабъ начальнику военно-морского отдѣла штаба командующаго флотомъ въ Тихомъ океанѣ капитана 2-го ранга Кладо.

Рапортъ.

«Въ приказѣ по морскому вѣдомству отъ 26 ноября за № 238 объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что я совершилъ крупный дисциплинарный проступокъ, напечатавъ рядъ статей, въ которыхъ усмотрѣны дерзкія обвиненія морского вѣдомства. За таковой проступокъ я подвергнутъ дисциплинарному взысканію—аресту съ содержаніемъ на гауптвахтѣ въ продолженіе 15 сутокъ.

«Къ сожалѣнію, въ опредѣленіи существа моего дисциплинарнаго проступка помѣщены слова: «искажая при этомъ факты».

«Это есть прямое обвиненіе меня во лжи, а такъ какъ по моему служебному положенію я нахожусь въ курсѣ дѣла по тѣмъ вопросамъ,

которымъ я писалъ, то, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи объ ошибкахъ съ моей стороны, и обвиненіе, ко мнѣ предъявленное, обращается еще въ обвиненіе не просто во лжи, а во лжи преднамѣренной, которое еще усугубляется тѣмъ тяжелымъ временемъ, которое теперь переживаетъ Россія.

«Только въ этомъ послѣднемъ обвиненіи и заключается, лично для меня, вся тяжесть наложеннаго на меня дисциплинарнаго взысканія. Но такое взысканіе совершенно выходитъ изъ рамокъ, указанныхъ дѣйствующимъ уставомъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, точный списокъ которыхъ имѣется въ этомъ уставѣ.

«Наложенное на меня взысканіе не можетъ быть приравнено къ выговору въ приказѣ, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ не выговоръ, а тяжкое обвиненіе, порочащее мою честь—не только какъ штабъ-офицера, находящагося на службѣ болѣе 25 лѣтъ, но просто какъ человѣка, и это я считаю еще болѣе важнымъ.

«Ничего подобнаго не было указано въ выговорѣ, объявленномъ этимъ лѣтомъ по морскому вѣдомству,—единственномъ, который я видѣлъ за всю мою службу,—моему коллегѣ, профессору Николаевской морской академіи подполковнику Крылову, за проступокъ, аналогичный съ моимъ.

«Такія тяжкія обвиненія могутъ возбуждаться только судебнымъ порядкомъ, а потому прошу о преданіи меня военно-морскому суду, который, ставя меня въ равныя условія съ обвиненіемъ, можетъ выяснить не только, насколько мои обвиненія, каковыя угодно было усмотрѣть въ моихъ статьяхъ, дерзки, но также насколько то, что я пишу, правильно и соотвѣтствуетъ принятой мною присягѣ о вѣрности и честной службѣ Царю и отечеству, а также насколько обосновано обвиненіе меня въ преднамѣренномъ искаженіи фактовъ.

Капитанъ 2-го ранга *Кладо*».

Какой-то г. Твердо, прикрываясь псевдонимомъ, старается обѣлить наши административно-морскіе порядки, но его объясненія производятъ жалкое впечатлѣніе. А вѣдь дѣло идетъ о сотняхъ тысячъ нашихъ братьевъ, о милліардныхъ расходахъ... Свѣта, полнаго свѣта!

«Внимая ужасамъ войны», мы неустанно будемъ говорить о благахъ мира. Напомнимъ, что въ день открытія въ Москвѣ памятника Императору Александру II, 16 августа 1898 г., въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилась нота, которую, по Высочайшему повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ всѣмъ пребывающимъ въ Петербургѣ иностраннымъ представителямъ. Этотъ историческій актъ заслуживаетъ того, чтобы его возобновить въ памяти русскаго образованнаго общества.

Нота гласитъ: «Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.

«Взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго моего Государя.

«Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннымъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и прежде всего положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

«Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира поставлено было цѣлью международной политики. Во имя мира, великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни передъ какими жертвами.

«Однако, усилія эти не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

«Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

«Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

«Очевиднымъ поэтому представляется, что если бы такое положеніе продлжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и передъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.

«Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія,—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

«Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители которыхъ аккредитованы при Высочайшемъ дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

«Съ Божьей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ».

Идея мира и третейскаго суда послѣ Гаагской конференціи получила широкое распространеніе и достигла уже не маловажныхъ практическихъ результатовъ. Какъ мы своевременно отмѣчали, между европейскими государствами заключено нѣсколько договоровъ о третейскомъ судѣ. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, одержавшій побѣду на выборахъ, предлагаетъ созвать вторую мирную международную конференцію. Въ Парижѣ собирались депутаты шведскаго, норвежскаго и датскаго парламента, которыхъ горячо чествовали въ столицѣ французской республики. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* пишетъ *): «Важность, необходимость возникающихъ у насъ на глазахъ международныхъ соглашеній и сердечныхъ сближеній и въ частности важность соглашенія франко-скандинавскаго не только признавали въ произнесенныхъ за эти дни рѣчахъ, но и горячо доказывали Бертель, Анатоль Леруа-Болье, Маръ, Леонъ Буржуа, настаивавшій между прочимъ на появленіи общеевропейскаго общественнаго мнѣнія и общечеловѣческой совѣсти, которая, по его мнѣнію, черпаетъ свои внушенія въ основныхъ принципахъ права и нравственности и потому отличается большой силой и необыкновеннымъ постоянствомъ, и многіе другіе. Д'Эстурнель де-Констанъ въ отвѣтъ скептикамъ и пессимистамъ указываетъ на значительные успѣхи, сдѣланные идеей мира и международнаго арбитража за послѣднее время. Гаагскій международный трибуналъ недавно еще считался учрежденіемъ мертворожденнымъ, а договоры о рѣшеніи международныхъ столкновеній третейскимъ судомъ—лишенными всякаго значенія. Но въ настоящее время эти договоры, именно въ силу ихъ несомнѣнной и общепризнанной важности, растутъ и множатся очень быстро. Данія при помощи договора объ обязательномъ арбитражѣ сближается съ Голландіей; Чили заключаетъ договоръ съ Аргентинской республикой объ общемъ разоруженіи; Англія и Россія избѣгли ужасной войны благодаря только тому, что въ 1899 году была учреждена международная слѣдственная комиссія; Франція вступаетъ въ соглашеніе съ Англіей, Италіей и Испаніей и т. д. Скептики,—продолжаетъ д'Эстурнель де-Констанъ,—указываютъ на русско-японскую войну. Но они не замѣчаютъ, что ужасы этой войны даютъ сторонникамъ мира самые неотразимые аргументы противъ нея и придаютъ ихъ воззваніямъ необыкновенный интересъ и значеніе. Скептики не видятъ, что именно теперешняя война раскрыла всѣмъ глаза на варварство и безсмысленность войны и застав-

*) *Русскія Вѣдомости*, № 333.

ляетъ цивилизованный міръ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, ищатъ спасенія отъ нихъ въ организаціи постоянныхъ международныхъ судовъ. Швеція, Норвегія и Данія,—замѣчаетъ съ своей стороны Брандесъ,—тоже когда-то враждовали между собой; но въ одинъ прекрасный день онѣ поняли возмутительность этой вражды и разъ навсегда положили ей конецъ. Брандесъ допускаетъ возможность сближенія въ близкомъ будущемъ и между Германіей и Франціей; онъ не видитъ ничего утопическаго даже въ стремленіи къ образованію при помощи международныхъ договоровъ своего рода Соединенныхъ Штатовъ Европы».

Скандинавскіе депутаты и министры были приняты въ Елисейскомъ дворцѣ президентомъ французской республики. Въ отвѣтъ на привѣтственныя рѣчи Эмиль Лубе сказалъ слѣдующее: «Я очень тронутъ произнесенными вами словами. Первая телеграмма, которую вы послали, вступивъ на французскую почву, была назначена президенту республики. Я былъ ею взволнованъ, потому что она была первымъ обнаруженіемъ той симпатіи, блестящимъ свидѣтельствомъ которой является ваше присутствіе здѣсь. Я очень польщенъ вашимъ первымъ офиціальнымъ посѣщеніемъ».

Лубе напомнилъ о своей поѣздкѣ въ Данію (по дорогѣ изъ Петербурга), сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ по адресу Швеціи и Норвегіи и выразилъ увѣренность, что посѣщеніе скандинавскихъ парламентскихъ дѣятелей послужитъ дѣлу свободы, мира и третейскаго суда (*Le Figaro*, 21 novembre).

Скандинавы отозвались на призывъ французской парламентской группы международнаго третейскаго суда.

Интересно письмо, которое напечатано въ *Хроникѣ третейскаго суда и мира*, ведущейся въ парижскомъ, недавно основанномъ еженедѣльномъ журналѣ *Le Courrier Européen* *), и авторомъ котораго является президентъ ломбардской ассоціаціи мира, Эрнестъ Теодоръ Монета.

Монета протестуетъ противъ притѣсненій, которымъ подвергаются итальянцы въ Австріи. «Но,—говоритъ онъ,—кричать: *долой Австрію*, когда нельзя поднимать противъ нея войны,—это признакъ нелѣпости ума и недостатка гордости души. Человѣкъ, себя уважающій, чувствующій уваженіе къ достоинству своей страны, не долженъ никогда произносить словъ, которымъ не могутъ соотвѣтствовать его дѣйствія».

Монета взываетъ къ разоруженію, къ всеобщему миру. Милліарды, которые теперь идутъ на убійственныя цѣли, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ перевоспитали бы человѣчество, и вотъ, подъ стоны умирающихъ и раненыхъ, подъ ужасающій грохотъ пушекъ и ружейную пальбу, подъ лязгъ штыковъ и шашекъ, у насъ крѣпнетъ убѣжденіе, что войнамъ приходитъ конецъ.

---

*) Почетными членами комитета редакціи состоятъ Бьернстерне-Бьерисонъ, Новиковъ, Сальмеронъ, Сеайль, Синьобосъ.

Въ наступающемъ году исполняется сорокалѣтіе царствованія румынскаго короля Карла Гогенцоллерна.

Еще въ 1846 г. вожди молодой Румыніи, Иванъ и Дмитрій Братіано и Россети подписали вмѣстѣ съ Мишле, Луи Блапомъ, Ледрю-Ролленомъ, Герценомъ, Кошутомъ, Мадзини и Гарибальди воззваніе къ европейскимъ народамъ, протестуя противъ ужасовъ олигархическаго произвола въ Румыніи. Князь Куза былъ низложенъ и на престолъ призванъ принцъ Карлъ гогенцоллернскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ вступила въ силу новая государственная хартія.

Вотъ ея основанія. «Всякая государственная власть, хартія румынскаго народа, исходитъ отъ націи, которая властвуетъ (exercità) чрезъ посредство своихъ делегатовъ на основаніи принциповъ, легшихъ въ основу конституціи.

«Національное представительство раздѣляется на двѣ камеры—сенатъ и палату депутатовъ.

«Каждый гражданинъ имѣетъ право голоса, кромѣ слугъ, содержателей публичныхъ домовъ и картежныхъ притоновъ.

«Новый законъ долженъ быть прежде представленъ на обсужденіе представителей народныхъ, и только по принятію его можетъ быть утвержденъ королемъ. Иниціатива новаго закона принадлежитъ равно правительству и народнымъ представителямъ.

«Исполнительная власть принадлежитъ королю чрезъ посредство его министровъ. Король только царствуетъ, министры управляютъ отъ его имени. Король неотвѣтственепъ, министры отвѣтственны передъ націей и подсудны высшему кассаціонному суду».

Относительно гражданскихъ правъ народа конституціонная хартія гласитъ:

«Румыны пользуются полной свободой совѣсти, свободой преподаванія и обученія, свободой печати и свободой сходокъ ассоціацій.

«Всѣ классовыя раздѣленія среди гражданъ уничтожаются, и всѣ румыны становятся равными передъ закономъ, пользуясь одинаковыми правами и имѣя одинаковыя обязанности по отношенію къ государству.

Всякія привилегіи классовыя будучи уничтожены навсегда въ Румыніи, дворянскіе (de nobletia) титулы, какъ-то: князь, графъ, баронъ и т. п. болѣе не существуютъ, какъ противные духу и прошедшему народа румынскаго.

«Свобода личности гарантируется конституціей. Никто не можетъ быть лишенъ свободы, безъ ясной вины, наказуемой закономъ. Лишеніе свободы не можетъ быть совершено безъ представленія арестованному мотивированнаго судейскаго приказа (mandat)».

«Жилище гражданина неприкосновенно (neviolabil). Посѣщеніе такового полицейской властью совершается лишь съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и лишь въ присутствіи прокурора. Въ про-

тивномъ случаѣ гражданинъ имѣетъ право защищать свое жилище, какъ крѣпость».

«Никакой законъ относительно конфискаціи собственности никогда не можетъ быть принятъ, какъ абсолютно преступный».

«Свобода совѣсти абсолютна. Свобода всѣхъ вѣроисповѣданій гарантируется. Православная церковь независима отъ всякой иноземной іерархіи».

«Обученіе свободно. Свобода обученія гарантируется постольку, однако, поскольку не посягаетъ на общественную нравственность. Обученіе въ государственныхъ школахъ безплатно. Первоначальное обученіе обязательно для всѣхъ дѣтей, проживающихъ въ Румыніи».

«Конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ свободу проповѣдывать и распространять (comunica) свои идеи и мнѣнія при помощи живого слова и печати; это право ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть умалено никакими узаконеніями».

«Секретъ писемъ и телеграммъ абсолютенъ и никто не имѣетъ права посягнуть на него. Спеціальный законъ предвидитъ наказаніе за посягательство на тайну письма и депеши, довѣренную почтѣ».

«Граждане пользуются правомъ собираться мирно, они для этого не испрашиваютъ предварительнаго позволенія. Только собранія публичныя подъ открытымъ небомъ подлежатъ вѣдѣнію полиціи постольку, поскольку того требуетъ соблюденіе порядка и спокойствія».

«Граждане имѣютъ полное право ассоціаціи, не испрашивая на то позволенія».

«Выдача политическихъ бѣглецовъ воспрещается» (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 312).

Благодаря королю Карлу, Румынія достигла высокаго процвѣтанія.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

I.

„Джонъ Габріэль Боркманъ". Г. Ибсена.—„Рабы". И. С. Платона (*Малый театръ*).

«Джонъ Габріэль Боркманъ», эта, какъ ее называютъ, зимняя пьеса Ибсена, проникнутъ глубокой скорбью. Авторъ хоронитъ и оплакиваетъ всѣ человѣческія иллюзіи и въ особенности мечту о величіи. И поскольку его драма воплощаетъ этотъ элегическій замыселъ, она производитъ очень сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что иные изъ ея штриховъ и деталей, почти неуловимые, сами по себѣ создаютъ атмосферу безъисходной грусти: «недвижны сосны въ своей нахмуренной красѣ, отягчены ихъ вѣтви всѣ клоками снѣга», и по снѣжному лѣсу идутъ, съ трудомъ переступая, два утомленные жизнью странника, мужчина и женщина,—идутъ къ физической и нравственной смерти. Холодно, холодно... А раньше, серебряными колокольчиками звенитъ нарядный возокъ: уѣзжаетъ молодое отъ старыхъ, сынъ отъ матери, дочь отъ отца, и этого стараго отца возокъ переѣзжаетъ,—ему некогда останавливаться, въ немъ ѣдетъ юность, безпощадная и поспѣшная въ своемъ неодолимомъ стремленіи къ счастью. И каждаго изъ насъ въ жизни, какъ говоритъ Боркманъ, когда-нибудь переѣхали; но не всѣ могли послѣ этого подняться и оправиться: иные такъ и лежатъ въ своей неподвижной искалѣченности, другіе хотя и встали, но встали уже не прежними,—медленно, болѣзненно, съ изувѣченными ногами плетутся они по глубокому снѣгу, пока не дойдутъ до той роковой скамейки въ жизненномъ лѣсу, гдѣ они отдохнутъ и лягутъ на вѣчный покой. Скамейка эта стоитъ у обрыва, и если посмотрѣть внизъ, то передъ усталымъ путникомъ раскинется его родимая страна, полная жизни и движенія: «пароходы приходятъ и отходятъ, связываютъ, братаютъ между собою народы и земли всего міра, разносятъ свѣтъ и тепло въ сердца человѣческихъ семей». Но отъ путника съ коченѣющимъ сердцемъ уже далека эта шумная и радостная жизнь, какъ далека и другая страна,—обитель его молодыхъ грезъ: она погребена подъ снѣгомъ, и засохло старое дерево, когда-то цвѣтущее, полное отрады и тѣни. Сыплетъ и сыплетъ

неумолимый снѣгъ, и подъ его пеленою человѣческія фигуры обращаются въ какіе-то бѣлые памятники самихъ себя; сыплетъ и сыплетъ снѣгъ, и отъ него прекрасные волосы Эллы Рентгеймъ обращаются въ сѣдину,— эти локоны, которые разсыпались когда-то по ея плечамъ и которые Боркманъ любилъ навивать на пальцы...

Такъ проходитъ передъ нами зимній пейзажъ души и природы. Въ его символической рамкѣ Ибсенъ торжественно показалъ всю горечь и тоску разочарованія. Его герои, именно тѣ изъ нихъ, которые уже не молоды, всѣ потерпѣли крушеніе,—черезъ нихъ переѣхали. Побѣдная, а затѣмъ позорная колесница Джона Габріэля Боркмана переѣхала черезъ сердце Эллы Рентгеймъ, любовь которой онъ отвергъ ради почета и власти. Тотъ же Габріэль переѣхалъ черезъ своего друга Фольдаля, сдѣлалъ его нищимъ,— а главное, жестоко открылъ ему, что онъ не поэтъ; между тѣмъ именно грезой о своемъ поэтическомъ дарованіи только и жилъ обездоленный старикъ, въ кругу семьи, которая его не понимала и надъ нимъ смѣялась: одному Боркману читалъ онъ отрывки своей непризнанной трагедіи,—кому-то ихъ будетъ читать онъ теперь? Но и самого Боркмана, этого гордаго человѣка, котораго словно короля всѣ называли по имени,—самого Джона Габріэля переѣхала жизнь. Ему кажется, что онъ поднялся, что его гордость не сломлена, и какъ Прометей, морально прикованный къ своей тюрьмѣ и къ одинокой залѣ своего дома, онъ ждетъ для себя новой побѣды и восторженныхъ данниковъ своего генія. Онъ сравниваетъ себя съ Наполеономъ, котораго искалѣчили въ первой же битвѣ, и какъ Наполеонъ въ извѣстной балладѣ, «топнувъ о землю ногою, сердито онъ взадъ и впередъ по тихому берегу ходитъ, соратниковъ громко онъ кличетъ, и своего онъ громко зоветъ: зоветъ онъ любезнаго сына, опору въ превратной судьбѣ». Онъ ходитъ, ходитъ по тихому берегу жизни (ея море уже недоступно для него), онъ шагаетъ по своей угрюмой залѣ, одѣтый въ парадное платье,—онъ готовъ, онъ ждетъ. Но рѣдко стучатся въ его двери, и входятъ не тѣ, кого онъ поджидаетъ, не соратники и не данники,— входитъ прошлое со своей укоризной и живая душа, которую онъ убилъ. А сынъ и вовсе не отзывается,—сынъ веселится у его врага и не хочетъ сопутствовать отцу по дорогѣ возрожденія. «Больной волкъ» мечется въ своей клѣткѣ, и въ ту же ночь онъ умираетъ. Онъ не вынесъ свѣжаго ночного воздуха, этотъ сынъ рудокопа, онъ слишкомъ привыкъ къ своей клѣткѣ. И ледяная желѣзная рука сдавила его сердце. Въ итогѣ жизни, полной смѣлыхъ замысловъ,—мертвецъ и надъ нимъ склонившіяся двѣ тѣни, тѣни двухъ женщинъ, сестеръ-близнецовъ, которыя помирились только надъ трупомъ того, кого онѣ обѣ любили и кого онѣ обѣ своей любовью спасти не могли. Это онъ сдѣлалъ ихъ тѣнями, вынулъ изъ нихъ душу, превратилъ одну изъ нихъ въ воплощенную печаль, а другую—въ суровый холодъ одинокаго страданія. Это онъ сдѣлалъ, потому что онъ и собственное сердце обледенилъ и вынулъ, для того чтобы оно своимъ жаромъ и трепетомъ не помѣшало его побѣдоносному въѣзду въ мрачное царство

рудныхъ жилъ, которыя протягивали къ нему свои узловатыя, вѣтвистыя руки. А другія манившія руки, прекрасныя руки женщины, онъ оттолкнулъ. Въ этомъ—его величайшее злодѣяніе, и за это, а не за банковскія дѣла, назвала его Элла преступникомъ. Здѣсь, у любящаго сердца любимой женщины, предѣлъ индивидуализму; здѣсь непреступимая грань не только для средняго, но и для великаго человѣка; здѣсь должно остановиться стремленіе къ мощи и власти, къ одинокой высотѣ орла. Боркманъ не остановился. И за это—одиночная тюрьма и зала (насмѣшливый символъ того одиночества, котораго хотѣлъ Боркманъ, мнившій себя избранникомъ, отринувшій отъ себя спутницу); и за это нѣтъ побѣдоноснаго въѣзда въ царство руды, есть только проснувшееся сомнѣніе въ собственныхъ силахъ; и за это въ итогѣ жизни—мертвецъ и двѣ тѣни. Нѣтъ орла, есть только «подстрѣленный глухарь». Немезида совершила свое неизбѣжное дѣло въ эту страшную зимнюю ночь.

Въ одну ночь совершается все дѣйствіе пьесы. Ибсенъ вырвалъ изъ жизни нѣсколько часовъ и на этомъ короткомъ протяженіи сумѣлъ стянуть въ одинъ трепетный узелъ все прошлое и настоящее человѣка, всѣ жгучія нити страданій и обидъ. Главный страдалецъ, Боркманъ, не заслоняетъ своей мощной фигурой другихъ мучениковъ, и даже его жена, несмотря на свою суровость, раскрываетъ передъ нами все томленіе своего материнскаго сердца и оскорбленную честность своей натуры. Именно какъ честную только и можно ее понять,—несмотря на отдѣльныя черты мелкаго педантизма, которыя придалъ ей авторъ. Она «вѣчно зябнетъ» отъ холода, которымъ пахнула на нее жизнь и который сдѣлалъ холодной ее самое. Она отвернулась отъ мужа не подъ гнетомъ внѣшняго позора, не потому, что ея Габріэль сидѣлъ въ тюрьмѣ: ее сломила преступность Боркмана. Онъ обманулъ, онъ разорилъ, онъ присвоилъ довѣренныя сокровища. Пусть и не руководила имъ корысть,—во всякомъ случаѣ, онъ сталъ виновникомъ чужихъ несчастій, и онъ сошелъ съ дороги чести. Духъ честности, который, какъ свѣжій воздухъ Скандинавіи, вѣетъ въ произведеніяхъ Ибсена, воплотился въ этой женщинѣ, и оттого думой своихъ безсонныхъ ночей, задачей своей изломанной жизни она дѣлаетъ возстановленіе семейной репутаціи. И въ этомъ направленіи воспитываетъ она сына. Вотъ кто искупитъ вину Джона Габріэля и побѣднымъ кликомъ своего нравственнаго подвига заглушитъ отцовское преступленіе. Но сынъ, который не откликнулся на безмолвный призывъ отца, не внемлетъ и матери. Онъ идетъ свободной дорогой своей молодости, и по этой дорогѣ его уходитъ даже не къ чистому и свѣтлому счастью,—его завлекаетъ пошлость.

Рыцарь Ибсенъ любитъ женщинъ, и ни одной изъ нихъ, даже порочной, онъ не изобразилъ красками отталкивающими. Это онъ самъ говоритъ устами идеалиста Фольдаля: «какое счастіе, какое блаженство сознавать, что гдѣ-то тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, и вокругъ насъ, и далеко отъ насъ, есть всетаки настоящія женщины»; это не «поэтическія бредни»

Фольдаля, это—его «святая вѣра». Надъ нею какъ будто смѣется Боркманъ, тотъ самый Боркманъ, который ради почета и власти уступилъ другому любившую и любимую женщину, и притомъ «настоящую», во всемъ обаяніи женственныхъ чаръ; но вѣдь и самъ Боркманъ, разоривъ другихъ, состояніе этой женщины сохранилъ, и безсознательно она была для него дороже всего на свѣтѣ. И вся пьеса въ сущности—гимнъ женщинѣ, хвала «прекрасной дамѣ». И тѣмъ не менѣе, юношу Боркмана отъ отца и матери и матери духовной отрываетъ, по волѣ Ибсена, не чистая дѣвушка: его увлекаетъ чужая жена, опытная, искушенная въ житейской мудрости, разсчетливая и предусмотрительная. Ей тридцать лѣтъ, она—«поразительно красивая, пышная брюнетка». Она беретъ въ свой возокъ Эргарта и беретъ еще молодую дѣвушку Фриду, которая замѣнитъ когда-нибудь ее самое. Горе и обида матери, которую покидаетъ сынъ, отстранившій отъ себя великую миссію чести, становится еще больнѣе отъ этого вторженія пошлости, отъ этой побѣды тридцатилѣтней женщины, и въ драму Ибсена входитъ лишняя черта пессимизма.

По поводу самой фабулы пьесы можно указать на то, что гордую душу одинокаго борца, порывы самодовлѣющаго индивидуализма, Ибсенъ вдохнулъ въ очень прозаическую оболочку: Прометеемъ и Наполеономъ у него оказывается директоръ банка. И хотя послѣдній и вмѣняетъ себѣ въ заслугу (повторяя поэтическія слова Эллы), что онъ хотѣлъ разбудить дремлющихъ духовъ золота,—золото остается тѣмъ, что оно есть: силой не возвышенной, силой покупающей, а не берущей, какъ булатъ, и паѳосъ банковскаго дѣльца стоитъ на самой границѣ смѣшного. Но въ томъ и заключается одна изъ поразительныхъ особенностей Ибсена, что, выбирая ситуаціи очень смѣлыя и необычныя, онъ никогда не впадаетъ въ смѣшное,—напротивъ, есть что-то оригинальное и свѣжее въ этомъ сочетаніи мотивовъ прометеевскихъ и житейскихъ.

Очень близко къ опасности курьезнаго находится Ибсенъ и потому, что онъ заставляетъ Боркмана восемь лѣтъ ходить изъ угла въ уголъ въ залѣ. Внизу живетъ его жена. У нея достаетъ силы восемь лѣтъ не видѣть мужа и восемь лѣтъ слышать, какъ надъ ея головой съ утра до вечера раздаются его гулкіе шаги. Трудно вообразить себѣ этотъ кошмаръ, это безуміе,—но всетаки смѣяться вы не будете надъ мукой тяжелыхъ, упорныхъ, гипнотизирующихъ шаговъ, надъ этими шагами каменнаго гостя, и не даромъ фру Боркманъ говоритъ Джону Габріэлю, что онъ лежитъ уже въ могилѣ. Тамъ наверху бродитъ не онъ, а его тѣнь,—бродитъ Наполеонъ безъ сына, безъ наслѣдника. Въ этомъ отношеніи Фольдалъ счастливѣе Боркмана: его маленькій поэтическій даръ пере[illegible] въ музыкальный талантъ у дочери,—«всетаки, значитъ, не напрасно [illegible] былъ поэтомъ». А во что и въ комъ перешли великія силы Бор[illegible] Или, быть можетъ, великое никогда не наслѣдуется? И оно погас[illegible] одинокое, когда Агасѳеръ перестаетъ ходить, когда Боркманъ умираетъ?

Эту драму и вину одиночества, искупленную тоже одиночествомъ, крас[illegible]

колоритно поставили на сценѣ Малаго театра. Былъ такъ оригиналенъ зимній ландшафтъ и этотъ снѣгъ, все заметающій снѣгъ; и когда, оживленный чудесами театральной техники, медленно двигался лѣсъ, все болѣе и болѣе густой и дремучій, и все дальше и дальше уходило крыльцо боркмановскаго дома,—вы испытывали иллюзію, что это движутся въ самомъ дѣлѣ Боркманъ и Элла, и даже казалось, что это движется сама человѣческая жизнь, темный лѣсъ человѣческихъ дней и ночей.

Боркмана игралъ г. Южинъ. Онъ создалъ для ибсеновскаго героя очень выразительный обликъ. Голосъ его звучалъ мощно и проникновенно. Зритель ожидалъ только больше внѣшнихъ признаковъ того, что Боркманъ долго томился въ одиночномъ заключеніи, что онъ рѣдко слышалъ людскіе голоса и рѣдко говорилъ самъ. Въ психологическомъ же отношеніи игра г. Южина не была ровна. Важныя детали не получили должной и внимательной отдѣлки; на ряду съ моментами сильными была и нѣкоторая тусклость (особенно въ третьемъ актѣ),—весь образъ вообще долженъ былъ выйти несравненно грандіознѣе въ своемъ внутреннемъ трагизмѣ. Глубоко-привлекательна и трогательна была Элла Рентгеймъ, воспроизведенная г-жей Ермоловой. Не оставляла опредѣленнаго впечатлѣнія г-жа Ѳедотова въ герестной роли женщины, которая сосредоточилась на одной идеѣ и, выростивъ ее, неожиданно потеряла ея живое воплощеніе—родного сына.

Пьеса г. Платона не заслуживаетъ серьезнаго разбора. О ней авторъ могъ бы повторить то, что́ его героиня такъ часто заявляетъ о самой себѣ: «она мнѣ чужая». Да, эта пьеса—чужая. Она сшита изъ лоскутковъ,—бываютъ такія одѣяла (простите уподобленіе прозаическое). Не то, чтобы авторъ сознательно и злонамѣренно нарушалъ права литературной собственности: нѣтъ, просто въ его памяти осѣли чужіе осколки, и онъ, иногда не безъ техническаго умѣнья, спаялъ ихъ. Получились «Рабы». То, что въ нихъ есть комичнаго, вызываетъ смѣхъ,—особенно благодаря игрѣ г-жи Лешковской и г. Яковлева. Но то, что въ нихъ есть трагическаго, къ сожалѣнію, тоже заставляетъ смѣяться,—очевидно, лоскутки улеглись не въ должной комбинаціи, и, напримѣръ, благородное томленіе духа ни съ того, ни съ сего выпало на долю купеческихъ персонажей, которые предаются гамлетовской рефлексіи потому, что живутъ на чужой богатый счетъ. Есть въ пьесѣ и резонеръ (художникъ Беззубовъ),—онъ очень добросовѣстно поясняетъ намѣренія автора, и это скучно. Есть въ пьесѣ и остряки; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, выражается такимъ образомъ: «я скорѣе повѣрю тому, что Стрѣльна ближе Яра». Среди лоскутковъ случайно можетъ попасться шелковый. Вотъ, напримѣръ, герой, чтобы вернуть героиню, свою жену, отъ апатіи къ жизни, кончаетъ самоубійствомъ: это произведетъ на нее сильное впечатлѣніе, и она убѣдится, что онъ безъ нея жить не могъ, что, въ противоположность ея увѣренію, человѣкъ человѣку нуженъ. Это напомнило намъ из-

вѣстный фактъ, глубокій въ своемъ внутреннемъ смыслѣ: жена нѣмецкаго поэта 30-хъ годовъ Шарлотта Штиглицъ покончила съ собой, для того чтобы катастрофой пробудить задремавшій духъ и геній своего мужа, дать новое содержаніе его поэзіи. Такъ, нечаянно, пьеса г. Платона совпала съ фактомъ жизни, хотя и эксцентричнымъ. Въ другихъ же отношеніяхъ она съ жизнью имѣетъ очень мало общаго, какъ и съ искусствомъ. Автору поднесли лавровый вѣнокъ.

Ю. А.

II.

„Нерѣшительный". Комедія Жоржа Берръ, перев. В. О. Шмидтъ (бенефисъ В. А. Кригера).—„Жаръ-птица". Комедія-шутка В. О. Трахтенберга (бенефисъ Р. А. Бѣрелиной-Ранчъ).—„Анатоль". Діалоги Шнитцлера, переводъ В. О. Шмидтъ (бенефисъ Н. М. Радина). — „Родина", драма Зудермана. Перев. Ѳ. А. Куманина (бенефисъ О. А. Голубевой). *(Театръ Корша).*

Рядъ бенефисовъ артистовъ-премьеровъ театра.

Г. Кригеръ выбралъ небольшую и непретенціозную, но очень забавную французскую комедію. Она вовсе не глубока по содержанію, не ставитъ и не разрѣшаетъ большихъ жизненныхъ вопросовъ, но въ ней есть и цѣнныя черты, есть интересные моменты. Кромѣ того, эта легкая и живая пьеса проникнута свѣжимъ юморомъ, нерѣдко возбуждающимъ искренній смѣхъ.

Именно такая комедія и подходитъ къ комическому таланту г. Кригера, который такъ свободно держится на сценѣ, такъ непринужденно и искренно ведетъ роль.

Сущность «Нерѣшительнаго» опредѣляется самымъ заглавіемъ. Французскій драматургъ легкими, но вѣрными чертами обрисовываетъ типъ очень распространенный и жизненный. Пьеръ Фонтфанъ (роль г. Кригера) добрый, честный и не глупый человѣкъ, даже, быть можетъ, не лишенный нѣкоторыхъ дарованій. И при всемъ томъ, онъ постоянно и неминуемо попадаетъ въ самыя комическія положенія: несчастіе его въ томъ, что онъ никакъ не можетъ справиться съ постоянно появляющимися передъ нимъ альтернативами, никакъ не можетъ сдѣлать выбора, рѣшительно и прямо резюмировать свои мысли.

Это—растяжимая тема. Ее можно трактовать и какъ душевную трагедію, «нерѣшительнаго» человѣка можно вообразить и въ драматическихъ коллизіяхъ, но можно отмѣтить эту черту и смѣхомъ, безобиднымъ и легкимъ юморомъ. Такъ поступилъ Жоржъ Берръ.

Мы присутствуемъ при цѣломъ рядѣ очень затруднительныхъ для Пьера Фонтфанъ положеній,—и вездѣ онъ выходитъ не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ, этотъ страдающій слишкомъ большою подвижностью воли человѣкъ.

Купить отель у стараго жуира Фушара (г. Свѣтлова)—или нѣтъ? Жениться на Жаннѣ (г-жа Мандражи) и съ протекціей ея отца сдѣлать

депутатомъ,—или нѣтъ? Жениться на легкомысленной, но очень привлекательной вдовѣ, Ивоннѣ (г-жа Карелина-Раичъ)? Въ концѣ-концовъ замучившійся «нерѣшительный» выбираетъ послѣднее, хотя и для этого ему на помощь должна придти рѣшительность вдовы.

Этотъ бракъ создаетъ для Пьера новый рядъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Въ его домъ переселяется старый щеголь Фушаръ и вводитъ особые порядки, которые Пьеру совсѣмъ не нравятся: начинается какая-то уже слишкомъ разсѣянная, состоящая изъ однихъ увеселеній, жизнь. Но измѣнить ее, избавиться отъ вліянія Фушара и замѣнить это вліяніе своимъ авторитетомъ Пьеръ опять-таки не рѣшается, и лишь тогда пробуждается въ немъ нѣкоторая энергія и рѣшимость, когда въ его усталой отъ «выборовъ» душѣ вдругъ вспыхиваетъ вовсе неосновательное чувство: онъ ревнуетъ жену къ Фушару. Фушаръ удаляется, Ивонна искренне кается въ своемъ, къ счастью, не вредномъ легкомысліи... Какъ будто намѣчается новая, лучшая жизнь. Но скептическій и насмѣшливый авторъ въ финалѣ послѣдняго акта показываетъ, что «Нерѣшительный»—неисправимъ: онъ никакъ не можетъ рѣшить, какъ предпринять необходимыя измѣненія въ штатѣ домашней прислуги, и приходитъ въ отчаяніе. Легкая и веселая комедія разыгрывается артистами театра Корша въ вполнѣ подходящемъ стилѣ—легко, изящно.

Очень хорошъ бенефиціантъ съ его непринужденной манерой игры. Онъ счастливо избѣжалъ шаржа и умѣло воспользовался наиболѣе серьезными моментами роли. Въ общемъ, тонко и вѣрно обрисованный, вполнѣ реальный типъ.

Удачно проведена роль и г-жей Карелиной-Раичъ. Это настоящая Ивонна, изящная, интересная женщина, вовсе не дурная по природѣ, но до крайности, до опаснаго легкомысленная.

Превосходный Фушаръ (г. Свѣтловъ). Это цѣлый закончонный парижскій жанръ, выдержанный и яркій. Артистъ нашелъ особыя подходящія интонаціи, манеры, гримъ,—и въ результатѣ небольшая роль выдвинулась, пріобрѣла оригинальную окраску, невольно привлекла вниманіе.

Изъ маленькой роли ловкаго карьериста Шабрелоша живую фигуру сдѣлалъ г. Радинъ. Зато характерная, хотя и вовсе маленькая роль Жанны Деклавель совсѣмъ пропала въ исполненіи молодой артистки, г-жи Мандражи.

Останавливаетъ вниманіе г. Ячменевъ въ роли лакея. Увѣренность, выдержанность тона и какой-то оригинальный, спокойный комизмъ заставляютъ думать, что г. Ячменевъ—не заурядный актеръ.

«Жаръ-птица» г. Трахтенберга—неудачный выборъ бенефиціантки г-жи Карелиной-Раичъ.

Мы уже отмѣчали, что эта артистка появилась на сценѣ театра Корша точно изъ какого-нибудь хорошаго французскаго театра. Мы не можемъ ждать отъ нея искренняго, глубокаго увлеченія ролью, подъема, захватывающей силы, но продуманность, тонкая отдѣлка ролей, своеобразное изя-

шество, точность и вѣрность каждаго штриха,—интересныя и недюжинныя черты.

Бенефиціанткѣ именно слѣдовало выбрать какую-нибудь хорошую, интересную комедію легкаго французскаго жанра. Мы увѣрены, что въ такой пьесѣ г-жа Карелина-Раичъ сумѣла бы сдѣлать многое. А «Комедія-шутка» г. Трахтенберга, тяжеловѣсная, растянутая, съ утрированнымъ и сочинительнымъ комизмомъ, прежде всего не даетъ артисткѣ подходящей, благодарной роли.

«Жаръ-птица»—богатая купеческая вдова. Когда-то она была бѣдной учительницей музыки, знала нужду, тяжелый трудъ—и устала. Мучительно захотѣлось отдохнуть, а тутъ какъ разъ и появилась полная возможность отдыха: стóило только выйти за мануфактуръ-совѣтника Коврина. Конечно, этотъ бракъ далъ молодой женщинѣ слишкомъ мало свѣтлаго и навсегда наложилъ на ея душу грустную тѣнь разочарованности. Но теперь она, по крайней мѣрѣ, вполнѣ свободна: она еще молода, красива и очень богата.

Эту «Жаръ-птицу» никакъ не хотятъ оставить въ покоѣ. Въ продолженіе четырехъ актовъ ее окружаютъ разнообразные претенденты: помѣщикъ, земскій начальникъ, студентъ, актеръ (спеціалистъ на роли неврастениковъ). Наконецъ, появляется претендентъ съ наибольшими шансами: прожившійся, но отнюдь не унывающій молодой помѣщикъ. Однако и онъ, почти уже добившійся благосклонности богатой вдовы, и даже разсчитавшій, что надо будетъ съѣздить въ Манчестеръ, чтобы подготовиться къ будущему управленію фабриками «Жаръ-птицы», неожиданно получаетъ отказъ. Слишкомъ дорога ей долго жданная свобода, слишкомъ мало она вѣритъ въ супружеское счастье.

Только съ большимъ талантомъ можно изъ этой темы сдѣлать стройную и интересную вещь. Г. Трахтенбергу удались лишь рѣдкія детали, а въ общемъ пьеса вышла растянутой, надуманной, почти совсѣмъ скучной.

Г-жѣ Карелиной-Раичъ представлялся выборъ: или сдѣлать изъ своей роли почти фарсъ, или попытаться оттѣнить тѣ немногія серьезныя черты, которыя придалъ образу «Жаръ-птицѣ» авторъ. Артистка выбрала послѣднее.

И результатъ получился не блестящій. Образъ, рисуемый артисткой, значительно проигралъ въ изяществѣ, въ легкости, и ничего не выигралъ въ глубинѣ содержанія: г-жа Карелина-Раичъ пыталась дать больше того, что можно было дать, основываясь на «комедіи-шуткѣ». Отдѣльныя сцены интересны и красивы, но въ общемъ цѣльнаго впечатлѣнія нѣтъ.

Остальные исполнители оказались почти въ такомъ же положеніи: приходилось или мириться съ какой-то очень мелкой задачей творчества, или пытаться изъ роли сдѣлать вовсе не то, что указано авторомъ, а нѣчто бóльшее. Большинство артистовъ предпочло просто, не мудрствуя, смѣшить публику.

Г. Радинъ игралъ Скурлатова (главный претендентъ на руку вдовы

хорошо и просто. Но было въ его исполненіи и что-то лишнее: иногда проглядывало нѣкоторое глубокомысліе, для роли вовсе ненужное. Г. Борисовъ былъ бы совсѣмъ хорошъ въ роли стараго оригинала, купца на покоѣ, если бы не было у него маленькой склонности къ шаржу,—правда, очень смѣшному. Г. Кригеръ въ роли провинціальнаго актера уже совсѣмъ не сумѣлъ соблюсти мѣру, и комизмъ его нерѣдко переходилъ въ явную погоню за смѣхомъ. То же можно сказать и о г. Казанскомъ въ роли стараго, отяжелѣвшаго помѣщика, и о г. Бороздинѣ, которому досталась и безъ того уже достаточно шаржированная роль садовника.

Ясно, какое впечатлѣніе должна произвести при всѣхъ этихъ условіяхъ исполненія неудачная и длинная шутка г. Трахтенберга. Бенефиціантку, гг. Радина и Борисова публика принимала хорошо, но пьесой, видимо, осталась недовольна. Смѣялись много, но какъ будто ждали чего-то большаго, или, по крайней мѣрѣ, иного.

Драматическіе эскизы Шнитцлера (онъ называетъ ихъ не совсѣмъ точно—діалогами)—«Анатоль», интересны и характерны для творчества вѣнскаго драматурга, пріобрѣтающаго все большую популярность. Это рядъ тонко отдѣланныхъ жанровыхъ картинокъ, съ извѣстныхъ точекъ и въ извѣстные моменты освѣщающихъ жизнь одного изъ излюбленныхъ Шнитцлеромъ типовъ. Анатоль, молодой человѣкъ, уже значительно извѣдавшій жизнь и во многомъ разочаровавшійся. У него нѣтъ ни сильныхъ порывовъ, ни глубокаго чувства, ни широкихъ задачъ, ни мучительныхъ вопросовъ. Онъ скептикъ по натурѣ и эстетикъ по складу жизни. Но эстетизмъ этотъ поверхностный, внѣшній, потому что Анатоль ищетъ въ жизни не красоты мысли, чувства, а лишь красивыхъ настроеній и ощущеній. Разумѣется, самая благодарная почва для такихъ исканій—въ безчисленномъ количествѣ разнообразныхъ романическихъ эпизодовъ.

Въ діалогахъ (всѣхъ ихъ семь, но г. Радинъ выбралъ для своего бенефиса только пять,—правда, наиболѣе удачныхъ) дѣйствующихъ лицъ немного. Въ каждомъ является передъ нами Анатоль, почти въ каждомъ его другъ, резонерствующій, но несомнѣнно умный Максъ, и въ каждомъ мы видимъ—новую женщину. Итакъ, два дѣйствующихъ лица постоянныхъ—и нѣсколько женскихъ типовъ. Вотъ персонажи интересныхъ эскизовъ Шнитцлера.

Не совсѣмъ хорошо продумалъ свою роль г. Радинъ. Анатоль—не глубокій человѣкъ, но нѣтъ въ немъ смѣшного и мелкаго легкомыслія, черты котораго ему такъ неудачно придалъ артистъ. Не видѣли мы въ изображеніи г. Радина и тонкаго, умнаго скептика. Передъ нами былъ какой-то очень пустой, нѣсколько даже смѣшной и почти не интересный человѣкъ. Кромѣ того, бенефиціантъ взялъ какой-то однообразный, простоватый тонъ и въ этомъ тонѣ провелъ роль во всѣхъ пяти отрывкахъ. Въ его игрѣ мы можемъ отмѣтить лишь очень немного удачныхъ чертъ: нѣсколько моментовъ въ «Прощальномъ ужинѣ» и, пожалуй, финалъ «Воспоминанія». Во всякомъ

случаѣ роль Анатоля—задача гораздо болѣе серьезная, чѣмъ та, котору поставилъ себѣ г. Радинъ.

И г. Чарину не удалась роль Макса, и онъ внесъ въ нее какой-то ненужный, мѣстами рѣзкій комизмъ. Вмѣсто резонерства, нѣсколько однообразнаго, правда, но умнаго и иногда оригинальнаго, г. Чаринъ съ какими-то смѣхотворными ужимками подавалъ отрывочныя реплики.

Женскія роли распредѣлены между пятью артистками.

Въ «Вопросѣ», гдѣ дѣйствіе (по обыкновенію, съ нѣкоторой изысканностью) вращается вокругъ гипнотическаго сеанса, роль Коры, тихой и женственно-нѣжной дѣвушки, довольна неудачно провела г-жа Лаврецкая. Не живой образъ мы видѣли въ ея исполненіи. Правда, роль трудна, потому что драматургъ лишь намѣчаетъ ее тонкими чертами, но зато здѣсь большой просторъ для артистки.

Г-жа Карелина-Раичъ не безупречна въ «Воспоминаніи», въ роли Эмиліи. Въ этомъ тонкомъ и до нѣкоторой степени драматическомъ діалогѣ (тема—«прошлое» дѣвушки) мы могли ожидать отъ артистки большаго. Но въ общемъ роль удачна. Трогаютъ какія-то тихія глубокія интонаціи, привлекательна женственная мягкость тона, удаченъ заключительный, наивно цинической возгласъ:

— Но вѣдь это черный бриллiантъ! онъ стоитъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ!

Мы говоримъ—«наивно-циническій». Только что передъ этимъ Эмилія предлагала Анатолю выбросить не черный бриллiантъ, который стоитъ такъ дорого, а другой камень: рубинъ изъ медальона. Этотъ медальонъ былъ надѣтъ на ней въ тотъ день, когда она стала женщиной.

Характерная для Шнитцлера черта.

Въ «эпизодѣ» роль Біанки играетъ г-жа Кошева. Все тотъ же простой, искренній тонъ, та же легкость игры, которую мы привыкли видѣть у артистки, но самая роль незначительна, да и весь эскизъ сравнительно съ прочими неудаченъ. И гг. Чаринъ и Радинъ здѣсь уже совсѣмъ нехороши.

Что касается «Прощальнаго ужина», то, къ сожалѣнію, трудно избѣжать сравненія исполненія этого маленькаго, но вполнѣ художественнаго отрывка на сценѣ театра Корша съ исполненіемъ той же вещи артистами Малаго театра. И сравненіе это далеко не въ пользу г-жи Голубевой.

Роль Анны прежде всего требуетъ непринужденности, искренности. Холодно сыграть ее значитъ въ значительной степени испортить хорошую роль. Г-жа Голубева играла какъ будто нехотя, съ усиліемъ. Многіе моменты публикѣ понравились, но мы думали, что эта роль, такая благодарная и интересная, требуетъ гораздо большаго.

Въ «Передъ свадьбой» выступила г-жа Шиловская. Капризы, гнѣвныя вспышки, своенравіе влюбленной женщины, вся эта короткая, и

яркая гамма истолкована г-жей Шиловской не совсѣмъ правильно. Капризы и гнѣвъ вовсе не должны выражаться съ такой рѣзкостью, въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ. Своенравіе, какъ намъ кажется, тоже не должно непремѣнно выражаться въ крикливыхъ интонаціяхъ, въ угловатыхъ движеніяхъ. И однако было такъ.

Въ общемъ неудачный спектакль. Онъ производитъ прежде всего впечатлѣніе неправильнаго истолкованія. Артисты театра Корша совершенно напрасно заподозрѣли въ тонкихъ и отдѣланныхъ эскизахъ Шнитцлера какой-то водевильный характеръ и такъ тщательно его оттѣняли. Комизмъ «Анатоля»—внутренній. Это комизмъ положеній, реальный, но вполнѣ замѣтный безъ всякихъ внѣшнихъ подчеркиваній.

Да и не въ комизмѣ суть пяти отрывковъ, выбранныхъ г. Радинымъ. Это легко замѣтить при сколько-нибудь внимательномъ взглядѣ.

Намъ остается сказать только еще нѣсколько словъ объ исполненіи «Родины» Зудермана въ бенефисъ г-жи Голубевой.

О самой пьесѣ, уже старой и почти всѣмъ извѣстной, мы говорить не будемъ. Московская публика видѣла многихъ исполнительницъ роли Магды и, разумѣется, нѣкоторыхъ изъ нихъ не забыла.

Г-жа Голубева справилась съ трудной ролью дѣвушки, завоевавшей себѣ свободу и уже не умѣющей примириться съ гнетомъ «Отчаго дома». Но въ ея исполненіи рядомъ съ интересными, художественными чертами встрѣчаются и крупные недостатки. Мало впечатлѣнія производитъ сцена перваго появленія въ родной семьѣ послѣ долгой разлуки. Нѣкоторые моменты благодаря обычной неровности въ игрѣ г-жи Голубевой пропадаютъ совсѣмъ. Такъ, напримѣръ, какъ-то незамѣтно и вяло прошла маленькая, но характерная спена съ младшей сестрой, неярко было и многое въ сценѣ объясненія съ фонъ-Келлеромъ. Но въ общемъ всетаки цѣльная и яркая фигура, хотя въ нѣсколько своеобразномъ освѣщеніи: г-жа Голубева (не безъ нѣкотораго основанія) думаетъ, что Магда, такъ долго выбивавшаяся въ артистической средѣ на дорогу и, наконецъ, достигшая славы, почти могущества, усвоила себѣ слишкомъ властныя и рѣзкія манеры и тонъ, *не исчезающія ни при какихъ обстоятельствахъ.*

Хорошъ г. Свѣтловъ въ роли Шварце, хотя въ нѣкоторыхъ, особенно сильныхъ мѣстахъ у него внезапно появлялись какія-то неестественно пѣвучія интонаціи.

Г. Чаринъ опять счелъ нужнымъ придать роли совѣтника фонъ-Келлера усиленно комическій оттѣнокъ. Между тѣмъ фонъ-Келлеръ съ его холоднымъ самодовольствомъ и узостью нравственныхъ понятій врядъ ли долженъ казаться только смѣшнымъ. Г. Чаринъ напрасно игнорировалъ его явно отталкивающія черты.

Смѣшанное, странное впечатлѣніе произвелъ г. Яковлевъ въ отвѣтственной роли пастора Гефтердинга. Искренній тонъ, выдержанный до

мелочей, общій стиль всей фигуры—и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то не вѣрилось, что это нѣмецкій пасторъ. Намъ кажется, что это происходитъ отъ нѣкотораго недостатка лиризма, пожалуй, даже сантиментальности. Новая артистка въ труппѣ, г-жа Лисенко, въ маленькой роли Мари производитъ хорошее впечатлѣніе. Можно думать, что у нея есть талантъ и способность горячо увлекаться ролью.

Совсѣмъ плохъ поручикъ—г. Радинъ. Гримъ молодого купчика, очень умѣстный въ пьесахъ Островскаго, но вовсе непригодный для бравого нѣмецкаго офицера, какая-то лѣнивая небрежность въ игрѣ, и ни одной естественно сказанной фразы.

М. П. С.

Замѣтки читателя.

Съ выходомъ декабрьской книги нашему журналу исполнилось двадцать пять лѣтъ. Для русскаго изданія—срокъ долгій, а условія печати были по большей части тяжелыя. Были, конечно, и ошибки съ нашей стороны, но насъ утѣшаетъ сознаніе исполненнаго долга. Мы выступили съ опредѣленною политическою программою и, стараясь взвѣсить и оцѣнить новыя теченія общественной жизни, въ общемъ и главномъ оставались неизмѣнно вѣрными этой программѣ. Во внутреннемъ обозрѣніи первой книги перваго года существованія *Русской Мысли* мы говорили: «Пора государству поработать на мужика. А для этого власти необходимо опереться на здоровыя силы русской интеллигенціи. Между послѣднею и народомъ нѣтъ и не можетъ быть разрыва. Съ той и другой стороны можетъ существовать только взаимное непониманіе. Но мы твердо вѣримъ, что сочтены дни этому непониманію. Распространеніе въ народѣ образованія и изученіе народнаго быта быстро сближаютъ образованнаго человѣка съ русскимъ крестьяниномъ, съ русскимъ рабочимъ, и недалеко то время, когда наша общественная наука и наша печать явятся лучшими выразительницами лучшихъ стремленій народа».

«Мы не забываемъ, конечно, великихъ заслугъ нашего земскаго и городского самоуправленія въ дѣлѣ развитія народнаго благосостоянія и общественнаго правосознанія, какъ не забываемъ и возможныхъ заслугъ другихъ учрежденій. Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ».

И вотъ прошла томительная четверть вѣка. Наши надежды, наши горячія стремленія еще не осуществлены, но уже близокъ часъ ихъ осуществленія, и люди нашего поколѣнія и направленія скоро скажутъ: Нынѣ отпущаеши...

Первый редакторъ *Русской Мысли* былъ однимъ изъ послѣднихъ славянофиловъ, въ точномъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Въ кошелевской *Бесѣдѣ*, которую раньше редактировалъ С. А. Юрьевъ, рука объ руку съ нимъ находили возможность работать выдающіеся западники. Въ *Русской Мысли* эта противоположность постепенно исчезла, и журналъ принялъ русскій, демократическій характеръ, на общихъ основахъ западно-европейской культуры. Живыя симпатіи къ славянскому міру, конечно, остались. Особенно внимательно относилась *Русская Мысль*, по понятнымъ основаніямъ къ польскому вопросу.

Въ первой книгѣ 1880 г. у насъ были помѣщены: *Маргеръ* Сырокомли

въ переводѣ Пальмина и статья о Кондратовичѣ-Сыромлѣ Н. П. Аксакова. *Русская Мысль* напечатала знаменитое письмо Хомякова о польском вопросѣ (1881 г., кн. III), и съ тѣхъ поръ постоянно слѣдила за развитіемъ польской литературы и польской общественной жизни. Мы съ радостью отмѣчали факты сближенія между русскими и поляками и увѣрены, что для этого сближенія настало теперь благопріятное время.

Почти наканунѣ смерти Пыпина славянскій клубъ въ Краковѣ устроилъ вечеръ въ честь нашего знаменитаго ученаго и публициста. Первымъ говорилъ писатель Адамъ Сѣдлецкій, давъ образъ «мужа справедливаго, евангельски стремящагося къ работѣ во имя правды». Многія выдержки изъ трудовъ русскаго писателя ближе ознакомили слушателей съ его умственной индивидуальностью...

Ораторъ заключилъ рѣчь свою словами, что «въ виду признаковъ, дозволяющихъ ожидать побѣды идеаловъ Пыпина, ознакомленіе польскаго общества съ его убѣжденіями было бы обязанностью очень своевременной, если бы не то, что проникаться такими мыслями, какъ мысли Пыпина, своевременно всегда».

Публика встрѣтила слова Сѣдлецкаго бурнымъ одобреніемъ.

Затѣмъ слѣдовалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, главнымъ образомъ, вертѣвшійся около отношеній Пыпина къ польскому народу. Г. Володкевичъ выразилъ сожалѣніе, что о русскихъ людяхъ того нравственнаго уровня, какъ Пыпинъ, польское общество знаетъ слишкомъ мало. Когда антипольское теченіе, вызванное 1863 годомъ, увлекло людей того уровня, какъ Катковъ и Аксаковъ, заставляя ихъ измѣнить своимъ вчерашнимъ взглядамъ, Пыпинъ продолжалъ оставаться борцомъ за идею справедливаго отношенія Россіи ко всѣмъ народамъ, а въ частности къ Польшѣ.

Проф. краковскій, Здзѣховскій, обращаясь къ университетскимъ своимъ воспоминаніямъ, сознался, что трудъ Пыпина: «Характеристики литературныхъ воззрѣній» оказалъ рѣшающее вліяніе на дальнѣйшее направленіе его, профессора Здзѣховскаго, научной дѣятельности, направилъ ее на путь изслѣдованія русской мысли и жизни въ XIX столѣтіи.

Проф. Соколовскій, гостившій недавно въ Петербургѣ и посѣтившій русскаго ученаго, засвидѣтельствовалъ о его умственной неослабной энергіи. Когда рѣчь коснулась войны, Пыпинъ выразилъ опасеніе, какъ бы русскія неудачи не упрочили грознаго для всего славянскаго міра современнаго положенія Германіи.

Проф. С. статью Пыпина: «Польскій вопросъ въ русской литературѣ», считаетъ источникомъ, изъ котораго исходятъ позднѣйшіе труды Чичерина и Соловьева объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ.

Г. Шавловскій напомнилъ о прекрасномъ обликѣ Грановскаго, который читалъ исторію въ университетѣ еще до Пыпина.

Вечеръ, въ виду исключительнаго состава публики, явилъ собою сердечную руссофильскую манифестацію. Славянскій клубъ въ Краковѣ, благодаря денежной жертвѣ г. Володковича, съ новымъ годомъ осуществитъ

свое намѣреніе создать особый свой органъ: *Swiat Slowianski* («Славянскій Міръ»).

Руководить этимъ ежемѣсячнымъ изданіемъ будетъ кружокъ профессоровъ краковскаго университета. Направленіе журнала опредѣляется слѣдующими пунктами его программы: 1) Признаніе единенія поляковъ со всѣмъ славянствомъ и защита его передъ германскимъ напоромъ; 2) горячая симпатія ко всѣмъ партіямъ и людямъ въ Россіи, стремящимся къ справедливому разрѣшенію польскаго спора и наоборотъ—борьба съ органами, проповѣдующими денаціонализацію; 3) особое вниманіе къ умственной жизни и культурѣ Россіи. Редакторомъ избранъ историкъ и публицистъ д-ръ Феликсъ Конечный. (*Новое Время*, 30 ноября).

Сердечно желаемъ полнаго успѣха этому предпріятію.

Д. А. Бырдинъ проситъ меня напечатать слѣдующій разсказъ его о встрѣчѣ съ М. Е. Салтыковымъ. Онъ характеренъ для нашей бюрократіи.

«Это было,—пишетъ г. Бырдинъ,—въ 1861 или 1862 году. Я жилъ тогда въ своемъ имѣніи, находящемся въ 150 верстахъ отъ Твери. Крестьяне тогда только что получили волю. Глубоко заинтересованный всѣмъ, что касалось такъ называемаго крестьянскаго вопроса, я считалъ нравственнымъ своимъ долгомъ войти въ несчастное положеніе небольшого селенія въ 30 душъ, находящагося неподалеку отъ моей усадьбы. Положеніе это было создано для нихъ ихъ помѣщикомъ г. Б., ярымъ крѣпостникомъ. Онъ довелъ своихъ подданныхъ до невообразимой нищеты, заставляя поголовно всѣхъ своихъ крестьянъ ежедневно работать у него на барщинѣ, такъ что свои поля они принуждены были обрабатывать по ночамъ. Когда же грянулъ громъ 19 февраля, онъ широко воспользовался своими хорошими отношеніями съ мѣстнымъ исправникомъ и дружбой съ мировымъ посредникомъ, недалеко ушедшимъ во взглядахъ на крестьянское положеніе отъ сказаннаго владѣльца. Опираясь при этомъ на предоставленное помѣщикамъ право оставлять за собою прилегающую къ ихъ усадьбамъ землю, онъ задумалъ переселить крестьянъ на полверсты отъ ихъ прежняго мѣстожительства на совершенно неудобную землю, а удобренную крестьянами землю оставить за собою. При этомъ гуманный господинъ этотъ не пожелалъ даже дать крестьянамъ лѣсу на постройку или переустройку ихъ гнилыхъ избъ на новомъ мѣстѣ. Не видя нигдѣ себѣ помощи, крестьяне обратились ко мнѣ съ горячей просьбой ходатайствовать за нихъ передъ начальствомъ. Съ этою-то цѣлью я и поѣхалъ въ Тверь, думая просить губернатора обратить вниманіе на это вопіющее дѣло. Но губернаторъ оказался въ отлучкѣ, и мнѣ пришлось обратиться къ временно управлявшему губерніей вице-губернатору М. Е. Салтыкову. Я пріѣхалъ къ нему на квартиру вечеромъ и передалъ ему мою просьбу. Михаилъ Евграфовичъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе пріостановить переселеніе вышеуказанныхъ крестьянъ впредь до разслѣдованія, а затѣмъ попросилъ меня на вечерній чай. Мы стали бесѣдовать о его *Губернскихъ очеркахъ*. Когда я замѣтилъ, что, вѣроятно, многіе изъ его очерковъ не были напечатаны по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ подтвердилъ мое предположеніе и затѣмъ добавилъ:

— Да вотъ хотите, я передамъ вамъ одинъ эпизодъ изъ моихъ вятскихъ впечатлѣній, который я даже не думалъ никогда предавать гласности, зная навѣрное, что это невозможно. Вѣроятно, вы знаете, что въ 1848 году я проживалъ не по собственному желанію въ г. Вяткѣ. Въ мѣстныя губернскія власти почему-то мною интересовались до такой степени, что постоянно приглашали меня къ себѣ на офиціальные обѣды. Въ числѣ другихъ чиновныхъ лицъ былъ я приглашенъ и на обѣдъ предсѣдателемъ палаты гражданскаго суда, причемъ удостоили посадить меня рядомъ съ предсѣдателемъ казенной палаты. Я увидѣлъ, что за обѣдомъ нѣсколько человѣкъ лакеевъ служатъ во фракахъ, чему крайне удивился, такъ какъ ни въ клубѣ, ни въ частныхъ домахъ мнѣ не приходилось видѣть прислугу во фракахъ. Я обратился за разъясненіемъ къ сосѣду своему по столу, предсѣдателю казенной палаты, спрашивая его, откуда могъ получить такую приличную прислугу нашъ хозяинъ. Въ отвѣтъ на это мой сосѣдъ пригласилъ меня спросить объ этомъ у самого хозяина дома. Конечно, я тотчасъ же исполнилъ совѣтъ сосѣда и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «это мои ребята». Оставаясь попрежнему въ недоумѣніи, я сказалъ: «Извините, ваше превосходительство, я не совсѣмъ понимаю васъ». Я получилъ снова въ отвѣтъ: «это мои столоначальники». При моемъ положеніи опальнаго человѣка мнѣ, конечно, неудобно было входить въ дальнѣйшія обсужденія вопроса о лакеяхъ во фракахъ, но я сильно заподозрилъ нашего любезнаго хозяина въ желаніи мистифицировать меня. Какъ бы то ни было, я отложилъ разрѣшеніе этой загадки до другого дня. На слѣдующій день послѣ памятнаго мнѣ обѣда я отправился въ палату гражданскаго суда и былъ несказанно удивленъ, дѣйствительно признавъ въ столоначальникахъ тѣхъ лакеевъ, которые прислуживали вчера за обѣдомъ у предсѣдателя. Только на сей разъ они были не во фракахъ, а въ вицъ-мундирахъ съ блестящими форменными пуговицами. Мнѣ представился вопросъ: откуда могли взять столоначальники фраки? Сами они не могли ихъ пріобрѣсти, потому что получали слишкомъ ничтожное жалованье. Неужели предсѣдатель на свой счетъ изготовилъ имъ фраки на случай обѣда у него? Предложивъ двумъ-тремъ столоначальникамъ этотъ вопросъ, я получилъ отъ нихъ слѣдующее разъясненіе: «намъ не велѣно пришивать форменныя пуговицы къ вицъ-мундирамъ, а приказано вышивать въ подлежащихъ для пуговицъ мѣстахъ отверстія, въ которыя и вкладываются пуговицы, прикрѣпляющіяся съ исподней стороны шнуркомъ, который продѣвается въ ихъ ушки, а на случай обѣда велѣно имѣть матерчатыя черного цвѣта пуговицы съ такими же ушками. Съ помощью этихъ пуговицъ вицъ-мундиры и превращаются во фраки во время службы за обѣдомъ у его превосходительства».

То, что я разсказалъ вамъ,—заключилъ Михаилъ Евграфовичъ,—факт, но мнѣ нечего и думать объ его оглашеніи.

Затѣмъ я откланялся, и мнѣ уже никогда не довелось видѣть знаменитаго нашего сатирика. Считаю долгомъ добавить, что просьба моя была уважена, и крестьяне получили требуемый имъ лѣсъ на постройку и льготу на уплату оброка въ теченіе трехъ лѣтъ».

Е. Е.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Декабрь 1904 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

олное собраніе соч. *Н. А. Астырева.* Т. I.—Стихотворенія *Н. П. Огарева.*—*Вячеславъ Висковскій.* Разсказы. Т. I.— *Н. Васильевъ.* Тоска по вѣчности. Стихотворенія.— *Юдифь Готье.* Сестра солнца.—Изданія *Рутенбергъ и Жуковой:* 1) *Гаринъ.* На практикѣ, 2) *Елпатьевскій.* Служащій. Апельсинщикъ. О. Кириллъ. 3) *Наживинъ.* Два барика. 4) *Измайловъ.* Уловительницы.—Издательство *Поповой. Г. Эберъ.* Человѣкъ есмь.— *С. Т. Семеновъ.* У пропасти др. разсказы.— Собраніе соч. *Д. И. Ставьева.*

Полное собраніе сочиненій Н. М. Астырева. Т. I. Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія. Изданіе (магазина „Книжное дѣло") третье. Съ портретомъ автора. М., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ высшей степени интересные очерки покойнаго Николая Михайловича Астырева, безъ сомнѣнія, извѣстны большинству образованныхъ читателей вообще и въ частности читателямъ *Русской Мысли*, на страницахъ которой нѣкоторое время появлялись труды талантливаго писателя. Поэтому даже краткій пересказъ очерковъ, составляющихъ содержаніе I-го тома, становится излишнимъ; слѣдуетъ только помянуть, что они не только не утратили своего значенія до настоящаго момента, но, наоборотъ, ихъ значеніе усугубляется, въ виду навшей необходимости упорядочить дѣло крестьянскаго самоуправленія. Любопытно указаніе автора (стр. 33) на одну особенность народной жизни: „это многовѣковое убѣжденіе народное, что сословіе стрюцкихъ— особь статья, а „хрестьянскій народъ"—тоже особь статья,—этотъ камень преткновенія для интеллигенціи въ ея стремленіи къ ближенію съ рабочимъ міромъ будетъ еще долго служить темой для изслѣдованія и ученія".

Досадную особенность настоящаго изданія, чистаго по внѣшности и дорогого по цѣнѣ, составляетъ полнѣйшее отсутствіе хотя бы самой краткой біографіи автора и даже библіографическаго указанія, гдѣ даны очерки первоначально печатались, а между тѣмъ 3 іюня текущаго года исполнилось ровно десять лѣтъ со дня кончины Н. М. Астырева, извѣстнаго беллетриста-народника и образцоваго статистика, съ честью служившаго московскому губернскому земству. Если не догадались дать самостоятельной біографической статьи, можно было взять свѣдѣнія изъ

некрологовъ или изъ „Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Эфрона (т. II, стр. 402), гдѣ всетаки указано, что Н. М. родился въ г. Тихвинѣ, Новгородской губ. (1857 г.), въ 1878 г. кончилъ курсъ реальнаго училища въ Москвѣ и поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія“, и т. д. Намъ кажется, что этотъ важный недосмотръ не поздно исправить въ конечномъ томѣ изданія.

Стихотворенія Н. П. Огарева. Подъ ред. М. О. Гершензона. Т. I. М., 1904 г. Огаревъ принадлежитъ къ числу забытыхъ поэтовъ. Это объясняется не столько размѣрами поэтическаго дарованія, въ общемъ довольно скромными, сколько тѣмъ, что небольшой сборникъ его стиховъ вышелъ въ 1856 г. и скоро сдѣлался библіографической рѣдкостью, эмигрированье Огарева мѣшало его переизданію, а заграничныя изданія могли попасть въ руки очень немногихъ.

Прекрасно напечатанное изданіе гг. Сабашниковыхъ, подъ редакціей г. Гершензона, полнѣе всѣхъ предыдущихъ. Редакторъ, желая придать ему популярный характеръ, исключилъ стихи, которые показались ему слабыми,—потому что „Огаревъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ поэтовъ, чья каждая строка драгоцѣнна“. Мы боимся, что, сводя вопросъ на почву личныхъ вкусовъ, редакторъ придалъ своему изданію нѣсколько случайный, субъективный характеръ. Почему бы публикѣ не узнать *настоящаго* Огарева, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, со всѣми его положительными и отрицательными сторонами, а не такимъ, какимъ его желаетъ представить намъ г. Гершензонъ? Выпущенное имъ заняло бы не такъ ужъ много мѣста.

Біографія слишкомъ коротка и сводится къ сухому перечню фактовъ. Нѣтъ и характеристики поэзіи Огарева, которая ввела бы читателей въ пониманіе слишкомъ давно забытаго поэта. Такъ же скупо составлены и примѣчанія: почти всѣ они носятъ сухой библіографическій характеръ.

Вячеславъ Висковскій. Разсказы. Томъ I. Второе изданіе. П., 1904 г. Изданіе „Книжнаго дѣла“. Ц. 1 р. Разсказы г. Висковскаго производятъ странное, смѣшанное впечатлѣніе. Съ одной стороны, кажется, что далеко не все, что въ этой книгѣ напечатано, стоило писать, съ другой стороны, мы видимъ въ авторѣ человѣка вдумчиваго, сильно чувствующаго и въ извѣстной мѣрѣ талантливаго.

Постараемся, по возможности, подробнѣе и тщательнѣе выяснить,—на чемъ основывается и какъ складывается такое впечатлѣніе.

Прежде всего о темахъ г. Висковскаго. Онъ беретъ или разныя горькія, тяжелыя явленія, или останавливается на какомъ-нибудь отвлеченномъ моментѣ, на какомъ-нибудь обрывкѣ чувства или мысли. Грустныя темы, разумѣется, вполнѣ законны: если авторъ искренне страдаетъ, наблюдая и испытывая жизнь, странно было бы требовать отъ него веселыхъ улыбокъ и бодрыхъ, радостныхъ рѣчей. Но отвлеченныя, чаще всего отрывочныя темы уже не кажутся намъ свойственными и нужными г. Висковскому: для этого нужно имѣть дарованіе совсѣмъ особаго характера и очень много вкуса, чувства художественной правды и мѣры.

Не нравится намъ ни „Сказка о розовыхъ и черныхъ очкахъ“,—самая примитивная и не оригинальная аллегорія, ни „Научи“,—длинный монологъ, преисполненный претенціознаго философствованія, и потому, естественно, далеко не свободный отъ холодной риторики, ни „Птицы улетаютъ“,—не то сказка, не то опять-таки безплодно философствующее стихотвореніе въ прозѣ. Не хорошъ и „Единый безсмертный“. Отрывочнымъ, надорваннымъ языкомъ г. Висковскій разсказываетъ, какъ по вселенной проходитъ какое-то „безсмертіе міра“ въ образѣ юноши

черной повязкой на головѣ—„символомъ безконечной власти“. Этому „властному духу“ надоѣло существовать, онъ завидуетъ людямъ съ ихъ маленькой жизнью и маленькими цѣлями. У него нѣтъ цѣли, и онъ въ бѣшенствѣ грозитъ вселенной разрушеніемъ. Вселенная отвѣчаетъ, что „пока есть время“, этотъ юноша не исчезнетъ, и такъ какъ время вѣчно, то вѣченъ и онъ самъ.

Подъ конецъ оказывается, что разговоръ шелъ о смерти. „Этотъ юноша—смерть“, вѣщаетъ авторъ.

Зачѣмъ все это? Нѣтъ здѣсь ни настоящей красоты, ни глубокой мысли, а однако авторъ почему-то возлюбилъ такой странный жанръ и наполнилъ имъ добрую половину книги. Мы понимаемъ это какъ опыты, какъ исканіе своего, личнаго, оригинальнаго,—но въ такомъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ предъявлять эти опыты публикѣ. Авторъ долженъ быть строже къ себѣ: только такимъ образомъ онъ найдетъ то, что ищетъ и скажетъ, дѣйствительно, свое слово. А попробовать написать такъ, попробовать написать то, и еще такъ, и еще то,—и всѣ эти „пробы пера“ собрать для публики—въ концѣ-концовъ просто очень вредно для автора и ненужно читателю.

Не стали бы мы такъ останавливаться на недостаткахъ г. Висковскаго, еслибъ не видѣли много хорошаго въ остальныхъ частяхъ его книги. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣсколько небольшихъ разсказовъ, написанныхъ сжато, искренне и горячо.

Г. Висковскій очень сильно чувствуетъ. Въ его душѣ больно отзывается чужое горе, страданія, грусть, и въ своихъ разсказахъ онъ съ истинной скорбью рисуетъ тьму и зло жизни. Ему кажется, что выхода нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, никто не знаетъ этого выхода, что люди обречены на страданіе и не дано имъ надежды. Если нѣтъ выхода дѣйствительно, то смерть и особенно самоубійство выступаютъ какъ естественное завершеніе тяжелыхъ жизненныхъ явленій,—вотъ почему разсказы г. Висковскаго часто кончаются самоубійствомъ.

Не станемъ доказывать автору несостоятельность и узость его отчаяннаго міровоззрѣнія. Замѣтимъ только, что оно можетъ казаться фальшивымъ и надуманнымъ, можетъ погубить все творчество. Но, однако, разсказы г. Висковскаго не производятъ такого впечатлѣнія: отъ нихъ вѣетъ искренностью, молодымъ, страстнымъ порывомъ,—и мы, читатели, въ нѣсколько особомъ положеніи. Съ одной стороны, мы знаемъ, что ужъ не все же въ мірѣ черно, не одно только самоубійство естественно разрѣшаетъ трагическую запутанность жизни,—съ другой стороны, мы не можемъ остаться равнодушными къ разсказамъ г. Висковскаго, и многое въ нихъ насъ увлекаетъ.

Не равнодушно читаемъ мы о томъ, какъ горбатый мечтатель Зайцевъ тоскливо, отчаянно ищетъ „красивой жизни“. Онъ ждетъ ея, ждетъ путей къ ней, работы для нея, и видитъ только холодную, сѣрую, прежнюю „некрасивую“ жизнь. Даже любовь слишкомъ мало даетъ ему красоты и, потерявъ послѣднюю надежду, онъ предпочитаетъ оставить жизнь.

Представители „Торговаго дома Милова наслѣдники“ тоже страдающіе, поломанные люди. Ихъ безплодное метаніе, осложненное грубыми и тяжелыми условіями купеческаго быта, приводитъ къ тому, что молодой Миловъ покушается убить брата.

Недуренъ эскизъ „Антипка“. Съ нѣкоторой сентиментальностью, но опять-таки искренне и прочувствованно рисуетъ г. Висковскій маленькую грустную картинку, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является станціонная собака Антипка.

Въ „Сѣренькомъ одиночествѣ“ мы видимъ забитаго и жалкаго чиновника, который съ горя и тоски напивается пьянъ и ведетъ длинные грустные разговоры съ облѣзлой собакой Діанкой.

Очень тяжелое впечатлѣніе производитъ „Суету познавшій“. Это подробное до ужаса описаніе не сразу удавшагося самоубійства. Авторъ съ какимъ-то особымъ проникновеніемъ, съ мрачнымъ увлеченіемъ описываетъ тяжелыя, страшныя сцены медленной агоніи, но, къ счастію, описанія эти не безобразно реальны.

Вотъ основные мотивы творчества г. Висковскаго. Нужно прибавить къ этому еще нѣкоторые недостатки. Непріятно дѣйствуетъ нѣкоторая какъ бы намѣренная небрежность стиля: отрывистыя фразы звучатъ такъ рѣзко и некрасиво.

Не хорошо и то, что иногда—правда, не часто—въ тонѣ г. Висковскаго проскальзываетъ какая-то претенціозность, иногда даже нѣсколько подражательная.

При выработкѣ, при строгомъ трудѣ многіе недостатки исчезнутъ. Остается пожелать, чтобы не ослабѣла искренность автора, не потускнѣло свѣжее увлеченіе, дѣлающее его книгу интересною.

Н. Васильевъ. Тоска по вѣчности. Стихотворенія. Казань. 1904 г. Ц. 1 р. По свидѣтельству самого новаго поэта, онъ ищетъ всегда, ищетъ вездѣ и въ то же время томится по вѣчности нетлѣнной. Музыки вселенной онъ еще не нашелъ, почему стихи музыкальностью не отличаются, а по вѣчности томится въ 21 стихотвореніи. Слѣдующіе отдѣлы книжки озаглавлены: „Игра въ людей“, „Lacrimae rerum“, „Улыбка любви“, „Чужимъ богамъ“, „Міръ есть мое представленіе“. Въ качествѣ объекта психіатрическихъ наблюденій декаденты несомнѣнно имѣютъ право на существованіе. Въ литературномъ смыслѣ ихъ единственной заслугой нужно признать совершенство стиха. Но у г. Васильева стихъ плохъ—очень ужъ дешевыя, совсѣмъ грошовыя риѳмы: волны полны, любовь—кровь, безконечность—вѣчность, мечты—цвѣты. Чепушистымъ выраженіямъ отводится почтенная роль: „вползающій взглядъ“, „томящая цѣпкость объятій“, „черное солнце“, „пустующія сумерки“, „текучіе пряные взгляды“, „нѣмая красота разложенья“, „созвѣздія скорби на небѣ страдаютъ, а съ неба струится мистическій бредъ“, „кресла слушаютъ въ гостиной воркотню часовъ“ и т. под. перлы на каждой страницѣ, а всѣхъ страницъ 155! Каково достается читателю!

Рядъ историческихъ романовъ. Юдифь Готье. Сестра солнца. Переводъ съ французскаго Ольги Трачевской. Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями профессора А. Трачевскаго. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Романъ „Сестра солнца“, взятый изъ японской жизни, лучше всего охарактеризовать словомъ „красивый“. Въ немъ все красиво, ярко и такъ много говоритъ воображенію именно съ этой стороны. Красиво южное небо, красивы лимонныя рощи, красивы костюмы, красивы женщины, красива и нѣжна до романтизма любовь. Это именно какая-то фееричная красота жизни. Читателю, не бывшему въ Японіи, трудно себѣ представить, насколько вѣрно подобное изображеніе нравовъ и насколько вѣрнымъ остается авторъ исторической правдѣ. Но если даже Юдифь Готье въ своемъ романѣ слишкомъ идеализируетъ японскіе нравы—бѣда небольшая, и романъ „Сестра солнца“ можно рекомендовать для чтенія юношества. Читается онъ съ неослабѣвающимъ интересомъ, дѣйствующія лица полны благородныхъ порывовъ, а иногда и настоящаго героизма, и, кромѣ того, въ общемъ все же получается картина нравовъ, столь непохожихъ на нашъ европейскій строй.

Романъ переведенъ хорошимъ, живымъ языкомъ, а переводу предшествуетъ введеніе профессора Трачевскаго, въ которомъ дается краткій историческій очеркъ общественнаго развитія Японіи.

Для всѣхъ. Изданіе О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб., 1904 г. Н. Гаринъ. На практикѣ. Ц. 5 к. С. Елпатьевскій. Служащій. Ц. 10 к. Апельсинщикъ. Ц. 3 к. О. Кириллъ. Ц. 5 к. Ив. Наживинъ. Два старика. Ц. 3 к. В. Измайловъ. Уловительницы. Ц. 1 к. Брошюрами, названіе которыхъ мы только что выписали, дебютируетъ новая петербургская книгоиздательская фирма Рутенбергъ и Жуковой *Для всѣхъ*. Выпуская подъ флагомъ *Для всѣхъ* серію разсказовъ, издатели, безъ сомнѣнія, хотѣли показать этимъ аншлагомъ, что фирма предполагаетъ пустить въ обращеніе тѣ произведенія, которыя доступны самымъ широкимъ кругамъ читателей. Косвенно подтверждается это общедоступной цѣной брошюрокъ, а также и виньеткой, которая неизмѣнно украшаетъ обложку каждой брошюры. Виньетка изображаетъ рабочаго въ блузѣ, сосредоточенно склонившагося надъ книгой; направо маленькая дешевенькая лампочка съ бумажнымъ абажуромъ, налѣво внизу пьедесталъ, на которомъ поставленъ свѣтильникъ, его яркое пламя волнующейся полосой поднимается вверхъ и опоясываетъ фигуру рабочаго. Въ первую очередь вошли произведенія писателей, занимающихъ опредѣленное положеніе въ современной журналистикѣ, какъ, наприм., Гарина, Елпатьевскаго и Наживина; это освобождаетъ насъ отъ общей оцѣнки изданныхъ юной фирмой произведеній, а потому мы ограничимъ свой разборъ лишь выясненіемъ, насколько удалось издателямъ выбрать матеріалъ, дѣйствительно доступный „для всѣхъ".

Въ очеркѣ Гарина „На практикѣ" разсказывается, какъ юноша, студентъ института инженеровъ путей сообщенія, попалъ на практическія работы въ качествѣ желѣзнодорожнаго кочегара. Авторъ очень остроумно излагаетъ всѣ злоключенія студента, возникающія на почвѣ полной неприспособленности къ тяжелому физическому труду рядового рабочаго, и на-ряду съ этимъ даетъ яркій типъ машиниста, того невѣдомаго труженика, близкое знакомство съ работой котораго невольно наводитъ на такую мысль: „чего стоитъ война съ ея героями, усиліями въ теченіе полугода, года, въ сравненіи съ этой постоянной опасностью, напряженнѣйшей работой въ мірѣ? Пятнадцать лѣтъ такой работы и машина человѣческаго организма вся разбита: отъ постояннаго стоянія и тряски ноги отказываются служить; слѣпнутъ глаза отъ постояннаго контраста бѣлаго огня топки и темной ночи; отъ непогоды, контрастовъ тепла отъ котла и холода снаружи—ревматизмъ". И студентъ узналъ, что такое трудъ.

Елпатьевскій своимъ очеркомъ „Служащій" вводитъ читателей въ кругъ тружениковъ другой категоріи — приказчиковъ, конторщиковъ, бухгалтеровъ и т. п. Авторъ главное вниманіе останавливаетъ на новомъ типѣ „служащаго", мало-по-малу вытѣсняющаго прежняго приказчика, который довольствовался „Пѣсенниками", зазвонистыми повѣстями, фабриковавшимися на Никольской, унижался передъ хозяиномъ и, кромѣ выпивки, не зналъ никакого иного развлеченія. Типомъ „новаго" служащаго является бухгалтеръ Ножичкинъ, самостоятельный, сознающій права личности человѣкъ, принимающій дѣятельное участіе въ мѣстномъ „обществѣ приказчиковъ", въ мѣстномъ клубѣ, словомъ, съ рѣзко выраженными общественными стремленіями. Ножичкинъ читаетъ уже Гл. Успенскаго и Салтыкова. Передъ читателемъ проносится рядъ любопытныхъ сценъ и эпизодовъ изъ жизни „служащихъ". Тонъ задаютъ еще приказчики и служа-

щіе, проходившіе старинную школу,—почтительные и покорные люди, жмущіеся къ сторонкѣ; все чаще и чаще появляются въ этой покорной средѣ „другіе люди, менѣе терпѣливые, менѣе покорные“, выдвигается „новый, все растущій слой „служащихъ“ съ другой индивидуальностью, съ новой оригинальной физіономіей“.

Второй очеркъ Елпатьевскаго „Апельсинщикъ“ посвященъ изображенію „неспокойнаго“ рабочаго, разносчика апельсиновъ. Торговать (отъ хозяина) апельсинами рабочій былъ вынужденъ болѣзнью (у него начиналась чахотка, и врачъ запретилъ оставаться на фабрикѣ). Новая профессія рабочаго довольно доходная, трудъ несравненно легче, но рабочій не можетъ успокоиться: онъ недоволенъ тѣмъ, что приходится запрашивать съ покупателей, всучивать имъ кислые или незрѣлые плоды, волнуется, узнавъ, что другой разносчикъ того хозяина продалъ мальчику королекъ, оказавшійся подкрашеннымъ, благодаря чему мальчикъ чуть не померъ. Тянетъ рабочаго на фабрику не одно только сознаніе, что тамъ *честный* трудъ, *честная* работа. Ему хочется учиться, а при фабрикѣ существуютъ вечерніе техническіе классы. Неспокойный рабочій не удержался и ушелъ.

Центральной фигурой третьяго очерка Елпатьевскаго „О. Кириллъ“ является монахъ-священникъ, бывшій семинаристъ, превосходившій своими дарованіями всѣхъ товарищей. Смерть жены и ребенка сдѣлала изъ о. Кирилла полублаженнаго, но въ лучшемъ смыслѣ этого слова: онъ всѣмъ помогаетъ, раздаетъ послѣднюю одежду, послѣдній грошъ.

Совершенно иную среду встрѣчаетъ читатель въ очеркѣ Наживина „Два старика“. Героемъ является милліонеръ-лѣсопромышленникъ, бывшій мужикъ, затѣмъ приказчикъ, а потомъ кулакъ, Илья Иванычъ. Ему уже 68 лѣтъ, у него внуки, правнуки. Дѣдъ ходитъ въ поддевкѣ и ситцевой рубахѣ, дѣти—члены благотворительныхъ обществъ, „холопствующія за медаль, за орденъ“, внуки—отчаянные спортсмены. На склонѣ лѣтъ мужикъ чувствуетъ полную неудовлетворенность. Съ ужасомъ онъ убѣждается, что много зла сдѣлалъ онъ людямъ, много принесъ въ жертву тому милліону, который ему въ дѣйствительности ни на что рѣшительно не нуженъ. И, дѣйствительно, образъ жизни и всѣ привычки у Ильи Ивановича таковы, что все необходимое онъ можетъ имѣть „и безъ милліона, и безъ длинныхъ годовъ тяжкаго труда, хлопотъ, безпокойства“. Старика-милліонера очень тяготитъ полное одиночество, получившееся благодаря нравственной отчужденности и взаимному непониманію, которыя существуютъ между нимъ и сыновьями. Въ одну изъ тяжелыхъ безсонныхъ ночей милліонеръ хотѣлъ подѣлиться горемъ съ ночнымъ сторожемъ, съ которымъ, какъ оказалось, онъ въ деревнѣ въ дѣтствѣ велъ большую дружбу. Сторожъ не понимаетъ тоски милліонера, онъ даже радъ, что тотъ прекратилъ „душеизліяніе“: у старика-сторожа ноги страшно устали, такъ какъ ему приходилось стоя выслушивать исповѣдь милліонера.

„Уловительницы“ В. Измайлова очень живая жанровая сценка изъ быта фабрично-заводскихъ рабочихъ. „Уловительницами“ являются жены и матери рабочихъ, пришедшія къ фабрикѣ въ день выдачи заработка, чтобы успѣть кое-что „уловить“ на хозяйство.

Ознакомившись съ содержаніемъ всѣхъ вышедшихъ брошюръ книгоиздательства Рутенбергъ и Жуковой, приходится констатировать, что онѣ дѣйствительно прочтутся съ интересомъ *всѣми*, т.-е. и интеллигенціей, и грамотнымъ рабочимъ, и приказчикомъ, и т. д. Жаль только, что иностранныя слова, фразы на французскомъ языкѣ и нѣкоторыя

спеціальные термины оставлены безъ поясненій. Далеко не *всѣмъ* извѣстно, что такое кардифъ, брикетъ или нью-кестль, далеко не всѣ знаютъ и французскій языкъ.

Издательство О. Н. Поповой. Библіотека „Другъ". Человѣкъ бо есмь. Романъ Георга Эберса. Перев. съ нѣм. Д. И. Котляръ. Ц. 60 к. Романъ Эберса „Человѣкъ бо есмь" давно уже извѣстенъ русской читающей публикѣ. Это замѣчательная картина борьбы внутренняго человѣка съ человѣкомъ физіологическимъ, борьбы великаго духа, парящаго вверхъ, съ матеріей, пригибающей его къ землѣ; это глубочайшая драма самаго жестокаго разлада, разлада человѣка съ самимъ собой. Романъ этотъ написанъ давно, но его идея принадлежитъ къ числу идей, владѣющихъ человѣчествомъ во всѣ времена. И въ наше смутное время, когда человѣчество ушло впередъ отъ сложившихся традицій, и когда въ силу этого обстоятельства, жизнь болѣе чѣмъ когда-либо полна внутренняго разлада, романъ Эберса имѣетъ особенный интересъ современности, почему новый его переводъ въ сравнительно дешевомъ изданіи является весьма желательнымъ. Что касается до настоящаго перевода Д. И. Котляръ, то онъ очень хорошъ, языкъ его легокъ, выразителенъ и достаточно образенъ. Къ недостаткамъ изданія слѣдуетъ отнести слишкомъ мелкую печать.

С. Т. Семеновъ. У пропасти и другіе разсказы. Изданіе второе. М. 1904 г. Ц. 80 к. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Небольшая книжка г. Семенова принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, за которыя читатель принимается безъ большихъ ожиданій и которыя читаетъ безъ захватывающаго интересе. Тѣмъ не менѣе, однако, прочитавъ книгу Семенова, читатель не можетъ не почувствовать своей связи съ авторомъ. Сѣры и неприглядны темы, затрогиваемыя въ этомъ сборникѣ, такъ же сѣры и неприглядны, какъ дѣйствительность, изъ которой онѣ взяты; но повсюду въ разсказахъ свѣтится искреннее неподдѣльное чувство автора, его любовъ къ бѣдному сѣрому человѣку, составляющему современную народную массу, и неподдѣльная искренность чувства передается читателю.

Собраніе сочиненій Д. И. Стахѣева. Съ біографіей М. Никольскаго, критическимъ этюдомъ И. В. Быкова и портретомъ автора. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Полное собраніе сочиненій Д. И. Стахѣева, произведенія котораго долго печатались въ крупныхъ и мелкихъ журналахъ, издано товариществомъ Вольфъ въ 12 томахъ. Многіе найдутъ въ этомъ собраніи знакомыя, когда-то интересовавшія публику вещи, какъ, напримѣръ, романъ „Студенты", нѣкоторые мелкіе разсказы.

Очеркъ г. Быкова добросовѣстно рисуетъ значеніе автора, какъ бытописателя. Изданіе, по обыкновенію, плохое: тонкая, просвѣчивающая бумага, неразборчивый шрифтъ, аляповатые переплеты.

ИСТОРІЯ.

Сэръ Кортней Ильбертъ. Монтескье.—*Н. Карѣевъ.* 1) Государство-городъ античнаго міра. 2) Монархіи древняго востока и греко-римскаго міра.—*З. А. Рагозина.* Древнѣйшая исторія востока. Исторія Мидіи.—*Э. Клоддъ.* Исторія первобытнаго человѣка.—*Ив. Чистяковъ.* Образованіе народа во Франціи.

Сэръ Кортней Ильбертъ. Монтескье. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб., 1904 г. Эта небольшая брошюра представляетъ собой лекцію, прочитанную авторомъ въ Оксфордѣ 4 іюня 1904 г. Она посвящена, главнымъ образомъ, ха-

рактеристикѣ основного сочиненія Монтескье—„Духа законовъ“, къ которой авторъ переходитъ послѣ нѣсколькихъ замѣчаній относительно двухъ раннихъ сочиненій Монтескье: „Персидскихъ писемъ„ и „Разсужденія о величіи и паденіи римлянъ“. Въ брошюрѣ нѣтъ подробнаго изложенія „Духа законовъ“. Авторъ считаетъ безполезнымъ анализировать эту книгу. „Въ процессѣ изложенія,—говоритъ онъ,—испаряется основной духъ ея“ (стр. 18). Гораздо болѣе подробно сэръ Кортней Ильбертъ останавливается на причинахъ и проявленіяхъ того огромнаго вліянія, которое оказалъ въ свое время „Духъ законовъ“ на политическую мысль. Вліяніе идей Монтескье авторъ односторонне объясняетъ литературными и методологическими достоинствами „Духа Законовъ“, не указывая на политическую обстановку, обусловившую сочувственное къ нимъ отношеніе. Зато литературныя и научно-методологическія достоинства „Духа законовъ“ авторъ выясняетъ превосходно.

Прелесть стиля, сдѣлавшая книгу Монтескье скорѣе похожей на causerie, чѣмъ на ученое изслѣдованіе, привлекала къ ней читателей, а „фрагментарный“ способъ изложенія, который, лишая цѣпь идей непрерывности и потому не требуя отъ читателя большого напряженія, придалъ свѣжесть и оригинальность труду Монтескье. Монтескье порвалъ съ схоластической любовью къ анализу отвлеченныхъ понятій, и все свое изслѣдованіе основалъ на наблюденіи конкретныхъ учрежденій въ различныхъ странахъ. Его путь былъ единственно вѣрнымъ путемъ „отъ разнообразія къ единообразію, отъ факта къ принципамъ“ (стр. 25). Поэтому онъ былъ однимъ изъ основателей сравнительнаго метода въ примѣненіи къ политической наукѣ. Но Монтескье не былъ историкомъ: въ его сочиненіяхъ отсутствуетъ „понятіе прогресса и развитія“. „Онъ больше обращаетъ вниманія на обстановку законовъ, чѣмъ на ихъ антецеденты“ (стр. 27).

Въ заключеніе авторъ указываетъ на двѣ великихъ заслуги Монтескье: „Онъ формулировалъ теорію британской конституціи, которая продержалась цѣлое столѣтіе и на которой опиралось каждое изъ конституціонныхъ государствъ, образовавшихся за этотъ періодъ; съ другой стороны, онъ далъ новое направленіе разработкѣ юридическихъ и политическихъ наукъ“ (стр. 40).

Интересно указаніе автора на ту эволюцію къ единообразію въ законодательствѣ и учрежденіяхъ различныхъ странъ, которою отмѣчено время послѣ смерти Монтескье. Эта эволюція, по мнѣнію автора, даетъ въ настоящее время большую возможность, чѣмъ во время Монтескье, раскрыть „тѣ общія начала, которыми проникнуты различныя правовыя системы“ (стр. 40). Но такая универсальная попытка можетъ быть сдѣлана только методомъ Монтескье, путемъ сравненія правовыхъ учрежденій въ различныхъ странахъ и въ различныя времена.

Написанная блестящимъ языкомъ, брошюра сэра Кортнея Ильберта читается съ интересомъ, и переводъ ея для русскихъ читателей является далеко не лишнимъ.

Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Спб., 1903 г. Его же. Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Спб., 1904 г. Обѣ книги представляютъ собою запись лекцій, читанныхъ авторомъ въ два послѣдніе года студентамъ I курса экономическаго отдѣленія петербургскаго политехникума. Авторъ хотѣлъ дать въ нихъ [illegible] среднее между историческимъ изложеніемъ и соціологическимъ пос[illegible]ніемъ. Для этого онъ подвергъ разсмотрѣнію два соціологическихъ [illegible] подъ которые можно подвести извѣстное число отдѣльныхъ обп[illegible]

ныхъ организацій. Главное содержаніе курсовъ составили политика и экономика; даже право затрогивается въ нихъ лишь мимоходомъ, равно какъ и религія съ философіей только по ихъ связи со строемъ общества и государства. Особенно интересовали тутъ автора параллели съ исторіей новыхъ народовъ. Въ первой книгѣ онъ ограничилъ свою задачу лишь греко-римскимъ міромъ, какъ эпохой, когда типъ государства-города имѣлъ наибольшее распространеніе и достигъ наивысшаго развитія; во второй, опять-таки въ виду недостаточной подготовки слушателей, авторъ не ввелъ въ общее изученіе крупныхъ абсолютныхъ монархій аналогичныхъ формъ среднихъ вѣковъ и новаго времени. Это ограниченіе позволило ему больше держаться почвы конкретныхъ фактовъ. Въ „Государствѣ-городѣ“ преобладаетъ исключительно соціологическая точка зрѣнія; въ „Монархіяхъ“ выдвинута на первый планъ точка зрѣнія всемірно-историческая. Особенно интересовали тутъ автора вопросы, какъ всѣ эти монархіи послѣдовательно выступили на исторической сценѣ, какъ подъ покровомъ ихъ происходило культурное взаимодѣйствіе подвластныхъ народовъ и изъ элементовъ различныхъ культуръ вырабатывались новыя формы, что отъ монархій древняго Востока было воспринято эллинистическими царствами, а отъ нихъ перешло къ римской имперіи. По мнѣнію автора, для высшаго учебнаго заведенія, гдѣ исторія является предметомъ общаго образованія, а не ученой спеціализаціи, и для цѣлей самообразованія всего пригоднѣе именно такое изложеніе политическаго, соціальнаго и экономическаго развитія съ его отраженіями въ области общественныхъ „идеологій“. Въ „Монархіяхъ“ цѣлая половина книги отведена римской имперіи въ виду большей сложности ея строя и ея важности для пониманія исторіи европейскихъ народовъ. Издавая въ свѣтъ эти книги, авторъ руководился тою мыслью, что онѣ могутъ пригодиться вообще учащейся молодежи и особенно той ея части, которая въ цѣляхъ самообразованія обращается и къ историческому ученію.

Таковы были благія пожеланія автора, и до извѣстной степени они несомнѣнно осуществились. Въ предисловіи къ „Монархіямъ“ онъ самъ говоритъ, что „Государство-городъ“ нашло себѣ гораздо больше читателей, чѣмъ онъ могъ ожидать. И дѣйствительно, обзоръ исторіи древняго міра данъ здѣсь въ формѣ не совсѣмъ обычной, основанъ на широкомъ знакомствѣ съ литературой предмета, оживленъ указаніемъ параллелей изъ исторіи новыхъ народовъ и выдержками изъ источниковъ и трудовъ новыхъ изслѣдователей. Въ итогѣ получается чтеніе интересное и поучительное, но не въ такой степени поучительное, какъ того можно было бы ожидать. Причинъ этому довольно много. Прежде всего тутъ важно то, что автору, по его словамъ, *„пришлось* взять на себя чтеніе такого курса“, предметомъ котораго онъ не занимался спеціально, и потому еще больше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ ему нужно было опираться на чужія работы; при этомъ очень невыгодно сказалась его наклонность къ болѣе широкому, чѣмъ глубокому пользованію литературой. Въ общихъ чертахъ характеръ работы автора, пожалуй, можно было бы опредѣлить его же собственными словами, сказанными по частному случаю: „Нѣсколькими наудачу взятыми приговорами новѣйшихъ критическихъ историковъ о греческой демократіи мы и окончимъ наше разсмотрѣніе античнаго государства-города“. Едва ли можно назвать такой пріемъ „подведеніемъ итоговъ подъ общими выводами современной науки“; слишкомъ узокъ онъ для этого простъ и механиченъ. А литературою предмета авторъ пользуется дѣйствительно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, начи-

ная съ вышедшей въ 1848 г. „Исторіи аѳинской республики“ Кути и кончая новѣйшими работами Белоха и Эд. Мейера и даже мел брошюрами и журнальными статьями: библіографія всегда состав одинъ изъ коньковъ г. Карѣева. Самое изложеніе отличается нерав мѣрностью: то оно ударяется въ отвлеченность почти безплотную, нисходитъ до мелочей почти школьныхъ; въ послѣднемъ отношеніи ос бенно характерно указаніе, что вмѣсто *hereditatium* правильнѣе было *hereditatum* или указаніе времени жизни Финлея, а также производ словъ *fiscus* и *pracurator*. Но касаться частностей предмета, котор авторъ спеціально не занимался, не всегда безопасно. Можетъ, нап мѣръ, оказаться, что квестура учреждена только въ половинѣ V в (Городъ, стр. 46), что жалованье булевтамъ введено уже при Клисфе (стр. 137), что послѣ 88 г. *вся* Италія стала территоріей римскаго гражд ства (стр. 289), что римляне называли провинціи не имѣніями (*praedia*), добычей (*praeda*) (стр. 288—299), что при Маріи въ римское войско пр никли и неграждане (Монархіи, стр. 199—359), что Фарсалъ находи въ Македоніи (стр. 200), а Нерва былъ возведенъ сенатомъ на престол (стр. 248),—можно перепутать годы правленія Траяна и Адріана (стр. 249), смѣшать Вителлія сына съ отцомъ (стр. 291), отнести ко II вѣку Пап ніана и Ульпіана (стр. 297), а составителей *Codex Gregorianus* и *Herm genianus* назвать Григоріаномъ и Гермогеніаномъ (стр. 301). Что касается общихъ частей книгъ, то онѣ изложены очень литературно, но нѣскол блѣдно. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что читателя не могутъ не ра холаживать и довольно частыя и грубыя опечатки.

З. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія Востока. Исторія И діи, второго вавилонскаго царства и возникновенія персид державы. Спб. Изд. Маркса. Книга носитъ тотъ же характер что и раньше разсмотрѣнныя *Исторія Халдеи* и *Исторія Асс* прекрасная внѣшность, масса рисунковъ, роскошный указатель, е ли, впрочемъ, тутъ и нужный, живой и интересный разсказъ. На с держаніи замѣтно то же подавляющее пристрастіе автора къ миѳолог двѣ пятыхъ книги посвящены детальному разбору религіи иранцевъ, так что подъ конецъ у самого автора невольно вырывается справедливое з мѣчаніе: „Предыдущія главы на первый взглядъ могутъ показаться ч резчуръ длиннымъ отступленіемъ отъ главнаго предмета книги“ (стр. 193), и ему приходится оправдываться ссылкою на слова Карлейля, что „гла ное въ каждомъ человѣкѣ его религія“. Очень много мѣста занимаетъ также подробный пересказъ внѣшнихъ событій, причемъ авторъ больш чѣмъ слѣдуетъ останавливается на передачѣ и отчасти критикѣ зан мательнѣйшихъ разсказовъ“ Геродота, въ одномъ случаѣ (стр. 325) м тивируя это такъ. „Разсказъ этотъ (о Кирѣ и Астіагѣ) слишкомъ вс мірно извѣстенъ, чтобы можно было обойти его молчаніемъ“. Всего ме ше и здѣсь занимаетъ вниманіе автора исторія быта. Онъ замѣчаетъ, правда, что „богатѣйшій матеріалъ по части вавилонскаго быта, нрав и обычаевъ“ представляетъ недавно открытый архивъ банкирскаго до Эгиби, но отводитъ изложенію этого матеріала всего полтора десят страницъ и въ то же время посвящаетъ сотни ихъ пересказу внѣшни событій. И здѣсь дѣло не обходится безъ наивно-глубокомысленныхъ з мѣчаній, вродѣ такого: „Если есть урокъ, который исторія внуша съ особенной настойчивостью, такъ это то, что расы и націи имѣю свой чередъ, и что, когда для данной націи настанетъ этотъ черед никакое сопротивленіе не помѣшаетъ ей исполнить возложенную на историческую задачу, точно такъ же, какъ ту же расу не сохранитъ

живыхъ никакое подпираніе, ни подстреканіе, разъ ея вѣкъ дожитъ и плодотворныя силы въ ней истощены" (стр. 253). И здѣсь встрѣчаются курьезныя психологическія замѣчанія, наприм., о характерѣ Камбиза или о мотивахъ походовъ Дарія, а также рѣзкія выраженія по адресу „современныхъ туристовъ, у которыхъ страсть безсмертить себя царапаніемъ своихъ глупыхъ именъ на самыхъ чудныхъ произведеніяхъ древняго искусства", или по адресу предателей жрецовъ, впустившихъ Кира въ Вавилонъ.

Э. Клоддъ. Исторія первобытнаго человѣка. Перев. съ англ. съ 68 рис. Дешевая научная библіотека. Спб., Изд. А. С. Суворина. Цѣна не обозначена. Никакому другому отдѣлу исторіи у насъ такъ не посчастливилось на оригинальныя и переводныя сочиненія, какъ первобытной культурѣ. Рядомъ съ вполнѣ серьезными книгами, какъ „Исторія культуры" Липперта, „Антропологія" Тайлора, „Народовѣдѣніе" Ратцеля, „Народовѣдѣніе" Шурца и нѣкоторыя другія, предполагающія у читателя уже значительный навыкъ къ серьезному чтенію, въ русской литературѣ есть цѣлый рядъ книгъ по первобытной исторіи для мало подготовленныхъ читателей и для дѣтей („Разсказы о дикомъ человѣкѣ", Коропчевскаго, „Древнѣйшіе народы" Рагозиной, „Приключенія доисторическаго мальчика" Д'Ервильи и многія другія). Въ виду этого изданіе всякой новой книги по первобытной культурѣ нуждается въ серьезныхъ оправданіяхъ, которыя доказали бы ея способность служить полезнымъ дополненіемъ къ уже имѣющейся у насъ литературѣ. Такихъ оправданій, какъ намъ кажется, не сможетъ представить издатель книги Э. Клодда. Эта книга недостаточно понятна и интересна для мало подготовленнаго читателя (такого читателя особенно должно оттолкнуть отъ нея обиліе сухихъ археологическихъ подробностей), и недостаточно полна и серьезна, чтобы удовлетворить потребности къ самообразованію у взрослаго и образованнаго читателя, который съ большой пользой можетъ обратиться къ указаннымъ выше книгамъ. Во всякомъ случаѣ книга даетъ меньше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Въ ней нѣтъ „исторіи первобытнаго человѣка", а есть довольно подробное описаніе остатковъ матеріальной культуры, сопровождаемое почти случайными и разбросанными въ разныхъ мѣстахъ книги замѣчаніями относительно умственнаго развитія, религіи, общественнаго строя и хозяйства первобытныхъ народовъ. Случайность и краткость такихъ замѣчаній недостаточно оправдывается заявленіемъ Э. Клодда, что цѣль его книги „набросать только общую картину". Именно общей картины въ книгѣ нѣтъ.

Все изложеніе подчинено схемѣ трехъ культурныхъ вѣковъ—палеолитическаго, неолитическаго и вѣка металловъ, причемъ соразмѣрность частей отсутствуетъ: неолитическому вѣку посвящено почти 100 стр. (отъ 77 до 170 стр.), а вѣку металловъ только 21 стр. (171—192). Эта схема удобна для классификаціи первобытныхъ орудій и оружія, но стѣснительна для расчлененія по ней всего содержанія первобытной исторіи, такъ какъ слишкомъ часто встрѣчается смѣшеніе на одной ступени орудій изъ различнаго матеріала и нерѣдко случается отступленіе отъ принятой этой схемой послѣдовательности стадій развитія (что признаетъ и самъ авторъ).

Вопросъ объ образованіи семьи слишкомъ просто разрѣшается авторомъ: сначала первобытный человѣкъ „оставался вѣрнымъ своей подругѣ по крайней мѣрѣ въ теченіе малолѣтства дѣтей" (стр. 69), а затѣмъ „по мѣрѣ чувства симпатіи и удлиненія періода дѣтства", „временныя отношенія переходили въ постоянныя и опредѣленныя" (стр. 70). Отно-

сительно эволюціи семьи авторомъ принимается въ значительной [...] устарѣвшая схема о сплоченіи семей въ роды и родовъ въ племена (стр. 165). Заключительная глава содержитъ довольно шаблонное разсужденіе о прогрессѣ, „болѣе глубокое значеніе" котораго опредѣляется „[...] стремленіе уничтожить искусственныя условія, которыя дѣлаютъ жизнь для многихъ отвратительной и безнадежной, и созданіе общественнаго мнѣнія, относящагося съ сочувствіемъ къ честному работнику и съ порицаніемъ къ лѣнивому" (стр. 198). Эта формула въ сущности ничего не объясняетъ, такъ какъ ея пониманіе зависитъ отъ безчисленнаго множества возможныхъ толкованій выраженій „искусственныя условія", „отвратительная жизнь", „честный работникъ". Пора бы уже отказаться отъ попытокъ дать всеисчерпывающія формулы человѣческаго совершенствованія.

Ив. Чистяковъ. Образованіе народа во Франціи. Эпоха третьей республики (1870—1902 г.). Москва, 1904 г. Ц. 3 р. Первоначальный бѣглый просмотръ книги г. Чистякова приводитъ читателя къ выводу, что это—рядъ наскоро написанныхъ журнальныхъ статей, созданныхъ по спеціальному заказу, но затрогивающихъ высокаго интереса и значенія тему. Болѣе тщательное изученіе книги вызываетъ недоумѣніе, послѣднее возводится въ кубъ, когда глазъ нападаетъ на помѣтку, что книга оттиснута изъ юридическаго отдѣла „Ученыхъ записокъ" Московскаго университета, и не разъ замѣчаетъ, что самъ авторъ величаетъ свою работу „изслѣдованіемъ". „Сомнѣнья нѣтъ,—увы!"—мы имѣемъ дѣло съ диссертаціей... Авторъ признаетъ въ своей книгѣ наличность „неполноты" и „неизбѣжныхъ недостатковъ", но онъ „льститъ себя надеждой", что книга „не лишена интереса и пользы", а также, прибавимъ отъ себя, очень страннаго публицистическаго задора и классической способности наводить на читателя мучительную скуку, которая изрѣдка сглаживается юмористическою фразой. Цѣль книги, судя по словамъ самого г. Чистякова, сводится къ тому, чтобы „отмѣтить основной характеръ республиканскаго воспитанія народныхъ массъ третьей республики". Достиженіе этой цѣли—а г. Чистяковъ думаетъ, что онъ достигъ намѣченной имъ цѣли—и должно принести пользу. Кому? — вотъ, повидимому, вопросъ, который вовсе былъ упущенъ авторомъ изъ виду, равно какъ и другой не менѣе важный: какую же пользу? Книга состоитъ изъ трехъ частей: первая—„школьное образованіе" (стр. 25—134), вторая—„средства для фактическаго проведенія въ жизнь школьной морали" (стр. 135—280) и, наконецъ, третья—„внѣшкольное образованіе" (стр. 281—380). Завершается книга г. Чистякова довольно страннымъ приложеніемъ (стр. 381—394), а открывается введеніемъ (стр. 1—24), дальше котораго не всякій читатель рискнетъ знакомиться съ произведеніемъ г. Чистякова. Авторъ изучаетъ начальную народную школу во Франціи, ограничивая свой матеріалъ предѣлами 1870—1902 годовъ: въ 1902 г., какъ любезно сообщается въ предисловіи, г. Чистяковъ изволилъ отбыть изъ Парижа въ Москву и тогда же началось практическое примѣненіе закона 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ, иначе говоря, въ 1902 г. „прежніе культурные пріемы борьбы путемъ соревнованія двухъ видовъ образованія народныхъ массъ республиканской Франціи отходятъ на второй планъ, уступая мѣсто эпохѣ религіозныхъ войнъ наизнанку—преслѣдованію безбожниками религіозно-вѣрующихъ". Довольно странный словесный оборотъ въ предисловіи къ ученой книгѣ! Задача ученой книги—путемъ соотвѣтственнаго изслѣдованія доказать извѣстныя положенія, могущія обогатить запасъ научныхъ построеній въ той или другой обл[...]

сти знаній. Такихъ положеній въ книгѣ г. Чистякова формировано только два, и для ихъ доказательства не стóило выкидывать на книжный рынокъ томъ въ 25 печатныхъ листовъ. Вотъ *первое* положеніе: „во Франціи третьей республики есть образованіе народныхъ массъ, какъ нѣчто самостоятельное и отличное, и, притомъ, настолько своеобразное, что оно никакъ не уложится въ рамки существующихъ научныхъ классификацій образованія". Пріемы автора для доказательства этого положенія отличаются разнообразіемъ, онъ пользуется не всегда понятными безъ контекста выписками, описаніемъ, морализирующими сентенціями, изрѣдка бранными эпитетами. Такимъ же путемъ доказывается и *второе* положеніе: „во Франціи третьей республики есть не только образованіе народныхъ массъ, но образованіе ихъ въ двухъ формахъ, въ двухъ видахъ — клерикальномъ и свѣтскомъ". Критика, однако, погрѣшила бы, когда съ достаточной степенью рѣшительности не формулировала бы *третье* положеніе, несомнѣнно вытекающее изъ всего изложенія почтеннаго ученаго полицеиста: республиканская Франція, создавая посвоему образованіе народныхъ массъ, обманываетъ послѣднія, лицемѣритъ, издѣвается надъ ними, развращаетъ ихъ! Авторъ съ неподражаемою злобой говоритъ о недостаткахъ и только о недостаткахъ въ организаціи народнаго образованія эпохи республиканскаго режима на рубежѣ XIX и XX вѣковъ... Въ учебныхъ руководствахъ авторъ видитъ „демократизмъ, граничащій съ тѣмъ видомъ сумасшествія, который носитъ названіе маніи величія"; въ школахъ дается дѣтямъ изъ народа „продуктъ фальсифицированный или прямо поддѣльный", ибо „за истину имъ выдается завѣдомая ложь для правящихъ"; въ публичныхъ народныхъ школахъ Франціи авторъ усматриваетъ „не только эксплоатацію, но эксплоатацію, возведенную на степень деспотизма, обрабатывающаго массу населенія всюду по одному образцу", а въ народныхъ университетахъ „черты лицемѣрія и издѣвательства надъ народною массой". Г. Чистяковъ по дорогѣ дѣлаетъ вылазки въ политическую исторію новѣйшей Франціи, и здѣсь его нареканіямъ нѣтъ рѣшительно никакихъ границъ. Бѣдная Франція! восклицаетъ въ ужасѣ русскій читатель, если только ему придетъ въ голову повѣрить наслово свидѣтельствамъ г. Чистякова, который въ благоговѣйномъ паѳосѣ воскицаетъ: „признаніе народа за что-то подвластное, низкое, чѣмъ нужно и можно управлять, помыкать, что можно эксплуатировать и презирать,—главное, презирать—вотъ принципы этого республиканскаго образованія". И вдругъ ни съ того, ни съ сего отыскивается виноватый: это — Вольтеръ, котораго „лицемѣріе и фальшь, а если угодно, то и цинизмъ" сопоставлены у автора съ мнѣніями „уважаемаго прелата" Dupanloup... Обманывать народъ во Франціи нетрудно: 4 сентября 1870 года „республика была провозглашена неизвѣстно кѣмъ и по волѣ кого". „Народъ, — пишетъ въ одномъ изъ примѣчаній нашъ авторъ,—былъ здѣсь не причемъ; виновники этого дѣла, какъ и всякаго другого, конечно, неизвѣстны; но, чтобы снять подозрѣніе объ участіи народа въ провозглашеніи и созданіи третьей республики, офиціально обвиненномъ въ этомъ и офиціально выносящемъ это, я приведу два мнѣнія", — далѣе и слѣдуютъ двѣ цитаты, которыми, вопреки мнѣнію г. Чистякова, нельзя „снять подозрѣнія" съ французскаго народа, но пользованіе которыми заставляетъ подозрѣвать, что почтенный полицеистъ не всегда понимаетъ то, что читаетъ и о чемъ берется разсуждать. Какъ въ самомъ дѣлѣ понять, наприм., такую фразу, которою заканчивается первая глава: „суевѣрный народъ демократической республики обязанъ отдавать своихъ дѣтей своимъ дѣйствительнымъ правителямъ на полное

экспериментированіе съ ними послѣднихъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ". Авторъ либераленъ въ обращеніи съ терминами, смѣлъ въ передачахъ на русскій діалектъ французскихъ выраженій, суровъ въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ. Впрочемъ, суровость эта особаго тона... Какъ истый декадентъ отъ науки, г. Чистяковъ пишетъ главы „моральное и *цивическое* обученіе въ парламентѣ" и „моральное и цивическое обученіе въ самой школѣ". Что такое „французская народно-школьная мораль", спрашиваетъ онъ въ первой изъ этихъ главъ. Это—„загадочный сфинксъ", „по содержанію, это—нѣчто хаотическое, похожее на отстой отъ религіозныхъ вѣрованій, философскихъ системъ, досужаго домысла и недомыслія и ловкаго надувательства..., по отношенію къ ней самого народа, изнемогающаго подъ тяжестью налоговъ и безсовѣстнаго воровства и вакханалій правителей, это — вещь безразличная, несознанная". По нѣкоторымъ фактическимъ указаніямъ не лишена интереса въ книгѣ г. Чистякова глава, посвященная „обучающему персоналу народной школы", но въ ней не мало карикатурнаго. Во Франціи, говоритъ, наприм., г. Чистяковъ, „публичный учитель есть рабъ республики или, что равнозначуще, профессоръ сенскаго государства, и притомъ самый жалкій изъ рабовъ: онъ не можетъ смѣяться и быть вмѣстѣ со своими коллегами, принадлежащими другому господину; рабъ древности и крѣпостной среднихъ вѣковъ могли бы, поднявшись изъ могилы, искренно пожалѣть о судьбѣ одного изъ видныхъ свободныхъ людей современной демократіи, идущей, повидимому, въ объятія новаго еще болѣе соціализированнаго (?!) строя".

Однако, довольно. Приведенныхъ замѣчаній достаточно, чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о книгѣ г. Чистякова. Добрыхъ намѣреній и высокаго интереса темы слишкомъ мало въ наше время для написанія ученой диссертаціи... Нужны образованіе, умѣнье владѣть пріемами изслѣдованія, критическая проницательность, ясно поставленная цѣль. Въ книгѣ г. Чистякова заключена квинтъ-эссенція современнаго декадентства въ наукѣ. Мы поставили выше пропущенный авторомъ вопросъ о томъ, кому же и какую пользу могла бы принести его книга; мы можемъ теперь отвѣтить на него и только въ одномъ смыслѣ, что авторъ напрасно льстилъ себя несбыточными мечтами о какой-то пользѣ отъ его диссертаціи.

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

К. Д. Носиловъ. На новой землѣ.—*В. Поленцъ*. Страна будущаго.—*П. С. Уваровъ*. Типы и нравы Сахалина.

К. Д. Носиловъ. На Новой землѣ. Очерки и наброски. Съ 38 рис. въ текстѣ. Изд. А. С. Суворина. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к. Въ книгу вошло 18 очерковъ; изъ нихъ непосредственно Новой Землѣ посвящено шесть; остальные имѣютъ въ виду описаніе Карскаго моря, полуострова Я-малу и низовьевъ Оби. Авторъ — довольно наблюдательный туристъ и занимательный разсказчикъ, но не болѣе, поэтому описаніе картинъ сѣверной природы и ея явленій, а также очерки, касающіеся быта самоѣдовъ, ему удаются вполнѣ, чего, однако, нельзя сказать про стремленіе г. Носилова разобраться въ экономическихъ явленіяхъ. Высокая цѣна книги позволяла надѣяться встрѣтить въ ней рисунки лучшаго исполненія, чѣмъ тѣ, которые мы находимъ теперь. Зато бумага и шрифтъ безукоризненны.

Вильгельмъ Поленцъ. Страна будущаго. Какъ живутъ американцы. Сокращенный переводъ О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 30 к. Книгоиздательство г-жи Поповой продолжаетъ начатую серiю брошюръ „о разныхъ странахъ и народахъ", являющуюся прекраснымъ пособiемъ при изученiи географiи. Въ этотъ разъ серiя пополнилась прекраснымъ очеркомъ, посвященнымъ современной Америкѣ. Очеркъ этотъ—сокращенный переводъ книги Вильгельма Поленца, скончавшагося въ прошломъ году нѣмецкаго беллетриста, русской публикѣ извѣстнаго главнымъ образомъ по прекрасной повѣсти „Крестьянинъ", переводу которой предпослалъ предисловiе Л. Н. Толстой. Поленцъ далъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ названiе „страны будущаго",—названiе, свидѣтельствующее о глубокомъ уваженiи автора къ Новому Свѣту. И дѣйствительно, знакомясь постепенно съ новымъ номеромъ серiи „разсказовъ о разныхъ странахъ и народахъ", видишь, какъ авторъ высоко ставитъ величiе Америки, созданное „грѣхами Европы" — гнетомъ, войнами, экономическими кризисами, насилiемъ, тираннiей и преслѣдованiемъ за свободу совѣсти. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ достоянiй современныхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ авторъ считаетъ ихъ государственный строй, въ основу котораго положены „безграничное довѣрiе къ человѣческому разуму и къ добрымъ чувствамъ людей", отвращенiе ко всему, что „напоминаетъ чиновничество, ордена и титулы", и ясное сознанiе того, что „никакое управленiе не должно существовать безъ согласiя управляемыхъ". Авторъ ярко обрисовываетъ семейную и общественную жизнь Америки, городскiе и сельскiе слои, очень много отводитъ мѣста постановкѣ образованiя, по пути давая блестящiя характеристики различнымъ представителямъ общественныхъ группъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Было бы совершенно ошибочно заключать, что Поленцъ слишкомъ пристрастно относится къ американцамъ, онъ отмѣчаетъ и недостатки ихъ, однако Америка все же не перестаетъ быть въ его глазахъ „страной будущаго", ибо главная сила ея въ неустанномъ движенiи впередъ, свободномъ, планомѣрномъ движенiи, огражденномъ вполнѣ отъ печальной необходимости тратить энергiю на устраненiе съ пути этого движенiя различнаго рода внутреннихъ преградъ и тормозовъ. Къ числу лучшихъ мѣстъ очерка должно отнести описанiе американской семьи, положенiе женщины, ея воспитанiя и отношенiя къ ней американцевъ. Переведена книга изящнымъ литературнымъ языкомъ, читается съ неослабѣвающимъ вниманiемъ. Одинъ дефектъ — неудовлетворительныя иллюстрацiи. Книга доступна и наиболѣе развитымъ „читателямъ изъ народа".

П. С. Уваровъ. Типы и нравы Сахалина. М., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Книжка г. Уварова, состоящая изъ 17 отдѣльныхъ заглавiй съ текстомъ, который слишкомъ лестно называть разсказами или очерками,— не заслуживала бы никакого отзыва, если бы она была не такъ соблазнительна для довѣрчиваго читателя. Опрятная внѣшность, модный вопросъ, выраженный въ широковѣщательномъ заглавiи книги, нѣсколько фототипiй каторжныхъ,—все это можетъ заинтересовать многихъ, „что и требуется доказать" въ практикѣ современнаго спекулятивнаго книжнаго рынка. Вотъ почему книжка г. Уварова требуетъ небольшой, но безпощадной замѣтки. Тонъ автора непрiятенъ,—не то онъ, какъ и его герои, глумится надъ порядками сахалинской жизни, полагая всю цѣль своего писанiя въ этомъ „зубоскальствѣ", не то онъ пишетъ просто, чтобы что-нибудь написать, какъ Гоголевскiй „Петрушка" читалъ, чтобы что-нибудь вышло изъ произнесенныхъ буквъ. Ругательныхъ словъ,

въ сокращеніяхъ и полностью разсыпано по всей книжкѣ великое м...жество. Быть можетъ, оно „съ подлиннымъ и вѣрно“, но истинный р...ализмъ состоитъ не въ фотографированьи грубой натуры (это дѣло п...лицейскихъ и иныхъ протоколовъ!), а въ умѣньи вѣрно понять и схв...тить сущность явленія, чего у г. Уварова и нѣтъ. Языкъ автора бо...и въ общемъ—грамотенъ, хотя на стр. 20 („Надзиратель воробей“) встр...чается такая фраза: „Францъ Людвиговичъ уже положилъ на плечо его (?) банку со спиртомъ, и отвѣтомъ бѣднягѣ (Агѣеву) служитъ тяжеловѣсн... пощечина“. Къ *плечу* или къ *банкѣ* относится слово *его*,—объ это... уже нужно догадываться самому читателю. Цѣна книжки, въ виду ...ности вопроса, разумѣется, форсирована, но это отчасти хорошо,—... всякій разсчетливый читатель рискнетъ затратить зря свои деньги.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка.—*В. В. Лункевичъ.* Нерѣшен... проблемы біологіи.—*М. Склодовская-Кюри.* Радій и радіоактивность. Пер. *Бачинско...го.*—*И. Ѳ. Огневъ.* Курсъ нормальной гистологіи. Ч. I.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. Изданіе реда...ціи журнала „Научное Слово“. Москва, 1904 г. Книга проф. Ме...никова появилась еще въ прошломъ году на французскомъ языкѣ ...успѣла уже тогда вызвать настоящую сенсацію. О ней много писалос... оригинальныя воззрѣнія автора подверглись тогда всесторонней оцѣнк... Никто не могъ отказать имъ въ оригинальности, въ широтѣ, въ глуб...комъ соотвѣтствіи съ окружающей дѣйствительностью. Мечниковъ п...тается сорвать таинственную завѣсу съ старости, онъ стремится прон...нуть въ сущность этого процесса. Мало того. Несмотря на дисгармоні... человѣческой природы, несмотря на несовершенство нашихъ знаній, Ме...никовъ предвидитъ уже тотъ день, когда можно будетъ объявить рѣш...тельную борьбу старости, когда дисгармонія смѣнится полной гармоніе... когда страхъ смерти смѣнится жаждой ея въ опредѣленномъ возраст... Люди такъ боятся смерти въ настоящее время оттого, что ихъ тка... изнашиваются не одновременно. Нервныя клѣтки еще полны жизни, ког... элементы другихъ органовъ уже погибли въ неравной борьбѣ за сущ...ствованіе. Но если только наукѣ удастся найти способъ воспрепятств...вать слишкомъ ранней гибели тканевыхъ элементовъ, если отживаніе б...детъ идти равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ живого организма, то смерт... явится лишь желаннымъ концомъ.

Въ этой версіи есть, конечно, много гипотетическаго, много такого... что еще долго будетъ ждать своего осуществленія. Но важна та глуб...кая вѣра въ силу положительныхъ знаній, которая проникаетъ собо... всю книгу. Длинный путь, который прошла наука, въ теченіе послѣ...нихъ десяти лѣтъ убѣждаетъ Мечникова въ торжествѣ положительнаг... метода. Какъ далеко ушли мы впередъ отъ того времени, когда Шопен...гауэръ былъ убѣжденъ въ томъ, что заразныя болѣзни производятся ос...быми измѣненіями въ атмосферѣ. Теперь мы не только точно знаемъ пр...чины многихъ недуговъ, но успѣли даже найти средства противъ нѣк...торыхъ изъ нихъ, которые еще недавно считались ужасными бича... надъ которыми побѣда невозможна. Что значитъ въ сравненіи съ эт... грандіозными успѣхами знанія тѣ неудачи, какія постоянно возможны ... тернистомъ, полномъ кропотливаго труда пути ученаго? Мы многаго е... не знаемъ,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но успѣхи, достигнутые ...

нами, говорятъ намъ, что побѣда будетъ на сторонѣ знанія, что жизнь еще впереди, что наука всетаки озаритъ яркимъ свѣтомъ наиболѣе темные закоулки окружающей дѣйствительности. Мы не знаемъ, но мы будемъ знать, — таковъ окончательный приговоръ Мечникова. „Наука,— говоритъ онъ,—даже въ своемъ настоящемъ несовершенномъ видѣ, не безоружна въ исканьи средствъ, задерживающихъ или хотя бы ослабляющихъ медленное и хроническое отравленіе организма, которое приводитъ къ вырожденію даже наиболѣе цѣнныхъ элементовъ. Мы уже давно знакомы со средствами борьбы противъ наиболѣе опасныхъ недуговъ, и если эта борьба не очень успѣшна, то это зависитъ только отъ безпечности заинтересованныхъ лицъ. И Мечниковъ не перестаетъ звать на борьбу съ тѣми врагами человѣка, которые отравляютъ его существованіе. Нужно только понять силу науки, для того чтобы безусловно подчиняться ея повелѣніямъ. „Для достиженія цѣли,—говоритъ Мечниковъ,— нужно, чтобы люди были убѣждены во всемогуществѣ науки и во вредномъ вліяніи глубоко укоренившихся предразсудковъ. Придется измѣнить много современныхъ обычаевъ и учрежденій, кажущихся такъ прочно установленными. А покинуть множество распространенныхъ привычекъ, измѣнить весь планъ преподаванія,—это потребуетъ долгихъ и тяжкихъ усилій".

Переведена книжка очень хорошо. Изданіе по внѣшности не оставляетъ желать лучшаго.

В. В. Лункевичъ. Нерѣшенныя проблемы біологіи. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1904 г. Ц. 2 руб. Г. Лункевичъ уже давно и вполнѣ заслуженно пользуется славой талантливаго популяризатора. Блестящее изложеніе сложныхъ, подчасъ запутанныхъ теорій, умѣнье расчленять всякій вопросъ на элементарные, простые, способность придать общій, такъ сказать, интересъ наиболѣе спеціальнымъ, казалось, предметамъ,— таковы основныя черты писанія г. Лункевича. Лежащій передъ нами трудъ состоитъ изъ статей, печатавшихся въ журналѣ *Русское Богатство* и тогда уже привлекшихъ къ себѣ вниманіе. Собранныя теперь вмѣстѣ, онѣ представляютъ солидную работу, въ которой стóило бы разобраться. Но въ предѣлахъ библіографической замѣтки мы вынуждены лишь бѣгло коснуться основныхъ чертъ названной книги.

Г. Лункевичъ выступаетъ защитникомъ неовитализма. Вѣрнѣе, онъ все время доказываетъ, что механическій взглядъ на природу оказался несостоятельнымъ. При этомъ нельзя сказать, чтобы и витализмъ пользовался особенными симпатіями нашего автора. Какъ человѣкъ науки, г. Лункевичъ не можетъ не чувствовать, что виталисты не разрѣшили загадокъ міозданія, что предложенные ими принципы далеко не достаточны для раскрытія тайнъ природы.

Спрашивается, гдѣ же истина? Выступать защитникомъ неовитализма, нападать на механистовъ и въ то же время не признавать и особой „жизненной силы",—въ такой постановкѣ вопроса кроется противорѣчіе. И г. Лункевичъ — въ этомъ коренной недостатокъ его книги — не могъ выйти изъ противорѣчія. Онъ зашелъ въ тупикъ, откуда нѣтъ выхода. Читатель не можетъ вынести яснаго впечатлѣнія, на чьей же сторонѣ стоитъ самъ г. Лункевичъ. Часто начинаетъ казаться, что вотъ-вотъ г. Лункевичъ объявитъ себя окончательно сторонникомъ витализма. Но въ рѣшительный моментъ онъ снова сворачиваетъ съ пути, на который онъ вступилъ, начинаетъ доказывать несостоятельность виталистовъ, и читатель ужъ совершенно не знаетъ, куда клонитъ г. Лункевичъ.

Въ книгѣ, однако, есть одна положительная сторона, служащая кос-

веннымъ указаніемъ на то, въ какую сторону склоняются больше всего симпатіи г. Лункевича. Это — его пессимистическій тонъ, его недовѣріе къ успѣхамъ положительныхъ знаній. Онъ поступаетъ какъ разъ не такъ, какъ онъ долженъ былъ бы поступить, если бы всецѣло стоялъ на сторонѣ позитивнаго метода. Никто изъ механистовъ не думаетъ, что наукѣ уже удалось проникнуть во всѣ тайны вселенной. Но въ то же время ни одинъ біологъ не позволитъ себѣ пускаться въ слезливыя ламентаціи по поводу того, что наука безсильна, что она безпомощно останавливается передъ жизненными процессами, которые совершаются вокругъ въ природѣ. Наукѣ осталось еще много сдѣлать, но многое она уже сдѣлала, и успѣхи знанія, которыми ознаменовались послѣдніе годы, служатъ для нихъ бодрящимъ призывомъ на работу, на кропотливый трудъ съ цѣлью разобраться въ неразгаданныхъ еще процессахъ жизни.

Г. Лункевичъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ пытается доказать, что наука ничего не сдѣлала и часто грѣшитъ даже противъ дѣйствительности. „Химическіе процессы клѣтки,—патетически восклицаетъ г. Лункевичъ, — какая въ сущности это сложная, запутанная и темная исторія! Какъ трудно уловить и обнаружить ихъ! Какъ много нужно имѣть терпѣнія, чтобы слѣдить за капризнымъ, почти неуловимымъ ходомъ химическихъ реакцій, разыгрывающихся въ клѣткѣ или въ одноклѣточномъ организмѣ! И вѣдь особенно обидно то, что всѣ труды и старанія оказываются тутъ по большей части безплодными, ибо въ лучшемъ случаѣ вамъ удается подмѣтить лишь начальный моментъ или конечный продуктъ данной цѣпи реакцій, наиболѣе существенныя звенья которой остаются предметомъ самыхъ разнообразныхъ догадокъ и предположеній". Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ бойкое перо автора увлекло его въ излишне пессимистическую область. Даже химическіе процессы, совершающіеся въ клѣткѣ, не заслуживаютъ того жалостно-слезливаго тона, въ какомъ говоритъ о нихъ г. Лункевичъ. И въ этой области сдѣлано очень много, и г. Лункевичъ не можетъ не знать всей той сокровищницы знаній, которая была открыта въ самое послѣднее время при изученіи вопроса о невоспріимчивости организма къ заразнымъ недугамъ.

Вотъ въ этихъ-то жалобахъ, въ этомъ ничѣмъ не оправдываемомъ пессимизмѣ и кроется вредная сторона витализма. У г. Лункевича есть указаніе и на эту сторону, но онъ быстро проходитъ мимо подмѣченной имъ характерной разницы между механистами и виталистами, и черезъ минуту онъ уже углубляется въ такія дебри, что трудно разсчитывать на то, что онъ удѣлитъ немного вниманія и указанной имъ чертѣ. Онъ говоритъ: „Разбираясь въ попыткахъ науки рѣшить проблему жизни, виталистъ приходитъ къ тому прискорбному выводу, который выкристаллизовался у Дю-Буа-Реймона въ одно слово: ignorabimus. Механистъ съ такимъ пессимистическимъ выводомъ примѣриться не желаетъ и страстно продолжаетъ искать рѣшенія". Не ясно ли, на чьей сторонѣ перевѣсъ? Одинъ ищетъ жадно истину, работаетъ самъ, призываетъ и другихъ къ труду; другой успокаивается навсегда словами „мы не будемъ знать", проповѣдуетъ квіетизмъ, позорный, ничѣмъ не оправдываемый. Механистъ знаетъ, что борьба за разгадку тайнъ природы будетъ слишкомъ тяжела; онъ знаетъ, что его ждетъ на этомъ пути много невзгодъ и неудачъ. Но онъ смѣло идетъ въ бой, не боится его послѣдствій. А виталистъ, еще не начавши борьбы, уже трусливо отъ нея убѣгаетъ, скрываясь за всякаго рода патетическими возгласами и жалостливыми словами.

Г. Лункевичъ недостаточно полно оттѣнилъ эту разницу между

ставителями двухъ противоположныхъ теченій, онъ и не могъ этого сдѣлать въ виду полной неопредѣленности его собственныхъ біологическихъ воззрѣній.

Несмотря, однако, на указанные недостатки, книга читается съ интересомъ. Она можетъ сослужить службу лицамъ, незнакомымъ съ новыми теченіями въ біологіи. Книга не даетъ готовыхъ формулъ, но она даетъ много фактическаго матеріала, который нужно знать всякому интеллигентному человѣку. И матеріалъ этотъ преподносится въ такой легкой, удобопонятной формѣ, что онъ становится вполнѣ доступнымъ и для широкой публики.

М. Склодовская-Кюри. Радій и радіоактивность. Пер. съ 2-го фр. изд. А. І. Бачинскаго. М., 1905 г. Ц. 1 р. Въ іюнѣ 1903 г. въ Парижскомъ университетѣ состоялась защита диссертація на тему: „Recherches sur les substances radioactives“, представленной m-me Sclodowska-Curie для полученія степени доктора физическихъ наукъ. Диссертація эта привлекла къ себѣ вниманіе всего ученаго міра, какъ своей темой, представляющей одно изъ самыхъ интересныхъ и новѣйшихъ физическихъ открытій, такъ и именемъ автора, пользующагося уже нѣсколько лѣтъ громкой извѣстностью благодаря изслѣдованіямъ надъ радіемъ и его свойствами. Въ введеніи къ своей работѣ авторъ указываетъ, что „цѣль настоящаго сочиненія дать обзоръ изслѣдованій надъ радіоактивными веществами“. Какъ извѣстно, изученіе этихъ веществъ начато было еще Беккерелемъ изслѣдованіемъ урановыхъ солей; въ свою очередь Беккерель началъ свои изысканія послѣ открытія рентгеновскихъ лучей, имѣвшихъ своими предшественниками изслѣдованія Крукса и Гольстейна. M-me Curie провела надъ этой работой болѣе четырехъ лѣтъ; исторію и результаты этого долгаго и упорнаго труда она и представляетъ, какъ диссертацію на полученіе ученой степени. Книжка распадается на 4 главы.

Въ 1-й, озаглавленной: „Радіоактивность урана и торія. Радіоактивные минералы“, мы прежде всего находимъ объясненіе открытыхъ Беккерелемъ урановыхъ лучей. Эти лучи обладаютъ рядомъ интересныхъ свойствъ: дѣйствуютъ на фотографическую пластинку при отсутствіи свѣта, проходятъ черезъ жидкія, твердыя и газообразныя тѣла и даже электризуютъ, правда слабо, газы, черезъ которые они проходятъ. Здѣсь же авторъ задается вопросомъ, представляетъ ли атомная радіоактивность общее явленіе? Отвѣтъ получается отрицательный, такъ какъ никакія простыя тѣла, кромѣ урана и торія, не оказались радіоактивными. При изслѣдованіи нѣкоторыхъ минераловъ, въ особенности смоляной обманки (минерала, заключающаго въ себѣ окись урана), было открыто присутствіе въ нихъ сильной радіоактивной примѣси; послѣднее навело на мысль о возможности выдѣленія этого радіоактивнаго вещества.

2-я глава и посвящена этому вопросу подъ заглавіемъ: „Новыя радіоактивныя вещества“. При анализѣ этихъ минераловъ были найдены два вещества, отличныя другъ отъ друга: полоній и радій. Первое было найдено самостоятельно (вещество, похожее на висмутъ), второе же въ сотрудничествѣ съ г. Бемономъ; радій былъ найденъ, какъ спутникъ другого химическаго элемента—барія, съ которымъ онъ сходенъ по своимъ реакціямъ. Третье составное вещество было выдѣлено изъ той же смоляной обманки г. Дебіерномъ и названо актиніемъ. Изслѣдованію этихъ веществъ спектральнымъ анализомъ, способамъ ихъ выдѣленія и приготовленія и опредѣленію атомнаго вѣса посвящены дальнѣйшія страницы.

3-я глава самая крупная: „Излученіе новыхъ радіоактивныхъ веществъ". Въ этой главѣ мы находимъ на первыхъ же страницахъ объясненіе природы этихъ излученій. Лучи, испускаемые этими веществами, не простые, а сложные и состоятъ, какъ то показали работы многихъ физиковъ, изъ лучей трехъ родовъ, которые обозначаются буквами α, β и γ (обозначенія Rutherford'а). Лучи α представляютъ главнѣйшую часть излученія, отличаются малой проницающей способностью и сильно поглощаются матеріей (средой): они, равно какъ и лучи γ, не отклоняются подъ вліяніемъ магнита. Лучи β не такъ поглощаются, какъ α, но зато подвержены отклоненію подъ дѣйствіемъ магнита; наконецъ, лучи γ обладаютъ проницающей способностью и по своей природѣ похожи на лучи Рентгена. Эти лучи, каждый въ отдѣльности, подробно изслѣдуются авторомъ. Здѣсь же мы находимъ интересные опыты физіологическаго дѣйствія радія. На тѣлѣ, подверженномъ дѣйствію этихъ лучей, появляется краснота, при долгихъ же экспозиціяхъ даже сильныя раны. Замѣчательно то, что дѣйствіе проявляется не сейчасъ, а спустя довольно продолжительное время. Листья растеній, подвергавшихся дѣйствію этихъ лучей, желтѣютъ и сохнутъ.

4-я глава говоритъ о „Наведенной радіоактивности", т.-е. радіоактивности, сообщенной тѣламъ, предъ этимъ неактивнымъ; въ особенности много значатъ въ этомъ вопросѣ газы. Rutherford предполагаетъ, что радіоактивныя тѣла выдѣляютъ матеріальный радіоактивный газъ, который и представляетъ эманацію радія (стр. 79).

Послѣднія страницы посвящены природѣ и причинѣ радіоактивности: первая, какъ мы видѣли, найдена, относительно же второй существуетъ только рядъ гипотезъ, одинаково не достовѣрныхъ.

Въ настоящее время книга эта является цѣнной, какъ по обширному указателю литературы разбираемаго вопроса, такъ и по обширнымъ деталямъ работы. Но физика быстро движется впередъ и, вѣроятно, что — въ особенности это относится къ радію—черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря все новымъ и новымъ работамъ въ этой области, эта книга утратитъ уже свое значеніе и будетъ интересна только, какъ подробное изложеніе долгаго и упорнаго труда. Переводчикъ пользовался при своей работѣ также и нѣмецкимъ переводомъ Кауфмана, откуда почерпалъ не мало цѣнныхъ замѣчаній; кромѣ того имъ самимъ сдѣлано нѣсколько интересныхъ дополненій. Относительно языка перевода замѣчены нѣкоторыя неточности, напр. на стр. 15 мы встрѣчаемъ: „Висмутъ все болѣе богатый полоніемъ, получается въ результатѣ" и т. д.; въ подлинникѣ: „On obtient du bismuth, de plus en plus riche en polonium" и т. д. Кромѣ неточности выраженія смыслъ затемняется не русской конструкціей словъ. На стр. 17 въ выноскѣ не сохранены знаки препинанія, почему и смыслъ нѣсколько измѣненъ и т. д. Эти погрѣшности не особенно существенны и не искажаютъ подлинника. Книжка издана очень опрятно, рисунки исполнены аккуратно и можно заранѣе предвидѣть ея широкое распространеніе, тѣмъ болѣе, что изъ вышедшихъ одновременно четырехъ русскихъ переводовъ, данный является лучшимъ по точности и близости къ подлиннику; совершенно обратное представляетъ переводъ М. Я. Кульчицкаго и М. Т. Кульчицкой, въ которомъ совершенно искаженъ смыслъ книги.

И. Ѳ. Огневъ. Курсъ нормальной гистологіи. Часть I. Ученіе о клѣткѣ. М., 1903 г. Учебникъ профессора Огнева, первая часть котораго передъ нами, составитъ весьма видное явленіе въ нашей учебной литературѣ. Обстоятельное знакомство съ обширной гистологической

тературой и многолѣтняя педагогическая опытность даютъ главныя условія къ тому, чтобы учебникъ былъ хорошъ и по содержанію, и по изложенію. Матеріалъ, сообщаемый авторомъ, весьма обширенъ и касается не только животной, но и растительной гистологіи. Всѣ затронутые вопросы излагаются обстоятельно, такъ что книга можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для всякаго, кто захочетъ подробно ознакомиться съ гистологіей. Для экзаменаціонныхъ цѣлей книга будетъ слишкомъ обширна, принимая во вниманіе, что первая часть (лишь одно „ученіе о клѣткѣ") занимаетъ 413 страницъ убористой печати. Впрочемъ, изъ большого учебника всегда не трудно выбрать главные, особенно разъ есть два шрифта. Еще практичнѣе было бы ввести третій, чтобы подчеркнуть самое важное. Весьма симпатично, что авторъ пишетъ иностранныя фамиліи русскими буквами, а не прибѣгаетъ къ распространенному безграмотному пріему прибавлять русское падежное окончаніе къ фамиліямъ и даже инымъ словамъ, написаннымъ латинскимъ шрифтомъ (напримѣръ, не только „Darvin'у", „Haeckel'емъ", но даже „carmin'омъ" и въ „Paris'жѣ!"). Необходимо бороться съ этой нелѣпой модой и лучшимъ средствомъ является примѣръ такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ авторъ разбираемой книги.

На стр. 85 съ недоумѣніемъ читаемъ терминъ „мягкотѣлые зоофиты". Такъ не говорятъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

И. К. Тарнани. Насѣкомыя, вредныя для плодоводства и огородничества въ губер. Царства Польскаго и мѣры борьбы съ этими насѣкомыми,

И. К. Тарнани. Насѣкомыя, вредныя для плодоводства и огородничества въ губерніяхъ Царства Польскаго и мѣры борьбы съ этими насѣкомыми. Съ 135 рис. въ текстѣ. Варшава. Книга эта производитъ весьма странное впечатлѣніе. Судя по заглавію, можно думать, что она вноситъ что-либо новое въ важный вопросъ изученія вредныхъ насѣкомыхъ, такъ какъ касается фауны извѣстнаго края, то-есть переводитъ вопросъ съ теоретической книжной точки зрѣнія на реальную почву мѣстныхъ условій. Однако, на дѣлѣ оказывается вовсе не то. Это самая шаблонная компиляція изъ обширной литературы по вреднымъ насѣкомымъ, рядъ общихъ мѣстъ, не имѣющихъ никакого интереса. Не только не дано какого-либо общаго очерка естественныхъ условій края, распространенности въ немъ вредителей сельскаго хозяйства и лѣсоводства, не характеризовано ихъ экономическое значеніе, не сдѣлано оцѣнки принимаемыхъ мѣръ, но даже при описаніи отдѣльныхъ насѣкомыхъ не имѣется почти никогда указаній на случаи распространенія въ той или иной мѣстности, а если имѣются, то въ такомъ родѣ: „Въ 1900 году гусеница непарнаго шелкопряда объѣдала фруктовые сады въ Сувалкахъ"—и только. Не нужно быть спеціалистомъ-энтомологомъ, чтобы понять, что такое одиночное указаніе нисколько не характеризуетъ значенія вреднаго насѣкомаго для края; дать такое указаніе все равно, что не дать ничего. Повторяемъ, отвлеченность книги лишаетъ ее всякаго интереса; всякій зналъ и до появленія этой книги, что на свѣтѣ имѣется много вредныхъ насѣкомыхъ, про которыхъ написано много книгъ и брошюръ, но жизнь и практическое значеніе которыхъ, а въ особенности мѣры борьбы съ ними требуютъ непосредственнаго изученія среди опредѣленныхъ условій и примѣнительно къ

этимъ условіямъ, чтобы наше знаніе стояло на реальной почвѣ и чтоб
сельскіе хозяева не теряли довѣрія къ „книжкамъ“, въ которыхъ нѣт
именно того, что нужно и интересно для хозяина. Если же взглян
на книгу г. Тарнани не какъ на изслѣдованіе, пріуроченное къ „Ца
ству Польскому“, какъ обѣщаетъ заглавіе, а просто какъ на теорет
ческій учебникъ по вреднымъ насѣкомымъ, то и тутъ окажется, что э
книга нисколько не лучше и не интереснѣе уже существующихъ. Опра
дать ея появленіе можно только тѣмъ, что на русскомъ языкѣ таки
книгъ немного, большинство на иностранныхъ.

МЕДИЦИНА.

Г. Порчинскій. Малярійный комаръ въ связи съ болотной лихорадкой, его жиз свойства и способы борьбы.—*Д-ръ И. Ф. Рапчевскій.* Наставленіе о причинахъ м ляріиныхъ заболѣваній и о мѣропріятіяхъ противъ нихъ.

**Г. Порчинскій. Маляріиный комаръ (Anopheles claviger F.) в
связи съ болотной лихорадкой, его жизнь, свойства и способ
борьбы. Спб. Ц. 30 коп.** Эта брошюра, составленная извѣстнымъ уч
нымъ энтомологомъ, предсѣдателемъ энтомологическаго бюро министерств
земледѣлія, входитъ въ серію изданій названнаго министерства. Въ вид
того большого интереса, который возбуждаетъ въ настоящее время во
просъ о маляріи и способахъ борьбы съ нею, появленіе этой брошюр
весьма своевременно. Она носитъ чисто-компилятивный характеръ, при
чемъ авторъ обнаруживаетъ полное знакомство съ литературой предме
и толково излагаетъ его. Жаль только, что, ссылаясь на работы многих
авторовъ, г. Порчинскій приводитъ заглавія только нѣкоторыхъ работъ
такъ что читатель, заинтересовавшійся вопросомъ о маляріи, лишенъ во
можности ознакомиться съ библіографіей вопроса по этой брошюрѣ; п
речень всѣхъ сочиненій, которыя были приняты во вниманіе при соста
вленіи брошюры, занялъ бы немного мѣста, а принесъ бы большую пользу
Съ внѣшней стороны изданіе очень хорошо и крайне дешево.

**Д-ръ И. Ф. Рапчевскій. Наставленіе о причинахъ маляріи
ныхъ заболѣваній и о мѣропріятіяхъ противъ нихъ. (Составл
но по порученію военнаго медицинскаго ученаго комитета)**
Брошюра эта, изданная главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ
составляющая приложеніе къ военно-медицинскому журналу, отвѣчает
серьезной потребности дать русской публикѣ изложеніе современной т
оріи зараженія маляріей и мѣръ борьбы съ нею. Съ тѣхъ поръ, ка
было доказано, что зараженіе этой наиболѣе распространенной болѣзни
происходитъ черезъ посредство укусовъ комаровъ *Anopheles*, измѣнили
радикально взгляды на постановку борьбы съ этой болѣзнью. Новая т
орія не только не стала еще достояніемъ большей публики, но и сре
врачей есть еще (хотя и немногочисленные) скептики относительно н
и потому толково составленная брошюра д-ра Рапчевскаго имѣетъ бол
шое значеніе. Жаль только, что, напечатанная въ качествѣ приложен
къ журналу, она какъ бы не предназначена для широкой продажи;
ней даже не выставлено цѣны. Мы знаемъ, что ее продаютъ по 50
въ редакціи издавшаго ее журнала и можемъ только пожелать, ч
этому изданію былъ данъ болѣе широкій ходъ на нашемъ книж
рынкѣ. Не можемъ въ заключеніе не выразить удивленія странно р
дакціи заглавія: почему „Наставленіе?“

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Бислей. Разсказы изъ римской исторіи.—_Б. Тагѣевъ-Рустамъ-Бекъ._ Черезъ Алай и Памиръ.—_Л. М. Медвѣдевъ._ Старая трубка.—_С. Даневская._ Открытіе Америки.—Минералогическій атласъ. Сост. _Ад. Зауэръ._—_Проф. Р. Ю. Випперъ._ Учебникъ древней исторіи.—_Паркеръ и Гасвелль._ Руководство къ зоологіи. Пер. _Мензбира._—Изъ бесѣдъ по счисленію. Сост. _В. Р._—Ариѳметика. Ч. III. Состав. _Извольскій._—_П. Вольногорскій._ Страницы изъ книги природы. Ч. I и II.—Переселеніе насѣкомыхъ въ долинѣ рѣки Жилеппы. Разсказы для дѣтей. _Э. Кандеза._

Бислей. Разсказы изъ римской исторіи. Пер. съ англ. С. Невѣдомской. Изданіе третье съ картой др. Италіи. Москва, 1905 г. Книжка Бислей представляетъ переработку для дѣтей и юношества разсказовъ „Тита Ливія“ и „Плутарха“. Предъ нами русскій переводъ г-жи Невѣдомской, вышедшій уже третьимъ изданіемъ.

Знакомство съ древними писателями имѣетъ большой интересъ и очень полезно при занятіяхъ исторіей, конечно, при умѣломъ выборѣ и удачной переработкѣ источниковъ. Въ предисловіи ясно выражена задача составителя разсказовъ: „Выборомъ ихъ содержанія руководила цѣль представить наглядный примѣръ высшихъ добродѣтелей, знакомя съ замѣчательными личностями и событіями древняго Рима, а также выставить на видъ наиболѣе выдающіяся черты римскихъ нравовъ: долгъ по отношенію къ отечеству и по отношенію къ родителямъ“ (пред., стр. 3). Такая тенденціозность обѣщаетъ мало добраго. Дѣйствительно, какіе разсказы выбраны Бислей: „Основаніе древняго Рима“, „Гораціи“ и „Куріаціи“, „Подвиги Фабіевъ“, „Сраженіе при Корбіонѣ“, „Взятіе Рима“ и т. п. Всѣ разсказы, кромѣ перваго, взяты изъ военной исторіи Рима и заканчиваются вмѣстѣ съ завоеваніемъ Италіи. Эпоха послѣ пуническихъ войнъ, когда Римъ сдѣлался центромъ всего образованнаго міра, эпоха могущества и широкаго развитія римской республики не представлена ни одинымъ разсказомъ. Очевидно римляне, потерявшіе добрые старые нравы, не имѣли тѣхъ „высшихъ добродѣтелей“, съ которыми авторъ желаетъ познакомить своихъ юныхъ читателей. Даже такіе защитники народныхъ правъ, какъ братья Гракхи, не находятъ себѣ мѣста на страницахъ книги. На ряду съ подобнымъ выборомъ нельзя не указать на крайне тенденціозное подчеркиваніе и повтореніе излюбленной характеристики героевъ: „они любили свой родной городъ больше всего“ (стр. 10, 14, 18, 25, 45, 72 и т. д.). Едва ли можно считать удачнымъ такой пріемъ. Съ матеріаломъ, заимствованнымъ у Ливія и Плутарха, авторъ обращается чрезвычайно свободно. Многое измѣняется и совершенно искажается ради предвзятой идеи, въ уста героевъ вкладываются придуманныя авторомъ слова и рѣчи, и самыя событія передаются не согласно съ источниками. Такъ измѣняется, наприм., рѣчь Муція Сцеволы передъ этрусскимъ царемъ Порсенной, чтобы подчеркнуть его готовность умереть „ради блага своей родины“ (стр. 18, ср. Ливій, кн. II, гл. 12). Такихъ примѣровъ можно найти не мало (стр. 25, Ливій, кн. II, гл. 35, Плутархъ „Коріоланъ“; стр. 15, Ливій, кн. II, гл. 8—9; стр. 20, Ливій, кн. II, гл. 18; стр. 65, Ливій, кн. V, гл. 47). Нерѣдко изъ разсказовъ Ливія и Плутарха опущено, по нашему мнѣнію, самое цѣнное, какъ, наприм., въ главѣ о „Ромулѣ“ и „Ремѣ“ разсказъ о гаданіяхъ по полету птицъ и о всѣхъ религіозныхъ обрядахъ при закладкѣ города; а между тѣмъ, именно хорошо было бы познакомить дѣтей въ живой и наглядной формѣ съ тѣми обычаями и обрядами, которыми сопровождалась общественная и частная жизнь римлянъ. Борьба сословій изъ-за

политическихъ правъ или аграрныхъ законовъ вездѣ называется ссорой между патриціями и плебеями, безъ объясненія причинъ и поводовъ. Въ книгѣ находимъ также нѣсколько странное объясненіе общественныхъ учрежденій и памятниковъ древняго Рима: сенатъ названъ „собраніемъ опытныхъ и достойныхъ людей" въ царскій періодъ; Капитолій оказывается „зданіемъ, построеннымъ на отвѣсной скалѣ и окруженнымъ крѣпкими стѣнами и башнями". Къ книжкѣ приложена карта древней Италіи и очень недурная, а между тѣмъ въ текстѣ находимъ слѣдующую странную географію: въ разсказѣ объ осадѣ Клузіума Этрурія названа „южной Италией" (стр. 56). То же находимъ и въ топографіи Рима. Капитолійскій холмъ круто обрывается надъ Тибромъ, а первоначальный Римъ на Палатинскомъ холмѣ—Roma opiadrata Ромула оказывается построеннымъ вокругъ знаменитой смоковницы, росшей на берегу Тибра, подъ которой были найдены Ромулъ и Ремъ; и при этомъ, какъ говоритъ Бислей, „черезъ сотни лѣтъ можно было видѣть эту смоковницу (?) на одной изъ главныхъ римскихъ улицъ" (стр. 7). Языкъ книги вполнѣ доступный, изложеніе живое и яркое, но всѣ указанные недостатки не даютъ возможности признать книгу желательнымъ чтеніемъ для учащихся.

Борисъ Тагѣевъ-Рустамъ-Бекъ. Черезъ Алай и Памиръ. Очерки путешествій по Памиру. Со многими рисунк. „Библіотека для семьи и школы". М., 1902 г. Ц. 15 к. Въ настоящее время, когда опять выступаетъ вопросъ о нашихъ юго-восточныхъ границахъ въ Средней Азіи и о русскомъ вліяніи въ Афганистанѣ, книжка „Черезъ Алай и Памиръ" является какъ нельзя кстати. Она сообщаетъ обильныя свѣдѣнія по географіи и этнографіи, въ ней одинъ изъ участниковъ послѣднихъ русскихъ экспедицій подробно разсказываетъ объ оригинальной жизни афганцевъ и сартовъ, объ установившихся отношеніяхъ между ними и пришельцами,—русскими и англичанами.

Описаніе страны и быта разнообразныхъ народовъ и племенъ, живущихъ осѣдло и кочующихъ на Памирѣ, прерывается отдѣльными разсказами и характерными преданіями съ выводами въ духѣ восточной мудрости. Такимъ образомъ вниманіе школьниковъ и подрастающихъ членовъ семьи, для которыхъ назначена книжка, не можетъ утомляться иногда нѣсколько сухими географическими описаніями.

Масса рисунковъ и карта съ подробными обозначеніями движенія русскаго отряда удачно достигаютъ своей цѣли—просто и нагляднымъ путемъ объяснить своеобразное и спеціальное содержаніе книжки. Издана книжка очень дешево.

Л. М. Медвѣдевъ. Старая трубка. Разсказъ изъ военнаго быта. „Библіотека для семьи и школы". Изд. журнала „Дѣтское Чтеніе". М., 1904 г. Ц. 25 к. Книжка недавно умершаго Л. М. Медвѣдева можетъ быть рекомендована для чтенія старшаго возраста. Написана она задушевно простымъ и яснымъ языкомъ. Въ ней нѣтъ увлеченія войной, опасно дѣйствующаго на впечатлѣніе молодого поколѣнія. Главной темой разсказа служитъ описаніе перерожденія, которое происходитъ съ русскимъ офицеромъ Васовымъ подъ вліяніемъ долготерпѣнія и самопожертвованія солдатика Фролова. Очень характерна и симпатична фигура ротнаго командира Савельева „отца и героя", какъ зовутъ его въ ротѣ солдаты. Вообще эта книжка должна пробудить въ юношахъ добрыя и гуманныя чувства,—хорошая цѣль всякой хорошей книжки.

С. Даневская. Открытіе Америки. Историческій разсказъ.

6-е исправлен. Съ 3 портр. Колумба, 20 рисунк. и 2 карт. М., 1905 г. Ц. 60 к. Открытіе Америки—тема, служившая не разъ для научныхъ изслѣдованій и статей, а также для популярныхъ книжекъ. Г-жа Даневская поставила своей цѣлью познакомить съ нимъ дѣтей въ формѣ разсказа, который остается вѣренъ исторической дѣйствительности, такъ какъ авторъ пользовался, очевидно, хорошими источниками. Живо и интересно разсказано о томъ, какъ у Колумба явился смѣлый планъ искать на западѣ новаго пути въ богатую, чудесную Индію, о путешествіяхъ его, полныхъ опасности въ далекомъ неизвѣстномъ морѣ, и объ открытіяхъ, сопровождавшихся борьбой съ невѣжествомъ и предразсудками окружавшаго его правительства и общества. Образъ смѣлаго мореплавателя, одареннаго неутомимой энергіей и мужествомъ для достиженія своей великой цѣли, тепло и ярко нарисованъ г-жей Даневской. Намъ показалось только страннымъ, почему авторъ нигдѣ не упоминаетъ о тѣхъ мечтахъ, которыя придавали характеру Колумба оттѣнокъ религіознаго фанатизма. Колумбъ надѣялся при помощи добытыхъ имъ богатствъ освободить изъ рукъ невѣрныхъ гробъ Господень. Передъ читателями развертывается вся драма жизни человѣка, отдавшаго всѣ силы служенію идеѣ, который возвращается назадъ больной и оклеветанный, въ цѣпяхъ, чтобы умереть въ презрѣніи и бѣдности, не достигнувъ завѣтной цѣли, въ полномъ невѣдѣніи своего великаго открытія, сыгравшаго такую роль во всей послѣдующей научной и экономической жизни. Очень интересны также для учащихся всѣ подробности о бытѣ и нравахъ дикарей и о природѣ новыхъ странъ. Всѣ сколько-нибудь непонятные научные термины и выраженія объяснены вполнѣ удовлетворительно. Только въ объясненіи магнитнаго поля г-жа Даневская не вполнѣ вѣрна научной теоріи и слишкомъ ужъ скептически относится къ принятымъ наукой гипотезамъ. Языкъ книги простой и ясный, вполнѣ доступный пониманію учащихся. Карты Мексиканскаго залива и западнаго полушарія очень полезны для географической оріентировки; жаль только, что нѣтъ карты береговъ Европы и первоначальнаго пути Колумба. Многочисленные рисунки и 3 портрета Колумба, несомнѣнно, оживляютъ изложеніе, хотя оставляютъ желать очень многаго въ смыслѣ исполненія. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ слѣдовало бы помѣстить замѣчаніе о томъ, что они сдѣланы со старинныхъ гравюръ, иначе они прямо непонятны.

Въ общемъ книга составляетъ полезный вкладъ въ нашу популярно-историческую библіотеку и можетъ быть рекомендована для учащихся среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для народныхъ чтеній.

Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24-хъ хромо-литографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. Составленный профессоромъ минералогіи д-ромъ Ад. Зауэръ. Ц. 3 р. 75 к. М., 1904 г. Изобразить минералы очень трудно. Есть нѣкоторыя недосягаемыя трудности, какъ, напримѣръ, передать металлическій блескъ, а особенно такой, который измѣняется при разныхъ поворотахъ. Надо сознаться, что въ общемъ таблицы атласа Зауэра нарисованы очень искусно. То, что на нихъ не вышло, врядъ ли вообще можетъ быть изображено на рисункѣ. Это надо помнить, говоря о вѣрности изображеній природѣ. Но съ другой стороны надо помнить, что именно въ силу этого идея минералогическаго атласа вообще мало практична. Если и по образцамъ знакомство съ минералами „въ приглядку“ надо считать слишкомъ поверхностнымъ и ненадежнымъ, то что же сказать о знакомствѣ съ ними по рисункамъ?

Проф. Р. Ю. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историческими картами. Третье дополненное изданіе. М., 1904 г. Ц. 1 р. Научно-педагогическая критика должна съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ третьему изданію учебника древней исторіи проф. Виппера. Основныя точки зрѣнія и общій характеръ остались неизмѣнными по сравненію съ первымъ изданіемъ; но добавленія, сдѣланныя, главнымъ образомъ, въ отдѣлахъ исторіи Востока и Эллады, а равно множество редакціонныхъ измѣненій на протяженіи всей книги показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло какъ бы съ совершенно новымъ учебникомъ. Авторъ тщательно пересмотрѣлъ свой трудъ, продумалъ вновь чуть ли не каждую строчку и выступаетъ передъ нами съ капитальными улучшеніями текста въ смыслѣ его полноты, ясности и системы. Учебникъ г. Виппера, безспорно, отличается оригинальностью и значительнымъ своеобразіемъ; эти особенности—плодъ строго-научныхъ историческихъ воззрѣній автора, поставившаго своей задачей дать нашей средней школѣ исторію, а не безцѣльный пересказъ множества внѣшнихъ фактовъ, ненужный наборъ именъ и годовъ, сраженій и договоровъ. И несмотря на трепетъ, внушаемый учебникомъ рутинерамъ, несмотря на отсутствіе на немъ клейма рекомендаціи надлежащимъ департаментомъ, онъ имѣетъ крупный успѣхъ, а новое изданіе, благодаря удачной переработкѣ, должно, внѣ всякаго сомнѣнія, охватить еще бóльшій кругъ лицъ и школъ, пожелающихъ имъ воспользоваться. Для насъ представляются весьма цѣнными тѣ основныя начала, на которыхъ построено все изложеніе учебника древней исторіи г. Виппера. Авторъ, во-первыхъ, справедливо полагаетъ, что первый курсъ исторіи въ средней школѣ долженъ быть вовсе чуждъ какихъ-либо постороннихъ ему самому задачъ, представляя собой вполнѣ законченный и самостоятельный кругъ знанія. Во-вторыхъ, не менѣе справедливо онъ настаиваетъ на томъ, что такой курсъ способенъ ознакомить учащихся съ главными типами общественныхъ формъ и главными моментами общественнаго развитія. Узко пропедевтическій характеръ ранняго курса исторіи, его простой анекдотическій разсказъ исключаются вовсе. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ указанныхъ началъ и тѣхъ результатовъ, къ какимъ приводитъ преподавателя исторіи ихъ категорическое признаніе, но для тѣхъ, кому эти начала дороги, какъ средство вывести преподаваніе исторіи въ нашей средней школѣ на новую дорогу, учебникъ г. Виппера представляется драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской научно-педагогической литературы. Можно съ нѣкоторою основательностью утверждать, что тѣ или другіе раздѣлы учебника трудно усваиваются безъ посторонней помощи, но, если мы не ошибаемся, г. Випперъ и не разсчитывалъ на такой порядокъ школьныхъ занятій, при которомъ учитель задаетъ, а ученики или ученицы учатъ, учитель спрашиваетъ, а ученицы или ученики отвѣчаютъ, т.-е. на порядокъ безсмысленныхъ упражненій въ мнемоникѣ. Приходится повторить здѣсь банальное замѣчаніе, что авторъ писалъ учебникъ въ разсчетѣ на живую работу въ классѣ, когда учебникъ играетъ лишь роль благороднаго посредника въ бесѣдѣ учащихся съ преподавателемъ, составляя не цѣль, а одно изъ средствъ для сознательной разработки школьнаго содержанія исторической науки. Недаромъ же въ предисловіи авторъ оговорился, что онъ „и не думалъ предназначать все содержаніе своего учебника для заучиванія или подробнаго пересказа". Возставая очень рѣзко противъ обремененія памяти учащихся множествомъ хронологическихъ данныхъ, г. Випперъ говоритъ, что въ его учебникѣ „только одна основная

нологическая дата, это—порядокъ его изложенія“. И нельзя не признать, что порядокъ изложенія доведенъ у г. Виппера до удивительной стройности. Если уничтожить въ книгѣ всѣ заголовки и составить одинъ сплошной текстъ, то читатель ничуть не потеряется, а прочитаетъ книгу отъ начала до конца, какъ одно стройное, органическое цѣлое. Разверните любой изъ нашихъ обычныхъ учебниковъ, и вы увидите, какъ механически слѣдуютъ тамъ одинъ параграфъ за другимъ, не представляя собой послѣдовательнаго раскрытія формъ изучаемаго историческаго процесса, эволюціи, а лишь пеструю канву хронологическаго теченія анекдотовъ. „Около 700 года послѣ Рождества Христова,—заключаетъ авторъ свой учебникъ древней исторіи,—вся почти Европа вернулась къ быту, похожему на тотъ, который описывалъ Гомеръ. Понятія и вкусы опустились; вся жизнь стала блѣднѣе. Варвары заглушили своей дикостью образованныхъ людей. Опять сызнова надо было европейцамъ начинать учиться и улучшать свою жизнь“. Начинаетъ же авторъ настоящій учебникъ характеристикой первобытнаго европейца. Перечитавъ всю книгу, видимъ, что она представляется чуждой той всемірно-исторической точки зрѣнія, которую у насъ все еще можно признавать ходячей и способной смущать юные умы. Отсутствіе указанной точки зрѣнія—третье основное начало, котораго придерживается г. Випперъ: древность для него лишь опредѣленный соціологическій типъ, а не період въ исторіи культурнаго человѣчества, какъ цѣлаго. Привѣтствуя переработку учебника древней исторіи г. Виппера, мы не можемъ не пожелать ему крупныхъ успѣховъ въ русскомъ обществѣ. Эта книга должна стать неразлучнымъ спутникомъ любого преподавателя исторіи и прекраснымъ руководствомъ для читателей, желающихъ пополнить свои знанія путемъ домашняго самообразовательнаго чтенія.

Т. Джефферъ Паркеръ и Вилліамъ А. Гасвелль. Руководство къ зоологіи. Переводъ съ англійскаго М. А. Мензбира. Т. I (первая половина). Съ 317 рисунками. Москва, 1904 года. Ц. 3 руб. Второй томъ этого превосходнаго учебника, содержащій въ себѣ типъ хордальныхъ, т.-е. *Balanoglossus*, асцидій, сальпъ, амфіоксуса и позвоночныхъ, вышелъ еще въ 1899 г. и представляетъ въ настоящее время лучшее руководство для изученія названныхъ группъ. Можно вполнѣ согласиться съ переводчикомъ, что среди многочисленныхъ руководствъ къ изученію зоологіи книга Паркера и Гасвелля представляетъ совершенно исключительное явленіе какъ по ясности изложенія и чрезвычайной свѣжести фактовъ, такъ и по изобилію чрезвычайно удачно подобранныхъ рисунковъ. Первый томъ, вышедшій въ англійскомъ оригиналѣ въ 1897 г., одновременно со вторымъ, въ русскомъ переводѣ появился только въ 1904 г., т.-е. черезъ семь лѣтъ послѣ выхода оригинала. Это и является причиной того обстоятельства, что кое-что въ учебникѣ успѣло устарѣть, точнѣе говоря, кое въ чемъ чувствуются пробѣлы. Особенно это замѣтно въ типѣ *Protozoa*, простѣйшихъ, которыя являются намъ въ настоящее время совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ 7—8 лѣтъ назадъ. Интереснѣйшія работы Шаудинна, Сѣдлецкаго, Грасси не могли войти въ учебникъ. Если сдѣлать эту оговорку, то учебникъ приходится только хвалить. Матеріалъ распредѣленъ равномѣрно, изложенъ умѣло, хорошо иллюстрированъ большимъ количествомъ рисунковъ. Въ началѣ перваго тома помѣщено краткое „введеніе“, въ которомъ даются основныя понятія по гистологіи, эмбріологіи и сравнительной морфологіи. При дѣленіи животнаго царства на типы авторъ отрекается отъ обычнаго въ большинствѣ учебниковъ типа „Червей“, въ которомъ дѣйстви-

тельно нѣтъ ничего цѣльнаго, а разбиваетъ его на три самостоятельныхъ типа—плоскихъ, круглыхъ и кольчатыхъ, а коловратокъ и „моллюсковидныхъ“ считаетъ тоже самостоятельными типами.

Переводъ сдѣланъ такимъ спеціалистомъ, что можно только радоваться, что хорошій оригиналъ попалъ въ руки хорошаго переводчика.

Изъ бесѣдъ по счисленію (для учащихъ въ начальныхъ школахъ). Сост. В. Р. 1904 г. Ц. 30 к. Предлагаемая брошюра (63 страницы небольшого формата) составлена изъ бесѣдъ, произнесенныхъ на церковно-учительскихъ курсахъ, бывшихъ въ іюнѣ 1901 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ іюнѣ 1902 г. въ г. Арзамасѣ, Ниж. губ.

Авторъ бесѣдъ, ограничиваясь выясненіемъ задачъ и пріемовъ обученія счисленію, не претендуетъ на открытіе какихъ-либо новыхъ путей въ дѣлѣ начальнаго обученія и указываетъ только на то, что̀ лучшаго добыто по методикѣ счисленія, справедливо замѣчая, что въ начальной школѣ ариѳметика участвуетъ лишь той своей стороной, которая доступна дѣтскому пониманію: здѣсь все сводится лишь къ сознательному изученію операцій счета и дѣйствій надъ числами въ извѣстныхъ предѣлахъ. Для успѣшнаго обученія авторъ рекомендуетъ, во-первыхъ, всегда начинать отъ извѣстнаго, во-вторыхъ, исключить догматическое, т.-е. бездоказательное, сообщеніе правилъ, затѣмъ, всюду, гдѣ можно—пользоваться наглядными примѣрами, не проявлять поспѣшности въ изученіи того или другого отдѣла, наконецъ, стараться вести каждый урокъ къ строго намѣченной и обдуманной цѣли. Нѣсколько дальше авторъ даетъ примѣрную программу трехлѣтняго обученія счисленію въ церковно-приходскихъ школахъ, присоединяя необходимыя разъясненія, которыя вполнѣ могутъ замѣнить методику счисленія и облегчить трудъ обучающихъ въ начальныхъ школахъ. Многіе говорятъ, что у каждаго своя методика, выработанная опытомъ, притомъ болѣе цѣнная, чѣмъ книжная. Это вѣрно только отчасти, такъ какъ учителю, особенно молодому, толковое компилятивное руководство методики всегда сослужитъ пользу, а съ этой точки зрѣнія разбираемая книга вполнѣ можетъ удовлетворить своему назначенію.

Ариѳметика. Часть III (курсъ II и III классовъ). Составилъ Н. А. Извольскій. М., 1904 г. Ц. 60 к. Появленіе новаго руководства ариѳметики почти всегда вызываетъ недоумѣніе: кому и для какихъ цѣлей оно понадобилось. Если преподаватель внесъ нѣкоторыя упрощенія въ опредѣленія и владѣетъ изящнымъ пріемомъ доказательствъ нѣсколькихъ теоремъ, то врядъ ли стоитъ для этого издавать цѣлую книгу, заранѣе зная, что она разойдется исключительно среди учениковъ автора, да и то не всегда. Тѣмъ безцѣльнѣе книга, не дающая ничего новаго, а представляющая простые перепѣвы того, что повторялось многократно на разные лады. И безъ того книжный рынокъ заваленъ сотнями никуда негодныхъ учебниковъ: однимъ больше, однимъ меньше, не все ли равно?— вотъ единственное оправданіе такого перепроизводства. Недурныя пособія вродѣ курсовъ Серре и Шапошникова представляютъ оазисъ въ обширной пустынѣ ариѳметическихъ мудрствованій, и, какъ это ни странно, но мы осмѣлимся утверждать, что хорошій учебникъ ариѳметики написать труднѣе, чѣмъ курсъ высшаго анализа. Къ сожалѣнію, гг. составители забываютъ, что изучить предметъ легко, а изложить его въ формѣ наиболѣе удобной для изученія, очень и очень трудно. Яркій примѣръ тому—книга Н. А. Извольскаго. Нѣкоторые авторы питаютъ особое пристрастіе къ научности изложенія, иногда даже въ ущербъ ясности; г. Извольскій впалъ въ другую крайность: въ погонѣ за ясностью

не обращаетъ вниманія на строгость выводовъ, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ хотя бы первую главу его книги (о дѣлимости). Говоря объ умноженіи дробей, авторъ даетъ такое опредѣленіе: умноженіе есть дѣйствіе, при помощи котораго изъ множимаго составляютъ новое число *совершенно* такъ, какъ множитель составленъ изъ единицы".

Мы привыкли къ тому, что опредѣленіе не должно содержать въ себѣ ничего лишняго: почему надо сказать „совершенно такъ", а не просто „такъ". Неужели авторъ думаетъ, что это звучитъ убѣдительнѣй? Нѣсколько дальше читаемъ: „чтобы умножить дробь на цѣлое, *приходится въ концѣ-концовъ* умножить числителя дроби на это цѣлое и подписать того же знаменателя". Чѣмъ проще выражено правило—тѣмъ лучше, къ чему же столько лишнихъ словъ?

Въ главѣ X авторъ говоритъ: „Ариѳметическое отношеніе есть разность двухъ однородныхъ величинъ, а геометрическое отношеніе есть частное двухъ однородныхъ величинъ", смѣшивая такимъ образомъ опредѣленія разности ариѳметическаго отношенія и знаменателя геометрическаго отношенія съ понятіемъ о самомъ отношеніи. Между прочимъ, странно, почему не говорится ни слова объ основномъ свойствѣ ариѳметической пропорціи.

Въ концѣ книги, неизвѣстно для какихъ цѣлей, приложены общія задачи: тому, кто уже знаетъ алгебру, онѣ не дадутъ ничего новаго, а незнающій врядъ ли уяснитъ себѣ истинное значеніе формулъ вродѣ тѣхъ, какія даны хотя бы на стр. 193, для опредѣленія величины математическаго учета, тѣмъ болѣе, что для ариѳметики, какъ науки, оперирующей исключительно съ числами, это является излишнимъ.

Къ внѣшнимъ недостаткамъ изложенія можно отнести, во-первыхъ, пристрастіе къ многословію, во-вторыхъ, топорность языка; то и дѣло попадаются выраженія: „Все сукно можно разбить на два слагаемыхъ" (стр. 171), „число, которое получается *послѣ нахожденія* отношенія..." (стр. 127) и т. д.

Во всякомъ случаѣ, мы не считаемъ книгу г. Извольскаго украшеніемъ нашей учебной литературы.

Павелъ Вольногорскій. Страницы изъ книги природы. Со многими рисунками въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 руб. 50 коп. Часть II. Ц. 1 р. 75 к. Спб., 1904 г. Это богатое собраніе популярныхъ очерковъ по ботаникѣ и зоологіи, являющееся цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу для юношества. Многіе изъ этихъ очерковъ печатались въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но здѣсь они появляются въ улучшенной обработкѣ, значительно богаче иллюстрированные, сгруппированные въ извѣстной послѣдовательности, а нѣкоторые появляются въ печати впервые. По содержанію можно раздѣлить статьи на двѣ главныхъ категоріи: однѣ писаны, главнымъ образомъ, по литературнымъ источникамъ, являясь талантливой и умѣлой компиляціей, другія—продуктъ болѣе самостоятельнаго творчества, гдѣ личныя наблюденія автора-натуралиста выступаютъ на первый планъ. Таковы статьи: „Весна идетъ", „За городомъ весною", „Наша рѣчка". И здѣсь, конечно, есть много данныхъ, взятыхъ изъ литературы, иначе и быть не можетъ въ популярно-научной статьѣ, но цѣнны здѣсь многочисленныя личныя наблюденія и впечатлѣнія, въ которыхъ сказывается, что авторъ—натуралистъ. Снятыя съ натуры фотографіи изъ жизни нашей средне-русской природы особенно украшаютъ эти статьи. Особенно хороша серія фотографій, иллюстрирующихъ весну: это цѣнный вкладъ въ коллекцію изображеній русской природы, которыми, къ сожалѣнію,

до сихъ поръ такъ бѣдна наша популярно-научная и учебная литература. Матеріалъ, даваемый г. Вольногорскимъ, весьма обширенъ; біологія цвѣтовъ, увяданіе листьевъ, водяныя растенія, монографіи отдѣльныхъ растеній (пассифлора, кувшинки, василекъ, бѣлозоръ), біологія насѣкомыхъ, біологія пауковъ, яйца и гнѣзда птицъ, игры животныхъ, планктонъ—вотъ главныя темы этого сборника, являющагося прекрасной естественно-исторической хрестоматіей. Біографіи двухъ знаменитыхъ натуралистовъ—Бэра и Ценковскаго—прекрасно дополняютъ рядъ естественно-историческихъ темъ. Для юношества весьма важно знакомиться съ выдающимися дѣятелями науки.

Говоря о содержаніи книги, можно отмѣтить, что одинъ изъ вопросовъ, положимъ, весьма важный и интересный, а именно вопросъ объ опыленіи цвѣтовъ насѣкомыми, затрогивается нѣсколько разъ въ разныхъ статьяхъ. Лучше было бы, если бы въ этомъ отношеніи было кое-что сокращено и затронуты другіе вопросы біологіи растеній. Что касается изложенія, то авторъ удачно сочетаетъ большую эрудицію съ легкостью слога, проявляя мѣстами настоящій литературный талантъ, но наряду съ этимъ приходится отмѣтить и нѣкоторое увлеченіе деталями въ статьяхъ монографическаго характера, посвященныхъ отдѣльнымъ цвѣтамъ.

Издана книга товариществомъ „Общественная польза" роскошно: прекрасная бумага, масса хорошихъ рисунковъ и виньетокъ, оригинальная обложка, и при этомъ весьма недорогая цѣна. Книга должна получить самое широкое распространеніе и стать необходимымъ пособіемъ при изученіи „природовѣдѣнія".

Переселеніе насѣкомыхъ въ долинѣ рѣки Жилеппы. Разсказы для дѣтей Э. Кандеза. Съ франц. Е. Шевыревой, подъ ред. Ив. Шевырева. Съ 81 рис. въ текстѣ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Названіе разсказа — зоологическое, въ концѣ сказано, что „если среди нашихъ читателей найдутся такіе, которые, заинтересовавшись приключеніями нашихъ героевъ и переставъ видѣть въ насѣкомыхъ только простыя частицы оживленной матеріи (?), заинтересуются ихъ организаціей и нравами, столь достойными вниманія, то мы не будемъ считать потеряннымъ время, употребленное на написаніе этой книги" и, несмотря на это, разсказъ Кандеза просто сказка, такая же, какъ тысячи другихъ дѣтскихъ сказокъ, а не популярное естественно-историческое сочиненіе въ формѣ разсказа.

Описывать жизнь животныхъ въ полуфантастической формѣ—весьма обычный литературный пріемъ и онъ можетъ считаться вполнѣ допустимымъ для сообщенія нѣкоторыхъ естественно-историческихъ свѣдѣній дѣтямъ младшаго возраста, но при условіи, если сохранены безъ искаженія характерныя особенности описываемыхъ животныхъ, т.-е. именно то, ради чего предпринята популяризація. Не то у г. Кандеза. Онъ ставитъ своихъ насѣкомыхъ на заднія ножки, въ переднія даетъ имъ тросточки, зонтики, книги, гитары, смотря по надобности, а среднія ножки—среднія просто упраздняетъ за ненадобностью. Итакъ, передъ юнымъ читателемъ фигурируютъ четырехногія насѣкомыя. На головѣ у нихъ шляпы самыхъ разнообразныхъ фасоновъ, смотря по полу, званію и роду занятій. Эти фигурки очень мило набросаны невѣдомымъ рисовальщикомъ, но, надѣемся, никто не станетъ отстаивать за ними значенія въ дѣлѣ популяризаціи зоологіи. Каковы фантастическія фигурки, такова и „біологія" ихъ. Онѣ говорятъ съ каѳедры, рѣшаютъ вопросы баллотировкой, читаютъ съ очками на носу при свѣтѣ лампы сводъ зако-

(обычныхъ, людскихъ), отыскивая тамъ нужныя статьи для предъявленія иска къ людямъ, играютъ на гитарахъ и мандолинахъ и т. п. А между тѣмъ, сколько занимательнаго и поучительнаго можно было бы сообщить о жизни насѣкомыхъ даже въ формѣ разсказа, гдѣ эти насѣкомыя разговариваютъ между собою и думаютъ нѣсколько по-человѣчески. Авторъ нарушаетъ правду природы даже тамъ, гдѣ это вовсе не нужно: жаба у него квакаетъ (стр. 153), тогда какъ извѣстно, что жабы лишены этой способности, землеройка идетъ на заднихъ лапкахъ и несетъ похищенное насѣкомое на спинѣ, какъ носильщикъ мѣшокъ, жукъ „водолюбъ" все время пребываетъ на сушѣ и пр., и пр. Прочитавъ книгу, юный читатель не получитъ изъ самаго хода разсказа *никакихъ* свѣдѣній по біологіи насѣкомыхъ; чтобы помочь этому, авторъ прибѣгаетъ къ оригинальному пріему: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствующія лица разсказа поучаютъ своихъ товарищей, сообщая имъ отрывки изъ „настоящей" біологіи. Но, право, это крайне неудачный пріемъ и притомъ количество такихъ отрывковъ весьма невелико и это именно отрывки, а не что иное.

Особенно вредно въ педагогическомъ отношеніи то мѣсто, гдѣ описывается, какъ одинъ изъ жуковъ, героевъ разсказа, былъ пойманъ энтомологомъ и посаженъ на булавку. Описаніе жестокостей и мученій вообще крайне вредно дѣйствуетъ на дѣтей, а здѣсь еще крайне вредна та клевета, которая возводится на энтомологовъ: никогда они не накалываютъ жуковъ или иныхъ насѣкомыхъ живыми на булавки, а, наоборотъ, употребляютъ для ихъ умерщвленія ціанистый кали, спиртъ, хлороформъ, эѳиръ, доводя мгновенія умиранія до минимума. Зачѣмъ же забивать головы дѣтей нелѣпыми фантазіями, да къ тому же раздражать ихъ воображеніе сценами мученій? Во Франціи есть энтомологъ E. Candèze, спеціалистъ по систематикѣ жуковъ-щелкуновъ (*Elateridae*). Если это именно онъ авторъ разбираемой сказки, то мы особенно удивляемся. Удивляемся и редактору, тоже энтомологу, который не выкинулъ изъ текста инцидента съ живымъ жукомъ на булавкѣ спеціалиста-энтомолога. Если бы не это мѣсто, книжку Кандеза можно бы считать хорошей сказочкой, но отнюдь не популяризаціей зоологіи.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 ноября по 1 декабря 1904 г.

Авиновъ, Н. Опытъ программы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправл. М., 1905 г. Ц. 20 к.
— Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Саратовъ, 1904 г. Ц. 50 к.

Адамовичъ, Н. Подводныя лодки, ихъ устройство и исторія. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Анучинъ, В. И. Сибирскія легенды. Вѣчный скиталецъ Токмакъ. Ц. 5 к. Уважили. Разсказъ. Ц. 2 к. Спб.

Анютинъ, Анатолій. Крылья. М., 1905 г. Ц. 5 к.

Аренсъ, Е. И. Русскій флотъ. Историческій очеркъ. Спб., 1904 г. Ц. 20 к.

Арнольдъ, В. Ф. Политико-экономическіе этюды. Одесса, 1904 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ, К. Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Законодательство о печати. Спб., 1903 г.

Ачкасовъ, Алексѣй. „Повѣяло весною". Рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго и толки о немъ прессы. М., 1904 г.

Барельефъ. Портреты русскихъ писателей. Вып. I. Изданіе Гринбергъ. Ростовъ на/Д.

Блокъ, А. Стихи о прекрасной дамѣ. М., 1905 г. Ц. 1 р.

Болквадзе, М. Г. Исповѣдь адвоката. Изд. 2-е. Кіевъ, 1904 г. Ц. 60 к.

Борисякъ. А. Курсъ палеонтологіи. Ч. I. Безпозвоночныя. М., 1905 годъ. Ц. 2 р. 40 к.

Брикманъ, И. М. Изслѣдованіе глиняной глазиров. свинцомъ посуды въ санитарн. отношеніи. Юрьевъ, 1904 г.

Борхандъ, Бруно, д-ръ. Въ началѣ столѣтія. Культурныя завоеванія XIX вѣка. Пер. съ нѣм. Бернштейнъ. М., 1905 г.

Брюнелли, Павелъ. Легенды и настроенія. Издано съ соблюденіемъ правилъ новаго правописанія, примѣнительно къ руководящимъ указаніямъ „Предварительнаго сообщенія ореографической подкоммиссіи".

Бугле. Эгалитаризмъ. (Идея равенства.) Соціологическій этюдъ. Пер. съ франц. подъ редакц. Брусиловскаго. Одесса, 1904 г. Ц. 50 к.

Бѣлый, Андрей. Возвратъ. III симфонія. М., 1905 г. Ц. 1 р.

Бѣлявинъ, Л. П. Начальный курсъ физики и механики. Спб., 1904 г.

Българска Сбирка. Излазя подъ редакцията на Стефана с. Бобчевъ. XI, 9. София.

Вандервельде, Эмиль. Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Пер. съ франц. Стеклова. Одесса, 1904 г. Ц. 80 к.

Волковъ, Н. П. Джорджъ Генри Льюисъ. Біограф. очеркъ съ его портретомъ. Владикавказъ, 1904 г. Ц. 15 к.

Врачебная хроника Харьковской губ. Годъ 8-й. Харьковъ, 1904 г.

Гессенъ, I. Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Судебная реформа. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Главнѣйшія предварительн. данныя переписи г. Москвы 31 января 1902 года. Вып. IV. М., 1904 г.

Гливенко, И. Типы героевъ въ литературѣ. Кіевъ, 1904 г.

Глѣбовъ, М. В. Сибирь. Стихотворенія. Изд. 2-е П. Ф. Плещеева, издателя газеты „Семипалатинскій Листокъ". Семипалатинскъ, 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гогель, С. Н. Судебные уставы 1864 г. Спб., 1904 г.

Гомилевскій, В. Воздѣлываніе [illegible] вареннаго ячменя. Въ видахъ [illegible]

за границу Имперіи (экспорта). Кіевъ, 1904 г.

Гредескулъ, Н. Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. Харьковъ, 1905 г.

Грушевскій, проф. Очерки исторіи украинскаго народа. Спб., 1904 годъ. Ц. 2 р.

Де-Виннъ, Ог. Среди фламандскихъ рабочихъ. Пер. съ франц. Кочетковой. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Dorn, Franz. Лѣченіе фосфоромъ съ болѣе подробными обозрѣніями дѣйствія протимена „Roche" при рахитѣ и скрофулезѣ. Спб., 1904 г.

Дорофеевъ, Г. К. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Варшава, 1904 г.

Ж., Владиміръ. Бѣдная Шарлота. Поэма. Спб., 1904 г. Ц. 5 к.

Зѣлинскій, Ѳ. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб., 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановскій, А. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстія московской городской думы. Октябрь 1904 г. Отдѣлъ общій. № 19. М., 1904 г.

Капустинъ, М. Я., проф. Образованіе и здоровье. Актовая рѣчь въ Императорскомъ казанскомъ университетѣ 5 ноября 1904 г. Казань, 1904 г.

Каутскій, К. Изъ исторіи общест. теченій. Пер. Леонтьевыхъ. Спб., 1905 г. Ц. 2 р.

Клоссовскій, А. Символы элементарной математики. Одесса, 1905 г.

— Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигіеной. Одесса, 1904 г.

— Каѳедра физической географіи въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ 1880—1904 гг. Одесса, 1905 г.

Комаровъ, С. Японскіе студенты. М., 1905 г. Ц. 50 к.

Коссинскій, Ф. М., баронъ. Состояніе русскаго флота въ 1904 году. Спб., 1904 г. Ц. 10 к.

Косинскій, В. А., проф. Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса, 1904 г.

Костомаровъ, Н. И. Собр. сочин. Книга 4-я. Т. IX—XI. Богданъ Хмѣльницкій. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Костычевъ, проф. Почва, ея обработка и удобреніе. Изд. 2-е. М., 1905 г. Ц. 1 р.

Кофодъ, А. А. Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству. Спб., 1904 г.

Кр—инъ, К. Взаимопомощь среди животныхъ и людей, Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Leger, L. Turcs et grecs. Paris, 1904 г.

Ленау, Н. Фаустъ. Поэма. Перев. съ нѣмецкаго А. Анютина. Спб., 1904 г. Ц. 80 к.

Линева, Е. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Вып. I. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Лоренцъ, Г. Лекціи. Видимыя и невидимыя движенія. Перев. Шпенцеръ. Одесса, 1904 г. Ц. 50 к.

Лубенецъ, Т. Программы предметовъ, преподаваемыхъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Кіевъ, 1905 г. Ц. 25 к.

Лукьянская. Романъ по Сенкевичу. Дочь лигійскаго царя или изъ царства тьмы къ царству свѣта. М., 1904 г.

Лѣтопись войны съ Японіей въ лѣто отъ Рождества Христова 1904 г., отъ сотворенія міра 7412 г.

Манасеинъ, М. П. Матеріалы къ 100-лѣтн. юбилею казанск. университета,

Мануиловъ, А. Очерки по крестьянскому вопросу. Вып. II. Изд. Горшкова. М., 1905 г. Ц. 1 р. 75 к.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губерніи. Вып. V.—Техника полеводства. Ч. I.—Крестьянское хозяйство. Вып. IV.—Распредѣленіе полевыхъ культуръ. Саратовъ, 1904 г.

Михайловъ-Стоянъ, К. Къ столѣтнему юбилею М. И. Глинки. Два генія. Двѣ сестры. Петроградъ, 1904 г.

— Еврей Ивановъ 20 лѣтъ на цѣпи. Петроградъ, 1904 г.

— Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Руководство къ быстрому достиженію правильнаго и хорошаго пѣнія. Изд. 3-е. Спб., 1904 г.

Моррисъ, Джонъ. Молодая Японія. Пер. съ англ. Чудновской. Одесса, 1905 г. Ц. 75 к.

Научный архивъ виленской окружной лѣчебницы. №№ 3 и 4. Вильна, 1904 г.

Некрасовъ, П. А. Московская философско-математическая школа и ея основатели. М., 1904 г.

Новая библіотека. *Кобринская, Н.* Якимъ Мочукъ. Ц. 8 к. *Сѣверовъ, Н.* Шербекскіе выборы. Разсказъ. Ц. 50 к. Спб.

Новыя данныя о примѣненіи тигенола „Roche" въ дерматологіи и гинекологіи. Спб., 1904 г.

Общедоступная библіотека Горбунова-Посадова. *Ельманова, Е.* Мой цвѣтникъ. Вып. II. Ц. 10 к. Наши комнатныя растенія. Ц. 10 к. 1905 г. Какъ дѣлать самодѣльныя крестьянскія вѣялки и молотилки. Ц. 6 к. М., 1904 г.

Общій очеркъ дѣятельности московск. городск. обществ. управл., вызван. событіями на Дальнемъ Востокѣ. Вып. I и II. М., 1904 г.

Оствальдъ, В. Школа химіи. Часть общая. Пер. съ нѣм. подъ редакц. Писаржевскаго. Одесса, 1904 г. Ц. 60 к.

Островскій, А. Н. Воевода (Сонъ на Волгѣ). На бойкомъ мѣстѣ. Пучина. Дмитрій Самозванецъ и В. Шуйскій. Съ примѣчаніями. Т. V. Подъ редакц. Писарева. Спб.

Отчетъ о дѣятельности статистическаго отдѣленія уфимской губерн. земск. управы съ 1 января по 1 ноября 1904 г. Уфа, 1904 г.

Отчетъ о состояніи ремесленной общественной библіотеки за 1903 г. Ромны, 1904 г.

Очеркъ дѣятельности тверского губернскаго земства по содѣйствію развитію экономическ. населенія 1866—1903 гг. М., 1904 г. Ц. 50 к.

Педагогическая мысль. Изданіе коллегіи Павла Галагана. Подъ редакц. Сикорскаго и Гливенко. Вып. I. Кіевъ, 1904 г.

Политическія и экономическія задачи Японіи. *Франке.* Къ чему стремится Японія. *Качеръ.* Экономич. и соціальн. политика Японіи. Харьковъ, 1905 годъ. Ц. 25 к.

Полный сводъ рѣшеній гражд. кассаціон. департ. прав. сената за 1875 г. № 891—1092, за 1876 г. № 1—44. (36 полут.), за 1876 г. № 44—291. (37 полут.), за 1876 г. № 291—532. (38 полут.), за 1890 г. (№№ 80—130) за 1891 г., за 1892 г. (№№ 1—25). (54 полут.), за 1892 г. (№№ 25—125), за 1893 г. (№№ 1—112), (55 полут.), за 1894 г. (№№ 1—118), за 1895 г. (№№ 1—90). (56 полут.), Екатеринославъ, 1904 г.

Попова, О. Н. Годъ на материкѣ южнаго полюса. Спб. Ц. 30 к.

Поповъ, Е. И. Плодовое садоводство. Вып. I. Домашній формовый (кордонный) садъ. Ц. 60 к. Вып. II. Кустовый, плодовый и ягодный садъ. М., 1905 г. Ц. 15 к.

Порошинъ, Ив. (Бѣлозерскій). Кусокъ хлѣба и др. разсказы. Т. IV. Спб. Ц. 1 р.

— На разсвѣтѣ и друг. разсказы. Т. V. Спб. Ц. 1 р.

Потѣхинъ, А. Молодые побѣги. Романъ. Т. VII. Спб.

Приложеніе къ докладу волчанской уѣздной земской управы. Харьковъ, 1904 г.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Изд. 3-е исправленное и дополненное. М., 1904 годъ. Ц. 45 к.

Профессоръ Александръ Евгеніевичъ Назимовъ. Біографія и воспоминанія подъ редакціей И. А. Линниченко. Одесса, 1904 г.

Пругавинъ, А. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. М., 1905 г. Ц. 60 к.

Разсказы о родной странѣ и ея обитателяхъ. *Оно, Е. Э.* Очерки. Въ странѣ скалъ и озеръ. Финны. Ц. 10 к. Въ степяхъ и садахъ Украйны. Малороссы. Ц. 6 к. Среди знойныхъ пустынь и широкихъ степей. Народы Туркестана. Ц. 10 к. У ледовитаго океана. Самоѣды. Ц. 5 к. За уральскимъ хребтомъ. Инородцы Сибири. Ц. 10 к. Въ болотахъ полѣсья. Бѣлоруссы. Ц. 5 к. Потомки золотой орды. Татары. Ц. 5 к. На русскомъ привольѣ. Великороссы. Ц. 13 к. Чудный края и его жител. Кавказъ. Ц. 13 к. На западной окраинѣ. Поляки и литовцы. Ц. 6 к. Спб.

Риманъ, Г. Музыкальный словарь. Вып. XIX.

Рихарцъ, Ф. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Пер. Шутинскаго. Одесса, 1905 г. Ц. 50 к.

Русскія былины. Богатыри кіевскіе. Вып. I. Ц. 30 к. Удальцы новгородскіе. Вып. II. М., 1904 г. Ц. 20 к.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VIII. Опредѣл. доходныхъ земельныхъ угодій. Уфа, 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результ. и главн. оборот. по казенной продажѣ питей за 1903 г. Спб., 1904 г.

Смирновъ, Н. Разсказы. Спб. Ц. 60 к.

Сологубъ, Ѳедоръ. Книга сказокъ. М., 1905 г. Ц. 80 к.

Статистико - эконом. обзоръ по Елисаветградскому уѣзду, Херсонской губ. за 1903 г. Елисаветградъ, 1904 г.

Стечькинъ, Н. Максимъ Горькій, его творчество и значеніе въ исторіи русской словесности. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Сухановъ, С. А. Семіотика и діагностика душевн. болѣзней. Часть 2-я. М., 1905 г. Ц. 1 р.

Сѣверцевъ (Полиловъ). Кому лучше? Романъ. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.

Тагѣевъ-Рустамъ-Бекъ. Черезъ Алай и Памиръ. Очерки путешест. по Памиру. М., 1905 г. Ц. 15 к.

Таргонскій, В. А. Сборникъ свѣдѣній для опредѣленія убытковъ, причиняемыхъ культурнымъ растеніямъ. М., 1904 г. Ц. 2 р.

Тихомировъ, Д. И. Державный вождь земли русской Императоръ Петръ Великій. М., 1905 г. Ц. 60 к.

Treadwell, F. Курсъ аналитической химіи. Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Подъ редакц. проф. Писаржевскаго. Одесса. 1904 г. Ц. 2 р. 25 к.

Трубецкая, О., кн. Князь В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи. Т. I, книга 2-я. М., 1904 г. Ц. 3 р.

Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX вѣка. Изд. 2-е. Спб., 1904 г. Ц. 5 р. 50 к.

Фрейбергъ, И., и Шульженко. Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орловск. губерніи, Карачевскій уѣздъ. Вып. I. Почвы. Орелъ, 1904 г.

Хмѣлевскій, д-ръ. Патологія [illegible]

элементъ въ личности и творчествѣ Фридриха Ницше. Кіевъ, 1904 г.

Человѣческая жизнь. Ежемѣсячный журналъ. Книжка 1-я. Январь, 1905 годъ. Спб., 1905 г.

Чернышевъ, В. Гоненія на христіанъ въ римской имперіи. Спб., 1903 г. Ц. 50 к.

Шапиръ, Ольга. Инвалиды и новобранцы. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.

Школьная библіотека. Ник. Вас. Гоголь. *Львовъ, Владиміръ.* Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ бакинскихъ промысловъ. Ц. 20 к. *Его же.* Падающія звѣзды и кометы. Очеркъ. Ц. 15 к. *Львовъ, Василій.* Куница и соболь. Очеркъ. Ц. 10 к. Въ неволѣ у туркменъ и хивинцевъ. Разсказъ. Пер. съ малороссійск. Ц. 10 к. М., 1904 г.

Шидловскій, К. Краткій обзоръ главн. остро-заразныхъ заболѣваній въ 19-ти губерн. земской Россіи за 1902 годъ. М., 1904 г.

Шмейль, О. Человѣкъ, животныя и растенія. Вып. I. Животн. и растенія. Вып. II. Человѣкъ. М., 1905 г.

— Животныя основы ученія о жизни и строеніи животныхъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Энпе (Поповъ, Н. Е.). Въ мірѣ отверженныхъ. М., 1904 г. Ц. 60 к.

Яворская, П. Стихотворенія. Кіевъ, 1904 г.

— Марына. (Поэма.) Кіевъ, 1904 г.

— Вирши Украиньски. Кіевъ, 1904 г.

Яковенко, Е. Земская санитарная организація въ Херсон. губер., задачи и средства земства въ борьбѣ съ эпидеміями. Херсонъ, 1904 г.

1904 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV. Спб., 1904 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1904 г.

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1904 годъ.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1904 годъ.

РЕЛИГІЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

ИСТОРIЯ. — ИСТОРIЯ ЛИТЕРАТУРЫ.—АРХЕОЛОГIЯ.—БIОГРАФIИ.—МЕМУАРЫ.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Авчинникова, В. В. Проституція и проф. В. М. Тарновскій. Кн. VIII, стр. 251.
Амфитеатровъ, А. В. Въ моихъ скитаньяхъ. Кн. I, стр. 3.
— Литературный альбомъ. Кн. VII, стр. 210.
Бальмонтъ, К. Д. Горныя вершины. Сборникъ статей. Книга первая. Кн. X, стр. 328.
Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ примѣч. С. А. Венгерова. Т. VII. Кн. IX, стр. 281.
Вейлерзе, Г. Японія въ наши дни. Кн. VIII, стр. 258.
Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. Т. VI. Кн. IX, стр. 282.
Волынскій, А. Л. Книга великаго гнѣва. Кн. X, стр. 325.
Да-Коста, М. Націонализмъ въ германской средней школѣ. Кн. XI, стр. 367.
Земство Курской губерніи. Выставка по народному образованію, устроенная курскимъ губ. земствомъ лѣтомъ 1902 г. Кн. X, стр. 335.
Карѣевъ, Н. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 8-е. Кн. VIII, стр. 250.
Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Земство и деревня. Кн. VII, стр. 215.
Лемке, М. Эпоха цензурныхъ реформъ. Кн. VII, стр. 212.
Линдъ, В. Н. Учить ли мужика или у него учиться. Кн. VI, стр. 189.
Личковъ, Л. С. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кн. IV, стр. 123.
Лукинъ, А. П. (*Скромный наблюдатель.*) Кавказскіе курорты и ихъ переустройство „по системѣ“ В. В. Хвощинскаго. Кн. X, стр. 332.
Ляцкій, Е. А. И. А. Гончаровъ. Критическіе очерки. Кн. IX, стр. 282.
Михуевъ, П. Г. Соціологическіе этюды. Кн. VII, стр. 213.
Молль, А., д-ръ. Врачебная этика. Пер. д-ра Я. И. Левенсона. Кн. I, стр. 4.
Де-Морсье, А. Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Перев. Эльтъ. Кн. VIII, стр. 250.
Н. К. Помяловскій и Горькій. Критическая параллель. Изд. „Наука и жизнь“. Кн. III, стр. 83.
Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Т. I. Кн. IX, стр. 287.
Обзоръ дѣятельности рязанскаго уѣзднаго земства по народному образованію за время 1865—1900 гг. Состав. Субботинъ и Флеровъ. Кн. III, стр. 85.
Орисонъ Светъ Марденъ. Пробивайтесь впередъ! Кн. X, стр. 330.
Отчетъ общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ Акмолинской Обл. за 1902 г. Кн. III, стр. 86.
Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1903 г. Кн. VIII, стр. 251.
Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы“ въ Н.-Новгородѣ за 1903 г. Кн. X, стр. 339.
Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. Под. ред. журн. „Образованіе“. Кн. III, стр. 84.
Профессоръ-идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти проф. П. С. Климентова. Кн. IV, стр. 123.
Рапопортъ, С. Дѣловая Англія. Кн. V, стр. 151.
О'Релль, Максъ. Правда о женщинѣ. Пер. д'Андре. Кн. X, стр. 331.
Скальковскій, К. Новая книга. Кн. IV, стр. 122.
Стасовъ, Влад. Венеціанскій купецъ Шекспира. Кн. VII, стр. 211.
Чебышева-Дмитріева, Е. А. Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Кн. X, стр. 332.
Шульце, Э., д-ръ. Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни. Кн. I, стр. 4.
Ярославское губернское земство. Очеркъ дѣятельности угличскаго земства по народному образованію (1865—1899 гг.). Состав. К. Е. Ливановъ. Очеркъ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію (1865—1900 гг.). Состав. К. Е. Ливановъ. Кн. X, стр. 336.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

Алленъ, Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Кн. I, стр. 14.
Бородинъ, Н. Каспійско-волжское рыболовство и его экономическое значеніе. Кн. V, стр. 158.
Вандервельде, Э. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Изд. Горшкова. *Его же.* Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Изд. Скирмунта. Кн. VI, стр. 185.
Веберъ, А. Ростъ городовъ въ XIX стол. Кн. II, стр. 50.
Дамашке, А. Задачи городского хозяйства. Пер. Канеля. Кн. IX, стр. 294.
Джоржъ, Генри. Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Кн. II, стр. 49.
Желѣзновъ, В. Я. Очерки политической экономіи. Изд. 2-е. Кн. III, стр. 93.
Жирновъ, Ѳ. М. Что такое земская страховка и куда она идетъ. Кн. VI, стр. 190.
Колычевъ, А. Рабочіе на пріискахъ Сибири. Кн. VI, стр. 187.

ГЕОГРАФIЯ.—ЭТНОГРАФIЯ.—ПУТЕШЕСТВIЯ.

МЕДИЦИНА.

Постановленія девятаго пироговскаго съѣзда. Кн. VIII, стр. 261.

Рапчевскій, И. Ф. д-ръ. Наставленіе о причинахъ маляріиныхъ заболѣваній и о мѣропріятіяхъ противъ нихъ. Кн. XII, стр. 420.

Розенквистъ, А. И. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. Кн. VI, стр. 192.

Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и на Маріинской системѣ за 1903 г. Кн. VII, стр. 221.

Тарновская, П. Н., врачъ. Женщины-убійцы. Кн. I, стр. 22.

Труды комиссіи по изученію маляріи въ Россіи. Вып. I. Кн. VI, стр. 191.

Труды VIII съѣзда гг. земскихъ врачей и предсѣдателей управъ Воронежской губ. Кн. X, стр. 355.

Фавръ, В. В. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Кн. VI, стр. 192.

Фишеръ-Дюкельманъ, Анна. Женщина — домашній врачъ. Кн. I, стр. 21.

Членовъ, М. А. Великое зло. Кн. VI, стр. 194.

Чертовъ, А. А. Городская медицина въ Европейской Россіи. Сборникъ свѣдѣній объ устройствѣ врачебно-санитарной части въ городахъ. Кн. II, стр. 56.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гомилевскій, В. Черный трюфель и дубовые лѣса юга Россіи. Кн. III, стр. 106.

Дмитріевъ, К. Д., агрономъ. Настоящее и недалекое будущее русскаго хлѣбопашества. Въ руководство тѣмъ, кто страдаетъ отъ недородовъ, задолженности и низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Кн. V, стр. 161.

Дьяковъ, М. (состав.). Производство бакштейна и лимбургскаго сыра. Кн. III, стр. 106.

Ежегодникъ сельско-хозяйственной колоніи при бакинской Императора Александра III мужской гимназіи. Отчетъ за 1900 и 1901 гг. Кн. III, стр. 107.

Елинъ, И. Какъ ухаживать за огородомъ и парниками. Кн. III, стр. 107.

Изборникъ опытной пасѣки Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній въ Измайловскомъ звѣринцѣ. Свитокъ первый. Кн. VII, стр. 221.

Калантаръ, Ав. А. Общедоступное руководство по молочному хозяйству. 2-е изд. Кн. XI, стр. 385.

Клингенъ, И. Агрономическая помощь удѣльнымъ арендаторамъ. Кн. XI, стр. 385.

Лисовскій, И. М. и Шумковъ, И. В. Костеръ безостый. Кн. II, стр 384.

Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Т. VIII. Пшеница.—Селекція. Кн. VII, стр. 220.

Саноцкій, А. С. Основы анатоміи домашнихъ млекопитающихъ. Кн. II, стр. 107.

Тарнани, И. К. Насѣкомыя, вредныя для плодоводства и огородничества въ губ. Царства Польскаго и мѣры борьбы съ этими насѣкомыми. Кн. XII, стр. 419.

Чикаленко, Е. Розмова про сельске хозяйство. 1-та кныжка; 5-та кныжка. Кн. III, стр. 107.

Шумковъ, И. В. 1) Многосѣменная тыква. 2) Посадка арбузовъ. Кн. II, стр. 384.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Анучинъ, В. По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ дѣтей приключеній въ Сибири. Кн. I, стр. 164.

„Библіотечка Ступина“: 1) *Богданов Н. Н.* Бѣлка. 2) *Сысоева В. М.* Звѣри и птицы. Кн. VIII, стр. 262.

Бислей. Разсказы изъ римской исторіи. Пер. С. Невѣдомской. Кн. XI, стр. 421.

Бобинъ, Сергѣй. Краткій курсъ географіи. Ч. I. Кн. II, стр. 58.

Буснахъ, В. Своими силами. (Библіотека „Всходовъ“). Кн. III, стр. 108.

Випперъ, Р. Ю. проф. Учебникъ древней исторіи. 3-е изд. Кн. XI, стр. 424.

Висковатовъ. Сказки бабушки Татьяны. Кн. I, стр. 26.

Вольногорскій, Павелъ. Страницы изъ книги по природы. Ч. I и II. Кн. XII, стр. 427.

Гречушкинъ, С. И. Міръ Божій. Третья и четвертая книги для чтенія въ начальныхъ, двухклассныхъ и воскресныхъ школахъ. Кн. IX, стр. 305.

Гольцевъ, В. А. Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленка. Кн. VIII, стр. 263.

Горностаевъ, Ф. Два ребенка. Разсказъ. Кн. IX, стр. 305.

Гюнтеръ, проф. Вѣкъ великихъ открытій. Кн. I, стр. 26.

Даневская, С. Открытіе Америки. Историч. разсказъ. Кн. XII, стр. [illegible]

Догановичъ, Анна. Вася-горюнъ. Разсказъ для дѣтей. Кн. X, стр. [illegible]

Дорофеевъ, Г. К. Кавказскія ки. Кн. I, стр. 26.

Зауэръ, Ад. д-ръ (состав.) [illegible]ралогическій атласъ. Кн. XII [illegible]

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

ЖУРНАЛЫ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“,** независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ,** а новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.) первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г., получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1905 г. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1905 ГОДЪ

(36-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстрирован.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями

СПЕЦІАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА ТЕАТРѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ: академ. **Н. С. Самокишъ,** художн. **В. А. Табуринъ,** фотографъ **В. К. Булла.**

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 8.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ 10 КНИГЪ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуры и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.). Съ портретомъ автора и „Матеріалами для біографіи“, **К. К. Арсеньева.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. **21 руб.**).

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ОСТАЛЬНЫЯ 30 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

Подъ редакціею и со вступительною статьею **А. М. Скабичевскаго.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. **27 руб.**).

12 КНИГЪ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ рисунк.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1905 годъ, отпечатанный въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.** съ доставкой — **7 р. 50 к.** Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р. За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

☞ Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 20 книгъ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА за 1904 г.,** доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ 2 р. 75 коп.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—3 руб. ☜

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., собств. д.

4

XII годъ изд. **Открыта подписка на 1905 г.** XII годъ изд.

на иллюстрированную ежедневную, кромѣ дней послѣ праздниковъ, общедоступную газету

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ 1905 году редакціей попрежнему будетъ обращено особенное вниманіе на возможно полное и разностороннее ознакомленіе своихъ читателей съ жизнью Сибири и на выясненіе ея нуждъ и экономическаго и умственнаго роста. Согласно такой задачѣ статьи и замѣтки, имѣющія своимъ предметомъ прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденціи изъ разныхъ концовъ Сибири и „Хроника Сибири“ будутъ составлять главные и основные отдѣлы газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ ежедневно получаемыхъ телеграммъ и въ постоянныхъ отдѣлахъ газеты „Русская Жизнь“ и „Заграничная хроника“ читатели „Сибирской Жизни“ будутъ своевременно ознакомляемы со всѣми болѣе крупными явленіями въ области государственной и общественной дѣятельности, науки и искусства какъ остальной части нашего обширнаго отечества, такъ и другихъ государствъ.

По воскреснымъ днямъ въ газетѣ, а при обиліи матеріала—въ особомъ приложеніи, даются иллюстраціи, относящіяся къ этнографіи и исторіи Сибири, къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ и къ выдающимся явленіямъ русской и иностранной жизни.

Кромѣ лицъ, принимающихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ, любезно обѣщали продолжать свое сотрудничество и въ будущемъ году нѣкоторые профессора Томскаго университета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ перес. въ другіе города.	5 „	4 „ — „	3 „ — „	50 „
Съ пересылкой за границу.	9 „	7 „ — „	5 „ — „	1 „

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе свои требованія адресуютъ: *въ г. Томскъ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“*.

Издатель П. Макушинъ. **Редакторы: П. Макушинъ, А. Макушинъ.**

Съ 1 сентября сего года

ВЪ ГОРОДѢ КОВНѢ НАЧНЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„КОВЕНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“.

Подписная цѣна на годъ (съ 1 сентября 1904 г. по 1 сентября 1905 г.) съ доставкой—5 руб., съ пересылкой—6 руб.

Плата за объявленія: за строчку петита или занимаемое ею мѣсто: на первой страницѣ—25 коп., на послѣдней страницѣ—15 коп.

Подписка на газету и объявленія принимаются въ конторѣ „Ковенскаго Телеграфа, Ковна, Б. Садовая, ул., д. № 63.

Редакторъ-издатель **Ю. М. Блюменталь.**

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„ географіи.
Проф. Н. И. Карѣева	„ исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . } Проф. В. Т. Шевякова . . . . . }	„ біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„ химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„ сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„ музыки.
А. И. Сомова	„ изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 81-й полутомъ.

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся наличо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Товар. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., с. д.

